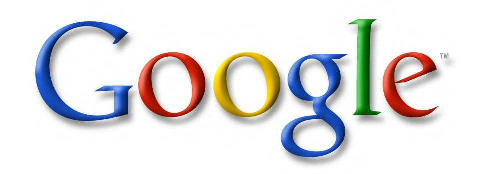

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЪ ОЧЕРКАХЪ И БІОГРАФІЯХЪ.

Polevoi, Petr Nikolaevich.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ВЪ ОЧЕРКАХЪ И БІОГРАФІЯХЪ.

(862 – 1852).

сочиненіе

П. ПОЛЕВОГО.

История писателей есть существенная часть истории Словесности.
Митрополитъ Евгеній.

ГРАВЮРЫ ИСПОЛНЕНЫ Л. СѢРЯКОВЫМЪ

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.
1872.

Дозволено Цензурою С.-Пб. 1 Ноября 1871 г

ТИПОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, НА УГЛУ НЕВСК. И ВЛАДИМІРСК. ПРОСП., Д. № 15—1.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Чѣмъ глубже проникаетъ просвѣщеніе въ массу общества, чѣмъ шире оно въ ней распространяется, тѣмъ осязательнѣе начинаетъ проявляться въ обществѣ стремленіе къ подробному и многостороннему изученіе своего прошлаго. Въ кругу этого изученія весьма видное мѣсто должно, конечно, принадлежать отечественной литературѣ, какъ полнѣйшему выраженію духовной и нравственной жизни предшествовавшихъ намъ поколѣній. Но для того, чтобы общество могло разумно и съ любовью заняться изученіемъ отечественной литературы, какъ намъ кажется, еще недостаточно того, что у насъ уже есть нѣсколько хорошихъ общихъ курсовъ, излагающихъ въ извѣстной системѣ факты исторіи древней и новой русской словесности; недостаточно и того, что у насъ въ послѣднее время явилось довольно много изрядныхъ учебниковъ, несомнѣнно полезныхъ и учащимъ, и учащимся. Для того, чтобы сдѣлать исторію литературы доступною всей массѣ образованнаго большинства, необходима, по нашему мнѣнію, книга, которая бы не имѣла ничего общаго съ учебникомъ или учебнымъ пособіемъ, которая бы и предназначалось не для изученія, а для чтенія. Такая исторія литературы, конечно, и по внутреннему содержанію, и по изложенію, и даже по внѣшности своей должна положительно отличаться отъ класснаго учебника или даже отъ высшаго курса по тому же предмету. По отношенію къ содержанію, въ ней должно быть собрано съ возможною полнотою все, что можетъ и должно привлекать въ исторіи отечественной литературы вниманіе каждаго просвѣщеннаго человѣка; по отношенію къ изложенію должно требовать прежде всего простоты и доступности, и, сверхъ того, устраненія всякихъ частностей и мелочей, утомляющихъ читателя и нарушающихъ цѣльность впечатлѣнія, выносимаго изъ описанія извѣстной эпохи или характера. Наконецъ, по отношенію къ внѣшности такой исторіи литературы, нельзя не пожелать, чтобы она была какъ можно болѣе изящною и въ свою очередь помогала наглядности ознакомленія читателя съ тѣми лицами, произведеніями и эпохами, о которыхъ идетъ рѣчь въ книгѣ, то предлагая ему снимокъ съ древней рукописи, то портреты авторовъ, то виды мѣстностей, замѣчательныхъ въ историко-литературномъ отношеніи, то знакомя его съ тою обстановкою, среди которой жили и дѣйствовали важнѣйшіе изъ нашихъ литературныхъ дѣятелей.

Англія показала уже намъ образецъ такой исторіи литературы въ прекрасной и объемистой книгѣ Чэмберса (Энциклопедія Англійской литературы); Германія, такъ искусно и добросовѣстно умѣющая перенимать отъ своихъ сосѣдей все полезное и прекрасное, давно уже выразила полное сочувствіе къ труду Чэмберса, въ видѣ многотомной «Исторіи нѣмецкой Литературы», Курца, одинаково замѣчательной и въ ученомъ, и въ художественномъ отношеніи. Сознавая вполнѣ значеніе и пользу подобной художественной исторіи литературы, какъ доставляющей возможность каждому легко и удобно пріобрѣсти такія свѣдѣнія по отечественной литературѣ, которыя могутъ быть названы необходимымъ

вкладомъ въ образованіе каждаго просвѣщеннаго русскаго человѣка, я давно уже помышлялъ о возможности составить и въ области Русской литературы нѣчто подобное трудамъ Чэмберса и Курца. Года три тому назадъ, планъ *Исторіи Русской Литературы въ очеркахъ и біографіяхъ* былъ мною окончательно составленъ. На основаніи довольно многосторонняго опыта, я успѣлъ составить себѣ довольно полное и ясное представленіе о томъ, что должно было входить въ составъ той общедоступной Исторіи Русской Литературы, въ изложеніи которой мнѣ хотѣлось подражать трудамъ Чэмберса и Курца. Подражаніе этимъ образцамъ могло бы, конечно, назваться удачнымъ только въ томъ случаѣ, если бы не только по внутреннему содержанію и плану, но и по внѣшности, задуманная мною Исторія Русской Литературы могла напоминать вышеуказанные мною труды западныхъ ученыхъ, труды, въ которыхъ внѣшняя сторона книги служитъ необходимымъ художественнымъ дополненіемъ къ характеристикамъ лицъ и эпохъ, помѣщеннымъ въ біографіяхъ...

Но этотъ широко-задуманный планъ моей исторіи литературы долженъ былъ бы, конечно, остаться неисполненнымъ, если бы одинъ изъ добрыхъ пріятелей моихъ не отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ моему труду и не доставилъ мнѣ полной возможности закончить его и напечатать въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является въ свѣтъ. Вспоминая объ этомъ съ глубокою признательностью, не могу не изъявить здѣсь же моей самой искренней благодарности всѣмъ тѣмъ, кто трудомъ своимъ и совѣтомъ помогалъ мнѣ и ободрялъ меня при выполненіи моей трудной задачи—въ особенности *П. Н. Петрову* [1]) и *А. Е. Полевому*.

Разставаясь съ трудомъ, который занималъ насъ три года, мы конечно не можемъ не видѣть въ немъ многихъ пробѣловъ, не сознавать его несовершенства; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ насъ живетъ сознаніе того, что мы не пожалѣли труда и усилій для добросовѣстнаго выполненія нашей задачи.. Остальное довершитъ безпристрастная критика, которой мы будемъ признательны за всякое указаніе и поправку.

26-го Октября, 1871.
Санктъ-Петербургъ.

П. Полевой.

[1]) П. Н. Петрову особенно обязаны мы за подъискание и доставленіе намъ матерьяловъ для художественной стороны нашего труда, а также и за подробныя объясненія, приложенныя имъ къ описанію рисунковъ (см. стр. IX и слѣд.).

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Приступая къ изложенію «Русской Литературы» въ видѣ «Очерковъ и біографій», мы ограничились только обзоромъ письменныхъ памятниковъ, и лишь мимоходомъ, мѣстами, коснулись произведеній словесности устной, не посвящая ей особаго отдѣла, потому что, при современномъ состояніи разработки нашей устной словесности, мы видѣли себя въ полнѣйшей невозможности изложить этотъ отдѣлъ въ той же сжатой и доступной формѣ, какую мы придали всѣмъ остальнымъ отдѣламъ нашей книги.

Въ замѣнъ этого, весьма существеннаго пробѣла нашей книги, мы обратили особенное вниманіе при изложеніи древняго періода нашей литературы на то, чтобы каждому изъ нашихъ читателей доставить возможность *непосредственнаго* знакомства съ памятниками. Кромѣ отрывковъ, помѣщенныхъ въ текстѣ главъ, въ приложеніи къ главамъ приведены были нами образцы такихъ литературныхъ родовъ и видовъ, о которыхъ современная литература не можетъ дать намъ понятія:— поученія и посланія, апокрифы, духовные стихи и сказанія, житія и старинныя повѣсти. Мы привели всѣ памятники нашей старинной литературы *въ переводѣ*, кромѣ тѣхъ, однакоже, которыхъ языкъ можетъ быть вполнѣ доступенъ каждому и въ настоящее время.

При изложеніи новѣйшаго періода литературы, начиная съ Петровскаго времени, мы ограничились только важнѣйшими дѣятелями литературными. При этомъ, мы старались какъ можно болѣе заставить говорить самыя лица, съ которыми предстояло познакомить читателя: ихъ сочиненія, ихъ собственныя авто-біографическія замѣтки и письма, а также и тѣ живыя, яркія черты, которыя могли быть заимствованы нами изъ современныхъ мемуаровъ и свидѣтельствъ—вотъ что̀, главнѣйшимъ образомъ, составляло матерьялъ для нашихъ біографій.

Литературу XVIII вѣка мы рѣшились подраздѣлить только на два періода: *эпоху преобразованій*, въ теченіе которой въ нашемъ обществѣ и литературѣ преобладали идеи, положенныя Петромъ Великимъ въ основаніе его громадной реформы, и *вѣкъ Екатерины*, когда и общество, и литература наша подчинились французскому вліянію, такъ ясно выразившемуся въ *Наказѣ*. На основаніи такого раздѣленія, Ломоносовъ явился у насъ не во главѣ періода, будто-бы открываемаго имъ, а напротивъ того, въ концѣ періода, которымъ онъ самъ былъ произведенъ и вызванъ къ жизни. Такой порядокъ изложенія казался намъ болѣе согласнымъ съ историческою послѣдовательностью, недопускающею никакихъ прыжковъ и перерывовъ, тѣсно связывающею предъидущее съ послѣдующимъ въ общемъ, непрерывномъ теченіи событій...

Не можемъ не замѣтить, въ дополненіе къ вышеизложенному, что печатанье книги, по разнымъ обстоятельствамъ, продолжалось слишкомъ годъ и три мѣсяца, вслѣдствіе чего мы и не имѣли возможности воспользоваться для нѣкоторыхъ отдѣловъ нашей книги тѣми матерьялами, которыми исторія нашей литературы обогатилась въ послѣднiй годъ.

Въ заключеніе, долгомъ считаемъ добавить, что изъ числа *сорока двухъ* главъ, составляющихъ нашу книгу, *четыре* главы, — а именно: XXIV, XXXVIII, XL и XLI — написаны были не нами. Первая изъ этихъ главъ принадлежитъ перу спеціалиста, много лѣтъ посвятившаго изученію сочиненій и біографіи Тредіаковскаго; три остальныя главы написаны были, по просьбѣ нашей, для настоящаго труда другимъ лицомъ близко знакомымъ съ нашею литературою тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

По фотографіи съ гравированнаго панорамическаго вида Васильевскаго острова, принадлежащаго къ большому плану Петербурга, составленному въ 1752 году.

27) И. И. Шуваловъ 377

По фотографіи съ современнаго портрета, писаннаго Рокотовымъ, принадлежащаго Академіи Художествъ.

28) Могила Ломоносова въ Александро-Невской лаврѣ 381

Памятникъ на могилѣ Ломоносова сооруженъ почитателемъ его, графомъ М. Л. Воронцовымъ, который его заказывалъ въ Каррарѣ, во время своего предсмертнаго путешествія по Италіи, с ...льпторуПьетроМедичи.

Фотографія этого замѣчательнаго памятника была для нашего изданія снята съ натуры, и въ *первый разъ* является въ настоящемъ видѣ въ печать.

29) Памятникъ Ломоносова въ Архангельскѣ 390

Фотографія снята съ гравюры, приложенной къ академическому изданію сочиненій Ломоносова in 4°. Самый памятникъ исполненъ былъ скульпторомъ Мартосомъ.

30) Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ 300

Фотографія снята съ гравюры, составляющей часть того же плана, о которомъ уже упомянуто выше, подъ № 26.

31) Сумароковъ. 306

Снятъ съ портрета, подареннаго самимъ поэтомъ Императорской Академіи Художествъ, при избраніи его въ почетные вольные общники. Портретъ писанъ художникомъ *А. П. Лосенко* (р. 1737, у. 1773 г.) въ лучшую пору жизни поэта (1760).

32) Екатерина Великая 324

По фотографіи съ оригинальной композиціи *Д. Гр. Левицкаго* (р. 1735, ум. 1824), рисованной въ 1793 г., поднесенной Государынѣ, и подаренной Ея Величествомъ Академіи Художествъ.

33) Видъ сцены эрмитажнаго театра 332

Фотографія снята съ гравюры, вошедшей въ составъ твореній *Гваренги* (р. 1744, у. 1817) изданныхъ его наслѣдниками.

34) Кн. Е. Р. Дашкова 334

Фотографія съ портрета, писаннаго Д. Гр. Левицкимъ, въ бытность княгини директоромъ Академіи Наукъ.

35) Фонъ-Визинъ 349

Фотографія съ портрета, подареннаго Императорской публичной библіотекѣ наслѣдниками поэта; портретъ по свидѣтельству одного изъ писемъ Ф. Визина, писанъ съ него въ Римѣ.

36) Державинъ 382

Фотографія по гравюрѣ, съ картины Сальватора *Тончи*, временъ Павла I.

37) Казанская первая гимназія . . 384

Фотографія съ натуры, доставленная автору профессоромъ химіи при Варшавскомъ Университетѣ, А. Н. Поповымъ.

38) Званка, усадьба Державина на Волховѣ 390

Фотографія по гравюрѣ *Галактіонова* (род. 1782, ум. 1854), временъ Александра I.

39) Памятникъ Державину въ Казани 395

Фотографія съ литографіи, исполненной въ началѣ минувшаго десятилѣтія. Самый памятникъ поставленъ былъ въ царствованье Императора Николая I, и выполненъ скульпторомъ Демутомъ-Малиновскимъ.

40) Херасковъ 414

Съ портрета, составляющаго собственность Императорской Академіи Наукъ.

41) Богдановичъ 421

Оригиналъ, также, какъ и слѣдующій № 42, принадлежитъ Академіи Наукъ; исполненъ весьма неудачно, масляными красками, одною изъ родственницъ Богдановича.

42) Хемницеръ 424

43) Новиковъ 440

Съ портрета, принадлежащаго Императорской Публичной Библіотекѣ и писаннаго, по заказу А. Н. Оленина, живописцемъ *Васильевскимъ* (род. 1795), воспитанникомъ Императорской Академіи Художествъ, знакомымъ Новикову.

44) Карамзинъ 450

Съ оригинала Варнека; типъ извѣстный по гравюрамъ.

45) Памятникъ Карамзину . . . 466

Снятъ съ гравюры, одновременно съ выполненіемъ памятника изготовленной *К. Я. Афиногеновымъ*, по желанію А. Н. Оленина, для какого-то особаго, несостоявшагося изданія. Въ 1866 г. доски гравюры были отысканы въ Академіи Художествъ, которая и ссудила оттисками Академію Наукъ для приложенія къ изданію рѣчей, произнесенныхъ на юбилеѣ Карамзина.

Самый памятникъ Карамзину исполненъ былъ по проэкту скульптора *С. И. Гальберга*, а по смерти его оконченъ его учениками: *Ивановымъ, Ставассеромъ, Рамазановымъ* и *Климченко*.

46) Дмитріевъ 472

Съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ Сленинскому изданію его сочиненій

47) Озеровъ 478

Фотографія съ гравюры бюста, приложенной къ полному собранію сочиненій Озерова; бюстъ гравированъ *А. Гр. Ухтомскимъ*.

48) Жуковскій 491

Съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ «Образцовымъ русскимъ сочиненіямъ».

49. Розовый Павильонъ въ Павловскѣ. . 500

Фотографія съ натуры, исполненная художникомъ Лоренцомъ.

50) Батюшковъ 506

Съ портрета, рисованнаго *Кипренскимъ* (род. 1781, ум. 1836), гравированнаго Галактіоновымъ и приложеннаго къ Сленинскому изданію сочиненій Батюшкова.

51. Крыловъ. 520

Исполненъ по фотографіи съ портрета, принадлежащаго Императорской Академіи Художествъ, писаннаго *Ив. Егор. Эгинкомъ* (род. 1790, ум. 1867) на званіе академика,

въ 1834 г. Портретъ этотъ, по отзыву покойнаго Императора Николая I, *«какъ живой»*.

Въ печати этотъ портретъ является въ *первый разъ*.

Исполненъ по фотографіи съ портрета, писаннаго въ Москвѣ *Тропининымъ* (род. 1776, ум. 1857 г.) въ началѣ двадцатыхъ годовъ; никогда гравированъ въ этомъ видѣ не былъ; до сихъ поръ снята была съ него только литографія, въ настоящее время очень рѣдкая.

№№ 54 и 55 заимствованы изъ литографической галлереи псковскихъ видовъ, изданной въ свѣтъ въ сороковыхъ годахъ.

Общеизвѣстный типъ съ гравюры, явившейся въ послѣднее время жизни поэта.

По гравюрѣ съ рисунка Г. Сергѣева, снятаго во время похода гр. Зубова въ Персію въ 1796 году.

Съ карандашнаго рисунка, исполненнаго въ сороковыхъ годахъ неизвѣстнымъ художникомъ. Рисунокъ этотъ составляетъ въ настоящее время собственность старшей дочери Н. А. Полевого, Е. Н. Гаевской.

Этотъ единственный похожій портретъ Н. А. Полеваго, является *въ первый разъ* въ печати.

Съ гравюры, приложенной къ 2-му тому Дудышкинскаго изданія твореній поэта, исполненной по акварели изъ альбома князя Меньшикова.

По наброску, доставленному академикомъ *Сѣряковымъ*.

По фотографіи, доставленной академикомъ *Сѣряковымъ*.

Съ портрета, писаннаго Моллеромъ.

Съ рисунка, доставленнаго Н. В. Гербелемъ.

Съ литографіи, весьма неудачно исполненной въ минувшемъ десятилѣтіи.

Фотографія съ бронзоваго бюста, принадлежащаго Н. А. Некрасову, весьма замѣчательнаго по сходству; бюстъ этотъ исполненъ академикомъ Н. Гее, весною 1870 года.

Съ литографіи, исполненной по рисунку скульптора *А. И. Теребенева*, во время послѣдняго пріѣзда Кольцова въ Петербургъ. Теребеневъ готовился выполнять бюстъ поэта, но почему-то не выполнилъ его.

По фотографіи, доставленной академикомъ Сѣряковымъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

ОТЪ НАЧАЛА ПИСЬМЕННОСТИ ДО ТАТАРЩИНЫ.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

ОТЪ ТАТАРЩИНЫ ДО ВРЕМЕНЪ ГРОЗНАГО.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

ОТЪ ВРЕМЕНЪ ГРОЗНАГО ДО ПОЛОВИНЫ XVII В.

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОТЪ ПОЛОВИНЫ XVII В. ДО ЭПОХИ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ.

ПЕРІОДЪ ПЯТЫЙ.

ЭПОХА ПРЕОБРАЗОВАНІЙ.

ПЕРІОДЪ ШЕСТОЙ.

ВѢКЪ ЕКАТЕРИНЫ.

ПЕРІОДЪ СЕДЬМОЙ.

ОТЪ КАРАМЗИНА ДО ПУШКИНА.

ПЕРІОДЪ ВОСЬМОИ.

ОТЪ ПУШКИНА ДО НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ.

Памятникъ св. Кириллу и Меѳодію въ Прагѣ.

ОТЪ НАЧАЛА ПИСЬМЕННОСТИ ДО ТАТАРЩИНЫ.

I.

БРАТЬЯ-ПЕРВОУЧИТЕЛИ. — БОЛГАРСКОЕ ВЛІЯНІЕ. — ПИСЬМЕННЫЙ МАТЕРЬЯЛЪ И ПИСЦЫ. — ДРЕВНѢЙШІЙ ПАМЯТНИКЪ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Въ концѣ X-го вѣка, на Руси, при содѣйствіи великаго князя кіевскаго, Владиміра,— впослѣдствіи прозваннаго Равноапостольнымъ — введено было христіанство, и вся Русь была крещена прибывшимъ въ Россію изъ Византіи греческимъ духовенствомъ. Вмѣстѣ съ духовенствомъ прибыли зодчіе для постройки первыхъ храмовъ христіанскихъ въ новоокрещенной землѣ, живописцы для написанія первыхъ иконъ, и другіе искусные мастера и художники, которымъ предстояло снабдить церкви наши необходимою утварью и благолѣпными украшеніями. Образцы иконъ, облаченій и утвари церковной, по которымъ надлежало работать этимъ мастерамъ и художникамъ принесены были духовенствомъ изъ Византіи; но драгоцѣннѣе всего принесеннаго ими были книги Св. Писанія и Церковныя, писанныя не на греческомъ и латинскомъ языкахъ, чуждыхъ русскому народу въ то отдаленное время, а на языкѣ родственнаго ему славянскаго племени. Такимъ образомъ, древней Руси выпало на долю великое счастье: съ первыхъ же дней по введеніи христіанства предки наши услышали слово Божіе, услышали пѣніе и чтеніе въ церкви на языкѣ вполнѣ доступномъ ихъ пониманію. Вотъ почему, вмѣстѣ со введеніемъ у насъ на Руси христіанства положены были и первыя прочныя основы нашей грамотности и письменности, которыя и у насъ, какъ во всѣхъ странахъ міра, были первыми шагами на пути просвѣщенія и развитія литературы. Но откуда же явились у греческихъ проповѣдниковъ эти книги Св. Писанія, переведенныя на славянскій языкъ, родственный нашему русскому? Кому именно и по какому поводу вздумалось потрудиться надъ этимъ благодѣтельнымъ для насъ переводомъ книгъ Св. Писанія и книгъ Церковныхъ? Что это былъ за языкъ, и которому изъ племенъ славянскихъ, нынѣ еще живущихъ, онъ принадлежалъ? Вотъ вопросы, которые представляются намъ сами собою, и которые мы поспѣшимъ разрѣшить прежде, нежели приступимъ къ описанію древнѣйшаго періода русской литературы.

Книги Св. Писанія были впервые переведены не для потребностей новокрещеннаго Русскаго народа, а для Моравань — другаго, небольшаго племени Славянскаго. Оно крещено было почти за двѣсти лѣтъ до введенія христіанства въ Россіи, но крещено было германскими проповѣдниками, которые принесли съ собою и книги, писанныя на не понятномъ для Моравань языкѣ латинскомъ. Почти пятьдесятъ лѣтъ слушали Мораване Св. Писаніе и богослуженіе на латинскомъ языкѣ, и христіанство не имѣло между ними никакого

успѣха: нравы оставались, по прежнему, грубыми, грамотность не развивалась и язычество не ослабѣвало въ народѣ, который нѣмецкіе проповѣдники считали, однакоже, окрещеннымъ. Моравскіе князья, видя, что народъ не въ состояніи усвоить себѣ даже и самыхъ первыхъ истинъ христіанскаго ученія на языкѣ ему чуждомъ и непонятномъ, обратились къ Византійскому императору Михаилу съ просьбою прислать имъ такихъ проповѣдниковъ, которые бы въ состояніи были истолковывать Моравамамъ Св. Писаніе на языкѣ славянскомъ. Такое обращеніе ихъ къ Византіи было весьма естественно потому, что во владѣніяхъ Византійскаго императора многія мѣстности заселены были славянами, а потому можно было предполагать, что и между духовенствомъ греческимъ должны будутъ найтись многіе люди, коротко знакомые съ языкомъ славянскихъ племенъ, обитавшихъ и въ предѣлахъ, и близко къ предѣламъ обширной Имперіи Византійской. Предположеніе это и оказалось совершенно вѣрнымъ: въ отвѣтъ на просьбу моравскаго князя Ростислава о присылкѣ проповѣдниковъ, знающихъ славянскій языкъ, императоръ Византійскій Михаилъ отправилъ въ Моравію двухъ ученыхъ монаховъ, братьевъ Кирилла и Меѳодія, и съ ними нѣсколько другихъ духовныхъ лицъ. Это было въ 863 году.

Выборъ императора палъ на этихъ ученыхъ братьевъ потому, что ему лично были извѣстны ихъ подвиги на поприщѣ распространенія христіанства между различными племенами и ихъ глубокое знаніе языка славянскаго. Кириллъ и Меѳодій были сыновья греческаго вельможи Льва и происходили изъ Солуни (Салоники) — города, окруженнаго Славянскими колоніями. Меѳодій, старшій братъ, сначала служилъ въ военной службѣ, затѣмъ былъ правителемъ одной области, въ которой много было славянскихъ поселеній, потомъ постригся въ монахи. Младшій братъ, Кириллъ (прежде поступленія въ духовное званіе онъ назывался Константиномъ), покровительствуемый однимъ изъ родственниковъ своихъ, получилъ блестящее образованіе при византійскомъ дворѣ, вмѣстѣ съ императоромъ Михаиломъ. Но ни блескъ двора, ни тѣ почести, которыхъ могъ добиться молодой Константинъ, прозванный за ученость свою *философомъ*, — ничто не привлекало его; онъ предпочелъ поступить въ духовное званіе, искалъ сначала уединенія, а потомъ, на двадцать четвертомъ году отъ роду, съ жаромъ предался трудному дѣлу проповѣди христіанской. Сначала пришлось ему защищать христіанство противъ магометанства, быстро распространявшагося въ Малоазійскихъ владѣніяхъ Византіи; а потомъ — въ Крыму, между Хазарами, бороться съ магометанствомъ и іудействомъ. При всѣхъ этихъ странствованіяхъ братъ Меѳодій былъ неразлученъ съ Кирилломъ и ревностно раздѣлялъ его подвиги на пользу вѣры.

Должно предполагать, что ученые братья еще съ дѣтства были знакомы съ языкомъ Славянъ, заселявшихъ, какъ мы уже сказали выше, многія мѣстности въ предѣлахъ Византійской имперіи. Эти Славяне, жившіе въ Византіи, и другія, родственныя имъ Славянскія племена, жившія ближе къ Дунаю, въ предѣлахъ Болгаріи, давно уже нуждались въ томъ, чтобы и книги богослужебныя, и Св. Писаніе было переведено на ихъ языкъ, потому что они точно также не понимали проповѣди христіанской на греческомъ языкѣ, какъ Моравляне — на латинскомъ. Многіе изъ нихъ, вслѣдствіе этого, даже и по принятіи крещенія, вновь возвращались къ язычеству. Желая доставить имъ возможность услышать Слово Божіе на родномъ языкѣ, Кириллъ прежде всего занялся изобрѣтеніемъ такой азбуки которая бы способна была передать вполнѣ все разнообразіе звуковъ славянской азбуки. Преданіе гласитъ, что азбука эта изобрѣтена была Кирилломъ около 855 года. Образцомъ очертанія буквъ послужила ему азбука греческая; а такъ какъ онъ зналъ много языковъ, то для такихъ славянскихъ звуковъ, которымъ нѣтъ соотвѣтствующихъ въ языкѣ греческомъ, онъ заимствовалъ очертаніе буквъ изъ азбукъ еврейской, армянской и коптской. Всѣхъ буквъ въ этой азбукѣ было [illegible]. Послѣ изобрѣтенья азбуки, Кириллъ, при помощи брата Меѳодія, перевелъ съ греческаго на славянскій языкъ необходимыя для богослуженія книги, и такимъ образомъ, еще ранѣе того времени, когда братья Кириллъ и Меѳодій были призваны въ Моравію, ими уже сдѣланы были первые опыты переводовъ съ греческаго на славянскій языкъ при помощи новоизобрѣтенной Кирилломъ азбуки, и богослуженіе на славянскомъ языкѣ уже введено было въ употребленіе между славянами византійскими, а отсюда вѣроятно, занесено было и къ болгарскимъ славянамъ.

Но главная дѣятельность братьевъ проповѣдниковъ относится къ періоду послѣ 863 года, т. е. ко времени пребыванія ихъ въ Моравіи. Здѣсь, въ теченіе четырехъ съ половиною лѣтъ трудились братья надъ переводомъ книгъ Св. Писанія, учили Славянъ своей новой грамотѣ, боролись и противъ языческихъ суевѣрій, и противъ нѣмецкаго духовенства, которое очень непріязненно смотрѣло на быстрые успѣхи Славянской проповѣди. «И рады были Славяне», говоритъ древній лѣтописецъ нашъ—«такъ какъ они слышали величие Божье на своемъ языкѣ». Нѣмецкое же духовенство, опасаясь утратить всякое значеніе въ Моравіи по мѣрѣ распространенія славянскаго богослуженія, стало посылать жалобу за жалобой въ Римъ, къ папѣ Николаю I, доказывая, будто проповѣдывать Слово Божіе можно только на трехъ языкахъ — еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, «такъ какъ надпись на крестѣ Спасителя была начертана Пилатомъ только на этихъ трехъ языкахъ». Около того времени Церковь Западная находилась въ постоянно непріязненныхъ отношеніяхъ къ Церкви Восточной (а вскорѣ послѣ того онѣ и окончательно раздѣлились), а потому папа Николай I охотно принялъ жалобы и клеветы нѣмецкаго духовенства на братьевъ первоучителей и ихъ славянскую проповѣдь. Они были призваны въ ту страну, гдѣ, уже почти пятьдесятъ лѣтъ сряду, нѣмецкое духовенство тщетно старалось водвориться, а имъ удалось сразу получить громадное значеніе: понятно, что папа и сталъ опасаться, чтобы они не ослабили вліянія Рима на Моравію, и потому потребовалъ ихъ къ себѣ, въ Римъ, на судъ. Кириллъ и Меѳодій, надѣясь и въ Римѣ отстоять свое правое дѣло и доказать необходимость богослуженія на славянскомъ языкѣ, отправились въ Римъ. Но они уже не застали папы Николая I въ живыхъ. Наслѣдовавшій ему папа Адріанъ II принялъ ихъ ласково, дозволилъ продолжать проповѣдь и богослуженіе на языкѣ славянскомъ, и даже посвятилъ Меѳодія въ санъ епископа Паннонскаго [1]), послѣ чего Меѳодій возвратился въ Моравію; а братъ его, Кириллъ, изнуренный тяжкими трудами послѣднихъ лѣтъ, остался въ одномъ изъ монастырей близь Рима, вскорѣ заболѣлъ и умеръ, въ 869 году.

Меѳодій пережилъ брата на шестнадцать лѣтъ, и въ теченіе всего времени своей жизни не переставалъ бороться съ нѣмецкимъ духовенствомъ, распространяя богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Неисчислимы всѣ тѣ гоненія и страданія, (цѣлыхъ $2^1/_2$ года онъ, между прочимъ, провелъ въ тюрьмѣ) которыя онъ претерпѣлъ за свое святое дѣло. Въ довершеніе всего, подъ конецъ жизни, ему пришлось быть свидѣтелемъ явнаго торжества враждебнаго ему нѣмецкаго духовенства: папа Іоаннъ VIII, преемникъ Адріана II, запретилъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Несмотря на то, что ему удалось склонить папу къ отмѣнѣ этого запрещенія, черезъ годъ послѣ смерти Меѳодія, въ 886 году, всѣ ученики братьевъ первоучителей и всѣ сторонники ихъ (въ томъ числѣ 200 священниковъ) были изгнаны изъ Моравіи и нашли себѣ убѣжище въ Болгаріи.

Здѣсь-то, въ особенности въ правленіе просвѣщеннаго царя Симеона, правившаго Болгаріей съ 892 г. по 927, письменность славянская сдѣлала большіе успѣхи: на славянскій языкъ переведено было множество книгъ не только церковныхъ и духовнаго содержанія, но и научныхъ, и количество рукописей, писанныхъ Кирилловской азбукой, возрасло до весьма значительной цифры. Здѣсь-то нашли себѣ убѣжище отъ неистовыхъ преслѣдованій и грамота, и богослуженіе славянское, и здѣсь же сохранились они на благо и великую пользу нашему русскому просвѣщенію, на славу безкорыстнымъ, святымъ трудамъ братьевъ первоучителей, которыхъ благодарное потомство наименовало «апостолами славянскими». Память о нихъ доселѣ живетъ и вѣчно будетъ жить во всемъ славянскомъ мірѣ.

Выше сказано было нами, что послѣ изобрѣтенія азбуки славянской Кирилломъ, братья первоучители тотчасъ же перевели важнѣйшія богослужебныя книги на славянскій языкъ, и что богослуженіе на славянскомъ языкѣ распространилось сначала между славянами, обитавшими въ предѣлахъ Византійской имперіи, а потомъ перешло къ славянамъ жившимъ въ Болгаріи. Языкъ на который Св. Писаніе было переведено братьями-первоучителями, былъ вѣроятно народнымъ языкомъ племенъ славянскихъ, жившихъ между Балканами и Дунаемъ. Если и въ настоящее время между язы-

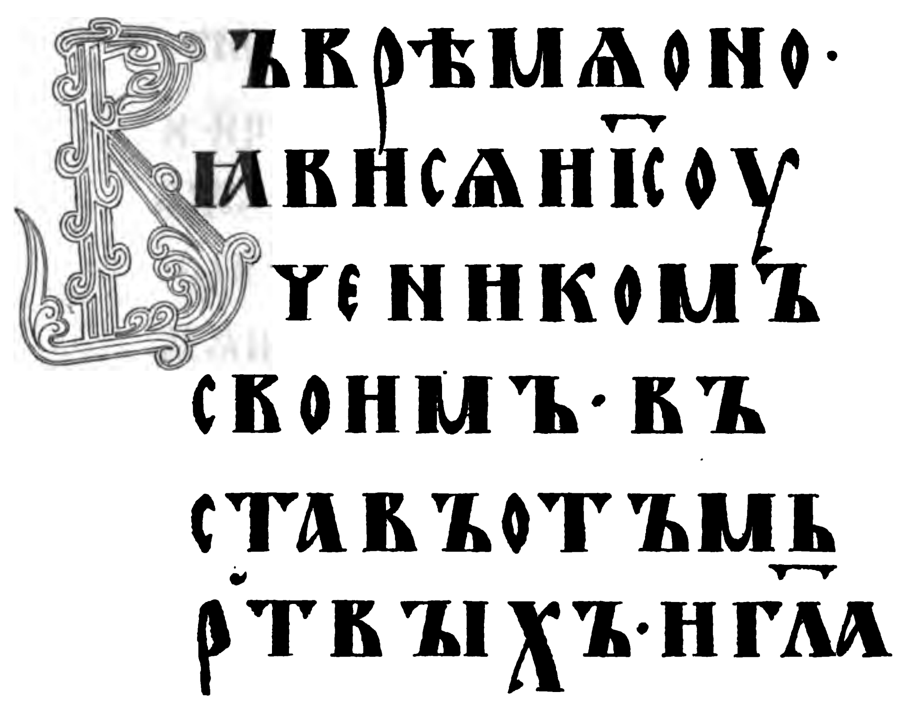
[1]) Подъ именемъ *Панноніи* извѣстна была въ то время страна, занимавшая часть нынѣшней Моравіи и часть Венгріи.

ками племенъ славянскихъ сохранилось еще такъ много сходства, что соплеменники наши, принадлежащіе къ различнымъ отраслямъ общей славянской семьи, могутъ понимать другъ друга, то слѣдуетъ предположить, что за 1000 лѣтъ до нашего времени это сходство между языками племенъ славянскихъ было еще сильнѣе; а потому нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что переводъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, надъ которымъ потрудились братья первоучители, долженъ былъ сдѣлаться драгоцѣннымъ достояніемъ всѣхъ славянскихъ племенъ, и, въ то время, оказаться вполнѣ доступнымъ пониманію каждаго на самыхъ противуположныхъ углахъ славянскаго міра: подъ Балканами и въ Моравіи, въ Болгаріи и на Руси. Но такъ какъ грамота, изобрѣтенная Кирилломъ, болѣе всего привилась въ Болгаріи, такъ какъ здѣсь-же, при царѣ Симеонѣ, болѣе всего было написано и напереведено книгъ на языкѣ славянскомъ, то языку, сохранившемуся въ древнихъ спискахъ Св. Писанія, съ теченіемъ времени стали придавать названіе языка *древне-болгарскаго*. Относительно этого названія должно замѣтить, что подъ словомъ *болгарскій* языкъ здѣсь не слѣдуетъ разумѣть — *языкъ Болгаръ*, а только — языкъ Славянъ, жившихъ въ Болгаріи. Сами Болгаре вовсе не принадлежали къ семьѣ славянскихъ племенъ: Болгаре, по происхожденію принадлежали къ урало-алтайской Чуди, были воинственнымъ и храбрымъ народомъ, обитавшимъ въ степяхъ юго-восточной Россіи, между Дономъ и Волгою. Въ VII столѣтіи племя это раздѣлилось; одна часть его двинулась на Сѣверъ и осѣла по берегамъ Камы, впадающей въ Волгу; другая двинулась на западъ и въ концѣ VII вѣка явилась на Дунаѣ. Здѣсь Болгаре покорили себѣ значительную часть придунайскихъ славянскихъ племенъ. Но Славяне были образованнѣе и искуснѣе Болгаръ въ земледѣліи и ремеслахъ, и не болѣе какъ въ теченіе двухъ вѣковъ успѣли такъ сильно подѣйствовать на пришлую горсть воинственныхъ побѣдителей своихъ, что тѣ и нравы свои оставили, и языкъ позабыли, и совершенно слились съ Славянами, передавъ имъ только свое имя.

Когда же переводы Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, изъ Болгаріи и Греціи перенесены были къ намъ, на Русь, то языкъ, которымъ они были написаны, получилъ у насъ названіе «церковно-славянскаго», потому что значительно отличался отъ народнаго русскаго языка, и первоначально явился исключительно языкомъ церкви. Впрочемъ, такъ какъ въ древнѣйшемъ періодѣ нашей литературы большая часть писателей принадлежала къ сословію духовному, то изъ смѣси языка церковно-славянскаго съ древне-русскимъ языкомъ, которымъ въ то время говорили наши предки, мало-по-малу образовался языкъ литературный или книжный, которымъ и стали излагать мысли письменно.

Упомянувъ о языкѣ, на которомъ сохранились до нашего времени древнѣйшіе памятники славянской письменности, пояснивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, почему именно въ разныхъ случаяхъ придаются ему разныя названія, мы должны еще обратить вниманіе и на самыя *письмена*, которыхъ изобрѣтеніе приписывается св. Кириллу. Азбука, которою у насъ и до настоящаго времени печатаютъ церковныя книги, очень похожая на *письмена* нашихъ древнѣйшихъ памятниковъ, въ славянскомъ мірѣ носитъ названіе *«кириллицы»*. Подобною этому *кириллицею* прежде писались книги у насъ на Руси, въ Болгаріи и всей восточной части славянскаго міра. *Кириллицею* эта азбука названа въ отличіе отъ другой азбуки славянской, которая если и не была изобрѣтена ранѣе кириллицы, то вѣроятно вскорѣ послѣ нея, и, съ теченіемъ времени, пріобрѣла довольно важное значеніе въ югозападномъ углу славянскихъ земель. Азбука эта, гораздо болѣе кириллицы запутанная въ очертаніяхъ своихъ, получила издревле названіе *глаголицы*. Чтобы яснѣе опредѣлить разницу между обѣими азбуками по начертанію, приводимъ здѣсь два отрывка изъ древнѣйшихъ рукописей, писанныхъ «кириллицею» и «глаголицею», (см. на стр. 5-й и 6-й).

Христіанствомъ просвѣтила насъ Греція по введенію у насъ книжнаго ученія и началу письменности русской Греція могла способствовать только при посредствѣ сосѣднихъ намъ болгарскихъ Славянъ, у которыхъ особенно сильно развита была письменность именно около того времени, когда принято было христіанство въ Россіи (т. е. въ концѣ IX и началѣ X в.). Отъ нихъ-то и перешло къ намъ въ Россію множество книгъ, писанныхъ кириллицею, и съ того времени *кириллица* вошла у насъ въ употребленіе, а свойственныя ей очертанія буквъ удержались въ русскомъ письмѣ до начала XVIII вѣка, т. е. въ теченіе *девяти* вѣковъ. Кириллицею до XVI вѣка пи-

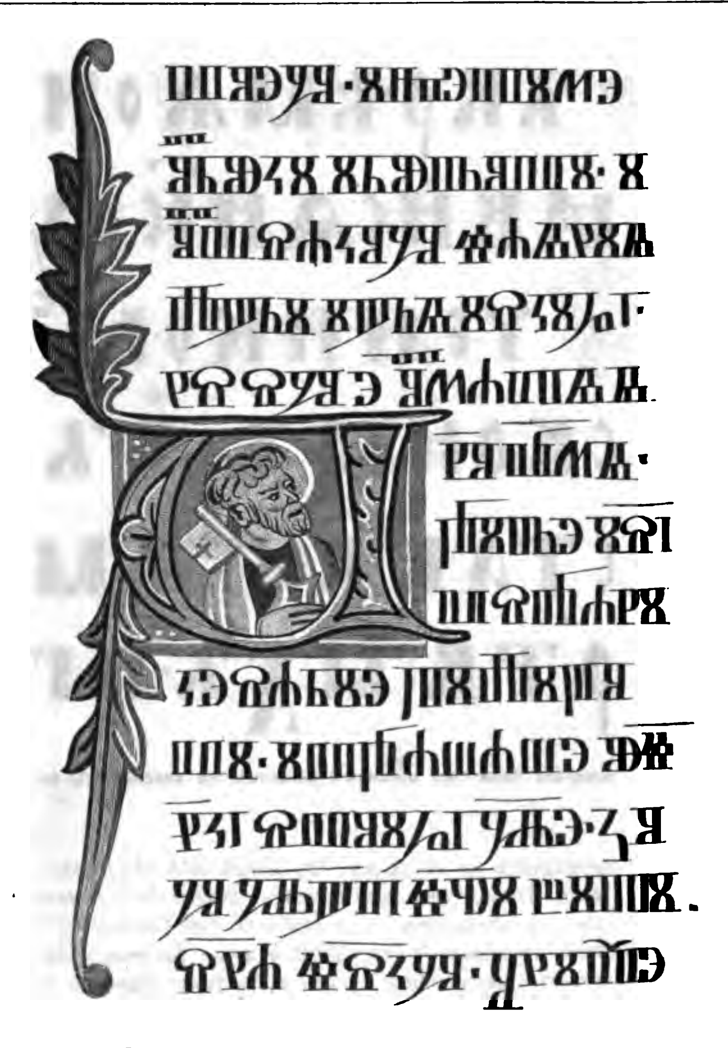
Изъ Остромирова Евангелья, писаннаго уставомъ, въ половинѣ XI вѣка.

сались наши книги; кириллицею же стали и печатать ихъ въ XVI вѣкѣ. Только уже при Петрѣ Великомъ явилась та несходная съ *кириллицею* форма нашихъ *печатныхъ* буквъ, которою теперь печатаются у насъ книги, и которая получила названіе *гражданской* азбуки (въ отличіе отъ Кирилловской, удержавшейся въ *церковныхъ* книгахъ).

Однако же, въ теченіе девяти вѣковъ своего существованія въ Россіи, кириллица, въ очертаніи своихъ буквъ трижды потерпѣла значительныя измѣненія. Древнѣйшія рукописи, писанныя до XIV вѣка, отличаются замѣчательною красотою, отчетливостью и крупностью своего почерка. Каждая буква въ этомъ почеркѣ стоитъ отдѣльно, безъ всякой связи съ ближайшими буквами. Начальныя буквы и заглавія книгъ разрисовывались красною краской, а иногда даже украшались разноцвѣтными, вычурными узорами; иногда имъ придавали форму цвѣтовъ, птицъ или звѣрей; иногда покрывали ихъ позолотой. Этотъ древнѣйшій почеркъ нашихъ рукописей называется *уставомъ* или *уставнымъ* почеркомъ.

Въ концѣ XIV вѣка явился у насъ другой почеркъ, покруглѣе и помельче устава, хотя и довольно еще близкій къ нему по очертаніямъ буквъ — это *полууставъ*, которымъ писали преимущественно въ XV и XVI столѣтіи. Наконецъ въ XVII столѣтіи, вслѣдствіе сильно-развившейся потребности въ рукописяхъ и въ дѣловой перепискѣ, явилась *скоропись*, отличающаяся неправильностью и некрасивостью очертаній буквъ, тѣсно-сбитыхъ, снабженныхъ множествомъ значковъ и совершенно излишнихъ фигурныхъ добавокъ къ буквамъ. Сверхъ того, надписи на вещахъ и на стѣнахъ зданій, гдѣ иногда нужно было много словъ умѣстить на небольшомъ пространствѣ, писались особымъ способомъ — *вязью*. Вязью называлось такое искусное сплетеніе и сопоставленіе буквъ, при которомъ немногими очертаніями можно было многое написать (соединяя нѣсколько буквъ въ одну общую линію) и, сверхъ того, составить изъ буквъ очень причудливый и красивый узоръ.

Говоря о древнерусскомъ письмѣ нельзя упустить изъ виду и того, что наши предки, въ на-

Изъ второй половины Реймскаго Евангелія, писанной глаголицею въ концѣ X или началѣ XI в.

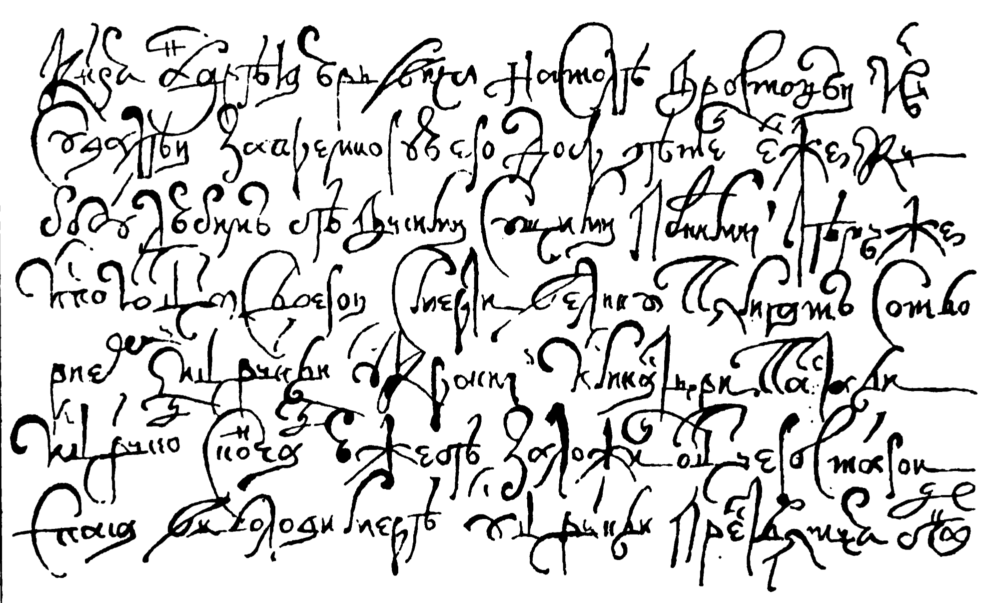
чалѣ письменности нашей писали не такъ какъ мы теперь пишемъ. Имъ были вовсе неизвѣстны тѣ облегченные способы, которые находятся теперь въ распоряженіи каждаго грамотнаго человѣка. Писали они, вмѣсто перьевъ, тростями (каламами), которыя привозились изъ Греціи; вмѣсто бумаги теперешней, изготовляемой изъ тряпокъ, употребляли *пергаменъ* [1]), особый письменный матерьялъ, выдѣлывавшійся изъ свиной или телячьей кожи, и тоже привозившійся съ далекаго Востока. Немного позже, вмѣсто пергамена стали употреблять *бомбицину*, бумагу изъ хлопка, правда, толстую и плотную, но далеко не въ такой степени удобную для письма и не на столько дешевую, какъ самая лучшая, самая дорогая нынѣшняя бумага.

Трудность самаго писанія и дороговизна письменнаго матерьяла способствовали, съ одной стороны, тому, что каждая писанная книга цѣнилась очень высоко, и очень немногимъ была доступна; а съ другой стороны, на

[1]) Пергаменъ былъ у насъ на Руси извѣстенъ подъ названіемъ *харатьи*; отсюда и пергаменныя рукописи получили названіе *харатейныхъ*.

ѳеѡдсиеви иже бѣ игуменъ монасты
ре. и правяше добродѣтелнаꙗ житие. и чернецкое пра
вило. и приимаше всякого прихода къ немꙋ. к не
мужъ азъ приидохъ худыи. приятъ мя лѣтъ ми сущю. зі
отрожения моего. се же написахъ. и положихъ. в кое лѣто почалъ
быти монастырь. и что ради зовется печерскии. а о ѳе
одосьевѣ житьи. пакы скажемъ.

Изъ Лаврентьевскаго списка Несторовой лѣтописи, писаннаго въ XIV вѣкѣ полууставомъ.

Изъ рукописи XVII вѣка; скоропись.

трудную работу писанія, изготовленія рукописей, смотрѣли какъ на дѣло важное, требующее и большихъ свѣдѣній, и даже особой помощи свыше. Къ писанію книгъ приступали съ благоговѣніемъ и молитвою; написанную книгу заканчивали благодареніемъ Всевышнему, обращеніемъ къ читателю съ просьбою о снисхожденіи, и часто даже подробнымъ обозначеніемъ года, мѣсяца, дня, въ который дѣло написанія было окончено писцомъ. Къ этому обозначенію времени нѣкоторые писцы прибавляли даже замѣтку о томъ историческомъ событіи, со временемъ котораго совпадало начало или конецъ труда. Иные даже подробно обозначали, сколько именно времени была писана ими та или другая книга.

На основаніи этого взгляда всякій *писецъ* (а тѣмъ болѣе *скорописецъ*, т.-е. обладавшій

способностью писать *скоро*, особенно-искусный въ писаніи) долженъ былъ пользоваться большимъ уваженіемъ, и переписываніе книгъ считалось занятіемъ до такой степени почетнымъ, что первѣйшія духовныя лица, а изъ свѣтскихъ князья и княгини, посвящали досуги свои этому занятію. Даже и самое переплетаніе рукописныхъ книгъ имѣло значеніе занятія важнаго и почтеннаго, такъ какъ толково переплетать рукописи могъ только человѣкъ грамотный, знакомый съ содержаніемъ переплетаемаго имъ сочиненія. Притомъ же, такъ какъ книги были дорогою и малодоступною рѣдкостью, то книголюбцы,не жалѣли денегъ на переплеты ихъ, и не только старались дать книгамъ переплеты прочные, вѣковые, но даже снабжали эти переплеты дорогими застежками, и часто украшали серебряной, вызолоченной оправой, усаженной жемчугомъ и дорогими каменьями.

Уже въ XI вѣкѣ любовь къ чтенію развилась въ русскомъ обществѣ весьма значительно, какъ можно судить по отзыву о книгахъ одного современника: «велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго» - говоритъ онъ; «изъ книгъ учимся путямъ покаянія, въ словахъ книжныхъ обрѣтаемъ мудрость и воздержаніе: это рѣки напоющія вселенную, это исходища мудрости; въ книгахъ неисчетная глубина, ими утѣшаемся въ печали, онѣ — узда воздержанію».

Книголюбіе побуждало многихъ даже къ посылкѣ писцовъ въ сосѣднія страны, въ Грецію, Болгарію и на Аѳонъ — для списыванія книгъ и перенесенія на нашу русскую почву всего, что способно было служить полезною пищею духовною. Первые писцы, явившіеся у насъ въ Кіевѣ и Новѣгородѣ были, по всѣмъ вѣроятіямъ, Славяне болгарскіе; однако же вскорѣ образовались у насъ и свои превосходные писцы; такъ, отъ половины XI вѣка намъ сохранился до настоящаго времени списокъ Евангелія, писанный дьякономъ Григоріемъ для Новогородскаго посадника Остромира, въ 1056 — 1057 году, великолѣпная пергаменная рукопись, писанная крупнымъ уставомъ, украшенная раззолоченными заглавіями, фигурными начальными буквами и четырьмя большими изображеніями Евангелистовъ. Остромирово Евангеліе, которое, въ настоящее время, хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, представляетъ собою древнѣйшій памятникъ Славянской письменности, и всѣ Славяне съ благоговѣніемъ смотрятъ на него, какъ на драгоцѣнный образецъ письменнаго искусства нашихъ предковъ, тѣмъ болѣе, что ни одному изъ Славянскихъ племенъ не удалось сохранить никакого подобнаго сокровища отъ своей рукописной старины. Образецъ письма этой рукописи приведенъ нами выше, на стр. 5-й.

II.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ГРАМОТНОСТИ. — ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ЛИТЕРАТУРНЫЕ. — ЛУКА ЖИДЯТА, ИЛАРІОНЪ. — ОБЗОРЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ѲЕОДОСІЯ ПЕЧЕРСКАГО, НИКИФОРА И КИРИЛЛА ТУРОВСКАГО.

Тотчасъ послѣ введенія христіанства Владиміромъ на Руси, видимъ уже заботы его и сыновей его о повсемѣстномъ распространеніи грамотности. Не смотря на то, что изъ Греціи и Болгаріи прибыло къ намъ много духовенства, его, по мѣрѣ распространенія христіанства въ обширныхъ областяхъ Руси южной и сѣверной, оказывалось недостаточно. Къ тому же, духовенство видѣло въ грамотности единственное средство къ усиленію вліянія христіанства въ новообращенной странѣ, а потому и побудило Владиміра озаботиться учрежденіемъ училищъ въ Кіевѣ. Изъ древнихъ лѣтописей нашихъ знаемъ мы, что Владиміръ и дѣйствительно велѣлъ отбирать дѣтей у лучшихъ гражданъ кіевскихъ и отдавать ихъ въ ученье по церквамъ, при которыхъ священники и причтъ образовали училища. Сынъ Владиміра Равноапостольнаго, Ярославъ I, прозванный Мудрымъ, учредилъ такія же училища въ Новѣгородѣ: по его повелѣнію собрано было у священниковъ и важнѣйшихъ гражданъ новгородскихъ до 300 дѣтей для обученія грамотѣ. И самъ Ярославъ замѣчательно преданъ былъ дѣлу ученья: читалъ книги ночью и днемъ, собиралъ около себя поповъ

и монаховъ и поощрялъ ихъ къ переводу греческихъ книгъ на славянскій языкъ. По его желанію многія книги были писцами переписаны, другія куплены самимъ княземъ, который положилъ основаніе древнѣйшему изъ нашихъ книгохранилищъ, сложивъ книги эти при Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Древній лѣтописецъ нашъ, жившій въ концѣ XI и началѣ XII вѣка, вспомнивши о трудахъ Ярослава и Владиміра на пользу распространенія грамотности въ новообращенной странѣ, не даромъ говорилъ: «подобно тому, какъ еслибы кто нибудь распахалъ землю, а другой посѣялъ, а иные стали бы пожинать и ѣсть пищу обильную,—такъ и князь Владиміръ распахалъ и умягчилъ сердца людей, просвѣтивши ихъ крещеніемъ; сынъ его Ярославъ посѣялъ ихъ книжными словами, а мы теперь пожинаемъ, принимая книжное ученіе».

Распространеніе грамотности шло конечно не всюду равномѣрно; но почва для грамотности оказалась удобною: объ этомъ всего легче судить по тому, что уже въ первой половинѣ XI вѣка начинаютъ у насъ появляться первые литературные опыты, и опыты эти принадлежатъ чисто русскимъ людямъ, воспитавшимся на русской почвѣ. Само собою разумѣется, что самостоятельными эти первые литературные опыты быть не могли: они могли проявиться только въ видѣ подражаній тѣмъ образцамъ, которые представляла намъ литература византійская, потому что и новая вѣра, и образованіе были принесены къ намъ оттуда. А такъ какъ Византія дѣйствовала на насъ и непосредственно, и чрезъ посредство болгарскихъ славянъ, то и образцы византійской литературы заходили къ намъ на Русь въ двухъ видахъ: или въ видѣ греческихъ подлинниковъ, или въ видѣ болгарскихъ переводовъ и передѣлокъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что Болгаре и Греки, приходившіе къ намъ на Русь, въ первое время по принятіи нами христіанства, большею частью принадлежали къ сословію духовному; что школы устраивались преимущественно при церквахъ и учителями въ нихъ являлись духовныя же лица; что главною цѣлью распространенія грамотности въ этомъ древнѣйшемъ періодѣ являлось стремленіе дать народу просвѣщенныхъ пастырей Церкви. Вслѣдствіе этого преимущественно грамотнымъ сословіемъ въ древней Руси должно было явиться духовенство и монашество, и подъ вліяніемъ этого сословія наиболѣе значенія должна была пріобрѣсти литература духовная, для которой образцы и почерпались изъ Византіи. На томъ же основаніи и самой литературѣ свѣтской, и всему образованію въ древней Руси приданъ былъ характеръ строго религіозный.

Первые опыты нашихъ русскихъ литературныхъ дѣятелей, принадлежавшихъ къ духовенству, состояли изъ *поученій*, *проповѣдей* и *посланій*, въ которыхъ духовенство обращалось къ паствѣ своей, истолковывая ей важнѣйшія стороны христіанской религіи, опровергая ложныя толкованія различныхъ догматовъ, порицая въ народѣ приверженность къ языческимъ обычаямъ и къ нѣкоторымъ порокамъ. Всѣ эти поученія, проповѣди и посланія вызываемы были, по видимому, двумя главными побужденіями: съ одной стороны, желаніемъ просвѣтить народъ и князей, и дать имъ правильное понятіе объ обязанностяхъ христіанина; а съ другой—желаніемъ защитить такъ успѣшно распространявшееся въ Россіи православіе отъ вліянія католичества и іудейства, какъ именно такихъ двухъ началъ, которыя всего легче могли въ то время дѣйствовать на юную, еще не окрѣпшую въ новой религіи, паству русскую.

Первыми по времени авторами русскими являются въ нашей литературѣ *Иларіонъ*, митрополитъ кіевскій (съ 1051 году), и *Лука Жидята*, поставленный епископомъ новгородскимъ въ 1036 году. Отъ каждаго изъ нихъ сохранилось до нашего времени по одному поученію. Отъ Луки Жидяты дошло до насъ *«Поученіе къ братіи»*, чрезвычайно замѣчательное по лаконизму языка и простотѣ своего содержанія. Видно, что Лукѣ приходилось имѣть дѣло съ паствой, состоявшей изъ людей, недавно обращенныхъ въ христіанство и вовсе незнакомыхъ даже съ наиболѣе важными истинами христіанскими, потому что все *«Поученіе къ братіи»* представляетъ собою простое переложеніе заповѣдей и напоминаніе о важнѣйшихъ обязанностяхъ христіанина по отношенію къ Богу, къ себѣ самому и къ ближнимъ. Приводимъ здѣсь этотъ драгоцѣнный памятникъ русской литературы XI вѣка цѣликомъ:

«Вотъ, братія, прежде всего эту заповѣдь должны мы всѣ христіане держать: вѣровать во единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца и Сына и Св. Духа, какъ научили Апостолы,

утвердили св. Отцы. Вѣруйте воскресенію, жизни вѣчной, мукѣ грѣшникамъ вѣчной. Не лѣнитесь въ церковь ходить, къ заутренѣ и къ обѣднѣ, и къ вечернѣ, и въ своей клѣти прежде Богу поклонись, а потомъ уже ложись спать. Въ церкви стойте со страхомъ Божіимъ, не разговаривайте, не думайте ни очемъ другомъ, но молите Бога всею мыслію, да отпуститъ Онъ вамъ грѣхи. Любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ и больше съ братьями, и пусть небудетъ у васъ одно на сердцѣ, а другое на устахъ; не рой брату яму, чтобы тебя Богъ не ввергнулъ въ худшую. Терпите обиды, не платите зломъ за зло; другъ друга хвалите, и Богъ васъ похвалитъ. Не ссорь другихъ, чтобы не назвали тебя сыномъ дьявола; помири—да будешь сынъ Богу. Не осуждай брата и мысленно, поминая свои грѣхи, да и тебя Богъ не осудитъ. Помните и милуйте странныхъ, убогихъ, заточенныхъ въ темницы, и къ своимъ *сиротамъ* (т. е. рабамъ) будьте милостивы. Игрищъ бѣсовскихъ вамъ, братія, не прилично творить, также—говорить срамныя слова, сердиться ежедневно; не презирай другихъ, не смѣйся ни надъ кѣмъ, въ напасти терпи, имѣя упованіе на Бога. Не будьте буйны, горды; помните, что можетъ быть, завтра, будете смрадъ, гной, черви. Будьте смиренны и кротки: у гордаго въ сердцѣ дьяволъ сидитъ, и Божіе Слово не прильнетъ къ нему. Почитайте стараго человѣка и родителей своихъ, не клянитесь Божіимъ именемъ, и другаго не заклинайте и не проклинайте. Судите по правдѣ, взятокъ не берите, денегъ въ ростъ не давайте, Бога бойтесь, князя чтите. Рабы, повинуйтесь сначала Богу, потомъ господамъ своимъ, чтите отъ всего сердца іерея Божія, чтите и слугъ церковныхъ. Не убей, не украдь, не лги, лживымъ свидѣтелемъ не будь, не враждуй, не завидуй, не клевещи; не пей не во время, и всегда пейте съ умѣренностью, а не до пьянства; не будь гнѣвливъ, дерзокъ; съ радующимися радуйся, съ печальными будь печаленъ; не ѣшьте нечистаго, святые дни чтите, Богъ же мира со всѣми вами, аминь».

Отъ Иларіона дошло до насъ «Слово о Законѣ, данномъ чрезъ Моисея, и о благодати и истинѣ, происшедшей черезъ Іисуса Христа». Въ этомъ поученіи мы видимъ полнѣйшую противуположность только что приведенному нами поученію новгородскаго епископа Луки Жидяты. «Слово о законѣ» выказываетъ въ Иларіонѣ человѣка, способнаго къ ясному изложенію своихъ мыслей даже и тогда, когда онѣ касаются довольно запутанныхъ и спорныхъ вопросовъ, притомъ знакомаго съ произведеніями византійскихъ проповѣдниковъ, отъ которыхъ онъ заимствовалъ внѣшнюю форму своего «Слова». Видно, что и тѣ, для которыхъ проповѣдникъ предназначилъ свое «Слово», были тоже люди начитанные и способные оцѣнить разсужденіе Иларіоново; онъ и самъ говоритъ, что писалъ *«не къ невѣдущимъ людямъ, но къ насытившимся сладости книжной»*. Содержаніе «Слова» заключается въ указаніи противуположности христіанства іудейству, и превосходства благодати Христовой, Новаго Завѣта, передъ закономъ, даннымъ черезъ Моисея. Указывая на преимущества христіанства, Иларіонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ изъясняетъ, что принятіе христіанства было величайшимъ счастьемъ для Руси; потомъ сравниваетъ Русь языческую съ Русью христіанскою. «Мы уже не зовемся болѣе идолослужителями», говоритъ онъ,«но христіанами; мы болѣе уже не *безнадежники*, но уповаемъ въ жизнь вѣчную; нестроимъ болѣе капищъ, а создаемъ церкви Христовы; не закалаемъ бѣсамъ другъ друга, но Христосъ закалается за насъ и дробится въ жертву Богу и Отцу». Послѣ этого сравненія Иларіонъ заканчиваетъ свое «Слово» восторженною похвалою Владиміру Равноапостольному, просвѣтившему Русь крещеніемъ. Одною изъ побудительныхъ причинъ къ написанію «Слова о благодати», было конечно, желаніе противодѣйствовать распространенію на Руси іудейства, которое и въ это время, и въ послѣдствіи, какъ мы далѣе увидимъ, много разъ порывалось къ намъ проникнуть и у насъ водвориться.

Третій писатель нашъ, также принадлежащій XI столѣтію, былъ игуменъ Кіево-печерскаго монастыря — *Ѳеодосій*. Онъ избранъ былъ въ игумены въ 1062 году, а за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ поступилъ въ этотъ же монастырь, когда онъ еще только основывался и первые отшельники только еще начинали собираться около преподобнаго Антонія, поселившагося въ пещерѣ, выкопанной Иларіономъ, на берегу Днѣпра, на высокой горѣ, поросшей лѣсомъ. Сюда любилъ уединяться Иларіонъ, когда еще былъ священникомъ въ Берестовѣ, селѣ князя Ярослава I; здѣсь поселился Антоній, послѣ долгаго пребыванія въ монастыряхъ греческихъ на Аѳонской горѣ; сюда же, вмѣстѣ съ небольшою, но избранною

братіею, привлеченный слухами о святости жизни Антонія, явился и Ѳеодосій. И мало-по-малу образовался и явился здѣсь славный впослѣдствіи Кіево-печерскій монастырь, которому суждено было сдѣлаться однимъ изъ важнѣйшихъ разсадниковъ просвѣщенія и литературы въ древней Руси. Въ числѣ иноковъ и настоятелей Кіево-печерскаго монастыря видимъ мы замѣчательнѣйшихъ дѣятелей древней Руси; въ стѣнахъ его видимъ кипучую, неутомимую дѣятельность просвѣщеннѣйшихъ людей того времени. Здѣсь воспитываются лучшіе проповѣдники наши; здѣсь составляются житіи святыхъ, ведутся лѣтописи; отсюда, черезъ просвѣщенныхъ пастырей и епископовъ, проливается свѣтъ грамотности во всѣ концы тогдашняго русскаго міра; отсюда же выходятъ и ревностнѣйшіе проповѣдники слова Божія, безстрашно стремящіеся въ лѣса и пустыни на проповѣдь слова Божія язычникамъ....

Мы почти ничего не знаемъ о жизни двухъ вышепомянутыхъ первыхъ писателей нашихъ; что же касается третьяго, *Ѳеодосія*, — отъ котораго дошло до насъ «посланіе къ велик. кн. Изяславу о латинской вѣрѣ», десять краткихъ поученій къ инокамъ кіево-печерскимъ и одно обширное поученіе къ народу — то подробности его жизни, поразившія современниковъ, были съ величайшимъ тщаніемъ собраны иноками кіевопечерскими и записаны другимъ замѣчательнѣйшимъ писателемъ конца XI и начала XII вѣка — Несторомъ. Несторъ оставилъ намъ *житіе Ѳеодосія*, и мы, далѣе, разбирая сочиненія Нестора, приведемъ важнѣйшіе отрывки изъ этого, въ высшей степени любопытнаго памятника; потому-то и не будемъ мы здѣсь вдаваться въ подробности біографіи Ѳеодосія, а только укажемъ на важнѣйшія черты его характера, на сколько онъ выражается въ его сочиненіяхъ и проявляется въ частностяхъ его жизни. Ѳеодосій является намъ однимъ изъ самыхъ характерныхъ типовъ въ средѣ литературныхъ дѣятелей древнѣйшаго періода нашей литературы. Въ Ѳеодосіи видимъ мы богатую, энергическую и могучую русскую натуру, на которую успѣло сильно подѣйствовать христіанство. Съ самаго дѣтства онъ уже создаетъ себѣ высокое понятіе о назначеніи человѣка-христіанина, и всю жизнь свою стремится къ тому, чтобы не только осуществить это назначеніе на себѣ самомъ, но и другихъ увлечь примѣромъ по тому же пути къ нравственному совершенствованію. Эта послѣдняя черта — желаніе дѣйствовать примѣромъ и неограничиваться только поученіями, но постоянно примѣнять къ жизни все въ нихъ высказываемое — выказываетъ намъ Ѳеодосія съ особенно привлекательной стороны. «Любовь къ Богу можетъ быть выражена только дѣлами, а не словами», говоритъ Ѳеодосій въ своемъ словѣ «о терпѣніи и любви», и постоянно, въ теченіе всей своей жизни, старается проводить ту же самую мысль на практикѣ. Самъ постоянно занятый, онъ требовалъ, чтобы и братія работала неутомимо; заботился о томъ чтобы всѣ, подобно ему, не придавали никакого значенія мірскимъ благамъ, а все бы приносили на жертву ближнему своему. «Мы должны отъ трудовъ своихъ кормить убогихъ и странниковъ», — говоритъ Ѳеодосій въ словѣ «о терпѣніи и милостыни», — «а не пребывать въ праздности, переходя изъ кельи въ келью.» И по его слову, монастырь кіево-печерскій неустанно заботился о нуждавшихся не только въ пищѣ матеріяльной: братія, по удачному выраженію одного нашего ученаго, «готовила имъ пищу и другаго рода—изъ монастыря выходили и расходились по лицу земли русской книги». Кто былъ поученѣе, тотъ или списывалъ, или даже переводилъ ихъ; другіе сшивали листы и переплетали. Всѣ трудились—и Ѳеодосій болѣе всѣхъ, незная покоя ни днемъ, ни ночью: часто случалось, что онъ, въ ночное время, когда вся братія заснетъ, тайкомъ выходилъ изъ монастыря, уходилъ въ Кіевъ, и тамъ половину ночи проводилъ у городскихъ воротъ въ горячихъ спорахъ съ Іудеями, стараясь убѣдить ихъ въ превосходствѣ православія надъ іудействомъ. Борьбу съ іудействомъ и католичествомъ, и притомъ борьбу ожесточенную, непримиримую, Ѳеодосій считалъ одною изъ первѣйшихъ обязанностей своихъ, тѣмъ болѣе что подобно многимъ своимъ современникамъ, имѣлъ несовсѣмъ вѣрное понятіе о католическомъ вѣроисповѣданіи, какъ это видно изъ его посланія къ князю Изяславу, въ которомъ онъ старается разъяснить князю важнѣйшія отличія католицизма отъ православія. Но ревность на пользу распространенія православія не ослѣпляетъ его, не заставляетъ его забывать о той дѣятельной христіанской любви, которую онъ старался внушить братіи по отношеніи къ ближнимъ: въ бѣдѣ, въ нуждѣ Ѳеодосій повелѣваетъ помогать и католикамъ наравнѣ съ православ-

ными, хоть и воспрещаетъ православнымъ ѣсть съ ними изъ одного блюда.

Строгій и взыскательный къ себѣ самому, Ѳеодосій не оказывалъ снисхожденія никому, и не терпѣлъ никакой неправды: такъ, напримѣръ, въ то время, когда любимецъ его, благочестивый Изяславъ, князь кіевскій, былъ свергнутъ съ великокняжескаго престола братомъ своимъ Святославомъ — Ѳеодосій открыто укорялъ Святослава въ беззаконіи и даже не хотѣлъ поминать его въ церкви за службой и продолжалъ поминать по прежнему Изяславъ. Ни гнѣвъ Святослава, ни угрозы — ни что немогло заставить Ѳеодосія отступиться отъ своего взгляда, и онъ остался вѣренъ ему до конца.

Такая дѣятельность и твердость Ѳеодосія не могли не влять чрезвычайно сильно на окружавшую его братію и народъ, и потому самому личность Ѳеодосія, какъ наиболѣе крупная въ ряду нашихъ проповѣдниковъ XI вѣка, особенно живо и вѣрно сохранилась въ народной памяти. Народъ и братія должны были несомнѣнно понимать его простую проповѣдь, въ которой онъ обращалъ свой проницательный, практическій взглядъ на самыя существенныя стороны современной жизни русской, заботясь объ искорененіи важнѣйшихъ недостатковъ и объ утвержденіи во всѣхъ правильнаго пониманія обязанностей христіанина. Тѣ сильные, энергически начертанные образы, въ которые облекалъ онъ свою рѣчь, не могли не быть доступны и вразумительны большинству его слушателей. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ поученій своихъ, Ѳеодосій, особенно горячо возстаетъ противъ пьянства, сильно распространеннаго въ народѣ, сравниваетъ пьянаго съ бѣсноватымъ, и говоритъ: «бѣсноватый страдаетъ по неволѣ и можетъ удостоиться жизни вѣчной, а пьяный страдаетъ по собственной волѣ, и будетъ преданъ на вѣчную муку: къ бѣсноватому прійдетъ іерей, сотворитъ надъ нимъ молитву и прогонитъ бѣса, а надъ пьянымъ, хотя бы сошлись іереи всей земли, и сотворили молитву — то все же не прогнали бы отъ него бѣса самовольнаго пьянства».... «Помните», прибавляетъ Ѳеодосій въ другомъ поученіи своемъ, «что бѣсы радуются нашему пьянству, и, радуясь, приносятъ діаволу жертву пьянственную отъ пьяницъ; дьяволъ же говоритъ: меня никогда не радуютъ столько жертвы язычниковъ, сколько веселитъ и радуетъ меня пьянство христіянъ, ибо пьяницы всегда способны дѣлать все, чего я захочу».... «всѣ пьяные—мнѣ принадлежать, а трезвые — Богу.» И посылаетъ дьяволъ бѣсовъ, говоритъ: «идите, поучайте христіанъ пьянству и повиновенію моей волѣ.» Въ другомъ поученіи, укоряя братію въ нерадѣніи къ слову Божію и къ исполненію обязанностей, Ѳеодосій весьма удачно сравниваетъ иноковъ съ воинами и говоритъ: «когда надъ спящею ратью затрубитъ труба воинская, никто изъ воиновъ не станетъ спать: а Христову-то воину прилично ли лѣниться? Вѣдь воины-то изъ пустой и преходящей славы позабываютъ и женъ, и дѣтей, и имѣніе. Что говорю я — имѣніе: они даже и голову свою ни во что не ставятъ, лишь бы имъ непосрамиться. А между тѣмъ они сами смертны, и слава ихъ кончается съ жизнью. Съ нами же — не то будетъ: если стерпимъ, борясь съ нашими супостатами, и одолѣемъ, то удостоимся вѣчной славы и несказанной чести.»

Вслѣдъ за Ѳеодосіемъ Печерскимъ нельзя не упомянуть, въ числѣ нашихъ проповѣдниковъ о Никифорѣ, который, будучи по происхожденіи Грекомъ, и получивъ воспитаніе въ Византіи, поставленъ былъ митрополитомъ Кіевскимъ въ началѣ XII в. (отъ 1104—1121), и еще о Кириллѣ, епископѣ Туровскомъ, жившемъ въ концѣ XII вѣка (онъ умеръ около 1182 г.), Несмотря на то, что грамотность успѣла сдѣлать большіе успѣхи въ теченіи XI столѣтія, что, вслѣдствіе сильно развившейся страсти къ чтенію, образованіе также должно было значительно подвинуться впередъ, мы все же видимъ, что въ началѣ XII вѣка проповѣдь русская не измѣняетъ своего характера, и слѣдуетъ тому же самому направленію, которымъ она шла и въ XI вѣкѣ: — измѣняется только внѣшняя форма ея. Отъ митрополита Никифора дошли до насъ два посланія; оба они писаны имъ для знаменитаго его современника — Владиміра Мономаха. Одно изъ этихъ посланій было отвѣтомъ на запросъ князя; «почему отвергнуты были Латины отъ святой соборной и правовѣрной церкви?» Митрополитъ въ своемъ посланіи весьма точно исчисляетъ тѣ 20 пунктовъ, на основаніи которыхъ произошло, по его мнѣнію, разъединеніе западной и восточной церкви. Гораздо болѣе любопытно для насъ другое посланіе митрополита Никифора къ Мономаху «о постѣ», не только по тѣмъ отношеніямъ митрополита къ великому князю, какія высказываются въ этомъ памятникѣ, но и по внѣшней, чрезвычайно замысловатой фор-

мѣ изложенія мыслей. Посланіе, какъ видно, написано по поводу Великаго поста, во время котораго, по замѣчанію Никифора, самый уставъ церковный повелѣваетъ и князьямъ говорить нѣчто полезное. На этомъ основаніи, онъ говоритъ вообще о пользѣ поста и обращаясь къ Мономаху прибавляетъ, что такому князю, какъ Мономахъ, не нужно говорить въ похвалу поста, такъ какъ онъ въ благочестіи воспитанъ и постомъ воздоенъ и всѣ, видя его воздержаніе во время поста, могутъ только изумляться ему. «Что скажу я такому князю», продолжаетъ проповѣдникъ «который большею частью спитъ на сырой землѣ, избѣгаетъ дома своего, отвергаетъ свѣтлое платье, по лѣсамъ ходитъ въ одеждѣ *сиротинской* (рабской, простой), и только по нуждѣ входя въ городъ, надѣваетъ на себя одежду властелинскую. Что говорить такому князю, который другимъ любитъ готовить обѣды обильные, а самъ служитъ гостямъ, работаетъ своими руками, и подаяніе котораго доходитъ даже до полатей; другіе насыщаются и упиваются, а самъ князь сидитъ и смотритъ только, какъ другіе ѣдятъ и пьютъ, довольствуясь малою пищею и водою: — такъ угождаетъ онъ своимъ подданнымъ, сидитъ и смотритъ, какъ рабы его упиваются. Руки его ко всѣмъ простерты, никогда не прячетъ онъ своихъ сокровищъ, никогда не считаетъ золота или серебра, но все раздаетъ, а между тѣмъ казна его никогда не бываетъ пуста».

Начертавъ эту прекрасную характеристику Мономаха, Никифоръ находитъ, что съ такимъ княземъ о постѣ говорить нечего, и предпочитаетъ побесѣдовать съ нимъ «о самомъ источникѣ, изъ котораго проистекаетъ въ людяхъ всякое добро и всякое зло». Послѣ этого проповѣдникъ объясняетъ князю, что въ душѣ человѣческой есть три главныя стремленія: *словесное* (разумъ), *яростное* (чувство) и *желанное* (воля). У этихъ трехъ главныхъ силъ души человѣческой есть, по выраженію Никифора, и особые *слуги*, черезъ которыхъ онѣ дѣйствуютъ. «Какъ ты, князь, сидя на своемъ престолѣ, дѣйствуешь черезъ своихъ воеводъ и слугъ по всей твоей странѣ: такъ и душа дѣйствуетъ по всему тѣлу черезъ пять слугъ своихъ, т.-е. черезъ пять чувствъ. Слѣдуетъ перечисленіе пяти чувствъ и между ними Никифоръ особенное вниманіе обращаетъ на *слухъ* и *зрѣніе*, при чемъ и отдаетъ преимущество послѣднему, такъ какъ оно насъ не можетъ обманывать, а черезъ *слухъ* очень часто можетъ доходить до насъ многое невѣрное; на этомъ-то свойствѣ слуха Никифоръ и сосредоточиваетъ все свое вниманіе, желая, по видимому, внушить Мономаху, что онъ часто склоненъ бываетъ слушать ложные доносы. «Кажется мнѣ, князь мой», говоритъ по этому поводу проповѣдникъ, «что не будучи въ состояніи видѣть всего самъ своими глазами, ты слушаешь другихъ и въ отверстый слухъ твой входитъ стрѣла; такъ подумай объ этомъ, князь мой, изслѣдуй внимательнѣе, подумай объ изгнанныхъ тобою, осужденныхъ, презрѣнныхъ, вспомни обо всѣхъ, кто на кого сказалъ что-нибудь, кто кого оклеветалъ, самъ разсуди таковыхъ, всѣхъ помяни и отпусти, да и тебѣ отпустится, отдай, да и тебѣ отдастся». Въ заключеніе своего слова Никифоръ прибавляетъ, какъ бы въ утѣшеніе князю: «не опечалься, князь, словомъ моимъ, не подумай, что кто-нибудь пришелъ ко мнѣ съ жалобой, и потому я написалъ это тебѣ. Нѣтъ! такъ, просто пишу я тебѣ для напоминанія, такъ какъ въ немъ нуждаются владыки земные; многимъ пользуются они, но за то и многимъ искушеніямъ подвержены».

Запутанное и вычурное построеніе этого поученія, въ высшей степени замѣчательнаго по содержанію, тѣ сравненія, къ которымъ прибѣгаетъ авторъ для поясненія своей мысли, и отдаленная, искусственная связь, какую видимъ мы между началомъ слова и послѣднимъ выводомъ изъ него — все это указываетъ намъ въ проповѣдникѣ человѣка, который старался подражать современнымъ образцамъ византійскаго духовнаго краснорѣчія, въ которомъ преобладало полнѣйшее отсутствіе простоты въ развитіи мысли и большая искусственность въ изложеніи. Эта искусственность особенно поражаетъ насъ при сравненіи проповѣди Никифора съ простымъ поученіемъ Л. Жидяты и съ энергическими, сжатыми, ясными проповѣдями Θеодосія. Замѣтно однакоже, что, по мѣрѣ того, какъ духовенство болѣе и болѣе знакомилось съ образцами византійскаго духовнаго краснорѣчія, въ немъ болѣе и болѣе пробуждалась страсть къ подражанію этимъ образцамъ, совершенно несвойственнымъ той почвѣ, на которой древнимъ проповѣдникамъ нашимъ приходилось дѣйствовать. Это стремленіе къ подражанію византійскимъ проповѣдникамъ высказывается особенно ясно и рѣзко въ твореніяхъ Кирилла, епископа Туровскаго. Отъ него дошло до насъ девять словъ

къ народу, три слова къ монахамъ, молитвы и каноны. Проповѣди къ народу сказаны были въ теченіе воскресныхъ дней начиная отъ Вербной недѣли и до Троицына дня. Современники Кирилла Туровскаго, пораженные разнообразіемъ и блескомъ его краснорѣчія, сравнивали его съ Златоустомъ и называли «вторымъ Златословеснымъ учителемъ». И дѣйствительно поученія Кирилла чрезвычайно богаты весьма замѣчательными поэтическими образами и уподобленіями; но за то онъ такъ часто придаетъ самымъ яснымъ событіямъ смыслъ иносказательный, символическій, такъ часто заставляетъ своихъ слушателей видѣть значеніе пророческое, прообразовательное въ самыхъ подробностяхъ событія, заимствованнаго имъ изъ Св. Писанія, — что даже и наиболѣе образованные изъ тѣхъ слушателей, къ которымъ Кириллъ Туровскій обращался въ проповѣдяхъ своихъ, должны были вѣроятно многое въ нихъ непонимать. Съ постояннымъ пріемомъ изложенія въ проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго насъ всего легче могутъ ознакомить слѣдующіе отрывки изъ нихъ.

«Сегодня» — такъ говоритъ проповѣдникъ въ своемъ словѣ на Вербное Воскресенье — «Христосъ отъ Виѳаніи входитъ въ Іерусалимъ, *возсѣвъ на жребя осля*, да совершится пророчество Захаріино. Уразумѣвая пророчество это станемъ веселиться;... жребя — вѣровавшіе язычники, которыхъ посланные Христомъ Апостолы отрѣшили отъ лести дьявольской... Апостолы на жребя ризы возложили, на которыя сѣлъ Христосъ. Здѣсь видимъ обнаруженіе преславной тайны: ризы—это христіанскія добродѣтели Апостоловъ, которые своимъ ученіемъ устроили благовѣрныхъ людей въ престолъ Божій и вмѣстилище Св. Духу. Нынѣ народы постилаютъ Господу, по пути, одни — ризы свои, а другіе — вѣтви древесныя; добрый правый путь міродержателямъ и всѣмъ вельможамъ Христосъ показалъ: постлавши этотъ путь милостынею и незлобіемъ, безъ труда входятъ они въ царство небесное; ломающіе же вѣтви древесныя суть простые люди и грѣшники, которые сокрушеннымъ сердцемъ и умиленіемъ душевнымъ, постомъ и молитвами свой путь равняютъ и къ Богу приходятъ».— Часто случается, что такое же точно символическое значеніе пламенная фантазія Кириллова придаетъ и самымъ обыкновеннымъ явленіемъ природы, пользуясь ими какъ средствомъ для внесенія въ проповѣдь свою образовъ и примѣровъ, которые, по его м нію, должны были служить слушателямъ ближайшему истолкованію глубокаго смы различныхъ событій Св. Писанія, по пов воспоминанія которыхъ онъ говорилъ св проповѣди. Такъ, напримѣръ, въ словѣ Ѳомино Воскресенье онъ говоритъ:

«Нынѣ весна красуется, оживляя земну природу; вѣтры, тихо вѣя, подаютъ плодам обиліе, и земля, сѣмена питая, зеленую трав рождаетъ. Весна есть красная вѣра Христов которая крещеніемъ возраждаетъ человѣческую природу; вѣтры — помыслы грѣхотвореній, которые, претворившись покаяніемъ въ добродѣтель, приносятъ душеполезные плоды; земля же нашей природы, принявъ въ себя Слово Божіе, какъ сѣмя, и боля постоянно страхомъ Божіимъ, рождаетъ духъ спасенія. Нынѣ новорожденные агнцы и юнцы скачутъ быстро и весело возвращаются къ матерямъ своимъ, а пастухи на свирѣляхъ съ веселіемъ хвалятъ Христа: агнцы — это кроткіе люди изъ язычниковъ, а юнцы — кумирослужители невѣрныхъ странъ, которые Христовымъ вочеловѣченьемъ и Апостольскимъ ученьемъ и чудесами къ св. Церкви возвратившись, сосутъ млеко ученія; а учители Христова стада, о всѣхъ моляся, Христа Бога славятъ, собравшаго всѣхъ волковъ и агнцевъ въ одно стадо. Нынѣ древа лѣторосли испускаютъ, а цвѣты— благоуханіе, и вотъ уже въ садахъ слышится сладкій запахъ, и дѣлатели, съ надеждою трудяся, плододавца Христа призываютъ; прежде были мы, какъ древа дубравныя, неимѣющія плодовъ; а нынѣ Христова вѣра привилась къ нашему невѣрію, и, держась корня Іессеева, испуская добродѣтели, какъ цвѣты, ожидаемъ райскаго пакибытія о Христѣ, и святители, трудясь о церкви, ожидаютъ отъ Христа награды. Нынѣ оратаи слова, словесныхъ воловъ къ духовному ярму приводя, и крестное рало въ мысленныхъ браздахъ погружая, и проводя бразду покаянія, всыпая въ нее сѣмя духовное, веселятся надеждами будущихъ благъ». Многія изъ словъ Кирилла Туровскаго напоминаютъ намъ церковныя пѣсни и стихиры, которыя и доселѣ еще поются и читаются въ нашей Церкви. Самъ проповѣдникъ, окончивъ свою проповѣдь на Вербное Воскресенье, восклицаетъ: «сокративши слово, пѣснями, какъ цвѣтами, святую церковь увѣнчаемъ и украсимъ праздникъ, и вознесемъ славословіе Богу, и возвеличаемъ Хри-

ста, Спасителя нашего». Одна изъ проповѣдей Кирилла Туровскаго — «Слово на вознесеніе» — представляетъ собою почти дословное повтореніе и распространеніе церковныхъ пѣснопѣній, сопровождающихъ празднованье этого дня. По справедливому замѣчанію одного русскаго ученаго, такія слова, вмѣстѣ съ самыми пѣснопѣніями церкви, не могли не дѣйствовать на воображеніе воспріимчивыхъ людей изъ народа; подъ вліяніемъ ихъ развивался совершенно новый родъ народной поэзіи, — такъ называемые *духовные стихи*. Особенное вліяніе на образованіе ихъ должны были имѣть такія слова, предметъ которыхъ, выходя за точные предѣлы св. Писанія, давалъ полный просторъ религіозной фантазіи проповѣдника. А такія отступленія отъ разсказа Св. Писанія мы встрѣчаемъ у Кирилла Туровскаго нерѣдко, и воображеніе его помогаетъ ему иногда въ дополненіи разсказа Евангельскаго цѣлыми разговорами, которые между собой ведутъ выводимыя имъ въ проповѣди лица.

Въ послѣдующіе вѣка къ сочиненію Кирилла Туровскаго духовное и грамотное сословіе наше относилось съ особеннымъ уваженіемъ, тщательно собирало ихъ и переписывало; но сравнивая ихъ съ произведеніями остальныхъ русскихъ духовныхъ ораторовъ, жившихъ и до Кирилла, и послѣ него, грамотные предки наши находили ихъ до такой степени не похожими на остальные памятники нашего духовнаго краснорѣчія, что, принимая творенія Кирилла Туровскаго за переводъ съ греческаго, нѣкоторыя изъ словъ его приписывали одноименнымъ ему Отцамъ Церкви.

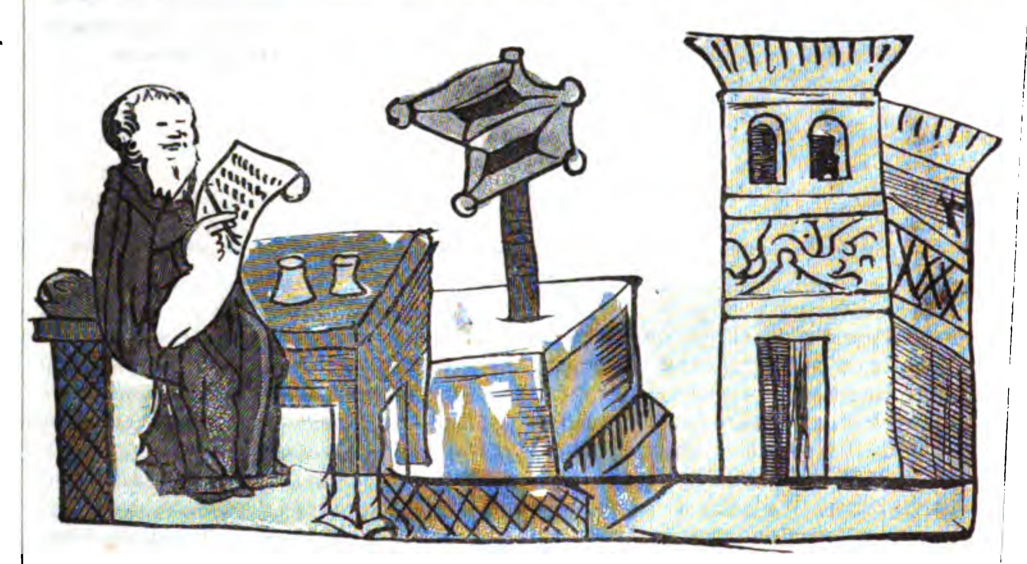
III.

МОНАСТЫРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: — ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ И ЛѢТОПИСЬ. — НЕСТОРЪ. — СБОРНИКИ.

Обычнымъ слѣдствіемъ распространенія христіанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грамотности, у всѣхъ народовъ историческихъ, бывало то, что народъ начиналъ яснѣе сознавать свою жизнь, и подъ вліяніемъ тѣхъ, которымъ удалось внести въ эту жизнь новыя духовныя начала, въ немъ возбуждалась потребность отмѣчать и записывать всѣ явленія своей жизни, которыя дѣйствительно были почему-нибудь замѣчательны или казались замѣчательными, сообразно понятіямъ современниковъ. Точно то же самое видимъ мы и въ древней Руси. Византія просвѣщаетъ насъ христіанствомъ и полагаетъ первыя основы нашей грамотности на общедоступномъ народномъ языкѣ; она же даетъ намъ не только азбуку и книги богослужебныя: она вноситъ къ намъ уже большой запасъ сочиненій, пересаженныхъ съ византійской почвы литературной на древне-болгарскую, и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ образцами искусства своего, даритъ насъ образцами литературы. Наши поученія, посланія и проповѣди получаютъ свое начало отъ подобныхъ же произведеній литературы византійской; и всѣ остальные роды древне-русской литературы могли исходить только изъ этого же самаго источника, только на этой почвѣ могли основываться, примѣняясь однако же къ современнымъ русскимъ потребностямъ, понятіямъ и взглядамъ. Въ числѣ образцовъ литературы византійской, переведенныхъ на церковно-славянскій или древне-болгарскій языкъ должны были конечно находиться и *лѣтописи*, и *сборники* житій святыхъ, такъ какъ нѣкоторые *«хронографы»* [1]), лѣтописцы византійскіе, были переведены на болгарскій языкъ уже въ половинѣ X вѣка, и даже ранѣе, и *патерики* [2]), *отечники*, т.-е. *сборники Житій Св. Отцевъ*, тоже принадлежали къ числу произведеній, весьма рано перешедшихъ изъ Византіи въ Болгарію. Благочестивые предки наши, читая греческія лѣтописи и патерики, конечно должны были изъ нихъ почерпнуть первое побужденіе къ тому, чтобы создать нѣчто подобное и у насъ на Руси, гдѣ передъ ихъ глазами совершалась жизнь яркая, разнообразная, богатая подвигами мужества и благочестія, достойными изумленія.

[1]) Отъ греч. слова: (время) и *графо* — пишу. [2]) *патѣръ* — отецъ.

Выше уже видѣли мы, что первыми писателями нашими явились лица духовныя; что они же явились и первыми распространителями грамотности и просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Хотя мы увидимъ далѣе, что въ числѣ свѣтскихъ лицъ — князей, княгинь, дружинниковъ, окружавшихъ князя — являлись охотники собирать и читать книги, однако же преобладающимъ по грамотности, преимущественно грамотнымъ сословіемъ, въ теченіи всего древнѣйшаго періода нашей литературы является все же одно духовенство и монашество. Монастыри, и въ этотъ древнѣйшій періодъ (XI, XII в.), и въ гораздо болѣе поздній (XIV, XV, XVI вв.) являются у насъ главными разсадниками просвѣщенія и книжнаго ученія, и даже, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, главными складами, изъ которыхъ распространялись по лицу земли русской переписываемыя монахами книги. Отдѣленные отъ мірской суеты и заботъ стѣнами монастырской ограды, огражденные ею же и отъ внѣшнихъ опасностей, монахи, болѣе чѣмъ кто-либо другой, имѣли возможности и досуга для занятій письменностью и литературою. Здѣсь-то, въ стѣнахъ монастырей, суждено было одновременно зародиться и нашимъ русскимъ *патерикамъ*, и нашимъ русскимъ *лѣтописямъ*, такъ какъ монаху изъ его спокойной и безмятежной среды представлялось почти столько же

«Пишущій монахъ» рисунокъ, приложенный къ Лаврентьевскому списку Несторовой лѣтописи.

удобствъ къ наблюденію за внутренней жизнью монастыря, сколько и къ наблюденію хода внѣшнихъ событій, совершавшихся внѣ его стѣнъ. «При тогдашнемъ положеніи духовныхъ, въ особенности монаховъ» — говоритъ нашъ русскій историкъ — «они имѣли возможность знать современныя событія во всей ихъ подробности и пріобрѣтать отъ вѣрныхъ людей свѣдѣнія о событіяхъ отдаленныхъ. Въ монастырь приходилъ князь прежде всего сообщить о замышляемомъ предпріятіи; духовныя лица отправлялись обыкновенно послами, слѣдовательно имъ лучше другихъ былъ извѣстенъ ходъ переговоровъ; должно думать что духовныя лица, какъ первые грамотѣи, были и первыми дьяками, первыми секретарями нашихъ древнихъ князей. Припомнимъ также, что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ князья обыкновенно прибѣгали къ совѣтамъ духовенства; прибавимъ наконецъ, что духовныя лица имѣли возможность знать также очень хорошо самыя подробности походовъ, ибо сопровождали войска, и будучи сторонними наблюдателями и вмѣстѣ приближенными людьми къ князьямъ, могли сообщить болѣе вѣрныя свѣдѣнія, нежели самые ратные люди, находившіеся въ дѣлѣ. «Весьма понятно, что при такомъ важномъ значеніи въ современномъ обществѣ, духовныя лица, и преимущественно монахи, должны были уже

очень рано начать записывать краткія, отрывочныя замѣтки о происходившихъ передъ ними событіяхъ историческихъ или свѣдѣнія о современныхъ имъ лицахъ или, наконецъ, преданія и разсказы старыхъ людей объ отдаленномъ прошломъ Русской земли. Предполагаютъ даже, что первоначально такія краткія, отрывочныя замѣтки записывались духовенствомъ на поляхъ *«пасхальныхъ таблицъ»* т. е. небольшихъ кусковъ пергамена, на которыхъ на нѣсколько лѣтъ впередъ бывали разсчитаны и отмѣчены тѣ дни, въ какіе праздникъ Пасхи долженъ былъ выпасть въ томъ или другомъ году. Такія пасхальныя таблицы, по обычаю того времени, разсылались въ извѣстные сроки по церквамъ и монастырямъ, и духовенство,—въ этотъ періодъ страшной дороговизны на всѣ письменныя принадлежности — должно было съ теченіемъ времени весьма естественно набрести на мысль о пополненіи пробѣловъ пергамена этихъ пасхальныхъ таблицъ своими бѣглыми помѣтками, равно относившимися и къ исторической жизни той или другой мѣстности, и къ внутренней жизни того или другаго монастыря. Монахъ помѣчалъ въ этихъ пробѣлахъ противъ извѣстнаго года и о происходившей во время его войнѣ князей съ иноплеменниками, и о страшномъ падежѣ на скотъ или бурѣ, опустошившихъ окрестности обители, и о кровавой хвостатой звѣздѣ (кометѣ), появлявшейся на горизонтѣ, и о подвигахъ благочестія, совершенныхъ во славу Божію однимъ изъ братіи, и о враждѣ, «посѣянной дьяволомъ» между князьями, и о чудесахъ мѣстной иконы. Съ такою же точно простотою, противъ нѣкоторыхъ годовъ, тотъ же монахъ выставлялъ слова: «была тишина» (т. е. ни войны, ни усобицъ не было), или даже еще короче и яснѣе: — «ничего не было» (въ смыслѣ: не случилось ничего замѣчательнаго). Но эти первоначальныя и краткія историческія записи не дошли до насъ въ ихъ простѣйшемъ видѣ. По мѣрѣ того, какъ, съ одной стороны, запасъ ихъ сталъ увеличиваться, а съ другой — грамотность и образованіе стали распространяться болѣе и болѣе въ средѣ нашего духовенства и монашества, явились и такіе люди, которые уже не стали довольствоваться краткими замѣтками на пасхальныхъ таблицахъ, а захотѣли создать нѣчто болѣе цѣлое, болѣе полное, вѣроятно принявъ за образецъ хроники византійскія. И вотъ, изъ отрывочныхъ сказаній, замѣтокъ, записей, изъ свѣдѣній почерпнутыхъ у византійскихъ хронистовъ или заимствованныхъ прямо изъ устъ очевидцевъ, мало-по-малу создались тѣ сводныя лѣтописи наши, которыя почти одновременно зародились на различныхъ концахъ древней Руси, въ тѣхъ пунктахъ ея, которые были особенно богаты историческою жизнью: въ Кіевѣ и Новгородѣ, въ Черниговѣ, въ Ростовѣ, на Волыни.

Преданіе называетъ *Нестора*, инока Кіево-Печерскаго монастыря, жившаго въ XI вѣкѣ и въ началѣ XII, «древнѣйшимъ лѣтописцемъ русскимъ». Должно предполагать, что и дѣйствительно Несторъ былъ однимъ изъ первыхъ составителей нашихъ лѣтописныхъ сводовъ, излагающихъ событія историческія довольно полно и подробно, въ послѣдовательности, по годамъ и княженіямъ; однако же нѣтъ никакой возможности сомнѣваться и въ томъ, что уже задолго до Нестора въ самомъ монастырѣ Кіево-печерскомъ велись кое-какія историческія погодныя замѣтки[1]), въ видѣ краткой лѣтописи или въ видѣ отдѣльныхъ записей на пасхальныхъ таблицахъ. Несторъ воспользовался этимъ матерьяломъ и только дополнилъ его новыми фактами и драгоцѣнными добавленіями изъ богатаго запаса своей памяти, своей наблюдательности и своей начитанности, для которой столь обильную пищу представляло и тогда уже богатое книгохранилище Кіево-печерской обители. Сознавая преимущество своего труда надъ трудами темныхъ, предшествовавшихъ ему на томъ же поприщѣ тружениковъ, Несторъ далъ ему и названіе, въ которомъ ясно указываетъ на всѣ важнѣйшія стороны своего произведенія, столь драгоцѣннаго для потомства: «Се повѣсти времянныхъ лѣтъ откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть». Все, что извѣстно намъ о Несторѣ, ограничивается очень скудными свѣдѣніями о его пребываніи въ Кіево-Печерской обители. Достовѣрно знаемъ только то, что 17-ти лѣтнимъ юношей пришелъ онъ, въ 1073 г., въ монастырь, (слѣдовательно родился около 1056 – 1057 г.), гдѣ и былъ постриженъ игуменомъ Стефа-

[1]) Замѣтки, расположенныя *по годамъ*, въ порядкѣ послѣдовательности годовъ, и составляютъ собственно то, что называется *лѣтописью*. *Лѣто* — значитъ на церковно-славянскомъ языкѣ, тоже, что *годъ*.

номъ, а потомъ поставленъ въ дьяконы. Знаемъ также, что въ 1091 году ему поручено было, вмѣстѣ съ двумя другими иноками, отыскать мощи Св. Өеодосія Печерскаго, что и было имъ исполнено. Предполагають, что онъ долженъ былъ скончаться послѣ 1113 года, такъ какъ этотъ годъ упоминается имъ въ началѣ его «Повѣсти времянныхъ лѣтъ».

Какъ очевидецъ, Несторъ могъ описывать только княженія Всеволода Ярославича и Святополка Изяславича (1078 — 1112); а о предшествовавшихъ имъ княженіяхъ сыновей Владиміра, Святополка и Ярослава Владиміровичей и Изяслава Ярославича (1075 — 1077) онъ, по видимому, много собралъ свѣдѣній отъ современниковъ-очевидцевъ, изъ которыхъ Несторъ даже и называетъ двоихъ по именамъ: одинъ — Гюрята Роговичъ, Новогородецъ, вѣроятно торговый человѣкъ, сообщившій ему свѣдѣнія о дальнемъ сѣверѣ Россіи, о Печорѣ, Югрѣ; другой — 90-лѣтній старецъ Янъ (умершій въ 1106 г.), сынъ Вышаты, Ярославова воеводы, внукъ посадника новгородскаго, Остромира, впослѣдствіи бывшій и самъ воеводою и важнымъ лицемъ при князьяхъ, состоявшій въ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ къ самому Өеодосію Печерскому. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и въ средѣ самой братіи Кіево-Печерскаго монастыря много было людей, отъ которыхъ также, какъ отъ Яна и Гюряты, непосредственно или черезъ посредство современной Нестору братіи, дошли до лѣтописца свѣдѣнія о разныхъ концахъ Руси, о бытѣ племенъ, обитавшихъ близь предѣловъ ея, о распространеніи христіанства въ различныхъ областяхъ русскихъ и т. п. Намъ извѣстно, что между братіею кіево-печерскою въ разное время успѣли перебывать люди всѣхъ сословій и всѣхъ состояній; были Русскіе и иноплеменники, были люди много-странствовавшіе и много видавшіе на своемъ вѣку. Тутъ видимъ и Варлаама – сына боярина, и Ефрема – княжескаго конюшаго, и богатаго купца изъ Торопца—Исаакія Затворника, и Арефу—родомъ изъ дальняго Полоцка, и Ефрема (впослѣдствіи епископа Переяславскаго), — Грека родомъ, и Моvсея — Венгерца, долго жившаго въ плѣну у Польскаго короля Болеслава, и Никона Сухого—находившагося долго въ плѣну у Половцевъ и потому вѣроятно близко-знакомаго съ ихъ нравами и обычаями, и наконецъ Іеремію Прозорливаго, который былъ очевидцемъ крещенія Русской земли при Владимірѣ Равноапостольномъ. Преданія о нихъ не вымирали въ стѣнахъ Кіево-печерской лавры и Несторъ несомнѣнно занесъ изъ нихъ многое на страницы своей лѣтописи.

Но кромѣ этихъ живыхъ источниковъ, кромѣ личнаго наблюденія надъ живою современностью, Несторъ пользовался уже и многими письменными источниками. Къ числу такихъ источниковъ прежде всего слѣдуетъ отнести, во первыхъ, *византійскія хроники*, изъ которыхъ онъ заимствуетъ свѣдѣнія о событіяхъ въ Византіи, современныхъ событіямъ на Руси; во вторыхъ — отдѣльныя *житія* болгарскія и собственно-русскія; напр. житіе Кирилла и Меѳодія, древнія житія Св. Ольги, Св. Владиміра, Св. Бориса и Глѣба. Наконецъ, Несторъ очевидно пользовался при составленіи своей лѣтописи и особаго рода сборниками, которыми была чрезвычайно богата литература византійская и которые назывались *Палеями* [1]). *Палеи* заключали въ себѣ сокращенное изложеніе событій ветхо-завѣтной исторіи, въ связи съ толкованіями Отцевъ Церкви и съ различными объясненіями и добавленіями противъ того, что извѣстно намъ изъ Св. Писанія. Палеи являлись иногда въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ, иногда же помѣщались въ началѣ византійскихъ хроникъ, въ видѣ вступленія къ нимъ, такъ что, послѣ изложенія событій ветхо-завѣтной исторіи, авторъ хроники прямо переходилъ къ изложенію событій собственно византійскихъ. Кромѣ этого, въ лѣтописи Нестора замѣтно знакомство и съ нѣкоторыми другими произведеніями византійской литературы (напр. со «сказаніемъ о послѣднихъ временахъ», которое приписывають Меѳодію Патарскому), и въ особенности—обширная начитанность въ Св. Писаніи, изъ котораго лѣтописецъ безпрестанно почерпаетъ подтвержденія своимъ выводамъ и заключеніямъ, и выписываетъ мѣста, на которыя опирается, какъ на доказательство своихъ воззрѣній на событіе или тѣхъ нравоученій, какія онъ изъ него извлекаетъ. Эта же начитанность въ Священномъ Писаніи и то глубоко-религіозное настроеніе, которымъ отличается вся древне-русская образованность, налагають особую печать и на произведеніе Нестора, который объясняетъ себѣ всѣ

[1]) *Палея* — отъ греч. слова: *палеосъ* — древній, ветхій.

явленія историческія не иначе, какъ съ точки зрѣнія исключительно-религіозной и монашеской. Все дурное и злое, по мнѣнію лѣтописца, совершается по внушенію бѣсовъ и *«соблазненію»* дьявола, точно также, какъ все доброе можетъ совершаться только при особой помощи свыше; всѣ бѣдствія, какъ-то: нашествіе иноплеменниковъ, голодъ, моръ и пр., насылаются на насъ «по гнѣву Божію». Сверхъ того, Несторъ, какъ и всѣ современники его, при тогдашнемъ полномъ отсутствіи знанія природы и ея явленій, выражаетъ постоянно полнѣйшую увѣренность въ томъ, что многія, не совсѣмъ обыкновенныя, явленія природы слѣдуетъ принимать за «знаменья, посылаемыя намъ свыше», и рѣдко предвѣщающія что-либо хорошее. «Знаменья на небѣ», говоритъ Несторъ, «или въ звѣздахъ, или въ солнцѣ, или въ птицахъ, или въ другомъ чемъ не къ добру бываютъ; такія знаменья предвѣщаютъ дурное: — начало войны, либо голодъ, либо смерть». Признавая силу и значеніе, которое бѣсы могутъ имѣть въ жизни человѣка, Несторъ конечно вѣритъ и въ силу колдовства (волхвованія), и въ доказательство того, что многое «отъ колдовства сбывается» приводитъ иногда на страницахъ своей лѣтописи тѣ сказанія и вымыслы, которыми часто наполнялись въ то отдаленное время не только наши лѣтописи, но и хроники Византіи, и хроники всей остальной Европы.

«Повѣсть временныхъ лѣтъ» Нестора начинается съ небольшаго вступленія, въ которомъ, подражая византійскимъ хронографамъ, нашъ лѣтописецъ прежде всего разсказываетъ намъ какъ Симъ, Хамъ и Афетъ — сыновья Ноевы — раздѣлили между собою землю послѣ потопа. Послѣ подробнаго перечисленія странъ и народовъ древняго міра, лѣтописецъ замѣчаетъ, что, когда послѣ столпотворенія Вавилонскаго, Богъ раздѣлилъ всѣ народы на 72 языка, то племя Афетово заняло Западъ и Сѣверныя страны; отъ этого-то Афетова племени производитъ онъ и Славянъ, и затѣмъ уже переходитъ къ описанію ихъ быта, сначала на берегахъ Дуная, а потомъ и къ разселенію ихъ по рѣкамъ и землямъ въ направленіи къ Сѣверо-Востоку до Ильменя, Оки и притоковъ Днѣпра. При этомъ онъ описываетъ обычаи и нравы различныхъ племенъ Славянскихъ; потомъ говоритъ подробно о просвѣщеніи Моравіи христіанствомъ и съ 862 года, съ призванія Варяговъ изъ за-моря Ильменьскими Славянами уже ведетъ подробную лѣтопись всѣмъ замѣчательнымъ событіямъ, бывшимъ на Руси до его времени и въ его время, и доводитъ ее почти до конца княженія Святополка Изяславича, заканчивая свой расказъ 1110 годомъ. Весь древнѣйшій періодъ нашей Исторіи, до начала XI столѣтія, Несторъ излагаетъ въ видѣ отдѣльныхъ, округленныхъ и законченныхъ небольшихъ разсказцевъ. Вѣроятно лѣтописецъ и помѣщалъ ихъ на страницы своего произведенія почти въ томъ видѣ, въ какомъ начерпалъ ихъ изъ устъ народа, въ памяти котораго они были живы и получили эту простую форму. Съ начала XI столѣтія разсказъ Нестора становится подробнѣе и обстоятельнѣе: видно, что онъ здѣсь уже могъ руководиться расказами современниковъ и очевидцевъ. Въ тѣхъ разнообразныхъ отрывкахъ изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и другихъ лѣтописей русскихъ, какіе будутъ приведены нами въ концѣ этой главы, легко будетъ замѣтить эти оттѣнки въ изложеніи событій у нашего древняго лѣтописца.

Выше говорили мы о томъ, что Нестора никакъ нельзя считать *первымъ нашимъ* лѣтописцемъ, и что на него слѣдуетъ смотрѣть только какъ на перваго составителя тѣхъ *подробныхъ лѣтописныхъ сводовъ*, которые потомъ стали у насъ извѣстны подъ различными названіями: лѣтописей, временниковъ, повѣстей и т. д. Не слѣдуетъ забывать однако же, что въ первоначальномъ своемъ видѣ лѣтопись Нестора до насъ не дошла, и что намъ извѣстна она уже по позднѣйшему списку XIV в. съ тѣми добавленіями и вставками, какія сочли нужнымъ внести въ нее позднѣйшіе переписчики и продолжатели. Въ этомъ спискѣ она является намъ, по очень интересному замѣчанію нашего историка Соловьева — образцемъ лѣтописца *всероссійскаго*, т.-е. посвященнаго интересамъ всей тогдашней Руси, между тѣмъ какъ первоначально она была вѣроятно только мѣстною, Кіевскою лѣтописью, которая и ограничивалась одними кіевскими событіями, какъ Новогородская — новогородскими, и Ростовская — Ростовскими. При составленіи этихъ позднѣйшихъ сводовъ лѣтописныхъ, «Повѣсть временныхъ лѣтъ» Нестора служила повидимому образцемъ для всѣхъ составителей и почти цѣликомъ вносилась во всѣ лѣтописи, писанныя послѣ 1110 года, гдѣ бы онѣ ни писались — въ Кіевѣ, Черниговѣ, Полоцкѣ, въ Суздалѣ, на Волыни или въ Новѣгородѣ. Но изъ этого еще

не слѣдуетъ заключать, чтобы всѣ лѣтописи, писавшіяся на различныхъ концахъ Россіи, были совершенно сходны между собою по изложенію. Каждая лѣтопись, напротивъ того, носитъ на себѣ особый отпечатокъ, и совершенно соотвѣтствуетъ по способу изложенія той мѣстности и тому населенію, среди котораго она зародилась. Вотъ что говоритъ объ этомъ историкъ нашъ Соловьевъ:

«До насъ отъ описываемаго времени (отъ XII столѣтія) дошли двѣ лѣтописи *сѣверныя*— Новгородская и Суздальская, и двѣ *южныя*— Кіевская, съ явными вставками изъ Черниговской, Полоцкой и, вѣроятно, изъ другихъ лѣтописей, и Волынская. Новгородская лѣтопись отличается краткостью, сухостью разсказа; такое изложеніе происходитъ во первыхъ, отъ бѣдности содержанія: Новгородская лѣтопись есть лѣтопись событій одного города, одной волости; съ другой стороны, нельзя не замѣтить и вліянія народнаго характера, ибо въ рѣчахъ новгородскихъ людей, внесенныхъ въ лѣтопись, замѣчаемъ также необыкновенную краткость и силу; какъ видно, Новгородцы не любили разглагольствовать, они не любили даже договаривать своей рѣчи, и однако хорошо понимаютъ другъ друга: можно сказать, что дѣло служитъ у нихъ окончаніемъ рѣчи; такова знаменитая рѣчь Твердислава: «тому есмь радъ, оже вины моеи нѣту; а вы, братье, въ посадничьствѣ и въ князехъ». Разсказъ южнаго лѣтописца, на оборотъ, отличается обиліемъ подробностей, живостью, образностью, можно сказать — художественностью; преимущественно Волынская лѣтопись отличается особеннымъ поэтическимъ складомъ рѣчи: нельзя не замѣтить здѣсь вліянія южной природы, характера южнаго народонаселенія; можно сказать, что новгородская лѣтопись относится къ южной—Кіевской и Волынской—какъ поученіе Луки Жидяты относится къ словамъ Кирилла Туровскаго. Что-же касается до разсказа Суздальскаго лѣтописца, то онъ сухъ, не имѣя силы новгородской рѣчи, и вмѣстѣ многоглаголивъ безъ художественности рѣчи южной; можно сказать, что южная лѣтопись — кіевская и Волынская — относятся къ Сѣверной и Суздальской, какъ «Слово о полку Игоревѣ» относится къ «сказанію о Мамаевомъ побоищѣ».

Нестору не только приписывается «Повѣсть временныхъ лѣтъ: — достовѣрно извѣстно, что имъ же написаны были и нѣкоторыя *житія Святыхъ*. Онъ не былъ первымъ и древнѣйшимъ авторомъ этого рода произведеній у насъ на Руси, какъ не былъ и первымъ лѣтописцемъ нашимъ, потому что и до него вѣроятно уже были написаны нѣкоторыя Житія Святыхъ, напримѣръ, Св. Владиміра и Св. Ольги, которыми онъ повидимому даже и пользовался при составленіи своей «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Несомнѣнно однакоже, что Несторъ былъ однимъ изъ первыхъ и главнѣйшихъ собирателей того драгоцѣннаго матерьяла преданій и свѣдѣній о святыхъ подвижникахъ русскихъ, изъ котораго впослѣдствіи, при помощи другихъ труженниковъ, увлеченныхъ примѣромъ Нестора, образовались у насъ наши собственные, русскіе *патерики* или *сборники Житій*. Происхожденіе этого рода сборниковъ и то значеніе, которое они съ теченіемъ времени пріобрѣли въ древнерусской жизни, тѣсно связано съ значеніемъ въ древней Руси монастырей вообще и въ особенности монастыря Кіево-Печерскаго, о которомъ мы должны будемъ сказать здѣсь нѣсколько словъ, необходимыхъ для пополненія свѣдѣній о древнѣйшемъ періодѣ нашей литературы.

Выше (на стр. 11-й и 16-й) мы уже говорили о значеніи монастырей, какъ центровъ, изъ которыхъ сильными лучами расходилось книжное ученіе во всѣ стороны земли русской. Но нельзя не замѣтить, что не всѣ монастыри русскіе пользовались у насъ, въ древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи, одинаковымъ значеніемъ. Кіево-Печерскій монастырь, основанный гораздо позже многихъ другихъ, въ княженіе Изяслава Ярославича, въ короткое время возвысился надъ всѣми остальными монастырями русскими и, подъ вліяніемъ различныхъ благопріятныхъ условій, явился замѣчательнымъ разсадникомъ просвѣщенія на древне-русской почвѣ. Къ числу благопріятныхъ условій, способствовавшихъ возвышенію его, слѣдуетъ конечно отнести прежде всего то, что Кіево-Печерскій монастырь былъ основанъ не греческими выходцами, а русскими людьми, въ средѣ которыхъ христіанство успѣло уже на столько укорениться, что они почувствовали потребность и въ устройствѣ монастыря, который бы не походилъ на остальные монастыри, уже существовавшіе на Руси. И дѣйствительно, изъ небольшаго собранія пещеръ, въ которыхъ, около отшельника Антонія, сошлись съ разныхъ концевъ земли русской по-

добные ему отшельники, жаждавшіе духовныхъ подвиговъ и уединенія, образовалась обитель Печерская, затмившая всѣ монастыри своего времени суровостью и простотою быта [1]) своихъ иноковъ и что еще важнѣе: — ихъ ревностною, усердною дѣятельностью на пользу распространенія свѣта Христова ученія и свѣта книжной мудрости по лицу русской земли. Быстрому возвышенію Кіево-Печерской обители среди другухъ обителей русскихъ конечно должно было много способствовать то направленіе, какое, въ стѣнахъ новой обители, было придано иноческой жизни энергическою личностью Θеодосія Печерскаго. Намъ уже пришлось въ одной изъ предъидущихъ главъ очертить вкратцѣ его способъ дѣйствій въ этомъ отношеніи и упомянуть о замѣчательной практической мудрости, на основаніи которой Θеодосій старался дѣйствовать на братію не только словомъ, а преимущественно дѣломъ и примѣромъ. Долговременное и дѣятельное игуменство Θеодосія не могло остаться безъ вліянія на дальнѣйшую судьбу Кіево-Печерскаго монастыря, который сталъ собирать въ стѣнахъ своихъ лучшія силы русскія и обращать ихъ на дѣло духовнаго и умственнаго просвѣщенія народа. Сюда стекались князья, бояре и простолюдины, убѣгая раздоровъ и опасностей современной жизни, и отсюда выходили во всѣ концы земли русской «воины Христовы» [2]), сильные волею, готовые трудиться и жертвовать своею жизнью, гордые происхожденіемъ своимъ отъ одной общей, воспитавшей ихъ, матери—обители Печерской.

Изъ Кіево-печерскаго монастыря вышли первые наши миссіонеры: Леонтій, распространившій христіанство въ Ростовѣ, и Кукша, замученный Вятичами. Отсюда же, какъ изъ главнаго разсадника древне-русскаго просвѣщенія, вышла и большая часть русскихъ владыкъ, правившихъ паствою русскою въ разныхъ концахъ нашего отечества до татарщины: въ концѣ XII вѣка уже насчитывали до 50-ти русскихъ епископовъ, происходившихъ изъ монастыря Кіево-печерскаго. И гдѣ бы ни являлись иноки кіевопечерскіе, какой бы дѣятельности ни посвящали они себя, какого бы значенія ни достигали они въ современномъ обществѣ, они постоянно поддерживали сношенія съ обителью Печерскою и счастливѣйшимъ временемъ своей жизни считали тѣ годы, которые проведены были ими въ стѣнахъ ея, среди постоянныхъ трудовъ и вдали отъ житейскихъ волненій. Эта теплая, искренняя привязанность къ обители Кіево-печерской и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гордое сознаніе высокаго значенія ея прекрасно высказываются въ одномъ изъ памятниковъ начала XIII в., — въ посланіи одного изъ бывшихъ въ Печерскомъ монастырѣ иноковъ, Симона, возведеннаго впослѣдствіи въ санъ епископа Владимірскаго, къ другому иноку, Поликарпу, который, вслѣдствіе побужденій честолюбія, добивался епископства. «Ты хочешь быть епископомъ?» пишетъ Симонъ Поликарпу; «хо-

---

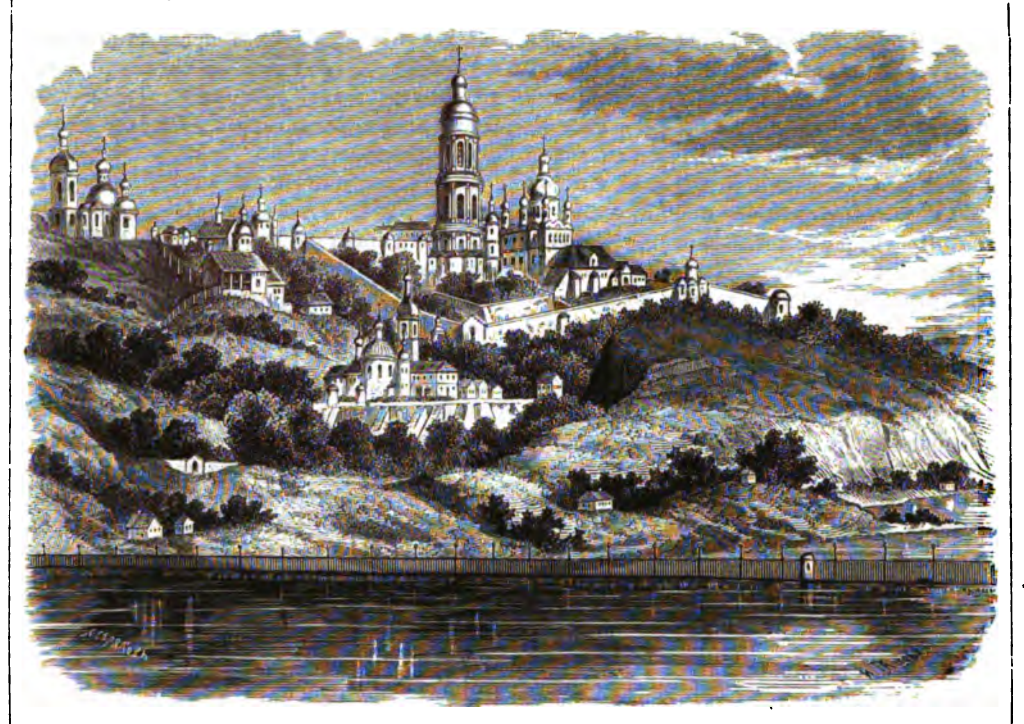
[1]) Θеодосій въ монастырѣ Печерскомъ ввелъ очень строгій Студійскій уставъ, которому основаніе положено было нѣкіимъ Θеодоромъ Студитомъ (живш. въ Византіи во время иконоборства и VII вселенскаго собора). Содержаніе устава очень просто. Имъ предписывалась, прежде всего молитва общая, соборная, указывались самыя строгія правила церковнаго благочинія. Иноки должны были имѣть все общее, даже одежду, и никто не могъ не только имѣть частной собственности, но даже чтобы то ни было называть своимъ. Все, что иноки заработывали трудами рукъ своихъ, составляло ихъ общую собственность, которая и бывала употреблена на содержаніе ихъ. Внѣ общаго, очень простаго стола, никто изъ иноковъ ничего не смѣлъ ни ѣсть, ни пить; безъ разрѣшенія игумна, не могъ ни одинъ изъ иноковъ ничего принять отъ кого бы то ни было. Безъ дозволенія игумна не только не могли иноки выходить за ворота монастырскія, но даже и ходить другъ къ другу, но кельямъ.

[2]) Слава, распространившаяся всюду около Кіева о святости Антонія и окружавшихъ его отшельниковъ стала быстро привлекать братію въ новообразовавшійся русскій монастырь. Однажды, сынъ знатнаго боярина, по имени Иванъ, подъѣхалъ къ монастырю въ свѣтлой одеждѣ, на богатомъ конѣ, окруженный слугами. Покинувъ эту одежду, отославъ коня и слугъ своихъ, онъ просилъ Антонія о постриженіи... Вскорѣ послѣ того другой любимецъ князя Изяслава также поступилъ въ число иноковъ Печерскихъ. Разгнѣвался князь на то, что монастырь отнимаетъ у него воиновъ и слугъ, и пригрозилъ Никону, тогда бывшему игуменомъ, что онъ пошлетъ въ заточеніе и его, и всю братью, а пещеру ихъ велитъ раскопать. Никонъ отвѣчалъ Изяславу: «Какъ тебѣ угодно, такъ и поступай со мною; а я все же не могу отнимать воиновъ у Царя Небеснаго».

рошо; но... подумай, таковъ-ли ты, какимъ слѣдуетъ быть епископу?... Совершенство состоитъ не въ томъ, чтобы быть славиму ото всѣхъ, но въ томъ, чтобы исправить житіе свое и сохранить себя въ чистотѣ. Отъ того-то изъ Печерскаго монастыря такъ много епископовъ поставлено было во всю Русскую землю: если считать всѣхъ, до меня грѣшнаго, то будетъ около пятидесяти. Разсуди же, теперь какова слава этого монастыря,... и будь доволенъ тихимъ и безмятежнымъ житіемъ, къ которому Господь привелъ тебѣ. Я бы съ радостью оставилъ епископство и сталъ работать игумену; но самъ знаешь, что меня удерживаетъ: всѣ знають, что у меня, грѣшнаго епископа Симона, соборная церковь — красота всему Владиміру, а другая, Суздальская церковь, которую самъ построилъ; сколько у нихъ городовъ и селъ, и десятину собираютъ по всей той землѣ, и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость. Но передъ Богомъ скажу тебѣ: *всю эту славу и власть счелъ бы я за ничто, если бы мнѣ хотя хворостиною пришлось торчать за воротами Печерскаго монастыря или хоть сором валяться въ немъ и быть попираему людьми*».

Весьма естественно, что при такомъ значеніи Печерскаго монастыря въ средѣ русскаго общества XI и XII вѣковъ, при той привязанности къ обители, которая жила во всѣхъ инокахъ Печерской обители — въ нихъ очень рано должно было пробудиться желаніе прославить ее, собравъ всѣ преданія о жившихъ въ ней и воспитанныхъ ею подвижникахъ, и передавши память о нихъ отдаленному потомству. На основаніи этого побужденія, уже Несторъ сталъ собирать преданія о бывшихъ до него замѣчательныхъ подвижникахъ, и даже въ «Повѣсть времянныхъ лѣтъ» занесъ эти преданія: тамъ, говоря о Кіевопечерской обители, онъ подробно упоминаетъ о четверыхъ замѣчательныхъ инокахъ кіево-печерскихъ: Даміанѣ, Іереміи, Матѳеѣ и Исаакіи. Собирая свѣдѣнія о наиболѣе замѣчательныхъ изъ числа иноковъ, могъ-ли Несторъ не собрать свѣдѣній о Ѳеодосіи, который скончался не за долго до пришествія Нестора въ монастырь Кіево-Печерскій? Еще такъ живы были воспоминанія о Ѳеодосіи, еще такъ полна была ими обитель; еще даже былъ живъ и келарь Ѳеодосія, инокъ Ѳеодоръ, слышавшій отъ матери Ѳеодосія обо всѣхъ подробностяхъ его жизни до монашества, и передавшій эти подробности Нестору. Житіе Ѳеодосія было уже не первымъ опытомъ Нестора въ этомъ родѣ литературномъ; до него онъ успѣлъ написать также сохранившееся намъ «Житіе Бориса и Глѣба». О «житіи Бориса и Глѣба» писалъ не одинъ Несторъ: и до него оно уже было сочинено какимъ-то монахомъ Іаковомъ. Замѣтно, что печальная судьба князей-братьевъ, глубоко проникнутыхъ чувствомъ христіанскаго смиренія и братолюбія, сильно поразила умы современниковъ, особенно въ тотъ періодъ, когда братолюбіе было далеко необыденнымъ явленіемъ въ княжеской и дружинной средѣ. Житіе Ѳеодосія, написанное Несторомъ и собранныя имъ свѣдѣнія о житіи другихъ иноковъ Кіевопечерскихъ, послужили основою того сборника житій, который впослѣдствіи составленъ былъ другими и сталъ извѣстенъ подъ названіемъ Патерика Печерскаго. Послѣ Нестора, надъ собираніемъ матеріаловъ для Патерика болѣе всего трудился Симонъ, о которомъ мы упоминали выше; въ концѣ своего посланія къ Поликарпу онъ сообщаетъ весьма любопытное «Сказаніе о построеніи Кіевопечерскаго монастыря» и подтверждаетъ всѣ нравственныя размышленія свои разсказами о жизни и подвигахъ печерскихъ угодниковъ. Поликарпъ, который, по внушеніи Симона, рѣшился отказаться отъ своихъ притязаній на епископство, и остался въ Печерскомъ монастырѣ простымъ инокомъ, впослѣдствіи, по предложенію архимандрита Акиндина, въ посланіи къ нему, также изложилъ житія многихъ печерскихъ угодниковъ, отчасти на основаніи разсказовъ, слышанныхъ имъ отъ Симона, отчасти вѣроятно и на основаніи другихъ преданій. Сверхъ того, Поликарпъ говоритъ, что при изображеніи житій, подражалъ *древнимъ патерикамъ*, т. е. вѣроятно византійскимъ образцамъ ихъ. Впослѣдствіи, это основаніе, данное Патерику Несторомъ въ концѣ XI и началѣ XII вѣка, Симономъ и Поликарпомъ, въ началѣ XIII вѣка, расширенное и увеличенное, много разъ передѣлывалось и дополнялось новыми статьями и житіями. Заносились сюда даже и такія статьи, которыя къ житіямъ отношенія не имѣли, напримѣръ: сказаніе о крещеніи Славянъ, о томъ, какъ Св. Писаніе было переведено на ихъ языкъ и т. д. Въ этомъ передѣланномъ и много разъ дополненномъ видѣ, Патерикъ Печерскій сдѣлался на всѣ послѣдующіе вѣка любимымъ чтеніемъ благочестивыхъ людей русскихъ, ко-

торые много разъ почерпали въ немъ бодрость и силу для перенесенія почти невыносимыхъ условій своей исторической жизни въ ея древнѣйшемъ и среднемъ періодѣ.

Кіево-Печерская Лавра.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЖИТІЯ ӨЕОДОСІЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРСКАГО, ОПИСАННАГО НЕСТОРОМЪ.

Отрочество Өеодосія. — Намѣреніе посѣтить Іерусалимъ. — Труды его. — Отношеніе къ матери.

Өеодосію было тринадцать лѣтъ въ то время, (когда) скончался отецъ его. Съ этого времени онъ еще усерднѣе началъ трудиться, такъ что даже съ рабами своими ходилъ на село и работалъ со всякимъ смиреніемъ. Мать же оставляла его дома и не приказывала ему этого дѣлать; просила также его одѣваться въ хорошую одежду и въ ней ходить на игры со сверстниками своими, и говорила, что «такъ (бѣдно и неопрятно) ходя, онъ подвергаетъ безчестію и себя, и своихъ родственниковъ». Когда же онъ не повиновался ей въ этомъ, то она часто въ гнѣвѣ и запальчивости била его, ибо была и здорова, и сильна, какъ мужчина, такъ что, еслибы кто, не видя ее, услышалъ разговоръ ея, то счелъ бы ее за мужчину. Благоговѣйный же юноша размышлялъ, какъ и какимъ образомъ спастись ему? Потомъ, услышавъ о святыхъ мѣстахъ, гдѣ Господь нашъ жилъ во плоти, пожелалъ идти туда и поклониться имъ. Послѣ того какъ онъ уже много разъ молился объ этомъ, пришли въ тотъ городъ странники; увидѣвъ ихъ, божественный юноша обрадовался, и съ любовью привѣтствовалъ ихъ; потомъ спросилъ ихъ: откуда они и куда идутъ? Когда же они сказали, что отъ святыхъ мѣстъ и, «если Богу угодно, уже собираемся возвратиться»; то святой просилъ ихъ, чтобы они взяли и его съ собою, и позволили ему быть ихъ спутникомъ. Они обѣщались взять его съ собою и довести до святыхъ мѣстъ. Услышавъ объ этомъ, Өеодосій очень обрадовался и возвратился домой. Когда же странники, собираясь въ путь, извѣстили юношу о своемъ отшествіи; онъ, вставъ ночью, тайно вышелъ изъ своего дома, не имѣя съ собою ничего, кромѣ одежды, въ которой ходилъ, да и та была худая. Такимъ образомъ онъ отправился вмѣстѣ со странниками на поклоненіе Святымъ мѣстамъ.

Но благій Богъ не допустилъ удалиться изъ страны этой тому, кого Онъ еще отъ рожденія назначилъ быть въ сей странѣ пастыремъ словесныхъ овецъ, чтобы, по отшествіи пастыря, не опустѣла пажить, благословленная Богомъ, не возрасли бы на ней терніи и волчцы, и не разсѣялось бы стадо. Спустя три дня, мать Өеодосія узнала, что онъ ушелъ со странниками, и взявъ съ собою одного только сына, который былъ моложе Өеодосія, пустилась въ погоню за нимъ. Послѣ продолжительнаго преслѣдованія они догнали его, и мать, схвативъ его въ ярости и сильномъ гнѣвѣ за волосы, повалила его на землю и ногами стала топтать его. Побранивъ странниковъ, возвратилась она въ домъ свой, ведя связаннаго святаго, словно какого-нибудь злодѣя. Она была въ такомъ гнѣвѣ, что, пришедши домой, била сына, пока тотъ не изнемогъ; послѣ этого, ввела его въ отдѣльную горницу, и въ ней, привязавъ его и затворивъ, оставила. Блаженный юноша все это терпѣлъ съ радостью и за все это благодарилъ Бога въ молитвѣ къ Нему. Черезъ два дня, мать, пришедши къ нему, отвязала его и позволила вкусить пищи; но, все еще будучи сильно разгнѣвана, заковала ноги его въ желѣза и въ нихъ повелѣла ему ходить, наблюдая, чтобы онъ опять отъ нея не ушелъ; такъ онъ и ходилъ довольно долгое время. Потомъ, сжиловавшись надъ нимъ, она начала съ просьбою уговаривать его, чтобы онъ отъ нея не уходилъ, такъ какъ она любила его болѣе всѣхъ и потому не могла безъ него быть. Когда же онъ далъ ей обѣщаніе не уходить отъ нея, то она сняла желѣза съ ногъ его, давъ ему полную волю дѣлать все, что ему вздумается. Блаженный же Өеодосій снова обратился къ первому подвигу и ежедневно ходилъ въ Церковь Божію. Замѣтивъ, что часто не бываетъ литургіи потому, что некому печь для совершенія ея просфоры, онъ сильно сожалѣлъ объ этомъ и рѣшился, по своему смиренію, самъ посвятить себя на это дѣло; такъ онъ и исполнилъ. Онъ началъ печь просфоры и продавать ихъ, и какая бывала отъ этого прибыль, ту отдавалъ нищимъ; а на вырученныя деньги опять покупалъ жито, мололъ его своими руками и снова приготовлялъ просфоры. Это происходило по волѣ Божіей, да приносятся въ церковь Божію чистыя просфоры отъ непорочнаго и чистаго отрока. Такъ поступалъ онъ два года или болѣе. Всѣ сверстники его издѣвались надъ нимъ и насмѣхались за такое занятіе, по наущенію врага (т.-е. дьявола). Блаженный же все это переносилъ съ радостью и молчаніемъ.

Властелинъ того города, видѣвъ такое смиреніе и покорность въ отрокѣ, сильно полюбилъ его и повелѣлъ ему быть при своей церкви; далъ ему чистую одежду, чтобы онъ ходилъ въ ней. Блаженный ходилъ въ ней нѣсколько дней, какъ бы нося нѣкоторую тяжесть; потомъ снялъ ее и отдалъ нищимъ, а самъ одѣлся въ рубище и въ немъ ходилъ. Властелинъ же, увидя, что онъ такъ ходитъ, опять далъ ему одежду лучше прежней, прося его ходить въ ней. Өеодосій же, снявъ и эту, отдалъ; и такимъ образомъ онъ поступалъ нѣсколько разъ. Увидѣвъ это, властелинъ еще болѣе сталъ любить отрока, удивляясь его смиренію.

Послѣ сего блаженный Өеодосій, пришедъ къ одному кузнецу, заказалъ ему сдѣлать желѣзныя цѣпи; потомъ, взявъ ихъ, препоясался ими и такимъ образомъ ходилъ. Желѣзо, будучи узко, въѣдалось въ тѣло его; но онъ такъ былъ покоенъ, какъ бы никакой боли вовсе и не чувствовалъ. По прошествіи многихъ дней, при наступленіи дня праздничнаго, мать его стала приказывать ему одѣться въ чистую одежду для услуженія; ибо въ этотъ день всѣ знатные того города обѣдали у властелина, а блаженному Өеодосію повелѣно было предстоять и служить; потому то мать и побуждала его одѣться въ чистую одежду; отчасти же и потому, что уже слышала, что онъ сдѣлалъ съ собою. Когда же онъ одѣвался въ чистую одежду и въ простотѣ сердечной не остерегался матери, она увидѣла на рубашкѣ его кровь отъ въѣвшагося желѣза, и распалясь на него гнѣвомъ: въ запальчивости разорвала она на немъ рубашку, била его и сорвала съ него желѣзныя цѣпи. Блаженный отрокъ, какъ будто ничего худаго съ нимъ не случилось, одѣлся, пошелъ скромно и служилъ гостямъ спокойно.

Удаленіе въ Кіевъ. — Поселеніе въ пещеръ; постриженіе матери.

Спустя нѣсколько времени услышалъ онъ сказанное во св. Евангеліи: «аще кто не оставитъ отца и матерь, вслѣдъ Мене не идетъ, нѣсть Мене достоинъ». Слыша это, Өеодосій воспламенился божественною любовью, и исполнясь ревностью по Богѣ, разсуждалъ, какъ

и гдѣ постричься ему и скрыться отъ матери. Мать Ѳеодосія (тѣмъ временемъ) отлучилась на село на нѣсколько дней. Блаженный обрадовался тому, помолился Богу, тайно вышелъ изъ дому, не имѣя при себѣ ничего, кромѣ одежды и немного хлѣба для немощи тѣлесной, и такимъ образомъ устремился къ городу Кіеву, такъ какъ слышалъ о находящихся тамъ монастыряхъ. Не зная же дороги, молился Богу, какъ бы найти попутчиковъ въ желаемомъ пути. И вотъ, по устроенію божественному, ѣхали тѣмъ путемъ купцы съ тяжелыми возами. Блаженный, узнавъ, что они ѣдутъ въ тотъ же городъ, прославилъ Бога и шелъ въ далекѣ, не показываясь имъ. Такимъ образомъ, шедши въ продолженіи трехъ недѣль, достигъ онъ выше сказаннаго города. По приходѣ своемъ, обошелъ онъ всѣ монастыри, желая быть монахомъ и просилъ иноковъ, чтобы приняли его. Они же, видѣвъ простаго отрока, одѣтаго въ худыя одежды, не хотѣли принять его. Это было такъ по изволенію Божію, что бы приведенъ онъ былъ на то мѣсто, которое еще отъ юности было ему назначено Богомъ.

Услышавъ о блаженномъ Антоніи, живущемъ въ пещерѣ, Ѳеодосій окрылатѣлъ духомъ и поспѣшно пришелъ къ преподобному Антонію, и увидѣвъ его, палъ и поклонился ему, прося его со слезами, чтобы позволилъ ему остаться здѣсь (въ пещерѣ у Антонія). Антоній же повелѣлъ великому Никону, пресвитеру и опытному черноризцу, постричь его. Никонъ, взявъ блаженнаго Ѳеодосія, постригъ его и облекъ въ монашескую одежду.

Мать Ѳеодосія, долго искавъ сына въ своемъ городѣ и окрестныхъ городахъ и не нашедъ его, плакала по немъ, ударяя себя въ грудь, какъ по мертвомъ. И заповѣдано было по всей странѣ той, что если кто гдѣ увидитъ такого то отрока, пришелъ бы и сказалъ матери его, а за извѣстіе получитъ награду. И вотъ, прибывшіе изъ Кіева сказали ей: «четыре года тому назадъ видѣли мы сына твоего въ нашемъ городѣ; онъ ходилъ и изъявлялъ желаніе постричься въ какомъ либо монастырѣ. Услышавъ это, мать его не полѣнилась итти туда; нисколько не медля, не боясь и долгаго пути, отправилась она въ помянутый городъ, отыскивать сына. Прійдя въ городъ (Кіевъ), обходила всѣ монастыри, отыскивая Ѳеодосія. Наконецъ сказали ей, что онъ находится въ пещерѣ у преподобнаго Антонія. Она отправилась и туда, чтобы найти его. И вотъ она хитростью вызываетъ къ себѣ старца: «скажите»,—говорила она,—«преподобному, чтобы онъ вышелъ ко мнѣ: я пришла издалека, чтобы бесѣдовать съ нимъ и поклониться его святости; пусть благословитъ меня». Возвѣстили старцу о ней и онъ къ ней вышелъ. Она, увидѣвъ его, поклонилась ему. Потомъ, когда они сѣли, то она начала бесѣдовать съ нимъ о многомъ, и наконецъ открыла, для чего она пришла. «Прошу тебя, отче», говорила она, «скажи, гдѣ находится сынъ мой? Я сильно сокрушаюсь о немъ, не зная, живъ-ли онъ?» Старецъ же, будучи простъ, и не зная хитрости ея, сказалъ ей: «сынъ твой здѣсь; не сокрушайся о немъ; онъ живъ». Она сказала ему: «отъ чего же я не вижу его? Я прошла долгій путь и пришла въ этотъ городъ съ тѣмъ только, чтобы видѣть сына своего и потомъ возвратиться въ свой городъ». Старецъ сказалъ ей: «если хочешь видѣть его, то иди сегодня домой, а я пойду и уговорю его; иначе онъ ни съ кѣмъ не желаетъ видѣться». Услышавъ это, она ушла съ надеждою увидѣть сына на слѣдующій день.

Преподобный Антоній, пришедъ въ пещеру, извѣстилъ обо всемъ этомъ блаженнаго Ѳеодосія, и тотъ сильно скорбѣлъ, что не можетъ утаиться отъ матери. На другой день пришла мать Ѳеодосія. Старецъ много уговаривалъ блаженнаго, чтобы онъ вышелъ повидаться съ матерью; но тотъ не хотѣлъ выйдти. Тогда старецъ сказалъ матери: «много просилъ я его, чтобы вышелъ къ тебѣ, но онъ не хочетъ». Тогда она уже не со смиреніемъ стала говорить старцу, а кричать на него съ гнѣвомъ: «меня обидѣлъ ты, старецъ, взялъ сына моего, скрылъ его въ пещерѣ и не хочешь мнѣ показать его; выведи мнѣ, старецъ, сына моего, чтобы я его увидѣла. Я жива не буду, коли не увижу сына моего! Покажи мнѣ сына моего, иначе умру отъ скорби:—сама себя погублю передъ дверьми этой пещеры, если не покажешь мнѣ его!» Тогда Антоній въ сильной скорби вошелъ въ пещеру и просилъ блаженнаго выйти къ матери. Ѳеодосій, не желая ослушаться старца, вышелъ къ ней. Она же, увидѣвъ сына своего въ такомъ изнеможеніи, ибо лице его измѣнилось отъ трудовъ и воздержанія, обняла его и горько заплакала; потомъ, нѣсколько утишившись, сѣла и начала уговаривать Христова слугу такъ: «иди, сынъ мой, въ свой домъ и дѣлай въ домѣ своемъ по волѣ своей все, что необходимо для тебя и для спа-

сенія души; только не разлучайся со мною. Когда совершишь погребеніе надъ тѣломъ моимъ, тогда возвратишься въ эту пещеру по своему желанію: вѣдь я безъ тебя жить не могу.» Блаженный же сказалъ ей: «матушка, если хочешь видѣть меня каждый день, то иди и постригись въ одномъ изъ кіевскихъ женскихъ монастырей; тогда, приходя сюда, ты будешь видѣть меня; къ тому же пріобрѣтешь и спасеніе душѣ своей. Если же ты не сдѣлаешь этого, то — истину говорю тебѣ — неувидишь лица моего.» Она не хотѣла и слушать его,... а блаженный Ѳеодосій прилежно молился Богу о спасеніи матери своей...

Въ одинъ день пришла къ нему мать его, и сказала: «дитя мое, я готова исполнить то, что ты приказываешь: не возвращусь я болѣе въ свой городъ; но, какъ угодно Богу, пойду въ женскій монастырь, постригусь въ немъ и тамъ проведу остальные дни мои; изъ твоей бесѣды поняла я, какъ ничтоженъ этотъ маловременный свѣтъ.» Блаженный очень этому обрадовался и сказалъ о томъ великому Антонію. Антоній вышелъ къ ней, много наставлялъ ее полезному для души и возвѣстилъ о ней княгинѣ; а княгиня приняла мать Ѳеодосіеву въ Кіевскій женскій монастырь св. Николая.

Примѣры смиренія Ѳеодосія во время его игуменства.

Въ одинъ день, передъ наступленіемъ праздника Св. Богородицы, когда не было въ монастырѣ воды, келарь Ѳеодоръ пошелъ и сказалъ блаженному Ѳеодосію (который былъ тогда уже игумномъ), что некому принесть воды. Блаженный тотчасъ всталъ и началъ носить воду изъ колодца. Одинъ изъ братіи увидѣлъ, что онъ носитъ воду, тотчасъ пошелъ и извѣстилъ нѣкоторыхъ изъ братіи. Они поспѣшно прибѣжали и съ избыткомъ наносили воды.

Въ другой разъ, когда не было заготовлено дровъ, необходимыхъ для варенія пищи, то келарь Ѳеодоръ пошелъ къ блаженному Ѳеодосію и сказалъ: «прикажи кому-нибудь, кто свободенъ, изъ братіи, наносить дровъ». Блаженный же сказалъ: «а вотъ я свободенъ, пойду и наношу». Затѣмъ приказалъ братіи идти въ трапезу, потому что было уже время обѣда, а самъ началъ топоромъ рубить дрова. По окончаніи трапезы, братія вышли и увидѣли, что преподобный игуменъ ихъ рубитъ дрова и такъ трудится; тогда каждый взялъ топоръ, и столько дровъ заготовили, что ихъ стало надолгое время. Много разъ, когда великій Никонъ (бывшій игумномъ Печерскаго монастыря до Ѳеодосія) сидѣлъ и переплеталъ книги, блаженный Ѳеодосій садился около него и пряль нитки, необходимыя для этого издѣлія. Таковы были смиреніе, простота (и трудолюбіе его)! Никому не случалось видѣть, чтобы онъ лежалъ на ребрахъ; одежда его состояла изъ жесткой волосяной рубашки, надѣтой прямо на тѣло; сверху ея была другая свитка, и то весьма худая; и ту носилъ онъ, чтобы не видна была на немъ власяница. По причинѣ этой худой одежды многіе несмысленные насмѣхались надъ нимъ, а блаженный съ радостью принималъ такую укоризну.

Однажды Ѳеодосій, по нѣкоторому дѣлу, пошелъ къ христолюбивому князю Изяславу, который далеко жилъ отъ города; тамъ пробылъ онъ до вечера. Христолюбецъ Изяславъ, желая дать преподобному время уснуть, повелѣлъ отвезти его до монастыря на возу. Во время пути, тотъ, что везъ Ѳеодосія, видя на немъ такую одежду, почелъ его за одного изъ бѣдняковъ и сказалъ ему: «черноризецъ! ты всякій день свободенъ, а я живу въ трудахъ, и вотъ не могу ѣхать на конѣ; пусти меня лечь въ возкѣ, а ты можешь сѣсть на коня». Блаженный, смиренно всталъ, сѣлъ на коня, а тотъ легъ на возу. Такъ преподобный и продолжалъ путь, радуясь и прославляя Бога. Когда дремота начинала одолѣвать его, онъ слѣзалъ съ коня и шелъ пѣшкомъ; когда же утомлялся, то опять садился на коня. Когда взошла заря и вельможи, ѣхавшіе къ князю, стали встрѣчаться на пути, то издали узнавая блаженнаго, сходили съ коня и кланялись ему. Тогда преподобный сказалъ отроку: «сынъ мой, ужъ разсвѣло, сядь на коня своего». Тотъ, видя, что всѣ Ѳеодосію кланяются, смутился и ужаснулся, всталъ съ воза, сѣлъ, на коня, а преподобный Ѳеодосій сѣлъ на телѣгу. Всѣ бояре, встрѣчаясь, кланялись ему, а возницу его еще сильнѣе тревожилъ страхъ. Когда же они пріѣхали въ монастырь и вся братія, вышедъ, поклонились Ѳеодосію до земли, то отрокъ ужаснулся еще болѣе. «Кто это такой», думалъ онъ, «что всѣ ему кланяются?» Преподобный же взялъ его за руку, повелъ въ трапезу и велѣлъ дать ему ѣсть и пить, сколько хочетъ, послѣ того наградилъ его деньгами и отпустилъ.

Отношенія Өеодосія къ великому князю Святославу Ярославичу.

Произошло (около того времени) смятеніе между тремя князьями-братьями; (двое) возстали на одного старшаго, истинно христолюбиваго Изяслава, который и былъ ими изгнанъ изъ столичнаго города.[1]) Вступивши въ городъ, князья послали за блаженнымъ отцемъ нашимъ Өеодосіемъ, прося его прійти къ нимъ на обѣдъ. Преподобный же, исполненный Духа Святаго, узнавъ о несправедливомъ изгнаніи христолюбца, отвѣтствовалъ имъ словами изъ Святаго Писанія: «не пойду на трапезу Іезавелину и не вкушу той пищи, которая исполнена крови и убійства». Сказавъ это и много другаго укоризненнаго, онъ отпустилъ посланнаго и приказалъ ему передать пославшимъ его князья все сказанное имъ.

(Вскорѣ послѣ того) одинъ изъ братьевъ (Святославъ Черниговскій) взошелъ на престолъ брата и отца своего, а другой (Всеволодъ), возвратился въ свою область (Переяславль). Тогда преподобный отецъ нашъ Өеодосій началъ обличать Святослава въ несправедливости его поступка, въ незаконномъ восшествіи на престолъ и въ изгнаніи старшаго брата. Иногда обличалъ онъ его, посылая на письмѣ къ нему посланія, а иногда въ присутствіи вельможъ, приходившихъ къ нему, приказывая передавать слова свои Святославу. Въ послѣдствіи написалъ онъ къ нему весьма обширное посланіе, гдѣ такъ обличалъ его: «Гласъ крови брата твоего вопіетъ на тебя къ Богу, подобно Авелевой на Каина», (затѣмъ) приводилъ въ примѣръ многихъ другихъ древнихъ гонителей, братоубійцъ и ненавистниковъ, и притчами объяснялъ его поступокъ. Святославъ, прочитавъ его посланіе, сильно разгнѣвался на него, какъ левъ возрыкалъ на преподобнаго и бросилъ его посланіе на землю; и отъ этого пронесся слухъ, будто блаженный будетъ осужденъ на заточеніе. Тогда вся братія, пораженная скорбью, молила блаженнаго оставить обличеніе князя. Многіе бояре приходили къ нему съ извѣстіемъ о княжескомъ гнѣвѣ на него и просили его не противиться князю; они говорили: «онъ хочетъ послать тебя въ заточеніе». Өеодосій же, слыша о заточеніи, возрадовался духомъ и сказалъ имъ: «братія, я тому весьма радъ, потому что для меня нѣтъ ничего лучше въ жизни. Чего страшиться мнѣ? Потери-ли богатства? Или можетъ печалить меня разлука съ дѣтьми и селами? Ничего подобнаго мы не принесли съ собою въ сей міръ: нагими родились, нагими слѣдуетъ намъ и выйти изъ сего міра; а потому я готовъ и на заточеніе, и на смерть». Съ того времени еще сильнѣе началъ онъ укорять Святослава за ненависть къ брату. Князь же, хотя и сильно разгнѣвался на блаженнаго, однако не дерзнулъ нанесть ему ни малѣйшаго оскорбленія, такъ какъ онъ видѣлъ въ Өеодосіѣ мужа праведнаго.

(Видя, что угрозы и обличеніе не дѣйствуютъ на князя, Өеодосій рѣшился помириться и кроткими увѣщаніями склонить его въ пользу брата. На этомъ основаніи онъ примирился съ Святославомъ, который уже давно искалъ съ нимъ случая побесѣдовать и очень обрадовался, когда св. Өеодосій позволилъ ему прійти на свиданіе съ нимъ въ монастырь. Послѣ, того они стали часто видѣться, хотя Өеодосій продолжалъ по прежнему, во время службы, на эктеніи, воспоминать Изяслава, какъ стольнаго князя и старшаго изъ всѣхъ князей, и хотя при каждомъ удобномъ случаѣ онъ напоминалъ Святославу о его несправедливости къ брату. Въ житіи расказываются слѣдующіе замѣчательные эпизоды изъ этого періода отношеній Өеодосія къ Святославу):

Много разъ, когда возвѣщали князю о приходѣ блаженнаго, онъ съ радостью встрѣчалъ его передъ дверьми дома, и такимъ образомъ входилъ съ нимъ въ домъ. Однажды, находясь въ веселомъ расположеніи духа, князь говоритъ преподобному: «Отче! Истину тебѣ говорю, что если бы возвѣстили мнѣ, что всталъ изъ мертвыхъ отецъ, то я бы не радовался этому такъ, какъ твоему приходу; и не боялся бы его, не смущался бы такъ, какъ передъ твоею преподобною душою». Блаженный же сказалъ въ отвѣтъ ему: «если такъ боишься меня, то исполни мое желаніе, — возврати брата своего на престолъ, врученный ему благовѣрнымъ отцемъ его». На это князь промолчалъ, ибо не могъ ничего отвѣтить....

(Въ другой разъ, случилось, что) Өеодосій пришелъ къ князю и, вошедъ въ комнату, гдѣ

[1]) Это событіе произошло 22 марта, 1073 года.

князь находился, сѣлъ; и вотъ увидѣлъ онъ многихъ играющихъ и веселящихся, какъ обыкновенно бываетъ передъ княземъ: одни играли на гусляхъ, другіе на органахъ, третьи пѣли пѣсни. Блаженный же сидѣлъ близь князя и поникъ головою долу. И потомъ, немного приподнявъ голову, сказалъ князю: «такъ ли будетъ на томъ свѣтѣ?» Князь же, умилившись словами блаженнаго и (даже) нѣсколько прослезившись, приказалъ играющимъ прекратить игру. Съ того времени, когда начинали они играть предъ княземъ, а князь слышалъ о приходѣ блаженнаго, то приказывалъ имъ прекращать игру.

ОТРЫВКИ ИЗЪ «НЕСТОРОВОЙ ЛѢТОПИСИ» ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОМУ СПИСКУ XIV ВѢКА.

1) Смерть Олега.

Въ лѣто 6420 (912). Послалъ Олегъ мужей своихъ водворить миръ и установить условія мира между Греками и Русскими.[1] - И зажилъ Олегъ въ мирѣ со всѣми странами, княжа въ Кіевѣ. И наступила осень, и вспомнилъ Олегъ коня своего, котораго поставилъ кормить на покоѣ, и на котораго не садился. Ибо прежде (за долго до этого времени) спрашивалъ онъ волхвовъ-кудесниковъ: «отъ чего предстоитъ мнѣ умереть?» И сказалъ ему одинъ кудесникъ: «князь! Ты умрешь отъ того самаго коня, котораго ты любишь и на которомъ ѣздишь». Олегъ же подумалъ и сказалъ: «никогда не сяду на коня того, и даже не увижу его болѣе»; — и велѣлъ кормить его и не водить къ себѣ, и нѣсколько лѣтъ такъ прошло; между тѣмъ онъ и на Грековъ ходилъ, и въ Кіевъ вернулся, и оставался тамъ четыре года; на пятый вспомнилъ онъ о конѣ своемъ, отъ котораго, по словамъ волхвовъ, надлежало умереть Олегу, и призвалъ старшаго надъ конюхами, говоря: «гдѣ конь мой, котораго я поставилъ кормить и беречь?» Тотъ сказалъ: «онъ издохъ». Олегъ посмѣялся и попрекнулъ кудесника, говоря: «не правду говорятъ волхвы, — все это ложь; вотъ и конь издохъ, а я все живъ». И приказалъ осѣдлать себѣ коня: «дай посмотрю на его кости». И пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали его обнаженныя кости и черепъ; и слѣзъ съ коня, посмѣялся и сказалъ: «ужь не отъ этого-ли черепа мнѣ смерть приключится?» — и наступилъ на черепъ ногою и выползла оттуда змѣя, и ужалила его въ ногу, и онъ, разболѣвшись отъ этого, умеръ. И много оплакивали его всѣ люди, и понесли его (тѣло) и погребли на горѣ, которая называется Щековицей: могила его видна и понынѣ и слыветъ Олеговой могилой.

2) Мщеніе Ольги.

Въ лѣто 6453 (945). Древляне убили Игоря и дружину его, ибо ихъ было немного. И погребенъ былъ Игорь; и могила его у города Искоростена въ Древлянской землѣ есть и до сего дня. А Ольга была (тогда) въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ дитятею Святославомъ, и съ кормильцемъ его Асмудомъ, воевода же былъ Свѣнельдъ: онъ же и отецъ Мистишинъ. И сказали Древляне: «вотъ мы князя Русскаго убили; возьмемъ жену его Ольгу за нашего князя Мала; возьмемъ и Святослава, и поступимъ съ нимъ, какъ намъ вздумается». И послали Древляне лучшихъ мужей, числомъ 20, въ ладьѣ къ Ольгѣ, и пристали они въ ладьѣ подъ Боричевымъ.—И сказали Ольгѣ, что пришли Древляне, и позвала ихъ Ольга къ себѣ «добрые мол гости пришли»; и сказали Древляне: «пришли, княгиня». И сказала имъ Ольга: «говорите же, зачѣмъ вы пришли сюда?» Сказали Древляне: «послала насъ Древлянская земля, говоря такъ: мужа твоего мы убили, ибо мужъ твой, словно волкъ, все расхищалъ и грабилъ, а наши князья добрые — наша Древлянская земля благоденствуетъ подъ властью ихъ; такъ выходи же за князя нашего Мала»; князя-то Древлянскаго Маломъ звали. Сказала имъ Ольга: «люба мнѣ ваша рѣчь: мнѣ вѣдь ужъ мужа своего не воскресить; но я хочу завтра оказать вамъ почесть передъ людьми своими; а ныньче ступайте въ ладью

[1]) За этимъ слѣдуетъ приведенный дословно договоръ Русскихъ съ Греками

свою и лягте въ лодьѣ величаясь; я же завтра пошлю за вами, а вы скажите: «не поѣдемъ на коняхъ, и пѣшкомъ не пойдемъ, а понесите-ка вы насъ въ лодьѣ; и взнесутъ васъ (на гору) въ лодьѣ». Такъ и отпустила ихъ въ лодью. Ольга же велѣла выкопать большую и глубокую яму на дворѣ терема, за городомъ. И на другое утро Ольга, сидя въ теремѣ послала за гостями, и пришли къ нимъ (люди Ольгины) говоря: «зоветъ васъ Ольга на великую честь». Они же сказали: «не поѣдемъ ни на коняхъ, ни на возахъ, ни пѣшкомъ не пойдемъ, а понесите-ка вы насъ въ лодьѣ». Кіевляне же сказали: «поневолѣ понесемъ: нашъ князь убитъ, а княгиня наша хочетъ за вашего князя выйти», — и понесли ихъ въ лодьѣ. А тѣ сидѣли и гордились; и принесли ихъ на дворъ къ Ольгѣ, и принеся бросили въ яму вмѣстѣ съ лодьей. Наклонилась Ольга (надъ ямой) и сказала имъ: «хороша ли вамъ честь»? Они же отвѣчали: «хуже Игоревой смерти», — и приказала она засыпать ихъ живыми, и засыпали ихъ.

Послала Ольга къ Древлянамъ и сказала имъ «если вы меня просите право, то пришлите знатныхъ мужей (меня сватать), дабы я съ великою честью могла прійти за вашего князя (за мужъ); а то и не пустятъ меня Кіевляне». Услышавъ это, Древляне собрали лучшихъ мужей, которые правили Древлянскою землею, и послали за Ольгою. Когда же Древляне пришли, Ольга повелѣла истопить баню, и сказала такъ: «какъ вымоетесь, такъ придите ко мнѣ». Истопили имъ избу, и влѣзли въ нее Древляне, начали мыться; и заперли ту избу, и (Ольга) повелѣла зажечь ее отъ дверей, — такъ всѣ въ ней и сгорѣли.

И послала (Ольга) къ Древлянамъ, говоря такъ: «вотъ я ужъ иду къ вамъ; приготовьте же много меду въ томъ городѣ, въ которомъ вы убили мужа моего, дабы я могла поплакать надъ гробомъ его, и сотворить мужу своему тризну». Тѣ же, услышавъ это, свезли очень много медовъ, и взварили ихъ. Ольга же, взявъ съ собою небольшую дружину, на легкѣ пустилась въ путь и пришла ко гробу мужа своего, и плакала по немъ; и приказала людямъ своимъ насыпать высокую могилу, и когда ее насыпали, то приказала на ней тризну справлять (по мужѣ своемъ). Затѣмъ Древляне сѣли пить, и Ольга повелѣла своимъ отрокамъ служить передъ ними. Древляне сказали Ольгѣ: «гдѣ-же та дружина наша, которую мы послали за тобою?» Она же отвѣчала: «идутъ вслѣдъ за мною съ дружиною мужа моего». Когда же Древляне упились, она повелѣла отрокамъ своимъ пить въ честь ихъ, а сама отошла въ сторону, и приказала рубить Древлянъ. И порубили ихъ 5000, а Ольга возвратилась въ Кіевъ, и приготовила войско противъ остальныхъ Древлянъ.

3) Печенѣжскій набѣгъ.

Въ лѣто 6476 (968 г.) пришли Печенѣги впервые на Русскую землю, а Святославъ былъ въ Переяславцѣ; и затворилась Ольга въ городѣ со своими внуками, Ярославомъ и Олегомъ, и Владиміромъ — въ городѣ Кіевѣ. И обступили они городъ въ большихъ силахъ, и въ безчисленномъ множествѣ (стали) около города, и нельзя было ни изъ города выйти, ни вѣсть послать; стали люди изнемогать отъ голода и отъ (недостатка) воды. Собрались жители той стороны Днѣпра въ лодьяхъ и стояли по ту сторону, и нельзя было ни одному изъ нихъ войти въ Кіевъ, ни изъ города выйти къ нимъ. Вступили люди въ городѣ и сказали: «нѣтъ ли кого-нибудь, кто бы могъ пробраться на ту сторону и сказать имъ; если кто поутру не приступитъ (на помощь намъ къ Кіеву), то намъ предстоитъ передаться Печенѣгамъ». И сказалъ одинъ отрокъ: «я перейду»; и сказали ему: «иди». Онъ и вышелъ изъ города съ уздою въ рукѣ, и сталъ между Печенѣгами бѣгать, говоря: «не видѣлъ-ли кто (моего) коня»? — Онъ умѣлъ говорить по печенѣжски — и тѣ сочли его за своего. Когда же онъ приблизился къ рѣкѣ, то сбросилъ съ себя одежду, бросился въ Днѣпръ и побрѣлъ; увидѣвъ это, Печенѣги бросились вслѣдъ за нимъ и стали въ него стрѣлять, и ничего не могли ему сдѣлать. А тѣ, что были на другой сторонѣ, увидѣвъ все это, поплыли на встрѣчу отроку въ лодкѣ, и взяли его въ лодку и привезли къ дружинѣ; и онъ сказалъ имъ: «если завтра не подступите къ городу, то люди хотятъ передаться Печенѣгамъ». Воевода же ихъ, именемъ Прѣтичъ, сказалъ: «подступимъ завтра въ лодкахъ и, пробившись въ городъ, увеземъ на этотъ берегъ княгиню и обоихъ княжичей; если же этого не сдѣлаемъ, Святославъ насъ погубитъ». На слѣдующій день, сѣли они въ лодку передъ разсвѣтомъ и громко затрубили, а люди въ городѣ отклик-

нулись имъ; Печенѣги же подумали, что князь пришелъ, побѣжали въ разныя стороны отъ города; и вышла (изъ города) Ольга съ внуками и съ людьми своими къ лодкѣ. Видя же это, князь Печенѣжскій возвратился одинъ къ воеводѣ Прѣтичу и сказалъ: «кто это пришелъ»? И тотъ отвѣчалъ ему: «ладья съ той стороны». И сказалъ князь Печенѣжскій: «а ты-то ужъ не самъ ли князь»? Тотъ же отвѣчалъ: «я принадлежу къ дружинѣ его, и пришелъ съ передовымъ отрядомъ, а за мною идетъ полкъ съ самимъ княземъ и въ немъ безчисленное множество людей». Это все говорилъ онъ только ради угрозы. И сказалъ князь Печенѣжскій Прѣтичу: «будь мнѣ другъ»; а тотъ ему на это: «пусть будетъ такъ». И подали они другъ другу руки, и Печенѣжскій князь отдалъ (въ даръ) Прѣтичу своего коня, саблю и стрѣлы, а тотъ ему — броню, щитъ и мечъ. Отступили Печенѣги отъ города, и нельзя было коня напоить: — на Лыбеди (рѣкѣ) стояли Печенѣги. И послали Кіевляне къ Святославу, говоря: «ты, князь, чужой земли ищешь и чужую землю оберегаешь, а своей не бережешь — едва-едва невзяли насъ Печенѣги, и матерь твою, и дѣтей твоихъ; если не пойдешь, и необоронишь насъ, если дашь насъ взять снова, то ужъ видно не жаль тебѣ ни отчины своей, ни старой матери, ни дѣтей твоихъ». Услышавъ это, Святославъ тотчасъ сѣлъ на коня съ дружиною своею, и пришелъ къ Кіеву, цѣловалъ матерь свою и дѣтей своихъ, сокрушался о томъ, что произошло отъ Печенѣговъ, и собралъ онъ войско, и прогналъ Печенѣговъ въ степь, и водворился миръ.

4) Единоборство Мстислава Владиміровича съ Редедею.

Въ лѣто 6530 (1022). Ярославъ пришелъ къ Берестью. Въ тоже время Мстиславъ былъ въ Тмуторакани и пошелъ на Касоговъ. Касожскій князь Редедя, услышавъ объ этомъ, выступилъ противъ него, и когда оба полка стали другъ противъ друга, Редедя и сказалъ Мстиславу: «изъ за чего намъ губить нашу дружину? Лучше намъ самимъ сойтись и побороться; и если ты одолѣешь, то возмешь и и мое имѣнье, и жену мою, и дѣтей моихъ, и землю мою; если же я одолѣю, то возьму все твое». И сказалъ Мстиславъ: «пусть будетъ такъ». И сказалъ Редедя Мстиславу: «не оружіемъ биться будетъ, а борьбою (бороться)». И схватились они крѣпко бороться, и послѣ того какъ они уже долго боролись, Мстиславъ сталъ изнемогать, ибо Редедя былъ высокъ ростомъ и силенъ; и сказалъ Мстиславъ: «о пречистая Богородица! помоги мнѣ; ужъ если одолѣю этого, то церковь во имя Твое построю». И сказавъ это ударилъ Редедю о землю, выхватилъ ножъ и зарѣзалъ его; потомъ пошелъ въ землю его, взялъ все имѣнье его, жену и дѣтей его, и дань наложилъ на Касоговъ. И прійдя въ Тмуторакань, заложилъ церковь во имя св. Богородицы, и построилъ ее, и стоитъ та церковь донынѣ въ Тмуторакани.

5) Битва при Лиственѣ.

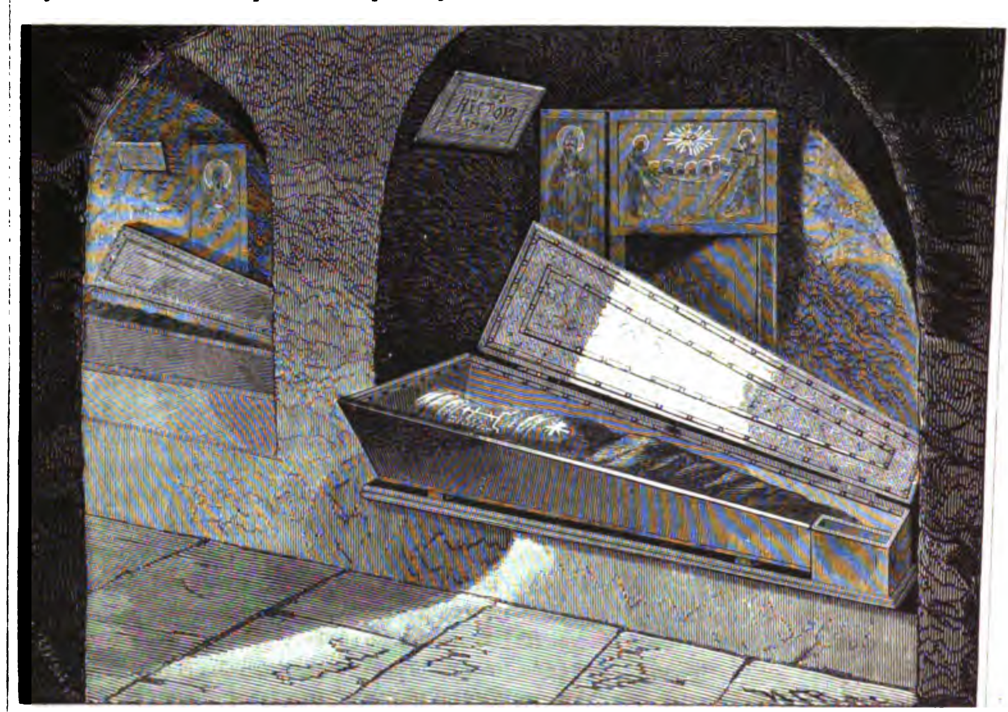
Въ лѣто 6532 (1023). Мстиславъ пошелъ на Ярослава, съ Казарами и съ Касогами. Въ лѣто 6532 (1024). Въ то время, какъ Ярославъ былъ въ Новѣгородѣ, пришелъ Мстиславъ къ Кіеву изъ Тмутораканя и не приняли его Кіевляне; онъ же пошелъ и сѣлъ на столѣ въ Черниговѣ, такъ какъ Ярославъ все еще находился въ Новѣгородѣ. Въ то же лѣто поднялись волхвы въ Суздалѣ, стали избивать старыхъ людей по дьяволову наущенію и бѣсованью, говоря, будто они скрываютъ въ себѣ урожай. Былъ во всей той сторонѣ великій мятежъ и голодъ; пошли по Волгѣ всѣ люди въ Болгарскую землю, и привезли (оттуда) съ собою жито: только тѣмъ и ожили. Услышавъ же о волхвахъ, Ярославъ пришелъ къ Суздалю; переловивъ волхвовъ, онъ разогналъ ихъ, а другихъ показнилъ, сказавъ такъ: «Богъ по грѣхамъ наказываетъ каждую землю голодомъ или морозомъ, или вёдромъ, или иною карою, а человѣкъ ничего не можетъ знать». И возвратился (изъ Суздаля) Ярославъ, пришелъ къ Новгороду и послалъ за море за Варягами; и пришелъ Якунъ съ Варягами, и былъ тотъ Якунъ прекрасенъ, и плащъ на немъ былъ вытканъ изъ золота. И пришелъ онъ къ Ярославу; пошелъ Ярославъ съ Якуномъ на Мстислава, а Мстиславъ, услышавъ объ этомъ, выступилъ противъ нихъ къ Листвену. Мстиславъ съ вечера изготовилъ къ бою свою дружину, и поставилъ

Сѣверянъ (въ серединѣ) какъ разъ противъ Варяговъ (Ярославовыхъ), а самъ сталъ со своею дружиною по крыламъ (войска). И когда наступила ночь, стало темно, (пошелъ) дождь (загремѣлъ) громъ, (заблистала) молнія. И пошли другъ противъ друга Ярославъ и Мстиславъ, и сошлись (находившіеся) въ серединѣ войска, Сѣверяне съ Варягами, и Варяги изо всѣхъ силъ рубились съ Сѣверянами, а Мстиславъ напалъ со своею дружиною, и началъ рубить Варяговъ, и сѣча была сильна; когда освѣщала молнія (поле битвы), оружіе блистало, — была и гроза велика, и сѣча сильна и страшна. Ярославъ же, увидѣвъ, что его побѣждаютъ, побѣжалъ съ Якуномъ, княземъ варяжскимъ, и Якунъ тутъ потерялъ и плащъ свой золотой; пришелъ Ярославъ въ Новгородъ, а Якунъ ушелъ за море. Мстиславъ же, на разсвѣтѣ на другой день увидѣлъ, что лежатъ убитые изъ числа его Сѣверянъ и изъ Варяговъ Ярославовыхъ, и сказалъ: «кто этому не порадуется? вотъ лежитъ Сѣверянинъ, а вотъ Варягъ, а дружина своя цѣла». И послалъ Мстиславъ за Ярославомъ, говоря: «садись въ своемъ Кіевѣ, ты вѣдь старшій братъ, а моею пусть будетъ эта сторона (Днѣпра)».

6) Первый походъ князей на Половцевъ.

Въ лѣто 6611 (1103 г.). Богъ вложилъ благую мысль въ сердце Русскимъ князьямъ, Святополку и Владиміру (Мономаху), и они, въ Долобьскѣ, сошлись для совѣщанія на общую думу; и сѣли, Святополкъ со своею дружиною, и Владиміръ со своею, въ одномъ шатрѣ. И начала разсуждать и говорить дружина Святополкова, «что не ладно нынѣ, весною хотимъ идти (на Половцевъ); этимъ можемъ мы сгубить и смердовъ, и пашню ихъ». И сказалъ Владиміръ: «дивлюсь я, дружина, что вы лошадей жалѣете, на которыхъ смердъ пашетъ; а отчего же вамъ не приходитъ въ голову, подумайте вы о томъ, что какъ начнетъ смердъ пахать, и пріѣдетъ Половецъ и убьетъ его стрѣлою, а лошадь его захватитъ, и потомъ поѣдетъ въ село его, возьметъ жену его и дѣтей, и все имѣнье? Лошади вамъ жалко, а самаго его развѣ не жаль»? И дружина Святополкова ничего не могла отвѣчать ему на это, и сказалъ Святополкъ: «вотъ я и готовъ уже», и всталъ (при этихъ словахъ); и сказалъ ему Владиміръ: «ты этимъ, братъ, великую пользу приносишь землѣ Русской». И послали къ Олегу и Давыду, говоря: «ступайте на Половцевъ, чтобы намъ либо въ живыхъ быть, либо умереть». И послушалъ ихъ Давидъ, а Олегъ не хотѣлъ этого сдѣлать, отозвался: «мнѣ нездоровится». Владиміръ же поцѣловалъ брата своего, и пошелъ къ Переяславлю, и за нимъ Святославъ, и Давыдъ Святославичъ, и Давыдъ Всеславичъ, и Мстиславъ, внукъ Игоревъ, и Вячеславъ Ярополковичъ, и Ярополкъ Владиміровичъ. И пошли они на коняхъ и въ лодьяхъ, и дошли пониже пороговъ и стали *въ протолчахъ*, на островѣ Хортицѣ; и тамъ опять сѣли на коней и пѣшіе вышли изъ лодій, и шли степью 4 дня, и пришли на Сутѣнь. Половцы же, услышавъ, что идутъ Русскіе, собрались въ безчисленномъ множествѣ и стали совѣщаться; и сказалъ Урусоба: «будемъ просить мира у Русскихъ, такъ какъ они теперь будутъ крѣпко биться съ нами, ибо мы много зла сдѣлали Русской землѣ»! И сказали тѣ, что были помоложе Урусобы: «если ты Русскихъ боишься, такъ мы-то не боимся; вѣдь коли мы этихъ-то перебьемъ, то пойдемъ въ ихъ землю и заберемъ города ихъ, — и кто же избавитъ ихъ отъ насъ»? А Русскіе князья и воины всѣ Богу молились, и обѣты давали Богу и Матери Божьей, кто кутьею, кто милостынею убогимъ, кто вкладами въ монастыри. И въ то время, какъ они такимъ образомъ молились, нашли на нихъ Половцы, и выслали съ передовымъ полкомъ Алтунопу, который славился между ними мужествомъ; русскіе князья также отъ себя выслали свой сторожевой полкъ, и подстерегъ русскій сторожевой полкъ Алтунопу, и обступилъ его, и убитъ былъ Алтунопа со всѣми своими, и ни одинъ не ускользнулъ — всѣхъ избили. И пошли на Русскихъ полки (половецкіе) словно лѣса, и конца имъ не было видно; и Русскіе противъ нихъ выступили. И Великій Богъ навелъ великій ужасъ на Половцевъ, и напалъ на нихъ страхъ и трепетъ отъ лица Русскихъ воиновъ, и сами они словно дремали, и у коней ихъ не было быстроты въ ногахъ; а наши весело ударили на нихъ пѣшіе и конные. Половцы же, видя какъ Русскіе устремились на нихъ, недопустивъ ихъ до себя, обратились въ бѣгство; а наши погнались за ними, избивая ихъ. Въ 4-й день апрѣля мѣсяца Богъ сотворилъ намъ великое спасеніе, и даровалъ намъ великую

побѣду надъ врагами. И тутъ, въ битвѣ, убито было 20 князей половецкихъ: Урусобу, Кчія, Арсланопу, Китанопу, Кумана, Асуна. Куртка, Ченегрену, Сурьбаря и проч. князей ихъ, (убили) а Белдюзя взяли въ плѣнъ. Послѣ побѣды надъ врагами, братья сѣли отдыхать. Привели Белдюзя къ Святославу, и началъ Белдюзь давать за себя золото и серебро, коней и скотъ; Святославъ же послалъ его къ Владиміру. И когда онъ пришелъ къ Владиміру, то Владиміръ началъ его спрашивать: «ты развѣ не знаешь, что вы намъ присягали? Много разъ присягали вы, и все-таки воевали Русскую землю; зачѣмъ же ты не говорилъ своимъ сыновьямъ и своему роду, чтобы они не переступали клятвы и не проливали крови христіанской? Пусть же и твоя кровь падетъ на главу твою». И повелѣлъ его убить, и его изрубили на части. И потомъ сошлись всѣ братья, и сказалъ Владиміръ: «возрадуемся и возвеселимся въ нынѣшній день, созданный Господомъ; ибо Господь избавилъ насъ отъ нашихъ враговъ, и покорилъ враговъ нашихъ, и сокрушилъ главы зміевы, и отдалъ пищу ихъ Русскимъ». (Такъ говорилъ онъ) потому что Русскіе забрали тогда скотъ и овецъ, и коней, и верблюдовъ половецкихъ, и вежи ихъ со всѣмъ достаткомъ и челядью ихъ, и захватили Печенѣговъ и Торковъ съ ихъ вежами. И вотъ возвратились они на Русь съ множествомъ плѣнныхъ, и съ великою славою и побѣдою».

Пещера преподобнаго Нестора лѣтописца въ Кіево-Печерской лаврѣ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЮЖНО-РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ, СЛУЧАЙНО ЗАНЕСЕННЫЙ ВЪ ЛѢТОПИСЬ КІЕВСКУЮ ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОМУ СПИСКУ.

7) Ослѣпленіе Василька.

Въ лѣто 6605 (1097). Пришли Святополкъ, Владиміръ, Давидъ Игоревичъ, и Василько Ростиславичъ, и Давидъ Святославичъ, и братъ его Олегъ, и собрались на съѣздъ въ Любечѣ, для устроенія мира, и говорили между собою такъ: «за что губимъ мы Русскую землю, сами на себя устроя усобицы? А Половцы несутъ розно, разрываютъ нашу землю, и рады тому, что мы между собою воюемъ; соединимся же отнынѣ въ одно сердце, и будемъ

оберегать Русскую землю, и пусть каждый держитъ свою отчину: Святополкъ — Кіевъ, Изяславову отчину, Владиміръ — Всеволодову, Давидъ, Олегъ и Ярославъ — Святославову; а тѣ, кому раздалъ города Всеволодъ, пусть также держатъ ихъ: Давидъ — Владиміръ, а изъ Ростиславичей, Володарь — Перемышль, а Василько — Теребовль». И на томъ цѣловали крестъ, «что если кто отнынѣ на кого поднимется, противъ того будемъ мы всѣ, и этотъ честной крестъ»; всѣ сказали: «пусть будетъ на того крестъ честный и вся Русская земля», и перецѣловавшись пошли во-свояси. И пришелъ Святополкъ съ Давидомъ къ Кіеву, и всѣ люди были рады; одинъ только дьяволъ опечаленъ былъ этою общею любовью, и влѣзъ сатана въ сердце нѣкоторымъ мужамъ, и стали говорить Давиду Игоревичу, «что Владиміръ сговорился съ Василькомъ противъ тебя и Святополка». Давидъ повѣрилъ лживымъ словамъ, и сталъ наговаривать (Святополку) на Василька, говоря: «кто убилъ твоего брата Ярополка? А нынче замышляютъ и противъ тебя, и противъ меня, и съ Владиміромъ сговорился; позаботься о своей головѣ». Святополкъ же смутился умомъ, и говорилъ себѣ: «правда ли это, или ложь?» И самъ не могъ рѣшить; и сказалъ потомъ Давиду: «если ты справедливо говоришь, то пусть Богъ тебѣ будетъ свидѣтелемъ; а если изъ зависти говоришь, то Богъ противъ тебя будетъ». Стало жалко Святополку и брата своего, и себя, и началъ онъ раздумывать: а что, коли это правда? И повѣрилъ онъ Давиду, и прельстилъ Давидъ Святополка, и начали думать о Василькѣ; а Василько и Владиміръ этого не знали. И сталъ говорить Давидъ: «коли мы не захватимъ Василька, то ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владимірѣ». И Святополкъ его послушался. И пришелъ Василько 4-го ноября, и переправился на Выдобичъ, и пошелъ поклониться въ монастырь къ Св. Михаилу, и тамъ поужиналъ, а обозъ свой поставилъ на Рудицѣ, и когда уже стемнѣлось, пришелъ къ себѣ въ обозъ. По утру же прислалъ къ нему Святополкъ, говоря: «не ходи отъ имянинъ моихъ». Василько же отговаривался, говоря: «я не могу медлить; дома ожидаетъ война». И прислалъ къ нему Давидъ говоря: «не ходи, братъ, не ослушивайся старшаго брата; но и того Василько не захотѣлъ послушать. И сказалъ Давидъ Святополку: «видишь-ли, онъ и знать тебя не хочетъ, даже и въ твоей волости; а какъ уѣдетъ въ свою волость, такъ и увидишь, что займетъ твои города Туровъ и Пиньскъ, и прочіе города твои, — тогда вотъ и помянешь меня; а по моему, такъ позвавъ Кіевлянъ, и захвативъ его, отдайте его мнѣ». И послушалъ его Святополкъ, и послалъ за Василькомъ, говоря: «если ужъ ты не хочешь остаться до имянинъ моихъ, то приди нынъче, поцѣлуй меня, и всѣ вмѣстѣ побудемъ съ Давидомъ». Василько обѣщался прійти, не зная того, что замышляетъ противъ него Давидъ. Когда же Василько, сѣвъ на коня, поѣхалъ, то встрѣтилъ его дѣтскій и сказалъ ему: «не ходи, князь, тебѣ хотятъ захватить». И не послушалъ его Василько, подумавъ: «какъ же это хотятъ меня захватить? А они же мнѣ крестъ цѣловали, говоря: «кто противъ кого помыслитъ, противъ того и крестъ, и мы всѣ». И подумавъ, перекрестился и сказалъ: «пусть будетъ воля Господня». И съ немногими изъ дружины пріѣхалъ онъ на княжескій дворъ; Святополкъ вышелъ ему навстрѣчу, и вошли они въ домъ, и Давидъ пришелъ, и они сѣли. И сталъ говорить Святополкъ: «останься съ нами на праздники». И сказалъ Василько: «не могу остаться, братъ; я ужъ и обозъ свой послалъ впередъ». Давидъ же сидѣлъ словно нѣмой, и сказалъ Святополкъ: «завтракай же съ нами, братъ»! И обѣщался Василько завтракать. И сказалъ Святополкъ: «вы здѣсь посидите, а я пойду, распоряжусь», — и вышелъ, а Давидъ съ Василькомъ остался сидѣть. И началъ Василько говорить съ Давидомъ, а Давидъ и голоса не подаетъ, и не слушаетъ его: такъ былъ онъ встревоженъ и занятъ своимъ замысломъ. И, немного посидѣвъ, Давидъ сказалъ: «гдѣ же братъ мой»? Ему сказали: «стоитъ въ сѣняхъ». И Давидъ, вставши, сказалъ: «я за нимъ схожу, а ты, братъ, посиди». И вышелъ вонъ. И какъ только вышелъ Давидъ, такъ и заперли Василька, 5-го ноября, и оковали его въ двои оковы, и приставили къ нему на ночь стражу. Поутру же Святополкъ созвалъ бояръ, Кіевлянъ, и передалъ имъ то, что слышалъ отъ Давида, что, молъ «брата твоего онъ убилъ, и противъ тебя сговорился съ Владиміромъ, и хотятъ убить тебя и занять твои города». И сказали бояре и люди: «тебѣ, князь, слѣдуетъ оберегать свою голову; и если правду сказалъ Давидъ, то пусть Василько будетъ наказанъ; если же неправду (сказалъ Давидъ), то пусть Богъ его накажетъ и пусть онъ отвѣтитъ за это передъ

Богомъ». И узнали объ всемъ этомъ игумны, и стали просить Святополка о Василькѣ; и сказалъ имъ Святополкъ: «вотъ вамъ Давидъ (его просите)». Давидъ же, узнавъ это, сталъ научать, чтобы Василько былъ ослѣпленъ: «если же этого не сдѣлаешь, а отпустишь его, то ни тебѣ не княжить, ни мнѣ». Святополкъ же хотѣлъ отпустить его; но Давидъ не хотѣлъ, опасаясь его. И въ ту же ночь отправили его въ Бѣлгородъ, небольшой городокъ, верстахъ въ 10 отъ Кіева, и привезли его туда на повозкѣ, закованнаго, и ссадили съ повозки, и ввели въ небольшую избу. И когда Василько въ избѣ сѣлъ, то увидѣлъ Торчина, который точилъ ножъ, и понялъ, что его хотятъ ослѣпить, и возопилъ къ Богу съ великимъ стенаніемъ и плачемъ. И вотъ вошли посланные Святополкомъ и Давидомъ, Сновидъ Изечевичъ, конюхъ Святополковъ, и Дмитрій, конюхъ Давидовъ, и стали разстилать коверъ, и разостлавт, схватили Василька и хотѣли повалить его; и крѣпко боролся онъ съ ними, и немогли его повалить; и вотъ пришли другіе, повалили его, и связали, и снявши доску съ печи, положили ему на грудь, и сѣли съ обѣихъ сторонъ Сновидъ Изечевичъ и Дмитрій, и не могли его удержать, и приступило двое другихъ, и сняли другую доску съ печи, и сѣли на нее, и придавили его такъ, что грудь у него затрещала. И подошелъ Торчинъ, именемъ Берендій, овчарь Святополковъ, держа въ рукѣ ножь, и хотѣлъ ударить его въ глазъ, и промахнулся, и перерѣзалъ ему лице, и рана эта видна у Василько и нынѣ; и потомъ ударилъ его въ глазъ, и вырвалъ одинъ зрачекъ, а потомъ въ другой глазъ, и вырвалъ другой зрачекъ; — тогда Василько сталъ какъ бы мертвъ. И взяли его на коврѣ, взложили, какъ мертваго, на повозку, и повезли во Владиміръ. И когда везли его, то остановились съ нимъ за Здвиженскимъ мостомъ, на торговой площади, и сняли съ него кровавую сорочку и дали ее выстирать попадьѣ; попадья же, вымывши сорочку, надѣла ее на князя, между тѣмъ какъ везшіе его обѣдали, и начала попадья плакать надъ нимъ, какъ надъ мертвымъ. И онъ услышалъ плачъ и сказалъ: «гдѣ это я»? Они же сказали: «въ городѣ Здвиженьи». И онъ спросилъ воды, и тѣ дали ему, и когда онъ испилъ воды, то очнулся, и опомнился, и, пощупавъ сорочку свою, сказалъ: «зачѣмъ вы съ меня сняли ее? Пусть бы я въ той сорочкѣ умеръ и сталъ передъ Богомъ». Когда же они отобѣдали, то повезли его поспѣшно, хоть и по грудѣ, такъ какъ тогда былъ мѣсяцъ *груденъ*, иначе сказать *ноябрь*; и пришли съ нимъ къ Владиміру въ 6-й день. Съ нимъ вмѣстѣ пришелъ и Давидъ, словно какой-нибудь уловъ уловивъ, и посадили Василько въ дворѣ Вакѣевѣ, и приставили къ нему 30 человѣкъ стражи, и 2-хъ отроковъ княжескихъ, Улана и Колчко.

Владиміръ же (Мономахъ), услышавъ, что Василько былъ взятъ и ослѣпленъ, ужаснулся и, заплакавъ, сказалъ: «этого не бывало еще въ Русской землѣ ни при дѣдахъ нашихъ, ни при отцахъ нашихъ, такого зла, чтобы кто ввергъ въ насъ ножъ». И тутъ послалъ онъ къ Давиду и къ Олегу Святославичамъ, говоря: «ступайте къ Городцу, чтобы намъ исправить это зло, которое нынѣ произошло въ Русской землѣ, и въ нашей братіи, если этого не исправимъ, то еще большее зло проявится между нами, и начнетъ закалывать братъ брата, и погибнетъ земля Русская, и враги наши Половцы прійдутъ и возьмутъ землю Русскую».

Услышавъ объ этомъ, Давидъ и Олегъ были очень опечалены, и плакали, говоря: «этого еще въ нашемъ родѣ не бывало» — и вотъ собрали воиновъ, и пришли ко Владиміру. И между тѣмъ какъ Владиміръ (съ войскомъ) стоялъ въ бору, онъ и Давидъ, и Олегъ послали мужей своихъ сказать Святополку: «зачѣмъ сотворилъ ты это зло въ Русской землѣ и ввергъ въ насъ ножъ? Зачѣмъ ослѣпилъ брата своего? Если бы онъ былъ виноватъ въ чемъ нибудь передъ тобою, то ты бы долженъ былъ уличить его передъ нами, и, укоривъ его, наказалъ бы его; а теперь объяви вину его, коли ужъ ты ему это сдѣлалъ». И сказалъ Святополкъ, что «вотъ повѣдалъ мнѣ Давидъ Игоревичъ, что Василько убилъ брата твоего Ярополка, и тебя тоже хочетъ убить и захватить твою волость — Туровъ и Пиньскъ и Берестье и Погорину, а и поклялись они съ Владиміромъ, чтобы сѣсть Владиміру въ Кіевѣ, а Васильку — во Владимірѣ; а я не могу же не беречь своей головы, и притомъ не я же его ослѣпилъ, а Давидъ, и даже увелъ его къ себѣ». И сказали посланные Владиміровы, Давидовы и Олеговы: «не отговаривайся тѣмъ, что Давидъ его ослѣпилъ: не въ Давидовомъ городѣ взятъ онъ и ослѣпленъ, а въ твоемъ»; и послѣ того какъ это было сказано, они разошлись. Поутру же, когда они хотѣли переправится черезъ Днѣпръ, на Святополка, тотъ хотѣлъ бѣжать изъ Кіева; и не позволили ему бѣжать Кі-

евляне; но отправили вдову Всеволодову и митрополита Николу къ Владиміру, говоря: «умоляемъ тебя, князь, и братьевъ твоихъ, не губите Русской земли; вѣдь если затѣете войну между собою, то поганые станутъ радоваться, и захватятъ землю нашу, которую стяжали отцы и дѣды, съ великимъ трудомъ и мужествомъ борясь за Русскую землю, и прінскивая иныхъ земель; а вы хотите погубить Русскую землю». Вдова Всеволодова и митрополитъ пришли къ Владиміру, и умоляли его, и передали ему мольбу Кіевлянъ о томъ, чтобы не нарушать мира, оберегать и сохранять землю Русскую, и коли воевать, то ужъ съ погаными. Услышавъ это, Владиміръ расплакался и сказалъ: «и точно, что отцы наши и дѣды сохранили землю Русскую, а мы хотимъ погубить ее», и склонился на мольбы княгини, ибо почиталъ ее какъ мать, ради своего отца, такъ какъ онъ очень былъ любимъ отцемъ своимъ, и при жизни его, и по смерти ни въ чемъ не ослушивался его; потому-то и ея (княгини) послушался, какъ матери, и митрополита, изъ уваженія къ его святительскому сану. Владиміръ такой-то и былъ снисходительный: любилъ онъ и митрополитовъ, и епископовъ, и игуменовъ, особенно любилъ чернецовъ и черницъ, и приходящихъ къ нему питалъ и поилъ, какъ мать дѣтей своихъ; и если видѣлъ что кто-нибудь шумитъ или дѣлаетъ что зазорное, то не осуждалъ, но все любовью старался уладить. Но мы возвратимся къ своему (расказу). Княгиня, побывавши у Владиміра, вернулась въ Кіевъ и передала всѣ рѣчи Святополку и Кіевлянамъ, что будетъ миръ. И стали они между собою пересылать мужей и помирились на томъ, что сказали Святополку: «такъ какъ это Давидово коварство; то иди же и ты, Святополкъ, на Давида, и либо захвати его, либо прогони». Святополкъ на это согласился, и цѣловали на томъ между собою крестъ, помирившись.

Василько же между тѣмъ оставался во Владимірѣ, на вышесказанномъ мѣстѣ, и когда приблизился великій постъ, и я тутъ же былъ во Владимірѣ, однажды ночью прислалъ за мною князь Давидъ. И пришелъ я къ нему, и сидѣла около него дружина его, и посадилъ онъ меня, и сказалъ мнѣ: «Василько вотъ что говорилъ сего дня ночью Улану и Колчѣ: слышу я, что идетъ Владиміръ и Святополкъ на Давида; кабы послушалъ меня Давидъ, то я бы послалъ мужа своего къ Владиміру (упросилъ бы его) воротиться; я ужъ зналъ бы что сказать ему, и онъ бы не пошелъ (на Давида). Такъ вотъ, Василь, шлю тебя, иди къ Васильку, своему тезкѣ, съ этими отроками, и скажи ему такъ: если ты хочешь послать своего мужа и Владиміръ точно воротится, то я тебѣ отдамъ любой изъ моихъ городовъ: либо Всеволожъ, либо Шеполь, либо Перемиль». Я же пошелъ къ Васильку, и передалъ ему всѣ рѣчи Давидовы. Онъ же сказалъ: «я этого не говорилъ; но надѣюсь на Бога, и пошлю (къ Владиміру), дабы не проливали изъ за меня крови; но мнѣ это странно: — даетъ мнѣ свой городъ, а что же мой-то Теребовль, моя волость?» Обращаясь ко мнѣ онъ сказалъ: «иди къ Давиду и скажи ему: пусть пришлетъ мнѣ Кульмѣя, такъ я пошлю къ Владиміру». И не послушалъ его Давидъ, и вторично послалъ меня, сказать: «нѣтъ Кульмѣя». И сказалъ мнѣ Василько: «посиди немного со мною», и велѣлъ слугѣ своему выйти вонъ, и оставшись со мною (наединѣ) началъ мнѣ говорить: «слышу я, что Давидъ хочетъ выдать меня Ляхамъ; видно мало еще онъ насытился крови моей, и теперь хочетъ болѣе насытиться, выдавая меня имъ: я вѣдь Ляхамъ много зла сдѣлалъ, и хотѣлъ сдѣлать и мстить за Русскую землю. Если и выдастъ онъ меня Ляхамъ, то я не боюсь смерти; но вотъ что скажу тебѣ: по истинѣ это все Богъ напустилъ на меня за мое высокомѣріе, потому, какъ пришла ко мнѣ вѣсть, что идутъ ко мнѣ Берендичи, и Печенѣги, и Торки, я и сказалъ самъ себѣ: какъ будутъ у меня Берендичи, Печенѣги да Торки, тогда скажу брату своему Володарю и Давиду: «дайте мнѣ младшую свою дружину, а сами пейте и веселитесь». И помыслилъ я такъ: зимой наступлю на Ляшскую землю, и на лѣто захвачу землю Ляшскую, и отомщу за Русскую землю; и послѣ этого хотѣлъ перехватить болгаръ Дунайскихъ, и поселить ихъ у себя; а потомъ хотѣлъ проситься у Святополка и у Владиміра идти на Половцевъ, дабы или славы себѣ добыть, или голову свою сложить за Русскую землю. Другаго помышленія въ сердцѣ моемъ не было ни противъ Святополка, ни противъ Давида, и вотъ Богомъ клянусь и Его пришествіемъ, что ничего злаго неумышлялъ противъ братіи своей; но Богъ низложилъ меня и смирилъ за мое высокомѣріе».

Послѣ этого, когда приближалась Пасха, Давидъ пошелъ (съ войскомъ), думая захватить Василькову волость; и встрѣтилъ его Володарь, братъ Васильковъ, у Божьска, и не смѣлъ Давидъ выступить противъ Василькова брата

Володаря, и затворился въ Бужьскѣ, а Володарь осадилъ его въ городѣ. И сталъ говорить Володарь: «какъ же это ты сдѣлалъ зло и еще не каешься? Опомнись же, сколько уже зла ты надѣлалъ»? Давидъ же сталъ сваливать вину на Святополка, говоря: «развѣ это я сдѣлалъ? Или въ моемъ городѣ это случилось? Я и самъ-то опасался, чтобы меня самого не схватили, и со мною бы того же не сдѣлали: по неволѣ долженъ я былъ участвовать въ умыслѣ ихъ и поступать по ихъ волѣ». И сказалъ Володарь: «Богъ тому свидѣтель; а нынѣ отпусти брата моего, и я съ тобой помирюсь». И обрадовался Давидъ, послалъ за Василькомъ, и приведя его, передалъ Володарю, и помирились они, и разошлись. И сѣлъ Василько въ Теребовлѣ, а Давидъ ушелъ во Владиміръ.

Когда же наступила весна, пришелъ Володарь съ Василькомъ на Давида, и пришли къ Всеволожю, а Давидъ затворился во Владимірѣ. Они же, какъ стали около Всеволожа, такъ и взяли городъ копьемъ и зажгли его; и побѣжали люди отъ огня, и повелѣлъ Василько всѣхъ рубить, и отомстилъ на людяхъ неповинныхъ, и пролилъ неповинную кровь. Затѣмъ же пришли къ Владиміру, и затворился Давидъ во Владимірѣ, и тѣ обступили городъ. И послали сказать Владимірцамъ: «мы оба пришли ни противъ вашего города воевать, ни противъ васъ, но противъ враговъ своихъ, Туряка и Лазаря, и Василя, ибо они-то и надоумили Давида, и ихъ то послушалъ Давидъ и сотворилъ это зло; и если вы хотите за нихъ биться, такъ вотъ мы готовы; а не то выдайте намъ враговъ нашихъ». Горожане же, услышавъ это, созвали вѣче, и сказали Давиду: «выдай этихъ мужей, не станемъ биться за нихъ, а за тебя можемъ биться; если же нѣтъ, то отворимъ ворота городскія, и промышляй тогда самъ о себѣ». И по неволѣ приходилось ихъ выдать. И сказалъ Давидъ: «нѣтъ ихъ здѣсь», ибо (уже прежде того) послалъ ихъ въ Лучьскъ; и между тѣмъ какъ тѣ пошли къ Лучьску, Турякъ бѣжалъ въ Кіевъ, а Лазарь и Василь возвратились въ Турійскъ. И услышали люди, что они въ Турійскѣ, и крикнули на Давида: «выдай тѣхъ, кого отъ тебя требуютъ; если же не выдашь, то передадимся». Давидъ же послалъ, привелъ Василя и Лазаря, и выдалъ ихъ; и помирились они въ воскресенье, а на другой день, на зарѣ, Васильковичи повѣсили Василя и Лазаря, и, разстрѣлявъ ихъ стрѣлами, удалились отъ города. Это уже 2-е мщеніе сотворилъ (Василько), которое бы творить не слѣдовало, дабы Богъ былъ за него мстителемъ, — на Бога слѣдовало возложить мщеніе свое..... Когда же (князья) удалились отъ города, (горожане) повѣшенныхъ сняли и погребли ихъ.

Такъ какъ Святополкъ обѣщался прогнать Давида, то онъ и пошелъ къ Берестью, къ Ляхамъ; услышавъ объ этомъ, и Давидъ пошелъ въ Ляхи, къ Владиславу, искать помощи. Ляхи же обѣщались ему помогать, и взявъ у него 50 гривенъ золота, сказали: «пойди съ нами къ Берестью, насъ вотъ зоветъ Святополкъ на сеймъ, тамъ и помиримъ тебя со Святополкомъ». И послушалъ ихъ Давидъ, пошелъ къ Берестью съ Владиславомъ. И сталъ Святополкъ въ городѣ, а Ляхи на Бугѣ, и сговорился Святополкъ съ Ляхами, и далъ большіе дары имъ (чтобы не стояли за Давида); и сказалъ Владиславъ Давиду: «не слушаетъ меня Святополкъ; уходи къ себѣ». И пришелъ Давидъ во Владиміръ, и Святополкъ, посовѣтовавшись съ Ляхами, пошелъ къ Пинску и послалъ за войскомъ. Прійдя къ Дорогобужу дождался онъ тутъ своего войска, и пошелъ къ городу на Давида, и Давидъ затворился въ городѣ, ожидая помощи отъ Ляховъ, ибо тѣ ему сказали: «вотъ какъ прійдутъ на тебѣ Русскіе князья, то мы тебѣ и поможемъ»;—и солгали ему, забирая золото и у Давида, и у Святополка. Святополкъ же обступилъ городъ и стоялъ около города 7 недѣль; и началъ Давидъ умолять его: «отпусти меня изъ города». Святополкъ же обѣщался ему, и цѣловали на томъ между собою крестъ, и вышелъ онъ изъ города, и пришелъ въ Червень; а Святополкъ вошелъ въ городъ въ Великую Субботу; а Давидъ бѣжалъ въ Ляхи.

Святополкъ же, прогнавъ Давида, началъ замышлять противъ Володаря и Василька, говоря: «что и это вѣдь то же волость отца моего и брата»—и пошелъ противъ нихъ. Услышавъ это, Володарь и Василько пошли противъ него, взявъ съ собою тотъ крестъ, который онъ имъ цѣловалъ на томъ, что «я, молъ, пришелъ на Давида, а съ вами хочу имѣть миръ и любовь». И преступилъ Святополкъ то крестное цѣлованіе, надѣясь на множество воиновъ своихъ. И встрѣтились они на полѣ, на Рожни; и когда обѣ (стороны) исполчились, Василько поднялъ крестъ, говоря: «не этотъ ли крестъ ты цѣловалъ? И вотъ сначала отнялъ у меня зракъ очей моихъ, а ныньче хочешь и душу отнять; пусть же будетъ между нами этотъ крестъ». И потомъ они разошлись (чтобы приготовиться)

къ бою, и сошлись полки, и многіе благочестивые люди видѣли крестъ, явственно возвышавшійся надъ Васильковыми воинами. Когда же битва завязалась большая и многіе стали падать съ обѣихъ сторонъ, и увидѣлъ Святополкъ, какъ люта битва, то побѣжалъ, и прибѣжалъ къ Владиміру; Володарь же и Василько, побѣдивши, стали тутъ же, говоря: «довольно намъ того, что мы станемъ на своей межѣ», — и не пошли никуда болѣе.

ОТРЫВОКЪ ЮЖНО-РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ ПО ИПАТЬЕВСКОМУ СПИСКУ (КОНЦА XIV В. ИЛИ НАЧАЛА XV).

8) Походъ Игоря Сѣверскаго на Половцевъ.

Въ лѣто 6693 (1185) князь Святославъ послалъ Романа Нѣздиловича, съ Берендѣями, на поганыхъ Половцевъ; Божіею помощію взяли Половецкія вежи, много плѣнныхъ и коней, въ 21-й день апрѣля мѣсяца на самый Великій день (Свѣтлое Христово Воскресенье)....

Въ тоже время Игорь Святославичъ, Ольговъ внукъ, поѣхалъ изъ Новгорода (Сѣверскаго), въ 23 день апрѣля, во вторникъ, взявъ съ собою брата Всеволода изъ Трубчевска, и Святослава Ольговича, племянника своего, изъ Рыльска, и Владиміра, сына своего изъ Путивля, и у Ярослава испросилъ себѣ въ помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, съ черниговскими Коуями; и такъ шли они тихо, собирая свою дружину; кони у нихъ были очень тучны (и потому не могли идти быстро). И въ то время, какъ они шли къ рѣкѣ Донцу, подъ вечеръ Игорь, взглянулъ на небо и видя солнце, стоящее подобно мѣсяцу, сказалъ боярамъ своимъ и дружинѣ своей: «видите-ли вы это знаменье?» Они посмотрѣли и увидѣли всѣ, и поникли головами, и сказали: «князь, не на добро намъ это знаменье!» Игорь же сказалъ: «братья и дружина! тайны Божіей никто не знаетъ, а знаменіе точно также, какъ и весь міръ, отъ Бога сотворено; что Богъ сотворитъ на добро или на зло намъ, то все увидимъ». И сказавъ это, переправился онъ въ бродъ черезъ Донецъ, и такъ пришелъ къ Осколу и ждалъ два дня брата своего Всеволода, который шелъ инымъ путемъ изъ Курска; и оттуда вмѣстѣ пошли къ Сальницѣ; тутъ къ нимъ и разъѣзды тѣ пріѣхали, которыхъ посылали ловить языка, и сказали пріѣхавъ: «видѣлись мы съ ратными людьми (не пріятельскими), и нашли ихъ на готовѣ; такъ ужъ вы или поѣзжайте на нихъ поскорѣе, или домой возвратитесь, потому не время намъ теперь (нападать)». Игорь же сталъ говорить со своими братьями: «коли мы, не бившись, возвратимся, то срамъ намъ будетъ хуже смерти; (пусть будетъ) какъ намъ Богъ дастъ!» И такъ подумавши, ѣхали они всю ночь, и на другой день, когда настала пятница, въ обѣденное время, встрѣтили полки Половецкіе: тѣ изготовились къ бою противъ нихъ, вѣжи свои оставили за собою, а сами, собравшись отъ мала до велика, стояли по ту сторону рѣки Сюурлія. И Русскіе устроили шесть полковъ, Игоревъ полкъ посреднѣ, а по правую руку полкъ брата его Всеволода; а по лѣвую—племянника его Святослава; напереди его сынъ Володимеръ и другой полкъ Ярославовъ, тѣ Коуи, что были съ Ольстиномъ; а третій полкъ, также напереди, стрѣльцы, которые были выбраны изъ (отрядовъ) всѣхъ князей; такъ то устроили полки свои. И сказалъ Игорь къ братьямъ своимъ: «братья! этого мы искали, ударимъ же дружно»; и такъ пошли на непріятеля, положивъ свое упованіе на Бога. И когда подошли къ рѣкѣ Сюурлію, то выѣхали изъ Половецкихъ полковъ стрѣльцы, пустили по стрѣлѣ на Русскихъ и ускакали, тогда какъ Русскимъ еще не удалось и перебраться черезъ рѣку Сюурлій; побѣжали (вслѣдъ за первыми) и тѣ Половецкія силы, которыя стояли далеко отъ рѣки. Святославъ же Ольговичъ, Володимеръ Игоревичъ и Ольстинъ съ Коуями, и стрѣльцы погнались за ними, а Игорь и Всеволодъ полегоньку пошли вслѣдъ, не распуская своего полка, между тѣмъ какъ тѣ Русскіе, что впереди были, били Половцевъ, ловили; Половцы же пробѣжали вѣжи, и Русскіе, дойдя до вѣжей, обогатились плѣнниками, иные даже и ночью только уже вернулись къ полкамъ своимъ съ плѣнниками.

И когда (послѣ того) Половцы всѣ (вновь) собрались, Игорь сказалъ братьямъ своимъ и мужамъ: «вотъ Богъ силою своею возложилъ на враговъ нашихъ побѣду, а на насъ честь и славу; видѣли мы много полковъ половецкихъ,

а тутъ ужъ чуть-ли не всѣ они собрались? ныньче же ночью поѣдемъ, а кто завтра поѣдетъ, вслѣдъ за нами, то если и всѣ поѣдутъ, однако же одни только лучшіе изъ всадниковъ нашихъ переберутся; а самимъ-то намъ какъ Богъ дастъ». И сказалъ Святославъ Ольговичъ мужамъ своимъ: «я далеко гонялся за Половцами, кони мои изнемогли; коли я ныньче поѣду, то мнѣ пріидется остаться на дорогѣ», — и Всеволодъ поддержалъ его также въ томъ, чтобы тутъ же остановиться. И сказалъ Игорь: «не дивно, братья, и умереть разумѣя» — и остановились тутъ.

На разсвѣтѣ же, въ Субботу, начали выступать полки Половецкіе, словно лѣса; недоумѣвали князья Русскіе, кому на который изъ нихъ нападать, ибо ихъ было безчисленное множество. И сказалъ Игорь: «мы должны были ожидать, что на насъ соберется вся земля (Половецкая). Кончакъ и Козубурновичъ и Токсобичъ, Колобичъ, и Етебичъ и Терьтробичъ». Послѣ этого всѣ спѣшились, ибо хотѣли, сражаясь, пробиться къ рѣкѣ Донцу; они говорили (между собою): «ежели побѣжимъ, и уйдемъ сами, а черныхъ людей оставимъ, то передъ Богомъ будетъ намъ грѣшно уйти, предавши ихъ; нѣтъ! или умремъ или живы будемъ, не сходя съ мѣста». И сказавъ это всѣ сошли съ коней, и ударили на врага; и такъ по Божьему попущенію, раненъ былъ Игорь въ руку и не могъ владѣть лѣвою рукою своею, и весь полкъ его былъ (этимъ) опечаленъ, и воеводу того полка взяли въ плѣнъ, послѣ того какъ онъ раненъ былъ въ переднихъ рядахъ. И такъ, крѣпко бились они весь тотъ день до вечера, и многіе были ранены и убиты въ числѣ Русскихъ; настала ночь субботы, а битва все продолжалась; на разсвѣтѣ въ Воскресенье, дрогнули Ковуи и побѣжали. Игорь въ то время былъ на конѣ, такъ какъ онъ былъ раненъ, и поскакалъ къ полку ихъ, думая возвратить его къ остальнымъ полкамъ; но, сообразивъ, что далеко уклонился отъ своихъ, снялъ съ себя шлемъ и опять погналъ назадъ къ полкамъ (Русскимъ), для того, чтобы, узнавъ князя, и они воротились (т. е. Ковуи); но никто такъ и не воротился, кромѣ Михаила Юрьевича, который воротился, узнавъ князя; добрые (воины) однако же не смутилась вмѣстѣ съ Ковуями, развѣ только немногіе изъ простыхъ и изъ слугъ боярскихъ; добрые же (воины) всѣ бились пѣшіе — и посреди ихъ Всеволодъ показалъ не мало мужества. И какъ приблизился Игорь къ полкамъ своимъ, то (Половцы) перерѣзали ему дорогу и тутъ онъ былъ взятъ на разстояніи одного перестрѣла отъ полка своего. И въ то время какъ Игоря держали, онъ видѣлъ, какъ братъ его крѣпко боролся (съ врагами), и просилъ душѣ своей смерти, дабы не увидѣть паденія брата своего; Всеволодъ же до того бился, что и оружіе невыдержало въ его рукѣ, и бились (воины его), идучи вкругъ озера. И такъ, въ день Св. Воскресенья, Господь навелъ на насъ гнѣвъ свой, радость смѣнилъ плачемъ и веселье печалью, на рѣкѣ на Каялѣ.

(За этимъ слѣдуетъ въ лѣтописи описаніе того впечатлѣнія, которое произвели на Руси слухи о гибели русскаго войска и о плѣненіи князей; послѣ того расказывается о набѣгѣ Половцевъ на русскія княжества и потомъ говорится о пребываніи Игоря въ плѣну у Половцевъ). Игорь же Святославичъ въ то время (т.-е. во время половецкаго набѣга) былъ у Половцевъ и говорилъ: «я вполнѣ заслуживалъ того пораженія, которое понесъ по повелѣнію Твоему, Владыко Господи, и не поганская дерзость надломила силу рабовъ Твоихъ; не жалѣю я о томъ, что за все злое, сдѣланное мною, принялъ всю ту нужду, которую пришлось принять». Половцы же, какъ бы стыдясь воеводства его, не дѣлали ему ничего дурнаго, но приставили къ нему 15 сторожей изъ сыновъ своихъ, да господичей 5, а всѣхъ-то 20; однако же давали ему волю ѣздить, гдѣ хочетъ, и съ ястребами охотиться. А своихъ слугъ съ нимъ ѣздило 5 или 6; и тѣ сторожа (Половцы) слушали Игоря и почетъ ему оказывали, и куда кого онъ посылалъ, безъ возраженія исполняли повелѣнное имъ. Попа же привелъ онъ къ себѣ изъ Руси, со святою службою: ибо не зналъ онъ Божьяго промысла, и полагалъ, что ему тамъ пріидется долго быть. Но Господь избавилъ его за молитву христіанъ, такъ какъ многіе о немъ жалѣли и проливали за него слезы. Въ то время, какъ онъ былъ у Половцевъ, тамъ нашелся мужъ, родомъ Половчинъ, именемъ Лаворъ: тому пришла въ голову благая мысль, и сказалъ онъ: «пойду съ тобою въ Русь». Игорь же сначала не повѣрилъ ему; онъ помышлялъ о томъ, чтобы бѣжать въ Русь, захвативъ съ собою мужей своихъ, и говорилъ: «я тогда ради славы не бѣжалъ отъ дружины, и нынѣ не пойду безславнымъ путемъ». Съ нимъ же былъ (въ плѣну) сынъ тысяцкаго и коню-

шій его, и тѣ понуждали его и говорили: «пойди, князь, въ Русскую землю, если Богу угодно будетъ избавить тебя», и все неудавалось ему найти такого времени, какое ему было потребно. Половцы же, какъ мы уже выше говорили, возвратились отъ Переяславля (изъ набѣга); и сказали Игорю его думцы: «ты въ себѣ держишь мысль высокую и неугодную Господу; ты ищешь случая взять съ собою одного изъ мужей своихъ и съ нимъ бѣжать; а почему же не подумаешь о томъ, что прійдутъ Половцы съ войны, и, какъ мы слышали, изобьютъ всѣхъ васъ князей и всѣхъ Русскихъ? Тогда не будетъ тебѣ ни славы, ни жизни». Князь же Игорь принялъ къ сердцу совѣтъ ихъ, сталъ тревожиться о пріѣздѣ ихъ (Половцевъ) и (въ то же время) искалъ случая къ побѣгу: нельзя было ему бѣжать ни днемъ, ни ночью, такъ какъ сторожа (постоянно) стерегли его; время для побѣга нашелъ онъ на закатѣ солнца. И послалъ Игорь къ Лавру своего конюшаго, сказать: «перейди на ту сторону Тора, съ конемъ въ поводу» — онъ съ нимъ уговорился бѣжать въ Русь. Въ то время Половцы напились кумыса, и дѣло было вечеромъ; пришелъ конюшій и сказалъ князю, что ждетъ его Лаворъ. И вотъ князь всталъ въ страхѣ и трепетѣ и поклонился образу Божію и кресту честному, говоря: «Господи, сердцевидецъ! спасешь ли меня, Ты Владыко, недостойнаго» — и взявъ съ собою крестъ, икону, и поднявъ стѣну (шатра), вылѣзъ вонъ. Между тѣмъ сторожа его играли и веселились, и считали князя спящимъ. Князь же пришелъ къ рѣкѣ и перешелъ ее въ бродъ, и сѣлъ на коня: и такъ прошли они черезъ всѣ вѣжи. Это избавленіе (отъ плѣна) Господь сотворилъ въ пятокъ, вечеромъ. И шелъ князь пѣшкомъ 11 дней до города Донца, а оттолѣ пошелъ въ свой Новгородъ (Сѣверскій) — и всѣ обрадовались ему; изъ Новгорода пошелъ къ брату Ярославу въ Черниговъ, прося чтобы онъ помогъ ему на Посемьѣ; Ярославъ же обрадовался ему и обѣщалъ дать ему помощь; Игорь же оттуда поѣхалъ къ Кіеву, къ великому князю Святославу, и радъ былъ ему Святославъ, а также Рюрикъ, сватъ его.

9) Половецкій пѣвецъ.

Въ лѣто 6709 (1202 г.). (Романъ) устремился на поганыхъ словно левъ, сердитъ же былъ словно рысь, и губилъ (ихъ) словно крокодилъ, а землю ихъ орломъ перелеталъ (изъ конца въ конецъ), и храбръ былъ, какъ туръ. Соревновалъ онъ дѣду своему Мономаху, погубившему поганыхъ Измаильтянъ, называемыхъ Половцами, изгнавшему Отрока въ Обезы (Абхазію) за Желѣзныя ворота, между тѣмъ какъ Сырчанъ, оставшись у Дона, обернулся рыбою; въ то время Владиміръ Мономахъ пилъ золотымъ шлемомъ изъ Дона, захвативъ всю землю ихъ и загнавъ окаянныхъ Агарянъ. По смерти же Владиміра, такъ какъ у Сырчана остался всего одинъ пѣвецъ, Оревъ, то онъ послалъ его въ Обезы, сказать: «Владиміръ умеръ, такъ воротись же, братъ, пойди въ свою землю». (Ореву же сказалъ Сырчанъ): «передай ему мои слова, да пой же ему пѣсни половецкія; если же тебя не захочетъ (послушать), дай ему понюхать травы, которая зовется евшанъ». Такъ какъ тотъ (Отрокъ, братъ Сырчана) не захотѣлъ ни возвратиться, ни послушать (Орева-пѣвца), то (Оревъ) далъ ему (понюхать той) травы; когда Отрокъ понюхалъ, то заплакалъ и сказалъ: «ужъ лучше на своей землѣ костью лечь, нежели на чужой славнымъ быть». И пришелъ обратно въ свою землю, и отъ него-то родился Кончакъ, (тотъ самый) что снесъ Сулу, пѣшкомъ идучи, и котелъ неся на плечахъ.

ИЗЪ НОВГОРОДСКОЙ ЛѢТОПИСИ, ПО СПИСКУ XIV В.

10) Мстиславъ Удалый. Липицкая битва. Твердиславъ.

Въ лѣто 6723 (1212 г.). Пошелъ князь Мстиславъ[1]) по своей волѣ къ Кіеву, и созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и сказалъ Новгородцамъ: «у меня дѣла въ Руси, и вы вольны въ князьяхъ». Въ то же лѣто Новгородцы, много гадавши, послали за Ярославомъ за Всеволодовичемъ, за Юрьевымъ внукомъ, Юрія Ивановича посадника и Якуна тысяцкаго, и старѣйшихъ купцевъ десять человѣкъ; и вошелъ кн. Ярославъ въ Новгородъ, и встрѣтилъ его архіепископъ Антонъ съ Новгородцами. Въ то же лѣто князь Ярославъ захватилъ Якуна Зуболомича, а потомъ послалъ за Ѳомою Доброщиничемъ, Новоторжскимъ посадникомъ, и, оковавъ, посадилъ обоихъ въ заточеніе въ Твери; и по грѣхамъ нашимъ, Ѳеодоръ Лазути-

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о Мстиславѣ Удаломъ, сынѣ Мстислава Храбраго.

ничъ, и Иворъ Новоторжичъ обнесли (передъ княземъ) Якуна Намнѣжича тысяцкаго; князь же Ярославъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ; пошли на Якуновъ дворъ, и разграбили (дворъ), и жену его взяли, а Якунъ на другой день пошелъ съ посадникомъ къ князю, и князь приказалъ схватить сына его, Христофора, въ 21-й день мая. Тогда же, на Соборъ (всѣхъ святыхъ), Прусы (т.-е. жители Прусскаго конца) убили Оветрота и сына его Луготу, и мертвыхъ бросили ихъ на гребью; князь же на это пожаловался Новгородцамъ. Въ то же лѣто пошелъ князь Ярославъ на Торжокъ, взявъ съ собою Твердислава Михайловича, Никифора Полюда, Сбыслава, Семена, Ольксу, и многихъ бояръ, и одаривъ ихъ, прислалъ ихъ въ Новгородъ; а самъ сидѣлъ все въ Торжкѣ. Въ ту же осень много зла сдѣлалось: морозъ побилъ весь хлѣбъ по волости; а въ Торжкѣ все цѣло было, и захватилъ князь все въ Торжкѣ, и непустилъ въ городъ (т.-е. въ Новгородъ) ни воза (съ хлѣбомъ); и послали за княземъ Семена Борисовича, Вячеслава Климятича, Зубца Якуна, и тѣхъ онъ захватилъ, и всѣхъ, кого ни посылали, всѣхъ захватывалъ. А въ Новѣгородѣ очень было плохо: кадь ржи покупали по десяти гривенъ, а овса по три гривны, а рѣпы возъ по 2 гривны; люди ѣли сосновую кору, и листья липовыя, и мохъ.... О, горе тогда было, братья! Дѣтей своихъ отдавали задаромъ, и поставили скудельницу, и наметали ее полную (труповъ). О, горе было! И по торгу валялись трупы, и по улицамъ трупы, и по полю трупы, — псы не успѣвали поѣдать человѣческіе трупы!... Новгородцы же, оставшіеся въ живыхъ, послали Юрія Иванковича посадника, и Степана Твердиславича, и другихъ мужей, за княземъ; онъ и тѣхъ захватилъ; а въ Новгородъ прислалъ Ивора и Чапоноса, вывелъ оттуда къ себѣ свою княгиню, дочь Мстислава (Удалаго). Послѣ этого послали къ нему Мануила Ягольчевича, съ послѣднимъ словомъ: «пойди въ свою отчину къ Св. Софіи; если же не хочешь пойти, то извѣсти насъ», - Ярославъ же и тѣхъ не отпустилъ, а гостей Новгородскихъ всѣхъ забралъ, и былъ въ Новѣгородѣ вопль и печаль.

Тогда же, Мстиславъ Мстиславичъ, прослышавъ про эту бѣду, въѣхалъ въ Новгородъ въ 11 день евраля, и захватилъ Хота Григорьевича, намѣстника Ярославова, и перековалъ всѣхъ дворянъ; и выѣхалъ на Ярославовъ дворъ и цѣловалъ честный крестъ, а Новгородцы — ему цѣловали, чтобы (быть) съ нимъ вмѣстѣ и на жизнь, и на смерть: «либо взыщу мужей Новгородскихъ и волости (Новгородскія» — сказалъ Мстиславъ), — «либо голову положу за Новгородъ».... И послалъ кн. Мстиславъ съ Новгородцами, къ Ярославу, въ Торжокъ попа Юрія (изъ церкви) св. Іоанна на Торговищѣ, и своего мужа съ нимъ отправилъ. «Сынъ мой», (велѣлъ сказать Мстиславъ Ярославу): «кланяюсь тебѣ; мужа моего и гостей отпусти, а самъ съ Торжка пойди, а со мной примирись». Князю же Ярославу было это нелюбо, онъ отпустилъ попа безъ мира, а Новгородцевъ созвалъ на поле, за Торжкомъ, въ мясопустную субботу, всѣхъ мужей, и купцевъ, и, перековавъ похваталъ ихъ всѣхъ, послалъ по своимъ городамъ, а товары ихъ и коней роздалъ; а всѣхъ Новгородцевъ было тамъ болѣе 2000.— (Когда же) вѣсть о томъ пришла въ Новгородъ.... Князь Мстиславъ собралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ: «пойдемъ» сказалъ онъ, «поищемъ мужей своихъ, вашей братіи и волости своей; да не будетъ Новый Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ, — а гдѣ Св. Софія, тутъ и Новгороду (быть); а и въ многомъ Богъ, и въ маломъ — Богъ и правда.

Въ лѣто 6724 (1216), мѣсяца марта въ 1-й день, во вторникъ послѣ чистой недѣли, пошелъ князь Мстиславъ на зятя своего Ярослава съ Новгородцами, а въ четвергъ побѣжали къ Ярославу преступники кресту, которые цѣловали крестъ честный къ Мстиславу со всѣми Новгородцами, въ томъ, чтобы всѣмъ быть за одно: Владиславъ Завидичъ, Гаврила Игоревичъ, Юрій Олексиничъ, Гаврилецъ Милятиничъ, и съ женами, и съ дѣтьми. Мстиславъ же пошелъ Селигеромъ, и вошелъ въ свою волость, и сказалъ Новгородцамъ: «идите въ зажитіе, только головъ не захватывайте»; — пошли и запаслись кормомъ, и для себя, и для коней. — Ярославъ же пошелъ отъ Торжка, захвативъ съ собою старѣйшихъ мужей Новгородскихъ, и молодыхъ по выбору, а Новоторжцевъ всѣхъ, и пришелъ къ Переяславлю, и скопилъ волость свою всю, а Юрій свою, Владиміръ — также, а Святославъ — также, и вышелъ (Ярославъ) изъ Переяславля съ полками, и съ Новгородцами, и съ Новоторжцами, даже страшно и дивно было смотрѣть, братья! Пошли сыновья на отца, братъ на брата, рабъ на господина, господинъ на рабовъ! И сталъ Ярославъ и Юрій съ братьями на рѣкѣ Кзѣ; Мстиславъ же и Константинъ, и два Владиміра, съ Новгородцами стали на рѣкѣ Ли-

пицѣ. И увидѣли они стоявшіе передъ ними полки, и послали Ларіона сотскаго къ Юрію (сказать): «кланяемся тебѣ, нѣтъ у насъ съ тобою обиды, съ Ярославомъ у насъ обида». Отвѣчалъ князь Юрій: «мы съ Ярославомъ братья». И послали къ Ярославу, сказать: «отпусти мужей нашихъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ, возврати Волокъ, который захватилъ отъ нашей же Новгородской волости, помирись съ нами и крестъ намъ цѣлуй, а крови не будемъ проливать». Отвѣчалъ (Ярославъ): «мира не хотимъ, а мужи (ваши) у меня; а вы (видно) далеко зашли — вышли какъ рыбы на сушу». И сказалъ Ларіонъ ту рѣчь (князю Мстиславу и Новгородцамъ, и сказали Новгородцы: «князь, не хотимъ мы вымирать на коняхъ, но, какъ отцы наши бились пѣшіе на Кулачскѣ, (такъ и мы будемъ теперь биться)»; князь же Мстиславъ былъ этому радъ. Новгородцы же, спѣшившись и сбросивъ съ себя одежду, устремились (въ битву) босые, поскидавъ съ себя сапоги; а Мстиславъ, вслѣдъ за ними, поѣхалъ на коняхъ. И сошлось войско Новгородское съ Ярославовымъ войскомъ, и такъ, Божьею силою и помощью св. Софіи, одолѣлъ Мстиславъ, а Ярославъ и войско его обратилось въ бѣгство; Юрій же стоялъ вмѣстѣ съ Константиномъ, и—увидѣвъ, что Ярославово

Древній соборъ Св. Софіи въ Новъгородѣ.

войско побѣжало, мѣсяца апрѣля въ 21-е (число), на день св. Тимоѳея и Ѳеодора и Александры Царицы—неустоялъ. О, велика (была) побѣда, братья! Однихъ убитыхъ и связанныхъ такое множество, что и пересчитать трудно!—О, великъ, братья, промыслъ Божій! Въ той битвѣ воиновъ Юрьевыхъ и Ярославовыхъ пало безъ числа; а Новгородцевъ убили въ схваткѣ: — Дмитрія Псковитина, да Антона котельника, да Ивана Прибышинича; а въ загонѣ, Иванка Поповича, Семена Петриловича, Терскаго данника. Пришелъ Мстиславъ въ Новгородъ, и радъ былъ владыка и всѣ Новгородцы. Тогда отняли посадничество у Юрья у Иванковича, и отдали Твердиславу Михалковичу.

Въ лѣто 6726 (1218). Разнесся ложный слухъ по городу, будто Твердиславъ выдалъ князю Матея (Душильчевича). И звонили на той сторонѣ у Св. Николы всю ночь, а въ Неревскомъ концѣ у 40 святыхъ, то же скопляя людей на Твердислава; а на слѣдующій день пустилъ князь Матея, предвидя *голку* (бунтъ) и мятежъ въ городѣ. И пошли съ той стороны всѣ, даже до дѣтей, въ броняхъ, словно на войну, и Неревляне тоже; а Загородцы не пристали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Твердиславъ же, взгля-

нувъ на Св. Софію, сказалъ: «коли я виноватъ въ чемъ, такъ пусть я здѣсь же и умру; а коли я правъ, такъ ты и оправдай меня, Господи!... И пошелъ съ Людинымъ концемъ и съ Прусами; и была сѣча у городскихъ воротъ, и побѣжали на ту сторону (Волхова), а другіе ночью и мостъ разломали; и переправились съ той стороны (граждане) на лодкахъ, и пошли (на городъ, на Кремль) силою. О, великое чудо проявилъ окаянный дьяволъ! Когда бы слѣдовало имъ воевать съ погаными, тогда они начали биться межяу собою, и убили мужа съ Прусскаго конца, и на другомъ концѣ одного, а съ той стороны Ивана Душильчевича, брата Матеева, а въ Неревскомъ концѣ Коснятина Прокопьинича, и другихъ еще 6 человѣкъ; а раненыхъ много было съ обѣихъ сторонъ; случилось же это мѣсяца генваря въ 27-е (число) на (день Св. Іоанна Златоустаго. И такъ вѣча длились цѣлую недѣлю; но дьяволъ былъ попранъ Богомъ и Св. Софіею, и крестъ возвеличенъ: братья сошлись вмѣстѣ единодушно, и крестъ цѣловали; князь же Святославъ прислалъ своего тысяцкаго на вѣче сказать: «не могу быть съ Твердиславомъ, и отнимаю отъ него посадничество». Новгородцы сказали: «а въ чемъ же его вина»? Онъ же отвѣчалъ: «безъ вины». Сказалъ Твердиславъ: «я радъ тому, что вины моей нѣтъ; а вы, братья, (вольны) и въ посадничествѣ, и въ князьяхъ», Новгородцы же отвѣчали: «князь, если нѣтъ его вины, то вѣдь ты же намъ крестъ цѣловалъ, что безъ вины никого отставлять не будешь; а тебѣ мы кланяемся, а это нашъ посадникъ; и этому мы не поддадимся»; — и водворилось спокойствіе.

Въ лѣто 6725 (1220). Пришелъ князь Всеволодъ изъ Смоленска въ Торжокъ; дьяволъ же, не желая добра христіанскому роду, вмѣстѣ со злыми людьми, вложилъ князю грѣхъ въ сердце, гнѣвъ на Твердислава, а безъ вины; и пришелъ въ Новгородъ, и поднялъ весь городъ, замышляя убить Твердислава, а Твердиславъ былъ боленъ, и пошелъ князь Всеволодъ съ Городища, со всѣмъ дворомъ своимъ, окрутившись въ броню, словно воевать шелъ, и пріѣхалъ на Ярославовъ дворъ; и сошлись Новгородцы къ нему, въ оружіи, и стали полкомъ на княжескомъ дворѣ. Твердиславъ же былъ боленъ, и вывезли его на санкахъ къ Борису и Глѣбу, и собрались около него Прусы, и Людинъ конецъ, и Загородцы, и стали около него полкомъ, расположившись 5-ью отрядами; князь же, увидѣвъ ряды ихъ (и понявъ, что) они хотятъ крѣпко постоять за себя, и не поѣхалъ на нихъ, но прислалъ владыку Митрофана со всякими добрыми вѣстями; и свелъ ихъ владыка снова въ любовь, и крестъ цѣловали и князь, и Твердиславъ; такъ Богомъ и Св. Софіею крестъ былъ возвеличенъ, и дьяволъ попранъ, а братья всѣ были за одно. Твердиславъ же, помирившись съ князямъ, отказался отъ посадничества, такъ какъ былъ боленъ; и дали посадничество Иванку Дмитровичу; а (Твердиславъ) проболѣлъ семь недѣль, и разболѣлся еще больше, и утаившись отъ жены и дѣтей, и всей братіи, отправился къ св. Богородицѣ въ Аркажъ монастырь, и постригся тамъ въ 8 день февраля; тогда же и жена его постриглась въ другомъ монастырѣ у св. Варвары.

IV.

УСПѢХИ ОБРАЗОВАННОСТИ НА РУСИ; РЕЛИГІОЗНОЕ НАПРАВЛЕНІЕ ОБРАЗОВАНІЯ. ПЕРВЫЯ ПОПЫТКИ СОЗДАТЬ ЛИТЕРАТУРУ СВѢТСКУЮ: ПОУЧЕНІЕ МОНОМАХА И ПОСЛАНІЕ ДАНІИЛА ЗАТОЧНИКА.

Мы уже видѣли, что христіанство, принявшееся въ Россіи такъ легко, послужило, вмѣстѣ съ тѣмъ, источникомъ просвѣщенія для Россіи и дало первый толчокъ къ введенію у насъ грамотности. Грамотность нашла себѣ въ началѣ много благопріятныхъ условій къ распространенію. Къ числу этихъ условій, конечно, слѣдуетъ отнести постоянныя сношенія съ Византіей и тѣсныя связи наши съ Польшей и Венгріей, черезъ которыя къ намъ проникалъ не только Латинскій языкъ, но даже и отголоски историческихъ событій, волновавшихъ Европу. А такъ какъ распространеніе грамотности шло рука объ руку съ распространеніемъ христіанства, то грамотность считалась необходимою для всякаго ревностнаго христіанина, потому что чтеніе книгъ могло утвердить его въ вѣрѣ и благочестіи. Отсюда, конечно, рождался взглядъ на грамотность и образованность, не какъ на средство для общаго развитія умственныхъ и душевныхъ способностей человѣка, а только, какъ на средство къ удовлетворенію потребностей благочестія. Вотъ почему грамотные предки

наши XI и XII столѣтія, собирая около себя довольно значительныя книгохранилища, читая и переписывая книги или переводя ихъ съ греческаго, исключительно ограничивались областью книгъ религіозныхъ и духовно-нравственныхъ и даже всему тому, что не имѣло прямого отношенія къ религіи, старались придать оттѣнокъ религіозный — все стремились поставить въ ту прямую, непосредственную зависимость отъ религіи, въ какую они ставили и первѣйшую изъ потребностей человѣка: — стремленіе къ грамотности, къ образованію. Эта сторона древне-русской жизни высказывается чрезвычайно рѣзко въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, какія сохранились намъ у древнихъ лѣтописцевъ нашихъ о первыхъ шагахъ просвѣщенія въ Россіи.

Сыновья и внуки Ярослава Мудраго наслѣдовали отъ него горячее стремленіе къ распространенію грамотности и къ собиранію книгъ. Сынъ Ярослава, Святославъ, собралъ много книгъ, которыми «наполнилъ клѣти свои»[1]). Другой сынъ его, Всеволодъ, былъ извѣстенъ, какъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени. Внукъ Ярослава и сынъ Всеволода, Мономахъ, какъ видно изъ дошедшаго до насъ сочиненія его, тоже отличался обширною религіозною начитанностью. О Романѣ Ростиславичѣ Смоленскомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ прилагалъ особенную заботу къ обученію духовенства, и всѣ усилія устремлялъ на устройство училищъ, въ которыхъ, между прочимъ, нанятые имъ учители обучали и Греческому, и Латинскому языку; на это издержалъ онъ все свое имѣніе, такъ что по смерти его, не на что было и похоронить его, и благодарные Смольняне погребли его на свой счетъ. О Ярославѣ Владиміровичѣ Галицкомъ говорится, что онъ зналъ иностранные языки и такъ много прочелъ книгъ, что могъ даже самъ *«наставлять правой вѣрѣ»*, понуждалъ духовенство учить мірянъ, и опредѣлялъ монаховъ учителями въ училища, которыя содержались на счетъ монастырскихъ доходовъ. О Константинѣ Всеволодовичѣ также говоритъ лѣтописецъ, что онъ всѣхъ *«умудрялъ духовными бесѣдами»*, потому что часто и прилежно читалъ книги, которыхъ собралъ около себя множество: однихъ греческихъ книгъ было у него болѣе тысячи, изъ которой большую часть онъ самъ купилъ, а нѣкоторую часть получилъ въ даръ отъ патріарховъ. Но въ особенности характеризующими то отдаленное время являются извѣстія, сохранившіяся намъ о двухъ замѣчательныхъ людяхъ XII-го столѣтія: Николаѣ Святославичѣ, князѣ Черниговскомъ и Евфросиніи Полоцкой, дочери князя Полоцкаго Георгія.

Николай Святоша, внукъ того Святослава Ярославича, который «наполнилъ клѣти свои книгами», отличался также, какъ и дѣдъ его, замѣчательною страстью къ книжному ученью и къ собиранію книгъ. Въ самомъ началѣ XII вѣка, слѣдуя призванію своему, онъ постригся въ монахи въ Кіевопечерскомъ монастырѣ и свое богатое собраніе книгъ принесъ въ даръ обители, въ которой явился однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и смиреннѣйшихъ иноковъ. Онъ исполнялъ наравнѣ съ остальною братіею всѣ обязанности и несъ на себѣ всѣ труды простого монаха: такъ онъ былъ привратникомъ монастырскимъ, рубилъ дрова и носилъ воду, готовилъ кушанье на братію; а казну свою онъ употреблялъ на украшеніе храма и на пополненіе своего книгохранилища.

Евфросинія Полоцкая, до поступленія своего въ монастырь носившая имя Предиславы, постригшись очень молодою, съ разрѣшенія епископа поселилась въ небольшой кельѣ, пристроенной къ Софійскому собору Полоцкому, и вполнѣ посвятила себя духовной дѣятельности; она занялась здѣсь списываньемъ священныхъ книгъ, которыя отдавала въ продажу, а деньги, вырученныя отъ продажи ихъ, раздавала нищимъ. Въ глубокой старости, Евфросинія совершила еще и другой подвигъ благочестія—отправилась въ Св. Землю на поклоненіе Гробу Господню, подобно многимъ другимъ современникамъ своимъ, такъ какъ въ это время путешествія Русскихъ людей въ Св. Землю были явленіемъ очень обыкновеннымъ, и одинъ изъ современниковъ Евфросиніи, игуменъ Даніилъ, оставившій намъ описаніе своего *хожденія* въ Іерусалимъ, говоритъ, что, одновременно съ нимъ, въ Іерусалимѣ было много Кіевлянъ и Новгородцевъ.

Изъ всего вышесказаннаго не трудно выяснить себѣ до какой степени сильно было, въ XI и XII вв., религіозное вліяніе на умы обра-

[1]) Изъ этихъ книгъ до нашего времени уцѣлѣли два сборника статей различнаго содержанія, извѣстные подъ названіемъ: «Изборниковъ Святослава».

зованнѣйшихъ русскихъ людей, до какой степени главною, преобладающею цѣлью образованія и грамотности являлось желаніе утвердиться въ вѣрѣ и просвѣтить свой умъ съ точки зрѣнія исключительно-религіозной. Понятно, что, вслѣдствіе такого преобладающаго вліянія, свѣтская литература не могла широко развиться въ русскомъ обществѣ XI и XII вѣка, и что первыя попытки свѣтской литературы должны были неизбѣжно носить на себѣ отпечатокъ сильнаго вліянія религіознаго. Такъ однимъ изъ первыхъ памятниковъ нашей свѣтской литературы является «Поученіе Владиміра Мономаха», написанное имъ для дѣтей, по образцу поученій духовенства къ паствѣ. Такого рода поученія, подъ названіемъ «наставленій отца къ сыну» или «наказанія отца дѣтямъ» являлись всюду — и у насъ, въ Греціи, и на Западѣ — первыми попытками свѣтской литературы, когда она начинала отдѣляться отъ литературы духовной, но еще ничего не могла создать самостоятельнаго, а только подражала тѣмъ образцамъ, какіе представлялись ей въ литературѣ духовной. Владиміръ Мономахъ, — одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, и притомъ проницательный и мудрый правитель, подавляющій своею величавою личностью всѣхъ современныхъ ему князей, — очевидно, не могъ не углубляться въ размышленіе о томъ тягостномъ положеніи, въ которомъ находилось русское общество его времени. Его тревожила и мысль объ участи Русской земли, которую онъ такъ любилъ и за которую столько понесъ трудовъ, и, ближайшимъ образомъ, участь собственныхъ дѣтей его, которымъ суждено было, послѣ его смерти, править землею, терзаемою и сокрушаемою усобицами. При этомъ, Владиміръ Мономахъ не могъ не сознавать и того, какъ важно было для современниковъ его собственное значеніе, какъ много было имъ сдѣлано для дорогаго отечества, которое было столь многимъ обязано его мужеству и неутомимой дѣятельности. Стоитъ припомнить хотя бы только то, что сдѣлано было Владиміромъ на защиту Русской земли отъ нашествія дикихъ степныхъ ордъ: онъ самъ говоритъ о себѣ, что въ теченіе 13-ти лѣтъ ему пришлось совершить 83 большихъ похода, а меньшихъ онъ и не припомнитъ; что въ теченіе того же времени онъ заключилъ девятнадцать мировъ съ Половецкими князьями, лучшихъ князей ихъ заполонилъ и потомъ выпустилъ изъ оковъ 109, да побилъ болѣе 200. Сознаніе необходимости такой неутомимой службы землѣ Русской побудило его написать поученіе дѣтямъ, въ которомъ онъ указываетъ имъ на себя, какъ на живой примѣръ, вовсе не изъ желанія похвалить себя, а потому что онъ, какъ практическій русскій человѣкъ, не могъ не сознавать того, что примѣръ лучше всего способенъ подѣйствовать на людей. При этомъ онъ избралъ потому именно форму поученія, что въ современной ему литературѣ, исключительно-духовной и религіозной, не видѣлъ другой формы для изложенія своихъ мыслей.

Самое поученіе Мономаха, которое мы далѣе приведемъ цѣликомъ, рисуетъ намъ очень живо и понятія передового Русскаго дѣятеля въ XII вѣкѣ, и образъ мыслей его, и образъ жизни князя. Особенно пріятно должно поражать каждаго въ этомъ поученіи то, что Мономахъ, человѣкъ практическій и неутомимо-дѣятельный, является такимъ же точно и въ своемъ благочестіи, которое, подобно Θеодосію Печерскому, онъ неограничиваетъ однимъ внѣшнимъ исполненіемъ обрядовъ и молитвами, но ставитъ въ обязанность каждому вѣрующему *дѣятельность христіанскую*—дѣла милосердія и любви. Точно также не могутъ неудивлять даже и въ настоящее время понятія Мономаха объ отношеніи къ ближнимъ и особенно къ тѣмъ, которые по общественному положенію своему поставлены ниже насъ. Въ заключеніе, прежде нежели перейдемъ къ изложенію самого поученія Мономахова, отмѣтимъ одну черту древняго нашего княжескаго быта, которая можетъ въ настоящее время показаться не совсѣмъ понятною. Мономахъ, разсказывая дѣтямъ о своей неутомимой дѣятельности на защиту Русской земли отъ иноплеменниковъ, рядомъ съ походами на Половцевъ, указываетъ и на свои «ловы», т.-е. на *охоты*, какъ на рядъ замѣчательныхъ подвиговъ. Одинъ изъ нашихъ ученыхъ совершенно вѣрно замѣчаетъ поэтому поводу, что «охота была тогда не праздною забавою, не тратою времени, а дѣйствительно спасительнымъ подвигомъ. Она поражала не мирныхъ, безвредныхъ животныхъ, а свирѣпыхъ, или же доставляла полезныхъ животныхъ человѣку. Можно себѣ представить, какимъ множествомъ дикихъ звѣрей наполнены были тогда непроходимые лѣса и обширныя степи Русскія». Очевидно, что охота вызывалась необходимостью, и что, по-

тому самому, Мономахъ, много разъ подвергавшій опасности жизнь, совершая «ловы свои», могъ смѣло поставить ихъ въ число подвиговъ. Переходимъ къ самому поученію.

Въ самомъ началѣ его Мономахъ объявляетъ о поводѣ, по которому написалъ свое поученіе. Едва только успѣли окончиться усобицы съ однимъ изъ князей Русскихъ, едва удалось ему примирить князей Русскихъ на общемъ съѣздѣ, какъ, на пути своемъ въ Ростовскую область, онъ уже былъ встрѣченъ посольствомъ отъ двоюродныхъ братьевъ своихъ, которые звали его вмѣстѣ съ собою воевать Ростиславичей Галицкихъ, отказывавшихся отъ исполненія общаго княжескаго приговора, положеннаго на съѣздѣ. Двоюродные братья велѣли сказать Мономаху: «ступай скорѣе къ намъ, прогонимъ Ростиславичей и волость у нихъ отнимемъ; если же не пойдешь съ нами, то мы сами по себѣ, а ты самъ по себѣ». Мономахъ велѣлъ передать имъ: «сердитесь, сколько хотите, не могу съ вами идти и преступить крестное цѣлованіе». Угроза братьевъ разъединиться съ нимъ сильно опечалила Мономаха; въ этой печали онъ разогнулъ псалтирь и попалъ на мѣсто: «вскую печалуешься, душе? Вскую смущаеши мя»? Утѣшенный псалмомъ, Мономахъ рѣшился написать поученіе дѣтямъ, въ которомъ главною мыслью является стремленіе оградить ихъ отъ возможности совращаться съ пути истиннаго, для чего онъ и даетъ имъ рядъ нравственныхъ правилъ и наставленій о томъ, какъ именно слѣдуетъ жить христіанину, въ особенности увѣщевая полагаться на Бога, который не дастъ погибнуть человѣку, творящему волю Его.

«Дьяволъ, врагъ нашъ», - такъ пишетъ Мономахъ въ началѣ своего поученія — «побѣждается тремя добрыми дѣлами: покаяніемъ, слезами и милостынею. Бога ради, не лѣнитесь дѣти мои, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; вѣдь они не тяжки: — это не то, что отшельничество, или чернечество, или голодъ, какъ терпятъ нѣкоторые добродѣтельные люди; а (между тѣмъ) такимъ малымъ дѣломъ можете вы получать милость Божію.... Послушайте же меня и если не все (изъ того, чему я васъ поучаю) примете, то (хоть) половину. Просите Бога о прощеніи грѣховъ со слезами, и не только въ церкви дѣлайте это... но и ложась спать. Не забывайте ни одну ночь класть земные поклоны, если можете; если же занеможете, то хоть трижды поклонитесь: этими ночными поклонами и пѣніемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола и получаетъ прощеніе дневныхъ грѣховъ своихъ. Даже и на конѣ сидя, если ни съ кѣмъ не разговариваете, то, чѣмъ думать безлѣпицу, (лучше) повторяйте постоянно въ умѣ: «Господи помилуй»! если ужъ другихъ молитвъ незнаете — эта молитва лучше всѣхъ. Болѣе же всего не забывайте убогихъ, и сколько можете, по силѣ, кормите ихъ; больше другихъ подавайте сиротѣ, и сами оправдывайте вдовъ, не позволяя сильнымъ погубить человѣка. Ни праваго, ни виноватаго (ни сами) не убивайте, (ни другимъ) не приказывайте убивать. Въ разговорѣ — чтобы вы ни говорили: доброе или злое — не клянитесь Богомъ, не креститесь: нѣтъ въ этомъ никакой нужды; когда придется вамъ цѣловать крестъ (по отношенію) къ братьѣ или къ другому кому, то цѣлуйте подумавши, можете ли сдержать клятву, и, поцѣловавши, остерегайтесь, какъ бы не погубить души своей, преступивъ (крестное цѣлованіе). Съ любовію принимайте благословеніе отъ епископовъ, поповъ и игумновъ, не устраняйтесь отъ нихъ, по силѣ любите и снабжайте ихъ: пусть молятся за васъ Богу. Пуще всего не имѣйте гордости въ сердцѣ и умѣ, но скажемъ такъ — всѣ мы смертны — нынѣ живы, а завтра во гробѣ; и все то, что Ты, Господи, далъ намъ, — не наше, а Твое, порученное намъ, на малое число дней». Въ землю же ничего не зарывайте: это большой грѣхъ. Старыхъ чти, какъ отца; молодыхъ, какъ братьевъ. Въ домѣ своемъ не лѣнитесь; но за всѣмъ присматривайте сами; не надѣйтесь ни на тіуна [1]), ни на отрока [2]), чтобы гости не посмѣялись надъ домомъ вашимъ, ни надъ обѣдомъ. Вышедши на войну, также не лѣнитесь, не надѣйтесь на воеводъ; питью, ѣдѣ, спанью не предавайтесь въ излишествѣ; сторожей сами наряжайте; когда же всѣмъ распорядитесь, ложитесь и сами между воиновъ, но вставайте рано; оружія же съ себя не снимайте, — въ попыхахъ, не разглядѣвши (ночью), человѣкъ часто погибаетъ отъ лѣности своей. Остерегайтесь лжи и пьянства: въ этихъ порокахъ душа и тѣло погибаютъ. Если случится вамъ ѣхать куда, по своимъ дѣламъ, то не давайте отрокамъ обижать жителей, ни своихъ, ни чужихъ, чтобы послѣ васъ не проклинали. На дорогѣ или гдѣ остановитесь, напойте, накор-

[1]) Тіунъ — управитель. [2]) Отрокъ — слуга

мите нищаго; особенно же чтите гостя, откуда бы онъ къ вамъ ни пришелъ, — простой-ли, знатный-ли человѣкъ, или посолъ; если не можете обдарить его чѣмъ инымъ, то угостите хорошенько: — странствуя, они-то и разносятъ добрую или худую славу о человѣкѣ. Больнаго навѣстите и къ мертвому ступайте, потому что всѣ мы смертны; и никого не пропустите мимо себя, неопривѣтствовавши: всякому скажите доброе слово. Женъ своихъ любите, но не давайте имъ надъ собою власти. Что знаете добраго, того не забывайте, а чего еще незнаете, тому учитесь; не лѣнитесь ни на что доброе. Прежде всего (не лѣнитесь) по отношенію къ церкви: солнце не должно застать васъ на постели. Такъ дѣлалъ блаженной памяти отецъ мой и всѣ добрые люди: за утренней воздавалъ хвалу Богу; когда потомъ видѣлъ восходящее солнце, прославлялъ Бога съ радостью (*приведены слова молитвы*). (Затѣмъ слѣдуетъ) сѣсть думать (т.-е. совѣщаться) съ дружиною, или людей разбирать судомъ, или на ловъ отправиться, или (по другому дѣлу) ѣхать, или лечь спать: спать въ полдень присуждено отъ Бога — ибо искони почиваетъ въ это время и звѣрь, и птица, и человѣкъ. А вотъ теперь раскажу вамъ, дѣти мои, о трудахъ моихъ, и о моихъ походахъ и ловахъ въ теченіи 13 лѣтъ.

(*Затѣмъ, перечисляются походы и опасности, которымъ подвергался Владиміръ Мономахъ во время своихъ охотъ*). И Богъ сохранилъ меня невредимаго, хотя я и съ коня много разъ падалъ, и голову себѣ разбилъ дважды, и руки и ноги не разъ повреждалъ себѣ, не щадя ни головы своей, ни жизни. И то, что слѣдовало бы дѣлать моему отроку, то дѣлалъ я самъ, и на войнѣ, и во время лововъ, ночью и днемъ, на зноѣ, и на холоду, не давая себѣ покоя, не обращая вниманія ни на посадниковъ, ни на биричей [1]), дѣлалъ самъ все необходимое, соблюдая порядокъ и въ дому своемъ, и ловчими завѣдывая самъ, и конюхами, и о соколахъ, и о ястребахъ (прилагая заботу). Въ то же время и простаго человѣка, и убогой вдовицы не давалъ въ обиду сильнымъ, и за церковнымъ порядкомъ и службами успѣвалъ присматривать самъ. Не подумайте, дѣти мои, или другой кто, читая это, чтобы я хвалилъ себя или выставлялъ смѣлость свою; я только восхваляю Бога и прославляю Его милость за то, что онъ меня, грѣшнаго и худаго, въ теченіе столькихъ лѣтъ уберегъ отъ смерти, и сотворилъ меня нэ лѣнивымъ, и годнымъ на всѣ человѣческія дѣла. Желаю только того, чтобы, прочитавши эту грамотку, вы бы устремились на всѣ добрыя дѣла, прославляя Бога и святыхъ Его. Не бойтесь, дѣти, смерти, ни на войнѣ, ни отъ звѣря, но, съ помощью Божіею, смѣло дѣлайте свое дѣло, какъ надлежитъ мужчинамъ. Коли не будетъ на то воли Божіей, то, подобно мнѣ, никто изъ насъ не можетъ погибнуть ни отъ воды, ни на войнѣ, ни отъ звѣря; а еже-ли отъ Бога будетъ (назначена вамъ) смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья не въ силахъ будутъ васъ отъ нея избавить».

Выше мы уже упоминали о замѣчательной начитанности Мономаха, которая видна изъ его «Поученія», хотя и выпустили изъ Поученія его всѣ общія мѣста, заимствованныя имъ изъ книгъ Св. Писанія и Отцевъ Церкви, служащія доказательствомъ этой начитанности, оставивъ только самую сущность, наиболѣе рисующую намъ образъ мыслей и понятія одного изъ знаменитѣйшихъ русскихъ дѣятелей XII вѣка.

Но отъ того же вѣка дошло къ намъ другое произведеніе—«Посланіе Даніила Заточника» [2]), почти сплошь составленное изъ выписокъ, заимствованныхъ большею частью изъ «Притчей Соломоновыхъ» и книги «Премудрости Іисуса сына Сирахова». Выписки эти очень ловко сопоставлены въ «Посланіи Даніила Заточника» съ русскими пословицами и съ намеками на современныя историческія обстоятельства, такъ что, хотя по формѣ «Посланія», заимствованной очевидно изъ духовной литературы, произведеніе Даніила Заточника и принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя произошли подъ непосредственнымъ вліяніемъ религіознаго настроенія, преобладавшаго въ древнемъ русскомъ обществѣ; однакоже, по содержанію своему, Посланіе Даніила Заточника представляетъ собою уже прямой переходъ отъ духовно-нравственной литературы къ литературѣ свѣтской.

Изъ самаго произведенія нѣтъ возможности догадаться о томъ, кто былъ самъ Даніилъ, ни даже о томъ, къ кому именно обращается онъ въ своемъ умилостивительномъ посланіи. Изъ

[1]) Биричь — лицо, облеченное властью исполнительной; иногда биричи бывали глашатаями.

[2]) *Заточникъ* — т. е. *заточенный*, заключенный, посаженный въ *заточеніе*.

этого посланія видно только то, что какой-то Даніилъ, человѣкъ, повидимому, еще не старый, неизвѣстно какого происхожденія и званія, состоялъ сначала въ близкихъ отношеніяхъ къ одному изъ современныхъ ему князей, но потомъ прогнѣвалъ князя, и было, по его велѣнію, заточенъ на озерѣ Лаче (въ нынѣшней Олонецкой губерніи). Даніилъ Заточникъ нигдѣ, въ посланіи своемъ, не проговаривается о томъ, за какую именно вину онъ былъ сосланъ княземъ въ заточенье; однакоже, по рѣзкимъ выходкамъ его противъ женщинъ и приближенныхъ князю бояръ, можно предполагать, что онъ приписывалъ свое несчастіе ихъ наговоромъ. Ученые наши думаютъ, что князь, упоминаемый въ посланіи Даніила, есть или Юрій Владиміровичъ Долгорукій, сынъ Мономаха или Ярославъ Владиміровичъ, правнукъ Мономаха. Неизвѣстно также и то обстоятельство, удалось ли Даніилу доставить посланіе свое въ руки князя и имъ заслужить себѣ помилованіе, хотя и видно, что посланіе Даніила очень понравилось русскимъ грамотнымъ людямъ кудреватостью своего слога и и въ послѣдующіе вѣка много разъ переписывалось, передѣлывалось или даже примѣнялось къ подобнымъ же обстоятельствамъ.

Въ самомъ началѣ своего посланія, а также и въ концѣ его Даніилъ высказываетъ довольно ясно высокое мнѣніе о своемъ умѣ и мудрости, почерпнутой имъ изъ книгъ; вмѣстѣ съ тѣмъ съ особенною злобою и пренебреженіемъ высказывается онъ противъ людей глупыхъ и неразумныхъ, которымъ, очевидно, противополагаетъ себя, стараясь, однакоже, всему произведенію своему придать форму иносказательную, изложить его въ видѣ цѣлаго ряда притчей.

«Вострубимъ, братія, какъ бы въ златокованныя трубы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бить въ серебрянныя органы, и возвѣемъ мудрости свои» такъ начинаетъ свое «Посланіе» Даніилъ Заточникъ. «Не возри на меня, князь-господинъ», продолжаетъ онъ, обращаясь къ князю, «какъ волкъ на ягненка; воззри на меня, господинъ мой, какъ мать на младенца. Взгляни, господинъ, на небесныхъ птицъ которыя не орутъ, не сѣютъ, и въ житницы не собираютъ, а надѣются на милость Божію; такъ точно и мы, князь-господинъ, желаемъ твоей милости; потому, господинъ, кому—Боголюбово, а мнѣ—горе лютое; кому—Лачь-озеро, а мнѣ,—сидящему при немъ,—плачь горькій; кому—Новгородъ; а у меня—углы опали (т. е. у жилья). Потому то и взываю къ тебѣ, князь-господинъ, одолѣваемый нищетою: помилуй меня, не дай мнѣ всплакаться, какъ Адаму въ раю. Избавь меня отъ этой нищеты, какъ серну отъ тенетъ, какъ птицу отъ западни, какъ утку отъ когтей носящагося надъ ней ястреба, какъ овцу отъ пасти львиной. Я, князь-господинъ, словно дерево придорожное: многіе порубаютъ его и мечутъ въ огонь; такъ точно и меня всѣ обижаютъ, такъ какъ я огражденъ страхомъ твоего гнѣва. Въ печали человѣка утѣшить не тоже-ли, что жаждущаго, въ знойный день, напоить студеною водою? И птица вѣдь радуется веснѣ, какъ младенецъ матери, — такъ и я, князь, радуюсь твоей милости; ибо какъ весна украшаетъ землю цвѣтами, такъ и ты, князь-господинъ, оживляешь всѣхъ своей милостью, и сиротъ, и вдовъ, угнетаемыхъ вельможами. Но въ то время, какъ ты будешь наслаждаться многими кушаньями, то вспомни, что я ѣмъ одинъ сухой хлѣбъ, а когда станешь пить сладкое питье, то вспомни, что я принужденъ пить одну теплую воду, въ которую вѣтромъ нанесло всякій соръ. Когда же ляжешь на мягкія перины, подъ соболье одѣяло, то вспомни, что я здѣсь лежу подъ однимъ платомъ, и умираю отъ стужи, и что дождевыя капли, словно стрѣлы, пронизываютъ меня (холодомъ) до самаго сердца. Князь щедрый, какъ рѣка съ пологими берегами, текущая сквозь дубравы, и напояющая, не только людей, но и скотъ, и всѣхъ звѣрей; а князь скупой не то же ли, что рѣка, текущая между высокими каменистыми берегами: нельзя ни пить, ни коня напоить».

За этими напоминаніями князю о бѣдственномъ своемъ положеніи слѣдуетъ въ «Посланіи» Даніила цѣлый рядъ сравненій *богатаго несмысленнаго* человѣка съ *убогимъ, но мудрымъ*, которому конечно Даніилъ и отдаетъ предпочтеніе. За этими сравненіями видимъ въ Посланіи множество самыхъ рѣзкихъ выходокъ противъ женщинъ и противъ злыхъ бояръ, окружающихъ князя. Даніилъ очень ловко и уклончиво старается на нихъ свалить вину въ томъ злѣ, которое иногда дѣлаютъ князья людямъ, и тонко намекаетъ на то, что князю на столько же не слѣдуетъ слушаться ихъ, на сколько и жены своей. «Не море топитъ корабли», — замѣчаетъ по этому поводу Даніилъ, — «но вѣтры; и не огонь раскаляетъ желѣзо, а вздыманіе мѣховъ: такъ точно и князь не самъ

впадаетъ во многія дурныя дѣла, а думцы (совѣтники) его въ нихъ вводятъ. Вѣдь съ добрымъ-то думцею князь додумается до высокаго престола, а съ злымъ думцею можетъ даже и малаго престола лишиться».

Посланіе заканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ князю, которому Даніилъ старается поставить на видъ свои достоинства. «Господинъ мой! Не взирай на мою внѣшность, а внутрь меня загляни: я скуденъ одѣяніемъ, но обиленъ разумомъ; юнъ лѣтами, но старъ смысломъ; мысль моя подобна орлу, парящему въ воздухѣ. Поставь сосуды скудельничьи подъ влагу, каплющую съ языка моего, дабы уста мои надѣлили тебя словами, болѣе сладкими, нежели самый медъ... Я не ходилъ за море, не учился у философовъ, но уподоблялся пчелѣ, припадающей къ различнымъ цвѣтамъ и собирающей съ нихъ медвяный сотъ; такъ точно и я, изъ многихъ книгъ собирая разумъ и словесную сладость, собралъ (все это), какъ воду морскую въ мѣхъ (собираютъ), и не отъ своего разума (все это написалъ), а по Божьему промыслу».

Ученые наши полагаютъ, что Даніилу вѣроятно былъ извѣстенъ одинъ изъ тѣхъ сборниковъ, которыя въ древней Руси носили общее названіе «*Пчелъ*», и очень рано должны были перейти къ намъ изъ Византіи, гдѣ они стали появляться уже съ VII вѣка по Рождествѣ Христовѣ. Такіе сборники состояли обыкновенно изъ выписокъ и различныхъ изреченій, заимствованныхъ какъ изъ Св. Писанія, такъ и у классическихъ писателей греческихъ и латинскихъ. Выписки эти иногда располагались по различнымъ предметамъ, иногда по главамъ, въ которыхъ отдѣльно, въ сокращеніи, излагались мысли того или другаго писателя о дружбѣ, о власти, о царяхъ, о мудрости, о значеніи женщины и т. д. Къ этимъ-то главамъ, наши русскіе книжники, занимавшіеся переводомъ и перенесеніемъ «*Пчелъ*» на русскую почву, часто прибавляли многое отъ себя, занося въ нихъ пословицы и притчи, заимствованныя изъ устъ народа. Въ свою очередь, и самое «Моленіе» Даніила, понравившееся нашимъ грамотнымъ предкамъ XII вѣка, и основанное отчасти на знакомствѣ съ «*Пчелами*», было впослѣдствіи разбито на части и также занесено русскими переписчиками и составителями *Пчелъ* въ составъ этихъ сборниковъ, гдѣ мысли Даніила явились, такимъ образомъ, на ряду съ выписками изъ Платона, Аристотеля и Плутарха, съ изреченіями Пиѳагора и Сократа, которые извѣстны были на Руси XII вѣка только по имени, и то благодаря вышепомянутымъ сборникамъ, занесеннымъ изъ Византіи.

V.

СВѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ XII ВѢКѢ. — СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ, КАКЪ ПАМЯТНИКЪ ДРУЖИННАГО ЭПОСА.

Несмотря на полнѣйшее преобладаніе религіознаго направленія въ Русской литературѣ XI и XII столѣтія, въ началѣ XII вѣка, — какъ мы видѣли выше—уже являются первыя попытки свѣтской литературы. Хотя попытки эти основываются еще на подражаніи тѣмъ литературнымъ формамъ, которыя были заимствованы нашими духовными писателями изъ Византіи; хотя и въ самомъ духѣ одного изъ этихъ памятниковъ (Поученіе Вл. Мономаха) замѣтно сильное и непосредственное вліяніе духовной литературы, — однако же для насъ уже очень важенъ тотъ фактъ, что и Мономахъ, авторъ «Поученія», и Даніилъ Заточникъ, авторъ извѣстнаго «Слова», оба были *міряне*, непринадлежавшіе къ духовному сословію [1]). Изъ этого видно, что въ обществѣ (т.-е. въ верхнихъ, грамотныхъ слояхъ его) пробуждалось уже сознаніе частныхъ потребностей отдѣльной личности и цѣлаго сословія, неимѣющее ничего общаго съ нѣсколько-отвлеченными стремленіями литературы духовной. Духовенство, въ литературѣ, болѣе занималось общими сторонами человѣческими или же исключительно-религіозными, догматическими вопросами; оно отвергало все земное и, увлекаясь идеальными стремленіями къ христіанскому совершенствованію, мало способно бы-

[1]) Одна изъ древнихъ лѣтописей нашихъ, въ началѣ XIII вѣка, упоминаетъ еще о какомъ-то «премудромъ книжникѣ Тимофеѣ», родомъ изъ Кіева, который, въ видѣ притчей, излагалъ нападки свои на Бенедикта, воеводу короля Галицкаго Андрея, мучившаго бояръ и гражданъ.

ло вникать въ потребности современнаго русскаго общества. А между тѣмъ, въ концѣ XI и началѣ XII вѣка жизнь общественная стала уже очень громко заявлять о своихъ потребностяхъ, стала открыто выказывать свои недостатки,—и въ двухъ первыхъ попыткахъ нашей свѣтской литературы, въ «Поученіи Мономаха» и въ «Словѣ» Заточника, мы уже сталкиваемся съ живымъ, опредѣленнымъ и практическимъ пониманіемъ потребностей современнаго общества, съ вѣрнымъ опредѣленіемъ его недостатковъ и даже съ весьма ѣдкимъ порицаніемъ ихъ. Но какъ же складывалась эта современная жизнь? Какіе интересы преобладали въ ней? Какіе недостатки и достоинства современнаго русскаго человѣка особенно должны были сосредоточивать на себѣ вниманіе людей развитыхъ и грамотныхъ, стоявшихъ во главѣ общества?

Въ этомъ періодѣ нашей исторической жизни, которому такъ мѣтко придано было наименованіе удѣльно-вѣчеваго, мы видимъ два главныхъ элемента общественной жизни: съ одной стороны—князя и окружающую его дружину, съ другой—массу народа. Значеніе обоихъ этихъ элементовъ, конечно, не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ названо равносильнымъ, равнозначущимъ. Масса народа, — неразвитая, на половину еще преданная язычеству, погруженная, какъ и всегда, въ обыденные интересы и заботы своего незатѣйливаго существованія, сильно страдавшая отъ княжескихъ междоусобій и неурядицъ—была конечно мало способна сознательно относиться къ своей жизни или задаваться какими бы то ни было идеальными стремленіями. Масса эта была исключительно предана заботамъ объ охранѣ своего простаго, трудоваго быта отъ опасностей, грозившихъ ему отовсюду: въ минуты отдыха и досуга фантазія въ средѣ ея не могла подняться выше общаго уровня сказокъ, завѣщанныхъ ей стародавними, исконными преданіями, да развѣ пѣсенъ о богатыряхъ, въ которыхъ съ восторгомъ и почтеніемъ говорилось о чудовищныхъ проявленіяхъ силы физической, о дальнихъ странствованіяхъ и нескончаемой борьбы съ иноплеменниками. Не богатъ былъ запасъ поэтическихъ образовъ въ этой массѣ, и тотъ вѣкъ насилія, вѣкъ необузданнаго преобладанія силъ матерьяльныхъ надъ нравственными, долженъ былъ и въ пѣсняхъ массы народной выражаться стремленіемъ только къ двумъ идеаламъ: — громадной силѣ и ограниченному благосостоянію, заключавшемуся въ удовлетвореніи немногихъ и грубыхъ потребностей.

Не таково было нравственное и матерьяльное положеніе дружины въ тотъ же удѣльно-вѣчевой періодъ. Ей жилось весело и привольно при князьяхъ, которые ее кормили и одѣвали, дѣлили съ нею свое имущество и власть, добычу и славу воинскую. «Дружина»—говоритъ г. Соловьевъ — «неусаживается въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, и сохраняетъ характеръ военнаго братства. Князь — старшій товарищъ (среди дружины), старшій братъ, а не повелитель; онъ не таится отъ дружины, и дружина знаетъ всякую его думу; онъ ничего не щадитъ для дружины,—ни ѣды, ни питья; ничего не копитъ себѣ,—все раздаетъ дружинѣ; а не хорошъ князь, думаетъ свою думу врозь отъ дружины, скупъ князь или завелъ любимца, — дружинники покидаютъ его: имъ легко это дѣлать; они не связаны съ областью, гдѣ правитъ покинутый ими князь; они—русскіе, а русская земля велика и князей въ ней много: каждый изъ нихъ съ радостью приметъ добраго воина».

Свободная въ выборѣ князей, въ переходѣ отъ одного князя къ другому, дружина и въ войнѣ, и въ мирѣ, являлась для князя необходимой посредницей въ его отношеніяхъ къ массѣ народа, а съ другой стороны она была близка и къ духовенству — этому образованнѣйшему изъ сословій нашей древней Руси, которое такъ часто набирало «воиновъ христовыхъ» изъ дружинной среды. Такое, во многихъ отношеніяхъ выгодное, положеніе дружины дѣлало ее передовымъ и важнѣйшимъ сословіемъ въ средѣ древне-русскаго общества, и давало ей полную возможность относиться сознательно и правильно къ явленіямъ совершавшейся передъ глазами ея современной жизни. Можно смѣло утверждать, что дружина болѣе способна была понимать и оцѣнивать эту дѣйствительность, нежели даже само духовенство, болѣе дружины образованное, но за то и болѣе способное увлекаться идеалами, чуждыми русской жизни и русской дѣйствительности, выработанными и воспитанными на почвѣ византійской. Лучшіе люди дружиннаго слоя, напротивъ того, искали себѣ идеаловъ въ русской дѣйствительности и конечно должны были находить ихъ не въ массѣ народа, котораго съ собой не ровняли, не въ духовенствѣ, которое ставили выше обыден-

ной дѣйствительности, по его назначенію, а въ своей же, дружинной и княжеской средѣ.

Вотъ почему, въ то самое время, когда духовенство и монахи создавали свою монастырскую литературу и въ ней прославляли «воиновъ христовыхъ», принявшихъ на себя тяжкій трудъ борьбы съ міромъ, среди поста, лишеній и молитвъ — въ то самое время, пѣвцы, вышедшіе изъ дружинной среды, при дворахъ князей воспѣвали чисто-мірскіе подвиги князей и дружинниковъ, восхваляли удаль и молодечество, и впервые рѣшались энергически и съ полнымъ сознаніемъ высказывать дѣятельную любовь къ родинѣ, къ Русской землѣ, или сокрушенія о постигающихъ ее бѣдствіяхъ и страданіяхъ. И между тѣмъ какъ монахъ-лѣтописецъ, передавая темную и кровавую повѣсть княжескихъ усобицъ, искалъ объясненія имъ только въ томъ вліяніи, которое исконный врагъ человѣка, дьяволъ, оказывалъ на взаимныя отношенія князей — пѣвцы дружинные болѣе правильно старались пояснять тѣ же усобицы недостаткомъ любви къ родинѣ, предпочтеніемъ личныхъ интересовъ общимъ интересамъ всей земли Русской, и окружали блестящимъ ореоломъ имена всѣхъ князей, проливавшихъ кровь только *«поганскую»*, не во вредъ, а во спасеніе Русской землѣ, во избавленіе ея отъ иноплеменниковъ.

Въ высшей степени важнымъ памятникомъ этого сознательнаго и правильнаго отношенія дружины къ русской дѣйствительности XII вѣка осталось намъ извѣстное «Слово о полку (т. е. о походѣ) Игоревѣ» — одна изъ многихъ пѣсенъ, сложенныхъ дружинными пѣвцами въ честь князей, представлявшихъ собою высшее олицетвореніе всѣхъ лучшихъ стремленій дружины. Въ этомъ памятникѣ воспѣтъ небольшой и при томъ несчастливо окончившійся походъ Игоря, князя Сѣверскаго, противъ Половцевъ. Восторженное описаніе этого незначительнаго военнаго предпріятія можетъ быть доступно только тому, кто понимаетъ значеніе Половцевъ въ нашей до-татарской Руси, а потому мы и считаемъ долгомъ своимъ представить здѣсь читателямъ краткій обзоръ главнѣйшихъ движеній Русской земли противъ Половцевъ.

Лѣтописи сохранили намъ воспоминаніе о множествѣ большихъ и малыхъ кочевыхъ народовъ, которые, поочередно вступая въ борьбу съ Русью и разбиваясь о нее, исчезали безслѣдно. Обширныя луговыя степи нашего юга, давали пріютъ хищнымъ ордамъ этихъ кочевниковъ, которымъ привольно жилось въ нихъ, среди безчисленныхъ табуновъ и стадъ своихъ. Отсюда-то, пользуясь усобицами нашихъ разрозненныхъ областей, стремительно налетали кочевники на беззащитные города и села, грабили все, что ни попадалось имъ на пути, уводили въ плѣнъ людей, истребляли огнемъ и мечемъ то, чего нельзя было захватить съ собою. Во второй половинѣ XI вѣка въ степяхъ нашихъ являются Половцы, на мѣсто прежнихъ Печенѣговъ и Торковъ. Тяжелою грозовою тучею тяготѣютъ ихъ нестройныя, но страшныя орды надъ нашею приднѣпровскою Русью въ теченіе почти двухъ вѣковъ, вплоть до татарскаго погрома, который мы въ состояніи были перенести, можетъ быть, только потому, что уже были долгимъ и горькимъ опытомъ пріучены къ нескончаемой борьбѣ съ иноплеменниками. Вотъ какъ описываетъ Лаврентьевская лѣтопись одинъ изъ первыхъ Половецкихъ набѣговъ (въ 1093 году):

«Лукавые Измаильтяне [1]) пожигали села и гумна, и многія церкви запалили огнемъ. (И вотъ уже) однихъ ведутъ въ плѣнъ, другіе трепещутъ, видя убиваемыхъ близкихъ, третьи умираютъ отъ голода и водной жажды; а тѣхъ (вонъ) вяжутъ и пятами пихаютъ, и на землю валятъ... Города всѣ опустѣли, села опустѣли; перейдя поля, гдѣ прежде паслись стада коней, овецъ и воловъ, видимъ все тоще, видимъ и нивы, поросшія лѣсомъ и обратившіяся въ жилище зверей.... Много воевали Половцы и возвратились къ Торчскому, и люди въ городѣ стали изнемогать отъ голода и передались ратнымъ; Половцы же, взявъ городъ, запалили его огнемъ, подѣлили людей и повели ихъ въ вежи свои къ сердоболямъ и сродникамъ своимъ. Много тутъ было христіанъ страждущихъ: опечаленныхъ, мучимыхъ, костенѣющихъ отъ холода, исхудалыхъ и почернѣвшихъ отъ голода и жажды, и несчастій; по незнакомой имъ сторонѣ, съ распаленнымъ языкомъ, шли они нагіе и босые, и ноги ихъ еще исколоты были терніемъ. Со слезами отвѣчали они другъ другу, говоря: «я былъ такого-то города»; а другіе: «я такой-то деревни»; и такъ спрашива-

[1]) *Измаильтянами* и *Агарянами* лѣтописцы наши называютъ Половцевъ; впослѣдствіи, тѣ же названія переносятъ на Татаръ.

ютъ другъ друга со слезами, разсказывая кто откуда происходитъ, и вздыхая, и очи возводя на небо къ Всевышнему, которому извѣстно все тайное».

И дѣйствительно, первые набѣги Половцевъ были рядомъ оглушительныхъ ударовъ, рядомъ побѣдъ надъ русскими князьями, которыхъ и самая бѣда не могла примирить для дружнаго отпора кочевниковъ. Только уже въ 1095 году, въ первый разъ русскіе князья (Святополкъ и Владиміръ Мономахъ) сами пускаются въ походъ противъ Половцевъ, достигаютъ ихъ вежей, жгутъ ихъ и угоняютъ стада половецкія. Не даромъ лѣтописецъ съ особенною признательностью вспоминаетъ о трудахъ Мономаха на защиту Русской земли отъ иноплеменниковъ: «Владиміръ самъ собою постоялъ на Дону» — говоритъ лѣтописецъ — «и много поту утеръ за землю Русскую». Вслѣдъ за этимъ походомъ 1065 года, мы видимъ уже цѣлый рядъ другихъ, болѣе или менѣе важныхъ, движеній Русской земли противъ Половцевъ. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ, по историческому значенію своему, походъ Святослава Всеволодовича, въ которомъ, по свидѣтельству лѣтописи, участвовали *всѣ князья Русскіе* и взято было въ плѣнъ 7.000 Половцевъ (между прочимъ 417 князей). Вообще, въ XII вѣкѣ, походы русскихъ князей противъ Половцевъ дѣлаются уже вполнѣ народными движеніями, которыми постоянно руководятъ два главныхъ стремленія: сознаніе необходимости борьбы противъ общаго врага, и съ другой стороны — жажда славы, молодечество, удаль. Оба эти стремленія ясно выражаются и въ лѣтописныхъ разсказахъ о походахъ князей на Половцевъ, и въ самомъ «Словѣ о полку Игоревѣ». Вотъ какъ, напримѣръ, расказывается въ Ипатьевской лѣтописи о сборахъ Мстистава Изяславича съ братьей въ походъ на Половцевъ:

«Вложилъ Богъ въ сердце Мстиславу Изяславичу мысль благую о Русской землѣ, такъ какъ онъ хотѣлъ ей добра всѣмъ сердцемъ; и созвалъ онъ братьевъ своихъ и началъ съ ними совѣщаться, и сказалъ такъ: «братья! пожалѣйте о Русской землѣ и о своей отчинѣ и дѣдинѣ; вѣдь (Половцы-то) всякое лѣто увозятъ христіанъ въ свои вежи, а намъ клятвы даютъ, и всегда ихъ переступаютъ... А хорошо бы было намъ, братья, положась на Божію помощь и на молитву Святой Богородицы, *поискать путей отцовскихъ и дѣдовскихъ* (въ землю Половецкую) *и себѣ чести*». И угодна была рѣчь его прежде Богу, и всѣмъ братьямъ, и дружинѣ ихъ. И сказали ему всѣ братья: «Богъ да поможетъ тебѣ, братъ, такъ какъ онъ вложилъ тебѣ такую мысль въ сердце; а намъ дай Богъ сложить головы свои за христіанъ и за Русскую землю и быть причтеннымъ къ лику мучениковъ».

«Преломить копье свое», онъ кликнулъ,
«Вмѣстѣ съ вами, Русичи, хочу я,
«На концѣ невѣдомаго поля!
«Хоть за то-бъ и голову сложити,
«А испить шеломомъ Дону — любо!»
О Боянъ, о вѣщій пѣснотворецъ,
Соловей временъ давно минувшихъ!
Ахъ, тебѣ-бъ пѣвцомъ быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь умомъ подъ сизы тучи,
Съ древней славой новую свивая,
Въ путь Трояновъ мчась чрезъ долъ на горы [1]),
Воспѣвать бы Игореву славу!
То не буря соколовъ помчала,
И не стаи галчьи побѣжали
Чрезъ поля-луга на Донъ великій....
Ахъ, тебѣ-бы пѣть, о внукъ Велесовъ!....
За Сулой-рѣкою да ржутъ кони,
Звонъ звенитъ во Кіевѣ во стольномъ,
Въ Новѣградѣ затрубили трубы;
Вѣютъ стяги [2]) красные въ Путивлѣ....
Поджидаетъ Игорь мила брата;
А пришелъ и Всеволодъ, и молвитъ:

мятниковъ письменности этой эпохи, большею частью исходящихъ изъ другой среды. Вся литература, изъ которой она только отрывокъ, погибла, и конечно, ея полуязыческій характеръ, не допускавшій ея въ монастырскія книгохранилища, былъ главной причиной ея гибели, хотя, разсматривая лѣтописи, мы видимъ въ числѣ источниковъ лѣтописца во многихъ мѣстахъ и эти свѣтскія сказанія, сквозь общій монастырскій лакъ, который на нихъ наводилъ инокъ въ своемъ пересказѣ» [1]).

Дѣйствительно, кругъ понятій пѣвца, сложившаго «Сл. о п. Иг.», представляетъ замѣчательную двоевѣрную смѣсь языческихъ вѣрованій съ христіанскими воззрѣніями: *Богъ* кажетъ Игорю путь изъ земли Половецкой въ землю Русскую; Игорь, по возвращеніи изъ плѣна, ѣдетъ въ Кіевъ на поклоненіе къ Св. Богородицѣ Пирогощей; Половцы называются *погаными*, въ отличіе отъ православныхъ Русскихъ; и тутъ же

[1]) А. Н. Майковъ, въ предисловіи къ своему переводу «Слова о п. Игоревѣ».

пѣвецъ Боянъ именуется *Велесовымъ внукомъ*, вѣтры — *Стрибожьими внуками*, Русскій народъ,—*Даждь-божьимъ внукомъ*; упоминаются и другія миѳическія, темныя существа, какъ напр. *Троянъ*, *дивъ* и т. д. Но, не смотря на эту смѣсь понятій христіанскихъ съ языческими, совершенство внутренней и внѣшней стороны «Слово о п. Иг.» поражаетъ насъ, и твердо за-
вышедшіе изъ дружинной среды, при дворахъ князей воспѣвали чисто-мірскіе подвиги князей и дружинниковъ, восхваляли удаль и молодечество, и впервые рѣшались энергически и съ полнымъ сознаніемъ высказывать дѣятельную любовь къ родинѣ, къ Русской землѣ, или сокрушенія о постигающихъ ее бѣдствіяхъ и страданіяхъ. И между тѣмъ какъ монахъ-лѣтописецъ, передавая темную и кровавую повѣсть княжескихъ усобицъ, искалъ объясненія имъ только въ томъ вліяніи, которое исконный врагъ человѣка, дьяволъ, оказывалъ на взаимныя отношенія князей — пѣвцы дружинные болѣе правильно старались пояснять тѣ же усобицы недостаткомъ любви къ родинѣ, предпочтеніемъ личныхъ интересовъ общимъ интересамъ всей земли Русской, и окружали блестящимъ ореоломъ имена всѣхъ князей, проливавшихъ кровь только *«поганскую»*, не во вредъ, а во спасеніе Русской землѣ, во избавленіе ея отъ иноплеменниковъ.

Въ высшей степени важнымъ памятникомъ этого сознательнаго и правильнаго отношенія
ставляетъ вѣрить въ то, что и до него несомнѣнно были и другія, подобныя ему произведенія: ни одна литература не можетъ представить такого прекраснаго памятника безъ предшествующаго ему ряда подобныхъ же памятниковъ, способствовавшихъ развитію рода. Отвергать возможность существованія подобныхъ памятниковъ только потому, что они не дошли до насъ—невозможно; къ тому же, самъ пѣвецъ сложившій пѣсню о походѣ Игоря Святославича, упоминаетъ объ одномъ изъ предшественниковъ своихъ — пѣвцѣ Боянѣ — и даже перечисляетъ тѣхъ князей, которыхъ Боянъ воспѣвалъ въ своихъ пѣсняхъ.

По какому-то особенно счастливому случаю драгоцѣнное для насъ «Слово о полку Игоревѣ» сохранилось до нашего времени: оно было открыто извѣстнымъ любителемъ наукъ и просвѣщенія Екатерининскаго времени, графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, въ 1795 году. Онъ отыскалъ этотъ замѣчательный памятникъ въ одномъ изъ сборниковъ своей обширной библіотеки, купленномъ отъ Іоиля, архимандрита Спасо-Ярославскаго монастыря. Къ сожалѣнію, сборникъ этотъ, вмѣстѣ со всею библіотекою графа Мусина-Пушкина, сгорѣлъ во время Московскаго пожара 1812 г. Но до этого времени «Слово» уже успѣли два раза издать, и многіе знатоки нашей древней палеографіи [1]) успѣли его видѣть; по свидѣтельству ихъ, «Слово о полку Игоревѣ» писано было почеркомъ, который можно было отнести къ началу XV вѣка или къ концу XIV. Первое изданіе «Слова» было выдано въ свѣтъ самимъ Мусинымъ-Пушкинымъ, въ 1800 году, подъ заглавіемъ: «Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новгорода-Сѣверскаго, Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе». Съ тѣхъ поръ много разъ было оно издаваемо и переводимо; и множество самыхъ противорѣчивыхъ толковъ было возбуждено въ нашемъ ученомъ мірѣ появленіемъ въ печати этого замѣчательнаго памятника. Нашлись люди, восторженно привѣтствовавшіе «Слово о полку Игоревѣ», даже рѣшавшіеся сравнивать его съ произведеніями Гомера и съ пѣснями шотландскаго барда Оссіана, столь громко прославленнаго литературной критикой начала нынѣшняго столѣтія въ Европѣ. Но ученая критика сначала было отнеслась къ «Слову» съ величайшимъ недовѣріемъ; изъ среды ученыхъ слышались даже голоса, открыто обвинявшіе графа А. И. Мусина-Пушкина въ подлогѣ. Время сомнѣній только тогда миновало, когда изученіе древне-русскаго языка подвинулось у насъ на столько, что, по сравненію языка «Слова» съ языкомъ другихъ памятниковъ, въ немъ нельзя было и признать памятника, современнаго тѣмъ событіямъ, которыя въ немъ описываются, хотя и значительно искаженнаго позднѣйшими переписчиками.

Недавно академикомъ Пекарскимъ былъ изданъ отысканный имъ въ бумагахъ Екатерины II списокъ «Слово о полку Игоревѣ», сдѣланный графомъ же для Императрицы; но этотъ списокъ не представляетъ никакихъ особенно замѣчательныхъ отмѣнъ противъ того, который уже былъ изданъ графомъ въ 1800 г.

Приводимъ здѣсь этотъ памятникъ цѣликомъ въ новѣйшемъ и прекрасномъ переводѣ извѣстнаго поэта нашего А. Н. Майкова.

[1]) Бантышъ Каменскій, Ермолаевъ, Карамзинъ, Тимковскій и Болтинъ.

Слово о полку Игоревѣ.

Не начать ли нашу пѣснь, о братья,
Со сказаній о старинныхъ браняхъ, —
Пѣснь о храброй Игоревой рати
И о немъ, о сынѣ Святославлѣ,
И воспѣть ихъ, какъ поется нынѣ,
Не гоняясь мыслью за Бояномъ!
Пѣснь слагая, онъ, бывало, Вѣщій,
Быстрой векшей по лѣсу носился
Сѣрымъ волкомъ въ чистомъ полѣ рыскалъ,
Что орелъ ширялъ подъ облаками!
Какъ воспомнитъ брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пуститъ
Десять быстрыхъ соколовъ въ догонку;
И какую первую настигнетъ,
Для него и пѣсню пой та лебедь, —
Пѣсню пой о старомъ Ярославѣ-ль,
О Мстиславѣ-ль, что́, въ бою зарѣзалъ,
Поборовъ, Касожскаго Редедю,
Аль о славномъ о Романѣ Красномъ ...
Но не десять соколовъ то было;
Десять онъ перстовъ пускалъ на струны,
И князьямъ, подъ вѣщими перстами,
Рокотали славу сами струны!...
Поведемъ же, братія, сказанье
Отъ временъ Владиміровыхъ древнихъ,
Доведемъ до Игоревой брани,
Какъ онъ думу крѣпкую задумалъ,
Наострилъ отвагой храброй сердце,
Распалился славнымъ ратнымъ духомъ
И за землю Русскую дружины
Въ степь повелъ на хановъ половецкихъ.
* У Донца былъ Игорь, только видитъ —
Словно тьмой полки его прикрыты,
И воззрѣлъ на свѣтлое онъ Солнце —
* Видитъ: Солнце — что двурогій мѣсяцъ,
* А въ рогахъ былъ словно угль горящій;
* Въ темномъ небѣ звѣзды просіяли;
* У людей въ глазахъ позеленѣло.
* «Не добра ждать» — говорятъ въ дружинѣ.
* Старики поникли головами:
* «Быть убитымъ намъ или плѣненымъ».
Князь же Игорь: «Братья и дружина,
«Лучше быть убиту, чѣмъ плѣнену!
* «Но кому пророчится погибель —
* «Кто узнаетъ — намъ или поганымъ?
«А посядемъ на коней на борзыхъ,
«Да хоть позримъ синяго-то Дону!»
Не послушалъ знаменья онъ Солнца,
Распалясь взглянуть на Донъ великій!
«Преломить копье свое», онъ кликнулъ,
«Вмѣстѣ съ вами, Русичи, хочу я,
«На концѣ невѣдомаго поля!
«Хоть за то-бъ и голову сложити,
«А испить шеломомъ Дону — любо!»
О Боянъ, о вѣщій пѣснотворецъ,
Соловей временъ давно минувшихъ!
Ахъ, тебѣ-бъ пѣвцомъ быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь умомъ подъ сизы тучи,
Съ древней славой новую свивая,
Въ путь Трояновъ мчась чрезъ долъ на горы [1]),
Воспѣвать бы Игореву славу!
То не буря соколовъ помчала,
И не стаи галчьи побѣжали
Чрезъ поля-луга на Донъ великій....
Ахъ, тебѣ-бы пѣть, о внукъ Велесовъ!....
За Сулой-рѣкою да ржутъ кони,
Звонъ звенитъ во Кіевѣ во стольномъ,
Въ Новѣградѣ затрубили трубы;
Вѣютъ стяги [2]) красные въ Путивлѣ....
Поджидаетъ Игорь мила брата;
А пришелъ и Всеволодъ, и молвитъ:
«Игорь братъ, единъ ты свѣтъ мой свѣтлый!
«Святославли мы сыны, два брата!
«Ты сѣдлай коней своихъ ретивыхъ,
«А мои осѣдланы ужь въ Курскѣ!
«И мои Куряне ль не смышлены!
«Повиты подъ бранною трубою,
«Позросли подъ шлемомъ и кольчугой,
«Со конца копья они вскормлены!
«Всѣ пути имъ свѣдомы, овраги!
«Луки туги, тулы отворены,
«Остры сабли крѣпко отточены,
«Сами скачутъ, словно волки въ полѣ,
«Алчутъ чести, а для князя славы!...»
И вступилъ князь Игорь во златъ стремень,
И дружины двинулись за княземъ.
Солнце путь ихъ тьмою заступало:
Ночь пришла — та взвыла, застонала,
Стономъ-воемъ птицъ порасбудила.
Вкругъ стоянки свистъ пошелъ звѣриный.
Высоко подиявшися по древу,

[1]) Троянъ — духъ тьмы; воплощеніе ночнаго мрака и тумановъ. [2]) Стягъ — знамя.

Черный Дивъ закликалъ, подавая
Вѣсть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
Нэ Корсунь и Суражское море,
И тебѣ, болванъ Тмуторожанскій!
И бѣгутъ неѣзжими путями
Къ Дону тьмы поганыхъ, и отвсюду
Отъ телѣгъ ихъ скрыпъ пошелъ, — ты скажешь:
Лебедей испуганные крики.
Игорь путь на Донъ великій держитъ,
А надъ нимъ бѣду ужь чуютъ птицы
И несутся слѣдомъ за полками:
Воютъ волки по крутымъ оврагамъ,
Ощетинясь, словно бурю кличутъ;
На красны щиты лисицы брешутъ,
А орлы, зловѣщимъ клектомъ, словно
По степямъ звѣрье зовутъ на кости....
А ужь въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевалъ давно переступила!.
Ночь рѣдѣетъ. Бѣлъ разсвѣтъ проглянулъ,
По степи туманъ понесся сизый;
Позамолкнулъ щекотъ соловьиный,
Галчій говоръ по кустамъ проснулся...
Въ полѣ Русь, съ багряными щитами,
Длиннымъ строемъ изрядилась къ бою,
Алча чести, а для князя славы.
И въ пятокъ-то было, съ позаранья,
Потоптали храбрые поганыхъ!
Пò полю разсыпавшись что стрѣлы,
Красныхъ дѣвъ помчали половецкихъ,
Аксамиту, пàволокъ и злата,
А ортицъ и всякихъ узорочій,
Кожуховъ и юртъ такую силу,
Что мосты въ грязяхъ мостили ими.
Все дружинѣ храброй отдалъ Игорь,
Красный стягъ одинъ себѣ оставилъ,
Красный стягъ, серебрянное древко,
Съ алой чолкой, съ бѣлою хоругвью.
Дремлетъ храброе гнѣздо Олега.
Далекò, родное, залетѣло!
«Не родились, знай, мы на обиду
«Ни тебѣ, быстръ соколъ, пестеръ кречетъ,
«Ни тебѣ, волъ воронъ Половчанинъ»....
А ужь Гзакъ несется сѣрымъ волкомъ.
И Кончакъ за Гзакомъ имъ на встрѣчу....
И въ другой день, полосой кровавой,
Повѣщаютъ день кровавый зори....
Идутъ тучи черныя отъ моря,
Тьмой затмить хотятъ четыре солнца... [1]).
Синія въ нихъ молніи трепещутъ....
Быть то грому, дождичку пролиться,
Калеными вылиться стрѣлами!
Поломаться копьямъ о кольчуги,
Потупиться саблямъ о шеломы,
О шеломы Половчанъ поганыхъ!
А ужь въ степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевалъ давно переступила!...
Чу! Стрибожьи чада понеслися,
Вѣютъ вѣтры, ужь наносятъ стрѣлы,
На полки ихъ Игоревы сыплютъ...
Помутились, пожелтѣли рѣки,
Загудѣло поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли ужь знамёна плещутъ....
Ото всѣхъ сторонъ враги подходятъ,
И отъ Дона, и отъ сиия моря,
Обступаютъ нашихъ отовсюду!
Отовсюду бѣсовы изчадья
Понеслися съ гиканьемъ и крикомъ:
Молча, Русь, отпоръ кругомъ готовя,
Подняла щиты свои багряны.
Ярый туръ ты, Всеволодъ, стоишь ты
Впереди съ Курянами своими!
Прыщешь стрѣлами на вражьи вои,
О шеломы ихъ гремишь мечами!
Гдѣ ты, буй-туръ, ни поскачешь въ битвѣ,
Золотымъ посвѣчивая шлемомъ, —
Тамъ валятся головы поганыхъ,
Тамъ трещатъ аварскіе шеломы
Вкругъ тебя отъ сабель молодецкихъ!
Не считаетъ ранъ ужь онъ на тѣлѣ!
Да ему о ранахъ ли тутъ помнить,
Коль забылъ онъ и Черниговъ славный,
Отчій столъ, честны пиры княжіе
И своей красавицы княгини,
Той ли свѣтлой Глѣбовны, утѣхи,
Милый ликъ и ласковый обычай!
Были вѣки темнаго Трояна,
Ярослава годы миновали;
Были брани храбраго Олега....
Тотъ Олегъ мечомъ ковалъ крамолу,
Сѣялъ стрѣлы по землѣ по Русской....
Затрубилъ онъ сборъ въ Тмуторокани:
Слышалъ трубы Всеволодъ великій,
И съ утра въ Черниговѣ Владиміръ
Самъ въ стѣнахъ закладывалъ ворота....
Но Бориса ополчила слава,
И на смертный одръ его сложила
На зеленомъ полѣ у Канина....
Палъ младъ князь, палъ храбрый Вячеславичь,
За его жь за Ольгову обиду!
И съ того зеленаго же поля,
На своихъ угорскихъ иноходцахъ,

[1]) Т. е. четверо князей, участвовавшихъ въ походѣ.

Ярополкъ увезъ и отче тѣло
Ко святой Софіи въ стольный Кіевъ.
И тогда жъ, въ тѣ злые дни Олега,
Сѣялось крамолой и растилось
На Руси отъ внуковъ Гориславны;
Погибала жизнь Дажьбожьихъ внуковъ,
Сокращались вѣки человѣковъ....
Въ дни тѣ рѣдко ратаи за плугомъ
На Руси покрикивали въ полѣ;
Только враны каркали на трупахъ,
Галки рѣчь вели между собою,
Далекò почуя мертвячину.
Такъ въ тѣ брани, такъ въ тѣ рати было,
Но такой, какъ Игорева битва,
На Руси не видано отъ вѣка!
Отъ зари до вечера, день цѣлый,
Съ вечера до свѣта рѣютъ стрѣлы,
Гремлютъ остры сабли о шеломы,
Съ трескомъ копья ломятся булатны,
Середи невѣдомаго поля,
Въ самомъ сердцѣ Половецкой степи!
Подъ копытомъ черное все поле
Было сплошь засѣяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошелъ посѣвъ по Руси — горемъ!....
Чтò шумитъ-звенитъ передъ зарею?
Скачетъ Игорь полкъ поворотити....
Жалко брата... Третій день ужь бьются!
Третій день къ полудню ужь подходитъ:
Тутъ и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тутъ и оба брата
На Каялѣ быстрой разлучились....
Ужь у храбрыхъ Русичей не стало
Тутъ вина кроваваго для пира,
Поновили сватовъ и костями
Полегли за отческую землю!
Въ полѣ травы съ жалости поникли,
Дерева съ печали приклонились....
Невеселый часъ насталъ, о братья!
Ужь пустыни скрыла поле боя,
Гдѣ легла Дажьбожья внука сила —
Но надъ ней стоитъ ея Обида....
Приняла Обида образъ дѣвы,
И ступила на землю Трояню,
Распустила крылья лебедины,
И крылами плещучи у Дона,
Въ синемъ морѣ плеща, громкимъ гласомъ
О годахъ счастливыхъ поминала:
«Отъ усобицъ княжихъ — гибель Руси!
«Братья спорятъ: то мое и это!
«Золъ раздоръ изъ малыхъ словъ заводятъ,
«На себя куютъ крамолу сами,
«А на Русь съ побѣдами приходятъ
«Отовсюду вороги лихіе!
«Залетѣлъ далече, ясный соколъ,
«Загоняя птицъ ко синю морю, —
«А полка ужь Игорева нѣту!
«На всю Русь поднялся вой поминокъ,
«Поскочила Скорбь отъ веся къ веси,
«И, мужей зовя на тризну, мечетъ
«Имъ смолой пылающіе роги....
«Жены плачутъ, слезно причитаютъ:
«Ужь ни мыслью милыхъ намъ не смыслить!
«Ужь ни думой ладъ своихъ не сдумать!
«Ни очами намъ на нихъ не глянуть,
«Златомъ, сребромъ намъ уже не звякнуть!
«Стонетъ Кіевъ, тужитъ градъ Черниговъ,
«Широкò печаль течетъ по Руси;
«А князья куютъ себѣ крамолу,
«А враги съ побѣдой въ селахъ рыщутъ,
«Собираютъ дань по бѣлкѣ съ дыму....
«А все храбрый Всеволодъ да Игорь!
«То они зло лихо разбудили:
«Усыпилъ было его могучій
«Святославъ, князь Кіевскій великій...
«Былъ грозой для хановъ половецкихъ!
«Наступилъ на землю ихъ полками,
«Притопталъ ихъ холмы и овраги,
«Возмутилъ ихъ рѣки и озера,
«Изсушилъ потоки и болота!
«А того поганаго Кобяка,
«Изъ полковъ желѣзныхъ половецкихъ,
«Словно вихрь, исторгъ изъ лукоморья —
«И упалъ Кобякъ во стольный Кіевъ,
«Въ золотую гридню къ Святославу....
«Нѣмцы, Греки и Венеціяне,
«И Морава хвалятъ Святослава,
«И корятъ всѣ Игоря, смѣются,
«Что на днѣ Каялы половецкой
«Погрузилъ онъ русскую рать-силу,
«Рѣку русскихъ золотомъ засыпалъ,
«Да на ней же самъ съ сѣдла златаго
«На сѣдло кощея [1]) пересаженъ».

Въ городахъ затворены ворота.
Пріуныло на Руси веселье.
Смутенъ сонъ приснился Святославу.
«Снилось мнѣ», онъ сказывалъ боярамъ, —
«Что меня, на кипарисномъ ложѣ,
«На горахъ, здѣсь въ Кіевѣ, вы чернымъ
«Одѣвали съ вечера покровомъ;

[1]) Кощей — рабъ, плѣнникъ.

«Съ синимъ мнѣ виномъ мѣшали зелье;
«Изъ поганыхъ половецкихъ туловъ [1])
«Крупный жемчугъ сыпали на лоно;
«Всѣ за мной ухаживаютъ, смотрятъ, —
«Въ терему жь золотоверхомъ словно
«Изъ конька повыскочили брусья;
«И всю ночь прокаркали у Плѣнска,
«Тамъ, гдѣ прежде дебрь была Кисаня,
«На подольѣ, стаи черныхъ врановъ,
«Проносясь несмѣтной тучей къ морю»...
Отвѣчали княжіи бояре:
«Умъ твой, княже, полонило горе!
«Съ златъ стола два сокола слетѣли,
«Похотѣвъ испить шеломомъ Дону,
«Поискать себѣ Тмуторокани.
«Порубили Половцы имъ крылья,
«А самихъ опутали въ желѣза!
«Въ третій день внезапу тьма настала!
«Оба солнца красныя померкли,
«Два столба багряные погасли,
«Съ ними оба тьмой поволоклися
«И въ небесныхъ безднахъ погрузились,
«На веселье ханамъ половецкимъ,
«Молодые мѣсяцы, два свѣта —
«Володиміръ съ храбрымъ Святославомъ!
«На Каялѣ Тьма нашъ Свѣтъ покрыла,
«И простерлись Половцы по Руси,
«Словно люты пардусовы гнѣзда!
«Ужь хула на славу поднялася,
«Зла нужда ударила на волю,
«Черный Дивъ повергнулся на землю,
«Радъ, что дѣвы готскія запѣли
«По всему побрежью сиња моря,
«Золотомъ позванивают русскимъ,
«Прославляютъ Бусовы побѣды
«И лелѣютъ месть за Шарукана... [2]).
«До веселья-ль, княже, тутъ дружинѣ!»
Изронилъ тогда, въ отвѣтъ боярамъ,
Святославъ изъ устъ златое слово,
Горючьми слезами облитое:
«Дѣтки, дѣтки, Всеволодъ мой, Игорь!
«Сыновцы [3]) мои вы дорогіе!
«Нѣ въ пору искать пошли вы славы
«И громить мечами вражью землю!
«Ни побѣдой, ни пролитой кровью
«Для себя не добыли вы чести!
«Да сердца то ваши удалыя
«На огнѣ искованы на лютомъ,
«Во отвагѣ буйной закалёны!
«Что теперь вы, дѣти, сотворили
«Съ сѣдиной серебряной моею?
«Нѣтъ со мной ужь брата Ярослава!
«Онъ ли сильный, онъ ли многоратный,
«Со своей черниговской дружиной,
«Съ удальцами съ Татры и Ревуги,
«Со всего Карпатскаго угорья....
«Тѣ—съ ножами, безъ щитовъ, лишь кликомъ,
«Только звономъ въ прадѣднюю славу,
«Побѣждаютъ полчища и рати...
«Вы жь возмнили: сами одолѣемъ!
«Всю сорвемъ, что въ будущемъ есть, славу,
«Да и ту, что добыли ужь дѣды!...
«Старику-бъ помолодѣть не диво!
«Вьетъ гнѣздо соколъ и птицъ взбиваетъ,
«Своего гнѣзда не дастъ въ обиду,
«Да бѣда—въ князьяхъ мнѣ нѣтъ помоги!
«Все пошло со старостью подъ гору!...
«Крикъ въ Римахъ подъ саблей половецкой!
«Володиміръ ранами изъязвленъ,
«Стонетъ, тужитъ Глѣбовичъ удалый...
«Что жь ты, княже, Всеволодъ Великій!
«И не въ мысль тебѣ перелетѣти,
«Издалека поблюсти столъ отчій?
«Могъ бы Волгу веслами разбрызгать,
«Могъ бы Донъ шеломами расчерпать!
«Будь ты здѣсь, да Половцевъ толпою
«Продавали бъ; дѣвка — по ногатѣ,
«Смердъ кощей по рѣзани пошелъ бы!
«Вѣдь стрѣлять и по суху ты можешь —
«У тебя на то живыя стрѣлы —
«Двое братьевъ, Глѣбовичей храбрыхъ!
«Ты, буй Рюрикъ, ты Давидъ удалый!
«Вы-ль съ дружиной по златые шлемы
«Во крови не плавали во вражьей?
«Ваши-ль рати не рычатъ по степи,
«Словно туры, раненые саблей!
«Ой, вступите въ золотое стремя,
«Распалитесь гнѣвомъ за обиду
«Вы за землю Русскую родную,
«За живыя Игоревы раны!
«Остромыслъ ты вѣщій, Ярославе...
«Высоко на золотомъ престолѣ
«Возсѣдаешь въ Галичѣ ты крѣпкомъ!
«Подперъ ты своей желѣзной ратью,
«Что стѣной, Карпатскія угорья,
«Заградивъ для короля дорогу,
«Затворивъ ворота на Дунаѣ,
«Черезъ тучи сыпля горы камней
«И судя до самаго Дуная!
«И текутъ отъ твоего престола

[1]) Тулы — колчаны для стрѣлъ. [2]) Бусъ и Шаруканъ — половецкіе ханы. [3]) Они были двоюродные братья Святослава Кіевскаго; но онъ, какъ старѣйшій, былъ имъ «въ отца мѣсто».

«По землямъ на супротивныхъ грозы...
«Отворяешь въ Кіевѣ ворота,
«Мечешь стрѣлы за̀ земли въ салтановъ!...
«Ахъ, стрѣляй въ поганаго кощея,
«Разгроми Кончака за обиду,
«Встань за землю Русскую родную,
«За живыя Игоревы раны!...
«Ты, Романъ, съ своимъ Мстиславомъ вѣрнымъ!
«Смѣло мысль стремитъ вашъ умъ на подвигъ!
«Ты, могучій, въ замыслахъ высоко
«Возлетаешь, что̀ соколъ ширяя
«На вѣтрахъ, надъ вѣрною добычей...
«Грудь у васъ, изъ-подъ латинскихъ шлемовъ
«Вся покрыта кольчатою сѣткой!
«Передъ вами трепетали земли,
«Потрясались Хиновскія страны,
«Деремела жь, Половцы съ Литвою
«И Ятвяги палицы бросали
«И во прахъ кидались передъ вами!
«Свѣтъ, о князь, отъ Игоря уходитъ!
«Не на благо листъ спадаетъ съ древа!
«По Роси, Сулѣ врагъ грады дѣлитъ,
«А полку ужь Игорева нѣту!
«Донъ зоветъ, Романъ, тебя на подвигъ,
«Всѣхъ князей сзываетъ на побѣду,
«А одни лишь Ольговичи вняли
«И на брань, по зву его, доспѣли...
«Ингварь, Всеволодъ, и вы, три брата,
«Вы, три сына храбраго Мстислава,
«Не худа гнѣзда птенцы крылаты!
«Отчинъ вы мечемъ не добывали —
«Гдѣ же ваши шлемы золотые?
«Аль ужь нѣтъ щитовъ и ляшскихъ палицъ?
«Заградите острыми стрѣлами
«Ворота̀ на Русь съ широкой степи!
«Потрудитесь, князи, въ полѣ ратномъ,
«Всѣ за землю Русскую родную,
«За живыя Игоревы раны!...
«Ужь не той серебряной струею
«Потекла Сула къ Переяславлю,
«И Двина пошла уже болотомъ,
«Взмущена врагомъ, подъ грозный Полоцкъ!
«Услыхалъ и Полоцкъ крикъ поганыхъ!
«Изяславъ булатными мечами
«Позвонилъ одинъ о вражьи шлемы,
«Да разбилъ лишь дѣдовскую славу, —
«Самъ сраженъ литовскими мечами
«И изрубленъ на травѣ кровавой,
«Подъ щитами красными своими!
«И на томъ одрѣ на смертномъ лежа
«Самъ сказалъ: «Вороньими крылами
«Пріодѣлъ ты, князь, свою дружину,
«Полизать звѣрямъ ея далъ крови!»
«И одинъ, безъ брата Брячислава,
«Безъ другаго Всеволода-брата,
«Изронилъ жемчужную онъ душу,
«Изронилъ, одинъ, изъ храбра тѣла,
«Сквозь свое златое ожерелье!...
«И поникло въ отчинѣ веселье,
«Въ Городнѣ трубятъ печально трубы...
«Всѣ вы, внуки грознаго Всеслава,
«Опустите ваши красны стяги,
«И въ ножны мечи свои вложите:
«Вы изъ дѣдней выскочили славы!
«Наводить на отчій край поганыхъ!
«Съ давнихъ дней, не лучше половецкихъ,
«Таковы жь насилья были Руси
«И отъ васъ, и вашего Всеслава!
«Любъ ему былъ Кіевъ, что дѣвица:
«О него онъ жеребій и кинулъ,
«Перегнулся на сѣдлѣ, помчался,
«Да лишь древкомъ копія доткнулся
«До его престола золотого!
«Въ ночь утекъ оттуда лютымъ звѣремъ,
«Синей мглой изъ Бѣлграда поднялся,
«Утромъ билъ ужь стѣны въ Новѣградѣ,
«Ярослава славу порушая...
«Проскочилъ оттуда сѣрымъ волкомъ,
«Отъ Дудутокъ ва рѣку Нѣмигу...
«Не снопы-то стелютъ на Нѣмигѣ,
«Человѣчьи головы кидаютъ!
«Не цѣпами молотятъ, мечами!
«Жизнь на токъ кладутъ и вѣютъ душу,
«Вѣютъ душу храбрую отъ тѣла!
«Охъ, не житомъ сѣяны, костями
«Берега кровавые Нѣмиги,
«Все своими русскими костями!...
«Князь Всеславъ суды судилъ княжіе.
«Раздавалъ князьямъ столы и грады,
«По ночамъ же рыскалъ сѣрымъ волкомъ,
«Поспѣвалъ въ Тмуторокань къ разсвѣту,
«Ясну Солнцу путь перебѣгая...
«Позвонятъ заутреню, бывало,
«Для него у Полоцкой Софіи —
«Онъ же звонъ изъ Кіева все слышалъ...
«А хоть былъ и съ вѣщею душою,
«Хоть умѣлъ обертываться звѣремъ,
«Все жь бѣды терпѣлъ таки не мало!
«Про него и спѣлъ Боянъ припѣвку:
«Будь хитеръ-горяздъ, вертись хоть птицей,
«Все суда ты Божьяго не минешь!...
«Да, стонать намъ всей землею Русской,
«Про князей воспоминая давнихъ,
«Вспоминая прежнее ихъ время!
«Да нельзя жь вѣдь было пригвоздити

«Ко горамъ ко Кіевскимъ высокимъ
«Старика Владиміра на вѣки!
«По рукамъ пошли его знамена
«И ужъ розно машутъ бунчуками,
«Розно копья пѣть пошли по рѣкамъ!
Игорь слышитъ Ярославнинъ голосъ...
Тамъ, въ землѣ незнаемой, кукушкой
Поутру она кукуетъ, плачетъ:
«Полечу кукушечкой къ Дунаю,
«Омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ,
«Оботру кровавы раны князю,
«На бѣлѡмъ его могучемъ тѣлѣ...»
Тамъ она въ Путивлѣ раннымъ рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Вѣтръ-вѣтрило! что ты, господине,
«Что ты вѣешь, что на легкихъ крыльяхъ
«Носишь стрѣлы въ храбрыхъ воевъ лады!
«Въ небесахъ, подъ облаки бы вѣялъ,
«По морямъ корабльики лелѣялъ,
«А то вѣешь, вѣешь—развѣваешь
«На ковыль траву мое веселье...
Тамъ она въ Путивлѣ раннымъ рано
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Ты ли Днѣпръ мой, Днѣпръ ты мой, Славутичь!
«По землѣ прошелъ ты Половецкой,
«Пробивалъ ты каменныя горы!
«Ты ладьи лелѣялъ Святослава,
«До земли Кобяковой носилъ ихъ..
«Прилелѣй ко мнѣ мою ты ладу,
«Чтобъ мнѣ слезъ не слать къ нему съ тобою
«По сырымъ зорямъ на сине море!»
Рано-рано ужъ она въ Путивлѣ
На стѣнѣ стоитъ и причитаетъ:
«Свѣтлое тресвѣтлое ты Солнце,
«Ахъ для всѣхъ красне, тепло ты Солнце!
«Что жь ты, Солнце, съ Неба устремило
«Жаркій лучъ на лады храбрыхъ воевъ!
«Жаждой ихъ томишь въ безводномъ полѣ,
«Сушишь-гнешь не смоченные луки,
«Замыкаешь кожаные тулы...»

Сине море прыснуло къ полночи.
Мглой встаютъ, идутъ смерчи морскіе:
Кажетъ Богъ князь-Игорю дорогу
Изъ земли далекой Половецкой
Къ золотому отчему престолу.
Погасаютъ сумерки сквозь тучи...
Игорь спитъ, не спитъ, крылатой мыслью
Мѣритъ поле ко Донцу отъ Дона.
За рѣкой Овлуръ къ полночи свищетъ,
По коня онъ свищетъ, повѣщаетъ:
«Выходи, князь Игорь, изъ полона.»
Вѣтръ воетъ, проносясь по степи
И шатаетъ вежи половецки;
Шелеститъ-шуршитъ ковыль высокій,
И шумитъ-гудитъ земля сырая...
Горностаемъ скокъ въ тростникъ князь Игорь,
Что бѣлъ гоголь по водѣ ныряетъ,
На быстрà добрà коня садится;
По лугамъ Донца, что волкъ несется;
Что соколъ летитъ въ сырыхъ туманахъ,
Лебедей, гусей себѣ стрѣляетъ
На обѣдъ, на завтракъ и на ужинъ.
Что соколъ летитъ князь свѣтлый Игорь,
Что сѣръ волкъ Овлуръ за нимъ несется,
Студену росу съ травы стряхая.
Ужь лихихъ коней давно загнали.
Вранъ не каркнетъ, галчій стихнулъ говоръ
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползаютъ по вѣтвямъ,
Дятлы тектомъ путь къ рѣкѣ казуютъ,
Соловьинъ свистъ зори повѣщаетъ...
Говоритъ Донецъ: «Охъ, князь ты Игорь!
«Величанья жь ты себѣ да добылъ,
«А Кончаку всякаго проклятья,
«Русской всей землѣ свѣтла веселья!»
Отвѣчалъ Донцу князь свѣтлый Игорь;
«Донче, Донче, ты ли, тихоструйный!
«И тебѣ да будетъ величанье,
«Что меня ты на волнахъ лелѣялъ,
«Зелену траву мнѣ сталъ въ постелю
«На своемъ серебряномъ побрежьѣ;
«Теплой мглою на меня ты вѣялъ,
«Подъ темной зеленою ракитой;
«Сѣрой уткой сторожилъ на руслѣ,
«На струяхъ, вѣтрàхъ—чиркомъ да чайкой...
«Вотъ Стугна, о Донче, не такая!
«Какъ пожретъ-попьетъ ручьи чужіе,
«По кустамъ, по доламъ разольется!...
«Ростислава-юношу пожрала,
«Унесла его во Днѣпръ глубокій,
«Во темныхъ брегахъ похоронила...
«Плачетъ мать по юношѣ, по князѣ,
«Пріуныли съ жалости цвѣточки,
«Дерева съ печали приклонились...»

Не сороки—чу!—застрекотали:
Ѣдутъ Гзакъ съ Кончакомъ въ злу погоню.
Молвитъ Гзакъ Кончаку на погонѣ:
«Коль соколъ къ гнѣзду летитъ, урвался,
«Ужъ младà соколика не пустимъ,
«А поставимъ друга въ чистомъ полѣ,
«Разстрѣляемъ стрѣлами златыми.»
И въ отвѣтъ Кончакъ ко люту Гзаку:
«Коль соколъ къ гнѣзду летитъ, урвался,
«Сокольца опутаемъ потуже

«Крѣпкой цѣпью—красною дѣвицей» [1]).
Гзакъ въ отвѣтъ Кончаку слово молвитъ:
«Коль опутать красною дѣвицей,
«Не видать ни сокольца младого,
«Не видать ни красной намъ дѣвицы:
«А ихъ дѣтки бить почнутъ насъ въ полѣ,
«Здѣсь же, въ нашемъ полѣ половецкомъ.»

Стародавнихъ былей пѣснотворецъ,
Ярослава пѣвшій и Олега,
Такъ то въ пѣснѣ пѣлъ про Святослава:
«Тяжело главѣ безъ плечъ могучихъ,
«Горе тѣлу безъ главы разумной.»
И землѣ такъ горько было Русской
Безъ удала Игоря, безъ князя.

Анъ на небѣ солнце засвѣтило:
Игорь-князь въ землѣ ужь скачетъ Русской.
На Дунаѣ дѣвицы запѣли;
Черезъ море пѣснь отдалась въ Кіевъ.
Игорь ѣдетъ, на Боричевъ держитъ,
Ко святой иконѣ Пирогощей.
Въ селахъ радость, въ городахъ веселье;
Всѣ князей поютъ и величаютъ
Перво—старшихъ, а за ними—младшихъ.
Воспоемъ и мы: свѣтъ-Игорь—слава!
Буй-туръ-свѣту-Всеволоду—слава!
Володиміръ Игоревичъ—слава!
Святославу Ольговичу—слава!
Вамъ на здравье, князи и дружина,
Христіанъ поборцы на поганыхъ!
Слава князьямъ и дружинѣ!
Аминь.

А. Майковъ.

---

[1]) Намекъ на дочь Кончака, на которой, дѣйствительно, будучи въ плѣну, Владиміръ Игоревичъ женился.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

ОТЪ ТАТАРЩИНЫ ДО ВРЕМЕНЪ ГРОЗНАГО.

VI.

ТАТАРЩИНА. — ВЫГОДНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ДУХОВЕНСТВА. — ПРОПОВѢДЬ; ЛѢТОПИСИ, СБОРНИКИ. — ПЕРЕВОДЫ СЪ ГРЕЧЕСКАГО. — СВѢДѢНІЯ О ПРИРОДѢ. — СПОРЫ «О РАѢ ЗЕМНОМЪ».

Въ первой половинѣ XIII в. страшное бѣдствіе постигло Русь, и нанеся сокрушительные, оглушающіе удары древне-русскому общественному строю, почти въ конецъ уничтожило зачатки древне-русскаго образованія, надолго превративъ лучшія и населеннѣйшія мѣста нашего отечества въ пустыни, и уничтоживъ возможность того безопаснаго и мирнаго досуга, который имѣетъ такое громадное значеніе въ исторіи образованности каждаго народа. Изъ предшествовавшихъ главъ мы уже видѣли, что тѣ первые шаги, какіе сдѣланы были образованностью на русской почвѣ, были довольно удачны, что почва для образованности оказалась удобною, что грамотность — эта первая ступень ея — легко проникала во всѣ высшіе слои общества, и распредѣляясь довольно равномѣрно по сословіямъ, одинаково возбуждала любовь къ чтенію, собиранію и переписыванію книгъ и въ духовенствѣ, и въ князьяхъ, и въ окружавшей ихъ дружинѣ. Главнымъ центромъ книжности и грамотности до-татарщины являлся Кіевъ во главѣ юго-западной Руси. Значеніе Кіева продолжало возрастать даже и тогда, когда историческая жизнь древней Руси стала уклоняться отъ этого центра, съ одной стороны, болѣе къ юго-западу, съ другой—далеко на сѣверо-востокъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій эпохи татарскаго владычества слѣдуетъ конечно считать то, что Русская историческая жизнь окончательно собралась и сплотилась на сѣверо-востокѣ, около новаго центра — Москвы, а центръ древне-русской жизни и образованности — Кіевъ, былъ окончательно покинутъ и потерялъ всякое значеніе. Такая перемѣна направленія русской исторической жизни, совершившаяся совершенно органически подъ тяжкимъ гнетомъ татарщины и внесенныхъ ею началъ, конечно должна была въ первое время отозваться очень тяжко на всѣхъ проявленіяхъ умственной и нравственной жизни народа. И несмотря на то, что это сосредоточеніе жизни русской на сѣверо-востокѣ имѣло громадныя послѣдствія историческія, нельзя отрицать того несомнѣннаго факта, что собственно на образованность нашу и литературу оно, временно, оказало вліяніе пагубное и задержало ее на много вѣковъ въ періодѣ младенчества. И насколько древній удѣльно-вѣчевой укладъ, съ его пестрою и привольною жизнью, съ его частыми усобицами и удалыми походами князей противъ Половцевъ, съ его шумною городскою жизнью, развивавшеюся подъ благорастворенными небомъ юго-запада Руси, способенъ былъ благопріятно повліять на развитіе фантазіи, на распространеніе образованности вглубь и вширь—на столько же суровыя условія быта сначала подъ татарскимъ игомъ, а потомъ подъ желѣзнымъ

скипетромъ возникавшей и поглощавшей удѣлы Москвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ суровый климатъ сѣверо-востока, должны были тягостно подѣйствовать на творческую силу фантазіи Русскаго человѣка, и мало способствовать развитію въ немъ стремленія къ книжному ученію и къ чтенію книгъ. Не до школъ и не до книгъ было ему, когда всѣ лучшія силы его поглощались инстинктомъ самосохраненія! Да къ тому же, въ общемъ погромѣ городовъ и областей, тяжкій ударъ нанесенъ былъ нашему образованію и со стороны его матерьяльныхъ средствъ: — безвозвратно погибли десятки библіотекъ, хранившихся въ стѣнахъ церквей и монастырей, и лишь въ немногихъ мѣстахъ, и притомъ наименѣе богатыхъ книгами, уцѣлѣли остатки нашихъ начальныхъ книгохранилищъ. Слѣдовательно, книга, и до татарщины бывшая у насъ дорогою, сдѣлалась, во время ея, почти сокровищемъ и насъ одновременно постигли двѣ бѣды: — у насъ отняты были и всѣ условія, при которыхъ образованіе и книжное ученіе могутъ развиваться успѣшно, и въ то же время уничтожены тѣ книжные запасы, которые накоплены были къ разныхъ мѣстахъ Руси трудами, любовью и усиліями цѣлыхъ поколѣній.

Нельзя упустить изъ виду и того, что когда во время и послѣ татарщины политическое тяготѣніе стало собирать Русскую землю около Москвы, направленіе и характеръ древне-русской жизни значительно измѣнились. Она перестала течь прежнею широкою и привольною волной, и видимо стала устанавливаться въ опредѣленныхъ берегахъ. И это переходное состояніе, переживаемое обществомъ, не могло не проявиться рѣзкими чертами. Лучшимъ силамъ общества на долго суждено было затрачиваться въ борьбѣ за безопасность и независимость личную, сначала отбивая отъ алчныхъ татаръ, потомъ противоборствуя властолюбивой Москвѣ, опиравшейся на татарскую власть и силу. Нравы грубѣли; суровый и мрачный оттѣнокъ замѣтно ложился на всѣ произведенія духа, а постоянная «привычка руководствоваться инстинктомъ самосохраненія вела къ господству всякаго рода матерьяльныхъ побужденій надъ нравственными». [1]) Общество русское переживало тотъ тяжкій періодъ бѣдствій; когда по словамъ историка, «имущества гражданъ прятались въ церквахъ, какъ мѣстахъ наиболѣе, хоть и не всегда, безопасныхъ; а сокровища нравственныя имѣли нужду также въ безопасныхъ убѣжищахъ — въ пустыняхъ, въ монастыряхъ»....

При такихъ условіяхъ, конечно, всякіе зачатки свѣтской литературы должны были исчезнуть и на долго исчезнуть, и не только занятіямъ литературнымъ, но даже и самой грамотности оказалось возможно продолжать свое существованіе только внутри монастырской ограды, только въ средѣ монашества и подъ защитою Церкви.

И дѣйствительно, если Церковь Русская и до татарщины была однимъ изъ главныхъ проводниковъ византійской образованности въ древне-русскомъ обществѣ, то во время татарщины ей уже положительно выпало на долю важное значеніе единственной хранительницы тѣхъ зачатковъ просвѣщенія, какіе успѣли проявиться на нашей общественной почвѣ до XIII вѣка. Такое положеніе должна была занять Церковь Русская подъ татарскимъ владычествомъ отчасти уже потому, что ей одной удалось сильно подѣйствовать на умы дикихъ кочевниковъ, нахлынувшихъ отовсюду на Русь. Ихъ не могла привлечь и поразить картина осѣдлаго, гражданственнаго быта, который застали они на Руси; успѣхи ихъ оружія и быстрое завоеваніе большей части русскихъ владѣній не способны были даже внушать имъ и уваженія къ побѣжденнымъ. Но суевѣрное воображеніе полудикой орды было сильно поражено картиною религіознаго быта древней Руси: множество благолѣпно украшенныхъ храмовъ и богатыхъ монастырей, блескъ и стройность внѣшней обрядовой стороны богослуженія, опредѣленность и однообразіе религіозныхъ убѣжденій массы—все это должно было неотразимо дѣйствовать на воображеніе кочевника, стоявшаго въ религіозномъ развитіи своемъ на степени жалкаго фетишизма большей части младенчествующихъ народовъ. По всему видно, что не оружія побѣжденныхъ ими Русскихъ, не ихъ нравственнаго и умственнаго превосходства боятся могущественные ханы, а только союза ихъ съ тѣмъ неизвѣстнымъ Монголу христіанскимъ Богомъ, котораго онъ не способенъ былъ постигнуть разумомъ, и тѣмъ болѣе склоненъ былъ бояться. Грозной являлась имъ рать воиновъ христовыхъ, облеченная во власяницы и рясы, вмѣ-

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.

сто всякихъ доспѣховъ, съ крестомъ и евангеліемъ въ рукахъ, вмѣсто всякаго оружія.... И вотъ почему еще въ самомъ началѣ татарщины, какъ только опредѣлились отношенія побѣдителей къ побѣжденнымъ, дань была наложена на всѣ сословія, кромѣ духовенства:—духовенству же былъ данъ ярлыкъ, свидѣтельствующій объ освобожденіи его отъ дани и о тѣхъ льготахъ, которыми ханы татарскіе очевидно стараются задобрить, расположить въ свою пользу русское духовенство. Въ этомъ ярлыкѣ ханы обращались къ своимъ баскакамъ и князьямъ, данщикамъ и всякаго рода чиновникамъ татарскимъ съ объявленіемъ, что они дали жалованныя грамоты Русскимъ митрополитамъ и всему духовенству, бѣлому и черному, дабы они *«правымъ сердцемъ, безъ печали, молили Бога за него и за все его племя, и благословляли ихъ:* не надобна съ нихъ никакая дань, никакая пошлина; никто не смѣетъ занимать церковныхъ земель, водъ, мельницъ и другихъ угодій; никто не смѣетъ брать на работу церковныхъ людей; и — что всего замѣчательнѣе и многознаменательнѣе для исторіи русскаго просвѣщенія и литературы — *«никто не смѣетъ взять, изодрать, испортить иконъ, книгъ и никакихъ другихъ богослужебныхъ вещей»*, чтобы духовные не проклинали хана, но въ покоѣ за него молились; кто вѣру ихъ похулитъ, наругается надъ нею, тотъ безъ всякаго извиненія умретъ злою смертью. Точно также угрожается смертною казнью и всякому баскаку или другому чиновнику татарскому, которому бы вздумалось взять какую-либо дань или пошлину съ духовенства.

Въ то время, когда, благодаря вышеуказаннымъ условіямъ, духовенство, въ періодъ тяжкаго для всей Руси татарскаго ига, становилось, благодаря вышеуказаннымъ условіямъ, въ такое исключительно-выгодное положеніе, другія историческія условія, о которыхъ вовсе не мѣсто было бы здѣсь упоминать, способствовали совершенію въ удѣльно-вѣчевомъ укладѣ древней Руси того громаднаго переворота, который выразился въ постепенномъ объединеніи всей земли Русской около новаго, сѣверо-восточнаго центра ея—около Москвы. Важность этого политическаго центра, конечно, должна была вскорѣ привлечь на свою сторону и тѣ лучшія силы духовныя и умственныя, которыя весьма естественно должны были сосредоточиваться и успѣшнѣе всего развиваться въ духовенствѣ, какъ въ привилегированной, нравственно и матеріально-обезпеченной средѣ. Вслѣдствіе этого Москва, съ теченіемъ времени, стала нетолько важнымъ политическимъ и религіознымъ центромъ (послѣ перенесенія въ нее митрополіи), но и центромъ дѣятельности литературной. Не вдаваясь однако же въ изложеніе историческихъ подробностей того періода, въ теченіе котораго Москва, вспомоществуемая Церковью, возвышалась и стягивала около себя русскія области, мы, въ нынѣшней главѣ, постараемся обозрѣть все, что, въ теченіе этого тягостнаго и скуднаго умственною дѣятельностью періода, внесено было новаго въ нашу литературу.

Первое впечатлѣніе ужаса, наведеннаго на Русскую землю страшнымъ татарскимъ погромомъ, еще не успѣло пройти и сгладиться, какъ духовенство уже стало пользоваться имъ, какъ средствомъ, для достиженія своихъ религіозныхъ цѣлей. Подобно тому, какъ еще и самъ древній монахъ лѣтописецъ указывалъ намъ на различныя бѣдствія, а между прочимъ также и нашествія иноплеменниковъ, какъ на тяжкія наказанія за грѣхи и невѣріе, за пристрастіе къ языческимъ обычаямъ и нетвердость въ вѣрѣ—и проповѣдники наши во второй половинѣ XIII вѣка, тотчасъ послѣ нашествія татарскаго, точно также указываютъ на него своей паствѣ, какъ на тяжкое наказаніе, ниспосланное Богомъ за грѣхи наши, какъ на кару, которая должна образумить каждаго и заставить глубже заглянуть въ себя, понудить разстаться со всѣми грѣхами своими и беззаконіями, изъ опасенія еще большихъ бѣдствій, ожидающихъ Русскую землю въ будущемъ, если бы она не покаялась и не отстала отъ «поганскихъ обычаевъ». Тема поученій къ паствѣ, слѣдовательно, и въ XIII вѣкѣ, и въ XIV, остается та же самая; даже и пріемы проповѣдниковъ — указанія на бѣдствія настоящія и на возможность будущихъ, съ цѣлью исправленія паствы—остались тѣ же; нѣсколько измѣнился только духъ проповѣдей, подъ вліяніемъ тяжкой, кровавой современности, и потому же самому въ нѣкоторыя изъ числа ихъ внесены были довольно живыя картины, какъ видно, списанныя съ только что пережитой дѣйствительности. Особенно богаты такими картинами поученія Владимірскаго епископа *Серапіона*, котораго лѣтопись называетъ «зѣло учительнымъ и сильнымъ въ божественномъ писаніи», и о которомъ намъ достовѣрно извѣстно только то, что въ 1274 году, онъ, изъ архимандри-

товъ Кіево-печерскаго монастыря, поставленъ былъ въ епископы Владимірскіе. Въ одномъ изъ тѣхъ *семи* словъ, обращенныхъ къ паствѣ, которыя дошли до насъ, Серапіонъ, по поводу землетрясенія, бывшаго во Владимірѣ, указываетъ, согласно понятіямъ своего времени, на вѣщее значеніе всякихъ бѣдствій, постигающихъ Русь, и посылаемыхъ на нее Богомъ за грѣхи. Въ числѣ бѣдствій упомянуто и татарское нашествіе.

«Вы слышали, братія»,— такъ говоритъ онъ въ этомъ поученіи — «какъ самъ Господь говоритъ въ Евангеліи, что и въ послѣдніе годы (существованія міра) будутъ знаменія въ солнцѣ и въ лунѣ, и въ звѣздахъ, и землетрясенія, и голодъ въ разныхъ мѣстахъ; и вотъ, тогда сказанное Господомъ нашимъ сбылось нынѣ при послѣднихъ людяхъ. Сколько разъ видѣли мы, какъ солнце затмѣвалось и луна померкала и звѣзды измѣняли (теченіе свое); нынѣ же пришлось намъ быть очевидцами и землетрясенія. Земля, — по повелѣнію Божію, съ самаго начала утвержденная и неподвижная, — нынѣ движется, колеблемая нашими грѣхами, и не можетъ болѣе стерпѣть на себѣ нашего беззаконія. Мы не послушали евангелія, не послушали апостола, не послушали пророковъ, не послушали свѣтилъ великихъ — Василія (Великаго) и Григорія Богослова, и Іоанна Златоустаго и другихъ св. святителей... И вотъ уже Богъ не устами къ намъ говоритъ, но дѣлами хочетъ насъ наставить.... Землю потрясаетъ и колеблетъ, и хочетъ стряхнуть съ нея многія наши беззаконія и грѣхи, какъ листья съ дерева. Если кто скажетъ мнѣ, что и прежде этого были также потрясенія земли, то я скажу: да; но вспомните же, что потомъ съ нами было — и голодъ, и моры, и войны многія! И мы все же не покаялись, пока по Божьему попущенію не пришелъ на насъ народъ немилостивый, и неопустошилъ земли нашей, не поплѣнилъ городовъ нашихъ, не раззорилъ святыхъ церквей, не погубилъ нашихъ отцевъ и братьевъ, не наругался надъ нашими матерями и сестрами»....

Въ другомъ поученіи своемъ, повторяя почти ту же мысль, Серапіонъ рисуетъ картину татарскаго нашествія и владычества еще болѣе живыми, еще болѣе мрачными чертами: «(Богъ), видя, что наши беззаконія умножились, видя, что мы отвергли его заповѣди,... навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ, нещадящій юной красоты, старческой немощи и дѣтскаго возраста. Мы навлекли на себя гнѣвъ Бога нашего.... (и вотъ) разрушены были божественныя церкви, осквернены священные сосуды, потоптана святыня, святители стали жертвою меча, тѣла преподобныхъ монаховъ выброшены на съѣденіе птицамъ; кровь отцевъ и братій нашихъ, словно вода обильная, напоила землю; крѣпость князей, воеводъ нашихъ, исчезла; храбрые наши, исполнившись страха, бѣжали; множество дѣтей и братій нашихъ были отведены въ плѣнъ; села наши поросли лядиною [1]) и величіе наше смирилось, красота наша погибла, богатство наше досталось на долю другимъ, трудъ нашъ наслѣдовали поганые, земля наша стала достояніемъ иноплеменниковъ; а мы сами стали предметомъ поношенія для сосѣднихъ земель и посмѣшищемъ для враговъ нашихъ. И все это потому, что, какъ дождь съ неба, свели на себя гнѣвъ Господень».

Почти то же самое повторяетъ и митрополитъ Кириллъ, поставившій Серапіона въ епископы Владимірскіе, въ своемъ «Правилѣ», которымъ онъ старался установить однообразіе въ богослуженіи, устранить нѣкоторыя неустройства и безпорядки, вкравшіеся въ Церковь, въ горестную эпоху первыхъ лѣтъ татарскаго владычества, и наконецъ — искоренить нѣкоторые языческіе обычаи, еще весьма распространенные въ народѣ, преимущественно на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ. Предлагая «Правило» свое для установленія церковнаго и народнаго благочестія, митрополитъ Кириллъ указываетъ также всѣмъ вѣрующимъ на татарскій погромъ и понесенныя Русью бѣдствія только какъ на кару, постигшую наше отечество за грѣхи и за отступленіе отъ церковныхъ обычаевъ. Въ высшей степени интересною и характеристическою чертою современной проповѣди является еще и то, что въ ней, рядомъ съ указаніями на татарское нашествіе, какъ на кару, ниспосланную Руси Богомъ за грѣхи, является впервые и напоминаніе о близости кончины міра и втораго пришествія. Весьма опредѣленное напоминаніе объ этомъ встрѣчаемъ въ одномъ изъ многихъ, дошедшихъ до насъ, поученій этого времени (Слово на соборъ Архистратига Михаила), которое приписывается тому же митрополиту Кириллу. Въ началѣ по-

[1]) *Лядина*—небольшой лѣсокъ, выростающій на запущенной пашнѣ.

ученія своего проповѣдникъ говоритъ о сотвореніи небесныхъ силъ, о паденіи сатаны, о сущности души человѣческой; затѣмъ излагаетъ вкратцѣ исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, и подробно излагаетъ то, что ожидаетъ душу человѣческую по разлученіи съ тѣломъ, описываетъ такъ называемыя мытарства и т. д. Въ особенный укоръ современному обществу ставятся: срамословіе, пляски на пирахъ, свадьбахъ, вечерахъ, игрищахъ, басни (?), всякія позорныя игры, плесканіе ручное, скаканіе ногами, вѣра въ ворожбу, во встрѣчу, въ чиханье и другіе мелкіе предразсудки. За указаніемъ современныхъ пороковъ слѣдуетъ наставленіе духовенству, въ которомъ проповѣдникъ говоритъ: «если вы исполните всѣ завѣты (т.-е. не нарушите заповѣдей Божьихъ и не будете участвовать въ вышеисчисленныхъ беззаконіяхъ), то Бога возвеселите, ангеловъ удивите, молитва ваша будетъ услышана отъ Бога, земля наша облегчится отъ иновѣрнаго ига бесерменскаго, милость Божія во всѣхъ странахъ земли Русской умножится, пагубы и порчи плодамъ и скотамъ перестанутъ, гнѣвъ Божій утолится; народы всей Русской земли въ тишинѣ и безмолвіи поживутъ и милость Божію получатъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, особенно же въ будущемъ». И послѣ всѣхъ этихъ увѣщаній, проповѣдникъ все же заканчиваетъ слово свое грознымъ указаніемъ на близость кончины міра, дабы указать на необходимость покаянія: «уже видимо кончина міра приблизилась», — говоритъ онъ—«и урокъ[1]) житію нашему приспѣлъ, и лѣта сокращаются, — сбылось уже все сказанное Господомъ: возстанетъ бо языкъ на языкъ и т. д. Говорятъ, что *по прошествіи семи тысячъ лѣтъ пришествіе Христово будетъ*». Тоже самое, хотя и менѣе опредѣленное, указаніе на бѣдствія, тяготѣющія надъ Русью, какъ на возвѣщающія наступленіе послѣдняго времени, мы видѣли выше, въ началѣ одной изъ проповѣдей Серапіона.

И такъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, вновь прибавившихся чертъ, исключительно принадлежащихъ эпохѣ татарщины, мы видимъ, что общій характеръ русской проповѣди и въ концѣ XIII-го вѣка остался тотъ же, что былъ въ XI и XII столѣтіи. Таже основа, тѣже пріемы изложенія, тѣ же подробныя исчисленія всего, что заслуживаетъ порицанія въ общественныхъ нравахъ, и таже мораль въ концѣ проповѣди. Мало того, и въ это время, и въ теченіе двухъ послѣдующихъ вѣковъ, вѣроятно сохранилось и то рѣзкое различіе между простотою сѣверной-русской проповѣди и витіеватостью проповѣди южно-русской, какъ мы можемъ видѣть изъ дошедшей до насъ проповѣди Новогородскаго владыки *Симеона* Псковичамъ, живо напоминающей намъ приведенное выше поученіе древнѣйшаго изъ русскихъ проповѣдниковъ, Луки Жидяты: «Благородные и христолюбивые честные мужи Псковичи! Сами знаете, что кто честь воздастъ святителю, то честь эта самому Христу приходитъ, и воздающій принимаетъ отъ нея награду сторицею. И вы, дѣти, честь воздавайте своему святителю и отцамъ своимъ духовнымъ со всякимъ покорствомъ и любовью, ни въ чемъ не испытывая ихъ и не прекословя имъ; на себя смотрите, самихъ себя укоряйте и судите, свои грѣхи оплакивайте; чужаго не похищайте, бѣдамъ братіи своей не радуйтесь, не мудрствуйте о себѣ и не гордитесь, но со смиреніемъ повинуйтесь своимъ отцамъ духовнымъ. Церковь Божію не обижайте, въ дѣла церковныя не вступайтесь; не вступайтесь и въ земли, и въ воды, въ суды и печать, и во всѣ пошлины церковныя, потому что всякому надобно гнѣва Божія бояться, милость Его призывать, грѣхи свои оплакивать и чужаго не брать.»

Изъ всего вышесказаннаго, а равно и изъ тѣхъ образцевъ духовной литературы XIII в., какіе были нами здѣсь приведены, мы видимъ, что, не смотря на большое загрубѣніе общественныхъ нравовъ, произведенное эпохою татарщины, задержавшей на долго и развитіе у насъ свѣтской литературы, и развитіе образованности — бытъ духовенства и его литературная дѣятельность не измѣнились нимало подъ татарскимъ игомъ. И между тѣмъ какъ въ XIII и XIV вѣкѣ мы не встрѣчаемъ никакихъ извѣстій объ училищахъ и распространеніи грамотности въ народѣ, между тѣмъ какъ не видимъ нигдѣ въ лѣтописи извѣстій объ образованности князей и бояръ (о Дмитріи Донскомъ прямо говорится, что онъ не былъ хорошо изученъ книгамъ; о Василіи Темномъ — что онъ былъ не книженъ и не грамотенъ) — въ духовенствѣ, благодаря исключительно-благопріятнымъ условіямъ, въ которыя оно было поставлено, сохраняется прежняя любовь къ

[1]) *Урокъ* — т.-е. урочное, положенное, предназначенное время.

книжному ученію, къ собиранію и переписыванью книгъ, къ составленію сборниковъ, къ пересажденію греческихъ произведеній на русскую почву. Само собою разумѣется, что вся эта дѣятельность литературная могла происходить только въ средѣ монашества, отдѣленнаго отъ мірскихъ треволненій толстыми стѣнами монастырской ограды и защищеннаго отъ бѣдствій татарщины милостивыми ярлыками могущественныхъ хановъ. Вотъ почему монастырская литература должна была, непрекращаясь, продолжать свое существованіе и въ монастыряхъ сѣверовосточной Руси, въ томъ же видѣ, въ какомъ она зачалась въ монастыряхъ Руси юго-западной. Житіе и лѣтопись явились и здѣсь главными литературными родами, надъ которыми въ тишинѣ и уединеніи трудились авторы-монахи. Житія, извѣстныя уже и прежде, старательно переписывались; накоплялся матерьялъ и для написанія новыхъ, сѣверно-русскихъ житій, которыми такъ богата оказалась наша литература XV вѣка. Продолжаемы были, по прежнему, и лѣтописи, почти всюду, гдѣ онѣ велись прежде. Сверхъ того, велись лѣтописи новыя въ Твери и въ Ростовѣ; а около половины XIV вѣка зачинается наконецъ и лѣтопись великаго княжества Московскаго, въ которой даваемо было мѣсто событіямъ и не московскимъ, но подробнѣе и тщательнѣе заносимы были событія собственно Московскія. Однако же, тягостная эпоха татарщины и новыя историческія условія быта въ сѣверо-восточной Руси наложили свою особую печать на эту новую сѣверную, монастырскую лѣтопись. Г. Соловьевъ прекрасно характеризуетъ эту лѣтопись въ своей исторіи. «(Въ лѣтописи сѣверной)» — говоритъ онъ — «нѣтъ болѣе живой драматической формы разсказа, къ какой историкъ привыкъ въ южной лѣтописи; въ сѣверной лѣтописи дѣйствующія лица дѣйствуютъ молча; воюютъ, мирятся: но ни сами не скажутъ, ни лѣтописецъ отъ себя не прибавитъ, за что воюютъ, вслѣдствіе чего мирятся; въ городѣ, на дворѣ княжескомъ ничего не слышно, все тихо; всѣ сидятъ запершись и думаютъ думу про себя; отворяются двери, выходятъ люди на сцену, дѣлаютъ что нибудь, но дѣлаютъ молча. Конечно, здѣсь выражается характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія, котораго дѣйствующія лица являются представителями: лѣтописецъ не могъ выдумывать рѣчей, которыхъ онъ неслыхалъ; но съ другой стороны, нельзя незамѣтить, что самъ лѣтописецъ не разговорчивъ, ибо въ его характерѣ отражается также характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія; какъ современникъ, онъ зналъ подробности любопытнаго явленія, и однако записалъ только, что «много нѣчто нестроенія бысть.»

Кромѣ веденія лѣтописей, кромѣ собиранія матерьяловъ по составленію сѣверно-русскаго патерика, въ стѣнахъ монастырей продолжали, по прежнему, переписывать оригинальныя русскія и переводныя съ греческаго произведенія предшествовавшихъ вѣковъ: XI, XII и XIII. Такъ отъ XIV столѣтія дошли до насъ два замѣчательныхъ сборника поученій и другихъ статей: «Паисіевскій» и «Златая Цѣпь». Нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя произведенія XIV вѣка, особенно характерно отражающія на себѣ состояніе умовъ въ современномъ обществѣ. Такъ, напримѣръ, нельзя не отмѣтить одного перевода съ греческаго, который въ такой степени обратилъ на себя вниманіе грамотныхъ современниковъ, что даже въ лѣтописи, подъ 1384 годомъ, находимъ упоминаніе о немъ. То было одно изъ многихъ поэтическихъ твореній византійскаго писателя, Георгія Писида (живш. въ VII в.), подъ заглавіемъ «Мирозданіе». На русскій языкъ оно переведено было какимъ то Дмитріемъ Зографомъ или Зоографомъ (т. е. живописцемъ), и озаглавлено такъ: «Похвала Богу о сотвореніи всякой твари». Въ произведеніи этомъ описываются «шесть дней творенія» — одна изъ любимѣйшихъ тэмъ у византійскихъ духовныхъ поэтовъ. Русскихъ грамотныхъ людей, повидимому, интересовали, въ подобныхъ произведеніяхъ, именно тѣ свѣдѣнья о природѣ, которыя можно было почерпать изъ нихъ. Такія свѣдѣнія о природѣ, хоть и въ формѣ весьма скудныхъ, отрывочныхъ замѣтокъ, перемѣшанныхъ съ разными суевѣріями византійскаго же происхожденія, и прежде XIV в. уже заносились въ кругъ чтенія русскихъ грамотѣевъ. Такъ, въ знаменитомъ «Изборникѣ Святославовомъ» 1073 г., уже встрѣчаемъ подобныя свѣдѣнья о чудодѣйственной силѣ камней, о составѣ человѣческаго тѣла изъ четырехъ стихій: (огня, воздуха, земли и воды) о соотношеніи между здоровьемъ человѣка и различными мѣсяцами года. Болѣе правильныя въ научномъ отношеніи свѣдѣнья реальныя занесены были на Русь въ твореніяхъ Іоанна, Экзарха болгарскаго, которыя также очень рано явились у насъ

(вѣроятно въ XI же или въ концѣ XII вѣка). Примѣру Іоина Экзарха болгарскаго (сообщающаго въ своемъ *«Шестодневѣ»* или толкованіяхъ на шестидневное твореніе выписки изъ Аристотеля и Отцевъ Церкви, въ подтвержденіе своихъ собственныхъ объясненій) послѣдовалъ у насъ на Руси, въ XII вѣкѣ, Св. Кириллъ, знаменитый основатель и игуменъ Кирилло-Бѣлозерской обители (род. 1337; ум. 1427). Въ числѣ его сочиненій, о которыхъ намъ еще прійдется говорить далѣе, сохранились и два составленные имъ сборника, которые содержатъ въ себѣ различныя выписки изъ Отцевъ церкви—о церковномъ благочиніи, пустынножительствѣ и другихъ религіозныхъ предметахъ,— свидѣтельствующія о замѣчательной начитанности Св. Кирилла. Въ одномъ изъ этихъ сборниковъ, онъ между прочимъ, перебирая народныя суевѣрія, старается обличать ихъ, и употребляетъ при этомъ замѣчательно вѣрный пріемъ: — рядомъ съ обличеніями своими онъ помѣщаетъ и научныя объясненія явленій природы, заимствованныя имъ изъ сочиненій знаменитаго греческаго врача, Галлена (живш. въ II в. по Р. Хр.): объ устроеніи земли, о разстояніи земли отъ неба, моряхъ, облакахъ, землетрясеніяхъ, громѣ, молніи и т. д. Но всѣ эти свѣдѣнія,—скудныя и отрывочныя, большею частью невѣрныя уже и въ самомъ источникѣ, изъ котораго они были заимствованы, и еще болѣе сдѣлавшіяся невѣрными вслѣдствіе неискусства переводчиковъ,—конечно не въ состояніи были поднять уровень образованія даже и въ тѣсномъ кругу русскихъ грамотныхъ людей XIV столѣтія. Намъ сохранился отъ половины того-же вѣка памятникъ въ высшей степени замѣчательный уже потому, что отчетливо и ярко очерчиваетъ намъ тотъ кругъ понятій о природѣ, и ту степень религіозно-нравственнаго развитія, на которой стояли въ это время лучшіе люди русской интеллигенціи, высшіе представители духовнаго, слѣдовательно наиболѣе грамотнаго и развитаго сословія. Памятникъ этотъ — знаменитое посланіе Новгородскаго архіепископа Василія къ Тверскому епископу Θеодору «О земномъ раѣ». Посланіе это было написано по поводу споровъ, возбуждавшихся въ средѣ Тверскаго духовенства о томъ: «уцѣлѣлъ-ли еще на землѣ рай, насажденный Богомъ для Адама, или уже не существуетъ болѣе рай земной, а только мысленный»? Архіепископъ Василій (былъ возведенъ въ санъ архіепископа въ 1330; умеръ въ 1352), прозывавшійся Калѣкой (можетъ быть вслѣдствіе своихъ странствованій въ Святую землю, такъ какъ странники эти часто носили названіе *каликъ* или *калѣкъ-перехожихъ*) — человѣкъ, повидимому, бывалый и много видѣвшій на своемъ вѣку—сильно возстаетъ въ своемъ посланіи противъ мнѣнія епископа Θеодора и другихъ Тверичей, будто рай на землѣ не сохранился болѣе. Различными доводами старается онъ при этомъ доказать, что на Востокѣ несомнѣнно сохранился насажденный Богомъ для Адама «земной рай», а на западѣ—адъ. Въ числѣ доводовъ своихъ приводитъ онъ между прочимъ и расказы Новгородскихъ путешественниковъ. Памятникъ этотъ до такой степени важенъ въ историко-литературномъ отношеніи, что мы его цѣликомъ приводимъ здѣсь въ видѣ добавленія къ этой главѣ.

Посланіе архіепископа Новгородскаго Василія ко владыкѣ Тверскому Θеодору.

Василій, милостью Божьею архіепископъ Новгородскій, священному епископу Θеодору Тверскому, брату о Господѣ.

Благодать и миръ отъ Бога Отца Вседержителя твоему священству и всему священному собору, игуменамъ, іереямъ и дѣтямъ твоимъ. Такъ какъ смиреніе наше и святой соборъ священный, игумены и іереи, узнали о томъ, что учинилось у васъ въ Твери промежду васъ, людей Божіихъ, поспѣшеніемъ и по совѣту діавола и лихихъ людей, — (мы слышали о распрѣ, бывшей у васъ по поводу того честнаго рая) — я и провелъ много дней въ изысканіи исправленія божественнаго закона, и вотъ пишу тебѣ; ибо мы, братъ, должны, по Божію повелѣнію, другъ другу каяться о божественныхъ писаніяхъ, переданныхъ намъ отъ св. апостоловъ и великихъ святителей; и какъ тѣ св. апостолы безпрестанно посылали другъ другу посланія, такъ и намъ слѣдуетъ дѣлать: мы поставлены на ихъ мѣсто—кто къ чему призванъ, тотъ пусть въ томъ и пребываетъ.

Слышалъ я, братъ, что ты повѣствуешь: «рай, въ которомъ былъ Адамъ, не существуетъ болѣе»; ну а мы, братъ, не слыхали о томъ, чтобы онъ уничтожился, и въ Писаніи нигдѣ не нашли о томъ святомъ раѣ; но всѣ мы знаемъ изъ святаго Писанія, что Богъ насадилъ рай на

востокѣ, въ Эдемѣ, и ввелъ въ него человѣка и заповѣдалъ ему, сказавъ: «если соблюдешь слово мое, то будешь живъ; если же не соблюдешь его, то да умрешь смертью и да внидешь въ ту же землю, отъ которой ты взятъ». Онъ же (т.-е. человѣкъ) преступилъ заповѣдь Божію и былъ изгнанъ изъ рая, и горько оплакивалъ его, восклицая: «о рай пресвѣтлый, для меня насажденный и затворенный изъ-за Евы! Помоли того, кто сотворилъ тебя и меня создалъ, дабы мнѣ еще пришлось насытиться отъ цвѣтовъ твоихъ». Тогда сказалъ ему Спасъ: «не хочу погубить созданнаго Мною, а только спасти и привести въ истинный разумъ»; — и обѣщалъ ему, что онъ еще разъ войдетъ въ рай. Въ Пареміи же именуются и 4 рѣки, идущія изъ рая: Тигръ, Нилъ, Фисонъ, Евфратъ съ востока; Нилъ же подъ Египтомъ, ловятъ въ немъ силоlои (?), течетъ съ высокихъ горъ, которыя (простираются) отъ земли и до неба, а мѣсто то непроходимо для людей, а на верху его Рахмане живутъ. А вотъ же, братъ, въ Прологѣ, для всѣхъ очевидно, въ чудесахъ св. Архангела Михаила, что онъ, взявъ праведнаго Еноха, посадилъ его въ честномъ раю; да вотъ и Илія святой въ раю же сидитъ, — находилъ его тамъ и Агапій святой, и часть хлѣба (у него) взялъ; а св. Макарій жилъ даже за 20 поприщъ отъ св. рая; и Евфросинъ святой былъ въ раю и три яблока принесъ изъ рая и далъ игумену своему Василію, и отъ нихъ даже было много исцѣленій. И теперь, братъ, тебѣ представляется (рай) мысленнымъ! — но все мысленное представляется видѣніемъ; а то, что Христосъ сказалъ въ Евангеліи о второмъ пришествіи — и то вы ужъ не называете ли мысленнымъ? Тѣмъ, которые будутъ по правую руку отъ Него, Онъ скажетъ: «пріидите, благословенные Отцемъ Моимъ, наслѣдуйте царствіе, приготовленное вамъ прежде сотворенія міра»; а тѣмъ, что будутъ по лѣвую руку отъ Него, скажетъ: «отойдите отъ Меня, проклятые, въ вѣчный огонь, приготовленный діаволу и его ангеламъ; не вамъ» — скажетъ — «приготовилъ Я тѣ мученія, но діаволу и его ангеламъ». О тѣхъ двухъ мѣстахъ Іоаннъ Златоустъ сказалъ: «насадилъ Богъ рай на востокѣ, а на западѣ приготовилъ мученія; такъ точно, какъ во дворѣ царскомъ утѣхи и веселье, а внѣ двора — темница». А вотъ что говоритъ священномученикъ Патрикѣй: «два мѣста приготовлены (Богомъ); одно исполнено благъ, а другое — тьмы и огня». Но не дозволено Богомъ, братъ мой, чтобы люди могли видѣть святой рай, а муки и доселѣ (еще можно видѣть) на западѣ; многіе изъ дѣтей моихъ Новгородцевъ тому свидѣтелями: на дышущемъ море (видѣнъ) червь неусыпающій, (слышенъ) скрежетъ зубовъ и (течетъ) рѣка молненная Моргъ; видно даже, какъ вода входитъ въ преисподнюю и вторично выходитъ изъ нея три раза на день. И если всѣ тѣ мѣста мученій не пропали, то скажи мнѣ, братъ, какъ бы могло исчезнуть это святое мѣсто (т.-е. рай), въ которомъ Пречистая Богородица и множество святыхъ (пребываютъ), которые, по воскресеніи Господнемъ, явились многимъ въ Іерусалимѣ, и потомъ снова возвратились въ рай? Ибо имъ было сказано: «пламенное оружіе уже не охраняетъ болѣе Эдемскихъ воротъ; ибо пришелъ мой Спасъ, восклицая къ вѣрнымъ: «входите снова въ рай»! А вотъ еще, братъ, въ Блаженнѣ сказано: «врагъ ради древесной снѣди (т.-е. плода) Адама вывелъ изъ рая, а Христосъ крестомъ ввелъ въ него разбойника». Когда же приближалось представленіе Владычицы нашей Богородицы, ангелъ, въ образѣ воробья, принесъ ей вѣтвь изъ рая, указывая этимъ, гдѣ ей (надлежитъ) быть; а ежели рай мысленный, то зачѣмъ же эту вѣтвь принесъ ей ангелъ, а не мысленную? Ту вѣтвь и апостолы видѣли, и множество невѣрныхъ жидовъ. Ни одно изъ дѣлъ Божіихъ, братъ мой, не можетъ быть тлѣнно; всѣ дѣла Божіи — нетлѣнны. Я собственными глазами видѣлъ, братъ, что вотъ какъ затворилъ своими руками Христосъ городскія ворота (въ Іерусалимѣ), идучи на добровольное мученіе, такъ ихъ и до сихъ поръ отворить не могутъ; а какъ Христосъ постился надъ Іорданомъ, такъ я своими глазами (и нынѣ) видѣлъ его постницу, и тѣ сто финиковыхъ деревьевъ, которыя Христосъ насадилъ, и до нынѣ стоятъ недвижимы, непогибли, не погнили. Или, можетъ быть, ты, братъ, думаешь про себя: коли Богъ на востокѣ насадилъ рай, такъ какъ же это въ Іерусалимѣ отыскалось тѣло Адамово? Такъ развѣ же ты не знаешь, братъ, службу ангельскую, какъ скоро они ее совершаютъ: служатъ Богу безъ произнесенія рѣчей, во мгновенія ока переносятся черезъ всю землю и перелетаютъ черезъ всѣ небеса? Богу возможно Адама единымъ словомъ изъ рая перенести въ Іерусалимъ. Такъ херувиму повелѣлъ онъ охранять Эдемскія ворота, а когда Адамъ воскресъ, то повелѣлъ ему вступить въ рай, и множеству святыхъ вмѣстѣ съ нимъ — и слово,

и исполненіе у него быстро слѣдуютъ одно за другимъ.

А то мѣсто св. рая находилъ и Моиславъ Новгородецъ съ сыномъ своимъ Яковомъ; всѣхъ ихъ было три юмы, и одна изъ нихъ погибла, послѣ долгихъ блужданій; а двѣ другія потомъ долго носило вѣтромъ и принесло къ высокимъ горамъ. И видѣли они, что на той горѣ чудной лазурью написалъ Деисусъ, удивительно громадный по размѣру, какъ бы не человѣческими руками сотворенный, но Божьею благодатью; и свѣтъ въ томъ мѣстѣ былъ самосіянный, такой, что человѣку и не пересказать: и долго оставались они на томъ мѣстѣ, а солнца не видѣли, хотя свѣтъ былъ и сильный, болѣе сильный, нежели свѣтъ солнца; а на тѣхъ горахъ слышны были многія ликованія и веселые голоса. И повелѣли они одному изъ друзей своихъ взойти *по шеглѣ* [1]) на ту гору, дабы посмотрѣть, что это за свѣтъ, и откуда несутся эти ликующіе голоса; и когда онъ взошелъ на ту гору, то всплеснулъ руками и засмѣялся, и побѣжалъ отъ друзей своихъ по направленію къ голосу. Они же очень тому удивились, и послали другаго, наказавъ ему, чтобы онъ къ нимъ возвратился и сказалъ, что тамъ такое на горѣ; но и тотъ сдѣлалъ то же самое: и не думалъ возвратиться къ нимъ, а съ великою радостью побѣжалъ отъ нихъ прочь. Тогда они перепугались, и начали раздумывать про себя, говоря: «если бы даже и смерть приключилась, а все же намъ слѣдовало бы видѣть свѣтлость этого мѣста»—и послали третьяго на гору, привязавъ его за ногу веревкой; и тотъ также хотѣлъ сдѣлать (какъ первые два), радостно всплеснулъ руками и побѣжалъ, забывъ въ радости о веревкѣ на ногѣ своей; а они и сдернули его веревкой, и онъ оказался мертвымъ. Тогда они побѣжали (на лодьяхъ своихъ) обратно; не дано имъ было болѣе видѣть ту неизреченную свѣтлость, ни слышать тамошняго веселія и ликованія; а тѣхъ мужей, братъ мой, еще и по нынѣ дѣти и внучата живутъ въ добромъ здоровьѣ.

VII.

ПѢСНИ О ТАТАРАХЪ. — БЫЛИНА И СКАЗКА. — КІЕВСКІЯ И НОВГОРОДСКІЯ БЫЛИНЫ.

Упоминая о тѣхъ произведеніяхъ русской литературы, которыя отразили на себѣ несомнѣнные слѣды эпохи татарскаго ига, мы конечно не можемъ пройти молчаніемъ и тѣ произведенія нашей народной литературы, въ которыхъ до настоящаго времени сохранилась память «о злыхъ временахъ татарщины», тѣмъ болѣе, что эти произведенія несомнѣнно принадлежатъ мрачному періоду татарщины, хотя вѣроятно и дошли до насъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Въ этихъ произведеніяхъ, которымъ народное творчество придало прекрасную форму эпической пѣсни, память народа сохранила ярко и живо обрисованную картину бѣдственнаго положенія Руси подъ невыносимо-тяжкимъ татарскимъ игомъ. Въ одной изъ этихъ пѣсенъ раскaзывается о томъ, какъ ханскій «баскакъ», Щелканъ Дудентьевичъ, угнеталъ «старую и богатую Тверь», и какъ народъ, выведенный изъ терпѣнія его жестокостями и несправедливостью, наконецъ убилъ ненавистнаго баскака. Въ другой пѣснѣ описывается одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, которые вѣроятно могли часто повторяться въ то время, когда Татары безпрестанно набѣгали на Русь, разоряли и грабили наши села и города, уводили жителей въ плѣнъ и рабство, раздѣляя ихъ поровну между собою, какъ часть общей военной добычи. При одномъ изъ подобныхъ дѣлежей, мать-старуха, — у которой давно, еще почти ребенкомъ, была похищена дочь, — попадается въ плѣнъ къ молодому татарину, женившемуся на ея дочери, и въ которомъ она, конечно, и неподозрѣваетъ зятя. Зять приставляетъ старуху-плѣнницу нянчить своего маленькаго сына, въ которомъ она видитъ не внука, а «злаго татарчёнка». Старуха-плѣнница начинаетъ укачивать его и поетъ ему русскія пѣсни, въ которыхъ проклинается татарскій плѣнъ и неволя, и всевозможныя бѣдствія призываются на голову иноплеменниковъ: — тогда-то дочь узнаетъ въ старухѣ свою мать и вмѣстѣ съ нею бѣжитъ въ Русь. Въ третьей пѣснѣ описывается избавленіе города Кіева отъ осады «безбожнаго татарскаго царя Калина»: любимый герой народныхъ пѣсенъ нашихъ, Илья Муромецъ, избиваетъ и разгоняетъ несмѣтныя полчища царя Калина, а его самаго «разбиваетъ въ крохи», ударивъ о камень.

[1]) *Шегла* — бревно съ зарубами, служащее лѣстницей.

Эти пѣсни составляютъ лишь весьма незначительную часть множества эпическихъ народныхъ пѣсенъ, сохранившихся намъ отъ далекаго прошлаго, и прежде, нежели мы остановимся на ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ пѣсенъ, мы несомнѣнно должны будемъ бросить хотя бѣглый взглядъ на русскую народную поэзію вообще и хотя кратко постараемся охарактеризовать наиболѣе замѣчательные роды составляющихъ ее произведеній.

Въ «*Сл. о п. Игоревѣ*», какъ мы видѣли выше, пѣвецъ упоминаетъ уже о какихъ-то *былинахъ*, даже указываетъ, о какихъ именно князьяхъ шла рѣчь въ этихъ былинахъ. Можно конечно предположить, что былины, упоминаемыя имъ, вовсе не были пѣснями народными, а такими же произведеніями дружиннаго эпоса, какъ и самое «Сл. о п. Игоревѣ»; но у насъ есть лѣтописныя свидѣтельства о томъ, что и въ народѣ также существовалъ обычай прославленія княжескихъ подвиговъ. Такъ напр. народъ прославлялъ въ пѣсняхъ Даніила Галицкаго за то, что онъ, мужественно ударивъ на враговъ (ок. 1249 года), избавилъ многихъ христіанъ отъ неволи и плѣна иноплеменническаго. Не подлежитъ однакоже никакому сомнѣнію то, что пѣсня эпическая — точно также, какъ сказка, пословица и загадка — существовала въ народѣ искони, со временъ доисторическихъ, почти недоступныхъ никакому наблюденію. Можно даже сказать, что народная поэзія зарождается и развивается въ народѣ по мѣрѣ того, какъ онъ создаетъ, развиваетъ и совершенствуетъ свой языкъ:—его вѣрованія и поэтическія воззрѣнія на окружающую его природу, еще непонятную для него и полную тайны, наполняютъ языкъ живыми, осязательными образами; а впослѣдствіи, слово, слагаясь въ пеструю причудливую сказку или въ стройную пѣсню, въ свою очередь служитъ полнѣйшимъ выраженіемъ всѣхъ понятій, воззрѣній и вѣрованій народа. Зарождаясь въ періодъ до-историческій, *пѣсня* и *сказка* очень долго бываютъ способны жить въ памяти народной, переходя изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ священнѣйшій завѣтъ сѣдой старины. Но пѣсня и сказка, при ближайшемъ разсмотрѣніи, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть поставлены на одну степень по времени происхожденія своего и по отношенію къ исторіи того народа, среди котораго онѣ произошли; самъ народъ очень хорошо уразумѣлъ это и выразилъ свой взглядъ на пѣсню и сказку извѣстнымъ присловіемъ: «сказка — складка, а пѣсня—быль». Присловіе это ясно указываетъ намъ на то, что народъ болѣе придаетъ значенія пѣснѣ, почерпающей содержаніе свое изъ дѣйствительности, нежели сказкѣ, основанной большею частью на чистомъ вымыслѣ. Но такой взглядъ народа, въ сущности, совершенно несправедливъ и не можетъ ни въ какомъ случаѣ служить историку для опредѣленія относительнаго значенія пѣсни и сказки въ исторіи народной поэзіи. Дѣло въ томъ, что выше приведенное народное присловье появилось очевидно уже въ довольно позднюю эпоху развитія народной жизни, когда содержаніе сказокъ *перестало быть понятнымъ* народу и стало *казаться* ему чистымъ вымысломъ, потому что въ памяти его исчезли и стерлись совершенно всѣ воспоминанія о томъ отдаленномъ періодѣ, въ теченіе котораго сказки произошли и съ которымъ онѣ остались тѣсно связаны по содержанію своему даже и въ томъ искаженномъ, много разъ передѣланномъ видѣ, въ какомъ онѣ дожили до нашего времени. И дѣйствительно, сказки сохранили на себѣ слѣды кочеваго, пастушескаго и звѣроловнаго быта, которымъ должны были въ теченіе извѣстнаго періода жить всѣ народы; многія изъ нихъ еще и до сихъ поръ чрезвычайно живо обрисовываютъ намъ то близкое, наивное отношеніе къ природѣ и то стремленіе къ олицетворенію всѣхъ ея силъ и явленій, которое могло быть свойственно только тому отдаленному періоду развитія народа, чуждому всякой осѣдлости и гражданственности. Другимъ важнымъ доказательствомъ несомнѣнной, сѣдой древности сказокъ служитъ конечно то, что сказки, по содержанію своему, оказываются замѣчательно-сходными у всѣхъ народовъ одного племени; такъ напр. наши русскія сказки поразительно походятъ на весь кругъ сказочныхъ сюжетовъ, какія мы видимъ у остальныхъ, родственныхъ намъ народовъ индо-европейскаго племени.

Совсѣмъ иною является намъ эпическая народная пѣсня. Хотя, по содержанію своему, она тоже *расказываетъ*, *излагаетъ* извѣстныя событія или подвиги извѣстныхъ героевъ, но эти герои, по большей части, уже необладаютъ никакими свойствами героевъ сказочнаго міра, и лишь очень немногимъ изъ нихъ приписываются черты сверхъестественныя. Хотя народъ и придаетъ героямъ этихъ пѣсенъ такія

размѣры и очертанія, которыя ставятъ ихъ выше обще-человѣческаго уровня, но все же, въ изображеніи ихъ, онъ ограничивается только тѣмъ, что возводитъ въ идеалъ свои личныя свойства: — удаль, молодечество, храбрость и въ особенности физическую силу, которой придаетъ самое важное значеніе и самые обширные размѣры. Эпоха происхожденія эпическихъ пѣсенъ довольно ясно опредѣляется тѣмъ, что самъ народъ придаетъ имъ названіе *«былинъ»* и героями ихъ дѣлаетъ *«славныхъ, сильныхъ, могучихъ богатырей»*, въ средѣ которыхъ видимъ множество лицъ несомнѣнно-принадлежащихъ исторіи. Только очень немногія изъ сохранившихся до нашего времени *былинъ* восходятъ далѣе довольно опредѣленнаго круга историческаго, и воспѣваютъ героевъ очевидно неимѣющихъ ничего общаго съ исторіею, упоминаютъ и о существахъ, несомнѣнно принадлежащихъ къ числу тѣхъ, которыя когда-то должны были имѣть важное значеніе въ миѳологіи нашихъ предковъ. Такими миѳическими героями нашихъ пѣсенъ являются: Святогоръ, Микула Селяниновичъ, Волхъ Всеславьевичъ и нѣкоторые другіе богатыри. Но они очевидно представляются чуждыми тому кругу сказаній, который лежитъ въ основѣ нашихъ былинъ: уцѣлѣвшія до нашего времени былины указываютъ на этихъ богатырей какъ на давно-отжившихъ свой вѣкъ, какъ на героевъ эпохи давно-прошедшей, миновавшей, и потому представляютъ ихъ неуживающимися съ тою дѣйствительностью, какая изображается былинами, неподходящими подъ тѣ нѣсколько узкія и стѣснительныя условія осѣдлости и гражданственнаго быта, которыя всюду несомнѣнно лежатъ въ основѣ нашихъ былинъ. Изъ этого факта для насъ оказывается яснымъ только то, что пѣснь эпическая, вмѣстѣ съ народомъ, переживала различные періоды его жизни и подъ вліяніемъ послѣдовательныхъ перемѣнъ, происходившихъ въ ея условіяхъ, подвергалась измѣненіямъ и добавленіямъ, а иногда, напротивъ того, терпѣла такія утраты, которыя совершенно измѣняли ея содержаніе и лишали ее всякаго значенія. Легко можетъ быть, что первоначально, все содержаніе эпической пѣсни основывалось исключительно на изложеніи религіозныхъ вѣрованій народа, на прославленіи миѳическихъ героевъ и ихъ подвиговъ; но современный нашъ эпосъ народный сохранилъ только весьма темные намеки на этотъ миѳическій періодъ, пережитый нашею пѣснью, а дальнѣйшая судьба народа придала ея содержанію совершенно естественную, почти историческую обстановку. И вотъ, въ этомъ-то смыслѣ, сказка является намъ памятникомъ гораздо болѣе отдаленной и глубокой древности, и несомнѣнно сохранила намъ болѣе чертъ, характеризующихъ вѣрованія и условія отдаленнѣйшаго періода жизни народной, нежели самыя древнія изъ нашихъ эпическихъ пѣсенъ.

Тѣ былины, которыя сохранились до нашего времени, являются передъ нами, такъ сказать, «въ Московской редакціи», по удачному выраженію одного нашего ученаго. На нихъ отразился, въ большей части случаевъ, Московскій великокняжескій періодъ со всѣми условіями своего быта, и древнѣйшею основою этой редакціи былинъ является почти та же эпоха, съ которою мы до нѣкоторой степени успѣли ознакомиться при разборѣ «Слова о полку Игоревѣ». Такъ можемъ мы заключить напримѣръ потому, что большая часть богатырей, упоминаемыхъ былинами, относится къ концу XI и началу XII вѣка; а наши лѣтописи указываютъ именно на конецъ XII вѣка и начало XIII, какъ на періодъ наиболѣе сильнаго развитія богатырства. Такъ напр. о Садкѣ, богатомъ гостѣ, вторая лѣтопись Новгородская упоминаетъ подъ 1046 годомъ; объ Ильѣ Муромцѣ есть положительное свѣдѣніе, что онъ жилъ въ XII столѣтіи, около 1188 года; наконецъ, въ тотъ же періодъ конца XII и начала XIII вѣка встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и личность знаменитаго князя Мстислава Мстиславича Удалаго, который представляется какимъ-то странствующимъ витяземъ земли Русской, являющимся всюду, гдѣ надобно когонибудь защитить. Званія великокняжескаго подобно другимъ князьямъ, онъ не ищетъ; волостей не требуетъ и не отнимаетъ даже у побѣжденныхъ имъ противниковъ; воюетъ всюду безкорыстно за общіе интересы Русской земли и погибаетъ въ неизвѣстности... Не даромъ имя этого удальца попадается въ лѣтописи рядомъ съ именами богатырей: «Вы знаете, каковъ есть Мстиславъ Мстиславичъ», — говоритъ старый бояринъ молодымъ князьямъ, задумавшимъ воевать противъ Удалаго — «вы знаете, что ему отъ Бога храбрость дана паче всѣхъ, и есть у него мужи, храбрые зѣло, и великіе богатыри, подобные львамъ и медвѣдямъ — даже и ранъ на себѣ не слышатъ». Между этими богатырями упоминается и Але-

ксандръ [1]) Поповичъ со слугою Торопомъ, и Добрыня Рязаничъ Золотой Поясъ (являющійся въ былинахъ подъ именемъ Добрыни Никитича); упоминается, кромѣ этихъ двоихъ, и еще о семидесяти богатыряхъ, убитыхъ въ первой битвѣ Русскихъ съ Татарами, на рѣкѣ Калкѣ (1222 года).

Всѣ, болѣе или менѣе историческія личности, упоминаемыя нашими былинами, группируются около одной личности, также не лишенной характера историческаго. Всѣ былины избираютъ главнымъ мѣстомъ дѣйствія своего старый Кіевъ, въ которомъ правитъ «красное солнышко Владиміръ Князь», и въ его-то хоромахъ ведутся тѣ нескончаемыя пиршества, на которыя отвсюду собирается русское богатырство, которыми не брезгаютъ и заѣзжіе изъ дальнихъ мѣстъ богатыри-гости: Соловей Будиміровичъ, Чурила Пленковичъ, Дюкъ Степановичъ.... Хотя конечно этотъ Владиміръ-Князь, несмотря на нѣкоторыя черты, напоминающія и Владиміра Равноапостольнаго, и Владиміра Мономаха, не былъ олицетвореніемъ ни того, ни другаго изъ этихъ историческихъ дѣятелей, однако же никакому сомнѣнію не должно подлежать то, что имя этихъ замѣчательныхъ князей запало въ память народную и явилось нарицательнымъ именемъ того безличнаго и блѣднаго княжескаго образа, около котораго собираются и пируютъ, и за котораго бьются и кровь проливаютъ ярко-очерченные богатыри, принадлежащіе ко всѣмъ сословія нашей древней Руси. Вся дѣятельность богатырей, окружающихъ Князя-Владиміра и составляющихъ его дворъ и дружину, ограничивается борьбою съ полчищами иноплеменниковъ и отдѣльными иноплеменными богатырями «за землю Свято-Русскую» и вѣру христіанскую. Иноплеменники являются преимущественно въ образѣ Татаръ, грозное имя которыхъ совершенно прикрыло собою нѣкогда страшные Руси имена Половцевъ и Печенѣговъ. Кромѣ этой борьбы за землю, богатыри часто представляются намъ въ былинахъ простыми воеводами или даже простыми придворными Князя-Владиміра, вынужденными, по приказанію его или ради его забавы, — часто даже и противъ своей воли — выполнятъ различныя его порученія. Все это ясно указываетъ намъ, что въ томъ видѣ былинъ, въ какомъ онѣ дожили до нашего времени, рисуется, очевидно позднѣйшій, княжескій періодъ русской исторической жизни, и что не только отдаленный періодъ удѣльно-вѣчеваго уклада, но даже и самыя времена татарщины являются чуть-ли не древнѣйшею основою той Московской редакціи, въ которой былины удѣлѣли. Чрезвычайно важнымъ и любопытнымъ фактомъ по отношенію къ былинамъ оказывается для насъ конечно то, что и въ Московской редакціи ихъ неизмѣннымъ осталось главное мѣсто дѣйствія всѣхъ былинъ—городъ Кіевъ. Москва заступила мѣсто Кіева въ дальнѣйшемъ ходѣ историческихъ событій, и вотъ, наслѣдовавши историческое значеніе этого важнаго центра русской жизни въ до-татарскую эпоху нашей исторіи, она совершенно естественно восприняла и преданія о богатыряхъ Кіевскихъ, какъ законное наслѣдье, и только уже гораздо позже, въ XVI столѣтіи, успѣлъ сложиться собственно - московскій кругъ былинъ. Мы уже видѣли выше, что жизнь гражданственная и жизнь литературная почти одновременно стали, подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій, развиваться въ древней, до-татарской Руси, въ двухъ пунктахъ ея:—въ Кіевѣ и Новѣгородѣ. Одновременно зародились въ этихъ обоихъ пунктахъ первыя русскія училища, одновременно явились первые проповѣдники и писатели духовные и зачалась лѣтопись; само собою разумѣется, что и по отношенію къ литературѣ народной, Новгородъ, отдѣленный отъ остальной Руси, жившій такъ долго своею особою жизнью, долженъ былъ выработать свой особый кругъ эпическихъ пѣсенъ, неимѣющій ничего общаго съ эпосомъ Кіевскимъ. Въ былинахъ Кіевскихъ отразилась пестрая и разнообразная жизнь этой столицы древне - русскаго удѣльно - вѣчеваго міра, служившей перепутьемъ для торговли Норманнскаго Сѣвера съ Греко - Болгарскимъ Югомъ и отдаленнаго, арабскаго Востока съ латино-германскимъ Западомъ. Недаромъ прославляли Кіевъ и арабскіе, и нѣмецкіе средневѣковые писатели; недаромъ слава о немъ разносилась между народами Запада и Востока... Даже въ извѣстномъ средневѣко-

[1]) Алеша Поповичъ, являющійся въ былинахъ нашихъ, есть лицо тождественное съ этимъ богатыремъ: *Алёша* служитъ настолько же уменьшительнымъ прозвищемъ для имени Александра, на сколько и для имени *Алексѣя*.

вомъ эпосѣ Нѣмцевъ, въ «Пѣснѣ о Нибелунгахъ» есть упоминаніе о Кіевлянахъ. «Всѣхъ привлекала въ Кіевъ — кого работа (ибо изъ Кіева требовались мастера всякаго рода и въ другіе города), кого торговля, кого щедрость и радушіе князей, кого веселая, вольная жизнь; чаровницы-жены Кіевскія славились повсюду: Капуей для двухъ армій двоихъ польскихъ королей былъ этотъ свѣтлый Кіевъ.... Мы видимъ въ немъ моды, заимствуемыя нетолько изъ Греціи, но и съ Запада; видимъ Нѣмцевъ и Венеціянъ, Грековъ и Мораву, которые — по словамъ пѣвца Игорева — поютъ славу Святославу Всеволодовичу Кіевскому» [1]). И это разнообразіе, эта пестрота Кіевской городской жизни выразилась и въ былинахъ, принадлежащихъ къ Кіевскому кругу пѣсенъ; выше уже упоминали мы о тѣхъ иноземныхъ гостяхъ-богатыряхъ, которые играютъ весьма немаловажную роль въ нашихъ былинахъ.

Не то было въ Новгородѣ, этомъ исключительно торговомъ центрѣ. Политическаго значенія Новгородъ не имѣлъ; въ общей жизни остальной Руси онъ не учавствовалъ или учаcтвовалъ весьма рѣдко, и при томъ случайно, когда важные интересы торговли новгородской бывали замѣшаны въ дѣло. Съ сосѣдями Новгородъ входилъ въ сношенія тоже только съ одною, исключительною цѣлью—завязать или поддержать и обезопасить свою торговлю. Все населеніе Новгорода сплошь состояло изъ торговыхъ людей, среди массы которыхъ совершенно незамѣтнымъ являлся князь и окружавшая его дружина. Болѣе всего значенія, въ Новгородѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ ему торговыхъ городахъ, долженъ былъ имѣть капиталъ, богатство матерьяльное; а такъ какъ при огромномъ стеченіи капиталовъ въ стѣнахъ одного и того же города, должна была, рядомъ съ значительнымъ богатствомъ, проявляться особенно рѣзко и бѣдность, то, при полномъ отсутствіи всякихъ другихъ интересовъ, эта рѣзкая противуположность состояній очень часто служила поводомъ къ самой ожесточенной борьбѣ между бѣдными и богатыми жителями Новгорода. Эта борьба—благодаря весьма широкому складу вѣчевой свободы—въ томъ видѣ, въ какомъ она находила себѣ примѣненіе въ Новѣгородѣ—весьма часто проявлялось въ самыхъ возмутительныхъ фактахъ насилія: кровавыхъ дракахъ, убійствахъ, поджогахъ и сильнѣйшемъ грабежѣ, которымъ сопровождались очень частые въ Новгородѣ пожары. Древній лѣтописецъ новгородскій очень горько жалуется на эти печальныя явленія и неустройство новгородскаго внутренняго быта и много страницъ своей лѣтописи посвящаетъ описанію тѣхъ неистовствъ, которыми обыкновенно сопровождалась *голка* (мятежъ въ городѣ), когда Торговая сторона, заселенная преимущественно народомъ менѣе зажиточнымъ, поднималась противъ Софійской стороны—мѣсто-пребыванія богачей, бояръ и администраціи — и учинялась между обѣими сторонами драка на Волховскомъ мосту, соединяющемъ обѣ стороны. Много гибло при этомъ народа и общественная жизнь города нерѣдко останавливалась, во время подобныхъ событій, на нѣсколько дней. Но хуже всего было то, что такое настроеніе общества, такая постоянная рознь между богатыми и бѣдными, столь часто находившая себѣ возможность проявляться, порождала особый классъ людей, преспокойно жившихъ на счетъ ближняго и тѣхъ бѣдствій, которыя каждый день висѣли надъ его головой и имуществомъ; люди, принадлежавшіе къ этому классу населенія, называли себя сами «удалыми добрыми молодцами», а другіе называли ихъ *«голью, голытьбою»*. Эти «удалые добрые молодцы» всегда готовы были на грабежъ и на драку, и съ величайшею готовностью предоставляли свои дюжіе кулаки къ услугамъ того, кто затѣвалъ *голку*, цѣлыми ватагами являясь всюду, гдѣ чуяли возможность поживы. Изъ этого же класса людей, конечно, набирались и новгородскія дружины, отправлявшіяся на далекій Сѣверъ и Востокъ, собирать дань съ подвластныхъ Новгороду инородческихъ племенъ; а въ послѣдствіи, изъ того же источника, стали вербоваться и тѣ многочисленныя шайки *ушкуйниковъ*, которыя на своихъ легкихъ *ушкуяхъ* плавали по всей Волгѣ и наводили ужасъ на все Приволжье, грабя и бусурманъ, и православныхъ.

Вышеуказанныя особенности новгородскаго быта нашли себѣ отголосокъ и въ былинахъ Новгородскихъ. Главными героями этого Новгородскаго эпоса являются *«богатый гость Садко»* и *«удалый добрый молодецъ Васька Буслаевъ»*. Въ былинахъ о Садкѣ разсказываются его странствованья по морямъ и рѣ-

[1]) А. П. Майкова. Предисловіе къ переводу Сл. о п. Игоревѣ.

камъ, а потомъ похожденія его въ Подводномъ Царствѣ, гдѣ онъ умилостивляетъ разгнѣваннаго *«Морскаго Царя»* игрою на своихъ сладкозвучныхъ гусляхъ; въ другихъ былинахъ рисуется превосходная картина богатѣйшей Новгородской торговли, которую не можетъ закупить Садко всѣми несчетными богатствами, какія доставляетъ ему могучій властитель Подводнаго царства. Въ былинахъ о Васькѣ Буслаевѣ разсказывается весьма отчетливо и подробно, какъ набиралъ онъ себѣ ватагу изъ «удалыхъ добрыхъ молодцевъ», и какъ со всѣми «мужиками Новгородскими» бился объ закладъ о томъ, что ихъ всѣхъ переколотитъ. Яркими чертами набросана картина отчаянной драки между горстью буйной молодежи и густою толпою ихъ ожесточенныхъ противниковъ: и головою выше всѣхъ удальцевъ изображенъ въ общей свалкѣ могучій Васька Буслаевъ, для котораго нѣтъ супротивника по силѣ и которому первая попавшаяся въ руки тѣлежная ось служитъ несокрушимымъ, страшнымъ оружіемъ. Побитые и изувѣченные «мужики Новгородскіе» идутъ съ дарами и жалобой на Ваську къ его матери, «матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимоѳеевнѣ» и тотъ буйный силачь, котораго не могла обуздать толпа противниковъ, слѣпо повинуется первому слову матери, и даже терпѣливо сноситъ отъ нея наказаніе за свое буйство, когда она его сажаетъ въ погребъ.

Въ заключеніе того, что мы говорили о былинахъ новгородскихъ, нельзя не отмѣтить еще одной черты: — какъ лѣтопись новгородская исключительно занимается описаніемъ однихъ только новгородскихъ событій, вовсе незанимаясь тѣмъ, что происходитъ внѣ стѣнъ роднаго города, такъ точно и новогородскія былины рисуютъ намъ типы и черты быта, исключительно свойственные Новгороду и его оригинально-сложившейся городской жизни. И между тѣмъ какъ въ Кіевскихъ былинахъ, дѣйствующими лицами являются богатыри, стекающіеся въ Кіевъ чуть ли не совсѣхъ концовъ извѣстнаго тогда свѣта-бѣлаго, между прочимъ и Новгородскіе гости-корабельщики—былины Новгородскія ни однимъ намекомъ не упоминаютъ о Кіевѣ, ограничиваясь только тѣмъ, что было близко, понятно и хорошо знакомо каждому Новгородцу изъ обыденной дѣйствительности происходившей передъ его глазами, и только изъ этой дѣйствительности почерпаютъ свои идеалы.

БЫЛИНЫ.

Потокъ Михайло Ивановичъ.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласкова князя Владиміра
Было пированье, почетной пиръ
На три братца названые,
Свято-рускіе могучіе богатыря:
А на перваго братца названаго,
Свято-рускаго могучаго богатыря,
На Потока Михайлу Ивановича;
На другаго братца названаго,
На молода Добрыню Никитича;
На третьяго братца названаго,
Что на молода Алешу Поповича.
Что взговоритъ тутъ Владиміръ князь:
«А и ты гой еси, Потокъ Михайло Ивановичъ!
«Сослужи мнѣ службу заочную:
«Съѣзди ты ко морю синему,
«На теплыя-тихи заводи,
«Настрѣляй мнѣ гусей, бѣлыхъ лебедей,
«Перелетныхъ малыхъ уточекъ
«Къ моему столу княженецкому;
«До-люби я молодца пожалую».
Не пьетъ онъ, молодецъ, ни пива, ни вина,
Богу помолясь, самъ и вонъ пошелъ.
А скоро, де, садился на добра коня.
И только его увидѣли,
Какъ молодецъ за ворота выѣхалъ:
Въ чистомъ полѣ лишь дымъ столбомъ.
Онъ будетъ у моря синяго,
По его по щаски великія
Привалила птица къ круту берегу:
Настрѣлялъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей
И перелетныхъ малыхъ уточекъ.
Хочетъ ѣхать отъ моря синяго,
Посмотрѣть на тихія заводи, —
И увидѣлъ бѣлую лебедушку:
Она черезъ перо была вся золота,
А головушка у ней
Увивана краснымъ золотомъ

И скатнымъ жемчугомъ усажена.
Вынимаетъ онъ, Потокъ,
Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу — въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя
И завыли рога у туга лука,
А и чуть было спуститъ калену стрѣлу,
Провѣщится ему лебедь бѣлая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:
— А и ты, Потокъ Михайло Ивановичь!
— Не стрѣляй ты меня, лебедь бѣлую:
— Нѣ въ кое [1]) время пригожуся тебѣ. —
Выходила она на крутой бережокъ,
Обернулася душой красной дѣвицей.
А и Потокъ Михайло Ивановичъ
Воткнетъ копье во сыру землю,
Привязалъ онъ коня за остро копье,
Схваталъ дѣвицу за бѣлыя ручки
И цѣлуетъ ее во уста сахарныя;
Авдотьюшка Лиховидьевна
Втапоры больно его уговаривали:
— Ахъ ты, Потокъ Михайло Ивановичь!
— Хотя ты на мнѣ и женишься,
И кто изъ насъ прежде умретъ,
— Второму за нимъ живому во гробъ итти. —
Втапоры Потокъ Михайло Ивановичь
Садился на своего добра коня,
Говорилъ таково слово:
«А и ты гой еси, Авдотья Лиховидьевна!
«Будемъ въ городѣ Кіевѣ.
«Въ соборѣ ударятъ къ вечернѣ въ колоколъ, —
«И ты втапоры будь готовая,
«Приходи къ церкви соборныя,
«Тутъ примемъ съ тобою обрученье свое».

А у Потока Михайлы Ивановича
Со молодой женой Авдотьей Лиховидьевной
Не много житья было — полтора года.
Захворала Авдотьюшка Лиховидьевна.
Съ вечера она расхворается,
Ко полуночи разболѣлася,
Ко утру и преставилася.
Мудрости искала надъ мужемъ своимъ [2]),
Надъ молодымъ ПотокомъМихайлоюИвановичемъ.
Рано заззвонили къ заутрени,
Онъ пошелъ, Потокъ,
Соборнымъ попамъ вѣсть подавать,
Что умерла его молода жена;
Приказали ему попы соборные
Тотчасъ на саняхъ привезти [3])
Ко тоя церкви соборныя,
Поставить тѣло на паперти.
А и тутъ стали могилу копать,
Выкопали могилу глубокую и великую,
Глубиною и шириною по двадцати сажень;
Сбиралисъ тутъ попы со дьяконами
И со всѣмъ церковнымъ причетомъ,
Погребали тѣло Авдотьино.
И тутъ Потокъ Михайло Ивановичь
Съ конемъ и збруею ратною
Опустился въ тое жь могилу глубокую;
И заворочали потолкомъ дубовымъ,
И засыпали песками желтыми,
А надъ могилою поставили деревянной крестъ;
Только мѣсто оставили веревкѣ одной,
Которая была привязана
Къ колоколу соборному.
И стоялъ онъ, Потокъ Михайло Ивановичь,
Въ могилѣ съ добрымъ конемъ,
Съ полудня до полуночи.
И для страху добывъ огня,
Зажигалъ свѣчу воску яраго.
И какъ пришла пора полуночная,
Собиралися къ нему всѣ гады змѣиные,
А потомъ пришелъ большой змѣй,
Онъ жжетъ и палитъ пламемъ огненнымъ;
А Потокъ Михайло Ивановичь
На то-то не робокъ былъ:
Вынималъ саблю острую,
Убиваетъ змѣя лютаго
И ссѣкаетъ ему голову,
И тою головою змѣиною
Учалъ тѣло Авдотьино мазати.
Втапоры она, еретница,
Изъ мертвыхъ пробуждалася;
И онъ за тое веревку ударилъ въ колоколъ;
И услышалъ трапезникъ,
Бѣжитъ тутъ къ могилѣ Авдотьиной, —
Анно тутъ веревка изъ могилы
Къ колоколу торгается.
И собираются тутъ православной народъ,
Всѣ тому дивуются.
А Потокъ Михайло Ивановичь

---

[1]) Въ нѣкое, въ какое нибудь. [2]) Хотѣла его перехитрить, опутать чарами, погубить живьемъ въ силу клятвеннаго договора. [3]) Древнѣйшій обычай класть умиравшихъ въ саняхъ, извѣстный изъ Поученія Владиміра Мономаха и рисунковъ къ Житію Бориса и Глѣба.

Въ могилѣ реветъ зычнымъ голосомъ;
И разрывали тое могилу на-скоро,
Опускали лѣстницы долгія,
Вынимали Потока и съ добрымъ конемъ,
И со его молодой женой;
И объявили князю Владиміру
И тѣмъ попамъ соборнымъ,
Поновили ихъ святой водой [1]),
Приказали имъ жить по старому.

И какъ Потокъ живучи состарѣлся,
Состарѣлся и переставился,
Тогда попы церковные,
По прежнему ихъ обѣщанію,
Его Потока похоронили,
А его молоду жену Авдотью Лиховидьевну
Съ нимъ же живую зарыли во сыру землю.
И тутъ имъ стала быть память вѣчная.
То старина, то и дѣянье.

Соловей Будиміровичъ.

Высота-ли — высота поднебесная;
Глубота — глубота Океанъ-море;
Широко раздолье по всей земли;
Глубоки омуты Днѣпровскіе.
Изъ за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того, де, царя вѣдь заморскаго,
Выбѣгали-выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, единъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будиміровича.
Хорошо корабли изукрашены,
Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было Сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу камению - по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю Якутскому.
И Якутскому вѣдь, Сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзамецкія.
И два горностая повѣшены,
И два горностая, два зимніе;
У того было Сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя [2]);
Вмѣсто хвоста повѣшено
На томъ было Соколѣ кораблѣ
Два мѣдвѣдя бѣлые заморскіе:
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.
Бѣгутъ ко городу Кіеву,
Къ ласковому князю Владиміру.
На томъ Соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ [3]) чердакъ;
Въ чердакѣ была бесѣда — дорогъ рыбій зубъ [4]),
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
На бесѣдѣ-то сидѣлъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ.
Говорилъ Соловей таково слово:
«Гой еси вы, гости-корабельщики
«И всѣ цѣловальники любимые!
Какъ буду я въ городѣ Кіевѣ,
«У ласкова князя Владиміра,
«Чѣмъ мнѣ-ко будетъ князя дарить,
«Чѣмъ свѣта жаловати?»
Отвѣчаютъ гости-корабельщики
И всѣ цѣловальники любимые:
— «Ты славной, богатой гость,
— «Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ!
— «Есть, сударь, у васъ золота казна:
- «Сорокъ сороковъ черныхъ соболей;
— «Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
— «Есть, сударь, дорога камка,
- - «Что не дорога камочка, — уворъ хитеръ:
- «Хитрости были Царяграда,
— «А и мудрости Іерусалима.
— «Замыслы Соловья Будиміровича;
— «На златѣ на серебрѣ — непогнѣваться». —
Прибѣжали корабли подъ славной Кіевъ градъ.
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Товарную пошлину въ таможнѣ платили,
Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
Со всѣхъ кораблей, со всего живота.
Бралъ Соловей свою золоту казну, —
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ,
Пошелъ онъ ко ласкову князю Владиміру.
Идетъ во гридню во свѣтлую, —

[1]) Освятили надъ нимъ воду, отпѣвши молебенъ, и окропили. [2]) Бурыя. [3]) Муравою, травами, разводами расписанный, пестрый. [4]) Т. е. сдѣланный изъ моржевой кости.

Какъ бы на пяту двери отворилися, —
Идетъ во гридню молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будимировичъ,
Спасову образу молится,
Владиміру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣевной на особицу,
И подноситъ князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ:
Княгинѣ поднесъ камку бѣло-хрущатую,
Не дорога камочка, — узоръ хитеръ:
Хитрости Царяграда,
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будимировича;
На златѣ и серебрѣ — не погнѣватьея.
Князю дары полюбилися,
А княгинѣ пампаче того;
Говорилъ ласковой Владиміръ князь:
— Гой еси ты, богатой гость,
— Соловей, сынъ Будимировичъ!
— Займуй дворы княженецкіе,
— Займуй ты боярскіе,
— Займуй дворы и дворянскіе. —
Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будимировичъ:
«Не надо мнѣ дворы княженецкіе,
«И не надо дворы боярскіе,
«И не надо дворы дворянскіе:
«Только ты дай мнѣ загонъ земли
«Не паханыя и не ораныя,
«У своей, осударь, княженецкой племянницы,
«У молоды Запавы Путятишной,
«Въ ея осударь, зеленомъ саду,
«Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
«Построить мнѣ, Соловью, снаряденъ дворъ».
Говорилъ сударь ласковой Владиміръ князь:
— «На то тебѣ съ княгинею подумаю»;
А подумавши, отдавалъ Соловью загонъ земли
Не паханыя и не ораныя.
Походилъ Соловей на свой червленъ корабль,
Говорилъ Соловей, сынъ Будимировичъ:
«Гой еси вы, мои люди работные!
«Берите вы топорики булатные,
«Подите къ Запавѣ въ зеленой садъ,
«Постройте мнѣ снаряденъ дворъ,
«Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ».
Съ вечера, позднимъ поздно,
Будто дятлы въ дерево пощолкивали,
Работала его дружина хоробрая,
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатыя,
Да трои сѣни рѣшетчатыя.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце, — въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, — въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, — въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, — въ теремѣ заря,
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили къ заутрени,
Ото сна-то Запава пробуждалася,
Посмотрѣла въ окошечко косящатое,
Въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой, вѣдь, хорошій, во зеленой садъ:
Чудо Запавѣ показалося
Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду, —
Что стоятъ три терема златоверховаты.
Говорила Запава Путятишна:
— Гой еси, нянюшки и мамушки,
— Красныя сѣнныя дѣвушки!
— Подте-тко, посмотрите-тко,
— Чтó мнѣ за чудо показалося
— Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ?
Отвѣчають нянюшки, мамушки,
И сѣнныя красныя дѣвушки:
«Матушка, Запава Путятишна!
«Изволь-ко сама посмотрѣть:
«Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло».
Скоре-де Запава наряжается,
Надѣвала шубу соболиную, —
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговки въ семь тысячей, —
Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой во хорошъ, во зеленой садъ;
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ щелчитъ-молчитъ,
Лежитъ Соловьева золота казна;
Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
По маленьку говорятъ, все молитву творятъ,
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными;
У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Запава въ сѣни косящатыя,
Отворяла двери на пяту, —
Больно Запава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися,
Чудо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце, — въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, — въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, — въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря,
И вся красота поднебесная:
Подломились ея ноженьки рѣзвыя.
Втапоры Соловей, онъ догадливъ былъ,
Бросилъ свои звончаты гусли,

Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки:
«Чего, де, ты, Запава, испужалася?
«Мы де, оба на возрастѣ».
— «А и я, де, дѣвица на выданьѣ,
— Пришла, де, сама за тебя свататься. —
Тутъ они и помолвились:
Цѣловалися они, миловалися,
Золотыми перстнями помѣнялися.

Дюкъ Степановичъ.

Изъ за моря, моря Синяго,
Изъ славна Волынца, красна Галичья,
Изъ тоя Карелы богатыя,
Какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлой кречетъ вонъ вынархивалъ:
Выѣзжалъ удача доброй молодецъ,
Молодой Дюкъ сынъ Степановичь,
По прозванью Дюкъ былъ боярской сынъ.
А и конь подъ нимъ, какъ бы лютой звѣрь,
Лютой звѣрь — и буръ, космагъ,
У коня грива на лѣву сторону, до сырой земли,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ;
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ.
Не много съ Дюкомъ живота пошло:
Что кункъ и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота;
А куяку и панцырю цѣна лежитъ три тысячи,
А кольчугѣ на немъ красна золота
Цѣна сорокъ тысячей;
А и конь подъ нимъ въ пять тысячей.
Почему коню цѣна пять тысячей?
За рѣку онъ броду не спрашиваетъ;
Котора рѣка цѣла верста пятисотная,
Онъ скачетъ съ берега на берегъ:
Потому коню цѣна пять тысячей.
Еще съ Дюкомъ не много живота пошло:
Пошелъ тугой лукъ разрывчатой,
А цѣна тому луку три тысячи;
Потому цѣна луку три тысячи:
Полосы были серебряны,
А рога красна золота,
А и тетивочка была шелковая,
А бѣлаго шелку Шемаханскаго.
И колчанъ пошелъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,
А въ колчанѣ было за триста стрѣлъ,
Всякая стрѣла по десяти рублевъ;
А и еще есть въ колчанѣ три стрѣлы,
А и тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ,
Цѣны не было, и не свѣдомо;
Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колоты они были изъ трость-древа,
Строганы тѣ стрѣлки во Новѣгородѣ,
Клеены онѣ клеемъ осетра рыбы,
Перены онѣ перьицемъ сиза орла,
А сиза орла, орла орловича,
А того орла, птицы Камскія,
Не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,
А тоя-то Камы — за Синимъ моремъ:
Своимъ устьемъ впала въ Сине море.
А леталъ орелъ надъ Синимъ моремъ,
А ронилъ онъ перьица во Сине море,
А бѣжали гости корабельщики,
Собирали перья на Синемъ морѣ,
Вывозили перья на святую Русь,
Продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ;
Покупала Дюкова матушка
Перо во сто рублевъ, во тысячу.
Почему тѣ стрѣлы дороги?
Потому онѣ дороги,
Что въ ушахъ поставлено по тирону,
По каменю по дорогу, самоцвѣтному;
А и еще у тѣхъ стрѣлокъ
Подлѣ ушей перевивано
Аравитскимъ золотомъ.
Ѣздитъ Дюкъ подлѣ синя моря
И стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
Онъ днемъ стрѣляетъ,
Въ ночи тѣ стрѣлки сбираетъ;
Какъ днемъ-то стрѣлочекъ не видѣти,
А въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горятъ,
Свѣчи теплются воску яраго:
Потому онѣ стрѣлки дороги.
Настрѣлялъ онъ Дюкъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ,
Поѣхалъ ко городу Кіеву,
Ко ласковому князю Владиміру.
Онъ будетъ въ городѣ Кіевѣ,
Что у ласковаго князя Владиміра,
Среди двора княженецкаго,
А соскочилъ онъ со добра коня,
Привязалъ коня къ дубовому столбу,
Къ кольцу булатному,
Походилъ во гридню во свѣтлую,
Ко великому князю Владиміру.
Онъ молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею,
На всѣ четыре стороны.
Тутъ сидятъ князи-бояра;
Скочили всѣ на рѣзвы ноги,
А глядятъ на молодца, дивуются;
И Владиміръ князь, стольной Кіевскій,

Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,
Подавали Дюку Степанову.
Принимаетъ онъ, не чванится,
А принялъ чару единой рукой.
А выпилъ чару единымъ духомъ:
И Владиміръ князь, стольной Кіевской,
Посадилъ его за единой столъ хлѣба кушати;
А и повара были догадливые,
Носили яства сахарныя,
И носили питья медвяныя,
И клали калачики крупичаты
Передъ того Дюка Степанова.
А сидитъ Дюкъ за единымъ столомъ
Со тѣми князи и бояры.
Откушалъ калачики крупичаты,
Онъ верхнюю корочку отламываетъ,
А нижнюю корочку прочь откладываетъ.
А во Кіевѣ былъ счастливъ добрѣ
Какъ бы молодой Чурила сынъ Пленковичъ;
Оговорилъ онъ Дюка Степанова:
— «Что ты, Дюкъ, чѣмъ чванишься?
— «Верхнюю корочку отламываешь,
— «А нижню прочь откладываешь?» —
Говорилъ Дюкъ Степановичъ:
«Ой ты гой еси, Владиміръ князь!
«Въ томъ ты на меня не прогнѣвайся:
«Печки у тебя биты глиняны,
«А подики кирпичные,
«А помелечко мочальное,
«Въ лохань обмакиваютъ;
«А у меня, Дюка Степанова,
«А у моей сударыни матушки,
«Печки были муравлены,
«А подики мѣдные,
«Помелечко шелковое,
«Въ сыту медвяную обмакиваютъ:
«Калачикъ съѣшь — больше хочется»
Втапоры князю Владиміру
Захотѣлось къ Дюку ѣхати,
Зоветъ съ собой князей-бояръ.
И взялъ Чурила Пленковича.

Добрыня Никитичъ и свадьба Алеши Поповича.

Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
Провожала Добрыню родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Учала по палаты похаживать,
Начала голосомъ поваживать
Жалобнехонько она, съ причетью.
У тыя было у стремены у правыя
Провожала добрыню любимая семья [1]),
Молода Настасья дочь Никулична;
Сама говорила таково слово:
— Когда Добрынюшка домой будетъ,
— Когда дожидать Добрыню изъ чиста поля? —
Отвѣчалъ Добрыня сынъ Никитичъ:
«Когда у меня ты стала спрашивать,
«Тогда я тебѣ стану сказывать:
«Сожидай Добрынюшку по три года;
«Если въ три года не буду, жди другое три:
«А какъ сполнится времени шесть годовъ,
«Да не буду я домой изъ чиста поля,
«Поминай меня Добрынюшку убитаго,
«А тебѣ-ка-ва, Настасья, воля вольная:
«Хоть вдовой живи, хоть за мужъ поди,
«Хоть за князя поди, хоть за боярина,
«Хоть за русскаго могучаго богатыря,
«А только не ходи за моего брата за названнаго,
«За смѣлаго за Алешу за Поповича».
День за днемъ, будто дождь дожжитъ,
А недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени друго шесть годовъ,
Сполнилось вѣрно двѣнадцать лѣтъ,
Не бывалъ Добрынюшка изъ чиста поля.
Сталъ солнышко-Владиміръ туто похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать,
Посватывать, подговаривать:
«Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
«Молодой свой вѣкъ коротати?
«Поди за мужъ хоть за князя, хоть за боярина,
«А хоть за русскаго могучаго богатыря,
«А хоть за смѣлаго Алешу Поповича».
Не пошла за мужъ ни за князя, ни за боярина,
Ни за русскаго богатыря,
А пошла за мужъ за смѣлаго Алешу Поповича.
Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.

А Добрыня лучился у Царя-града,
А у Добрыни конь потыкается.
«Ахъ ты волчья сыть, ты медвѣжья шерсть,
«Зачѣмъ сегодня потыкаешься?»
Испровѣщится ему добрый конь,
Ему голосомъ человѣческимъ:
— Ты-то, хозяинъ мой любимый,
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
Скоро на скоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ,

[1]) Т. е. — супруга, жена.

— Твея молода Настасья дочь Никуличназа мужъ
— За смѣлаго Алешу за Поповича; пошла
— Пиръ идетъ у нихъ по третій день;
— Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
— Принимать съ Алёшей по злату вѣнцу.—
Разгорячился Добрынюшка Никитичь,
Онъ беретъ да плеточку шелковую,
Онъ бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги между заднія,
Что сталъ его бурушка поскакивать
Съ горы на гору, съ холма на холмы,
И рѣки, озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пущать.
Какъ не ясный соколъ въ перелетъ летитъ:
Добрый молодецъ перегонъ гонитъ.
Не воротмы ѣхалъ —через стѣну городовую,
Мимо тую башню наугольную.
Къ тому придворью ко вдовиному;
На дворъ заѣхалъ безобсылочно,
Въ палаты идетъ бездоиладочно;
Не спрашивалъ у воротъ подворотниковъ.
У дверей не спрашивалъ придверниковъ.
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ;
Смѣло проходилъ въ палаты во вдовиныи,
Крестъ кладетъ по писаному.
Поклонъ кладетъ по ученому,
Пречестной вдовы да онъ въ особицу:
«Ты здравствуешь, честна вдова, Мамелфа Тимоѳеевна!»
Вслѣдъ идутъ придверники, приворотники,
Сами говорятъ таково слово:
— «Пречестна вдова, Мамелфа Тимоѳеевна!
— «Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
— «Наѣхалъ изъ чиста поля скорымъ гонцомъ,
— «Насъ не спрашивалъ, у воротъ приворотниковъ,
— «У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
— «Всѣхъ насъ взашей прочь отталкивалъ».—
Испроговоритъ ему честна вдова:
— Ахъ ты ей, удалый добрый молодецъ!
— Ты за чѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,
— Въ палаты идешь бездокладочно?
— Какъ бы было живо мое чадо милое,
— Молодой Добрыня сынъ Никитичь,
— Отрубилъ бы онъ тебѣ буйну голову
— За твои поступки неумильные.
Говоритъ Добрыня сынъ Никитичь:
«Не напрасно ли вы согрѣшаете?
«А я вчерась съ Добрыней поразъѣхался,
«Добрыня поѣхалъ ко Царю-граду,
«А я поѣхалъ ко Кіеву.
«Наказывалъ мнѣ братецъ тотъ родимый
«Спросить про его милу семью,
«Про молоду Настасью Никуличну:
«Гдѣ же есть она Настасья Никулична?»
— Добрынина родима семья за мужь пошла,
— Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
— Сегодня имъ итти ко Божьей церкви;
— А въ тую-ль было пору, въ тыя шесть лѣтъ,
— Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
— Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
— Что нѣтъ жива Добрыни Никитича:
— Убитъ лежитъ во чистомъ полѣ,
— Буйна голова испроломана,
— Могучи плечи испрострѣлены,
— Головой лежитъ чрезъ ракитовъ кустъ.
— Я жалёшенько объ немъ плакала. —
Говорилъ Добрыня сынъ Никитичь:
«Наказывалъ братецъ мнѣ названый:
«Если лучится быть тебѣ на пиру во Кіевѣ,
«Ты возьми мое платье скоморошское,
«И гуселки мои возьми яровчаты [1]),
«Въ новой горенкѣ все на столикѣ».
Принесли оня платье скоморошское
И гуселки ему яровчаты.
Накрутился молодецъ скоморошиной,
Пошелъ какъ на хорошъ почестной пиръ.
Идетъ онъ на княженецкой дворъ безобсылочно,
А въ палаты идетъ бездокладочно;
Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ;
Смѣло проходилъ палаты княженецкія,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Солнышку-Владиміру въ особицу,
Самъ говоритъ таково слово:
«Здравствуй, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
«Со своей княгиней со Апраксіей!»
Вслѣдъ идутъ всѣ, жалобу творятъ:
— «Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
— «Какъ этотъ удалый добрый молодецъ
— «Наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцомъ
— «И тепереча идетъ скоморошиной,
— «Онъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
— «У дверей не спрашивалъ придверников,
— «Всѣхъ насъ взашей прочь толкалъ,
— «Скоро проходилъ въ палаты княженецкія.»—
— Ахъ ты ей, удалая скоморошина!
— Ты за чѣмъ идешь на княженецкій дворъ,
— На княженецкій дворъ безобсылочно,
— Во палаты идешь бездокладочно,
— Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,

[1]) Изъ явора сдѣланные, яворчатые гусли.

— У дверей не спрашивалъ придверниковъ
— Скоро проходилъ въ палаты княженецкія?—
Скоморошина къ рѣчамъ не приметея,
Скоморошина въ рѣчи не вчуется [1]):
«Скажи, гдѣ есть ваше мѣсто скоморошское?»
Съ сердцемъ говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Что ваше мѣсто скоморошское
— На той на печки на муравленой,
— На муравленой печки — на запечьѣ. —
Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показанно,
На тую на печку на муравлену;
Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тыя струночки золоченыя,
Учалъ по стрункамъ поваживать,
Учалъ онъ голосомъ похаживать,
Играетъ-то онъ въ Царѣ-градѣ,
А на выигрышъ беретъ все въ Кіевѣ.
И отъ стараго всѣ до малаго
Тутъ всѣ на миру призаполкнули,
Сами говорятъ таково слово:
— «Что не быть это удалой скоморошины,
— «А кому ни надо быть рускому:
— «Быть удалому доброму молодцу!» —
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Ахъ ты ей, удалой скоморошина!
— Опущайся изъ печки изъ запечья,
— Садись-ко съ нами за дубовъ столъ хлѣба кушати,
— Станемъ бѣлыя лебедушки мы рушати.
— За твою игру за веселую
— Дамъ тебѣ три мѣста любимыхъ:
— Перво мѣсто сядь подлѣ меня,
— Друго мѣсто супротивъ меня,
— А третье мѣсто, куда самъ захошь,
— Куда самъ захошь, еще пожалуешь. —
Не сѣла скоморошина подлѣ князя,
Не сѣла скоморошина противъ князя,
— А садилась скоморошина въ скамеечку
Супротивъ княжны порученыя [2]).
Говоритъ удала скоморошина:
«Что солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
«Благослови мнѣ налить чару зелена вина,
«Поднесть эту чару кому я знаю,
«Кому я знаю, еще пожалую».
Какъ онъ налилъ чару зелена вина,
Онъ опустилъ въ чару свой золоченъ перстень,
Подноситъ княжны порученыя,
Самъ говоритъ таково слово:
«Молода Настасья дочь Никулична!
«Прими сію чару единой рукой,
«Да выпей-ка чару единыимъ духомъ:
«Буде пьешь до дна, такъ видаешь добра,
«А не пьешь до дня, не видаешь добра».
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила чару единымъ духомъ,
Да и посмотритъ въ чары свой злаченъ перстень,
Которымъ съ Добрыней обручалася;
Сама говоритъ таково слово:
— Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Не тотъ мой мужъ, который подлѣ меня,
— А тотъ мой мужъ, который супротивъ меня,
— Сидитъ мой мужъ на скамеечкѣ,
— Подноситъ мнѣ чару зелена вина. —
Сама выскочитъ изъ за стола изъ за дубоваго,
Упала Добрынѣ въ рѣзвы ноги:
— Прости, прости, Добрынюшка Никитичь,
— Въ той вины прости меня, въ глупости,
— Что не по твоему наказу, де, я сдѣлала,
Я за смѣлаго Алешеньку за мужъ пошла. —
Говоритъ Добрыня сынъ Никитичь:
«Что не дивую я разуму-то женскому,
«А дивую я солнышку Владиміру
«Съ молодой княгиней со Апраксіей:
«Солнышко Владиміръ то тутъ сватомъ былъ,
«А княгиня Апраксія свахою, —
«Они у живаго мужа жену просватали».
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло,
А говорилъ Алешенька Григорьевичь:
— Прости, прости, братецъ мой названый,
— Что я посидѣлъ подлѣ твоей любимой семьи,
— Подлѣ молодой Настасьи Никуличной. —
«Въ той винѣ, братецъ, тебя Богъ проститъ,
«Что ты посидѣлъ подлѣ моей любимой семьи,
«Подлѣ молодой Настасьи Никуличной;
«А во другой вины тебѣ, братецъ, не прощу:
«Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть лѣтъ,
«Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
«Что нѣтъ жива Добрыни Никитича,
«Убитъ лежитъ во чистомъ полѣ,
«Буйна голова испроломана,
«Могучи плечи испрострѣлены,
«Головой лежитъ чрезъ ракитовъ кустъ, —
«Такъ тогда государыня родна матушка
«Жалешенько по мнѣ плакала,
«Слезила свои очи ясныя,
«Скорбила свое лице бѣлое:
«Съ этой вины тебѣ не прощу!»
Ухватилъ Алёшку за желты кудри,
Выдернетъ Алешку чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Алешку о кирпиченъ мостъ,

[1]) Не вслушивается. [2]) Т. е. невѣсты.

Повыдернетъ шалыгу поддорожную [1]),
Учалъ шалыжищемъ ухаживать,
Что хлопанье и что оханье, не слышно видь.
Всякъ-то, братцы, на вѣку женится,
А не дай Богъ женитьбы той Алёшиной:
Только-то Алёшенька женатъ бывалъ.

Тутъ взялъ Добрыня любиму семью,
Молоду Настасью Никуличну,
Пошелъ къ государынѣ родной матушкѣ,
Вѣкъ про Добрыню старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Васька Буслаевъ.

Въ славномъ Великомъ Новѣгородѣ,
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ городомъ жилъ—не перечился,
Со мужики Новогородскими
Поперегъ словечка не говаривалъ;
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся, переставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалося его житье-бытье
И все имѣнье дворянское;
Осталося матерà-вдова,
Матерà Амелфа Тимоѳеевна,
Оставалося и чадо милое
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.
Будетъ Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимоѳеевна,
Учить его во грамотѣ,—
А грамота ему въ наукъ пошла;
Присадила его перомъ писать,—
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала пѣтью учить церковному,
Пѣтье Василью въ наукъ пошло.
А и нѣтъ у насъ такова пѣвца,
Во славномъ Новѣ-городѣ,
Супротивъ Василья Буслаева!
Повадился вѣдь Васька Буслаевичъ
Со пьяницы, съ безумницы,
Съ веселыми удалыми добры-молодцы;
Дô-пьяна ужъ сталъ напиватися;
А и ходя въ городѣ уродуетъ:
Котораго возьметъ онъ за руку,
Изъ плеча тому руку выдернетъ;
Котораго задѣнетъ за ногу,
Тому ногу выломитъ;
Котораго хватитъ поперегъ хребта,
Тотъ кричитъ-реветъ, окарачъ ползетъ.
Пошла-то жалоба великая.
А и мужики Новогородскіе,
Посадскіе, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдовѣ Амелфѣ Тимоѳеевнѣ.
На того на Василья Буслаева;
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить, его на умъ учить:
Журьба Васькѣ не взлюбилася.
Пошелъ онъ, Васька, во высокъ теремъ,
Садился Васька на ременчатый стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчатые:
«Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
«Валися къ Васькѣ на широкой дворъ,
«Тотъ пей я ѣшь готовое,
«И носи платье разноцвѣтное!»
Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ
На тѣ улицы широкія
И на тѣ частыя переулочки.
И поставилъ Васька чанъ середи двора,
Наливалъ чанъ полонъ зеленà вина,
Опущалъ онъ чару въ полтора ведра.
Въ славномъ было во Новѣ-городѣ
Шли люди грамотные,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчатые,
Пошли къ Васькѣ на широкой дворъ
Къ тому чану, зелену вину.
Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ.
Пришелъ онъ, Костя, на широкой дворъ:
Василій тутъ его опробовалъ;
Сталъ его бить червленымъ вязомъ—
Въ половинѣ было налито
Тяжела свинца Чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудовъ;—
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ:
Стоитъ тутъ Костя—не шевельнется
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся;
Говорилъ Василій сынъ Буслаевичъ:
«Гей еси ты, Костя Новоторженинъ!
«А и будь ты мнѣ названой братъ,
«И паче мнѣ брата родимаго!»
А и мало времени позамѣшкавши,
Пришли два брата-боярченка,
Лука и Моисей — дѣти боярскіе,
Пришли ко Васькѣ на широкой дворъ:
Молодой Василій сынъ Буслаевичъ
Тѣмъ молодцамъ сталъ радошенъ и веселешенекъ.
Пришли тутъ мужики Залѣшена:
И не смѣлъ Василій показатися къ нимъ.

[1]) Шалыга, шалыжище — палица.

Еще тут прилго семь братовъ Збродовичи.
Собиралися-сходилися
Тридцать молодцовъ безъ единаго —
Онъ самъ Василій тридцатый сталъ,
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
«Гой еси вы, мужики Новогородскіе!
«Бьюсь съ вами о великъ закладъ:
«Напущаюсь я на весь Новгородъ
«Битися-дратися,
«Со всею дружиною хороброю;
«(Буде) вы меня съ дружиною побьете Новымъ-городомъ, —
«Буду вамъ платить дани-выходы по смерть свою
«На всякій годъ по три тысячи;
«А буде же я васъ побью,
«И вы мнѣ покоритеся, —
«То вамъ платить мнѣ такову же дань».
И въ томъ-то договорѣ руки они подписали.
Началась у нихъ драка-бой великая.
А мужики Новгородскіе,
И всѣ купцы богатые,
Всѣ они вмѣстѣ сходилися,
На млада-Васютку напущалися,
И дерутся они день до вечера;
Молодой Василій сынъ Буслаевичъ,
Со своею дружиною хороброю,
Прибили они во Новѣ-градѣ,
Прибили уже много до смерти...
А и мужики Новгородскіе догадалися,
Пошли они съ дорогими подарки
Къ матерой вдовѣ Амелоѣ Тимоѳеевнѣ:
Матера вдова Амелоа Тимоѳеевна
Принимала у нихъ дороги подарочки
Посылала дѣвушку-чернавушку
По того Василья Буслаева,
Посадила его въ погреба глубокіе,
Затворяла дверьми желѣзными,
Запирала замки булатными.
А его дружинушка хоробрая
Съ тѣми мужики Новгородскими
Дерутся-бьются день до вечера;
А и та-то дѣвушка-чернавушка
На Волхъ-рѣку ходила по-воду,
А молятся ей тутъ добры-молодцы:
«Гой еси ты, дѣвушка чернавушка!
«Не выдай насъ у дѣла ратнаго,
«У того часа смертнаго»!
И тутъ дѣвка запыхалася,
Побѣжала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла дверь желѣзную:
— «Ужъ и спишь ли, Василій, или такъ лежишь?
— «Твою дружину хорабрую
«Мужики Новогородскіе
«Всѣхъ прибили-переранили,
«Булавами буйны головы пробиваны!» —
Выскочилъ онъ на широкой дворъ, —
Не попала палица желѣзная,
Что попала ему ось тележная;
Пошелъ Василій по Волхъ-рѣкѣ,
По той Волховой по улицѣ,
Завидѣли добрые молодцы,
А его дружина хоробрая,
Молода Василья Буслаева, —
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
У нихъ-то молодцевъ думушки прибыло;
Молодой Василій Буслаевичъ
Пришелъ-то молодцамъ на выручку;
Съ тѣми мужики Новгородскими,
Онъ дерется-бьется день до вечера;
А ужь мужики покорилися,
Покорилися и помирилися;
Понесли они записи крѣпкія
Къ матерой вдовѣ Амелоѣ Тимоѳеевнѣ;
Насыпали чашу чиста-серебра,
А другую чашу краснаго золота.

Садко-купецъ, богатый гость.

Какъ по морю-морю синему,
Бѣгутъ-побѣгутъ тридцать кораблей,
Тридцать кораблей — единъ Соколъ-корабль
Самаго Садки, гостя богатаго.
А всѣ корабли, что соколы летятъ:
Одинъ Соколъ-корабль на морѣ стоитъ.
Говоритъ Садко-купецъ, богатый гость:
«А ярыжки [1]) вы, люди посланые,
А наемны люди, подначальные!
А въ мѣсто всѣ вы собирайтесь,
А и рѣжте жеребья ветляные,
А пишите всякъ себѣ на имена,
И бросайте ихъ въ сине море!
А и сами къ нимъ приговаривай:
«А которы жеребьи въ морѣ тонутъ,
А и то бы душеньки правыя!»
А самъ Садко кинулъ булатный жребій,
Синяго булату вѣдь заморскаго,
Вѣсомъ то жеребій въ десять пудъ.
И всѣ жеребьи въ морѣ тонутъ:
Единъ жеребій по верху плыветъ
Самаго Садки, гостя богатаго.

[1]) Т.-е. матросы, гребцы.

Говоритъ тутъ Садко-купецъ, богатый гость:
«Вы ярыжки, люди наемныя,
«А наемные люди, подначальные;
«Я Садъ-Садко, знаю-вѣдаю:
«Бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ,
«Не платилъ я дани-пошлины
«Тому царю заморскому,
«И во то сине-море Хвалынское
«Хлѣба съ солью не опускивалъ, —
«По меня, Садку, смерть пришла,
«И вы, купцы, гости богатые,
«И вы, цѣловальники любимые,
«И вы, прикащики хорошіе!
«Принесите мнѣ шубу соболиную».
И скоро Садко наряжается,
Беретъ онъ гусли звончаты
Со хороши струны золоты,
И беретъ онъ шахматницу дорогу
Съ золоты тавлеями,
Спущался онъ на сине-море,
Садился на шахматницу золоту;
И остался Садко на синемъ морѣ,
А Соколъ-корабль по морю пошелъ.
Отца-матери молитвы великія,
Самаго Садки, гостя богатаго,
Подымалася погода тихая,
Понесло Садку, Гостя богатаго;
Не видалъ Садко-купецъ
Ни горы, ни берега,
Понесло его, Садку, къ берегу,
Онъ и Самъ, Садко, туто дивуется,
Выходитъ Садко на круты береги,
Пошелъ Садко подлѣ синя-моря,
Нашелъ онъ избу великую,
А избу великую — во все дерево,
Нашелъ онъ двери и въ избу вошелъ.
И лежитъ на лавкѣ Царь Морской:
А и гой еси ты, купецъ, богатый гость!
А что душа радѣла, того Богъ мнѣ далъ:
Я ждалъ Садку двѣнадцать лѣтъ,
А нынѣ Садко головой пришелъ!
— «Поиграй, Садко, въ гусли ты звончаты».
И сталъ Садко Царя тѣшити,
Заигралъ Садко въ гусли звончаты:
А и Царь Морской зачалъ скакать, зачалъ плясать.
И того Садку, гостя богатаго,
Напоилъ питьями разными;
И уснулъ Садко-купецъ, богатый гость.
А во снѣ пришелъ Святитель Николай къ нему,
Говоритъ ему таковы рѣчи:
«Гой еси ты Садко-купецъ, Богатый гость!
«А рви ты свои струны золоты
«И бросай ты гусли звончаты:
«Расплясался у тебя Царь Морской, —
«А сине-море всколебалося,
А и быстры рѣки разливалися,
Топитъ много бусы [1]) — кораблей
Топитъ души напрасныя
Того народу православнаго».
А и тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Изорвалъ онъ струны золоты,
И бросаетъ гусли звончаты, —
Пересталъ Царь Морской скакать и плясать:
Утихло море синее,
Утихли рѣки быстрыя.
Ото сна онъ, Садко пробуждается
Очутился подъ Новымъ-городомъ,
А лѣвая нога во-Волхъ-рѣкѣ.
И скочилъ Садко, испужался онъ,
Взглянулъ Садко онъ на Новгородъ. —
Узналъ онъ церкву, приходъ свой,
Того Николу Можайскаго;
Перекрестился онъ крестомъ своимъ,
И глядитъ Садко — по Волхъ рѣкѣ,
Отъ того синя-моря Хвалынскаго;
Бѣгутъ-побѣгутъ тридцать кораблей,
Единъ корабль самого Садки, гостя богатаго;
И встрѣчаетъ Садко-купецъ, богатый гость,
Цѣловальниковъ любимыхъ.
Всѣ корабли на пристань стали,
Сходни метали на крутъ бережокъ,
И вышли цѣловальники на крутой берегъ,
И тутъ Садко поклоняется:
«Здравствуйте, мои цѣловальники любимые
И прикащики хорошіе!»

Щелканъ Дудентьевичъ.

А и дѣялось въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой, —
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Таврулович; —
Суды разсуживаетъ

[1]) Бусá — извѣстный родъ судна.

И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ Царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Городами стольными:
На Плесу — Василья.
Къ Вологдѣ-Гордѣя,
Къ Костромѣ — Ахранея;
Одного не пожаловалъ
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ
— Его дома не случилося:
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ,
Въ дальную землю Литовскую,
За моря синія,
Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани,-невыходы,
Царски невыплаты;
Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесятъ,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ.
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самаго головой возьметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани-выходы,
Царскія невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уздѣ цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тѣмъ узда дорога,
(Что) Царское жалованье [1])
Государева Величества;
А нелзя дескать,
Той узды ни продать, ни промѣнять,
Ни друга дарить
Щелкану Дудентьевичу.
Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичъ:
«Гой еси, Царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ!
Пожаловалъ ты молодцевъ,
Любимыхъ шуриновъ;
На Плесу — Василья,
Къ Вологдѣ-Гордѣя,
Къ Костромѣ — Ахранея;
Пожалуй ты, Царь Азвякъ,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву-удалыми Борисовичи».
Проговоритъ Царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
«Гой еси, шуринъ мой,
Щелканъ Дудентьевичъ!
Заколи-ко ты сына своего,
Сына любимаго,
Крови ты чашу нацѣди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячія;
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву-удалыми Борисовичи».
Втапоры младъ Щелканъ
Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія,
Выпилъ чашу тоя крови горячія;
А втапоры Царь Азвякъ
За то его пожаловалъ
Тверью старою,
Тверью богатою
Двумя братцами родимыми
Дву-удалыми Борисовичи,
И въ тѣ поры младъ Щелканъ
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую;
А немного онъ судьею сидѣлъ:
Надо всѣми наругался онъ,
Надо всѣми насмѣхался онъ.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ;
Отъ народа Борисовичи,

[1]) Въ смыслѣ — *пожалованье, подарокъ.*

Они съ поклономъ пошли,
Со честными подарками;
Понесли они честные подарки —
Злата, серебра и скатнаго жемчугу.
Изошли его въ домѣ у себя
Щелкана Дудентьевича;
Подарки онъ принялъ отъ нихъ,
А чести не воздалъ имъ.

Втапоры младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загордился,
И они съ нимъ раздорили: —
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги,
И тутъ его розорвали:
Тутъ и смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалася.

VIII.

ЛѢТОПИСНЫЯ ПОВѢСТИ И СКАЗАНІЯ. — ЗАДОНЩИНА.

Прежде, нежели мы перейдемъ къ обзору нѣкоторыхъ литературныхъ родовъ, получившихъ преимущественное развитие въ XIV вѣкѣ, намъ необходимо будетъ сказать нѣсколько словъ о значеніи монастырей на нашемъ русскомъ сѣверо-востокѣ.

Тамъ, около новаго центра русской политической жизни, являются и новые центры жизни духовной и умственной. Какъ около Кіева явился столь замѣчательный въ исторіи нашего просвѣщенія и литературы монастырь Кіево-Печерскій, воспитавшій въ стѣнахъ своихъ Ѳеодосія, Нестора, Поликарпа и Серапіона, такъ и около молодой, еще не окрѣпшей Москвы явился монастырь Троицкій, основанный св. Сергіемъ. Изъ него-то, какъ изъ центра, сильными лучами, во всѣ стороны, разошлись колоніи сподвижниковъ и учениковъ св. Сергія, основавшихъ множество новыхъ монастырей по всему лицу земли русской. Не вдаваясь въ подробности исторіи нашихъ монастырей, мы должны однакоже замѣтить, что монастыри наши на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Руси имѣли нѣсколько особый, отдѣльный отъ южно-русскихъ монастырей характеръ. Среди непроходимыхъ болотъ и пустынь, среди дремучихъ лѣсовъ, они почти всюду являлись проводниками цивилизаціи и новыхъ началъ жизни гражданственной. Вотъ почему, вѣроятно, уже очень рано, монастыри пріобрѣтаютъ у насъ важное значеніе политическое, и духовные дѣятели, стоящіе во главѣ ихъ, вскорѣ начинаютъ оказывать немаловажное значеніе на общій ходъ жизни государственной. Уже со второй половины XIV вѣка, св. Сергій и подобные ему подвижники начинаютъ вступаться въ между-княжескіе раздоры, являются смиренными примирителями необузданныхъ политическихъ страстей или твердыми увѣщателями къ борьбѣ противъ татаръ. Отсюда-то, начиная съ конца XIV вѣка, является даже цѣлый особый родъ литературы духовной — проповѣдь *политическая*, въ видѣ посланій духовныхъ лицъ къ князьямъ. Этотъ родъ, вмѣстѣ съ проповѣдью обличительной и полемической, направленной противъ ересей, особенно развивается у насъ въ XV вѣкѣ, и потому будетъ еще разсмотрѣнъ нами въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, такъ какъ эту главу намъ прійдется посвятить обозрѣнію нѣкоторыхъ любопытныхъ особенностей нашей литературы, современной татарскому періоду.

Въ числѣ этихъ особенностей, въ литературѣ исторической являются *«сказанія объ отдѣльныхъ лицахъ историческихъ и объ отдѣльныхъ событіяхъ»*, которыя обращали на себя преимущественное вниманіе современниковъ по важности своего значенія или поражали ихъ воображеніе какими нибудь чудесными, необычайными обстоятельствами. Сказанія эти вставлялись въ лѣтописи, въ средину главнаго историческаго разсказа, или заносились, въ видѣ отдѣльныхъ статей въ сборники, подъ различными названіями: *повѣданій, повѣстей, сказаній* и *словъ*. Главною тэмою и главными сюжетами всѣхъ этихъ произведеній являлись на сѣверо-востокѣ отношенія къ ордѣ и борьба съ татарами; на сѣверо-западѣ — борьба Новгорода и Пскова съ Нѣмцами, Литвою и Шведами. Не только самая форма этихъ *отдѣльныхъ* сказаній, но и способъ изложенія въ нихъ — очень замѣчательны. Въ нихъ нельзя уже видѣть произведеній, вызываемыхъ простою потребностью записать извѣстный фактъ или высказать письменно извѣстную мысль, — напротивъ того: они являются уже чисто-литературными произведеніями, въ которыхъ выражается сознательное желаніе извѣстнымъ образомъ освѣтить, восхвалить, украсить цѣлымъ рядомъ подробностей тотъ или другой историческій фактъ или рядъ фактовъ, от-

носящихся къ жизни извѣстнаго лица. А такъ какъ фактическая сторона изложенія и вѣрность исторической передачи событій при этомъ мало принимается въ разсчетъ авторами сказаній, которые заботятся болѣе всего объ украшеніи своего разсказа, о преувеличеніи всѣхъ качествъ въ описываемыхъ ими герояхъ, то самыя сказанія эти получили совершенно вѣрное наименованіе *украшенныхъ* сказаній. Въ нихъ, дѣйствительно - все *украшено*: и событія украшены небывалыми сверхъестественными подробностями, и лица украшены такими качествами и добродѣтелями какими, въ совокупности, едва ли обладалъ кто-либо изъ смертныхъ. Вотъ, напримѣръ, какъ сочинитель «*сказанія о Великомъ Князѣ Александрѣ Невскомъ*» современникъ и приближенный ему человѣкъ, слышавшій отъ него самого расказъ о Невской битвѣ, описываетъ своего героя. Въ началѣ сказанія онъ говорить, что собирается расказывать «о Великомъ князѣ нашемъ Александрѣ Ярославичѣ, объ умномъ, кроткомъ и смысленомъ, и храбромъ, соименникѣ царя Александра Македонскаго, подобномъ крѣпостью и храбростью царю *Алевхысу* (Ахиллесу)». Затѣмъ, подкрѣпивъ «грубый умъ свой и слабыя силы «молитвою къ Пресвятой Богородицѣ», авторъ расказываетъ о

Троице-Сергіевская *Лавра*, близь Москвы.

происхожденіи Александра Невскаго отъ благочестивыхъ и боголюбивыхъ родителей и такъ обрисовываетъ его внѣшность:—«ростомъ онъ былъ больше всѣхъ другихъ людей, голосъ его раздавался въ народѣ, какъ труба, а лице у него было, какъ у Іосифа Прекраснаго, а сила его равнялась половинѣ силъ Самсоновыхъ; и далъ ему Богъ Соломонову премудрость, а храбрость Римскаго царя *Еуспасьяна* (Веспасіана)». Это сравленіе лицъ историческихъ русскихъ, по чертамъ лица и характера, съ лицами библейскими или съ героями классической древности (на сколько она, по отрывкамъ западныхъ сказаній, была извѣстна русскимъ книжникамъ) чрезвычайно ослабляетъ литературное достоинство сказаній и придаетъ имъ блѣдность и безжизненность, напоминающую намъ множество подобныхъ же произведеній западной средневѣковой литературы, также написанныхъ монахами - книжниками, далекими отъ волненій дѣйствительной жизни, исключительно преданными изученію св. Писанія и немногихъ другихъ книгъ своего небольшаго монастырскаго книгохранилища: изъ не-

го-то они и видятъ себя вынужденными почерпать образы для своего поэтическаго вдохновенія, такъ какъ жизнь внѣ-монастырская для нихъ не существуетъ, а та, среди которой они живутъ въ стѣнахъ своей обители, можетъ настроить ихъ воображеніе только на одинъ религіозно-нравственный ладъ.

Любопытнѣйшимъ изъ этихъ сѣверо-западныхъ украшенныхъ сказаній нашихъ является конечно — *Рукописаніе Магнуша, короля Свѣйскаго.* Основою ему послужилъ дѣйствительный историческій фактъ. Шведскій король, Магнусъ Эриксонъ, предпринималъ крестовый походъ продивъ Новгорода; походъ Магнуса, сначала грозившій большою опасностью Новгородцамъ и православію, неудался; и на родинѣ Магнуса ждали тоже неудачи и бѣдствія: онъ вовлеченъ былъ въ междоусобную войну со своими сыновьями, потомъ свергнутъ вельможами съ престола и послѣ пятилѣтняго томленія въ плѣну, скончался въ Норвегіи, въ 1374 г. Эта историческая основа, вѣроятно поразившая трагическою стороною дѣйствительности умы современныхъ Новогородскихъ книжниковъ, которымъ конечно, при ихъ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Швеціею, стали вскорѣ извѣстны всѣ обстоятельства жизни нѣкогда грознаго для нихъ Магнуса, побудила одного изъ нихъ къ составленію «*Рукописанія Магнуша*». Въ немъ, въ формѣ Русскихъ завѣщаній, Магнусъ расказываетъ всю свою жизнь и бѣдствія, постигшія его будто бы за то, что онъ преступилъ противъ Новгорода крестное цѣлованіе, и даетъ совѣты дѣтямъ своимъ, чтобы они не воевали съ Новгородомъ, если не хотятъ подвергнуться такимъ же бѣдамъ и напастямъ.

«Я, Магнусъ, король Шведскій, нареченный во св. крещеніи Григорій, отходя отъ свѣта сего, пишу рукописаніе при жизни своей, и приказываю своимъ дѣтямъ, своей братьѣ и всей землѣ Шведской: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи, потому что намъ не удается». (За этимъ слѣдуетъ перечисленіе всѣхъ неудачныхъ Шведскихъ походовъ на Русь, начиная отъ Биргера, сражавшагося съ Александромъ Невскимъ, до самаго Магнуса). «Послѣ похода моего», — продолжаетъ Магнусъ,—«нашла на нашу землю Шведскую погибель, потопъ, моръ, голодъ и междоусобная война. У меня самаго отнялъ Богъ умъ, и просидѣлъ я цѣлый годъ задѣланъ въ палатѣ, прикованный на цѣпи; потомъ пріѣхалъ сынъ мой изъ Мурманской (Норвежской) земли, вынулъ меня изъ палаты и повелъ въ свою землю Мурманскую. Но и на дорогѣ опять поднялась буря, потопила корабли и людей моихъ, самаго меня вѣтеръ носилъ три дня и три ночи, наконецъ принесъ подъ монастырь св. Спаса, въ Полную рѣку; здѣсь монахи сняли меня съ доски, внесли въ монастырь, постригли въ чернецы и схиму, послѣ чего и живу я три дня и три ночи: а все это меня Богъ наказалъ за мое высокоуміе, что наступалъ я на Русь вопреки крестному цѣлованію. Теперь приказываю своимъ дѣтямъ и братьямъ; не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи; а кто наступитъ, на того Богъ и огонь, и вода, которыми я былъ казненъ; а все это сотворилъ мнѣ Богъ къ моему спасенію».

Первая изъ только-что упомянутыхъ нами повѣстей принадлежитъ XIII вѣку; вторая — XIV. Къ XIII же вѣку относятся «Рязанское сказаніе о нашествіи Батыя» и сказаніе «объ убіеніи князя Михаила Черниговскаго и боярина его Θеодора въ Ордѣ отъ Батыя». Къ XIV вѣку, въ теченіе котораго этотъ литературный родъ особенно укоренился и развился у насъ, относятся, — кромѣ «Магнушева рукописанія»,—«сказаніе объ убіеніи кн. Михаила Тверскаго въ Ордѣ отъ Узбека», «о взятіи и раззоренія Москвы Тахтамышемъ», «повѣсть о спасеніи Москвы отъ Тамерлана», «слово о томъ, какъ бился Витовтъ съ Темиръ-Кутлуемъ», «слово о житіи и преставленіи Димитрія Донскаго»; наконецъ — цѣлый рядъ сказаній «о Мамаевомъ побоищѣ».

Изъ этого простаго перечисленія видно, что главный интересъ всѣхъ повѣстей и сказаній, сохранившихся намъ отъ XIII и XIV вѣка, вращается около одной главной основы—татарскаго ига и борьбы противъ татаръ. Этотъ живой интересъ придалъ нѣкоторымъ изъ однообразныхъ и риторски-напыщенныхъ сказаній, повѣстей и словъ, живыя краски поэтическаго одушевленія. Такимъ одушевлеленіемъ особенно отличается «Рязанское сказаніе о нашествіи Батыя», которое мы и передадимъ здѣсь вкратцѣ, а въ добавленіяхъ къ этой главѣ сообщимъ то же самое сказаніе въ поэтическомъ пересказѣ Мея.

«Пришелъ за грѣхи наши безбожный царь Батый на Русскую землю съ множествомъ войска татарскаго, и сталъ на рѣкѣ Воронежѣ, и послалъ къ князю Юрію Игоревичу Рязанскому пословъ, требуя десятины отъ всего: и

отъ князей, и отъ людей, и отъ коней». Такъ начинается Русское сказаніе, тѣсно связанное съ другимъ сказаніемъ «о перенесеніи чудотворнаго образа Николы Зарайскаго изъ Корсуня въ Рязань». Затѣмъ описываются совѣщанія князей, которые рѣшаютъ отправить къ Батыю молодаго князя Ѳеодора Юрьевича съ дарами и просьбою, не воевать Рязанской земли. Князь Ѳеодоръ ласково былъ принятъ Батыемъ, который взялъ отъ него и дары... но тутъ одинъ Рязанскій бояринъ-измѣнникъ шепнулъ хану, что у Ѳеодора жена — красавица; Батый потребовалъ, чтобы Ѳеодоръ показалъ ему жену, на что тотъ улыбнулся и отвѣчалъ ему: «когда насъ одолѣешь, тогда и женами нашими владѣть будешь». Батый приказалъ убить Ѳеодора и сопровождавшихъ его князей и бросить тѣла ихъ звѣрямъ и птицамъ на растерзаніе. Одинъ изъ пѣстуновъ князя, именемъ Аполоница, успѣлъ скрыть на нѣкоторое время тѣло возлелѣяннаго имъ питомца и поспѣшилъ съ вѣстью о смерти его къ благовѣрной княгинѣ Евпраксіи, женѣ Ѳеодора Юрьевича. Блаженная княгиня Евпраксія стояла на стѣнѣ своего высокаго терема и держала на рукахъ сына своего Ивана, когда къ ней пришедъ Аполоница съ горестною вѣстью о мученической кончинѣ супруга ея; и вотъ, едва услышала она эту вѣсть, какъ вмѣстѣ съ сыномъ бросилась внизъ съ высокой стѣны и убилась до смерти.—Тогда князь Юрій Игоревичъ Рязанскій, съ другими сосѣдними князьями выступилъ на встрѣчу полчищамъ татарскимъ, и произошла сѣча ужасная: «одному приходилось» — по выраженію сказанія — «биться съ тысячами, а двоимъ — съ тьмами». Первый палъ въ битвѣ братъ Юрія, Давидъ Игоровичъ. Увидѣвъ это, Юрій въ горести воскликнулъ: «братія моя милая, дружина ласковая, узорочье и воспитаніе Рязанское, мужайтесь и крѣпитесь; брать нашъ Давидъ прежде насъ испилъ чашу, — и мы ли ея не выпьемъ»! *Удальцы* же и *рѣзвецы* Рязанскіе такъ крѣпко бились, что даже земля подъ ними стонала и Батыевы полки пришли въ смятеніе. Однако же несмѣтное множество полковъ одолѣло горсть храбрыхъ — ни одинъ не ушелъ: «всѣ равно пали и испили единую общую чашу смерти, всѣ полегли тамъ вмѣстѣ». Одинъ только Олегъ Игоревичъ, по прозванію Красный, взятъ былъ, израненный, въ плѣнъ Батыемъ, но и тотъ пріялъ вѣнецъ мученическій, ибо началъ укорять Батыя, называя его безбожнымъ и врагомъ христіанства, и тотъ повелѣлъ изрубить его въ куски. Вслѣдъ за битвою, полчища татарскія осадили Рязань, взяли ее послѣ долгой и храброй обороны, и сравняли съ землею. Тогда вдругъ, съ небольшою горстью избѣгнувшихъ гибели Рязанцевъ является мстителемъ своихъ соотчичей одинъ изъ вельможъ Рязанскихъ, по имени Евпатій Коловратъ. Со стороны Чернигова, гдѣ онъ собиралъ подать для своего князя, этотъ удалецъ внезапно ударяетъ на татарскія полчища и начинаетъ избивать ихъ нещадно. Татары понять не могутъ, откуда явился этотъ исполинъ со своею богатырскою дружиною? Самъ царь Батый затрепеталъ и тревожно спрашиваетъ приведенныхъ къ нему плѣнниковъ, изъ дружины Евпатія, кто они, какой вѣры, и къ чему столько зла творятъ татарамъ? «И они отвѣчали: «мы всѣ вѣры христіанской, а рабы великаго князя Юрія Игоревича, отъ полка Евпатія Коловрата, посланы всѣ отъ кн. Юрія Игоревича Рязанскаго почтить тебя, сильнаго царя, и честно проводить, и честь тебѣ должную воздать; не подивися на насъ царь, что мы не успѣваемъ наливать чашъ на великую силу татарскую». Тогда Батый высылаетъ противъ Евпатія шурина своего Таврула, который хвалится тѣмъ, что приведетъ къ Батыю Евпатія живьемъ. Но едва съѣхались они съ Евпатіемъ, какъ тотъ разсѣкъ его на-полы, до самаго сѣдла... Также точно побилъ и изрубилъ онъ много и другихъ знатныхъ татаръ, пока они не навели на него *множество силей съ нарядомъ* (?) и тутъ только едва его одолѣли, и принесли тѣло его къ Батыю. И подивился Батый богатырскому тѣлу Евпатія и сказалъ: «братъ Евпатій, гораздо ты меня употчивалъ съ малою своею дружиною, да много и побилъ знаменитыхъ богатырей сильной орды; если бы ты у меня, царя, служилъ, то я бы тебя противъ сердца своего держалъ.» И повелѣлъ царь Батый дать тѣло Евпатіево остальной его дружинѣ, которая поймана была на побоищѣ еще живая, и повелѣлъ ихъ отпустить съ тѣломъ (Евпатія) и ничѣмъ имъ не вредить.»

Въ концѣ этого замѣчательнаго сказанія прибавленъ «плачъ князя Игоря Игоревича о братіи побіенной отъ нечестиваго царя Батыя.» Такого рода «плачи» присоединялись къ очень многимъ изъ повѣстей и сказаній, не только излагающихъ горестныя событія въ родѣ только что помянутаго «Рязанскаго взятія», но даже и радостныя (такія напримѣръ,

какъ побѣда надъ Мамаемъ), однако же сопряженныя съ большими потерями и гибелью многихъ храбрыхъ. Вслѣдствіе этого, нѣкоторыя повѣсти наши носятъ названіе *умильныхъ* повѣстей или сказаній, т. е. трогательныхъ, возбуждающихъ жалость.

Важнѣйшее мѣсто, въ числѣ другихъ повѣстей и сказаній XIV вѣка, несомнѣнно принадлежитъ сказаніямъ о Мамаевомъ побоищѣ. Это важное событіе историческое не могло не найти себѣ отголоска въ сердцахъ современниковъ.

И сколько голосовъ должны были во всѣхъ концахъ Руси откликнуться радостною пѣснею на слухъ о побѣдѣ надъ *погаными*, о томъ, что первое дружное усиліе еще разрозненной земли русской увѣнчалось успѣхомъ, превосходившимъ всякое ожиданіе. Побѣда, одержанная Дмитріемъ Донскимъ надъ татарами на Куликовомъ полѣ (1380 г.) должна была, вслѣдствіе этого, послужить основой множеству произведеній и въ народной, устной литературѣ, и въ книжной литературѣ сказаній и повѣданій, заносившихся въ сборники и лѣтописи. Сочувствіе къ великому событію выразилось въ этихъ произведеніяхъ не только страшною ненавистью къ отступникамъ отъ общаго дѣла, но и стремленіемъ различныхъ городовъ и областей къ громкому заявленію о своемъ участіи въ событіи, о своихъ усиліяхъ, способствовавшихъ одержанію побѣды надъ татарами. Это стремленіе проявилось въ въ произведеніяхъ, касающихся Куликовской битвы, въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, которыми, въ разныхъ концахъ Руси, украшалось общее сказаніе о *«Задонщинѣ* [1]) *великаго князя господина Дмитрія Ивановича и брата его Владиміра Андреевича.»*

Въ одномъ пересказѣ этого сказанія, въ которомъ сильнѣе другихъ отразилось вліяніе народной фантазіи, весь успѣхъ битвы приписывается хитрости одного изъ русскихъ вождей—Волынца — устроившаго засаду вмѣстѣ съ братомъ великаго князя Владиміромъ Андреевичемъ. Волынецъ и рисуется въ этомъ пересказѣ такими чертами, которыя весьма ясно напоминаютъ намъ нѣкоторыхъ героевъ нашей народной поэзіи, являющихся въ былинахъ. Такъ напримѣръ, передъ битвою, онъ выходитъ на поле между двумя войсками и по различнымъ примѣтамъ, которыя ему удается наблюсти, предсказываетъ, что побѣда останется на сторонѣ русскаго воинства. Въ другихъ пересказахъ сказанія, очевидно монастырскихъ, особенное вниманіе обращено на то участіе, которое въ самомъ разгарѣ битвы принимало *«небесное воинство»*, поражавшее татаръ, а также и на видѣніе стража-разбойника Ѳомы Хаберцеева, которое должно было служить знаменіемъ побѣды для христіанъ. Несмотря на то, что подобные эпизоды довольно рѣзко отличаютъ народныя сказанія «о Мамаевомъ побоищѣ» отъ сказаній книжныхъ,—тѣ и другія сказанія не составляютъ двухъ рѣзко-отдѣльныхъ родовъ, потому что и книжныя сказанія, какъ видно, пополнялись съ самаго начала чертами произведеній народной фантазіи, и народныя, поздно записанныя, искажались болѣе или менѣе значительными книжными добавленіями.

Чрезвычайно любопытною чертою всѣхъ сказаній о Куликовской битвѣ, преимущественно книжныхъ, является замѣчательное сходство ихъ, по складу и языку, съ знаменитымъ памятникомъ XII вѣка—со словомъ о Полку Игоревѣ. Замѣтно, что это произведеніе было извѣстно авторамъ сказаній о Куликовской битвѣ, почиталось ими образцовымъ и потому побуждало ихъ къ подражанію.

Одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ, въ которыхъ сохранилось наше сказаніе «о Задонщинѣ,» приписывая это сказаніе какому-то бояриву Софонію, вспоминаетъ, между прочимъ, и про Бояна, *«въ городѣ Кіевѣ гораздна гудца,»* прославлявшаго древнихъ князей. Затѣмъ, авторъ приглашаетъ всѣхъ послушать пѣснь въ похвалу великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его Владиміра Андреевича; послѣ этого авторъ обращается къ жаворонку и соловью, которымъ предлагаетъ воспѣть славу великаго князя Дмитрія, и описываются сборы войска въ разныхъ мѣстахъ Руси; очень хорошо представлены эти сборы въ Новѣгородѣ:

«Звонятъ колокола вѣчевые въ Новѣ-городѣ; стоятъ мужи-Новгородцы у св. Софіи, и говорятъ таково жалобно: «ужъ намъ, братья, къ великому князю Дмитрію Ивановичу на помощь не поспѣть». Тогда словно орлы слетѣлись со всей полуночной страны: то не орлы слетѣлись – выѣхали посадники изъ великаго Нова-города, съ семью тысячами войска, къ

[1]) *Задонщина* — т. е. походъ за Донъ.

великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его, князю Владиміру Андреевичу».

И вотъ, словно грозныя тучи, идутъ отовсюду на Русскую землю полчища поганыхъ, и вся природа грозитъ имъ гибелью въ своихъ знаменьяхъ. Однако же первыя стычки Русскихъ съ Татарами неудачны: много христіанъ гибнетъ, а побѣда все на сторонѣ поганыхъ. Тогда горько всплакались о своихъ мужьяхъ боярыни московскія; а Микулина жена даже обратилась къ Дону съ мольбою, говоря: «Донъ, Донъ, быстрый Донъ, ты прошелъ землю Половецкую, пробилъ берега харалужные: прилелѣй моего Микулу Васильевича». «Въ субботу же, на Рождество св Богородицы, изрубили христіане поганые полки на полѣ Куликовѣ, на рѣкѣ Напрядѣ». При описаніи самой битвы расказывается о томъ, какъ Владиміръ Андреевичъ проситъ у брата помощи: «Татары»—говоритъ онъ — «храбрую дружину у насъ истеряли, а въ трупѣ человѣчьи борзые кони и скочить не могутъ, а въ крови бродятъ по колѣно». Тогда взмолился и самъ князь великій къ своимъ боярамъ: «Братья бояре и воеводы, и дѣти боярскія, вотъ гдѣ найдете вы ваши сладкіе московскіе меды и добудете себѣ великія мѣста и женамъ своимъ». Вслѣдъ за тѣмъ вражье войско смято дружнымъ ударомъ Русскихъ: Татары бѣгутъ, «скрежеща зубами и раздирая лица свои», въ злобѣ и отчаяніи. Мамай ищетъ убѣжища въ «Хаѳестѣ градѣ, и сноситъ насмѣшки жителей его: «не бывать тебѣ, поганый Мамай»— говорятъ они — «въ Батыя-царя; пришелъ ты на Русь съ девятью ордами и семидесятью князьями, а нынѣ бѣжишь самъ-девятъ въ Лукоморье. Нешто тебя князья русскіе горазно употчивали? Ни князей съ тобой нѣтъ, ни воеводъ; нешто ты горазно упился у быстраго Дону, на полѣ Куликовѣ, на травѣ-ковылѣ»? А на Русской землѣ въ то же время, всѣ веселятся и радуются, хотя трупы христіанъ лежатъ у Дона великаго, и Донъ три дня кровью течетъ. Великій князь Дмитрій Ивановичъ считаетъ убитыхъ и трогательно прощается съ ними, говоря: «Здѣсь суждено было вамъ пасть, на этомъ мѣстѣ, межъ Дономъ и Днѣпромъ, на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Напрядѣ! Здѣсь положили вы головы за святыя церкви, за землю Русскую, за вѣру христіанскую. Простите мнѣ, братья, и благословите насъ; а вамъ всѣмъ вѣнецъ (предназначенъ) въ будущемъ вѣкѣ».

Хотя этотъ рядъ сказаній о битвѣ Куликовской и подвигахъ великаго князя Дмитрія Ивановича представляетъ собою произведенія большею частью не замѣчательныя въ литературномъ отношеніи; хотя по сравненію съ памятникомъ XII вѣка, въ которомъ воспѣвался незначительный походъ князя Сѣверскаго на Половцевъ, всѣ эти сказанія являются блѣдными и безцвѣтными подражаніями, часто повторяющими буквально цѣлыя фразы Слова о полку Игоревѣ — однако же эти сказанія важны по духу своему, какъ выраженія того общаго стремленія, которое одушевляло всѣхъ русскихъ людей, въ концѣ XIV столѣтія. Впервые пробудилось у нихъ около этого времени сознаніе своей силы, сознаніе возможности бороться съ ненавистными и страшными врагами Руси, въ теченіе полутора вѣка угнетавшими ее своимъ тягостнымъ игомъ. Сознаніе того, что борьба съ татарами необходима и неизбѣжна, начало болѣе и болѣе вкореняться въ русскомъ обществѣ и прекрасно выразилось въ одной изъ нашихъ лѣтописей конца XV вѣка, въ которой лѣтописецъ, негодуя на бояръ, совѣтовавшихъ Іоанну III мириться въ Ахматомъ, восклицаетъ:

«О храбрые, мужественные сынове Русскіе, потщитеся сохранить свое отечество, Русскую землю, отъ поганыхъ; не пощадите своихъ головъ, да и не узрятъ очи ваши плѣненія и грабленія святыхъ церквей и домовъ вашихъ, и убіенія дѣтей вашихъ и поруганія женъ и дочерей вашихъ. Многія великія и славныя земли пострадали отъ Турокъ, какъ напримѣръ Греки и Болгаре, и Трапизонъ, и Аморія и Арбаносы, и Хорваты, и Каѳра, и иныя многія земли, которыя не выступили противъ врага мужественно; и погибли тѣ народы, и отечество свое изгубили, и землю, и государство, и скитаются по чужимъ странамъ по истинѣ какъ бѣдные странники, достойные вполнѣ и плача, и слезъ—и всѣ поносятъ ихъ и оплевываютъ ихъ, *какъ немужественныхъ!*... Пощади, Господи, насъ православныхъ христіанъ отъ такого бѣдствія, по молитвамъ Богородицы и всѣхъ Святыхъ. Аминь».

Эти слова лѣтописца, современника Іоанна III, при которомъ совершилось окончательное избавленіе Руси отъ татарскаго ига, были только послѣднимъ отголоскомъ того стремленія къ борьбѣ съ врагами отечества, которому первоначальнымъ выраженіемъ послужило сказаніе о Куликовской битвѣ, какъ о первой одержанной надъ ними побѣдѣ.

Пѣсня про боярина Евпатія Коловрата [1]).

На святой Руси былъ и была,
Только быльемъ давно поросла....
Охъ — вы, зорюшки-зори!
Не одинъ годъ въ поднебесьѣ вы зажигаетесь
Не въ первой въ синемъ морѣ купаетесь:
Посвѣтите съ поднѐбесья, красныя,
На бывалые дни, на ненастные!..
Вы, курганы, курганы сѣдые!
Насыпные курганы, степные
Вы надъ кѣмъ, подгорюнившись, стонете,
Чьи вы бѣлыя кости хороните?
Разскажите, какъ русскую силу
Клала русская удаль въ могилу?...

I.

Къ городу — Рязани
Катятъ трое сани,
Сани развальныя —
Дуги росписныя:
Вожжи на отлетѣ;
Кони на разлетѣ;
Колокольчикъ плачетъ —
За версту маячитъ.
Первыя-то сани —
Все-то поѣзжане,
Все-то сѣверяне, —
Въ рукавицахъ новыхъ,
Въ охобняхъ бобровыхъ.
А вторыя санки —
Все-то поѣзжанки,
Все-то сѣверянки,
Въ шапочкахъ горлатныхъ
Въ жемчугахъ окатныхъ.
А что третьи сани
Къ городу Рязани
Подкатили сами
Всѣми полозами,
Подлетѣли птицей
Съ красной царь-дѣвицей,
Съ греческой царевной —
Душей Евпраксѣвной.
У Рязанскаго князя, у Юрія Ингоревича,
Во его терему новорубленномъ,
Свѣтлый свадебный пиръ, ликованіе:
Сына старшаго, княжича Өедора,
Повѣнчалъ онъ, съ царевной Евпраксіей,
И добромъ своимъ княжескимъ кланялся;
А добро-то накоплено изстари:
Похвалила-бы сваха досужая,
Въ полуглазъ поглядя, мимо-идучи
Во полу-столѣ, во полу-пиру,
Молодыхъ гости чествовать учали,
На вѣнечное мѣсто ихъ глядючи,
Да смѣшки про себя затѣваючи:
Словно стольный-бы князь ихъ не жалуетъ —
Горькій медъ имъ изъ погреба выкаталъ,
А не свадебный!.. — «Инъ подсластили-бы!»
А кому подсластить-то?.. Ужъ вѣдомо:
Молодымъ...
Молодые встаютъ и цѣлуются.
И румянцемъ они, что ни разъ, чередуются, —
Будто солнышко съ зорькой вечернею.
И гостямъ, и хозяину весело:
Чарка съ чаркой у нихъ обгоняются,
То и знай — черезъ край наливаются.
Только нѣтъ веселѣй поѣзжанина,
И смѣтливѣй нѣтъ, и рѣчистѣе
Супротивъ княженецкаго тысяцкаго, —
Аөанасія Прокшича Нездилы.
А съ лица не пригожъ онъ и нѐмолодъ:
Голова у него, что ладонь, вся-то лысая,
Борода у него клиномъ, рыжая,
А глаза, — что у волка, лукавые —
Врозь глядятъ — такъ-вотъ и бѣгаютъ.
Былъ онъ княжескимъ думцемъ въ Черниговѣ,
Да теперь, за царевной Евпраксіей,
Перебрался въ Рязань къ князю Юрію,
Цѣлымъ домомъ, со всею боярскою челядью.
И на смѣну ему Юрій Ингоревичь
Отпустилъ что ни лучшихъ дружинниковъ,
И боярина съ ними Евпатія
Коловрата, рязанскаго витязя, —
Князя Өедора брата крестоваго.
Отсидѣли столы гости званые;
Поѣзжане свой поѣздъ управили,
Короваемъ князь Өедоръ съ княгинею,
Со своей ненаглядной молодушкой,
Старшимъ родичамъ въ поясъ откланялся,
Помолился въ соборѣ Заступницѣ
И поѣхалъ изъ стольнаго города
Въ свой удѣлъ...

[1]) Это ничто иное, какъ поэтическій пересказъ того Рязанскаго сказанія, о которомъ мы упоминали выше.

На горѣ на обрывистой,
Надъ рѣкой Осетромъ, надъ излучиной,
Строенъ теремъ князь-Ѳедора Юрьича.
Боръ дремучій кругомъ понавѣсился
Вѣковыми дубами и соснами,
Сползъ съ горы, перебрался и за рѣку,
Точно въ бродъ перешелъ, и раскинулся
Въ неоглядную даль, не объѣздную...
Зажилъ князь съ молодою княгинею
Въ терему, что на вѣткѣ прилюбчивой
Сизый голубь съ голубкою ласковой.
И ужъ такъ-то ласкала княгиня Евпраксія,
Такъ-то крѣпко любила милого хозяина,
Что и словъ про такую любовь не подобрано.
А сама изъ себя — всѣмъ красавица:
И собольею бровью, и поступью,
И румяной щекой, и рѣчами привѣтными:
Будетъ годъ, по десятому мѣсяцу —
Родила она первенца-княжича...
Окрестили его на Ивана-Крестителя
И назвали Иваномъ, а прозвали Постникомъ,
Для того, что ни въ середу княжичъ, ни въ пятницу
Не бралъ груди у матери...
Ѳедоръ-князь
На такой на великой на радости,
Въ новоставленный храмъ Николая Святителя,
Чудотворца Корсунскаго, вкладу внесъ
Полказны золотой своей княжеской...

II.

По рязанскимъ лѣсамъ и по пустошамъ
Завелося подъ осень недоброе.
Кто ихъ знаетъ тамъ — марево, аль—зарево?
Вотъ: метаетъ тебѣ къ небу, съ полуночи,
Красный столпъ сполыньей бѣломорскою;
Вотъ: калякаетъ кто-то, калякаетъ...
По деревьямъ топоръ — ровно звякаетъ...
А кому тамъ и быть, коль не лѣшему?
Нѣтъ дороги ни конному тамъ, и ни пѣшему...
Раскидали разсыльныхъ — вернулися.
Говорятъ: «Насъ впередъ не посылывать,
А не то ужъ не ждать: со полуночи
Мы того навидались — наслышались,
Что — храни насъ Святые Угодники!..
Вы послушайте — что починается?
Отъ царя, отъ Батыя безбожнаго,
Есть на русскую землю нашествіе.
Слышь: стрѣлой громоносною — молніиной,
Спалъ онъ къ намъ, а откуль — невнаемо...
Саранча Агарянъ съ нимъ безсчетная:
Такъ про это и знайте — и вѣдайте»...

III.

Было сказано... Слѣдомъ и прибыли
Два Ордынца, съ женой-чародѣйницей,
Все-жъ къ великому князю рязанскому,
И къ другимъ князьямъ — Пронскимъ и Муромскимъ...
«Такъ и быть: десятиной намъ кланяйтесь
Съ животовъ, со скотовъ и со прочаго».
Снесся князь съ Володимеромъ-городомъ
И съ другими; до знать ужъ, въ тѣ-поры,
Гнѣвъ Господень казнилъ Русь безъ милости:
Отступилися со страхомъ и трепетомъ...
Ну, тогда старый князь князя Ѳеодора
Повѣщаетъ, что «вотъ-молъ безвременье...
Поѣзжай ты, съ великимъ моленіемъ
И съ дарами, къ нему, нечестивому...
Бей челомъ, чтобъ свернулъ онъ съ Воронежа?
Не въ Рязанскую землю, а въ Русскую...
О хозяйкѣ твоей озаботимся...»
Ѳеодоръ-князь и поѣхалъ...

IV.

И вотъ что случилося: —
Ѣхалъ Нѣздила Прокшичъ съ князь-Ѳеодоромъ.
И съ ними Рязанскіе вершники, шестеро,
Въ станъ Батыевъ... Проѣхали островомъ
Подгороднымъ; проѣхали далѣе.
Островами другими, немѣренными,
И ужъ дѣло-то было къ полуночи...
Все — соснякъ, березнякъ, да осинникъ... промежь листвы
Издалека имъ стало посвѣчивать...
Ѣдутъ по лѣсу, на свѣтъ — прогалина:
Лугъ и рѣчка; за рѣчкой раскинуты,
Сплошь и рядомъ шатры полосатые —
Станъ, — и станъ неоглядный... Кишма-кишатъ
Люди-нѐ люди — нѣтъ на нихъ образа Божія,
А какое-то племя проклятое,
Какъ звѣрье окаянное якобы...
Кто въ гунѣ просмоленной, кто въ панцырѣ,
Кто въ верблюжію шкуру закутался...
Узкоглазые всѣ и скуластые,
А лицо словно въ вѣникахъ крашено.
Шумъ и гамъ! Всѣ лепечутъ по своему;
Гдѣ заржетъ жеребецъ стреноженный
Гдѣ верблюдъ всею пастью проревкаетъ...
Тутъ кобылу доятъ; тамъ махáнину
Пожираютъ, что волки не сытые;
А другіе ковшами да чашками
Тянутъ что-то такое похмѣльное

И хохочутъ, другъ друга подталкивая...
Вдоль по рѣчкѣ топливо навалено,
И пылаютъ костры неугасные...
Сторожа въ камышахъ притаилися...
Обокликнули князя и съ Нѣздилой:
Отозвались они и поѣхали,
Черезъ весь станъ, къ намету Батыеву:
Всполошилась орда не крещеная:
Сотенъ съ пять побѣжало у стремени...
Князь съ бояриномъ ѣдутъ — не морщатся —
Межъ кибитокъ разнаряженныхъ войлочныхъ;
Стремянной Ополоница сердится,
А другіе дружинные вершники
Только крестяться, въ сторону сплевывая:
На Руси экой нечисти съ роду невидано...
Закраснѣлась и ставка Батыева:
Багрецовыя ткани натянуты
Вкругъ столпа, весь-какъ-есть золоченнаго.
Одаль ставки, а кто и при пологѣ,
Стали цѣлый гурьбою улусники—
Всѣ въ кольчугахъ и въ шлемахъ съ ковыль-
травою;
За плечами колчаны; за поясомъ
Заткнутъ ножъ, закаленый съ отравою,
На одинъ только взмахъ и подмѣнтанный.
Князя въ ставку впустили и съ Нѣздилой.
Ханъ сидитъ на коврѣ; ноги скрещены;
На плечахъ у него пестрый роспашень,
А на темени самомъ скуфейка парчевая.
По бокамъ, знать, вельможи ордынскіе,
Всѣ въ такихъ-же скуфейкахъ и роспашняхъ...
Сталъ челомъ бить ему, нечестивому,
Ѳедоръ князь, а покудова Нѣздила
Подмигнулъ одному изъ приспѣшниковъ
И отвелъ его въ сторону.
Молитъ князь:
«Не воюй-де, царь, нашей ты волости,
А возьми, что иное и прочее:
Съ насъ и взять-то прійдется по малости,
А что загодя вотъ—мы поминками
Кой какими тебѣ поклонилися.»
Ханъ подумалъ-подумалъ и вымолвилъ:
«Подожди-ка: я вотъ посовѣтуюсь...
Выйди вонъ ты на время на малое —
Позову...»
Вышелъ Ѳедоръ—князь—позвали...
Говоритъ ему ханъ: соглашаюся
И поминки пріиму, только знаешь-ли? —
Мало ихъ...» (толмачами взаимными
Были Нѣздила съ тѣмъ-же Ордынцемъ подмиг-
нутымъ:)
«Мало ихъ», говоритъ князю Ѳедору
Царь Батый, «а, коль хочешь уладиться,—
Дай красы мнѣ княгинины видѣти.»
Помертвѣлъ Ѳедоръ князь съ перва-на-перво,
А потомъ, какъ зардѣется:
«Нѣтъ-моль,—Ханъ!
Христіанамъ къ тебѣ, нечестивому,
Женъ ужъ намъ не водить; а твоя возьметъ,
Ну, владѣй всѣмъ, коль только достанется!»
Разъярился тутъ Ханъ, крикнулъ бáтырямъ:
«Рознимите ножами противника нá части!»
И розняли...
Потомъ и на вершниковъ,
Словно лютые звѣри, накинулись:
Всѣхъ—въ куски; лишь одинъ стремянной Опо-
лоница
Изъ поганаго омута выбрался...
А боярина Нѣздилы пальцемъ не тронули...

V.

Загорѣлося утро по лѣтнему,
Загорѣлось сначала на куполѣ,
А потомъ перешло на верхушки древесныя,
А потомъ поползло по землѣ, словно крадучись,
Гдѣ жемчужинки, гдѣ и алмазинки
У росистой травы отбираючи.
Купавка перловымъ обсыпалась бисеромъ;
Подорѣшникъ всей бѣлою шапкой своей нахло-
бучился
И поднялъ поваленныя листья натуживпшись;
Съ Осетра валитъ паръ, словно съ каменки —
Значитъ: будетъ днемъ баня опарена...
У Николы Корсунскаго къ ранней обѣдни уда-
рили...
И княгиня проснулась подъ колоколъ...
Къ колыбели птенца своего припадаючи.
Цѣловала его, миловала и пѣстовала,
И на красное солнышко вынесла,
На подборъ теремной, на свѣтёлочный.
Вотъ стоитъ она съ нимъ, смотритъ нá поле,
На лѣсъ, на рѣку, смотритъ такъ пристально
На дорогу, бѣгучую подъ гору.
Смотритъ... пыль по дорогѣ поднялася...
Скачетъ кто-то, и конь весь обмыленный...
Ближе глянула, анъ Ополоница—
Не примѣтилъ княгини-бъ, да крикнула:
Осадилъ жеребца, задыхается...
А княгиня Евпраксія спрашиваетъ:
— «Гдѣ-же князь мой, сожитель мой ласковый?»
Замоталъ головой Ополоница:
— «Не спросила-бы, не было-бъ сказано.
Благовѣрный твой князь Ѳедоръ Юрьевичъ,
Красоты твоей ради неслыханной,
Убіенъ отъ Царя, отъ Батыя неистоваго!»

Обмерла-обомлѣла княгиня Евпраксія,
Къ кореням чадо прижала любезное,
Да съ нимъ вмѣстѣ съ подбора и ринулась
На сырую мать-землю, и тутъ *заразилася* до смерти...
И оттолѣ-то мѣсто *Заразомъ* прозвалося,
Потому-что на немъ заразилася
Съ милымъ чадомъ княгиня Евпраксія.

VI.

Въ это время Батый, царь неистовый,
На Рязань поднялъ всю свою силу безбожную,
И пошелъ прямо къ стольному городу;
Да на полѣ его вся дружина рязанская встрѣтила,
А князья впереди: самъ великій князь,
Князь Давидъ, и князь Глѣбъ, и князь Всеволодъ, —
И кровавую чашу съ татарами роспили.
Одолѣли бъ рязанскіе витязи,
Да не въ мочь было: по сту татариновъ
Приходилось на каждую руку могучую...
Изрубить-изрубили они тьму несмѣтную,
Наконецъ утомились-умаялись,
И сложили удалыя головы,
Всѣ, какъ билися, всѣ до единаго,
А князь Юрій легъ вмѣстѣ съ послѣдними,
Бороня свою землю и отчину,
И семью, и свой столъ, и княженіе...
Какъ объѣхалъ потомъ царь Батый поле бранное,
Какъ взглянулъ онъ на падаль татарскую, —
Преисполнился гнѣва и ярости,
И велѣлъ всѣ предѣлы рязанскіе
Жечь и грабить, и рѣзать безъ милости
Всѣхъ, — отъ стараго даже до малаго,
Благо ихъ боронить было не кому...
И нахлынули орды поганыя
На рязанскую землю изгономъ неслыханнымъ,
Взяли Пронскъ, Ижеславецъ и Бѣлгородъ,
И людей изрубили безъ жалости,
И пошли на Рязань... Сутокъ съ четверо
Отбивались отъ нихъ горожане рязанскіе;
А на пятые сутки ордынцы проклятые
Сквозь проломы кремлевской стѣны, и сквозь полымя;
Ворвалися и въ церковь соборную, —
Тамъ убили Княгиню Великую,
Со снохами ея и съ княгинями прочими,
Перебили священниковъ, иноковъ;
Храмы Божіи, дворы монастырскіе —
Всѣ пожгли; городъ предали пламени;
Погубили мечемъ все живущее, —
И свершилось по слову Батыеву:
Ни младенца ни старца въ живыхъ не осталося...
Плакать не́ кому было и не́-по-комъ...
Все богатство рязанское было разграблено...
И свалило къ Коломнѣ ордынское полчище.

VII.

От Коломны Ордынцы пошли прямо къ Суздалю;
Сталъ разбили на Сити-рѣкѣ, ради отдыха
И дѣлежки добычею русскою.
Ханъ позвалъ на совѣтъ къ себѣ Не́дзилу
(А ужъ тотъ и въ конецъ отатарился;
Нѣтъ отлики отъ прочихъ улусниковъ.)
Порѣшили: ждать князя великаго Суздальскаго.
Положить всю дружину на мѣстѣ, гдѣ сступятся,
А потомъ и пойти къ Володимеру
И другимъ городамъ — на разгромъ на неслыханный,
На грабежъ и рѣзню безпощадную.

VIII.

Ходенемъ пошло поле окрестное
И сыръ-боръ зашатался вотъ-словно подъ бурею..
Налетѣла-ль она, многокрылая,
Или сила иная на ставки татарскія,
Только ломятся ставки и валятся,
Только стонъ поднялся вдоль по стану ордынскому
Загремѣли мечи о шеломы каленые;
Затрещали и копья, и бердыши:
Отъ броней и кольчугъ искры сыплются;
Полилася рѣкой кровь горячая...
Варомъ такъ и варитъ всю орду нечестивую:
Рубятъ, колятъ и бьютъ — кто? — невѣдомо.
Тутъ ордынцы совсѣмъ обезпамятили.
Точно пьяные, или безумные.
Кто ничкомъ лежитъ — мертвымъ прикинулся,
Кто бѣжитъ вонъ изъ стана — коней ловятъ;
А и кони по полю шарахнулись —
Ржутъ и носятся тоже въ безпамятствѣ.
Тутъ все стадо реветъ — всполошилося;
Тамъ ордынки развылись волчихами;
Здѣсь костеръ развели, да не во время:
Два намета сосѣдніе вспыхнули.
А наѣзжая сила незримая
Бьетъ и рубитъ, и колетъ безъ устали, —
Слышно только, что русскіе витязи,
А кольями полонить ни единаго...
Вопятъ батыри въ страхѣ и ужасѣ:
— «Мертвецы, мертвецы встали русскіе,
«Встали съ поля рязанцы убитые!»
Самъ Батый убоялся... А Неждила
Ужъ у Хана въ шатрѣ,

Говоритъ: Только взять-бы какого: развѣдаемъ—
Мертвецы, или люди живые наѣхали»?
Говоритъ онъ, а дрожь-то немалая
Самого пронимаетъ, затѣмъ что все близятся
Стонъ и вопли къ намету Батыеву,
Все бѣгутъ въ перепугѣ улусники,
Отъ невидимой силы, невѣдомой...
— «Повели, Ханъ, костры запалить скоро-на-скоро
И трубить громче въ трубы звончатыя,
Чтобы всѣ твои батыри слышали;
Да пошли поскорѣе за шуриномъ
Хоздовруломъ»—Батыю совѣтуетъ Нездила.
Ханъ послушался: трубы призывные грянули,
И зарей заиграло въ поднебесьѣ зарево.
Въ пору въ самую: близко отъ ставки Батыевой
Пронеслася толпа русскихъ витязей,
Прогоняя татарву поганую
И топча подъ копытами конскими;
Да въ догонку ей стрѣлы,—что ливень, посыпались,—
И упали съ коней на земь пятеро.
Подбѣжали ордынцы къ нимъ, подняли
И къ Батыю свели. Ханъ ихъ спрашиваетъ:
«Вы какой земли, вѣры какой, что невѣдомо—
Почему мнѣ великое зло причиняете»?
И отвѣтъ ему держатъ рязанскіе витязи:
—«Христіанской мы вѣры, дружинники
Князь-Юрья рязанскаго, пóлку Евпатія
Коловрата; почтить тебя посланы—
Проводить, какъ царю подобаетъ великому».
Удивился Батый ихъ отвѣту и мудрости,
И послалъ на Евпатія шурина,
И полки съ нимъ татарскіе многіе.
Хоздоврулъ похвалялся: «живьемъ возьму,
За сѣдломъ приведу къ тебѣ русскаго витязя».
А ему подговаривалъ Нездила.
— «За сѣдломъ!... Приведешь его къ Хану у стремени».
И поѣхали оба на встрѣчу Евпатію...
А заря подымалась на небѣ
И сступились полки... у Евпатія
Всей дружины-то было-ль двѣ тысячи—
Вся послѣдняя сила рязанская—
А ордынцы шли черною тучею:
Не окинуть и взглядомъ, не то-чтобъ довѣдаться—
Сколько ихъ?... Впереди Хоздоврулъ барсомъ носится.
Молодецъ былъ и батырь: коня необгоннѣе
И вѣрнѣе коньа у ордынцевъ и не было.
И сступились полки... На Евпатія
Налетѣлъ Хоздоврулъ, только нé въ пору:
Исполинъ былъ Евпатій отъ младости силою—
И мечемъ раскроилъ Хоздоврула онъ нá-полы
До сѣдла, такъ-что всѣ, и свои, и противники
Отшатнулись со страхомъ и трепетомъ...
Рать ордынская дрогнула, тылъ дала,
А всѣхъ прежде свернулъ было Нéздила,
Да коня подъ устцы ухватилъ Околоница.
Только глянулъ бояринъ Евпатій на Нéздилу.
Распалился душой молодецкою
И съ сѣдла его сóрвалъ. А Нéздила
Сталъ молить его слезнымъ моленіемъ:
«Отпусти хоть мнѣ душу-то на покаяніе»!
Отвѣчаетъ Евпатій».—«Невиненъ ты—
Мать сырая земля въ томъ виновница,
Что носила такое чудовище:
Пусть и пьетъ за то кровь твою гнусную...
Ты попомни княгиню Евпраксію
И колѣй, старый песъ, непокаянно!»
Тутъ взмахнулъ надъ шеломомъ онъ Нéздилу
И разбилъ его о землю въ дребезги;
Самъ-же кинулся вслѣдъ за ордынцами
И погналъ ихъ до самой до ставки Батыевой.
Огорчился Батый и разгнѣвался,
Какъ узналъ, что Евпатій убилъ его шурина,
И велѣлъ навести на Евпатія
Онъ *пороки*, орудія тѣ стѣнобитныя...
И убили тогда крѣпкорукаго,
Дерзосердаго витязя; тѣло-же
Принесли передъ очи Батыевы.
Изумился и Ханъ, и улусники
Красотѣ его, силѣ и крѣпости.
И почтилъ Ханъ усопшаго витязя;
Отдалъ тѣло рязанскимъ дружинникамъ
И самихъ отпустилъ ихъ, промолвивши;
«Погребите, вы, батыря вашего — съ честію,
По законамъ своимъ и обычаямъ,
Чтобъ и внуки могилѣ его кланялися».

IX.

По зимѣ Игорь-князь изъ Чернигова
Прибылъ въ отчину, въ землю рязанскую
И заплакалъ слезами горючими,
Какъ взглянулъ на пожарище стольнаго города.
Подо льдомъ и подъ снѣгомъ померзлые,
На травѣ-ковылѣ обнаженны, терзаемы
И звѣрями, и птицами хищными,
Безъ креста и могилы, лежали убитые
Воеводы рязанскіе, витязи,
И семейные князя, и сродники,
И все множество люда рязанскаго:
Всѣ одну чашу смертную выпили.
Повелѣлъ погребать ихъ князь Ингорь немедленно;
Повелѣлъ іереямъ святить храмы Божіи

И очистить весь городъ; а самъ онъ съ Воронежа
Тѣло князя Ѳеодора Юрьича
Перенесъ къ Чудотворцу Корсунскому,
И княгиню Евпраксію, съ сыномъ ихъ княжичемъ,
Схоронилъ въ одно мѣсто, и три креста каменныхъ,
Надъ могилой поставилъ. Съ тѣхъ поръ прозывается
Николай Чудотворецъ — Заразскимъ святителемъ:
Потому-что на мѣстѣ на томъ заразилася,
Вмѣстѣ съ сыномъ княгиня Евпраксія.
Гдѣ честная могила Евпатія —
Знаютъ ясныя зори съ курганами,
Знала старая пѣсня про витязя,
Да и ту унесло вѣтромъ-вихоромъ.

Охъ-ты, батюшка городъ - Зарайскъ невоставленный!
На крутой на горѣ ты красуешься.
На Осетръ на рѣку ты любуешься
И глядишься въ нее веселёхонекъ,
Словно вправду не-знаешь-не-вѣдаешь —
Гдѣ ты выросъ, надъ чьими могилами?
Знать — гора и крута да забывчива,
Знать — рѣка и быстра — да измѣнчива,
А правдива запѣвка старинная:
«На святой Руси былъ и была,
Только быльемъ давно поросла!»

Л. Мей.

IX.

XV вѣкъ. — Проповѣдь политическая. — Вассіанъ, архіепископъ Ростовскій. — Полемическое направленіе духовной литературы.: — Іосифъ Волоцкой и Нилъ Сорскій. — Усилія Геннадія на пользу русскаго просвѣщенія.

Въ VI-й главѣ упоминали мы о тѣхъ особыхъ условіяхъ историческихъ, которыя, даже во время татарскаго ига, страшнаго и бѣдственнаго для всѣхъ, способствовали возвышенію духовенства русскаго надъ всѣми остальными сословіями. Мы упоминали и о томъ, что матеріальная сторона быта нашего высшаго духовенства и монашества являлась, вслѣдствіе обезпеченія со стороны тѣхъ же историческихъ условій, на столько удовлетворительною, на столько спокойною, что лица, принадлежавшія къ высшему духовенству и монашеству, могли посвящать свои досуги книжному ученію и занятіямъ литературнымъ, и если не способствовали распространенію образованія въ массѣ, то по крайней мѣрѣ съумѣли поддержать его въ своей средѣ на извѣстномъ уровнѣ. Этотъ уровень былъ невысокъ; немногіе, наиболѣе образованные изъ среды духовенства и монашества, находили возможность подняться выше его и расширять, разнообразить кругъ свѣдѣній своихъ, удовлетворяя жаждѣ знанія, потребности просвѣтить себя.... Что же касается до остальной, громадной массы низшаго духовенства, то оно, наравнѣ со всѣми другими сословіями, и со всею массой народа, при полнѣйшемъ отсутствіи школъ и средствъ къ просвѣщенію, коснѣло въ самомъ грубомъ и печальномъ невѣжествѣ. Вслѣдствіе такого ненормальнаго распредѣленія просвѣщенія между различными слоями общества и массой народа, мы видимъ въ исторіи просвѣщенія и литературы XV столѣтія замѣчательно противоположныя явленія. Съ одной стороны—рядъ произведеній, свидѣтельствующихъ о вѣрномъ пониманіи дѣйствительности, о знаніяхъ и начитанности авторовъ не только въ Св. Писаніи и твореніяхъ Отцевъ церкви, но даже и о нѣкоторомъ знакомствѣ ихъ съ классическою литературой; этотъ рядъ произведеній заканчивается несомнѣнно-замѣчательнымъ богословскимъ трактатомъ — «Просвѣтителемъ» Іосифа Волоцкаго, направленнымъ противъ ереси жидовствующихъ. Съ другой стороны—видимъ рядъ явленій общественныхъ, свидѣтельствующихъ о глубокомъ невѣжествѣ даже въ верхнихъ слояхъ общества, и въ высшей степени замѣчательное по своей энергіи посланіе архіепископа Новгородскаго Геннадія, такъ ярко изобличающее полнѣйшую безграмотность ближайшихъ къ народу слоевъ духовенства, полнѣйшее безсиліе его противъ зараждающихся на Руси ересей, и что всего хуже—равнодушіе къ дѣлу просвѣщенія.

Духовная литература наша въ XV столѣтіи, — подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ важныхъ историческихъ событій и нѣкоторыхъ новыхъ религіозныхъ и общественныхъ вопросовъ, обратившихъ на себя преимущественное вниманіе духовенства, какъ сословія наиболѣе просвѣщеннаго,—весьма опредѣленно выра-

жается въ двухъ главныхъ отдѣлахъ: въ проповѣди *политической* и *общественной* (посланія къ князьямъ и частнымъ лицамъ), и въ литературѣ *полемической*, направленной противъ ересей и противъ тѣхъ, кто рѣшался брать еретиковъ подъ свою защиту. Сверхъ того, конечно, прежнимъ путемъ своимъ продолжала идти литература монастырская: въ стѣнахъ монастырей велась лѣтопись, переводили съ греческаго и продолжали составлять сборники, собирали свѣдѣнія о житіи и чудесахъ мѣстно-чтимыхъ подвижниковъ сѣверной Руси; но и въ этомъ отдѣлѣ монастырской литературы замѣтно въ XV в. также нѣкоторое движеніе впередъ, такъ какъ являются попытки литературнаго изложенія древнѣйшихъ преданій и сказаній о святыхъ писанныхъ простымъ народнымъ языкомъ: являются даже авторы, исключительно посвящающіе себя обработкѣ этого литературнаго рода, пріобрѣтающіе, подобно Симону и Поликарпу, громкую извѣстность своею литературною дѣятельностію.

Въ кругу событій политическихъ вниманіе передовыхъ дѣятелей изъ среды духовенства было обращено, конечно, на раздоры между князьями и на отношенія къ Татарамъ, могущество которыхъ было уже не страшно Руси, но еще не разрушено, не уничтожено въ конецъ, какъ оно было необходимо для полнаго спокойствія нашего отечества. Просвѣщеннѣйшіе, передовые представители духовнаго сословія (которое, къ чести своей, никогда не увлекалось, подобно западному духовенству, исключительно эгоистическими стремленіями къ обособленію, къ выдѣленію себя изъ народной среды) постоянно употребляли всѣ свои усилія на то, чтобы, съ одной стороны, сохранить миръ и цѣлость, неразрозненность Русской земли, въ которыхъ они и видѣли единственное спасеніе ея; а съ другой—направить всѣ силы этой, единой, сильной Руси противъ все еще грозныхъ остатковъ ордынскихъ. Въ ряду такого рода политическихъ и общественныхъ проповѣдей первое, по времени, мѣсто принадлежитъ посланіямъ св. Кирилла, знаменитаго основателя монастыря на Бѣлѣозерѣ. Мы уже выше упоминали о другихъ трудахъ этого замѣчательнаго подвижника, возбудившаго въ такой степени уваженіе къ себѣ современниковъ и ближайшаго потомства, что въ свидѣтели клятвъ княжескихъ, во время послѣднихъ между-княжескихъ усобицъ, имя его, какъ имя одного изъ покровителей сѣверовосточной Руси, призывалось вмѣстѣ съ именемъ св. Сергія. Впослѣдствіи, намъ еще не разъ придется упоминать объ основанной св. Кирилломъ обители Бѣлозерской, какъ о такой, которой, послѣ монастыря св. Сергія, предстояло имѣть болѣе другихъ значенія и въ гражданской, и въ литературной исторіи нашей древней Руси. На самой грани XIV и XV вв. встрѣчаемъ мы посланіе св. Кирилла къ великому князю Василію Дмитріевичу, писанное въ 1400 году, по поводу его раздоровъ съ Суздальскими князьями. «Чѣмъ болѣе святые приближаются къ Богу любовью, тѣмъ болѣе видятъ себя грѣшными»,—такъ обращается Кириллъ въ этомъ посланіи къ князю—;«ты, господинъ, пріобрѣтаешь себѣ великое спасеніе и пользу душевную тѣмъ своимъ смиреніемъ, что посылаешь ко мнѣ грѣшному, нищему, страстному и недостойному съ просьбою помолиться за тебя.... Я, грѣшный, съ братіею своею, радъ, сколько силы будетъ, молить Бога о тебѣ, нашемъ господинѣ; ты же самъ, Бога ради, будь внимателенъ къ себѣ и ко всему княженію твоему. Если въ кораблѣ гребецъ ошибется, то малый вредъ причинитъ плавающимъ; если же ошибется кормчій, то всему кораблю причинитъ пагубу: такъ если кто-нибудь изъ бояръ согрѣшитъ, то повредитъ этимъ одному себѣ; если же самъ князь, то причиняетъ вредъ всѣмъ людямъ. Возненавидь же, господинъ, все то, что влечетъ тебя на грѣхъ, бойся Бога, истиннаго Царя, и будешь блаженъ. Слышалъ я, господинъ князь великій, что большая смута (происходитъ) между тобою и сродниками твоими, князьями Суздальскими. Ты, господинъ, свою правду сказываешь, а они свою, и черезъ это между христіанами происходитъ великое кровопролитіе. Такъ посмотри, господинъ, повнимательнѣе, въ чемъ будетъ ихъ правда передъ тобою, и, по своему смиренію, уступи имъ; въ чемъ же будетъ твоя правда передъ ними, такъ ты за себя стой по правдѣ. Если же они станутъ тебѣ бить челомъ, то, Бога ради, пожалуй ихъ по ихъ мѣрѣ, ибо слышалъ я, что они до сихъ поръ были у тебя въ нуждѣ, и отъ того начали враждовать. Такъ Бога ради, господинъ, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы они не погибли, скитаясь въ татарскихъ странахъ.» Кромѣ этого посланія къ великому князю Василію Дмитріевичу до насъ дошли и еще два посла-

нія св. Кирилла къ братьямъ великаго князя: одно, къ князю Андрею Дмитріевичу Можайскому, въ удѣлѣ котораго находился и самый монастырь Кирилловъ; другое—къ князю Юрію Дмитріевичу, Звенигородскому, утѣшительное, по поводу болѣзни его княгини. Первое исполнено указаній на тѣ недостатки общественнаго строя, отъ которыхъ особенно страдалъ народъ въ отчинѣ князя Юрія; къ указаніямъ прибавлено нѣсколько наставленій о томъ, какъ слѣдуетъ поступать князю, «какъ властелину въ отчинѣ своей, отъ Бога поставленному унимать людей своихъ отъ лихаго обычая.» Послѣднее, утѣшительное посланіе къ князю Юрію Звенигородскому, особенно любопытно по слѣдующему заключенію, чрезвычайно живо характеризующему личность Кирилла и взглядъ современнаго инока на отношенія къ князю, повидимому, весьма дружественныя: «писалъ ты, господинъ князь Юрій», — такъ доканчиваетъ свое посланіе Кириллъ - «что давно желаешь видѣться со мною; то, ради Бога, не пріѣзжай ко мнѣ: если же поѣдешь ко мнѣ, то на меня придетъ искушеніе, и, покинувъ монастырь, уйду, куда Богъ укажетъ. Вы думаете, что я здѣсь добръ и святъ, а на дѣлѣ выходитъ, что я всѣхъ людей окаяннѣе и грѣшнѣе. Ты, господинъ князь Юрій, не осердись на меня за это: слышу, что божественное писаніе самъ въ конецъ разумѣешь, читаешь, и знаешь, какой намъ вредъ приходитъ отъ похвалы человѣческой, особенно намъ страстнымъ. Да и то, господинъ, разсуди: твоей вотчины въ нашей сторонѣ нѣтъ, и если ты поѣдешь сюда, то всѣ станутъ говорить: «только для Кирилла поѣхалъ». Былъ здѣсь братъ твой, князь Андрей, но (это другое дѣло:) здѣсь его вотчина, и намъ нельзя было ему, нашему господину, челомъ не ударить».

Гораздо еще болѣе важными по своему историческому значенію являются двѣ другія политическія проповѣди, относящіяся къ XV вѣку. Обѣ они были вызваны однимъ изъ важнѣйшихъ событій политической исторіи древней Руси въ правленіи Іоанна III - окончательнымъ сверженіемъ ига Татарскаго (въ 1480 г.). Нерѣшительность дѣйствій Іоанновыхъ противъ хана Ахмата, опасеніе тѣхъ бѣдствій, какія она могла навлечь на Русскую землю, и наконецъ, отчасти, чувство національной гордости, которой бы тяжело было уступить давнему и нестрашному болѣе врагу народному— все это побудило сначала митрополита Геронтія, вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ обратиться къ Іоанну съ «соборнымъ посланіемъ», въ которомъ указывалось на необходимость борьбы съ Татарами и на то, что самому Іоанну надлежитъ стоять во главѣ войска, для одушевленія его. Но это «соборное посланіе духовенства на Угру (13 ноября 1480)» не возимѣло надлежащаго дѣйствія. Іоаннъ медлилъ, нерѣшался, и даже сталъ вести съ Ахматомъ переговоры о мирѣ. Тогда архіепископъ Ростовскій Вассіанъ, духовникъ Іоанна и близкое ему, довѣренное лицо, отправилъ къ нему отъ себя лично другое посланіе, написанное съ замѣчательнымъ искусствомъ и весьма положительною убѣдительностью доводовъ. Стараясь подѣйствовать на нерѣшительнаго Іоанна, Вассіанъ пускаетъ въ ходъ и религіозную, и свѣтскую начитанность свою, старается возбудить въ немъ гордость и мужество и текстами изъ св. Писанія, и примѣрами изъ отечественной исторіи, и даже изреченіями классической мудрости. Въ заключеніе посланія, Вассіанъ весьма тонко разбиваетъ вѣроятно сильно дѣйствовавшіе на Іоанна доводы партіи, настаивавшей на необходимости примиренія съ Ахматомъ.

«Намъ государь великій»,—такъ начинаетъ Вассіанъ свое посланіе — «надлежитъ вспоминать вамъ, а вамъ — насъ слушать; и вотъ, нынѣ я дерзнулъ написать къ твоему благородству, такъ какъ хочу нѣчто вспомнить отъ Божественнаго Писанія, на сколько Богъ вразумилъ меня на крѣпость и утвержденіе твоей державы.... Дошли до насъ слухи, будто въ то время, когда уже бесерменинъ Ахматъ приближается и погубляетъ христіанство и въ особенности похваляется на тебя и на твое отечество, ты передъ нимъ смиряешься и молишь его о мирѣ, и къ нему посылаешь, а онъ все также дышетъ гнѣвомъ и твоего моленія не слушаетъ, но хочетъ до конца разорить христіанство.... Прослышали мы и о томъ, что прежніе твои развратники не перестаютъ шептать тебѣ въ уши льстивыя слова и совѣтуютъ тебѣ не противиться супостатамъ, но отступить и предать на расхищеніе волкамъ словесное стадо Христовыхъ овецъ... Умоляю тебя, не слушай ты такого совѣта ихъ.... Вѣдь что же совѣтуютъ тебѣ эти льстивые и лжеменитые, почитающіе себя христіанами? Да только то, чтобы побросавъ щиты свои и ни-

мало не сопротивляясь этимъ окаяннымъ сыроядцамъ, предавъ и христіанство, и свое отечество, ты бы вмѣстѣ съ ними, какъ бѣглецъ, скитался по инымъ странамъ. Помысли же, велемудрый государь! отъ какой славы и въ какое безчестіе сводятъ они твое величество, послѣ того, какъ такое множество народа погибло и столько церквей Божіихъ было разорено и осквернено. И кто же будетъ на столько каменосердеченъ, что невсплачется объ этой погибели? Убойся же и ты, о, пастырь! не отъ твоихъ ли рукъ взыщетъ Богъ кровь погибшихъ?... И куда же хочешь ты бѣжать, или гдѣ воцариться, погубивъ врученное тебѣ отъ Бога стадо?... И вотъ теперь, когда, какъ слышно, безбожный Агарянскій народъ, приблизился къ странамъ нашимъ, къ отечеству; уже поплѣнилъ онъ и многія смежныя съ нашимъ отечествомъ страны и на насъ движется—выходи же скорѣе ему на встрѣчу, взявъ на помощь Бога и Пречистую Богородицу, нашего христіанства Помощницу и Заступницу, и всѣхъ святыхъ и прими за образецъ себѣ прежде бывшихъ твоихъ прародителей великихъ князей: они не только Русскую землю обороняли отъ поганыхъ, но даже и другія страны завоевывали, хоть бы напр. Игорь, или Святославъ, или Владиміръ, которые брали дань съ Греческихъ царей; а потомъ и Владиміръ Мономахъ,—какъ и когда онъ бился съ окаянными Половцами за Русскую землю; да и многіе другіе, которые тебѣ болѣе насъ извѣстны. Также и достойный похвалъ великій князь Дмитрій, твой прародитель, каково мужество и храбрость показалъ за Дономъ надъ тѣми же сыроядцами окаянными? Самъ даже впереди всѣхъ бился, не щадя своей жизни ради избавленія христіанъ... Не усомнился онъ и не испугался множества Татаръ, не воротился назадъ, не сказалъ себѣ самому: у меня жена и дѣти, и богатства много; если даже и захватятъ мою землю, то я поселюсь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; нѣтъ! съ увѣренностью устремился онъ на подвигъ и выѣхалъ напередъ и лицемъ къ лицу сталъ противъ окаяннаго разумнаго волка, Мамая, усиливаясь исхитить изъ устъ его словесное стадо Христовыхъ овецъ—потому-то и всемилостивый Богъ.... послалъ ему скорую помощь, и ангеловъ, и св. мучениковъ, чтобы они помогали ему на супротивныхъ. — Если же ты на это скажешь, что мы еще отъ прародителей нашихъ клятвою обязаны не поднимать руки и не возставать противъ царя (т. е. хана); то послушай же, боголюбивый царь! если клятва эта бываетъ по нуждѣ, то намъ повелѣно прощать такія клятвы и разрѣшать, и мы — святѣйшій митрополитъ и весь боголюбивый соборъ — ихъ прощаемъ и разрѣшаемъ, и благословляемъ тебя противъ него, не какъ противъ царя, но какъ противъ разбойника, хищника и богоборца; лучше тебѣ солгать да остаться въ живыхъ, нежели держаться истины и погибнуть, пустивъ тѣхъ (т. е. татаръ) въ землю на разрушеніе и истребленіе всему христіанству, на запустѣніе и оскверненіе святымъ церквамъ. не слѣдуетъ тебѣ уподобляться окаянному Ироду, который не хотѣлъ клятвы преступить, (предполагается: неправильно-данной), и погибъ».

Имѣя возможность отличать здѣсь лишь наиболѣе крупныя литературныя явленія, мы не войдемъ въ подробный разборъ другихъ, болѣе или менѣе важныхъ, посланій политическаго характера, которыми весьма богато XV столѣтіе; таковы были напр. посланія митрополита Іоны (1448—1461) сначала къ Дмитрію Шемякѣ, потомъ къ Новгородцамъ—Псковичамъ и Вятчанамъ; митрополита Филиппа I (1464—1474) къ Новгородцамъ о покорности Іоанну III, и къ Іоанну III, съ ходатайствомъ о прощеніи Новгородцамъ ихъ винъ, если они въ нихъ раскаются, а также и многія другія однородныя съ этими произведенія.

Рядомъ съ проповѣдью политическою должна была, вслѣдствіе особыхъ и важныхъ историческихъ условій жизни XV вѣка, развиться и другая отрасль проповѣдей—*полемическая*. Правда, что и до того времени, проповѣдь полемическая существовала у насъ въ видѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ произведеній, направленныхъ различными нашими духовными лицами противъ нѣкоторыхъ подробностей обрядовой стороны латинства, а также и въ видѣ постоянныхъ поученій и проповѣдей противъ упорно державшихся у насъ на Руси языческихъ обычаевъ, несогласныхъ съ христіанскими вѣрованіями и воззрѣніями; но всѣ эти произведенія представляются намъ слабыми опытами, скорѣе поучительнаго, нежели полемическаго характера, и притомъ вызванными чисто-внѣшнею потребностью утвержденія въ паствѣ однообразныхъ религіозныхъ обычаевъ или поясненія разницы между обычаями нашей церкви и церкви Западной. Напротивъ того, появленіе ересей въ самой сре-

дѣ Церкви Русской (сначала ереси стригольниковъ, въ концѣ XIV вѣка, а потомъ ереси жидовствующихъ, въ концѣ XV вѣка) пробудило къ дѣятельности новыя силы, вызвало къ борьбѣ энергическихъ и сильныхъ защитниковъ цѣлости и единства преданій Восточной Церкви. Сначала, въ борьбѣ противъ ереси стригольниковъ, проявившейся во Псковѣ, принялъ горячее участіе митрополитъ *Фотій* (1410 — 1431), родомъ Грекъ, написавшій по этому поводу нѣсколько посланій Псковичамъ. Но гораздо болѣе важною и плодовитою въ историко-литературномъ отношеніи явилась дѣятельность *Геннадія*, архіепископа Новгородскаго (1485—1504) противъ ереси жидовствующихъ, когда она не только распространилась въ Новгородѣ и Псковѣ, но даже нашла себѣ приверженцевъ и послѣдователей въ кружкѣ людей, приближенныхъ къ Іоанну III, въ самой семьѣ государя, даже въ лицѣ митрополита Зосимы, обязаннаго своимъ поставленіемъ въ митрополиты вліятельнѣйшимъ представителямъ ереси жидовствующихъ. Къ борбѣ съ жидовствующими Геннадій привлекъ, между прочимъ, одного изъ замѣчательнѣйшихъ по уму и образованности представителей духовнаго сословія на Руси XV столѣтія. То былъ извѣстный своею религіозностью и строгой жизнью, основатель и игуменъ Волоколамскаго монастыря, *Іосифъ Санинъ* (р. 1440—1515), болѣе извѣстный подъ именемъ Іосифа *Волоцкаго*. Только при помощи неутомимой и замѣчательной энергіи этого инока,—на столько же отличавшагося глубокимъ разумѣніемъ Св. Писанія и твореній Отцевъ Церкви, на сколько и тонкимъ политическимъ тактомъ и практическимъ пониманіемъ жизни,—быстрые успѣхи ереси жидовствующихъ были пріостановлены, митрополитъ Зосима вынужденъ сложить съ себя санъ митрополичій, а самое ученіе и важнѣйшіе представители его подверглись на Соборѣ 1504 года строгому осужденію. Памятникомъ этой знаменитой борьбы Іосифа противъ ереси жидовствующихъ осталось его замѣчательное сочиненіе, извѣстное подъ общимъ названіемъ «Просвѣтитель», и заключающее въ себѣ 16 словъ, направленныхъ противъ еретиковъ и впослѣдствіи собранныхъ въ одно цѣлое. Эти слова Іосифа Волоцкаго представляютъ собою одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ нашей духовной литературѣ древнѣйшаго періода: — въ каждомъ изъ этихъ словъ является Іосифъ опытнымъ богословомъ, который всякую мысль свою умѣетъ подтвердить текстами, заимствованными изъ Св. Писанія и Отцевъ Церкви, умѣетъ и доказать ее, и пояснить разнообразными сравненіями и доводами. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе этого памятника, который все же, значительнѣйшею долею своего содержанія, принадлежитъ къ литературѣ чисто-догматической, и потому можетъ быть подробно разсматриваемъ только въ Исторіи Церкви, мы считаемъ однако же долгомъ своимъ сказать нѣсколько словъ объ остальныхъ сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго.

Іосифъ Волоцкой (въ мірѣ прозывавшійся Иваномъ Санинымъ) всю молодость свою провелъ въ Боровскомъ монастырѣ, на югѣ отъ Москвы, подъ руководствомъ игумена Пафнутія, прославленнаго святостью своей жизни и поддерживавшаго въ обители своей строгія правила иноческой жизни, введенныя въ уставъ нашихъ сѣверо-восточныхъ монастырей св. Сергіемъ и св. Кирилломъ Бѣлозерскимъ. «Строгъ былъ искусъ, которому подвергся Іосифъ въ Пафнутіевскомъ монастырѣ» —говоритъ Соловьевъ—; «но это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые не утомляются никакими трудами, никакими лишеніями, не останавливаются никакими препятствіями при достиженіи разъ предназначенной цѣли. Когда, по смерти Пафнутія, Іосифа избрали игуменомъ Боровскаго монастыря, то онъ ужь не довольствовался уставомъ, который былъ въ силѣ во времена Пафнутія, но хотѣлъ ввести уставъ строжайшій; когда же большинство братіи не согласилось на это, Іосифъ оставилъ Пафнутіевъ монастырь, посѣтилъ другія обители, присматриваясь къ уставамъ и выбирая, какой бы былъ построже, наконецъ рѣшился основать свой собственный монастырь въ лѣсахъ Волоколамскихъ, съ самымъ строгимъ общежительнымъ уставомъ; какъ Іосифъ не любилъ останавливаться (въ исполненіи предпринятаго имъ) доказывается тѣмъ, что, запретивъ женщинамъ входъ въ монастырь и всякое сношеніе съ братіею, онъ самъ себѣ не позволилъ видѣться съ престарѣлою матерью».

Строгій къ самому себѣ, Іосифъ постоянно являлся строгимъ и по отношенію къ другимъ, и мысли свои о значеніи иночества, о достоинствѣ монашеской жизни, выразилъ вполнѣ въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Сказаніе о св. отцахъ монастырей русскихъ». Здѣсь, расказывая о знаменитѣйшихъ подвижникахъ рус-

скихъ, приводя въ примѣръ современному монашеству и св. Сергія, и св. Кирилла, онъ настаиваетъ на необходимости строгихъ мѣръ для поддержанія строгости и чистоты иноческой жизни. Та же самая суровость и даже нѣкоторая фанатическая жестокость (впрочемъ весьма понятная и простительная въ одномъ изъ наиболѣе энергическихъ русскихъ людей XV столѣтія) проявились и въ борьбѣ Іосифа съ ересью жидовствующихъ, представители которой, по настоянію его, преданы были казни или подверглись ссылкѣ и заточенію. Іосифъ, съ нѣкоторымъ самодовольствомъ и полнѣйшимъ спокойствіемъ, говоритъ о томъ, что «державный повелѣлъ всѣхъ отвергшихся Христа и по жидовски мудрствующихъ однихъ огню предать, другимъ языки рѣзать и наказывать ихъ другими способами». Іосифъ въ этомъ случаѣ даже до такой степени увлекается мыслью о необходимости искорененія ереси при помощи жестокихъ, немилосердыхъ казней, что отказывается и вѣрить въ чистосердечіе раскаянія, принесеннаго нѣкоторыми еретиками передъ казнью. «Если кто изъ нихъ (т. е. еретиковъ) хочетъ покаяться искренно, можетъ сдѣлать это и въ темницѣ: среди скорбей и бѣдъ Богъ еще болѣе слышитъ кающихся».

Но изъ этого фанатическаго и жестокаго отношенія къ еретикамъ, конечно, еще не слѣдуетъ дѣлать никакого окончательнаго и неблагопріятнаго вывода относительно характера Іосифа Волоцкаго, какъ человѣка, и тѣмъ болѣе, какъ лица духовнаго. Лучшимъ доказательствомъ того, что Іосифъ, строгій къ себѣ и къ другимъ монашествующимъ, умѣлъ отличать частную жизнь и дѣятельность отъ дѣятельности общественной, можетъ служить его же посланіе къ одному вельможѣ, *«о милованьи рабовъ»*. Въ этомъ посланіи тотъ же суровый инокъ Волоколамскій, который такъ настоятельно требовалъ казни еретикамъ, неменѣе настойчиво указываетъ одному изъ приближенныхъ къ Государю вельможъ на необходимость снисхожденія и мягкости въ обращеніи съ домочадцами; онъ увѣщеваетъ его нетолько быть милосердымъ по отношенію къ нимъ, но и заботиться объ удовлетвореніи важнѣйшихъ нуждъ ихъ. «Богъ на тебѣ свою милость показалъ и государь тебя пожаловалъ»— говоритъ Іосифъ въ этомъ посланіи къ вельможѣ,—«такъ и тебѣ надлежитъ твоихъ слугъ пожаловать».

Энергическая и ожесточенная борьба Іосифа противъ еретиковъ, пользовавшихся такимъ важнымъ значеніемъ въ Москвѣ, а также и суровое отношеніе его къ монашествующимъ вообще, должны были возбудить противъ Іосифа весьма многихъ противниковъ, создать ему въ различныхъ слояхъ общества множество враговъ. Это враждебное отношеніе къ нему высказалось въ цѣломъ рядѣ протестовъ со стороны монаховъ Кириллова монастыря и монастырей вологодскихъ, которые съ замѣчательною ироніею обличали Іосифа въ томъ, что онъ позволялъ себѣ быть такимъ суровымъ и жестокимъ по отношенію къ своимъ ближнимъ (т. е. къ еретикамъ), тогда какъ Господь повелѣваетъ прощать согрѣшающаго брата даже и въ томъ случаѣ, если онъ *«до семьдесятъ седмерицею согрѣшитъ»*. Но еще рѣзче высказалась эта вражда къ Іосифу на соборѣ 1503 года, когда поднятъ былъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть землями и селами?

Вопросъ этотъ занималъ наше монашество еще въ XIV вѣкѣ, какъ видно изъ письма митрополита Кипріяна къ игумену Аѳанасію. «Села и людей держать инокамъ не предано св. отцами» — пишетъ митрополитъ. — «Какъ можно разъ отрекшемуся міра и всего мірскаго снова обязываться мірскими дѣлами... и являться преступникомъ заповѣди апостольской?» Много разъ и послѣ Кипріяна вопросъ объ имѣніяхъ монастырскихъ разработывался различными представителями нашего духовнаго сословія; нѣкоторыхъ изъ нихъ, конечно, должно было непріятно поражать то, что многіе монастыри, богатые землями и селами, вынуждены были наконецъ выступить на чисто-практическую дорогу, и среди тѣхъ мірскихъ обязанностей, какія налагаемы бывали на нихъ заботами объ управленіи селами и собираніи съ нихъ доходовъ, небрежно относились къ своимъ иноческимъ трудамъ и обязанностямъ. Вслѣдствіе этого, въ разное время и съ разныхъ сторонъ слышались голоса, прямо высказывавшіеся противъ владѣнія монастырей селами и землями, требовавшіе того, чтобы владѣнія монастырей были отобраны въ казну Государеву, а монахи вынуждены довольствоваться добровольными пожертвованіями со стороны и заработывать себѣ пропитаніе трудами собственныхъ рукъ. Защитникомъ этого мнѣнія явился на соборѣ 1503 года *Нилъ*

Майковъ, болѣе извѣстный подъ именемъ *Сорскаго* (по обители, основанной имъ на рѣкѣ Сорѣ, не вдалекѣ отъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря). Нилъ, долго странствовавшій по восточнымъ обителямъ и нѣсколько лѣтъ проживщій въ Аѳонскихъ монастыряхъ, сильно увлекался идеаломъ пустынножительства, и считается у насъ въ Россіи основателемъ такъ называемаго «житія скитскаго». На основаніи своего, нѣсколько идеальнаго, взгляда на иночество, Нилъ видѣлъ въ монастырѣ общество людей, отказавшихся отъ всего мірскаго; это общество, по его мнѣнію, должно было явиться тѣмъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ менѣе представлялось ему случаевъ къ столкновенію съ міромъ. Вотъ почему Нилъ требовалъ, чтобы у монастырей селъ не было, чтобы чернецы жили по пустынямъ и кормились рукодѣльемъ. Противъ такого идеальнаго взгляда на монашество сильно вооружился Іосифъ Волоцкой. Вполнѣ сознавая то важное, цивилизующее значеніе, какое монастыри имѣли для Руси XV вѣка, какъ единственные разсадники просвѣщенія, Іосифъ, кромѣ того видѣлъ въ нихъ центры, изъ которыхъ выходили представители власти церковной: епископы, архіепископы, митрополиты. Въ обезпеченности монастырей онъ не могъ не видѣть одного изъ важныхъ условій ихъ матерьяльнаго благосостоянія, которое въ тѣ отдаленныя и тяжкія времена такъ рѣзко отличало монаховъ отъ остальныхъ сословій и такъ много способствовало въ нихъ развитію любви къ книжному ученью и грамотности вообще: — а эти стороны быта могли существовать и развиваться на Руси XV вѣка только въ стѣнахъ монастырей, такъ какъ только иноку, въ его кельѣ, являлась возможность спокойно пользоваться удобствами безопаснаго и обезпеченнаго досуга. Мнѣніе Іосифа Волоцкаго взяло верхъ на соборѣ надъ мнѣніемъ Нила Сорскаго и великій князь оставилъ вопросъ объ имѣньяхъ монастырскихъ безъ разрѣшенья. Но этому вопросу суждено было еще долгое время волновать и раздѣлять русское духовенство, и поддерживать полемическую литературу, въ средѣ которой сторонники владѣнія монастырей селами и землями получили даже названіе *Осифлянъ* (т. е. Іосифлянъ), и объ этихъ «Осифлянахъ» противники ихъ, говорили, что они «люты, безчеловѣчны и лукавы зѣло, и властей, и имѣній желатели», намекая тѣмъ, конечно, что всѣ эти нелестныя свойства заимствованы ими отъ того главы ихъ, который на довольно разумномъ основаніи рѣшился опровергнуть слишкомъ идеальныя воззрѣнія Нила на современное положеніе и на значеніе монастырей русскихъ.

Въ заключеніе этой главы, мы не можемъ пройти молчаніемъ двухъ весьма важныхъ явленій современной русской жизни XV вѣка, тѣмъ болѣе, что они были на столько же вызваны необходимостью борьбы противъ ереси жидовствующихъ, на сколько и современная, только что помянутая нами выше, полемическая литература, обогатившаяся въ короткое время столь многими сочиненіями Геннадія, Фотія и Іосифа Волоцкаго. Одно изъ этихъ явленій—потребность въ книжномъ ученіи и въ грамотности, какъ въ одномъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ для предотвращенія глубоко-невѣжественной массы отъ довѣрчиваго и легкаго перехода на сторону первой явившейся ереси. Любопытнымъ памятникомъ сознательнаго пониманія этой потребности просвѣщеннѣйшимъ изъ представителей современнаго духовенства сохранилось намъ посланіе Геннадія къ митрополиту Симону; въ этомъ посланіи онъ описываетъ митрополиту печальное положеніе своей новгородской паствы и проситъ его ходатайства предъ Іоанномъ III объ устроеніи училищъ, въ которыхъ чувствовалась тѣмъ болѣе настоятельная нужда, что некого было ставить въ попы, и очень часто не только полуграмотные, но даже вовсе безграмотные люди посвящаемы были въ духовный санъ.

«Билъ я челомъ»—пишетъ, между прочимъ, Геннадій въ этомъ посланіи къ митрополиту— «государю и великому князю, чтобы велѣлъ училища устроить: вѣдь я своему государю напоминаю объ этомъ для его же чести и спасенія, а намъ бы просторъ былъ; когда приведутъ ко мнѣ ставленника грамотнаго, то я велю ему ектенью выучить, да и ставлю его, и отпускаю тотчасъ же, поучивъ, какъ божественную службу совершать; и такіе на меня не ропщутъ. Ну, а вотъ приведутъ ко мнѣ мужика: я велю ему апостолъ дать читать, а онъ и ступить не умѣетъ; велю дать псалтирь—онъ и по тому едва бредетъ; ему откажу — а они кричатъ: «земля, господинъ, такая, не можемъ добыть человѣка, кто бы грамотѣ умѣлъ»; но вѣдь это всей землѣ позоръ, будто нѣтъ въ землѣ человѣка, кого бы можно въ попы поставить! Бьютъ мнѣ челомъ: «пожалуй, госпо-

динъ, вели учить!» Вотъ я и прикажу учить его ектеніямъ, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему одно, а онъ—совсѣмъ другое; велю учить азбукѣ; а онъ, поучившись немного, да и просится прочь, ужь не хочетъ учиться; а иной и учится, да не усердно, и потому живетъ долго. Вотъ такіе-то меня и бранятъ; а мнѣ что же дѣлать? Не могу, не учивши, ихъ поставить. Для того-то я и бью челомъ государю, чтобъ велѣлъ училища устроить: его разумомъ и грозою, а твоимъ (митрополита Симона) благословеніемъ это дѣло исправится, и ты бы, господинъ отецъ нашъ государей нашихъ великихъ князей просилъ, чтобъ велѣли училища устроить; а мой совѣтъ таковъ, что учить въ училищѣ сперва азбукѣ, а потомъ псалтири съ слѣдованьемъ накрѣпко; — когда это выучатъ, то могутъ читать всякія книги. А вотъ мужики невѣжды учатъ ребятъ, такъ только рѣчь имъ портятъ: прежде выучатъ вечерню, и за это мастеру принесутъ кашу, да гривну денегъ; за заутреню тоже, или еще и больше; за часы особенно, да подарки еще несетъ кромѣ условной платы; а отъ мастера отойдетъ—ничего не умѣетъ, только бредетъ по книгѣ, о церковномъ же порядкѣ понятія не имѣетъ. Если государь прикажетъ учить и цѣну назначитъ, что брать за ученье, то учащимся будетъ легко, а противиться никто не посмѣетъ; да что бы и поповъ ставленныхъ велѣлъ учить, потому что нерадѣнье въ землю (нашу) вошло. Вотъ теперь у меня побѣжали четверо ставленниковъ—Максимко, да Куземко, да Аѳанасько, да Емельянко мясникъ: этотъ и съ недѣлю не поучился — побѣжалъ; православны ли такіе будутъ!? По мнѣ такихъ нельзя ставить въ попы; о нихъ Богъ сказалъ чрезъ пророка: «ты разумъ мой отверже, азъ же отрину тебе, да не будеши мнѣ служитель».

Другимъ важнымъ слѣдствіемъ борьбы съ жидовствующими явилось первое полное собраніе книгъ св. писанія на славянскомъ языкѣ, составленное при томъ же архіепископѣ Новогородскомъ Геннадіѣ, въ 1499 году, и сохранившееся до нашего времени подъ названіемъ «Сѵнодальнаго списка Библіи». До этого времени въ нашей письменности не было полнаго собранія всѣхъ каноническихъ книгъ св. Писанія; потребность въ такомъ полномъ собраніи не чувствовалась нашимъ духовенствомъ, благодаря печальному положенію нашего просвѣщенія, до тѣхъ поръ, пока ожесточенная полемика съ жидовствующими не вынудила наше духовенство озаботиться собраніемъ всѣхъ книгъ св. писанія въ одинъ общій сводъ, тѣмъ болѣе, что жидовствующіе весьма часто почерпали доводы въ подтвержденіе своего ученія именно изъ тѣхъ книгъ, которыя не находились подъ руками у Геннадія и другихъ искоренителей ереси. Это неудобство побудило Геннадія не только собрать воедино всѣ разрозненные списки отдѣльныхъ библейскихъ книгъ, но даже и пополнить кругъ ихъ новыми переводами тѣхъ книгъ, которыя не дошли до насъ въ древнихъ славянскихъ переводахъ, совершенныхъ братьями первоучителями. Въ списокъ библіи, составленный Геннадіемъ, вошелъ весь Новый Завѣтъ, а въ число книгъ Ветхаго Завѣта внесено было нѣсколько книгъ вновь переведенныхъ съ латинскаго печатнаго перевода библіи, извѣстнаго подъ названіемъ «Вульгаты», такъ какъ не нашлось людей, достаточно знакомыхъ съ греческимъ языкомъ, дабы предпринять переводъ тѣхъ же книгъ съ греческаго текста. Въ числѣ сотрудниковъ Геннадія въ этомъ обширномъ и многознаменательномъ трудѣ упоминаютъ доминиканца Веніамина, родомъ славянина (прибывшаго въ Россію въ 1490 г., съ братомъ великой княгини Софьи), который перевелъ Маккавейскія книги, и Дмитрія Герасимова, состоявшаго переводчикомъ въ посольскомъ приказѣ, побывавшаго съ разными порученіями въ Швеціи, Даніи, Пруссіи, въ Вѣнѣ и Римѣ. Онъ переводилъ для Геннадія, кромѣ библейскихъ книгъ, нѣкоторыя сочиненія, нужныя для полемики съ жидовствующими, и служившіе на западѣ для обличенія Іудеевъ.

X.

ЗНАЧЕНІЕ МОНАСТЫРЕЙ НА СѢВЕРО-ВОСТОКѢ РУСИ. — ЖИТІЯ И ДУХОВНЫЯ СКАЗАНІЯ. — АВТОРЫ И СОБИРАТЕЛИ ЖИТІЙ; ИХЪ ВОЗЗРѢНІЯ И СПОСОБЪ ИЗЛОЖЕНІЯ.— АПОКРИФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Въ предыдущей главѣ мы представили небольшой обзоръ тѣхъ литературныхъ явленій, которыя въ XV вѣкѣ явились въ ряду духовныхъ и религіозно-нравственныхъ произведеній литературы, въ видѣ новаго литературнаго рода, вызваннаго къ жизни новыми историческими и политическими условіями быта древней Руси. Въ то время, когда проповѣдь наша принимала политическое направленіе, а ереси и другіе живые современные вопросы вызывали образованнѣйшихъ представителей нашего духовенства къ участію въ весьма оживленной полемической литературѣ, прежніе роды литературы продолжали существовать и даже развиваться и видоизмѣняться, сообразно современнымъ потребностямъ. Въ числѣ первыхъ произведеній литературныхъ, зародившихся подъ вліяніемъ Византіи на почвѣ юной, только что просвѣщенной христіанствомъ юго-западной Руси, мы уже видѣли «житіе» и «лѣтопись». Затѣмъ видѣли мы лѣтопись, въ дальнѣйшемъ ея развитіи, на нашемъ сѣверо-востокѣ, дополненную лѣтописными повѣстями и сказаніями объ отдѣльныхъ событіяхъ и лицахъ историческихъ. Что же касается «житія», которое такъ богато и многообразно развилось у насъ въ древнемъ періодѣ, въ Кіевѣ, какъ главномъ центрѣ древне-русской образованности, и способствовало даже образованію довольно обширныхъ патериковъ, то этому литературному роду суждено было и на сѣверѣ идти если не самостоятельнымъ, то все же довольно своеобразнымъ путемъ развитія. Татарщина положила рѣзкую грань между историческою жизнью русскою, развивавшеюся въ теченіе древнѣйшаго періода на юго-западѣ Руси, и дальнѣйшимъ развитіемъ той же исторической жизни на сѣверо-востокѣ; и эта же грань всего яснѣе и рѣзче выразилась въ нашей монастырской литературѣ. Монастыри. въ юго-западной Руси, служили центрами, изъ которыхъ по лицу земли русской разливался свѣтъ истинной вѣры Христовой и распространялось книжное ученіе. Подъ сильнымъ, непосредственнымъ вліяніемъ Византіи, въ монастыряхъ русскихъ уже очень рано пробудилась потребность создать свою особую исторію, собирать и, записывая, передавать потомству факты своей внутренней жизни, черты изъ жизни подвижниковъ, явившихся на чисто-русской почвѣ, среди условій русской дѣйствительности. Въ составъ этихъ чисто-русскихъ житій вошло очень много такихъ чертъ, которыя вовсе не принадлежали русской дѣйствительности, и почти цѣликомъ были занесены въ русскія *житія* изъ подобныхъ же произведеній литературы византійской, послужившихъ образцами рода для русскихъ авторовъ житій, близко знакомыхъ съ греческими патериками. Однообразіе русскаго монастырскаго быта, сходнаго по условіямъ своимъ съ бытомъ монастырей греческихъ, одинаковость религіозныхъ убѣжденій и воззрѣній, а болѣе всего, пламенное стремленіе возвыситься до того нравственнаго уровня, на которомъ авторы византійскихъ житій изображали своихъ подвижниковъ — все это способствовало сильному развитію подражательнаго направленія въ авторахъ первоначальныхъ русскихъ патериковъ. Быстрый успѣхъ и процвѣтаніе этого литературнаго рода въ древнемъ до-татарскомъ періодѣ именно тѣмъ и объясняется, что житія русскихъ подвижниковъ часто могли заключать въ себѣ лишь очень немного чисто-русскихъ, оригинальныхъ чертъ, только примѣненныхъ, приспособленныхъ къ общей и довольно однообразной канвѣ житія въ той формѣ, въ какой оно сложилось въ литературѣ византійской. Но, когда, вслѣдствіе тяжкихъ ударовъ, нанесенныхъ древне-русскому удѣльно-вѣчевому укладу, Русь сѣверо-восточная рѣзко отдѣлилась отъ Руси юго-западной и зажила своею новою жизнью, сосредоточиваясь около новаго центра, Москвы; тогда и монастырскій бытъ значительно измѣнился. Монашество явилось, какъ мы уже видѣли выше, привиллегированнымъ, въ исключительное положеніе поставленнымъ сословіемъ, и самые монастыри, стали пользоваться значительнымъ бла-

госостояніемъ и полною безопасностью среди объднѣвшей, раззоренной и полудикой страны. Оставаясь по прежнему центрами религіознаго движенія, высылавшими изъ себя колоніи смѣлыхъ и предпріимчивыхъ миссіонеровъ, они въ то же время стали и передовыми проводниками цивилизаціи среди непроходимыхъ лѣсовъ и глухихъ дебрей русскаго сѣверо-востока. Монастырь владѣлъ землями, водами и лѣсами; монастырю подчинялись и жившіе на его земляхъ поселыцы, при помощи которыхъ монастырь обработывалъ земли свои, питалъ на тучныхъ пастбищахъ многочисленныя стада, занимался промыслами, велъ торговлю. Монастырю же принадлежало и право суда надъ всѣми поселенцами, жившими въ его владѣніяхъ. Монастырю, слѣдовательно, приходилось вносить въ жизнь того полудикаго населенія, среди котораго онъ основывался, не только высокія начала религіи, но и не менѣе высокія начала гражданственности и права. Выше уже говорили мы о тѣхъ условіяхъ историческихъ, которыя, значительно замедливъ ходъ образованія въ Россіи, сдѣлали его доступнымъ для немногихъ; они способствовали сильному пониженію общаго уровня образованности даже и въ такихъ центрахъ, какъ монастыри, несмотря на то, что эти центры пользовались обезпеченнымъ бытомъ и безопаснымъ досугомъ — двумя важными условіями, необходимыми для успѣховъ просвѣщенія на первыхъ ступеняхъ его развитія. Вслѣдствіе этихъ условій, монастыри сѣверо-восточной Руси, лишенные тѣхъ богатыхъ средствъ къ образованію, какими обладали монастыри юго-западной Руси, стали значительно уступать имъ въ образованности, и въ пристрастіи къ книжному ученію; но за то имъ суждено было болѣе сблизиться съ жизнью дѣйствительною, болѣе проникнуться сознательнымъ пониманіемъ нуждъ и потребностей окружавшаго ихъ русскаго міра. Такое новое направленіе монастырской жизни не могло не отразиться и на монастырской литературѣ. Когда, къ концу XIV вѣка, возникшія на сѣверо-востокѣ Руси обители, достигли высокаго значенія и стали оказывать важное вліяніе на историческія судьбы нашего отечества, въ монашествѣ должно было явиться весьма естественное стремленіе къ написанію житій тѣхъ новыхъ сѣверно-русскихъ подвижниковъ, которые, жизнью и дѣятельностью своею, привлекли къ себѣ вниманіе всего крещенаго міра и заслужили глубоко-почтительнаго, благодарнаго воспоминанія въ потомствѣ. Такъ, прежде всѣхъ другихъ, должны были, конечно, явиться житія такихъ славныхъ дѣятелей, какъ св. Сергій, св. Кириллъ Бѣлозерскій, Алексѣй Митрополитъ, Пафнутій Боровскій, Стефанъ Пермскій. Вслѣдъ за этими житіями, послѣ того, какъ они уже пріобрѣли нѣкоторую извѣстность, много разъ были и переписываемы, и передѣлываемы въ разныхъ концахъ Руси, должны были явиться житія менѣе крупныхъ, менѣе замѣчательныхъ подвижниковъ, пользовавшихся не столь обширною, всероссійскою извѣстностію — житія такъ-называемыхъ «мѣстно-чтимыхъ» святыхъ. Мало по малу, въ каждомъ монастырѣ, образовалась своя небольшая литература житій, въ которыхъ на первомъ планѣ являлась личность основателя обители, и около нея группировались остальныя личности болѣе или менѣе замѣчательныхъ сподвижниковъ его. Ни одно изъ этихъ житій, конечно, не являлось сразу въ формѣ полнаго, подробнаго разсказа о жизни и дѣятельности того или другаго подвижника; подробный и полный разсказъ являлся большею частію только уже развитіемъ и подновленіемъ первоначальной краткой записи или редакціи, въ которую очень просто и безъ всякой претензіи на литературныя достоинства произведенія, заносимы были преданія, собранныя изъ устъ братіи и относившіяся къ жизни и дѣятельности того или другаго подвижника. Эти первоначальныя редакціи житій, послужившія основнымъ матеріаломъ для дальнѣйшаго развитія той же самой темы, были и писаны большею частію языкомъ простымъ, народнымъ. Этими-то первоначальными редакціями житій, въ XV вѣкѣ, и воспользовались нѣкоторые талантливые дѣятели, какъ богатымъ матерьяломъ для подробныхъ и литературнымъ образомъ изложенныхъ жизнеописаній русскихъ святыхъ. Въ числѣ литературныхъ дѣятелей XV вѣка, посвятившихъ себя преимущественно дѣлу изысканія, собиранія и подробнаго изложенія нашихъ житій особенно прославился іеромонахъ *Епифаній*, прозванный *премудрымъ* и составившій житіе Сергія Радонежскаго; знаменитый архіепископъ Вассіянъ, авторъ уже извѣстнаго намъ посланія на Угру къ Іоанну III-му, написалъ житіе учителя своего, св. Пафнутія Боровскаго. Но гораздо важнѣе, въ этомъ отношеніи, заслуги другаго дѣятеля, — Серба родомъ — по прозванію Пахомія Логофета. Онъ

прибылъ въ Россію при великомъ князѣ Василіѣ Васильевичѣ (около 1460 г.) и сначала жилъ въ Новѣгородѣ, при архіепископѣ Іонѣ, а послѣ смерти его перешелъ на житье въ Троице-Сергіевъ монастырь. Во время пребыванія своего въ Новѣгородѣ онъ, по желанію архіепископа Іоны, занимался изложеніемъ житій Новгородскихъ чудотворцевъ; здѣсь написаны имъ житія Варлаамія Хутынскаго, Саввы Вишерскаго, архіепископовъ Новгородскихъ: Евфимія и Моисея. Впослѣдствіи, переселившись подъ Москву, онъ продолжалъ заниматься изложеніемъ житій, и написалъ еще житіе Алексѣя Митрополита, а также передѣлалъ и дополнилъ сочиненное Епифаніемъ житіе Сергія Радонежскаго.

Авторъ «Исторіи Русской Церкви», Макарій, замѣчаетъ что, «въ числѣ житій, нѣкоторыя, подобно позднѣйшимъ нашимъ лѣтописямъ, не мало искажены многословіемъ, преувеличеніями, даже несообразностями историческими и противорѣчіями». Съ этой стороны онъ признаетъ, что житія не всегда могутъ быть съ одинаковымъ удобствомъ употребляемы, какъ матерьялъ для Исторіи Русской Церкви; но, по отношенію къ исторіи русской литературы, житія представляютъ матеріялъ драгоцѣнный и доселѣ, къ сожалѣнію, еще весьма мало обработанный. Житія важны не только въ томъ смыслѣ, что авторы ихъ, при изложеніи фактовъ жизне-описанія того или другаго святаго, высказываютъ свои взгляды на современность, въ живыхъ и яркихъ чертахъ обрисовываютъ намъ нравы и понятія современнаго общества, его вѣрованія и предразсудки:—они важны еще и въ томъ отношеніи, что часто, авторъ житія, увлекаясь красотами поэтическаго вымысла, заноситъ на страницы своего сочиненія, рядомъ съ преданіями о св. подвижникѣ, преданія миѳическія, почерпнутыя изъ устъ народа, и нерѣдко примѣняетъ ихъ къ тѣмъ лицамъ и событіямъ, которыя составляютъ главную сущность излагаемаго авторомъ жизнеописанія. Такимъ образомъ строгое и благочестивое житіе, подъ вліяніемъ народныхъ преданій, иногда обращалось въ *духовное сказаніе* или такъ-называемую *легенду*, въ которой поэтическій вымыселъ въ значительной степени преобладалъ надъ историческою истиною, почему Церковь, съ теченіемъ времени, стала вовсе отвергать нѣкоторыя духовныя сказанія и строго отличать ихъ отъ признаваемыхъ ею *житій*. Въ прибавленіи къ этой главѣ мы ознакомимъ читателей нашихъ съ способомъ изложенія въ житіяхъ и сказаніяхъ; въ настоящую же минуту мы должны еще добавить нѣсколько подробностей къ общему обзору исторіи произведеній этого литературнаго рода у насъ на Руси.

Житія, сдѣлавшіяся съ теченіемъ времени любимымъ чтеніемъ современныхъ грамотныхъ людей и любимѣйшею темою изложенія современныхъ книжниковъ, размножились у насъ въ началѣ слѣдующаго XVI столѣтія, до чрезвычайности. Подобно Іонѣ, заботившемуся о написаніи житій Новгородскихъ чудотворцевъ, другой архіепископъ Новгородскій, Макарій, впослѣдствіи бывшій митрополитомъ (съ 1542 г.), озаботился собраніемъ всѣхъ важнѣйшихъ житій и составленіемъ изъ нихъ общаго свода, который долженъ былъ заключать въ себѣ *«всѣ книги чтомыя, какія обрѣтались въ русской землѣ»*. Этотъ сводъ, въ которомъ матерьялъ для чтенія распредѣленъ, по числу мѣсяцевъ года, въ двѣнадцати большихъ книгахъ, получилъ названіе «Четьихъ-Миней», которыя прозваны *великими* или *Макарьевскими* Четьи-Минеями, въ отличіе отъ *малыхъ* Четьихъ-Миней, сокращенно составленныхъ впослѣдствіи св. Димитріемъ Ростовскимъ на основаніи труда Макарія. При составленіи своего обширнаго свода, Макарій изъ многихъ рукописей одного житія выбиралъ лучшія, по его мнѣнію; другія житія приказывалъ исправлять по отношенію къ слогу или оттѣнкамъ языка, на которомъ иногда замѣтны были слѣды первоначальной болгарской или сербской редакціи; третьи, наконецъ, Макарій приказывалъ совсѣмъ передѣлывать и писать вновь. Такъ, напримѣръ, бояринъ Михаилъ Тучковъ, по желанію Макарія, вновь написалъ житіе Михаила Клопскаго, «затѣмъ, что прежнее было очень просто написано». Это свѣдѣніе о причинѣ, побудившей къ написанію житія, прекрасно характеризуетъ самый способъ изложенія житій, вошедшихъ въ составъ громаднаго сборника, составленнаго Макаріемъ. Способъ изложенія этихъ произведеній вообще отличается напыщенностью, искусственностью и полнымъ отсутствіемъ той простоты, которая служитъ однимъ изъ лучшихъ украшеній сжатаго и немногосложнаго разсказа житій въ ихъ древнихъ, первоначальныхъ редакціяхъ. Во многихъ отношеніяхъ, однако же, любопытно и поучительно то вступленіе, который, только что помянутый нами авторъ житія св.

Михаила Клопскаго предпосылаетъ своему сочиненію, стараясь пояснить читателямъ значеніе подобнаго рода произведеній, въ сравненіи съ величавыми отголосками классическаго эпоса, дошедшаго до нашихъ предковъ въ болѣе или менѣе полныхъ отрывкахъ:

«Слышалъ я нѣкогда», — пишетъ благочестивый авторъ житія св. Михаила Клопскаго— «какъ читали книгу о разореніи Трои. Въ этой книгѣ сплетены многія похвалы Эллинамъ отъ Омира и Овидія. Ради одной ихъ буйственной храбрости, память о нихъ сохранилась такъ долговременно. Хотя Геркулесъ былъ храбръ, но онъ погруженъ былъ въ глубину нечестія и тварь почиталъ выше Творца. Также Ахиллъ и сыны троянскаго царя Пріама, будучи эллины, похвалялись отъ эллинъ и удостоились соблазнительной славы. Во сколько же болѣе должны мы похвалять и почитать святыхъ и преблаженныхъ нашихъ чудотворцевъ, которые одержали столь великую побѣду надъ врагами и получили отъ Бога столь великую благодать, что не только люди, но и ангелы почитаютъ и славятъ ихъ. Мы-ли, послѣ этого, оставимъ эти чудеса втунѣ, не проповѣдуя о нихъ?»

Говоря о житіяхъ святыхъ, какъ о такомъ литературномъ родѣ, который получилъ особенную извѣстность и распространеніе въ XV и XVI вв., нельзя не упомянуть о цѣломъ рядѣ другаго рода произведеній, которыя были на столько же любимымъ чтеніемъ грамотныхъ предковъ нашихъ, на сколько и житія; и хотя произведенія эти (извѣстныя подъ названіемъ *книгъ апокрифическихъ*, *отреченныхъ* или *ложныхъ*), по большей части, не заключали въ себѣ ничего общаго съ религіей и нравственностью, однако же ихъ заглавія, а до нѣкоторой степени и самое содержаніе, носили на себѣ такую обманчивую внѣшность религіозности и благочестія, что любители книжнаго ученія собирали ихъ, переписывали и читали съ такимъ же точно рвеніемъ, какъ и книги Св. Писанія, творенія св. Отцевъ Церкви и житія прославленныхъ нашихъ подвижниковъ.

Церковь христіанская, съ первыхъ вѣковъ своего существованія, озаботилась о томъ, чтобы строго опредѣлить кругъ чтенія христіанина; желая оградить его отъ вымысловъ и ухищреній разныхъ еретиковъ, которые поддѣлываясь подъ тонъ и духъ Св. Писанія, составляли ложныя книги Ветхаго и Новаго Завѣта, Церковь признала правильными, дѣйствительно-принадлежащими къ Св. Писанію лишь очень немногія книги, которымъ и дала названіе *каноническихъ*. Что же касается той громадной массы произведеній, которая, въ первые же вѣка христіанства, сложена была на основаніи Св. Писанія, и служила лишь болѣе или менѣе ложнымъ истолкованіемъ и развитіемъ содержанія его, часто основаннымъ на одномъ только вымыслѣ, то Церковь положительно отвергла ее всю безъ исключенія, и всѣмъ книгамъ, въ которыя занесены были принадлежавшія къ ней произведенія, дала названіе *апокрифическихъ* (отъ греческаго слова: *апокрюпто*—утаиваю, скрываю, затемняю).

Апокрифическія книги, рядомъ съ книгами каноническими (т.е. признанными церковью), занесены были изъ Греціи въ Болгарію и даже переведены на болгарскій языкъ. Отсюда то, вмѣстѣ съ христіанствомъ, очень рано перешли онѣ и въ Россію; уже Несторъ заноситъ въ лѣтопись свою нѣкоторыя апокрифическія сказанія, вѣроятно, почерпнутыя имъ изъ Палеи. Но перешли къ намъ уже не одни только апокрифы, основанные на лицахъ и событіяхъ ново-завѣтной или ветхо-завѣтной исторіи, а и множество другихъ книгъ, получившихъ свое начало отъ смѣшенія вѣрованій классическаго язычества съ народными суевѣріями среднихъ вѣковъ. При томъ грубомъ невѣжествѣ, въ которомъ, въ началѣ среднихъ вѣковъ, коснѣла не только масса народа, но и большинство низшаго духовенства и монашества, суевѣрія и предразсудки массы должны были пріобрѣтать важное значеніе даже и въ глазахъ людей грамотныхъ; въ нихъ очень часто старались они отыскать истолкованіе многому, непонятному для нихъ въ природѣ и въ окружавшей ихъ дѣйствительности, а съ другой стороны — на основаніи тѣхъ же суевѣрій и предразсудковъ, того же стремленія предполагать во всемъ тайный, скрытый смыслъ — придавали важное значеніе самымъ обыкновеннымъ явленіямъ и предметамъ. На этомъ основаніи, митрополитъ Кипріанъ (въ XIV в.), перечисляя въ статьѣ своей *«о книгахъ истинныхъ и ложныхъ»* различные апокрифическія сказанія, и предостерегая людей благочестивыхъ и богобоязненныхъ отъ общенія съ этой опасной и лживой литературой, рядомъ ставитъ въ своемъ спискѣ ложныхъ книгъ и такія произведенія, какъ *Адамовъ Завѣтъ*, *Сиѳова молитва*, *Завѣтъ двѣнадцати патріарховъ*, *Хожденіе Богородицы по мукамъ*, *Еван-*

гелie отъ Варнавы, *Евангелie отъ Θомы* и т. д.—и такie, какъ: *Остропомiя*, *Землемѣрiе*, *Чаровникъ*, *Громникъ*, *Сносудецъ* (истолкователь словъ), *Путникъ* (истолкователь различныхъ встрѣчъ), *Звѣздочетецъ* (руководство къ гаданiю по звѣздамъ), хотя, въ сущности, между тѣми и другими очень мало общаго по внутреннему смыслу и значенiю. Первыя изъ вышеисчисленныхъ апокрифовъ относятся къ исторiи библейской; вторыя же служатъ только выраженiемъ неудовлетворенной любознательности человѣка, стремящейся истолковать себѣ непонятное въ природѣ и дѣйствительности, и пополняющей вымыслами фантазiи пробѣлы знанiя и недостатокъ въ положительныхъ научныхъ свѣдѣньяхъ. Понятно, однако же, почему какъ тотъ, такъ и другой изъ вышепомянутыхъ отдѣловъ нашей *отреченной* или *апокрифической* литературы пользовались одинаковою популярностью между грамотными предками нашими:—при ограниченномъ количествѣ книгъ, находившихся въ постоянномъ обращенiи, при однообразiи большинства ихъ, разнообразныя по содержанiю произведенiя отреченной литературы замѣняли грамотнымъ людямъ легкое чтенiе, давая нѣкоторую свободу фантазiи ихъ, а иногда и удовлетворяя любознательности ихъ разрѣшенiемъ такихъ вопросовъ, которые оказывались неразрѣшимыми никакимъ инымъ путемъ. Вотъ почему, въ XIV столѣтiи, въ то время, когда церкви часто нуждались въ богослужебныхъ книгахъ и терпѣли недостатокъ въ спискахъ св. Писанiя, въ обращенiи между грамотными людьми, по свидѣтельству митрополита Кипрiана, много было толстыхъ сборниковъ, *«исполенныхъ басенъ*, *худые намоканонцы*, *лживыя молитвы* и т. д.». Впрочемъ, мы, конечно, не можемъ обвинять грамотныхъ предковъ нашихъ за пристрастiе ихъ къ отреченной литературѣ съ такою же строгостью, съ какою ихъ въ этомъ обвиняли современные пастыри церкви:—не слѣдуетъ забывать, что, только въ самомъ концѣ XV вѣка, просвѣщенными усилiями Геннадiя и силою тягостныхъ обстоятельствъ историческихъ, вызвано было духовенство къ составленiю полнаго свода каноническихъ книгъ св. писанiя Ветхаго и Новаго Завѣта, и слѣдовательно, только съ этого времени вполнѣ очевидною стала для всѣхъ та грань, которую церковь старалась положить между книгами, признаваемыми ею за истинныя и всею обширною областью литературы апокрифической.

Съ теченiемъ времени, однакоже, по мѣрѣ того какъ число грамотныхъ прибывало, а кругъ общественнаго образованiя не расширялся и самое образованiе продолжало быть исключительною собственностью одного духовнаго сословiя (да и въ этомъ сословiи какъ мы видѣли выше, оно стояло на весьма низкомъ уровнѣ), потребность въ книгахъ для чтенiя много способствовала размноженiю у насъ апокрифическихъ сочиненiй и быстрому успѣху отреченной литературы. Къ сочиненiямъ апокрифическимъ, перенесеннымъ съ греческаго Востока, при посредствѣ Болгарiи, къ намъ на Русь, вмѣстѣ съ христiанствомъ, стали впослѣдствiи присоединяться апокрифическiя сказанiя Запада, переводившiяся съ латинскаго языка, проникавшiя къ намъ черезъ Литву и Польшу; мало того, каждый вѣкъ; сообразно тому, какiе интересы болѣе занимали его, вносилъ въ апокрифическую литературу свои вклады, развивалъ преимущественно ту или другую тему ея, сосредоточивалъ свое вниманiе на томъ или другомъ отдѣлѣ ея, заносилъ въ кругъ ея произведенiй черты современныхъ вѣрованiй и воззрѣнiй. Такъ, напримѣръ XIV вѣкъ, въ теченiи котораго даже и просвѣщеннѣйшiе пастыри церкви нашей были заняты вопросами о кончинѣ мiра (всѣ съ трепетомъ ожидали пришествiя Христова въ 1492 году, которымъ, по счисленiю церковному, оканчивалась седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенiя мiра), развилъ преимущественно апокрифическiя сказанiя о раѣ и адѣ, и, мрачно настроивая воображенiе современниковъ, способствовалъ тому, чтобы они съ особеннымъ увлеченiемъ и любопытствомъ читали и переписывали произведенiя, подобныя «Хожденiю Богородицы по мукамъ». Напротивъ того, XV и XVI вѣкъ, въ теченiе которыхъ, различными путями, при помощи самыхъ разнообразныхъ условiй, въ Русь болѣе и болѣе стали проникать западныя сказанiя, наша апокрифическая литература пополнилась множествомъ занимательныхъ разсказовъ о Соломонѣ и его премудрости, а эти разсказы стали уже сближать апокрифъ съ другимъ литературнымъ родомъ, съ свѣтскою повѣстью, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ. Наконецъ, въ тѣ же вѣка, несомнѣнно должно было явиться много и такихъ произведенiй отреченной литературы, которыя принадлежали русской почвѣ и должны были болѣе или менѣе самостоятельно развиться на

ней, подъ непосредственнымъ вліяніемъ всей массы апокрифическихъ произведеній, уже такъ рано заимствованныхъ съ Запада и съ Востока. Судя по тому, съ какою строгостью относятся къ произведеніямъ апокрифической литературы просвѣщеннѣйшіе люди русскіе XVI столѣтія въ *Стоглавѣ* (книгѣ, излагающей постановленіе такъ-называемаго *стоглаваго* собора 1551 года) и въ *Домостроѣ* (поучительномъ сочиненіи, излагающемъ, какъ именно слѣдуетъ вести себя и содержать въ порядкѣ домъ)—этихъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ русской старины—мы должны полагать, что значеніе апокрифической литературы было довольно важно у насъ и вліяніе, оказываемое ею, выражалось въ жизни на столько рѣзко, что возбуждало справедливыя опасенія со стороны духовенства. Еще и въ началѣ XVIII столѣтія вліяніе это было замѣтно и довольно сильно, какъ мы увидимъ далѣе. Для исторіи литературы нашей особенно важенъ тотъ фактъ, что подъ сильнымъ вліяніемъ литературы апокрифической, проникавшей по мѣрѣ распространенія грамотности, довольно глубоко въ массу народа,—къ которой она была довольно близка по духу своему и по множеству занесенныхъ въ нее чисто народныхъ суевѣрій и предразсудковъ,—въ массѣ выработывался особый родъ произведеній устной народной поэзіи, а именно, такъ-называемыя *духовныя пѣсни* или *духовные* стихи, о которыхъ мы подробнѣе будемъ говорить ниже. Этотъ родъ произведеній народной поэзіи, очевидно, получилъ свое начало подъ вліяніемъ книжной духовной литературы и притомъ въ тотъ періодъ, когда христіанскія воззрѣнія на столько глубоко стали проникать въ массу народа, что могли вступить въ борьбу и подавить въ средѣ ея остатки вѣрованій языческихъ. Тѣсно связанный съ книжно-духовной литературой нашей, съ другой стороны, этотъ родъ много заимствовалъ красокъ и оттѣнковъ и отъ литературы апокрифической, которая въ свою очередь, путемъ этихъ духовныхъ пѣсенъ получала возможность широко и быстро распространяться между народомъ. Но объ этомъ подробнѣе будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ, при обзорѣ произведеній литературы XVI вѣка

ЖИТІЯ И ДУХОВНЫЯ СКАЗАНІЯ О СВЯТЫХЪ.

Житіе Петра, Царевича Ордынскаго.

Епископъ ростовскій Кириллъ, во время пребыванія своего въ Ордѣ, разсказывалъ Хану Беркаю о томъ, какъ Леонтій крестилъ Ростовскую землю; племянникъ хана, слушавшій его, плѣнился христіанствомъ, оставилъ все богатство отца своего и вмѣстѣ съ епископомъ ушелъ изъ Орды въ Ростовъ. Тамъ богослуженіе въ храмѣ Пресвятой Богородицы, гдѣ на лѣвомъ клиросѣ пѣли тогда по гречески, а на правомъ — по-русски, поразило татарскаго царевича. Онъ молилъ Кирилла, чтобы тотъ окрестилъ его.

«По прибытіи царевича Петра изъ Орды въ Ростовъ, епископъ Кириллъ вскорѣ померъ (въ 1262 г.). Ему наслѣдовалъ владыка Игнатій, при князѣ Борисѣ Васильевичѣ Ростовскомъ. Не оставляя своихъ царскихъ потѣхъ, однажды царевичъ Петръ охотился ловчими птицами, вдоль ростовскаго озера, и, утомившись охотою, къ вечеру заснулъ на берегу его. Тогда явились ему два свѣтлыхъ мужа. Когда царевичъ, въ ужасѣ, палъ предъ ними, они, взявъ его за руку, говорили ему: «друже Петре! Не бойся! мы посланы къ тебѣ отъ Бога, въ котораго ты увѣровалъ и окрестился, и посланы для того, чтобы укрѣпить родъ твой и племя, и внуковъ твоихъ до скончанія міра». Потомъ дали они царевичу два мѣшка, въ одномъ золото, а въ другомъ серебро — и велѣли вымѣнить ему въ городѣ три иконы; одну Св. Богородицы съ младенцемъ, другую Св. Дмитрія и третью Николы Чудотворца.... Потомъ велѣли они царевичу, съ вымѣненными иконами, явиться къ епископу и сказать отъ имени первоверховныхъ апостоловъ, чтобъ онъ соорудилъ имъ церковь при озерѣ, гдѣ царевичъ спалъ. Въ ту же ночь являлись они и самому епископу, съ тѣмъ же повелѣніемъ о сооруженіи церкви; и когда, на другой день, епископъ Игнатій бесѣдовалъ о томъ съ княземъ ростовскимъ, приходитъ къ нимъ царевичъ съ вымѣненными иконами, которыя сіяли, какъ солнце, и повѣдалъ имъ о своемъ видѣніи. Князь и епископъ, поклонившись иконамъ, много удивлялись, какъ могъ царевичъ вымѣнить такія на торгу, потому что въ городѣ не было иконописцевъ; видѣли также, что царевичъ былъ молодъ и *отъ иновѣр-*

ныхъ. Но когда Петръ разрѣшилъ ихъ недоумѣніе [1]), епископъ пѣлъ иконамъ молебны, и отправившись на указанное мѣсто при озерѣ, заложилъ храмъ апостоламъ Петру и Павлу. Когда храмъ былъ готовъ, и царевичь Петръ поставилъ въ немъ вымѣненныя три иконы, тогда князь ростовскій, вмѣстѣ съ нимъ возвращаясь отъ храма и садясь на коня, глумясь сказалъ царевичу: «владыка тебѣ церковь устроилъ, а я мѣста не дамъ: что тогда будешь дѣлать?» Петръ отвѣчалъ: «Княже! повелѣніемъ Св. Апостоловъ, я куплю у тебя (столько), сколько благодать твоя отлучитъ отъ земли этой»... Князь же, видѣвъ мѣшки Петровы въ епископіи, помолчалъ немного, потомъ сказалъ: «Петре! вопрошу тебя: дашь-ли за мою землю столько, слолько ты далъ за иконы? Дашь-ли девять литръ серебра, а десятую золота?» Петръ сказалъ: «Св. Апостолы говорили мнѣ: что владыка Игнатій повелитъ, то и сотвори; потому спрошу его самаго». Тогда владыка, на вопросъ царевича, благословилъ его и сказалъ: «Господь изрекъ своими святыми устами: просящему у тебя дай, и ты, чадо, не пощади родителей имѣнія, дай князю, сколько онъ хочетъ». Петръ, вѣруя словамъ владыки, поклонился ему до земли; пошелъ къ князю и сказалъ ему: «да будетъ княже, воля св. Апостоловъ и твоя!» Тогда князь велѣлъ извлечь *веръ* отъ воды и до воротъ, и затѣмъ отъ воротъ до угла, а отъ угла возлѣ озера: мѣсто это велико. Послѣ того Петръ сказалъ: «повели, княже, ровъ копать, *какъ въ Ордѣ бываетъ*, чтобы не погибло то мѣсто». Такъ и сдѣлали: выкопали ровъ, который видѣнъ и донынѣ; а Петръ началъ отъ воды класть деньги поодиночкѣ, вынимая изъ мѣшковъ — девять литръ серебромъ и десятую золота; и наполнили возы Петровыми казнами,... такъ что кони едва тронули ихъ съ мѣста. Князь же и владыка, видѣвши множество выложеннаго серебра и золота, а мѣшки все также полны, дивились великому чуду.

Спустя нѣкоторое время, однажды князь и владыка говорили между собою о царевичѣ Петрѣ: «если этотъ мужъ царскаго племени уйдетъ въ Орду, будетъ не ладно нашему городу»;—а Петръ былъ ростомъ великъ и лицемъ красивъ. И потомъ оба они говорили ему: «Петре? хочешь-ли мы выдадимъ за тебя невѣсту?» Петръ же прослезился и отвѣчалъ князю и владыкѣ: «я возлюбилъ вашу вѣру и пришелъ къ вамъ: да будетъ воля Господня и ваша!» Князь взялъ ему отъ великихъ вельможъ невѣсту; а владыка вѣнчалъ Петра и устроилъ ему церковь и освятилъ ее по заповѣди святыхъ Апостоловъ.

Князь всегда бралъ Петра на царскую утѣху около озера: ястребами, кречетами и прочими утѣхами тѣши его, дабы въ нашей вѣрѣ утвердился. Однажды, во время охоты, сказалъ ему князь: «велію благодать обрѣлъ ты передъ Богомъ и граду нашему. Писано есть: «что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздастъ намъ; — пріими же, господине Петре, малую эту землю отъ нашей отчины и во́ды отъ этого озера: я тебѣ напишу грамоты». И отвѣчалъ ему царевичъ: «я, княже, отъ отца и матери неумѣю землею владѣть; а грамоты эти для чего?» — «Все это я тебѣ сдѣлаю» — говорилъ князь: «а грамоты для того, чтобы послѣ насъ мои дѣти, внуки и правнуки не отняли тѣхъ земель у твоихъ дѣтей и внучатъ». Петръ принялъ предложеніе, а князь велѣлъ передъ владыкою писать грамоты: множество земель, отъ озера, воды и лѣса, которые и донынѣ, были уряжены Петру.

Орда была тогда тиха много лѣтъ, и князь такъ любилъ Петра, что и хлѣба безъ него не ѣлъ, и при владыкѣ побратался съ нимъ въ церкви. И прозвался Петръ братомъ князю: и народились у него сыновья; и спустя малое время померъ владыко Игнатій, померъ и князь ростовскій, а дѣти его звали Петра дядею и до старости. И много лѣтъ въ благоденствіи пожилъ царевичь Петръ и преставился въ глубокой старости, въ монашескомъ чинѣ. И положили его у Св. Петра и Павла, у его усыпалища; и отъ того времени установился тамъ монастырь.

Внуки-же стараго ростовскаго князя забыли Петра и добродѣтель его, начали отнимать луга и украйны земли у Петровыхъ дѣтей. Тогда сынъ Петровъ пошелъ въ Орду сказался внукомъ брата царева; и возрадовались дядья его многими дарами, и испросили ему у царя посла. Царевъ посолъ пришелъ въ Ростовъ и разсмотрѣлъ грамоты Петра и стараго князя; и положены были тогда рубежи землямъ по грамотамъ стараго

[1]) Т. е. пояснилъ имъ, что онъ крещеный.

князя, а Петрова сына посолъ оправилъ и грамоту ему далъ съ золотою печатью.

Когда посолъ воротился въ Орду, молодые князья ростовскіе стали говорить между собою и съ боярами: «слышали мы, что родители наши звали Петра дядею, и что дѣдъ нашъ много у него серебра взялъ и брался съ нимъ въ церкви; а вѣдь это *родъ татарскій, а кость не наша: что это намъ за племя?* Серебра же намъ не оставили, ни дѣдъ, ни родители наши!» Такъ говорили они, а не искали чудотвореній святыхъ апостоловъ и забыли любовь своихъ родителей; жили такъ много лѣтъ, зазирая Петровымъ дѣтямъ, *за то, что тѣ въ Ордѣ выше ихъ честь принимали.*

И народились у сына Петрова, у Лазаря, сыновья и дочери. Одинъ изъ внуковъ Петровыхъ, именемъ Юрій, навыкши отъ родителей своихъ честь творить святой Госпожѣ Богородицѣ въ Ростовѣ, возлагалъ на нее гривны златыя, и учреждалъ пированія владыкамъ и всему клиросу и собору, въ праздникъ апостоловъ Петра и Павла, творя ежегодно памяти по родителямъ.

И ловили рыбы ловцы Петровы гораздо больше, чѣмъ ловцы городскіе. Петровы ловцы— въ шутку закинутъ сѣти и вытащатъ множество рыбы; городскіе же, сколько ни трудятся, все понапрасну. И стали эти послѣдніе говорить князю: «господине княже! если Петровы ловцы не перестанутъ ловить, то все озеро наше опустѣетъ: всю рыбу повыловятъ.» Тогда-то правнуки стараго князя Ростовскаго стали говорить Юрію: «Слышали мы, что дѣдъ вашъ грамоты у прародителей нашихъ на мѣсто монастыря вашего взялъ, и рубежи земли его, а озеро наше: на него грамоты не было взято: потому запрещаемъ вашимъ ловцамъ ловить въ этомъ озерѣ.» Слышавъ то, внукъ Петровъ Юрій пошелъ въ Орду и сказался правнукомъ брата царева. Дяди же многими почестями его почтили и дарами многими, и посла у царя испросили ему. И пришелъ посолъ татарскій въ Ростовъ и сѣлъ при озерѣ у святыхъ апостоловъ Петра и Павла. И былъ страхъ ростовскимъ князьямъ отъ царева посла. И сталъ онъ ихъ судить со внуками Петровыми. Юрій положилъ передъ нимъ грамоты; и посолъ, воззрѣвъ на грамоты, сказалъ: «положены-ли грамоты на эту куплю? ваша-ли вода? есть-ли подъ нею земля? и можете-ли снять воду отъ земли той?» И отвѣтили ростовскіе князья: «Такъ, господине! положены эти грамоты, а земля подъ водою есть, а вода, господине, наша отчина, а снять ее съ земли не можемъ». Тогда сказалъ посолъ царевъ: «если не можете снять воду отъ земли, то почто своею называете? а сотвореніе есть вышняго Бога на службу и на пищу всѣмъ человѣкамъ и скотамъ.» И присудилъ царевъ посолъ *по землѣ и воду* внукамъ Петровымъ: *какъ есть купля землямъ, такъ и водамъ*; далъ Юрію грамоту съ золотою печатью и ушелъ въ Орду; князья-же ростовскіе перестали Юрію творить зло и утишились на многія лѣта.

И возросъ правнукъ Петровъ у Юрія сынъ, Игнатій. Прилучилось слѣдующее. Пришелъ Ахмылъ царь на русскую землю и пожегъ городъ Ярославль; оттуда направился со всею своею силою на Ростовъ. Устрашилась вся земля, а князья ростовскіе бѣжали; бѣжалъ и владыко Прохоръ. Но Игнатій, съ обнаженнымъ мечемъ погнавшись за владыкою, сказалъ ему: «если не пойдешь со мною противъ Ахмыла, то убью тебя! Это наше племя, и сродники! И послушалъ его владыка: со всѣмъ клиросомъ, въ ризахъ, съ крестами и хоругвями, пошелъ противъ Ахмыла, а Игнатій съ гражданами передъ крестами. Взялъ онъ *тѣшь царскую* — соколовъ и кречетовъ, и дорогія шубы, и цвѣтныя портища, и питья различныя, и будучи край поля и озера, сталъ на колѣни передъ Ахмыломъ и сказался ему древняго брата царевымъ племенемъ: «а это»—говоритъ онъ—«село царево и твое, господине! а купля прадѣда нашего, гдѣ чудеса творились, господине»! И страшно было видѣть рать Ахмылову вооруженну. Тогда Ахмылъ сказалъ: «ты *тѣшь* подаешь; а это кто въ бѣлыхъ ризахъ, и что это за хоругви? или биться съ нами хотятъ»? Игнатій отвѣчалъ: «это богомольцы царевы и твои, да благословятъ тебя, а носятъ они *божницу* по закону нашему, господине»!

Въ то самое время у города Ярославля былъ въ тяжкомъ недугѣ сынъ Ахмыловъ, и возили его на возплахъ. Ахмылъ велѣлъ привезти его да благословятъ его. Владыка Прохоръ со всѣмъ клиросомъ, моляся Богу, пѣлъ чудотворцамъ молебны и, освятивъ воду, далъ испить больному царевичу и благословилъ его крестомъ,—и тотчасъ же сталъ здоровъ сынъ Ахмыловъ. Самъ же Ахмылъ возрадовался, сошелъ съ коня передъ крестами, и, воздѣвъ руки на небо, сказалъ: «благословенъ вышній Господь, возложившій мнѣ въ сердце придти сюда! Праведенъ еси ты, господине епископе

Прохоре! ибо молитва твоя воскресила сына моего. Благословенъ и ты Игнатіе! ты уберегъ людей своихъ и спасъ этотъ городъ; ты — *наше племя, царева кость!* И если будетъ тебѣ здѣсь обида, не лѣнись дойти до насъ»! Сказавъ это, далъ онъ 40 литръ серебра владыкѣ и 30 его клиросу; а самъ взялъ отъ Игнатія царскую *тмъ*, цѣловалъ его и, поклонившись владыкѣ, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Орду, во свояси. Игнатій же, проводивъ Ахмыла съ честію, возвратился вмѣстѣ съ владыкою и съ гражданами въ великой радости; и, пѣвши молебны, прославляли они Бога и всѣхъ святыхъ чудотворцевъ».

«Дай же, Господи, утѣху почитающимъ и пишущимъ древнихъ родителей дѣянія, здѣ и въ будущемъ вѣцѣ покой! А Петрову бы сему роду соблюденіе и умноженіе живота и неоскуденіе до старости и безпечаліе, и вѣчная ихъ память до скончанія міра, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, ему же слава во вѣки; аминь».

Муромское сказаніе о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи.

Въ Муромѣ княжилъ князь Павелъ. И вселилъ дьяволъ непріязненнаго летучаго змія къ женѣ его [1]). Змій являлся къ ней какъ былъ естествомъ своимъ, другимъ же людямъ казался *своими мечтами*, какъ бы самъ князь сидѣлъ съ женою своею. И *тими мечтами* много лѣтъ прошло;... но она не таила (того, что съ ней происходитъ) и повѣдала князю все, приключившееся ей. Тогда князь сказалъ: «Мыслю, жена, и недоумѣваю, что сдѣлать *непріязни* той. Незнаю, какъ убить змія. Узнай отъ него сама лестью; тогда освободишься, и отъ суда Божія, и въ нынѣшнемъ вѣкѣ (отъ змія)».

Когда прилетѣлъ по обыкновенію змій къ княгинѣ, она спросила его, ласкаясь: «ты знаешь многое: знаешь-ли кончину свою?» — Онъ же, непріязнивый прелестникъ, прельщенъ былъ добрымъ прельщеніемъ вѣрной жены, и не скрывая отъ нея тайны, сказалъ: «смерть моя — *отъ Петрова плеча, отъ Агрикова меча*». Княгиня передала эту тайну своему мужу, а онъ — младшему брату, Петру. Князь Петръ, услышавъ, что смерть змію приключится отъ витязя, называемаго его именемъ, не сомнѣвался, что этотъ подвигъ предназначенъ совершить ему самому. По указанію чудеснаго, явившагося ему юноши, находитъ онъ Агриковъ мечь въ церкви женскаго монастыря Воздвиженья Животворящаго Креста, въ олтарной стѣнѣ, между камнями, въ скважинѣ. Послѣ того онъ искалъ, какъ бы убить змія. Разъ, по обычаю, приходитъ онъ на поклонъ къ своему брату, а отъ него, нигдѣ не медля, къ невѣсткѣ и, къ своему крайнему удивленію, нашелъ брата уже съ нею. Воротившись назадъ, онъ удостовѣрился, что съ женою князя былъ его непріязненный двойникъ. Тогда Петръ взялъ Агриковъ мечь и отправился къ княгинѣ. Только что ударилъ онъ нечистаго мечомъ, какъ змій явился своимъ естествомъ, началъ трепетаться и издохъ, окропивъ князя Петра своею кровью. Оттого князь острупѣлъ и покрылся язвами, и пришла на него тяжкая болѣзнь. Долго лѣчился онъ у врачей, но исцѣленія не получалъ; и, услышавъ, что въ предѣлахъ рязанскихъ много искусныхъ врачей, велѣлъ себя туда везти.

Когда онъ прибылъ туда, одинъ изъ его юношей отправился въ весь нарицаемую *Ласково*, и подошелъ къ воротамъ одного дома, и вошелъ въ него, никого не встрѣтивъ. Наконецъ вступаетъ въ хоромину и видитъ чудное видѣніе: сидитъ какая-то дѣвица и точетъ красна, а передъ нею скачетъ заяцъ. И проговорила дѣвица: «*не хорошо быть дому безъ ушей, а храму безъ очей*. Юноша же, не понявъ этихъ словъ, спросилъ дѣвицу: «гдѣ хозяинъ этого дома?» Она же отвѣтствовала: «*отецъ и мать моя пошли взаемъ плакать, братъ же мой пошелъ черезъ ноги въ нави зрѣти*» [2]). Юноша опять не понялъ, что она говоритъ, и дивился, видя и слыша дѣла, подобныя чуду;

[1]) По народному повѣрью, къ нѣкоторымъ женщинамъ летаютъ огненные змѣи, и рассыпаясь надъ домомъ, принимаютъ на себя внѣшность одного изъ домашнихъ: мужа, брата и т. д. [2]) *Въ нави* — собств. *въ могилу*, а также — *въ преисподнюю. Нава* у древнихъ Славянъ означало *и лодку*, *и могилу*, что указываетъ на древній обрядъ похоронъ въ лодьѣ.

и сказалъ дѣвицѣ: «вошелъ я, увидѣлъ тебя за работою, а передъ тобой скачущаго зайца, и услышалъ изъ устъ твоихъ какія то странныя рѣчи, и не понимаю, что говоришь ты. Первое сказала ты: не хорошо быть дому безъ ушей, а храму безъ очей; про отца твоего и мать сказала ты, что пошли взаемъ плакать; о братѣ же, что пошелъ черезъ ноги въ нави зрѣти; и ни одного слова не понимаю». Тогда она отвѣтствовала: «какъ же ты не понимаешь? Пришелъ ты въ этотъ домъ, и въ хоромину мою вошелъ, и увидѣлъ меня сидящую въ простотѣ. Если бы въ дому нашемъ былъ песъ, и, почуявъ, какъ ты подходишь къ дому, залаялъ-бы на тебя, то не увидалъ бы ты меня сидящую въ простотѣ! — это дому уши. А еслибъ въ храминѣ моей былъ мальчикъ, то, увидѣвъ, что ты сюда входишь, сказалъ бы мнѣ: это храму очи. А сказала я тебѣ про отца моего и мать, что пошли взаемъ плакать: такъ они пошли на погребеніе мертваго, и тамъ плачутъ; когда по нихъ, по самихъ придетъ смерть, другіе по нихъ станутъ плакать: это заимодавный плачъ. А про своего брата сказала потому, что онъ и отецъ мой древолазцы: въ лѣсу съ деревъ медъ собираютъ. Братъ мой и отправился на такое дѣло. А лѣзучи вверхъ на дерево, черезъ ноги къ землѣ (приходится) смотрѣть, думая, чтобы неурваться съ высоты: — и кто урвется, погибнетъ; потому и сказала, что пошелъ черезъ ноги въ нави зрѣть».

Эта дѣвушка была сама Февронія. Юноша повѣдалъ ей о болѣзни князя и спросилъ, не знаетъ-ли она врачей, по имени, и гдѣ живутъ? А она: «еслибъ кто потребовалъ князя твоего себѣ, то могъ-бы уврачевать». Юноша, отъ имени болящаго, обѣщалъ за исцѣленіе большую награду и просилъ указать жилище врача. «Приведи сюда князя» — сказала дѣвица, — «и если онъ будетъ мягкосердъ и смиренъ въ отвѣтахъ, будетъ здоровъ». Князя привезли въ весь, гдѣ жила Февронія. Въ отвѣтъ послу отправленному къ ней за врачемъ, она сказала: «Я сама уврачую князя, но имѣнія отъ него не требую. Вотъ мое условіе: если не буду его супругою, то не стану его лѣчить». Отрокъ передалъ князю отвѣтъ. А князь, пренебрегая словами ея и помысливъ о томъ, какъ князю взять себѣ въ жены дочь древолазца, черезъ посланнаго велѣлъ ей сказать обманомъ: «Пусть уврачуетъ; я женюсь на ней». Тогда Февронія, взявъ малый сосудецъ, почерпнула нѣкоей кисляди, дунула на нее, и сказала: «Да учредятъ князю вашему баню, и вотъ этимъ помажутъ по его тѣлу, гдѣ струпы и язвы; а одинъ струпъ оставьте не помазанъ: и выздоровѣетъ». Когда къ князю принесли это снадобье, онъ велѣлъ приготовить баню, а дѣвицу вздумалъ искусить въ отвѣтахъ, дѣйствительно-ли (она) такъ премудра, какъ онъ слышалъ объ ней отъ своего юноши. Для того послалъ къ ней князь съ однимъ изъ своихъ слугъ одно *повѣсмо* льну, сказавъ: «дѣвица эта хочетъ быть моей супругою *ради своей мудрости*: если она точно премудра, пусть учинитъ мнѣ, отъ этого повѣсма льну, сорочку и полотенце, въ то время, пока буду въ банѣ». Когда же слуга принесъ Февроніи это порученіе, она сказала ему: «Взлѣзь на печь, возьми съ грядъ поленце и снеси сюда». Слуга исполнилъ ея приказанье; она же, отмѣривъ пядью, велѣла полѣна отсѣчь. Слуга отсѣкъ. Тогда она сказала: «возьми этотъ отрубокъ и отдай своему князю, сказавъ: «пока я это повѣсмо очешу, пусть приготовитъ мнѣ князь изъ этого отрубка станокъ и все строеніе, чѣмъ сотку для него полотно». Получивъ отвѣтъ, князь велѣлъ ей сказать, что изъ такого малаго деревца и въ такой короткій срокъ нельзя исполнить ея порученія; тогда и Февронія тѣмъ же отвѣчала князю и объ его порученіи.

И подивился князь ея мудрости, и, пошедши въ баню, исполнилъ все, какъ она велѣла, и совсѣмъ исцѣлился: все тѣло его стало гладко; остался только одинъ струпъ, который небылъ помазанъ. И дивился князь скорому исцѣленію, но не хотѣлъ на Февроніи жениться, *отечества ея ради;* и послалъ къ ней дары; она же даровъ не приняла. Но только что онъ отъѣхалъ въ свою отчину, съ того же самаго дня отъ оставленнаго имъ струпа стали расходиться по всему его тѣлу другіе, и сталъ онъ такъ же острупленъ многими струпами и язвами, какъ и прежде; и опять воротился за исцѣленіемъ отъ дѣвицы. И какъ приспѣлъ въ ея весь, со стыдомъ послалъ къ ней, прося врачеванья. Она же, ни мало не держа гнѣва, сказала: «если будетъ мнѣ *супружникъ*, да будетъ уврачеванъ». Тогда князь съ твердостью далъ ей слово, и отъ того же врачеванья исцѣлился, и взялъ ее себѣ въ супруги. И такимъ образомъ стала Февронія княгинею. И пришли они въ отчизну свою, въ градъ Муромъ, и жили во всякомъ благо-

честіи, *ничтоже отъ Божіихъ заповѣдей оставляюще.*

По малыхъ же дняхъ князь Павелъ померъ, и на мѣсто его сталъ *самодержецъ* города Мурома братъ его Петръ. Но княгини его Февроніи бояре не любили, женъ ради своихъ, потому что она стала княгинею *не отечества ея ради, Богу же прославляющу, добраго ради житія ея.* Однажды пришли къ нему бояре и говорятъ: «Мы хотимъ всѣ праведно служить тебѣ, но княгини Февроніи не хотимъ, *да государствуетъ* женами нашими. И если хочешь самодержецъ быть, да будетъ тебѣ другая княгиня. Февронія же пусть возьметъ себѣ богатства довольно, и идетъ, куда хочетъ». Князь же, не имѣя обычая предаваться ярости отъ чего бы то ни было, со смиреніемъ отвѣчалъ боярамъ: «Пусть скажутъ объ этомъ самой Февроніи: пусть услышимъ мы, что она скажетъ». Тогда бояре, неистовые, исполнившись безстыдія, умыслили сдѣлать пиръ; и когда были навеселѣ (стали говорить): «Госпожа княгиня Февронія! весь городъ и бояре тебѣ говорятъ: дай намъ, чего мы у тебя попросимъ!» А она: «Возьмите, что просите». Тогда всѣ они единогласно воскликнули: «Всѣ мы князя Петра хотимъ, да самодержавствуетъ надъ нами; тебя же жены наши не хотятъ, да господствуешь надъ ними Возьми богатства довольно и иди, куда хочешь». Февронія отвѣчала: «что просите, будетъ вамъ; только и вы дайте мнѣ, чего у васъ попрошу». Бояре съ клятвою обѣщали ей дать, чего попроситъ. Тогда Февронія сказала. Ничего иного не прошу у васъ, только супруга своего, князя Петра». Они же отвѣтствовали: «какъ хочетъ самъ князь»; потому что врагъ вложилъ имъ помыслъ, поставить себѣ иного самодержца, если не будетъ у нихъ князя Петра; и каждый изъ бояръ держалъ себѣ на умѣ, чтобъ самому быть на мѣстѣ князя. И блаженный князь Петръ сотворилъ по заповѣдямъ: власть свою ни во что вмѣнилъ, и отправился изъ города, вмѣстѣ со своею супругою. Злочестивые бояре дали имъ на рѣкѣ суда, потому что подъ городомъ тѣмъ протекала рѣка, именуемая Ока. И поплыли они въ судахъ.

Когда къ вечеру суда начали ставить у берега, сгрустнулось князю Петру, что онъ лишился своей власти. Но Февронія его ободрила и утѣшила. Поваръ (между тѣмъ) сталъ готовить ужинъ. Сломилъ два молодыхъ деревца и, воткнувъ въ землю, повѣсилъ на нихъ котелъ. Послѣ ужина, княгиня Февронія благословила эти деревца, сказавши: «да будутъ эти деревца наутріе древіе велико съ вѣтвями и листьями». Такъ и совершилось.

На другой день утромъ, только что стали прислужники складывать въ суда поклажу, изъ города Мурома пришли вельможи, съ извѣстіемъ, что въ Муромѣ происходитъ великое кровопролитіе, по причинѣ споровъ между боярами, кому изъ нихъ княжить; потому, для прекращенія общаго бѣдствія, посланные, отъ имени всего города, прося у князя прощенія, умоляли его воротиться и княжить надъ Муромомъ.

Князь Петръ, никогда не держа гнѣва, воротился вмѣстѣ съ своею супругою, и властвовали они оба, заботясь о благѣ своего города.

Когда пришло время ихъ смерти, просили они Бога, чтобъ преставленіе ихъ было въ одинъ и тотъ же часъ; и сотворили совѣтъ, да будутъ положены въ одномъ гробѣ, раздѣленномъ перегородкою. И оба въ одно вермя облеклись въ монашескія ризы. Князь Петръ въ иноческомъ чинѣ нарѣченъ былъ Давидомъ, а Февронія — Евфросиніею.

Однажды Февронія работала воздухи въ соборный храмъ Пречистыя Богородицы, вышивая на нихъ лики святыхъ. Князь Петръ присылаетъ къ ней сказать, что онъ уже отходитъ отъ жизни. Февронія проситъ его подождать, пока кончитъ воздухи. Онъ присылаетъ къ ней въ другой разъ; наконецъ — въ третій. Тогда Февронія, не дошивъ на воздухахъ только ризы одного святаго, лицо же его нашивъ, оставила работу. Воткнула иглу въ воздухи, привертѣла ее ниткою, которою шила, и послала къ князю Петру, увѣдомить его *о преставленіи купномъ* [1]).

Неразумные же люди, какъ при жизни ихъ возмущались, такъ и по честномъ ихъ преставленіи. Презрѣвъ ихъ завѣщаніе, бояре положили тѣла ихъ въ разные гробы, говоря, что въ монашескомъ образѣ не подобаетъ класть князя и княгиню въ одномъ гробѣ. И такъ князя Петра положили въ особомъ гробѣ, внутри города, въ соборномъ храмѣ Богородицы, а Февронію за городомъ, въ жен-

[1]) 25-го іюня 1228 года.

скомъ монастырѣ, въ церкви Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста (гдѣ былъ найденъ Агриковъ мечь): общій же гробъ, который князь и княгиня, еще при жизни своей, велѣли вытесать изъ одного камня, бояре велѣли оставить пустымъ въ томъ же Соборномъ храмѣ. Но на другой день особные гроба очутились пусты, и оба тѣла лежали въ общемъ гробѣ. Ихъ опять разлучили, и опять на другой день оба тѣла были вмѣстѣ. Но потомъ ужъ никто не осмѣлился прикоснуться къ тѣмъ святымъ тѣламъ, которые такъ и остались въ одномъ гробѣ.

Хожденіе Богородицы по мукамъ.

Захотѣла Св. Богородица помолиться Господу Богу нашему на горѣ Елеонской: «во Имя Отца и Сына и Св. Духа, пусть сойдетъ архангелъ Михаилъ, пусть повѣдаетъ мнѣ о мукѣ небесной и земной». И сошелъ архангелъ Михаилъ и 400 ангеловъ съ нимъ: 100 отъ востока, 100 отъ запада, 100 отъ полудня, 100 отъ полуночи,... Богородица, желая видѣть, какъ души мучатся, сказала Михаилу архистратигу:... «сколько есть мукъ, гдѣ мучится родъ христіанскій?» И сказалъ ей архистратигъ: «нельзя и разсказать о тѣхъ мукахъ». Сказала ему Благодатная: «покажи мнѣ ихъ на небеси и на земли».

Тогда повелѣлъ архистратигъ явиться ангеламъ отъ полудня, и открылся адъ, и увидѣла она мучащихся въ аду, и много тутъ было женщинъ и мужчинъ, и великъ былъ вопль ихъ. И спросила Благодатная архистратига: «кто эти люди?» — И сказалъ архистратигъ: «это тѣ, что не вѣровали въ Отца и Сына и Св. Духа, но забыли Бога, и вѣровали въ тварь, которую Богъ сотворилъ намъ на работу; и солнце, и землю и воду, и звѣрей, и гадовъ — все это называли они богами; и изъ камня себѣ создали боговъ — Трояна, Хорса, Велеса, Перуна... потому-то здѣсь такъ и мучатся»....

И увидѣла на другомъ мѣстѣ тьму великую, и сказала Св. Богородица: «что это за тьма, и кто тѣ (люди), которые въ ней пребываютъ?» —И сказалъ архистратигъ: «многія души пребываютъ въ этомъ мѣстѣ». И сказала Св. Богородица: «пусть отымется тьма эта, дабы я могла видѣть и ту муку». И отвѣчали ангелы, стерегущіе муку: «намъ поручено, чтобы они не видѣли свѣта, пока не явится Сынъ Твой благій, болѣе шести солнцевъ свѣтлый», — и опечалилась Св. Богородица, и возвела очи къ ангеламъ, и, воззрѣвъ на невидимый престолъ Отца Своего, сказала: «во имя Отца и Сына, и Св. Духа, пусть разсѣется эта тьма, дабы я могла видѣть и эту муку». И разсѣялась эта тьма и 6 небесъ явилось, и тутъ пребывало множество народу, мужчинъ и женщинъ, и много воплей (было слышно), и исходилъ (оттуда) великій крикъ. И увидѣвъ ихъ Пресв. Богородица, сказала имъ, слезно плача: «что вы совершили, бѣдные окаянные, недостойные, какъ вы сюда попали?» И не было отъ нихъ ни голоса, ни отвѣта, и сказали ангелы, стерегущіе ихъ: «почему вы не отвѣчаете?» Сказали мучащіеся: «о Благодатная, отъ вѣка не видали мы свѣта, (потому и) не можемъ взглянуть вверхъ». И, взглянувъ на нихъ, Св. Богородица горько заплакала, видя ихъ мученія; и сказали они... «какъ это ты, пресвятая Богородица, посѣтила насъ бѣдныхъ?» Тогда сказала Св. Богородица къ архистратигу Михаилу: «въ чёмъ ихъ согрѣшеніе?» — И сказалъ Михаилъ: «это тѣ, которые не вѣровали въ Отца и Сына и Св. Духа, ни въ тебя, Св. Богородица, не хотѣли проповѣдать имени твоего, (и того), что родился отъ тебя нашъ (Господь) Іисусъ Христосъ, принявъ (на себя) смерть и освятилъ землю крещеніемъ, — вотъ почему они въ томъ мѣстѣ мучатся». И опять прослезилась Св. Богородица и сказала имъ: «зачѣмъ дали вы (себя) соблазнить, или не знаете, что все созданное почитаетъ имя Мое?»

(Какъ только) сказала это Св. Богородица, на нихъ снова опустилась тьма. Сказалъ ей архистратигъ: «куда хочешь, благодатная, чтобы мы пошли съ тобою: на полдень или на полночь?» И сказала благодатная: «пойдемъ на полдень». Тогда обратились херувимы и серафимы и 400 ангеловъ, повели Богородицу на полдень, гдѣ жгла огненная рѣка, и было тутъ множество мужчинъ и женщинъ, были тутъ погруженные въ нее — одни до пояса, другіе до пазухи, третьи по шею, а иные и съ головою. И увидѣвъ (это),

св. Богородица возопила громкимъ голосомъ, и вопросила архистратига: «кто—эти, что погружены въ огонь до пояса?» — «Это тѣ, которые подверглись клятвѣ отцевъ и матерей своихъ: за то здѣсь и мучатся, что были прокляты»... И опять спросила Богородица: «а кто же тѣ, что въ огнѣ стоятъ по шею?» — И сказалъ ей архистратигъ: «это тѣ, что ѣли человѣческое мясо, за то такъ и мучаются». — Сказала Св. Богородица: «а тѣ, что и съ головою погружены въ огненную рѣку, тѣ — кто?» — И сказалъ архангелъ: «это тѣ Госпожа, которые, держа (въ рукахъ) честной крестъ, клянутся лжами,... не вѣдая, какая мука ихъ ожидаетъ; потому-то такъ и мучатся».

И увидѣла св. Богородица человѣка, повѣшеннаго за ноги, и черви ѣли его; и вопросила Она Ангела: «кто этотъ? какой грѣхъ сотворилъ онъ?» — И сказалъ ей архистратигъ»: «это тотъ, который лихву бралъ на свое золото и серебро; за то на вѣки и мучится?»

И увидѣла она женщину, повѣшенную за зубы, и различныя змѣи исходили изъ устъ ея, и ее же пожирали. И увидѣвъ то, пресвятая вопросила ангела: «что это за женщина, и въ чемъ ея грѣхъ?» — И отвѣчалъ архистратигъ: «это та, что ходила по ближнимъ своимъ и сосѣдямъ, подслушивала, что они говорятъ, и слагая непріязненныя слова, возбуждала между ними ссоры: — потому такъ и мучится». И сказала Св. Богородица: «хорошо было бы человѣку тому вовсе не рождаться на свѣтъ».

И сказалъ ей Михаилъ: «ты еще, Св. Богородица, не видала великихъ мукъ». — И сказала святая архистратигу: «пойдемъ и походимъ, дабы видѣть всѣ муки». И сказалъ Михаилъ: «куда хочешь (идти), благодатная? И сказала святая: «на полночь». И обратились херувимы и серафимы, и 400 ангеловъ, и повели Благодатную на полночь; и представилось имъ тамъ облако огненное, а посреди его кровати, раскаленныя, какъ огонь, и на тѣхъ кроватяхъ лежало множество мужчинъ и женщинъ. И, увидѣвъ ихъ, святая, и вздохнувъ, сказала архистратигу: «кто эти, и въ чемъ согрѣшили?» — И сказалъ архистратигъ: «это тѣ, Госпожа, которые въ Свѣтлое Христово Воскресенье на заутреню не встаютъ, но лѣнятся, и лежатъ, словно мертвые, — за то такъ и мучатся». — И сказала св. Богородица: «ну, а если кто не можетъ встать, тому вмѣняется-ли во грѣхъ?» — И сказалъ Михаилъ: «послушай, святая, если у кого (въ эту ночь) домъ загорится съ четырехъ угловъ, и обхваченъ будетъ огнемъ, и сгоритъ (жившій въ домѣ), не могши встать — такому не вмѣнится во грѣхъ».

И увидѣла на другомъ мѣстѣ столы огненные и на нихъ множество народа, мужчинъ и женщинъ, (лежали) сгарая, и вопросила архистратига (о нихъ) святая, (и отвѣчалъ онъ:) «это тѣ, что поповъ не чтутъ — за то мучатся».

И увидѣла св. Богородица дерево желѣзное, имѣющее отрасли и вѣтви желѣзныя, и на вершинѣ тѣхъ вѣтвей были крючья желѣзныя, и множество мужчинъ и женщинъ было на тѣхъ крючьяхъ повѣшено за языки. И, увидѣвъ то, прослезилась святая и вопросила Михаила: «кто эти и въ чемъ ихъ согрѣшеніе?» — И сказалъ архистратигъ: «и это тоже клеветники, корившіе и разлучавшіе брата отъ брата и мужей отъ женъ;... и еще скажу тебѣ о нихъ: — когда кто хотѣлъ креститься и покаяться въ грѣхахъ своихъ, эти отговаривали и не поучали спасенію, — изъ за того то и мучатся вѣчно».

И увидѣла святая въ другомъ мѣстѣ человѣка, висящаго за ногти, и кровь текла (изъ подъ ногтей его) обильно, и языкъ его связывало огненное пламя, не могъ онъ ни вздохнуть, ни произнести: «Господи, помилуй». И, при видѣ его, пресв. Богородица сказала «Господи, помилуй» трижды, и сотворила молитву. И пришелъ къ ней ангелъ, заправлявшій муками, чтобы развязать языкъ тому мужу. И вопросила святая: «кто этотъ бѣдный человѣкъ, который терпитъ такую муку?» — И сказалъ ангелъ: «это икономъ и церковнослужитель, нетворившій воли Божьей, но продававшій сосуды (церковные), имущество церковное, и говорившій: «кто для церкви трудится, тотъ отъ церкви и питается» — за то и мучится здѣсь». — И сказала святая: «какъ онъ поступалъ, такъ и воздается ему». И ангелъ вновь связалъ ему языкъ.

И увидѣла святая человѣка, котораго (обвивалъ) трехглавый змѣй: — одна глава была обращена къ очамъ мужа, а другая къ устамъ его. И сказалъ архистратигъ: «вотъ бѣдный человѣкъ — нѣтъ ему отдыха отъ этого змѣя»;... «это Госпожа, тотъ, который прочиталъ св. книги и евангеліе, а самъ не послушалъ (того, что въ нихъ написано); людей-то учитъ, а самъ не творитъ воли Бо-

жіей, (поступая) безконно».... Прослезилась пречистая Богородица и сказала: «о, тяжко грѣшникамъ!... лучше бы имъ и не родиться на свѣтъ! И сказалъ ей Михаилъ: изъ за чего ты плачешь,святая? не видѣла еще ты великихъ мукъ». И сказала пресвятая: «поведи меня, (пусть увижу) всѣ муки». И сказалъ ей Михаилъ: «куда хочешь, благодатная — на востокъ-ли, или на западъ, или въ рай, на правую руку, или на лѣвую руку, гдѣ и есть великія муки?» и сказала пресвятая: «пойдемъ на лѣвую сторону». Обратились херувимы, серафимы и 400 ангеловъ, повели пресвятую отъ востока на лѣвую сторону; и (тамъ) надъ рѣкою висѣла мрачная тьма, а въ той рѣкѣ лежало множество мужей и женъ, и клокотали они словно въ котлѣ, и словно морскія волны обрушались на грѣшниковъ; и когда поднимались волны, и глубоко погружались среди нихъ (въ бездну) грѣшники, то не могли произнести: «праведный судья, помилуй насъ». И (въ то же время) неусыпающіе черви поѣдали (грѣшниковъ), и слышался (изъ бездны) скрежетъ зубовъ. И увидѣли пресвятую ангелы, стерегущіе(грѣшниковъ),и всѣ воскликнули въ одинъ голосъ, говоря: «святъ, святъ, святъ еси, Боже святый!... Радуйся, благодатная Богородица; радуйся просвѣщеніе свѣта вѣчнаго; радуйся, святый архистратигъ Михаилъ, молящійся Владыкѣ за весь міръ; мы же видимъ, какъ здѣсь грѣшные мучатся, и очень о нихъ скорбимъ»... И, увидѣвъ ангеловъ печальными и унылыми изъ-за грѣшниковъ... Богородица прослезилась и сказала: «что это за рѣка, и что за волны?» И сказалъ ей архистратигъ, «это рѣка вся смоляная, а волны ея всѣ огненныя, а тѣ, что въ ней мучатся — жиды, которые мучили Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія; и всѣ язычники, крестившіеся во имя Отца и Сына и Св. Духа, и которые, уже будучи христіанами, все же продолжаютъ вѣровать въ демоновъ и отвергаются отъ Бога и св. крещенія; также и отравители, ядами умерщвляющіе людей, и оружіемъ людей убивающіе... потому-то мучатся за дѣянія свои». И сказала святая: «по дѣламъ ихъ пусть имъ и будетъ». И вновь набѣжала (на грѣшниковъ) бурная рѣка и огненныя волны, и тьма покрыла ихъ; и сказалъ Михаилъ Богородицѣ: «кого эта тьма покроетъ, о томъ Богъ уже позабываетъ», и сказала пресвятая: «о, тяжко грѣшникамъ, такъ какъ пламень этого огня не угасаетъ!»

И сказалъ ей архистратигъ: «поди, пресвятая, я покажу тебѣ озеро огненное, дабы ты видѣла, гдѣ мучатся христіане». И увидѣла (то озеро), и услышала плачъ и вопль (мучившихся въ немъ), а ихъ самихъ не было видно,—и сказала:«кто это,и въ чемъ ихъ согрѣшеніе?»и сказалъ ей Михаилъ: «это тѣ, что крестились, и называли себя христіанами, а дѣла творили дьявольскія; и миновало время ихъ покаянію, и потому они здѣсь такъ и мучатся».

...И сказала пресв. Богородица: «молю тебя, повели ангельскому воинству, и вознесите меня на высоту небесную, и поставьте меня передъ невидимымъ Отцомъ». И повелѣлъ архистратигъ, и явились херувимы и серафимы, и вознесли благодатную на высоту небесную, и поставили ее передъ невидимымъ Отцомъ, у престола; и воздѣла она руки свои къ благодатному Сыну Своему, и сказала: «помилуй, Владыко, грѣшныхъ — я видѣла ихъ, и не могу выносить ихъ мученій». И въ отвѣтъ ей раздался голосъ, сказавшій: «какъ мнѣ ихъ помиловать? Я вижу раны отъ гвоздей на рукахъ Сына Моего, и не помилую тѣхъ». — И сказала Она: «Владыко, молюсь Тебѣ не за невѣрныхъ жидовъ; но за христіанъ молю тебя о милосердіи».—И раздался голосъ, и сказалъ: «я вижу, что и братьевъ своихъ они не миловали, какъ же мнѣ то ихъ помиловать». — И опять сказала Пресвятая:... «пріидите всѣ Ангелы, всѣ сущіе на небесахъ; пріидите всѣ праведные, которыхъ Господь оправдалъ, такъ какъ вамъ дано молиться за грѣшныхъ. Пріиди и ты, Михаилъ, — ты, первый между безплотными и передъ престоломъ Божіимъ, — и повели всѣмъ, пусть мы припадемъ передъ Невидимымъ Отцемъ и не тронемся съ мѣста, пока не послушаетъ насъ Богъ и не помилуетъ грѣшныхъ». Тогда палъ Михаилъ ницъ лицемъ своимъ передъ престоломъ,пали и всѣ лики небесные,и всѣ чины безплотныхъ. И увидѣлъ Владыко мольбу святыхъ, умилосердился ради Своего Единороднаго Сына, и сказалъ: «сойди, Сынъ мой возлюбленный, по молитвѣ Святыхъ, и яви лице свое грѣшникамъ».

И сошелъ Господь отъ невидимаго престола, и увидѣли его находящіеся во тьмѣ, и возопили всѣ въ одинъ голосъ: «помилуй насъ, Сыне Божій; помилуй насъ, царь всѣхъ вѣковъ». И сказалъ Владыко:... «По милосердію

Отца Моего, пославшаго Меня къ вамъ, и за молитвы Матери Моей, такъ какъ она много за васъ пролила слезъ, и за Михаила архистратига и многихъ мучениковъ моихъ ходатайство, такъ какъ они много за васъ потрудились — вотъ даю вамъ, мучащимся, отдыхъ на все время, днемъ и ночью, отъ великаго четверга до св. Троицы: это (время будетъ для васъ временемъ) покоя, и вы прославите Отца и Сына, и Св. Духа». И отвѣчали всѣ мучащіеся: «слава милосердію Твоему». Слава Отцу и Сыну, и Св. Духу и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь».

XI.

СВѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПОВѢСТИ И СКАЗКИ. — ВОСТОЧНОЕ И ВИЗАНТІЙСКО-СЛАВЯНСКОЕ ВЛІЯНІЕ; ВЛІЯНІЕ ЗАПАДНОЕ. ПЕРЕСАЖДЕНІЕ ИНОЗЕМНЫХЪ СКАЗАНІЙ НА РУССКУЮ ПОЧВУ.

Въ числѣ рукописей, сохранившихся намъ отъ XV вѣка, встрѣчается уже много такихъ, которыя заключаютъ въ себѣ «повѣсти и сказки», самаго разнообразнаго содержанія, слѣдовательно такія произведенія, которыя принадлежатъ къ чисто-свѣтской литературѣ, неимѣютъ ничего общаго съ литературой духовной и тѣми родами ея (поучительнымъ и историческимъ), какіе уже были разсмотрѣны нами въ предъидущихъ главахъ. Самая внѣшность этихъ рукописей XV вѣка — тщательное письмо, красивыя заставки и вычурно разрисованныя заглавныя буквы ихъ — все указываетъ прямо на значительную популярность ихъ между грамотными людьми русскими; а замѣчательное количество списковъ одного и того же произведенія этой литературы повѣстей и сказокъ и, сверхъ того, упоминаніе встрѣчающихся въ ней лицъ и подробностей разсказа въ произведеніяхъ нашихъ книжниковъ, задолго до XV вѣка, свидѣтельствуетъ о томъ, что эта литература въ XV вѣкѣ была уже не новостью для нашихъ грамотныхъ предковъ. Отличительною чертою всѣхъ произведеній этой литературы повѣстей и сказокъ является прежде всего то, что ни одна изъ нихъ не принадлежитъ русской почвѣ и въ содержаніи своемъ не представляетъ ничего общаго съ русскою національною жизнью, ничего общаго и съ русскою народною литературой и тѣмъ богатымъ запасомъ преданій, который для нея послужилъ основой. Всѣ повѣсти и сказки, появляющіяся въ рукописяхъ нашихъ XV и XVI столѣтія, вплоть до XVII вѣка, представляютъ собою рядъ переводовъ и передѣлокъ литературныхъ, принадлежащихъ довольно разнообразнымъ источникамъ, и притомъ довольно рано проникнувшихъ въ нашу литературу. Только уже въ XVII вѣкѣ, какъ мы увидимъ далѣе, являются у насъ на Руси первыя попытки создать свою, самостоятельную повѣсть, основанную на сюжетахъ, заимствованныхъ изъ нашей собственной, народной Русской жизни.

Есть основаніе думать, что первыя произведенія свѣтской литературы, при посредствѣ болгарской и сербской письменности, были занесены къ намъ на Русь въ началѣ XIII и даже въ XII вѣкѣ, т. е. тогда какъ грамотность утвердилась и распространилась у насъ настолько, что любовь къ чтенію стала способствовать развитію среди людей грамотныхъ потребности въ чтеніи разнообразномъ. Такимъ образомъ, вѣроятно, проникли къ намъ, въ видѣ южно-славянскихъ пересказовъ, средне-вѣковыя сказанія объ Александрѣ Македонскомъ и Троянской войнѣ. Нѣкоторые отдѣльные эпизоды громаднаго круга сказаній объ Александрѣ Македонскомъ, его походахъ и подвигахъ—этого обильнаго источника, изъ котораго почерпали всѣ литературы и западной, и восточной Европы — были извѣстны уже и Нестору; точно также и въ моленіи Даніила Заточника, рядомъ съ Соломоновой мудростью, упоминается объ *Александровой* храбрости, которая вѣроятно потому и могла быть употреблена этимъ книжникомъ въ общемъ нарицательномъ смыслѣ, что самыя сказанія объ Александрѣ, въ видѣ различныхъ пересказовъ и сокращеній, и въ то время, уже были извѣстны русскимъ грамотѣямъ. Рядомъ съ классическими преданіями объ Александрѣ Македонскомъ и Троянской войнѣ, при посредствѣ письменности сербской и болгарской, переходили къ намъ, въ ранній періодъ до XIV — XV в., и сказочныя произведенія

Азіятскаго Востока (съ которымъ Византія стояла въ такихъ тѣсныхъ сношеніяхъ) въ родѣ отрывковъ индійскаго животнаго эпоса, заимствованныхъ изъ Калилы и Димны [1]), или же сказокъ, извлеченныхъ изъ обширнѣйшаго арабскаго сборника, извѣстнаго подъ названіемъ *«Тысячи и Одной ночи»*. Изъ этого сборника, несомнѣнно, была заимствована одна изъ древнѣйшихъ повѣстей русскихъ, — *«повѣсть о Синагрипѣ, царѣ Адоровѣ и Наливъскія страны»* или *«Слово объ Акирѣ Премудромъ»*, съ содержаніемъ котораго мы долгомъ считаемъ здѣсь же познакомить читателей, такъ какъ оно представляетъ намъ, вѣроятно, древнѣйшій образецъ повѣсти, пересаженной на русскую почву [2]).

Главнымъ героемъ повѣсти является нѣкто «Акиръ премудрый» — вельможа царя Сенеграфа, правящаго землей Алевицкой и Анизорской. Акиръ всѣмъ обладалъ — и богатствомъ, и мудростью, и славой, и высокимъ почетомъ въ государствѣ. Недоставало ему только дѣтей и онъ пламенно молился Богу о о томъ, чтобы Богъ даровалъ ему наслѣдника. Свыше, однакоже, было указано ему, чтобы «въ сына мѣсто» взялъ онъ къ себѣ сына сестры своей, Анадана. Премудрый Акиръ исполнилъ волю неба и воспиталъ Анадана, какъ родное дитя, научилъ его всякой премудрости «земной и небесной, словно сосудъ наполнилъ жемчугомъ многоцѣннымъ» и ввелъ его въ милость у царя Сенеграфа. За все это Анаданъ заплатилъ Акиру самою черною неблагодарностью, обвинилъ его передъ царемъ въ измѣнѣ и такъ умѣлъ вооружить Сенеграфа противъ своего благодѣтеля, что тотъ не пустилъ Акира къ себѣ на глаза и велѣлъ своему конюшему, Анбугилу, передать его злой смерти. Однакоже Анбугилъ, обязанный Акиру, вмѣсто него казнилъ преступника Сутура, а самого Акира спасъ отъ смерти, посадивъ его на Сутурово мѣсто, въ темницу.

Всѣ оплакивали Акира, а Сенеграфъ-царь отдалъ все имѣніе и дворъ Акировъ неблагодарному Анадану. Тутъ вдругъ является отъ восточнаго царя, «Фараона Египецкаго», грозный посолъ Елтега, и предлагаетъ Сенеграфу отгадать «загадки Фараоновы», а если не отгадаетъ — грозится полонить всю землю Сенеграфову и поработить весь народъ его. Сенеграфъ обѣщаетъ дать полцарства тому, кто избавитъ его отъ такой напасти; но никто изъ вельможъ его, ни самъ Анаданъ, не въ силахъ разрѣшить «Фараоновыхъ загадокъ». Тогда Анбугилъ рѣшается сообщить царю о томъ, что Акиръ премудрый не казненъ, по царскому велѣнію, а сидитъ въ темницѣ. Обрадованный царь Сенеграфъ спѣшитъ въ темницу и находитъ Акира, окованнаго желѣзомъ по колѣни, «и обросшаго волосами съ головы и до земли, а бородою — до самаго пояса, а брови и голова у него — словно кирпичемъ крыты». Акиръ приказываетъ палками прогнать Елтегу, посла Фараонова, и самъ отправляется въ Египетъ, во главѣ блестящаго посольства. Тамъ изумляетъ онъ всѣхъ своею изобрѣтательностью и хитростью и вынуждаетъ царя Фараона признать себя побѣжденнымъ въ мудрости и платить тяжкую дань Сенеграфу. Въ вознагражденіе за эту услугу, Акиръ, вмѣсто всякихъ даровъ, требуетъ отъ царя Сенеграфа, чтобы тотъ выдалъ ему сына его Анадана, что царь и исполнилъ по желанію его. Акиръ же приковалъ Анадана цѣпями въ самыхъ городскихъ воротахъ и положилъ рядомъ съ нимъ три мѣдныхъ прута. И ударилъ его самъ Акиръ трижды, приговаривая такъ: «не рожденъ, такъ и не сынъ, не купленъ — такъ и не холопъ»; и приказалъ онъ всѣмъ гражданамъ алевицкимъ и анизорскимъ, всѣмъ, кто пройдетъ черезъ тѣ городскія ворота, точно также бить и позорить Анадана всякій день, а смерти не предавать. Анаданъ же черезъ нѣсколько дней умеръ и тѣло его было брошено псамъ на съѣденіе. А самъ Акиръ началъ по прежнему служить царю Сенеграфу и собирать многолѣтнюю дань съ Египецкаго царства.

Тѣмъ же самымъ, византійско-славянскимъ путемъ переходили къ намъ на Русь и такія смѣшанныя сказанія, какъ *«исторія о Варлаамѣ и Іосафатѣ»*, въ которыхъ нравоученія, навѣянныя христіанскими воззрѣніями, выражались въ видѣ цѣлаго ряда притчей и отдѣльныхъ сказаній, довольно неловко вставленныхъ въ рамку незамысловатой повѣсти. Содержа-

[1]) Арабская передѣлка индѣйскаго сборника сказокъ о животныхъ, извѣстнаго подъ названіемъ *Гитопадесы*. [2]) При этомъ нельзя не упомянуть и того знаменательнаго факта, что «повѣсть о Синагрипѣ» была уже отыскана Мусинымъ-Пушкинымъ, въ томъ самомъ сборникѣ, съ которою издано было имъ «Слово о п. Игоревѣ».

ніе этой повѣсти замѣчательно просто: мудрый пустынникъ Варлаамъ обращаетъ въ Христіанство индійскаго царевича Іосафа, не смотря на всѣ гоненія со стороны жестокаго отца его, Авенира. Варлаамъ является къ царевичу подъ видомъ купца, продающаго драгоцѣнный камень, и объясняетъ Іоасафу, что камень этотъ изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть уединеніемъ и молитвою. Несмотря на всю эту немногосложность содержанія, повѣсть должна была нравиться неприхотливымъ русскимъ читателямъ нетолько потому нравоучительному тону, который совершенно совпадалъ съ преобладавшимъ въ литературѣ поучительнымъ направленіемъ, но еще и по множеству притчей, аллегорій и сравненій, которыми былъ обставленъ простой сюжетъ ея. Вообще, нельзя не замѣтить, что *притча* и *загадка*, какъ доказательство или какъ проявленіе мудрости (отчасти, вѣроятно, и подъ вліяніемъ библейскихъ книгъ, заключающихъ въ себѣ загадки и притчи), чрезвычайно нравились большинству читающихъ въ теченіе всего періода среднихъ вѣковъ, нетолько у насъ, но и на Западѣ; вслѣдствіе этого, имя Соломона, какъ символъ величайшей мудрости, уже въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ, явилось во главѣ цѣлаго ряда сказаній, почти исключительно состоявшихъ въ изложеніи нескончаемыхъ состязаній этого мудреца съ другими, осмѣливавшимися хвалиться передъ нимъ своею мудростью или знаніями. Преданія о Соломонѣ, перемѣшавшись съ различными апокрифическими сказаніями и отчасти съ народными сказками, перешли во множествѣ на Русскую почву и съ Юга, и съ Запада, и способствовали тому, чтобы и у насъ, какъ и на западѣ, мудрость Соломонова, въ средѣ книжниковъ нашихъ, стала такимъ же нарицательнымъ обозначеніемъ извѣстныхъ личныхъ свойствъ, какъ и *храбрость Александрова.*

Сверхъ этихъ сказаній и повѣстей, являвшихся на нашей почвѣ литературной при посредствѣ южно-славянскихъ переводовъ и передѣлокъ съ византійскаго текста, впослѣдствіи, въ видѣ непосредственныхъ переводовъ съ греческаго, стали являться на Руси и нѣкоторые изъ немногихъ византійскихъ рыцарскихъ романовъ, въ которыхъ выразилась борьба Запада съ Востокомъ, борьба міра греко-латинскаго съ народами, завоевавшими Палестину; къ числу такихъ произведеній принадлежитъ, напримѣръ, прекрасная повѣсть «о дѣяніи Девгеніевѣ», содержаніе которой мы передадимъ здѣсь вкратцѣ, чтобы ознакомить читателей и съ этимъ особымъ видомъ древне-русской повѣсти.

Въ этой повѣсти разсказывается о томъ, какъ Сарацинскій или Аравитскій царь, Амиръ, влюбился въ дочь одной набожной вдовы царскаго рода въ землѣ Греческой; онъ собралъ войско, пошелъ воевать землю Греческую и, похитивъ ту дѣвушку, скрылся. Вдова посылаетъ трехъ сыновей своихъ въ погоню за похитителемъ: «идите». — сказала она—«нагоните Амира-царя и отбейте у него сестру свою, или сами тамъ за нее головы положите». Братья снарядились и устремились вслѣдъ похитителю «словно ястребы златокрылатые». На границѣ земли Аравитской встрѣтились они со стражей Амира и начали убивать ее, «какъ добрые косцы траву косятъ». Пріѣхавши потомъ въ станъ царя Амира, братья подняли на копья царскій шатеръ, и Амиръ предложилъ имъ бросить жребій — кому изъ нихъ троихъ достанется биться съ нимъ за сестру; жребій былъ брошенъ трижды, и трижды выпадалъ на долю младшаго брата. Амиръ былъ имъ побѣжденъ на поединкѣ, но изъявилъ согласіе принять истинную вѣру, если братья отдадутъ за него сестру свою за мужъ. Братья спросили ее, какъ она жила у царя Амира; та расказала имъ о его почтительномъ обхожденіи съ нею и прибавила, что если Амиръ согласенъ креститься, то имъ нечего искать зятя лучше его, потому онъ «и славою славенъ, и мудростью мудръ, и силою силенъ, и богатствомъ богатъ». Братья согласились на бракъ Амира съ сестрою, а царь Амиръ, отказавшись отъ своего царства и захвативъ съ собою несмѣтныя сокровища, переселился въ греческую землю, гдѣ и женился на греческой царевнѣ. Черезъ нѣсколько времени у Амира родился сынъ, и прозванъ былъ Акритомъ; въ крещеніи же дали ему имя: «*прекрасный Девгеній*». Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ; по тринадцатому году сталъ онъ упражняться въ воинскихъ потѣхахъ, а «самъ былъ весьма красивъ собою, лице у него было какъ снѣгъ бѣлое, румянецъ (въ щекахъ) словно маковъ цвѣтъ, волосы — словно золото, а глаза — большіе, словно чаши». Однажды, когда отецъ, Амиръ, выѣхалъ съ сыномъ на охоту, Девгеній изумилъ его и всѣхъ спутниковъ своей неустра-

шимостью въ борьбѣ съ дикими звѣрями; тутъ же удалось ему убить четырехъглаваго змѣя; и съ тѣхъ поръ сталъ онъ помышлять о ратныхъ подвигахъ. Однимъ изъ первыхъ подвиговъ его является борьба съ нѣкіимъ богатыремъ Филипатомъ и побѣда не только надъ нимъ, но и надъ его воинственною дочерью Максиміаной, послѣ того, какъ онъ не поддался на ихъ хитрости и имъ не удалось вѣроломно завлечь къ себѣ молодаго витязя. Побѣжденный Девгеніемъ Филипатъ открываетъ ему, что есть на свѣтѣ витязь и храбрѣе, и сильнѣе Девгенія — какой-то Стратигъ, и у того Стратига четыре богатыря - сына и дочь *Стратиговна*, одаренная, сверхъ красоты, мужествомъ и храбростью, свойственными мужчинѣ. Эта красавица — по словамъ Филипата — отвергла уже многихъ королей и князей, которые тщетно добивались руки ея. За такое извѣстіе Девгеній обѣщалъ отпустить Филипата на свободу; но ему хотѣлось сперва убѣдиться въ справедливости его словъ. Съ этой цѣлью, онъ сдаетъ Филипата подъ надзоръ отцу своему, а Максиміану — матери, и, несмотря на всѣ увѣщанія Амира, отправляется искать новыхъ подвиговъ. Повѣсть оканчиваетси полнымъ торжествомъ Девгенія надъ Стратигомъ и его сыновьями; Девгеній женится на Стратиговнѣ, получаетъ громадныя богатства за ней въ приданое и съ торжествомъ возвращается домой.

Есть нѣкоторое основаніе предположить, что сказанія, подобныя только что упомянутому нами «дѣянію Девгеніеву» стали заноситься къ намъ на Русь именно въ то время, когда письменность южно-славянская перестала быть для нашей литературы посредствующимъ звѣномъ, связывавшимъ ее съ литературою византійскою. Это должно было произойти именно около того времени, когда пала политическая независимость южно-славянскихъ государствъ, т. е. около половины XIV вѣка. Около того же времени, непосредственныя сношенія наши съ Западомъ, черезъ Псковъ и Новгородъ, а потомъ черезъ Литву и Польшу, до такой степени усилились и на столько сдѣлались частыми, что къ намъ стали *прямо съ Запада* проникать нѣкоторыя произведенія средневѣковой рыцарской романтической литературы, а также и множество мелкихъ отдѣльныхъ произведеній, принадлежащихъ обширнымъ сборникамъ новеллъ и сказокъ, многочисленными обработками которыхъ литература Европейская, особенно обогатилась именно въ теченіе XIV и XV вв.

На первый взглядъ каждому можетъ показаться очень страннымъ то обстоятельство что такія разнородныя сказанія, въ видѣ переводовъ и сокращенныхъ передѣлокъ проникавшія къ намъ въ теченіе трехъ или четырехъ столѣтій съ разныхъ сторонъ, находившія себѣ читателей и переписчиковъ, могли все же не побудить ни одного изъ нихъ къ воспроизведенію подобнаго же литературнаго рода на основаніи своихъ собственныхъ литературныхъ преданій. Разрѣшая этотъ вопросъ, нельзя не напомнить прежде всего о томъ, что тяжкое татарское иго положило рѣзкую грань между древнѣйшимъ періодомъ нашей литературы, и дальнѣйшею ея исторіею. Народныя начала, которыя только было начали высказываться въ первыхъ проявленіяхъ свѣтской литературы нашей и въ дружинномъ эпосѣ XII в., были вдругъ подавлены страшнымъ погромомъ татарскимъ, надолго пріостановившимъ на Руси всякую возможность нравственной и умственной жизни, а потому и литературной самодѣятельности, всякое стремленіе къ просвѣщенію, къ развитію литературы, даже къ простой грамотности. Время татарскаго владычества отозвалось замѣтнымъ усыпленіемъ и застоемъ, продолжавшимся въ теченіе трехъ послѣдующихъ вѣковъ; къ тому же, въ это самое время, какъ мы уже упоминали выше, грамотность сдѣлалась почти исключительнымъ достояніемъ одного духовнаго сословія, а оно менѣе всего способно было внести въ литературу начала народныя, во первыхъ, потому что слѣпо преклонялось передъ всѣмъ, что исходило изъ Византіи; а во вторыхъ, и потому еще, что ко всему народному относилось оно не только съ недовѣріемъ, но даже съ отвращеніемъ, какъ къ такому жизненному началу, которое носило на себѣ слѣды язычества, слѣды старины нечистой, не просвѣщенной христіанствомъ. Нельзя, впрочемъ, отрицать того факта, что были попытки создать и самостоятельную повѣсть русскую, по образцу занесенныхъ къ намъ подобныхъ же произведеній греко-славянскаго и западнаго міра. Попытки эти выражались не въ видѣ сюжетовъ, прямо заимствованныхъ изъ народной жизни, но въ видѣ сюжетовъ, которые въ обработкѣ своей были сближены съ народною

жизнью и съ тѣми образами, которыми народъ особенно дорожитъ въ народной поэзіи. Только одинъ изъ подобныхъ первыхъ опытовъ русской повѣсти принадлежитъ Русскому автору и потому имѣетъ для насъ особый интересъ; она извѣстна подъ названіемъ «*Слова о купцѣ Басаргѣ*» и расказывается въ ней исторія Кіевскаго гостя Басарги и его сына, прозваннаго Борзосмысломъ или Мудросмысломъ, которую мы приводимъ въ концѣ этой главы. Всѣ другія, относящіяся къ этому же отдѣлу повѣсти, по сюжету своему, были чуждаго происхожденія, но на Русской почвѣ литературной получили нѣкоторую новую обстановку и поставлены были въ такія условія, при которыхъ содержаніе ихъ должно было казаться особенно понятнымъ и привлекательнымъ для русскихъ читателей. Сюда относятся, напримѣръ, «сказанія о Вавилонскомъ царствіи,» «о судахъ Соломоновыхъ,» «о Соломонѣ и Китоврасѣ» — царѣ волшебникѣ, который днемъ правилъ въ образѣ человѣка надъ людьми, а ночью оборачивался въ *Китовроса*, и правилъ надъ звѣрьми.

Но всѣмъ этимъ попыткамъ создать нѣчто самостоятельное въ повѣствовательномъ родѣ и притомъ основанное на народныхъ началахъ, конечно должна была сильно препятствовать та легкость заимствованья съ почвы византійской, которая доставляла полнѣйшую возможность удовлетворенія потребности грамотныхъ русскихъ людей въ разнообразномъ и занимательномъ чтеніи. Этимъ путемъ заимствованья, при посредствѣ южно-славянскихъ литературъ, было тѣмъ болѣе легко угодить читателямъ, что Византія доставляла намъ и могла доставлять только такія повѣствованія и поэтическія сказанія, которымъ нѣмецкіе ученые дали весьма мѣткое названіе *странствующихъ* сказаній. При самомъ отдаленномъ и разнообразномъ происхожденіи, съ Востока и Запада, изъ Индіи и Греціи, они, по отношенію къ содержанію своему, носили на себѣ такой колоритъ общедоступности, такъ легко поддавались всевозможнымъ видоизмѣненіямъ, сокращеніямъ и дополненіямъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ быта и уровню образованности, господствовавшимъ въ той или другой сторонѣ, что въ самое короткое время эти сказанія пріобрѣтали себѣ громадную извѣстность и свободно переносились съ одного конца Европы на другой, незатрудняясь на пути своемъ никакими гранями, никакими различіями національностей, общественнаго строя и развитія. Весьма естественно могло, слѣдовательно, произойти то, что при множествѣ тягостныхъ условій, замедлявшихъ или даже подавлявшихъ у насъ всякую возможность развитія народной литературы на основанія самобытныхъ началъ русскихъ, — эта легкая переводная, общедоступная и занимательная по содержанію, литература пришлась очень по вкусу грамотнымъ предкамъ нашимъ, стала удовлетворять ихъ незатѣйливымъ потребностямъ и даже, до нѣкоторой степени, способствовала тому, чтобы въ нихъ еще долго не пробудился вкусъ къ подобной же литературѣ національной. Книжники наши, заимствуя цѣликомъ сюжеты изъ литературъ иностранныхъ, довольствовались только тѣмъ, что мѣстами подправляли ихъ и примѣняли къ русскимъ нравамъ, перемѣняли и обезображивали собственныя имена дѣйствующихъ лицъ, да тамъ и сямъ вставляли, словно жемчужинки въ оправу, то русскую пословицу, то народную загадку, то какое-нибудь сравненіе, прямо взятое изъ простонароднаго быта. Собственно же говоря, легкая повѣсть, основанная на сюжетѣ, заимствованномъ изъ Русскаго быта, является у насъ не ранѣе XVII столѣтія, да и тогда еще составляетъ у насъ явленіе исключительное, единственное, а не результатъ цѣлаго направленія, вызваннаго любовью къ своему, родному, домашнему, или разумнымъ предпочтеніемъ этого роднаго чужому.

ПОВѢСТИ И СКАЗКИ.

Повѣсть о Басаргѣ купцѣ.

Въ городѣ Кіевѣ былъ купецъ, именемъ Димитрій Басарга, и случилось ему нѣкогда отплыть отъ города Кіева въ кораблѣ, по морю, на куплю, и взялъ онъ съ собою для утѣшенія сына своего Мудросмысла. (Такъ звали его сына потому, что разумомъ былъ онъ силенъ не по лѣтамъ). И взялъ онъ съ собою немало рабовъ; и (едва только) отплылъ отъ берега по морю, какъ поднялся вѣтеръ, корабль стало носить по морю, отбило всѣ снасти — и такъ

носило его по морю на кораблѣ 30 дней. И купецъ Дмитрій поднялъ руки къ небу и сталъ молиться и плакать, вмѣстѣ съ дѣтищемъ своимъ Мудросмысломъ и съ отроками. И внезапно примчало его вѣтромъ къ великому и богатому городу, въ которомъ жилъ царь невѣрный, а жители того города были христіане. Обрадовался купецъ и повернулъ корабль къ берегу, къ пристани того города и увидѣлъ на пристани того города 330 кораблей, и узналъ, что та земля богата и купцы въ ней торгуютъ многіе, приставая къ тому городу. Пошелъ онъ съ корабля въ городъ и встрѣтился съ Дмитріемъ купцомъ гражданинъ того города, и сказалъ ему, Дмитрію: «Какой ты вѣры?» И сказалъ Дмитрій: «Я—христіанинъ, вѣрую въ Отца и Сына и Св. Духа, и въ Св. Троицу, единосущную и нераздѣльную.» И сказалъ ему гражданинъ: «Ты съ нами одной вѣры, только за наши согрѣшенія Богъ намъ далъ короля законопреступника и намъ христіанамъ гонителя, и приводитъ онъ насъ и насильствуетъ къ своей вѣрѣ поганой. Тѣмъ купцамъ, которые хотятъ въ его царствѣ торговать, онъ загадываетъ три мудрыя загадки, и кто отгадаетъ — тотъ торгуетъ въ царствѣ невозбранно всяки товарами; а кто не отгадаетъ—тѣхъ принуждаетъ къ своей поганой вѣрѣ, и кто въ его поганую вѣру учнетъ вѣровать—тѣмъ (тоже) даетъ торговать, и изъ царства своего отпускаетъ съ честью; а если кто трехъ его загадокъ не отгадаетъ, и въ вѣру его не преклонится, тѣхъ корабельниковъ онъ посѣкаетъ мечемъ и въ темницу сажаетъ; и нынѣ въ темницѣ сидитъ 330 корабельниковъ, да (вотъ) ужь и гражданамъ-то царь воспрещаетъ для нихъ печь хлѣбы—хочетъ, чтобы съ голоду перемерли.» Услышавъ это отъ гражданъ, купецъ Дмитрій, скоро возвратившись на корабль, увидѣлъ на немъ царевыхъ стражей, ибо таково было уложеніе царя въ томъ царствѣ: какъ придетъ корабль изъ которой нибудь страны, такъ царь и повелитъ сторожамъ своимъ стеречь и корабль, и корабельника, чтобы не уплыли. Купецъ же Дмитрій, видя на кораблѣ своемъ царевыхъ сторожей, и взявъ на немъ многіе дары, пошелъ къ царю, которому имя было Несміянъ. И явясь предъ царя, сказалъ: «Царь Несміянъ! я гражданинъ города Кіева, купчишко Дмитрій Басарга, и вотъ я тебѣ челомъ бью, чтобы ты, государь-царь, дары принялъ и торговать въ своемъ царствѣ позволилъ всякими товарами.» Царь же сказалъ: «Купецъ Димитрій! приходи ко мнѣ обѣдать, а дары я отъ тебя приму.» Спустя нѣкоторое время Дмитрій пришелъ къ царю обѣдать и послѣ обѣда вопросилъ его царь: «Купецъ! какой ты вѣры?» купецъ же сказалъ: «Я—вѣры христіанской, города Кіева гражданинъ, купчишко Димитрій, вѣрую въ единаго Бога Отца и Сына и Св. Духа.» И сказалъ ему царь: «Я полагалъ, что ты со мною одной вѣры, и хотѣлъ было дать тебѣ волю торговать въ своемъ царствѣ, и хотѣлъ было отпустить тебя изъ своего царства съ великою почестью, и съ дарами, и съ проводниками, а ты вотъ говоришь мнѣ, что ты — вѣры христіанской; такъ вотъ и отгадай же мнѣ, купецъ, три загадки: первая—много-ли мало-ли всего отъ востока и до запада? Вторая—чего десятая часть днемъ во всемъ мірѣ убываетъ, а ночью — прибываетъ? Третья—что есть то, чтобы не смѣялся поганый надъ христіанами? Скажи мнѣ, а если отгадаешь, повелю тебѣ торговать въ своемъ царствѣ всякими товарами, и даръ отъ тебя приму; а если не отгадаешь, то покинь свою вѣру и перейди въ мою, и я тебѣ воздамъ великую честь. Если же загадокъ моихъ не отгадаешь, ни въ вѣру мою не захочешь перейти, то пусть же будетъ тебѣ, купцу, вѣдомо: голову тебѣ отрублю, а товаръ твой велю взять въ свою царскую казну.» Купецъ же Дмитрій долго стоялъ, поникнувъ головою, не зная, что и отвѣтить царю: «Государь мой!» сказалъ онъ (наконецъ), «дай мнѣ сроку на пять дней»,—и далъ ему царь. Купецъ же Дмитрій поклонился царю и пошелъ на корабль свой съ великимъ плачемъ и рыданіемъ, ожидая отъ царя смерти, болѣе же оплакивая сына своего Мудросмысла, съ которымъ ему предстояло разлучиться и погибнуть. И оставилъ ребенокъ игру свою, и скоро пришелъ къ отцу своему Дмитрію и сказалъ: «отчего же это, отецъ, я вижу тебя столь печальнымъ? Или тебѣ въ этомъ царствѣ приключилась какая нибудь немочь?» И сказалъ Дмитрій сыну: «дитя мое возлюбленное! тѣшишься ты дѣтскими играми, а у меня, отца твоего,—великая печаль (на сердцѣ), и не вѣдаешь ты, что приближается къ тебѣ время разлуки со мною, а къ моей головѣ — царевъ мечъ: царь рѣшилъ, что я долженъ или умереть, или отречься отъ христіанской вѣры и присоединиться къ царевой вѣрѣ!» Сказало (тогда) дитя Мудросмыслъ къ отцу своему Дмитрію: «Раз-

скажи мнѣ, отецъ, что тебѣ царь говорилъ? И помолись Создателю нашему, Творцу, единому славимому Богу нашему, Іисусу Христу и пречистой Его Матери. И если разскажешь мнѣ, я помогу тебѣ силою распятаго Бога нашего и пречистой Богоматери, и избавитъ тебя Богъ отъ царева меча, и со мною, возлюбленнымъ сыномъ не разлучишься, и отъ христіанской вѣры не отступишь, и къ поганой вѣрѣ не будешь приневоленъ. Если же мнѣ, сыну своему, не скажешь, то примешь отъ царя смерть, и меня, неповиннаго, погубишь.» И услышавъ отъ сына своего такія рѣчи, Дмитрій сказалъ: «Вотъ изъ-за чего я печалюсь и плачу; — велѣлъ мнѣ царь три загадки отгадать, и никто ихъ не отгадалъ, и 330 купцовъ сидятъ за тѣ загадки въ темницѣ.... И попросилъ я у царя сроку на пять дней, и въ шестой день велѣлъ мнѣ царь передъ собою стать и загадки отгадать; а я человѣкъ несмышленый, царевыхъ загадокъ отгадать не смыслю. И сказалъ ему сынъ его: «Скажи мнѣ, отецъ, царевы загадки.» И сказалъ ему отецъ загадки, и дитя посмѣялося царевымъ загадкамъ и отцову рыданью, и сказалъ отцу своему: «Прости меня, отецъ, посмѣялся я глупости этого поганаго царя и твоему простому рыданію; отнынѣ, отецъ, перестань печалиться и рыдать, и коли не можешь утолить печали, я тебѣ, отецъ, помогу: предоставь волѣ Божьей печаль свою и помолись съ вѣрою, чтобы Богъ насъ избавилъ отъ этой печали и царевой страсти, и не удастся поганымъ посмѣяться надъ христіанами, и я его царевы загадки отгадаю.» И взялося дитя за игрушки свои, и начало играть и веселиться пуще прежняго. Купецъ же Дмитрій не повѣрилъ сыну, такъ какъ разумъ у него былъ еще дѣтскій; всѣ пять дней плакалъ онъ горько и неудомѣвалъ, какъ отвѣчать. Когда же разсвѣло на шестой день, призвалъ отецъ сына и сказалъ ему: «Дитя мое милое, Мудросмыслъ, уже къ головѣ моей приближается царевъ мечъ и я внутренно предчувствую разлуку съ тобою, такъ какъ уже насталъ день, до котораго я у царя выпросился!» Отрокъ же засмѣялся и сказалъ: «Прости меня, государь, виноватъ.» И повелѣлъ отрокъ отцу своему идти передъ царя смѣло, повелѣлъ и себя взять съ собою, и еще одного раба: «Пусть будетъ воля Господня!» (сказалъ онъ). И пошелъ съ отцомъ своимъ къ царю, и сталъ предъ царя, и сказалъ царь: «Купецъ! насталъ день, о которомъ ты просилъ меня; теперь отгадывай мои загадки!» И сказалъ купцовъ сынъ, Мудросмыслъ: «Царь Несміянъ! не подобаетъ тебѣ мудрствовать загадками, какъ дѣти въ играхъ или женщины на вечеринкахъ, да еще состарѣвшихся заставлять отгадывать: это женская и дѣтская потѣха, и я тебѣ загадки отгадаю; дай мнѣ, царь, напиться!» И сказалъ царь дитяти: «Отойди прочь, глупецъ, пока я тебя не закололъ мечемъ; не тебѣ повелѣваю отгадывать, но этому купцу.» И сказало дитя царю: «Я любимый сынъ этого купца; я тебѣ за отца загадки отгадаю, потому онъ старъ, а сѣдины уважать слѣдуетъ: гдѣ ему отгадать, что дѣти въ играхъ и женщины на вечеринкахъ загадываютъ! А коли я не отгадаю, то пускай же будетъ твой мечъ на виноватаго.» Царь повелѣлъ налить золотую чашу меду и далъ купцу Димитрію. Димитрій же, испивъ чашу, хотѣлъ было отдать ее царю, и сказалъ Мудросмыслъ отцу своему: «Отецъ, не отдавай царева даянія; царево даянье не должно отъ рукъ отходить.» Отецъ же, послушавъ своего сына, спряталъ чашу за пазуху; царь же, наливъ вторую чашу далъ дитяти; дитя же, выпивъ чашу (также спрятало ее за пазуху); и сказалъ царь дитяти: «Скажу тебѣ женскую и дѣтскую потѣху, отвѣчай мнѣ:—много-ли, мало-ли всего отъ востока и до запада?» И сказало дитя: «ни много, ни мало—день да ночь; ибо солнце, вставъ на сѣверѣ, обходитъ кругъ небесный отъ востока до запада, и въ одинъ день и одну ночь приходитъ отъ сѣвера къ югу. Вотъ тебѣ, царь, отгадка моя.» Царь же дивился умному его отвѣту и, наливъ чашу, далъ купцу и сыну, и рабу ихъ, и (потомъ) сказалъ дитяти: «Мудросмыслъ! вторую загадку отгадаешь мнѣ завтра, а нынче повеселимся»—и почтилъ царь купца, и сына его, и раба ихъ, и отпустилъ ихъ на корабль съ пиромъ.

Поутру же царь повелѣлъ собраться на его царскій дворъ всѣмъ князьямъ и боярамъ, посмотрѣть на предивное чудо, какъ осьмилѣтній ребенокъ царевы загадки отгадываетъ. И возсѣлъ царь на престолѣ своемъ и пришелъ купецъ Дмитрій съ сыномъ своимъ и съ рабомъ, и сталъ передъ царемъ, и поклонились они всѣ трое равно, до земли, и сказалъ царь Мудросмыслу: «Отрокъ разумный! отгадывай мнѣ вторую загадку: — чего десятая часть днемъ во всемъ мірѣ убываетъ, а ночью прибываетъ?» И сказало дитя: «Днемъ отъ солнца во всемъ мірѣ убываетъ десятая часть

изъ моря, и изъ рѣкъ, и изъ озеръ; а ночью десятая часть въ нихъ же прибываетъ изъ глубины моря—Окіана.» Царь разъярился на умный отвѣтъ его, и немного помолчавъ, сказалъ купцу, сыну его и рабу ихъ: «Третью загадку ты мнѣ завтра отгадаешь, а теперь—ступайте!» И пошли на корабль съ миромъ, и созвалъ поутру царь князей и бояръ, и сказалъ: «Какъ бы мнѣ не посрамиться передъ отрокомъ,—вѣдь вотъ какой ребенокъ, а загадки мои отгадываетъ? Такъ вотъ, когда прійдетъ онъ и отгадаетъ третью загадку, и мы крикнемъ въ одинъ голосъ: «умный отрокъ,»—тогда хватайте его, и рубите головы купцу и сыну его, и рабу ихъ.» И въ ту самую пору пришелъ третій разъ купецъ, и сынъ его, и рабъ ихъ, и сталъ у престола царева и поклонились они всѣ равно, до земли, и сказалъ царь: «Мудрый и умный отрокъ! отгадывай третью загадку, чтобы не смѣялся поганый надъ христіанами?» И сказалъ ребенокъ: «Великій царь Несміянъ! Ты высоко сидишь на престолѣ своемъ; а я отрокъ малый и малоумный, и хотя я твою загадку отгадаю, ты все же меня малоумнаго погубишь своими руками и мечемъ; а ты, царь, сойди съ престола, ради множества народа, чтобы моя отгадка для всѣхъ была ясна, и пусти меня на престолъ, и дай мнѣ новое одѣяніе, и мечъ и жезлъ; — и я твою загадку отгадаю всѣмъ на удивленье.» И слыша тѣ слова мудраго отрока, царь впалъ въ неразуміе, и сошелъ съ престола, и пустилъ дитя на престолъ и далъ ему свой мечъ, жезлъ и одѣяніе. Дитя же, сѣвъ на престолѣ царскомъ, (вдругъ) вскричало громкимъ голосомъ: «Князья и бояре, и всѣ вы — мужи и жены, вдовицы и отроки, и всякаго возраста люди! въ какого бога хотите вѣровать?» И возопили всѣ люди единогласно, какъ бы едиными устами: «Хотимъ вѣровать въ Отца и Сына и Св. Духа!» Дитя же, взявъ мечъ, отсѣкло голову царю и сказало: «Вотъ тебѣ и третья отгадка;—не смѣйся, поганый, христіанамъ!» И началась великая *голка* (мятежъ) въ людяхъ и во всемъ томъ городѣ, и сказало дитя народу: «Велите помолчать», — и замолкли всѣ люди, и сказало дитя мудрое и разумное: «Князья и бояре, и всѣ люди - граждане! кого вы себѣ царемъ своимъ поставите?» И всѣ люди единогласно закричали дитяти: «Ты, государь нашъ, избавилъ насъ отъ этого гонителя и мучителя, ты и будь намъ царемъ!» И сказало дитя: «Коли вздумали надъ всѣмъ царствомъ избрать меня царемъ и государемъ, то сдѣлалось это Божіимъ промысломъ, а не вашимъ изволеніемъ! Кабы не Господь предалъ (мнѣ) этого гонителя и губителя христіанъ, то какъ бы могъ я дерзнуть на столь сильнаго царя?» Я бы и взглянуть-то не смѣлъ на такое величество и гордость! Возвеличимъ Господа нашего Іисуса Христа, который даровалъ намъ побѣду на враговъ, и избавилъ насъ отъ бѣды, отъ его поганой вѣры и законопреступленія».

И повелѣлъ царь корабленниковъ привести, всѣхъ 330 купцевъ разныхъ царствъ, которые находились въ заточеніи, въ темницѣ. И удивился царь, глядя на нихъ: лица ихъ были, какъ земля, а волосы ихъ отросли до земли и покрывали имъ ноги, и все тѣло ихъ словно комарами было объѣдено, и платье на тѣлѣ ихъ истлѣло отъ ветхости. И прослезился царь при видѣ ихъ, вспомнивъ, какъ и ему, и отцу его грозила смерть отъ царя Несміяна, и возвратилъ имъ ихъ имущество, и отпустилъ каждаго изъ нихъ на родину; купцы же пошли на корабли свои, и потомъ каждый изъ нихъ (поплылъ) во свояси, славя Бога. И повелѣлъ царь темничнымъ сторожамъ снять замки и освободить сидѣвшихъ въ темницахъ и одѣлить ихъ щедрою милостынею. И сказалъ царь отцу своему Дмитрію: «Отецъ мой! насъ Богъ избавилъ отъ напрасной смерти; уйми же, отецъ, слезы умиленія за избавленіе душъ нашихъ, и помолися о мирѣ всего міра, чтобы намъ Господь подалъ на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ побѣду и одолѣніе и возвысилъ нашу десницу!» — И нарядилъ царь гонцевъ по всѣмъ государствамъ, и далъ имъ грамоты, (а въ тѣхъ грамотахъ было написано), чтобы со всѣхъ царствъ ѣхали купцы на корабляхъ со всякими товарами, да и торговали бы ими въ царствѣ (Мудросмысла) безъ всякаго запрета. И отпустилъ царь отца своего, и повелѣлъ привести мать свою и сро-

[1]) За этимъ слѣдуетъ краткій разсказъ о томъ, какъ Мудросмыслъ, узнавъ о томъ, что патріархъ той стороны былъ заточенъ царемъ Несміяномъ, освобождаетъ его изъ заточенія; патріархъ помазываетъ Мудросмысла на царство, а нѣсколько времени спустя, креститъ красавицу-дочь царя Несміяна, на которой Мудросмыслъ женится. За симъ царь Мудросмыслъ щедро одаряетъ патріарха и повелѣваетъ всюду строить на свой царскій счетъ церкви и монастыри.

дичей своихъ немедленно. И отецъ его Дмитрій сѣлъ на корабль свой, поплылъ по морю, и, приплывъ въ свою землю, подъ городъ Кіевъ, разсказалъ женѣ своей и сродичамъ объ избавленіи своемъ отъ смерти и обо всемъ случившемся съ нимъ по порядку, и о томъ, какъ сынъ его Мудросмыслъ Дмитріевичъ правилъ царствомъ своимъ; мать же его обрадовалась, и собралъ Дмитрій весь свой родъ, и пришли они въ царство сына своего, славя Бога; и пришелъ (отецъ) въ царство сына своего и сталъ у пристани. И сказали граждане царю, что пришелъ на кораблѣ отецъ его и мать, и устроилъ имъ царь встрѣчу великую и почетную. И начало приходить множество купцовъ со многихъ царствъ и изъ многихъ городовъ, со всякими товарами, и разбогатѣло царство всякими узорочьями, золотомъ и серебромъ, и началъ царь Мудросмыслъ царствовать благостью Божьею безъ всякаго мятежа, и было царствованье его славно и многолѣтно, и передалъ онъ царство дѣтямъ своимъ, и увидѣлъ сыновъ сыновей своихъ. Богу нашему слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ аминь.

Соломонъ и Китоврасъ.

(Повѣсть начинается съ разсказа о томъ, что былъ въ Іерусалимѣ царь Соломонъ, а въ городѣ Лукордѣ царствовалъ царь Китоврасъ; обычай же у того царя былъ такой: днемъ царствуетъ надъ людьми, а ночью оборачивается звѣремъ Китоврасомъ и царствуетъ надъ звѣрями; а по родству былъ онъ братъ царю Соломону. И прослышалъ тотъ царь Китоврасъ, что у Соломона есть жена красавица, и отправилъ къ нему нѣкоего волхва, въ видѣ купца, съ товарами, и съ непремѣннымъ повелѣніемъ похитить жену Соломонову. Волхвъ такъ и выполнилъ повелѣніе Китоврасово. Тогда Соломонъ собралъ войско, пошелъ въ землю Китовраса-царя, и, приблизясь къ предѣламъ его царства, сдѣлалъ съ войскомъ такой уговоръ: «Какъ заиграю я въ рожокъ, такъ вы приготовьтесь идти мнѣ на помощь; какъ заиграю въ другой разъ, такъ вы поѣзжайте ко мнѣ и станьте въ засадѣ; какъ въ третій разъ заиграю, такъ поспѣшайте ко мнѣ.»)

И пришелъ Соломонъ въ царство Китоврасово, какъ прохожій старецъ милостыню сбирать, и пришелъ въ садъ, гдѣ черпаютъ воду Китоврасу царю, и вышла дѣвка по воду въ садъ съ золотымъ кубкомъ, и сказалъ Соломонъ: «Дай же мнѣ, дѣвица, изъ этого кубка напиться.» И сказала ему дѣвка: «Какъ ты, старецъ, хочешь пить изъ царскаго кубка; если кто увидитъ, и скажетъ царю,—онъ велитъ за то насъ обоихъ казнить.»—Соломонъ сказалъ: «Дай же, дѣвка, напиться: никто у васъ этого не увидитъ»—и далъ ей за то колечко, и она дала ему напиться и пошла дѣвка съ водою, радуясь, и сказала своей госпожѣ такъ: «Я нашла его на пути.» И вотъ увидѣла у нея то колечко Соломонова жена, а Китоврасова царица, и узнала въ томъ кольцѣ свое обручальное, и сказала: «Скажи, кто тебѣ далъ это кольцо?»—Сказала дѣвка: «Далъ мнѣ, госпожа, старецъ захожій.»— А та сказала: «не старецъ онъ, а мужъ мой Соломонъ.» И скоро разослала она многихъ людей своихъ по городу и повелѣла сыскать старца; тѣ, сыскавъ старца, привели его къ ней. Она же, увидѣвъ его, сказала ему: «Соломонъ, ты зачѣмъ сюда пришелъ?» И сказалъ Соломонъ: «Пришелъ я по твою голову.» — И сказала ему его жена: «Самъ ты. Соломонъ, пришелъ по смерть свою и будешь повѣшенъ.» И скоро послала Соломонова жена на поле людей своихъ за Китоврасомъ: «Скажите Китоврасу такъ: - -(повелѣла она—) «пришелъ ко мнѣ другъ, а твой, господинъ, недругъ». Китоврасъ же скоро поѣхалъ ко двору своему и увидѣлъ Соломона у себя на царскомъ дворѣ, и сказалъ ему Китоврасъ: «ты—Соломонъ; зачѣмъ пришелъ ко мнѣ?» И сказалъ Соломонъ: «пришелъ я къ тебѣ для того (чтобы спросить), за что ты укралъ жену мою?» — И сказалъ ему Китоврасъ: » — али ты у меня, Соломонъ, хочешь украсть свою жену? у меня тебѣ не видать жены своей, а тебѣ отъ меня живу не быть.» И повелѣлъ царь Китоврасъ Соломона скоро повѣсить, и и Соломонъ передъ царемъ Китоврасомъ началъ плакать и сказалъ: «вѣдь ты братъ (мнѣ), Китоврасъ; я былъ тебѣ братомъ и царствовалъ во Іерусалимѣ; повели же мнѣ дать царскую смерть, вели меня повѣсить съ почетомъ и вели тутъ вывезти много питій и яствъ, и

ступай за мною самъ, и съ царицей своей, и вели быть всѣмъ людямъ градскимъ (по поводу) такой моей казни, и вели имъ пить и ѣсть, и меня царя Соломона поминать.» Китоврасъ же послушалъ царя Соломона, да такъ и сдѣлалъ; и повелѣлъ Соломона вести на висѣлицу. И тогда привели Соломона къ висѣлицѣ и увидѣлъ Соломонъ на висѣлицѣ льняную петлю, и сказалъ Китоврасу: «Ты мнѣ — братъ, Китоврасъ; а и неужели у тебя, во всемъ царствѣ твоемъ, не стало шелку? пошли и вели купить краснаго, да желтаго, и свить двѣ петли шелковыя, одну—красную, а другую желтую, и я тогда въ любую петлю кинуся.» Китоврасъ же повелѣлъ шелку купить краснаго да желтаго, и свить петлю изъ краснаго, а другую изъ желтаго. И сказалъ ему Соломонъ: «Ты мнѣ—братъ Китоврасъ, вели же мнѣ поиграть въ малый рожокъ передъ послѣднимъ концомъ.» Китоврасъ же повелѣлъ ему, Соломону, играть въ рожокъ, и услышало войско Соломоново, и стало вооружаться. И какъ привели Соломона къ висѣлицѣ, то сказали Соломону немилостивые палачи: «иди, Соломонъ, на висѣлицу.» И Соломонъ пошелъ. и ступилъ на первую ступень, и сказалъ Соломонъ Китоврасу: «братъ Китоврасъ, дозволь мнѣ еще поиграть въ малый рожокъ,» — и царь Соломонъ заигралъ въ рожокъ, и въ тѣ поры Китоврасъ и все войско Китоврасово задумались; и услышало Соломоново войско и подошло близко и укрылось въ тайномъ мѣстѣ. И сказали Соломону немилостивые мастера [1]): «царь Соломонъ, что ты мѣшкаешь?» И Соломонъ пошелъ по лѣстницѣ и вскочилъ на верхнюю перекладину висѣлицы, а лѣстницу прочь оттолкнулъ, и началъ играть въ свой рожокъ. И борзо прискакало Соломоново войско къ нему, и повелѣлъ Соломонъ всѣхъ побивать. — и побѣжали тѣ городскіе люди, а царя Котовраса и жену царицу поимали и привели предъ царя Соломона. И сказалъ Соломонъ: «Братъ Китоврасъ, ты мнѣ готовилъ висѣлицу и двѣ петли шелковыя, и хотѣлъ меня повѣсить не по винѣ моей, но по своему закоснѣлому сердцу, и за то самъ попался ко мнѣ въ руки, какъ ягненокъ въ когти волку, и терпи въ рукахъ моихъ: не бывать тебѣ живому.» И повелѣлъ царь Соломонъ повѣсить ихъ обоихъ—Китовраса въ красную петлю, а жену его, царицу—въ желтую петлю, а волхва ихъ въ льняную петлю; и повелѣлъ въ городѣ и остальныхъ людей всѣхъ побить, а царство Китоврасово огнемъ выпалить. А самъ царь Соломонъ пошелъ въ Іерусалимъ городъ, прославляя Св. Троицу, что невѣрнаго царя побилъ, а царство его поплѣнилъ и огнемъ попалилъ.

Богу нашему слава и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ аминь.

[1]) Мастерами здѣсь названы палачи. Палачъ и до настоящаго времени извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ «заплечнаго мастера».

ОТЪ ВРЕМЕНЪ ГРОЗНАГО ДО ПОЛОВИНЫ XVII В.

XII.

МРАКЪ НЕВѢЖЕСТВА И ЕРЕСИ. — ЗАПАДНОЕ ВЛІЯНІЕ: МАКСИМЪ ГРЕКЪ И ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.—СТОГЛАВЪ, КАКЪ РЕЗУЛЬТАТЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ МАКСИМА ГРЕКА. — КНИГОПЕЧАТАНЬЕ. — «ДОМОСТРОЙ» ПОПА СИЛЬВЕСТРА И МАКАРЬЕВСКІЯ «ЧЕТЬИ-МИНЕИ».

Шестнадцатый вѣкъ представляетъ собою границу древняго періода нашей литературы; далѣе этой границы древнія начала, на которыхъ она основывалась, не могутъ болѣе продолжать свое существованіе, перестаютъ жить живою жизнью, потому и начинаютъ постепенно слабѣть и отодвигаться на задній планъ; а между тѣмъ, на сцену литературную выступаютъ новыя силы, являются новые дѣятели, и масса новыхъ, не слыханныхъ до толѣ идей. Но эти новыя начала, новыя идеи и новые дѣятели выступаютъ на сцену литературную въ XVII вѣкѣ:—что же касается XVI вѣка, то онъ является намъ вѣкомъ борьбы, вѣкомъ попытокъ и стремленій къ установленію иного, лучшаго порядка вещей, такъ какъ въ обществѣ уже живетъ тягостное сознаніе того, что оно не можетъ существовать долѣе на тѣхъ же основаніяхъ, если желаетъ слѣдовать далѣе путемъ дѣйствительной жизни и органическаго развитія. Но отживающія начала общественной жизни еще на столько оказываются живучими и сильными въ этомъ вѣкѣ, что всѣ стремленія лучшихъ представителей общества къ улучшенію, измѣненію существующаго порядка вещей—разбиваются о приверженность большинства къ застою и неподвижности, основанной на глубокомъ невѣжествѣ массы и на грубости, испорченности нравовъ въ высшихъ слояхъ общества.

Не станемъ вдаваться ни въ какія историческія подробности, которыя бы могли обрисовать намъ мрачную картину общественной жизни на Руси въ XVI вѣкѣ; замѣтимъ только, что время, воспитавшее такую страшную личность правителя, какъ Іоаннъ Грозный, обставившее его не менѣе грозными исполнителями его воли, и рядомъ, съ нимъ воспитавшее то общество, которое способно было почти полвѣка сносить всѣ ужасы его правленія — время это являлось совершенно органическимъ слѣдствіемъ всего предшествовавшаго московскаго періода Русской Исторіи.

И дѣйствительно, въ то время, какъ политическія обстоятельства способствовали тому, чтобы власть, сосредоточенная въ рукахъ великихъ князей московскихъ, начиная съ Іоанна III, возрастала до крайнихъ предѣловъ, около нихъ не развивалась въ обществѣ никакая сила разумная, которая бы способна была направлять эту громадную власть на благо и пользу народа, которая бы ограждала ее отъ самообольщенія. Въ обществѣ не было никакой самобытной жизни, никакихъ положи-

тельныхъ интересовъ, никакого уваженія къ человѣческой личности, никакого общественнаго мнѣнія, которое бы способно было противодѣйствовать злоупотребленіямъ власти или строго относиться къ дѣятельности тѣхъ, кого она выбирала орудіями своими. Русское общество очевидно дожило, въ началѣ XVI в., до крайняго предѣла въ развитіи тѣхъ началъ, которыя руководили его жизнью до этого времени, и, окруженное отовсюду самыми неблагопріятными условіями для дальнѣйшаго своего развитія, огражденное отъ вліянія Европы враждебными и недоброжелательными сосѣдями, —оно должно было довольствоваться только тѣмъ, что выработывалось въ его собственной средѣ, его собственными скудными средствами. Отсюда, въ нѣкоторой части общества, которая болѣе была способна къ апатіи и застою, стало развиваться ложное и высокомѣрное понятіе о значеніи и достоинствѣ русскаго,—какъ несомнѣнно-образцоваго, нетребующаго никакихъ измѣненій, и рядомъ съ этимъ убѣжденіемъ — отвращеніе ко всему иноземному, недовѣріе и опасеніе по отношенію ко всякой новизнѣ, хотя бы и очевидно-полезной... Но, въ противуположность этимъ крайнимъ убѣжденіямъ, мы видимъ въ XVI вѣкѣ зараждающееся меньшинство, которое нимало не склонно сочувствовать этимъ взглядамъ и даже смѣло рѣшается выступить на борьбу съ ними. Меньшинство это, какъ мы сейчасъ увидимъ, развивается подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ случайныхъ условій, нѣкоторыхъ отдаленныхъ отголосковъ того громаднаго прогрессивнаго движенія, которое руководило всею Европою въ XV и XVI вѣкахъ, и которое извѣстно подъ названіемъ «Эпохи Возрожденія».

Выше уже видѣли мы изъ знаменитаго посланія Геннадія, какъ сильно нуждалось общество въ школахъ; неговоря уже о другихъ сословіяхъ, для которыхъ онъ какъ бы вовсе и не признаетъ нужды въ грамотности, Геннадій указываетъ въ своемъ посланіи только на тотъ страшный вредъ, который безграмотность, преобладающая и въ самомъ духовенствѣ, должна была приносить народу въ отношеніи религіозномъ и нравственномъ. Дѣйствительно, неисчислимы оказывались вредныя послѣдствія этой безграмотности, при общемъ невѣжествѣ всѣхъ, и высшихъ, и низшихъ сословій, при свойственной всякому невѣжеству склонности къ суевѣріямъ и къ ложному истолкованію всего недоступнаго общему пониманію. Ереси, осужденныя на соборѣ 1504 года, продолжали не только существовать, но и распространяться, пользуясь слабостью отпора, который могло представить имъ полуграмотное духовенство; книги Священнаго Писанія и Церковныя искажались и обезображивались множествомъ ошибокъ со стороны безграмотныхъ писцовъ; между отдѣльными церквами и монастырями происходили споры изъ-за разногласій при отправленіи богослуженія. Ко всему этому, разбогатѣвшее монашество начинало до такой степени увлекаться мірскими прелестями жизни, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ забывали даже всякое приличіе... Отсюда, въ самыхъ стѣнахъ монастырей, заводились распри между старымъ поколѣніемъ, отстаивавшимъ старыя преданія и прежнюю строгость жизни, и новымъ, которое болѣе склонно было къ пользованію выгодами своего положенія, нежели къ заботамъ о вѣрѣ и нравственности. Съ другой стороны вопросъ о владѣніи землями и селами разъединялъ все монашество и духовенство наше на два лагеря, которые безпощадно относились другъ къ другу и вели между собою ожесточенную полемику, полную брани и самыхъ безцеремонныхъ разоблаченій какъ съ той, такъ и съ другой стороны... И между тѣмъ, какъ силы тратились въ этой безплодной борьбѣ, для которой средства избирались весьма неразборчиво, масса народа коснѣла въ ужасномъ невѣжествѣ; даже князья и дѣти боярскіе, присутствовавшіе на соборѣ 1566 г., «ставши передъ дьякомъ», должны были заявить, что «у записи рукъ ихъ нѣтъ, потому что они грамотѣ неумѣютъ». Да къ тому же, среди общества, привыкнувшаго къ невѣжеству, находились и такіе люди, которые отвращали молодыхъ людей отъ ученія, стращая ихъ помѣшательствомъ ума и тѣсною связью между ученіемъ книжнымъ и ересями. Въ самомъ «Домостроѣ», который представляетъ собою, какъ мы увидимъ далѣе, собраніе всѣхъ необходимѣйшихъ для жизни правилъ — такъ сказать полный кругъ понятій русскаго человѣка конца XVI вѣка — не видимъ увѣщанія отцамъ учить дѣтей грамотѣ, которая признается необходимостью только для духовнаго сословія и людей приказныхъ!

И въ эту то мрачную эпоху недовольства современнымъ состояніемъ общественнымъ, борьбы разнородныхъ элементовъ религіоз-

ныхъ, и полной невозможности перехода къ лучшему порядку вещей собственными средствами—въ эту эпоху суждено было попасть къ намъ на Русь одному изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ дѣятелей общественныхъ и литературныхъ въ XVI в. Дѣятель этотъ былъ не кто иной, какъ Максимъ Грекъ, инокъ аѳонскій, приглашенный въ Россію случайно и по частному дѣлу — для описи богатаго запаса греческихъ рукописей, накопившагося въ библіотекѣ великаго князя Василія Іоанновича—но которому суждено было прожить въ Россіи бо́льшую половину своей жизни, сродниться съ почвою русскою, увлечься горячею ревностью къ благому просвѣщенію этой страны, столь богатой нравственными и умственными силами, и, благодаря этой самоотверженной ревности, воспитать поколѣніе новыхъ русскихъ людей, которые оказались способными отрѣшиться отъ страшной дѣйствительности XVI вѣка, стать выше ея, и пойти далѣе путемъ широкаго нравственнаго и умственнаго развитія. Максимъ Грекъ родился въ 1480 г., а умеръ въ 1556 г. Въ 1518 г., слѣдовательно на 38 году жизни, въ цвѣтѣ лѣтъ и въ полномъ развитіи силъ своихъ призванъ былъ онъ въ Россію. До этого времени лучшіе годы своей юности онъ провелъ среди самыхъ выгодныхъ условій для своего нравственнаго и умственнаго совершенствованія. Большую часть молодости прожилъ онъ въ сѣверной Италіи, которая съ XV столѣтія служила убѣжищемъ всѣмъ ученымъ греческимъ, искавшимъ спасенія отъ турецкаго ига; колоніи этихъ ученыхъ, разработывая богатые запасы принесенныхъ ими же рукописей древнихъ классиковъ, способствовали развитію того блестящаго и многознаменательнаго движенія, которое, исходя изъ Италіи, обхватило подъ конецъ всю Европу, и такъ справедливо придало извѣстному періоду названіе «эпохи Возрожденія наукъ и исскуствъ». Молодому Максиму Греку пришлось получить образованіе въ самыхъ центрахъ тогдашняго итальянскаго просвѣщенія, въ Венеціи и Флоренціи. Тутъ изучилъ онъ древнихъ классиковъ, которыхъ любилъ называть своими *первыми учителями*, и основательно ознакомился, кромѣ древнихъ и съ двумя новѣйшими языками: итальянскимъ и французскимъ. Во Флоренціи сильное вліяніе долженъ былъ оказать на юнаго Максима знаменитый итальянскій проповѣдникъ того времени, Іеронимъ Савонарола, энергически защищавшій древне-христіанскія начала религіи и нравственности противъ вліяній роскоши, распущенности современныхъ нравовъ и своеволія духовенства. По возвращеніи въ Грецію, Максимъ отправился на Аѳонъ, постригся тамъ въ монахи и съ жаромъ предался чтенію и изученію твореній св. Отцевъ церкви. И послѣ столькихъ-то лѣтъ и трудовъ, посвященныхъ на пріобрѣтенье блестящаго, по тому времени, научнаго образованія, Максиму Греку пришлось отправиться на далекій сѣверъ, въ Москву, съ того Аѳона, который уже столько разъ и книгами, и живыми силами своими способствовалъ поддержкѣ просвѣщенія въ Россіи.

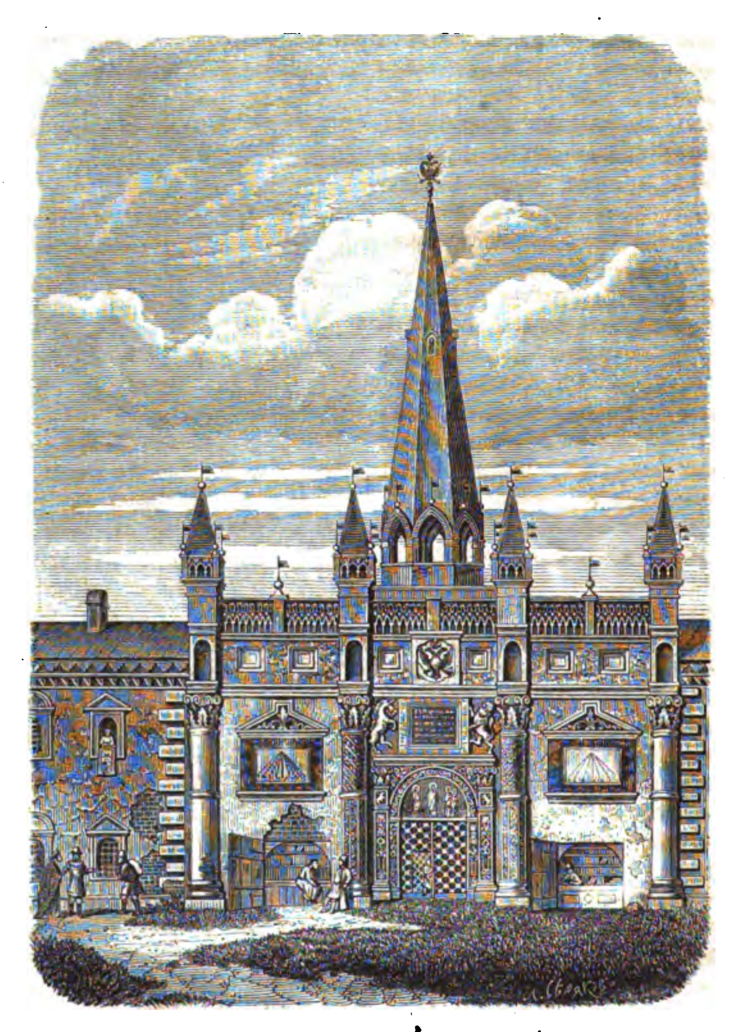
По прибытіи своемъ въ Москву, Максимъ Грекъ, видѣвшій на вѣку своемъ образованнѣйшіе центры современной Европы, былъ конечно пораженъ страшною противуположностью между многостороннею, разнообразною, дѣятельною жизнью европейскихъ государствъ и московскимъ застоемъ; между тамошнею утонченною образованностью и здѣшнимъ глубокимъ невѣжествомъ, въ которомъ коснѣли не только всѣ классы общества, но даже и большинство самаго духовенства. Вотъ почему, не смотря на спеціальную дѣятельность переводчика твореній отцевъ церкви и исправителя рукописныхъ текстовъ св. Писанія, которой Максимъ Грекъ посвятилъ себя вначалѣ своего пребыванія въ Москвѣ, онъ вскорѣ увидѣлъ себя вынужденнымъ обратить вниманіе и на прочія нестроенія церковныя и общественныя, которыя совершались передъ глазами его. Вскорѣ его литературная дѣятельность исключительно обратилась къ полемикѣ противъ ложныхъ ученій, распространенныхъ въ средѣ Русской церкви и къ обличенію важнѣйшихъ общественныхъ недостатковъ. Не только вышеописанное состояніе общества, но еще и тѣ смуты, которыми сопровождалось правленіе Василія Іоанновича и малолѣтство Грознаго, давали много пищи для поддержки этого обличительнаго направленія въ его литературной дѣятельности. Въ теченіе своего 38 лѣтняго пребыванія въ Россіи онъ написалъ около 140 различныхъ сочиненій, изъ которыхъ большая часть направлена была противъ остатковъ ереси жидовствующихъ, противъ попытокъ латинства, замышлявшаго на православіе, противъ ложнаго пониманія православными нѣкоторыхъ догматовъ религіи; однакоже нѣкото-

рые были цѣликомъ, а другія отчасти, посвящены разсмотрѣнію и чисто общественныхъ вопросовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ церковнымъ устройствомъ и его недостатками. Такъ въ словѣ «о премудрости Божіей» помѣщены Максимомъ рѣзкія обличенія лихоимства властей и неправосудія сильныхъ людей; въ другомъ «словѣ о нестроеніяхъ и безчиніяхъ властителей послѣдняго вѣка сего» аллегорически изображена картина смутъ боярскихъ, сребролюбіе и любовь къ роскоши, которая проявлялась въ пирахъ и пышныхъ постройкахъ. Эта многосторонняя и безпристрастная дѣятельность Максима, человѣка просвѣщеннаго и увлекавшагося стремленіемъ къ добру и къ истинному просвѣщенію, неспособнаго хладнокровно относиться къ тому злу, которое совершалось передъ его глазами, скоро навлекло ему много враговъ. Болѣе всего повредила ему полемика его съ Волоколамскими иноками, которые пользовались большимъ вниманіемъ Великаго князя, и которыхъ онъ раздражилъ, высказавшись въ одномъ изъ сочиненій своихъ въ пользу тѣхъ, которые считали владѣніе землями и селами неприличнымъ для иноковъ, отрекшихся отъ міра. Къ этой враждѣ прибавлялись еще и непріязненныя отношенія къ митрополиту Даніилу, которому Волоколамскіе иноки были особенно близки потому, что онъ до митрополитства былъ игуменомъ Волоколамскаго монастыря. Врагамъ Максима удалось особенно повредить ему въ глазахъ великаго князя Василія Іоанновича, когда Максимъ высказался противъ развода великаго князя съ первою супругою и противъ брака его съ Еленою Глинскою. Сначала обвинили его въ сочувствіи къ нѣкоторымъ опальнымъ боярамъ и заключили въ Симоновъ монастырь; когда же онъ успѣлъ оправдаться отъ возведенныхъ на него навѣтовъ, враги его придали особенную важность нѣкоторымъ несовершенствамъ въ исправленіи текста церковныхъ книгъ и, на особо созванномъ для этой цѣли соборѣ 1525 года, осудили Максима, какъ еретика, преднамѣренно испортившаго текстъ св. Писанія. По приговору собора, Максимъ отправленъ былъ во враждебный ему Волоколамскій монастырь на заточеніе. Переведенный впослѣдствіи, въ царствованіе Грознаго въ Троице-Сергіевскую лавру, онъ въ ней и скончался.

Не смотря на то, что Максимъ Грекъ въ большей части своихъ сочиненій отдаетъ предпочтеніе богословію предъ всѣми науками, и смотритъ нѣсколько пристрастно, съ чисто-монашеской точки зрѣнія на изученіе классической древности, во всѣхъ писаніяхъ своихъ онъ все же является человѣкомъ просвѣщеннымъ, неспособнымъ къ той узости взгляда, какою особенно страдало современное русское общество, недовѣрчиво и презрительно относившееся ко всему иноземному. Максимъ Грекъ, напротивъ того, нимало незатрудняясь приводить въ примѣръ православнымъ неправославныхъ монаховъ и нѣмцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ считалъ ихъ образъ дѣйствій достойнымъ подражанія. Кромѣ того, Максимъ Грекъ оказывалъ еще сильное вліяніе на приближенныхъ къ нему людей бесѣдами своими, которыми, какъ человѣкъ образованный, много видѣвшій на вѣку своемъ, онъ привлекалъ къ себѣ людей живыхъ и любознательныхъ. Благодаря этимъ бесѣдамъ около него образовался кружокъ людей, недовольныхъ существующимъ порядкомъ вещей и охотно примкнувшихъ къ человѣку, который могъ сообщить имъ много новаго и любопытнаго объ иномъ, лучшемъ устройствѣ общественной жизни, о болѣе правильныхъ отношеніяхъ между сословіями, какія случалось ему видѣть въ чужихъ краяхъ. Къ этому кружку принадлежали многіе, весьма замѣчательные люди русскіе XVI вѣка, такъ напр. Вассіанъ Косой (въ мірѣ князь Иванъ Патрикѣевъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ бояръ при дворѣ Іоанна III), знаменитый впослѣдствіи князь Андрей Михайловичъ Курбскій, Зиновій Отенскій, прославившійся борьбою противъ ереси Θеодосія Косого и Матвѣя Башкина, наконецъ инокъ Силванъ, сотрудникъ Максимовъ въ переводахъ, состоявшій при немъ писцомъ и прославившійся своими свѣдѣніями въ грамматикѣ. Всѣ они съ гордостью называли себя учениками Максимовыми и «это почетное имя»—какъ справедливо замѣчаетъ г. Соловьевъ «всего лучше показываетъ намъ значеніе знаменитаго святогорскаго инока».

И дѣйствительно, не смотря на то, что Максимъ Грекъ пострадалъ за ту горячую дѣятельность обличительную, которой предался съ такою благородною ревностью, не смотря на то, что онъ, вслѣдствіе этого, уже очень рано былъ устраненъ отъ непосредственнаго вліянія на дѣла церковныя и общественныя, не смотря на все это,—посѣянное имъ сѣмя стало мало по малу всходить, и дало наконецъ

свой плодъ въ одномъ изъ достопамятнѣйшихъ событій XVI вѣка. Мы, говоря это, имѣемъ въ виду тотъ знаменитый *Стоглавый соборъ* или *Стоглавникъ* (1551 г.) на которомъ юный царь, во главѣ лучшей и просвѣщеннѣйшей части современнаго русскаго общества, заявилъ объ упадкѣ нравственности въ духовенствѣ, о существованіи на Руси различныхъ церковныхъ и общественныхъ нестроеній, и въ особенности возсталъ противъ главнаго и общераспространеннаго зла—полнѣйшей безграмотности, происходившей отъ того, что школъ не было.

Видъ печатнаго двора въ Москвѣ.

Соборъ, посвятившій много времени на разностороннее обсужденіе предложенныхъ ему вопросовъ, оставилъ намъ въ видѣ объемистой книги, извѣстной подъ названіемъ *Стоглава*, всѣ положенія, къ какимъ онъ пришелъ по отношенію къ этимъ вопросамъ. По отношенію къ вопросу о школахъ, соборъ могъ предложить только одну мѣру, которая, во всякомъ случаѣ, не могла имѣть важнаго значенія для распространенія просвѣщенія въ Россіи, такъ какъ она касалась только самыхъ начатковъ образованія — простой, первоначальной грамотности, обученія чтенію и письму. Постановили устроить училища въ домахъ священниковъ, дьяконовъ и дьячковъ, которые были хорошо обучены грамотѣ. Не извѣстно, въ какой именно степени это постановленіе собора приведено было въ исполненіе,

тѣмъ болѣе, что дальнѣйшій ходъ событій историческихъ въ теченіе всего тревожнаго и суроваго правленія Іоанна Грознаго, нимало не могъ способствовать систематическимъ заботамъ о распространеніи на Руси хотя бы и той первоначальной грамотности, которую соборъ призналъ существенно-необходимой. Должно предполагать однакоже, что, хоть мѣстами, эта мѣра нашла себѣ примѣненіе; но даже и въ этомъ случаѣ она не принесла и не могла принести ожидаемой отъ нея пользы, такъ какъ глубокое невѣжество, тяготѣвшее надъ всею Русью не могло быть устранено даже и всеобщимъ распространеніемъ грамотности. Тутъ необходимыми оказывались болѣе серьезныя мѣры:—оказывалась нужда въ просвѣщеніи, въ наукѣ, которая бы была на столько сильна, чтобы противоборствовать суевѣріямъ и апатіи.... Но видно еще не время было появиться этимъ новымъ элементамъ въ русскомъ обществѣ, которому еще много предстояло пережить бѣдъ и бурныхъ невзгодъ, прежде нежели сознать необходимость новой жизни и просвѣщенія. Г. Соловьевъ совершенно справедливо называетъ вѣкъ Грознаго «вѣкомъ движенія, разнаго рода попытокъ и протестовъ». Самъ Грозный бралъ на себя иниціативу нѣкоторыхъ подобныхъ протестовъ, обращая напр. вниманіе духовенства на нестроенія церковныя и общественныя въ той рѣчи, которою онъ открылъ Стоглавый соборъ 1551 г. Но какъ этотъ протестъ самаго царя остался безслѣднымъ и безплоднымъ для исторіи русскаго просвѣщенія, такъ и многія превосходныя, благодѣтельнѣйшія по замысламъ, «попытки», въ тотъ же вѣкъ Грознаго, не приводили ни къ какому результату. Такъ напр. къ тому же царствованію относится и попытка введенія у насъ книгопечатанія, которое въ сосѣднихъ Россіи, славянскихъ странахъ, появилось еще въ XV вѣкѣ (въ Краковѣ 1491 г.). Съ 1525 года книгопечатаніе видимъ уже и въ самой Вильнѣ; а въ 1548 году царь Іоаннъ Васильевичъ, между прочими мастерами, выписывалъ изъ Германіи и типографщиковъ; но ихъ не пропустили въ Россію сосѣди наши. Въ 1552 году, Датскій король Христіанъ III присылалъ въ Москву нѣкоего Ганса Миссенгейма, свѣдущаго въ типографскомъ искусствѣ. Миссенгейму дано было порученіе предложить царю принять протестанство. Нѣкоторые утверждаютъ, будто ему поручено было царемъ устройство типографіи. Но по другимъ, болѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ, царь Іоаннъ Васильевичъ, нуждаясь въ церковныхъ книгахъ для вновь строющихся многихъ церквей, велѣлъ скупать книги но торгамъ, и очень мало оказалось изъ числа ихъ годныхъ и переписанныхъ исправно; это навело Іоанна на мысль о необходимости книгопечатанья. И вотъ, съ одобренія митрополита Макарія, въ 1553 году стали на счетъ церковной казны строить домъ, въ которомъ однако же не скоро началось печатанье книгъ. Хотя и сохранилось подъ 1556 годомъ извѣстіе о

Типографскій станокъ XVI вѣка.

какомъ то мастерѣ печатныхъ дѣлъ, Мартынѣ Нефедьевѣ, однако же достовѣрно извѣстно, что только 1 марта 1564 окончено было печатанье первой русской книги:—то была книга «Дѣяній апостольскихъ и соборныхъ посланій апостола Павла». Надъ изданіемъ этой первой русской книги трудились два русскихъ мастера печатнаго дѣла:—дьяконъ отъ Николы Гостунскаго, Иванъ Өедоровъ, да Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ. Чрезвычайно любопытно для насъ сохранившееся объ этихъ мастерахъ свѣдѣніе, будто они задолго до этого времени пробовали печатать книги «малыми и неискусными начертаніями», а потомъ въ искусствѣ типографскомъ усовершенствовались подъ руководствомъ Нѣмцевъ.

Въ слѣдующемъ, 1565 году, тѣже мастера напечатали еще Часовникъ—и вдругъ вынуждены были бѣжать изъ Москвы, обвиненные въ ереси, въ порчѣ книгъ; говорятъ даже будто и самый типографскій домъ былъ сожженъ недоброжелательными людьми. Иванъ Ѳедоровъ и Тимофеевъ нашли себѣ убѣжище въ Литвѣ и тамъ, подъ покровительствомъ гетмана Хоткевича, напечатали цѣлый рядъ священныхъ и церковныхъ книгъ. Потомъ оба собрата по ремеслу разстались и стали трудиться врознь; Петръ Тимофеевъ основался въ Вильнѣ; Иванъ Ѳедоровъ печаталъ нѣкоторое время во Львовѣ, потомъ перешелъ въ Острогъ, гдѣ подъ покровительствомъ и при помощи князя Константина Острожскаго, одного изъ самыхъ ревностныхъ покровителей просвѣщенія, въ 1581 году, совершилъ немалый подвигъ:—напечаталъ первую полную славянскую библію. Спустя нѣсколько времени послѣ бѣгства первыхъ русскихъ мастеровъ печатнаго дѣла изъ Москвы, преслѣдованье противъ типографскаго искусства, повидимому, прекратилось, потому что уже въ 1568 г. была напечатана въ Москвѣ Псалтирь нѣкіимъ Андроникомъ Невѣжею, а въ 1578—она же перепечатана въ Александровской слободѣ, во вновь устроенной типографіи. Но и самое книгопечатанье неспособно было, какъ мы увидимъ далѣе «окрылить мысль человѣческую» у насъ на Руси, среди той тягостной общественной и политической атмосферы, въ которой приходилось жить русскимъ людямъ XVI столѣтія. То глубокое невѣжество, о которомъ мы уже упоминали выше, должно было и здѣсь оказать самое пагубное вліяніе: средства къ быстрому распространенію мысли были у насъ въ рукахъ, да общество то нимало не нуждалось въ быстромъ распространеніи мысли. Да было ли что и распространять въ томъ обществѣ, которое пріучено было бояться всякой новизны, которое могло нуждаться въ типографіи только для печатанья книгъ богослужебныхъ? Вліяніе, оказанное книгопечатаньемъ было такъ ничтожно, такъ незамѣтно въ средѣ современниковъ Іоанна Грознаго, что рядомъ съ книгопечатаньемъ, но въ гораздо большихъ размѣрахъ, продолжалось переписыванье рукописей полуграмотными писцами, и еще цѣлыхъ полтора вѣка способно было выдерживать борьбу съ типографскимъ станкомъ: — даже и въ царствованье Петра Великаго, многіе иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію, бывали поражены огромнымъ количествомъ рукописей, которыя расходились рядомъ съ книгами, находили себѣ читателей и покупателей, и давали пропитаніе цѣлой массѣ писцовъ.

Перебирая всѣ событія XVI вѣка, важныя по отношенію къ исторіи нашего просвѣщенія и нашей литературы, мы конечно, не можемъ пройти молчаніемъ и такихъ замѣчательныхъ памятниковъ XVI вѣка, какъ «Домострой попа Сильвестра» и «Великія Четьи Минеи», собранныя стараніемъ и заботами митрополита Макарія. О послѣднемъ изъ этихъ двухъ памятниковъ мы уже упоминали выше, говоря о «Житіяхъ святыхъ» вообще; что же касается перваго, т. е. Домостроя, то мы скажемъ о немъ здѣсь нѣсколько словъ, такъ какъ подробное разсмотрѣніе этого памятника болѣе важно для исторіи современнаго быта, нежели для исторіи литературы, и намъ прійдется коснуться его лишь настолько, насколько онъ, какъ произведеніе литературное, служитъ выраженіемъ убѣжденій и взглядовъ, господствовавшихъ въ современномъ обществѣ.

Домострой, приписываемый знаменитому попу Сильвестру, руководителю нравственности и совѣтнику юнаго Іоанна Грознаго, представляетъ собою сборникъ, состоящій изъ вступленія и 63 главъ; въ нихъ авторъ излагаетъ правила, на основаніи которыхъ слѣдуетъ каждому міряннну жить, устроивать свой домъ, свой семейный бытъ, свои отношенія къ окружающимъ. Содержаніе Домостроя обнимаетъ собою весь кругъ высшихъ и низшихъ житейскихъ потребностей, обязанностей, нуждъ и даже удобствъ жизни. Такъ, напримѣръ, первыя главы его посвящены истолкованію того, какъ истинно слѣдуетъ вѣрить въ Бога, въ святыхъ, въ таинства, какъ почитать иконы и священнослужителей, какъ вести себя въ церкви; затѣмъ говорится объ отношеніяхъ къ царю и власти, о семейномъ благоустройствѣ, объ обязанностяхъ по отношенію къ слугамъ и подчиненнымъ; наконецъ авторъ доходитъ до подробнѣйшаго изложенія хозяйственныхъ нуждъ и мелочей, обусловливающихъ порядокъ и правильное теченіе домашней жизни каждаго семьянина. Послѣдняя глава «Домостроя» заключаетъ въ себѣ, — подъ общимъ заглавіемъ «Благословеніе отъ Благовѣщенскаго попа Сильвестра возлюбленному моему

единородному сыну Анфиму», — какъ бы сжатый выводъ изъ всего содержанія книги, и очень напоминаетъ намъ «Поученіе Владиміра Мономаха дѣтямъ» и множество другихъ «Поученій отца къ сыну», которыя помѣщались въ различныхъ нашихъ сборникахъ старинными русскими книжниками, какъ одна изъ наиболѣе любимыхъ ими темъ.

Особенно любопытны для насъ тѣ главы «Домостроя», въ которыхъ говорится объ отношеніяхъ семейныхъ, и которыя рисуютъ намъ семейное и общественное положеніе русской женщины XVI столѣтія въ высшемъ и наиболѣе образованномъ слоѣ нашего общества. Главы эти тѣмъ болѣе любопытны для насъ, что имъ предшествуетъ въ нашей литературѣ цѣлый рядъ статей, въ которыхъ старинные книжники наши отзываются о женщинѣ самымъ неслыханнымъ образомъ, изображаютъ ее въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, стараются обрисовать типъ ея при помощи самыхъ невыгодныхъ для нея сравненій... Всѣ подобныя разглагольствованія книжниковъ извѣстны подъ общимъ названіемъ статей «о злыхъ женахъ», и являются одною изъ весьма видныхъ составныхъ частей различныхъ нашихъ старинныхъ сборниковъ. Даніилъ Заточникъ въ своемъ «Моленіи» посвящаетъ довольно видное мѣсто самымъ ожесточеннымъ нападкамъ на женщину и ея злонравіе, ея испорченность, ея исконную преданность грѣху и т. д. Тотъ же мотивъ повторяется потомъ «Пчелами» и другими сборниками статей различнаго содержанія въ XIII, XIV и XV вв. Ученые наши, единогласно признавая, что эти статьи *«о злыхъ женахъ»* не могли происходить изъ нашей русской дѣйствительности, въ которой женщина никогда не играла особенно непривлекательной роли, указываютъ на Византію, какъ на родину этого мотива *«о злыхъ женахъ»*, и утверждаютъ, что онъ понравился древнимъ книжникамъ нашимъ именно въ тотъ періодъ, когда аскетизмъ византійскій пользовался у насъ значеніемъ и долженъ былъ оказывать вліяніе на нашихъ грамотѣевъ. Должно однакоже сознаться, что какъ ни мрачны тѣ образы, въ которые досужая фантазія нашихъ старинныхъ книжниковъ старается облечь типъ русской женщины, описывая «злыхъ женъ», плоды ихъ фантазіи не производятъ на читателя такого тягостнаго впечатлѣнія, какое невольно выносится изъ чтенія нѣкоторыхъ главъ «Домостроя», такъ благонамѣренно дающихъ мужу совѣты относительно обращенія съ женою и руководствованья ея въ жизни. Обязанности женщины «Домострой» опредѣляетъ такъ:

Въ церковь ходитъ она по возможности, по совѣту съ мужемъ. Мужья должны учить женъ своихъ съ любовью и благоразсуднымъ наказаніемъ. Если жена по мужнему поученію не живетъ, то мужу надобно ее наказывать наединѣ, и, наказавъ, пожаловать и примолвить; а другъ на друга имъ не должно сердиться. Слугъ и дѣтей также, смотря по винѣ, наказывать и раны возлагать, да наказавъ, пожаловать; а хозяйкѣ за слугъ печаловать, такъ слугамъ надежно. А только жены, сына или дочери слово или наказаніе нейметъ, то плетью постегать, а побить не передъ людьми, наединѣ; а по уху, по лицу не бить, или подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колотить и ничѣмъ желѣзнымъ или деревяннымъ. А если велика вина, то, снявъ рубашку, плеткою вѣжливенько побить, за руки держа. Жены мужей своихъ спрашиваютъ о всякомъ благочиніи и во всемъ имъ покоряются. Вставши и помолившись, хозяйка должна указать служанкамъ дневную работу; кушанье, мясное и рыбное, всякій приспѣхъ скоромный и постный, и всякое рукодѣлье она должна сама умѣть сдѣлать, чтобы могла и служанку научить; если все знаетъ мужнимъ наказаніемъ и грозою, и своимъ добрымъ разумомъ, то все будетъ споро и всего будетъ много. Сама хозяйка отнюдь не была бы безъ дѣла: тогда и и служанкамъ, смотря на нее, повадно дѣлать; мужъ-ли придетъ, гостья-ли придетъ — всегда-бъ за рукодѣльемъ сидѣла сама; то ей честь и слава, и мужу похвала; никогда не должны слуги будить хозяйку: хозяйка должна будить слугъ. Со слугами хозяйка не должна говорить пустыхъ рѣчей пересмѣшныхъ; торговки, бездѣльныя жонки и волхвы чтобъ къ ней не приходили, потому что отъ нихъ много зла дѣлается. Всякій бы день жена у мужа спрашивалась и съ нимъ совѣтовалась о всякомъ обиходѣ; знаться должна только съ тѣмъ, съ кѣмъ мужъ велитъ; съ гостями бесѣдовать о рукодѣльи и о домашнемъ устройствѣ, примѣчать, гдѣ увидитъ что хорошее; чего не знаетъ, спрашивать вѣжливо; кто что укажетъ — низко челомъ бить и, пришедши домой, все мужу сказать. Съ

добрыми женщинами и пригоже сходиться, ни для ѣды, ни для питья, а для доброй бесѣды и науки: внимать себѣ на пользу, а не пересмѣхать и никого не переговаривать; спросятъ о чемъ про кого другіе — отвѣчать: не знаю, ничего не слыхала и сама о ненадобномъ не спрашиваю, о княгиняхъ, боярыняхъ и сосѣдяхъ не пересужаю. Отнюдь беречься отъ пьянаго питья; должна (жена) пить безхмѣльную брагу и квасъ, и дома, и въ людяхъ; тайкомъ отъ мужа ни ѣсть, ни пить; чужаго у себя не держать безъ мужня вѣдома; обо всемъ совѣтоваться съ мужемъ, а не съ холопомъ и не съ рабою. Безлѣпицъ домашнихъ мужу не доносить; въ чемъ сама не можетъ управиться, о томъ должна сказать мужу въ правду».

Какъ ни тяжело должно быть каждому въ настоящее время читать эти выписки изъ «Домостроя» и представлять себѣ тягостное положеніе русской женщины въ XVI вѣкѣ, въ высшей степени странно было бы однакоже, обвинять его автора въ жестокости, въ ограниченности взгляда на женщину. Авторъ «Домостроя», очевидно, давалъ мужьямъ совѣты, совершенно умѣстные по тому времени, которое равняло мать въ подчиненности мужу съ дѣтьми и слугами, которое способно было видѣть въ женѣ только образчикъ дѣятельности и домашняго порядка для слугъ и служанокъ, которое, наконецъ, потому именно направляло всѣ силы женщины на трудъ, потому старалось занять различными мелочами всѣ минуты дня ея, чтобы она не предалась какимъ-нибудь постыднымъ удовольствіямъ или не вздумала бы «напиться».... «Сколько женщинъ по доброй волѣ могли приближаться къ идеалу, начертанному «Домостроемъ» — говоритъ нашъ историкъ — «скольких надобно было заставлять приближаться къ нему силою, и скольких нельзя было заставить приблизиться къ нему никакою силою; сколько женщинъ предавалось названнымъ неприличнымъ удовольствіямъ? на этотъ вопросъ мы отвѣчать не рѣшимся».

Домострой важенъ для насъ несомнѣнно еще и потому, что онъ представляетъ собою сводъ правилъ житейской мудрости, предназначаемыхъ исключительно для человѣка свѣтскаго, для мірянина. Уже самая потребность составленія такого свода представляетъ собою явленіе очень важное: видно, что жизнь мірская, со всѣми интересами дѣйствительности и ежедневности, начинаетъ обращать на себя вниманіе грамотниковъ, вниманіе людей, занимающихся литературой.

Житейскіе интересы, отношенія къ окружающему обществу, устройство домашняго быта — вотъ какія насущныя потребности начинаютъ занимать нашихъ авторовъ. И въ этомъ отношеніи «Домострой» не является въ XVI столѣтія явленіемъ одинокимъ, единичнымъ: — рядомъ съ нимъ въ томъ же столѣтіи, какъ мы увидимъ далѣе, возрождается литература свѣтская, вызванная къ жизни историческою необходимостью....

Что же касается вообще историческаго значенія такого памятника, какъ Домострой, то онъ въ значительной степени напоминаетъ намъ собою другой, не менѣе важный памятникъ XVI вѣка, о которомъ мы уже имѣли случай говорить выше, а именно—«Макарьевскія Четьи-Минеи». Нельзя, кажется, отрицать того факта, что оба эти памятника—и Макарьевскія Минеи, и Домострой — исходили изъ одного общаго настроенія, и въ основѣ ихъ лежала одна общая идея. Самая мысль о томъ, чтобы собрать въ одинъ общій сводъ всѣ практическія правила необходимой житейской мудрости, составить изъ нихъ какъ бы програму поведенія для свѣтскаго человѣка—все это могло явиться только въ въ такой вѣкъ, который придавалъ своему жизненному опыту большое значеніе и даже способенъ былъ видѣть въ немъ нѣчто уже законченное, совершенное въ своемъ родѣ, могущее служить образцомъ послѣдующимъ вѣкамъ. Точно также и мысль о собраніи *«всѣхъ книгъ чтомыхъ»* могла зародиться въ умѣ одного изъ образованнѣйшихъ представителей XVI вѣка только потому, что онъ способенъ былъ придавать этой образованности гораздо большее значеніе, нежели она того заслуживала, а также и не прочь былъ поставить ее въ примѣръ и поученіе потомству, можетъ быть предполагая даже, что оно уже не въ силахъ будетъ не только пойти далѣе этого круга знаній, но даже и приравняться къ нему по количеству своихъ свѣдѣній. Однимъ словомъ, какъ тотъ, такъ и другой сводъ, могли явиться только въ такомъ вѣкѣ, который успѣлъ развить въ себѣ до высочайшей степени тѣ начала жизни и науки, какія были ему завѣщаны предшествующими вѣками; и тотъ, и другой могли явиться только въ такомъ обществѣ, которое

успѣло дожить до сознанія того, что въ средѣ его достигли крайняго, почти идеальнаго предѣла тѣ пороки и тѣ добродѣтели, которыя въ большей или меньшей степени проявлялись и въ предшествовавшіе вѣка, были достояніемъ и предшествовавшихъ поколѣній. Очевидно, что общество — въ которомъ обширные памятники, подобные Домострою и Макарьевскимъ Минеямъ, могли явиться результатомъ умственной и нравственной жизни — заканчивало свои счеты съ прошедшимъ, невѣря въ возможность прогресса въ будущемъ; потому-то и спѣшило оно составить такіе подробные кодексы свѣдѣній и правилъ, которые считало вполнѣ удовлетворяющими современнымъ потребностямъ и самоувѣренно предлагало ихъ въ образецъ грядущимъ поколѣніямъ. По нашему мнѣнію, эти два драгоцѣнныхъ историческихъ памятника, замѣчательно-полно характеризуютъ намъ XVI вѣкъ, какъ предѣлъ древнѣйшаго періода русской литературы. Наша литература, какъ и всякая другая, была во всѣ времена полнѣйшимъ выраженіемъ духовной и умственной жизни народа; и, если мы видимъ, что во второй половинѣ XVI вѣка въ русской литературѣ проявляется стремленіе собирать въ общіе своды все, что сдѣлано было въ предшествующіе вѣка, — мы должны неизбѣжно прійти къ тому заключенію, что для нашего общества въ XVI вѣкѣ наступилъ періодъ сознательнаго пониманія началъ, руководившихъ жизнью его до этого времени. Вмѣстѣ съ наступленіемъ этого сознательнаго періода замѣчаемъ мы еще и другое любопытное явленіе: — общество останавливается на тѣхъ началахъ жизни, которыя были выработаны прошедшимъ, возводитъ ихъ въ идеалъ и указываетъ на нихъ, какъ па образецъ, достойный подражанія въ настоящемъ и обязательный для будущаго. Такое явленіе слишкомъ очевидно указываетъ на то, что общество старается подвести итоги своему прошлому и, довольствуясь имъ на мгновеніе, тѣмъ сильнѣе высказываетъ свою несостоятельность и неизбѣжную необходимость наступленія иного, лучшаго порядка вещей въ близкомъ будущемъ.

XIII.

СВѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ XVI ВѢКѢ: ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ. — ХАРАКТЕРЪ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ КНЯЗЯ А. М. КУРБСКАГО; ЕГО ПЕРЕПИСКА СЪ ГРОЗНЫМЪ. — ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ.

Въ XVI столѣтіи, заканчивающемъ собою древній періодъ нашей литературы, мы встрѣчаемся снова съ такимъ явленіемъ, которое казалось у насъ совсѣмъ исчезнувшимъ, вмѣстѣ съ литературными преданіями до-татарскаго періода. Въ правленіе Іоанна Грознаго мы видимъ снова свѣтскую литературу, видимъ снова авторами людей и не принадлежащихъ къ сословію духовному, и принадлежащихъ къ высшему слою современнаго общества: — двумя важнѣйшими представителями свѣтской литературы во второй половинѣ XVI вѣка являются самъ Іоаннъ Грозный и князь Андрей Михайловичъ Курбскій, происходившій также отъ одного изъ потомковъ Мономаховыхъ. Намъ конечно могли бы замѣтить, что свѣтская литература не переставала у насъ существовать и въ теченіе всего времени до XVI столѣтія, такъ какъ, начиная съ XIII, а можетъ быть даже и съ XII вѣка, у насъ непереставала распространяться литература повѣстей и сказокъ, заносимыхъ къ намъ и непосредственно изъ Византіи, и чрезъ славянскія земли. Но мы возразимъ, что эта литература повѣстей и сказокъ не имѣла ничего общаго съ литературою свѣтскою до-татарскаго періода, не была вовсе связана съ нашею общественною жизнью, и даже распространялась у насъ на Руси черезъ тѣхъ же грамотѣевъ, принадлежавшихъ духовному сословію, которые занимались перенесеніемъ на почву нашей словесности и другихъ произведеній, принадлежавшихъ къ литературѣ поучительной и догматической. Уже самое это обстоятельство указываетъ на то, какъ мало имѣла значенія эта литература, въ которой книжники наши изъ духовнаго сословія, правда, находили иногда не совсѣмъ позволительное легкое чтеніе, которымъ и развлекались въ часы

досуга, но которая все же нимало не была связана съ интересами нашей общественной жизни, и не проистекала изъ ея насущныхъ потребностей, не была ея непосредственнымъ произведеніемъ. Напротивъ того, наша свѣтская литература XVI столѣтія—хотя и совершенно-случайно — явилась живѣйшимъ выраженіемъ современности, прямымъ выраженіемъ борьбы двухъ противоположныхъ началъ, преобладавшихъ въ общественной жизни нашей древней Руси. Еще большій интересъ должно было придать всѣмъ подобнымъ произведеніямъ свѣтской литературы то обстоятельство, что авторами этихъ произведеній явились два образованнѣйшіе представителя нашего XVI вѣка, если и не одинаково-сильные въ искусствѣ выраженія своихъ мыслей, не одинаково подготовленные для дѣятельности литературной, то все же равносильные по талантливости, по энергіи и по одушевленію, которое они вносили въ свои произведенія. И тотъ, и другой изъ этихъ первыхъ нашихъ свѣтскихъ писателей вполнѣ заслуживаютъ внимательнаго изученія, а ихъ дѣятельность литературная подробнаго разбора.

Личность Іоанна Грознаго, благодаря многосторонней исторической и литературной разработкѣ, получила въ послѣднее время такую общераспространенную извѣстность, что мы считаемъ здѣсь совершенно излишнею всякую характеристику этого крупнаго историческаго дѣятеля. Для насъ гораздо болѣе важна характеристика Грознаго, какъ писателя. Съ этой стороны онъ, во многихъ отношеніяхъ, отражаетъ на себѣ вліяніе своего вѣка, своего тягостнаго и тревожнаго дѣтства, наконецъ своего воспитанія, основаннаго на томъ, что было выработано предшествующею эпохой нашей исторической жизни. Не разъ уже повторялась въ нашей литературѣ, по отношенію къ Іоанну Грозному, та совершенно справедливая мысль, что характеръ его, какъ правителя, былъ лишь весьма естественнымъ слѣдствіемъ всего предшествовавшаго историческаго періода Московскаго государства, въ теченіе котораго множество различныхъ условій способствовали тому, чтобы въ рукахъ правителя сосредоточивалась мало-по-малу самая неограниченная власть, которая ничѣмъ не обуздывалась, ничѣмъ не ослаблялась, такъ какъ всѣ окружавшіе ее элементы были несравненно слабѣе ея или по крайней мѣрѣ развивались далеко не въ равной мѣрѣ съ могуществомъ, которое видимъ въ рукахъ правителя, стоявшаго во главѣ Московскаго государства. Правитель этотъ—сначала великій князь, а потомъ и царь — становился болѣе и болѣе могущественнымъ, по мѣрѣ того, какъ окружавшіе его элементы, духовенство и боярство, болѣе и болѣе утрачивали свое могущество и значеніе. Къ началу XVI вѣка, та вольная и самостоятельная дружина, которая нѣкогда окружала всякаго князя, обратилась, въ средѣ, окружавшей потомка прежнихъ князей Московскихъ, въ простую толпу придворныхъ, вполнѣ зависимую отъ произвола правителя, готовую на всѣ услуги ради того, чтобы этотъ произволъ направить въ свою пользу, совершенно поглощенную своими мелкими личными интересами и неспособную заниматься интересами земли и народа. Отдѣльные княжескіе роды, нѣкогда грозные своею властью, давно уже были сокрушены Москвою и затерты въ ту же безразличную и пеструю толпу боярства, въ которой, съ половины XV вѣка, рядомъ съ представителями старинныхъ родовъ русскихъ, видимъ и выходцевъ изъ Литвы, и татарскихъ князьковъ. Само собою разумѣется, что эта толпа бояръ, способная тревожиться только о своихъ интересахъ личныхъ, не могла препятствовать развитію личнаго произвола въ правителѣ Московскаго государства, и только способствовала тому, чтобы окружить его цѣлою сѣтью самыхъ разнообразныхъ интригъ, которыхъ онъ становился то игрушкою, то орудіемъ. Само духовенство, нѣкогда представлявшее собою важный и положительный оплотъ противъ произвола княжескаго, къ началу XVI столѣтія является настолько занятымъ своими частными интересами, раздорами и полемикой партій, настолько отрѣшившимся отъ стародавнихъ преданій, что его авторитетъ, какъ мы увидимъ ниже, совершенно уничтожался авторитетомъ главы Московскаго государства, преклонялся передъ его всемогуществомъ. И въ такую-то эпоху полнѣйшаго развитія личнаго произвола суждено было явиться Іоанну, который, въ довершеніе всего, воспитался среди самыхъ невыгодныхъ условій, среди крамолъ и борьбы разнузданныхъ придворныхъ партій, которыя съ самой ранней юности завладѣли имъ, прикрывали его интересами свои грубыя,

корыстныя цѣли, развращая его, раболѣпствуя передъ нимъ и потворствуя его слабостямъ, развивая въ немъ кровожадные инстинкты тою безпощадностью, тою мстительностью, которою они сами дышали противъ враговъ своихъ.

Исторія царствованія Іоанна Грознаго убѣждаетъ насъ въ томъ, что плоды воспитанія превзошли ожиданія воспитателей, и тотъ,

Іоаннъ Грозный.

кого одна партія двора старалась сдѣлать бичемъ для остальныхъ, сдѣлался неумолимымъ бичемъ для всего боярства безразлично: — онъ всѣхъ окружавшихъ одинаково презиралъ, привыкъ всему и всѣмъ не довѣрять и надъ всѣмъ способенъ былъ насмѣхаться... Уважать Іоаннъ могъ только себя и свой личный произволъ, свою волю, которую онъ старался облечь даже особымъ покровомъ святости, прибавивъ къ царскому титулу своему такъ называемое *богословіе*, по присоединеніи котораго титулъ его сталъ читаться такъ: «Троице пресущественная и пребожественная и преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ хрестьянамъ, Дателю премудрости, пренеизвѣдомій и пресвѣтлій Крайній Верхъ! направи насъ на истину Твою и наставь насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людѣхъ Твоихъ по волѣ Твоей. Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ славимаго, милостью и хотѣніемъ удержахомъ скипетръ Россійскаго царствія мы, великій государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи самодержецъ, Владимерскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій и т. д.» Стараясь, такимъ образомъ, до возможнаго предѣла, возвысить значеніе своей личности и сана, Іоаннъ, въ тѣхъ же видахъ, съ другой стороны, любилъ указывать на происхожденіе свое отъ знаменитыхъ предковъ: Владиміра Равноапостольнаго, Мономаха, Александра Невскаго, и Димитрія... Въ тѣхъ же видахъ, пренебрегая исторической истиной, любилъ онъ на отдаленное прошлое указывать, какъ на достойное всякого подражанія и придавать ему такія краски, приписывать такія свѣтлыя, завидныя стороны, которыя вовсе не были ему свойственны. И не смотря на эту кажущуюся, внѣшнюю привязанность къ прошедшему, въ которомъ Іоаннъ старался видѣть идеалъ для настоящаго, навязывая прошедшему то, что было исключительнымъ плодомъ его собственной фантазіи, — онъ, въ то же время, питалъ сильнѣйшую ненависть и полное презрѣніе ко всѣмъ преданіямъ, завѣщаннымъ современности отдаленнымъ прошлымъ, и ожесточенно попиралъ ихъ ногами... Такъ уничтожены были имъ цѣлые десятки старинныхъ родовъ боярскихъ и княжескихъ, и на мѣсто ихъ выдвинуты люди самаго невиднаго, неизвѣстнаго происхожденія; такъ монастыри были имъ обращены въ мѣсто для ссылки или насильственнаго постриженія тѣхъ вельможъ, которыми онъ имѣлъ основаніе быть недовольнымъ; такъ наконецъ онъ не побоялся поднять руку и на главу церкви: — митрополитъ Филиппъ былъ заточенъ и умерщвленъ по его повелѣнію. И вотъ, изъ этой-то безпрерывной и безпокойной борьбы двухъ противоположныхъ стремленій своего нравственнаго бытія, изъ этой многосложной путаницѣ противорѣчій, Іоаннъ Грозный старался выйти при помощи ироніи, большею частью ѣдкой и злобной, почти всегда мѣтко достигавшей своей цѣли.... Эта иронія, ловко скрытая подъ покровомъ внѣшняго спокойствія, оттѣняющая всѣ сужденія и доводы Іоанна, представляетъ собою лучшую, наиболѣе видную и замѣчательную сторону всѣхъ сочиненій его. Эта сторона рѣзче всего высказалось въ двухъ наиболѣе замѣчательныхъ

сочиненіяхъ Іоанна Грознаго: — въ его перепискѣ съ княземъ Курбскимъ и въ въ посланіи къ Козьмѣ, игумну Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, почему мы и обратимъ на эти два произведенія особое вниманіе читателей. Кстати замѣтимъ, по отношенію къ сочиненіямъ Іоанна, что они выказываютъ въ немъ человѣка весьма начитаннаго, хорошо знакомаго и съ Св. Писаніемъ, и съ переводами сочиненій Св. Отцевъ Церкви, и съ русскими лѣтописями, и съ хронографами, изъ которыхъ онъ почерпалъ даже и свѣдѣнья о всеобщей исторіи (Римской и Византійской). Обладая обширною начитанностью, но неполучивъ положительно никакого образованія, онъ часто незнаетъ, какъ воспользоваться и какъ распорядиться всѣмъ тѣмъ запасомъ свѣдѣній, фактовъ и образовъ, которые представляетъ ему память; отсюда запутанность изложенія, загроможденіе рѣчи множествомъ кстати и некстати приводимыхъ цитатъ, неясность слога всюду, гдѣ Іоаннъ старается выразить свою мысль въ формѣ книжной, пренебрегая простымъ народнымъ способомъ выраженія, который ему особенно удается.

Всѣ достоинства и недостатки Іоаннова литературнаго изложенія особенно ярко выступаютъ въ тѣхъ двухъ наиболѣе замѣчательныхъ произведеніяхъ его пера, о которыхъ мы упомянули выше. Въ «посланіи къ игумну Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря» Іоаннъ противополагаетъ идеальный образъ иноческаго совершенства тому упадку нравственности въ монашествѣ, о которомъ онъ зналъ самъ, и о которомъ писалъ ему, сверхъ того, даже игуменъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, жалуясь на неприличное поведеніе иноковъ и на ихъ постоянное общеніе съ тѣми боярами (Шереметьевымъ и Хабаровымъ), которые, подвергнувшись опалѣ при дворѣ Іоанновомъ, по собственной волѣ или по его понужденію, поступили въ монастырь, но жили въ немъ также разгульно и шумно, какъ и въ мірѣ, до постриженья. Обращаясь къ Іоанну съ жалобой на братью, Козьма, въ тоже время и просилъ царя прислать въ монастырь строгое наставленіе, съ которымъ бы братья должна была сообразовать свой бытъ. Этимъ то случаемъ и пользуется Іоаннъ въ своемъ посланіи, чтобы излить всю желчь своей ироніи противъ монашества, которое отрекается отъ стародавнихъ преданій, завѣщанныхъ ему великими подвижниками русскими, и поблажаетъ развращеннымъ боярамъ. Хотя все посланіе это построено довольно не складно, а выписки и цитаты изъ писателей писавшихъ «о совершенномъ иноческомъ житіи» слишкомъ часты и слишкомъ многословны, при томъ же и расположены такъ, что часто пресѣкаютъ нить разсужденій самаго автора,—однакоже нѣкоторыя мѣста посланія до такой степени живо рисуютъ печальное современное положеніе монастырской жизни, что даютъ намъ весьма выгодное понятіе объ авторскомъ талантѣ Грознаго, который здѣсь проявляется во всей силѣ своей ироніи. Приводимъ изъ него наиболѣе замѣчательное, опуская цитаты и общія мѣста: «Подобаетъ вамъ»,—пишетъ Іоаннъ въ этомъ посланіи— «усердно послѣдовать великому чудотворцу Кириллу, преданіе его крѣпко держать, о истинѣ крѣпко подвизаться, а не быть бѣгунами, не бросать щита: возьмите все оружіе Божіе и не предавайте чудотворцева преданія ради сластолюбія, какъ Іуда предатель—Христа, ради серебра. Есть у васъ Анна и Каіафа— Шереметьевъ и Хабаровъ [1]), есть и Пилатъ— Варлаамъ Собакинъ, и есть Христосъ распинаемъ — чудотворцево преданіе презрѣнное. Отцы святые! въ маломъ допустите ослабу—большое зло произойдетъ. Такъ отъ послабленія Шереметьеву и Хабарову чудотворцево преданіе у васъ нарушено. Если намъ благоволитъ Богъ у васъ постричься, то монастыря ужъ у васъ не будетъ, а вмѣсто него будетъ царскій дворъ! Но тогда зачѣмъ идти въ чернецы, зачѣмъ говорить: «отрицаюсь отъ міра и отъ всего, что въ мірѣ!» Постригаемый даетъ обѣтъ: повиноваться игумну, слушаться всей братіи и любить ее; но Шереметьеву какъ назвать монаховъ братьею? — у него и десятый холопъ, что въ кельѣ живетъ, ѣстъ лучше братій, которые въ трапезѣ ѣдятъ. Великіе свѣтильники, Сергій и Кириллъ, Варлаамъ, Дмитрій, Пафнутій и многіе преподобные въ русской землѣ установили уставы иноческому житію крѣпкіе, какъ надобно спасаться; а бояре, пришедши къ вамъ, свои любострастные уставы ввели: значитъ, не они у васъ постриглись, а вы у нихъ постриглись, не вы имъ

[1]) Постриженные въ монастырѣ бояре, на поведеніе которыхъ, распространявшее соблазнъ въ монастырѣ, и жаловался Козьма.

учители и законоположители, а они—вамъ. Да, Шереметевъ уставъ добръ, держите его, а Кирилловъ уставъ плохъ—оставьте его! Сегодня одинъ бояринъ такую страсть введетъ, завтра другой—иную слабость, и такъ мало по малу весь обиходъ монастырей испразднится и будутъ обычаи мірскіе. И по всѣмъ монастырямъ сперва основатели установили крѣпкое житіе, а послѣ нихъ раззорили его любострастные. Кириллъ чудотворецъ на Симоновѣ былъ, а послѣ него Сергій, и законъ каковъ былъ—прочтите въ житіи чудотворцевѣ; но потомъ одинъ малую слабость ввелъ, другіе ввели новыя слабости, и теперь что видимъ на Симоновѣ? Кромѣ сокровенныхъ рабовъ Божіихъ, остальные только по одеждѣ монахи, а все по мірскому дѣлается.... Вотъ въ нашихъ глазахъ у Діонисія Преподобнаго на Глушицахъ, и у великаго чудотворца Александра на Свири бояре не постригаются, и монастыри эти процвѣтаютъ постническими подвигами. Вотъ у васъ сперва Іоасафу Умнову дали оловянники въ келью, дали Серапіону Сицкому, дали Іонѣ Ручкину, а Шереметеву уже дали и поставецъ, и поварню. Вѣдь дать волю царю—дать ее и псарю; оказать послабленіе вельможѣ, оказать его и простому человѣку... Прежде, какъ мы въ молодости были въ Кирилловѣ монастырѣ, и поопоздали ужинать, то завѣдывающій столомъ нашимъ началъ спрашивать у подкеларника стерлядей и другой рыбы; подкеларникъ отвѣчалъ: «объ этомъ мнѣ приказу не было, а о чемъ былъ приказъ, то я и приготовилъ; теперь ночь—взять негдѣ; государя боюсь, а Бога надобно больше бояться». Такая у васъ тогда была крѣпость, по пророческому слову: «правдою и предъ царя не стыдихся». А теперь у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ съ чернецами, да ѣдятъ и пьютъ, что въ міру, а Шереметевъ, невѣстъ со свадьбы, невѣстъ съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и иные пряные составные овощи; а за монастыремъ у него дворъ, а на дворѣ запасы готовые всякіе,—а вы молча смотрите на такое безчиніе! А нѣкоторые говорятъ, что и вино горячее потихоньку въ келью къ Шереметеву приносили: но по монастырямъ и фряжскія вина держать зазорно, не только что горячее! Такъ это ли путь спасенія, это ли иноческое пребываніе? Или вамъ не было чѣмъ Шереметева кормить, что у него особые годовые запасы?! Милые мои! Прежде Кирилловъ монастырь многія страны пропитывалъ въ голодныя времена, а теперь и самихъ васъ, въ хлѣбное время, еслибъ не Шереметевъ прокормилъ, то всѣ небось съ голоду бы померли? Пригоже ли такъ быть въ Кирилловѣ, какъ Іоасафъ митрополитъ у Троицы съ клирошанами пировалъ, или какъ Михаилъ Сукинъ въ Никитскомъ монастырѣ и по инымъ мѣстамъ, какъ вельможа какой нибудь жилъ, или какъ Іона Мотякинъ и другіе многіе живутъ? То ли путь спасенія, что въ чернецахъ бояринъ боярства не острижетъ, а холопъ холопства не избудетъ? У Троицы, при отцѣ нашемъ, келарь былъ Нифонтъ, Ряполовскаго холопъ, да съ Бѣльскимъ съ одного блюда ѣдалъ: а теперь бояре по всѣмъ монастырямъ испразднили это братство своимъ любострастіемъ. Скажу еще страшнѣе: какъ рыболовъ Петръ и поселянинъ Іоаннъ Богословъ и всѣ двѣнадцать убогихъ (т. е. апостоловъ) станутъ судить всѣмъ сильнымъ царямъ, обладавшимъ вселенною: тогда Кирилла вамъ своего какъ съ Шереметевымъ поставить? Котораго выше? Шереметевъ постригся изъ боярства, а Кириллъ и въ приказѣ у государя не былъ! Видите ли, куда васъ слабость завела? Сергій, Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій и другіе святые многіе не гонялись за боярами, да бояре за ними гонялись, и обители ихъ распространялись: потому благочестіемъ монастыри стоятъ и неоскудны бываютъ. У Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ благочестіе изсякло, и монастырь оскудѣлъ: не пострижется никто и не дастъ ничего. А на Сторожахъ дочего дошли? уже и затворить монастыря некому, на трапезѣ трава растетъ; а прежде и мы видѣли братій до 80 бывало, клириковъ до 11 на клиросѣ стаивало.—Если же кто скажетъ, что Шереметевъ безъ хитрости болѣнъ и ему нужно дать послабленіе, то пусть онъ ѣстъ въ кельѣ, одинъ съ келейникомъ. А сходиться къ нему на что, да пировать, да овощи въ кельѣ на что? До сихъ поръ въ Кирилловѣ иголки и нитки лишней не держали, нетолько что другихъ какихъ вещей. Вотъ и Хабаровъ (тоже) велитъ мнѣ перевести себя въ другой монастырь: я не ходатай ему и его скверному житію. Иноческое житіе не пирушка: три дня въ чернецахъ, а седьмой монастырь мѣняетъ! Когда былъ въ міру, то только и зналъ, что образа окладывать, книги

въ бархатъ переплетать съ застежками и жуками серебряными, налой убирать, жить въ затворничествѣ; келью ставилъ, четки въ рукахъ;—а теперь съ братьею вмѣстѣ ѣсть не хочетъ. Надобны четки не на скрижаляхъ каменныхъ, а на скрижаляхъ сердецъ плотяныхъ; я самъ видѣлъ, какъ по четкамъ скверными словами бранятся; что въ тѣхъ четкахъ? О Хабаровѣ мнѣ нечего писать: какъ себѣ хочетъ, такъ и дурачится. А что Шереметевъ говоритъ, что его болѣзнь мнѣ вѣдома: то для всѣхъ леженекъ не раззорять стать законы святые! Написалъ я къ вамъ малое отъ многаго по любви къ вамъ и для иноческаго житія. Больше писать нечего; а впредь бы вы о Шереметевѣ и другихъ такихъ же безлѣпицахъ намъ не докучали: намъ отвѣту (за это) не давать. Сами знаете: если благочестіе не потребно, а нечестіе—любо, то вы Шереметеву хотя золотые сосуды скуйте и чинъ царскій устройте—то вы вѣдаете; установите съ Шереметевымъ свои преданья, а чудотворцево отложите, и хорошо будетъ; какъ лучше, такъ и дѣлайте, сами вѣдайтесь какъ себѣ съ нимъ хотите, а мнѣ до того ни до чего дѣла нѣтъ; впередъ о томъ не докучайте; говорю вамъ, что ничего отвѣчать не буду. Богъ же мира и Пречистыя Богородицы милость и чудотворца Кирилла молитва да будутъ со всѣми вами и нами! Аминь. А мы вамъ, господа мои и отцы, челомъ бьемъ до лица земнаго».

Еще болѣе важнымъ для характеристики Іоаннова литературнаго таланта является другой памятникъ — его переписка съ княземъ Андреемъ Михайловичемъ Курбскимъ, относящаяся къ болѣе раннему періоду (а именно между 1563 и 1579 гг.); въ составъ ея входятъ два письма Іоанновыхъ, изъ которыхъ одно, по объему, равняется цѣлой книгѣ, и четыре письма Курбскаго.

Курбскій—личность во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательная. Онъ родился около 1528 года и принадлежалъ, по происхожденію, къ одному изъ знаменитѣйшихъ родовъ боярскихъ, котораго родоначальникомъ былъ потомокъ Владиміра Мономаха, св. чудотворецъ Ѳеодоръ Ростиславичъ, князь Смоленскій и Ярославскій, жившій въ концѣ XIII вѣка. Ближайшіе предки и родичи его, и самъ отецъ князя Андрея славились замѣчательнымъ благочестіемъ и доблестью воинскою. Отецъ его былъ однимъ изъ главныхъ воеводъ въ малолѣтство Іоанна IV. И князю Андрею Михайловичу тоже рано пришлось начать подвиги ратные: — 21 года онъ сопутствовалъ Іоанну въ его главномъ походѣ подъ стѣны Казани и, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, пріобрѣлъ всеобщее уваженіе геройскими подвигами своими при осадѣ этого города. Съ этой поры и до 1563 года онъ постоянно сражался съ врагами отечества, любимый Іоанномъ, уважаемый всѣми, какъ мужественнѣйшій и способнѣйшій изъ современныхъ воеводъ русскихъ:—то приходилось ему биться съ Крымскими татарами, то съ Литвой, то наконецъ съ Ливонскими рыцарями, и всюду побѣда сопровождала его оружіе. Но вотъ, въ 1563 году, любимый царскій воевода, князь А. М. Курбскій, измѣняетъ ему, и тайно перебѣжавъ границу русскихъ владѣній въ Ливоніи, переходитъ на службу къ королю Польскому. Должно предполагать, что къ этому бѣгству вынужденъ былъ Курбскій тою сильною перемѣною, которая незадолго передъ тѣмъ произошла въ Іоаннѣ и такъ пагубно отозвалась на всемъ остальномъ правленіи его. Его ближайшіе друзья и сторонники—Сильвестръ, Адашевъ, Воротынскій, Шереметевъ—незадолго передъ тѣмъ были удалены отъ двора; партія, къ которой онъ самъ принадлежалъ, подверглась сильнѣйшимъ гоненіямъ; ему самому пришлось быть свидѣтелемъ позорной казни князя Михаила Рѣпнина и Дмитрія Курлетева.... А между тѣмъ, къ нему, какъ и къ другимъ воеводамъ и вельможамъ Іоанновымъ, король Польскій не разъ уже тайно присылалъ зазывные листы, въ которыхъ сулилъ ласку и привольное житье въ королевствѣ своемъ. Мелкое дворянство русское толпами, на глазахъ Курбскаго, уходило въ Литву, гдѣ и получало земли. И вотъ, не смотря на то, что большая часть бояръ Іоанновыхъ оставалась непоколебимо вѣрна царю и не обращала вниманія на заискивающія приглашенія Сигизмунда Августа,—князь Андрей Курбскій, съ ужасомъ помышляя о томъ, что, можетъ быть, и его ожидаетъ въ будущемъ безчестная казнь въ награду за всѣ его заслуги, рѣшился бѣжать изъ отечества....Одинъ изъ современниковъ Курбскаго сообщаетъ слѣдующія подробности о его бѣгствѣ въ Литву: «Въ 1563 году, бывъ воеводою въ Юрьевѣ Ливонскомъ или Дерптѣ, съ зятемъ своимъ княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Прозоровскимъ, свѣдалъ Курбскій о гнѣвѣ царя: мысль о позорной казни, *послѣ толикихъ заслугъ*,

ожесточила его». «Чего хочешь ты», спросилъ онъ жену свою, «мертвымъ-ли меня видѣть предъ собою или съ живымъ разстаться на вѣки?»—«Нетолько видѣть тебя мертвымъ, но и слышать о смерти твоей нежелаю», отвѣчала жена. Съ горькими слезами облобызавъ супругу и 9-ти-лѣтняго сына, князь только перелѣзъ черезъ стѣну крѣпостную, бросилъ городскіе ключи въ колодезь, нашелъ двухъ коней, приготовленныхъ его слугою Шибановымъ, и ускакалъ съ ними въ городъ Вилькоміръ, занятый Литовцами. Здѣсь немедленно написалъ онъ къ Іоанну письмо, исполненное упрековъ, и послалъ съ нимъ Шибанова въ Москву. Вѣрный слуга подалъ письмо самому Іоанну на Красномъ крыльцѣ, сказавъ: «отъ господина моего, твоего измѣнника, князя Курбскаго». Царь, пылая гнѣвомъ, подозвалъ Шибанова, ударилъ его въ ногу своимъ остроконечнымъ посохомъ и пробилъ ее: кровь полилась изъ язвы; Шибановъ, неизмѣняясь въ лицѣ, молчалъ. Царь же налегъ на посохъ и приказалъ читать письмо [1])».

Съ этого то времени завязалась между княземъ Курбскимъ и Іоанномъ знаменитая переписка ихъ, которая осталась намъ послѣднимъ памятникомъ борьбы удѣльно-вѣчеваго начала съ единодержавнымъ—но уже борьбы словесной, не борьбы оружіемъ, такъ какъ время борьбы матеріальной уже миновало для сословія прежнихъ дружинниковъ, давно переродившихся въ боярство, въ служилыхъ людей Московскаго Государства. Здѣсь, въ первый разъ, могущественнѣйшему изъ правителей Московскаго Государства пришлось услышать голосъ отдѣльной личности, отстаивавшей свои права противъ всепоглощающей власти его и точно также основывавшей ихъ на преданіи, какъ на преданіи же самъ Іоаннъ Грозный основывалъ свое безпредѣльное и страшное могущество. На этомъ основаніи Курбскій въ своихъ письмахъ старается постоянно укорить Іоанна въ злоупотребленіи властью, данной ему отъ Бога, старается доказать, что правленіе его только до той поры и было достославнымъ, пока онъ былъ окруженъ добрыми совѣтниками и мужественными сподвижниками. Іоанъ же, напротивъ того, опровергая Курбскаго, приписываетъ себѣ всѣ достославныя событія своего царствованія, съ ожесточеніемъ возстаетъ противъ боярства, отвергаетъ всякое значеніе этого сословія, и доказываетъ Курбскому, что неповиновеніемъ своимъ его царской волѣ онъ погубилъ нетолько свою душу, но и души предковъ своихъ. Этотъ доводъ вѣроятно долженъ былъ всего сильнѣе дѣйствовать на благочестиваго князя, и противникъ его очень хорошо сознаетъ это, и потому какъ можно чаще возвращается къ нему, подкрѣпляя его обильными цитатами изъ св. писанія. Въ свою очередь и Курбскій старается оправдать себя нетолько существующимъ порядкомъ вещей, вынудившимъ его къ бѣгству, но и примѣромъ Давида, который «принужденъ былъ, гоненія ради Саулова, со поганскимъ царемъ на землю Израилеву воевати (см. отвѣтъ на второе посланіе Іоанново).» Но Іоаннъ не отступаетъ отъ основной мысли и старается до конца измучить, истерзать своего противника, развивая передъ нимъ ужасную картину бѣдствій, которыя должны быть слѣдствіемъ его измѣны.

«Зачѣмъ же, князь! если ты считаешь себя благочестивымъ»—такъ пишетъ онъ къ Курбскому—«зачѣмъ отвергнулъ ты единородную свою душу? Что дашь ты взамѣнъ ея въ день Страшнаго Суда? Если ты даже и міръ весь пріобрѣтешь,—смерть все таки, на послѣдокъ, похититъ тебя! Чего же ты изъ за тѣла-то душу продалъ свою?... Ты возъярился на меня и, погубивъ свою душу, (вмѣстѣ съ врагами моими) рѣшился на церковное раззореніе... Или ты думаешь, окаянный, что убережешься (раззоренія церковнаго?) Никакъ. Коли тебѣ съ ними воевать, (т. е. съ Литовцами), тогда и церкви тебѣ прійдется раззорять, и иконы попирать, и христіанъ погублять... Помысли же, князь, какъ во время браннаго-то нашествія нѣжныя тѣла младенцевъ будутъ попираемы и терзаемы конскими ногами?!...»

«Если ты праведенъ и благочестивъ, почему же не изволилъ ты отъ меня, строптиваго владыки, пострадать и вѣнецъ жизни (вѣчной) наслѣдовать?.... Ты, ради тѣла, погубилъ свою душу,... и не на человѣка возъярился, но на Бога! Разумѣй же, *бѣднякъ*, съ какой высоты и въ какую пропасть сошелъ ты душею и тѣломъ?... Такъ-то, вотъ въ чемъ и благочестіе твое все, что ты изъ самолюбія

[1]) См. «Устрялова. Сказанія князя Курбскаго; вступленіе. Этотъ же эпизодъ послужилъ сюжетомъ баллады для графа А. Толстаго, подъ заглавіемъ «Василій Шибановъ».

себя погубилъ.... Я думаю, что и окружающіе тебя тамъ, имѣющіе разумъ, тоже могутъ понять твой злобный ядъ, да и то, что ты, изъ желанія мимолетной славы и богатства все это сдѣлалъ, а не потому, чтобы отъ смерти бѣгалъ. Коли ты точно праведенъ и благочестивъ, какъ ты самъ о себѣ говоришь, такъ чего же ты испугался неповинной смерти; — вѣдь такая-то смерть не есть смерть, а пріобрѣтенье? Все равно, вѣдь напослѣдокъ умрешь-же!»

При этой странной логикѣ своей, Іоаннъ, при случаѣ, не пренебрегаетъ возможностью и очень зло, очень ѣдко посмѣяться надъ своимъ противникомъ. Такъ напримѣръ, во второмъ письмѣ къ Курбскому, которое отличается бо̀льшимъ спокойствіемъ и бо̀льшею насмѣшливостью, нежели первое, такъ какъ оно было писано послѣ нѣскольнихъ побѣдъ, одержанныхъ имъ въ Ливоніи, Іоаннъ не упускаетъ случая похвалиться передъ княземъ успѣхами своего оружія, и прибавляетъ: «Писалъ ты себѣ въ досаду, что мы тебя въ дальніе города, какъ бы въ опалѣ держа, посылали: теперь мы, по волѣ Божіей, и дальше твоихъ далекихъ городовъ прошли, и кони наши переѣхали всѣ ваши дороги изъ Литвы и въ Литву, и пѣши ходили, и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили: теперь ужъ нельзя сказать, что не вездѣ коня нашего ноги были. И гдѣ ты думалъ успокоиться отъ твоихъ трудовъ, въ Вольмарѣ, и тутъ на покой твой насъ Богъ принесъ; и гдѣ ты думалъ уйти отъ насъ, мы и тутъ, по волѣ Божьей, тебя догнали: — и поѣхалъ ты дальше».

Вообще, сравнивая письма Іоанновы съ письмами Курбскаго, мы находимъ между ними значительную разницу, не только въ духѣ, но и въ самомъ способѣ изложенія. Іоаннъ, при несомнѣнномъ своемъ талантѣ литературномъ, при врожденномъ остроумія, все же не мастеръ писать, не мастеръ излагать литературно, потому что не прошелъ никакой правильной школы, и былъ въ полномъ смыслѣ самоучка и начетчикъ; къ тому же, изложенію его много вредитъ его горячность, которая часто заставляетъ его путаться въ словахъ, изливать мысли свои въ потокахъ страшнаго многословія, а нерѣдко и прибѣгать, вмѣсто всякихъ доводовъ, къ площадной брани, которою онъ, особенно въ первомъ письмѣ, нещадно осыпаетъ противника своего. Трудно, впрочемъ, ставить ему это послѣднее обстоятельство въ вину, такъ какъ брань была въ то время въ модѣ не только у насъ, въ видѣ приправы и доказательства въ различныхъ спорахъ и словопреніяхъ: она играла немаловажную роль и въ современной Іоанну Европѣ, гдѣ не была исключена даже изъ самыхъ ученыхъ богословскихъ диспутовъ и трактатовъ.

Инымъ духомъ, иною внѣшностью отличаются письма Курбскаго къ Іоанну. Не говоря уже о томъ, что они написаны гораздо правильнѣе и яснѣе, въ отношеніи къ изложенію мысли, они, и по самой основной идеѣ своей, указываютъ намъ въ Курбскомъ человѣка учившагося, воспитаннаго, привыкнувшаго тонко понимать и глубоко чувствовать многое изъ того, что едва-ли было и доступно его противнику. Письма его, сравнительно съ письмами Іоанна, поражаютъ своею приличностью, своею сдержанностью, даже нѣкоторою изысканностью выраженій. Онъ это и самъ чувствуетъ, самъ знаетъ и ставитъ въ укоръ Іоанну его грубость и рѣзкость выраженій, его неумѣнье писать и необразованность. Такъ, въ самомъ началѣ своего втораго письма къ Іоанну, которое Курбскій называетъ «краткимъ отвѣщаніемъ на зѣло широкую эпистолію великаго князя московскаго», Курбскій прямо говоритъ, что царю стыдно-бы такъ нескладно писать, сравниваетъ непослѣдовательность его изложенія *съ бабьими бреднями*, и говоритъ, что пишетъ царь такъ по варварски, «что не только искуснымъ и ученымъ людямъ, но даже и дѣтямъ читать его письмо смѣшно и удивительно»; въ особенности же странно читать его въ «чужой землѣ, гдѣ находятся люди, опытные не только въ грамматикѣ и риторикѣ, но даже въ діалектикѣ и философіи». «Могъ-бы я тебѣ отвѣчать на каждое твое слово», прибавляетъ Курбскій въ концѣ своего письма «но (долженъ замѣтить, что) мужамъ благороднымъ не прилично ссориться, словно рабамъ; въ особенности же стыдно христіанамъ отрыгать изъ устъ слова нечистыя и кусательныя, какъ я много разъ и прежде говорилъ». Въ отвѣтъ на брань и насмѣшки Іоанновы Курбскій замѣчаетъ ему, что онъ заслуживаетъ не насмѣшекъ и брани, а сожалѣнія, какъ несчастный, изгнанный изъ отечества, вынужденный къ скитанію по чужимъ землямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно тамъ, гдѣ онъ вспоминаетъ о по-

погибнувшихъ сотоварищахъ своихъ и въ гибели ихъ укоряетъ Іоанна,—письма Курбскаго исполнены замѣчательнаго и не поддѣльнаго чувства. Таково, напримѣръ, слѣдующее мѣсто изъ перваго посланія, которое историкъ нашъ Соловьевъ справедливо назвалъ «болѣзненнымъ воплемъ изъ могилы»:

«Зачѣмъ, о царь!«—восклицаетъ въ этомъ посланіи Курбскій — «зачѣмъ побилъ ты сильныхъ во Израили, и воеводъ, отъ Бога тебѣ данныхъ, различнымъ смертямъ предалъ, и побѣдоносную и святую кровь ихъ въ церквахъ Божіихъ и на торжествахъ владычныхъ пролилъ, и мученическою кровью ихъ пороги церковные обагрилъ?!... Чѣмъ провинились они передъ тобою, о царь! Или чѣмъ прогнѣвали тебя, христіанскій предстатель? Не прегордыя-ли царства храбростью своею раззорили и сдѣлали тебѣ подручниками тѣхъ, у которыхъ прежде въ рабствѣ были праотцы наши? Не претвердые-ли города Германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тебѣ даны были? И вотъ твое имъ воздаяніе:—всѣхъ насъ губишь! Или думаешь, что самъ ты безсмертенъ; или, прельщенный ересью, полагаешь, что не будетъ суда Іисусова? Христосъ, сидящій на престолѣ херувимскомъ — судья между тобою и мною!»

Вообще, не въ одной только перепискѣ съ Іоанномъ является намъ Курбскій человѣкомъ просвѣщеннымъ и замѣчательно образованнымъ: эти стороны его нравственной личности еще рѣзче высказываются въ остальныхъ сочиненіяхъ его и во всей той дѣятельности, которой онъ посвятилъ себя на чужбинѣ, вдали отъ любимой и милой ему родины, о которой онъ не забывалъ никогда, и которой не переставалъ служить, защищая въ Литвѣ своихъ единовѣрцевъ и стараясь всѣми силами поддержать тамъ вѣру отцевъ своихъ, попираемую іезуитами. Кромѣ четырехъ писемъ Іоанну, Курбскій написалъ весьма замѣчательную исторію царствованья Іоанна Грознаго, подъ заглавіемъ «Исторія кн. великаго Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима». Исторію эту Курбскій довелъ до 1578 года, начавъ ее разсказомъ о дѣтствѣ Іоанновомъ. Упомянувъ сначала о жестокомъ правленіи отца Іоаннова, о разводѣ его съ первою супругою, Курбскій описываетъ несчастное воспитаніе Грознаго и смерть многихъ бояръ, погибшихъ во время малолѣтства его. Затѣмъ онъ разсказываетъ о Московскомъ мятежѣ и о чудномъ исправленіи Іоанна стараніями Сильвестра и Адашева, потомъ весьма подробно повѣствуетъ о покореніи царства Казанскаго, о походахъ на Крымскихъ татаръ, о завоеваніи Астрахани и о Ливонской войнѣ; наконецъ переходитъ онъ къ главному предмету своего сочиненія:—къ описанію злодѣяній Іоанна IV, при чемъ весьма обстоятельно поясняетъ и причину перемѣны, происшедшей въ немъ.

Гербъ Курбскихъ.

Этотъ трудъ князя Курбскаго важенъ не только, какъ свидѣтельство современника и очевидца объ одной изъ самыхъ любопытныхъ историческихъ эпохъ, не только какъ сочиненіе человѣка просвѣщеннаго, заслуживающее полнаго довѣрія, по общему отзыву нашихъ ученыхъ:—этотъ трудъ важенъ еще въ исторіи нашей литературы, какъ первая и вполнѣ удачная попытка перехода отъ лѣтописнаго изложенія событій къ плавному историческому разсказу, въ которомъ всякое событіе относится къ предъидущему, какъ слѣдствіе, въ которомъ авторъ болѣе всего заботится о связи между фактами, о логической, послѣдовательной зависимости ихъ отъ главной причины. Въ основу своего сочиненія князь Курбскій положилъ ту мысль, что Іоаннъ былъ добрымъ и хорошимъ правителемъ «доколѣ любилъ около себя добрыхъ и правду

совѣтующихъ», и мысль эта проведена у него превосходно во всей его исторіи.

Большую часть жизни, послѣ бѣгства изъ Россіи, Курбскій провелъ въ Миляновичахъ, бѣдномъ мѣстечкѣ близь пожалованнаго ему городка Ковля. Тутъ былъ и дворецъ его съ придворнею церковью, развалины котораго сохранились еще и до нашего времени. Суровый и одинокій «среди сосѣдей ненавистныхъ и лукавыхъ», онъ жилъ уединенно, предаваясь исключительно изученію латинскихъ классиковъ и переводомъ сочиненій св. Отцевъ. Горячо сочувствуя интересамъ своихъ угнѣтаемыхъ на Литвѣ единовѣрцевъ, онъ всѣми силами старался поддержать ихъ, переписывался со многими изъ православной, неокатоличенной еще литовской знати, перевелъ на пользу православія нѣкоторыя бесѣды Іоанна Златоуста и написалъ правдивую исторію Флорентійскаго собора. Особенно хлопоталъ о переводахъ твореній св. Отцевъ на русскій языкъ, и, не надѣясь на свое умѣнье, поощрялъ къ этой дѣятельности другихъ. Эта энергическая дѣятельность его на пользу православія и просвѣщенія всего яснѣе высказывается въ слѣдующемъ мѣстѣ изъ предисловія къ его переводу книги Іоанна Дамаскина, *Небеса*. Указывая и самъ на значеніе просвѣщенія вообще, Курбскій возстаетъ противъ тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые не понимали его значенія. «Бога ради»—пишетъ онъ, — «не потакаемъ безумнымъ или, лучше сказать, лукавымъ прелестникамъ, выдающимъ себя за учителей. Я самъ отъ нихъ слыхалъ, еще будучи въ Русской землѣ, подъ державою Московскаго царя: прельщаютъ они юношей трудолюбивыхъ, желающихъ навыкнуть писанію, говорятъ имъ: не читайте книгъ многихъ и указываютъ: вотъ этотъ отъ книгъ умъ потерялъ, а вотъ этотъ въ ересь впалъ. О, бѣда! отъ чего бѣсы бѣгаютъ и исчезаютъ, чѣмъ еретики обличаются, а нѣкоторые даже исправляются, это оружіе они отнимаютъ, и это врачевство смертоноснымъ ядомъ называютъ!.. Господи, Христе Боже нашъ! отвори намъ мысленныя очи и избави насъ отъ такихъ!»

XIV.

ЛИЧНОСТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО ВЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.—НОВЫЙ РОДЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ, РАЗВИВШІЙСЯ ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ ХРИСТІАНСКИХЪ ИДЕЙ, ПРОНИКАВШИХЪ ВЪ МАССУ: — ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

Крупная личность Іоанна Грознаго, въ теченіе цѣлой половины XVI в. обращавшая на себя вниманіе современниковъ, не могла не найти себѣ отголоска и въ народной памяти. Въ народной эпической поэзіи, нашей вслѣдъ за темными пѣснями о богатыряхъ и Татарахъ, вслѣдъ за немногими такъ называемыми *«княжескими»* пѣснями, принадлежащими новому московскому періоду, является весьма замѣчательный и довольно обширный кругъ пѣсень объ Іоаннѣ Грозномъ. Пѣсни эти въ высшей степени любопытны и поучительны для насъ въ томъ отношеніи, что въ нихъ образъ Грознаго является намъ довольно сочувственно набросаннымъ народною фантазіей. Онъ представляется вѣрнымъ исторической дѣйствительности, но въ тоже время вниманіе народа сосредоточивается преимущественно на такихъ чертахъ его личности, на такихъ сторонахъ его дѣятельности правительственной, которыя не могли не нравиться народу и до нѣкоторой степени соотвѣтствовали тѣмъ понятіямъ о правителѣ, какія сложились въ его представленіи подъ вліяніемъ современныхъ тягостныхъ условій народной жизни. Чѣмъ болѣе могущества сосредоточивалось въ рукахъ князей московскихъ, чѣмъ болѣе увеличивалась централизація власти и политической жизни Русской въ Москвѣ—тѣмъ болѣе приходилось народу страдать отъ различныхъ общественныхъ нестроеній и отъ угнетенія со стороны мелкихъ мѣстныхъ представителей власти и произвола боярства, составлявшаго блестящій дворъ царей московскихъ. Блескъ, окружавшій личность царя, далекую и недоступную для народа, побуждалъ фантазію его къ созданію самыхъ невѣрныхъ и притомъ чисто идеальныхъ представленій о власти царя, о его личныхъ свойствахъ и бытѣ. Желая, весьма естественно, утѣшить себя среди бѣдственнаго своего существованія, народъ, чувствуя на себѣ гнетъ только мѣстныхъ и мелкихъ представителей власти, гнетъ боярства, часто склоненъ былъ думать, что эти мелкіе представители власти, это боярство—ничего

имѣютъ общаго съ властью царскою и благими намѣреньями царя, котораго народъ постоянно представлялъ себѣ расположеннымъ въ его пользу, заботящимся о его нуждахъ. Вотъ почему, каждая гроза, обрушавшаяся со стороны царя на голову вельможъ и боярства, находила себѣ сочувственный отголосокъ въ народной массѣ; вотъ почему и самая личность «вольнаго царя Ивана Васильевича», казнившаго вельможъ и князей, выводившаго измѣну въ Москвѣ бѣлокаменной, нашла себѣ сочувствіе въ массѣ народа и заняла видное мѣсто въ произведеніяхъ народнаго творчества. Рисуя Іоанна не только безразсудно вспыльчивымъ и горячимъ, но даже грознымъ и жестокимъ, народныя пѣсни все же не называютъ его «немилостивымъ» и даже восхваляютъ его, потому что народъ съ замѣтнымъ сочувствіемъ относился къ тому укрощенію боярскаго самовластія, которое являлось въ его глазахъ важнымъ подвигомъ царя на пользу собственно народнаго благоденствія. Исходя изъ этого воззрѣнія на личность Іоанна Грознаго, народъ представляетъ его и вообще сочувствующимъ всему народному, русскому; сочувствіе это особенно легко высказывается въ былинѣ о царскомъ шуринѣ «Масгрюкѣ Темрюковичѣ», гдѣ «царь Иванъ Васильевичъ похваляетъ русскихъ барцовъ-молодцовъ за то, что они изувѣчили и поборoли его шурина Мастрюка-татарина, не смотря на то, что его же, царева жена, Марья Темрюковна горько жалуется на это и сокрушается по своемъ миломъ братѣ. Еще ярче личность Іоанна, какъ правителя «грознаго, но справедливаго», высказывается въ превосходной былинѣ, извѣстной подъ названіемъ: «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское», которую мы, вмѣстѣ съ предъидущею, приводимъ въ приложеніи къ этой главѣ. Сочувственно настроенное творчество народное не забываетъ и объ остальныхъ крупныхъ чертахъ личности Іоанна, какъ царя и правителя:—его завоеванія также воспѣты въ видѣ отдѣльныхъ пѣсенъ и прославлены на память потомству. Взятіе Казани и Астрахани, какъ символы окончательнаго торжества русскаго оружія надъ татарскимъ, а впослѣдствіи случайное завоеваніе отдѣленной, полу-баснословной Сибири, связанное съ любимымъ именемъ разбойничьяго удальца-атамана Ермака Тимофѣевича—всѣ эти воспоминанія, особымъ своимъ поэтическимъ колоритомъ и яркими красками необычайности, героизма, много способствовали къ значительному возвышенію личности Грознаго надъ всѣмъ предшествующимъ періодомъ историческимъ, много способствовали тому, чтоби этотъ предшествующій періодъ еще болѣе стерся, изгладился въ памяти народной, помраченный блескомъ эпохи Грознаго. Личность его, впослѣдствіи, изъ области пѣсень, перешла даже и въ сказку народную, которая рисуетъ Грознаго чисто-народнымъ героемъ, въ родѣ восточнаго Гаруна-Аль-Рашида; онъ бродитъ, незамѣтный, между народомъ, присматривается къ его нуждамъ, караетъ бояръ за несправедливости и награждаетъ своими царскими милостями тѣхъ, которымъ удается перехитрить или одурачить боярина. Въ числѣ такого рода произведеній очень видное мѣсто занимаетъ извѣстная сказка о «Горшенѣ» [1]), въ которой разсказывается, какъ встрѣтилъ осударь Иванъ Васильевичъ горшеню», какъ полюбились «осударю» умные отвѣты «горшени», и какъ потому самому, желая наградить «горшеню», осударь приказалъ ему черезъ двѣ недѣли представить ко двору своему десять возовъ глиняныхъ тарелочекъ извѣстнаго фасона. Горшеня принялъ заказъ, а осударь приказалъ, вернувшись въ городъ, чтобы на всѣхъ угощеніяхъ не было посуды ни серебряной, ни мѣдной, ни оловянной, ни деревянной, а была бы вся глиняная. Въ разговорѣ съ Иваномъ Васильевичемъ горшеня, между прочимъ, говорилъ ему что живетъ своимъ ремесломъ не худо, и что только три худа и есть на свѣтѣ:—худой сосѣдъ, худая жена да худой разумъ; и послѣднее-то худо всѣхъ хуже, потому что худой разумъ все съ тобой, и отъ него никуда не уйдешь. Эту мысль свою горшеня и доказалъ царю-осударю блистательнымъ образомъ, когда привезя въ городъ заказанный Иваномъ Васильевичемъ товаръ, онъ, по настоятельной просьбѣ одного боярина, продалъ товаръ свой этому боярину на такомъ условіи, при которомъ всѣ деньги боярина перешли въ карманъ Горшени, а товару все еще много осталось незакупленнаго бояриномъ. Бояринъ сталъ въ тупикъ, а горшеня

[1]) *Горшеня* — тоже, что *горшечникъ*, т. е. занимающійся гончарнымъ ремесломъ.

и говоритъ ему: «свези меня на себѣ до этого двора, отдамъ тебѣ и товаръ, и всѣ деньги». Бояринъ мялся, мялся—жаль и денегъ, жаль и себя; но дѣлать нечего—на томъ и поладили. Выпрягли лошадь—сѣлъ мужикъ,повезъ бояринъ. Горшеня запѣлъ пѣсню, а бояринъ везетъ да везетъ. «До коихъ же мѣстъ везти тебя?» спрашиваетъ онъ горшеню. — «Вотъ до этого дома». Весело поетъ горшеня, и противъ того дома высоко голосомъ поднялъ. Услыхалъ государь пѣсню, вышелъ на крыльцо и призналъ горшеню: «здравствуй», говоритъ, «горшенюшка, съ пріѣздомъ!» — «Благодарю, ваше царское величество».—«Да на чемъ ты ѣдешь?»—«А на худомъ-то разумѣ, осударь.»—«Ну, горшеня! умѣлъ товаръ продать; а ты, бояринъ, не съумѣлъ боярствомъ владѣть:—скидавай свою строевую одежду и сапоги, и отдай все горшенѣ; а ты, горшеня, скидавай кафтанъ и лапти. Обувай-ка ты ихъ, бояринъ; а ты горшеня надѣнь и носи его строевую одежду. Умѣлъ ты товаръ продать! И немного послужилъ, да много услужилъ!»

Говоря здѣсь о народной поэзіи XVI вѣка, конечно нельзя не упомянуть и о томъ родѣ произведеній народной поэзіи, который, хотя и не въ XVI вѣкѣ получилъ свое начало, но вѣроятно съ этого именно времени сталъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ, направленіе, а можетъ быть даже и особенность своей внѣшней формы.

Выше уже видѣли мы, что народная фантазія особенно полно высказалась въ двухъ главныхъ родахъ произведеній своей безыскуственной поэзіи:—въ *пѣснѣ* и *сказкѣ*; выше указали мы и на существенное различіе между этими двумя родами, и на тотъ ходъ развитія, который каждому изъ этихъ родовъ неотложно суждено было пережить. Мы видѣли, что пѣсня, съ теченіемъ времени, видоизмѣнялась, переходя отъ формы первоначальнаго религіознаго гимна въ честь божества и его подвиговъ къ формѣ былины, описывавшей подвиги богатыря—витязя, и наконецъ—къ простой формѣ исторической пѣсни. Дѣйствительность историческая, очевидно, оказывала свое благотворное дѣйствіе на фантазію народа и, постепенно, все болѣе и болѣе придавала правды и естественности тѣмъ героямъ, которыхъ народъ старался возвести въ идеалъ. Съ другой стороны, кромѣ исторической дѣйствительности, сильное вліяніе на фантазію народа должно было оказывать и христіанство, по мѣрѣ того, какъ оно усвоивалось массою народа и вытѣсняло древнюю, языческую основу его вѣрованій, видоизмѣняя ее подъ вліянемъ новыхъ христіанскихъ воззрѣній и образовъ. Эта замѣна языческихъ воззрѣній—христіанскими совершалась у насъ чрезвычайно медленно, и черезъ пять или шесть вѣковъ по принятіи христіанства на Руси, благодаря тому, что образованность распространялась туго и медленно, христіанскія идеи еще далеко невполнѣ успѣли овладѣть массою и вытѣснить изъ сознанія ея всѣ стародавнія, языческія вѣрованія. Но борьба двухъ религій, одной отживающей и гонимой, и другой, торжествующей и вступающей въ права свои — нашла себѣ отголосокъ въ народной поэзіи. Явился цѣлый рядъ пѣсень особаго, *новаго* содержанія, въ которыхъ двоевѣріе высказалось самымъ пестрымъ и страннымъ смѣшеніемъ языческихъ понятій съ понятіями христіанскими. Въ одной изъ такихъ пѣсень разсказывается, напримѣръ, «о сотвореніи міра» (Стихъ о Голубиной книгѣ) совсѣмъ не такъ, какъ повѣствуетъ о томъ Св. Писаніе, и хотя вся пѣсня представляется въ видѣ разговора между пророкомъ Давидомъ и Владиміромъ княземъ, однако же въ каждомъ словѣ ея, сквозь эту внѣшнюю христіанскую обстановку, проглядываетъ древняя, языческая основа преданія о мірозданіи и происхожденіи человѣка, очень сходнаго у многихъ народовъ индо-европейскаго племени. Въ другой, подобной же пѣснѣ, св. Георгій представляется въ образѣ «святорусскаго могучаго богатыря Егорія храбраго», объѣзжающаго землю Русскую и установляющаго въ ней новые, гражданственные порядки среди «лѣсовъ дремучихъ и горъ толкучіихъ». Горы передъ нимъ разступаются, лѣса даютъ ему дорогу прямоѣзжую; стада змѣй расползаются и стада волковъ рыскучихъ разбѣгаются въ стороны отъ пути его и, по его слову и велѣнію, принимаются ѣсть только *повсемѣнное, установленное*. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ духовное сословіе у насъ начинаетъ болѣе и болѣе разростаться, пополняясь постояннымъ приливомъ новыхъ дѣятелей изъ массы народа; по мѣрѣ того, какъ въ духовное сословіе наше проникаютъ все болѣе и болѣе идеалы, заимствуемые имъ, при посредствѣ южно-славянскихъ литературъ, съ литературной почвы византійскаго Востока и латинскаго Запада — этотъ новый видъ

пѣсни, *пѣсня духовная*, начинаетъ замѣтно развиваться и почти исключительно подчиняться вліянію книжному. Въ кругъ сюжетовъ духовной пѣсни входятъ всѣ элементы, свойственные литературѣ духовной и преимущественно-монастырской:—отвлеченность идеаловъ, отреченіе отъ мірского, воспѣваніе подвиговъ благочестія и прославленіе святыхъ подвижниковъ. Отсюда явилось множество пѣсень о святыхъ и о разныхъ благочестивыхъ мужахъ въ связи съ событіями, описываемыми въ Св. Писаніи Ветхаго и Новаго Завѣта: объ Алексіѣ Божьемъ человѣкѣ, объ Олексафіи, объ Іасафѣ царевичѣ, о крестной смерти Спасителя и о Воскресеніи. Сюда же впослѣдствіи примѣшались, подъ вліяніемъ западно - европейскихъ средневѣковыхъ преданій, а также и подъ непосредственнымъ вліяніемъ произведеній апокрифической (отреченной) литературы, новые сюжеты, въ родѣ «Плача Адамова», пѣсни «о разставаніи души съ тѣломъ», «о мытарствахъ», «о Пятницахъ», «о женѣ Аллилуевой». Нѣкоторые изъ числа апокрифовъ даже цѣликомъ перелагались въ пѣсни, какъ напр. «Сонъ Богородицы».

Вообще, если принимать въ соображеніе большую часть сюжетовъ этихъ духовныхъ пѣсень, нельзя не убѣдиться въ томъ, что основной матерьялъ для нихъ почерпался изъ литературы письменной, а слѣдовательно и авторами этихъ пѣсень не могли быть люди неграмотные, и пѣвцы-народные. Вѣроятно и у насъ на Руси, точно также какъ на Западѣ, духовныя пѣсни слагались первоначально монахами, по монастырямъ, а отсюда уже, разными, болѣе или менѣе сложными путями, проникали въ массу народа, при помощи особаго, привилегированнаго класса пѣвцовъ. Распространителями духовныхъ пѣсень являлись, вѣроятно, по преимуществу тѣ странники, тѣ *калики-перехожіе*, которые, первоначально, — въ періодъ обще-европейскаго броженія, выразившагося Крестовыми походами,—уходили изъ Руси цѣлыми ватагами на поклоненіе Гробу Господню, въ Іерусалимъ; въ послѣдствіи, когда, съ паденіемъ Византійской имперіи, значительно увеличились трудности путешествія въ Палестину, а въ тоже время и у насъ на Руси появились въ важнѣйшихъ пунктахъ развитія политической жизни свои, мѣстно-чтимыя святыни, тѣ же ватаги странниковъ или *каликъ-перехожихъ* стали бродить по Руси, изъ города въ городъ, изъ монастыря въ монастырь, всюду находя себѣ радушный пріемъ. Къ толпамъ странниковъ, посѣщавшихъ святыни русскія изъ дѣйствительнаго религіознаго рвенія, или по обѣту, конечно примѣшивались и такіе люди, которые, не имѣя своего угла, посвящали себя бродяжничеству и весь свой вѣкъ проводили подъ гостепріимнымъ кровомъ монастырей и на церковной паперти. Здѣсь-то, находясь въ частыхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ грамотнымъ духовенствомъ и монашествомъ, эти вѣчные странники, вслушиваясь въ разсказы о подвигахъ мѣстно-чтимаго святого, въ чтенія житій, или въ пѣніе духовныхъ пѣсень, сложенныхъ монахами, обогащали память свою обильнымъ запасомъ религіозно - поэтическаго матерьяла, и на основаніи его, въ свою очередь слагали пѣсни духовныя, которыя и разносили потомъ во всѣ концы православной Руси. Но даже и въ этихъ подражаніяхъ, духовная пѣснь сохранила свой первоначальный характеръ и несомнѣнные слѣды своего происхожденія отъ литературы письменной, книжной, иногда даже и слѣды личнаго творчества авторовъ-грамотѣевъ: и до сихъ поръ, пѣсни эти, распѣваемыя слѣпцами и нищими внутри Россіи, подъ названіемъ *«духовныхъ стиховъ»*, значительно разнятся и по языку, и по духу, и по размѣру своему отъ остальныхъ произведеній народной поэзіи.

Когда же духовная пѣснь, вышепоказаннымъ путемъ, стала переходить въ массу народа, то народъ, конечно, незамедлилъ видоизмѣнить ее по-своему и до нѣкоторой степени даже примѣнилъ ее къ своимъ личнымъ потребностямъ. Какъ духовенство наше не всегда умѣло различать книги истинныя отъ ложныхъ, и часто въ число книгъ каноническихъ вносило произведенія отреченной литературы, придавая имъ важное религіозное значеніе: — такъ точно и народъ, усвоивая себѣ духовную пѣсню, очень часто сталъ смѣшивать ее съ пѣснею церковною, и придавать ей значеніе религіозное, хотя въ основѣ ея весьма часто являлось преданіе, отвергаемое Церковью, или даже суевѣріе. Изъ этого воззрѣнія народнаго на духовную пѣсню вѣроятно и произошелъ обычай пѣть «духовные стихи» во время постовъ и праздниковъ, и вообще въ тѣ дни, когда почему-либо не приличнымъ казалось пѣніе мірскихъ пѣсень.

Переходя въ народѣ изъ устъ въ уста, духовная пѣсня, конечно, должна была еще болѣе увеличиться въ своемъ объемѣ, вслѣдствіе того, что къ вышеномянутымъ нами разнообразнымъ сюжетомъ ея прибавились еще и другіе, новые, стоявшіе въ тѣсной связи съ жизнью народною и съ его нравственными воззрѣніями на добро или на зло, счатье и несчастье, богатство и бѣдность. Такъ напримѣръ, конечно уже послѣ того, какъ духовная пѣснь перешла въ народъ и была усвоена пѣвцами изъ народа, могли явиться въ числѣ образцовъ ея такія произведенія, какъ «стихъ о богатомъ и Лазарѣ», въ которомъ, на основаніи извѣстной Евангельской притчи, идеализируется бытъ и значеніе нищенствующей братьи, въ средѣ которой духовная пѣснь, вѣроятно, и получила наибольшее свое развитіе. Должно полагать, что подъ вліяніемъ тѣхъ же условій народной жизни появился и другой, замѣчательный по своимъ поэтическимъ достоинствамъ, стихъ «о Вознесеніи Христовомъ», въ которомъ разсказывается, какъ Христосъ, собираясь возноситься на небо, прощался съ нищею братіею, которая горько плакала, говоря ему: «батюшка нашъ! царь небесный! на кого ты насъ покидаешь? кто будетъ насъ поить-кормить, отъ темной ночи укрывать?» И отвѣчалъ имъ Христосъ, царь небесный:

«Не плачь, моя меньшая братія,
Дамъ я вамъ гору золотую,
Дамъ я вамъ рѣку медвяную,
Оставлю вамъ сады, винограды,
Оставлю вамъ яблони кудрявы,
Дамъ я вамъ манну небесну.
Умѣйте горою владѣти,
Промежду собой раздѣляти:
Будете вы сыты, да и пьяны,
Будете обуты и одѣты,
Будете теплемъ вы обогрѣты,
И отъ темной ночи пріукрыты».

Слыша это, Іоаннъ Златоустъ обращается ко Христу и совѣтуетъ оставить иное, болѣе прочное наслѣдіе, котораго бы никто не могъ отнять у нищей братіи:

«Не давай («говоритъ онъ») нищимъ гору крутую,
Что крутую гору, золотую:
Не съумѣть имъ горою владати,
Не съумѣть имъ золотыя поверстати,
И промежду собой раздѣляти:
Занаютъ гору князи и бояре,
Занаютъ гору пастыри и власти,
Занаютъ гору торговые люди,
Отоймутъ у нихъ гору крутую,
Отоймутъ у нихъ гору золотую,
По себѣ они гору раздѣлятъ,
По князьямъ золотую разверстаютъ,
Да нищію братью не допустятъ;
Да нечѣмъ будетъ нищимъ питатися,
Да нечѣмъ имъ будетъ пріодѣтися,
И отъ темныя ночи пріукрытися.
Дай-же ты нищимъ-убогимъ
Имя твое святое.
Будутъ нищіе по міру ходити,
Тебя Христа величати,
Въ каждый часъ прославляти;
Будутъ они сыты и довольны,
Обуты будутъ и одѣты,
И отъ темной ночи пріукрыты.

Пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ.

1) Никитѣ Романовичу дано село Преображенское.

(Пѣсня начинается съ того, что царь, на пиру похваляется передъ боярами, какъ онъ вывелъ измѣну изъ Кіева и Новгорода, изъ Казани и Астрахани. Сынъ его, Θеодоръ Ивановичъ, говоритъ ему, что онъ не съумѣлъ однакоже вывести измѣны изъ каменной Москвы. Царь проситъ его указать измѣнниковъ; Θеодоръ Ивановичъ указываетъ на царскихъ любимцевъ — бояръ Годуновыхъ. Царь, въ гнѣвѣ, приказываетъ его схватить и вести на плаху).

А всѣ палачи испужалися,
Что всѣ въ Москвѣ разбѣжалися;
Единъ палачъ не пужается,
Единъ злодѣй выступается,
Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ.
Хватилъ онъ царевича за бѣлы ручки,
Повелъ царевича за Москву рѣку.
Перепахнула вѣстка не радошна
Въ то во село въ Романовское,
Въ Романовское, въ боярское,
Ко старому Никитѣ Романовичу,

Нерадошна вѣстка, кручинная:
«А и гой еси, сударь, мой дядюшка!
Ты старой Никита Романовичъ!
Али спишь, лежишь, опочивъ держишь?
Али тѣ Никитѣ мало можется!
Надъ собою ты невзгоды невѣдаешь:
Упала звѣзда поднебесная,
Потухла въ соборѣ свѣча мѣстная,
Не стало царевича у насъ въ Москвѣ,
А меньшого Өеодора Ивановича».
Много Никита не выспрашиваетъ,
А скоро метался на широкой дворъ,
Скричалъ онъ Никита зычнымъ голосомъ:
«А и конюха мои, приспѣшники!
Ведите поскорѣе добра коня,
Не сѣдланнаго, не узданаго».
Скоро-де конюхи металися,
Подводятъ на-скорѣ добра коня.
Садился Никита на добра коня,
За себя онъ, Никита, любимаго конюха хватилъ,
Поскакалъ за матушку Москву за рѣку,
А и шапкой машетъ, головой качаетъ,
Кричитъ онъ, зоветъ зычнымъ голосомъ:
«Народъ православный, не убейтеся,
Дайте дорогу мнѣ широкую».
Постигъ палача онъ во полупути,
Не дошедъ до болота поганаго,
Кричитъ на его зычнымъ голосомъ:
«Малюта-палачъ, сынъ Скурлатовичъ!
Не за свойскій кусъ ты хватаешься,
А этимъ кускомъ ты подавишься;
Не переводи ты роды царскіе».
Говоритъ Малюта немилостивый палачъ:
«Ты гой еси, Никита Романовичъ!
А наше-то дѣло повѣленное;
Али палачу мнѣ самому быть сказнену?
А чѣмъ окровенить саблю острую?
А чѣмъ окровенить руки бѣлыя?
А съ чѣмъ придтить въ царю предъ очи,
Предъ его очи царскія?»
Отвѣчаетъ Никита Романовичъ:
«Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ!
Сказни ты любимого конюха моего,
Окровени саблю острую,
Замарай въ крови руки бѣлыя;
А съ тѣмъ поди къ царю предъ очи,
Предъ его очи царскія».
А много палачъ не выспрашиваетъ,
Сказнилъ любимого конюха,
Окровенилъ саблю острую,
Замаралъ руки бѣлыя,
А прямо пошелъ къ царю предъ очи,
Подмасторье его голову хватилъ.

А грозный царь Иванъ Васильевичъ
Завидѣвши сабельку острую,
А остру саблю, кровавую,
Того палача немилостива,—
А гдѣ-но стоялъ онъ и туто упалъ;
Что рѣзвы ноги подломилися,
Что Царски очи замутилися,
Что по три дни не пьетъ, не естъ.—
А старой Никита Романовичъ,
Хватя онъ Царевича,
На добра коня посадилъ,
Увезъ въ село свое Романовское,
Въ Романовское и боярское.
Не пива ему варить, не вина курить,
А пиръ пошелъ у него на радостяхъ;
А въ трубы трубятъ по ратному,
Барабаны бьютъ по воинскому....
А у той церкви Соборныя,
Сбиралисъ попы и дьяконы,
А всѣ вѣдь причетники церковные,
Отпѣвали любимаго конюха.
А втѣпоры пригодился Царь,
А грозной Царь, Иванъ Васильевичъ,
А трижды землю на могилу бросилъ;
Съ печали Царь по Царству пошелъ,
По тѣмъ широкимъ по улицамъ.
А тѣ бояра Годуновые
Идутъ съ Царемъ, сами подмолвилися:
—«Ты, грозной царь, Иванъ Васильевичъ!
У тебя кручина несносная—
У боярина пиръ на веселѣ,
У старого Никиты Романовича.
А грозной Царь, онъ я крутъ добрѣ,
Послалъ посла не милостивого,
Что взять его Никиту не честно къ нему.
Пришелъ посолъ къ боярину въ домъ,
Взялъ Никиту, нечестно повелъ,
Привелъ ко Царю предъ ясны очи;
Не дошедъ Никита, поклоняется
О праву руку до сырой земли.
А грозной Царь Иванъ Васильевичъ,
Во правой рукѣ держитъ Царской костыль,
А въ лѣвой держитъ Царево жезло,
— По нашему Сибирскому остро копье —
А и ткнетъ онъ Никиту въ праву ногу,
Пришилъ его ко сырой землѣ;
А самъ онъ Царь приговариваетъ:
«Велю я Никиту въ котлѣ сварить,
Въ котлѣ сварить, либо на колъ посадить,
На колъ посадить, скоро велю сказнить;
У меня кручина несносная,
А у тебя, боярина, пиръ на веселѣ.
Къ чему ты, Никита, въ домѣ добрѣ радошенъ?

Али ты, Никита, какой городъ взялъ?
Али ты, Никита, корысть получилъ?»
Говоритъ онъ, Никита, не съ упадкою:
«Ты грозной Царь, Иванъ Васильевичъ!
Не вели меня казнить, прикажи говорить:
А для того у меня пиръ на веселѣ,
Въ трубочки трубятъ по ратному,
Въ барабаны бьютъ по воинскому,
Утѣшаютъ млада Царевича,
Что меньшого Ѳедора Ивановича».
А много Царь не выспрашиваетъ,
Хватя Никиту за праву руку
Пошелъ въ палаты во боярскія.
Поднебесна звѣзда ужь высоко взошла,
Въ Соборѣ мѣстна свѣча затеплялася,—
Увидѣлъ Царевича въ большемъ мѣстѣ,
Въ большомъ мѣстѣ, въ переднемъ углу,
Подъ мѣстными иконами;
Беретъ онъ Царевича за бѣлы ручки;
А грозной Царь Иванъ Васильевичъ
Цѣловалъ его во уста сахарныя;
Скричалъ онъ Царь зычнымъ голосомъ:
«А чѣмъ боярина пожаловати,
А старого Никиту Романовича?
А погребъ тебѣ злата, серебра,
Второе тебѣ—питья разнаго;
А сверхъ того грамота тарханная:
Кто цареву казну покрадетъ, мужика-ли убьетъ,
А кто у жива мужа жену уведетъ
И уйдетъ въ село во боярское
Ко старому Никитѣ Романовичу—
И тамъ быть имъ не въ выдачѣ».
А было это село боярское,
Что стало село Преображенское,
По той по грамотѣ тарханныя;
Отъ нынѣ оно слыветъ и до вѣку.

Мастрюкъ Темрюковичъ.

Въ годы прежніе, времена первоначальныя,
При бывшемъ вольномъ Царѣ, при Иванѣ Васильевичѣ,
Когда холостъ былъ Государь Царь Иванъ Васильевичъ,
Поволилъ онъ женитися:
Беретъ онъ Царь Государь не у себя въ каменной Москвѣ,
А беретъ онъ въ той Золотой Ордѣ,
У того Темрюка Царя, у Темрюка Степановича,
Онъ Марью Темрюковну, сестру Мастрюкову,
И взялъ въ провожатые за ней триста Татариновъ,
Четыреста Бухариновъ, пять сотъ Черкашениновъ.
И любимаго шурина Мастрюка Темрюковича,
Молодого Черкашенина.
Онъ здравствуетъ царь Государь у себя въ каменной Москвѣ,
И всѣ ли князья, бояра, могучіе богатыри
И гости званые, пять сотъ донскихъ казаковъ
Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются,
Зелено вино кушаютъ,
Бѣлу лебедь рушаютъ;
А единъ не пьетъ да не ѣстъ царской гость дорогой,
Мастрюкъ Темрюковичъ молодой Черкашенинъ.
И зачѣмъ хлѣба-соли не ѣстъ, зелена вина не кушаетъ,
Бѣлу лебедь не рушаетъ?—у себя на умѣ держитъ:
Изошелъ онъ семь городовъ, поборолъ онъ 70 борцовъ—
И по себѣ борца не нашелъ,—
И только онъ думаетъ—ему вѣра поборотися есть
У Царя въ каменной Москвѣ,
Хочетъ Царя потѣшити
Со царицею благовѣрною, Марьею Темрюковною;
Онъ хочетъ Москву загонять, сильно Царство Московское.
Никита Романовичъ о томъ Царю доложилъ,
Царю Ивану Васильевичу:
А и гой еси, Царь Государь, Царь Иванъ Васильевичъ!
Всѣ князи, бояра, могучіе богатыри
Пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются
На великихъ на радостяхъ;
Одинъ не пьетъ, не ѣстъ твой царской гость дорогой,
Мастрюкъ Темрюковичъ, молодой Черкашенинъ,
У себя онъ на умѣ держитъ—вѣра поборотися есть,
Твое Царское Величество потѣшити со Царицею благовѣрною.
Говоритъ тутъ Царь Государь, Царь Иванъ Васильевичъ:
«Ты садися, Никита Романовичъ, на добра коня,
Побѣги ты по всей Москвѣ,
По широкимъ улицамъ и по частымъ переулочкамъ».
Онъ будетъ, дядюшка Никита Романовичъ
Середь Юрья Повольскаго, слободы Александровы;
Два братца родимые по бору похаживаютъ,
Объ ручку-то дядюшкѣ челомъ:
—«А и гой еси ты, дядюшка, Никита Романовичъ!
Кого ты спрашиваешь? Мы борцы въ Москвѣ нохваленые,

Молодцы поученые, славные».
Никита Романовичъ привелъ борцевъ ко дворцу.
Послышалъ Мастрюкъ борцовъ, скачетъ прямо Мастрюкъ
Изъ мѣста большого, изъ угла передняго,
Черезъ столы бѣлодубовы, черезъ яства сахарныя,
Лѣвой ногой задѣлъ за столы бѣлодубовые,
Повалилъ онъ тридцать столовъ,
Да прибилъ триста гостей:
Живы да негодны, на корачкахъ ползаютъ по палатѣ бѣлокаменной:
То похвальбы Мастрюку, Мастрюку-Темрюковичу.
Выбѣжалъ тутъ Мастрюкъ на крылечко красное,
Кричитъ во всю голову, чтобы слышалъ Царь Государь:
«А свѣтъ ты, вольной Царь, Царь Иванъ Васильевичъ!
Что у тебя въ Москвѣ за похвальные молодцы, поученые, славные!
На ладонь ихъ посажу, другой рукой раздавлю».
Съ борцами сходится Мастрюкъ-Темрюковичъ:
А к малой выступается, Мишка Борисовичъ,
И смотрятъ ихъ борьбу князи, бояра и могучіе богатыри,
Пятьсотъ Донскихъ казаковъ.
А и Мишка Борисовичъ съ носка бросилъ о землю,
Онъ Царского шурина;
Похвалилъ его Царь Государь:
«Исполать тебѣ молодцу, что чисто борешься».—
А и Мишка къ сторонѣ пошелъ, ему полно боротися.
А Потанька бороться пошелъ, костылемъ подпирается,
Самъ впередъ подвигается, къ Мастрюку приближается;
Смотритъ Царь-Государь, что кому будетъ Божья помочь,
И смотритъ ихъ борьбу князи, бояра и могучіе богатыри,
Пятьсотъ Донскихъ казаковъ.
Потанька справился, за плеча сграбился,
Согнетъ корчагою, воздыметъ выше головы своей,
Опустилъ о сыру землю — Мастрюкъ безъ памяти лежитъ;
Не слыхалъ какъ и платье сняли, —
Былъ Мастрюкъ во всемъ, сталъ Мастрюкъ ни въ чемъ:
Со стыда и сорома на корачкахъ подъ крылецъ ползетъ.
Какъ бы бѣлая лебедушка на морѣ она проклыкала,
Говорила Царица Царю, Марья Темрюковна:
«Свѣтъ ты, вольной Царь, Царь Иванъ Васильевичъ!
Такова-ль у тебя честь добра до любимаго шурина,
А дѣтина поругается, что дѣтина деревенской,—
Почто онъ платье снимаетъ?»
Говоритъ тутъ Царь Государь:
«Гой еси ты, Царица въ Москвѣ,
Да ты Марья Темрюковна!
А не то у меня честь во Москвѣ, что Татары-те борются;
То-тѐ честь въ Москвѣ, что Русакъ тѣшится,—
Хотя бы ему голову сломилъ, да любилъ бы я, пожаловалъ
Двухъ братцовъ родимыхъ, двухъ удалыхъ Борисовичей!»

Духовные стихи.

Стихъ о книгѣ Голубиной.

Восходила туча сильна-грозная,
Выпадала Книга Голубиная,
И не малая, не великая:
Долины книга сорока сажень.
Поперечины двадцати сажень,
Ко той книгѣ ко божественной
Сходилися, соѣзжалися
Сорокъ царей со царевичамъ,
Сорокъ князей со княжевичамъ,
Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
Много народу, людей мелкіихъ,
Христіянъ православныихъ.
Никто ко книгѣ не приступится,
Никто ко Божьей не пришатнется.
Приходилъ ко книгѣ премудрый Царь,
Премудрый Царь Давыдъ Евсеевичъ:
До Божьей до книги онъ доступается;
Передъ нимъ книга разгибается,
Все божественное писаніе ему объявляется.
Еще приходилъ ко книгѣ Володиміръ князь,
Володиміръ князь Володиміровичъ.
Возговорилъ Володиміръ князь,
Володиміръ князь Володиміровичъ:
«Ой ты гой еси, нашъ премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ!
Прочти, сударь, книгу Божію,
Объяви, сударь, дѣла Божіи,
Про наше житіе, про свято-русское,
Про наше житіе свѣту вольнаго:
Отъ чего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ?

От чего у нас солнце красное?
От чего у нас звѣзды частыя?
От чего у нас ночи темныя?
От чего у нас зори утренни?
От чего у нас вѣтры буйные?
От чего у нас дробенъ дождекъ?
От чего у нас умъ-разумъ?
От чего наши помыслы?
От чего у насъ кости крѣпкія?
От чего тѣлеса наши?
От чего кровь-руда наша?»
Возговоритъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
— «Ой ты гой еси, Володимiръ князь,
Володимiръ князь Володимiровичъ!
Не могу я прочесть книгу Божiю.
Ужъ мнѣ честь книгу,—не прочесть будетъ:
На рукахъ держать,—не сдержать будетъ;
На налой положить—не уложиться.
А по старой по своей по памяти
Разскажу вамъ, как по грамотѣ:
У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачался отъ суда Божiя;
Солнце красное отъ лица Божьяго,
Самаго Христа, Царя Небеснаго;
Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ груди его;
Звѣзды частыя отъ ризъ Божьихъ;
Ночи темныя отъ думъ Господнихъ;
Зори утренни отъ очей Господнихъ;
Вѣтры буйные отъ Свята Духа;
У насъ умъ-разумъ самаго Христа,
Самаго Христа, Царя Небеснаго;
Наши помыслы отъ облакъ небесныихъ;
У насъ мiръ-народъ отъ Адамiя;
Кости крѣпкiя отъ камени;
Тѣлеса наши отъ сырой земли;
Кровь-руда наша отъ черна моря».
Возговоритъ Володимiръ князь,
Володимiръ князь Володимiровичъ:
— «Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ!
Скажи ты намъ, проповѣдай:
Который царь надъ царями царь?
Который городъ городамъ отецъ?
Коя церковь всѣмъ церквамъ мати?
Коя рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?
Коя гора всѣмъ горамъ мати?
Кое древо всѣмъ древамъ мати?
Коя трава всѣмъ травамъ мати?
Которое море всѣмъ морямъ мати?
Коя рыба всѣмъ рыбамъ мати!
Коя птица всѣмъ птицамъ мати?
Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?»
Возговоритъ премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ:
— «У насъ Бѣлый царь надъ царями царь?
И онъ держитъ вѣру крещеную,
Вѣру крещеную, богомольную;
Стоитъ за вѣру христiанскую,
За домъ Пресвятыя Богородицы.
Всѣ орды ему преклонилися,
Всѣ языцы ему покорилися:
Потому Бѣлый царь надъ царями царь.
Ерусалимъ городъ—городамъ отецъ.
Почему тотъ городъ городамъ отецъ?
Во тѣмъ во городѣ во Ерусалимѣ
Тутъ у насъ пупъ [1]) земли.
Соборъ-церковь всѣмъ церквамъ мати?
Стоитъ Соборъ-церква посреди града Ерусалима;
Во той во церкви во соборной
Стоитъ престолъ божественный:
На томъ престолѣ на божественномъ
Стоитъ гробница бѣло-каменная;
Въ той гробницѣ бѣлой каменной
Почиваютъ ризы самого Христа,
Самаго Христа, Царя Небеснаго:
Потому Соборъ-церква церквамъ мати.
Iорданъ-рѣка всѣмъ рѣкамъ мати.
Почему Iорданъ всѣмъ рѣкамъ мати?
Окрестился въ ней самъ Исусъ Христосъ,
Со силою со небесною,
Со ангелами со хранителями,
Со Iоанномъ, свѣтомъ, со Крестителемъ:
Потому Iорданъ всѣмъ рѣкамъ мати.
Ѳаворъ-гора всѣмъ горамъ мати.
Почему Ѳаворъ-гора горамъ мати?
Преобразился на ней самъ Iсусъ Христосъ,
Iсусъ Христосъ, Царь небесный, свѣтъ,
Показалъ славу ученикомъ своимъ:
Потому Ѳаворъ-гора горамъ мати.
Кипарисъ-древо всѣмъ древамъ мати.
Почему то древо всѣмъ древамъ мати?
На тѣмъ древѣ на кипарисѣ,
Объявился намъ животворящiй крестъ,
На тѣмъ на крестѣ на животворящемъ
Распятъ былъ самъ Iсусъ Христосъ,
Iсусъ Христосъ, Царь небесный, свѣтъ:
Потому кипарисъ всѣмъ древамъ мати.
Плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати.
Почему плакунъ всѣмъ травамъ мати?
Когда Жидовья Христа распяли,

[1]) Т. е. *середина* земли. Въ средніе вѣка многіе вѣрили тому, что Іерусалимъ дѣйствительно стоитъ въ центрѣ всего міра.

Святую кровь его проливали,
Мать Пречистая Богородица
По Іусусу Христу сильно плакала,
По своемъ сыну по возлюбленномъ;
Роняла слезы пречистыя
На матушку на сыру землю;
Отъ тѣхъ отъ слезъ отъ пречистыихъ
Зарождалася плакунъ-трава:
Потому плакунъ-трава травамъ мати.
Океанъ-море всѣмъ морямъ мати.
Почему океанъ всѣмъ морямъ мати?
Посреди моря океанскаго
Восходила церковь соборная,
Соборная, богомольная,
Святаго Климента, попа Римскаго:
Изъ той церкви изъ соборныя,
Соборныя, богомольныя,
Выходила Царица небесная;
Изъ океанъ-моря омывалася,
На соборъ-церковь она Богу молилася:
Отъ того океанъ всѣмъ морямъ мати.
Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати.
Почему же китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати?
На трехъ рыбахъ земля основана.
Какъ китъ-рыба потронется,
Вся земля всколеблется:
Потому китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати.
Основана земля Святымъ Духомъ,
А содержана Словомъ Божіимъ.
Стратимъ-птица всѣмъ птицамъ мати.
Почему она всѣмъ птицамъ мати?
Живетъ Стратимъ-птица на океанъ морѣ,
И дѣтей производитъ на океанъ морѣ.
По Божьему все повеленію,
Стратимъ птица вострепенется,
Океанъ-море всколыхнется;
Топитъ оно корабли гостиные
Со товарами драгоцѣнными:
Потому Стратимъ-птица всѣмъ птицамъ мати.
У насъ Индрикъ-звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.
Почему Индрикъ-звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?
Ходитъ онъ по-подземелью,
Пропущаетъ рѣки, кладези студеные;
Живетъ онъ во святой горѣ,
Пьетъ и ѣстъ во святой горѣ.
Куды хочетъ идетъ по подземелью,
Какъ солнышко по-поднебесью:
Потому же у насъ Индрикъ-звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.

Возговорилъ Володиміръ-князь,
Володиміръ-князь Володиміровичъ:
— «Ой ты гой еси, премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ!
Мнѣ ночесь, сударь, мало спалось,
Мнѣ во снѣ много видѣлось:
Кабы съ той страны со восточныя,
А съ другой страны со полуденной,
Кабы два звѣря собиралися,
Кабы два лютые собѣгалися,
Промежду собой дрались-бились,
Одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ».
Возговоритъ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Евсеевичъ:
— «То не два звѣря собиралися,
Не два лютые собѣгалися:
Это Кривда съ Правдой сходилися.
Промежду собой бились-дрались.
Кривда Правду одолѣть хочетъ;
Правду Кривда переспорила;
Правда пошла на небеса,
Къ самому Христу, Царю небесному;
А Кривда пошла у насъ по всей землѣ,
По всей землѣ по свято-Русской,
По всему народу христіанскому.
Кто будетъ Кривдой жить,
Тотъ отчаянный отъ Господа,
А кто будетъ Правдой жить,
Тотъ причаянный ко Господу;
Та душа и наслѣдуетъ
Себѣ царствіе небесное.
Старымъ людямъ на послушанье,
А молодымъ людямъ для памяти.
Славу поемъ Давыду Евсеевичу,
Во вѣки его слава не минуется.

Стихъ о Егоріи Храбромъ.

Во градѣ было въ Іерусалимѣ.
При царѣ было при Ѳедорѣ,
Жила царица благовѣрная,
Святая Софія Премудрая.
Породила она себѣ три дочери,
Три дочери да три любимыя,
Четвертаго сына Егорія,
Егорія, свѣта, храбраго:
По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По-локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорья вся жемчужная,
По всемъ Егоріѣ часты звѣзды.

(Далѣе слѣдуетъ описаніе того, какъ на Іерусалимъ городъ наслалъ Господь напасть: пришелъ «царище Демьянище, безбожный песъ бусурманище,» все спалилъ огнемъ, всѣхъ перебилъ или заполонилъ, а Егорья Храбраго увезъ въ свою землю. Тамъ сталъ онъ требовать, чтобы Егорій перешелъ въ его бусурманскую вѣру. Егорій отказывается на отрѣзъ. Тогда «царище Демьянище» подвергаетъ его различнымъ жестокимъ мукамъ; и несмотря на все это, Егорій стается вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. Тогда царь приказываетъ замуровать его въ глубокій поогребъ, засыпать песками рудожелтыми).

Засыпалъ онъ и притаптывалъ,
А притаптывалъ приговаривалъ:
Не бывать Егорью на святой Руси,
Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
Не видать Егорью солнца краснаго,
Не видать Егорью отца съ матерью,
Не слыхать Егорью звона колокольнаго,
Не слыхать Егорью пѣнія церковнаго!»
И сидѣлъ Егорій тридцать лѣтъ.
А какъ тридцать лѣтъ исполнилось,
Св. Егорію во снѣ видѣлось:
Да явилося солнце красное,
Еще явилася Мать Пресвятая Богородица,
Святу Егорью, свѣтъ, глаголуетъ:
—«Ой, ты еси, святый Егорій, свѣтъ Храбрый!
Ты за это-ли претерпѣніе,
Ты наслѣдуешь себѣ царство небесное!—
По Божьему повелѣнію,
По Егорія Храбраго моленію,
Отъ свята града Ерусалима
Подымалися вѣтры буйные:
Разносило пески рудожелтые,
Поломало гвозди полуженые,
Разметало доски желѣзныя, —
Выходилъ Егорій на святую Русь;
Завидѣлъ Егорій свѣту бѣлаго,
Услышалъ звону колокольнаго,
Обогрѣло его солнце красное.
И пошелъ Егорій по святой Руси,
По святой Руси, по сырой землѣ,
Ко тому граду Ерусалиму,
Гдѣ его родима матушка
На святой молитвѣ Богу молится,
Приходилъ Егорій въ Ерусалимъ городъ.
Ерусалимъ городъ пустъ пустёхонекъ:
Вырубили его и выжегли,
Нѣтъ ни стараго, нѣтъ ни малаго.
Стоитъ одна церковь соборная,
Церковь соборная, богомольная,
И во церкви во соборныей,
Во соборныей, богомольныей,
Стоитъ его матушка родимая,
Св. Софія Премудрая,
На молитвахъ стоитъ на Іисусовыхъ:
Она Богу молитъ объ своемъ сыну,
Объ своемъ сыну, объ Егоріи.

(Егорій разсказываетъ матери, гдѣ онъ былъ и что претерпѣлъ, и проситъ у нея благословенія, чтобы отправиться «по всей земли свѣтло-русской, утвердить вѣру християнскую». Мать совѣтуетъ ему взять коня богатырскаго, съ двѣнадцати цѣпей желѣзныхъ, со збруею боготырскою, съ вострымъ копьемъ булатнымъ и съ книгою Евангельемъ).

Тутъ Егорій, свѣтъ, поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе:
Лѣса съ лѣсами совивалися,
Вѣтья по землѣ растилалися;
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Святый Егорій глаголуетъ:
«Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
Встаньте и размантитеся,
Расшатнитеся, раскачнитеся:
Порублю изъ васъ церкви соборныя,
Соборныя да богомольныя,
Въ васъ будетъ служба Господняя.
Разроститесь вы, лѣса,
По всей землѣ свѣтло-Русской,
По крутымъ горамъ по высокіимъ».
По Божьему все повелѣнію,
По Егорьеву все моленію,
Разрослись лѣса по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-Русской,
По крутымъ горамъ по высокіимъ.
Еще Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на рѣки быстрыя,
На быстрыя, на текучія:
Нельзя Егорью проѣхати,
Нельзя святому подумати.
«Ой вы еси, рѣки быстрыя,
«Рѣки быстрыя и текучія!
«Протеките вы, рѣки, по всей земли,
«По всей земли свято-Русскіей,
«По крутымъ горамъ, по высокіимъ,
«По темнымъ лѣсамъ, по дремучіимъ:
По Божьему повелѣнію,

По Егорьеву моленію,
Протекли рѣки, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.
Св. Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую побѣждаючи,
Наѣзжалъ на горы на толкучія:
Гора съ горой столкнулися,
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Егорій св. проглаголывалъ:
«Вы горы, горы толкучія!
Станьте вы, горы, по старому:
Поставлю на васъ церковь соборную,
Въ васъ будетъ служба Господняя».
Св. Егорій поѣзжаючи, и т. д.
Наѣзжалъ на стадо на звѣрное,
На сѣрыхъ волковъ на рыскучіихъ;
И пасутъ стадо три пастыря
Три пастыря да три дѣвицы,
Егорьевы родныя сестрицы.
На нихъ тѣло яко еловая кора,
Власъ на нихъ какъ ковыль трава.
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати,
Егорій св. проглаголывалъ:
«Вы волки, волки рыскучіе!
Разойдитеся, разбредитеся,
По-два, по-три, по единому,
По глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ;
А ходите вы повременно,
Пейте, ѣшьте вы повѣленное,
Отъ свята Егорья благословенія!»
По Божьему повелѣнію и т. д.
Еще же Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую побѣждаючи,
Наѣзжалъ Егорій на стадо на змѣиное:
Ни пройтить Егорью, ни проѣхати.
Егорій св. проглагольствовалъ?
«Ой вы гой еси, змѣи огненныя!
Разсыпайтесь, змѣи, по сырой землѣ
Въ мелкіе, дробные череньицы,
Пейте и ѣшьте изъ сырой земли».
Св. Егорій поѣзжаючи, и т. п.
Пріѣзжалъ ко городу Кіеву.
На тѣхъ воротахъ на Херсонскіихъ
Сидитъ Черногаръ птица,
Держитъ въ когтяхъ осетра рыбу:
Св. Егорью не проѣхать будетъ.
Св. Егорій глаголуетъ:
«Охъ ты, Черногаръ птица!
Вознесися подъ небеса,
Полети на Океанъ-море:
Ты и пей, и ѣшь въ Океанъ-морѣ,»
По Божьему повелѣнію и т. д.
Св. Егорій поѣзжаючи и т. д.
Наѣзжалъ палаты бѣлы-каменны,
Да гдѣ же пребываетъ царище Демьянище,
Безбожный песъ бусурманище:
Увидѣлъ его царище Демьянище,
Безбожный песъ бусурманище,
Выходилъ онъ изъ палатъ бѣлокаменныхъ.
Кричитъ онъ по звѣриному,
Визжитъ онъ по змѣиному,
Хотѣлъ побѣдить Егорья Храбраго.
Св. Егорій не устрашился,
На добромъ конѣ пріуправился:
Вынимаетъ мечъ-саблю вострую,
Онъ ссѣкъ ему злодѣйскую голову
По его могучія плечи;
Подымалъ палицу богатырскую,
Разрушилъ палаты бѣлокаменныя,
Очистилъ землю бусурманскую,
Утвердилъ вѣру самому Христу,
Самому Христу, царю небесному,
Владычицѣ Богородицѣ,
Св. Троицѣ нераздѣльныя,
И беретъ онъ свои три родныхъ сестры,
Приводитъ къ Іорданъ рѣкѣ:
«Ой вы, мои три родныхъ сестры,
Вы умойтеся, окреститеся,
Ко Христову гробу приложитеся.
Набрались въ духу нечистаго,
Нечистаго, бусурманскаго;
На васъ кожа, какъ еловая кора,
На васъ власы, какъ ковыль трава.
Вы повѣруйте вѣру самому Христу,
Самому Христу, царю небесному,
Владычицѣ Богородицѣ,
Святой Троицѣ нераздѣльныя!»
Умывалися онѣ, окрещалися,
Ковыль-трава съ нихъ свалилася
И еловая кора опустилася.
Приходилъ Егорій
Къ своей матушкѣ родимой:
«Государыня моя матушка,
Премудрая Софья!
Вотъ тебѣ три дочери,
А мнѣ три родныхъ сестры!»
Егорьева много похожденія,
Велико его претерпѣніе:
Претерпѣлъ муки разноличныя,
Все за души наши многогрѣшныя.
Поемъ славу свята Егорія,
Свята Егорія, свѣтъ, Хорабраго,
Во вѣки его слава не минуется
И во вѣки вѣковъ, аминь.

XV.

ЗАРОЖДЕНІЕ НОВАГО ОБРАЗОВАНІЯ НА ЮГ-ЗАПАДѢ РУСИ ВЪ XVI В. — ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНІЕ КІЕВСКИХЪ УЧЕНЫХЪ ВЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ПРОСВѢЩЕНІЯ И ЛИТЕРАТУРЫ. — УСПѢХИ ОБРАЗОВАННОСТИ ВЪ XVII В.: ШКОЛЫ И УЧЕБНИКИ.

Въ то время, когда надъ сѣверо-востокомъ Руси еще продолжалъ тяготѣть глубокій мракъ невѣжества и всѣ условія внутренняго быта въ Москвѣ и во всемъ государствѣ Московскомъ продолжали быть крайне неблагопріятными для воспринятія и распространенія образованности; въ то время, когда лучшіе и просвѣщеннѣйшіе люди Русскіе, болѣе, чѣмъ когда-либо, начинали сознавать, что невѣжество губитъ лучшія силы народа и лежитъ въ основѣ всей нравственной, политической и экономической неурядицы, подавляющей Русь:—въ это время, на юго-западной и западной окраинѣ Россіи уже загорался тотъ свѣтъ новаго просвѣщенія, которому впослѣдствіи, хоть и не скоро, однакоже суждено было столь благодѣтельно отразиться и на отдаленномъ сѣверо-востокѣ Руси. Мы видѣли, что одинъ изъ учениковъ Максима Грека, ревностный послѣдователь его идей и страсти къ просвѣщенію, къ наукѣ — князь А. М. Курбскій, нашелъ въ современной Іоанну Грозному Литвѣ такой уровень образованности общественной, при которомъ ему не трудно было найти и средства къ занятіямъ научнымъ, и даже людей, которые способны были его въ нихъ руководить, способны были оцѣнивать труды его — поощрять его къ развитію и продолженію избранной имъ полезной дѣятельности. Рядомъ съ Курбскимъ видимъ мы въ той же мѣстности другого сильнаго и ревностного покровителя просвѣщенія, также русскаго вельможу—князя Константина Острожскаго, у котораго находятъ себѣ пріютъ первые наши печатники, вынужденные клеветою и невѣжествомъ къ бѣгству изъ Москвы. Около этихъ двоихъ замѣчательныхъ любителей и ревнителей просвѣщенія—около князей Курбскаго и Острожскаго — видимъ цѣлый рядъ другихъ менѣе крупныхъ, но не менѣе просвѣщенныхъ дѣятелей, русскихъ сердцемъ и душою, горячо преданныхъ идеѣ о необходимости распространенія просвѣщенія въ массѣ соплеменнаго имъ русскаго населенія Литвы и Польши. Всѣ эти менѣе крупные дѣятели, точно также, какъ и стоявшіе во главѣ ихъ вельможи, были представителями весьма сильнаго общественнаго движенія, которое проявилось на западной окраинѣ Руси гораздо ранѣе временъ Курбскаго и князя Константина Острожскаго: — начало этого движенія, развившагося подъ вліяніемъ польскаго владычества и нѣкоторыхъ особыхъ мѣстныхъ условій, слѣдуетъ искать еще въ XV вѣкѣ. Притомъ же, если бы движеніе это, выражавшееся стремленіемъ къ распространенію образованія въ народѣ, исходило бы только съ верху, находило бы себѣ выразителей и дѣятелей только въ средѣ мѣстнаго и высшаго сословія русскихъ вельможъ, то едва ли бы можно было ожидать отъ него особенной живучести и замѣчательныхъ результатовъ въ будущемъ. Русскіе представители высшаго сословія въ Западномъ краѣ, подъ вліяніемъ окружавшей ихъ польской среды и іезуитизма, очень быстро утрачивали всякую сомостоятельность, ополячивались и, отступая отъ вѣры отцовъ своихъ, отрекаясь отъ всѣхъ преданій родной старины, оставляли въ то же время и всякія заботы о народномъ дѣлѣ, становились вполнѣ безучастны и къ матерьяльнымъ, и къ духовно-нравственнымъ нуждамъ своихъ соотечественниковъ въ Литвѣ и Польшѣ. Существенно-важною стороною вышепомянутаго нами общественнаго движенія, начавшагося на западной окраинѣ Руси еще въ XV вѣкѣ, является именно то, что движеніе это было вполнѣ народнымъ, исходило изъ потребностей массы, поддерживалось ея сознаніемъ и средствами, и только уже въ крайнемъ своемъ развитіи находило себѣ сочувственный отголосокъ и поддержку въ высшихъ слояхъ населенія русскихъ областей Литвы и Польши. Въ основѣ этого народнаго движенія лежали, несомнѣнно, два могущественныя стремленія, развившіяся подъ гнетомъ чуждаго владычества и постоянно усиливавшейся католиче-

своей пропаганды: — стремленіе къ охраненію своей національности и стремленіе къ охраненію православія. И то, и другое, въ XV вѣкѣ, сказывалось еще очень глухо, и выражалось только тѣмъ, что въ русскомъ населеніи западной окраины проявилось желаніе сплотиться въ тѣсные кружки, въ небольшіе центры, которые бы могли служить точкою опоры нравственной, могли бы способствовать поддержкѣ извѣстныхъ началъ въ средѣ населенія, которое начинало сознавать свою одинокость и безпомощность среди чуждыхъ ему началъ общественнаго и религіознаго быта Литвы и Польши. Пока эти небольшіе кружки—эти православныя братства, въ которыя сплотилось русское населеніе западной окраины около естественныхъ центровъ своихъ, приходскихъ церквей — руководились въ сближеніи своемъ только сознаніемъ своего одиночества и отдѣльности, самая дѣятельность ихъ являлась весьма ограниченною, почти исключительно филантропическою: дѣла любви и милосердія, взаимная помощь, которую обязывались подавать другъ другу члены отдѣльныхъ братствъ—вотъ что составляло, повидимому, главную сущность ихъ дѣйствій, главную основу ихъ единенія. Такого рода православныя братства видимъ мы съ первой половины XV в. во Львовѣ, Вильнѣ, а затѣмъ въ Кіевѣ, Могилевѣ, Луцкѣ и Брестѣ. Но по мѣрѣ того, какъ преобладаніе іезуитизма начинаетъ проявляться въ развитіи нетерпимости католиковъ по отношенію къ православнымъ, по мѣрѣ того, какъ православное населеніе начинаетъ переходить отъ пассивнаго сознанія своей отдѣльности къ дѣятельному сознанію необходимости отстаивать и защищать свою религіозную и національную независимость отъ покушеній католичества — мы видимъ, что не только кругъ дѣятельности братствъ расширяется, но даже значительно измѣняются самыя цѣли и стремленія этихъ братствъ. Послѣ того, какъ они съ внѣшней, формальной стороны получили окончательное устройство, въ концѣ XVI в. (въ 1588 г.), и въ особенности тогда, какъ въ 1596 году торжественно была провозглашена Унія, а за этимъ провозглашеніемъ послѣдовалъ нескончаемый рядъ соблазновъ, насилій и бѣдствій для православной части населенія западной окраины Руси — братства совершенно измѣняютъ свой видъ и пріобрѣтаютъ важное значеніе. Эти филантропическіе кружки, между прочими дѣлами «любви и милосердія», обращавшіе вниманіе и на распространеніе грамотности въ массѣ народа, начинаютъ, съ конца XVI столѣтія, обращать вниманіе на возвышеніе уровня грамотности въ народѣ до весьма значительной степени; съ этой поры братства почти исключительно посвящаютъ всѣ нравственныя и матерьяльныя средства свои на распространеніе образованности между своими единовѣрцами, такъ какъ только въ образованности начинаютъ они видѣть спасеніе для своей вѣры и народности отъ козней іезуитизма. Приходскія школы, въ которыхъ православные обучались прежде только чтенію и письму, оказываются уже недостаточными; съ конца XVI вѣка, въ кругъ преподаванія въ тѣхъ школахъ вводится разомъ множество предметовъ, которые признаются, подъ вліяніемъ мѣстныхъ историческихъ условій, необходимыми элементами образованности: — въ школахъ начинаютъ обучать языку греческому, славянскому, русскому, латинскому и польскому, грамматикѣ, риторикѣ, піитикѣ, діалектикѣ, богословію и многимъ другимъ наукамъ. Первое изъ этихъ новыхъ, высшихъ православныхъ училищъ заводитъ у себя въ Острогѣ князь Константинъ Острожскій (въ 1580 г.), и вскорѣ послѣ того, такія же точно училища являются почти одновременно во Львовѣ, Вильнѣ, Брестѣ, Минскѣ, Могилевѣ и Кіевѣ. Замѣтно, что одна общая идея, подъ давленіемъ безотлагательныхъ, тягостныхъ условій исторической необходимости, охватила разомъ всѣ, подвластныя Литвѣ и Польшѣ, западно-русскія области, и потому всюду, гдѣ были братства, явились и высшія образовательныя заведенія. Но этого мало: — движеніе, вызванное въ массѣ религіозными преслѣдованьями, было на столько сильно, что не могло уже остановиться только на мѣрахъ оборонительныхъ, на распространеніи образованности, какъ средства противостоять успѣхамъ іезуитства. Быстро принявшееся на доброй почвѣ образованіе повело къ дальнѣйшему развитію того же самаго движенія, и проявилось вскорѣ въ желаніи бороться, полемизировать съ враждебными православію и народности элементами. Это желаніе побудило многія братства къ заведенію своихъ собственныхъ типографій, и въ то время, когда

безсмертное изобрѣтенье Гуттенберга еще возбуждало самые кривые толки и даже суевѣрныя сомнѣнія въ главномъ центрѣ русской жизни политической — въ Москвѣ — типографскій станокъ уже приносилъ величайшую пользу русскому населенію на западной, польско-литовской окраинѣ, служа поддержкою наиболѣе жизненныхъ элементовъ въ средѣ угнетаемыхъ Польшею русскихъ подданныхъ—поддержкою религіи и народности.

Вслѣдствіе чисто - случайныхъ обстоятельствъ и частныхъ усилій одного изъ ревностнѣйшихъ дѣятелей на пользу распространенія просвѣщенія въ юго-западной Руси, древнѣйшему центру русской образованности, Кіеву, еще разъ пришлось играть весьма важную роль въ исторіи просвѣщенія Россіи. Кіевское братство, около 1589 года, учредило, при церкви Богоявленія, одно изъ тѣхъ высшихъ образовательныхъ училищъ, о которыхъ мы упоминали выше. Училище это, съ 1594 года, получаетъ наименованіе школы *«эллино-славянскаго и латино-польскаго письма.»*

Школѣ этой, по всѣмъ вѣроятіямъ, предстояла бы весьма незавидная будущность, если бы судьба не послала ей весьма-замѣчательнаго и образованнаго покровителя въ лицѣ *Петра Могилы* (р. 1597 г., ум. 1646 г.), сына молдавскаго воеводы, который въ 1625 г. поступилъ въ монахи Кіево-Печерской Лавры. До своего поступленія въ монахи, Петръ Могила, не смотря на свою молодость, успѣлъ уже многое испытать и видѣть. Обладая обширными средствами матерьяльными, онъ воспитался за-границею и получилъ, въ Парижѣ, блестящее по тому времени образованіе. Затѣмъ онъ поселился въ Польшѣ, служилъ даже въ военной службѣ и проникнувшись особеннымъ сочувствіемъ къ бѣдствіямъ своихъ единовѣрцевъ, онъ рѣшился посвятить и богатство свое, и дѣятельность всей своей жизни на распространеніе между ними образованности, въ которой видѣлъ единственный путь къ спасенію ихъ, наравнѣ съ просвѣщеннѣйшими изъ числа современниковъ своихъ. Съ 1628 года, когда Петръ Могила сдѣланъ былъ архимандритомъ Лавры, наступаетъ новая и важная эпоха въ исторіи образованія Русскаго. Петръ Могила начинаетъ съ того, что отправляетъ на свой счетъ за-границу нѣсколько иноковъ и мірянъ для окончанія образованія и приготовленія къ преподавательской дѣятельности; затѣмъ, по возвращеніи этихъ молодыхъ людей изъ-заграницы, Петръ Могила приступаетъ къ устроенію въ Кіевѣ такой же точно коллегіи, какія уже были устроены іезуитами, на подобіе заграничныхъ коллегій, въ Польшѣ. Первоначально думалъ было онъ открыть свою коллегію въ самой Кіево-Печерской Лаврѣ, этой колыбели русскаго просвѣщенія. Но братство кіевское упросило его не заводить новаго училища, не разъединять силъ общины русской, а скорѣе расширить размѣры и кругъ дѣятельности уже давно-существовавшаго въ Кіевѣ братскаго богоявленскаго училища. Петръ Могила согла-

Петръ Могила.

сился на это и съ 1631 года братское училище преобразовано было въ «Кіево-Могилянскую Коллегію.» Усердный ревнитель просвѣщенія выстроилъ на свои средства новое помѣщеніе для классовъ коллегіи, пожертвовалъ богатыя вотчины на содержаніе коллегіи и поддержку бѣднѣйшихъ учениковъ, завелъ при коллегіи библіотеку учебныхъ пособій, и, зоботясь постоянно о возвышеніи того уровня свѣдѣній, какой могла давать коллегія ученикамъ своимъ, рѣшился даже завести и другое, низшее, приготовительное къ коллегіи училище въ Винницѣ. Недовольствуясь этимъ и не переставая въ теченіе всей своей жизни заботиться о тщательномъ выполненіи своей задачи, Петръ Могила еще и всѣ досуги свои посвящалъ на составленіе учебниковъ и по-

собій для своей коллегіи, и на такія литературныя произведенія, которыя, по современнымъ педагогическимъ понятіямъ, должны были значительно способствовать развитію и совершенствованью учащейся молодежи. Но объ этихъ трудахъ П. Могилы намъ еще прійдется мимоходомъ упомянуть въ одной изъ послѣдующихъ главъ; въ настоящую же минуту мы должны представить краткій очеркъ той образованности, какую вносила къ намъ въ Русь «Кіево-Могилянская Коллегія» и всѣ подобныя ей высшія образовательныя заведенія, возникшія въ юго-западномъ краѣ съ начала XVII вѣка. Мы тѣмъ болѣе считаемъ себя обязанными обратить вниманіе на состояніе и направленіе этой новой образованности, что она не только послужила основою для образованности, распространившейся впослѣдствіи, при посредствѣ кіевскихъ ученыхъ, въ Москвѣ и остальной Руси; но и, кромѣ того, эта образованность положила на весь разсматриваемый нами въ настоящее время період русской литературы такую рѣзкую и своеобразную печать, что весь этотъ період могъ бы остаться для насъ совершенно непонятнымъ, если бы мы ближе не вникли въ характеръ современной образованности и въ тѣ побужденія, которыя ее породили.

Характеръ образованія въ каждомъ народѣ опредѣляется тѣми потребностями, которыми образованіе было вызвано къ существованію, а часто и тѣми условіями историческими, среди которыхъ оно зачалось. И то, и другое чрезвычайно рѣзко бросается намъ въ глаза при взглядѣ на ту западно-русскую образованность, главнымъ проводникомъ которой явилась Кіево-Могилянская коллегія, развившаяся изъ предшествовавшихъ ей высшихъ братческихъ училищъ. Въ основѣ этой образованности лежала потребность сравняться въ знаніи и силахъ умственныхъ съ враждебными русской вѣрѣ и народности іезуитами, стать на одинъ уровень съ ними, преимущественно въ свѣдѣніяхъ богословско-философскихъ, и добиться во что бы то ни стало возможности вступить съ ними въ полемику. И такъ, основнымъ побужденіемъ, первымъ толчкомъ къ распространенію образованности въ западно-русскихъ областяхъ послужила борьба религіозная; а тѣ историческія условія, среди которыхъ жила въ этихъ областяхъ русская народность, вынудили ее для этой борьбы взяться за то же оружіе, какимъ сражались противъ нея іезуиты. Другого, лучшаго образца не было подъ руками, да если бы онъ и былъ, то едва-ли бы рѣшились воспользоваться имъ, такъ какъ болѣе всего пригодною для противодѣйствія іезуитской пропагандѣ казалась именно такая образовательная почва, которая произвоила самое іезуитство.

Отсюда то появляется рабское стремленіе подражать въ устройствѣ коллегіи кіевской іезуитскимъ коллегіямъ польскимъ и обращать въ преподаваніи особенное вниманіе именно на тѣ стороны, которыя могли служить для успѣшнѣйшаго веденія борьбы противъ іезуитовъ и уніи. Вотъ почему важнѣйшее мѣсто въ преподаваніи языковъ давалось языку латинскому, на которомъ велось преподаваніе всѣхъ наукъ въ коллегіи (кромѣ славянской грамматики и катихизиса), который и въ средѣ учениковъ постоянно старались вводить, какъ языкъ разговорный, даже и внѣ классовъ. На томъ же основаніи, съ другой стороны, въ ряду наукъ первое мѣсто дано было богословію, которое, точно также, какъ и философія, преподавалось подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ преобладавшаго въ іезуитскихъ коллегіяхъ схоластицизма. Схоластицизмъ получилъ свое начало именно въ тотъ період среднихъ вѣковъ, когда богословскія ученія запада, при посредствѣ арабскихъ ученыхъ, впервые столкнулись съ философскими ученіями древности, въ лицѣ двухъ важнѣйшихъ представителей ихъ—Платона и Аристотеля. Тогда уже зародилось стремленіе согласовать философскія воззрѣнія и теоріи этихъ двухъ знаменитыхъ представителей греческой науки съ запутанными и темными богословскими теоріями, развившимися на Западѣ подъ вліяніемъ полнаго преобладанія католичества надъ всѣми остальными элементами исторической жизни романскихъ народовъ. Философское ученіе Аристотеля было принято и даже изучаемо богословами западными, но такъ какъ они почитали христіанскую догматику выше всѣхъ знаній человѣческихъ, то сначала рѣшились только примирить, согласовать до нѣкоторой степени идеи Аристотеля съ своими религіозными воззрѣніями, а впослѣдствіи даже и окончательно подчинили философію Аристотеля преобладающему вліянію своихъ воззрѣній. Слѣдствіемъ этого было то, что собственно отъ ученія Аристотелевскаго осталась только

одна мертвая внѣшняя форма, одна только рамка, въ которую богословы вкладывали матерьялъ своихъ собственныхъ умствованій и доказательствъ, пользуясь при этомъ способомъ доказательствъ, опредѣленія и раздѣленія, заимствованными у Аристотеля. Вслѣдствіе такого страннаго смѣшенія богословской догматики съ внѣшнею стороною выработанныхъ Аристотелемъ научныхъ теорій, и происходило то особое направленіе въ изученіи и преподаваніи наукъ, которое получило названіе *схоластицизма*. Подъ вліяніемъ этого направленія, планъ и форма преподаванія науки получали гораздо большее значеніе, нежели самая сущность науки; изучался не матерьялъ науки, а рядъ опредѣленныхъ формулъ, строго разграниченныхъ и подчиненныхъ извѣстнымъ распредѣленіямъ, дѣленіямъ, подраздѣленіямъ, въ тѣсной зависимости отъ которыхъ сопоставлены были и самыя доказательства научныхъ формулъ. При этомъ, конечно, общее значеніе и важнѣйшія стороны науки положительно ускользали отъ вниманія изучающаго—подъ тягостнымъ гнетомъ множества мелочей и частностей, отвлекавшихъ вниманіе и вынуждавшихъ къ заучиванью. Наставники, преподавая воспитанникамъ философію или богословіе, вовсе не заботились о томъ, чтобы они дѣйствительно знали и ясно понимали эти науки, а болѣе о томъ, чтобы они *умѣли доказывать* отдѣльныя положенія, извлекаемыя изъ этихъ наукъ, или основываемыя на ихъ частностяхъ. Въ свою очередь, это *умѣнье доказывать* старались также обратить въ особую науку и довести до извѣстной степени искусства, заранѣе приготовляя научный матерьялъ такимъ образомъ, чтобы *доказывающій* могъ извлекать изъ него самую разнообразную помощь, могъ бы пользоваться имъ какъ самымъ разностороннимъ орудіемъ, обладая умѣньемъ говорить и *за*, и *противъ* извѣстнаго положенія, и какъ бы обладая, такимъ образомъ, возможностью предвидѣть всѣ возраженія, какія могутъ быть ему сдѣланы стороною противною. Все это вмѣстѣ приводило къ сильнѣйшему развитію діалектики, которая и служила постояннымъ орудіемъ для споровъ; а съ другой стороны, въ значительной степени—и поддержкою ораторскому искусству, которое старались всѣми силами развить въ будущихъ проповѣдникахъ и духовныхъ - наставникахъ, приготовляемыхъ коллегіею къ борьбѣ съ іезунтами и уніей. Для большаго усовершенствованья учениковъ въ діалектикѣ, въ высшихъ курсахъ коллегіи, устроивались частные и публичные диспуты по поводу различныхъ спорныхъ догматическихъ вопросовъ, которые приходилось доказывать или опровергать на основаніи извѣстныхъ, предварительно высказанныхъ положеній (тезисовъ). Такимъ же точно образомъ для совершенствованья всѣхъ учениковъ въ ораторскомъ искусствѣ, ихъ заставляли, на основаніи извѣстныхъ правилъ и самыхъ точныхъ разграниченій и подраздѣленій предмета, сочинять рѣчи по поводу всевозможныхъ, самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ: плачевныя—по поводу погребеній, торжественныя и радостныя, заключавшія въ себѣ поздравленія или привѣтствія, благодарственныя, просительныя и т. д. Сами наставники, въ видахъ поощренія и совершенствованья молодыхъ людей въ ораторскомъ искусствѣ, должны были говорить проповѣди по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ; для этихъ проповѣдей, чаще всего избирали они толкованіе нѣкоторыхъ мѣстъ Ветхаго и Новаго Завѣта, или же изъясненіе труднѣйшихъ, наиболѣе темныхъ мѣстъ катихизиса.

Изъ этого краткаго обзора, мы должны прійти къ тому заключенію, что уровень образованія, доставляемаго кіевскою коллегіею, — этимъ образцомъ всѣхъ высшихъ образовательныхъ заведеній юго-западной Руси въ XVII в. — вполнѣ соотвѣтствовалъ, съ одной стороны, потребностямъ времени, а съ другой — отражалъ на себѣ историческія условія, среди которыхъ образованіе это развивалось и съ которыми, сверхъ того, предстояло вступить въ борьбу всѣмъ дѣятелямъ его. Какъ бы ни казалось намъ странно и чуждо, по нашимъ современнымъ понятіямъ, схоластическое направленіе этого образованія, какъ бы ни являлась намъ чуждой исключительная цѣль его—приготовленіе дѣятелей въ извѣстномъ и опредѣленномъ направленіи, для весьма опредѣленнаго круга дѣятельности—мы все же должны сознаться, что Кіево-Могилянская Коллегія (съ 1707 года переименованная въ Академію), а равно и тѣ высшія образовательныя училища братскія, на которыхъ она основалась, оказали русскому образованію громадныя, неоцѣненныя услуги. Плоды этого образованія, распространяемаго братскими училищами и Кіево-Могилянской Коллегіей, прежде всего прояви-

лись въ томъ, что среди населенія угнетаемаго и притѣсняемаго со стороны политической и религіозной, вдругъ выступаетъ цѣлый рядъ дѣятелей и ими создается цѣлая литература полемическихъ и богословскихъ сочиненій, служащая надежнымъ оплотомъ противъ враждебнаго польско-іезуитскаго стремленія потоптать и уничтожить русскую народность въ западномъ краѣ. Сверхъ того, изъ той же среды, вырабатываются и многіе плодовитые, краснорѣчивые и искусные ораторы духовные, которые не только на мѣстѣ примѣняютъ свои ораторскіе таланты, противоборствуя іезуитской пропагандѣ, но—послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи—проникаютъ и въ Москву. Туда удается имъ не только занести новыя идеи и свою просвѣщенную любовь и уваженіе къ наукѣ:—тамъ удается имъ окончательно вкоренить сознаніе необходимости просвѣщенія; тамъ, наконецъ, удается имъ страшнымъ оружіемъ слова побѣдить, послѣ сильной и энергической борьбы, мракъ невѣжества и предразсудки религіознаго и общественнаго строя древней Руси, выразившіеся въ притязаніяхъ раскола Не слѣдуетъ забывать, что, кромѣ этой двоякой борьбы, кіевскимъ ученымъ пришлось положить и первое основаніе нашей учебной литературѣ: первые учебники по различнымъ отраслямъ научнымъ создались на почвѣ Русскаго юго-запада въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія, и долгое время служили единственными учебными пособіями въ тѣхъ русскихъ училищахъ, которыя наконецъ начинаютъ появляться на Руси въ концѣ первой половины XVII столѣтія, и даже въ томъ высшемъ образовательномъ заведеніи, которое основывается въ Москвѣ въ концѣ XVII столѣтія.

Начиная съ конца XVI в. и на пространствѣ всего XVII столѣтія мы видимъ на юго-западѣ Руси цѣлый рядъ литературныхъ и ученыхъ дѣятелей, которые неутомимо трудятся на поприщѣ богословско-полемической литературы и непрестанно заботятся о пополненіи пробѣловъ школьно-учебной литературы. Вслѣдъ за Лаврентіемъ Зизаніемъ Трустановскимъ, издающимъ въ 1596 г. свою первую [1]) славянскую грамматику и краткій славянскій лексиконъ, вслѣдъ за полоцкимъ архіепископомъ, Мелетіемъ Смотрицкимъ, также посвящающимъ труды свои на пользу обработки грамматики славянской, [2]) на поприщеучебной, полемико-догматической и ученой литературы, одинъ за другимъ выступаютъ: Кириллъ Транквилліонъ, Исаія Копинскій, Симеонъ Полоцкій, Епифаній Славинецкій, Іоанникій Галятовскій, Антоній Радивиловскій, Иннокентій Гизіель, Лазарь Барановичъ, Іоасафъ Кроковскій, Іоаннъ Максимовичъ и Дмитрій Ростовскій. Всѣ эти дѣятели получили свое, блестящее по времени, образованіе въ югозападныхъ училищахъ и въ Кіево-Могилянской коллегіи; большая часть ихъ возвысилась впослѣдствіи до высшихъ степеней духовной іерархіи, и всѣ они, до послѣдняго, всюду вносили съ собою любовь къ просвѣщенію и наукамъ, сознаніе пользы и необходимости ученія и полезное орудіе живаго, сильнаго, энергическаго проповѣднаго слова. Нѣкоторымъ изъ числа этихъ дѣятелей, какъ напр. Епифанію Славинецкому, и въ особенности Симеону Полоцкому, принадлежитъ честь занесенія этихъ новыхъ идей въ Москву; туда кіевскіе ученые проникаютъ въ половинѣ XVII в., и тамъ, образуя около себя партію изъ просвѣщеннѣйшей части русскаго высшаго общества, тѣмъ самымъ, полагаютъ первую, прочную основу будущей благодѣтельной реформѣ Великаго Преобразователя Россіи.

При такой массѣ дѣятелей, притомъ же проявившихся разомъ на благодатной почвѣ русскаго юго-запада, было бы конечно трудно представить подробный отчетъ о ихъ плодовитой и разносторонней литературно-ученой дѣятельности; мы удовольствуемся только тѣмъ, что въ краткихъ чертахъ опредѣлимъ общій характеръ всѣхъ ихъ произведеній и укажемъ на важнѣйшія особенности отдѣльныхъ родовъ ихъ.

Вся югозападная духовная литература XVII столѣтія распадается на два преобладающія направленія: *богословско-полемическое* и *историко-догматическое*. Какъ то, такъ и другое направленіе, подъ непосредственнымъ влія-

[1]) До этого времени извѣстна только одна грамматика «Эллинно-славянская», изданная въ 1591 г. во Львовѣ, на пользу обучавшихся греческому языку, студентами тамошняго братскаго училища.

[2]) Грамматика М. Смотрицкаго, перепечатанная въ Москвѣ, 1648 году, употреблялась, какъ руководство, во всѣхъ школахъ русскихъ, до Ломоносова.

ніемъ духа-времени и мѣстныхъ условій, выразились преимущественно въ чрезвычайно-обильномъ развитіи одного литературнаго рода передъ всѣми другими, а именно *духовнаго ораторства*. Ученикъ уже на школьной скамейкѣ пріучался владѣть орудіемъ слова, для охраненія и для защиты близкихъ ему религіозныхъ интересовъ въ ученомъ, схоластическомъ диспутѣ; въ тоже время развивали въ немъ также умѣнье говорить въ назиданіе и поученіе вѣрующимъ, на основаніи Св. Писанія, истолковываемаго не только въ связи съ ученіемъ Отцевъ Церкви, но и въ связи съ жизнью практической, ежедневной. Необходимость и польза живаго, проповѣднаго слова была до такой степени ощущаема всѣми въ этотъ тягостный періодъ религіозной и нравственной борьбы, что при монастыряхъ и церквахъ оказалось даже необходимымъ установить особую должность *проповѣдника*, который исключительно посвящаетъ себя устному истолкованію въ церкви Св. Писанія, обсужденію и сравненію различныхъ спорныхъ пунктовъ католической и христіанской догматики, а также и назиданію паствы. Во второй половинѣ XVII столѣтія званіе это дѣлается почетнымъ титуломъ, предметомъ гордости и соисканія для талантливѣйшихъ изъ числа молодежи, оканчивающей курсъ въ Кіевской коллегіи; и не мудрено:—города и монастыри съ одинаковымъ рвеніемъ, наперерывъ отбиваютъ другъ у друга тѣхъ проповѣдниковъ, которые уже начинаютъ пользоваться нѣкоторою почетною извѣстностью. Эта извѣстность, пріобрѣтенная на каѳедрѣ проповѣдникомъ, вполнѣ обезпечиваетъ и дальнѣйшій его жизненный путь:—мы видимъ, что большая часть лицъ, достигающихъ въ началѣ XVIII вѣка высшихъ ступеней духовной іерархіи, начинаетъ свое поприще именно съ этой почетной должности проповѣдника.

Проповѣдь, развившаяся около этого времени на русскомъ Юго-Западѣ, неимѣетъ почти ничего общаго съ тѣми произведеніями проповѣднаго искусства, какія мы видимъ на почвѣ нашей древне-русской духовной литературы до XVI вѣка. Только одинъ изъ нашихъ писателей XII вѣка—Кириллъ Туровскій—по духу своихъ произведеній, нѣсколько подходитъ къ той формѣ развитія, какую приняла юго-западная проповѣдь русская въ XVII столѣтіи въ средѣ кіевскихъ ученыхъ. Но къ тому богатому, часто и весьма поэтическому символизму, которымъ, какъ мы видѣли, отличалась проповѣдь Кирилла Туровскаго, обильная образами и сравненіями, въ XVII вѣкѣ примѣшалось нѣсколько новыхъ элементовъ. Къ числу этихъ элементовъ конечно слѣдуетъ отнести, во первыхъ, риторическую правильность и симметрію, съ какой проповѣдникъ старался расположить всѣ части своего произведенія; во вторыхъ — стремленіе неограничиваться только кругомъ чисто-религіозныхъ положеній и доказательствъ, на основаніи котораго проповѣдникъ и позволялъ себѣ почерпать истолкованія истинъ религіозныхъ и догматическихъ изъ всѣхъ отраслей наукъ, изъ всѣхъ явленій природы, даже изъ явленій и примѣровъ, представляемыхъ частною жизнью, на сколько она отражалась въ нѣкоторыхъ нравоучительныхъ литературныхъ произведеніяхъ. Одинъ изъ наиболѣе искусныхъ современныхъ ораторовъ, Іоанникій Галятовскій, въ своемъ наставленіи проповѣдникамъ относительно того, откуда слѣдуетъ заимствовать матерьялъ для проповѣди, говоритъ: «читай библію, житія святыхъ, творенія Отцевъ Церкви, исторію и хроники, книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, древахъ, травахъ, каменьяхъ, водахъ. Вычитанное прилагай къ своей рѣчи; искусству приложенія научатъ проповѣдники нынѣшняго вѣка, которыхъ слѣдуетъ изучать». Самъ онъ не пренебрегаетъ цитатами даже изъ свѣтскихъ писателей и въ одну изъ своихъ проповѣдей, при разсужденіи о темной силѣ волшебства, заноситъ даже изъ Тассова «Освобожденнаго Іерусалима» разсказъ о волшебникѣ Исменѣ. Другой современный проповѣдникъ, Иннокентій Гизіель (архимандритъ кіево-печерскій ок. 1684), также указывая духовнымъ ораторамъ на свѣтскую литературу, какъ на матерьялъ для проповѣдей, говоритъ между прочимъ: «не только въ иновѣрныхъ, но въ эллинскихъ (т. е. языческихъ) ученіяхъ есть повѣсти, служащія разуму, истинныя и здравыя.»

Главнымъ недостаткомъ современной проповѣди является запутанность ея изложенія, вслѣдствіе того сильнаго схоластическаго вліянія, которое, какъ мы видѣли, тяготѣло надъ всею наукой, и пріучало авторовъ въ каждомъ произведеніи придавать огромное значеніе внѣшней формѣ, часто даже въ ущербъ внутреннему содержанію. Стараясь какъ можно яснѣе изложить свою мысль, ав-

торъ или духовный ораторъ прибѣгалъ для этой цѣли къ разнымъ, чисто-внѣшнимъ средствамъ: раздѣлялъ и подраздѣлялъ матерьялъ своего произведенія на множество мелкихъ частей, вдавался въ частности, въ натянутыя сравненія, причемъ старался часто отыскать сходственныя стороны между предметами совершенно чуждыми, неподлежащими никакому сравненію. Такъ напр. это стремленіе къ наглядности и ясности въ изложеніи побуждаетъ одного изъ современныхъ писателей, при толкованія «о сотвореніи міра» выписывать «вѣдомости ради» вовсе неидущія къ дѣлу свѣдѣнья изъ астрологіи и физики о кругахъ небесныхъ, кометахъ, планетахъ и зодіакахъ, звѣздахъ, солнечныхъ затмѣніяхъ и т. д. Такимъ же точно образомъ стремленіе къ подраздѣленію и классификаціи матерьяла часто доводитъ автора до смѣшныхъ крайностей: одинъ изъ современныхъ ораторовъ подраздѣляетъ, напримѣръ, грѣхи по сословіямъ, ремесламъ и промысламъ, доказывая, что у каждаго изъ принадлежащихъ къ этимъ классамъ людей есть свои частные виды грѣховъ, тѣсно связанныхъ съ ихъ образомъ жизни и занятіями.

Многіе изъ авторовъ, сверхъ того, старались раздѣлять свои произведенія чисто-формальнымъ образомъ, въ связи съ какимъ нибудь обстоятельствомъ жизни Спасителя или другимъ событіемъ св. писанія. Такъ напр. митрополитъ кіевскій Исаія Копинскій (ум. 1634) раздѣлилъ свою книгу, *«Лѣствица духовная»* на 33 главы, по числу лѣтъ земной жизни Спасителя, и это раздѣленіе не состоитъ, собственно говоря, ни въ какой внутренней связи съ содержаніемъ излагаемаго имъ. Совершенно-схоластическое преобладаніе внѣшней формы надъ содержаніемъ книги выражается даже и въ наружномъ видѣ большей части книгъ, печатаемыхъ около этого времени на юго-западѣ Руси. Во главѣ книги, на первомъ заглавномъ листкѣ ея, обыкновенно является гравюра, изображающая символически все содержаніе книги въ видѣ мудренаго рисунка, въ смыслъ и значеніе котораго очень бываетъ трудно вникнуть человѣку, незнакомому съ тонкостями современнаго схоластицизма и символики. Авторы вѣроятно чувствовали это, и потому старались снабжать такія заглавныя гравюры объяснительными подписями и стихотворными или прозаическими истолкованіями, напечатанными тотчасъ вслѣдъ за гравюрой. Такимъ же точно образомъ, при общераспространенномъ пристрастіи къ символизму и его хитросидѣтеніямъ, авторы обыкновенно старались въ стихахъ истолковать и мудреныя заглавія своихъ произведеній. Такъ, напримѣръ, Антоній Радивиловскій, издавшій въ свѣтъ два сборника своихъ произведеній, одинъ подъ названіемъ «Огородокъ (т. е. садъ) Маріи Богородицы», другой, подъ заглавіемъ «Вѣнецъ Христовъ», такъ изъяснилъ каждое изъ этихъ заглавій въ началѣ обѣихъ книгъ. Въ началѣ «Огородка» онъ говоритъ: «сей начатокъ труда смиренно приноситъ тебѣ въ жертву прахъ, пепелъ, недостойный рабъ и насадитель огородка... Молю, да за этотъ насажденный тебѣ огородокъ, Ты введешь меня, на второмъ пришествіи Сына Твоего, въ небесный огородокъ вмѣстѣ со святыми«. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ онъ считаетъ необходимымъ истолковать и мудреную гравюру на заглавномъ листѣ книгѣ слѣдующимъ образомъ: «какъ Новуходоносоръ» — говоритъ онъ — «устроилъ въ Вавилонѣ висячій садъ на высокихъ каменныхъ столпахъ, такъ и Ты, о Маріе, стоишь на дарахъ Духа Святаго, будто на столпахъ». Другой сборникъ свой, извѣстный подъ названіемъ: «Вѣнецъ Христовъ, изъ проповѣдей недѣльныхъ, аки изъ цвѣтовъ рожаныхъ (т. е. розовыхъ) сплетенный» Антоній Радивиловскій старается пояснить слѣдующимъ двустишіемъ:

«Цвѣтами словесъ Царя Бога Слова
Глава да будетъ вѣнчанна Христова.

Другой современный писатель, Максимовичъ, издавшій въ алфавитномъ порядкѣ стихотворныя похвалы святымъ подъ общимъ заглавіемъ: «Алфавитъ соборный, риѳмами сложенный», также начинаетъ свою книгу съ истолкованія ея заглавія:

«Се ти черниговскія Аѳины духовну
Предлагаютъ трапезу, книгу риѳмословну,
Алфавитъ рекому и т. д...»

Вообще говоря, и во внѣшней формѣ, какъ и во внутреннемъ содержаніи современной литературы много видимъ мы сторонъ совершенно-новыхъ, неимѣющихъ ничего общаго съ предшествующимъ періодомъ литературы древне-русской, развивавшейся на сѣверо-

востокѣ. Вліяніе Польши, послужившей нашему Юго-Западу образцомъ образованности, замѣтно и во всей литературѣ нашего Юго-Запада. Нетолько языкъ этой литературы является сильно-испорченнымъ подъ вліяніемъ болѣе богатаго въ литературномъ отношеніи языка польскаго, но въ самое непродолжительное время образуется даже цѣлый новый отдѣлъ литературы—поэтическій, стихотворный, въ которомъ при помощи совершенно-новаго на русской почвѣ стиха силлабическаго [1]), заимствованнаго также отъ Поляковъ, является возможность вдохновеннымъ проповѣдникамъ переходить отъ проповѣди къ чисто-лирическимъ восхваленіямъ Божества, его чудесъ, его благости и т. д. Но объ этомъ мы еще будемъ говорить далѣе подробно, при разборѣ другихъ новыхъ литературныхъ родовъ, занесенныхъ на нашу почву съ польскаго Запада.

Въ заключеніе же этой главы намъ прійдется еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ и чѣмъ проявилось практическое, утилитарное направленіе кіевской ученой литературы и образованности, о которомъ мы упоминали выше, и которому не даромъ придавали важное значеніе. Дѣйствительно, занимаясь полемико-догматической литературой и тратя столько силъ и энергіи на созданіе громадной массы религіозно-ораторскихъ произведеній, юго-западное духовенство не заботилось только о своихъ временныхъ и преходящихъ интересахъ:—оно дальновидно и зорко стремилось къ тому, чтобы приготовить оружіе разума и слова для будущихъ поколѣній, и, создавало весьма обширную литературу учебниковъ и справочныхъ книгъ, которая должна была на будущее время явиться прочною основою для элементарнаго образованія.

Выше мы уже упоминали о грамматикахъ Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго, явившихся первыми русскими грамматическими учебниками въ школахъ; послѣдняя изъ нихъ продержалась у насъ на Руси даже до появленія грамматики Ломоносова (въ половинѣ XVIII в.), который многое изъ нея заимствовалъ. Вслѣдъ за учебниками грамматическими являются *катихизисы*, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе уже помянутый нами *краткій катихизисъ* П. Могилы, и другой, почти одновременно съ нимъ составленный, катихизисъ Лаврентія Зизанія, явившійся въ свѣтъ въ 1627 году. Книга эта не лишена довольно важнаго научнаго интереса именно съ той стороны, что авторъ старается истолковывать отвлеченные предметы «простыми прилогами (т. е. примѣрами)» и вноситъ въ книгу свою, хоть и не всегда кстати, множество энциклопедическихъ свѣдѣній, какъ доказательство научныхъ истинъ. За катихизисами и грамматиками, этими насущнѣйшими пособіями всякаго школьнаго преподаванія, являются учебники богословія и богословскіе трактаты, по части отдѣльныхъ предметовъ богословскаго преподаванія. Сначала Кириллъ Транквилліонъ, около 1618 года, выдаетъ въ свѣтъ свое «Зерцало Богословія»; затѣмъ на томъ же поприщѣ трудятся: Исаія Копинскій, митрополитъ кіевскій и Иннокентій Гизіель, архимандритъ Кіевопечерской Лавры; наконецъ, между 1693 и 1697 гг., является «учебникъ богословія» другаго кіевскаго митрополита, Іоасафа Кроковскаго, особенно замѣчательный потому, что всѣ отдѣльныя статьи его дѣлятся на двѣ части: *созерцательную* (догматическую) и *состязательную* (полемическую). Рядомъ съ этими богословскими учебниками, подъ непосредственнымъ вліяніемъ сильно развившагося ораторства духовнаго, явились и чисто-риторическіе руководства для духовныхъ ораторовъ и различные сборники, которыми думали пополнить недостатокъ матерьяла для духовнаго оратора. Мы видимъ дѣйствительно цѣлый рядъ сборниковъ, исключительно посвященныхъ чудесамъ Дѣвы Маріи и святыхъ, подъ различными заглавіями, наприм. «Небо новое съ новыми звѣздами, т. е. преблагословенная Дѣва Марія съ чудами своими (1665)»; «Скарбница потребная всему свѣту», въ которой чудеса, излагаемыя западной церковью дополнены чудесами церкви Россійской; «Руно орошенное» св. Дмитрія Ростовскаго(1680), заключающее въ себѣ всего 24 чуда, по числу часовъ дня: каждому изъ этихъ чудесъ посвящена особая глава, подраздѣленная на четыре части: 1) описаніе чуда, 2) бесѣду, 3) нравоученіе, 4) *прилогъ* т. е. разсказъ о чудѣ по восточнымъ или западнымъ источникамъ. Какъ бы результатомъ и основой всей этой усиленной ораторской

[1]) См. о силлабическомъ стихѣ далѣе, въ XVII главѣ.

дѣятельности является книга Іоанникія Галятовскаго—«Ключъ Разумѣнія» (1659), содержащая въ себѣ «казанья» (т. е. проповѣди) на праздники Господскіе и Богородичные, и вмѣстѣ съ тѣмъ «Науку албо способъ сложенія казаній». Это руководство послужило образцомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ учебниковъ риторическихъ, какіе являются у насъ въ XVIII в. Существеннѣйшею стороною ихъ оказывается именно то, что «они не только излагаютъ науку въ общихъ ея основаніяхъ, но и даютъ правила на самые частные случаи. Строго опредѣлены даже формы выраженій, изъ которыхъ не дозволялось выступать. Воспитанники обязаны были вытверживать слова и обороты, сообщающіе рѣчи красоту. Руководства снабжены были особымъ спискомъ словъ, служащихъ для похвалы или порицанія. Предлагались правила для восхваленія не только человѣка, но и области, города, рѣки, поля, зданія... Составители учебниковъ заботились при этомъ и о запасѣ матерьяловъ для пополненія рѣчи приличнымъ содержаніемъ. Матерьялы распредѣлялись по отдѣламъ: въ одномъ помѣщались историческіе грамоты, въ другомъ—изрѣченія ученыхъ, въ третьемъ—символическія изображенія, и т. д. [1]).

Въ связи съ этими руководствами, учебниками, сборниками матерьяловъ и пособіями нельзя не упомянуть о «Синопсисѣ» или краткомъ обозрѣніи русской исторіи, составленномъ Иннокентіемъ Гизіелемъ. Не смотря на множество историческихъ несообразностей и положительныхъ ошибокъ, этотъ учебникъ употреблялся во всѣхъ русскихъ школахъ до временъ Ломоносова, и какъ первый опытъ начертанія русской исторіи онъ имѣетъ для насъ то важное значеніе, что несомнѣнно былъ плодомъ сознанія своей національной отдѣльности, сознанія того, что угнетаемая Польшею и іезуитами русская народность нашего юго-запада имѣетъ свое достославное прошлое и всѣ права на лучшее будущее.

XVI.

НЕВѢЖЕСТВО И СПРАВЩИКИ. — ПЕРВЫЯ ШКОЛЫ ВЪ МОСКВѢ. — КОТОШИХИНЪ И КРИЖАНИЧЪ. — НИКОНЪ. — ЮГО-ЗАПАДНЫЕ УЧЕНЫЕ ВЪ МОСКВѢ. — МОСКОВСКАЯ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКАЯ АКАДЕМІЯ.

Въ половинѣ XVI вѣка, въ то самое время, какъ на западѣ и юго-западѣ Руси тягостныя условія историческія пробудили отъ сна и вызвали къ жизни силы народнаго духа, направивъ ихъ къ одной общей цѣли—образованію, Московское государство только еще заканчивало счеты со своимъ прошлымъ, и далеко еще было отъ того сознанія, что и ему бы пора было озаботиться прежде всего о внесеніи образованія въ обширные предѣлы Руси. Московской Руси не представлялось тѣхъ удобствъ къ распространенію просвѣщенія у себя дома, какія были подъ рукою у русскаго населенія на литовской Украйнѣ или на польскомъ юго-западѣ; да къ тому же, при историческихъ условіяхъ быта, среди которыхъ сложилась жизнь общественная въ Московской Руси, самая потребность въ образованіи не могла проявиться такъ живо и дѣятельно, какъ проявилась она среди угнетеннаго и всячески утѣсняемаго русскаго населенія Литвы и Польши. Полнѣйшая централизація власти, жизни и благосостоянія народнаго въ Москвѣ, сильнѣйшее преобладаніе высшаго сословія боярскаго, хотя на время и ослабленнаго Грознымъ, но получившаго впослѣдствіи еще большее значеніе—все это приводило къ тому необходимому слѣдствію, что всякое благо или зло могло исходить только сверху, отъ высшихъ слоевъ къ нисшимъ, отъ царя и вельможъ и высшихъ представителей духовенства; всякій шагъ впередъ на пути нравственнаго и умственнаго развитія могъ быть сдѣланъ только Москвою и изъ Москвы.

Правда, уже въ половинѣ XVI вѣка, рядомъ съ памятниками, указывающими на сознательное довольство современными условіями быта, рисующими на основаніи ихъ идеалъ семьянина и гражданина, мы замѣчаемъ нѣкоторое недовольство въ обществѣ, слышимъ изъ устъ самого царя на Стоглавомъ соборѣ порицаніе «общественныхъ неустройствъ, неурядицъ, глубокаго невѣжества, среди котораго коснѣетъ и общество, и духовенство»;

[1]) Галахова, Ист. Р. Сл. древней и новой; ч. I, стр. 183.

но, не смотря на все это, въ большинствѣ лучшихъ людей Московскаго государства еще живетъ, ростетъ и крѣпнетъ то высокое мнѣніе о самихъ себѣ и то полнѣйшее презрѣніе къ другимъ народамъ, которому нашъ историкъ такъ удачно далъ названіе *китаизма*[1]). Преувеличенное и возведенное до нелѣпости уваженіе къ старинѣ, къ преданію, суевѣрный ужасъ передъ всякою новизною, передъ всякимъ даже и существенно необходимымъ отступленіемъ отъ обычая предковъ, страшнымъ гнетомъ тяготѣли надъ духовною и умственною жизнью русскаго народа, поставленнаго въ исключительно-одинокое, замкнутое положеніе. Это направленіе, подъ вліяніемъ крайней неграмотности и невѣжества, особенно преобладало по отношенію къ предметамъ религіознымъ и къ церковному богослуженію. Сила невѣжества и этой ложной привязанности къ старинѣ, на которую указывали, совершенно безсознательно, какъ на идеалъ для дѣйствительности, были на столько велики даже и въ духовенствѣ, а понятія объ настоящей образованности, которая могла соотвѣтствовать современнымъ потребностямъ, на столько ограниченны, что даже и введеніе книгопечатанія не могло измѣнить у насъ жалкаго положенія нашей письменности. Книги священныя и богослужебныя печатались почти также неисправно и дурно, какъ, прежде введенія книгопечатанія, переписывались писцами, и весьма нелегко было найти *справщика* для типографіи настолько грамотнаго, чтобы онъ могъ предупредить появленіе въ текстѣ даже и самыхъ грубыхъ опечатокъ и описокъ, умышленныхъ или неумышленныхъ.

Инокъ Арсеній Глухой, занимавшійся при патріархѣ Филаретѣ исправленіемъ печатаемыхъ книгъ, прямо свидѣтельствуетъ, что справщиками бывали, въ большинствѣ случаевъ, люди, не имѣвшіе понятія «ни о православіи, ни о кривославіи,» едва умѣвшіе грамотѣ, часто даже не понимавшіе различія между гласными и согласными буквами, и конечно уже вовсе не имѣвшіе понятія о значеніи частей рѣчи и другихъ «грамматическихъ хитростяхъ».

Преданія, завѣщанныя Максимомъ Грекомъ и развитыми имъ немногими представителями русской образованности XVI столѣтія, вымирали на глазахъ у всѣхъ и удостоивались только презрѣннаго названія ереси отъ слѣпыхъ приверженцевъ старины и обязательнаго невѣжества; и вмѣстѣ съ этимъ, стѣна китаизма, которою Московское государство старалось отдѣлить себя отъ всего остальнаго міра, росла и крѣпла около Москвы.....

Много тяжкихъ испытаній и горькихъ бѣдствій должна было пережить въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія Московская Русь для того, чтобы въ обществѣ, подъ сильнымъ гнетомъ матерьяльной и духовной нищеты, недовольство современнымъ общественнымъ устройствомъ могло сказаться яснѣе и громче. Нельзя не обратить вниманія на тотъ печальный фактъ, что русскіе люди, посланные Борисомъ Годуновымъ за границу для науки, предпочли остаться тамъ и не возвратились въ отечество. Въ особенности же послѣ окончанія Смутнаго времени, въ самомъ началѣ XVII вѣка, Московскому государству, волей-неволей, пришлось убѣдиться въ своей слабости, въ недостаточности своихъ силъ даже и для обороны границъ своихъ. Бѣдствія войны и внутренней неурядицы, часто вынуждавшія прибѣгать къ помощи иноземныхъ государствъ, въ теченіе тягостнаго періода, наступившаго вслѣдъ за смертью Годунова—все это значительно поколебало издавна укоренившуюся въ Москвѣ увѣренность въ своемъ матерьяльномъ могуществѣ и значеніи. «Допущеніе все большаго и большаго количества иностранцевъ внутрь государства, явно высказываемая потребность въ нихъ, явно высказываемое признаніе превосходства ихъ въ наукѣ, необходимость учиться у нихъ, предвѣщали скорый переворотъ въ жизни русскаго общества, скорое сближеніе съ Западной Европой. При царѣ Михаилѣ вызывали изъ заграницы неоднихъ рабочихъ людей, не однихъ мастеровъ и заводчиковъ,—понадобились и люди ученые.... Съ одной стороны въ наукѣ нуждалось государство для удовлетворенія самымъ необходимымъ потребностямъ, для охраненія цѣлости и самостоятельности своей отъ иностранцевъ, болѣе искусныхъ и потому болѣе сильныхъ; съ другой стороны нуждалась въ наукѣ церковь для охраненія чистоты своего ученія»[2]), И вотъ, патріархъ Филаретъ заводитъ въ 1633 году первое высшее училище при Чудовомъ монастырѣ, которое и получаетъ названіе *Чу-*

[1]) Соловьевъ, XIII, 196. [2]) Тамъ же; IX, 457.

доеской или *греко-латинской школы*. Завѣдыванie школой поручается, уже извѣстному намъ ученому иноку, Арсенію Глукому. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, по государеву указу, переводится съ латинскаго языка «полная космографія» Иваномъ Дорномъ и Богданомъ Лыковымъ (1637 г.); затѣмъ въ 1639 году выдается отъ государя опасная грамота для пріѣзда въ Москву извѣстному ученому Гольштинцу, Адаму Олеарію. «Вѣдомо намъ учинилось»,—говоритъ царь въ той грамотѣ—«что ты гораздо наученъ и навыченъ астрономію, и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію, и инымъ многимъ подобнымъ мастерствамъ и мудростямъ, а намъ, великому Государю, таковъ мастеръ годенъ». Рядомъ съ этимъ многознаменательнымъ и новымъ въ русской жизни фактомъ не мѣшаетъ упомянуть и о томъ, что нѣкоторые изъ приближеннѣйшихъ къ государю вельможъ, отправлясь за границу въ посольство, возвращаются оттуда съ богатыми запасами книгъ и даже весьма опредѣленною склонностью ко всему западному, иностранному; что открытые приверженцы западнаго образованія и западныхъ идей, подобные боярину Морозову, являются воспитателями дѣтей царя Михаила Θеодоровича и даже, не стѣсняясь ропотомъ большинства, шьютъ нѣмецкое платье своимъ воспитанникамъ царевичамъ и всѣмъ дѣтямъ, вмѣстѣ съ ними получающимъ воспитаніе. Но все это только первые, нетвердые шаги по вѣрному пути, и старая основа русскаго застоя, неподвижности, высокаго мнѣнія о себѣ и слѣпого уваженія къ буквѣ писанаго закона еще чрезвычайно сильна въ обществѣ. Въ тоже время, когда государь и близкіе къ нему люди выказываютъ явное уваженіе къ западной наукѣ и даже, отчасти, къ западнымъ обычаямъ, когда патріархъ Филаретъ учреждаетъ первое училище, книгопечатанье остается, по недостатку людей, въ небреженіи, и самое исправленіе книгъ богослужебныхъ и Св. Писанія поручается людямъ крайне неблагонадежнымъ. Въ особенности въ патріаршество Іосифа (1642—1652 гг.), книги печатныя подвергаются значительной порчѣ и важнымъ искаженіямъ, потому что справщиками являются такія лица, какъ знаменитый впослѣдствіи протопопъ Аввакумъ, дьяконъ Благовѣщенскаго собора, Θеодоръ, царскій духовникъ, Степанъ Вонифантьевъ, ключарь Успенскаго собора, Иванъ Нероновъ и мн. др., вскорѣ послѣ того заявившіе себя открыто противниками общепринятыхъ церковныхъ обычаевъ и мнѣній, и ставшіе во главѣ того религіозно-гражданскаго движенія, которое проявилось открыто въ русскомъ обществѣ съ половины XVII столѣтія и съ тѣхъ поръ стало извѣстно подъ общимъ названіемъ *раскола*. Этимъ то людямъ, исполненнымъ суевѣрнаго благоговѣнія къ буквѣ старыхъ писаныхъ и печатныхъ книгъ и въ тоже время энергически преданнымъ своему дѣлу, въ короткое время удалось распространить по церквамъ русскимъ болѣе 6000 книгъ, исполненныхъ различнаго рода искаженіями. При такомъ усердіи невѣжественнаго и суевѣрнаго большинства, конечно, одинокими и слабыми должны были являться даже и самыя благородныя усилія просвѣщеннѣйшихъ лицъ изъ числа вельможъ, ничего не жалѣвшихъ для распространенія образованія въ Москвѣ. Въ 1649 году, бояринъ Ртищевъ, принадлежавшій вмѣстѣ съ Ординымъ Нащокинымъ и Матвѣевымъ къ числу наиболѣе образованныхъ покровителей наукъ въ Россіи, основываетъ еще одно, новое училище при Андреевскомъ монастырѣ, и для обученія юношества рѣшается вызвать нѣкоторыхъ ученыхъ иноковъ изъ Кіево-Печерской Лавры. Во главѣ этихъ ученыхъ кіевскихъ, которымъ впервые является возможность внести плоды своей учености и образованія въ столицу русскаго міра, является человѣкъ весьма замѣчательный — іеромонахъ *Епифаній Славинецкій*, воспитавшійся въ Кіево-Могилянской коллегіи и заграничныхъ школахъ, обладавшій основательнымъ знаніемъ классическихъ языковъ и языка славянскаго. Но время такихъ мирныхъ, одинокихъ и постепенныхъ усилій уже миновало; старыя начала жизни общественной, отжившія свой вѣкъ, какъ ни были тверды и упорны, однако же должны были непремѣнно вступить въ ожесточенную и послѣднюю борьбу съ напливомъ новыхъ идей, съ напоромъ Европейской цивилизаціи, которая около половины XVII столѣтія стала проникать къ намъ не только черезъ Польшу, но и непосредственно, съ Запада. Что въ обществѣ русскомъ около этого времени дѣйствительно жило полное сознаніе несостоятельности современнаго порядка вещей, тому остались весьма любопытныя и важныя свидѣтельства современниковъ-очевидцевъ. Однимъ изъ та-

нихъ свидѣтельствъ является сочиненіе подъячаго посольскаго приказа, Григорія Котошихина, который, состоя на службѣ при воеводѣ князѣ Долгорукомъ, во время второй польской войны (начавшейся въ 1660 г.), неполадилъ съ воеводой, и, опасаясь его мести, вынужденъ былъ бѣжать въ Польшу, а потомъ въ Швецію, гдѣ и оставался до своей смерти, пользуясь общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ весьма честный и умный. Котошихинъ далъ своей книгѣ нѣсколько неопредѣленное заглавіе: «О Россіи въ царствованье Алексѣя Михайловича». Книга эта была окончена (въ 1666—1667 гг.) и впослѣдствіи даже переведена на шведскій языкъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ канцлера Магнуса де-ла-Гарди, сына Якова де-ла-Гарди, извѣстнаго въ нашей исторіи своими воинскими подвигами.

Мы назвали заглавіе книги Котошихина неопредѣленнымъ собственно потому, что изъ его книги нельзя получить никакого понятія о состояніи Россіи въ царствованье одного изъ благодушнѣйшихъ государей ея, Алексѣя Михайловича. О церкви и духовенствѣ Котошихинъ вовсе не упоминаетъ въ своей книгѣ; о народѣ и низшихъ сословіяхъ говоритъ вообще мало. Преимущественно распространяется онъ о бытѣ и жизни высшихъ сословій, придворнаго и боярскаго. Съ замѣчательнымъ знаніемъ дѣла, чисто-фактически, какъ посторонній и спокойный наблюдатель, Котошихинъ развертываетъ передъ нами такую мрачную картину нашего общественнаго быта въ царствованье Алексѣя Михайловича, такъ мастерски изображаетъ загрубѣлое невѣжество, родовитую спесь и непроходимый, тупой эгоизмъ современнаго боярства, что читатель невольно задаетъ себѣ вопросъ: въ какомъ же положеніи должны были тогда находиться низшія сословія?

Котошихинъ доказываетъ положительно несостоятельность бояръ, какъ правителей и какъ совѣтниковъ царскихъ, на томъ собственно основаніи, что многіе изъ нихъ — «грамотѣ не ученые и не студированные». Съ ужасомъ и отвращеніемъ говоритъ Котошихинъ о состояніи правосудія въ Россіи и не упускаетъ нигдѣ случая сравнивать наши учрежденія съ учрежденіями заграничными, выставляя на видъ превосходство послѣднихъ и крайне сожалѣя о томъ, что соотечественники его не посылаютъ дѣтей учиться за границу и что для нихъ самихъ всякій выѣздъ за границу, даже по торговымъ дѣламъ, оказывается крайне затруднительнымъ. Переходя отъ описанія нравовъ общественныхъ къ подробностямъ семейнаго быта, Котошихинъ и здѣсь, перечисляя всѣ мрачныя стороны современной жизни семейной, какъ на главную основу бѣдствій указываетъ на то, что «Московскаго государства женскій полъ неученъ». Общій выводъ его тотъ, что главная причина всѣхъ современныхъ нестроеній, достигшихъ крайняго предѣла въ Московскомъ государствѣ — это все же *невѣжество*, также достигшее крайнихъ предѣловъ своего развитія. «Надо учиться, у иностранцевъ учиться, и дѣтей туда же для обученья посылать!»—вотъ мысль, которая, при чтеніи сочиненія Котошихина, проглядываетъ изъ каждой его строки.

Другое, не менѣе важное свидѣтельство представляетъ намъ обширный трудъ Юрія Крижанича, родомъ Серба, а по званію католическаго священника, прибывшаго въ Москву въ 1645 году, вѣроятно вслѣдствіе того, что и до славянскихъ земель достигли слухи о томъ, въ какой степени могущественнѣйшее изъ славянскихъ племенъ нуждается въ людяхъ ученыхъ. По собственному признанію Крижанича, онъ пришелъ въ Россію дабы выполнить три главныхъ задачи: «во первыхъ, поднять Славянскій языкъ, написавши для него грамматику и лексиконъ, чтобъ мы могли правильно говорить и писать, чтобы было у насъ обиліе реченій, сколько нужно для выраженія человѣческихъ мыслей при общихъ народныхъ дѣлахъ; во-вторыхъ—написать исторію Славянъ, въ которой опровергнуть нѣмецкія лжи и клеветы; въ-третьихъ — обнаружить хитрости и обольщенія, которыми чужіе народы обманываютъ насъ Славянъ». Первую и послѣднюю изъ этихъ задачъ Крижаничъ дѣйствительно и привелъ въ исполненіе, но—уже во время пребыванія въ ссылкѣ, въ Тобольскѣ, куда онъ, по неизвѣстной причинѣ отправленъ былъ въ 1660 г. Г. Соловьевъ предполагаетъ, что причиною ссылки молодаго Серба была та горячность, съ какою возставалъ онъ противъ греческаго духовенства, прибывавшаго въ Россію, стараясь всячески изобличить его своекорыстіе и различныя злоупотребленія щедростью русскихъ людей. Болѣе другихъ трудовъ Крижанича важно для насъ его сочиненіе, издан-

ное лишь весьма недавно подъ общимъ заглавіемъ: «Русское Государство въ половинѣ XVII вѣка». Сочиненіе это подраздѣляется на три части: въ первой идетъ дѣло о народномъ богатствѣ; во второй—о матерьяльныхъ силахъ государства, о силахъ военныхъ; въ третьей — преимущественно о политикѣ. Характеромъ изложенія книга Крижанича значительно отличается отъ книги Котошихина: — здѣсь читатель видитъ не подробное, критическое описаніе современнаго состоянія нѣкоторыхъ частей государственнаго и общественнаго организма Россіи XVII вѣка: напротивъ того, книга Крижанича, къ описанію современнаго состоянія Россіи, большею частью бѣглаго и не вдающагося въ мелочныя подробности, прибавляетъ разсужденіе о томъ, какъ бы слѣдовало измѣнить современное положеніе дѣлъ въ Россіи, въ какой степени допустить иноземное вліяніе, и какія именно мѣры принять противъ того или другаго общественнаго зла или недуга. Чрезвычайно любопытнымъ кажется намъ то, что Крижаничъ въ своемъ увлеченіи могуществомъ и политическою независимостью Россіи, въ которой онъ видитъ въ будущемъ единственную опору славянскаго міра, совѣтуетъ Русскимъ равно опасаться и Нѣмцевъ, и Грековъ, и хотя по мѣрѣ силъ и перенимать отъ нихъ все хорошее, но ни тѣмъ, ни другимъ не давать возможности пріобрѣсть вліяніе на внутреннее устройство государства Россійскаго. Сверхъ того, онъ совѣтуетъ, воспользовавшись единодержавнымъ устройствомъ Московскаго государства, вводить въ немъ необходимыя для его благосостоянія реформы прямо сверху, чисто административнымъ путемъ, не затрудняясь сопротивленіемъ массы [1]). Картина народнаго быта и всѣхъ бѣдствій, какія приходилось терпѣть народу отъ собственнаго загрубѣнія и дикости, отъ необузданности властей, отъ тягостныхъ монополій и общей неурядицы—изображена Крижаничемъ въ такомъ мрачномъ и печальномъ свѣтѣ, что его бы можно было даже заподозрить въ преувеличеньи, еслибы каждая страница его сочиненія не дышала самою чистою и безкорыстною любовью къ Россіи и самымъ теплымъ желаніемъ ей всякаго добра и успѣха. И въ заключеніе печальной картины народнаго «банкротства въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи [2])» ученый Сербъ предлагаетъ тоже самое средство, какое выше мы уже слышали изъ устъ Котошихина. Первое и главное средство—это наука; необходимо ввести ее въ Россіи и окружить себя мертвыми совѣтниками, книгами, «ибо между живыми людьми мало добрыхъ совѣтниковъ, а книги не увлекаются ни алчностью, ни враждою, ни любовью: книги не ласкательствуютъ, не боятся повѣдать истины». «Всякимъ другимъ людямъ»—продолжаетъ Крижаничъ—«хорошо учиться мудрости изъ практическаго опыта; не полезно же это однимъ только верховнымъ владѣтелямъ, потому что частный человѣкъ учится ошибками, а ошибки государей влекутъ за собою неисправимыя бѣдствія народныя. И такъ, государямъ необходимо учиться мудрости отъ добрыхъ учителей, книгъ и совѣтниковъ, а не изъ опыта. Да не скажетъ кто либо, что намъ, Славянамъ, путь къ знанію закрытъ рѣшеніемъ небесъ, какъ буто бы мы не могли и не должны были усвоивать себѣ науки: и остальные народы не въ одинъ день и годъ, но мало по малу учились отъ другихъ; такъ и мы можемъ научиться, если захотимъ и постараемся. И теперь именно время учиться, потому что Богъ возвысилъ на Руси государство Славянское, какого прежде никогда небывало въ нашемъ племени, а извѣстно, что у народовъ науки начинаютъ процвѣтать въ періодъ наибольшей силы политической. Скажутъ: между мудрыми рождаются ереси, и потому не надобно учиться мудрости. Отвѣчаю: ереси начинаются и между неучеными людьми. Мудростью ереси искореняются, а вслѣдствіе невѣжества пребываютъ во вѣки. Отъ огня, воды, желѣза умираютъ многіе люди, но безъ желѣза, огня и воды и жить то нельзя: точно также и мудрость потребна людямъ». И такъ, черезъ сто лѣтъ послѣ Курбскаго еще нужны были люди, которые бы повторяли то, что уже было имъ высказано, и точно также, какъ онъ, защищали бы пользу науки и образованія!

---

[1]) Этотъ способъ дѣйствій, а отчасти и программа предлагаемыхъ Крижаничемъ реформъ не могли не оказать впослѣдствіи нѣкотораго вліянія на Великаго Преобразователя Россіи, тѣмъ болѣе, что сочиненіе Крижанича, какъ достовѣрно извѣстно, находилось въ числѣ прочихъ книгъ «на верху Государевомъ». [2]) Слова Соловьева; XIII, 199.

Но въ теченіе этихъ ста лѣтъ успѣло совершиться многое. «Экономическая и нравственная несостоятельность была сознана»,— говоритъ намъ историкъ—«народъ живой и крѣпкій рвался изъ пеленокъ, въ которыхъ судьба держала его долѣе, чѣмъ слѣдовало. Вопросъ о необходимости поворота на новый путь былъ рѣшенъ; новости являлись необходимо. Сравненіе и тяжелый опытъ произвели свое дѣйствіе, раздались страшныя слова: «у другихъ лучше»—и не перестанутъ повторяться... Слова страшныя, потому что они необходимо указывали на приближающееся время заимствованій, ученія, время духовнаго ига, хотя и облегченнаго политическою независимостью и могуществомъ, но все же тяжелаго. Дѣло необходимое, но тяжелое не могло сдѣлаться легко, спокойно, безъ сопротивленія, которое вызывало борьбу, вело къ перевороту, т. е. къ дѣйствію насильственному [1])».

И вотъ, дѣйствительно, во второй половинѣ XVII вѣка наступаетъ періодъ ожесточенной борьбы стараго порядка вещей съ новымъ, старыхъ идей съ новыми; на одной сторонѣ стоятъ всѣ приверженцы старины и преданія, всѣ поклонники узкаго, буквальнаго толкованія религіи и закона, съ ужасомъ взирающіе на грозный для нихъ и неудержимый напоръ всякихъ *новшествъ*,—съ другой стороны образованное меньшинство, смѣло избирающее новый путь, поддерживаемое постоянно прибывающими въ Москву новыми, свѣжими людьми, уже успѣвшими вкусить западной науки въ школахъ юго-западной Руси и въ Кіево-Могилянской коллегіи.

Духовная жизнь и дѣятельность древней Руси вся сосредоточивалась въ церкви и духовенствѣ, и вотъ почему, при наступленіи вышепомянутаго періода тревожныхъ опасеній за поврежденіе древнихъ преданій и стараго порядка вещей, при наступленіи періода борьбы противъ суевѣрій и въ защиту науки и образованія—прежде всего суждено было этой борьбѣ проявиться въ церкви нашей и въ средѣ духовенства. Борьба эта, какъ извѣстно открыто началась въ патріаршество Никона (онъ возведенъ былъ въ этотъ санъ изъ митрополитовъ Новгородскихъ въ 1652), обладавшаго громадной волей и характеромъ, и при томъ пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ царя Алексѣя Михайловича. Поводомъ къ борьбѣ послужило то, что Никонъ увидѣлъ себя вынужденнымъ принять самыя энергическія мѣры къ исправленію богослужебныхъ книгъ, особенно поврежденныхъ и искаженныхъ справщиками, завѣдывавшими печатаньемъ при патріархѣ Іосифѣ. Не смотря на ропотъ духовенства и на всевозможныя препятствія, Никонъ рѣшился привести это дѣло въ исполненіе и

Никонъ.

приступилъ къ нему немедленно. Въ 1654 г. собираетъ онъ соборъ, на которомъ рѣшаютъ править книги по древне-славянскимъ и греческимъ рукописямъ; тотчасъ послѣ того, по его приказанію, изъ разныхъ монастырскихъ и церковныхъ библіотекъ, со всей Россіи, высылаются всѣ необходимыя для исправленія книгъ древнѣйшія рукописи. Но Никонъ не довольствуется этимъ: онъ назначаетъ уже извѣстнаго намъ ученаго, Епифанія Славинецкаго, справщикомъ книгъ при московской типографіи и ставитъ его въ числѣ нѣсколькихъ другихъ иноковъ для того, чтобы ихъ трудами нѣкоторыя, наиболѣе искаженныя богослужебныя книги могли быть вновь переведены съ греческаго. Съ другой стороны,

[1]) Соловьевъ; стр. 170.

онъ отправляетъ на Востокъ и на Аѳонскую гору, іеромонаха Арсенія Суханова для покупки новаго запаса древнихъ рукописей [1]), которыя бы могли служить къ пополненію уже отовсюду собраннаго въ Москву рукописнаго матерьяла. Наконецъ и самъ Никонъ зорко слѣдитъ за дѣломъ исправленія, наблюдаетъ, распрашиваетъ, учится у Епифанія Славинецкаго и совѣтуется съ нимъ, беретъ къ себѣ въ помощники и другаго ученаго, Арсенія Грека, котораго вызываетъ даже изъ ссылки[2]). Въ 1655 и въ 1656 г. опять Никонъ собираетъ соборы; исправленный имъ служебникъ уже готовъ и отпечатанъ, уже разсылается всюду по церквамъ, а прежнія старо-печатныя книги всюду, по повелѣнію патріарха, отбираются.

Съ этой минуты, для приверженцевъ старины уже не остается болѣе никакого сомнѣнія на счетъ того, что дѣйствительно наступаетъ для Россіи какой-то новый и страшный своею новизною періодъ. Уже на соборѣ 1654 года, нѣкоторыя изъ духовныхъ лицъ (между прочимъ Павелъ, епископъ Коломенскій) отказались подписаться подъ рѣшеніями собора; когда же, послѣ третьяго собора (1656 г.), стали всюду разсылать новыя, а отбирать старыя книги, *расколъ* обнаружился явно и на словахъ, въ несконченномъ рядѣ обвиненій и челобитныхъ царю противъ патріарха Никона, и даже на дѣлѣ, съ оружіемъ въ рукахъ:— въ 1656 г. начался тотъ знаменитый мятежъ Соловецкаго монастыря, который кончился 20 лѣтъ спустя, въ 1676 году. Соловецкіе монахи отказывались принимать новыя, Никоновскія книги и, пользуясь неприступнымъ положеніемъ своей обители, цѣлые двадцать лѣтъ отсиживались за стѣнами ея отъ царскихъ воеводъ. За Соловецкимъ мятежемъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ смутъ и волненій, въ основѣ которыхъ лежало тоже недовольство современнымъ порядкомъ вещей, выражавшееся въ стремленіи раскольниковъ отстоять отживающую старину противъ напора исторической необходимости... Волненія эти занимаютъ собою почти всю вторую половину XVII вѣка; но всѣ самыя энергическія, иногда даже геройскія усилія мужества и самопожертвованья остались безсильны:—историческая необходимость шла своимъ опредѣленнымъ путемъ и приводило къ своимъ опредѣленнымъ результатамъ. Никонъ, начавшій борьбу, этотъ «богатырь-патріархъ»—какъ справедливо называетъ его Г. Соловьевъ — былъ сломленъ борьбою, погибъ отъ избытка своихъ собственныхъ силъ; но на мѣсто его тотчасъ являются гораздо менѣе сильные и страшные, но гораздо болѣе искусные и опасные борцы. Въ это время, когда власти свѣтскія и духовныя напрасно пытаются образумить раскольниковъ то лаской, то преслѣдованіями и даже истязаніями, во главѣ общества московскаго и въ средѣ духовенства являются *новые* люди, которые вступаютъ въ новую, и притомъ единственно-возможную борьбу съ расколомъ и приверженцами старины:—главнымъ оружіемъ этихъ борцовъ является слово, опирающееся постоянно на науку, а иногда и колкая сатира, всегда мѣтко достигающая своей цѣли. Въ ряду этихъ новыхъ людей нельзя не отвести первое мѣсто знаменитому іеромонаху, Симеону Полоцкому, который въ числѣ юго-западныхъ ученыхъ, послѣ Галятовскаго и Лазаря Барановича, пользовался наибольшею извѣстностью. Въ то время, когда путь въ Москву открылся для кіевскихъ ученыхъ, когда тамъ стали нуждаться въ трудахъ ихъ и цѣнить ихъ, въ числѣ другихъ, въ 1665 году прибылъ туда и Симеонъ Полоцкій. Еще до этого пріѣзда, во время Ливонской войны, онъ сталъ уже лично извѣстенъ царю Алексѣю Михайловичу, и потому не удивительно, что въ 1672 г. царь назначаетъ его въ воспитатели къ юному царевичу Ѳеодору Алексѣевичу.

Дѣятельность Симеона Полоцкаго, во время пребыванія его въ Москвѣ, является на столько же общественною, на сколько и литературною, и ее нельзя не разсматривать съ этихъ обѣихъ сторонъ; нельзя въ тоже время не сознаться, что и съ той, и съ другой стороны дѣятельность Симеона Полоцкаго является намъ не только весьма важною, но и привлекательною, и даетъ ему полное право на уваженіе потомства.

[1]) Арсеній Сухановъ привезъ въ Москву болѣе 500 рукописей, которыя и послужили главною основой патріаршей библіотекѣ, нынѣ извѣстной подъ названіемъ Сvнодальной.

[2]) Арсеній Грекъ прибылъ въ Москву въ 1649 году, но скоро навлекъ на себя своею ученостью подозрѣніе со стороны патріарха Іосифа и другихъ приверженцевъ старины и былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь.

Уже самый выборъ Полоцкаго въ наставники царевича Θеодора былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ признаковъ наступленія новаго времени. До той поры исключительными наставниками царевичей бывали подьячіе, которые весьма просто учили ихъ грамотѣ, читать и писать, по Часослову и Псалтирю, и по *азбуковникамъ*, въ которыхъ расположены были въ азбучномъ порядкѣ истолкованія коекакихъ, несовсѣмъ понятныхъ словъ, попадающихся въ книгахъ. Учителемъ царевича, до

Симеонъ Полоцкій.

Полоцкаго, былъ тоже подьячій посольскаго приказа Памфилъ Бѣляниковъ. Но въ правленіе царя Алексѣя Михайловича на этомъ уже не могло заключиться воспитаніе царевича: — и вотъ ему даютъ въ наставники Симеона Полоцкаго, который нетолько представлялъ собою ходячую энциклопедію современной образованности, но еще при этомъ былъ большой мастеръ и легко передать, и красиво изложить знанія свои, и пріохотить къ наукѣ. Занимаясь воспитаніемъ царевича, онъ въ тоже время и безпрестанно успѣвалъ говорить проповѣди, писалъ стихи по поводу каждаго, сколько-нибудь замѣчательнаго, событія, сочинялъ драмы для домашняго дворцоваго театра, велъ полемику съ раскольниками, заботился о распространеніи образованности въ Россіи—однимъ словомъ, не оставлялъ безъ отвѣта ни одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, разрѣшенія которыхъ настоятельно требовала живая современность.

Главнѣйшимъ образомъ проповѣдническая дѣятельность его была направлена противъ суевѣрія, раскола и небреженія въ воспитаніи. Памятниками этой дѣятельности остались его сочиненіе, подъ заглавіемъ *«Жезлъ Правленія»*, заключающее въ себѣ обличеніе раскольничьихъ мнѣній, написанное по поводу челобитныхъ, поданныхъ двумя изъ расколоучителей, Никитою и Лазаремъ; проповѣди же свои Симеонъ Полоцкій собралъ въ два обширные сборника подъ заглавіемъ «Обѣдь душевный» и «Вечеря душевная». Несмотря на эти вычурныя заглавія сборниковъ, напоминающія общую искуственность проповѣди юго-западной, проповѣди Симеона Полоцкаго, написанныя языкомъ простымъ и гладкимъ, вовсе не отличаются запутанностью и риторизмомъ. Болѣе всего любитъ онъ вставлять въ свою проповѣдь разсказы и эпизоды, заимствованные изъ жизни или изъ литературы, и могущіе служить ему подтвержденіемъ высказываемой мысли. Многія изъ этихъ произведеній его драгоцѣнны по отношенію къ описанію современныхъ народныхъ суевѣрій, обычаевъ и предразсудковъ. Но гораздо важнѣе для насъ то, что съ проповѣднической каѳедры своей Симеонъ Полоцкій неперeставалъ утверждать смѣло, къ великому ужасу приверженцевъ старины: «и зло, и благо нисходятъ на чадъ не по естеству отъ родителей, а отъ ученія. Учиться же слѣдуетъ каждому: и монаху, и міряниву; чтеніе божественныхъ писаній всѣмъ полезно: и мужчинамъ и женщинамъ».

И въ присутствіи патріарховъ восточныхъ, пріѣхавшихъ въ Москву для суда надъ патріархомъ Никономъ, тотъ же неутомимый Симеонъ Полоцкій, въ рѣчи своей обращается къ царю съ моленіемъ: «положи въ сердцѣ твоемъ училища — греческія, славянскія и иныя — назидати, учащихся (въ нихъ) умножати, учителей взыскати.»

И голосъ его не остается «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.» Училища начинаютъ умножаться. Прихожане церкви Іоанна Богослова получаютъ отъ царя Алексѣя Михайловича дозволительную грамоту на основаніе славяно-греко-латинскаго училища. Нѣсколько позже, воспитанный Симеономъ Полоцкимъ царь Θеодоръ Алексѣевичь заводитъ въ Москвѣ

еще одно училище, при типографіи, которое по тому самому и получаетъ названіе типографскаго (въ 1679). Вскорѣ послѣ того царь хочетъ даже возвыситьего до значенія академіи; но смерть царя и стрѣлецкіе бунты препятствуютъ исполненію этихъ плановъ, хотя, по видимому,все уже было готово для ихъ приведенія въ исполненіе — даже грамота объ учрежденіи академіи была уже написана Симеономъ Полоцкимъ. Но дѣло не могло на долго оставаться нерѣшеннымъ: потребность въ высшемъ учебномъ заведеніи уже чувствовалась многими, и потому, какъ только поутихли стрѣлецкіе смуты, такъ снова мысль объ учрежденіи академіи всплыла наружу. Ученикъ Симеона Полоцкаго, настоятель Заиконоспасскаго монастыря, Сильвестръ Медвѣдевъ, вмѣстѣ съ чудовскимъ монахомъ Каріономъ Истоминымъ, въ стихотворномъ посланіи, обратились къ правительницѣ, царевнѣ Софьѣ и просили ее «о водвореніи наукъ въ Россіи» Вскорѣ послѣ того, когда прибыли, въ 1685 году,въ Россію двое ученыхъ грековъ—братья Лихуды (Іоанникій и Софроній)—при московскомъ Заиконоспасскомъ монастырѣ, около Воскресенскихъ воротъ, открыта была первая въ Россіи духовная, славяно-греко-латинская академія.

Но все это совершалось медленно, среди тысячи препятствій, противуполагаемыхъ невѣжествомъ и фанатизмомъ, которые старались всѣми силами запутать дѣло, задержать быстрое введеніе въ Россію новой европейской науки, обвинить новыхъ учителей въ ереси и неуваженіи къ православію. Такого рода обвиненіямъ подвергался и Симеонъ Полоцкій, и сами братья Лихуды... Но исторія все же шла своимъ неуклоннымъ путемъ къ великой эпохѣ преобразованій. Иноземнаго страшились и избѣгали, отъ иновѣрцевъ старались оберечь себя и оградить; а иновѣрцы толпами шли въ Россію въ видѣ наемныхъ офицеровъ, мастеровъ всякаго рода, заводчиковъ, лѣкарей. Они селятся и въ самыхъ стѣнахъ и подъ стѣнами Бѣлокаменной. Притомъ же отъ многосторонней до безконечнаго разнообразія развившейся цивилизаціи Запада и мудрено было защититься: она уже задолго до конца XVII столѣтія «закинула свои сѣти на русскихъ людей, приманивая ихъ къ себѣ новыми для нихъ удовольствіями и удобствами жизни. Часы, картина, покойная карета, музыкальный инструментъ, сценическое представленіе—вотъ чѣмъ сначала, мало-помалу подготовлялись русскіе люди къ преобразованіямъ, какъ дѣти, приманиваются игрушками къ ученію».

«(И) въ то время какъ старые и новые учителя въ священническихъ и монашескихъ рясахъ препираются о двуперстномъ и трехперстномъ сложеніи, когда русскіе раздѣлились въ ожесточенной борьбѣ, когда сдѣлка съ наукою, попытка ввести науку чрезъ православныхъ учителей, не вредя православію, далеко не удалось какъ бы желалось, когда старые учителя провозгласили и православныхъ грековъ, и православныхъ малороссіянъ и бѣлоруссовъ еретиками, латинцами, — въ это время являются новые учителя особаго рода, нежеланные ни старымъ учителямъ, ни новымъ въ рясахъ,—являются иновѣрцы нѣмцы, являются вслѣдствіе того, что, прежде грамматики и реторики, нужно было выучиться сражаться, вслѣдствіе того, что явно было экономическое банкротство по неумѣнью производить и продавать и по неимѣнію моря: являются вслѣдствіе того закона, по которому внѣшнее предшествуютъ внутреннему» [1]).

УЧЕНЫЙ ДИСПУТЪ ВЪ XVII В.

Образцемъ учености московскихъ грамотѣевъ начала XVII вѣка, можетъ служить споръ по поводу катехизиса Лаврентія Зизанія. Лаврентій Зизаній Тустановскій, протопопъ Корецкій, въ февралѣ 1627 года привезъ въ Москву книгу свою — *Оглашеніе* и билъ челомъ патріарху Филарету, чтобъ ее исправить. Патріархъ началъ исправленіе измѣненіемъ заглавія книги: вмѣсто *Оглашеніе* онъ назвалъ ее *Бесѣдословіе*, на томъ основаніи, что подъ именемъ «оглашенія» уже извѣстна книга Кирилла Іерусалимскаго, а подъ однимъ именемъ многимъ книгамъ быть не можно; о другихъ статьяхъ, которыя найдены не сходными съ Русскими и Греческими переводами, патріархъ велѣлъ поговорить съ Зизаніемъ Богоявлен-

[1]) Соловьевъ; исторія, XIII, стр. 170 — 171 и 217—218.

скому игумену Ильѣ да Гришкѣ *отъ книжныя справки* (т. е. справщику типографіи); говорить велѣно любовнымъ обычаемъ и со смиреніемъ нрава. Разговоръ этотъ происходилъ на казенномъ дворѣ, въ нижней палатѣ, передъ государевымъ бояриномъ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ и думнымъ дьякомъ Ѳедоромъ Лихачевымъ. Между прочимъ Илья и Гришка говорили Зизанію: «У тебя въ книгѣ написано о кругахъ небесныхъ, о планетахъ, зодіахъ, о затмѣніи солнца, о громѣ и молніи, о тресновеніи, шибаніи и перунѣ, о кометахъ и о прочихъ звѣздахъ: но эти статьи взяты изъ книги Астрологіи, а эта книга Астрологія взята отъ волхвовъ Еллинскихъ и отъ идолослужителей, а потому къ нашему православію не сходна». *Зизаній*: «Почему же не сходна? я не написалъ колеса счастія и рожденія человѣческаго, не говорилъ, что звѣзды управляютъ нашею жизнью; я написалъ только для знанія, пусть человѣкъ знаетъ, что все это тварь Божія». *Илья и Гришка*: «Да зачѣмъ писалъ для знанія? Зачѣмъ изъ книги Астрологіи ложныя рѣчи и имена звѣздамъ выбиралъ, а иныя рѣчи отъ своего умышленія прилагалъ и неправильно объявлялъ»? *Зизаній*: «Что же я неправильно объявлялъ? Какія ложныя рѣчи и имена звѣздамъ выбиралъ?» *Илья и Гришка*: «А развѣ это правда — говоришь: облака, надувшись сходятся и ударяются и отъ того бываетъ громъ; огонь и звѣзды называешь животными звѣрями, что на тверди небесной!» *Зизаній*: «Да какъ же по вашему писать о звѣздахъ?» *Илья и Гришка*: «Мы пишемъ и вѣруемъ, какъ Моисей написалъ: сотворилъ два свѣтила великія и звѣзды, и поставилъ ихъ Богъ на тверди небесной свѣтить но землѣ и владѣть днемъ, и ночью; а животными звѣрями Моисей ихъ не называлъ». *Зизаній*: «Да какъ же эти свѣтила движутся и обращаются?» *Илья и Гришка*: «По повелѣнію Божію, Ангелы служатъ, тварь водя». *Зизаній*: «Воленъ Богъ да государь святѣйшій киръ Филаретъ патріархъ, я ему о томъ и бить челомъ пріѣхалъ, чтобъ мнѣ недоумѣніе мое исправилъ; я и самъ знаю, что въ книгѣ моей много не дѣльнаго написано». *Илья и Гришка*: «Прилагаешь новый вводъ въ Никифоровы правила, чего въ нихъ не бывало; намъ кажется, что этотъ вводъ у тебя отъ латинскаго обычая; сказываешь, что простому человѣку или иному можно младенца или какого человѣка крестить». *Зизаній*: «Да, это есть въ Никифоровыхъ правилахъ». *Илья и Гришка*: «У насъ въ греческихъ Никифоровыхъ правилахъ нѣтъ; развѣ у васъ вновь введено, а мы такихъ новыхъ вводовъ не принимаемъ». *Зизаній*: «Да гдѣ же у васъ взялись греческія правила?» *Илья и Гришка*: «Кипріанъ митрополитъ, когда пришелъ изъ Константинограда на Русскую митрополію, то привезъ съ собою правильныя книги христіанскаго закона, Греческаго языка правила, и перевелъ на Славянскій языкъ. Божіею милостью они пребываютъ и до сихъ поръ безо всякихъ смутковъ и прикладовъ новыхъ вводовъ, да и многія книги Греческаго языка есть у насъ старыхъ переводовъ; а которыя теперь къ намъ выходятъ печатныя книги Греческаго языка, то мы ихъ принимаемъ и любимъ, если они сойдутся съ старыми переводами; а если въ нихъ есть какія нибудь новизны, то мы ихъ не принимаемъ, хотя онѣ и греческимъ языкомъ тиснуты, потому что Греки теперь живутъ въ великихъ тѣснотахъ, въ невѣрныхъ странахъ, и печатать имъ по своему обычаю невозможно». *Зизаній*: «И мы новыхъ переводовъ греческаго языка книгъ не принимаемъ же; я думалъ, что въ Никифоровыхъ правилахъ въ самомъ дѣлѣ написано, а теперь слышу, что у васъ этого нѣтъ, такъ и я не принимаю; простите меня Бога ради; я для того сюда и пріѣхалъ, чтобы мнѣ отъ васъ здѣсь лучшую науку принять». *Илья и Гришка*: «Скажи намъ, что еще съ нами объ этой книгѣ хочешь говорить?» *Зизаній*: «Всегда радъ я съ вами бесѣдовать; а книгу государскаго жалованья я всю прочелъ, прилежно трудился при васъ и безъ васъ, и много просвѣщенія душѣ своей пріобрѣлъ. Дивлюсь великой премудрости православнаго государя патріарха: какой разумъ, какой смыслъ, какую великую благодарованную премудрость имѣетъ въ себѣ! Какъ онъ государь такую большую книгу въ такое малое время сочинилъ! Во истину Богъ дѣйствуетъ въ немъ». При этихъ словахъ Зизаній началъ прижимать книгу къ груди и любезно всюду ее цѣловать. Разговоръ этотъ описанъ Гришкою-справщикомъ и дошелъ до насъ во всей подробности.

ОБРАЗЕЦЪ СИЛЛАБИЧЕСКОЙ ПОЭЗІИ XVII ВѢКА.

Посланіе Каріона Истомина царевнѣ Софьѣ, въ которомъ онъ проситъ о введеніи наукъ въ Россію.

Благородная Софія царевна,
Госпожа Княжна Алексѣвна!
Пречестна дѣва и добросіянна,
Въ небесну жизнь Богомъ произбранна!
Мирно и здраво отъ Господа свѣта
Буди хранима въ премнога лѣта.
Мудрость есть, россии толкована,
Еллински отъ вѣка *Софіею* звана.
Любители той философы звались
И добронравствомъ тоя украшались.
Она бо учитъ правдѣ и мужеству;
Наипаче же Божію дружеству,
Ихъ же требнѣе ничто человѣкомъ,
Текущимъ присно къ предрадостнымъ вѣкомъ;
Мудростью бо вси цари царствуютъ
И вси вельможи добрѣ начальствуютъ,
Мудростью же вся управляются,
И о томъ вси люди утѣшаются;
Ею здравствуютъ удобь человѣцы,
Исчисляются времена и вѣцы;
Ею по морю плаваютъ удобно
Во время люто и зѣло безгодно.
Ею живущи люди благочестно
Къ Богу очами смотрятъ не прелестно;
Ею дѣвственны вельми хранятъ цвѣты
И чисты сердцемъ зрятъ Божія свѣты;
Ею въ мірѣ вся блага бываютъ,
Разумъ, богатство люди обрѣтаютъ.
Мудрости бо нѣсть подобіе кое,
Яко гонитъ лесть и всякое злое.
Каменье драго предъ нею меньшъ песокъ,
Понеже тоя чистъ разумъ высокъ,
Разумъ подаетъ и въ добро охоту,
Токмо да любитъ всякъ ея доброту.
Въ юности искавшь невѣсту водити
Не устыдеся о ней возгласити.
Ничто же убо Богъ благій возлюбитъ
Точію сего, иже дней не губитъ:
Но съ мудростію присно пребываетъ
И конецъ всѣхъ дѣлъ извѣстно смотряетъ.
Здѣ во велицѣ Россіи издавна
Мудрость святая пожеланна славна:
Да учатся той юнѣйшія дѣти
И собираютъ разумные цвѣти;
Навыкнутъ же той свершенія мужи,
Да свободятся отъ всякія нужи.
Престарѣвшіе видѣвъ въ юныхъ тую,
Воскликнутъ Творцу всѣхъ пѣснь Трисвятую.
Свѣтла есть мудрость и неувядома
Самемъ Господемъ присно есть блюдома,
Тѣмъ паче о ней зѣлно промышляше,
Егда отецъ вашъ въ жизни пребываше
Блаженъ въ памяти Алексій Великій
Царь Михайловичь всей Россіи толикій,
Великой, Малой и Бѣлой державный
Многихъ государствъ обладатель славный.
Строилъ государь ко Божьей воли,
Въ наученіе восхотѣвшимъ схоли,
Учители же быша мудры люди,
Церкве святыя восточныя уди.
Тако бо царю наука сладися,
Яко сынъ его, вашъ братъ, ей учися,
Благій Алексій Царевичъ прекрасный,
Юноша чистый и тѣломъ возрастный,
Въ ученіи онъ сице взя охоту,
Яко да вскорѣ узритъ ю доброту;
За ону Богу любезенъ вчинися
И на небеса отздѣ преселися.
Ему же мати царица Марія
Благовѣрная желаше здравія,
Ильична зѣло въ милости сіяше
Въ наукѣ присно тщаніе творяше:
Давала ему книги созерцати,
Да страстныхъ мыслей не будетъ страдати,
И милостивая Марія царица,
Представившися, зритъ Троична лица.
Тоже господарь царь Ѳеодоръ бывый
Алексіевичь всѣмъ добротворивый,
Многихъ государствъ, Россіи обладатель,
Страннымъ и нужнымъ велій сострадатель,
Тщася науку въ царствѣ вкоренити
Хотящимъ людемъ разумы острити;
Храмы многіе того для поставилъ,
Себѣ же благъ путь во небо управилъ,
Преставлься Твой Братъ въ обители вѣчно,
Идѣже живутъ святіи безконечно;
До днесь наука не окрѣпѣваше,
Случайни бо здѣ много преставаше,
И то не дивно, что доброе дѣло
Не является въ скорости спѣло.
Тѣмъ благородна Княжна превелика
Софія-дѣва господственна лика,

Потщися ради Всемогуща Бога,
У Него же есть премудрости многа,
О ученіи Промыслъ сотворити,
Мудрость въ Россіи святу вкоренити;
Да учатся той юны отрочата
И навыкають зѣло дѣла свята,
Прежеланно бо гдѣ мудрость пасется,
Зане черезъ тую все добро ліется;
И аще Господь хощетъ сему быти,
Тобою въ дѣло можетъ произыти;
Годно прежде всѣхъ желать ее невредное
Богу бо, людемъ оно потребнее,
Умоли убо Самодержцевъ сущихъ
Россійскій скипетръ въ рукахъ си имущихъ,
Великихъ Князей, Государей-Царей
Благочестивыхъ, Пресвѣтлыхъ Зарей:
Іоанна, Петра Алексіевичевъ,
Всего же царства Московска дѣлничевъ;
Да Государи они то изволятъ,
Обще Господа о томъ да помолятъ,
Наукамъ велятъ быти совершеннымъ
И учителямъ людямъ извѣщеннымъ.
Паки тя молю, Дѣву благородну,
Да устроиши науку свободну,
Слышавшы твое доброувѣтливство
Возсылающу пресладкопѣснивство.
Едину царю Богу Преблагому
Иже даетъ помощь дѣлу предрагому;
Сотворя людемъ твою Царску милость,
Покажи Россамъ многу добротливость,
Поставь трапезу мудрости словесну
Тщаніемъ твоимъ къ жительству небесну
Мнози убо суть тоя желатели.
Богосвѣтлыхъ наукъ пріятели,
Буди дѣломъ симъ, яко блага мати
Россовъ, яко чадъ духовно питати.
Аще, Госпоже, въ Россіи си вещи
Учительны ты дѣтельно введеши
Монарха великъ Господь ублажится
Твоя память въ вѣкъ хвалами почтится.
Аминь.

Величеству Вашему Божія милости желаю усердно.

Сіе вѣщавшь рабъ меньшій Вашъ грѣшный Іеродіаконъ Каріонъ,
Жаждущь вѣкъ онъ.
Стопамъ се вергаетъ челомъ.
Седмь тысящь сто лѣтъ перво девятьдесятъ
Мірозданія сіи стихи гласятъ
Індиктіона 5-го Ноемврія мѣсяца въ г дня.

ОТЪ ПОЛОВИНЫ XVII В. ДО ЭПОХИ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ.

XVII.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА СѢВЕРО-ВОСТОКѢ РУСИ ВЪ КОНЦѢ XVI И НАЧАЛѢ XVII В. — НОВЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАЧАЛА, ВНЕСЕННЫЯ ВЪ МОСКВУ КІЕВСКИМИ УЧЕНЫМИ. — СТРАСТЬ КЪ ВИРШАМЪ; ВИРШЕСЛАГАТЕЛИ.

Съ половины XVI в.,—какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше — даже и на отдаленномъ сѣверо-востокѣ Руси, въ литературѣ, какъ и въ жизни, становится замѣтенъ разрывъ съ прошедшимъ, уклоненіе отъ древнерусскихъ преданій и началъ въ общественной и въ частной жизни: — за долго передъ тѣмъ наступившій періодъ политическаго преобладанія Москвы, среди котораго воспиталось уже не одно поколѣніе, успѣлъ уже на столько повліять на общество, что въ сознаніи его даже сложился довольно полный идеалъ человѣка и гражданина, на основаніи новыхъ, «московскихъ» взглядовъ на вещи. Этотъ идеалъ, какъ мы видѣли выше, проявился даже и въ литературѣ, въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ ея памятниковъ, относящихся къ эпохѣ Іоанна Грознаго. Печаленъ и жалокъ былъ этотъ идеалъ, вызванный къ жизни тягостными условіями исторической и общественной жизни русской, и — къ счастью нашему — не долго было ему суждено служить крайнею цѣлью стремленій для лучшихъ русскихъ людей; но какъ ни былъ печаленъ и жалокъ идеалъ, онъ все же служилъ однимъ изъ признаковъ сознательнаго отношенія къ дѣйствительности и пониманія ея потребностей. Вскорѣ, въ лицѣ учениковъ М. Грека, составлявшихъ ничтожную, но тѣмъ не менѣе лучшую часть современнаго общества, проявилось противодѣйствіе тому идеалу, который выставленъ былъ Домостроемъ и нашелъ себѣ такого горячаго защитника въ лицѣ Іоанна Грознаго... И вотъ, впервые, послѣ многихъ вѣковъ исключительной принадлежности духовному сословію, литература наша вновь обогатилась произведеніями двухъ свѣтскихъ писателей. Но этого мало: новыя потребности общественныя оказывали вліянія и на общій ходъ литературы, способствовали нѣкоторому видоизмѣненію и тѣхъ литературныхъ родовъ, которые, до того времени, почти безъ всякой перемѣны успѣли уже пережить на Руси нѣсколько вѣковъ. Мы уже видѣли, какому видоизмѣненію подвергались житія, входя въ составъ громаднаго сборника, извѣстнаго подъ названіемъ Макарьевскихъ Четьи-Миней; тому же неутомимому Макарію приписываютъ и первую попытку создать нѣчто новое на основаніи громаднаго лѣтописнаго матерьяла. Въ царствованье Іоанна Грознаго, рядомъ съ первой, прагматически изложенной, исторической монографіей, написанной Курбскимъ, встрѣчается и еще одинъ новый видъ историческихъ сочиненій—такъ называемая *Степенная книга*, въ которой содержаніе отечественной исторіи излагается въ извѣстной послѣдовательности, *по степенямъ* родовъ княжескихъ, въ нисходящей линіи. На основаніи этого порядка, по которому сначала излага-

ются событія въ княженіе отца, потомъ въ княженіе сына и внука и т. д. видимъ въ Степенной книгѣ всю русскую исторію, отъ Рюрика и до Іоанна Грознаго, изложенною въ видѣ *20 степеней*. Такое изложеніе, по видимому, понравилось своею новизною, и впослѣдствіи, въ XVII в., Степенная книга была дополнена еще одною *степенью*, такъ что изложеніе событій историческихъ доведено въ ней до смерти царя Алексѣя Михайловича. Но, по отношенію къ воззрѣніямъ на событія, въ Степенной книгѣ не замѣтно никакого движенія впередъ: въ ней преобладаетъ та же исключительно религіозная точка зрѣнія, съ какою мы постоянно встрѣчаемся въ лѣтописи нашей, и даже на столько преобладаетъ, что въ числѣ историческихъ лицъ и событій преимущественное вниманіе обращено только на тѣ, которыя имѣютъ значеніе въ исторіи церкви.

Кромѣ *Степенной книги*, представляющей попытку видоизмѣненія собственно во внѣшнемъ изложеніи событій историческихъ, около того же времени и вообще становится замѣтно стремленіе овладѣть обширнымъ и разрозненнымъ лѣтописнымъ матерьяломъ, заключить его въ болѣе тѣсныя рамки, привести къ такому виду, который бы давалъ возможность пользоваться имъ. Это побудило къ составленію многихъ нашихъ лѣтописныхъ сборниковъ, подъ самыми различными наименованіями; сюда относятся и Софійскій временникъ, и Царственный лѣтописецъ, и Царственная книга, которые однако же не представляютъ собою ничего цѣлаго, а только излагаютъ довольно подробно событія, относящіяся къ отдѣльнымъ эпохамъ. Первый сколько нибудь полный сборникъ составленъ былъ уже въ XVII столѣтіи, и носитъ названіе *Никоновской* лѣтописи, можетъ быть, потому, что былъ составленъ по повелѣнію знаменитаго патріарха. Нельзя не обратить вниманія на то, что къ тому же Іоаннову царствованью относятся два самостоятельныхъ историческихъ труда; одинъ— «Исторія Казанскаго Царства» — написанъ былъ священникомъ Іоанномъ Глазатымъ, прожившимъ лѣтъ двадцать въ плѣну у Татаръ; другой—«Памяти (т. е. записки) Алексѣя Адашева», — вошелъ въ составъ Царственной книги. Это древнѣйшія изъ нашихъ историческихъ записокъ или мемуаровъ – первыя въ цѣломъ ряду произведеній того же рода, которыя особенно размножаются въ концѣ XVII вѣка, когда лѣтописи начинаютъ терять всякое значеніе, а мемуары пріобрѣтаютъ такой важный историческій интересъ, съ самаго начала XVIII вѣка.

Если уже въ XVI вѣкѣ обработка историческаго матерьяла въ различныхъ его видахъ и примѣненіяхъ въ такой значительной степени обращала на себя вниманіе современниковъ, то ужь конечно въ XVII вѣкѣ, когда поворотъ общества на новую дорогу сталъ еще болѣе замѣтенъ, этотъ поворотъ долженъ былъ еще рѣзче высказаться въ литературѣ, и, между прочимъ, особенно рѣзко проявиться въ обработкѣ того же историческаго матерьяла. Сознана была всѣми необходимость учиться у Запада: оттуда и послы, и заѣзжіе иностранцы, стали привозить къ намъ массу книгъ, и тщательно принялись русскіе люди за переводы и пересажденія на русскую почву разныхъ грамматикъ, лѣчебниковъ, ариѳметикъ и космографій. Само собою разумѣется, что болѣе нуждались въ книгахъ тѣ лица, которымъ по обязанности или значенію ихъ приходилось стоять ближе къ Западу; вотъ почему и видимъ мы, что всѣ книги, какія *строятся* (составляются) въ это время, *строятся* обыкновенно не менѣе, какъ *въ двухъ* экземплярахъ: одинъ изъ этихъ экземпляровъ берется *на Верхъ* къ Великому Государю, другой отдается въ посольскій приказъ. Изъ тѣхъ же близкихъ сношеній съ Западомъ рождается необходимость частыхъ справокъ по Русскимъ лѣтописямъ и иностраннымъ хроникамъ; а такъ какъ подобныя справки, безъ всякихъ предварительно составленныхъ пособій, оказывались очень трудными, то и стали дѣлать изъ лѣтописей и хроникъ особаго рода выборки, и составлять «наглядныя генеалогическія таблицы съ портретами государей и ихъ гербами, при чемъ, какъ для царя, такъ и для посольскаго приказа необходимо было обозначить, какой Россійскій государь съ какими иностранными государями входилъ въ сношенія. Матвѣевъ въ посольскомъ приказѣ съ товарищами своими, съ приказными людьми и переводчиками, *сдѣлалъ «Государственную большую книгу* — описаніе великихъ князей и царей Россійскихъ, откуду корень ихъ государскій изыде, и которые великіе князи и цари съ великими-жъ государи окрестными съ христіанскими и съ мусульманскими были въ ссылкахъ, и какъ великихъ государей именованья и титулы писа-

ми къ нимъ; да въ той же книгѣ писаны великихъ князей и царей, и вселенскихъ и московскихъ патріарховъ, и Римскаго папы и окрестныхъ государей всѣхъ персоны и гербы.» Персоны эти были писаны иконописцами, Иваномъ Максимовымъ и Дмитріемъ Львовымъ, въ теченіе пяти мѣсяцевъ [1]). Около того же времени, и конечно на основаніи тѣхъ же чисто практическихъ современныхъ потребностей, дьякъ Грибоѣдовъ *построилъ* новую книгу: «Исторію, сирѣчь повѣсть или сказаніе вкратцѣ о благочестно державствующихъ и свято-поживишихъ боговѣнчанныхъ царяхъ и великихъ князехъ, иже въ Россійстѣй земли богоугодно державствовавшихъ». Книга Грибоѣдова заключаетъ въ себѣ простое перечисленіе лицъ, въ родословномъ порядкѣ, при чемъ онъ иногда пропускаетъ цѣлыя княженія. Каждое изъ упоминаемыхъ имъ лицъ удостоивается самыхъ преувеличенныхъ похвалъ. Главная цѣль книги—вывести родъ Московскихъ государей и примкнуть къ ней новую династію, которую съ другой стороны онъ заноситъ и въ число «сродниковъ Августа, Кесаря Римскаго.» Съ характеромъ изложенія дьяка Грибоѣдова довольно отчетливо можетъ насъ ознакомить его отзывъ объ Іоаннѣ Грозномъ: «Житіе благочестно имѣя и ревностью по Бозѣ присно препоясуясь, и благонадежныя побѣды мужествомъ окрестныя многонародныя царства пріятъ, Казань и Астрахань, и Сибирскую землю. И тако Россійскія земли держава пространствомъ разливашеся, а народи ея веселіемъ ликоваху и побѣдныя хвалы Богу возсылаху.» Замѣчательно, что почти одновременно, на сѣверо-востокѣ и на юго-западѣ Руси, явились изъ совершенно различныхъ потребностей двѣ первыя попытки полнаго изложенія Русской Исторіи. Г. Соловьевъ, разсматривая этотъ «первый младенческій, несвязный лепетъ русской исторіографіи,» не рѣшается отдать преимущества ни книгѣ дьяка Грибоѣдова передъ «Синопсисомъ» И. Гизіеля, ни «Синопсису» передъ трудомъ Грибоѣдова; онъ только замѣчаетъ, что «царскій характеръ исторіи сѣверной Россіи рѣзко сказался въ сочиненіи Московскаго дьяка.» Мы со своей стороны позволимъ себѣ обратить вниманіе только на то, что между трудомъ Гизіеля и трудомъ Грибоѣдова нельзя не замѣтить одного важнаго и чрезвычайно характеристическаго различія—различія въ тѣхъ общественныхъ потребностяхъ, которыя вызвали авторовъ къ составленію обоихъ выше-помянутыхъ трудовъ ихъ. Гизіель составилъ свой Синопсисъ, какъ учебникъ для школъ, вслѣдствіе того, что такой учебникъ, такое осязательное напоминаніе объ историческомъ значеніи Русской народности было необходимо среди пробужденнаго къ умственной и нравственной самодѣятельности русскаго населенія нашей западной и юго-западной окраины. Дьякъ Грибоѣдовъ *построилъ* свою *«Исторію, сирѣчь повѣсть или сказаніе вкратцѣ»* только для того, чтобы облегчить собираніе справокъ,необходимыхъ для чисто-служебной дѣятельности, и при самомъ составленіи книги постоянно имѣлъ въ виду однѣ только чисто-практическія цѣли. Въ направленіи этихъ двухъ сочиненій, и въ самыхъ потребностяхъ, вызвавшихъ Гизіеля и Грибоѣдова къ написанію ихъ, рѣзко высказываются два совершенно противуположныхъ направленія нашей русской культуры: одно, по которому шло образованіе наше на юго-западѣ, хотя и основанное на вліяніи Запада, воспринятомъ черезъ Польшу,однакожесовершенно-органически пустившее прочные корни въ самую глубь народной массы; другое—по которому медленно, черепашьимъ ходомъ, черезъ тысячи препятствій, пробивало себѣ дорогу образованіе на московскомъ сѣверо-востокѣ. Главнымъ и печальнымъ недостаткомъ этого послѣдняго направленія было именно то, что оно, почти не касаясь массы, захватывало только одни верхи общества и то не сполна, и по тому именно, уже съ самого начала носило въ себѣ зародыши поверхностности, непрочности, свойственной всякому внѣшнему, чисто-формальному подражанію. Юго-западные ученые, съ половины XVII столѣтія появляющіеся въ Москвѣ, при помощи своего живаго нравственнаго вліянія,особенно сильно-проявляющагося въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича и въ правленіе царевны Софьи, правда, успѣваютъ придать нѣсколько болѣе серьезности и значенія первымъ попыткамъ внесенія въ Москву западной образованности; но вліяніе ихъ длится не долго, и приверженцамъ стараго порядка вещей удастся вскорѣ внушить обществу недовѣріе къ

[1]) Соловьевъ, Исторія; XIII, 182.

этимъ новымъ учителямъ: уже при самомъ открытіи Московской Греко-Латинской Академіи, основанной по ихъ плану и ихъ заботами, приверженцамъ старины удается оттереть кіевскихъ ученыхъ отъ этого новаго училища, и поручить новое училище старымъ учителямъ—Грекамъ-монахамъ. По всему замѣтно, что Московское общество конца XVII столѣтія, хотя и двигалось медленными, вынужденными шагами по какому-то новому и страшному для него пути прогресса, но во всякое время и при каждомъ удобномъ случаѣ готово было вернуться на свой старый путь, и нимало не было склонно отступать въ образованіи отъ завѣщанныхъ преданіями, давно-отжившихъ идеаловъ византійской монашеской науки. И благородное рвеніе кіевскихъ ученыхъ, и любовь ихъ къ наукѣ, и самое стремленіе оживить ее новыми пріемами преподаванія, и даже религіозное рвеніе ихъ—все это способно было только возбудить подозрѣніе къ нимъ въ московскомъ обществѣ. Въ той борьбѣ, какая завязалась между Симеономъ Полоцкимъ и его учениками съ одной стороны, и высшимъ Московскимъ духовенствомъ—съ другой, слишкомъ ясно выразилась необходимость колоссальнаго переворота общественнаго. Постепенность и медленные переходы общества отъ одной ступени развитія къ другой, высшей, при томъ общественномъ строѣ, съ какимъ мы встрѣчаемся на Руси XVII столѣтія—все это оказывалось совершенно не возможнымъ, и обществу грозила видимая гибель, если бы на спасеніе его въ томъ же вѣкѣ не народился богатырь царь, который отвергъ и старыхъ учителей, и старыя преданія, за образованіемъ и наукой обратился къ самому источнику ихъ, къ Нѣмецкому Западу, и навсегда связалъ эти два великія начала съ обществомъ, съ *міромъ* и дѣйствительностью.

Но если и не слишкомъ сильно, не слишкомъ продолжительно было вліяніе кіевской науки и образованности на Москву, въ теченіи XVII вѣка, за то вліяніе ихъ на литературу высказалось довольно рѣзко внесеніемъ въ кругъ русскихъ литературныхъ произведеній нѣкоторыхъ такихъ родовъ, о которыхъ прежде, до кіевскаго вліянія и не слышно было на Москвѣ. Не говоря уже о томъ, что подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ возобновлена была въ церквахъ та живая, изустная проповѣдь, которая смолкла у насъ на Руси уже съ конца XV вѣка, мы должны будемъ указать—какъ на два главныхъ нововведенія въ русской литературѣ XVII вѣка—на стихотворную форму изложенія мыслей и на драматическія произведенія, впервые поставленныя на московской придворной сценѣ Симеономъ Полоцкимъ.

«Вирши» или стихи на русскомъ языкѣ появляются впервые, подъ непосредственнымъ вліяніемъ польской поэзіи, въ юго-западномъ углу Россіи, не позже конца XVI вѣка. По мѣрѣ распространенія школъ, по мѣрѣ распространенія образованности въ кругу русскаго населенія западнаго и юго-западнаго края, распространялась всюду и охота къ слаганію виршей. Для того, чтобы сдѣлать такое слаганіе виршей возможнымъ на русскомъ языкѣ, переняли совершенно несвойственный русскому языку, богатому разнообразіемъ удареній, польскій *силлабическій* стихъ, въ которомъ весь размѣръ основывался только на цезурѣ въ серединѣ стиха, да на возвышеніи голоса въ концѣ стиха (на предпослѣднемъ слогѣ, по общимъ законамъ польскаго ударенія). При разнообразіи удареній, составляющемъ лучшее украшеніе нашего языка, приходилось совершенно переиначивать слова и дѣлать большое насиліе надъ способомъ выраженія, чтобы вогнать русскую фразу въ тѣсныя рамки неудобнаго, неподходящаго къ ней силлабическаго стиха. Не смотря на это, возможность выражать свои мысли «виршами» такъ понравилась на первыхъ порахъ русскимъ, что явилось много охотниковъ-поэтовъ, посвящавшихъ слаганію виршей свои досуги. А такъ какъ въ польско-іезуитскихъ коллегіяхъ такое слаганіе виршей занимало видное мѣсто въ ряду риторическихъ упражненій и на это упражненіе ученики должны были употреблять почти столько же времени, сколько и на упражненіе въ ораторскомъ искусствѣ, то и не мудрено, если и въ кіевскихъ школахъ, основанныхъ по плану польско-іезуитскихъ коллегій, стихотворство также точно вошло въ моду и стихосложеніе получило подобающее ему важное значеніе въ кругу предметовъ учебнаго преподаванія. Многія изъ наиболѣе замѣчательныхъ представителей кіевской учености оставили по себѣ цѣлые фоліанты силлабическихъ стихотвореній, которые были писаны ими на разные случаи, и которыми они очень часто заканчивали даже свои церковныя проповѣди, «расширяя риомами» ихъ зна-

ченіе и въ виршахъ своихъ воспѣвая чудеса Пресв. Богородицы или святыхъ подвижниковъ, для прославленія которыхъ имъ казался слабъ языкъ ихъ прозы. Страсть къ виршамъ доходила часто до самыхъ смѣшныхъ крайностей:—въ стихахъ излагались предметы, даже и вовсе неимѣющіе никакого отношенія къ поэзіи, писались учебники и просьбы, толкованія къ сочиненіямъ и календари. Уже въ началѣ XVII мы встрѣчаемъ упоминаніе о томъ, что одинъ изъ весьма извѣстныхъ вольнодумцевъ современниковъ, князь Иванъ Хворостининъ, писалъ виршами о томъ, «будто Московскіе люди сѣютъ землю рожью, а живутъ все ложью и иныя многія укоризненныя слова». Но собственно говоря, въ моду и обычай вводитъ въ Москвѣ вирши Симеонъ Полоцкій. Поставленный, по званію домашняго учителя, въ близкое соотношеніе къ царской семьѣ, онъ, какъ представитель современной науки и образованности, очевидно употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы выставить эту науку и образованность со всѣхъ наиболѣе выгодныхъ сторонъ и поставить ее въ тѣснѣйшую связь съ жизнью. Вотъ почему мы видимъ, что онъ пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ для заявленія своего мнѣнія о томъ, что происходитъ передъ его глазами въ Москвѣ, а также и для выраженія своего участія къ тому, что происходитъ въ царской семьѣ. При этомъ, какъ человѣкъ образованный, онъ по внѣшней формѣ выраженія своихъ мыслей хочетъ отличаться отъ окружающей его духовной среды—и пишетъ стихи при каждомъ удобномъ случаѣ. Кромѣ обширныхъ сборниковъ проповѣдей, о которыхъ мы упоминали выше, Симеонъ Полоцкій оставилъ намъ два не менѣе объемистыхъ сборника своихъ стихотворныхъ произведеній: одинъ, подъ заглавіемъ «Вертоградъ многоцвѣтный (1678)», напоминаетъ собою наши «азбуковники», такъ какъ въ немъ стихотворенія, сюжетомъ которыхъ являются самые разнообразные предметы, расположены въ азбучномъ порядкѣ, «риѳмически по числу славянскаго алфавита». Другой, гораздо болѣе важный сборникъ стихотвореній Симеона, «Риѳмологіонъ» (1678), представляетъ собою явленіе литературное, прекрасно характеризующее и то время, къ которому оно относится, и ту школу, къ которой принадлежалъ авторъ «Риѳмологіона». Въ этомъ сборникѣ встрѣчаемъ стихи самаго разнообразнаго содержанія: похвальные, поздравительные, жалобные, восхвалительные, привѣтственные и случайные, написанные по поводу различныхъ праздествъ. Въ концѣ сборника помѣщены и два драматическихъ произведенія, принадлежащія перу Полоцкаго: комедія «о Блудномъ сынѣ» и о «Царѣ Новуходоносорѣ». Въ числѣ вышепомянутыхъ стихотвореній находимъ и поздравленія царю и царицѣ отъ имени царевича Θеодора; и обширный панегирикъ царю Алексѣю Михайловичу, подъ заглавіемъ «Орелъ Россійскій, въ солнцѣ представленный», и утѣшительное посланіе царю по поводу кончины его первой жены, и поздравленіе со вступленіемъ во второй бракъ, и скорбную элегію на смерть царя Алексѣя Михайловича, написанную въ формѣ діалога между покойнымъ царемъ, его семействомъ и поданными. Однимъ словомъ, «Риѳмологіонъ» представляетъ собою самое осязательное доказательство того громаднаго запаса практической мудрости, какимъ долженъ былъ обладать на Руси одинъ изъ новыхъ учителей, даже и поставленный въ высокое положеніе наставника царевича и въ близкія сношенія съ царскимъ семействомъ. Другимъ любопытнымъ памятникомъ стихотворнаго искусства Симеона Полоцкаго является «Псалтирь», переложенная имъ на церковно-славянскій языкъ силлабическими стихами. Переводъ этотъ былъ напечатанъ въ 1680 году, и возбудилъ своею новостью многіе опасные для автора толки невѣждъ. Полоцкій увидѣлъ себя вынужденнымъ защищаться противъ направленныхъ на него обвиненій и старался доказать, что «стихотворное переложеніе псалтири *не можетъ быть названо противо-церковною новостью*», такъ какъ и самый подлинникъ ея, на еврейскомъ, сочиненъ стихами, да при томъ же существуютъ уже и другіе стихотворные переводы Псалтири: латинскій, греческій и польскій. При изданіи этой книги, Симеонъ имѣлъ въ виду благую цѣль: онъ предназначалъ переводъ свой на то, чтобы сдѣлать псалмы не только доступными, но даже и пріятными для домашняго чтенія и пѣнія, и для этого даже приложилъ къ тексту своего перевода ноты... Но такія цѣли, такія попытки литературныя были еще слишкомъ рановременными и могли возбуждать въ большинствѣ современнаго общества только опасенія противъ «зараженныхъ католическими ученіями» нововводителей. Въ числѣ ближайшихъ учениковъ и подражателей Симеона Полоцкаго нельзя

не упомянуть здѣсь же, еще разъ, о томъ Сильвестрѣ Медвѣдевѣ—настоятелѣ и строителѣ Заиконоспасского монастыря—который, будучи ревностнымъ и просвѣщеннымъ послѣдователемъ идей Симеона Полоцкого, въ то же время былъ и слѣпымъ подражателемъ ему въ его дѣятельности литературной, какъ усердный слагатель виршей. Кромѣ того посланія, которое, вмѣстѣ съ Каріономъ Истоминымъ, С. Медвѣдевъ подалъ царевнѣ Софьѣ, прося о введеніи наукъ въ Россіи [1]), онъ оставилъ намъ еще и другое стихотворное произведеніе, соотвѣтствующее вполнѣ духу времени и и господствующимъ литературнымъ воззрѣніямъ:—это «Плачь и утѣшеніе о кончинѣ царя Θеодора Алексѣевича». Все стихотвореніе раздѣлено на 22 вирша или пѣсни, соотвѣтственно числу лѣтъ жизни покойнаго царя; въ содержаніи всего «Плача» преобладаютъ аллегорическія изображенія, отвлеченности, схоластическая напыщенность и риторическія украшенія. По юномъ царѣ плачетъ не только царица и родственники, не только духовенство, воинство, Великая, Малая и Бѣлая Россія, но даже «сугубоглавый царскій орелъ, преславный клейнодъ россійскій...» пока наконецъ скончавшійся царь Θеодоръ Алексѣевичъ не обращается къ плачущей Россіи со слѣдующимъ утѣшеніемъ:

«Тѣмъ же, преставши плача, Россіе, твоего,
Отъ премествія въ небо разуйся моего.»

XVIII.

МИСТЕРІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ И ВЪ ПОЛЬШѢ.—ДУХОВНАЯ ДРАМА ВЪ МОСКВѢ.—«ПЕЩНОЕ ДѢЙСТВО» И ДРУГІЯ.—ПЕРВЫЯ СЦЕНИЧЕСКІЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ НА ЕВРОПЕЙСКІЙ ЛАДЪ.—ДУХОВНЫЯ ДРАМЫ С. ПОЛОЦКАГО И ДМ. РОСТОВСКАГО.

Выше упоминали мы о тѣхъ двухъ драматическихъ произведеніяхъ Симеона Полоцкаго, которыя были помѣщены имъ въ «Риѳмологіонѣ». Этотъ родъ литературныхъ произведеній принадлежалъ у насъ, въ XVII в., къ числу такихъ новостей, которыя особенно ясно могли служить однимъ изъ признаковъ наступленія новой эпохи въ русской жизни. До конца XVII вѣка предки наши не имѣли никакого понятія о сценическихъ представленіяхъ, о театрѣ и драматическомъ дѣйствіи, хотя въ церквахъ нашихъ, еще съ XVI столѣтія, уже были совершаемы нѣкоторые обряды чисто-драматическаго характера, напоминавшіе собою церковныя представленія запада, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *мистерій*.

Первымъ поводомъ къ появленію *мистерій* на Западѣ послужило стремленіе католическаго духовенства къ тому, чтобы сильно подѣйствовать на воображеніе неграмотной массы, и какъ можно яснѣе, какъ можно нагляднѣе истолковать ей великое значеніе важнѣйшихъ христіанскихъ догматовъ. На этомъ основаніи, первоначально, духовенство довольствовалось только тѣмъ, что въ наиболѣе торжественные дни важнѣйшихъ христіанскихъ празднествъ, распредѣляло между духовенствомъ и причтомъ чтеніе соотвѣтствующихъ празднеству мѣстъ Св. Писанія, и при томъ такъ, что каждому изъ лицъ, назначенныхъ для чтенія Евангелія въ тотъ день, приходилось читать его, какъ роль актеру на сценѣ, съ особою интонаціею голоса; эти отдѣльныя лица впослѣдствіи стали облекать даже и въ соотвѣтствующіе ихъ ролямъ костюмы, окружать и самое мѣсто дѣйствія ихъ почти сценической обстановкой, въ которой около дѣйствующихъ лицъ являлись и всѣ предметы, упоминаемые въ Евангеліи, при описаніи того или другаго событія изъ жизни Спасителя. Такъ, если въ церкви хотѣли представить Рождество Спасителя, то въ одномъ изъ придѣловъ ея ставили ясли, и около ясель изображеніе осла и вола, а полъ около ясель устилали соломой. Ангелъ, явившійся къ пастырямъ возвѣщать о рожденіи Спасителя, спускался для этого сверху, по веревкѣ; для представленія Воскресенія Христова дѣлалось въ церквахъ еще болѣе приготовленій: устроивали гробницу въ одномъ углу церкви, а въ другомъ ставили на возвышеніи крестъ; въ третьемъ устроивали, также на возвышеніи, мѣсто для Пилата и судей и т. д. Долгое время главными сюжетами этихъ церковныхъ

[1]) См. выше, стр. 177.

представленій, которыя называли то *мистеріями*, то *духовными драмами*, являлись «пасхальныя мистеріи» (въ нихъ изображались крестныя страданія, смерть и воскресеніе Спасителя) и рождественскія (въ нихъ изображалось Рождество Спасителя, поклоненіе Пастырей и Волхвовъ). Но потомъ, къ этимъ сюжетамъ стали присоединяться новые; такъ напр. къ «рождественскимъ» мистеріямъ—избіеніе младенцевъ Иродомъ и бѣгство въ Египетъ; къ пасхальнымъ—обращеніе Лонгина, самоубійство Іуды. По мѣрѣ того, какъ расширялось такимъ образомъ содержаніе мистеріи и самая сценическая обстановка ея пріобрѣтала болѣе и болѣе блеску, въ народѣ все болѣе развивался вкусъ къ церковнымъ представленіямъ. На этомъ основаніи, угождая вкусу толпы, и духовенство, въ свою очередь, не оставалось назади, и заботилось о томъ, чтобы сдѣлать мистерію какъ можно болѣе разнообразною и занимательною для зрителей. Уже въ XI вѣкѣ являются, кромѣ мистерій Рождественскихъ и Пасхальныхъ, такъ называемыя *чудеса* (miracles), содержаніе которыхъ заимствовалось изъ житій и вращалось около одного изъ чудесъ, совершенныхъ тѣмъ или другимъ изъ наиболѣе чтимыхъ народомъ святыхъ. Вслѣдъ за тѣмъ къ вышеупомянутымъ сюжетамъ прибавляются и еще новые:—въ основу мистеріи начинаютъ избирать даже отдѣльныя евангельскія притчи, напр. притчу о десяти дѣвахъ, о блудномъ сынѣ. Наконецъ, самыя мистеріи рождественскія и пасхальныя начинаютъ добавлять и пополнять нѣкоторыми эпизодами изъ ветхозавѣтной исторіи, которые ставятъ въ тѣсное соотношеніе съ Рождествомъ и Воскресеніемъ Спасителя. До насъ дошли такія рождественскія мистеріи, въ началѣ которыхъ на сцену выводились Адамъ и Ева, представлялось грѣхопаденіе перваго человѣка, изгнаніе изъ рая, братоубійство Каина; за тѣмъ являлись бѣсы и увлекали Адама, Еву и Каина въ адъ, а на сцену, одинъ за другимъ выступали пророки: Іезекіиль, Іеремія и др. и торжественно возвѣщали наступленіе новой эры — близкое Рожденіе Спасителя, которому надлежало искупить страданіями и смертью Своею грѣхи человѣчества. Дѣйствіе заключалось представленіемъ обычной рождественской мистеріи. По мѣрѣ того, какъ содержаніе рождественскихъ и пасхальныхъ драмъ такимъ образомъ расширялось, а самыя представленія ихъ начинали иногда растягивать на нѣсколько дней, въ нихъ мало по малу закрадывались такія начала, которыя ничего не имѣли общаго съ религіозною основою мистеріи. Между лицами, дѣйствовавшими на сценѣ мистеріи, явились такія, которымъ авторы мистерій влагали въ уста рѣчи простонародныя, шутливаго или задорнаго содержанія. Роль дьявола и бѣсовъ, которымъ приходилось выступать на сцену почти въ каждомъ церковномъ представленіи, становилась все болѣе и болѣе комическою. Наконецъ, между дѣйствіями обширныхъ сводныхъ мистерій рождественскихъ и пасхальныхъ, длившихся иногда по нѣскольку дней сряду, стали вставлять шутовскія *интермедіи* (междудѣйствія), въ которыхъ исключительными дѣйствующими лицами являлись шуты и скоморохи, забавлявшіе зрителей своими часто вовсе неприличными выходками или сценами, заимствованными прямо изъ народнаго быта. Все это способствовало тому, что высшее духовенство обратило наконецъ вниманіе на неумѣстность подобныхъ представленій въ стѣнахъ церкви, и послѣ долгой, упорной борьбы съ низшимъ духовенствомъ и монашествомъ, наконецъ вытѣснило мистерію изъ церквей Западной Европы, сначала въ церковныя ограды, а потомъ и на площадь. Это случилось не ранѣе конца XIV вѣка. Духовенство и послѣ этого, долгое время оставляло за собою исключительное право на исполненіе нѣкоторыхъ ролей. Наконецъ, утвердившись на площади, мистерія сдѣлалась вполнѣ достояніемъ народа; актерами въ ней явились ремесленники и клерки (приказные), и комическая сторона мистеріи стала прямо пополняться характерами и образами изъ живой дѣйствительности. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ духовенства, которому главнѣйшимъ образомъ предоставлено было руководствовать образованіемъ и воспитаніемъ юношества, духовная драма занесена была въ школы, и здѣсь пріобрѣла нѣсколько особый оттѣнокъ. Какъ прежде, почти незамѣтно, закрался въ содержаніе мистеріи элементъ комическій, такъ подъ вліяніемъ схоластики, тяготѣвшей надъ школьнымъ преподаваніемъ, сталъ проявляться въ духовной драмѣ новый элементъ: — *духовно-нравственный*, *отвлеченный*. На сцену школьной комедіи стали выступать, въ видѣ дѣйствующихъ лицъ, различные *добродѣтели и пороки*, отвлеченные образы отдѣльныхъ свойствъ Божества и человѣка, какъ напр. милосердіе, премудрость

Божья, Провидѣніе, сострадание, злоба людская, грѣхъ, раскаяніе и т. д. Всѣ подобнымъ образомъ составленныя духовныя драмы получили названіе «нравственныхъ представленій» (moralités), такъ какъ дѣйствительно отвлеченная, схоластическая мораль являлась главною основою ихъ содержанія.

Всѣ эти перемѣны были пережиты духовною драмою въ Европѣ, въ теченіе четырехъ или пяти вѣковъ ея существованія до эпохи Возрожденія. Зародившись первоначально въ южной Франціи, драма духовная отсюда распространилась вскорѣ по всей католической Европѣ и достигла даже Польши, гдѣ и явилась довольно рано—въ XII вѣкѣ. Здѣсь пришлось ей пережить почти всѣ тѣ періоды развитія, о которыхъ мы упоминали выше, и наконецъ сдѣлаться исключительнымъ достояніемъ іезуитскихъ коллегій, въ которыхъ воспитанники, подъ руководствомъ наставниковъ, нѣсколько разъ въ годъ занимались разъучиваньемъ и разыгрываньемъ мистерій и пьесъ духовно-нравственнаго содержанія, писанныхъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Подъ непосредственнымъ польскимъ вліяніемъ развившаяся русская образованность нашей юго-западной окраины, внесла также въ свой школьный обиходъ и эти духовныя драмы. Наставники принимали на себя сочиненіе духовныхъ драмъ, а воспитанники ихъ исполненіе на сценѣ; сверхъ того, студенты Кіево-Могилянской коллегіи ходили на святкахъ по домамъ съ *вертепомъ* (небольшимъ, ручнымъ, механическимъ кукольнымъ театромъ), и представляли на сценѣ вертепа рождественскую драму. Одинъ изъ учениковъ говорилъ рѣчи за куколъ выступавшихъ на сцену; другіе, сопровождавшіе вертепъ, пѣли *канты* (религіозныя пѣсни), написанныя силлабическими стихами и прославлявшія Рождество Спасителя. Значеніе духовной драмы въ школьномъ быту считалось настолько важнымъ, что и высшія духовныя лица, руководившія воспитаніемъ юношества, посвящали досуги свои сочиненію этого рода произведеній. Такъ напр. уже о Петрѣ Могилѣ сохранилось извѣстіе, что онъ написалъ нѣсколько такихъ школьныхъ драмъ, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одна не дошла до насъ; вообще, къ величайшему сожалѣнію нашему, намъ до сихъ поръ остаются совершенно неизвѣстными образцы духовныхъ драмъ и драматическихъ діалоговъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они являлись въ стѣнахъ юго-западныхъ русскихъ школъ въ первой половинѣ XVII вѣка.

Только отъ послѣдней четверти XVII столѣтія намъ сохранились двѣ пьесы, принадлежащія перу плодовитаго и многосторонняго Симеона Полоцкаго, о которыхъ мы и упоминали уже выше, излагая содержаніе его «Риемологіона». Сверхъ того, отъ конца XVII и начала XVIII вѣка дошли до насъ драматическія произведенія другаго духовнаго писателя нашего—св. Дмитрія Ростовскаго. Всѣхъ пьесъ св. Дмитрія Ростовскаго пять:—«Рождество Христово», «Воскресеніе Христово», «Грѣшникъ кающійся», «Эсѳирь и Агасферъ», драма «Успенская», драма «Дмитріевская». По содержанію своему, всѣ эти произведенія занимаютъ середину между мистеріей и духовно-аллегорическими пьесами (moralités). Рядомъ съ событіями и лицами, непосредственно заимствованными изъ библіи, являются и лица чисто-аллегорическія, отвлеченныя:—Натура людская, Надежда, Кротость, Незлобіе, Золотой вѣкъ, Смерть, Желѣзный вѣкъ, Зависть, Брань (т. е. война), Жизнь. Пьесы начинаются, по сценическому обычаю того времени, *прологомъ*, въ которомъ актеръ въ общихъ чертахъ излагаетъ содержаніе предлагаемой зрителямъ пьесы, а иногда и ея значеніе по отношенію къ современности; такимъ же точно образомъ и заканчивается пьеса *эпилогомъ*, въ которомъ авторъ, устами другаго актера, старается усилить впечатлѣніе, произведенное пьесой, сосредоточивая всѣ отдѣльныя черты ея въ одномъ общемъ выводѣ. Пьесы Симеона Полоцкаго явились въ числѣ первыхъ театральныхъ зрѣлищъ на сценѣ Московскаго придворнаго театра, который получилъ свое начало не ранѣе 1673 года, въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Пьесы св. Дмитрія Ростовскаго, написанныя имъ еще въ Малороссіи, были играны въ «крестовой палатѣ» въ Ростовѣ, когда св. Дмитрій возведенъ былъ въ санъ митрополита Ростовскаго; въ представленіи ихъ участвовали воспитанники училища, заведеннаго св. Дмитріемъ въ Ростовѣ. Любопытною чертою различія между пьесами С. Полоцкаго и Дм. Ростовскаго являются тѣ народныя сцены, заимствованныя изъ живой дѣйствительности, которыя Дм. Ростовскій весьма искусно и кстати вставляетъ въ середину дѣйствія своихъ духовныхъ драмъ.

До 1673 года ни духовныя драмы, ни вообще какія бы то ни было сценическія представленія не были вовсе извѣстны въ сѣверо-восточной Руси. Однакоже въ нашемъ церковномъ быту и до этого времени существовали нѣкоторые богослужебные обряды, хотя и весьма простые, весьма незамысловатые, но все же нѣсколько напоминающіе западную мистерію, въ періодъ ея первоначальнаго церковнаго развитія, когда она являлась только

Дмитрій Ростовскій.

переходомъ отъ церковныхъ процессій къ наглядному, въ лицахъ представленному поясненію событій св. Писанія. Обряды эти у насъ на Руси получили названіе *дѣйствъ*, и такихъ дѣйствъ было у насъ извѣстно три. Древнѣйшимъ изъ нихъ является «*пещное дѣйство*», въ которомъ изображалось ввержение трехъ отроковъ въ Вавилонскую печь и чудесное избавленіе ихъ ангеломъ отъ пламени; оно совершалось передъ Рождествомъ и въ Москвѣ, и по другимъ городамъ; древнѣйшее извѣстіе о совершеніи его восходитъ къ первой половинѣ XVI столѣтія [1]). Другое «дѣйство», извѣстное подъ названіемъ «*шествія на осляти*», происходило, начиная съ конца XVI вѣка, въ Москвѣ и по городамъ, обыкновенно въ Вербное Воскресенье. Оно служило воспоминаніемъ торжественнаго входа Спасителя въ Іерусалимъ, и совершалось по особому уставу, въ Москвѣ—патріархомъ, въ присутствіи самого царя; въ другихъ городахъ—архіереями,—въ присутствіи воеводъ. Третье, и наиболѣе простое изъ всѣхъ—«дѣйство Страшнаго Суда», происходило обыкновенно въ воскресенье передъ Масляной. На площади, за алтаремъ московскаго Успенскаго Собора, устроивали два мѣста: одно для патріарха, другое для государя; передъ патріаршимъ мѣстомъ, на подмостахъ, обитыхъ краснымъ сукномъ, ставили образъ Страшнаго Суда. Царь и патріархъ шествовали изъ собора на означенныя мѣста, съ крестнымъ ходомъ, при звонѣ во всѣ колокола. Послѣ пѣнія стихиръ, освященія воды и чтенія на четыре стороны Евангелія, патріархъ отиралъ губкою образъ Страшнаго суда и другія иконы, осѣнялъ крестомъ и кропилъ св. водою государя, власти духовныя и свѣтскія и всенародное множество, присутствовавшее при совершеніи обряда [2]). Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1588—89 годахъ, разсказываетъ о «пещномъ дѣйствѣ» и, между прочимъ, о томъ, какъ ангелъ слетаетъ съ церковной крыши въ *пещь* къ тремъ отрокамъ, къ величайшему удивленію зрителей при множествѣ пылающихъ огней, производимыхъ посредствомъ пороха такъ называемыми *халдейцами*, которые впродолженіи цѣлыхъ 12 дней должны были бѣгать по городу, переодѣтые въ шутовское платье и дѣлали разныя смѣшныя штуки, для оживленія обряда. Подробное описаніе всего обряда «пещнаго дѣйствія» сохранилось намъ вполнѣ и мы считаемъ не излишнимъ привести его здѣсь цѣликомъ, какъ оно изложено академикомъ Пекарскимъ въ извѣстной книгѣ его «Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ» [3]).

«Въ этомъ обрядѣ, къ обыкновенной архіерейской службѣ, присоединялось нѣсколько дѣйствій, имѣвшихъ цѣлью напоминаніе событія изъ исторіи Ветхаго Завѣта «о ввержении въ пещь трехъ отроковъ: Ананія, Азарія и

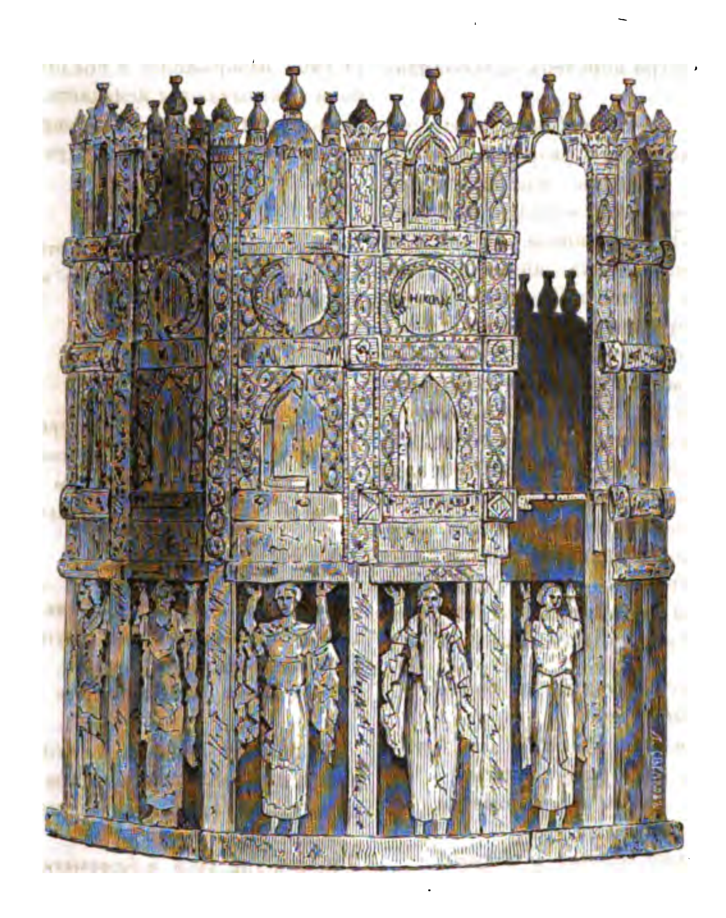
[1]) Подъ 1548 г. упоминается о немъ въ расходныхъ книгахъ Новгородскаго Софійскаго архіерейскаго дома. [2]) Галаховъ. Ист. Русск. Словесности древней и новой; стр. 203. [3]) См. тамъ стр. 388—390 и слѣд.

Мисаила». По этому случаю, въ среду, (передъ Рождествомъ Христовымъ) въ церкви разбиралось большое паникадило, а въ субботу, во время обѣдни, сдвигался амвонъ и ставилась *пещь*. Во всенощную, весь обрядъ ограничивался тѣмъ, что дѣти, которыя представляли отроковъ, и такъ называемые *два халдея* предшествовали святителю при вступленіи его въ соборъ, причемъ дѣти были одѣты въ стихари и вѣнцы, а халдеи въ «халдейское платье.» [1]) Богослуженіе должно было происходить безъ всякихъ отмѣнъ, съ нѣкоторою только торжественностью. При выходѣ предшествуетъ «халдей предъ отроки со свѣчею халдейскою, и по немъ отроки со свѣчами, а другой халдей по отроцѣхъ». Пещное дѣйство производилось во время заутрени. Тогда, какъ и во всенощную, отроки и халдеи, притомъ первые съ зажженными свѣчами, предшествуютъ святителю. По окончаніи пролога, протопопъ и священники поютъ приличныя обстоятельствамъ священныя пѣсни. Въ это время, руки отроковъ обвязывались полотенцемъ и они подводились халдеями къ святительскому мѣсту. «Егда же дойдетъ первый халдей до церкви близь пещи, и станутъ отроки и халдеи, и указуютъ оба халдея отрокамъ на пещь пальмами, и глаголетъ первый халдей ко отрокамъ: «Дѣти царевы!» Другій же халдей поддваиваетъ тое-же рѣчь: «царевы!» И первый глаголетъ халдей: «видите-ли сію пещь огнемъ горящу и вельми распаляему?» И паки второй глаголетъ халдей: «а сія пещь уготована вамъ на мученіе.» И потомъ Ананія отвѣщаетъ: «видимъ мы пещь сію, не ужасаемся ея; есть бо Богъ нашъ на небеси, ему же мы служимъ: той силенъ изъяти насъ отъ пещи сея.» И по семъ Азарія глаголетъ: «и отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ.» Тоже Мисаилъ отвѣщаетъ: «а сія пещь будетъ не намъ на мученіе, а вамъ на обличеніе...» По благословеніи святителемъ и врученіи каждому свѣчи, отроки становятся опять около пещи. «И въ то время единъ отъ халдей кличетъ: «товарищъ!» другой же халдей отвѣщаетъ: «чего?» И первый халдей глаголетъ: «это дѣти царевы?» а другой халдей поддваиваетъ: «царевы.» Первый же глаголетъ: «нашего царя повелѣнія не слушаютъ,» а другой отвѣщаетъ: «не слушаютъ.» Первый же халдей говоритъ: «а златому тельцу не покланяются?» а другой халдей: «не поклоняются.» Первый халдей говоритъ: «и мы вкинемъ ихъ въ пещь;» а другаго отвѣтъ: «и начнемъ ихъ жещь!» Послѣ того дѣтей вводятъ въ пещь, и халдеи дѣлаютъ видъ, что разводятъ огонь подъ нею. Въ это время хоръ пѣвчихъ, протодьяконъ и отроки въ печи поютъ священныя пѣсни, и въ концѣ стиха: «яко духъ хладенъ и шумящъ,» «сходилъ ангелъ господень въ пещь ко отрокамъ въ трубѣ велицѣ зѣло съ громомъ...» Халдеи, державшіе до того времени высоко свои пальмы, падали, а дьяконы опаляли ихъ при помощи свѣчей и травы плауна. При этомъ случаѣ опять завязывался разговоръ между халдеями; первый говорилъ: «товарищъ!» Второй откликался: «чего?» — Первый: «видишь-ли?» — Второй: «вижу.» — Первый: «было три, а стало четыре; а четвертый грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобился сыну Божію.» — Второй: «какъ онъ прилетѣлъ, и насъ побѣдилъ.» — Послѣ того продолжались священныя пѣсни; халдеи выпускали изъ пещи отроковъ, служба продолжалась по уставу, съ тою разницею, что въ нѣкоторыхъ обрядахъ участвовали отроки и халдеи съ зажженными свѣчами. Послѣ утрени, пещь снималась, изображеніе ангела — также, въ церкви все приводилось въ прежній порядокъ, но впродолженіи обѣдни и вечерни того дня участвовали и отроки, и халдеи».

До какой степени не взыскателенъ былъ вкусъ не только толпы, но и высшихъ сословій, видно изъ того, что царь и царица присутствовали каждый годъ при совершеніи обряда «пещнаго дѣйства», и находили въ немъ особый интересъ, хотя каждый годъ повторялось все одно и тоже, безъ всякаго добавленія или измѣненія. Тѣмъ болѣе пріятно пораженъ былъ дворъ прибытіемъ въ Москву первой труппы иноземныхъ актеровъ; а именно въ 1673 году прибылъ туда антрпренеръ Готфридъ Яганъ, съ нѣсколькими нѣмцами-актерами. 21 октября 1673 г. нѣмецъ-антрпренеръ услаждалъ царя за ужиномъ музыкою своего нѣмецкаго оркестра, состоявшею изъ органа, трубъ и литавръ. Потомъ нѣмцы просили дозволить имъ *«комидійное дѣйство и потѣху»*. Царь рѣшился на это

[1]) Костюмъ халдеевъ состоялъ изъ шапокъ, отороченныхъ заячьимъ мѣхомъ и вызолоченныхъ сверху. На тѣлѣ у нихъ были широкія суконныя одежды, съ оплечьями изъ выбойки. Описаніе это сохранилось намъ отъ начала XVII ст. въ приходорасходныхъ книгахъ вологодскаго архіерейскаго дома.

не сразу, и сначала, вѣроятно, посовѣтовался съ приближенными своими, а потомъ и съ духовникомъ: послѣдній отвѣчалъ, что нѣмцамъ во дворцѣ играть можно, такъ какъ при дворѣ византійскихъ императоровъ подобныя увеселенія допускались. 2-го ноября того же года, въ селѣ Преображенскомъ дано было первое сценическое представленіе въ присутствіи царя; оркестръ состоялъ изъ обученныхъ нѣмцами людей приближеннаго къ царю боярина Матвѣева, а нѣмцы представляли на сценѣ, «какъ Юдифь

Пещь Вавилонская.

Олоферну голову отсѣкла». Видно, что это увеселеніе понравилось при дворѣ и нашло себѣ поддержку въ средѣ вельможъ-сторонниковъ Запада, потому что черезъ нѣсколько дней послѣ перваго представленія, дано было при дворѣ и второе, гдѣ была даже и сама царица съ царскою семьею; для нихъ нарочно была устроена закрытая галлерея позади царскаго мѣста. Нѣмцы играли комедію, какъ «Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, по царицыну челобитью и Мардохеину наученью». Вскорѣ потомъ представлена была «исторія о странствіи и бракѣ молодаго Товія, сына Товитова». Представленія эти такъ пришлись всѣмъ по вкусу, что потребовалось увеличенье труппы: пріѣзжихъ нѣмцевъ и дворовыхъ людей Матвѣева оказалось недостаточно для *комидійныхъ дѣйствъ*: въ томъ же 1673 году

Матвѣевъ приказалъ въ Новомѣщанской слободѣ изъ мѣщанскихъ дѣтей выбрать 26 человѣкъ въ «комидіанты» и отвести въ нѣмецкую слободу къ магистру Готфриду. Но и этихъ учениковъ не доставало: брали подьячихъ и отсылали къ магистру Ягану Готфриду для наученія «комедійскому дѣлу». Немного спустя, по приказанію царя, приступлено было и къ постройкѣ «особыхъ палатъ для комедійскаго дѣйства» въ Московскомъ дворцѣ и присмотръ за построеніемъ этого перваго русскаго театра порученъ былъ боярину Матвѣеву.

Первыя пьесы, представленныя въ присутствіи царя на домашней дворцовой сценѣ, были конечно — нѣмецкія, или на скорую руку переведенныя съ нѣмецкаго. Но, подъ вліяніемъ русскаго юго-запада, въ школахъ котораго духовная драма занимала столь видное мѣсто, на московской сценѣ не замедлила явиться и русская мистерія. Мистерія эта — Св. «Алексій Божій человѣкъ»,—передѣланная съ польскаго подлинника, была написана въ честь царя Алексѣя Михайловича и представлена студентами Кіево-Могилянской коллегіи на публичномъ актѣ. Въ 1673 году она уже является на сценѣ московской и въ прологѣ ея, сильно отзывающемся польскимъ вліяніемъ оригинала, видимъ даже намекъ на современный интересъ — войну съ Турціей, которая ставится въ особенную заслугу царю Алексѣю Михайловичу. Вотъ этотъ прологъ:

«Діогонесъ-философъ среди дня съ свѣчою
Человѣка нѣкгдысь шукалъ
Шукалъ, а не нашелъ; жаденъ не далъ быти
Человѣчимъ кого мѣлъ гоноромъ учтити.
Если мудрецъ не нашелъ проста человѣка,
Шукаючи посреди лукаваго вѣка,
То бардзѣй божьяго человѣка не найдешь.
Отъ таковой вашъ-мосцовъ увольняючи працы,
Алексѣя покажетъ ото на семъ пляцы.
Тутъ же обачите, за якія справы
Божіимъ человѣкомъ сталъ въ небесной славы.
Будетъ то на пожитокъ вашъ-мосцовъ душевный
Се нашъ актъ працовичный, только не вседневный,
Будетъ той на славу пресвѣтлому и благочести-
вому царю Алексѣю,
Который, и въ Бозѣ, и въ святыхъ маючи надѣю,
Зъ непріятелемъ креста Христова дѣло зачинаетъ,
Але яко Константинъ, нигды не проиграетъ».

Вслѣдъ за «Алексѣемъ Божіимъ человѣкомъ» является на московской сценѣ цѣлый рядъ мистерій, принадлежащихъ плодовитому Симеону Полоцкому. Изъ нихъ, между прочимъ, особенно любопытна для насъ «Комедія о Навуходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ пещи сожженныхъ», по своему отношенію къ извѣстному уже обряду «пещнаго дѣйства». Въ комедіи Симеона Полоцкаго тотъ же сюжетъ пріобрѣтаетъ уже вполнѣ литературную, драматическую обстановку. Въ началѣ комедіи является Навуходоносоръ, повелѣваетъ вылить изъ золота свое изображеніе и поклоняться ему. Отроки отказываются исполнить повелѣніе царя; этотъ угрожаетъ имъ смертью на кострѣ и получаетъ отъ нихъ слѣдующій отвѣтъ:

Сердахъ.

Нѣсть тебѣ, царю, намъ ти отвѣщати,
Богъ всемогущъ, силенъ насъ изъяти
Изъ огня люта силою своею,
И свободити отъ руку твоею.

Мисахъ.

Къ тому вѣждь, царю, яко прещеніе
Огня не введетъ насъ во прельщеніе;
Аще же огню Богъ хощетъ мы дати,
Мы за честь его готовы страдати.

Авденаго.

Живаго Бога Небеснаго знаемъ;
Бездушный образъ смѣло обругаемъ.
Не подобаетъ твари почитати,
Творецъ есть Богъ нашъ, того и хощемъ знати.

Въ эпилогѣ авторъ, по обычаю времени, приноситъ благодареніе царю, за слушанье представленія, въ слѣдующихъ словахъ:

Пресвѣтлый царю и благочестивый,
Богомъ вѣнчанный и христолюбивый,
Благодаримъ тя о сей благодати,
Яко изволилъ дѣйство послушати;
Свѣтлое око твое созерцаше
Комидійное сіе дѣло наше,
Имъ же ти негли не угодни быхомъ,
Яко искусства должна не явихомъ:
Разума скудость выну погрѣшаетъ,
А умъ богатый радостно прощаетъ...»

Рядомъ съ этою «комедіею» являются на московской сценѣ и другія мистеріи: «О блудномъ сынѣ», «Жалостная комедія о

грѣхопаденіи Адама», въ послѣднемъ дѣйствіи которой выступаютъ на сцену и лица аллегорическія: Миръ, Правда, Истина и Милосердіе; наконецъ нѣсколько мистерій, которыхъ сюжеты заимствованы изъ исторіи Ветхаго Завѣта: «Іосифъ, сынъ Израилевъ», «исторія о царѣ Давидѣ и о сынѣ его Соломонѣ премудромъ» и др. Большая часть этихъ пьесъ, писанныхъ силлабическими виршами, снабжена прологами и эпилогами, обращенными къ царю Алексѣю Михайловичу, и указывающими на то, что всѣ онѣ были въ свое время играны въ его присутствіи на придворномъ домашнемъ театрѣ. Нѣкоторыя сценическія указанія, прибавленныя въ рукописяхъ, указываютъ на довольно роскошную постановку пьесъ, а списки дѣйствующихъ лицъ—на то, что актеровъ бывало на сценѣ много, и что слѣдовательно не даромъ для пополненія труппы нѣмецкой заведено было русское приготовительное для театра училище изъ мѣщанъ и подъячихъ, подъ руководствомъ искуснаго мастера Ягана Готфрида! Театръ нравился всѣмъ; сценическія представленія производили сильное впечатлѣніе на царя и весь дворъ — и въ этомъ нельзя не видѣть одного изъ самыхъ опредѣленныхъ признаковъ близости новаго періода въ развитіи русской общественной жизни и образованности. «Театральное училище основалось въ Москвѣ прежде Славяно-Греко-Латинской Академіи и другихъ школъ, для потѣхи великаго государя» — говоритъ историкъ нашъ Соловьевъ; «по всему было видно, что и другія школы не замедлятъ; сильно чувствовалось, что отстали, сильно чувствовалось и громко говорилось, что надобно учиться: въ литературѣ, какъ и во всемъ бытѣ, явственны были признаки приближенія новаго времени...»

Русская Духовная драма.

Отрывокъ «Комедіи на Рождество Христово», сочиненной Св. Димитріемъ Ростовскимъ.

(Въ содержаніе этой рождественской мистеріи входятъ слѣдующія дѣйствія: 1) Рождество Спасителя; 2) поклоненіе пастырей и волхвовъ; 3) убіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ; 4) муки Ирода. Въ началѣ мистеріи на сцену являются лица аллегорическія. «Натура людская» жалуется на несовершенства человѣческія и грѣхопаденіе первыхъ людей. Её «утѣшаютъ «Надежда, «золотой вѣкъ, Кротость, Незлобіе, Радость». Но послѣ нихъ являются на сцену «Зависть, Желѣзный вѣкъ, Брань» — и «Натура людская» снова опечалена. «Смерть» вступаетъ въ споръ съ «Жизнью»; затѣмъ происходятъ длинные разговоры и прѣнія между другими, также аллегорическими лицами: «Небомъ, Землею, Милостью Божьею, Враждой и »Завистью». Наконецъ на сцену выступаютъ «виѳлеемскіе пастухи». Изъ нихъ двое:—Аврамъ и Аѳоня, ушли въ городъ, а третій, Борисъ, остался при овцахъ; сначала Борисъ выражаетъ свое недоумѣніе относительно долговременнаго отсутствія своихъ товарищей; потомъ тѣ возвращаются и садятся съ Борисомъ ужинать. Въ это время—какъ обозначено въ подлинникѣ—:)

«*Запоютъ ангели, а они (т. е. пастухи) забудутся, кусы въ ротахъ, думаютъ долго, одинъ на другаго смотрятъ, не скоро въ небо*».

Аврамъ.

«Што, братъ, гдѣ же такъ этакъ поютъ хорошенько?
Еще я такъ не слыхавъ. Ты слышишь, Аѳонька?

Аѳоня.

«Я вже слышу и вижду: ей, птички высоко,
Смотрите, едва ваше недосмотритъ око:
Ты старъ, ты на глазъ хромъ,—вотъ, въ гору смотрите.

Борисъ и Аврамъ.

«Е,—е,—е, видимъ, видимъ! А што, правда, птички?

Аврамъ.

«Братъ, кажется, робятки стоятъ невелички».

Аѳоня.

«Судари, и хто видалъ! —робята съ крылами,
Птицы то залетѣли межи облаками;
Етакъ бы хорошенько робята не пѣли;
Смотри, смотри, не видно, вотъ и полетѣли.

Борисъ.

«Летите жъ здоровеньки, а мы посѣдѣмо,
Маленько покушавши, къ овечкамъ идѣмо».

Аврамъ.

«Когда бы же такъ надъ стадомъ нашимъ всю нощь пѣли.
То бы мы, ихъ слушаючи, спать не хотѣли.
Авоня, ты учися на дудкѣ играти,
Чтобы мы не хотѣли, да и ты, дремати».

(*Ангелъ является въ это время пастухамъ*).

Ангелъ (*къ пастырямъ*).

«Радость, о пастыріе, отъ меня пріимите,
И не ужасайтеся, но словамъ внемлите:
Радость нынѣ велія мірови явися.
Спасъ человѣческому роду родися—
Отъ пренепорочныя Маріи дѣвицы,
Небесныхъ, купно земныхъ жителей царицы!
Близъ града Вѳолеема, въ вертепѣ глубокомъ,
Между воломъ и осломъ, на мѣстѣ высокомъ,
Въ ясляхъ, на остромъ сѣнѣ пеленами свитый,
Ницъ лежитъ всего міра царь пренаменитый;
Такъ убо веселыми ногами идете,
Достойную сму честь и поклонъ дадете!

Борисъ.

«О сударь, кто ты таковъ, ты княжаго рода,
Чаю, что князь твой отецъ, или воевода?

Ангелъ.

«Азъ есмь архангелъ, не отъ земна рода,
Но отъ небесныхъ ликовъ воевода.
Неприступну престолу Бога услугую
И тайны того міру азъ благовѣствую,
Еже и вамъ вѣщаю, отъ его посланный,
Тому поклонъ да будетъ отъ васъ нынѣ данный.

Аврамъ.

Чаю тебя, государь, къ князьямъ послали,
Штобъ они великому царю поклонъ дали.
Не къ намъ, нищимъ пастухамъ—что ты заблудилъ
Или не вслухавъ—вѣстникъ къ намъ такій не ходилъ.

Ангелъ.

«Аще и царь есть царемъ, нынѣ же смиренный
Волею между скоты вселъ положенный:
Нищету возлюбивый, васъ, нищихъ, взываетъ,
Пастырь сый всѣмъ пастырямъ, васъ, пастырей часть.

Борисъ.

«О сударь, надобно ли что въ поклонъ понести,
Штобы не велѣлъ, яко нашъ князь, въ шею вонъ вести?

Ангелъ.

«Господь вашъ и Богъ благихъ вашихъ нетребуетъ,
Нехощетъ себѣ даровъ, но онъ да даротвуетъ.
Чисто сердце за дары тому принесете,
Вѣру, надежду, любовь ему предложете.
Глаголанное мною скоро сотворите:
Азъ буду невидимъ, вы въ вертепъ идите.

Борисъ

Што же, такъ идти худо; ходимъ украсимся
Въ чулки, въ лапти новые. Пойдемъ приберемся.
Авоня, позабирай калачи и вино,
Да и ты приберися, пойдемъ всѣ за одно.

Пѣніе:

«Ангелъ пастырей вѣстилъ
Христосъ ся вамъ днесь родилъ,
Въ Виѳлеемѣ, градѣ Давидовомъ,
Отъ Дѣвы Маріи, въ колѣнѣ іудовомъ.
Хотяще знать извѣстно,
Еже имъ благовѣстно,
Въ Виѳлеемъ скоро пошли
Отроча въ ясляхъ знашли».

XIX.

ПОВѢСТЬ ВЪ XVII ВѢКѢ. — РЫЦАРСКІЕ РОМАНЫ ВЪ РУССКИХЪ ПЕРЕВОДАХЪ; СМѢХОТВОРНЫЯ ПОВѢСТИ. — ПОПЫТКИ СОЗДАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ РУССКУЮ ПОВѢСТЬ; ДВА ГЛАВНЫХЪ ЕЯ НАПРАВЛЕНІЯ. — ПОВѢСТЬ О ГОРѢ-ЗЛОСЧАСТЬѢ.

Прежде, чѣмъ мы здѣсь укажемъ на тѣ новыя направленія, какія приняла русская повѣствовательная литература въ XVII столѣтіи, мы должны будемъ сказать нѣсколько словъ о томъ періодѣ ея развитія, который непосредственно предшествовалъ первымъ попыткамъ создать нѣчто самостоятельное въ повѣствовательномъ родѣ и при томъ основанное на историческихъ условіяхъ русскаго быта.

Мы уже видѣли, каковы были первыя повѣсти и литературно-обработанныя сказки, которыя заносились къ намъ во второмъ періодѣ нашей литературы съ дальняго востока или изъ Византіи при посредствѣ южно-славянскихъ передѣлокъ и переводовъ. Нѣсколько позднѣе, сначала черезъ Псковъ и Новгородъ, а потомъ и черезъ Польшу стали къ намъ проникать нѣкоторыя изъ западныхъ сказаній... Но, между тѣмъ, сильная потребность въ чтеніи разнообразномъ, находившая себѣ долгое время удовлетвореніе только въ однихъ палеяхъ и хронографахъ, побуждала фантазію древне-русскаго книжника не пренебрегать и этой тощей почвой для созданія повѣствованій, то поучительныхъ и назидательныхъ, то полныхъ чудеснаго и сверхъестественнаго. Однакоже авторы повѣствованій, подъ вліяніемъ религіозно-аскетическихъ воззрѣній, еще боятся отступать отъ исторической основы: они дозволяютъ себѣ только нѣкоторое незначительное украшеніе этой основы вымысломъ, только самыя ничтожныя поясненія и пополненія историческаго содержанія своихъ повѣстей русскими чертами быта и болѣе понятными для нихъ подробностями. Въ этомъ отношеніи важнымъ пособіемъ и часто главнымъ источникомъ для древне-русскихъ книжниковъ, складывавшихъ повѣсти, служили *хронографы*.

«Въ *хронографѣ* совмѣщалась цѣлая историческая библіотека. Начинаясь сотвореніемъ міра, онъ приводилъ библейскую и церковную исторію, добавляя ее сказаніями апокрифическими, разсказывалъ о судьбахъ древнихъ народовъ, особливо Римлянъ и Грековъ, до паденія Византіи, переходилъ къ Славянскимъ племенамъ и къ Руси, исторію которой излагалъ по лѣтописнымъ сборникамъ. Отдѣльныя произведенія вносимы были въ хронографы въ извлеченіи или же цѣликомъ, напр. исторія Александра, Троянскія сказанія и многія другія повѣсти. Говоря о сотвореніи міра, хронографъ выписывалъ толкованія Отцевъ Церкви, вставлялъ космографическія и географическія свѣдѣнья, расказывалъ о греческой миѳологіи. Вслѣдствіе этого состава, изложеніе большею частью носило отрывочный, анекдотическій характеръ, потому что составители не столько заботились о внутренней связи расказа, сколько обращали вниманіе на отдѣльные факты: — однимъ словомъ, книжники наши сдѣлали изъ хронографа (съ теченіемъ времени) цѣлую историческую энциклопедію, въ которую попадало много даже такого, что было излишне въ сочиненіи историческомъ» [1]). Изъ этой то энциклопедіи да изъ многочисленныхъ, разнообразныхъ списковъ *Палеи* до самаго XVII вѣка приходилось русскимъ книжникамъ почерпать всѣ необходимыя для нихъ свѣдѣнья историческія; отсюда же почерпнули они и содержаніе нѣсколькихъ повѣстей, которымъ была придана ими литературная форма. Такъ напр. въ числѣ повѣстей, основанныхъ на сюжетѣ историческомъ, заимствованномъ изъ хронографовъ, нельзя не упомянуть о такихъ произведеніяхъ литературныхъ, какъ «повѣсть о взятіи Царяграда Турками», какъ «сказаніе о Дракулѣ, воеводѣ Мутьянскомъ» или еще «Слово о дѣвицѣ, Иверскаго царя дщери, Дикаріи царицѣ». Первое въ числѣ этихъ произведеній замѣчательно по своимъ подробностямъ, по обстоя-

[1]) Пыпинъ. Очеркъ литературной истор. стар. пов. и сказ. 212—13.

тельному и вѣрному описанію осады и взятія города Турками. «Повѣсть о семъ событіи» — говоритъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ—«была однимъ изъ любимыхъ чтеній на Руси; въ ней съ радостью видѣли Русскіе, что послѣ паденія Греціи осталась одна земля православная — Русь, и слышали пророчество, что Руси предоставлено нѣкогда взять Седмихолмный городъ (т. е. Константинополь), воцариться въ немъ и водворить православіе въ землѣ Константина Равноапостольнаго» [1]). Второе изъ упомянутыхъ нами произведеній также передаетъ факты историческіе, относящіеся къ жизни и дѣятельности Дракула, сына Волошскаго воеводы Мильцы, который, по смерти отца, умертвилъ наслѣдника его и сдѣлался правителемъ Валахіи, въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія. Коварствомъ и хитростью удачно поддерживалъ онъ независимость своей страны, отбиваясь то отъ Турокъ, то отъ Венгровъ. Повѣсть рисуетъ его въ самомъ мрачномъ и невыгодномъ свѣтѣ: онъ изображенъ злодѣемъ, кровожаднымъ и безпощаднымъ, и въ повѣсть внесено множество анекдотовъ о той безчеловѣчной жестокости, съ какою онъ относился и къ своимъ подданнымъ, и къ иностранцамъ. Третья изъ упомянутыхъ нами повѣстей, основанныхъ на сюжетѣ историческомъ и заимствованныхъ изъ хронографа, должна была конечно болѣе другихъ привлекать къ себѣ вниманіе грамотныхъ людей заманчивою оригинальностью своего содержанія. Въ ней, подъ именемъ «Динары-царицы» выступаетъ историческое лице: — Грузинская царица Тамара, правившая царствомъ Грузинскимъ въ началѣ XIII вѣка. Въ нашемъ сказаніи, о правленіи ея расказывается слѣдующимъ образомъ:

«Динара, пятнадцати лѣтъ осталась наслѣдницей *«Иверскаго властодержца»* Александра Мелеха, и мудро управляла народомъ. Персскій царь, услышавъ о смерти Александра, требовалъ покорности отъ его дочери; но Динара, пославъ дары, не думала отказываться отъ своей власти. Раздраженный царь пошелъ на нее войною. Страхъ овладѣлъ всѣми вельможами юной царицы: «какъ можемъ стоять противъ многаго воинства и такого Персскаго ополченія?» говорили они. Мужественная Динара возбудила ихъ храбрость: «ускоримъ противъ варваръ», говорила она, «яко же и азъ иду, дѣвица, и воспріиму мужскую храбрость, и отложу женскую немощь, и облекуся въ мужскую крѣпость, препояшу чресла свои оружіемъ и возложю броня и шлемъ на женьскую главу, и воспріиму копіе въ дѣвичи длани, и воступлю въ стремя воинскаго ополченія; но нехощу слышати враговъ своихъ, плѣнующихъ жребій Богоматери [2]) и данныя намъ отъ нея державы, и та бо Царица подастъ намъ храбрость и помощь о своемъ достояніи». Принесши молитву Богоматери въ Шарбенскомъ монастырѣ, куда (Динара) пришла «пѣша и необувенными ногами, по острому каменю и жестокому пути», она выступила противъ враговъ, и взявши копье, устремилась по Персскіе полки и поразила одного Персина. Враги ужаснулись ея голоса и побѣжали. Динара же «отняла» голову Персскаго царя и на копьѣ принесла ее въ Тавризъ; города покорялись ей, и она съ богатыми сокровищами воротилась въ отечество. Добыча ея, «каменіе драгое, и бисеръ, и злато, и вся царскія потребы, еже взя отъ Персъ», — все это роздано было Динарою въ домы Божіе. Потомъ, она правила народомъ 38 лѣтъ и оставила власть свою сродникамъ: «даже и до днесь», — такъ замѣчаетъ повѣсть — «нераздѣльно державство Иверское пребываетъ, а нарицается отъ рода Давыда царя Еврейскаго, царскаго колѣна» [3]).

Сказанія, подобныя повѣсти о Динарѣ-царицѣ, должны были конечно служить весьма естественнымъ связывающим звѣномъ для нашей повѣсти съ тѣми западно-европейскими сюжетами, въ которыхъ дана была полная свобода вымыслу: мы разумѣемъ подъ такими сюжетами собственно-рыцарскіе романы, которые стали обильно проникать къ намъ именно въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія, подъ непосредственнымъ вліяніемъ, которое оказала польская литература и наука на возникавшую образованность русскаго юго-запада. Сюда относятся напр. «книга о Мелюзинѣ», «Исторія Петра Златые-Ключи», «Повѣсть о княгинѣ Алдорфской», и наконецъ «Исторія о Бовѣ-королевичѣ», которая стала до такой степени любимымъ сюжетомъ въ на-

[1]) Н. А. Полевой. Истор. Русск. народа. V, 419. [2]) Жребій Богоматери — т. е. *страну* Богоматери, страну, состоящую подъ особымъ покровительствомъ Богоматери. [3]) Пыпинъ. Тамъ же: стр. 218 — 19.

шей повѣствовательной литературѣ, что послѣ многихъ передѣлокъ, перешла наконецъ въ литературу народную и доселѣ еще встрѣчается между нашими «лубочными изданіями». Образцомъ всѣхъ подобнаго рода рыцарскихъ романовъ, перенесенныхъ на почву русской повѣсти, можетъ служить перешедшая къ намъ изъ Чешской литературы *«повѣсть умилительная о Брунцвикѣ, королевичѣ Чешскія земли, и о его великомъ разумѣ и храбрости, како онъ ходилъ въ морскихъ отоцѣхъ съ великимъ звѣремъ львомъ»*.

«Оставшись по смерти отца королемъ Чешскимъ, Брунцвикъ жаждалъ прославиться рыцарскими дѣяніями, бросилъ свою молодую жену, и пустился въ море съ избранными спутниками. Долго они плавали безъ всякихъ приключеній, наконецъ жестокая буря настигла ихъ, корабль увлеченъ былъ теченіемъ къ *магнитной горѣ*, притягивавшей къ себѣ всѣ корабли, приближавшіеся къ ней на пятнадцать миль. Путники успѣли спастись на берегъ, но запасы ихъ истощились и наконецъ въ живыхъ осталось ихъ всего двое: — Брунцвикъ и старый рыцарь, его дядька. Однакоже и изъ этихъ двоихъ удалось спастись только одному королевичу: мудрый дядька зашилъ его въ конскую кожу, обмазалъ эту кожу кровью и положилъ на горѣ; черезъ нѣсколько времени прилетѣла птица *Ногъ*, которая въ извѣстное время появлялась на этомъ островѣ; схватила она зашитаго въ конскую кожу Брунцвика и унесла его въ далекія страны (куда человѣкъ можетъ дойти только въ три года) въ свое гнѣздо. Королевичъ поубивалъ всѣхъ птенцовъ Нога-птицы, которымъ это пернатое чудовище отдало его на съѣденіе, и отправился искать дальнѣйшихъ приключеній; ходя по горамъ и отыскивая признаковъ жилья человѣческаго, рыцарь, услышалъ страшный зыкъ: — оказалось, что это левъ боролся съ дракономъ-василискомъ. Брунцвикъ помогъ льву убить девятиглаваго василиска, и съ той поры благодарный левъ не покидалъ королевича ни на минуту. Вмѣстѣ отправились они черезъ море къ городу, который Брунцвикъ увидѣлъ съ высокаго дерева. На дорогѣ попалась имъ *карбункуловая гора* и королевичъ откололь отъ нея себѣ большой самоцвѣтный камень. Но, придя въ завидѣнный издали городъ, Брунцвикъ ужаснулся, когда увидѣлъ, что въ томъ городѣ живутъ какіе-то чудовищные люди, а надъ ними царствуетъ царь Алимбрусъ, а у того царя Алимбурса двѣ пары глазъ — одни спереди, другіе сзади головы. Царь этотъ обѣщалъ Брунцвика пропустить въ его царство, если тотъ освободитъ его царскую дочь изъ подъ власти ужаснаго василиска. Королевичъ, на кораблѣ, отправился въ гнѣздо василиска — городъ, окруженный тройною стѣною съ тремя воротами, которыя оберегались чудовищами. При помощи льва, королевичъ одолѣваетъ чудовище, проникаетъ въ городъ и находитъ тамъ, среди изумительныхъ сокровищъ, красавицу, по имени Африку, находившуюся въ неволѣ у жестокаго василиска; послѣ долгой битвы съ василискомъ и окружавшими его гадами, чудовищами и *привидѣніями* морскими, Брунцвикъ остался побѣдителемъ, излѣчилъ раны кореньями, принесенными ему львомъ, и возвратилъ красавицу Африку отцу ея, Алимбрусу. Царь предложилъ дочь свою въ жены королевичу, давалъ за нею огромныя богатства въ приданое — но Брунцвикъ отъ всего отказался, и сталъ проситься на родину. Такъ какъ царь Алимбрусъ его не хотѣлъ отпустить, то Брунцвикъ (при помощи случайно отысканнаго имъ *меча-кладенца*, «который тому служитъ, кого любитъ, и убиваетъ въ одинъ разъ столько, сколько владѣлецъ его захочетъ)» вырубаетъ все царство Алимбруса и отплываетъ вмѣстѣ со львомъ на родину. Онъ успѣваетъ прибыть къ стольному городу Прагѣ, въ то самое время, когда молодая жена его, по истеченіи урочнаго времени, понуждаемая отцемъ своимъ, снова уже собиралась выйти замужъ. Повѣсть оканчивается такимъ образомъ: «И тако Брунцвикъ поживѣ въ своемъ королевскомъ величествѣ тридцать пять лѣтъ, и приживъ съ Неоменіею (женою своею) единаго сына» нарече имя ему Владиславъ, и въ доброй старости скончался и погребенъ бысть честно. Мечь же тотъ, по смерти Брунцвиковѣ, не имѣя силы и бысть яко протчіи; левъ же, по смерти Брунцвиковѣ, вельми нача тужити и тосковати по Брунцвикѣ, и съ тоя великіи тоски и жалости нача рыти землю, изъ очію его, яко струи, слезы текуще, и приде левъ на гробъ къ Брунцвику и въ жалости вельми воскричалъ, и паде на землю мертвъ, и тако скончася» [1]).

[1]) Пыпинъ; тамъ-же, 224—26.

Но польское вліяніе литературное не ограничилось только пересажденіемъ на нашу почву средневѣковыхъ рыцарскихъ романовъ западной Европы:—тѣмъ же путемъ занесены были къ намъ и многочисленные сборники легкихъ, шутливыхъ разсказцевъ и анекдотовъ, которые изъ Франціи и Италіи распространялись въ XIV вѣкѣ по всей средней Европѣ, подъ именемъ *новеллъ* и *фацецій*. Къ намъ эти сборники проникли черезъ Польшу, въ началѣ XVII вѣка, подъ названіемъ *прикладовъ*, *жартъ* (т. е. шутливыхъ разсказовъ), *смѣхотворныхъ повѣстей* и т. д. [1]). Обширные сборники этого рода произведеній, по мѣрѣ пробужденія у насъ потребности въ легкомъ чтеніи, получали все большее и большее распространеніе, не смотря на все ничтожество своего содержанія, не смотря и на чрезвычайную грубость своего изложенія, переполненнаго множествомъ полонизмовъ и промаховъ противъ русскаго языка. Сборники эти очевидно переходили на Сѣверо-Востокъ Руси съ кіевскаго Юго-Запада, гдѣ, благодаря сліянію двухъ народностей и безпрерывной борьбѣ и сношеніямъ Руси съ Польшей, польскій языкъ былъ не только въ совершенствѣ извѣстенъ всѣмъ Русскимъ, но даже и оказывалъ на нихъ весьма дурное вліяніе, по отношенію къ порчѣ ихъ собственнаго языка и слога. Впрочемъ, сборники *жартъ* и *смѣхотворныхъ* повѣстей не только переводились и, не всегда цѣликомъ переносились къ намъ на Русь: — произведенія, помѣщаемыя въ нихъ, иногда пополнялись и русскими сюжетами или передѣлывались въ примѣненіи къ русскимъ нравамъ и быту; такъ напр. въ подобныхъ сборникахъ, къ числу различныхъ анекдотовъ о женщинахъ, присоединялись нерѣдко и «слова о злыхъ женахъ» и «бесѣды отца съ сыномъ о женской злобѣ», въ которыхъ выражались тѣ же безобразныя воззрѣнія на отношенія мужчины къ женщинѣ, съ какими мы уже встрѣчались при разборѣ памятниковъ нашей древней письменности. Такимъ же образомъ, въ число анекдотовъ и новеллъ заносились и народные разсказы о царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, и весьма распространенные между нашими грамотниками XVII вѣка пересказы о спорѣ «жидовскаго философа Тараски съ хромымъ скоморохомъ», который своею смѣлостью и находчивостью вынуждаетъ наконецъ «Тараску» отказаться отъ состязанія о превосходствѣ закона еврейскаго надъ христіанскимъ.

Не разъ уже приходилось намъ поминать выше о томъ, что главною чертою нашей литературы третьяго періода (отъ временъ Грознаго до половины XVII в.) является именно зарожденіе *самосознанія* въ наиболѣе образованныхъ, грамотныхъ слояхъ общества. Въ этомъ періодѣ впервые и начинаетъ высказываться положительный и опредѣленный взглядъ на дѣйствительность. Наступаетъ время разсужденія, наблюденія надъ тѣмъ, что окружаетъ человѣка, и чѣмъ онъ живетъ; фантазія начинаетъ почерпать свои образы изъ живаго наблюденія надъ дѣйствительностью; является наконецъ возможность повѣсти не переводной, не заимствованной, а представляющей собою вѣрный разсказъ о томъ, какъ и что совершается въ дѣйствительной, окружающей автора, русской средѣ. Первые опыты самостоятельныхъ произведеній въ повѣствовательномъ родѣ появляются у насъ въ XVII столѣтіи, и въ нихъ рѣзко обозначаютъ два направленія, обусловливаемыя не только общечеловѣческою склонностью смотрѣть на всякое явленіе съ двухъ противуположныхъ точекъ зрѣнія, но и тѣмъ двоякимъ настроеніемъ, тѣмъ двоякимъ способомъ воззрѣнія на дѣйствительность, который долженъ былъ преобладать въ средѣ лучшихъ русскихъ людей XVII вѣка. И вотъ въ русской повѣствовательной литературѣ этого времени, мы впервые встрѣчаемся съ шутливою сатирою, осмѣивающею дѣйствительность и ея недостатки, или обрисовывающею бытъ современнаго общества въ формѣ легкаго, игриво-набросаннаго очерка русскихъ нравовъ. Къ такого рода произведеніямъ принадлежатъ всѣ тѣ, въ которыхъ осмѣивается жалкое состояніе современнаго судопроизводства, корыстолюбіе и несправедливость судей и страшная, часто неоканчаемая продолжительность тяжебъ, развивавшая и питавшая сутягъ и ябедниковъ всякаго рода. Сюда относится напр. «повѣсть о судьѣ Шемякѣ» или такъ называемый «Шемякинъ судъ», «повѣсть о Ершѣ Ершовѣ, сынѣ Щетинниковѣ», извѣстная въ другомъ видѣ и подъ другимъ названіемъ: «Списокъ суднаго дѣла о тяжбѣ Леща съ Ершомъ». По-

[1]) *Смѣхотворная повѣсть* — тоже, что *фацеція*.

слѣдшее произведеніе принадлежать къ разряду тѣхъ, которые, подъ названіемъ «челобитныхъ» осмѣивали формы и рѣшенія судовъ, излагая при томъ все содержаніе повѣствованія запутаннымъ и темнымъ слогомъ, господствовавшимъ въ дѣловыхъ бумагахъ современнаго судопроизводства. Дѣйствующими лицами въ этихъ произведеніяхъ являются: бояринъ *Осетръ*, воевода *Сомъ*, выборные *Судакъ* и *Щука*, челобитчикъ *Лещъ* и ябедникъ *Ершъ*. Подобная же сатира на лукавство и любостяжаніе разныхъ особъ духовнаго сословія выразилось въ «Повѣсти о Курѣ (т. е. о пѣтухѣ) и Лисѣ». Сюда же слѣдуетъ наконецъ отнести и цѣлый рядъ повѣстей и въ прозѣ, и въ стихахъ «о происхожденіи винокуренія», и «о хлѣбномъ питіи», «о высокоумномъ хмѣлѣ», и т. д., въ которыхъ выставляется на видъ пристрастіе къ хмѣльнымъ напиткамъ и подробно излагается губительное ихъ дѣйствіе. Хмѣль является въ подобныхъ разсказахъ молодцемъ, который съ гордостью говоритъ о себѣ: «Я—Хмѣль, и происхожу отъ рода великаго и славнаго; я—силенъ и богатъ, хоть добра у меня за душою нѣтъ никакого; ноги у меня тонки — за то утроба прожорлива, и руки мои обхватываютъ всю землю. Голова у меня высокоумная, языкъ многорѣчивый, а глаза мои не вѣдаютъ стыда». Въ числѣ подобныхъ шутливо-сатирическихъ произведеній, первое мѣсто по простотѣ изложенія и по вѣрному описанію подробностей современнаго быта, занимаетъ «Исторія о Россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольной дочери Нардинъ-Нащокина Аннушкѣ». Герой повѣсти — плутоватый и бѣдный новгородскій дворянинъ, занимающійся ябедой по судамъ; путемъ пронырства и различнаго рода обмановъ, онъ успѣваетъ обратить на себя вниманіе *Аннушки*, дочери боярина и царскаго любимца, и даже тайкомъ женится на ней, помимо воли ея отца; тѣмъ же путемъ обмановъ и ухищреній, къ какимъ могъ быть способенъ только подъячій XVII вѣка, Фролъ послѣ этого успѣваетъ и утолить гнѣвъ родителей Аннушки и даже настолько войти въ милость къ тестю, что тотъ, по смерти своей, записываетъ на имя зятя все свое имѣнье, хоть при жизни и называлъ его отъявленнымъ плутомъ. Повѣсть оканчивается описаніемъ того благоденствія, которое успѣлъ пріобрѣсть своими плутнями Фролъ Скобѣевъ, сдѣлавшійся человѣкомъ богатымъ и знатнымъ.

Но если нѣкоторая часть нашего общества въ XVII столѣтіи, сознавая несостоятельность современныхъ общественныхъ порядковъ, способна была смѣяться надъ ними, и представлять въ легкихъ шутливыхъ очеркахъ картину далеко неутѣшительныхъ нравовъ и недостатки, преобладавшие въ средѣ современниковъ,—то ужъ конечно, въ грамотной средѣ нашей должно было выразиться и противуположное настроеніе нравственное, которое не могло довольствоваться шуткой и сатирой. Мрачная, тяжелая дѣйствительность, которая нашла себѣ такихъ энергическихъ историковъ и обличителей въ лицѣ очевидцевъ-писателей — Котошихина и Крижанича—тягостно отзывалась на многихъ лучшихъ представителяхъ современной русской интеллигенціи. Обрядовая неподвижность и полное отсутствіе самостоятельной жизни общественной, не давали никакого простора развитію отдѣльной личности, подавляли ея нравственныя и умственныя силы; и жизнь семейная,—въ которой женщина не имѣла никакого значенія, а дѣти считались рабами отца,—и жизнь государственная, въ которой мало оказывалось уваженія къ личнымъ способностямъ и заслугамъ гражданина—все это вмѣстѣ было до такой степени неудовлетворительно, что должно было отражаться на нравственной сторонѣ мыслящаго большинства самымъ неблагопріятнымъ образомъ. Неудивительно, что часть этого большинства стремилась, подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ условій общественнаго строя, къ затратѣ силъ своихъ въ самомъ широкомъ и безобразномъ разгулѣ и бражничаньѣ, которыя не сдерживались никакою нравственною уздою, никакими заявленіями со стороны общественнаго мнѣнія. Другая часть избирала иной путь—полное отреченіе отъ жизни и ея соблазновъ, монастырское затворничество, разрывъ со всѣмъ живымъ, имѣющимъ значеніе въ жизни и для жизни. Люди, избиравшіе этотъ путь, всецѣло старались предать себя на служеніе Богу и на исполненіе тѣхъ обязанностей, которыя налагаются на каждаго христіанина религіею. Но и религіозное настроеніе этихъ людей было почти также мрачно и непривѣтливо, какъ та суровая дѣйствительность, которая вынуждала ихъ избрать «путь спасенія»:—они не способны

были проникнуться высшими началами христіанской любви, составляющей главную сущность христіанскаго ученія, и затрачивали свои силы только въ строгомъ соблюденіи обрядовой стороны религіи, нисходя до мельчайшихъ ея частностей, и часто подвергая себя жестокимъ, почти невыносимымъ самоистязаніямъ. Кромѣ того, въ сознаніи этихъ людей, исключительно преданныхъ дѣлу «спасенія души» своей, религія постоянно являлась не иначе, какъ въ видѣ борьбы двухъ главныхъ началъ: добраго и злаго, мрачнаго и свѣтлаго; недостаточно было угождать Богу вѣрою и добрыми дѣлами: – нужно было еще постоянно бороться съ дьяволомъ и служащими ему бѣсами. Малѣйшее опущеніе, малѣйшее послабленіе себѣ или несоблюденіе обряда—подвергали провинившагося власти мрачныхъ духовъ, которые являлись ему въ видѣ страшныхъ чудовищъ и не щадили изобрѣтательности на измышленіе самыхъ ужасныхъ мукъ ему и при жизни, и послѣ смерти. Такое мрачное религіозное настроеніе безпрестанно приводило человѣка къ сознанію своего ничтожества, лишало его бодрости въ борьбѣ съ жизнью, отнимало у него надежду на будущее, и часто дѣлало его жертвою первой случайности. Это же мрачное настроеніе нравственное выразилось и въ повѣствовательной литературѣ XVII столѣтія,—вообще богатой сознательнымъ и живымъ изображеніемъ русской дѣйствительности — въ множествѣ произведеній назидательнаго характера, въ которыхъ главную роль играетъ слабость и несостоятельность современнаго русскаго человѣка, указывается на преобладаніе дьявола во всемъ житейскомъ, и вслѣдствіе этого на отреченіе отъ жизни,—на монастырь—какъ на единственный возможный путь къ спасенію. Въ числѣ произведеній, рисующихъ намъ дѣйствительность XVII вѣка подъ вліяніемъ такого мрачнаго, религіозно-назидательнаго направленія, слѣдуетъ конечно упомянуть «Повѣсть ѳ Саввѣ Грудцынѣ» и одинъ изъ лучшихъ памятниковъ нашей древней литературы — недавно отысканную «Повѣсть о Горѣ-Злочастьѣ, какъ Горе-Злосчастье довело молодца во иноческій чинъ [1]).

Первое произведеніе, чрезвычайно любопытное по той подробности, съ какою описываются въ немъ черты современнаго быта и нравовъ, основывается на сюжетѣ, весьма распространенномъ въ средневѣковой литературѣ разсказовъ о «чудесахъ Богоматери» [2]). Сынъ купца, Савва Грудцынъ, заѣхавъ на чужую сторону, предается безнравственной и разгульной жизни, и наконецъ въ необузданномъ стремленьи къ удовлетворенію своихъ желаній, продаетъ душу свою дьяволу, давши ему на себя *«рукописаніе»*. Затѣмъ слѣдуетъ въ повѣсти описаніе цѣлаго ряда самыхъ разнообразныхъ приключеній и подвиговъ Саввы, дѣйствующаго по наущеніи и при помощи злаго духа. Наконецъ юноша заболѣваетъ и дьяволъ начинаетъ его мучить, требуя исполненія условія, скрѣпленнаго рукописаніемъ Саввы. Среди тяжкихъ страданій, Саввѣ являются во снѣ Пресвятая Богородица, съ Іоанномъ Богословомъ и Петромъ митрополитомъ, и обѣщаетъ избавить несчастнаго отъ гибели, если онъ рѣшится поступить въ монастырь. Юноша соглашается, и Богородица вынуждаетъ дьявола возвратить ему *рукописаніе*; послѣ этого, Савва раздѣляетъ все имѣніе нищимъ и поступаетъ въ Чудовъ монастырь. Содержаніе «Повѣсти о Горѣ-Злосчастьѣ», заканчивающейся точно также поступленіемъ *несчастнаго молодца* въ монахи, отличается отъ только-что изложенной нами повѣсти и внѣшней формою своею, и содержаніемъ. Повѣсть написана стихами, напоминающими складомъ своимъ народныя пѣсни, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя извѣстны подъ названіемъ «духовныхъ стиховъ», и въ которыхъ, собственно, размѣръ пѣсни является нѣсколько измѣненнымъ, вслѣдствіе вліянія книжнаго. Содержаніе же повѣсти, которую мы приводимъ цѣликомъ въ концѣ этой главы, чрезвычайно просто. «Горе-Злосчастье», олицетворенное въ страшномъ и насмѣшливомъ образѣ существа, одареннаго сверхъестественнымъ могуществомъ, преслѣдуетъ молодца, который невидитъ ни въ чемъ и ни въ комъ себѣ поддержки, не можетъ найти ея и въ ограниченномъ запасѣ своихъ слабыхъ, ничтожныхъ силъ нравственныхъ, пытается всѣми путями избѣгнуть страш-

[1]) Повѣсть эта была отыскана въ 1856 г. А. Н. Пыпинымъ, въ одномъ изъ сборниковъ XVII вѣка, принадлежащемъ Импер. Публ. Библіотекѣ. [2]) Нѣкоторые изъ подобныхъ разсказовъ являлись даже въ видѣ мистерій на средневѣковой церковной сценѣ.

наго врага своего; но только на одномъ пути не встрѣчаетъ его: — Горе-Злосчастье покидаетъ его только у воротъ святой обители, подъ кровъ которой несчастный молодецъ наконецъ прибѣгаетъ, ища успокоенія.

«Повѣсть о Горѣ-Злосчастьѣ» важна для насъ не только какъ прекрасное, дѣйствительно-поэтическое отраженіе мрачныхъ сторонъ современной общественной жизни и тягостнаго нравственнаго безсилія, которое вырабатывалось ея невыгодными условіями: — произведеніе это не менѣе важно для насъ и по той непосредственной, органической связи съ почвою нашей народной, устной словесности, какая слышится въ каждомъ словѣ этой печальной повѣсти, чувствуется во всемъ ея заунывномъ мотивѣ, хватающемъ за самыя живыя и чувствительныя струны русскаго сердца. Не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что «повѣсть о Горѣ-Злосчастьѣ» должна была точно также непосредственно вырости и развиться на основѣ народныхъ сказокъ и пѣсенъ «о Горѣ» и «Нуждѣ», въ которыхъ эти стороны человѣческаго бытія также точно олицетворяются и почти также наглядно изображаются, какъ страшное «Горе-Злосчастье», преслѣдующее молодца. Особенно близкою къ этому образу кажется намъ извѣстная пѣснь, помѣщенная уже въ сборникѣ Кирши Данилова [1]):

А и горе-горе, гореваньице!
А и въ горѣ жить — не кручинну быть;
Нагому ходить — не стыдитися,
А и денегъ нѣтъ — передъ деньгами,
Появилась гривна — передъ злыми дни.
Не бывать плѣшатому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшити дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера.
А и горе-горе, гореваньице!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя во темны лѣса —
А горе прежде вѣкъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестной пиръ —
А горе зашелъ впереди сидитъ;
А я отъ горя на царевъ кабакъ —
А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащитъ!
Какъ я нагъ-то сталъ, насмѣялся онъ!

Другая, подобная же пѣсня, непомнная о Горѣ, съ ѣдкой ироніей изображаетъ наготу и бѣдность, и въ словахъ ея, повидимому веселыхъ и потѣшныхъ, слышится глубокая, затаенная грусть, воспитанная тяжкою нуждою:

У дороднаго добра-молодца
Много было на службѣ послужено —
На печи было въ волю полежено;
Дослужился я добрый молодецъ до край-печи.
У дороднаго добра-молодца
Много было на службѣ послужено —
Со кнутомъ за свиньями походжено;
Много цвѣтнаго платья поношено —
Но подъ-оконью онучъ было попрошено;
На добрыхъ коняхъ было поѣзжено —
На чужія дровни присѣдаючи,
Ко чужимъ дворамъ приставаючи;
У дороднаго добра-молодца
Много было на службѣ послужено, —
Много сахарнаго куса поѣдено —
На поварняхъ было посижено,
Кусковъ и оглодковъ попрошено,
Потихоньку, безъ спросу, потаскано:
Голиками глаза выбиты,
Ожегомъ плеча поранены...

Въ сказкахъ нашихъ мы также встрѣчаемъ много мотивовъ, близкихъ къ тому, который послужилъ основаніемъ скорбной «повѣсти о Горѣ-Злосчастьѣ». «Горе» въ сказкахъ также является въ видѣ существа, преслѣдующаго бѣдняковъ-горемыкъ, сопровождающаго ихъ на всѣхъ путяхъ жизни; особенно живо помнится намъ, въ одной изъ подобныхъ сказокъ, разсказъ о томъ, какъ голодный бѣднякъ, возвращаясь съ угощенія богача-сосѣда, у котораго не нашлось ему за столомъ мѣста, старается себя утѣшить тѣмъ, что затягиваетъ пѣсню. Вдругъ слышитъ онъ, что кто-то ему сзади подпѣваетъ... «Кто тамъ поетъ?» спрашиваетъ испуганный бѣднякъ. «Это — я, Горе, тебѣ подтягиваю; я вездѣ съ тобою, и нигдѣ отъ тебя не отстану», — отвѣчаетъ бѣдняку постоянный, неотвязчивый спутникъ его жизни... Въ нѣкоторыхъ сказкахъ, впрочемъ, сознав-

[1]) Сборникъ былинъ и пѣсенъ, составленный какимъ-то Киршею Даниловымъ, принадлежитъ къ концу XVII и къ началу XVIII столѣтія.

шіеся съ Горемъ бѣдняки изображаются болѣе энергическими и самостоятельными, нежели молодецъ изображенный въ повѣсти XVII вѣка: они не избѣгаютъ Горя, не пытаются уйдти отъ него, а вступаютъ въ открытую борьбу съ нимъ, и побѣждаютъ его хитростью или упорствомъ въ трудѣ. Но во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать того, что вышепомянутыя нами произведенія народной фантазіи должны были оказать вліяніе на безъимяннаго автора «Повѣсти о Горѣ-Злосчастьѣ», должны были запасть въ его душу, и подъ вліяніемъ его личнаго творчества, возбуждаемаго и подстрекаемаго въ развитіи тягостными условіями современной дѣйствительности, должны были явиться въ формѣ новаго и прекраснаго произведенія, которому суждено было занять рядомъ съ другимъ произведеніемъ — Словомъ о п. Игоревѣ — видное мѣсто въ исторіи нашей древне-русской литературы. Оба эти памятника,—несмотря на полное несходство въ содержаніи, не смотря на принадлежность къ двумъ совершенно различнымъ эпохамъ древне-русской жизни—могутъ однако же быть сближены и сопоставлены съ точки зрѣнія ихъ отношеній къ почвѣ безъискуственной, устной народной словесности. И «Слово о п. Игоревѣ», и «Повѣсть о Горѣ-Злосчастьѣ»—одинаково создались на основѣ народныхъ сказаній и этой народной основы *былинъ давняго времени* въ Словѣ, основы *пѣсенъ и сказокъ о Горѣ* въ повѣсти XVII вѣка, не могла стереть положенная на эти произведенія печать личнаго творчества. Подобнымъ произведеніямъ, органически-истекавшимъ изъ чистаго источника народной поэзіи, къ сожалѣнію, не суждено было развиться вполнѣ на нашей литературной почвѣ; пѣвцу «Слова о п. Игоревѣ» пришлось жить за полвѣка до грозной татарщины, такъ гибельно отозвавшейся пробѣлами въ исторіи нашего нравственнаго и умственнаго развитія; автору «повѣсти о Горѣ-Злосчастьѣ» пришлось, среди печальной и сумрачной дѣйствительности XVII вѣка, создавать свои поэтическіе образы наканунѣ эпохи великихъ преобразованій Петра, которому суждено было иначе направить русскую жизнь, указать русскимъ силамъ настоящее, живое и полезное примѣненіе, проложить для русскихъ молодцевъ иной *путь ко спасенію*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и надолго разлучить русское творчество со всѣми идеалами, воспитанными древне-русскою жизнью и порожденными народной фантазіей.

ПОВѢСТЬ О ГОРѢ-ЗЛОСЧАСТЬѢ, КАКЪ ГОРЕ-ЗЛОСЧАСТЬЕ ДОВЕЛО МОЛОДЦА ВО ИНОЧЕСКІЙ ЧИНЪ.

Будетъ молодецъ уже въ разумѣ въ беззлобіи,
И возлюбили его отецъ и мать;
Учить его учали, наказывать,
На добрыя дѣла наставлять [1]).
«Милое ты наше чадо!
«Послушай ученія родительскаго,
«Ты послушай пословицы
«Добрыя, и хитрыя, и мудрыя!
«Не будетъ тебѣ нужды великія,
«Ты не будешь въ бѣдности великой:
«Не ходи, чадо, въ пиры и въ братчины;
«Не садися ты на мѣсто большее;
«Не пей, чадо, двухъ чаръ за едину.
«Еще, чадо, не давай очамъ воли;
«Не прельщайся, чадо, на добрыхъ красныхъ женъ.....
«Не бойся, не бойся мудра, бойся глупа,
«Чтобы глупыя на тя не подумали,
«Да не сняли-бы съ тебя драгихъ портъ, [2])
«Не досѣли-бы тебѣ позорства и стыда великаго,
«И племени укору и поносу [3]) бездѣльнаго.
«Не ходи, чадо, къ костарямъ [4]) и корчемникамъ;
«Не знайся, чадо, съ головами кабацкими;
«Не дружися, чадо, съ глупыми, немудрыми;
«Не думай украсти-ограбити,
«И обмануть-солгать и неправду учинить.
«Не прельщайся, чадо, на злато и сребро;
«Не сбирай богатства неправаго;
«(Не) буди послухъ лжесвидѣтельству,
«А зла не думай на отца и матерь
«И на всякаго человѣка. —
«Да и тебе покрыетъ Богъ отъ всякаго зла.
«Не безчествуй, чадо, богата и убога,
«А имѣй всѣхъ равно по единому;
«А знайся, чадо, съ мудрыми,
«И (съ) разумными водися,

[1]) Вѣроятно слѣдуетъ *наставливать*. [2]) Одеждъ. [3]) Поношенія. [4]) Игрокамъ въ кости.

«И съ други надежными дружися,
«Которые-бы тебя злу не доставили.»
Молодецъ былъ въ то время-се малъ и глупъ,—
Не въ полномъ разумѣ и не совершенъ разумомъ;
Своему отцу стыдно покоритися,
И матери поклонитися,
А хотѣлъ жити, какъ ему любо!
Наживалъ молодецъ пятьдесятъ рублевъ,
Залѣзъ [1]) онъ себѣ пятьдесятъ другОвъ;
Честь его яко рѣка текла;
Другов(ь)я къ молодцу прибивалися
(Въ) родъ-племя причиталися.
Еще у молодца былъ милъ-надеженъ-другъ —
Назвался молодцу названой братъ;
Прельстилъ его рѣчьми прелестными,
Зазвалъ его на кабацкій дворъ,
Завелъ его въ избу кабацкую,
Поднесъ ему чарку зелена-вина,
И кружку поднесъ пива пьянаго,
Самъ говоритъ таково слово:
«Испей ты, братецъ мой названной,
«Въ радость себѣ и въ веселіе, и во здравіе.
«Испей чару зелена вина,
«Запей ты чашею меду сладкова;
«Хошь и упьешься, братецъ, до-пьяна,
«Ино гдѣ пилъ, тутъ и спать ложися,
«Надѣйся, надѣйся на меня, брата названова.
«Я сяду стеречь и досматривать:
«Въ головахъ у тебя, мила-друга,
«Я поставлю кружку *ишему* [2]) сладкаго,
«Вскрай, поставлю зелено-вино,
«Близь тебя поставлю пиво пьяное,
«Сберегу я, милъ-другъ, тебя накрѣпко,
«Сведу я тебя къ отцу твоему и матери.»
Втѣноры молодецъ понадѣялся
На своего брата названнаго;
Не хотѣлося ему друга ослушаться;
Принимался онъ за питья за пьяныя,
И испивалъ чару зелена-вина,
Запивалъ онъ чашею меду сладкаго,
И пилъ онъ, молодецъ, пиво пьяное.
Упился онъ безъ памяти,
И гдѣ пилъ, тутъ и спать ложился:
Понадѣялся онъ на брата названнаго.
Какъ будетъ день до вечера, а солнце на западѣ,
Отъ сна молодецъ пробуждается,
Втѣноры молодецъ озирается:

А что сняты съ него драгія порты,
Чары [3]) и чулочки—все поснимано,
И вся собина [4]) у его ограблена,
А кирпичекъ положенъ подъ буйну его голову,
Онъ накинутъ гункою [5]) кабацкою,
Въ ногахъ у него лежатъ лапотки-отопочки,
Въ головахъ мила-друга и близко нѣтъ.
И вставалъ молодецъ на бѣлые ноги,
Учалъ молодецъ наряжатися:
Обувалъ онъ лапотки (отопочки)
Надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
Покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое,
Умывалъ онъ лице свое бѣлое;
Стоя, молодецъ закручинился,
Самъ говоритъ такове слово:
«Житіе мнѣ Богъ далъ великое:
«Ясти—кушати стало нечево!
«Какъ не стало деньги, ни полуденьги,
«Такъ не стало ни друга, ни полдруга;
«Родъ и племя отчитаются,
«Всѣ друзи прочь отпираются!»
Стало срамно молодцу появитися
Къ своему отцу и матери,
И къ своему роду и племени,
И къ своимъ прежнимъ милымъ другомъ.
Пошелъ онъ на чюжу страну, дальну—незнаему,
Нашелъ дворъ, что градъ стоитъ,
Изба на дворѣ—что высокъ теремъ,
А въ избѣ идетъ великъ пиръ почестенъ:
Гости пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются.
Пришелъ молодецъ на честенъ пиръ,
Крестилъ онъ лице свое бѣлое,
Поклонился чуднымъ образомъ,
Билъ челомъ онъ добрымъ людямъ
На всѣ четыре стороны.
А что видятъ молодца люди добрые,
Что гораздъ онъ креститися,
Ведетъ онъ все по писанному ученію,
Емлютъ его люди добрые подъ руки,
Посадили его за дубовой столъ,
Не въ большее мѣсто не въ меньшее, —
Садятъ его въ мѣсто, среднее,
Гдѣ сидятъ дѣти гостиные.
Какъ будетъ пиръ на веселіе,
И всѣ на пиру гости пьяны-веселы,
И сѣдя всѣ похваляютца, —
Молодецъ на пиру не веселъ сидитъ,
Кручиноватъ, скорбенъ, не радостенъ,
А не пьетъ, ни ѣстъ онъ, ни тѣшится,

[1]) Нашелъ. [2]) Ишемъ—названіе вина. [3]) Черевики. [4]) Имущество. [5]) Отрепья; собственно кусокъ грубаго холста. У малороссійскихъ казаковъ *гуней* называлась конская попона. Богатыри нашихъ былинъ надѣваютъ иногда *гуню*.

И ничѣмъ на пиру не хвалится.
Говорятъ молодцу люди добрые:
«Что еси ты, доброй молодецъ,
«Зачѣмъ ты на пиру не веселъ сидишь,
«Кручиноватъ, скорбенъ, не радостенъ,
«Ни пьешь ты, (ни ѣшь ты), ни тѣшишься,
«Да ничѣмъ ты на пиру не хвалишься?
«Чара-ли зелена-вина до тебя не дохаживала?
«Или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей?
«Или малые дѣти тебя изобидѣли?
«Или глупые люди немудрые
«Чѣмъ тебѣ, молодцу, насмѣялися?
«Или дѣти наши къ тебѣ не ласковы?»
Говоритъ имъ, сидя, доброй молодецъ:
«Государи вы, люди добрые!
«Скажу я вамъ про свою нужду великую,
«Про свое ослушаніе родительское,
«И про питье кабацкое,
«Про чашу медвяную,
«Про лестное питіе пьяное.
«Язъ какъ принялся за питье за пьяное, —
«Ослушался язъ отца своего и матери:
«Благословеніе мнѣ отъ нихъ миновалося;
«Господь Богъ на меня разгнѣвался;
«Укротила скудность мой рѣчистой языкъ;
«Изсушила печаль мое лице и бѣлое тѣло:
«Ради того мое сердце не весело,
«А бѣлое лицо унынливо,
«И ясныя очи замутилися;...
«Отечество [1]) мое потерялося,
«Храбрость молодецкая отъ меня миновалася!
«Государи вы, люди добрые!
«Скажите и научите, какъ мнѣ жить
«На чужой сторонѣ, въ чужихъ людяхъ,
«И какъ залѣзти мнѣ милыхъ друговъ?»
Говорятъ молодцу люди добрые:
«Добро еси ты, и разумный молодецъ!
«Не буди ты спѣсивъ на чужой сторонѣ:
«Покорися ты другу и недругу,
«Поклонися ты стару и молоду,
«А чужихъ ты дѣлъ не объявливай,
«А что слышишь или видишь—не сказывай!
«Не льсти ты межъ други и недруги;
«Ни вейся змією лукавою;
«Смиреніе не всѣмъ имѣй,
«И ты съ кротостію держися истины съ правдою.
«То тебѣ будетъ честь и хвала великая;
«Первое тебе люди овѣдаютъ
«И учнутъ тя чтить и жаловать
«За твою правду великую,
«За твое смиреніе и за вѣжество;
«Будутъ у тебя милые други,
«Названные братья надежные».
И оттуда пошелъ молодецъ на чужу сторону,
И учалъ онъ жити умѣючи;
Отъ великаго разума наживалъ онъ живота больше старова,
Присмотрѣлъ невѣсту себѣ по обычаю.—
Захотѣлося молодцу женитися.
Срядилъ молодецъ честенъ пиръ
Отчествомъ и вѣжествомъ,
Любовнымъ своимъ гостемъ и другомъ билъ челомъ.
И по грѣхамъ молодцу,
И по Божію попущенію,
А по дѣйству дьяволю,
Предъ любовными своими гостьми и други
И названными браты похвалился
(А всегда гнило слово похвальное:
Похвальба живетъ человѣку пагуба):
«Наживалъ-де я, молодецъ, живота больше старова!—»
Подслушало Горе-Злочастье хвастанье молодецкое!
Само говоритъ таково слово:
«Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ,
«Не хвастай своимъ богатествомъ;
«Бывали люди у меня, Горя,
«И мудрѣе тебя и досужае,
«И я ихъ, Горе, перемудрило.
«Учинися имъ злочастіе великое:
«До смерти со мною боролися;
«Во зломъ злочастіи позорилися;
«Не могли у меня, Горя, уѣхати,
«Отъ меня на крѣпко они землею накрылись,
«Босоты и наготы они избыли,
«И я отъ нихъ, Горе, миновалось,
«А Злочастіе на нихъ въ могилѣ осталось!
«Еще возграяло [2]) я, Горе, къ инымъ привязалось:
«А мнѣ, Горю и Злочастію, не вкутѣ же жать:
«Хочу я, Горе, въ людехъ жать;
«И батогомъ меня не выгонить;
«А гнѣздо мое и вотчина во бражникахъ!»
Говоритъ сѣро-Горе-горинское:
«Какъ бы мнѣ молодцу появитися!»
Ино зло-то Горе излукавилось,
Во снѣ молодцу привидѣлось:
«Откажи ты, молодецъ, невѣстѣ своей любимой;

[1]) Въ смыслѣ достоинства, то есть: я потерялъ право быть величаемымъ по отчеству, какъ честный и добропорядочный человѣкъ. [2]) Т. е. закаркало ворономъ.

«Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
«Еще быть тебѣ отъ тое жены удавлену,
«Изъ злата и сребра быть убитону!
«Ты пойди, молодецъ, на царевъ кабакъ;
«Не жали [1]) ты, пропивай свои животы,
«А скинь ты платье гостиное [2]),
«Надени [3]) ты на себя гунку кабацкую:
«Кабакомъ то Горе избудется,
«Да то злое Злочастіе останется
«За нагимъ-то Горе не погонится,
«Да никто къ нагому не привяжется,
«А нагому-босому шумитъ разбой» [4]).
Тому сну молодецъ не повѣровалъ.
Ино зло-то Горе излукавилось;
Горе архангеломъ Гавріиломъ молодцу (явилося)
По прежнему еще, въ ново, злочастіе привязалося.

«Али тебѣ, молодецъ, невѣдома
«Нагота и босота безмѣрная,
«Легота, безпроторица [5]) великая,
«На себя что купить, то проторится,
«А ты, удалъ-молодецъ, и такъ живешь!
«Да не бьютъ, не мучатъ нагихъ-босыхъ,
«И изъ раю нагихъ-босыхъ не выгонятъ,
«А съ того свѣта сюды не вытенутъ [6])
«Да никто къ нему не привяжется;
«А нагому-босому шумитъ разбой!»
Тому сну молодецъ онъ повѣровалъ;
Сошелъ онъ пропивать свои животы
И скинулъ онъ платье гостиное,—
Надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
Накрывалъ онъ свое тѣло бѣлое;
Стало молодцу срамно появитися своимъ милымъ другамъ.
Пошелъ молодецъ на чужу страну дальну-незнаему;
На дорогѣ пришла ему быстра рѣка;
За рѣкою перевозчики,
А просятъ у него перевознаго,
Ино дать молодцу нечего;
Не везутъ молодца безденежно.
Сидитъ молодецъ день до вечера,
Миновался день до вечера,
Не ѣдалъ молодецъ ни полукуса хлѣба;
Вставалъ молодецъ на скоры ноги,
Стоя, молодецъ закручинился,
А самъ говоритъ таково слово:
«Ахти мнѣ, Злочастіе-горинское!
«До бѣды меня, молодца, домыкало,
«Уморило меня, молодца, смертью голодною;
«Уже три дня мнѣ были не радошны, —
«Не ѣдалъ я, молодецъ, ни полукуса хлѣба!
«Ино кинусь я, молодецъ, въ быстру рѣку:
«Полощи мое тѣло, быстра рѣка!
«Ино ѣшьте, рыбы, мое тѣло бѣлое!
«Ино лучше мнѣ житья сего позорнаго?
«Уйду-ли я у Горя Злочастнаго!»
И въ тотчасъ у быстры рѣки
Скочи Горе изъ за камени,
Босо, наго, нѣтъ на Горе ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясано,
Богатырскимъ голосомъ воскликало:
«Стой ты, молодецъ: меня, Горя, не уйдешь никуды!
«Не мечися въ быстру рѣку,
«Да не буди въ горѣ кручиноватъ;
«А въ горѣ жить—не кручину быть!
«А кручину въ горѣ погинути!
«Спамятуй, молодецъ, житіе свое первое;
«И самъ тебѣ отецъ говаривалъ,—
«И какъ тебѣ мати наказывала.
«Для чего тогда ты ихъ не послушалъ.
«Не захотѣлъ ты имъ покоритися,
«Постыдился имъ поклонитися,
«А хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть!
«А кто родителей своихъ на добро ученія не слушаетъ,
«Того выучу я, Горе-злочастное!»
Говоритъ Злочастіе таково слово:
«Покорися мнѣ, Горю нечистому,
«Поклонися мнѣ, Горю, до сыры земли,
«А нѣтъ меня, Горя, мудрѣя на семъ свѣтѣ;
«И ты будешь перевезенъ за быструю рѣку,
«Напоятъ тя, накормятъ люди добрые».
А что видитъ молодецъ (бѣду) не минучую—
Покорился Горю нечистому,
Поклонился Горю до сыры земли!
Пошелъ, поскочилъ добрый молодецъ,
По круту по красну по бережку,
По желтому песочку;

---

[1]) Вмѣсто: *не жалѣй;* [2]) купленное у *гостей* (купцевъ), — хорошаго сорта; [3]) *надѣнь*. [4]) Въ томъ же значеніи какъ пословица: «голому разбой не страшенъ». *Шумитъ разбой*: если голый и слышитъ его, то не боится и не имѣетъ надобности бѣжать отъ него. [5]) *Легота*, въ насмѣшливомъ смыслѣ, какъ вмѣсто *обокрали, ограбили*, говорятъ: *облегчили*. *Безпроторица*—отсутствіе всякихъ проторовъ, всякихъ торныхъ путей; также въ насмѣшливомъ смыслѣ. [6]) *Тепать*. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ говорятъ *тепать коноплю*, а въ переносномъ смыслѣ — *бить*. Тяпка — орудіе, которымъ полютъ.

Идетъ весело, некручиноватъ,
Утѣшилъ онъ Горе-Злочастіе,
А самъ, идучи, думу думаетъ:
«Когда у менѣ нѣтъ ничего,
«И тужить мнѣ не о чемъ!»
Да еще молодецъ не кручиноватъ,
Запѣлъ онъ хорошую напѣвочку,
Отъ великаго крѣпкаго разума:
«Безпечальна мать меня породила,
«Гребешкомъ кудерцы расчесывала,
«Драгими порты меня одѣяла,
«И, отшедъ, подъ ручку [1]) посмотрѣла:
«Хорошо-ли мое чадо въ драгихъ портахъ.
«А въ драгихъ портахъ чаду и цѣны нѣтъ!
«Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!
«Ино я самъ знаю и вѣдаю,
«Что не класти скарлату безъ мастера,
«Не утѣшати дитяти безъ матери,
«Не бывать бражнику богату,
«Не бывать костарю въ славѣ доброй.
«Завѣченъ [2]) я у своихъ родителей,
«Что мнѣ быти бѣдненьку,
«А что родился головенькою!» [3])
Услышали перевозчики молодецкую напѣвочку,—
Перевезли молодца быстру рѣку,
А не взяли у него перевознаго.
Напоили, накормили люди добрые;
Сняли съ него гунку кабацкую,
Дали ему порты крестьянскіе.
Говорятъ молодцу люди добрые:
«А что еси ты, доброй молодецъ.
«Ты поди на свою сторону,
«Къ любимымъ честнымъ своимъ родителямъ,
«Ко отцу своему и къ матери любимой,
«Простися ты съ своими родители,
«Со отцомъ и матерію
«Возьми отъ нихъ благословеніе родительское!»
И оттуда пошелъ молодецъ на свою сторону.
Какъ будетъ молодецъ на чистомъ полѣ,
А что злое Горе напередъ зашло,
На чистомъ полѣ молодца встрѣтило,
Учало надъ молодцомъ граяти
Что злая ворона надъ соколомъ;
Говоритъ Горе таково слово:
«Ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!
«Не на часъ я къ тебѣ, Горе-злочастное привязалося,
«Хоть до смерти съ тобою помучуся!
«Не одно я, Горе,—еще сродники,
«А вся родня наша добрая;
«Всѣ мы гладки, умильные;
«А кто въ семью къ намъ примѣшается,—
«Ино тотъ между нами замучится!
«Такова у насъ участь и лутчая.
«Хотя кинься въ птицы воздушныя;
«Хотя въ синее море ты пойдешь рыбою,—
«А я съ тобою пойду подъ руку подъ правую».
Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ:
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
А Горе за нимъ съ борзыми выжлецы [4]);
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль—трава,
А Горе пришелъ къ косою вострою,
Да еще Злочастіе надъ молодцемъ насмѣялося:
«Быть тебѣ, травонька, посѣченой,
«Лежать тебѣ, травонька, посѣченой,
«И буйны вѣтры быть тебѣ развѣянной».
Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
А Горе за нимъ съ частыми неводами:
Еще Горе-Злочастье насмѣялося:
«Быть тебѣ рыбонька, у бережка уловленной,
«Быть тебѣ да и съѣденой,
«Умереть будетъ напрасною смертію!»
Молодецъ пошелъ путь дорогою,
А Горе подъ руку подъ правую;
Научаетъ молодца богато жить,
Убити и ограбити,
Чтобы молодца за то повѣсили,
Или съ камнемъ въ воду посадили.
Спамятуетъ молодецъ спасенный путь,
И оттоль молодецъ въ монастырь пошелъ постригатися;
А Горе у святыхъ воротъ оставается,
Къ молодцу впредь не привяжется.
А сему житію конецъ мы вѣдаемъ:
Избавь Господи вѣчныя муки,
А дай намъ, Господи, свѣтлый рай!
Во вѣки вѣковъ! аминь.

---

[1]) Т. е. держа ладонь надъ глазами; [2]) Опредѣленъ на весь вѣкъ. Иначе: *что мнѣ на роду написано.* [3]) *Головенкою* значитъ бѣднякомъ, горемыкою. [4]) *Выжлецы*—лягавыя собаки.

XX.

НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ ВЪ XVII ВѢКѢ: — БЫЛИНЫ, ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ, ДУХОВНЫЕ СТИХИ. — ВЛІЯНІЕ, ОКАЗАННОЕ РАСКОЛОМЪ НА ПОЭЗІЮ НАРОДНУЮ.

Заканчивая этою главою древній періодъ нашей литературы, мы не можемъ перейдти къ слѣдующему, многознаменательному періоду реформъ Петра Великаго, не указавъ на важнѣйшія явленія въ области исторіи нашей народной литературы, несомнѣнно стоящія въ тѣсной связи съ нашею историческою жизнью въ XVII вѣкѣ. Мы уже видѣли, что отъ самыхъ временъ татарщины, пѣсня народная почти непрерывно сопровождаетъ своимъ ровнымъ эпическимъ теченіемъ однообразное теченіе нашей исторической жизни, группируя циклы пѣсенъ около важнѣйшихъ лицъ и событій историческихъ. Чѣмъ полнѣе, шире и ярче складывается жизнь историческая, тѣмъ полнѣе и подробнѣе начинаетъ передавать и отражать ее наша историческая пѣсня, все болѣе и болѣе удаляясь отъ прежнихъ своихъ героевъ-богатырей полу-историческаго, полумиѳическаго характера — и все болѣе сосредоточивая вниманія на исторической дѣйствительности. Личность Грознаго царя Ивана Васильевича, на сколько она отражается въ нашей поэзіи, является на грани, отдѣляющей древнѣйшій періодъ развитія нашихъ историческихъ народныхъ пѣсенъ отъ новѣйшаго, очевидно наступающаго въ XVII вѣкѣ. Личность Грознаго въ пѣсняхъ стоитъ уже отдѣльно, сама по себѣ, внѣ всякой зависимости отъ прежнихъ былинныхъ цикловъ — Новогородскаго и Кіевскаго, хотя и въ тѣсной связи съ непосредственно предшествующею ей эпохою татарщины. Однакоже нѣкоторыя изъ окружающихъ Грознаго личностей историческихъ (напр. Ермакъ Тимоѳеевичъ) еще ставятся въ извѣстное соотношеніе и къ Владиміру Красному-Солнышку, и къ его богатырямъ. Напротивъ того, въ пѣсняхъ XVII вѣка, этотъ отдаленный и темный періодъ, всѣ соединенные съ нимъ богатыри и подвиги — все это отдаляется на задній планъ: на сцену выступаютъ историческія личности въ довольно вѣрной исторической обстановкѣ. Мы встрѣчаемъ въ пѣсняхъ XVII вѣка и Ксенію Борисовну Годунову, и Димитрія Самозванца и молодаго воеводу Скопина-Шуйскаго, и царя Алексѣя Михайловича, и удалаго разбойничьяго атамана Стеньку Разина, который своею громадною личностью какъ бы вытѣсняетъ изъ народной памяти всѣ грандіозные образы прежнихъ богатырей. Первѣйшій изъ этихъ богатырей и любимѣйшій дотолѣ герой народныхъ пѣсенъ — старый казакъ Илья Муромецъ — даже подчиняется народною фантазіей могучему волжскому атаману и является въ его шайкѣ есауломъ![1]).

Въ этихъ пѣсняхъ сохранилась не только простая память о событіяхъ и лицахъ историческихъ XVII вѣка, — о нечестіи и гибели Гришки Разстриги, о несчастной участи Борисовой дочери, объ отравленіи юнаго Скопина-Шуйскаго боярами — въ нихъ выразился и самостоятельный взглядъ народа на современность и ея представителей. Гибель Самозванца объясняетъ народъ въ пѣсни своей тѣмъ, что онъ былъ *непрямой* (т. е. незаконный) царь и не уважалъ русской вѣры и обычаевъ; отравленіе Скопина-Шуйскаго народъ еще болѣе вѣрно объясняетъ завистью бояръ и опасеніями, которыя должны были возбудить въ средѣ ихъ подвиги молодого воеводы. Гораздо болѣе страннымъ и поразительнымъ должно казаться на первый взглядъ то положительное сочувствіе, съ которымъ народъ относится къ подвигамъ «понизовой вольницы» — къ *разбойничеству*, ко-

[1]) **Нельзя не обратить вниманія на тотъ интересный фактъ, что въ числѣ пѣсенъ, сохранившихся намъ отъ XVII столѣтія, шесть пѣсенъ, а именно: — «Въѣздъ Филарета въ Москву», «смерть Скопина-Шуйскаго», двѣ пѣсни о «Ксеніи Борисовнѣ», «Весновая служба» и «Набѣгъ Крымскихъ Татаръ» — были записаны оксфордскимъ баккалавромъ Ричардомъ Джемсомъ, который, въ качествѣ священника, состоялъ при англійскомъ посольствѣ въ Россіи, въ 1619 и 1620 годахъ.**

торое сдѣлалось въ XVII вѣкѣ, подъ вліяніемъ особыхъ, неблагопріятныхъ историческихъ условій народнаго быта, одною изъ наиболѣе распространенныхъ общественныхъ язвъ. Отголоскомъ этого сочувствія къ разбойничеству явился цѣлый кругъ пѣсенъ объ удалыхъ подвигахъ понизовой вольницы и въ особенности о главномъ представителѣ всей этой вольницы—Стенькѣ Разинѣ, въ которомъ олицетворяется идеалъ народнаго героя по современнымъ понятіямъ. Подобная идеализація однакоже не должна намъ казаться удивительною, если припомнимъ тѣ въ высшей степени тягостныя условія народнаго быта, среди которыхъ приходилось въ XVII вѣкѣ жить простолюдину. Множество налоговъ, монополіи, стѣснявшія промышленность и торговлю, частыя войны и смуты — все это пораждало въ средѣ народной бѣдность и недовольство, а тягостныя отношенія къ помѣщикамъ, подкупность и своекорыстіе мѣстныхъ властей и судовъ, и жестокія преслѣдованія религіозныя часто доводили это недовольство до открытыхъ возмущеній противъ законной власти и до того, что цѣлыя селенія разбѣгались врозь. Одни уходили въ лѣса и дебри недоступные, другіе выселялись за Литовскій и Польскій рубежъ, третьи шли пополнять собою ряды на привольѣ гулявшей и грабившей приволжской вольницы, величая себя «удалыми добрыми молодцами» и не признавая надъ собою ничьей власти, относясь съ величайшею ненавистью ко всякому законному порядку, съ величайшимъ презрѣніемъ ко всякимъ правамъ и преимуществамъ, въ особенности къ правамъ собственности. Промысломъ вольницы являлся грабежъ, цѣлью жизни — удалое, привольное и разгульное житье, главнымъ знаменемъ — личная свобода и общность имущества, добычи, на которую каждый изъ членовъ вольницы имѣлъ одинаковое, наравнѣ съ другими, право. Понятно, что эта безобразная жизнь, какъ противуположность тѣмъ крайнимъ тягостямъ, которыя приходилось сносить народу, должна была имѣть въ глазахъ его нѣкоторую привлекательность, оказывать на воображеніе неразвитой массы обаятельное впечатлѣніе. Вотъ почему и «удалые добрые молодцы», и самъ атаманъ ихъ, *Степанъ Тимоѳеевичъ*, представляются въ народныхъ пѣсняхъ героями, беззавѣтная удаль ихъ и разгулье рисуются въ самомъ яркомъ и привлекательномъ цвѣтѣ, а грабежамъ и убійствамъ придается значеніе подвиговъ, въ основаніи которыхъ полагается желаніе мстить за несправедливости и притѣсненія, претерпѣваемыя народомъ со стороны богатства и власти. Извѣстно, что и самый бунтъ Стеньки Разина потому именно пріобрѣлъ значеніе важнаго народнаго движенія, къ подавленію котораго Московское государство употребило весьма значительныя усилія, что масса видѣла въ Стенькѣ человѣка, стремившагося освободить ее отъ власти помѣщиковъ и тѣмъ самымъ улучшить ея матерьяльный бытъ. Благодаря такому значенію личности Стеньки Разина въ глазахъ современной массы народной, народъ сохранилъ въ памяти своей множество пѣсенъ о немъ, съ величайшей подробностью изображающихъ намъ его характеръ и подвиги. Любопытною и новою чертою личности народнаго богатыря, въ пѣсняхъ о Стенькѣ, является то, что онъ не только изображенъ одареннымъ необычайною силою физическою, мужествомъ и смѣлостью, но еще и другимъ болѣе надежнымъ, болѣе страшнымъ свойствомъ: — онъ *вѣдунъ*, чародѣй, и эта вѣщая сила его проявляется чрезвычайно разнообразно. Чародѣйствомъ останавливаетъ онъ купеческія суда по Волгѣ, чародѣйствомъ *отводитъ онъ глаза* у царскихъ воеводъ, ускользая отъ ихъ преслѣдованій; чародѣйство же защищаетъ его и отъ пушекъ и ружей, лучше всякой прадѣдовской брони: — ни одна пуля не беретъ его. Посаженный въ тюрьму, онъ рисуетъ на стѣнѣ углемъ лодку съ гребцами и силою чаръ обращаетъ ее въ настоящую лодку, на которой и спасается изъ заточенія. Есауломъ у Стеньки служитъ самъ «старый казакъ Илья-Муромецъ»—любимый герой народныхъ былинъ. И ничего для Стеньки нѣтъ ни дорогаго, ни завѣтнаго: въ даръ матушкѣ Волгѣ, которая его питала и лелѣяла, онъ приноситъ плѣнную персидскую царевну, бросая ее съ корабля въ волны рѣки-кормилицы... Не жалѣя красокъ на яркое и полное изображеніе крупной личности атамана, Степана Тимоѳеевича, народъ не забываетъ привлекательно обрисовать и его товарищей, которые про себя и свое ремесло говорятъ неуклонно и смѣло, отдѣляя себя отъ остальныхъ, обыкновенныхъ смертныхъ промышляющихъ разбоями и какъ бы отрицая всякую связь съ ними по ремеслу:

«Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есаулы мы все помощнички,
Мы весломъ махнемъ—корабель возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ—караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ—дѣвицу возьмемъ».

Въ самой внѣшности ихъ выражается молодечество, отвага и довольство—неразлучные спутники ихъ привольнаго быта.

«На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
На нихъ бѣленьки чулочки, сафьянны сапожки,
На нихъ штанники кумачны, во три строчки строчены,
На нихъ тонкія рубашки съ золотымъ галуномъ».

Сочувствіе къ личности Стеньки выражаетъ народъ, по обычаю своему, тѣмъ общимъ поэтическимъ пріемомъ, на основаніи котораго и самая природа является сочувствующею бѣдствіямъ славнаго атамана и его товарищей. Любопытно, по отношенію къ пѣснямъ о Стенькѣ, еще и то обстоятельство, что ему самому приписываютъ одну изъ пѣсенъ, которая дышетъ величавымъ сознаніемъ личнаго достоинства и значенія, сознаніемъ славы, ожидающей его въ будущихъ поколѣніяхъ. Эта пѣсня, говорятъ, сложена была Стенькою въ темницѣ, не задолго до смерти. Въ ней онъ, прощаясь съ товарищами своими, проситъ ихъ похоронить его тѣло на перекресткѣ, между трехъ дорогъ: «межъ московской, астраханской, славной кіевской.» Затѣмъ онъ наказываетъ имъ:

Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ,
Въ ногахъ мнѣ положите саблю вострую,
Кто пройдетъ или проѣдетъ—остановится,
Моему-ли животворному кресту помолится,
Моей сабли вострой испужается:
Что лежитъ тутъ воръ удалый добрый молодецъ.
Стенька Разинъ, Тимофѣевичъ по прозванію».

Если историческая дѣйствительность XVII вѣка нашла себѣ отголосокъ въ былинахъ и пѣсняхъ о смутномъ времени, о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и о Стенькѣ Разинѣ, то конечно таже дѣйствительность другою, духовно-нравственною стороною своей должна была отразиться въ тѣхъ произведеніяхъ народной фантазіи, которыя уже издавна извѣстны у насъ на Руси подъ названіемъ «духовныхъ стиховъ» и съ которыми мы уже успѣли нѣсколько ознакомить читателей въ XIV главѣ. Семьнадцатый вѣкъ, — вѣкъ усиленной религіозной борьбы, вѣкъ сомнѣній и споровъ, открытой, энергической проповѣди расколоучителей и жестокихъ преслѣдованій за религіозныя убѣжденія—долженъ былъ конечно занести и въ область духовныхъ стиховъ нѣкоторые новые, дотолѣ чуждые ей мотивы. Въ числѣ духовныхъ стиховъ появилось очень много такихъ, въ которыхъ смутный и тягостный періодъ XVII вѣка сказался самыми мрачными красками, самыми мрачными образами: — Страшный Судъ и гибель грѣшниковъ, мученія ожидающія нераскаянныхъ въ преисподней— вотъ что чаще всего рисуется воображенію народа въ духовныхъ стихахъ этой эпохи. Въ нихъ выражается постоянно полнѣйшее презрѣніе ко всему земному, безнадежность и безсиліе человѣка, падающаго подъ тяжкимъ бременемъ судьбы, погибающаго и страждущаго въ этой жизни, неожидающаго ни спасенія, ни облегченія своей участи — въ будущей. Надо всѣмъ преобладаетъ мертвящее и отнимающее всякую бодрость сознаніе ничтожества и безполезности всѣхъ усилій человѣческихъ, суетности всѣхъ благъ и прелестей жизни передъ неумолимою Смертью. Плодомъ такихъ мрачныхъ, преобладавшихъ въ народѣ воззрѣній на жизнь и смерть и на загробное существованіе души явилось множество стиховъ «о Страшномъ Судѣ», о «разставаніи души съ тѣломъ» «о мукахъ грѣшниковъ», наконецъ цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ описывается «борьба человѣка со смертью». Подобные стихи обыкновенно излагаютъ этотъ сюжетъ въ видѣ спора между *жизнью* и *смертью*, или еще чаще—въ видѣ разговора между сильнымъ и могучимъ витяземъ «Аникою-воиномъ», котораго «Смерть» посѣкаетъ среди подвиговъ его, не внимая никакимъ мольбамъ его и просьбамъ хоть не надолго еще продлить его существованіе. И такъ, въ массѣ народа, мы встрѣчаемся, слѣдовательно, съ тѣми же самыми образами—съ тѣмъ же сознаніемъ безсилія человѣческой личности передъ могуществомъ Судьбы—съ какимъ мы уже встрѣчались въ свѣтской литературѣ XVII вѣка, въ прошлой главѣ. И эта одинаковость воззрѣній въ массѣ и въ отдѣльныхъ, болѣе массы развитыхъ и образованныхъ, личностяхъ, свидѣтельствуетъ достаточно ясно о томъ, какъ мало представлялось въ ту пору возможности для развитія от-

дѣльной личности, для обособленія ея во взглядахъ и убѣжденіяхъ и въ способѣ воззрѣній отъ сплошной и неразвитой массы.

Въ нѣкоторыхъ стихахъ XVII вѣка уже высказываются и раскольничьи мнѣнія; по всѣмъ вѣроятіямъ, та масса *раскольничьихъ* стиховъ, какая теперь извѣстна ученому міру, получила свое начало именно въ XVII столѣтіи. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ стиховъ, несомнѣнно принадлежащихъ XVII вѣку, отличаются именно тою суровою обрядовою нетерпимостью, которая тогда преимущественно проявлялась въ лицѣ главнѣйшихъ расколоучителей и ближайшихъ послѣдователей ихъ. Многіе изъ стиховъ, описывающихъ муки грѣшниковъ въ аду, указываютъ на несоблюденіе самыхъ мелкихъ обрядовъ, какъ на достаточный поводъ для неминуемаго ввърженія во адъ. Раскольникамъ же, вѣроятно, принадлежитъ и то множество духовныхъ стиховъ, въ которыхъ воспѣваются преимущества «пустыни», подъ названіемъ «похвала пустыни», «разговоръ съ пустыней» и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ замѣчательны по красотамъ своимъ поэтическимъ и дѣйствительно передаютъ намъ очень живо то впечатлѣніе, которое дѣвственные лѣса, съ ихъ непроходимою чащею и глушью, должны были производить на людей, спасавшихся и отъ «прелестей (т. е. соблазновъ) міра» и отъ жестокихъ гоненій.

Всякій періодъ общественной борьбы, столкновенія двухъ различныхъ направленій въ убѣжденіяхъ и взглядахъ двухъ поколѣній, обыкновенно имѣетъ необходимымъ слѣдствіемъ своимъ — сатиру, въ которой обѣ партіи стараются взаимно осмѣять другъ друга, набросить ироническій, насмѣшливый оттѣнокъ на обоюдный способъ дѣйствій. Любопытнымъ памятникомъ такого рода современной сатиры, порожденной враждебными отношеніями раскольниковъ къ просвѣщенной и энергической дѣятельности Никона, какъ исправителя священныхъ и богослужебныхъ книгъ, остается для насъ замѣчательная былина «объ осадѣ Соловецкаго монастыря», сложенная очевидно раскольниками. Въ ней, всѣ факты этой открытой борьбы раскольниковъ противъ власти излагаются съ чисто-раскольничьей точки зрѣнія, и притомъ съ оттѣнкомъ очень злой ироніи; вотъ какъ напримѣръ изображенъ въ ней царь Алексѣй Михайловичъ, отправляющій своихъ воеводъ для осады Соловецкаго монастыря:

Какъ возговоритъ православный царь
Алексѣй-то Михайловичъ,
Его царское величество:
«Охъ ты гой еси, большой бояринъ,
Ты любимый мой воеводушка!
Ты ступай-ка ко морю ко синему,
Ко тому монастырю ко честному,
Къ Соловецкому;
Ты нарушь *вѣру старую, правую*
Постановь *вѣру новую, неправую*.

«Любимый царскій воеводушка» отвѣчаетъ на это съ удивленіемъ, что:

«Нельзя объ этомъ и подумати,
Нельзя объ томъ помыслити...»

Однако же царь *распаляется* на воеводу и тотъ видитъ себя вынужденнымъ исполнить его повелѣніе. «Сорокъ полковъ, да все тысячныхъ», а при нихъ «сорокъ пушекъ, да все мѣдныхъ»—являются подъ стѣнами обители. «Неразумный звонарь бѣжитъ къ старцамъ объявить, что подступаетъ подъ стѣны войско православное:

«Не то они идутъ ратитися,
Не то идутъ они молитися...»

«Охъ, ты, глупый звонарь, неразумный пономарь!» отвѣчаютъ ему, «вѣдь это войско православное:—не идетъ оно ратится, а идетъ оно молитися!» На ту пору пушкари были догадливы: стали пускать ядра «во честной монастырь Соловецкій.»

Въ заключеніе этой главы не можемъ неупомянуть здѣсь о томъ, что «духовные стихи», распѣваемые нищею братіею, уже и въ XVII вѣкѣ находили себѣ цѣнителей и почитателей между высшимъ сословіемъ нашимъ: бояре, какъ видно любили эту поэзію. Такъ, по свидѣтельству Коллинса, одинъ отвѣчая на вопросъ: «понравилась-ли ему Голландская музыка?»—будто бы сказалъ: «Очень хороша! Точно также поютъ наши нищіе, когда просятъ милостыни». По другимъ извѣстіямъ и царь Ѳеодоръ Іоанновичъ тоже не брезговалъ пѣснями, и очень часто проводилъ вечера, слушая пѣсни; а о Ксеніи Борисовнѣ Годуновой даже весьма опредѣленно говорится, что она любила *«гласы воспѣваемые»* и *«пѣсни духовныя»* [1]).

[1]) Буслаевъ, Очерки; I, 506.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ XVII ВѢКА.

Михайло Скопинъ.

(Пѣсня начинается съ того, что съ Московскимъ царствомъ «учинилось недоброе»: облегла его Литва съ четырехъ сторонъ,» а съ нею и «Сорочина долгополая, и Черкесы Пятигорскіе, и Калмыки съ Татарами, и Чухши со Люторами». Князь Михайло Скопинъ, «Правитель Царству Московскому», «оберегатель міру крещеному,» видитъ, что ему не справиться со всѣми этими иноплеменниками:—и вотъ отправляетъ онъ скораго гонца «въ Свицкую землю, Саксонскую», «къ любимому брату-названому, ко Свицкому королю Карлосу,» прося у него «силы воинской на подмочь»).

Какъ и будетъ почтарь въ Половецкой Ордѣ,
У честна Короля, честного Карлуса,
Онъ въѣзжаетъ прямо на Королевскій дворъ;
Среди двора Королевскаго,
Соскочилъ почтарь съ добра коня,
Вязалъ коня къ дубову столбу,
Сумы подхватилъ, самъ во палаты идетъ;
Ни зачѣмъ почтарь не замѣшкался,
Приходитъ во палату бѣлокаменну,
Расковыривалъ сумы, вынималъ ярлыки,
И кладетъ Королю онъ на круглый столъ.
Принимавши Король распечатываетъ,
Распечаталъ, самъ просматриваетъ,
И начальное слово повыговорилъ:
«Отъ любимаго брата названаго,
Скопина-Князя-Михайлы Васильевича;
Какъ проситъ силы на подмочь,
Закладываетъ три города Русскіе».
А честной король, честной Карлусъ,
Показалъ ему милость великую,
Отправляетъ силы со трехъ земель:
А и первыя силы-то Свицкія,
А другія силы Саксонскія,
А третія силы ***Школьскія*** **(?)**
Того ратнаго люду, ученаго,
А ни много, ни мало—сорокъ тысячей.
Прибыла сила въ Новгородъ,
Изъ Новагорода во каменну Москву, —
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина-Князя думушки прибыло.
А поутру, рано ранёшенько
Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню отслужилъ,
Отслужилъ, самъ въ походъ пошелъ,
Подымали знаменье Царское,
А на знаменьи было написано
Чуденъ Спасъ со Пречистою,
На другой сторонѣ было написано
Михайло и Гаврило Архангелы,
Еще вся тутъ сила небесная.
Въ восточную сторону походомъ пошли,
Они вырубили Чудь бѣлоглазую,
И ту Сорочину долгополую,
Въ полуденную сторону походомъ пошли,
Прикрошили Черкесъ Пятигорскіихъ:
А немного дралися, скоро сами сдались;
Еще нонѣ тутъ Малороссія.
А на сѣверну сторону походомъ пошли,
Прирубили Калмыковъ со Башкирцами.
А на западну сторону и въ ночь пошли, —
Прирубили Чухши со Люторами;
А кому будетъ Божья помочь —
Скопину Князю Михайлѣ Васильевичу!
Онъ очистилъ царство Московское
И велико Государство Россійское.
На великихъ тѣхъ на радостяхъ
Служили обѣдни съ молебнами,
И кругомъ города ходили въ каменной Москвѣ;
Отслуживши обѣдни съ молебнами,
И всю литургію великую,
На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ,
А пиръ пошелъ и великой столъ,
У Скопина Князя Михайлы Васильевича,
Про весь православный міръ: —
И велику славу до вѣку поютъ
Скопину Князю Михайлѣ Васильевичу.
Какъ бы малое время замѣшкавши
А во той же славной каменной Москвѣ,
У того-ли было Князя Воротынскаго,
Крестили младого княжевича,
А Скопинъ-Князь Михайло кумомъ былъ,
А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
У того-то Князя Воротынскаго,
Тамъ будетъ и почестной столъ,
Тутъ было много князей и бояръ, и званыхъ гостей:
Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
Княженецкой столъ во полу-столѣ,

Какъ пьяненьки тутъ разхвастались;
Сильный хвастаетъ силою,
Богатый хвастаетъ богатествомъ;
Скопинъ-Князь Михайло Васильевичъ
А и не пилъ онъ зелено вино,
Только одно пилъ пиво и сладкій медъ,
Не съ большого хмѣлю онъ похвастается:
«А вы, глупой народъ, неразумные!
А всѣ вы похваляетесь бездѣлицей:
Я—Скопинъ, Михайло Васильевичъ,
Могу Князь похвалитися,
Что очистилъ Царство Московское
И велико Государство Россійское,
Еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку,
Отъ стараго до малаго,
Отъ малаго—до вѣку моего».
А и тутъ боярамъ за бѣду стало,
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали;
Поддернули зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе,
Подавали кумѣ его крестовыя,
Малютиной дочери Скурлатовой.
Она знавши, кума его крестовая,
Подносила стаканъ меду сладкого
Скопину-Князю Михайлѣ Васильевичу.
Примаетъ Скопинъ, не отпирается,
Онъ выпилъ стаканъ меду сладкаго,
А самъ говорилъ таково слово:
«Услышалъ въ утробѣ неловко добрѣ! —
А и ты съѣла меня, кума крестовая,
Малютина дочь Скурлатова;
А зазнаючи мнѣ стаканъ со зельемъ подала,—
Съѣла ты меня, змѣя подколодная!»
Голова съ плечъ покатилася,
А и тутъ Скопинъ скоро со пиру пошелъ,
Онъ садился Скопинъ на добра коня,
Побѣжалъ къ родимой матушкѣ;
А только успѣлъ съ нею проститися,
А матушка ему пѣнять стала:
«Гой еси, мое чадо милое,
Скопинъ Князь Михайло Васильевичъ!
Я тебѣ приказывала,
Невелѣла ѣздити ко Князю Воротынскому.
А и ты меня не послушался,
— Лишила тебя свѣту бѣлаго
Кума твоя крестовая,
Малютина дочь Скурлатова».
Онъ къ вечеру Скопинъ и преставился.—
То старина, то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утѣшенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ [1]) на потѣшенье
Испиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

Пѣсни о Ксеніи Борисовнѣ Годуновой.

Сплачется мала птичка
Бѣлая перепелка:
«Охти мнѣ, молоды горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати,
Мое гнѣздышко разорити,
Мои милыя дѣти побити,
Меня перепелку поймати».
Сплачется на Москвѣ Царевна:
«Охти мнѣ молоды горевати,
Что идетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Ино Гришка Отреньевъ Разстрига,
Что хочетъ меня полонити,
А полонивъ меня хочетъ пострищи,
Чернеческой чинъ наложити.
Ино мнѣ постричися не хочетъ,
Чернеческаго чину не сдержати;
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцовъ посмотрѣти.
Ино, охъ милые наши переходы,
А кому будетъ по васъ да ходити,
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова.
Ахъ милые наши теремы,
А кому будетъ въ васъ да сѣдети,
Послѣ царскаго нашего житья
И послѣ Бориса Годунова».

А сплачется на Москвѣ Царевна,
Борисова дочь Годунова:
«Ино Боже, Спасъ милосердый,
За что наше царство загибло—
За батюшково-ли согрѣшенье,
За матушкино ли немоленье.
А свѣты вы наши высокія хоромы,

[1]) Здѣсь пѣвцы, какъ видно поющіе во время стола у какого-то боярина, говоря о себѣ, указываютъ на любопытный старинный обычай потѣшанія гостей пѣснями во время пировъ.

Кому вами будетъ владѣти,
Послѣ нашего царскаго житья
А свѣты браные убрусы,
— Береза-ли вами крутити
А свѣты золоты ширинки,
— Лѣсы-ли вами дарити?
А свѣты яхонты-сережки,
На сучье-ли васъ задѣвати,
Послѣ царскаго нашего житья,
Послѣ батюшкова преставленья,
А свѣтъ Бориса Годунова»
А что ѣдетъ къ Москвѣ Разстрига,
Да хочетъ теремы ломати,
Меня хочетъ царевну поймати,
А на Устюжну на Желѣзную отослати,
Меня хочетъ царевну постритчи,
А въ рѣшетчатой садъ засадити.
Ино охте мнѣ горевати,
Какъ мнѣ въ темну келью вступати,
У игуменьѣ благословитися [1]).

Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ.

Ахъ туманы вы, мои туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Какъ печаль тоска ненавистные,
Не подняться вамъ, туманушки, с[illegible]я долой,
Не отстать тебѣ, кручинушка, о[illegible]да прочь!
— Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей, частъ крупёнъ дождикъ!
Ты размой, размой земляну тюрьму
Чтобъ тюремнички-братцы разбѣжалися,
Во темномъ бы лѣсу собиралися!
Во дубравушкѣ, во зелененькой,
Ночевали тутъ добры молодцы;
Подъ березонькой они становилися,
На восходъ Богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:
—«Ты взойди, взойди красно солнышко,
Надъ горой взойди, надъ высокою,
Надъ дубровушкой, надъ зеленою,
Надъ урочищемъ добра молодца
Что Степана свѣтъ-Тимофенча,
По прозванью Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныихъ,
Добрыхъ молодцевъ, людей бѣглыихъ.
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы все помощнички.
Мы весломъ махнемъ —корабель возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ—караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ—дѣвицу возьмемъ».

———

Какъ бывало мнѣ, ясну соколу, да времячко:
Я леталъ младъ-ясенъ-соколъ, по поднебесью,
Я билъ-побивалъ гусей-лебедей,
Еще билъ-побивалъ малу пташечку.
Какъ бывало мелкой пташечкѣ пролету нѣтъ,
А нонѣча мнѣ, ясну-соколу, время нѣтъ:
Сижу я, младъ-ясенъ-соколъ, въ поиманѣ,
Я во той-ли, во золотой во клѣточкѣ,
Во клѣточкѣ, во жестяной, на шесточкѣ.
У сокола ножки спутаны,
На ноженькахъ путочки шелковыя,
Зановѣсочки на глазынькахъ жемчужныя!
Какъ бывало мнѣ, добру-молодцу да времечко:
Я ходилъ-гулялъ, добрый молодецъ, по синю-морю,
Ужъ я билъ-разбивалъ суда-корабли,
Я татарскіе, персидскіе, армянскіе;
Еще билъ-разбивалъ, легки лодочки:
Какъ бывало легкимъ лодочкамъ проходу нѣтъ;
А нонѣча мнѣ, добру-молодцу, время нѣтъ!
Сижу я, добрый молодецъ, во поиманѣ,
Я во той-ли во злодѣйской земляной тюрьмѣ.
У добра-молодца ноженьки сокованы,
На ноженькахъ оковушки нѣмецкія,
На рученькахъ у молодца замки затюремные,
На шеюшкѣ у молодца рогатки желѣзныя.

Пѣсня про осаду Соловецкаго монастыря.

На Москвѣ было, на базарѣ,
Собиралися бояре:
Выбирали бояре
Изъ бояръ воеводу,
Выбирали Ивана Петрова,
Изъ того-ли-изъ роду Салтыкова,
Передъ царскія очи становили.
Какъ возговоритъ православный царь,
Алексѣй-то Михайловичъ,
Его Царское Величество:
«Охъ ты гой еси, большой бояринъ,
Ты любимый мой воеводушка!
Ты ступай-ка ко морю, ко синему,
Ко тому острову, ко большому,

[1]) Эти двѣ пѣсни принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя записаны были Джемсомъ.

Ко тому монастырю, ко честному,
Къ Соловецкому;
Ты нарушь вѣру старую, правую,
Постановь вѣру новую, неправую.»
Какъ возговоритъ большой бояринъ,
Любимый царскій воеводушка:
«Охъ ты гой еси, православный царь,
Алексѣй Михайловичъ,
Твое Царское Величество!
Нельзя объ томъ и подумати,
Нельзя объ томъ и помыслити:
Какъ нарушить вѣру старую, правую,
Какъ поставить вѣру новую, неправую!»
Царь разозлился,
Царь распалился;
Воевода прогрѣшился.
Какъ возговоритъ большой бояринъ,
Любимый царскій воеводушка:
«Охъ ты гой еси, православный царь,
Алексѣй Михайловичъ!
Ужъ и дай мнѣ силу не малую, не великую!
Сорокъ полковъ, да все тысячныхъ,
Сорокъ пушекъ, да все мѣдныихъ,
Зелья-пороху, сколько надобно».
Какъ и было въ самый ли Петровъ-то день,
Какъ на синемъ было морюшкѣ,
На большомъ было на островѣ,
Во честномъ монастырѣ было —
Отошла честна заутреня.
Пономарь звонилъ къ обѣденькѣ,
Честны старцы пѣли молитвы;
Какъ бѣжитъ пономарь
Неразумный звонарь:
«Охъ вы гой еси, честны старцы!
Какъ идетъ сила не малая, не великая,
Сорокъ полковъ, да все тысячныхъ,
Сорокъ пушекъ, да все мѣдныихъ,
Зелья-пороху сколько надобно,
Да все войско православное;
Не то идутъ они ратитися,
Не то [illegible] они молится?»
— «[illegible] глупый звонарь,
Нераз[illegible]пономарь,
Да то войско православное,
Не идетъ оно ратиться,
Идетъ оно молиться!»
На ту пору пушкари были догадливы:
Брали ядрышко каленое,
Забивали въ пушечку мѣдную,
Палили во тотъ во честной монастырь,
Въ Соловецкій.

Духовные стихи.

Стихъ Іосафа-царевича къ пустынѣ.

Во дальнеей во долинѣ
Стояла прекрасная пустыня.
Ко той же ко пустынѣ приходитъ
Молодой царевичъ Осафій:
«Прекрасная ты пустыня,
Любимая моя мати!
Прими меня, мать пустыня,
Отъ юности прелестныя,
Отъ своего вольнаго царства,
Отъ своей бѣлой каменной палаты,
Отъ своей казны золотыя!
Научи ты меня, мать пустыня,
Волю Божію творити!
Да избави меня, мати пустыня,
Отъ злыя муки отъ превѣчной!
Приведи ты меня, мать пустыня,
Въ небесное царство!»
Отвѣщуетъ прекрасная пустыня
Ко младому царевичу Осаѳью:
— «Ты младый царевичъ Осаѳій!
Не жить тебѣ во пустынѣ:
Кому владѣть твоимъ царствомъ,
Твоей бѣлой каменной палатой,
Твоей казной золотою?» —
Отвѣщуетъ младый царевичъ:
— «Прекрасная ты пустыня,
Любимая моя мати!
Не могу я на свое царство зрѣти,
Ни на свою камену палату,
И на свою казну золотую.
А хочу я пребыть во пустыни:
Радъ я на тебя работати,
Земные поклоны исправляти,
До своего смертнаго часу!»
Отвѣщуетъ прекрасная пустыня:
— «Ты младый царевичъ Осаѳій!
Не жить тебѣ во пустынѣ,
Не молясь во мнѣ, Богу молиться,
Не трудясь во мнѣ, Господу трудиться:
Нѣтъ во мнѣ царскаго ѣства,
И нѣтъ во мнѣ царскаго пойла;
Ѣсть - воскушать — гнилая колода;

(Пить) - испивать — болотная водица».
Отвѣщуетъ младый царевичъ:
— «Прекрасная ты моя пустыня!
Любимая моя мати!
Не стращай ты меня, мать пустыня,
Своими великими страстями!
Могу я жить во пустынѣ,
Волю Божію творити;
Житье наше, мать, часовое,
А богатство наше, мать, временное;
Я радъ на тебя работати,
Земные поклоны исправляти
До своего смертнаго часу».
Отвѣщуетъ прекрасная пустыня:
— «Ты младый царевичъ Осафій!
Не жить тебѣ во пустыня:
Придетъ мать весна-красна,
Лузья-болоты разольются,
Древа листами одѣнутся,
И запоютъ птицы райскія,
Архангельскими голосами,
А ты изъ пустыни вонъ изыдешь,
Меня, мать прекрасную, покинешь!»
Отвѣщуетъ младой царевичъ
Осафій къ прекрасной пустынѣ:
— «Прекрасная мать пустыня,
Любимая моя мати!
Хоша придетъ мать весна-красная,
И лузья-болоты разольются,
И древа листами одѣнутся,
И запоютъ птицы райски,
Архангельскими голосами,
Не прельщусь я на благовонныя цвѣты;
Отращу я свои власы
По могучія плечи,
И не буду взирать на вольное царство;
Изъ пустыни я вонъ не изыду,
И тебя, мать прекрасная, не покину».
Отвѣщуетъ прекрасная пустыня:
— «Свѣтъ младый, царевичъ Осафій,
Чадо ты мое милое!
Когда ты изъ пустыни вонъ не выдешь,
И меня, мать прекрасную, не покинешь:
Дарую я тебя золотымъ вѣнцомъ,
Возьму я тебя, младый царевичъ,
Во небеса царствовати,
Съ праведными лики ликовати!»

Похвала пустыни.

О прекрасная пустыня!
Пріими мя въ свою пустыню,
Яко мати свое чадо,
Научи мя на все благо;
Въ тихую свою, безмолвную,
Палату лѣсовольную,
Любимая моя мати,
Потщися мя воспріяти.
Всѣмъ сердцемъ желаю тя,
И въ день, и въ нощь возлелѣю тя.
Пустыня моя, пріими мя,
Отъ суетнаго, прелестнаго,
Вѣка маловременнаго,
Да во своя младыя лѣта
Отвращуся отъ сего свѣта.
О прекрасная пустыня,
Въ любви своей пріими мя.
Не страши мя своимъ страхомъ,
Да не въ радость буду врагомъ.
Пойду я въ твои лузи зрѣти
Различные твоя цвѣти.
О, дивенъ твой прекрасный садъ,
И жити (я) въ тебѣ всегда радъ;
Древа, вѣтви кудрявыя
И листвіе зеленое
Зыблются малыми вѣтры.
Пребуду здѣ своя лѣта,
Оставлю міръ прелестный,
И буду, аки звѣрь дикій,
Единъ въ пустыни бѣгати,
День и нощь работати:
Сего бо свѣта прелести
Хотятъ душу въ адъ свести,
И вринути въ пропасти темныя,
Въ огненныя муки вѣчныя.
Всегда мя врагъ прельщаетъ,
Свои сѣти поставляетъ,
И тако начну плакати,
Умильно звати и рыдати:
«Милостивый мой Боже!
Уповая на тебя, азъ
Скитаюся въ сей пустыни».

ПЕРІОДЪ ПЯТЫЙ.

ЭПОХА ПРЕОБРАЗОВАНІЙ.

XXI.

НАУКА, ОБРАЗОВАНІЕ И ЛИТЕРАТУРА ПРИ ПЕТРѢ. — УСИЛЕННАЯ ТИПОГРАФСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. — И. Т. ПОСОШКОВЪ.

Въ XVII столѣтіи видѣли мы русское общество въ томъ переходномъ состояніи, при которомъ Россіи все же еще угрожали многіе годы сна и застоя. Среди этого переходнаго состоянія, переживаемаго обществомъ, правда, слышался поворотъ на новую дорогу, и даже дѣлались кое-какія попытки реформъ по вопросамъ частнымъ, по отношенію къ частнымъ условіямъ быта, обращавшимъ на себя преимущественное вниманіе нѣкоторыхъ лучшихъ и наиболѣе энергическихъ современныхъ дѣятелей. Но эти попытки реформъ по частямъ, эти часто даже и весьма почтенныя, и замѣчательныя по энергіи усилія отдѣльныхъ лицъ не приводили къ желаемому результату. Сильна оставалась партія сна и застоя, смѣло противоставляла она свои доводы и открытое сопротивленіе вводителямъ новшествъ, искренно желавшимъ блага Россіи и прежде всего—сближенія Россіи съ Европою. Достаточно будетъ, въ подтвержденіе сказаннаго, припомнить здѣсь извѣстное завѣщаніе патріарха Іоакима, который еще въ 1690 г. убѣждалъ Іоанна и Петра I изгнать изъ Россіи всѣхъ иностранцевъ, какъ враговъ Божіихъ!.. Но вотъ, во главѣ этой горсти западниковъ и нововводителей, является геніальный Петръ, царь-богатырь и вступаетъ въ ту страшную, неумолимую, ожесточенную борьбу съ отживающею стариною и застоемъ, которая извѣстна въ нашей исторіи подъ названіемъ «Эпохи преобразованій». Одинъ изъ современниковъ Петра [1]) сравнивая въ рѣчи своей старую, до-петровскую Россію, съ новой Россіей, которая твердою стопою вступила въ началѣ XVIII вѣка въ семью государствъ Европейскихъ, справедливо замѣчаетъ: «(Тѣ), которые насъ гнушалися, яко грубыхъ, ищутъ усердно братства нашего; которые безчестили — славятъ; которые грозили—боятся и трепещутъ, которые презирали — служить намъ не стыдятся; многія по Европѣ коронованныя главы въ союзъ съ Петромъ Монархомъ нашимъ идутъ доброхотно: отмѣнили мнѣніе [2]), отмѣнили прежнія свои о насъ повѣсти, затерли исторійки своя древнія, инако и глаголати, и писати начали... Вознесла главу Россія свѣтлая, красная, сильная; другомъ любимая, врагомъ страшная!»—«Августъ онъ [3]), римскій императоръ, яко превеликую о себѣ похвалу, умирая, проглагола: «кирпичный», — рече— «Римъ обрѣтохъ, а мраморный оставляю». А нашему Пресвѣтлѣйшему Монарху тщета была бы, а не похвала сіе пригласити [4]): исповѣсти [5]) бо, воистину, подобаетъ: — *древяную онъ обрѣте Россію, а сотвори златую!* Тако

---

[1]) Ѳ. Прокоповичъ. [2]) Т. е. дурное мнѣніе. [3]) Т. е. оный. [4]) Провозгласить, произнести. [5]) Исповѣдать, признать.

оную внѣшнимъ и внутреннимъ видомъ украси: зданіи, крѣпости, правилми и правителми, и различныхъ ученій полезныхъ добротою».

Какъ бы ни казались пристрастны и преувеличены эти отзывы о реформѣ, высказанные современникомъ Петра, сподвижникомъ его, и притомъ горячо привязаннымъ къ нему, близкимъ человѣкомъ, однакоже никакому сомнѣнію не можетъ подлежать то обстоятельство, что такая громадная общественная реформа, какая совершена была Петромъ Великимъ, была возможна и выполнима только для Петра Великаго. Только

Петръ Великій.

при его всеобъемлющемъ геніи возможно было создать такой необъятно-громадный планъ преобразованій, касавшихся всего государственнаго и общественнаго строя, и только при его неутомимости, при его безграничномъ уваженіи къ труду, при его полнѣйшемъ пренебреженіи всѣхъ препятствій, полагаемыхъ на пути его исторіей и природой, оказывалась возможность послѣдовательнаго, полнаго приведенія плана въ исполненіе, восходя отъ частностей къ общему, отъ перемѣнъ въ одеждѣ и борьбы съ предразсудками, до колоссальной реформы въ устройствѣ Русской церкви, до полнаго освобожденія литературы и науки отъ опеки духовенства и монашества. Представители и приверженцы древнихъ началъ общественной Русской жизни и рьяные сторонники религіознаго фанатизма, отвергавшаго всякій прогрессъ, пытались не разъ вступать съ нимъ въ борьбу, и протестъ ихъ былъ на столько силенъ, на столько энергиченъ, что конечно могъ бы, если и не сломить, то, по крайней мѣрѣ, поколебать волю даже и весьма рѣшительнаго преобразователя. Но съ Петромъ никакая борьба не оказывалась возможною: онъ выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ и во всемъ являлся непохожимъ на своихъ современниковъ, во всемъ изумлялъ ихъ. Неуклонно, съ безпощадностью и желѣзнымъ упорствомъ стихіи, Петръ шелъ своимъ путемъ, и видѣлъ передъ собою только тѣ цѣли, въ которыхъ, по его мнѣнію, заключалось благо Россіи:— все, что являлось препятствіемъ на его пути, должно было погибнуть и обратиться въ прахъ. Пришлось вскорѣ убѣдиться въ томъ, что ни любовь, ни дружба, ни родственныя, ни даже семейныя узы не въ силахъ сдержать этого богатыря въ его стремленіи къ цѣлямъ, предначертаннымъ ему свыше, — и вотъ, съ трепетомъ преклонилось передъ нимъ все враждебное его замысламъ или бѣжало укрыться отъ него въ непроходимую глушь лѣсовъ и дебрей, въ безсильной злобѣ предавая анаѳемѣ дѣла Великаго Преобразователя и перенося на него то наименованіе Антихриста, которое еще такъ недавно служило выраженіемъ ненависти къ лицу другаго, менѣе грознаго, хотя и замѣчательнаго преобразователя—патріарха Никона. Безсмертнымъ памятникомъ нравственнаго могущества Петра и его воззрѣній на свои обязанности по отношенію къ народу и Государству осталось намъ его письмо къ царевичу Алексѣю Петровичу (отъ 11 окт. 1715 г.), которое можетъ служить самою лучшею характеристикою личности Великаго Преобразователя:

«Всѣмъ извѣстно есть, что предъ начинаніемъ сея воины, какъ нашъ народъ утѣсненъ былъ отъ шведовъ! которые ... (намъ) со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли. Но потомъ когда сіа воина началась (которому дѣлу единъ Богъ руководцемъ былъ и есть) о коль великое гоненіе отъ непріятелей, ради нашего неискусства въ воинѣ претерпѣли, и съ какою горестью и терпѣніемъ сію школу прошли, донделе... сподобилися видѣть, что оной непріятель, отъ котораго трепетали, едва не вящшеѣ отъ насъ трепещетъ. Что все, помогающу Вышнему, моими бѣдными и протчіхъ истінныхъ сыновъ Россійскихъ трудами достіжено.

Егда же сію Богомъ данную нашему Отечеству радость разсмотряя, обозрюсь на лінѣю наслѣдства, едва неровная радости горесть меня снѣдаетъ, відя тебя, наслѣдника, весьма на правленіе дѣлъ Государственныхъ самовольно непотребнаго—ибо Богъ не есть віновенъ: ибо разума тебя не лишилъ, ниже крѣпость тѣлесную весьма отнялъ... Слабостію ли здоровья отговариваешься?... но и сіе не резонъ! Ибо не трудовъ, но охоты желаю, которую никакая болѣзнь отлучить не можетъ... Я есмь человѣкъ, и смерти подлежу,—то кому вышепісанное съ помощію Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое и возрощенное оставлю? Тому (ли), иже уподобился лѣнівому рабу Евангелскому, вкопавшему талантъ свои въ землю?... Ничего дѣлать не хочешь, только бъ домà жить, и имъ веселітца! Однакожъ,... безумной, радуешься своею бѣдою, не вѣдая что можетъ отъ того слѣдовать не точію тебѣ, но и всему государству! Что все я съ горестію размышляя, и видя, что нічѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣднеи тестаментъ [1]) тебѣ напісать, и еще мало пождать, аще неліцемѣрно обратішся. Ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лішу, а не мни себѣ, что я сіе только въ устрастку пішу: воистинно, Богу изволившу, исполню. Ибо я, за мое отечество и люди, жівота своего не жалѣлъ, и не жалѣю, то како могу тебя непотребнаго пожалѣть;—лучше будь чужеи доброи, неже свои непотребнои».

Эти немногія, драгоцѣнныя для насъ строки служатъ намъ лучшимъ доказательствомъ того, что въ лицѣ Петра, впервые, во главѣ русскаго народа явился такой правитель, для котораго только общая польза могла имѣть значеніе, который способенъ былъ уважать только личныя заслуги и любовь къ труду, который ради блага народа и Государства способенъ былъ отъ всего отречься:—отъ любви и дружбы, отъ родовыхъ преданій, отъ собственнаго своего сына. Только при такомъ взглядѣ на вещи, взглядѣ новомъ и который былъ притомъ радикально-противоположенъ всѣмъ убѣжденіямъ и воззрѣніямъ старой, до-петровской Руси, Петру удалось собрать около себя довольно обширный кружокъ дѣятелей, которые способны были приводить въ исполненіе его планы, осуществлять его намѣренія и глубоко проводить въ массу здравыя понятія объ истинномъ значеніи новаго порядка вещей. Многіе изъ этихъ дѣятелей были людьми весьма незавидной нравственности, многіе изъ нихъ оказались годными для общественной дѣятельности только подъ желѣзною рукою Петра, многіе справедливо подверглись строгому суду исторіи за тѣ эгоистическіе стремленія, которыя были выказаны ими послѣ смерти Петра — но все же, несомнѣнною заслугою этихъ «птенцовъ гнѣзда Петрова» какъ назвалъ ихъ Пушкинъ, является горячая привязанность ихъ къ идеямъ реформы и самая безграничная вѣра въ пользу предпринятаго Петромъ преобразованія. И если послѣ Петра Россія, вступившая при немъ въ семью европейскихъ государствъ, несмотря на неспособность наслѣдовавшихъ Петру правителей, несмотря на замѣчательно-невыгодныя историческія условія, не смотря на усилія старой русской партіи, не могла уже болѣе повернуть на старый путь,—то въ этомъ отношеніи Россія конечно была значительно обязана тѣмъ немногимъ дѣятелямъ, которыхъ избралъ и воспиталъ Петръ, и которые послѣ его смерти выказали въ борьбѣ за идеи Петровы много ловкости, ума, даже самоотверженія и сохранили неприкосновенными преданія Петровскаго времени для послѣдующихъ поколѣній, для послѣдующей и болѣе свѣтлой эпохи царствованья Екатерины II.

Не мѣсто было бы здѣсь распространяться о значеніи эпохи Преобразованія, о вліяніи ея на послѣдующій ходъ русской исторіи и русской жизни—все это давно уже сказано, давно разслѣдовано и изложено нашими историками; а потому мы и позволимъ себѣ указать только на тѣ стороны этой знаменательной эпохи, которыя нашли себѣ отголосокъ въ литературѣ первой половины XVIII вѣка и надолго положили печать свою на весь ходъ нашего просвѣщенія.

Отдавая должную дань безпристрастнаго удивленія геніальному Преобразователю Россіи и оцѣнивая по достоинству его дѣятельность, мы въ тоже время конечно очень далеки отъ желанія оправдывать самый способъ его дѣйствій во многихъ случаяхъ, и тѣмъ болѣе — отъ желанія преувеличивать ту степень образованности и нравственнаго

[1]) Въ смыслѣ: *завѣщаніе*, или скорѣе: увѣщаніе.

развитія, на которую онъ стремился возвести своихъ современниковъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи, Петръ является намъ вполнѣ человѣкомъ своего времени: — на сколько онъ не знаетъ разбора въ средствахъ къ приведенію въ исполненіе своихъ завѣтныхъ замысловъ, на столько же не можетъ видѣть и въ образованіи необходимую нравственную цѣль жизни. Образованіе представлялось Петру только однимъ изъ средствъ къ тому, чтобы сравняться въ матерьяльныхъ силахъ съ сосѣдями, и доставить современному Русскому обществу возможность пользоваться матерьяльными удобствами жизни и нѣкоторымъ благосостояніемъ. Однимъ словомъ, цѣль образованія, вносимаго Петромъ въ Россію, была чисто-утилитарная; и онъ вноситъ его въ Россію именно настолько, на сколько оно ему представлялось необходимымъ для достиженія преслѣдуемыхъ имъ цѣлей. Вотъ почему Петръ не заботится о поддержкѣ и размноженіи общеобразовательныхъ заведеній, въ родѣ Московской славяно-греко-латинской Академіи, и въ тоже время основываетъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ спеціальныя школы; вотъ почему, незаботясь о поощреніи отечественной, самостоятельной литературы, онъ такъ прилежно способствуетъ развитію обширной литературы переводной. Но и здѣсь высказывается его практическій геній, и здѣсь онъ заботится о перенесеніи на нашу литературную почву только существенно-необходимаго. Такъ напр. при одномъ изъ переводовъ нѣмецкаго сочиненія о хлѣбопашествѣ, выправленнаго самимъ Петромъ, сохранилось и слѣдующее хрaктеристическое собственноручное примѣчаніе его: «понеже нѣмцы многими разсказами негодными книги свои наполняютъ только для того, чтобы велики казались, чего *кромѣ самаго дѣла* и краткаго предъ всякою вещью разговора переводить не надлежитъ; но и выше реченный разговоръ, чтобъ не праздной ради красоты, а для вразумленія и наставленія о томъ чтущему было, чего ради о хлѣбопашествѣ трактатъ выправилъ (вычерня негодное), и для примѣра посылаю, дабы по сему книги переложены были безъ излишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ.» И вотъ, не жалѣя ни усилій, ни денегъ Петръ развиваетъ у насъ обширную переводную литературу, преимущественно направляя ее къ одной цѣли—къ доставленію возможности Русскимъ людямъ у себя на дому пріобрѣтать полезныя спеціяльныя свѣдѣнья. Посылаются съ этою цѣлью молодые люди за границу, посылаются книги для перевода и въ Москву, къ преподавателямъ славяно-греко-латинской Академіи, и въ Новгородъ, къ братьямъ Лихудамъ, переселившимся туда изъ Москвы, и въ Славянскія земли, гдѣ многія книги переводятся сначала на чешскій языкъ, а послѣ уже съ чешскаго—на русскій. Постоянно заботясь о переводѣ различныхъ трактатовъ по военнымъ наукамъ, географіи, исторіи, юриспруденціи, мореходству, политической экономіи, языкознанію и другимъ отраслямъ знаній, Петръ поручалъ переводы многихъ книгъ даже Сvноду, постоянно прося о скорѣйшемъ приведеніи поручаемаго имъ въ исполненіе. При этомъ, конечно, знаніе иностранныхъ языковъ являлось для Петра первымъ и главнымъ въ средѣ всѣхъ человѣческихъ знаній, и больше всего заботился онъ именно о развитіи въ Россіи стремленія къ изученію иностранныхъ языковъ. Еще въ самомъ началѣ своего царствованья, во время путешествія за границу, Петръ, прослышавъ, что братья Лихуды частнымъ образомъ обучаютъ желающихъ латинскому и итальянскому языкамъ, кромѣ своего преподаванія при Московскомъ греко-латинскомъ училищѣ, повелѣлъ 15 мая 1697 года, чтобъ у этихъ грековъ учились итальянскому языку дѣти бояръ и иныхъ чиновъ. Въ самомъ концѣ своей жизни, въ указѣ объ учрежденіи Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ (указъ этотъ состоялся какъ разъ за годъ до его кончины, т. е. 28 Января 1724 г.), онъ опять выдвигаетъ на первый планъ знаніе языковъ и переводческую дѣятельность: «Учинить академію»—такъ сказано въ указѣ—«въ которой бы *учились языкамъ*, также прочимъ наукамъ и знатнымъ художествамъ и, *переводили бы книги*». Весь указъ вообще проникнутъ тѣмъ духомъ практицизма и пониманія современныхъ потребностей неразвитаго русскаго общества, которыя были въ такой высокой степени свойственны Петру; приводимъ изъ этого указа важнѣйшее: «Къ распложенію и художествъ, и наукъ употребляются обычайно два образа зданія: первый образъ

называется университетъ; второй—академія или соціететъ художествъ и наукъ. Понеже нынѣ въ Россіи зданіе къ возращенію художествъ и наукъ учинено быть имѣетъ, того ради невозможно, чтобы здѣсь слѣдовать въ прочихъ государствахъ принятому образцу; но надлежитъ, смотря по состояніи здѣшняго государства, какъ въ разсужденіи обучающихъ, такъ и обучающихся и такое зданіе учинить, чрезъ которое бы не токмо слава сего государства для размноженія наукъ нынѣшнимъ временемъ распространилась, но и черезъ обученіе и распложеніе оныхъ польза въ народѣ впредь была. При заведеніи простой академіи наукъ (т. е. академіи, какъ чисто-ученой коллегіи, подобной академіямъ иноземнымъ) обои намѣренья не исполнятся, ибо хотя чрезъ оную художества и науки въ своемъ состояніи производятся и распространяются, однакожь де оныя не скоро въ народѣ расплодятся, а при заведеніи университета—меньше того, ибо когда разсудить, что еще прямыхъ школъ, гимназіевъ и семинаріевъ нѣтъ, въ которыхъ бы молодые люди началамъ обучиться и потомъ выше градусы наукъ воспріять и угодными себя учинить могли, то невозможно, дабы при такомъ состояніи университетъ нѣкоторую пользу учинить могъ. И такъ потребнѣе всего, чтобъ здѣсь таковое собраніе заведено было, ежелибъ изъ самолучшихъ ученыхъ людей состояло, которые довольны (т. е. способны) суть: 1) науки производить и совершить, однакожь де тако, чтобы они тѣмъ наукамъ 2) молодыхъ людей публично обучали и чтобъ они 3) нѣкоторыхъ людей при себѣ обучали, которые бы младыхъ людей первымъ фундаментамъ всѣхъ наукъ паки обучать могли, и такимъ бы образомъ одно зданіе съ малыми убытками тое же бы съ великою пользой чинило, что въ другихъ государствахъ три разныя собранія чинятъ» (т. е. академія, университетъ, гимназія). Этотъ указъ объ учрежденіи академіи лучше всего характеризуетъ намъ взглядъ Петра на образованіе: онъ не признаетъ его общечеловѣческаго значенія и полагаетъ, что его слѣдуетъ примѣнять къ потребностямъ времени и народа, въ средѣ котораго надлежало его распространять. Нельзя до нѣкоторой степени не признать справедливымъ такой взглядъ Петра по отношенію къ Россіи: не слѣдуетъ забывать, что образованнѣйшіе изъ числа русскихъ людей, въ 1717 году, изъ перевода книги астронома Гюйгенса, впервые получили понятіе о системѣ Коперника!

Взглядъ Петра на литературу точно также своеобразенъ, какъ и взглядъ на образованіе, и отличается тѣмъ же самымъ практицизмомъ и утилитарнымъ направленіемъ. Въ литературѣ онъ видѣлъ только средство къ уясненію, проведенію въ жизнь и оправданію своихъ преобразованій,—литературой же умѣлъ онъ пользоваться не только какъ орудіемъ оборонительнымъ противъ клеветъ и безобразныхъ обвиненій, взводимыхъ иностранцами на Россію, но и какъ орудіемъ наступательнымъ противъ внутреннихъ, домашнихъ враговъ своихъ—раскольниковъ, ханжей, приверженцевъ стариннаго русскаго невѣжества и застоя. При Петрѣ, впервые, станокъ типографскій пріобрѣтаетъ на Руси надлежащее, важное значеніе и становится не плохою замѣною рукописнаго труда, а дѣйствительнымъ орудіемъ для быстраго, легкаго и повсемѣстнаго распространенія и обмѣна мыслей. Печатаются не только книги, но и рѣчи, сказанныя по поводу того или другаго важнаго событія, и торжественныя стихотворенія, сочиненныя по случаю побѣдъ и празднествъ, прославляющія величіе современной Петру Россіи, печатаются наконецъ (съ янв. 1703 года) первыя въ Россіи «Русскія Вѣдомости,» за изданіемъ которыхъ такъ зорко и тщательно слѣдитъ самъ Петръ Великій. Печатаются и въ Россіи книги не на одномъ только русскомъ языкѣ, а и на языкахъ иностранныхъ, дабы иностранцамъ дать возможность ближе ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ новой, преобразованной Петромъ Россіи; печатаются Русскія книги *для Россіи* и на иностранныхъ языкахъ *о Россіи* въ Амстердамѣ, съ цѣлью опроверженія клеветъ о Россіи, распространяемыхъ въ Европѣ Швеціею. Чтобы дать понятіе о томъ усиленномъ значеніи, которое пріобрѣтаетъ въ Россіи книгопечатанье при Петрѣ, достаточно будетъ припомнить здѣсь, что въ концѣ XVII столѣтія на всю Россію только и было что двѣ типографіи: одна въ Кіево-Печерской Лаврѣ, другая въ Москвѣ, на печатномъ дворѣ. Въ 1711 году появляется первая типографія въ Петербургѣ, а къ 1720 году, въ томъ же Петербургѣ мы видимъ уже четыре типографіи, кромѣ новыхъ типографій, возникшихъ въ Черниговѣ, въ Новгородѣ-Сѣ-

верскѣ и въ Новѣгородѣ; не мѣшаетъ замѣтить, что въ тоже время въ Москвѣ была уже не одна, а двѣ типографіи.

Относясь съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ литературной дѣятельности монашества и духовенства, отъ котораго едва-ли можно съ было ожидать сочувствія реформамъ, Петръ, въ самомъ началѣ XVIII столѣтія (въ 1700—1701 г. г.), приказываетъ у монаховъ, по монастырямъ, отобрать чернила, перья и бумагу. Въ тоже самое время, принимая самыя рѣшительныя мѣры къ распространенію западной образованности въ Россіи, Петръ весьма сочувственно относится ко всему, что отрицало прошедшее и нападало съ безпощадной насмѣшкой на то, что мѣшало введенію его реформъ. Отсюда то объясняется намъ появленіе въ началѣ XVIII столѣтія многихъ русскихъ произведеній, въ которыхъ преобладаетъ такъ называемое обличительное направленіе, проявляющееся въ видѣ косвенныхъ и прямыхъ нападковъ противъ всего, что до этого времени пользовалось на Руси важнымъ значеніемъ и авторитетомъ; отсюда же объясняется намъ и горячая привязанность Петра къ Ѳеофану Прокоповичу, блистательному защитнику и разумному истолкователю сущности Петровской реформы, заключавшейся преимущественно въ обращеніи отъ религіозныхъ интересовъ къ человѣческимъ, житейскимъ. Обличительное направленіе, поощряемое Петромъ, высказалось опредѣлительно и ясно въ произведеніяхъ Ѳеофана, хотя эти произведенія по формѣ своей, и относились скорѣе къ духовной, нежели къ свѣтской литературѣ. Въ его время не было у насъ журналистики, не существовалъ обычай высказывать печатно мнѣнія о состояніи страны, администраціи и т. п.—однимъ словомъ, у Прокоповича не было тѣхъ средствъ, которыми пользовался писатель его времени въ другихъ государствахъ. Отъ него требовали и ожидали словъ на торжественные случаи, ему приказывали сочинять уставы,—онъ и выполнялъ все это, но такъ, что часто, вмѣсто проповѣди, выходилъ у него политическій памфлетъ, а вмѣсто законодательнаго памятника—сатира [1]).

Петръ, способствуя развитію въ современной ему литературѣ отрицательнаго направленія, не чуждался никакихъ формъ отрицанія и осмѣянія недостатковъ того близкаго прошлаго, которое онъ стремился уничтожить и замѣнить новымъ, лучшимъ настоящимъ. Онъ не пренебрегалъ даже и формою грубой, площадной сатиры, которая предназначалась для того, чтобы и въ самой массѣ народа посѣять отвращеніе къ суевѣрію и предразсудкамъ старины и расположить ее въ пользу новыхъ порядковъ. Сатира эта проявилась въ видѣ шутовскихъ *интермедій* (т. е. между-дѣйствій), которыя вставлялись между дѣйствіями полу-свѣтскихъ и полу-духовныхъ пьесъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти пьесы давались не на придворномъ театрѣ, а въ частныхъ помѣщеніяхъ, куда допускаемо было большинство публики, безъ разбора званій. Въ этихъ интермедіяхъ выводимы были на сцену, на всеобщее осмѣяніе, типы тѣхъ личностей и тѣ черты современной народной жизни, которыя подвергались наибольшему преслѣдованію со стороны закона:—раскольники, преслѣдуемые правительствомъ за суевѣріе и привязанность къ старинѣ, ставленникъ, добивающійся мѣста священника, дьячокъ, оплакивающій дѣтей, отбираемыхъ у него для отсылки въ семинарію, подьячіе, ловящіе въ мутной водѣ рыбу, приверженцы старины, оплакивающіе доброе старое время, когда можно было не брить ни бороды, ни усовъ, и не носить нѣмецкаго платья [2]). Чтобы ознакомиться съ направленіемъ этой площадной сатиры, выразившейся въ интермедіяхъ петровскаго времени, стоитъ здѣсь

[1]) Пекарскій. Наука и литература при Петрѣ Великомъ; т. I. ст. 480 и 481.

[2]) Въ 1705 г., послѣдовалъ указъ, по которому всѣ, кромѣ священно-церковнослужителей, въ Москвѣ должны были носить съ 2 января до Пасхи вплоть платье саксонское, а исподнее—камзолы, башмаки и проч., нѣмецкое. Лѣтомъ надо было носить французскую одежду, отъ которой не избавлены были и крестьяне. Въ томъ же году велѣно брить бороды и усы, и наложена тяжкая подать на тѣхъ, кто не хотѣлъ подчиняться указу. Это возбудило сильный ропотъ въ народѣ, такъ какъ русскіе книжники учили, что всѣ міряне для спасенія душъ должны носить усы и бороды. Чтобы утишить эти толки, Димитрій, митрополитъ ростовскій, написалъ весьма замѣчательный въ историческомъ отношеніи трактатъ «Объ образѣ и подобіи Божьемъ въ человѣцѣ».

привести изъ нея два—три отрывка. Вотъ напримѣръ, какъ раскольникъ, приведенный въ ужасъ новыми порядками, описываетъ ихъ жиду, къ которому относится съ особеннымъ сочувствіемъ, принимая его за своего собрата, такъ какъ узнаетъ отъ него, что и тотъ тоже держится *«старой вѣры»*:

Какъ то нынѣ люди увязли глубоко,
Какъ-то жить въ мірѣ несносно и жестоко!
Послѣднія бо времена видимъ, что приспѣли,
Бо и нѣкоторые отъ нашихъ старцевъ антихриста зрѣли [1]);
Подобаше ему пріити на землю, когда нашу старую вѣру попрали.
Никовщики проклятые, свою же нѣкую новую невѣдомо откуду взяли.
И не токмо вѣру нашу стару святу и Богомъ устроенну,
Еже апостоли святые и пророки носили,
Попрали, но и платіе долгое уже премѣнили;
Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
На главахъ же своихъ носятъ круглые картузы.
И тое они откуду взяли, ей недоумѣваемъ
И сказать о томъ истинно не знаемъ.
Что законъ и правила святыхъ отецъ возбраняютъ,
Свои брады на голо желѣзомъ обриваютъ.
Человѣцы ходятъ, яко облезьяны:
Вмѣсто главныхъ волосовъ, носятъ паруки, будто нѣмцы поганы.
Куды убѣгнемъ, отъ строящихъ раздоры
Нашей вѣры старой: въ воду и въ горы.

Въ другой сценѣ той-же интермедіи, въ которой выведенъ раскольникъ и жидъ, подьячій приходитъ къ дьячку, чтобы взять дѣтей его въ семинарію [2]).

Дьячокъ.

Лучше мнѣ теперь умереть,
Нежели на это смотрѣть.
Какъ меня дѣтей они лишаютъ
И въ серимарію на муку отбираютъ.
Пожалуй, батюшко, умилосердись надъ нами,
Напиши, пожалуй, что они негодны лѣтами!

Подьячій на это соглашается, взявъ съ дьячка пятнадцать рублей взятки, какъ вдругъ является *другой подьячій*, и говоритъ:

Ты еще здѣсь съ дьячкомъ тѣмъ изволишь балакать,
А намъ, право, тамъ лишь плакать;
Ужъ третью промеморію изъ семинаріи присылали,
Штобы вы скорѣе ихъ (т. е. дѣтей дьячка) сыскали.

Первый подьячій.

Ну, братъ, какъ нибудь свободи его дѣтей.

Другой подьячій.

Боюсь: за это вѣдь въ приказѣ схватишь плетей!
Ну, дьячокъ, давай ихъ скоряя,
Ни мало не отлагая!

Дьячокъ.

Всѣ мои знакомцы и вся моя родня, сберитеся сюда,
Посмотрите, какая на меня пришла бѣда!
Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ,
И въ проклятую серимарію на муку обираютъ.
О, мои дѣтушки сердечные,
Не на ученье васъ берутъ, а на мученье безконечное;
Лучше вамъ не родиться на сей свѣтъ, а хотя и родиться
Того жь часа киселемъ задавиться и въ воду утопиться.

Подьячій первый.

О, у тя, какъ вижу, плачу конца не дождаться:
Пора уже намъ къ городу подвигаться.
Ну, дьячокъ, прощай добрый человѣкъ,
Дай тебѣ Богъ множество лѣтъ;
А, впредь, пожалуй, знайся съ нами,
Съ подьячими, съ приказными строками!

---

[1]) Еще со временъ Никона у раскольниковъ начались толки о пришествіи на землю антихриста. При Петрѣ Великомъ стали даже появляться рукописныя сочиненія объ этомъ, къ великому соблазну народа. [2]) Въ 1708 г. послѣдовалъ указъ о томъ, чтобы дѣтей священно-церковнослужителей отдавать учиться въ школы греческія и латинскія; при этомъ постановлено, что не бывшіе въ школахъ могутъ только поступать въ солдаты.

Дьячекъ.

Прямь, што не отъ дурова люди говорятъ,
Што подъячи-ты люди,
Ажно люты они да и не худы.
Вотъ теперь денежки то съ меня схолодили,
Впередъ же я ихъ теперь буду знать,
А когда случай придетъ, не такъ буду поступать».

Въ заключеніе этой главы, бросая общій взглядъ на эпоху преобразованій, мы должны сознаться, что эпоха эта отзывалась страшными тягостями и въ народѣ, и въ обществѣ... Трудна была школа и строгъ былъ учитель, посланный судьбою Россіи въ лицѣ Петра! Русскій человѣкъ Петрова времени не зналь ни отдыха, ни покоя, и можетъ быть только благодаря своему здоровому, крѣпкому нравственному организму съумѣлъ перенести это тяжкое время переворотовъ и выйдти изъ него со славою. Но это только одна сторона; есть и другая:—«народъ дѣйствительно учится; учится не одной цыфири и геометріи, не въ однихъ школахъ русскихъ и заграничныхъ: народъ учится гражданскимъ обязанностямъ, гражданской дѣятельности. При изданіи каждаго важнаго постановленія, при введеніи важнаго преобразованія, законодатель объясняетъ, почему онъ такъ дѣлаетъ, почему новое лучше стараго. Русскій человѣкъ получаетъ впервые наставленія подобнаго рода. Впервые мысль русскаго человѣка была возбуждена, его вниманіе обращено на важные вопросы государственнаго и общественнаго строя; сочувственно или несочувственно обращались къ словамъ и дѣламъ царя,—все равно, надъ этими словами и дѣлами думали; эти слова и дѣла постоянно будили русскаго человѣка. Что могло погубить общество одряхлѣвшее, народъ неспособный къ развитію, то развило силы молодаго и крѣпкаго народа, долго спавшаго и нуждавшагося въ сильномъ толчкѣ для пробужденія» [1]).

Весьма любопытнымъ явленіемъ Петровскаго времени, свидѣтельствующимъ о пробужденіи народа и о томъ, что идеи Петровы, глубоко проникая въ массу, находили себѣ въ ней и сочувственные отголоски, представляется намъ личность крестьянина-писателя *Ивана Тихоновича Посошкова* (род. около 1670 г.). Посошковъ былъ человѣкомъ состоятельнымъ, даже богатымъ по тому времени. Какъ человѣкъ не просто грамотный, но и весьма начитанный, онъ до глубины души проникнутъ былъ идеями реформы, и потому самому, «изъ презѣльной горячности къ отечеству» (по его собственному выраженію) сталъ писать проэкты и книги, въ которыхъ старался обратить вниманіе правительства на многіе недостатки общественные и указать средства къ ихъ исправленію. Сочувствіе свое къ реформамъ выражалъ онъ не только въ однихъ сочиненіяхъ и проэктахъ своихъ, но и болѣе дѣятельно—въ самой жизни: сынъ Посошкова былъ въ числѣ первыхъ русскихъ молодыхъ людей, отправленныхъ за границу для обученія. Отецъ, отпуская его на чужбину, снабдилъ его и щедрымъ, почти роскошнымъ по тому времени, содержаніемъ, и особеннымъ, писаннымъ наставленіемъ, въ которомъ начертанъ былъ для него подробный планъ дѣйствій. Это наставленіе сыну, извѣстное подъ названіемъ «отеческаго завѣщательнаго поученія», сохранилось намъ въ числѣ многихъ другихъ сочиненій Посошкова. Замѣчательнѣйшее изъ этихъ сочиненій — «книга о скудости и богатствѣ», надъ которою Посошковъ, «утаенно отъ зрѣнія людскаго», трудился три года. Въ 1724 году представилъ онъ эту книгу Петру, прося только о томъ, чтобы имя его оставалось «сокровенно отъ сильныхъ лицъ, паче же отъ нелюбящихъ правды». Поводомъ къ такой предосторожности со стороны Посошкова было именно то, что онъ въ книгѣ своей указывалъ на средство, «какъ бы истребить изъ народа неправду и водрузить прямую правду и *безпечное житіе народное*». Въ числѣ средствъ, указываемыхъ Посошковымъ, упоминается и объ уравненіи отношеній между помѣщиками и крестьянами, объ учрежденіи одного суда, общаго, равнаго для всѣхъ чиновъ и сословій, объ улучшеніи быта духовенства, въ особенности сельскаго, которое, по бѣдности своей, почти не отличалось въ быту отъ крестьянства, а по малограмотности способствовало развитію въ народѣ раскола и суевѣрій и т. д. Съ другой стороны, въ той же книгѣ, Посошковъ занимается вопросами чисто экономическими, давая «изъясненіе, отчего

[1]) Соловьевъ; XVIII; 251—2.

содѣвается напрасная скудность, и отчего умножиться можетъ изобильное богатство». При этомъ, не смотря на всю непослѣдовательность своего изложенія, Посошковъ высказываетъ замѣчательную остроту и правильность взгляда на политико-экономическую сторону государственнаго строя:—не въ томъ дѣло, говоритъ онъ, чтобы въ казнѣ денегъ много лежало, а въ томъ, чтобы самый народъ былъ богатъ и пользовался извѣстной степенью благосостоянія. Но все это Посошковъ считаетъ возможнымъ только при совершенно правильномъ устройствѣ правосудія и при полномъ огражденіи народа отъ «явныхъ грабителей (разбойниковъ и воровъ) и потаенныхъ грабителей (взяточниковъ)».

Этотъ замѣчательный по своему уму, честности и общественному положенію дѣятель Петровской эпохи могъ однакоже высказывать такъ свободно свои мысли о недостаткахъ современнаго общественнаго строя только Петру. Его рѣзкій и прямой взглядъ не понравился многимъ изъ высокопоставленныхъ современниковъ его. Вскорѣ послѣ смерти Петра, Посошковъ, неизвѣстно по какой винѣ, былъ арестованъ, по распоряженію тайной канцеляріи, и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и скончался въ февралѣ 1726 г.

XXII.

ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ. — ГОДЫ УЧЕНІЯ И СТРАНСТВОВАНІЙ. — ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРСКАЯ. — СБЛИЖЕНІЕ СЪ ПЕТРОМЪ. — ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТЪ. — ѲЕОФАНЪ, КАКЪ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДѢЯТЕЛЬ. — ѲЕОФАНЪ, КАКЪ УЧЕНЫЙ И ЛИТЕРАТОРЪ. — ѲЕОФАНЪ, КАКЪ ЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Преобразованія Петра казались современникамъ его быстрыми и неожиданными, внезапно явившимися по мановенію великаго преоброзователя. Но потомство, оцѣнивая самодѣятельность Петра, не можетъ однакоже не замѣтить, что всѣ его преобразованія были только крайнею степенью развитія того умственнаго и нравственнаго движенія, которое зародилось у насъ съ конца XVI и начала XVII вѣка на Юго-Западѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ того напора европейской цивилизаціи, въ которомъ выражалось ея неуклонное движеніе съ Запада на Востокъ. Кіевскіе ученые явились первыми піонерами западной цивилизаціи на дальнемъ московскомъ сѣверо-востокѣ и первые, открыто, всенародно, съ церковной каѳедры вступились за права науки и образованія. Въ этихъ то первыхъ піонерахъ западной цивилизаціи Петръ нашелъ себѣ дѣятельныхъ помощниковъ и вѣрныхъ цѣнителей. Но вслѣдствіе того, что Петръ ближе ихъ знакомъ былъ и съ западной цивилизаціей, и съ коренными свойствами русской природы, онъ вскорѣ пошелъ въ своихъ преобразованіяхъ гораздо далѣе всего, что казалось достижимымъ и возможнымъ для образованнѣйшихъ людей нашего юго-запада. Многіе изъ нихъ, поэтому самому, отвернулись отъ Петра, перестали понимать его дѣйствія, перестали вѣрить въ возможность достиженія тѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремился,—и только одинъ изъ нихъ рѣшился руку объ рука идти съ геніальнымъ Петромъ до конца, и даже послѣ смерти его не переставалъ защищать и осуществлять его идеи.

Успѣхъ кіевскихъ ученыхъ при Петрѣ объясняется для насъ не только однимъ недостаткомъ въ людяхъ просвѣщенныхъ и знающихъ языки древніе и новѣйшіе; значительною долею этого успѣха обязаны они и тому утилитарному, практическому направленію своей учености, которое, какъ мы видѣли выше, было вызвано въ средѣ юго-западной образованности самыми историческими условіями, породившими ее. Петръ видѣлъ въ нихъ людей пригодныхъ, которые съумѣютъ изъ науки своей сдѣлать практическое примѣненіе къ современнымъ общественнымъ условіямъ жизни, съумѣютъ и литературой возпользоваться, какъ средствомъ для проведенія извѣтныхъ идей въ общество—и вотъ почему онъ такъ постоянно оказывалъ имъ свое покровительство. Съ самаго начала царствованья онъ милостиво отнесся къ Кіево-Могилянской коллегіи, которой отъ него повелѣно было въ 1707 году именоваться «Академіей;» даже и ранѣе этого времени, а именно въ 1701 году, Петръ велѣлъ ввести *«ученія латинскія»* въ Московской духовной Академіи, или иначе сказать, видоиз-

мѣнить въ ней преподаваніе наукъ, по образцу Академіи Кіевской. Затѣмъ, мало по малу, наступаетъ для Кіевскихъ ученыхъ наиболѣе блестящій періодъ ихъ славы; они являются всюду преобладающими и становятся во главѣ церковнаго управленія и просвѣщенія Россіи:—Стефанъ Яворскій (ум. 1722. г. г.) по смерти послѣдняго Патріарха, назначается мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола; *Гавріилъ Бужинскій* становится во главѣ русскаго книгопечатанья и зарождающагося на сѣверѣ школьнаго образованія какъ *протекторъ школъ и типографій; Ѳеофилактъ Лопатинскій* избранъ въ ректоры Московской академіи (въ которую незадолго предъ тѣмъ Кіевскихъ ученыхъ не допускали даже преподавателями), а съ 1723 года посвященъ въ Тверскіе епископы; *Дмитрій* (Туптало), гораздо ранѣе этого времени, въ 1702 году, уже возведенъ въ санъ митрополита ростовскаго и ярославскаго; наконецъ, па верху всѣхъ почестей и духовныхъ, и свѣтскихъ является знаменитѣйшій изъ сподвижниковъ и совѣтниковъ Петровыхъ, разумнѣйшій и ревностнѣйшій исполнитель его воли—*Ѳеофанъ Прокоповичъ*, архіепископъ Новгородскій.

Ѳеофанъ родился въ Кіевѣ 7 Іюня 1681 г. До осьмнадцатилѣтняго возраста обучался онъ въ кіевскихъ школахъ и потомъ въ кіево-могилянской академіи, гдѣ поражалъ всѣхъ наставниковъ своими необыкновенными дарованіями, живымъ и острымъ умомъ и весьма привлекательною внѣшностью. Любознательность его, однакоже, не могла удовлетвориться тѣмъ, что способна была доставить ему кіево-могилянская коллегія; и вотъ онъ, подобно многимъ другимъ молодымъ людямъ своего времени, отправляется заграницу, въ польскія школы, а такъ какъ въ польскія школы не принимали никого изъ принадлежавшихъ къ восточному вѣроисповѣданью, то Ѳеофанъ вынужденъ сдѣлаться уніатомъ. Достаточно уже образованный и твердый въ наукахъ, Ѳеофанъ и здѣсь оставался недолго, постоянно стремясь углубить и расширить кругъ своихъ свѣдѣній, и вскорѣ, черезъ славянскія земли, черезъ Сѣверную Италію, пробрался въ отчизну искусствъ—въ Римъ. Здѣсь Ѳеофанъ поступилъ въ знаменитый Коллегіумъ св. Аѳанасія, учрежденный папою Григорьемъ XIII съ тою спеціальною цѣлью, чтобы въ немъ могли получать образаваніе молодые люди изъ Грековъ и Славянъ. Преподавателями тамъ были іезуиты, и Ѳеофанъ сдѣлался вскорѣ ихъ общимъ любимцемъ: его полюбили и за веселый, привлекательный характеръ его, и за способность къ наукамъ. Его отличали отъ всѣхъ товарищей его, открыли ему свободный доступъ во всѣ библіотеки, и Ѳеофанъ (всегда съ большимъ уваженіемъ отзывавшійся о своихъ преподавателяхъ-іезуитахъ, и особенно о старшемъ изъ нихъ, въ вѣдѣньи котораго состоялъ весь коллегіумъ) вспоминалъ съ особеннымъ удовольствіемъ о впечатлѣніи,

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

произведенномъ на него древними классиками, съ которыми ему впервые удавалось въ ту пору знакомиться въ настоящихъ подлинникахъ, а не по школьнымъ, очищеннымъ и сглаженнымъ изданіямъ. Извѣстно, что іезуиты дѣлали неоднократно Ѳеофану и весьма выгодныя предложенія, обѣщая ему блестящую карьеру въ будущемъ, въ томъ случаѣ, еслибы онъ вступилъ въ ихъ семинарію или въ духовное званіе. Но Ѳеофанъ ловко отклонилъ всѣ подобныя предложенія и воспользовался своимъ пребываніемъ въ Римѣ только для того, чтобы съ любовью изучить безсмертныя сочиненія классиковъ и творенія Отцевъ Церкви римской и греческой; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внимательно осматривалъ памятники классической и церковной древ-

ности, вникалъ въ подробности папскаго правленія, духовнаго и свѣтскаго, и зорко слѣдилъ за всѣмъ, что происходило на глазахъ у него, при избраніи папы Климента XI (въ 1700 г.). Здѣсь-то, въ Римѣ,—центрѣ католическаго міра — запасшись громадною ученостью богословскою и окончательно усвоивъ себѣ блестящее классическое образованіе, Өеофанъ собралъ вмѣстѣ съ тѣмъ и драгоцѣннѣйшій матерьялъ для правдивой оцѣнки «папежскаго духа», проникавшаго къ намъ черезъ Польшу, и навѣки сдѣлался заклятымъ врагомъ Рима. Около 1702 года, претерпѣвъ множество разныхъ бѣдъ и лишеній на обратномъ пути своемъ въ Россію, Өеофанъ наконецъ возвратился въ Кіевъ, былъ разрѣшенъ отъ всякихъ связей своихъ съ Уніей, постриженъ въ монахи и потомъ принятъ преподавателемъ въ кіевскую академію. Здѣсь, въ бытность свою учителемъ поэзіи, Өеофанъ составилъ курсъ *Піитики* и написалъ трагикомедію «Владиміръ», представленную академистами на школьной сценѣ, въ Іюлѣ 1705 года. Послѣднее произведеніе замѣчательно уже по смѣлости въ выборѣ сюжета не изъ библейской, а изъ отечественной исторіи; къ тому же, по самой отдѣлкѣ нѣкоторыхъ изъ числа выведенныхъ въ ней характеровъ, обрисованныхъ бойко и съ неподдѣльнымъ комизмомъ, пьеса эта стоитъ далеко выше всѣхъ современныхъ ей школьныхъ драмъ. И на сколько Өеофанъ, въ этой трагикомедіи своей, выказалъ себя оригинальнымъ и независимымъ по отношенію къ правиламъ современной реторики, на столько же оригинальнымъ и независимымъ отъ нея явился онъ и въ той первой своей привѣтственной рѣчи къ Петру Великому, которую сказалъ онъ Императору во время его пребыванія въ Кіевѣ въ 1706 году. Не обращаясь ни къ какимъ библейскимъ или классическимъ сравненіямъ и «прикладамъ», Өеофанъ очень ловко связалъ свой панегирикъ Петру съ воспоминаніями изъ отечественной исторіи о тѣхъ событіяхъ и лицахъ, для которыхъ кіевскіе памятники служили живою лѣтописью; въ концѣ рѣчи, еще болѣе ловко вставилъ Өеофанъ словечко и о неслыханной простотѣ жизни и одежды монарха, объ отвращеніи его къ пышности: «Пресвѣтлый монархо нашъ»,—такъ заключилъ Өеофанъ—«множае удивляемся величеству твоему, видяще тя въ общей одеждѣ, нежели аще бы видѣнъ былъ еси въ царскомъ украшеніи: величество бо царское не въ порфирѣ свѣтлой, не въ златой діадимѣ зрится, но въ силѣ, крѣпости, мужествѣ, въ храбрыхъ и удивленія достойныхъ дѣлахъ...»

Другое торжественное, поздравительное слово сказано было Өеофаномъ Петру въ 1709 году, черезъ двѣ недѣли послѣ Полтавской побѣды, и такъ понравилось Петру, что тогда-же было, по его приказанію, напечатано на славянскомъ и латинскомъ языкахъ, вмѣстѣ съ русскими, польскими и латинскими стихами, которыми отовсюду привѣтствовали побѣдителя. Всѣмъ особенно понравилось въ этомъ словѣ сближеніе съ библейской исторіей, сдѣланное ораторомъ; онъ напомнилъ своимъ слушателямъ, что битва происходила въ день Св. Сампсона, который растерзалъ льва: «отъ ядущаго ядомое изыде и отъ крѣпкаго изыде сладкое». Өеофанъ не забылъ при этомъ и сильнаго любимца царскаго, Меншикова, и ему въ томъ же году посвятилъ особое похвальное слово.

Съ этихъ поръ, и особенно послѣ того, какъ Өеофану пришлось сопровождать царя въ несчастливо-окончившійся турецкій походъ 1711 года, Петръ уже видимо благоволилъ къ Өеофану, видѣлъ въ немъ человѣка надежнаго и пригоднаго, и рѣшился приблизить его къ себѣ въ виду тѣхъ обширныхъ реформъ по устройству Русской церкви, которыя готовился онъ современемъ привести въ исполненіе. Еще около пяти лѣтъ пришлось однакоже Өеофану оставаться въ Кіевѣ, при академіи, занимаясь преподаваніемъ философіи и математики; но въ 1716 году, Өеофанъ, по волѣ Петра, вызванъ былъ въ Петербургъ, и хотя не засталъ тамъ государя, находившагося въ то время за границей, однакоже немедленно вступилъ на тотъ путь, которымъ ему суждено было идти до самой смерти Петра.

Өеофанъ, въ отсутствіе Петра, усердно принялся за дѣятельность ораторскую, и проповѣди его имѣли такое важное значеніе по отношенію къ современности, что каждая изъ нихъ тотчасъ же печаталась и пересылалась Государю за границу. Өеофанъ въ этихъ проповѣдяхъ является скорѣе свѣтскимъ ораторомъ, нежели духовнымъ лицемъ, и въ основу своей проповѣди избираетъ обыкновенно не поученіе нравственное, не разъясненіе догматовъ, а изложеніе и

разъясненіе современныхъ политическихъ событій, дѣйствій правительства и даже видовъ его на будущее время; все это было излагаемо и изъясняемо Θеофаномъ, конечно, съ правительственной точки зрѣнія, вполнѣ согласно съ воззрѣніями самого Петра. Съ восторженными похвалами отзывался онъ о каждомъ дѣйствіи Петра, указывалъ на пользу путешествій Государя за-границу, призывалъ всѣхъ къ подражанію ему и старался оправдать каждое его распоряженіе, каждое нововведеніе.

По возвращеніи Государя изъ за-границы, Θеофанъ былъ посвященъ въ епископы новгородскіе; незадолго передъ тѣмъ онъ сказалъ свою знаменитую проповѣдь *«о власти и чести Царской»*, въ которой уже ясно видны намеки на подготовляемыя Петромъ важныя реформы въ церковномъ устройствѣ. Θеофанъ проводитъ въ этой проповѣди ту мысль, что всѣ сословія въ государствѣ должны быть подчинены и подсудны Государю, и прибавляетъ: «многіе мыслятъ, что не вси весьма людіе симъ долженствомъ обязаны суть, но нѣкіи выключаются, именно же священство и монашество. Се тернъ, или паче рещи, жало, но жало се зміино есть, папежскій се духъ, но не вѣмъ, какъ то досягающій и касающійся насъ; священство бо иное дѣло, иный чинъ есть въ народѣ, а *не иное государство*».

И дѣйствительно, въ 1719 г., когда Государь рѣшился учредить новую форму церковнаго правленія, онъ поручилъ Θеофану составить уставъ духовной коллегіи, который и былъ имъ составленъ подъ заглавіемъ: *«Духовный Регламентъ»*. Самъ Θеофанъ писалъ объ этомъ замѣчательномъ трудѣ своемъ къ одному изъ друзей слѣдующее: «Я написалъ для главной церковной Коллегіи или Консисторіи постановленіе или Регламентъ. Въ немъ всѣхъ правилъ почти триста. Его Величество приказалъ прочесть это сочиненіе въ своемъ присутствіи и, перемѣнивъ кое-что немногое и прибавивъ отъ себя, весьма одобрилъ; потомъ приказалъ прочитать въ Сенатѣ, гдѣ присутствовали сенаторы и шесть епископовъ. Читано было дважды въ теченіе двухъ дней и еще прибавлено нѣсколько новыхъ замѣчаній; потомъ приложили руки съ одной стороны епископы, съ другой сенаторы; въ заключеніе подписалъ самъ Государь. Сдѣлано два экземпляра этого акта: одинъ отданъ для храненія въ царскіе архивы, другой отправленъ въ Москву и другія мѣста для подписи неприсутствовавшимъ епископамъ. Когда Регламентъ, такимъ образомъ закрѣпленный общимъ подписаніемъ, возвратится, онъ будетъ отданъ для напечатанья и откроется Коллегія или постоянный правительствующій Сѵнодъ, чего дай Боже».

Въ томъ же самомъ смыслѣ, Θеофанъ прибавляетъ: «пишу теперь трактатъ, въ которомъ изложу, что такое патріаршество и когда оно получило начало въ церкви и какимъ образомъ, въ теченіе 400 лѣтъ, церкви управлялись безъ патріарховъ и доселѣ еще нѣкоторыя патріархамъ неподчинены. *Этотъ трудъ я принялъ на себя для защиты учреждаемой коллегіи, чтобы она не показалась чѣмъ нибудь новымъ и необычнымъ, какъ конечно будутъ утверждать люди невѣжественные и злонамѣренные»*. Изъ этого видно, съ какою осторожною осмотрительностью дѣйствовалъ Θеофанъ на трудномъ поприщѣ своемъ и какъ заботился о томъ, чтобы, защищая Петровы реформы, отстаивая ихъ шагъ за шагомъ противъ нападковъ партіи, враждебной Петру, въ тоже время и давать имъ прочную точку опоры со стороны исторіи и науки, и въ этомъ случаѣ онъ, конечно, благодаря своей обширной учености, употреблялъ въ борьбѣ противъ враговъ реформы такое оружіе, противъ котораго они не могли ничѣмъ защищаться. Петръ вполнѣ понималъ Прокоповича, вполнѣ оцѣнивалъ его дѣятельность и умѣлъ превосходно пользоваться неутомимымъ трудолюбіемъ и неистощимымъ запасомъ свѣдѣній этого человѣка, котораго, при его свѣтломъ умѣ, Петру такъ легко было руководить и направлять сообразно своимъ цѣлямъ.

Понятно, почему, при Петрѣ, Θеофанъ, какъ авторъ «Духовнаго регламента», и притомъ любимецъ Государевъ, осыпаемый его милостями, тотчасъ послѣ учрежденія Сѵнода (1721 г.) сталъ во главѣ церковнаго управленія, хотя Стефанъ Яворскій и былъ назначенъ призидентомъ Сѵнода. Какою силою и значеніемъ пользовался въ это время Θеофанъ, это видно изъ той рѣзкой проповѣди, которую, по случаю открытія св. Сѵнода, Θеофанъ говорилъ, въ присутствіи Государя, 14 Февраля 1721 г. Въ этой проповѣди онъ нетолько безпощадно порицаетъ

все управленіе церковное до-петровскаго времени, но и позволяетъ себѣ самые рѣзкія нападки на современное состояніе духовенства. Въ этихъ нападкахъ нельзя не видѣть и весьма ясныхъ намековъ на современныхъ Ѳеофану высшихъ представителей духовнаго сословія, относившихся враждебно къ его богословской и ораторской дѣятельности. Очень хорошо понимая, что въ основу церковной реформы, предпринятой Петромъ, положено было стремленіе къ исправленію и очищенію духовно-нравственной жизни народа при помощи наставленій со стороны образованныхъ пастырей, Ѳеофанъ обращаетъ на эту сторону вопроса преимущественное вниманіе:

«Коей пользы надѣятися отъ правительства духовнаго»—говоритъ онъ — «кажется мнѣ, есть человѣка умомъ весьма ослѣпленнаго; ибо онъ не видитъ, или видѣти таковый не хощетъ, каковую нищету и бѣдство страждетъ христіанскій народъ, когда нѣтъ духовнаго ученія и правленія. У насъ, слава Богу, все хорошо, и не требуютъ здравіи врача, но болящіи. Но такъ себе и прочіихъ льстятъ сіи окаянницы, якоже иногда во Іерусалимѣ народъ и священство... льстили себѣ сладкимъ льщеніемъ: «*миръ, миръ, и нѣсть миръ*»—якоже пророкъ (Іеремія) сѣтуетъ.

...«Какій убо у насъ миръ? Какое здравіе наше? До того пришло, что всякъ, хотя бы пребеззаконнѣйшій, думаетъ себе быти честнѣе и паче прочихъ свѣтѣйшѣе: то наше здравіе. До того пришло, что чуть не всѣ, бревна въ своемъ оцѣ не ощущающіи, сучецъ усматриваютъ въ очесѣхъ ближняго: то нашъ миръ. До того пришло, что пріемшіи власть поставляти и учити людей сами христіанскаго перваго ученія, еже апостолъ млекомъ нарицаетъ, не вѣдаютъ. До того пришло, и въ тая мы времена родилися, когда слѣпіи слѣпыхъ водятъ, саміи грубѣйшіи невѣжды богословствуютъ и догматы, смѣха достойные, пишутъ, ученія бѣсовская предаютъ, и во преданіи бабіимъ баснемъ скоро вѣруется; прямое же и основательное ученіе не точію не получаетъ вѣры, но и гнѣвъ, вражду, угроженія, вмѣсто возмездія пріемлетъ. Таковъ миръ нашъ, такое здравіе наше».

....«Видя же сіе, видимъ какъ нужное дѣло твое духовная коллегія; видимъ нужную ниву жатвы твоей... тебѣ весь сей въ Россіи домъ Божій ввѣренъ; тебѣ и дѣлати, и дабы правильно дѣлалось, наблюдати, наставляти и настояти подобаетъ».

Въ словахъ, предшествующихъ этому обращенію къ духовной коллегіи, мы видимъ явный намекъ на то, что современное духовенство вообще относилось очень враждебно къ дѣятельности Ѳеофана; и дѣйствительно, враговъ въ средѣ духовенства у него было очень много и даже еще при жизни Петра Великаго на него въ разное время было сдѣлано нѣсколько доносовъ, въ которыхъ Ѳеофана обличали нетолько въ дурной жизни, но и въ неправильности религіозныхъ воззрѣній, въ преднамѣренномъ искаженіи догматовъ, почти въ ереси. Такія обвиненія взводились на него преимущественно московскимъ духовенствомъ, которое все еще жило своими старыми преданіями и притомъ не могло простить Ѳеофану его сочувствія и ревностнаго содѣйствія Петру въ тѣхъ реформахъ его, которыя собственно касались новаго церковнаго устройства. Съ другой стороны, высшіе представители московскаго духовенства, напуганные тѣмъ, что лютеранство и кальвинизмъ стали было сильно распространяться въ Москвѣ около 20-тыхъ годовъ XVIII столѣтія, вынужденные даже къ усиленной полемикѣ противъ тѣхъ, которые увлекались этими новыми ученьями, способны были иногда видѣть наклонность къ кальвинизму и лютеранству въ каждомъ человѣкѣ, порицавшемъ наше церковное устройство или отступавшемъ отъ общепринятаго образца въ своихъ сочиненіяхъ и произведеніяхъ духовнаго ораторства. А такъ какъ Прокоповичъ открыто высказывалъ свое неуваженіе къ отживающимъ идеаламъ схоластической науки и выработавшимся на юго-западѣ образцамъ схоластическаго духовнаго краснорѣчія, такъ какъ, кромѣ того, онъ и вообще являлся въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ скорѣе свѣтскимъ, чѣмъ духовнымъ писателемъ, то конечно нельзя и удивляться тому, что обвиненія въ приверженствѣ къ «ученіямъ кальвинскимъ и лютеранскимъ» сыпались на него со всѣхъ сторонъ. Нетолько не нравилась его простая манера говорить проповѣди, придавая имъ скорѣе общественный, нежели церковный характеръ, но еще болѣе не нравилось то, что онъ указывалъ, какъ именно слѣдуетъ говорить проповѣди и старался всѣхъ свести со стараго, избитаго и неправильнаго пути на новую дорогу: Ѳео-

фанъ, въ статьѣ «Духовнаго Регламента» о проповѣдникахъ и въ отдѣльномъ сочиненіи о проповѣди ([1]), указываетъ на св. Писаніе, какъ на главный источникъ проповѣди, изъ котораго проповѣдникъ долженъ былъ почерпать основу ея, стараясь истолковать тексты св. Писанія самостоятельно, вникая въ глубокій смыслъ ихъ и принимая за образецъ духовнаго краснорѣчія слова Іоанна Златоуста, а не тѣхъ «казнодѣишковъ [1]) легкомысленныхъ, каковые наипаче польскіе бываютъ». «Проповѣдывали-бы проповѣдники твердо, съ доводовъ св. Писанія, о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина. Истребляли-бъ суевѣріе, вкореняли-бъ въ сердца людскія страхъ Божій. Словомъ рещи: испытывали-бы отъ св. Писанія, что есть воля Божія, святая; угодная и совершенная, и то говорили-бы».

Этотъ новый образецъ проповѣдей, которому и онъ самъ старался слѣдовать, существенно отличался по направленію и настроенію своему отъ проповѣдей юго-западныхъ, слагавшихся преимущественно подъ вліяніемъ польско-католическихъ образцовъ. Московскихъ и кіевскихъ приверженцевъ этого направленія проповѣди Ѳеофанъ называлъ въ шутку *«латынщиками»* и весьма рѣзко осуждалъ то произвольное, натянутое развитіе тэмы, избранной для проповѣди, ту искуственность въ толкованіи текстовъ и то переполненіе проповѣди символическими и аллегорическими прикрасами, которыя составляли главное характеристическое отличіе южно-русской проповѣди. «Что сказать о нашихъ *латынщикахъ?»* — такъ пишетъ Ѳеофанъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей. «Если, по милости Божьей, въ ихъ головахъ найдется нѣсколько богословскихъ трактатовъ и отдѣловъ, выхваченныхъ когда-то какимъ-нибудь славнымъ іезуитомъ изъ какихъ-нибудь твореній схоластическихъ, епископскихъ, языческихъ, плохо сшитыхъ, попавшихъ въ ихъ потѣшную кладовую быть можетъ не изъ самаго источника, неудовлетворительныхъ и плохихъ, и хуже того искаженныхъ; то ужъ наши латынщики воображаютъ себя такими мудрецами, что для ихъ знанія ничего уже не осталось. Дѣйствительно, они все знаютъ, готовы отвѣчать на всякій вопросъ и отвѣчаютъ такъ самоувѣренно, такъ безстыдно, что ни на волосъ не хотятъ подумать о томъ, что говорятъ: они думаютъ о себѣ, что проглотили цѣлый океанъ премудрости. Лѣтъ 15 тому назадъ были въ модѣ такъ называемые ораторскіе пріемы: церковныя каѳедры оглашались тогда — увы! — чудными хитросплетеніями, напримѣръ: что значатъ пять буквъ въ имени Маріи? Почему Христосъ погружается въ Іорданѣ стоя, а не лежа и не сидя? Почему въ водахъ великаго потопа не погибли рыбы, хотя не были сохранены въ ковчегѣ Ноевомъ? — и многое тому подобное. И давались на подобные вопросы отвѣты, важные и солидные... Потомъ настала другая болѣзнь:—нынѣ всѣ мы, какъ ты видишь, болѣемъ теологіею. О, если бы во всѣхъ возбудилась жажда знанія и изученія! Тогда была бы надежда, что изъ тьмы возсіяетъ истина; но иное, какъ мы видимъ, совершается на дѣлѣ: — всѣ стремятся учить и почти никто не хочетъ учиться».

При такомъ направленіи, при такой рѣзкой разницѣ во взглядахъ, при постоянной и непреклонной приверженности Ѳеофана къ Петровымъ реформамъ, которыя онъ безусловно защищалъ и оправдывалъ, Ѳеофанъ, тотчасъ по смерти Петра, при которомъ пользовался огромною властью и значеніемъ, увидѣлъ себя окруженнымъ неумолимыми врагами, которые неспособны были затрудняться никакими средствами и никакими соображеніями, лишь бы погубить этого «ересіарха». Ѳеофанъ, лишенный возможности проводить идеи реформы въ обществѣ, постоянно истощаемый мелкою борьбою и раздражаемый мелкими интригами своихъ враговъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ къ тому, чтобы биться противъ нихъ ихъ же собственнымъ оружіемъ. Онъ увидѣлъ себя, послѣ смерти Петра (1725 г.), совершенно одинокимъ, понялъ, что ему «не могли помочь ни его знанія, ни его дарованія, и вотъ онъ кинулся въ дрязги интригъ и происковъ, которыми такъ богата наша исторія той эпохи. Должно сознаться, что онъ на этомъ поприщѣ представляется

[1]) Сочиненіе это озаглавлено такъ: «Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдовати долженъ». [1]) Казнодѣй — «дѣющій казанья», т. е. *слагающій казанья* (проповѣди).

уже не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ являлся, какъ сподвижникъ Петра, и въ настоящее время, многіе останавливаются на дѣятельности Ѳеофана этого рода и по ней только произносятъ строгій приговоръ ему. Долгъ справедливости побуждаетъ насъ однакоже напомнить, что Прокоповичъ, послѣ 1725 г., жилъ въ такую эпоху, когда каждый, мало мальски значительный, человѣкъ считалъ благоразуміемъ, въ видахъ собственнаго самосохраненія, слѣдовать правилу: губи другихъ, иначе эти другіе тебя погубятъ» [1]).

Враги Ѳеофана неутомимо пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы повредить ему во мнѣніи наслѣдниковъ Петровыхъ, заваливали «Тайную Канцелярію» доносами на него, какъ на еретика, какъ на вреднаго въ нравственномъ отношеніи человѣка; и вотъ, Ѳеофанъ, защищая себя, въ свою очередь дѣлается доносчикомъ, обвиняетъ враговъ своихъ въ противуправительственныхъ стремленіяхъ, въ государственной измѣнѣ, въ склонности къ мятежамъ и бунтамъ... и многіе изъ противниковъ его, особенно въ тягостную эпоху *бироновщины*, привлекаются, по доносамъ Прокоповича, въ страшную «Тайную канцелярію» и подвергаются той участи, которой такъ неудержимо и такъ страстно стремились подвергнуть своего искуснаго врага, умѣвшаго, благодаря своему обширному уму и способностямъ, тоньше ихъ понимать людей и духъ своего непривлекательнаго времени. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Ѳеофанъ выказалъ здѣсь очень много темныхъ сторонъ своего характера; но не слѣдуетъ забывать и того, что борьба его съ противниками не была только простою личною борьбою, изъ за ничтожныхъ жизненныхъ интересовъ, но и велась имъ лишь по естественнымъ побужденіямъ инстинкта самосохраненія. Враги Ѳеофана, по большей части, олицетворяли собою старое направленіе общественное, уже и до Петра отжившее свой вѣкъ, стремились къ прежнимъ распорядкамъ, требовали возврата къ старинѣ, съ озлобленіемъ смотрѣли на усиленье свѣтской власти въ ущербъ духовной, послѣ уничтоженія патріаршества. Такіе защитники старины должны были неизбѣжно пасть жертвами новаго порядка вещей, который олицетворялся въ Ѳеофанѣ и находилъ себѣ выраженіе въ его литературной и общественной дѣятельности. Если борьба Ѳеофана съ противниками и принимала такой мрачный и отталкивающій характеръ нескончаемыхъ доносовъ, подпольной борьбы и процессовъ, кончавшихся часто застѣнкомъ Тайной канцеляріи и ссылкою въ Сибирь, то виною этому въ значительной степени было то хаотическое, переходное состояніе тогдашняго общества, въ которомъ бродили самые разнородные, и притомъ никѣмъ не направляемые элементы, и въ средѣ котораго открывался полный просторъ для игры несдерживаемыхъ страстей, честолюбія, интригъ [2]). «Чтобы судить объ этомъ безпристрастно» — справедливо замѣчаетъ новѣйшій біографъ Ѳеофана,—«нужно имѣть въ виду тѣ обстоятельства, въ которыхъ находился Ѳеофанъ во все время своей жизни, по смерти Петра I (т. е. отъ 1725—1736 годъ). Онъ одинъ выносилъ на плечахъ своихъ введенныя Петромъ въ русскую церковь преобразованія. Извѣстно, что имъ (въ послѣдующіе царствованья) угрожала самая печальная судьба. Оберегая себя, Ѳеофанъ оберегалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обще церковное дѣло. Къ чести его надо сказать, что онъ, при противныхъ обстоятельствахъ, не перемѣнилъ своихъ убѣжденій: при Екатеринѣ I, Петрѣ II и Аннѣ онъ все тотъ же, что былъ и при Петрѣ I... И нельзя не признать, что только владѣя такимъ обширнымъ, гибкимъ и изворотливымъ умомъ, каковъ былъ умъ Ѳеофана, онъ не только самъ уцѣлѣлъ и сохранилъ свое положеніе во время тѣхъ постоянныхъ смутъ, какія волновали государство и церковь нашу въ первой половинѣ прошлаго вѣка, когда погибли Меньшиковы, Долгоруковы, Голицыны, Остерманы и многое множество другихъ лицъ, *но и сберегъ дѣло Петра отъ постоянно грозившаго ему уничтоженія»* [3]).

Какъ бы кто ни старался преувеличить темную сторону характера и дѣятельности Ѳеофана, особенно въ послѣднюю эпоху его жизни, на Ѳеофана оказывается совершенно невозможно смотрѣть только съ одной точки зрѣнія тѣхъ интригъ и процессовъ, въ которые онъ запутанъ былъ тягостною необходимостью. Это было бы почти также несправедливо, какъ и тотъ взглядъ на Ѳеофа-

[1]) Пекарскій. Наука и литерат. I, 482. [2]) *Чистовича*. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время; стр. 576 и 577. [3]) Тамъ же.

на, по которому онъ будто бы являлся въ своихъ сочиненіяхъ обличителемъ и гонителемъ старыхъ порядковъ только изъ угожденія Петру: не слѣдуетъ забывать, что еще будучи безвѣстнымъ преподавателемъ философіи и богословія въ Кіевѣ, Ѳеофанъ уже читалъ такія лекціи, которыя враги его потомъ ославили опасными, говоря, что въ нихъ заключалось *«новое»* ученіе; не слѣдуетъ забывать и того, что и не бывъ еще призванъ къ осуществленію разныхъ реформъ царя, Ѳеофанъ уже не щадилъ въ своихъ насмѣшкахъ невѣжества, прикрытаго внѣшнимъ глубокомысліемъ, ханжества, лицемѣрія и проч. [1]). Вообще, личность Ѳеофана является настолько крупною и замѣчательною, настолько выдается изъ ряда всѣхъ сподвижниковъ Великаго Преобразователя, что на нее невозможно заставить себя смотрѣть только съ одной, извѣстной точки зрѣнія. Характеристика Ѳеофана,—насколько мы успѣли выше ознакомить съ его личностью и дѣятельностью—была бы далеко не полною, если бы къ свѣдѣньямъ, сообщеннымъ нами о Ѳеофанѣ, какъ объ одномъ изъ первыхъ ученыхъ мужей нашихъ начала XVIII вѣка, мы наконецъ не сказали бы хотя нѣсколько словъ о характерѣ Ѳеофана, какъ частнаго человѣка, насколько этотъ характеръ его проявлялся въ отношеніяхъ къ современникамъ, не стоявшимъ въ тѣсной связи съ нимъ по его общественной дѣятельности.

Какъ ученый, Ѳеофанъ пользовался въ свое время весьма обширною и вполнѣ заслуженною извѣстностью. Постоянно занятый по управленію церковному въ Сѵнодѣ, Ѳеофанъ посвящалъ всѣ свои досуги занятіямъ научнымъ и кромѣ вышепомянутыхъ сочиненій, отъ него намъ осталось много ученыхъ трудовъ, какъ богословскихъ, такъ и историческихъ. Къ числу ученыхъ трудовъ его нельзя не отнести и той постоянной переписки, въ которой состоялъ онъ, въ теченіе всей своей жизни, съ многими изъ германскихъ и англійскихъ ученыхъ и богослововъ. Подъ руководствомъ Ѳеофана, по его указанію или побужденію, переводились на русскій языкъ многія классическія иностранныя сочиненія, и многіе ученые иностранцы находили себѣ въ немъ поддержку. Неудивительно, что нѣкоторые изъ нихъ оставили намъ о немъ не только почтительные, но и восторженные отзывы. Такъ, напримѣръ, одинъ нѣмецкій путешественникъ, фонъ-Гавенъ, посѣтившій Петербургъ въ началѣ 1736 года, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Ѳеофанѣ: «По знаніямъ своимъ, у него мало или почти нѣтъ никого равныхъ, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, богословія и философіи, у него глубокія свѣдѣнья въ математикѣ и неописанная охота къ этой наукѣ. Онъ знаетъ разные европейскіе языки, изъ которыхъ на двухъ говоритъ, хотя въ Россіи не хочетъ употреблять никакого, кромѣ русскаго, и только въ крайнихъ случаяхъ объясняется на латинскомъ, въ которомъ не уступитъ любому академику. По гречески и еврейски онъ также понимаетъ хорошо и въ самой глубокой старости прилежитъ къ нимъ, оказывая особенное предпочтеніе тѣмъ, кто знакомъ съ этими языками. Много разныхъ полезныхъ книгъ изданы по русски при его содѣйствіи и поощреніи. Кромѣ того, многіе надѣялись одно время, что при помощи Ѳеофана будетъ издана вся библія на русскомъ и славянскомъ языкахъ и съ примѣчаніями. Ѳеофанъ особенно вѣжливъ и услужливъ со всѣми иностранными литераторами и вообще иноземцами».

Другой иностранецъ, Сигфридъ Байеръ, бывшій въ числѣ первыхъ профессоровъ при основанной въ Петербургѣ Академіи Наукъ, посвящая Ѳеофану Прокоповичу одно изъ сочиненій своихъ въ 1730, писалъ между прочимъ: «Хотя васъ занимаютъ теперь несравненно важнѣйшія заботы, однако вы никогда не возобновляете въ памяти занятій древностями безъ того, чтобы они вамъ не доставили пріятнаго о нихъ воспоминанія, а во мнѣ не возбуждали удивленія. Мнѣ казалось, что я нахожусь въ Греціи и въ тамошнихъ поэтическихъ и риторскихъ или философскихъ школахъ, всякій разъ, какъ только вы начинали о нихъ рѣчь. Я часто смотрѣлъ на васъ, какъ на нѣкоего Климента, или Кирилла, или Евсевія, когда вы опровергали басни древнихъ народовъ или нелѣпѣйшія мнѣнія философовъ; точно также, вы какъ будто вводили меня въ Римъ или въ какой другой городъ Италіи, славный священными или гражданскими памятниками. Съ какимъ удовольствіемъ я слушалъ васъ всякій разъ, когда вы описывали

[1]) Пекарскій, Наука и Литерат.; стр. 781.

мнѣ памятники древняго времени, которые вы видѣли въ Римѣ и прочей Италіи, и въ особенности состояніе учености, и расказывали о прочихъ вашихъ путешествіяхъ, и о своемъ, такъ сказать, курсѣ въ занятіи науками. Какое разнообразіе и обиліе! Какая намять о вещахъ въ повѣствованіи, какая сила въ размышленіи и какая воспріимчивость духа, соединенныя съ величайшею важностью, какая легкость въ изъясненіи, какая способность въ разсужденіи и какое изящество какъ римскаго, такъ и итальянскаго языка! Какая, наконецъ, пріятность и грація во всей рѣчи, во всемъ».

Съ величайшимъ сочувствіемъ относился Ѳеофанъ къ ново-учрежденной Академіи, къ ея дѣятельности и той пользѣ, которую ей надлежало принести русскому просвѣщенію. Вообще Ѳеофанъ всею жизнью своею оправдывалъ то, что самъ же сказалъ въ Духовномъ Регламентѣ: «прямымъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не перестаетъ никогда же учиться, хотя бы онъ Маѳусаиловъ вѣкъ пережилъ». И дѣйствительно, среди всѣхъ своихъ занятій, среди всѣхъ дрязгъ и хлопотъ, которыми онъ былъ постоянно отвлекаемъ отъ дѣла, Ѳеофанъ все же не только самъ не отставалъ отъ занятій наукою, но и другимъ всѣми силами помогалъ учиться и просвѣщать себя. Большими трудами и значительными издержками успѣлъ онъ собрать у себя въ домѣ библіотеку въ 30.000 томовъ, по большей части дорогихъ и рѣдкихъ изданій и весьма охотно давалъ изъ нея книги всѣмъ, въ комъ видѣлъ стремленіе къ занятію науками. Сверхъ того, въ 1721 году онъ основалъ въ своемъ загородномъ архіерейскомъ домѣ школу для сиротъ и бѣдныхъ дѣтей всякаго званія. Въ школѣ преподавали: законъ Божій, славянское чтеніе, русскій, латинскій и греческій языки, грамматику, реторику, логику, римскія древности, ариѳметику, геометрію, географію, исторію и рисованіе. Какъ только стало извѣстно, что для образованія русскихъ молодыхъ людей учреждается при Академіи гимназія, Ѳеофанъ тотчасъ же обратился къ назначенному президентомъ Академіи лейбъ-медику Блюментросту, и просилъ его принять въ эту гимназію нѣсколько молодыхъ людей, подготовленныхъ въ его домашней школѣ, которая, по своему времени, являлась лучшимъ подготовительнымъ учебнымъ заведеніемъ во всей Россіи, тѣмъ болѣе, что въ ней преподаваніемъ занимались многіе изъ профессоровъ Академіи и иностранныхъ ученыхъ. Сохранилось любопытное преданіе о томъ, что и знаменитый нашъ Ломоносовъ былъ до нѣкоторой степени обязанъ покровительству Ѳеофана, принявшаго его подъ свою защиту на первыхъ уже шагахъ его въ школѣ. Дѣло въ томъ, что когда Ломоносовъ пришелъ учиться въ заиконоспасское училище и узналъ, что туда не принимаютъ записанныхъ въ подушный окладъ, то назвался дворяниномъ. Прокоповичъ, услыхавъ о томъ и зная объ успѣхахъ Ломоносова въ наукахъ, сказалъ ему: «не бойся ничего: хотя бы со звономъ въ большой московскій соборный колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ— я твой защитникъ!»

О личномъ характерѣ Ѳеофана одинъ изъ иностранныхъ біографовъ его сохранилъ намъ самыя привлекательныя свѣдѣнья; онъ говоритъ между прочимъ, что «Ѳеофанъ охотно принималъ у себѣ иностранцевъ православнаго исповѣданья—грековъ, славянъ, венгровъ, поляковъ, грузинъ—странниковъ съ Ливана и Аѳона, несчастныхъ, потерявшихъ имущество безъ собственной вины, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, и потому нуждавшихся въ его помощи, — также художниковъ и студентовъ, ищущихъ пособія, которыхъ рекомендовалъ знатнымъ русскимъ, испрашивая помощи, и которымъ самъ помогалъ щедрой рукой и отпускалъ, снабдивши всѣмъ необходимымъ для жизни. Огромныя средства, которыми онъ располагалъ, давали полный просторъ его щедрости. Но онъ не могъ равнодушно видѣть ханжей, суевѣровъ, святошъ, лицемѣровъ—преслѣдовалъ ихъ всячески и подвергалъ наказаніямъ».

Весело, открыто и пышно жилъ Ѳеофанъ въ своемъ загородномъ архіерейскомъ домѣ, который былъ построенъ на берегу рѣчки Карповки, впадающей въ Неву, на Аптекарскомъ островѣ. Передъ домомъ его, на рѣчкѣ, стояла цѣлая флотилія крупныхъ и малыхъ рѣчныхъ, гребныхъ и парусныхъ, судовъ, на которыхъ онъ часто совершалъ по рѣчкѣ и по взморью довольно далекія поѣздки въ другія загородныя дома свои, объ устройствѣ и содержаніи которыхъ онъ очень заботился, такъ какъ его до конца жизни не оставляла страсть къ постройкамъ. Здѣсь то,

въ тишинѣ своего роскошнаго уединенія, окруженный сокровищами книжными и сокровищами искусства, которыя онъ собиралъ въ теченіе всей своей жизни, Ѳеофанъ, по окончаніи дневныхъ своихъ занятій, любилъ принимать и пышно угощать избранный кружокъ друзей и близкихъ знакомыхъ своихъ. Являясь радушнымъ хозяиномъ въ кругу близкихъ людей, онъ бывалъ неоцѣненнымъ собесѣдникомъ въ спорахъ и разсужденіяхъ о предметахъ серьезныхъ, а когда приходилось мѣшать шутку съ дѣломъ, то проявлялъ такое тонкое и замѣчательное остроуміе, что собесѣдники съ жадностью ловили и старались запоминать его изреченія, его латинскія и русскія эпиграммы и шутливыя стихотворенія, которыхъ много сохранилось и до настоящаго времени. Къ кружку такихъ-то близкихъ Ѳеофану людей принадлежали всѣ передовые дѣятели его времени, и изъ числа русскихъ писателей—Кантемиръ и Татищевъ Когда въ 1729 году молодой князь Антіохъ Кантемиръ написалъ первую сатиру свою «на хулящихъ ученіе», то Ѳеофанъ тотчасъ же оцѣнилъ ее по достоинству и привѣтствовалъ начинающій талантъ слѣдующимъ ободрительнымъ посланіемъ:

Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, великой достоинъ ты славы.
Да почто-жъ было имя укрывати?
Знать тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы?
Плюнь на ихъ грозы. Ты блаженъ трикраты,
Благо, что Богъ далъ умъ тебѣ здравый.
Пусть весь міръ будетъ на тебя голосливый
Ты и безъ счастья довольно счастливый.
Объемлетъ тебя Аполлонъ великій,
Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель,
О тебѣ поютъ парнасскіе лики.
Всѣмъ честнымъ сладка твоя добродѣтель,
И будетъ сладка въ будущіе вѣки,
А я нынѣ сущій твой любитель.
Но сіе заверхъ славы твоей буди,
Что тебя злые ненавидятъ люди.
А ты, какъ началъ тещи путь преславный,
Коимъ книжны текли исполины,
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
На нелюбящихъ ученой дружины;
И разрушай всякъ обычай злонравный,
Желая доброй въ людяхъ премѣны.
Кой плодъ ученый не единъ искуситъ,
А дураковъ злость языкъ свой прикуситъ.

Что же касается Татищева, то онъ оставилъ намъ самые лестные отзывы о Ѳеофанѣ, какъ ученомъ и какъ человѣкѣ, и въ своей знаменитой «духовной» сыну совѣтуетъ читать наравнѣ съ твореніями знаменитыхъ отцевъ и учителей церкви сочиненія Ѳеофана Прокоповича «истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ, которые за катихизисъ, а малый букварь—за лучшее нравоученіе служить могутъ». Татищевъ былъ друженъ съ Ѳеофаномъ, хотя и расходился съ нимъ во многихъ мнѣніяхъ и взглядахъ на вещи, и ихъ отношенія служатъ лишь еще однимъ доказательствомъ той общительности и той терпимости къ людямъ, которая составляла одну изъ замѣчательнѣйшихъ чертъ характера въ Ѳеофанѣ, какъ представителѣ русскаго просвѣщенія начала XVIII вѣка. Недаромъ разсказываютъ о немъ современники, что любимою поговоркою его было: «uti boni vini non est quaerenda regio sic nec boni viri religio, et patria» [1]).

Ѳеофанъ скончался въ загородномъ домѣ своемъ, что на Карповкѣ, 8 сентября 1736 года, на 55-мъ году жизни, сохранивъ до послѣдней минуты полное сознаніе. Тѣло его было отвезено въ Новгородъ и погребено въ Софійскомъ соборѣ, въ южной сторонѣ его, подлѣ тѣла Іова митрополита. Имѣніе свое завѣщалъ Ѳеофанъ дѣтямъ, воспитывавшимся въ его домовой школѣ, прося «дать имъ способы продолжать образованіе и поручить ихъ людямъ, достойнымъ довѣрія, пока они сами придутъ въ совершенный возрастъ и разумъ». Библіотека его передана была въ 1740 году въ невскую семинарію, что при Александро-Невской Лаврѣ, а инструменты (глобусы, сферы, солнечные часы) въ Академію Наукъ.

Въ заключеніе всего, сказаннаго нами о Ѳеофанѣ, нельзя не замѣтить, что онъ представляетъ собою въ исторіи нашей литературы, науки и просвѣщенія, въ началѣ XVIII в., явленіе во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное. Замѣчателенъ Ѳеофанъ нетолько обширнымъ умомъ своимъ, блестящими позпаніями и горячимъ рвеніемъ къ дѣлу реформы, которому всецѣло посвятилъ всю жизнь и дѣя-

[1]) «Нечего допытываться о добромъ винѣ, изъ какой страны оно происходитъ, точно также и о добромъ человѣкѣ—какой онъ вѣры и откуда родомъ».

тельность свою: онъ можетъ быть еще болѣе замѣчателенъ своею полнѣйшею отрѣшенностью отъ всѣхъ старыхъ русскихъ духовно-литературныхъ преданій, своею самостоятельностью, независимостью отъ нихъ, вслѣдствіе которой, несмотря на свой духовный санъ, несмотря на свою богословскую и церковно-административную дѣятельность, онъ все же является *первымъ нашимъ свѣтскимъ писателемъ* въ многознаменательную эпоху преобразованій. Петръ Великій, могучею волею своею, разграничилъ область власти духовной и свѣтской, возвысилъ значеніе литературы и науки, избавивъ ихъ отъ тягостной, исключительной опеки духовенства и монашества, указалъ свѣтской литературѣ ея новый путь... Ѳеофанъ, ближе всѣхъ стоявшій къ Петру и лучше всѣхъ умѣвшій понимать его замыслы, первый вступилъ на этотъ новый путь, перенося на почву чисто-свѣтскую такіе литературные роды, которые до того времени составляли исключительное достояніе литературы духовной, догматической. Ѳеофанъ первый вступилъ на этотъ новый путь, первый олицетворилъ собою наступленіе новаго, *свѣтскаго* періода въ литературѣ нашей, и то направленіе, которое, подъ вліяніемъ Петра, Ѳеофанъ придавалъ нашей литературѣ, было такъ опредѣленно, такъ сообразно съ потребностями времени, что новые дѣятели литературные, созданные реформой, неизбѣжно должны были ему послѣдовать.

XXIII.

ВЛІЯНІЕ ЭПОХИ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ НА ОБЩЕСТВО И ЛИТЕРАТУРУ. — КАНТЕМИРЪ, ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ, УЧЕНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. — ТАТИЩЕВЪ. — «ЗАВѢЩАНІЕ СЫНУ» И УЧЕНЫЕ ТРУДЫ ЕГО.

Эпоха преобразованій, пережитая Россіею въ правленіе Петра, вынудила наше общество къ повороту на новый, европейскій путь развитія его жизни и внѣшней, и внутренней Хотя многіе и считали возможнымъ упрекать Петра въ томъ, что онъ своимъ образомъ дѣйствій способствовалъ разрыву, надолго установившемуся между высшими, образованными классами и народной массой, но такой упрекъ едвали можно считать вполнѣ справедливымъ, такъ какъ мы видѣли что Петръ не только не имѣлъ въ виду одни высшіе классы общества, но положительно заботился о томъ, чтобы открыть путь къ образованію и къ служебной дѣятельности талантливымъ личностямъ изъ низшихъ слоевъ народа. На этомъ основаніи Петръ старался пояснить народу каждый свой новый шагъ на пути преобразованій, и мы видѣли, что уже при жизни его являлись въ самомъ народѣ люди, понимавшіе значеніе реформы Петровской и глубоко ей сочувствовавшіе. Если разрывъ между народомъ и высшими образованными классами общества и сталъ обозначаться рѣзко въ послѣдовавшую за царствованіемъ Петра эпоху, то въ немъ скорѣе можно винить правителей, наслѣдовавшихъ престолъ Петра, нежели самого Петра. Идеи Петра подверглись при нихъ на нѣкоторое время не только порицанію, но даже гоненію; старыя боярскія начала взяли на нѣкоторое время верхъ въ обществѣ, а потомъ, когда они вновь вступили въ ожесточенную борьбу съ новыми общественными началами, внесенными въ русскую жизнь Петромъ, несчастная историческая случайность вывела на первый планъ только одинъ изъ элементовъ реформы — иностранное начало — и дала ему на много лѣтъ, до самаго воцаренія Елисаветы Петровны, громадный перевѣсъ надъ всѣми остальными. Въ этой-то борьбѣ различныхъ партій, въ борьбѣ неустановившихся и взволнованныхъ реформою стихій нашей общественной и политической жизни, въ которую необходимо вовлечено было общество наше послѣ Петра, и слѣдуетъ собственно искать поводовъ и побужденій къ наступившему въ XVIII столѣтіи разрыву между жизнью народа и жизнью высшихъ, образованныхъ классовъ общества — разрыву, который, собственно говоря, начинаетъ дѣлаться менѣе чувствительнымъ только въ настоящее время.

Но если Петра и его преобразованія нельзя обвинить въ томъ, что подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ произошелъ только

что помянутый нами разрывъ, то ужъ конечно эпоху преобразованій, неожиданно для общества являвшихся, быстро вводимыхъ и еще быстрѣе одно за другимъ слѣдовавшихъ, нельзя не упрекнуть въ томъ, что она вносила въ русскую жизнь одну очень вредную сторону:—уваженіе къ формѣ, предпочтеніе, отдаваемое всѣми внѣшней формѣ передъ внутреннимъ содержаніемъ, чисто-внѣшній, формальный переходъ отъ стараго порядка къ новому. Вынуждаемое Петромъ къ реформѣ общество, въ большей своей части, переходило къ ней поневолѣ, насильно напяливало себѣ на плечи узкое нѣмецкое платье, и, прикрывая голову французскимъ парикомъ, не отказывалось хранить въ ней свой прежній грубый взглядъ на вещи и питать въ сердцѣ все тѣ же, старыя боярскія замашки безобразно-широкой, разнузданной русской натуры. Даже и пріобрѣтая блестящій лоскъ европейскаго образованія, многіе ухитрялись воспринять его ровно на столько, что оно придавало имъ внѣшній видъ европейцевъ, нимало не касаясь ихъ сердца, нимало не образовывая ихъ ума...

Къ этому неизбѣжному и независѣвшему отъ воли Петра свойству всякой реформы, вводимой быстро и притомъ вводимой силою, примѣшивалась еще и другая сторона ея, сильно повліявшая на нашу литературу и образованность и стоявшая уже въ тѣсной зависимости отъ личныхъ воззрѣній Петра на литературу и науку. Петръ, какъ мы уже видѣли выше, до нѣкоторой степени сходился во взглядѣ на литературу и науку съ кіевскими учеными; въ неутомимомъ желаніи добра Россіи онъ старался достигнуть того, чтобы въ короткое время доставить ей возможность пользоваться плодами европейской образованности, преимущественно въ примѣненіи къ жизни. Не надѣясь на послѣдующій періодъ, Петръ спѣшилъ внести въ Россію тотъ запасъ науки, какой, по его мнѣнію, былъ ей нуженъ для достиженія извѣстной степени благосостоянія, и развитію литературы способствовалъ лишь на столько, на сколько она, по его же мнѣнію, могла быть полезною его цѣлямъ и зарождающейся въ обществѣ жизни. И въ литературѣ и въ наукѣ Петръ одинаково искалъ только *существенно-необходимаго* для жизни, и на этомъ основаніи, не прилагая особенной заботы къ возвышенію общаго уровня русской образованности, онъ, въ тоже время, съ большимъ трудомъ и усиліями старался направить способнѣйшихъ дѣятелей къ искуственно-вызванному имъ спеціальному образованію, и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на искуственно-вызываемую имъ литературную и научную дѣятельность, ограничивавшуюся весьма опредѣленными и узко-утилитарными цѣлями. Въ результатѣ выходило то, что ни наукѣ, ни литературѣ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, при Петрѣ не было никакой возможности развиться:—вмѣсто литературы видимъ только *примѣненіе* литературныхъ пріемовъ, какъ средства для распространенія извѣстнаго опредѣленнаго количества идей и для достиженія настолько же извѣстнаго и настолько же опредѣленнаго количества цѣлей; вмѣсто науки видимъ тоже въ большей части случаевъ лишь *примѣненіе* научныхъ пріемовъ и свѣдѣній къ практической жизни. Какъ ни были важны тѣ результаты, которыхъ Петръ успѣвалъ добиться этимъ *сокращеннымъ* путемъ, однакоже послѣдствія показали, что этотъ сокращенный путь могъ только до нѣкоторой степени и на время способствовать достиженію главной цѣли Петра и его преобразованій,—т. е. внесенію въ Россію европейской образованности и развитію у насъ умственной дѣятельности настолько, чтобы жизнь народная могла найти себѣ болѣе или менѣе полное выраженіе въ наукѣ и литературѣ. Благодаря тому направленію, которое Петръ придалъ въ Россіи литературѣ и наукѣ, очень долго не могъ у насъ въ обществѣ установиться серьезный взглядъ ни на литературу, ни на науку. Мало того: дѣятельность научную долгое время не отдѣляли отъ дѣятельности литературной, и собственно литературной дѣятельности въ началѣ не придавали рѣшительно никакого значенія. Положеніе и ученаго, и литератора было до такой степени ново въ періодъ жизни нашего общества, непосредственно послѣдовавшій за эпохою преобразованій, что въ самой средѣ тѣхъ дѣятелей, которые посвящали себя литературѣ и наукѣ, долго не могъ, повидимому, установиться правильный взглядъ на отношенія между наукой и литературой. Многіе изъ нихъ не рѣшались смотрѣть на литературу иначе, какъ на забаву, какъ на хорошее препровожденіе времени на досугѣ, между дѣломъ... И вотъ, на пространствѣ всего періода нашей литературы, непосредственно

послѣдовавшаго за эпохою преобразованій, мы замѣчаемъ одно общее явленіе: наука является тѣсно связянною съ занятіями литературными, и всѣ наши литераторы до конца царствованія Елисаветы Петровны являются, въ тоже время, и учеными:—на первомъ планѣ въ ихъ дѣятельности является наука, большею частью въ примѣненіи къ практикѣ, а досуги свои посвящаютъ они литературѣ. Таковы были всѣ первые писатели наши, послѣ Петра: Кантемиръ, Татищевъ, Тредьяковскій и самъ геніальный Ломоносовъ. Таковъ былъ, наконецъ, и первый изъ свѣтскихъ писателей нашихъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, Ѳеофанъ Прокоповичъ, небрезгавшій литературѣ посвящать минуты отдыха между дѣломъ. Выше уже упоминали мы о тѣхъ литературныхъ и дружескихъ связяхъ, въ которыхъ онъ находился съ Кантемиромъ и Татищевымъ; въ настоящей главѣ переходимъ къ возможно-полной характеристикѣ этихъ двухъ писателей нашихъ, которыхъ литературная дѣятельность была прямымъ слѣдстіемъ пережитой ими эпохи преобразованій.

Князь *Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ* родился въ Молдавіи въ 1708 году, и ему было не болѣе трехъ лѣтъ отъ роду, когда отецъ его, Дмитрій Кантемиръ, бывшій господаремъ Молдавскимъ, перешелъ на сторону Россіи во время несчастнаго Прутскаго похода, и потому самому долженъ былъ, съ семьею своею и съ 4.000 молдаванъ, перебраться вслѣдъ за русскимъ войскомъ въ Россію. Здѣсь принялъ онъ русское подданство, выговоривъ себѣ отъ Петра нѣкоторыя особыя права и преимущества и, между прочимъ, дозволеніе «сыновей своихъ послать для наукъ въ знатные города и иныя христіанскія страны».

Самъ Дмитрій Кантемиръ, судя по всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣньямъ, въ числѣ которыхъ сохранился между прочимъ и отзывъ о немъ самого Петра, былъ человѣкъ «разумный» и не только образованный, даже ученый. Любовь къ научнымъ занятіямъ не оставляла его до конца жизни, и большую часть своего времени, послѣ переселенія въ Россію, гдѣ онъ получилъ обезпеченное и спокойное положеніе, онъ провелъ въ кабинетныхъ занятіяхъ. Петръ пользовался не разъ его совѣтами и помощью въ дѣлахъ своихъ съ Востокомъ, и во время похода въ Персію, 1722 году, бралъ съ собою Кантемира, какъ человѣка, обладавшаго основательнымъ знаніемъ двухъ восточныхъ языковъ: турецкаго и персидскаго. Извѣстно даже, что на пути въ Персію, во время плаванья на судахъ по Волгѣ, Кантемиръ везъ съ собою походную типографію и занятъ былъ печатаньемъ на этихъ языкахъ прокламацій, которыя предназначаемы были къ распространенію на Кавказѣ.

Мать Антіоха Кантемира, гречанка изъ знатнаго рода Кантакузеновъ, находившихся въ родствѣ съ императорами греческими, была также женщина замѣчательнаго ума и образованія; одинъ изъ біографовъ Антіоха Кантемира весьма удачно замѣтилъ о ней, что «она была надѣлена всѣми прекрасными качествами своего пола и что красота ея казалась въ ней однимъ изъ наименьшихъ достоинствъ». На ней то собственно и лежала заботы о воспитаніи дѣтей, за которымъ она зорко и строго наблюдала, при помощи ученаго греко-священника, Анастасія Кондоиди, который жилъ въ домѣ князя Кантемира, въ качествѣ наставника при дѣтяхъ и обучалъ ихъ греческому, латинскому и итальянскому языкамъ.

Неудивительно, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, юному Антіоху Кантемиру было не трудно пріобрѣсти дома такое образованіе, какое для другихъ оказывалось въ то время невозможнымъ, почти недостижимымъ. Намъ извѣстно, что Антіохъ Кантемиръ еще будучи десятилѣтнимъ ребенкомъ, уже настолько владѣлъ древними языками, что сказалъ однажды въ присутствіи Петра похвальное слово св. Димитрію на греческомъ языкѣ: это происходило въ церкви, при московской академіи, гдѣ онъ нѣкоторое время учился, во время пребыванія отца его въ Москвѣ. Когда же, по смерти первой своей супруги, отецъ Антіоха женился на второй, знаменитой красавицѣ княжнѣ Трубецкой, выросшей и воспитавшейся въ Швеціи на европейскій ладъ, всей семьѣ Кантемировъ пришлось переѣхать въ Петербургъ на житье. Не задолго до этого переѣзда, ученый Анастасій Кондоиди, понадобившійся Петру для перевода книгъ, былъ взятъ изъ семьи Кантемира, и мѣсто его заступилъ русскій воспитатель, Иванъ Ильинскій, бывшій студентъ Московской Академіи. Съ этого то времени, вѣроятно, подъ вліяніемъ русскаго воспитателя, гос-

подствовавщее въ домѣ греческое направленіе образованія уступило мѣсто русскому направленію; къ тому же достовѣрно извѣстно. что Ильинскій, какъ одинъ изъ «латыньщиковъ», обладая общею всѣмъ воспитанникамъ Московской греко-латинской Академіи страстью къ стихамъ, съумѣлъ передать ее и воспитаннику своему, Антіоху Кантемиру, которому рано понравилось «виршеслагательство».

Кантемиръ.

Вскорѣ послѣ переѣзда въ Петербургъ, Антіоху Кантемиру и новому воспитателю его. Ильинскому, пришлось сопутствовать царю въ Персидскомъ походѣ и совершить переѣздъ черезъ всю Россію до Астрахани и Дербента; а весьма немного времени спустя, послѣ Персидскаго похода, отецъ Антіоха заболѣлъ и умеръ въ своемъ малороссійскомъ помѣстьѣ. Такъ какъ ни одинъ изъ сыновей, по несовершеннолѣтію, не имѣлъ еще права наслѣдовать князю Димитрію, то князь Димитрій и оставилъ завѣщаніе, въ которомъ просилъ самого царя распорядиться его состояніемъ и прибавлялъ отъ себя, что «успѣхи въ наукахъ должны рѣшить, кому владѣть наслѣдствомъ», а рѣшеніе должно послѣдовать тогда, когда всѣ братья придутъ въ совершеннолѣтіе. При этомъ отецъ особенно выставлялъ Антіоха, и называлъ его «въ умѣ и наукахъ отъ всѣхъ сыновей своихъ лучшимъ». На образованіе дѣтей князь Димитрій, въ завѣщаніи своемъ, указывалъ выдавать ежегодно по 3.000 рублей, и просилъ государя оказать имъ такую милость — послать ихъ для окончанія образованія «въ иныя страны».

На этомъ основаніи, немного спустя послѣ смерти отца, шестнадцати-лѣтній Кантемиръ сталъ проситься у царя за границу, для окончанія своего ученія; но просьба его, почему то, оставлена была Петромъ, противъ всякаго ожиданія, безъ исполненія, и молодому человѣку пришлось оканчивать образованіе свое въ Петербургѣ, уже послѣ смерти самого Петра, подъ руководствомъ первыхъ прибывшихъ въ Россію академиковъ: Бернулли ознакомилъ его съ высшей математикой, Байеръ—съ исторіей всеобщей, Гроссъ — съ нравоучительной философіей.

Восемнадцати лѣтъ Кантемиръ уже рѣшился выдать въ свѣтъ первый литературный трудъ свой, «Симфонію на псалтырь», которая и была напечатана въ 1727 году, съ предисловіемъ, въ которомъ объяснялась цѣль книги: авторъ высказывалъ въ немъ желаніе принесть практическую пользу тѣмъ, кто любилъ ссылаться на изреченія библіи. Біографы Кантемира видятъ въ этомъ трудѣ, и въ особенности въ предпосланіи труду посвященія Императрицѣ Екатеринѣ I, слѣды вліянія и помощи Кантемирова наставника, Ильинскаго, который и самъ около того же времени занятъ былъ подобнымъ же трудомъ—составленіемъ «симфоніи на четвероевангеліе». Въ посвященіи Екатеринѣ о книгѣ Кантемира говорится, что «трудокъ сей прилежности паче неже остроумія указаніемъ есть», и что онъ «сочинился аки бы самъ собою, за частое во священныхъ псалмопѣніяхъ упражненіе...» Это указаніе важно для насъ въ томъ смыслѣ, что свидѣтельствуетъ не менѣе самого сюжета, избраннаго въ основу книги, о томъ религіозномъ настроеніи молодаго Контемира, которое составляло въ теченіе всей послѣдующей жизни его одну изъ существенныхъ сторонъ его характера, несмотря на то, что онъ сильно вооружался противъ современныхъ ему церковныхъ нестроеній и оставилъ намъ въ своихъ сатирахъ много очень рѣзкихъ отзывовъ о важнѣйшихъ представителяхъ современнаго духовенства и о грубомъ невѣжествѣ низшихъ слоевъ его.

Въ это время, какъ извѣстно, Кантемиръ находился уже на службѣ въ Преображенскомъ полку, и вѣроятно около того же времени сблизился съ кружкомъ Ѳеофана, такъ какъ оба эти образованнѣйшіе представители современнаго русскаго общества не могли не оцѣнить другъ друга. Притомъ же Кантемиръ былъ страстнымъ поклонникомъ европейской науки, а слѣдовательно и реформы Петра, открывшаго ей прямой доступъ въ Россію; а такъ какъ главнымъ сторонникомъ и представителемъ идей реформы является въ современномъ обществѣ Ѳеофанъ, то сближеніе съ нимъ Кантемира, не смотря на разницу въ лѣтахъ, скоро обратилось въ тѣсную дружбу. Кантемирѣ не былъ человѣкомъ способнымъ принадлежать къ какой бы то ни было партіи; ни по лѣтамъ, ни по взглядамъ своимъ не могъ онъ сочувствовать интригамъ и борьбѣ, волновавшимъ и раздѣлявшимъ тогда все общество на отдѣльные кружки. Но тягостныя обстоятельства вскорѣ вынудили и благодушнаго Кантемира избрать себѣ партію, и нетолько сочувственно отнестись къ ея интересамъ, но даже горячо их отстаивать. Въ концѣ царствованья Петра II, когда вся власть находилась въ рукахъ верховнаго Тайнаго Совѣта, братъ Кантемира женился на дочери одного изъ «верховниковъ» князя Дмитрія Михайловича Голицына, и такъ какъ даже и младшій изъ Кантемировъ, Антіохъ, былъ въ это время не только совершеннолѣтнимъ, но даже и получилъ уже офицерскій чинъ, то князь и воспользовался этимъ случаемъ для приведенія въ исполненіе завѣщанія Кантемира-отца. Въ завѣщаніи, какъ мы выше замѣтили, предоставлялось Государю право передать все имѣніе въ руки достойнѣйшаго изъ братьевъ Кантемировъ: такимъ достойнѣйшимъ, конечно, явился зять князя Голицына, Констанинъ Кантемиръ, и все имѣнье отца (болѣе 10,000 душъ крестьянъ) перешло въ его руки. Антіохъ, вмѣстѣ съ остальными братьями и сестрами, остался безъ всякихъ средствъ къ существованью, кромѣ весьма скуднаго офицерскаго жалованья. Такая грубая несправедливость одного изъ нашихъ вельможъ, поставившая Кантемира въ затруднительное положеніе, заставила его выйти изъ колеи обыденнаго спокойствія и умѣренности, свойственной его нраву, и глубоко затаить въ себѣ ненависть къ той партіи, которой представителемъ являлся князь Дм. Мих. Голицынъ. Это настроеніе высказалось, съ одной стороны, въ двухъ первыхъ замѣчательныхъ сатирахъ Кантемира, которыя были написаны именно около времени вступленія на престолъ Анны Іоанновны; съ другой стороны, тоже настроеніе выразилось и въ самомъ тѣсномъ сближеніи съ Ѳеофаномъ, въ которомъ молодой Антіохъ сталъ теперь видѣть уже не просто представителя извѣстныхъ идей реформы, не только любителя просвѣщенія и литературы, а ловкаго, искуснаго въ интригѣ главу партіи, враждебной стремленіямъ верховниковъ, къ которымъ Кантемиръ относился также враждебно подъ вліяніемъ своихъ личныхъ обстоятельствъ. Къ тому же, Ѳеофанъ, около этого времени, находился въ положеніи трудномъ и опасномъ, и враги его, повидимому, уже готовились торжествовать побѣду... Обоюдное несчастье и тягостное положеніе, переживаемое обоими друзьями, еще болѣе скрѣпило узы, связывавшія ихъ, и заставило ихъ дружно стать на сторону той партіи, которая, противно желаніямъ верховниковъ, возвела на престолъ Анну Іоанновну безъ всякихъ ограниченій ея власти. Верховники погибли, но скоро стали сбываться и страшныя слова одного изъ нихъ, князя Дм. Мих. Голицына:—«Мое поприще кончается,» сказалъ онъ, «но тѣ, которые заставили меня плакать, поплачутъ еще долѣе, нежели я.» И дѣйствительно, власть оказалась вскорѣ въ рукахъ страшнаго Бирона, и всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстно, какъ онъ ею воспользовался... Однако же, отъ переворота и паденія верховниковъ, на первыхъ порахъ, кое-кто и выигралъ; къ числу немногихъ принадлежалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, избавившійся отъ наиболѣе опасныхъ враговъ своихъ, и Кантемиръ, которому возвращена была нѣкоторая часть его состоянія. Наконецъ, въ 1731 году, при могущественномъ содѣйствіи сильнаго въ то время при дворѣ князя Черкасскаго и другихъ лицъ восторжествовавшей партіи, двадцати-двухъ-лѣтній Кантемиръ, котораго Черкасскій прочилъ себѣ въ зятья, былъ назначенъ резидентомъ въ Лондонъ.

До отъѣзда своего въ Лондонъ, Кантемиръ успѣлъ уже написать пять сатиръ, нѣсколько басенъ и посланій, и хотя ни одно изъ этихъ литературныхъ произведеній

его не было напечатано, однако же, обращаясь въ рукописи по рукамъ, они успѣли уже пріобрѣсти молодому автору довольно почетную извѣстность въ образованной средѣ современнаго русскаго общества. Почему Кантемиръ посвятилъ себя сатирѣ и сосредоточилъ на ней всю свою дѣятельность литературную—этотъ вопросъ объясняется для насъ нестолько простою склонностью автора къ извѣстному литературному роду, не столько вліяніемъ классическихъ французскихъ образцовъ, сатиръ Горація и Буало, сколько вліяніемъ того переходнаго времени, въ которое приходилось жить и дѣйствовать Кантемиру. Мы дѣйствительно видимъ, что сатира чаще всего проявляется въ литературѣ именно въ такіе періоды реформъ и переломовъ, переживаемые обществомъ, когда старый и новый порядокъ вещей рѣзко противополагаются одинъ другому, когда старое и новое поколѣніе становятся въ обществѣ лицемъ къ лицу другъ съ другомъ; тогда-то, сравненіе идеаловъ и воззрѣній періода, пережитаго обществомъ, съ идеалами и воззрѣніями того, въ который оно болѣе или менѣе вынужденно вступаетъ, вызываетъ чаще всего новое, восторжествовавшее надъ старымъ, поколѣніе къ насмѣшкѣ надъ отжившею стариною, къ порицанію всего стараго — къ сатирѣ чисто-отрицательной или положительной, противополагающей настоящее прошлому. Время преобразованій, выразившееся въ обществѣ ожесточенною, отчаянною борьбою двухъ поколѣній—стараго и новаго—борьбою, для которой и то, и другое, безъ всякаго разбора, хваталось за всякое оружіе и всѣ средства одинаково считало годными, время преобразованій должно было и въ нашей образованной средѣ общественной вызвать къ жизни направленіе сатирическое,—и выразителемъ его явился молодой Антіохъ Кантемиръ, выказавшій много остроумія и наблюдательности въ своихъ сатирахъ. Изъ числа ихъ пять написаны въ бытность Кантемира въ Россіи; четыре остальныя во время пребыванія его за границей. Первою въ числѣ этихъ девяти была «сатира на хулящихъ ученіе», въ которой авторъ, обращаясь «къ уму своему», съ особенною горечью высказываетъ ту мысль, что современное ему общество не нуждается ни въ занятіяхъ наукою, ни въ занятіяхъ искусствами, такъ какъ есть много другихъ путей къ славѣ. Въ доказательство этой мысли, авторъ рисуетъ въ своей сатирѣ отдѣльные типы представителей современнаго ему общества, выводя ихъ подъ вымышленными именами Критона, Сильвана, Луки и Медора, и поочередно заставляя ихъ высказывать взглядъ на науку и образованность съ ихъ личной точки зрѣнія. Типы эти, вѣроятно взятые авторомъ изъ живой современной дѣйствительности, очерчены очень живо и естественно, и даютъ намъ довольно ясное понятіе о положеніи писателя и ученаго въ современномъ обществѣ, особенно такого писателя, какъ Кантемиръ, который, вполнѣ сознавая недостатки того общества, среди котораго онъ жилъ и въ тоже время стремясь принести ему посильную пользу, имѣлъ полное право сказать о себѣ: «все, что я пишу, пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ».

Во второй сатирѣ, извѣстной подъ заглавіемъ «Филаретъ и Евгеній» или «на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ» Кантемиръ описываетъ дворянскую спѣсь и притязанія ихъ на полученіе высшихъ должностей безъ всякаго труда, по однимъ заслугамъ предковъ. Въ этой сатирѣ Кантемиръ является вполнѣ защитникомъ введенной Петромъ I «табели о рангахъ», которою Петръ хотѣлъ именно положить предѣлъ сословнымъ притязаніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть доступъ талантливымъ труженикамъ изъ низшихъ слоевъ общества къ высшимъ должностямъ государственной службы.

Въ третьей сатирѣ, «о различіи страстей человѣческихъ» авторъ, въ формѣ посланія, обращается къ архіепископу новгородскому Ѳеофану Прокоповичу, и задаетъ ему вопросъ о томъ, почему именно люди, вообще столь близкіе другъ другу и похожіе по внѣшности, въ тоже время бываютъ подвержены столь различнымъ страстямъ? Обращеніе къ Ѳеофану даетъ намъ довольно ясное понятіе о томъ высокомъ уваженіи, которое питалъ къ нему Кантемиръ.

«Дивный первосвященникъ, которому сила
Высшей мудрости свои тайны всѣ открыла,
И вся твари, что міръ сей отъ вѣкъ наполняютъ,
Показала, изъяснивъ, отъ чего бываютъ!
Ѳеофанъ, которому все то далось знати,
Здрава человѣка умъ что можетъ поняти!

Скажи мнѣ, можешь-бо ты, всѣмъ всякаго рода
Людямъ, давши тѣло тожъ и въ немъ духъ, природа,
Она-ли имъ разныя надѣлила страсти,
Которыя одолѣть уже не въ ихъ власти,
Или другой ключъ тому ручью искать нужно?»

За этимъ обращеніемъ слѣдуетъ, какъ и въ первой сатирѣ, рядъ типовъ, заимствованныхъ изъ современной дѣйствительности, и между ними особенно рѣзко выступаетъ на первый планъ типъ скупца Хризиппа, мота Клеарха и болтливаго хвастуна Лонгина.

Четвертая сатира «къ Музѣ своей», «о опасности сатирическихъ сочиненій» заключаетъ въ себѣ любопытный сборъ различныхъ толковъ и мнѣній о сатирахъ Кантемира и ихъ авторѣ, возбуждавшихся весьма естественно въ современномъ обществѣ, для котораго вообще появленіе свѣтской литературы и свѣтскихъ писателей было дѣломъ новымъ, непривычнымъ, почти невиданнымъ. Вотъ почему авторъ и обращается къ Музѣ своей и говоритъ:

«Муза! не пора ли слогъ отмѣнить твой грубый;
И сатиръ ужъ не писать? Многимъ тѣ не любы,
И ворчитъ ужъ не одинъ, что гдѣ нѣтъ мнѣ дѣла,
Тамъ мѣшаюсь, и кажу себя черезъ чуръ смѣла.
... Муза, свѣтъ мой! слогъ твой мнѣ, творцу, ядовитый;
Кто всѣхъ бить нахалится, часто живетъ битый,
И стихи, что чтецамъ смѣхъ на губы сажаютъ,
Часто слезъ издателю причина бываютъ.
Знаю, что правду пишу, и именъ не значу,
Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу;
Да правда рѣдко люба, и часто не кстати.
Кто же отъ тебя когда хотѣлъ правду знати?»

И затѣмъ, перечисливъ различные отзывы недоброжелателей о сатирахъ своихъ, Кантемиръ совѣтуетъ своей Музѣ лучше начать хвалить что ни попало, лучше пріучиться къ лести, нежели всѣхъ вооружать противъ себя строгими отзывами:

«Есть о чемъ писать, была-бъ лишь къ тому охота,
Было-бъ кому работать,—безъ конца работа;
А лучше вѣкъ не писать, чѣмъ писать сатиру,
Что приводитъ въ ненависть меня всему міру.»

Но авторъ замѣчаетъ, что его Муза стыдится такого занятія, что она не даетъ ему никакой возможности кого бы то ни было хвалить не по заслугамъ, и сознается, что и по самой природѣ онъ чувствуетъ въ себѣ, подъ вліяніемъ Музы, болѣе наклонности къ сатирѣ, нежели ко всѣмъ остальнымъ литературнымъ родамъ:

... «когда хвалы принимаюсь
Писать, когда, Муза, твой нравъ сломить стараюсь,
Сколько ногти ни грызу, и тру лобъ вспотѣлый,
Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ не спѣлы,
Жостки, досадны ушамъ...
... А какъ въ нравахъ вредно что усмотряю...
... Подъ перомъ стихъ течетъ скорѣе.
Чувствую самъ, что тогда въ своей водѣ плаваю,
И что чтецовъ я своихъ зѣвать не заставлю...
... Однимъ словомъ, сатиру лишь писать намъ сходно,
Въ другомъ неудачливы...»

Вотъ почему, чувствуя это, авторъ рѣшается, не обращая вниманія на отзывы людей злонравныхъ, продолжать свою сатирическую дѣятельность—«злой нравъ пятнать вездѣ неотступно»—въ той надеждѣ, что «беззлобные» оцѣнятъ его желаніе принести пользу отечеству.

Мы нарочно обратили особенное вниманіе на эту четвертую сатиру Кантемира, такъ какъ въ ней совершенно ясно высказывается его личный взглядъ на собственную литературную дѣятельность. Этотъ взглядъ однако же слѣдуетъ считать только личною принадлежностью Кантемира, какъ образованнѣйшаго изъ представителей современнаго русскаго общества: — взгляду этому еще долго не суждено было установиться въ нашемъ обществѣ прочно и окончательно, и положеніе писателя въ Россіи, какъ мы увидимъ изъ слѣдующихъ главъ, долго еще оставалось невѣрнымъ, условнымъ и шаткимъ.

Остальныя сатиры Кантемира менѣе замѣчательны и менѣе оригинальны, нежели тѣ четыре, которыя упомянуты нами выше. Въ нихъ авторъ менѣе держится собственно русской, народной почвы, и вдается въ разсужденіе о вопросахъ общихъ, заимствуя многое изъ сатиръ Горація и Буало, и толь-

ко примѣняя ихъ мысли и воззрѣнія къ тѣмъ вопросамъ, которые его занимаютъ. Такъ въ пятой сатирѣ, изложенной въ формѣ діалога и, озаглавленной «Сатиръ и Періергъ», Кантемиръ обращаетъ вниманіе на *«человѣческія злонравія вообще»*: въ седьмой, въ формѣ посланія къ князю Н. Н. Трубецкому, излагаетъ свои мысли о воспитаніи, указывая на необходимость воспитывать гражданъ, которые бы способны были проникаться не личными, а общими интересами. Въ восьмой и послѣдней [1]) сатирѣ, *«на безстыдную нахалчивость»*, авторъ излагаетъ свой осторожный и умѣренный взглядъ на дѣятельность поэтическую, противополагая себя тому:

...Кто, на одной ногѣ стоя двѣсти
Стиховъ пишетъ въ часъ одинъ, и, что день, полдести
Такъ наполнитъ; не смотря ни на что, какъ ни пишетъ,
Мало суетясь, какой вѣтеръ на дворѣ дышетъ...»

Болѣе всего важною для характеристики Кантемира, какъ человѣка и писателя, является намъ его шестая сатира, написанная имъ въ 1738 году. Но о ней нельзя говорить, не упомянувъ о нѣкоторыхъ біографическихъ подробностяхъ. Выше уже говорили мы, что Кантемиръ въ 1731 году былъ назначенъ посломъ въ Лондонъ; въ началѣ 1732 года выѣхалъ изъ Россіи—и болѣе уже не возвращался: до самой смерти пришлось ему прожить за границей, сначала посломъ при англійскомъ дворѣ, а потомъ, съ 1738 года, при французскомъ. Все время, проведенное имъ за границей, было для него самымъ тяжкимъ и труднымъ періодомъ его жизни, потому что ему, при незначительныхъ средствахъ, получаемыхъ отъ правительства, при новости положенія русскаго посла среди европейской дипломатіи и придворной жизни, постоянно приходилось ратовать за честь и достоинство Россіи и неусыпно зорко наблюдать за тѣмъ, чтобы неповредить какой нибудь неосторожностью ея интересамъ, и тѣмъ самымъ не повліять вредно на только что завязавшіеся дипломатическія сношенія наши съ Европою. Все время Кантемира уходило на дѣла посольскія, а также и на хлопоты по исполненію тѣхъ порученій, которыми весьма неделикатно обременяли посла то русскіе друзья и знакомые его, то наиболѣе вліятельные изъ вельможъ русскихъ. Только при необычайной усидчивости Кантемира и при его необыкновенномъ рвеніи къ наукѣ, занятіямъ ученымъ и литературнымъ, онъ могъ находить, среди своего дѣла, досугъ и для этой дѣятельности, которая являлась ему отдыхомъ и усладой послѣ тягостной дѣятельности дипломатической; недаромъ, въ одномъ изъ примѣчаній къ своимъ стихотвореніямъ, онъ говоритъ: «если бы изъ цѣлыхъ сутокъ одну четверть часа на письмо употребляли, то бы отъ того малаго труда въ годъ не малая книга произойти могла: непрерывный трудъ, сколько ни маловременъ, весьма скоръ». И дѣйствительно, мы видимъ, что и среди весьма тревожной дѣятельности дипломатической, Кантемиръ ни на минуту не оставляетъ занятій науками и поэзіей: переводитъ Анакреона и Юстина, переводитъ сочиненіе Фонтенеля «О множествѣ міровъ» и статью Альгаротти «о свѣтѣ», сносится съ Петербургской Академіей, занимается математикой и чтеніемъ своихъ любимыхъ классическихъ авторовъ. И въ Лондонъ, и въ Парижъ выписываетъ онъ себѣ книги изъ Россіи, слѣдитъ тщательно за поступательнымъ движеніемъ русской литературы и науки. Ознакомившись съ разсужденіемъ Тредьяковскаго о русскомъ стихосложеніи [2]), Кантемиръ и этого вопроса не оставилъ, не разсмотрѣвъ самостоятельно и не обслѣдовавъ его очень внимательно. Однакоже онъ не принялъ новой теоріи Третьяковскаго, можетъ быть потому, что Третьяковскій не въ состояніи былъ подтвердить ее на практикѣ хорошими стихами, и потому Кантемиръ, не отдавая преимущества тоническому стиху передъ силлабическимъ, удовольствовался лишь тѣмъ, что нѣсколько видоизмѣнилъ свой силлабическій стихъ. Онъ понялъ, что опредѣленная послѣдовательность удареній дѣйствительно сообщаетъ русскому стиху больше гармоніи, а потому и рѣшился создать нѣчто среднее между тоническимъ и силлабическимъ размѣромъ.

[1]) Послѣдней по времени написанія; всѣхъ сатиръ, какъ мы уже выше сказали, оставилъ Кантемиръ *девять;* объ одной изъ нихъ «на состояніе свѣта сего» или «къ Солнцу», въ которой авторъ возстаетъ противъ раскола и народныхъ суевѣрій, мы не нашли возможности ничего сказать.

[2]) См. далѣе глава XXIV.

Стихъ его сатиръ состоялъ изъ тринадцати слоговъ, раздѣленныхъ цезурою на двѣ части. Онъ нѣсколько измѣнилъ его въ томъ отношеніи, что не только далъ опредѣленное мѣсто цезурѣ, между седьмымъ и восьмымъ слогомъ, но и допустилъ еще въ каждой части, отдѣленной цезурою, по одному, рѣзко-замѣтному ударенію; въ первой части, изъ семи слоговъ, это удареніе должно было падать на пятомъ или на седьмомъ слогѣ; во второй—непремѣнно на предпослѣднемъ. Хотя вслѣдствіе этого въ рифмахъ оказывалось чрезвычайное однообразіе и бѣдность, однако-же стихъ всетаки нѣсколько выигралъ въ благозвучіи, и оказывался болѣе пріятнымъ, нежели тотъ тяжелый силлабическій размѣръ, которымъ наши виршеслагатели XVII столѣтія писали свои вирши, а Кантемиръ первыя сатиры свои. Новую теорію стиха своего онъ примѣнилъ впервые къ шестой своей сатирѣ, написанной, какъ уже замѣчено было выше, въ 1738 году, наканунѣ отъѣзда изъ Лондона въ Парижъ. Сатира эта озаглавлена: «о истинномъ блаженствѣ»—и въ ней то, съ замѣчательною вѣрностью и правдой, изложенъ взглядъ Кантемира на то, что въ теченіе всей жизни его представлялось ему идеаломъ счастья. Сатира эта начинается такъ:

«Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
Малый свой домъ, на своемъ построенный полѣ
Кое даетъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и среднюю забаву,
Гдѣ-бъ съ другомъ съ другимъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишны часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ-бъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межъ мертвыми греки и латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
Учася знать образцомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно:
Желанія всѣ мои крайни составляетъ».

Въ этихъ немногихъ строкахъ шестой сатиры заключается вся нравственная философія, какою онъ руководился въ теченіи всей своей жизни, мало волнуясь всѣмъ, что составляло для другихъ главную цѣль ихъ желаній, умѣренный во всемъ и способный выше всего цѣнить только одно благо—независимость убѣжденій и спокойствіе совѣсти. Даже и среди шумнаго, неумолкаемаго, блестящаго Парижа, Кантемиръ съумѣлъ себѣ создать такой мирный и укромный уголъ, съумѣлъ окружить себя такимъ избраннымъ кружкомъ ученыхъ друзей, что жизнь его, не смотря на перемѣну мѣста, не смотря на тревоги новаго положенія, потекла также ровно и тихо, какъ въ Лондонѣ. Только въ депешахъ своихъ къ русскому двору, съ отвращеніемъ относясь къ интригамъ и коварству французской дипломатіи, Кантемиръ рѣшался высказывать нѣкоторыя жалобы на трудность своего положенія и въ особенности на то, что происки французскихъ дипломатовъ вынуждаютъ его прибѣгать къ хитрости, вовсе несвойственной его характеру. И только въ кругу друзей своихъ (въ числѣ которыхъ нельзя не вспомнить здѣсь знаменитаго въ то время Монтескье, математика-философа Мопертюи и аббатовъ Гуаско и Венути), въ оживленной бесѣдѣ о вопросахъ современности и науки, да въ бесѣдѣ «съ мертвыми греки и латины», Кантемиръ находилъ себѣ отдыхъ отъ своей тяжелой посольской службы, которая наконецъ истощила его и безъ того ужъ слабое здоровье. Незадолго до своей смерти онъ просилъ у двора позволенія оставить свой постъ при французскомъ дворѣ и даже получилъ разрѣшеніе отправиться въ Италію—но уже не успѣлъ имъ воспользоваться.

Ровно за годъ до своей кончины Кантемиръ собралъ свои стихи въ одну тетрадь, написалъ къ нимъ необходимыя пояснительныя примѣчанія, и рѣшился ихъ напечатать. Сюда же прибавилъ онъ и стихотвореніе «къ стихамъ своимъ», въ которомъ чрезвычайно опредѣленно высказываетъ тотъ взглядъ на свою литературную дѣятельность, который мы уже отмѣтили выше, какъ преимущественно принадлежащій всѣмъ писателямъ нашимъ начала XVIII вѣка. «Многіе»—говоритъ въ этомъ стихотвореніи Кантемиръ—«будутъ хулить меня, читая мои стихи, за то, что

»...... въ такомъ я трудѣ упражнялся,
Ни возрасту своему приличномъ, ни чину....»

и находить нужнымъ прибавить къ этому въ оправданіе своей литературной дѣятельности, что

....(стихи) не ущербили
Ни малый въ дѣлахъ часъ важнѣйшихъ и нужныхъ».

Такъ же мало значенія придаетъ Кантемиръ своимъ стихотвореніямъ и въ томъ «письмѣ къ пріятелю, которое предпослалъ своимъ сатирамъ вмѣсто предисловія; тамъ онъ даже прямо выражаетъ ту мысль, что вообще мало пришлось ему написать потому именно, что онъ, по своей должности, времени не имѣлъ къ такому дѣлу, къ которому только въ лишнихъ часахъ «прилѣжать позволено»; вообще же, препровождая всѣ стихи свои къ неизвѣстному пріятелю, Кантемиръ прибавляетъ, что дѣлаетъ это больше для исправленія, чѣмъ для прочитанія, и чтобъ «лишнихъ его часовъ употребленіе (его пріятелю) было извѣстно».

Одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Кантемира, бросая общій взглядъ на всю его литературную и ученую дѣятельность, приходитъ къ слѣдующему выводу относительно его значенія въ ряду другихъ современныхъ ему дѣятелей. «(Въ Кантемирѣ) соединялось все то, что было вызвано потребностями преобразовательной эпохи, и потому онъ является писателемъ-представителемъ этой эпохи. Какъ представитель своей эпохи, онъ выставляетъ передъ нами идеалъ новаго русскаго человѣка, уже связаннаго съ интересами европейскаго просвѣщенія, человѣка съ новыми стремленіями, съ новою оцѣнкою дѣйствительности. Его любовь къ наукѣ и стремленіе принести пользу обществу вызывали его на литературные труды; а такъ какъ мораль уже многими (и до него) излагалась въ формѣ сатиры, то онъ и взялъ эту форму для выраженія своихъ стремленій; подражаніе лучшимъ образцамъ уже должно было явиться само собою по общему стремленію подражать всему европейскому: оно было вызвано самымъ вѣкомъ. Какъ русскій человѣкъ съ европейскимъ просвѣщеніемъ, не могъ онъ не отозваться и на вопросы, занимавшіе европейскихъ литераторовъ. Такимъ образомъ съ одной стороны Кантемиръ касался самыхъ существенныхъ вопросовъ жизни; съ другой же стороны, какъ писатель, не могъ обойти и вопросовъ чисто-теоретическихъ, относящихся къ литературѣ.—Послѣдующія эпохи представляютъ намъ нѣсколько свѣтлыхъ и дорогихъ для насъ личностей, какъ напр. Ломоносова, Новикова, Карамзина, которыя кажутся какъ будто исключеніемъ изъ ряда прочихъ, но которыя все же могли развиться только въ то, а не въ иное время: въ нихъ соединилось все лучшее, что могла соединить въ одной личности данная эпоха. Тоже самое мы должны сказать и о Кантемирѣ: личность его рѣзко выдается изъ толпы другихъ соединеніемъ всего лучшаго, что могло тогда соединиться въ одномъ лицѣ» [1]).

Къ небольшому кругу тѣсно-связанныхъ съ Ѳеофаномъ образованнѣйшихъ дѣятелей, вызванныхъ Петровской реформой, принадлежалъ и Василій Никитичъ *Татищевъ* (род. въ 1685 ум. 1750 г.). Здравый, наблюдательный и острый умъ, обширное образованіе, а главное одинаковость воззрѣній на эпоху преобразованій, все сближало Татищева съ Прокоповичемъ. Сверхъ того, мы видимъ въ Татищевѣ человѣка, который и по своимъ политическимъ убѣжденіямъ также шелъ рука-объ-руку съ партіей Прокоповича: въ переворотѣ 1730 года Татищевъ, вмѣстѣ съ юнымъ Кантемиромъ, дѣйствовалъ за одно съ Прокоповичемъ противъ «верховниковъ» и во всю остальную жизнь свою, не смотря на то, что ему много пришлось пострадать въ послѣдствіи отъ Бирона, не отступилъ отъ своихъ убѣжденій; въ самомъ завѣщаніи своемъ сыну онъ еще повторялъ ему:—«съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не соглашайся, понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ».

Образованіе удалось Татищеву пріобрѣсти за-границей, куда онъ въ числѣ прочихъ молодыхъ людей былъ отправленъ Петромъ; но это вовсе не было то поверхностное, легкое или узкоспеціальное образованіе, которое пріобрѣталось за границею большинствомъ русскихъ людей, отправляемыхъ въ Европу Петромъ для обученія и для скорѣйшаго опредѣленія къ извѣстному дѣлу, извѣстной работѣ. Свѣтлый, практическій и глубокій умъ Татищева,

[1]) В. Стоюнинъ, см. статью его о Кантемирѣ въ Глазуновскомъ изд. сочиненій Кантемира.

въ связи съ тою желѣзною волею, которою онъ обладалъ, дали ему возможность въ короткое время запастись большимъ запасомъ свѣдѣній и такою обширною начитанностью, что очень немногіе изъ его современниковъ, кромѣ развѣ Ѳеофана, могли быть поставлены съ Татищевымъ на одинъ уровень по образованности. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что любознательность и страсть къ самостоятельной, критической разработкѣ важнѣйшихъ вопросовъ, представляемыхъ человѣку жизнью, часто вовлекали Татищева въ подробное изученіе и такихъ отраслей знанія, которыя, по видимому, не имѣли никакого отношенія къ его дѣятельности; такъ, напримѣръ, подобно многимъ другимъ изъ своихъ современниковъ, увлекаясь вопросами религіозными, вопросами о значеніи церкви въ обществѣ и объ отношеніи православнаго вѣроисповѣданія къ остальнымъ, Татищевъ такъ много прочелъ богословско-философскихъ и догматическихъ сочиненій, такъ отлично изучилъ Св. Писаніе, что даже съ самимъ Ѳеофаномъ дерзалъ не разъ вступать въ богословскія пренія, а отъ большинства людей ограниченныхъ и мало-образованныхъ получилъ даже нелестное названіе «безбожника и вольнодумца».

Большая часть жизни Татищева, какъ истаго дѣятеля, вызваннаго изъ среды русскаго общества эпохою преобразованій Петра, протекла на службѣ, и притомъ на службѣ трудной, требовавшей и ума, и твердости, и обширныхъ знаній. Послѣ возвращенія изъ за-границы, Татищевъ служилъ сначала въ артиллеріи, потомъ по горнымъ заводамъ и подъ конецъ былъ губернаторомъ въ Астрахани. Рано сдѣлался онъ лично извѣстенъ Петру, какъ человѣкъ пригодный ко всякому дѣлу и обширно-образованный. «Оклеветаніе злодѣевъ» (т. е. враговъ), по словамъ самого Татищева, чуть-чуть не подвергло его опалѣ и гнѣву Петра. Въ то время, когда, незадолго до смерти, Петръ вызвалъ Татищева съ екатеринбургскихъ горныхъ заводовъ въ Петербургъ, Татищевъ былъ обвиненъ передъ Петромъ во взяточничествѣ. На вопросъ Петра, справедливо-ли обвиненіе, Татищевъ смѣло отвѣчалъ: «я беру; но въ этомъ ни предъ Богомъ, ни предъ Вашимъ Величествомъ не погрѣшаю», и началъ разсуждать, что судья не виноватъ, если рѣшитъ дѣло какъ слѣдуетъ и получитъ за это благодарность; что вооружаться противъ этой благодарности вредно, потому что тогда въ судьяхъ уничтожится побужденіе посвящать дѣламъ время сверхъ узаконеннаго и произойдетъ медленность въ рѣшеніи дѣлъ, тяжкая для судящихся. Петръ отвѣчалъ: «правда; но позволить этого нельзя, потому что безсовѣстные судьи подъ видомъ доброхотныхъ подарковъ станутъ насильно вымогать». [1]) Откровенность Татищева и рекомендація его начальника по горнымъ заводамъ, Геннина, [2]) избавили Татищева отъ грозы, собиравшейся надъ его головою; но понравиться Петру онъ не могъ, хотя Петръ, сознавая за нимъ большія способности и обширныя знанія, конечно не преминулъ воспользоватся имъ, какъ полезнымъ дѣятелемъ. Онъ отправилъ его въ Швецію, для призыва ма-

---

[1]) Другіе современники передавали отвѣтъ Петра такъ: «Ты забылъ, что для добраго судьи служба есть священный долгъ, причемъ ему и въ мысль не приходитъ временная корысть, и что ты дѣлаешь изъ мзды, то онъ дѣлаетъ изъ добродѣтели». Вообще, такое легкое отношеніе къ вопросу «о благодарности судьямъ» и даже просто ко взяткамъ въ людяхъ Петрова времени является чрезвычайно характеристическою чертою эпохи, служившей переходомъ отъ стараго періода русской общественной жизни къ новому. Въ этомъ отношеніи любопытенъ извѣстный анекдотъ о томъ, какъ Петръ, постоянно стремившійся искоренять взяточничество, въ гнѣвѣ сказалъ однажды будто въ Сенатѣ, что повѣситъ всякаго человѣка, который хоть столько возьметъ съ просителя, сколько нужно, чтобы купить веревку. Извѣстный Ягужинскій чистосердечно замѣтилъ на это царю: «ну, тогда ужъ всѣхъ насъ перевѣшать прійдется»... И царь, любившій прямоту болѣе всего, только улыбнулся въ отвѣтъ на это заключеніе.

[2]) Рекомендація эта сама по себѣ заслуживаетъ вниманія. Геннинъ, много наговоривъ въ письмѣ къ Петру о заслугахъ и достоинствахъ Татищева, въ концѣ прибавляетъ: «Вашему Величеству отъ радѣтельнаго и вѣрнаго моего сердца, какъ отцу своему объявляю: къ тому дѣлу (т. е. къ горному) лучше не сыскать, какъ капитана Татищева, и надѣюся, что В. В. изволите мнѣ въ томъ повѣрить, что я онаго Татищева представляю не въ пристрастіи, не изъ любви или какой интриги, или-бъ чьей ради просьбы — *я и самъ его рожи калмыцкой не люблю* — но видя его въ дѣлѣ весьма права и въ строеніи заводовъ смысленна, разсудительна и прилежна»..,

стеровъ, потребныхъ къ горнымъ и минеральнымъ дѣламъ. При отъѣздѣ, Петръ поручилъ Татищеву осмотрѣть знатныя строенія, работы, горные промыслы, заводы, денежное дѣло, кабинеты, библіотеки и особенно каналъ Обигскій, достать, по возможности, всему чертежи и описанія; взять изъ школъ молодыхъ русскихъ людей и раздать въ Швецію по заводамъ, для поученія горному дѣлу; при этомъ дано было ему и секретное порученіе: смотрѣть и освѣдомляться о политическомъ состояніи, явныхъ поступкахъ и скрытныхъ намѣреніяхъ Швеціи. Татищевъ возвратился изъ этого путешествія уже послѣ смерти Петра; но не можетъ однакоже быть никакого сомнѣнія въ томъ, что это вторичное путешествіе за границу, а также и частыя поѣздки его по Россіи и Сибири значительно способствовали тому, чтобы въ немъ весьма опредѣленно выработалась та наклонность къ занятію науками историческими, которая проявилась въ немъ уже довольно рано. Извѣстно, что уже въ 1720 году Татищевъ говорилъ съ Петромъ о планѣ своемъ касательно сочиненія русской географіи и также о необходимости размежеванія Россіи и составленіи общей карты ея. Впослѣдствіи, всѣ досуги свои отъ тяжкой, многосложной и хлопотливой служебной дѣятельности, Татищевъ посвятилъ на выполненіе двухъ любимѣйшихъ мыслей Петра: на собраніе матерьяловъ по русской исторіи и по русской географіи. Географіи Татищевъ не успѣлъ окончить; что же касается Русской Исторіи, то ему удалось обработать ее довольно полно, въ пяти объемистыхъ книгахъ. Здѣсь особенно подробно разработалъ онъ древнѣйшій періодъ Русской исторіи, до нашествія Татаръ, а затѣмъ составилъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій до царствованія Өеодора Ивановича. Сверхъ того, въ началѣ труда своего Татищевъ помѣстилъ обзоръ русскихъ лѣтописныхъ сказаній и общее вступленіе, въ которомъ говоритъ о народахъ, обитавшихъ въ Россіи до поселенія въ ней Славянъ на основаніи источниковъ, представляемыхъ иностранными литературами по этому предмету. Трудъ Татищева не былъ изданъ при жизни его: лѣтъ 30 спустя послѣ его смерти, онъ былъ напечатанъ по повелѣнію Екатерины II подъ общимъ заглавіемъ «Исторія Россійской, черезъ [1]) тридцать лѣтъ собранной и описанной». Не смотря на то, что авторъ выказалъ въ этомъ трудѣ большую ученость и весьма обширную, замѣчательную и разнообразную начитанность, не смотря на то, что онъ показалъ въ немъ и весьма здравый критическій тактъ, на основаніи котораго принималъ или отвергалъ то или другое изъ приводимыхъ имъ извѣстій,— «Исторія Россійская» все же не можетъ быть названа *исторіею* Россіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, какъ мы привыкли понимать его въ нынѣшнее время: это не болѣе, какъ пріуготовительная, хотя и весьма почтенная работа надъ историческимъ матерьяломъ, въ смыслѣ его разработки для другихъ, будущихъ трудовъ историческихъ, до которыхъ еще было далеко. Нельзя при этомъ упустить изъ виду, что любознательному и трудолюбивому Татищеву удалось, при собраніи историческаго матерьяла, открыть два весьма важныхъ памятника: «Русскую Правду» и «Судебникъ Ивана IV», къ которымъ онъ даже и приложилъ свои объяснительныя примѣчанія. Любопытною стороною «Исторіи Россійской» являются тѣ взгляды, которые авторъ ея высказываетъ въ ней по поводу различныхъ, упоминаемыхъ имъ фактовъ и событій историческихъ. Въ этихъ взглядахъ своихъ онъ является намъ вполнѣ современникомъ эпохи преобразованій: воззрѣнія на древній періодъ исторіи Россіи, на значеніе современности, на отношеніе власти свѣтской и духовной, совершенно сходятся съ воззрѣніями на тѣ же предметы передовыхъ сторонниковъ реформы, насколько они выразились въ письмахъ и манифестахъ самого Петра и въ «Духовномъ Регламентѣ» Прокоповича.

Гораздо болѣе важнымъ для характеристики современнаго Татищеву періода является другое литературное произведеніе его: «Духовное завѣщаніе и наставленіе сыну его Евграфу», написанное Татищевымъ въ 1733 году. Это «Духовное завѣщаніе» есть нечто иное, какъ общій сводъ правилъ житейской мудрости, въ примѣненіи къ современнымъ Татищеву общественнымъ потребностямъ и взглядамъ. И хотя не можетъ подлежать сомнѣнію то, что это «завѣщаніе и наставленіе» писано Татищевымъ для сына, однакоже нельзя не обратить вниманія на то, что сынъ Татищева былъ въ это время (т. е. 1733) уже взрослымъ и даже состоялъ на службѣ, слѣдова-

[1]) Т. е. въ *теченіе* 30 лѣтъ.

тельно многое изъ того, что заключаетъ въ себѣ завѣщаніе, вовсе не относится къ сыну, а вообще внесено въ него ради полноты свода правилъ, въ назиданіе всему молодому поколѣнію. Вотъ почему «Духовное завѣщаніе» Татищева представляется намъ не болѣе, какъ послѣднимъ отголоскомъ, тѣхъ «наказаній» или «наставленій отъ отца къ сыну», которыми такъ богатъ былъ древній періодъ нашей литературы, и которыя нашли себѣ тако полное выраженіе въ подобномъ же памятникѣ XVI вѣка—въ «Домостроѣ» попа Сильвестра. Въ особенности любопытнымъ является намъ «Духовное завѣщаніе» Татищева именно по сравненію съ Домостроемъ, потому что подобное сравненіе доказываетъ намъ, лучше всякихъ другихъ доводовъ въ пользу реформы Петра, какой громадный шагъ впередъ на пути развитія общественной и частной жизни успѣла сдѣлать Россія въ царствованіе Петра, въ началѣ XVIII вѣка, сравнительно съ Россіею XVI и XVII в. в. Новая эпоха сказывается во всемъ: каждое слово «Духовнаго завѣщанія» служитъ выраженіемъ новыхъ взглядовъ, новыхъ идеаловъ, новыхъ и болѣе правильныхъ убѣжденій нравственныхъ.

Татищевъ начинаетъ свое «Духовное Завѣщаніе» съ сознанія своей грѣховности и съ приведенія различныхъ свидѣтельствъ Св. Писанія, касательно вообще грѣховъ и пороковъ молодости, которая выказываетъ менѣе склонности къ сознанію и раскаянью, нежели старость: «егда же человѣкъ приблизится къ старости», говоритъ Татищевъ, «или скорби, болѣзни, бѣды, напасти и другія горести усмирятъ плоть его, тогда свобождается духъ отъ порабощенія, ометется умъ его и приметъ власть надъ волею тогда познаетъ неистовство и пороки юности своея, и начнетъ прилѣжать о пріобрѣтеніи истиннаго добра, прилѣжать о знаніи Закона Божія»... Переходя отъ этихъ общихъ разсужденій къ себѣ лично, Татищевъ дѣлаетъ распоряженія относительно погребенія своего «безъ великихъ чиновъ и убранствъ по закону христіанскому», и наконецъ излагаетъ свой взглядъ на жизнь, касаясь сначала религіознаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія въ молодости, отношеній къ родителямъ, къ женѣ и семейству, а потомъ государственной службы — военной, гражданской и придворной; наконецъ, говоритъ о томъ, какъ слѣдуетъ распоряжаться богатствомъ, управлять дѣлами и деревнями.

Любопытно то, что Татищевъ, который между современниками своими, приверженными къ старинѣ до-петровской, слылъ за вольнодумца и даже безбожника, выказывается намъ въ самомъ началѣ своего «завѣщанія» не только глубоко-религіознымъ человѣкомъ, но и признающимъ религію за основу всѣхъ свѣдѣній человѣческихъ, всего воспитанія. Онъ говоритъ, что наставлялъ въ вѣрѣ сына своего частыми и пространными разговорами, и все же совѣтуетъ ему, сверхъ того, «поучаться въ законѣ Божьемъ день и нощь даже до старости: для сего нужно тебѣ со вниманіемъ читать письмо святое, т. е библію и катехизисъ, а къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоустаго (сочиненія) главное мѣсто имѣютъ, Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Афанасія Великаго и Феофилакта болгарскаго; *также печатныя въ нынѣшнія времена истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ, которое за катехизисъ, а малая букварь или юности честное зерцало за лучшее нравоученіе служить могутъ.* [1]) Прологи и житія Святыхъ въ Минеяхъ-Четьяхъ Татищевъ совѣтуетъ читать такому, «кто довольно въ письмѣ святомъ искусился и могъ бы довольно разсуждать». Затѣмъ, достаточно утвердившись въ знаніи своего закона слѣдуетъ, по мнѣнію Татищева перейти къ изученію твореній писателей католическихъ, лютеранскихъ и кальвинскихъ: встрѣчаясь часто въ обществѣ съ людьми этихъ вѣроисповѣданій и вступая съ ними въ разговоры, при незнаніи основъ ихъ религіи, легко быть обманутымъ или поставленнымъ въ неловкое положеніе. Особенно совѣтуетъ Татищевъ остере-

[1]) Здѣсь упоминается о книгахъ, духовнаго содержанія, изданныхъ по повелѣнію Петра и особенно ненавистныхъ сторонникамъ старины: о катехизисѣ, изд. Ѳ. Прокоповичомъ, о букварѣ изданномъ имъ же, и о книгѣ, изд. въ 1719 г.: «Юности честное зерцало», или показаніе ко житейскому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ», пользовавшейся въ свое время большимъ почетомъ. Въ сcставъ этой книги входило: изображеніе древнихъ и новыхъ письменъ славянскихъ печатныхъ и рукописныхъ; правила отъ Св. Писанія, по алфавиту избранная; числа церковныя, арабскія и римскія; наконецъ «зерцало житейскаго обхожденія» — собраніе правилъ, какъ себѣ держать въ обществѣ.

гаться пьянствовъ, и главнѣе всего—избѣгать всякихъ религіозныхъ прѣній съ единовѣрцами, дабы «у людей злаго мнѣнія о себѣ не подать, а отъ неразсудныхъ можно и претерпѣть». Въ подтвержденіе этого совѣта онъ ссылается на свой собственный примѣръ: «я хотя о Богѣ и правости божественнаго закона никогда сомнѣнія не имѣлъ, но потому что я нѣкогда о убыткахъ законами человѣческими въ тягость положенныхъ говаривалъ, отъ несмысленныхъ и безразсудныхъ,

Татищевъ.

невѣдущихъ божьяго закона, и токмо человѣческіе уставы противу заповѣданья Христова чтущихъ, не только за еретика, но и за безбожника почитанъ и немало невиннаго поношенія и бѣдъ претерпѣлъ».

Послѣ чтенія религіознаго, Татищевъ совѣтуетъ сыну своему озаботиться болѣе всего о знакомствѣ съ науками свѣтскими: сперва слѣдуетъ выучиться «право и складно писать»; потомъ заняться ариѳметикой, геометріей, артиллеріей, фортификаціей и *другими математическими науками;* слѣдуетъ обратить вниманіе и на изученіе нѣмецкаго языка. На свои матеріалы и бумаги Татищевъ указываетъ сыну какъ на единственное средство къ изученію русской исторіи и географіи; притомъ онъ замѣчаетъ, что привести ихъ въ порядокъ и напечатать «безъ помощи государя никакъ неможно». Какъ на важную часть образованія Татищевъ указываетъ на необходимость изучать отечественные законы, нетолько по печатнымъ указамъ и уложеніямъ, но также изъ бесѣдъ о законахъ съ искусными въ законахъ людьми, по поводу собственныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ: надобно знать и «ябедническія коварства», чтобы при случаѣ умѣть отъ нихъ защититься.

Любопытнымъ признакомъ новаго времени является и слѣдующее мѣсто «завѣщанія», гдѣ Татищевъ говоритъ о почтеніи къ родителямъ: «хотя я съ матерью твоею нѣкоторымъ приключеніемъ разлучился, чрезъ что наше обѣщаніе брачное нарушено; но тебѣ нѣтъ въ томъ нималой причины къ нарушенію твоей должности... И если ты понадѣешься на то, что матери тебя, по слабости женской, наказать по достоинству неудобно; то вѣдай и вѣрь подлинно, что Богъ обиды родителей безъ отмщенія не оставитъ».

Переходя къ вопросу объ обязанностяхъ семьянина, Татищевъ высказываетъ слѣдующій взглядъ на женитьбу и на отношенія между супругами. Лучшимъ бракомъ считаетъ онъ, для мужчины, бракъ въ тридцать лѣтъ. Въ супружествѣ не слѣдуетъ искать богатства, не слѣдуетъ увлекаться и красотою: «ищи главнаго», — говоритъ Татищевъ — «то-есть жены, съ кѣмъ бы можно въ веселіи вѣкъ свой препроводить...» «Главнѣйшее въ женѣ — доброе состояніе (т. е. происхожденіе изъ хорошаго рода, изъ хорошей семьи), разумъ и здравіе»; а потому «посредственная красота и равность лѣтъ, или жена не менѣе десятью лѣтами моложе къ сожитію есть лучшее». Касаясь обязанностей мужа по отношенію къ женѣ, Татищевъ болѣе всего совѣтуетъ избѣгать ревности и жестокости: «имѣй и то въ памяти», прибавляетъ онъ, «что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница и во всемъ другъ нелицемѣрный; такъ и тебѣ съ ней должно быть; въ воспитаніи дѣтей обще съ нею прилѣжать: въ твердомъ состояніи домъ въ правленіе ея поручать, а затѣмъ и самому нелѣностно смотрѣть. Однакожъ храниться надлежитъ, чтобы тебѣ у жены не быть подъ властью: сіе для мужа очень стыдно, и чрезъ то можешь у

всѣхъ о себѣ худое мнѣніе подать и слабость своего ума изъявить [1])».

Переходя отъ семейныхъ обязанностей къ служебнымъ, Татищевъ сначала говоритъ вообще объ отношеніи къ высшей власти: увѣщевая сына быть вѣрнымъ государю и ревностнымъ въ исполненіи обязанностей служебныхъ, Татищевъ припоминаетъ замыслы верховниковъ и остерегаетъ сына отъ всякаго участія въ политическихъ переворотахъ: «съ хвалящими вольность другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить, никогда не согласуйся, понеже оное государству крайнюю бѣду напесть можетъ, о чемъ тебѣ гисторія нашего государства ясные приклады показать можетъ, какъ-то нѣкоторые и *предъ немногими лѣты безумно начинали*; а паче всего тайность государя прилѣжно храни и никому не открывай, всего же болѣе женщинъ и льстецовъ хитрыхъ охраняйся, чтобъ нечаянно изъ тебя не выѣдали. И для того о тайныхъ дѣлахъ ни съ кѣмъ *въ разговоры не вступай*; *а если кто тебѣ* о подобномъ дастъ причину чрезъ разговоры, то старайся ту рѣчь немедленно въ иной разговоръ превратить, чтобы къ твоей тайности не приблизиться». Затѣмъ, всю служебную дѣятельность каждаго дворянина Татищевъ подраздѣляетъ на военную, гражданскую и придворную службу, предназначая вообще для служебной дѣятетельности главную, наибольшую часть всей жизни, до 50 лѣтняго возраста. Молодости соотвѣтствуетъ, по мнѣнію Татищева, служба военная (между 18-ю и 25-ю годами), и только по вступленіи въ зрѣлый возрастъ совѣтуетъ онъ приниматься за трудную службу гражданскую. Наставленія, касающіяся службы гражданской, такъ подробны, такъ обстоятельны и притомъ свидѣтельствуютъ о такой опытности и осторожности самого автора, что, перечитывая ихъ, кажется видишь передъ глазами тотъ тяжкій и горькій опытъ, который приходилось переживать служащему русскому человѣку въ началѣ XVIII вѣка.

Съ явнымъ несочувствіемъ отзывается Татищевъ о третьемъ родѣ службы — о службѣ придворной. «Петръ Великій», говоритъ онъ, «который великолѣпіе единственно дѣлами своими показывалъ, сей чинъ придворныхъ ни во что вмѣнялъ, и въ рангъ ихъ не токмо на концѣ, но весьма низкій положилъ; у него оные весьма въ презрѣніи были, а лучше сказать, что никого не было. Нынѣ же оные рангами, жалованьемъ и другими преимуществы противъ европейскихъ государствъ пожалованы». Не смотря на это, къ своему далеко непривлекательному очерку современныхъ придворныхъ нравовъ, Татищевъ прибавляетъ: «кромѣ повелѣнія монаршескаго, никакъ сего чина не ищи и никакимъ тутъ благополучіемъ не льстися». Болѣе всего характеризующимъ воззрѣнія Татищева на службу кажется намъ слѣдующій совѣтъ сыну, которымъ онъ заканчиваетъ общій отдѣлъ о служебныхъ обязанностяхъ: «никогда о себѣ не воображай, чтобы ты правительству столь много надобенъ былъ, что безъ тебя и обойтиться невозможно; равно и о другихъ того не думай: знай, что такихъ людей Богъ въ свѣтъ не создалъ».

Въ русскомъ служиломъ человѣкѣ начала XVIII вѣка слышится уже и голосъ пробуждающагося личнаго достоинства, благородной гордости, неподавляемой болѣе тягостными условіями общественной жизни до-Петровской Руси. Говоря о томъ, что когда дворянину исполнится 50 лѣтъ, онъ долженъ оставлять службу и поселяться среди своихъ помѣстій и вотчинъ, Татищевъ въ то же время прибавляетъ: «весьма остерегайся того, чтобы тебя безъ прошенія отъ службы не отставили, сіе для честнаго и благороднаго человѣка великой стыдъ и поношеніе: одни только скоты сего наказанія не ощущаютъ. И для того лучше отстать честно по своей волѣ, нежели съ нареканіемъ продолжать службу и отъ того терпѣть стыдъ и поношеніе. Не меньше предосужденія достойны и тѣ, которые притворя себя больными, за деньги, черезъ докторовъ, безо всякой причины, не выслужа 30 лѣтъ, ищутъ отъ службы увольненія; весьма сіе непохвально, а паче тѣмъ нарушаютъ свою присягу».

Первою заботою дворянина по возвращеніи въ имѣнья должна быть забота о церквахъ и духовенствѣ. «Старайся имѣть попа ученаго», замѣчаетъ при этомъ Татищевъ,— «который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и *предикою* къ совершенной добродѣтели крестьянъ твоихъ довести могъ; награди

[1]) Свои совѣты о женитьбѣ Татищевъ заключаетъ такимъ замѣчаніемъ: «не дѣлай свадебной церемоніи (пышной), чтобы не дѣлать изъ себя живой картины, какъ мыши кота погребаютъ».

его безбѣднымъ пропитаніемъ, деньгами, а не пашнею, для того, чтобы отъ него навозомъ не пахло; голодный, хотябъ и патріархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ; за деньги же (т. е. за жалованье отъ помѣщика) онъ лучше будетъ прилѣжать къ церкви, нежели къ своей земли, пашнѣ и сѣнокосу, что и сану ихъ совсѣмъ не прилично, и чрезъ то надлежащее почтеніе теряютъ». Озаботившись о духовныхъ нуждахъ, Татищевъ настаиваетъ на необходимости обращать вниманіе и на другія, матеріальныя нужды крестьянъ: имѣнія должны быть снабжены банями, больницами, домашнимъ лекаремъ и аптекою. Лекарь необходимъ для того, чтобы крестьяне не обращались «къ проклятымъ обманщикамъ, ворожеямъ, шептунамъ и колдунамъ». На обязанности помѣщика лежитъ и призрѣніе старыхъ и увѣчныхъ. Затѣмъ, съ величайшею, почти изумительною точностью, Татищевъ обращается къ заботамъ о распредѣленіи каждаго рабочаго дня крестьянъ и дворовыхъ, и входитъ въ подробности, которыя выказываютъ въ немъ не только опытнаго и дѣятельнаго хозяина, но и вообще человѣка расчетливаго, привыкшаго пользоваться всѣмъ, и изъ всего извлекать выгоду. Эгоистъ-помѣщикъ виденъ въ тѣхъ наставленіяхъ, которыя Татищевъ даетъ сыну относительно присмотра за крестьянами и постояннаго понужденія ихъ къ работѣ: — замѣтно, что даже и заботясь объ обезпеченіи ихъ нуждъ, онъ заботится о нихъ только какъ о рабочей силѣ, которая должна способствовать матеріальному благосостоянію помѣщика. Сурово относится онъ къ нерадивымъ: «для винныхъ людей», говоритъ онъ, «имѣть тюрьму; а затѣмъ наказывать за вину нещадно; одна милость, безъ наказанія, быть не можетъ, по закону Божію». Но все же, и въ этомъ отношеніи, Татищевъ конечно стоитъ головою выше многихъ своихъ современниковъ: самъ неутомимо и постоянно трудясь и работая, онъ, по Петровой системѣ, думалъ и всѣхъ окружающихъ увлечь къ труду, если не уговоромъ, то страхомъ наказанія, взысканія. Увлекаясь стремленіемъ къ труду, онъ и въ завѣщаніи, говоря о крестьянскомъ трудѣ, восклицаетъ: «праздность человѣка приводитъ въ воровство и разбои, отъ чего послѣ на вѣки долженъ будетъ пропасть душею и тѣломъ; всякой крестьянинъ дѣтей своихъ долженъ въ великомъ страхѣ содержать, ни до какой праздности не допуская и всегда принуждая къ работѣ, дабы онъ въ томъ взялъ привычку, и смотря отца своего неусыпные труды, себя къ тому пріучить могъ; а дабы каждый праздно и въ младости не былъ, то долженъ онъ (т. е. отецъ) отдать его какому нибудь художеству и рукодѣлью учиться, отъ чего всегда интересъ свой получить можетъ».

Всѣ свои наставленія и совѣты сыну Татищевъ сводитъ къ одному общему выводу: «конецъ желаньямъ нашимъ ненасытнымъ въ свѣтѣ главный пунктъ деньги; не тотъ богатъ, кто ихъ имѣетъ много и еще желаетъ; и не тотъ убогъ, кто ихъ имѣетъ мало, мало же скорбитъ о томъ и не желаетъ; а богатъ, славенъ и честенъ тотъ, кто можетъ по препорціи своего состоянія безъ долгу вѣкъ жить и честь свою тѣмъ хранить и быть судьбою довольнымъ, роскоши презирать, скупость въ домъ не пускать».

Въ заключеніе всего, что сказали мы выше о В. Н. Татищевѣ, приведемъ слова одного новѣйшаго біографа его, который, разбирая подробно духовное завѣщаніе Татищева, говоритъ между прочимъ:

«Такъ высказывался передъ сыномъ одинъ изъ лучшихъ передовыхъ людей своего времени, питомецъ Петра, въ годину общихъ бѣдствій, въ эпоху власти Бирона, въ минуту собственныхъ неудачь. Нельзя сказать, чтобы взглядъ Татищева на тогдашнія общественныя отношенія отличался широтою и мягкостью... Строгое нравоученіе, осторожность и подозрительность къ жизни, какими проникнута духовная его, вовсе не были новостью ни для того времени, когда онъ писалъ, ни для древней, до-петровской Россіи. Но постоянное желаніе постояннаго и прилежнаго труда, для котораго явилась полная возможность послѣ реформы Петра, отличало Татищева отъ дѣятелей предыдущихъ вѣковъ. Въ немъ искалъ онъ успокоенія отъ трудовъ общественной жизни, въ немъ видѣлъ источникъ нравственной и физической бодрости каждаго человѣка [1])».

Послѣдніе годы своей жизни Татищевъ провелъ въ подмосковномъ сельцѣ Болдинѣ,

[1]) *Н. Поповъ.* В. Н. Татищевъ и его время; стр. 234. Оттуда же заимствованы нами и всѣ вышеприведенные отрывки «Духовнаго Завѣщанія»; см. тамъ же стр. 207—233.

клинскаго уѣзда, среди обычныхъ своихъ занятій исторіей и географіей. Онъ былъ подъ судомъ, которому съумѣли его подвергнуть враги его послѣ того, какъ онъ отказался отъ астраханскаго губернаторства—и судъ этотъ, обвиняя его въ несоблюденіи самыхъ пустыхъ формальностей, привязываясь къ мелочамъ, длился безконечно долго. Василій Никитичъ содержался на домашнемъ арестѣ: при немъ, въ видѣ стражи, находились даже и солдаты сенатской роты. Сынъ его Евграфъ находился на службѣ; а при Василіѣ Никитичѣ жилъ только внукъ, уже взрослый, Ростиславъ Евграфовичъ. Выправляя свои сочиненія, собирая книги, записывая дни явленія метеоровъ и кометъ, бесѣдуя иногда съ знатными путешественниками, которые считали долгомъ навѣстить замѣчательнаго старика въ его уединеніи Татищевъ приближался къ смерти. Въ іюлѣ 1750 года ему стало хуже и онъ захотѣлъ проститься съ сыномъ, который явился вмѣстѣ съ женою на зовъ отца. Намъ сохранился разсказъ внука Татищева о послѣднихъ минутахъ жизни Василія Никитича. Простыя подробности этого расказа на столько интересны, что мы далеко не лишнимъ считаемъ привести ихъ здѣсь. Съ значительнымъ спокойствіемъ и твердостью духа приготовляясь къ смерти, Василій Никитичъ самъ распорядился о томъ, чтобы ему выкопана была на погостѣ, рядомъ съ предками его, могила, и самъ ѣздилъ пригласить къ себѣ на утро духовника своего. «Возвратившись домой, онъ нашелъ тутъ присланнаго изъ Петербурга курьера съ указомъ отъ Императрицы, что онъ найденъ невиннымъ и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Василій Никитичъ написалъ благодарственное письмо къ Государынѣ, отослалъ орденъ назадъ, потому что уже приближался конецъ его жизни, отпустилъ посланнаго — и тогда же снята была находившаяся при немъ стража. Ввечеру, когда, по обыкновенію, пришелъ къ нему поваръ французъ для полученія приказанія, что готовить на слѣдующій день, то онъ сказалъ повару: «я уже болѣе не хозяинъ вашъ, но гость; а вотъ хозяйка (указывая на свою невѣстку)—она тебѣ прикажетъ, что надобно»—примолвя, *что теленокъ начать и есть изъ чего готовить*». На слѣдующій день, исполнивъ всѣ христіанскіе обряды, простившись со всѣми, Василій Никитичъ скончался на 65 году жизни своей, приказавъ напередъ, что когда примѣтятъ, что его душа будетъ разставаться съ тѣломъ, то *чтобы не дѣлали никакого шуму, дабы не продлить мученія тѣла, когда оно разстается съ душею.* Когда же хотѣли снять съ тѣла мѣрку для дѣланья гроба, то столяръ объявилъ, *что онъ уже, по повелѣнію покойнаго, давно сдѣланъ, подъ который ножки онъ, покойный, самъ точилъ*».

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ КН. А. Д. КАНТЕМИРА.

САТИРА ПЕРВАЯ.

Къ уму своему.

(НА ХУЛЯЩИХЪ УЧЕНІЕ.)

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ летящи дни вѣка проводити
Можно и славу достать, хоть творцомъ не слыти.
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестръ. Многи на немъ силу потеряли
Не дошедъ, нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду;
Овцу не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
«Расколы и ереси науки суть дѣти;
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ» —
Критонъ, съ четками въ рукахъ, ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
«Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь, къ церкви соблазну, библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ;

Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чають,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали
Помѣстья и вотчины совсѣмъ не пристали».
Сильванъ другую вину наукамъ находитъ;
«Ученіе», говоритъ, «намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ мы живемъ нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Переявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину [1]),
Ни связи, должно-ль о томъ тужить дворянину:
Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ [2]) то есть дѣло,
Знатнымъ полно [3]) подтверждать, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошелъ, кто души силу и предѣлы
Испытаетъ; кто въ поту томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Прирostетъ-ли мнѣ съ того день въ жизни или въ ящикъ
Хотя грошъ? Могу-ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ годъ! Какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
Коптитъ, небась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
Можно знать различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знаніе, голы все то враки;
Глава-ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
Дать хочешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно — жаръ въ тѣлѣ, отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто не видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
Ни кстати за однимъ пятномъ ночь не спать цѣлу?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою,
Ища, солнце ли движется, или мы съ землею?
Въ часовникѣ можно честь на всякій день года
Число мѣсяца и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ безъ алгебры счислимъ».
Сильванъ одно знаніе слично людямъ хвалитъ,
Что учитъ множить доходъ, и расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдругъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.
Румяный... *Лука* подпѣваетъ:
«Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
Что же пользы иному, когда я запрусь
Въ чуланъ; для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она не долга, на что коротати,
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
Вино даръ божественный, много въ немъ провору;
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ».
Когда по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу».
Медоръ тужитъ, что черезъ-чуръ много бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ; а ему приходитъ,
Что не въ чемъ ужъ завертѣть завитыя кудри:
Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ [4]) двухъ денегъ Виргилій не стоитъ,
Рексу [5]) — не Цицерону похвала достоитъ [6]).
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звенятъ мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть клуши [7])
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того сердце унываетъ.
Сколькоже больше, вмѣсто хвалъ, да хулы терпѣти!

---

[1]) *Чину* — порядку. [2]) *Подлыхъ* — простыхъ людей, худородныхъ. [3]) *Полно* — довольно. [4]) Названіе современнаго портнаго. [5]) Названіе современнаго сапожника. [6]) Слѣдуетъ, приходится, надлежитъ. [7]) Вм. *клюска* т. е. клецка, кусокъ тѣста въ супѣ.

Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти...
Знаю, что можешь, уме, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонравному добродѣтель славить,
Что щеголь, скупецъ, ханжа и тому подобны
Науку должны хулить,—да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уставъ, плюнуть на нихъ можно;
Изрядёнъ, хваленъ [1]) твой судъ; такъ бы то быть должно,
Да въ нашъ вѣкъ [2]) злобныхъ слова умными владѣютъ.
А къ тому-жъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей [3]), которыхъ я, краткости радѣя [4]),
Исчелъ, иль, правду сказать, могъ исчесть смѣлѣе.
Полно-ль того? Райскихъ вратъ ключари святые
И имъ же Ѳемисъ вѣски ввѣрила златые [5]),
Мало любятъ, чуть не всѣ, истинну украсу.
Епископомъ хочешь быть? уберися въ рясу;
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку повели пышно везти предъ тобою,
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословляти нудь [6]) праву и лѣву:
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ? Что съ нея пользы церкви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выписъ позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ; а въ нихъ церкви права
Лучшія основаны и вся церкви слава.
Хочешь ли судьею стать? вздѣнь парикъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Если же кто вспомнитъ тебѣ гражданскіи уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы,—
Плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подьячимъ должно лѣзть на бумажны горы,
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ высшему восходу:
Златой вѣкъ до нашего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство—мудрость одолѣло,
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло [7]).
Подъ митрой гордится то [8]), въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ся дружбы,
Какъ страдавши на морѣ корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не видимъ съ науки,
Ученыхъ хоть голова полна,—пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты [9]),
Тому ужъ и въ самыя молодыя лѣты
Всякая высша степень, мзда ужъ не велика:
Семи мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.
«Нѣтъ правды въ людяхъ,» кричитъ безмозглый церковникъ [10]);
Еще не епископъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю».
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужъ имя свое подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,
Смысля дѣло на бѣло списать письмомъ яснымъ.
Обиднымъ себѣ быть, мнитъ, въ незнати старѣти,
Кому въ роду семь бояръ случилось имѣти,
И двѣ тысячи дворовъ за собой считаетъ,
Хотя впрочемъ ни читать, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша слова и примѣры видя,
Молчи уме, не скучай, въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится;
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

[1]) Т. е. похваленъ. [2]) Въ наше время. [3]) *Недрузей* — отъ единств. ч. *недругъ*. [4]) *Радѣя* — вм. ради. [5]) Т. е. служители правосудія — приказные. [6]) Понуждай. [7]) Т. е. сѣло выше ея однимъ мѣстомъ. [8]) *То* — подразумѣвается: *невѣжество*. [9]) Вм. *цвѣта*. [10]) Т. е. принадлежащій къ духовному званію.

САТИРА ШЕСТАЯ.

(О истинномъ блаженствѣ.)

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
Малый свой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Кое даетъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и среднюю забаву,
Гдѣ-бъ съ другомъ съ другимъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишни часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ-бъ отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межъ мертвыми греки и латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
Учася знать образцомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно:—
Желанія всѣ мои крайни составляетъ.
Богатство, высокій чинъ, что въ очахъ блистаетъ
Люду неискусному, многія печали,
Наноситъ и ищущимъ, и тѣмъ, что достали.
... Рѣдко счастье на своихъ крылахъ кого возводитъ
На высоку степень, и если бываетъ
Столько ласково къ нему, долго въ томъ не знаетъ
Устоять, но въ малый часъ конкомъ его спихнетъ
Одинъ, что стремглавъ летя, не одинъ членъ свихнетъ;
А безъ помочи того труды безконечны
Нужны и терпѣніе, хоть плоды же не вѣчны.
... Нужно еще одолѣть и препятства многи,
Что завистъ кладетъ на всякъ часъ тебѣ подъ ноги.
... Еще еслибъ наша жизнь на два, на три вѣки
Тянулась, не столько бы глупы человѣки
Казались, мнѣнію служа безразсудну,
Меньшу въ пользу большія времени часть трудну
Снося [1]), и довольно дней поправить имѣя
Себя, когда прежніе прожили шалѣя;
Да лихъ человѣкъ родясь, имѣетъ насилу
Время оглядѣться вкругъ, и полѣзть въ могилу,
И столь короткій животъ еще ущербляютъ
Младенство, старость, болѣзнь; а дни такъ летаютъ,
Что напрасно будешь ждать себѣ ихъ возврату.
Что-жъ столь тяжкій сносить трудъ за столь малу плату
Я имѣю? и терять золотое время,
Оставляя изъ дня въ день злонравія сѣмя
Изъ сердца искоренять? и ища степени
Пышны и сокровища, за пустыя тѣни,
Какъ песъ басенный [2]) кусокъ съ зубъ опустилъ мяса?
Добродѣтель лучшая есть наша украса;
Тишина ума подъ ней и своя мнѣ воля
Всего драгоцѣннѣе. Кому богатствъ доля
Мала и славы, тѣхъ трехъ благъ можешь лишиться,
Хотя бы крайней гибели и могъ ущититься.
Глупо изъ младенчества выкли мы бояться
Нищеты, презрѣнія, и тѣ всего мнятся
Зла горчае; потому бѣжишь ты въ другую
Крайность, не зная въ вещахъ мѣру никакую;
Всяко однакожъ предѣлъ свой дѣло имѣетъ;
Кто пройдетъ, кто недойдетъ, подобно [3]) шалѣетъ.
Грѣшитъ пѣстунъ Нероновъ, что тьмы накопляетъ
Сокровищъ съ бѣдствомъ житья; да и тотъ, что чаетъ
Въ бочкѣ имя мудреца достать, часто голодъ
И нравъ терпя, не уменъ...
Можно скудость не терпѣть, богатствъ не имѣя
Лишнихъ, и въ тихомъ углу покоенъ сѣдя;
Можно славу получить, хоть бы за собою
Полкъ людей ты не водилъ, хоть бы предъ тобою
Народъ шапки не сымалъ, хоть бы ты таскался
Пѣшкомъ, и одинъ слуга тебя лишь боялся.
Мудрая малымъ прожить насъ природа учитъ
Въ довольствѣ, коль лакомство разумъ нашъ не мучитъ.
Достать не трудно доходъ не великъ и сходенъ
Съ состояніемъ твоимъ; а потомъ свободенъ
Желаній и зависти тотъ остановися.
Въ степеняхъ блистающихъ именъ не дивися
И богатствъ большихъ; живи тихъ, ища, что честно,
Что и тебѣ, и другимъ пользуетъ нелестно
Къ нравовъ исправленію; слава твоя вѣчно
Между добрыми людьми жить будетъ конечно.
Да хоть бы невѣдомъ дни скончалъ, и по смерти
Свѣту остался забытъ; силенъ ты былъ стерти
Зубъ зависти; ни трудовъ твоихъ мзда пропала:
Добрымъ быть, собою мзда есть уже не мала...

[1]) Т. е. снося меньшую трудную часть времени въ пользу большей части, нетрудной, лучшей.
[2]) Намекъ на извѣстную басню о собакѣ, увидѣвшей свое отраженіе въ водѣ. [3]) Одинаково.

XXIV.

В. К. ТРЕДІАКОВСКІЙ.—БІОГРАФИЧЕСКІЯ ПОДРОБНОСТИ.—УЧЕНЫЕ ТРУДЫ.—УСЛУГИ, ОКАЗАННЫЯ РУССКОМУ СТИХОСЛОЖЕНІЮ. — ЛИЧНЫЙ ХАРАКТЕРЪ ТРЕДЬЯКОВСКАГО И ОТНОШЕНІЕ ЕГО КЪ СОВРЕМЕННИКАМЪ.

Василій Кирилловичъ Тредіаковскій родился въ Астрахани въ 1704 году. Отецъ и дѣдъ его были священники. Въ ранней молодости судьба свела его съ католическими монахами, жившими въ Астрахани съ цѣлью распространенія католицизма между тамошними армянами и въ Персіи, и эта случайная встрѣча опредѣлила будущность юноши; отъ этихъ духовныхъ лицъ Тредіаковскій получилъ первыя свѣдѣнія въ латинскомъ языкѣ и въ словесныхъ наукахъ, которымъ посвятилъ себя впослѣдствіи.

Въ 1723 году онъ, какъ самъ говоритъ, «по охотѣ къ ученію оставилъ природный городъ, домъ и родителей, и убѣжалъ въ Москву». Здѣсь онъ нашелъ случай пристроиться въ Заиконоспасскія школы, т. е. Славяно-греко-латинскую академію, и прошелъ въ ней курсъ схоластическаго ученія. Уже здѣсь онъ сталъ заниматься сочиненіемъ силлабическихъ стиховъ и началъ знакомиться съ западно-европейскою литературою, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми ея произведеніями, писанными на латинскомъ языкѣ. Но одно обстоятельство, не дѣлающее впрочемъ чести нашему юношѣ, помѣшало ему окончить курсъ въ этомъ высшемъ тогда московскомъ училищѣ: онъ написалъ фальшивый видъ какому-то іеродіакону, и, боясь наказанія за эту провинность, оставилъ академію. Въ слѣдъ за тѣмъ онъ «нашелъ способъ уѣхать въ Голландію, гдѣ обучился французскому языку». Это было въ 1726 году. Въ то время одною изъ главныхъ обязанностей русскихъ дипломатовъ за границею было попеченіе о русскихъ молодыхъ людяхъ, отправленныхъ для образованія въ чужіе края. На этомъ основаніи и Тредіаковскій, хотя поѣхалъ за-границу по своей волѣ, прибѣгъ къ покровительству русскихъ пословъ—сперва въ Гагѣ, а потомъ въ Парижѣ. Нашъ посланникъ въ Гагѣ, графъ Головкинъ, далъ ему рекомендательное письмо къ представителю Россіи въ Парижѣ, князю Куракину, но вѣроятно очень скудно помогъ ему деньгами; поэтому Тредіаковскій «съ крайнимъ претерпѣніемъ бѣдности» отправился въ Парижъ, при чемъ большую часть пути прошелъ пѣшкомъ. Въ Парижѣ, пользуясь болѣе щедрымъ покровительствомъ Куракина, Тредіаковскій прослушалъ курсъ математическихъ, философскихъ и богословскихъ наукъ въ Сорбоннѣ и, по обычаю того времени, «содержалъ публичный диспутъ въ Мазаринской коллегіи», о чемъ и привезъ въ Россію засвидѣтельствованный аттестатъ. Въ то время парижскій университетъ сохранялъ еще свою старинную славу, и нѣтъ сомнѣнія, что Тредіаковскій, при своемъ усердіи къ ученію, пріобрѣлъ въ немъ хорошее образованіе; изъ позднѣйшихъ его сочиненій видно, что онъ основательно зналъ латинскую и французскую словесность, а также былъ знакомъ и съ французскою наукою, преимущественно съ областью историческихъ и филологическихъ знаній. Въ тоже время Тредіаковскій писалъ много стиховъ, какъ по-русски, такъ и по-французски; по собственному его сознанію, это также было слѣдомъ вліянія на него французской культуры.

Въ концѣ 1729 года Тредіаковскій возвратился въ Россію съ намѣреніемъ посвятить себя литературной дѣятельности, но безъ опредѣленныхъ практическихъ цѣлей. Но возвращеніе Тредіаковскаго въ Россію послѣдовало въ такое время, которое не благопріятствовало осуществленію его плановъ. Со смертью Петра заботы о русскомъ просвѣщеніи отошли, для правительственныхъ глазъ, на далекій планъ, и мѣсто ихъ заняли придворныя интриги и борьба личныхъ вліяній. Съ воцареніемъ императрицы Анны, господство нѣмецкой партіи наложило свою тяжелую руку на все русское общество, и при такихъ обстоятельствахъ, русскому человѣку, даже очень даровитому и со связями во всемогущей придворной средѣ (каковъ напримѣръ былъ Татищевъ), трудно было съ пользою работать для русскаго образованія. Тѣмъ

менѣе легко было взять на себя подобный подвигъ неродовитому бѣдняку, какимъ былъ Тредіаковскій. Много лишеній и униженій суждено ему было перенести, и нравственный характеръ его не выдержалъ этихъ испытаній: Тредіаковскій сталъ пробивать себѣ дорогу всѣми правдами и неправдами, и болѣе чѣмъ когда нибудь искать покровительства сильныхъ.

Въ 1731 году Тредіаковскій поступилъ въ число переводчиковъ при Академіи Наукъ.

Тредіаковскій

Эта должность была одною изъ полезнѣйшихъ для русской литературы того времени по своему назначенію, и Тредіаковскій былъ здѣсь на своемъ мѣстѣ. Состоя въ этой должности, онъ перевелъ нѣсколько серіозныхъ и обширныхъ сочиненій, которыя были истиннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей литературы; таковы: Сенъ-Ремів... ртиллерійскія Записки (1732 г.), Военное Состояніе Оттоманской имперіи, сочиненіе графа де-Марсильи (1737 г.), и въ особенности Древняя и Римская Исторія Роллена, одно изъ самыхъ дѣльныхъ и въ то же время популярныхъ сочиненій своего времени; многотомный Ролленъ былъ дважды переведенъ Тредіаковскимъ, такъ какъ первый переводъ сгорѣлъ въ пожарѣ, постигшемъ переводчика въ 1746 году.

За недостаткомъ самобытной литературной производительности, переводная дѣятельност при Академіи Наукъ возбуждала мысль о необходимости литературной обработки русскаго слога, и вотъ, подъ вліяніемъ этой мысли, въ началѣ 1735 г., учредилось при академіи «Россійское собраніе» — первое ученое собраніе любителей русскаго слова. Тредіаковскій занялъ въ немъ почетное мѣсто и открылъ его 14 марта 1735 г. рѣчью «о чистотѣ русскаго слога.» По мысли президента академіи, барона Корфа, собраніе предназначалось главнымъ образомъ для исправленія академическихъ переводовъ. Но Тредіаковскій предложилъ ему болѣе обширную задачу. Надобно замѣтить, что еще за пять лѣтъ передъ тѣмъ, издавая первый свой переводъ «Ѣзду въ островъ любви» (1730 г.), Тредіаковскій желалъ замѣнить славянское велерѣчіе тогдашняго русскаго литературнаго языка «самымъ простымъ русскимъ словомъ, то-есть каковымъ мы межъ собою говоримъ». Съ теченіемъ времени это нововведеніе, кажется, и ему самому показалось слишкомъ смѣлымъ, и его идеи о преобразованіи пріобрѣтаютъ болѣе строгости; такъ, въ вышеупомянутой рѣчи своей, ораторъ, ссылаясь на примѣръ знаменитой французской академіи, совѣтовалъ собранію заняться составленіемъ «грамматики доброй и исправной, согласной мудрыхъ употребленію», «дикціонарія полнаго и довольнаго», риторики и стихотворной науки. Но составъ собранія не соотвѣтствовалъ тѣмъ важнымъ трудамъ, совершеніе которыхъ предлагалъ ему Тредіаковскій, и потому изъ всѣхъ этихъ трудовъ былъ предпринятъ только одинъ, и то не всѣмъ собраніемъ, а лично самимъ Тредіаковскимъ: мы разумѣемъ составленіе имъ «Новаго и краткаго способа къ сложенію стиховъ россійскихъ», который былъ изданъ авторомъ въ 1735 году. Эта небольшая книжка составляетъ эпоху въ исторіи русскаго стихотворства: въ ней впервые была изложена теорія русскаго тоническаго стиха, употребляемаго нашими стихотворцами съ тѣхъ поръ понынѣ. Опытъ же сочиненія стиховъ тоническаго размѣра былъ сдѣланъ Тредіаковскимъ еще за годъ до изданія «Способа», именно, по случаю назначенія барона Корфа, 18 сентября 1734 г., президентомъ академіи, Тредіаковскій поднесъ ему стихотворное поздравленіе, которое и есть первенецъ русскаго тоническаго размѣра. Приводимъ здѣсь эту рѣдкость:

новаи достойно украшенному чину превосходительнѣйшему господину

Господину

Іоанну Албрехту барону фонъ-Корффъ

Ея Імператорскаго Величества

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ

дѣйствительному камеръ-геру

нынѣ же

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ІМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

ГЛАВНУЮ ИМѢЮЩЕМУ КОММАНДУ

ПОКОРНѢЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНІЕ

ОТЪ

ВАСИЛІЯ ТРЕДІАКОВСКАГО.

Здѣ сія, достойныи мужъ, что Ти поздравляетъ,
Вящшія и день отъ дня чести толь желаетъ,
(Честь, велика ни моглабъ коль та быть собою,
Будетъ, дастся какъ Тебѣ, вящшая тобою)
Есть Россійская муза, всѣмъ и млада и нова;
А по долгу Ти служить съ прочими готова.
Многи Тя сестры ея славятъ Аполлона;
Уха но не отврати и отъ Росска звона.
Слово красно произнесть та хоть не исправна [1]),
Малыхъ но отцамъ дѣтей и нѣма рѣчь нравна.
Всѣ желанія свои просто Ти износитъ,
Тѣ сердечны пріими, се нижайша проситъ.
Щастлива и весела мудру Ти служити:
Ибо можетъ чрезъ Тебя та достойна быти,
Славны воспѣвать дѣла чрезъ стіхи избранны,
Толь великія въ женахъ Монархіни Анны.

Нечего, кажется, прибавлять, какъ малоудаченъ былъ этотъ первый опытъ Тредіаковскаго. Но какъ бы то ни было, онъ составляетъ важный шагъ впередъ въ развитіи русскаго стихосложенія. Тредіаковскій, во всякомъ случаѣ, первый понялъ, какъ мало свойственна рускому языку метрическая или силлабическая просодія. Читая теорію метрическаго стихосложенія у Смотрицкаго, говоритъ Тредіаковскій, «не можешь удержаться, чтобъ не быть «смѣющимся Демокритомъ непрестанно». Что же касается стиховъ силлабическаго размѣра, то по мнѣнію Тредіаковскаго, приличнѣе ихъ назвать «прозою, опредѣленнымъ числомъ идущею, а мѣры и паденія, чѣмъ стихъ поется и разнится отъ прозы, то есть отъ того, что *не стихъ*, весьма не имѣющею. Основная же мысль тонической теоріи Тредіаковскаго заключается въ томъ, что «долгота и краткость слоговъ въ новомъ семъ россійскомъ стихосложеніи не такая разумѣется, какова у Грековъ и у Латинъ въ сложеніи стиховъ употребляется, но токмо тоническая, то есть, въ единомъ удареніи голоса состоящая, такъ что, сколь греческое и латинское количество слоговъ съ великимъ трудомъ познавается, столь сіе наше всякому изъ Великороссіянъ легко, способно, безъ всякія трудности, и наконецъ, отъ единаго только общаго употребленія знать можно». Къ этой мысли, какъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ, привела его русская народная поэзія. «Даромъ,» говоритъ онъ, «что слогъ ея весьма некрасный отъ неискуства слагающихъ; но сладчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ, нежели иногда греческихъ и латинскихъ, паденіе» внушило ему мысль этого нововведенія. Въ другомъ своемъ сочиненіи онъ свидѣтельствуетъ еще о томъ, что тому нововведенію способствовало знакомство его съ стихотворнымъ размѣромъ Сербо-Далматинцевъ. Въ послѣдствіи Тредіаковскій не разъ возвращался къ теоріи русскаго стихосложенія (между прочимъ защищалъ превосходство хорея надъ ямбомъ) и совершенствовалъ ее въ подробностяхъ. Что касается самыхъ стиховъ тоническаго размѣра, то вскорѣ послѣ нескладныхъ опытовъ Тредіаковскаго, явились благозвучные ямбы Ломоносова и совершено затмили собою попытки изобрѣтателя тоническаго размѣра.

Несмотря однако на свои литературныя заслуги, Тредіаковскій не пользовался даже сколько-нибудь почетнымъ положеніемъ въ русскомъ обществѣ Анненскаго времени. Человѣкъ, котораго общественная роль опредѣлялась только его литературною дѣятельностію, былъ слишкомъ чуждымъ явленіемъ для тогдашнихъ русскихъ людей, да вѣроятно, и самъ Тредіаковскій, чванившійся своими заслугами и въ тоже время унижавшійся до

[1]) Т. е. — но отцамъ пріятна даже и нѣмая рѣчь малыхъ дѣтей.

крайней лести, не умѣлъ держать себя съ достоинствомъ; по этому современники смотрѣли на него почти какъ на шута и не щадили его самолюбія. Это всего лучше доказывается извѣстнымъ его столкновеніемъ съ А. П. Волынскимъ. Надобно вспомнить, что зимою 1740 года, для развлеченія скучающей императрицы, построенъ былъ на Невѣ ледяной домъ, и въ немъ предполагалось сыграть свадьбу одного изъ придворныхъ шутовъ. Волынскому вздумалось поручить Тредіаковскому написать по этому случаю стихи, и онъ велѣлъ кадету Криницыну привезти Василія Кирилловича на Слоновый дворъ, гдѣ происходили приготовленія къ предстоящему торжеству. «Сего 1740 года, Февраля 4-го дня, то есть, въ понедѣльникъ, ввечеру въ шесть или семь часовъ — пишетъ Тредіаковскій,—«пришелъ ко мнѣ, нижеименованному, кадетъ Криницынъ и объявилъ мнѣ, чтобъ я шелъ немедленно въ кабинетъ Ея Императорскаго Величества. Сіе объявленіе, хотя меня привело въ великій страхъ, толь наипаче, что время уже было позднее; однако я ему отвѣтствовалъ, что тотчасъ пойду. Тогда, подпоясавъ шпагу и надѣвъ шубу, пошелъ съ нимъ тотъ часъ, нимало не отговариваясь, и сѣвъ съ нимъ на извощика, поѣхалъ въ великомъ трепетаніи; но видя, что помянутый г. кадетъ не въ кабинетъ меня везъ, то началъ его спрашивать учтивымъ образомъ, чтобъ онъ мнѣ пожаловалъ объявилъ, куда онъ меня везетъ; на что мнѣ отвѣтствовалъ, что онъ меня везетъ не въ кабинетъ, но на Слоновой дворъ и то по приказу Его Превосходительства Кабинетнаго Министра Артемія Петровича Волынскаго. а за чѣмъ, сказалъ, что не знаетъ. Я услышавъ сіе обрадовался, и говорилъ помянутому г. кадету, что онъ худо со мною поступилъ, говоря мнѣ, будто надобно мнѣ было идти въ кабинетъ, а при томъ называя его еще мальчикомъ и такимъ, который мало въ людяхъ бывалъ, а то для того, что онъ такимъ объявленіемъ можетъ человѣка вскорѣ жизни лишить или по крайней мѣрѣ, въ безпамятствіе привести для того, что, говорилъ я ему, Кабинетъ дѣло великое и важное, о че[мъ] онъ у меня и прощенія просилъ, однакожь сердился на то, что я его называлъ мальчикомъ и грозилъ пожаловаться на меня Его Превосходительству А. П. Волынскому, чѣмъ я ему самъ грозилъ; но когда мы прибыли на Слоновый дворъ, то помянутый г. кадетъ пошелъ напередъ, а я за нимъ въ оную камеру, гдѣ маскарадъ обучался, куда вошедъ постоявъ мало, началъ я жаловаться Его Превосходительству на помянутаго г. кадета, что онъ меня взялъ изъ дому такимъ образомъ, который меня въ великій страхъ и трепетъ привелъ; но Его Превосходительство, не выслушавъ моея жалобы, началъ меня бить самъ предъ всѣми толь немилостиво по обѣимъ щекамъ, а притомъ всячески браня, что правое мое ухо оглушилъ, а лѣвой глазъ подбилъ, что онъ изволилъ чинить въ три или четыре пріема. Сіе видя, помянутый г. кадетъ ободрился и сталъ притомъ на меня жаловаться Его Превосходительству, что я его будто дорогою бранилъ и поносилъ. Тогда Его Превосходительство повелѣлъ и оному кадету бить меня по обѣимъ же щекамъ публично; потомъ, съ часъ времени спустя, Его Превосходительство приказалъ мнѣ спроситься, за чѣмъ я призванъ у господина Архитектора и Полковника Петра Михайловича Еропкина, который мнѣ и далъ на письмѣ самую краткую матерію, и съ которой должно мнѣ было сочинить приличные стихи къ маскараду. Съ симъ и отправился въ домъ мой, куда пришедъ, сочинилъ оные стихи, и размышляя о моемъ напрасномъ безчестіи и увѣчьи, разсудилъ по утру, избравъ время, пасть въ ноги Его Высокогерцогской Свѣтлости [1]) и пожаловаться на Его Превосходительство. Съ симъ намѣреніемъ пришелъ я въ покои къ Его Высокогерцогской Свѣтлости по утру и ожидалъ времени припасть къ его ногамъ, но по несчастію туда пришелъ скоро и Его Превосходительство А. П. Волынскій, увидѣлъ меня, спросилъ съ бранью, зачѣмъ я здѣсь? Я ничего не отвѣтствовалъ, а онъ билъ мзня туто по щекамъ, вытолкалъ въ шею и отдалъ въ руки ѣздовому сержанту, повелѣвъ меня отнести въ коммисію и отдать меня подъ караулъ, что такимъ образомъ и учинено. Потомъ, нѣсколько спустя времени, Его Превосходительство прибылъ и самъ въ коммисію и взялъ меня предъ себя. Тогда, браня меня всячески, велѣлъ съ меня снять шпагу съ великою яростію и всего оборвать и положить, и бить палкою по голой спинѣ толь жестоко и не милостиво, что, какъ мнѣ сказывали уже послѣ

[1]) Т. е. Герцогу Бирону.

дано мнѣ съ семдесятъ ударовъ; а приказавши перестать бить, велѣлъ меня поднять, и браня меня, не знаю чего у меня спросилъ: на на что въ безпамятствѣ моемъ, не знаю, что и я ему отвѣтствовалъ. Тогда Его Превосходительство паки велѣлъ меня бросить на землю и бить еще тою же палкою, такъ что дано мнѣ и тогда съ тридцать разовъ; потомъ, всего меня изнемогшаго, велѣлъ поднять и обуть, а раздранную рубашку, не знаю кому, зашить и отдалъ меня подъ караулъ, гдѣ я ночевалъ на среду и твердя наизусть стихи (хотя мнѣ уже и не до стиховъ было), чтобъ оные прочесть въ потѣшной залѣ. Въ среду подъ вечеръ приведенъ я былъ въ маскарадномъ платьѣ и въ маскѣ подъ карауломъ въ оную потѣшную залу, гдѣ тогда мнѣ повелѣно было прочесть наизусть оные стихи на силу. По прочтеніи оныхъ и по окончаніи маскарадной потѣхи, отведенъ я паки подъ караулъ въ коммисію, гдѣ и ночевалъ я на четвертокъ; но въ четвертокъ призванъ я былъ по утру часовъ въ десять въ домъ къ Его Превосходительству, гдѣ былъ взятъ предъ него и былъ много браненъ; а потомъ объявилъ онъ мнѣ, что разстаться со мною хочетъ еще побивши меня, что я услышавъ съ великими слезами просилъ еще Его Превосходительство умилостивиться надо мною всѣмъ уже изувѣченнымъ, однако не преклонилъ его сердце на милость, такъ что тотчасъ велѣлъ онъ меня вывесть въ переднюю и караульному капралу бить меня еще палкою десять разъ, что и учинено. Потомъ повелѣлъ мнѣ отдать шпагу и освободить изъ подъ караула; и призвавъ къ себѣ, отпустилъ меня домой съ такими угрозами, что я еще ожидаю скоро такого же печальнаго отъ него нещастія, буде Господь по душу не сошлетъ.»

Возвратясь наконецъ домой, измученный и избитый, Тредіаковскій послалъ къ своему академическому начальству рапортъ о претерпѣнныхъ имъ оскорбленіяхъ и о необходимости оказать ему медицинскую помощь. Когда же помощь была оказана, и Тредіаковскій выздоровѣлъ, то онъ не замедлилъ. подать Бирону, врагу Волынскаго, челобитную на послѣдняго. Биронъ, давно искавшій случая погубить Волынскаго, представилъ императрицѣ жалобу на него, съ цѣлымъ рядомъ обвинительныхъ пунктовъ, въ числѣ которыхъ была поставлена и обида, причиненная Волынскимъ Тредіаковскому въ герцогскихъ покояхъ. По жалобѣ Бирона императрица рѣшила казнить Волынскаго смертью; Тредіаковскій же не пренебрегъ случаемъ преслѣдовать своего оскорбителя и послѣ смерти: по новой просьбѣ своей, онъ получилъ изъ имѣнья Волынскаго 720 руб. за безчестье и увѣчье.

Этотъ печальный эпизодъ, который такъ мало говоритъ въ пользу нравственныхъ достоинствъ вельможи Волынскаго, не можетъ внушить сочувствія и къ участи оскорбленнаго писателя. Этимъ происшествіемъ объясняется, почему преданіе сохранило такъ много анекдотовъ о Василіѣ Кирилловичѣ, и притомъ такихъ, въ которыхъ онъ изображается или въ смѣшномъ, или даже неблагородномъ видѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что если въ молвѣ общества было преувеличеніе, то вмѣстѣ съ тѣмъ была и справедливая основа. И въ позднѣйшіе года своей жизни низкіе инстинкты души нерѣдко руководили поступками Тредіаковскаго: по недостатку мѣста мы не можемъ подробно разсказывать здѣсь объ его отношеніяхъ къ его литературнымъ соперникамъ — Ломоносову и Сумарокову, но должны сказать, что и въ отношеніи къ нимъ Тредіаковскій считалъ однимъ изъ удобнѣйшихъ средствъ борьбы доносы, въ особенности на ихъ невѣріе: этою чертою окончательно обрисовывается его нравственная личность.

Возвратимся теперь къ литературной дѣятельности Тредіаковскаго. По воцареніи Елисаветы, онъ обратился къ покровительству духовныхъ лицъ, и при ихъ помощи, а также благодаря содѣйствію графа М. И. Воронцова, получилъ званіе профессора россійскаго краснорѣчія въ академическомъ университетѣ. Отъ открылъ свой курсъ 12-го августа 1745 г. словомъ «о богатомъ, различномъ, искусномъ и несходственномъ витійствѣ», которое тогда же и было напечатано. Неизвѣстно, въ чемъ заключалось его преподаваніе, но не подлежитъ сомнѣнію, что это былъ по своему времени курсъ полезный и дѣльный: подъ профессорскимъ руководствомъ Тредіаковскаго воспитались два первые профессора русской словесности въ Московскомъ университетѣ—Поповскій и Барсовъ.

Ко второй половинѣ литературной дѣятельности Тредіаковскаго, кромѣ изданія Ролленовой исторіи и нѣсколькихъ другихъ переводовъ, принадлежатъ слѣдующія оригиналь-

ныя сочиненія: «Разговоръ объ ореографіи» (1748 г.), два тома Сочиненій (1751 г.), трагедія «Дейдамія», стихотворный переводъ Фенелонова Телемака подъ названіемъ «Телемахида» и разсужденіе «о древнемъ, среднемъ и новомъ стихосложеніи россійскомъ». Въ «Разговорѣ объ ореографіи» Тредіаковскій развиваетъ ту мысль, что писать должно такъ, «какъ звонъ требуетъ», т. е., какъ велитъ произношеніе; но мысль эта, не разъ занимавшая филологовъ въ разныхъ странахъ, проведена имъ недостаточно послѣдовательно. Два томика собранія своихъ сочиненій Тредіаковскій называетъ «сработанными для юношества»; въ нихъ помѣщены главнымъ образомъ различныя статьи его по части исторіи и теоріи словесности, между прочимъ, переводы «Науки Стихотворства Горація и Буало. Не смотря на близкое знакомство съ древнею литературою, Тредіаковскій, какъ литературный теоретикъ, былъ послѣдователемъ псевдо-классицизма. Въ то время, когда поэзія считалась дѣломъ не столько личнаго творчества, сколько школьной выучки, для чего требовалось только твердое знаніе литературныхъ правилъ, теоретическія статьи Тредіаковскаго особенно цѣнились и пользовались уваженіемъ нѣскольких послѣдовательныхъ поколѣній. Вѣрный общераспространенному ученію своего вѣка, Тредіаковскій имѣлъ слабость считать себя поэтомъ; между тѣмъ онъ былъ только стихослагатель, да и то весьма неискусный: не даромъ же имя его сдѣлалось въ нашей литературѣ синонимомъ бездарнаго виршеплета! При всемъ томъ, ему принадлежитъ честь введенія въ русское стихосложеніе не только тоническихъ ямбовъ и хореевъ, но и гексаметра, которымъ онъ перевелъ Телемахиду. Впрочемъ о достоинствѣ гексаметровъ Тредіаковскаго можно судить потому, что во всей огромной его поэмѣ другъ Пушкина, Дельвигъ, нашелъ только одинъ хорошій стихъ: «Волны дѣля, корабль изъ очей ушелъ и сокрылся».

Наконецъ, разсужденіе «о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ» любопытно какъ памятникъ историко-литературныхъ свѣдѣній и сужденій Тредіаковскаго о русской литературѣ и какъ изложеніе его позднѣйшихъ мнѣній о тоническомъ размѣрѣ.

Тредіаковскій профессорствовалъ въ теченіи четырнадцати лѣтъ. Послѣдніе годы своей академической службы онъ провелъ въ удаленіи отъ всѣхъ — «ненавидимый въ лицо, презираемый въ словахъ, уничтожаемый въ дѣлахъ, охуждаемый въ искусствѣ, прободаемый сатирическими рогами, изображаемый чудовищемъ, еще и въ нравахъ (что сего безсовѣстнѣе?) оглашаемый, всежь то по злобѣ или по ухищренію, или по чаянію отъ того пользы....» Такъ самъ Тредіаковскій объяснялъ общее нерасположеніе къ себѣ; но мы уже знаемъ, что сослуживцамъ и не за что было любить его. «Въ сокрушеніяхъ и печаляхъ находясь всечасно,» продолжаетъ Тредіаковскій, «лишился я надежды, единственнаго подкрѣпляющаго средства къ произведенію себя въ лучшее состояніе: всѣ пути заграждены для меня. Вотъ же впалъ и въ немощи; а печальми терзаясь и болѣзньми мучась, ожидаю нынѣ токмо, въ крайнемъ безпокойствіи, смерти». Это было писано въ исходѣ 1758 года, а въ слѣдующемъ году Тредіаковскій получилъ отставку. Продолжая заниматься переводами и обработывая «Разсужденіе о древности россійской,» — весьма слабое въ научномъ отношеніи сочиненіе о происхожденіи Варяговъ-Руси, онъ прожилъ еще десять лѣтъ и скончался 6-го мая 1769 года, почти совершенно забытый современниками.

Въ переходную эпоху русской литературы, между XVII вѣкомъ и организаторскою дѣятельностью Ломоносова, Тредіаковскому принадлежитъ довольно видное мѣсто. Онъ оказалъ несомнѣнную услугу русскому просвѣщенію своими переводами; какъ знатокъ теоріи литературы, онъ далъ полныя для своего времени литературныя понятія; наконецъ, какъ филологъ, онъ возбудилъ нѣкоторые любопытные вопросы русской грамматики и метрики. Но желая создать русскій слогъ, онъ писалъ хуже, чѣмъ многіе изъ его современниковъ (не говоря уже о поколѣніи болѣе молодомъ, къ которому принадлежали Ломоносовъ и Сумароковъ); а создавая теорію русскаго тоническаго размѣра, онъ не далъ ни одного хорошаго стиха въ подтвержденіе своего ученія. Вообще говоря, ему нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ знаніяхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ каждаго должно невольно поражать въ немъ и полное отсутствіе таланта.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ТРЕДІАКОВСКАГО.

О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи Россійскомъ.

Приступая къ описанію Новаго нашего Стіхосложенія, нынѣ отъ всѣхъ Стіхотворцевъ у насъ воспріятаго, и многими достохвальными и достопамятными Сочиненіями введеннаго и подтверждаемаго, принужденъ объявить, съ нѣкоторымъ поистиннѣ устыдѣніемъ, и внутреннимъ отвращеніемъ, хотя и сущую правду, что я въ немъ самое первое и главнѣйшее участіе имѣю. Да отпустить мнѣ, покорно прошу каждаго правосерднаго читателя, сіе необыкновенное объявленіе: не дѣлается оно по самолюбному тщеславію, ни въ предосужденіе другимъ, изрядную долю свою послѣ къ тому приложившимъ; но по соединенію изобрѣтенія съ изобрѣтшимъ сперва, для того что не можно упомянуть объ одномъ, не упомянуть о другомъ и толь наипаче, что-я-такъ точно поступалъ и въ описаніяхъ Древняго и Средняго нашего Стіхосложенія, какъ-то всякъ Читатель могъ видѣть. [1])

Но впрочемъ кто-какъ-ни-изволитъ о семъ рассуждать: я токмо доношу самую истину, что по возвращеніи моемъ въ отчество 1730 года, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, началъ я себя производить, по молодости и по Французскому духу, въ Обществѣ нѣкоторыми Стихами, сочиненными по составу Средняго [2]) онаго Стіхосложенія. Читаемы они были отъ нѣкоторыхъ не безъ довольныхъ мнѣ похвалъ, безъ сомнѣнія не по правдѣ, но съ нѣкоторымъ хородомъ збойства и насмѣянія мнѣ приносимыхъ. И какъ-хвалы меня, буйне выспрь стремившагося въ живомъ сложеніи, льстили, то, дабы получить ихъ еще-болѣе, порывался я съ большимъ напряженіемъ къ полученію успѣха въ Стіхахъ. Но, по сочиненіи чего нибудь, на какую пьесу ни посмотрю, вижу что-она не состоитъ Стіхами, выключая Риѳму, но точно странными, нѣкакими прозаіческими строчками. Напослѣдокъ, выразумѣлъ сему быть отъ того, что-въ-нихъ не было никакова, по равнымъ расстояніямъ измѣреннаго, слоговъ количества.

Что больше? Тотчасъ напалъ я на возвышеніе и пониженіе голоса въ складахъ Просодіею, т. е. на Тоническое слоговъ количество. Потомъ не посредственно и на Стопы: ибо кто нападетъ на первое, тотъ не можетъ тогдажъ не напасть на другое. Если голосу на складахъ повышаться нѣсколько по опредѣленнымъ расстояніямъ, т. е., или отъ ударенія къ неударенію, или вопреки падать; то не можно при одинакихъ слогахъ порознь остаться въ мѣрѣ, и невзяться за стопы, двусложныя-ль онѣ, или трисложные. Въ сихъ, по двухъ неудареніяхъ бываетъ возвышеніе; а въ тѣхъ по одномъ. И такъ, взялся я всѣхъ прежде за стопу хорея, въ коемъ одно сперва удареніе, а потомъ краткій слогъ.

Къ хорею меня привело свойство нашего языка, для того что періоды наши чаще и мѣрнѣе оканчиваются Хореемъ; да и Ріѳма наша, какъ-въ-Среднемъ составѣ Стіховъ, такъ и называемая нынѣ женскою, есть точный же хорей: сверхъ того, былъ у меня тогда въ рукахъ нѣкоторый печатный примѣръ Иллірическихъ Народовъ, составленный Хореическими Тетраметрами. Пользуются и нынѣ-еще цѣлою жизнію, кои-видѣли у меня, прежде моего пожара, сію Далматскую книжку: содержала она Притчу Евангельскую о Блудномъ сынѣ. И такъ, троякій сей поводъ привелъ меня къ тому, что я сначала-самаго а именно въ 1735 годѣ, предпочелъ стопу хорея всѣмъ прочимъ. Многія были на меня нападенія за сіе: всѣ я ихъ терпѣливо выдерживалъ, и выдерживая сколько ни доказывалъ правду, что-ни-Хорей не нѣженъ, ни Іамбъ не благороденъ по себѣ, но что та и другая стопа и благородна, и нѣжна по словамъ; однако мало смотрѣли на мои доказательства! пребывали по нынѣ въ своемъ мнѣніи, кому-въ-томъ-была-нужда. Напослѣдокъ, кажется что сами противившіеся познали въ семъ правость, для того что нынѣ, Хореемъ составивши благородную матерію, а Іамбомъ нѣжную, напечатаніемъ восхотѣли они объ-

[1]) Здѣсь авторъ ссылается на начало статьи своей, въ которомъ онъ говоритъ *о древнемъ стихосложеніи Россійскимъ и о среднемъ (силлабическомъ)*; мы это начало опустили и приводимъ здѣсь только конецъ статьи, собственно разсужденіе Тредіаковскаго о новомъ стихосложеніи

[2]) Т. е. силлабическаго.

явить, мнится, свѣту мою истину, а свое напрасное прежде сопротивленіе. Толь есть вѣрно, что истинна коль ни часто, и вмалѣ не всегда, опровергаема и уничтожаема, иногда слабо защищаема, однакожъ никогда не торжествующа не бываетъ.

Но къ предлежащему. Хотя главнѣйшее Основаніе новыхъ моихъ Стіховъ и нашлось вдругъ самое твердое, или лучше жизнь ихъ и душа единственно; однако вся моя система не получила себѣ сперва отъ меня желаемаго мнѣ самому совершенства. Не дивно: таковъ есть Разумъ человѣческій; по степенямъ онъ на верьхъ восходитъ. Весьма уже послѣ привелъ я свою Систему въ надлежащую исправность и полноту: напечатана она недавно въ первомъ Томікѣ книжекъ, названныхъ Сочиненіями и переводами. Теперь ей краткое самое описаніе слѣдуетъ.

Всеобщій и повсюдный грунтъ Системы сея Стіховъ, есть Тоническое [1]) количество: почитается его тотъ слогъ долгимъ въ реченіи, который-ударяется-силою; а тѣ всѣ въ немъ короткими, сколькобъ ихъ ни-было, на коихъ нѣтъ Просодіи. Притомъ, нѣтъ никакова раздѣленія страннаго літерамъ, кромѣ обыкновеннаго: на гласные, двугласные, и согласные.

Односложныя реченія, кои-съ-природы всѣ долгія, для того что нѣтъ реченія, кое-можнобъ было выговорить, не ударивъ его гдѣ нибудь у насъ однажды, полагаются въ немъ, по вольности, общими, то есть, и долгими, и короткими, какъ-того-нужда требуетъ: безъ вольности сея, трудно, или и не возможно, Стіхъ сочинить.

Изъ двусложныхъ Стопъ, приняты въ нея господствующими Стопами, хорей и Іамбъ; за обѣ сіи кладется, по вольности, Стопа Трріхій всюду, кромѣ токмо, что въ Іамбическомъ Стіхѣ не можетъ она быть Пресѣченіемъ: а изъ трисложныхъ, Дактиль и Анапестъ.

Роды Стіховъ ея суть: Гексаметры, Пентаметры, Тетраметры, Тріметры, и Діаметры. Какъ Хореітическій Гексаметръ и Пентаметръ, такъ и Іамбическій, на два Полстишія раздѣляются.

Въ Гексаметрѣ Хореіческомъ первое Полстишіе имѣетъ три стопы съ половиною (половина сія стопы, кончащія реченіе, дѣлаетъ пресѣченіе долгое, для того что во второмъ его Полстишіи, Ріѳміческая послѣдняя половина стопы есть краткая) буде онъ есть женскій стіхъ по Ріѳмѣ, о коей-послѣ; а Пентаметръ двѣ стопы съ половиною, если онъ такой же: но если Гексаметръ и Пентаметръ [2]) есть мужескій по Ріѳмѣ жъ, то первый и второй имѣетъ въ первомъ полстішіи по-три Стопы ровно (конецъ третіея Стопы оканчивающія реченіе, дѣлаетъ Сѣченіе краткое, для того что Ріѳма во второмъ Полстішіи есть односложная долгая.)

Въ Гексаметрѣ Іамбическомъ, мужескомъ и женскомъ, первое Полстішіе всегда и непремѣнно имѣетъ три Стопы ровно, такъ что третія Стопа всегда долженствуетъ быть Іамбъ (конецъ сего Іамба и реченія составляетъ пресѣченіе; а что всегда сему пресѣченію должно быть долгому, то Іамбическій Гексаметръ, состоящій изъ двухъ Тріметровъ мужескихъ, требуетъ сего природно: ибо полная мѣра въ семъ родѣ Стіховъ есть мужескій Стіхъ): а въ Пентаметрѣ Іамбическомъ, мужскомъ же и женскомъ, первое Полстишіе имѣетъ двѣ Стопы [3]) ровно, такъ чтобъ вторая была всеконечножъ Іамбъ для Пресѣченія.

Въ Гексаметрѣ Хореіческомъ женскомъ, второе Полстішіе имѣетъ три Стопы ровно, изъ которыхъ третія Стопа есть Ріѳма; а въ мужскомъ, три Стопы съ половиною, коя половина и есть Ріѳма: но въ пентаметрѣ Хореіческомъ женскомъ имѣетъ онъ три Стопы ровно, а въ мужскомъ двѣ съ половиною.

Какъ въ Гексаметрѣ Іамбическомъ женскомъ, такъ въ Пентаметрѣ, второе Полстішіе имѣетъ три Стопы [4]) съ половиною, а изъ конца третіея Стопы и сея половины, составляетъ Хореіческую женскую Ріѳму: и какъ въ Гек-

[1]) Количество сіе есть собственно такъ называемое въ просодіи: ибо отъ пункта пониженія, къ пункту повышенія, есть Расстояніе, а сіе величина, и потому истинное количество. [2]) Пентаметру Хореіческому можно быть и безъ дѣленія на Полстішія. [3]) Можно быть или тремъ Стопамъ равно. какъ въ Гексаметрѣ. [4]) Должно уже полагать въ Пентаметрѣ Іамбическомъ во второмъ Полстишіи двѣ Стопы для мужескаго Стіха, а для женскаго двѣ Стопы съ половиною, ежели въ первомъ Полстишіи положится по три Стопы. Впрочемъ, есть и Іамбическимъ Пентаметрамъ примѣръ безъ Полстишій, но своевольно.

саметрѣжъ Іамбическомъ мужскомъ, такъ и въ Пентаметрѣ, второе Полстішіе имѣетъ три Стопы ровно, такъ что конецъ третія Стопы, есть Іамбическая односложная Ріөма.

Гексаметръ Дактілическій сочиняетъ сія Система точно Латінскимъ образомъ, полагая токмо вмѣсто Спондеевъ Хореи, и вмѣсто Хореевъ иногда, по вольности, Пірріхіи. Сіежъ самое должно разумѣть и о подражателѣ Дактілохореіческомъ, Анапестоіамбическомъ Гексаметрѣ, мною вновь вымышленномъ, и о Героэлегіаческихъ обоихъ равнымъ образомъ.

Въ сихъ Греческихъ и Римскихъ Стіхахъ, Гексаметровъ, однихъ собою состоящихъ, не соглашаютъ Ріөмами: обидна-бъ была сія Шумиха древнему благородному сихъ народовъ драгоцѣнному безріөмическому Золоту, въ окончаніяхъ Стіховъ: а Героэлегіаческіи вольно, по сей Системѣ, соглашать Смѣшанною Ріөмою, для того что не безъ подлиннаго услажденія слуху происходитъ отъ Сочетанія двусложнаго и односложнаго, и полагать ихъ, по изволенію, безъ Ріөмъ, подобясь древнимъ.

Тетраметры, Тріметры и Діометры, сочиняетъ Система двусложными токмо Стопами, не употребляя въ нихъ Пресѣченія, и не раздѣляя ихъ на два полстішія.

Переносу быть отъ Стіха въ начало другаго Стіха, когда Стіхи съ Ріөмами, накрѣпко запрещаемъ: однако, переносить Разумъ изъ перваго въ другой Стіхъ, въ Гексаметрахъ и Пентаметрахъ, до пресѣченія; и посемъ, свободнѣе уже до самаго конца.

Ріөму употребляютъ двусложную, называя ее Женскою, и односложную, именуя Мужескою.

Полагаемъ иногда Ріөму Непрерывную, то есть, или по двѣ Женскихъ двѣ Мужскихъ, или по двухъ Мужскихъ двѣ Женскихъ; а сіе называется Сочетаніемъ. Такое непрерывное сочетаніе особливо бываетъ въ Гексаметрахъ и Пентаметрахъ; рѣдко въ Строфахъ, Тетраметрами по большей части, а не часто Тріметрами, состоящихъ: ибо въ Строфахъ употребляется Ріөма смѣшанная, то есть, чрезъ Стіхъ, чрезъ два, и чрезъ три, подобно кончающаяся.

Система сія ввела Строфы четырестішныя, и отъ нихъ числомъ идетъ до десятиетишныхъ включительно. Строфы имѣющія чотку Стіховъ, называются правильными, а нечетку— неправильными: Равными изъ равныхъ Стіховъ состоящія, Неравными, изъ неравныхъ Стіховъ по числу Стопъ.

Всѣмъ симъ узаконеніямъ причины, также и нѣкоторыя наблюденія, необходимыя при составѣ Стіха, да видитъ читатель, ежели ему угодно, въ самомъ Способѣ къ сложенію Стіховъ по сей Системѣ, положенномъ въ первомъ Томикѣ Сочиненій и Переводовъ.

Для лучшія ясности, предлагаю здѣсь краткіе примѣры всѣхъ Гексаметровъ только и Пентаметровъ, также и Героэлегіаческихъ: по силѣ и всѣ прочіи составлять способно есть каждому Охотнику.

Гексаметръ Хореіческій.

Есть Всевѣдый, Всеблагій || есть Богъ Всемогущій,
Безъ начала безъ конца || есть вездѣ присущій;
Есть Богъ, о! Евсевій: || всякая проявляетъ тварь,
Что—онъ—есть Создатель || и верховный міру Царь.

Гексаметръ Іамбическій.

Кто—велій толь иный || коль велій есть нашъ Богъ!
О! Боже, чудеса || творишь Единъ въ предлогъ:
Нѣтъ слова, нѣтъ рѣчей, || въ языкѣ земнородныхъ,
Ни мыслей нѣтъ у насъ || пристойно благородныхъ,
Къ понятію всему || пречудныхъ дѣлъ Твоихъ,
Дабы изобразить || довольно силу ихъ.

Гексаметръ Дактілохореіческій.

О! беззаконныхъ сердца, || раздражаете ком—дѣлами
Долго небесную власть: || Божества терпѣливаго бойтесь,
Также и грозно постичь || готовыхъ въ пре | [1]) множествѣ | казней.

Гексаметръ Анапестоіамбическій.

Но знай не обманешь Творца; || и тебя страхъ бурь не очиститъ,
Заглушитъ молитву волна, || презѣльнымъ шумомъ яряся,

[1]) Въ пятомъ мѣстѣ есть всегда Дактиль: но буде стіхъ объявляетъ какую великость, то въ пятомъ мѣстѣ можно быть Хорею, или, вмѣсто его, Пірріхію.

И истящій вѣтръ разнесетъ, || какъ пыль по странамъ возметая:
Благочестивый гласъ мольбы || одинъ небеса | проница | етъ [1]).

Пентаметръ Хореіческій.

Всюду вой! страна || близь лежаща, дальна,
Всякая рыдаетъ || въ горести слезя!
Но Россія коль || по Петрѣ печальна,
Описать такъ живо | никому нельзя.

Пентаметръ Іамбическій.

О! Боже, твой || предѣлъ да сотворитъ,
Да, о Петрѣ || Россія всей въ отраду,
Свѣтило дня || впредь равнаго не зритъ,
Изъ всѣхъ градовъ, || вездѣ Петрову граду.

Гексаэлегіаческій Дактилохореіческій.

Гробъ, Посѣтитель, зришь, || и лютыхъ расскаяній виды!
Дважды мретъ, кто себѣ || смерть по достоинству мнитъ.
Тымъ однакъ удержи || въ умѣ закланяній обиды;
Также рѣчь, Душамъ || коя спокойство чинитъ.

Гексаэлегіаческій Анапестохореіческій.

Беззаконники! прочь отъ сего || удаляйтесь храма священна,
У коихъ сердца || преисполненны сквернѣйшихъ золъ;
Или утробу грызетъ || чью зависть всегда омрачена,
Ненасытно-ль кто || разграбляетъ безсильнѣйшихъ долъ.

Сафическая.

Совѣсть кто въ себѣ || непорочну вѣсть,
Нравовъ | [2]) чисто | та || завсегда въ комъ есть;
Не [3]) бо | ится тотъ || охужденъ пропасти
Водръ и въ напасти.

Гораціанская.

Кедры не всегда || вихремъ ломаются;
Листа не весь годъ || рощи лишаются:
И ведръ послѣ тучь бываетъ.
Въ весну и дерево | процвѣтаетъ.

Се уже описано Новое Стіхосложеніе, начавшееся съ 1736 г., а утвердившееся, и къ совершенству между тѣмъ приведшееся, многихъ нашихъ Стіхотворцевъ Сочиненіями Эпистолярными, Одіческими, Трагіческими, Апологетіческими, и другими поэзіи Родами; хотя прежде нынѣшняго времени и было во многихъ, не знаю почему, предпочтеніе Іамбическому роду Стіха передъ Хореіческимъ: однако и то единственно и всеконечно на основаніи Тоническаго-жъ моего количества; а нынѣ и Хореіческій уже родъ, какъ свойственнѣйшій намъ, воспріемлется нашими Стіхотворцами, а тѣмъ бывшій нашъ споръ разрѣшается по видимому, въ мою пользу. Праведно доношу, что сверхъ естественныя и всеудобныя простоты, сверхъ повсюдныя и неизмѣнныя одноличности и потребности, а вездѣ равныя дѣйствительности количества сего, въ Стіхахъ всякаго рода, наконецъ, сверьхъ гладкаго паденія его, и пріятнаго приряженія къ слуху, слѣдующій еще отъ него преполезный и самый важный плодъ происходитъ, именножъ, есть оно надежнымъ руководствомъ, къ познанію ударяемыхъ слоговъ Просодіею въ реченіяхъ нашихъ: ибо мы, на сіе самое нужное дѣло, не имѣемъ извѣстныхъ правилъ по нынѣ, но токмо съ употребленія тому научаемся.

Чтожъ-до новѣйшія Системы нашему Стіхосложенію, явившіяся у насъ 1745 г., а составленныя нѣкоторымъ ученымъ человѣкомъ; но хотя Авторъ благохвальнымъ мудрествованіемъ своимъ показалъ Россійскому ученому Свѣту великую остроту вымысла; однако если кто-выкинетъ изъ его Системы всѣ ненужныи обходы, крюки, и кривизни, тогда всякъ выдетъ по ней прямо токмо къ Среднему нашему Стіхосложенію, то есть къ Прозаіческимъ строчкамъ. О твердости ея Основаній, Авторъ самъ намъ объявляетъ на концѣ 63 параграфа, говоря: «Буде кто меня спроситъ всему тому причины, я иную (иныя) показать не могу, развѣ что ухо мое (слухъ мой)

[1]) Въ шестомъ мѣстѣ всегда Анапестъ; въ важномъ Стилѣ можетъ быть Іамбъ, но отнюдь ни Хорей, ни Пирріхій. [2]) Пирріхій вмѣсто Хорея, по вольности. [3]) Тожъ.

мнѣ тѣ осторожности совѣтуеть.» Видно и по немногому сему, что Система сія сочинена конечно чужестраннымъ человѣкомъ. Но что и по сей день, ніединъ изъ нашихъ Стіхотворцевъ не употребилъ ея въ дѣло; то вѣроятно пребудетъ она у насъ только для наполненія Історическихъ Росписей разнымъ Составамъ нашего Стіхосложенія.

Ѣзда въ Островъ Любви. Переведено съ французскаго на Русской, чрезъ студента Василія Тредіаковскаго, и прислано его Сіятельству князю Александру Борисовичу Куракину.

Къ Читателю.

Хотя нынѣ много искусныхъ щітаютъ предисловія при книгахъ за весма непотребный придатокъ: однако мнѣ, Доброжелательный Читателю, ни по какой мѣрѣ обойтися было не возможно, чтобъ, дая новую Россійскому свѣту сію книжку, не донесть вамъ о томъ, что до оныя касается, и что вамъ выдать всячески надлежитъ.

Оная выдана на Французскомъ языкѣ въ Парижѣ въ 1713 году, и учинила великую своему творцу славу, (которая всѣмъ охотникамъ и въ мою бытность была памятна) по тому что онъ весьма разумно ея выдумалъ, и могу послѣ всѣхъ доброразсудныхъ сказать смѣло, что она еще первая въ своемъ родѣ такова нашлась.

Будучи въ Парижѣ я оную прочолъ съ великимъ удовольствованіемъ моего серца усладившися весьма какъ разумнымъ ея вымысломъ, стілемъ короткимъ, такъ и віршами очень и гладкими, и пріятными, а наипаче мудрымъ нравоученіемъ, которая она въ себѣ почти во всякой строкѣ замкнула такъ, что я въ тожъ самое время горячее возъимѣлъ желаніе перевесть оную на нашъ языкъ. И хотя силы я тогда, безъ самохвалства вамъ доношу, столько и могъ имѣть дабы мнѣ потрудиться въ переводѣ семъ, но въ продолженіи тамо философіи время мое къ тому меня не допустило. Однако, какъ говорится, чему быть того не миновать: ибо способныи случаи самъ себя мнѣ подалъ къ переводу оныя таковымъ образомъ.

Когда я былъ въ Гамбургѣ по случаю чрезъ нѣсколькое время, гдѣ не имѣя никакова дѣла со скуки я пропадалъ. Между тѣмъ Его Сіятельство Князь Александръ Борисовичь Куракинъ, которыи отеческую и щедрую свою милость и по нынѣ мнѣ кажетъ, повелѣлъ мнѣ чрезъ одно свое письмо изъ Москвы перевесть какую нибудь книжку Французскую на нашъ языкъ, и то для того, дабы всуе мое время не тратилось. Желая дабы чрезъ скорое мое послушаніе такъ великому и свѣтлому моему благотворителю показать, что сколь свято я имѣю его повелѣніе, также съ другой сторонѣ дабы и скука моя не такъ мнѣ была чувствительна, думалъ я долго что какую бы то книжку Французскую начать переводить. Тогда впала мнѣ на разумъ сія, которую я тамъ не безъ трудности сыскалъ у одной дѣвицы очень охотницы до книгъ, и сталъ оную переводить съ такъ великимъ прилѣжаніемъ, что въ мѣсяцъ еще и меньше я совсѣмъ ее окончалъ; а каково, то въ ваше доброе разсужденіе, и совѣстное отдаю безпристрастіе.

Вотъ, Доброжелательный читателю, причина, которая меня побудила сію книжку Французскою учинить Русскою.

Въ протчемъ я ей не чиню никакихъ похвалъ по обыкновенію купцовъ съ совѣстнои ревности и худой свой товаръ похваляющихъ ибо всякъ меня самохваломъ за то можетъ назвать. А почему бы? вѣдь я оныя не творецъ? правда, да я лихъ оную переводилъ; а переводчикъ отъ творца только что именемъ разнится. Еще донесу вамъ больше, ежели творецъ замысловатъ былъ, то переводчику замысловатѣе надлежитъ быть (я не говорю о себѣ, но о добрыхъ переводчикахъ). А буде кто тому не вѣритъ, тому я способно могу доказать еще Математическимъ Методомъ, что я правду сказалъ. Ау! я не думая по Философски ужъ и ссорюсь ни зачто! Но полно бранитца. Пора помиритца.

И такъ вы сами прочетъ, Доброжелательный Читателю, изволите узнать, каковј сія книга подаетъ утѣху, сладость, и пользу нравоучительную, и уповаю, буде не обманываюсь, что и другимъ ту имѣете хвалить.

На меня, прошу васъ покорно, не изволите погнѣваться, (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны) что я оную не славенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ

простымъ Русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межь собою говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенскій есть у насъ языкъ церковный; а сія книга мірская. Другая: языкъ славенскій въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очень теменъ, и многія его наши читая неразумѣютъ. А сія книга есть Сладкія Любви, того ради всѣмъ должна быть вразумительна. Третія: которая вамъ покажется может быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что языкъ словенскій нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не токмо я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми: но за то у всѣхъ я прошу прощенія при которыхъ я съ глупословіемъ своимъ словенскимъ особымъ Рѣчеточцемъ хотѣлъ себя показать.

Ежели вамъ, Доброжелательный Читателю, покажется, что я еще здѣсь въ свойство нашего природнаго языка не умѣтилъ, то хотя могу только похвалиться, что все мое хотѣніе имѣлъ, дабы то учинить; а колиже не учинилъ, то безсиліе меня къ тому не допустило, и сего, видится мнѣ, довольно есть къ моему оправданію.

Я много самъ въ себѣ молча славлюсь и для того только что я могъ какъ нибудь оную перевесть: ибо она, хотя не велика, да мудра, и въ томъ могутъ мнѣ всѣ тѣ повѣрить, которые чли ея на Французскомъ, а наипаче оные, которые для справки хотятъ ея отвѣдать перевесть. Къ томужъ, въ чемъ со мною всякъ не можетъ не согласиться, переводя вирши, Французскія на наши, великую я трудность имѣлъ: ибо надлежало не потерять весма разума Французскаго сладости и силы, и всегда имѣть русскую Риѳму. Можетъ статься, что вы не будете довольны разумомъ моихъ виршей. Того ради, прошу хотя оныхъ Риѳмы за благо принять, ибо они весьма во всемъ прямыя русскія, въ чемъ я ссылаюсь на всѣхъ Спаскаго моста стіхотворцевъ, даромъ что они не много мнѣ могутъ пользы учинить чрезъ свое освидѣтельствованіе въ мѣрѣ стопъ, въ количествѣ слоговъ, въ пресѣченіи, и въ родѣ стіховъ, для того что они излагая свои Рацеи на тѣ правила не смотрятъ, а чтобъ сказать да не солгать, можетъ быть и не знаютъ. Но я уповаю, что знающіи имѣютъ мнѣ въ томъ справедливость учинить.

Теперь, Доброжелательный Читателю, сами извольте разсуждать, чего мой трудъ достоинъ; потому смотря ласково или съ презрѣніемъ его принять; а лучше бы было, воспріемлю смѣлость мое мнѣніе вамъ предложить, ежелибъ желали вы видѣть оный благопріятнымъ окомъ: ибо тѣмъ, безъ сумнѣнія, имѣете меня ободрить за другое полезнѣйшее дѣло взяться, а учтивостью вашею всегда хвалиться.

ѢЗДА ВЪ ОСТРОВЪ ЛЮБВИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КЪ ЛІЦІДѢ.

Я за справедливое нахожу, любезныи мои Ліціда, чтобъ вамъ извѣстіе учинить о мнѣ, и во отсутствованіи такжде чрезъ цѣлый годъ дабы наконецъ васъ освободить отъ нетерпѣливаго безпокойства, въ которое васъ привело безъизвѣстіе о моемъ состояніи. Я во многихъ перебывалъ чужестранныхъ краяхъ отъ того времени, какъ я съ вами разлучился. Но не можно васъ увѣрить въ состояніи, въ которомъ я нынѣ нахожусь, что буду-ль я имѣть довольно силы къ описанію вамъ моего пути. Сіе еще умножитъ настоящее мое несчастіе, ежели мнѣ надобно будетъ возобновить въ памяти моеи то, которое уже прошло; и такъ же сіе не имѣетъ какъ возрастить мою болѣзнь, ежели мнѣ надлежитъ мыслить о оныхъ роскошахъ, отъ которыхъ мнѣ неосталось какъ горькое токмо воспоминовеніе. Однако я уповаю что сіе мнѣ имѣетъ быть къ великому моему утѣшенію, ежели я учиню вамъ, наилучшему отъ моихъ друговъ, вѣденіе о моихъ печаляхъ, и о моихъ веселіяхъ: ибо печальная жалоба не мало чинитъ пользу злосчастнымъ. Того ради я имѣю позабыть всю скорбь, разсказывая вамъ мою исторію, и хотя на малое время, однако потщуся также перестать частыя и глубокія испускать воздыханія.

Душа моя, сирѣчь всю мою скорбь хоть на время,
Уньльте, мои очи, слезныхъ потоковъ бремя;
Перестань жаловаться на нещастіе, мой гласъ;
Позабудь, и ты сердце, кручину на малъ часъ.
Знаю, что вы въ несчастьи, и то чрезъ жестоту
Варварской и несклонной судьбины въ долготу.
Будьте въ малой роскоши, хоть и всѣ костыли.
И помните, что долго вы нещасливы были.

Уже тому цѣлый годъ, какъ вы сами вѣдаете, отнелѣже я сѣлъ въ корабль на Океанѣ, со многими лицами всякаго возраста и всякаго чина, изъ которыхъ многія были забіяки и поѣхали въ одну землю, которая называется Роскошь.

Наше плаваніе тихое весма было чрезъ многіе дни; но когда мы хотѣли пристать къ одному острову, гдѣ мы думали отдохнуть и повеселиться, тогда встала превеликая буря, и вѣтръ такъ сильной, что онъ насъ бросилъ съ великою наглостью къ другому берегу напротивъ того, на который мы хотѣли войти. Насъ тамъ било чрезъ четыре или пять часовъ, но потомъ оная буря затихла, и солнце появилось на небѣ такъ красно, что оно таково никогда не бывало: а мы нашлися близко одного острова, у котораго берега украшены были очень прекрасными садами. Мы возъимѣли тотчасъ любопытство, чтобъ намъ вѣдать, какъ оной островъ называется: а по счастію нашелся одинъ человѣкъ въ нашемъ кораблѣ, который бывалъ въ томъ островѣ, и оной намъ слѣдующее сказалъ:

Насъ близко теперь держитъ при себѣ Африка,
около мѣстъ прекрасныхъ моря Атлантика.
А сей островъ есть Любви и такъ онъ зовется,
куды всякъ человѣкъ въ свое время шлется.
Стары и молодыя Князья и подданны
дабы видѣть сей островъ, волнили быть странны.
Здѣсь на землѣ со временъ все что, ужъ нибыло
то въ сихъ мѣстахъ имѣло желаніе мило.
Разно сухой путь сюды ведетъ водный,
и отъ всѣхъ странъ въ сей островъ есть путь пресвободный.
Стать, любовность, прикраса, пріязнь съ красотою,
имѣютъ всѣ пристани сія за собою.
И привлекая всяка чрезъ любовны средства,
никто ихъ не убѣгнетъ вышедши изъ дѣтства.

Когда оной человѣкъ намъ сказывалъ сіе; мы въ то время часъ отъ часу все ближе подъѣзжали къ оному острову. А когда онъ пересталъ говорить, мы уже близко его такъ были, что мы могли все видѣть въ немъ безъ всякой трудности.

Въ семъ мѣстѣ море не лило,
какъ бы самой малой потокъ.
А пресладкій Зефиръ тихо,
дыша отъ воды не высокъ,
Чинитъ шумъ пріятной весьма
во играніи съ волнами.
И можно сказать, что сама,
тамъ покоится съ вещами
Натура, для всѣмъ покой.
премногія красятъ цвѣты.
Чрезъ себя прекрасный берегъ той,
и хотя чрезъ многи лѣты,
Но всегда не увядаютъ;
розы, тюлипы, жесмины
Благовонность испускаютъ,
ольеты, также и крины:
Правда, что нѣтъ во всѣмъ свѣтѣ
сихъ цвѣтовъ лучше и краше;
Но въ томъ мѣстѣ въ самомъ лѣтѣ,
не на нихъ зритъ око наше.

Правда, что по всему тому берегу видишь премножество изрядныхъ диковинокъ: красоты, пріязни, прикрасы, и стати всѣ вмѣстѣ тамъ гуляютъ. Но одно сіе меня очень во удивленіе привело, когда я увидѣлъ, что престарѣлыя и нехорошія слѣдовали за тѣмижъ веселіями. Оной упомянутой человѣкъ, который намъ сказалъ, имя тому острову, примѣтивъ во мнѣ мое удивленіе такъ мнѣ началъ говорить:

Купидъ чрезъ свои стрѣлы ранитъ человѣковъ
и, понежъ онъ есть всѣхъ царей сильнѣйшій,
Признанъ въ небѣ, на земли, въ мори отъ всѣхъ вѣковъ;
подъ разнымъ видомъ также свой старѣйшій
Даетъ законъ, и часто для отмщенья скора
надъ безпристрастнымъ ко всѣмъ женскимъ лицомъ
Употребляетъ своей силой безъ разбора,
дамъ его сердце не краснымъ дѣвицамъ.

Когда онъ мнѣ говорилъ сіе, тогда я началъ смотрѣть съ прилежаніемъ, какого не имѣлъ я никогда обычайно, на одну дѣвицу,

которая гуляла по берегу того острова. Оная дѣвица была посреди красотъ и статей, у которыхъ она затмѣвала ясность чрезъ блистаніе своего прекраснаго лица; и я вамъ признаваюсь, что она меня тотчасъ въ восхищеніе привела,

Ибо она имѣла все, что юность слична
имѣеть, и разслабить чѣмъ сердце обычна.
Зракъ весма свѣжій, краску, величество сладко,
а бѣлизну румяну, лице также гладко.
Розъ и лилей при грудѣ смѣшенье любимо,
чудило сдаться очамъ ея необходимо.

Между тѣмъ мы увидѣли съ десять или съ двѣнадцать малыхъ стружковъ, которые отвалили отъ берегу. Оные стружки всѣ были украшены благовонными цвѣтами: снасти всѣ на нихъ имѣлись шелковыя разныхъ красокъ, и превмножество маленькихъ купідінчиковъ гребло въ весла. Зефіры, которые около ихъ летая вѣяли, и которые своимъ сладкімъ благоуханіемъ вмѣстѣ съ онымъ происходящимъ отъ цвѣтовъ непрестанно въ нихъ дуя, наполняли воздухъ благовоніемъ всепріятнѣйшимъ; и тако сему маленькому флоту помогали плыть въ тишинѣ. Когда сей флотикъ приплылъ къ нашему кораблю, тогда тотчасъ мы услышали концертъ удивительной на многихъ инструментахъ, при которыхъ три весма хорошія голоса пѣли слѣдующія рѣчи:

Всѣ хотящія съ желаньемъ полнымъ
насладиться здѣсь въ животѣ радостей,
Приставайте къ намъ съ сердцемъ вселюбовнымъ:
безъ Любви нѣту никакой сладости.

Въ тожъ самое время Зефіры, летая около насъ подавали намъ свои руки, и чрезъ свой сладкій усмѣхъ казалось что они насъ просили, дабы намъ слѣдовать за ними; всѣ сіи восхитительныя диковинки меня такъ обворожили, что я сталъ быть весь внѣ себя. Желаніе горячее, которое я имѣлъ, дабы мнѣ увидѣться съ оною покланяемою красотою, которую я видѣлъ и которая меня въ восхищеніе привела, такъ же въ самой тотъ часъ не знаю что иное, которое засѣло уже въ моемъ сердцѣ, принудило меня намѣреніе воспріять, чтобъ мнѣ побывать въ томъ островѣ. И тако я подалъ мои руки, а Зефіры тотъ часъ меня подхвативъ посадили въ одинъ изъ тѣхъ стружковъ, въ которой купідінчики меня приняли со многимъ засвидѣтельствованіемъ дружбы.

Многіе изъ тѣхъ, которыя были со мною на кораблѣ, слѣдовали за мною, также и многія на томъ кораблѣ несходя остались и которыя смѣялись надъ нами. Я очень удивился ихъ жестотѣ, съ которою они намъ кричали въ слѣдъ въ смѣхѣ:

Ступайте дружки, скоро, ищите веселья,
что Любовь вамъ вдохнула.
Вы намъ разскажите все потомъ отъ бездѣлья;
Только бъ смерть васъ неcдула!

Между тѣмъ мы плыли съ музыкою играющей и поющей, и всякъ изъ насъ имѣлъ на головѣ вѣнцы изъ цвѣтовъ сплетенныя и по краткомъ времени пристали мы къ острову.

Глава XXV.

ЗНАЧЕНІЕ ЛОМОНОСОВА. — БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНЬЯ О НЕМЪ. — ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ УЧЕНАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ. — ЛОМОНОСОВЪ, КАКЪ ПОЭТЪ И ПИСАТЕЛЬ; ЗАСЛУГИ ЕГО ПО ИЗУЧЕНІЮ ТЕОРІИ ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

На рубежѣ той эпохи нашего историческаго развитія, которой справедливо дано названіе «эпохи преобразованій», и которая такъ ярко отразилась въ умственной и нравственной жизни нашего общества, является всредѣ русскихъ учено-литературныхъ дѣятелей колоссальная личность крестьянина-академика, геніальнаго Ломоносова. Богатая почва народная, не оскудѣвшая въ теченіе многихъ вѣковъ мрака и застоя, взрытая и поднятая вновь трудолюбивою и могучею рукою богатыря-царя, насѣявшаго на Руси первыя сѣмена европейской образованности, принесла и обильный плодъ, породивъ изъ нѣдръ своихъ богатыря-академика, могучаго борца за интересы русской науки и русскаго просвѣщенія.

Личность Ломоносова (р. 1711, ум. 1765) стоитъ какъ разъ на рубежѣ эпохи преобразованій, и потому самому, отражая въ своемъ колоссальномъ образѣ всѣ черты современной ему русской умственной жизни, въ тоже время носитъ въ себѣ и всѣ задатки, всѣ сѣмена ея будущаго развитія и роста. Вотъ почему его одинаково удобно можно отнести и къ концу предшествующаго періода литературнаго и къ началу слѣдующаго, новаго періода. Концу предшествующаго періода принадлежитъ онъ какъ послѣдній въ ряду тѣхъ дѣятелей литературныхъ, которые были одновременно и литераторами, и учеными, и при томъ болѣе учеными, нежели литераторами, которые и на самую литературу смотрѣли или какъ на пріятное препровожденіе досуга, или какъ на необходимую, условную форму для выраженія извѣстныхъ мыслей и стремленій, или наконецъ, какъ на офиціальную обязанность. Концу того же періода принадлежитъ онъ и по воспитанію своему, въ основаніи котораго легли всѣ элементы нашей образованности XVII вѣка, начиная съ учебниковъ, написанныхъ Полоцкими, Магницкими и Смотрицкими, оканчивая курсомъ наукъ въ Московской славяно-греко-латинской Академіи, — этомъ высшемъ образовательномъ центрѣ, какой способна была произвести Русь XVII вѣка. Но послѣ того, какъ ему удалось извлечь изъ русской почвы всѣ здоровые соки, какіе она могла представить для развитія его ума и геніальныхъ способностей, Ломоносовъ получилъ возможность воспользоваться всѣми выгодами обширнаго университетскаго образованія заграницей; оттуда вынесъ онъ свои свѣтлые взгляды на науку, свое глубокое пониманіе общественныхъ и народныхъ нуждъ современной ему Россіи; оттуда же заимствовалъ онъ и тѣ образцы литературныхъ произведеній, которымъ съумѣлъ удачно подражать, и которыя послужили на долгое время образцами литературнаго языка и слога для нашихъ писателей прошлаго вѣка. Новый литературный языкъ, выработанный изъ богатыхъ и обильныхъ стихій роднаго слова, такъ близко знакомыхъ Ломоносову, какъ человѣку, выдвинувшемуся изъ народной массы—этотъ новый литературный языкъ ведетъ свое начало несомнѣнно отъ Ломоносова. Господство языка церковно-славянскаго было, правда, поколеблено уже и до Ломоносова, въ эпоху петровскихъ реформъ; но литературный языкъ петровскаго времени, отвергнувъ старое, сбросивъ съ себя иго церковнаго авторитета, не представлялъ однакоже въ себѣ никакихъ задатковъ для дальнѣйшаго своего развитія: это была не болѣе какъ грубая, пестрая смѣсь самыхъ разнородныхъ, самыхъ противуположныхъ элементовъ, чуждыхъ другъ другу, чуждыхъ и самому духу русскаго языка, заимствованная на русскую литературную почву лишь на время, по крайней необходимости, вслѣдствіе неимѣнія ничего своего, роднаго, что бы могло удовлетворить современнымъ потребностямъ умственнымъ, что бы могло дать возможность совладать съ страшнымъ наплывомъ новыхъ идей. Стремясь освободить русскую литературу и науку отъ тяжкаго преобладанія чужеземнаго элемента и вызвать рус-

скаго человѣка къ самодѣятельности на этомъ трудномъ поприщѣ, Ломоносовъ прежде всего позаботился о созданіи новаго литературнаго языка. Этимъ онъ выполнилъ великую историческую задачу и справедливо пріобрѣлъ отъ современниковъ и ближайшаго потомства названіе «отца» нашей новой литературы. Именно эта сторона его дѣятельности и даетъ ему право стать во главѣ того новаго періода русской литературы, начало котораго хотя и совпадаетъ съ царствованьемъ Елисаветы, но который отчетливо и ясно сталъ обозначаться лишь въ началѣ царствованія Екатерины Великой.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ родился въ нынѣшней Архангельской губерніи, въ Куростровской волости (на островѣ Двины), въ деревнѣ Денисовкѣ, близъ г. Холмогоръ. Отецъ его, крестьянинъ Василій Дороѳеевъ, занимался рыбнымъ промысломъ, и сына своего также съ раннихъ лѣтъ сталъ пріучать къ тому же промыслу; до 16-ти лѣтняго возраста Михаилъ Васильевичъ помогалъ своему отцу и раздѣлялъ съ нимъ всѣ труды и опасности, неразлучные съ жизнью нашего сѣвернаго поморянина-рыбака. Не разъ приходилось ему на легкомъ гальотѣ совершать дальніе переѣзды по Бѣлому морю, въ Колу, Соловки и другія прибрежныя мѣстности, съ грузомъ или для закупки соли; случалось бывать съ отцомъ на промыслахъ даже и въ Сѣверномъ Ледовитомъ Океанѣ. Нельзя отрицать того, что впечатлѣнія дѣтства и ранней юности Ломоносова сильно повліяли на развитіе личнаго характера его; проводя жизнь среди трудовъ безпокойной промысловой дѣятельности, среди опасностей и лишеній, среди странствованій по непривѣтнымъ и бурнымъ волнамъ сѣверныхъ морей, въ непосредственной близости къ сѣверной природѣ, суровой и пустынной, но тѣмъ не менѣе величественной, Ломоносовъ закалился физически и нравственно и, самъ того не зная, приготовилъ себя къ будущей общественной дѣятельности своей, которая требовала громаднаго запаса силъ и желѣзной воли, несокрушаемой никакими препятствіями. Притомъ же и смышленость, практичность, быстрота соображеній, независимость въ образѣ мыслей и самостоятельность воззрѣній на предметы—главныя отличительныя черты народнаго типа въ нашемъ сѣверномъ поморскомъ краю, проявились и въ личности Ломоносова, въ которомъ ни образованіе, ни дальнѣйшая жизнь не могли стереть этого типа. Рано удалось Ломоносову выучиться грамотѣ отъ матери, которая была дочерью дьячка изъ селенія Матигоры, въ Холмогорскомъ же уѣздѣ. Вѣроятно подъ ея же вліяніемъ онъ рано пристрастился и къ чтенію. По нѣкоторымъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, въ раннемъ періодѣ своей юности, Ломоносовъ вовлеченъ

Ломоносовъ.

былъ даже въ расколъ, который такъ много имѣлъ приверженцевъ на нашемъ сѣверѣ; поддаться вполнѣ религіознымъ воззрѣніямъ раскольниковъ Ломоносовъ не могъ при своемъ здравомъ умѣ и сильной волѣ, но чтеніе духовныхъ книгъ и толки о вѣрѣ вѣроятно еще болѣе способствовали развитію въ немъ природной пытливости и страстнаго желанія учиться. Псалтирь, переложенная въ стихи Симеономъ Полоцкимъ, грамматика Смотритскаго и Ариѳметика Магницкаго—эти первыя книги, изъ которыхъ Ломоносову удалось почерпнуть свои первыя знанія—вскорѣ перестали удовлетворять его любознательности. Къ тому же и самыя условія домашней жизни значительно ухудшились: мѣсто матери, оказывавшей благотворное вліяніе на сына, заступила злая и сварливая мачиха, о которой самъ Ломоносовъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ, пишетъ, что она

«всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ, представляя, что онъ всегда сидитъ по пустому за книгами. Для того многократно (онъ) принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ». Такое положеніе сдѣлалось наконецъ невыносимо для юнаго Ломоносова; къ тому же и страстное желаніе учиться одолѣвало его—и онъ рѣшился бѣжать въ Москву. Это произошло вѣроятно зимою 1729 года. Претерпѣвъ много всякихъ бѣдъ и лишеній, по прибытія въ Москву, Ломоносовъ наконецъ успѣлъ попасть въ число студентовъ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи (съ 15 Января 1731 г.), гдѣ и пробылъ около пяти лѣтъ, начавъ курсъ съ самаго начала. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ въ письмѣ къ И. И. Шувалову свое пребываніе въ этомъ учебномъ заведеніи:

«Обучаясь въ Спасскихъ[1]) школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолимую силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никого дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи (у него) одинъ, его оставилъ, оставилъ и все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ (1731—1736) и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники, малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться!» Однако же болванъ лѣтъ въ двадцать оставилъ всѣхъ школьниковъ назади, и, обративъ на себя вниманіе учителей своими замѣчательными способностями, не терялъ ни минуты времени для пріобрѣтенья новыхъ знаній; и въ этомъ отношеніи академическая библіотека много помогала ему своимъ довольно обильнымъ запасомъ книгъ и рукописныхъ хронографовъ, изборниковъ, лѣтописей. Вниманіе Ломоносова особенно привлекли нѣкоторыя сочиненія, относившіяся къ естественнымъ наукамъ. Учителя его, большею частью воспитанники Кіевской духовной Академіи, указывали ему на это заведеніе, какъ на такое, въ которомъ онъ могъ бы найти полное удовлетвореніе своему стремленію къ изученію наукъ физико-математическихъ. По совѣту ихъ, онъ отправился въ Кіевъ въ 1734 году, думая посвятить себя занятію этимъ отдѣломъ знаній; но преподаваніе академическое своими пріемами и размѣрами не могло уже удовлетворить Ломоносова: онъ вернулся въ Москву. Здѣсь его собирались было постригать въ священники, предполагая отправить въ Корелу: какъ вдругъ счастливая случайность указала ему тотъ путь, которымъ ему надлежало слѣдовать. Въ Петербургъ потребовали изъ Московской Академіи двѣнадцать лучшихъ воспитанниковъ для пополненія Академической Гимназіи. Вѣроятно по недостатку въ такихъ «лучшихъ воспитанникахъ», окончившихъ курсъ, отправленъ былъ въ числѣ двѣнадцати и некончившій курса Ломоносовъ, находившійся тогда въ классѣ философіи. Въ Петербургѣ Ломоносову, въ теченіе того же года, посчастливилось попасть въ число молодыхъ людей, которыхъ правительство посылало за границу для окончанія образованія и пріобрѣтенья свѣдѣній по нѣкоторымъ спеціальнымъ отраслямъ знанія.

«1736 г. марта 7-го дня Императорская Академія Наукъ тогдашнему Имп. Кабинету докладомъ представили, что ежели нѣсколько молодыхъ людей послать въ Фрейбергъ къ горныхъ дѣлъ физику Генкелю для обученія металлургіи, то можно туда послать *Густава Ульриха Райзера*, *Димитрія Виноградова* и *Михайлу Ломоносова*[2]). На содержаніе ихъ въ каждый годъ потребно 1200 р. «....» и хотя у нихъ изъ сей суммы въ Фрейбергѣ по нѣсколько рублей останутся, однакожъ достальныя деньги пригодятся имъ на проѣздъ ихъ въ Голландію, Англію и Францію, куда имъ необходимо

[1]) Такъ называетъ Ломоносовъ Академію, потому что она находилось при Заиконоспасскомъ монастырѣ.

[2]) Ломоносову показано было тогда 22 года отъ роду.

ѣхать должно для смотрѣнія славнѣйшихъ тамъ лабораторій химическихъ». Августа 18, въ томъ же году, трое студентовъ, Райзеръ, Виноградовъ и Ломоносовъ «по резолюціи Академіи Наукъ съ данною имъ инструкціею посланы въ Марбургъ; каждому изъ нихъ на содержаніе ихъ опредѣлено по 300 рублей (а не по 400, какъ предполагалось первоначально) въ годъ; которыя деньги, кромѣ содержанія, употреблять имъ *и на проѣздъ, и на другіе потребные расходы.* Остальные 300 рублей (изъ опредѣленной кабинетомъ суммы 1200 р.) удержать въ казнѣ на заплату въ потребномъ случаѣ чрезвычайныхъ расходовъ и проѣздныхъ денегъ, ежели они поѣдутъ далѣе въ Голландію, Англію и Францію». Три года спустя, это ничтожное содержаніе отправленныхъ за границу молодыхъ людей было еще болѣе обрѣзано. Въ 1739 году, въ мартѣ, по резолюціи за подписаніемъ бывшаго тогда президента г. камергера барона Корфа опредѣлено, чтобы имъ на содержаніе ихъ въ Фрейбергѣ впредь отпускать на годъ каждому *не болѣе 150 р.*, и «оныя деньги не къ нимъ самимъ, но г-ну горныхъ дѣлъ физику Генкелю посылать на заплату изъ того на кушанье, квартиру, дрова, свѣчи и другіе потребные расходы». Вообще, по сохранившимся оффиціальнымъ документамъ мы изъ года въ годъ знаемъ всѣ расходы Академіи на молодого Ломоносова за все время его пребыванія за границей въ Марбургѣ и Фрейбергѣ. Со дня отъѣзда изъ Петербурга въ 1736 г. по 1741 г., на его долю выслано было Академіею 1779 р. 81 к.—т. е. круглымъ счетомъ менѣе 300 р. сер. въ годъ, считая въ томъ числѣ и расходы на содержаніе, и плату профессорамъ за обученіе. Нечего, конечно, удивляться тому, что молодые люди, посланные за границу, страшно бѣдствовали и въ Марбургѣ, и во Фрейбергѣ, тѣмъ болѣе, что и это скудное содержаніе высылалось имъ Академіею не всегда аккуратно, и, присланное за границу, не выдавалось имъ непосредственно на руки, а подлежало опекѣ ихъ руководителей-профессоровъ. А между тѣмъ Ломоносову, конечно, въ эту пору юности хотѣлось жить также широко, шумно и разгульно, какъ жило около него все современное ему нѣмецкое студентство... Тяжкіе труды и усиленную дѣятельность научную, чрезвычайно разнообразную и многостороннюю, хотѣлось невольно украсить хоть какимъ нибудь весельемъ: и вмѣсто этого приходилось сносить лишенія, горькую нужду, а впослѣдствіи и преслѣдованье за долги! Надо предполагать, что къ этому періоду жизни Ломоносова относится пріобрѣтенье нѣкоторыхъ дурныхъ привычекъ, которыя потомъ неоставляли его въ теченіе всей его жизни и были отчасти причиною его ранней кончины. Но никакая нужда, никакія страданія не могли отбить у него охоты къ занятіямъ науками; все, что извѣстно намъ о его пребываніи за границей, свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что онъ тамъ трудился неутомимо и не терялъ времени даромъ. Знаменитый ученый и профессоръ того времени при Марбургскомъ Университетѣ, Христіанъ Вольфъ, которому порученъ былъ надзоръ за занятіями трехъ русскихъ студентовъ, постоянно доставлялъ въ письмахъ своихъ къ президенту Академіи Блюментросту самые похвальные отзывы о прилежаніи и способностяхъ студента Ломоносова, который быстро успѣлъ овладѣть нѣмецкимъ языкомъ и сталъ посѣщать въ университетѣ лекціи преимущественно по математическимъ наукамъ, хотя занимался и философіей, и даже медициной. Добросовѣстный Вольфъ не скрываетъ отъ начальства Академіи, что русскіе студенты, порученные ему, отличаются неумѣньемъ обращаться съ деньгами, ведутъ жизнь разгульную и распущенную, обременены долгами; онъ обвиняетъ ихъ въ разныхъ безпорядкахъ, но въ то же время съ большою похвалою отзывается онъ о занятіяхъ и талантахъ студента Ломоносова, котораго постоянно отличаетъ отъ двоихъ товарищей его, выражая совершенно искренно надежду на то, что деньги на него потрачены не даромъ, и что его, какъ ученаго, ожидаетъ блестящая будущность. Точно также лестно отозвался Вольфъ о Ломоносовѣ и въ томъ аттестатѣ, который выданъ былъ ему въ 1739 году, отъ Университета. Изъ Марбурга Ломоносовъ ѣздилъ во Фрейбергъ (въ Саксоніи), для практическихъ занятій металлургіей подъ руководствомъ Генкеля; лѣтомъ 1740 занимался онъ на Гарцѣ изученіемъ на мѣстѣ горнаго дѣла. Въ тоже самое время, онъ слѣдовалъ и академической инструкціи, на основаніи которой ему и товарищамъ его предписывалось, кромѣ наукъ, изучать языки: латинскій, французскій и нѣмецкій, не оставляя упражне-

ній и въ русскомъ. Вслѣдствіе этого, между 1736 и 1741 гг. Ломоносовъ неоднократно доставлялъ въ Академію свои первые опыты ученыхъ изслѣдованій, писанные на латинскомъ языкѣ, писалъ на нѣмецкомъ свои «доношенія» и наконецъ представилъ также и первые опыты литературные въ совершенно новомъ родѣ. Такъ въ 1738 г. прислалъ онъ свою оду изъ Фенелона, переведенную въ Марбургѣ хореическими стихами («Горы, толь что дерзновенно» и т. д.), въ 1739 г. прислалъ извѣстную «Оду на взятіе Хотина», которая долгое время считалась первымъ нашимъ тоническимъ стихотвореніемъ; къ ней было приложено—«Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства [1])».

Въ 1740 г. Ломоносовъ женился въ Марбургѣ на дочери одного изъ тамошнихъ портныхъ, бывшаго членомъ марбургской городской думы и церковнымъ старшиной. Матерьяльное положеніе Ломоносова, вслѣдствіе этого, сдѣлалось вскорѣ почти невыносимымъ; онъ вынужденъ былъ даже на время бѣжать изъ Марбурга, скрываясь отъ преслѣдованья за долги. Здѣсь, до самаго возвращенія его въ Россію, наступаетъ довольно темный и мало извѣстный намъ періодъ его біографіи; предполагаютъ даже, что, во время своихъ скитаній по Европѣ, онъ, около Дюссельдорфа, встрѣтился съ партіею прусскихъ вербовщиковъ, которые его напоили, записали въ рекруты и увели на службу въ крѣпость Везель; что онъ успѣлъ оттуда спастись бѣгствомъ, вернулся въ Марбургъ, и оттуда, уже съ разрѣшенія Академіи, поѣхалъ въ Петербургъ, оставивъ въ Марбургѣ жену и дочь. Самъ Ломоносовъ поясняетъ только что «хотя Шумахеръ получалъ на студентовъ, отправленныхъ за границу изъ Статсъ-Конторы 1200 рублевъ впередъ на цѣлый годъ», однакоже «отправленнымъ изъ Марбурга въ Фрейбергъ для обученія рудныхъ дѣлъ опредѣлилъ жалованья токмо по 150 рублевъ. Обѣщанныхъ напередъ тамошнему совѣтнику Генкелю за обученіе ихъ химіи 1200 р. не прислалъ же. Почему Генкель присылаемыя студентамъ на содержаніе деньги сталъ удерживать за собою, чево они не могли больше вытерпѣть и стали просить своего пропитанія, требуя справедливости. Но онъ съ великою запальчивостью въ деньгахъ отказалъ, а ихъ вонъ отъ себя выслалъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ Ломоносовъ отъѣхалъ въ Марбургъ къ Волфу; какъ своему благодѣтелю и учителю....» Отсюда, въ ноябрѣ 1740 г. Ломоносовъ писалъ въ Академіѣ о своемъ возвращеніи и въ февралѣ 1741 года «на проѣздъ и на платежъ долговъ получилъ токмо сто рублевъ, и выѣхалъ за Волфовымъ поручительствомъ въ отечество». Въ Академическихъ документахъ значится, что» 1741 г. іюня 8 дня г. профессоръ Ломоносовъ, пріѣхалъ сюда назадъ изъ Марбурга», а въ 1742 г. «Января 8 дня г. Ломоносовъ по резолюціи Академіи Наукъ впредь до указу Пр. Сената и академической резолюціи здѣланъ адъюнктомъ съ жалованьемъ по 300 р., въ годъ, *включая въ то число дрова, свѣчи и квартиру* съ 1-го января 1742 г.»

Но и это скудное содержаніе досталось Ломоносову, какъ видно, не безъ затрудненій. Прибывъ въ іюнѣ 1741 г. въ столицу, «студентъ Михайло Ломоносовъ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года специменъ своей науки въ конференцію подалъ, которой отъ всѣхъ профессоровъ оной конференціи такъ апробованъ, что сей специминъ и въ печать произвесть можно». Несмотря на то, до Января слѣдующаго года онъ оставался безъ мѣста и вѣроятно тѣснимый нуждой и бѣдами всякаго рода, рѣшился наконецъ подать на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ изложилъ, что еще въ 1736 году «указомъ даннымъ изъ высокаго кабинета, отправленъ онъ былъ въ Германію въ Марбургъ и Фрейбергъ для наученія металургіи, математики и философіи съ такимъ обнадеженьемъ, что ежели онъ указанныя ему науки приметъ, то опредѣлить его экстраординарнымъ профессоромъ и впредь по достоинству производить». «Во оныхъ городахъ будучи» —продолжаетъ Ломоносовъ— «я черезъ полпята года не токмо указанныя мнѣ науки принялъ, но въ физикѣ, химіи и натуральной гисторіи горныхъ дѣлъ такъ произошелъ, что онымъ другихъ учить и къ тому принадлежащія полезныя кни-

[1]) Оба эти произведенія—и «Ода на вз. Хотина» и «Письмо»—переданы были, по порученію Академіи, на разсмотрѣніе адъюнкту Адодурову, который одобрилъ и теорію версификаціи, предлагаемую Ломоносовымъ, и стихи, написанные на основаніи ея.

ги съ новыми инвенціями писать могу, въ чемъ и академіи наукъ специмины моего сочиненія, и притомъ отъ тамошнихъ профессоровъ свидѣтельства въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго 1741 году съ докладомъ подалъ. И хотя я академію наукъ многократно о опредѣленіи моемъ просилъ, однако она на мое прошеніе никакого рѣшенія не учинила и я, въ такомъ оставленіи будучи, принужденъ быть въ печали и огорченіи»... И только уже на это прошеніе воспослѣдовало вышеприведенная нами резолюція академіи объ опредѣленіи Ломоносова адъюнктомъ.

И такъ, съ перваго шага въ Россію, съ перваго шага въ академію, Ломоносовъ ужъ встрѣчаетъ разныя затрудненія и, по видимому, возбуждаетъ противъ себя даже нѣкоторыя опасенія со стороны преобладавшей въ то время въ академіи нѣмецкой партіи. Русскій человѣкъ, да притомъ же еще человѣкъ талантливый и трудолюбивый, былъ словно помѣхою въ этомъ учрежденіи, которое сложилось около того времени почти исключительно изъ однихъ нѣмецкихъ ученыхъ, и притомъ сложилось такъ неудачно, что всѣ научные интересы ака-

Академія Наукъ во времена Ломоносова.

деміи оказывались въ рукахъ академической канцеляріи, которая всѣмъ заправляла, всему могла дать жизнь или всему воспрепятствовать по одному произволу такихъ ловкихъ въ интригѣ людей, какъ Шумахеръ, очевидно заботившійся не о наукѣ, а о своемъ личномъ благосостояніи. Не даромъ заслужилъ онъ отъ современныхъ профессоровъ названіе «бича профессоровъ» (Flagellum professorum):—горе тому, кто рѣшался не заискивать у Шумахера, въ рукахъ котораго находилось и жалованье профессоровъ, и управленіе всѣми дѣлами академической канцеляріи! Отсюда то, изъ этого неправильнаго отношенія академической канцеляріи къ конференціи академіи, рождался цѣлый рядъ самыхъ безобразныхъ явленій въ кругу ученыхъ членовъ академіи: сплетня, интрига, доносы другъ на друга, ухаживанье за Шумахеромъ и его любимцами, ссоры и чуть не драки въ самыхъ засѣданіяхъ академическаго собранія!.. И въ этотъ то омутъ пришлось окунуться молодому Ломоносову, горячему и пылкому, часто даже необузданному въ своихъ поступкахъ, но въ то же время совершенно безкорыстно, исключительно преданному интересамъ науки, далекому отъ всякихъ житейскихъ расчетовъ и

соображеній. Отношенія его къ академіи незамедлили опредѣлиться тотчасъ послѣ вступленія его въ число преподавателей академическихъ.

Въ сентябрѣ 1742 г. Ломоносовъ началъ читать лекціи студентамъ по физической географіи, химіи и «исторіи натуральной о рудахъ, тако же обучать въ стихотворствѣ и штилѣ россійскаго языка». Съ того же сентября начинаютъ сыпаться на его голову и разныя бѣды. Широкая и необузданная натура помора, — раздражаемаго препятствіями и стѣсненіями, которыми отовсюду окружали его непривычные академическіе порядки, — стала проявляться въ небрежномъ и презрительномъ отношеніи къ окружающимъ, въ «продерзостяхъ» передъ конференціей академіи, даже въ буйныхъ выходкахъ противъ нѣмцевъ. Ни одна изъ этихъ выходокъ, конечно, не обходится Ломоносову даромъ: за буйство Ломоносовъ попадаетъ въ полицію; за «продерзости» противъ конференціи онъ исключается изъ числа ея членовъ и теряетъ право присутствованія на ея засѣданіяхъ... Напрасно пытается онъ поправить свою неосторожность: нѣмцы-академики, очень довольные возможностью избавиться отъ безпокойнаго сотоварища, не внемлютъ никакимъ просьбамъ и на всѣ попытки Ломоносова снова войти въ конференцію отвѣчаютъ систематическимъ отказомъ и устраненіемъ его отъ всѣхъ дѣлъ. Такое непомѣрно строгое отношеніе къ Ломоносову со стороны людей, которые тоже не отличались особенною деликатностью обращенія и развѣ только искуснѣе его умѣли скрывать свои «продерзости», еще сильнѣе раздражило Ломоносова. Устраненный отъ участія въ дѣлахъ, тѣснимый нуждою, окружаемый отовсюду препятствіями въ своихъ любимыхъ занятіяхъ, онъ въ тоже время не могъ не сознавать, что большинство стоявшихъ около него ученыхъ было ниже его и по знаніямъ, и по способностямъ: — отсюда снова цѣлый рядъ вспышекъ и «продерзостей», проявленію которыхъ еще много способствовало и то, что, подъ вліяніемъ своего тягостнаго положенія, Ломоносовъ былъ склоненъ часто искать утѣшенія въ винѣ. «Апрѣля 26 числа того же 1743 года»—такъ гласитъ одинъ изъ дошедшихъ до насъ документовъ—«былъ у насъ въ географическомъ департаментѣ г. адъюнктъ Ломоносовъ напившись пьянъ; первый разъ не скидавая шляпы съ себя, и пришедши къ моему мѣсту, гдѣ я[1]) географическую карту рисовалъ, спрашивалъ меня: «што де у васъ, не назвавши никакъ, тамъ который сидитъ въ конференціи, што де онъ чванится, и што де о онъ себѣ думаетъ», гдѣ я ево спросилъ, не господинъ ли профессоръ Винсгеймъ, на что онъ отвѣщалъ да... и возвратно ушелъ въ конференцію и побывши тамъ малое время вторично пришелъ къ намъ и ставши у стола, гдѣ мы рисуемъ, и сталъ кричать и бранить (Винсгейма) пуще прежняго и что де онъ вить де капитанъ и я де капитанъ, и я де календарь и самъ сочиню не хуже его, на что сталъ ему г. Трескотъ говорить, что де худо кричать здѣсь да еще притомъ въ шляпѣ; а ты де што за человѣкъ, спрашивалъ ево (Ломоносовъ), ты де адъюнктъ, кто де тебя здѣлалъ, Шумахеръ! говори со мною по латинѣ: онъ (Трескотъ) отвѣтствовалъ, что я не умѣю, на что онъ (Ломоносовъ): ты де дрянь, никуда не годисся и не достойно произведенъ, и притомъ бранилъ Шумахера и воромъ называлъ и прочихъ гг. профессоровъ также бранилъ...»

Въ началѣ мая всѣ профессора академіи уже обратились къ начальству съ коллективной жалобой на Ломоносова, въ которой послѣ изложенія его поступковъ заявляли между прочимъ: «всепокорнѣйше просимъ приказать онаго Ломоносова арестовать, и разсмотря показанное намъ отъ него несносное безчестіе и неслыханное ругательство, повелѣть учинить надлежащую правильную сатификацію, безъ чего *академія больше состоять не можетъ*, потому что ежели намъ въ такомъ поруганіи и безчестіи остаться, *то никто отъ иностранныхъ государствъ впредь на убылыя мѣста пріѣхать не захочетъ*, также и мы себя за недостойныхъ признавать должны будемъ, безъ возвращенія чести нашей, служить Ея Императорскому Величеству при академіи, понеже во всѣхъ государствахъ, гдѣ есть академіи; такого ругательнаго примѣра, какъ намъ случилось, не бывало»...

[1]) Показаніе студента Чадова.

Въ числѣ обвинительныхъ пунктовъ противъ Ломоносова видимъ между прочимъ и слѣдующее:... «Ломоносовъ бранилъ всѣхъ *которые ему отказали въ конференціи* [1]), позорною нѣмецкою бранью. (Винсгеймъ) отвѣтствовалъ: «изрядно, я запишу и донесу въ надлежащемъ мѣстѣ», и на то де Ломоносовъ сказалъ: «я самъ столько разумѣю, сколько профессоръ, *да къ тому де я природный русскій*». И надѣвъ шляпу, повторилъ тѣже рѣчи позорною нѣмецкою бранью, и называлъ всѣхъ ворами, которые ему отказали отъ конференціи, а потомъ съ гордою и презрительною поступкою пошелъ въ географическій департаментъ».

По жалобѣ и прошенію профессоровъ, Ломоносовъ былъ арестованъ въ маѣ 1743 г., и несмотря на неоднократныя свои просьбы объ освобожденіи, продержанъ подъ арестомъ до января 1744 года, когда наконецъ конченъ былъ разборъ его дѣла и по указу императрицы Ломоносовъ выпущенъ изъ подъ ареста. Въ указѣ значится: «онаго адъюнкта Ломоносова *для его довольнаго обученія отъ наказанія освободить*, а въ объявленныхъ, учиненныхъ имъ, продерзостяхъ у профессоровъ просить ему прощенія; а что онъ такія непристойныя поступки учинилъ въ конференціи, за то давать ему Ломоносову жалованье въ годъ по нынѣшнему его окладу половинное; ему жъ, Ломоносову, въ канцеляріи правительтвующаго сената объявить съ подпискою, что ежели онъ впредь въ таковыхъ продерзостяхъ явится, то поступлено будетъ съ нимъ по указамъ неотмѣнно».

Горькій опытъ и тяжкая нужда, которая не переставала угнетать молодого и горячаго ученаго, наконецъ научили его быть нѣсколько болѣе осмотрительнымъ и сдержаннымъ въ своихъ поступкахъ и менѣе давать воли своему негодованію. Какова была нужда, которой Ломоносовъ подвергался около этого времени, т. е. до 1744 года, это видно изъ сохранившихся намъ академическихъ документовъ. Такъ напримѣръ намъ извѣстно, что 19 февраля 1743, въ канцеляріи академической доложены были просьбы секретаря Тредьяковскаго и адъюнкта Ломоносова о выдачѣ имъ въ счетъ жалованья *за истекшій 1742 г.*— первому 10 рублей, второму—*сколько заблагоразсудится*. Опредѣлено первому выдать 10 рублей, второму—*пять*! Въ маѣ того же года Ломоносовъ изъ подъ ареста подаетъ въ канцелярію академіи просьбу о выдачѣ того же заслуженнаго имъ за прошлый 1742 г. жалованья и указываетъ на свою крайнюю нужду. На это прошеніе разрѣшаютъ ему выдачу жалованья только за одинъ мѣсяцъ истекшаго года. Въ іюлѣ—новая просьба Ломоносова, еще ближе знакомящая насъ съ положеніемъ его дѣлъ: «Хотя я нижайшій прошлаго 1742 года за двѣ трети жалованье и получилъ, однако что чрезъ полтора года забралъ изъ канцеляріи по указамъ, все то у меня изъ оныхъ (двухъ третей) вычтено; притомъ же и долги заплатилъ, и затѣмъ у меня нижайшаго ничего не осталось. А понеже академіи уже извѣстно, что нынѣ я содержусь отъ слѣдственной коммисіи подъ карауломъ, и чтобы надлежало въ домѣ (издержать, а издерживается и въ домѣ, и имъ отдѣльно отъ дома), то не малое излишество въ издержкѣ происходитъ. Того ради Академію Наукъ покорно прошу дабы указомъ Ея Императорскаго Величества повелѣно было *для моей необходимой нужды въ платьѣ*, выдать мнѣ прошлаго 1742 года хотя за два мѣсяца жалованья». По этому прошенію опредѣлено выдать *«за неимѣніемъ денегъ»* всего *десять рублей*! 29 ноября 1743 года въ журналѣ канцеляріи Академіи Наукъ снова видимъ весьма поучительную для потомства запись: «по доношенію адъюнкта Михаила Ломоносова, которымъ требовалъ о выдачѣ ему *для его пропитанія* (!) на счетъ его жалованья книгами, какими онъ пожелаетъ по цѣнѣ на 80 рублевъ, выдать ему, Ломоносову, изъ книжной лавки». Изъ другой подобной же записи (отъ 4 іюля 1744 г.) узнаемъ мы и о томъ, какое помѣщеніе занималъ въ это время Ломоносовъ: «съ адъюнкта Ломоносова *за двѣ въ (академическомъ домѣ* [2]) *каморки*, въ которыхъ онъ живетъ, вычесть изъ его жалованья,... считая съ каморки по рублю на мѣсяцъ, и впредь вычитать по то время, пока онъ въ оныхъ пробудетъ, ибо ему жалованье производится съ прочими адъюнктами равное, а тѣ адъюнкты квартиры имѣютъ собственныя».

---

[1]) Т. е. тѣхъ, которые устранили его отъ участія въ засѣданіяхъ конференціи. [2]) Этотъ академическій домъ находился на Васильевскомъ острову, около нынѣшняго Тучкова моста, на набережной Малой Невы.

По самому тону этой записи видно, что возможность занимать двѣ каморки въ академическомъ домѣ, при томъ еще платя за нихъ деньги, считалась какъ-бы нѣкоторою льготою, особеннымъ преимуществомъ адъюнкта Ломоносова передъ другими адъюнктами; но не слѣдуетъ забывать, что хоть въ вышеупомянутой записи и сказано, будто Ломоносовъ получаетъ *«жалованье съ прочими адъюнктами равное»*, однакоже ему въ это время все еще продолжали выдавать только половинный адъюнктскій окладъ, вычитая остальную половину по указу Правительствующаго Сената въ наказаніе «за его непорядочные поступки». Хотя въ іюлѣ 1744 г. Ломоносовъ и былъ наконецъ избавленъ отъ этого тяжкаго наказанія и полный окладъ ему возвращенъ, однакоже можно себѣ представить, каково долженъ былъ бѣдствовать Ломоносовъ, получавшій въ Петербургѣ въ теченіе цѣлыхъ полутора года всего на все по сту восьмидесяти рублей въ годъ, т. е. по 15 р. сер. въ мѣсяцъ! Принявъ это въ расчетъ, можно-ли удивляться тому, что онъ дѣйствительно нуждался и въ одеждѣ, и даже въ пропитаніи, какъ онъ совершенно искренно высказываетъ въ своихъ вышеприведенныхъ нами запискахъ и прошеніяхъ, и что расходъ въ два рубля, вычитаемые у него за квартиру, долженъ былъ для него являться весьма значительнымъ расходомъ. Въ іюнѣ 1745 года Ломоносовъ возведенъ былъ въ профессорское званіе, а съ марта 1746 года начинаетъ получать и профессорское жалованье, по 660 р. въ годъ. Въ слѣдующемъ году получаетъ онъ и довольно изрядную казенную квартиру; но крайняя бѣдность все еще продолжала держать его въ своихъ желѣзныхъ тискахъ, такъ какъ ему приходилось постоянно уплачивать старые долги свои, да къ тому же и жалованье выдавалось Академіею неакуратно, и по прежнему часто выдавалось книгами изъ академической книжной лавки. По крайней мѣрѣ въ ноябрѣ и декабрѣ 1747 года и даже въ началѣ 1748 мы опять встрѣчаемся съ прежними «доношеніями» Ломоносова (уже профессора, а не адъюнкта), въ которыхъ онъ проситъ о скорѣйшей выдачѣ ему заслуженнаго за прошлые мѣсяцы жалованья «для его крайнихъ нуждъ, и что жена его находится въ великой болѣзни, а медикаментовъ купить не на что» и т. д.

Только съ конца 1748 года денежныя обстоятельства Ломоносова начинаютъ нѣсколько поправляться, вѣроятно вслѣдствіе одновременнаго полученія имъ 2,000 р. въ подарокъ отъ Императрицы за его «оду въ день восшествія на престолъ Елисаветы Петровны», поднесенную Государынѣ президентомъ Академіи Наукъ, графомъ Разумовскимъ.

Но и въ двухъ каморкахъ, и среди тяжкой нужды въ первѣйшихъ насущныхъ потребностяхъ и среди множества непріятностей и препятствій, представляемыхъ молодому русскому ученому нѣмецкой администраціей Академія, и даже подъ арестомъ за «непорядочные поступки»—Ломоносовъ не оставляетъ своихъ непрерывныхъ занятій наукою, трудится, дѣлаетъ опыты, пріобрѣтаетъ на послѣдній грошъ книги, сносится съ учеными, изобрѣтаетъ новые способы изслѣдованій, и постоянно расширяя кругъ своихъ занятій, наконецъ положительно заваливаетъ академію отчетами о своей неутомимой и разносторонней дѣятельности и невольно обращаетъ на себя вниманіе самыхъ враговъ своихъ. Съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства и силъ, твердо уповая въ свое будущее и постоянно стремясь къ развитію своей дѣятельности, Ломоносовъ въ апрѣлѣ 1745 года подаетъ въ канцелярію Академіи, на Высочайшее имя, прошеніе, въ которомъ говоритъ: «Указомъ, даннымъ изъ высокаго кабинета и по опредѣленію академіи посланъ былъ я, нижайшій, въ Германію... для наученія физики, химіи и горныхъ дѣлъ съ такимъ обѣщаніемъ, что ежели я указаннымъ мнѣ наукамъ обучусь и о томъ подамъ свидѣтельства и специмины, то по моемъ возвращеніи опредѣлить меня нижайшаго профессоромъ... Я черезъ полпята года указаннымъ мнѣ наукамъ обучился и сверхъ того въ математикѣ и въ другихъ полезныхъ наукахъ довольное основаніе положилъ. Минувшаго 1741 л. ордеромъ, присланнымъ отъ Академіи Наукъ призванъ, я нижайшій изъ Германіи возвратно, и подалъ въ оную Академію свидѣтельство и спициминъ о моей наукѣ, которые отъ всѣхъ профессоровъ аппробованы; а потому я нижайшій опредѣленъ при той же Академіи адъюнктомъ физическаго класса.... Въ бытность мою при Академіи Наукъ трудился я, нижайшій, довольно въ переводахъ физическихъ, химическихъ и піитическихъ съ Латинскаго, Нѣмецкаго и Французскаго языковъ на Россійскій и сочинилъ на Россійскомъ

же языкѣ горную книгу и Риторику, и сверхъ того въ чтеніи славныхъ авторовъ, въ обученіи назначенныхъ ко мнѣ студентовъ, въ изобрѣтеніи новыхъ химическихъ опытовъ, *сколько за неимѣніемъ химической лабораторіи быть можетъ*, и въ сочиненіи новыхъ диссертацій съ возможнымъ прилежаніемъ упражнюсь; чрезъ что я нижайшій къ вышеупомянутымъ наукамъ больше знанія присовокупилъ. Но точію я по силѣ онаго обѣщанія профессоромъ не произведенъ, отчего къ большему произысканію оныхъ наукъ ободренія не имѣю». Въ заключеніе, Ломоносовъ просилъ о томъ, чтобы его пожаловали профессоромъ химіи. Вслѣдствіе этого прошенія, Академія Наукъ не могла отказать Ломоносову въ повышеніи, и сама ходатайствовала о возведеніи его въ званіе профессора химіи. «Специмины» Ломоносова, «аппробованные» Академіею, посланы были на разсмотрѣніе иностраннымъ ученымъ, и одинъ изъ знаменитѣйшихъ современниковъ Ломоносова, извѣстный математикъ Эйлеръ, далъ о нихъ такой лестный отзывъ [1]), что уже не оставалось болѣе мѣста никакимъ сомнѣніямъ относительно значенія учености и талантливости новаго профессора. Волей-неволей приходилось признавать въ Ломоносовѣ то, чего не отвергали въ немъ первѣйшіе изъ современныхъ ему ученыхъ знаменитостей, и въ слѣдующемъ же 1746 году Академія удостоила своего новаго профессора самымъ лестнымъ отзывомъ. Отзывъ этотъ былъ сдѣланъ по поводу того, что Ломоносовъ сталъ просить о выдачѣ ему отъ Академіи тѣхъ денегъ, которыя были ему, по его разсчету, недоданы за все время его пребыванія за границей. Ссылаясь на долги, оставленные въ Германіи, онъ требуетъ. чтобы назначенныя ему въ это время деньги были ему доданы; «и хотя бы такихъ долговъ по мнѣ въ Германіи не имѣлось, однако всю опредѣленную сумму на мое содержаніе и обученіе выдать надлежитъ, по примѣру всѣхъ посылающихся для обученія въ чужія государства, которымъ даются деньги всѣ сполна напередъ, не требуя отъ нихъ никакого щету. Сверхъ сего опредѣленная на меня сумма *не вотще, но къ подлинной пользѣ и чести государственной употреблена*, что доказываетъ мое законное произведеніе въ адъюнкты и профессоры». На прошеніе послѣдовала розолюція академіи, на основаніи которой, — «за такіе реченнаго Ломоносова предъ прочими товарищи ево ревностные труды и особливую ево предъ ними къ пользѣ государственной дѣйствительно полученную науку и за разные въ бытность здѣсь въ Россіи къ пользѣ и чести Академіи оказанные услуги»—рѣшено выдать ему, Ломоносову, означенную недодачу (380 р. 10½ к.), происшедшую въ бытность его въ Марбургѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ. Недодача эта, по тогдашнему обычаю, выдана была Ломоносову книгами изъ академической книжной лавки.

Ободренный этими первыми успѣхами, гордый вѣрою въ свои силы и горячо преданный интересамъ «любезнаго ему Россійскаго отечества», Ломоносовъ съ этого времени (т. е. съ конца 40-хъ годовъ) вступаетъ въ новый и лучшій періодъ своей жизни, наиболѣе обильный проявленіями его дѣятельности какъ ученаго, какъ литератора, какъ представителя современнаго ему русскаго общества, на пользу котораго онъ готовъ былъ всѣмъ жертвовать, этотъ періодъ жизни Ломоносова, ознаменованный для него славою и успѣхами, начавшійся при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, на основаніи которыхъ Ломоносовъ, повидимому, могъ ожидать исполненія въ будущемъ самыхъ блестящихъ надеждъ и плановъ — этотъ періодъ его жизни можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ мало-способнымъ оказывалось современное геніальному Ломоносову общество къ поддержкѣ людей передовыхъ, прокладывавшихъ новые пути для русскаго просвѣщенія, указывавшихъ обществу новыя цѣ-

[1]) «Всѣ записки Ломоносова»—такъ пишетъ Эйлеръ—«по части физики и химіи не только хороши, но превосходны, ибо онъ съ такою основательностью излагаетъ любопытнѣйшіе, совершенно неизвѣстные и необъяснимые для величайшихъ геніевъ предметы, что я вполнѣ убѣжденъ въ истинѣ его объясненій; по сему случаю я долженъ отдать справедливость г. Ломоносову, что онъ обладаетъ счастливѣйшимъ геніемъ для открытій феноменовъ физики и химіи; и желательно было бы, что бы всѣ прочія академіи были въ состояніи производить открытія, подобныя тѣмъ, которыя совершилъ г. Ломоносовъ».

ли, достойныя его стремленій. Общество было еще неразвито и молодо, еще не понимало своихъ собственныхъ выгодъ, а потому и неспособно было вполнѣ оцѣнить тѣхъ энергическихъ дѣятелей, которые болѣе другихъ стремились къ развитію его матеріальнаго благосостоянія и ускоренію его нравственнаго роста. Но въ этомъ второмъ періодѣ своей дѣятельности, проученный горькимъ опытомъ, Ломоносовъ является намъ уже не тѣмъ горячимъ, заносчивымъ, гордымъ юношей, который способенъ къ «продерзостямъ» и котораго за «непорядочные поступки» можно устранить отъ участія въ конференціи и наказать уменьшеніемъ оклада или даже простымъ арестомъ... Ломоносовъ началъ понимать все ничтожество отдѣльной, хотя бы даже и геніальной, личности среди современнаго ему общества, и на этомъ основаніи старается искать себѣ поддержки и защиты въ средѣ «знатныхъ особъ». Съ другой стороны, пользуясь счастливымъ для Россіи оборотомъ въ сферѣ правительственной, тѣмъ, что послѣ Бирона, наступило время полнаго торжества для русской партіи, Ломоносовъ старается чрезъ своихъ доброхотовъ и покровителей обратить вниманіе правительства на свою литературную, научную, общественную и даже практическую дѣятельность, постоянно выставляя на видъ главную цѣль всѣхъ своихъ стремленій—«пользу, честь и славу любезнаго ему Россійскаго отечества». Но въ отношеніяхъ своихъ къ этимъ доброхотамъ и покровителямъ Ломоносовъ остается такимъ же самобытнымъ и независимымъ поморомъ, какимъ являлся онъ въ отношеніи къ товарищамъ своимъ академикамъ. Онъ не стыдился просить, даже докучать своими просьбами вельможамъ, если предвидѣлъ, что отъ ихъ ходатайства передъ императрицей, отъ ихъ покровительства и связей, зависѣлъ успѣхъ дѣла, задуманнаго имъ, или удачное примѣненіе къ дѣйствительности, ко благу народа, тѣхъ проэктовъ, которые безпрестанно роились въ головѣ его. Часто прибѣгалъ онъ къ «знатнымъ особамъ» и въ самомъ разгарѣ борьбы за рѣшеніе какого нибудь вопроса, возникшей въ стѣнахъ академіи. Но личныя выгоды, узкіе интересы, матеріальные или служебные, занимаютъ очень незначительное мѣсто въ перепискѣ Ломоносова съ его высокими друзьями. Даже тамъ, гдѣ онъ хлопочетъ о награжденіи его чиномъ, объ увеличеньи своихъ матерьяльныхъ средствъ, о возможности быть избраннымъ въ члены какого нибудь ученаго заграничнаго общества,—Ломоносовъ никогда не снисходитъ до просьбы: онъ требуетъ повышенія чиномъ или матерьяльной помощи, ссылаясь прямо на заслуги свои, на труды, на пользу, которую онъ приносилъ и приноситъ, или, указывая на блестящее положеніе ученыхъ за границею и сравнивая съ нимъ жалкое положеніе ученаго и литератора въ русскомъ обществѣ, доказываетъ, что ему долѣе не приходится оставаться въ этомъ положеніи, и что если правительство желаетъ прямой пользы русскому просвѣщенію, то прежде всего должно возвысить въ глазахъ общества значенія ученаго и литератора. А такъ какъ современное общество придавало огромное значеніе чинамъ, то Ломоносовъ и требуетъ постоянно награжденія своихъ заслугъ чинами, наравнѣ съ другими, и даже очень ревниво отстаиваетъ передъ товарищами - академиками свое старшинство службой и рангами въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его стараются обойти при помощи канцелярской интриги или хотятъ отъ него избавиться, какъ отъ безпокойнаго и непокладливаго человѣка, который все хочетъ дѣлать по своему, всюду старается на первый планъ выставить русскіе интересы. Что у Ломоносова могли быть только такія чистыя и высокія цѣли даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ хлопоталъ, повидимому, о своихъ личныхъ выгодахъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ та благородная гордость и глубокое сознаніе собственнаго достоинства, которыя высказываются въ нѣкоторыхъ письмахъ его къ «знатнымъ особамъ» и подтверждаются свидѣтельствомъ даже не слишкомъ дружелюбно смотрѣвшихъ на него академиковъ нѣмцевъ. Такъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ И. И. Шувалову (14 января 1761 г.),— котораго вообще Ломоносовъ очень уважалъ,въ которомъ цѣнилъ многія стороны характера и ума—недовольный тѣмъ, что Шуваловъ настаивалъ на примиреніи Ломоносова съ Сумароковымъ и старался ихъ сблизить, онъ прямо высказывалъ ему: «Не хотѣлъ васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показать вамъ ослушаніе;только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И ежели, несмотря на

мое усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, который одинъ мнѣ былъ въ жизни защитникъ, и никогда не оставилъ, когда я пролилъ предъ нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше Превосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ... Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть нехочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отыметъ... Ежели Вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи; ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти; постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеній, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мѣлочномъ дѣлѣ, позабудьте». Въ другомъ письмѣ, также къ И. И. Шувалову (отъ 17 апрѣля 1760 г.) Ломоносовъ выражаетъ еще рѣзче и прямѣе свой взглядъ на отношеніе къ «знатнымъ особамъ»... «Едва принимаю смѣлость» — пишетъ онъ — «послать вамъ сіи строки. И ныньче бы не послалъ, еслибъ меня общая польза отечества къ тому не побуждала. Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ привести въ вожделенное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы: и для того Ваше Превосходительство всеуниженно прошу постараться, чтобы изъ конференціи, при дворѣ учрежденной, данъ былъ формуляръ привиллегіи по прошенію Его Сіятельство академіи наукъ г. президента, чего при семъ копіи сообщаю. [1]) Сіе будетъ больше всѣхъ благодѣяніе, которыя, Ваше Высокопревосходительство, мнѣ въ жизнь сдѣлали. По окончаніи сего только хочу искать способа и мѣста, гдѣ бы чѣмъ рѣже, тѣмъ лучше видѣть было персонъ высокородныхъ, которыя мнѣ низкою моею природою попрекаютъ, видя меня какъ бѣльмо на глазу». Не слѣдуетъ забывать, что такую рѣчь къ «высокороднымъ персонамъ» держалъ современникъ Тредьяковскаго, не съумѣвшаго защитить себя даже отъ личныхъ оскорбленій. И только благодаря такой смѣлости геніальнаго, самобытнаго и гордаго помора, высшіе слои современнаго общества начинали постигать настоящее значеніе литературы и ученаго въ средѣ общественной дѣятельности, начинали охотно оказывать ему покровительство и даже нѣсколько увлекаться тою ролью меценатовъ, которая выпадала имъ на долю. Въ числѣ такихъ меценатовъ, покровительствовавшимъ Ломоносову и дѣйствительно умѣвшихъ оцѣнивать его заслуги русской наукѣ, литературѣ и просвѣщенію, нельзя не упомянуть здѣсь съ благодарностью имена графовъ Орловыхъ, графа М. Л. Воронцова, графа П. И. Шувалова и въ особенности Ивана Ивановича Шувалова,

И. И. Шуваловъ.

бывшаго кураторомъ Московскаго Университета. Сблизившись случайно съ Ломоносовымъ въ 1749 году, онъ съ этой поры и до самой смерти Ломоносова не прерывалъ съ нимъ тѣсныхъ дружескихъ сношеній и переписки, оказывалъ ему постоянно самую дѣятельную помощь и содѣйствіе не только въ дѣлахъ академическихъ, не только поощрялъ его къ занятіямъ русскою словесностью и русской историей, но даже помогалъ Ломоносову и въ тѣхъ практическихъ предпріятіяхъ, за которыя тотъ принимался. Ему посвящалъ Ломоносовъ свои оды, съ

[1]) Здѣсь идетъ дѣло объ университетской привиллегіи, т. е. о привиллегіи на открытіе особаго отдѣльнаго отъ Академіи Наукъ, университета въ Петербургѣ.

нимъ дѣлился своими планами, его именемъ украшалъ посланія и проэкты свои. Новѣйшіе біографы Ломоносова совершенно справедливо замѣчаютъ, что И. И. Шуваловъ даже оказалъ нѣкоторое вліяніе на дѣятельность Ломоносова, какъ ученаго, отвлекая его отъ занятій науками естественными и побуждая удѣлить значительную долю времени на занятія словесностью и исторіей. И дѣйствительно, хотя Ломоносовъ, отчасти по собственному желанію, отчасти же побуждаемый къ тому Академіей, сталъ заниматься словесными науками и гораздо ранѣе сближенія своего съ Ив. Ив. Шуваловымъ [1], однакоже вліяніе послѣдняго на дѣятельность Ломоносова не можетъ подлежать сомнѣнію. Какъ до 1749 года въ дѣятельности Ломоносова преобладаетъ наклонность къ наукамъ естественнымъ, такъ въ теченіе слѣдующихъ за этимъ семи или восьми лѣтъ (т. е. между 1749 и 1755, 1757 г.г., въ первые годы сближенія съ Шуваловымъ) Ломоносовъ положительно склоняется въ занятіяхъ своихъ на сторону словесныхъ наукъ и даже изящной литературы. Въ теченіе этого періода онъ пишетъ множество стихотворныхъ надписей на разные торжественные случаи, и по заказу, и по собственному желанію, пишетъ по заказу трагедіи («Тамира и Селимъ» въ 1751 г.; «Демофонтъ» въ 1752 г.), сочиняетъ посланія въ стихахъ, идилліи, даже задумываетъ большую эпическую поэму, въ которой намѣревается воспѣть Петра Великаго (1757 г.), [2] Въ тотъ же самый періодъ Ломоносовъ произноситъ свои замѣчательныя похвальныя слова «Елисаветѣ» (1749 г.) и «Петру Великому» (1755 г.), составляетъ «Россійскую грамматику» (1755 г.), собираетъ матерьялы для Россійской Исторіи (начиная съ 1750 г.), готовитъ обширный «планъ филологическихъ изслѣдованій». Кажется, однакоже. что Шуваловъ, недовольствуясь этою усиленною дѣятельностью Ломоносова по литературѣ, исторіи и словесности, старался склонить его къ тому, чтобы онъ окончательно посвятилъ себя наукамъ словеснымъ, оставивъ занятія естественными. Ломоносовъ на это не соглашался и однажды даже высказалъ ему въ одномъ изъ своихъ писемъ, что сердце его болѣе лежитъ къ наукамъ физико-математическимъ, нежели къ наукамъ словеснымъ, и что онъ, занимаясь послѣдними для пользы общей, считаетъ занятіе первыми удовольствіемъ и развлеченіемъ для себя, и какъ-бы отдохновеніемъ отъ трудовъ. «Чтоже до моихъ въ физикѣ и химіи упражненій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ниже возможности»—такъ пишетъ Ломоносовъ Шувалову въ январѣ 1755 года. «Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ упокоенія: для того, оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостьми или съ домашними препровожденія времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ; отъ чего я уже давно отказался, затѣмъ, что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на упокоеніе мое отъ трудовъ, которые я на собраніе и сочиненіе Россійской Исторіи и на украшеніе Россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ, вмѣсто бильярду, употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лекарства служить имѣютъ; и сверхъ сего пользу и честь отечеству конечно принесть могутъ, едва менѣе-ли первой». Нѣкоторое понятіе о неутомимой, кипучей дѣятельности Ломоносова даетъ намъ его же письмо къ И. И. Шувалову отъ 31 мая 1753 года, въ которомъ онъ представляетъ ему краткій отчетъ о своихъ текущихъ занятіяхъ:

«Доношу Вашему Превосходительству о томъ, что похвальная Ваша къ наукамъ охота требуетъ. Во первыхъ, что до электрической силы надлежитъ, то изысканы здѣсь два особливые опыты весьма недавно,—одинъ г. Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ.... Примѣтилъ я у своей громовой машинки, 25 числа сего апрѣля, что безъ грому и молніи, чтобы слышать или видѣть можно

[1]) Къ 1739 г. относится его изъ заграницы присланное «письмо о правилахъ россійскаго стихотворства», первыя оды, а въ 1746 году была уже готова «Раторика», послѣ окончанія которой Ломоносовъ сталъ собирать матерьялы для русской грамматики. Въ 1748 году написалъ онъ разсмотрѣніе «о пользѣ книгъ церковныхъ». [2]) Только двѣ первыя пѣсни этой поэмы были написаны Ломоносовымъ. Множество разнообразныхъ занятій, и можетъ быть и сознаніе того, что трудъ сочиненія такой поэмы ему не по силамъ, воспрепятствовали продолженію поэмы.

было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась; а въ 28 число того же мѣсяца, при прохожденіи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи, происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ издалека слышнымъ; что еще нигдѣ не примѣчено и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею о электрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оный актъ буду я отправлять съ г. профессоромъ Рихманомъ. Онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу отъ оной происходящую, къ чему уже я пріуготовляюсь. Чтоже надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію, то оная уже нарочито далече и въ концѣ октября мѣсяца уповаю изъ печати выйдетъ. О первомъ томѣ Россійской Исторіи по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году письменной изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила краснорѣчія на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось».

И всему этому Ломоносовъ предавался съ страстнымъ увлеченіемъ, съ непремѣннымъ желаніемъ принести пользу и твердою увѣренностью въ томъ, что онъ ее принести можетъ. Его безконечно разносторонняя дѣятельность не была суетливымъ и безтолковымъ перебѣганьемъ самоучки отъ одной отрасли наукъ къ другой, безполезнымъ во всѣхъ отношеніяхъ; онъ—строгій и положительный ученый—имѣлъ опредѣленную цѣль въ своей дѣятельности и вполнѣ сознавалъ призваніе своей жизни; то и другое онъ высказалъ совершенно ясно въ одной изъ своихъ замѣтокъ, писанной, вѣроятно около 1750 г., т. е. именно того времени, когда Ломоносову впервые удалось вздохнуть свободно, и, нѣсколько оправившись отъ нужды и бѣдствій всякаго рода, выступить вполнѣ самостоятельно на поприще ученой и литературной дѣятельности. «Начинаю со словесныхъ наукъ»—говоритъ онъ въ этой замѣткѣ, вѣроятно набрасывая себѣ планъ занятій въ ближайшемъ будущемъ—«и ежели Богъ велитъ, покажу хотя нѣкоторый приступъ ко всѣмъ мнѣ знаемымъ наукамъ... Я самъ и не совершу, однако начну, то будетъ другимъ послѣ меня легче дѣлать». [1]) И къ этой то цѣли онъ стремился постоянно, настойчиво, пренебрегая всѣми препятствіями, принося ей въ жертву и свои интересы, и свои силы. Только при такомъ взглядѣ на дѣятельность Ломоносова мы начинаемъ понимать, какъ успѣвалъ онъ работать по двумъ совершенно различнымъ отраслямъ наукъ и по каждой изъ нихъ не только представлять серьезные труды, ученыя изслѣдованья, но даже дѣлать открытія, изобрѣтать новыя орудія и способы къ наблюденію различныхъ явленій и свойствъ природы. При томъ же, Ломоносовъ по самой натурѣ своей, никакъ не могъ заставить себя ограничиться однимъ только кабинетнымъ трудомъ: ему постоянно хотѣлось примѣнять свои теоретическія знанія къ практикѣ—къ мореплаванью, архитектурѣ, горнымъ промысламъ, искуству, фабричнымъ производствомъ — вносить въ русскую жизнь результаты своихъ теоретическихъ, научныхъ занятій, сближать русскую жизнь съ наукой, наглядно знакомить русскихъ людей съ пользою, которую можетъ наука приносить. На этомъ основаніи, напримѣръ, горячо принявшись за выдѣлку стекла, онъ въ началѣ 1750 годовъ, при помощи правительства, самъ становится во главѣ стекляннаго завода, а потомъ, примѣняя къ выдѣлкѣ стекла свои химическія свѣдѣнья, берется за выдѣлку собственно-цвѣтныхъ стеколъ для мозаическаго художества, въ которомъ первые успѣшные опыты увлекаютъ его къ дальнѣйшимъ и грандіознымъ примѣненіямъ мозаики для украшенія нашихъ церквей и увѣковѣченія подвиговъ Петра Великаго въ видѣ цѣлаго ряда громадныхъ мозаическихъ картинъ. Съ другой стороны, при всѣхъ этихъ должностныхъ и внѣ-должностныхъ своихъ занятіяхъ онъ вынужденъ еще быть и цензоромъ, и корректоромъ произведеній литературныхъ, присылаемыхъ ему на разсмотрѣніе правительствомъ или поручаемыхъ академіею; онъ

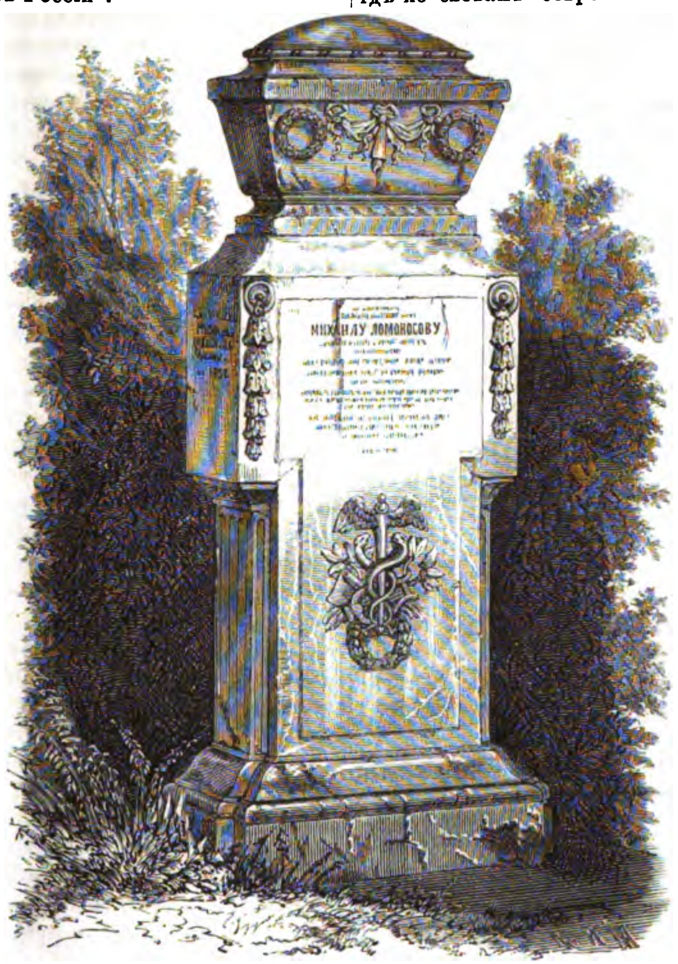
[1]) А. Будиловича; Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ; Спб. 1869. Стр. 7.

самъ, кромѣ того, пишетъ и переводитъ учебники, сообщаетъ отчеты о ходѣ науки и литературы въ Европѣ, участвуетъ въ журналахъ, въ изданіи календарей, и прилагая заботу ко всему, что можетъ быть дорого и близко русскому сердцу, рядомъ съ этими трудами ведетъ цѣлый рядъ проэктовъ, касающихся Россіи, умноженія ея населенія, экономическихъ условій жизни народной и государственной, изслѣдованія Россіи въ этнографическомъ и географическомъ отношеніи, открытія сѣвернаго полюса и т. д.[1]) Это необъятное разнообразіе дѣятельности выражалось отчасти и постепеннымъ расширеніемъ круга дѣйствій Ломоносова въ самой академіи и внѣ оной, и постепеннымъ накопленіемъ новыхъ обязанностей, которыя долженъ былъ принимать на себя Ломоносовъ. Послѣ 1755 года, онъ становится сначала совѣтникомъ академической канцеляріи, потомъ принимаетъ въ свое вѣдѣнье академическую гимназію и университетъ, наконецъ является и во главѣ географическаго департамента. Съ этого времени заботы и потребности административной дѣятельности начинаютъ болѣе и болѣе привлекать къ себѣ его вниманіе и мало по малу овладѣваютъ всѣмъ его временемъ, которое онъ уже только урывками можетъ посвящать литературѣ и наукѣ. Къ этому періоду его жизни относятся всѣ составленные имъ уставы учебныхъ заведеній и проэкты, касающіеся распространенія просвѣщенія въ Россіи. Двѣ любимыя мечты являются у Ломоносова и онъ всею душою стремится къ осуществленію ихъ: одна изъ нихъ, отдѣленіе отъ академіи университета, какъ особаго высшаго образовательнаго заведенія, въ которомъ бы, притомъ же, всѣ профессора были бы русскіе. Заявляя при этомъ случаѣ о необходимости отправленія молодыхъ русскихъ ученыхъ за границу для окончанія образованія, Ломоносовъ между прочимъ предлагаетъ, «чтобы о выписываніи вновь и о пріемѣ иностранныхъ профессоровъ безпрочное почти стараніе вовсе оставить, но крайнее положить попеченіе о наученіи и произведеніи собственныхъ природныхъ и домашнихъ, которые бы служили, назадъ неоглядываясь и не угрожая контрактомъ и взятіемъ абшита; а паче всего служили бы къ чести отечеству, которой отъ иностранныхъ нашему народу приписывать невозможно (2 іюня 1764)». Но университетъ Петербургскій, несмотря на всѣ старанія и хлопоты Ломоносова, не былъ открытъ, хотя уже все было готово къ открытію его и даже написана была Ломоносовымъ та благодарственная рѣчь Елисаветѣ, которую слѣдовало говорить на торжествѣ по поводу этого открытія: болѣзнь и смерть Императрицы Елисаветы помѣшали приведенію этого благого дѣла въ исполненіе. Другою мечтою Ломоносова въ послѣдніе годы его жизни было преобразованіе Академіи Наукъ по такому плану, при которомъ бы ученая дѣятельность академиковъ могла являться независимою отъ академической канцеляріи. По этому поводу составлено было имъ нѣсколько подробныхъ записокъ и между прочимъ «*Краткая исторія о поведеніи академической канцеляріи въ разсужденіи ученыхъ людей и дѣлъ*». Въ ней Ломоносовъ излагаетъ дѣйствія своихъ главнѣйшихъ недоброжелателей (Шумахера, Тауберта, Теплова) разсказываетъ «академическія несчастія», которыя приходится претерпѣвать наукѣ. Въ заключеніе краткой исторіи онъ восклицаетъ:» Какое же можетъ быть усердіе у Россіянъ, учащихся въ академіи, когда видятъ, что самый первый изъ нихъ, уже черезъ науки въ отечествѣ и въ Европѣ знатность заслужившій, и самимъ Высочайшимъ особамъ не безъизвѣстный, принужденъ безпрестанно обороняться отъ недоброжелательныхъ происковъ и претерпѣвать нападенія почти даже до самаго конечнаго опроверженія и истребленія?». .. «Едино упованіе состоитъ нынѣ, по Бозѣ, во всемилостивѣйшей Государынѣ нашей, которая отъ истиннаго люблѣнія къ

[1]) Г. Будиловичъ, въ книгѣ своей (см. выше прим. 1 стр. 279), приводитъ слѣдующій любопытный перечень трудовъ Ломоносова, уцѣлѣвшихъ до нашего времени, считая въ общей массѣ: «1 поэма (не конченная), 2 трагедіи, 36 одъ (изъ нихъ 5 переводныхъ), около 100 мелкихъ стихотвореній, 5 похвальныхъ и благодарственныхъ словъ, 17 ученыхъ разсужденій, 10 отчасти оригинальныхъ, отчасти переводныхъ учебниковъ, около 170 ученыхъ замѣтокъ разнаго содержанія и объема, 76 писемъ къ разнымъ лицамъ (къ одному И. И. Шувалову 33 письма) и наконецъ болѣе 350 разныхъ оффиціальныхъ представленій и проектовъ». Стр. 4.

наукамъ и отъ усердія къ пользѣ отечества можетъ быть разсмотритъ и отвратитъ сіе несчастіе. Ежели же онаго не воспослѣдуетъ, то вѣрить должно, что нѣтъ божескаго благоволенія, чтобы науки возрасли и распространились въ Россіи».

4-го апрѣля 1765 года Ломоносовъ скончался. Не задолго до смерти его, а именно въ іюнѣ 1764 г., Императрица Екатерина «съ нѣкоторыми знатнѣйшими двора своего особами« посѣтила Ломоносова въ его домѣ, гдѣ по словамъ современной газеты «изво-

Могила Ломоносова въ Александро-Невской Лаврѣ.

лила смотрѣть производимыя имъ работы мозаичнаго художества для монумента вѣчнославныя памяти Государя Императора Петра Великаго, также и новоизобрѣтенные имъ физическіе инструменты и нѣкоторые физическіе и химическіе опыты, чѣмъ подать благоволила новое высочайшее увѣреніе о истинномъ любленіи и попеченіи своемъ о наукахъ и художествахъ въ отечествѣ». Чрезвычайно любопытное описаніе этого посѣщенія находимъ въ запискахъ знаменитой современницы Ломоносова, Екатерины Романовны Дашковой, впослѣдствіи бывшей президентомъ Академіи Наукъ:

«Незадолго до кончины Ломоносова»—такъ разсказываетъ княгиня Дашкова»—пріѣзжаю во дворецъ, и Государыня съ прискорбіемъ сказала мнѣ: «нашъ Михайло Васильевичъ что-то слишкомъ закручинился; поѣдемъ къ нему, онъ насъ любитъ, а изъ любви чего не дѣлаютъ».... Немедленно отправились мы къ поэту и застали его въ глубокой задумчивости у большаго стола, на которомъ были разложены химическіе аппара-

ти. Въ комелькѣ огонь, какъ будто прощаясь съ хозяиномъ, то вспыхивалъ, то угасалъ. Мы вошли къ Ломоносову тихомолкомъ, безъ доклада; но услыша привѣтъ Императрицы: «здравствуйте, Михайло Васильевичъ!» онъ вскочилъ какъ будто съ просонокъ. «Я пріѣхала съ княгинею посѣтить васъ, услышавъ о вашемъ нездоровьѣ, или лучше сказать о вашей грусти». Нѣсколько минутъ уста Ломоносова окованы были молчаніемъ. Наконецъ онъ воскликнулъ: «нѣтъ государыня! не я нездоровъ, не я грустенъ, больна и грустна душа моя!—«Полечите ее», отвѣчала Екатерина, «полечите ее живымъ перомъ своимъ. Привѣтствуя меня съ новымъ годомъ, вы сказали, что также усердствуете ко мнѣ, какъ и къ дочери Петра Великаго. Чтоже, неужели вы намѣрены мнѣ измѣнить?—«Измѣнить Вамъ, матушка Государыня? Нѣтъ, не перо, а сердце мое писало:

Твой трудъ для насъ обогащенье,
Мы чтимъ стѣною подвигъ твой,
Твой разумъ—наше просвѣщенье.
И неусыпность—нашъ покой!

Слезы блеснули въ очахъ Екатерины и она возразила: «вѣрю, вѣрю, Михайло Васильевичъ, а чтобы еще болѣе удостовѣрить меня, то завтра пріѣзжайте ко мнѣ откушать хлѣба-соли. Щи у меня будутъ такіе же горячіе, какими подчивала васъ ваша хозяйка»...

Уже въ самомъ началѣ настоящей главы, было нами упомянуто о томъ, что Ломоносовъ стоитъ на грани, отдѣляющей «эпоху преобразованій» отъ новѣйшаго времени, и что на его долю досталось быть послѣднимъ въ ряду тѣхъ нашихъ литературныхъ дѣятелей, которые одновременно являлись и учеными, и литераторами, и притомъ болѣе учеными, нежели литераторами, вслѣдствіе того, что наука ранѣе получила значеніе въ нашемъ молодомъ, зарождающемся обществѣ, а литература пріобрѣла свое настоящее значеніе въ немъ уже гораздо позднѣе. При этомъ мы указывали выше и на то предпочтеніе, которое многіе изъ нашихъ дѣятелей литературныхъ придавали своимъ литературнымъ занятіямъ; они смотрѣли на нихъ исключительно какъ на занятія, приличныя только досугу, какъ на забаву, которая многими считалась позволительною только для людей извѣстнаго возраста, извѣстнаго положенія въ свѣтѣ и т. п. Нѣсколько позже взглядъ на литературныя занятія, хотя и не возвысился, но все же нѣсколько измѣнился. И Тредьяковскій, и Ломоносовъ отдаютъ еще положительное предпочтеніе своимъ научнымъ изслѣдованьямъ передъ своими же чисто-литературными произведеніями; Ломоносовъ рѣшается даже открыто насмѣхаться надъ людьми, исключительно посвятившими себя занятіямъ литературнымъ;—однако придаетъ уже литературѣ важное значеніе, какъ такому орудію, которымъ можно съ большимъ удобствомъ пользоваться для проведенія въ общество новыхъ идей, для истолкованія различныхъ истинъ, не только отвлеченныхъ, нравственныхъ, но даже и принадлежащихъ къ области научнаго изслѣдованья. На этомъ основаніи онъ заботился и о томъ, чтобы дать русской публикѣ образцы литературныхъ произведеній во всѣхъ родахъ, и о томъ, чтобы улучшить и довести до возможнаго совершенства самый языкъ русской литературы и науки. Несмотря однакоже на весьма значительные труды, предпринятые Ломоносовымъ для улучшенія нашего литературнаго слога и для изслѣдованья коренныхъ свойствъ нашего роднаго языка, не смотря на весьма значительное количество поэтическихъ и прозаическихъ литературныхъ произведеній, оставленныхъ намъ Ломоносовымъ, этотъ геніальный труженикъ имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе въ исторіи нашей науки, нежели въ исторіи литературы XVIII в. Ближайшее потомство смотрѣло на Ломоносова совсѣмъ не такъ, какъ мы на него смотримъ: оно выше цѣнило въ немъ литературныя, поэтическія его достоинства и вообще мало обращало вниманія на заслуги Ломоносова, какъ ученаго, какъ натуралиста, обогатившаго даже и европейскую науку многими новыми открытіями.... Ломоносовъ, не только какъ поэтъ, но даже и какъ ораторъ, и какъ историкъ, загораживалъ передъ лицемъ ближайшаго потомства величавую личность Ломоносова-натуралиста, только потому, что эта область его дѣятельности была болѣе близка и понятна его современникамъ, нежели мало-извѣстная имъ область любимыхъ его научныхъ занятій. Къ тому же, по мѣрѣ того, какъ жизнь общественная начинала у насъ болѣе и болѣе развиваться, по мѣрѣ того какъ общество начинало ощу-

щать все большую и большую необходимость въ развитіи литературы, Ломоносовъ,—представившій современникамъ своимъ первые сносные образцы различныхъ литературныхъ родовъ, много трудившійся и надъ разработкою нашего литературнаго языка и слога—сдѣлался образцомъ для множества послѣдующихъ писателей русскихъ, которые подражали ему, какъ поэту, какъ оратору и литератору. Они старались держаться одинаковыхъ съ нимъ взглядовъ на литературу, разработывать тѣ же формы ложно-классической поэзіи, какія онъ разработывалъ, даже писать тѣмъ самымъ языкомъ, какимъ писалъ онъ, считая этотъ языкъ возможнымъ предѣломъ литературнаго совершенства. Въ то же самое время, по мѣрѣ того, какъ потребность въ литературѣ возрастала и развивалась все болѣе и болѣе, и «Ломоносовская школа» писателей удовлетворяла ей въ значительной степени, превознося значеніе основателя школы, Ломоносова, какъ поэта и литератора,—значеніе Ломоносова, какъ ученаго и спеціально, какъ натуралиста, отодвигалось на задній планъ и почти забывалось ближайшимъ потомствомъ его, въ средѣ котораго не нашлось ему послѣдователей на этомъ трудномъ поприщѣ. И только уже новѣйшее время, благодаря серьезной разработкѣ матерьяловъ для біографіи Ломоносова, снова возстановило правильное отношеніе между славою Ломоносова, какъ поэта и славою Ломоносова, какъ ученаго и натуралиста. Новѣйшіе біографы и критики Ломоносова должны были прійти къ тому убѣжденію, что онъ былъ дѣйствительно геніальный человѣкъ, геніальный ученый и въ тоже время весьма посредственный поэтъ и литераторъ. И только благодаря геніальности своей натуры, онъ, даже какъ поэтъ и литераторъ, съумѣлъ стать выше окружавшихъ его литературныхъ бездарностей, съумѣлъ лучше ихъ совладать съ нашей литературной техникой и удачно воспользоваться нѣкоторыми замѣчательными свойствами нашего роднаго языка. Оставляя въ сторонѣ всякій разборъ дѣятельности Ломоносова, какъ натуралиста, мы, въ заключеніе этой главы, разсмотримъ его дѣятельность литературную и скажемъ нѣсколько словъ о его трудахъ по отношенію къ обработкѣ нашего языка и слога.

Въ настоящую минуту даже трудно и вообразить себѣ положеніе русскаго писателя въ эпоху Ломоносова. Условія общественной жизни, окружавшія каждаго современнаго писателя, были крайне невыгодны для развитія какого-бы то ни было литературнаго таланта. Извѣстныхъ всему обществу, всѣми признанныхъ и уважаемыхъ литературныхъ именъ во времена вступленія Ломоносова на литературное поприще, въ нашемъ обществѣ еще вовсе незнали. Кантемиръ и Татищевъ, какъ писатели, извѣстны были очень небольшому кружку образованныхъ людей, да и сочиненія ихъ печатно никому извѣстны не были; Тредьяковскій, хотя и ученый, но совершенно бездарный труженикъ, пользовавшійся при томъ же весьма двусмысленною извѣстностью, никѣмъ не былъ уважаемъ ни какъ человѣкъ, ни какъ писатель—и вотъ, Ломоносову съ его стихами, съ его новыми литературными теоріями, съ его учебниками по части русской грамматики и русской словесности, пришлось быть *первымъ* русскимъ поэтомъ и литераторомъ, *первымъ* законодателемъ русскаго литературнаго языка и слога. Вполнѣ сознавая важность значенія литературы въ обществѣ и въ тоже время не имѣя вовсе подъ руками никакихъ русскихъ литературныхъ образцовъ, Ломоносовъ вынужденъ былъ обратиться къ образцамъ иноземнымъ: ничего самостоятельнаго создать на русской почвѣ въ ту пору не было никакой возможности, а потому и пришлось подражать тому направленію, которое было господствующимъ литературнымъ направленіемъ въ современной Ломоносову европейской литературѣ — направленію ложно-классическому. Ложно-классическое направленіе, состоявшее въ чисто-внѣшнемъ подражаніи литературнымъ и поэтическимъ пріемамъ древнихъ, въ неестественномъ примѣненіи условій ихъ общественнаго и религіознаго быта къ современному европейскому быту XVII и XVIII в.в., а также и въ неправильномъ истолкованіи литературныхъ теорій классическаго міра—въ ту пору уже отживало свой вѣкъ въ Германіи. Но для Ломоносова, который въ юности своей, до поѣздки за границу, могъ быть знакомъ только съ тяжелыми виршами Симеона Полоцкаго, Каріона Истомина и Сильвестра Медвѣдева, да со школьными комедіями Дмитрія Ростовскаго, ложно-классическіе образцы лирики и драмы, несмотря на всю свою неестествен-

-ность и даже уродливость, должны были показаться вполнѣ достойными подражанія. Вслѣдствіе этого, ложно-классическое направленіе точно также неизбѣжно должно было какъ одинъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ европеизма проникнуть къ намъ черезъ Ломоносова и Тредьяковскаго, какъ проникло къ намъ византійское вліяніе вмѣстѣ съ христіанствомъ черезъ посредство первыхъ проповѣдниковъ-грековъ. Мы полагаемъ даже, что Ломоносовъ вовсе не потому сталъ подражать ложно-классическимъ образцамъ, что увлекся ложно-классическимъ направленіемъ: онъ просто подчинился ему безусловно, какъ и всѣ современники его, не признавая никакое другое литературное направленіе возможнымъ... А при томъ полнѣйшемъ разрывѣ со стариной и народностью, который господствовалъ въ нашихъ образованныхъ классахъ общества въ началѣ XVIII вѣка, нечего было конечно и думать о созданія чего нибудь самобытнаго, на основаніи народныхъ стихій...

Первые поэтическіе опыты Ломоносова въ ложно-классическомъ родѣ (его подражанія Фенелону и Гюнтеру), были приняты въ Петербургѣ весьма благосклонно, по свидѣтельству современниковъ: Академія ихъ одобрила, а общество прочитало съ удовольствіемъ. Уже этого одного факта достаточно для того, чтобы судить о степени развитія вкуса въ современномъ Ломоносову русскомъ обществѣ. Правильное понятіе о поэзіи въ большинствѣ современниковъ Ломоносова не было вовсе развито: въ началѣ XVIII в., какъ въ концѣ XVII, поэтомъ все еще продолжали у насъ считать каждаго, кто болѣе или менѣе складно умѣлъ управиться со стихомъ. Къ тому же, въ высшихъ классахъ общества нашего и при дворѣ, гдѣ особенно сильно было стремленіе къ подражанію иноземнымъ образцамъ, развился еще и особенный взглядъ на поэзію, какъ на необходимую принадлежность великосвѣтской и придворной жизни, какъ на приличное украшеніе всякихъ празднествъ и торжественныхъ случаевъ. Этотъ взглядъ на поэзію занесенъ былъ въ высшіе слои нашего общества изъ Франціи, гдѣ поэты въ концѣ XVII и началѣ XVIII в.в. являлись настоящими придворными чиновниками; они считали своею прямою обязанностью воспѣвать все, что при дворѣ совершалось, заваливали литературу напыщенными описаніями торжествъ, баловъ, иллюминацій, и другихъ еще менѣе замѣчательныхъ событій, подносили вельможамъ трескучія и восторженныя оды по поводу ихъ имянинъ или полученныхъ ими повышеній и милостей— и за все это получали щедрыя денежныя награды. Что, на западѣ, при болѣе развитыхъ условіяхъ общественной жизни, могло казаться необходимымъ, неизбѣжнымъ злоупотребленіемъ поэзіи, даже и просто свѣтскимъ обычаемъ, то у насъ на Руси, при гораздо меньшемъ развитіи общественности, проявлялось въ грубой формѣ обязательныхъ служебныхъ отношеній поэта къ придворной жизни или къ лицамъ, занимавшимъ важное положеніе въ современномъ обществѣ. Ни дворъ, ни вельможи съ поэтами не церемонились; имъ просто приказывали черезъ ближайшее начальство обработывать извѣстныя темы и при этомъ еще стѣсняли ихъ даже и срокомъ. Біографія Ломоносова представляетъ намъ цѣлый рядъ любопытнѣйшихъ фактовъ такого обязательнаго исправленія должности придворнаго поэта. Такъ напримѣръ въ 1748 г., 20 апрѣля, въ журналѣ конференціи Академіи Наукъ записано было:

«Къ профессору Ломоносову *послать ордеръ*, чтобъ оной присланныя изъ Артиллеріи къ иллюминаціи апрѣля къ 25 числу стихи перевелъ стихами жъ на россійскій языкъ и конечно сего апрѣля, 23-го числа, по переводѣ, взнесъ въ канцелярію».

Стихи были нѣмецкіе и принадлежали перу совѣтника Штелина, и видно, что перевести ихъ на русскій языкъ было не легко, потому что, тотчасъ по полученіи ихъ, Ломоносовъ обратился къ секретарю Академіи, Теплову, со слѣдующимъ письмомъ:

«Хотя должность моя и требуетъ, чтобы по присланному ко мнѣ ордеру *сдѣлать стихи* съ нѣмецкова; однако я того исполнить не могу, для того, что въ нѣмецкихъ виршахъ нѣтъ ни складу ни ладу; и такъ такимъ переводомъ мнѣ себя пристыдить не хочется и весьма досадно, чтобъ такую глупость перевесть на русскій языкъ».... [1]).

И несмотря на эти возраженія, несмотря

[1]) Тепловъ отвѣчалъ на это письмо Ломоносова почти выговоромъ:... «письмо ваше такихъ экспресей наполнено, которые предосудительны чести г. совѣтника Штелина: берегитесь, чтобъ вы ему не досадили: пишетъ всякъ, на сколько можетъ и въ разсужденіи, какъ кто хочетъ»...

на то, что вмѣсто перевода чужихъ стиховъ, Ломоносовъ предлагалъ сочинить новые стихи, ему все же неудалось избавиться отъ перевода нѣмецкихъ стиховъ, сочиненныхъ Штелинымъ.

29 сентября 1750 г, въ канцеляріи Академіи полученъ былъ еще болѣе курьезный ордеръ, присланный самимъ президентомъ Академіи, графомъ К. П. Разумовскимъ:

«Ея Императорское Величество Государыня изоустнымъ своимъ имяннымъ указомъ изволила мнѣ повелѣть, чтобы профессорамъ Тредьяковскому и Ломоносову *сочинить по трагедіи* и о томъ имъ объявить въ канцеляріи. И какія къ тому потребны имъ будутъ книги изъ библіотеки, оныя выдать съ роспискою и по окончаніи того возвратить въ библіотеку по прежнему» [1]).

На основаніи этого ордера, запасливый Тредьяковскій уже 2-го октября потребовалъ «*для сочиняемой трагедіи книгъ и писчей бумаги*». Результатомъ этого ордера со стороны Ломоносова была его первая трагедія «Тамира и Селимъ», которая однакоже представлена была ко двору не ранѣе, какъ лѣтомъ слѣдующаго 1751 года.

Такъ какъ большая часть поэтическихъ произведеній Ломоносова принадлежитъ именно къ числу такихъ заказныхъ стихотвореній, писанныхъ по случаю того или другаго торжества, то въ нихъ конечно и нечего искать какихъ бы то нибыло поэтическихъ достоинствъ; точно также мало значенія въ смыслѣ поэтическихъ произведеній имѣютъ и нѣкоторыя другія произведенія, писанныя хотя и не на заказъ, однако съ предъвзятою мыслью о томъ, чтобы представить образецъ извѣстнаго литературнаго рода. Къ этому разряду слѣдуетъ отнести, напримѣръ, тѣ двѣ пѣсни обширной эпической поэмы о Петрѣ Великомъ, которая не была окончена Ломоносовымъ, и въ которой нѣтъ рѣшительно ничего, кромѣ риторическихъ возгласовъ и напыщенныхъ описаній, не представляющихъ ничего самостоятельнаго, оригинальнаго, такъ какъ вся поэма должна была представлять собою не болѣе, какъ сколокъ съ множества другихъ нѣмецкихъ и французскихъ ложно - классическихъ образцовъ эпической поэмы. Но среди множества дошедшихъ до насъ стихотворныхъ произведеній Ломоносова есть нѣсколько и такихъ, которыя заслуживаютъ названія поэтическихъ, потому что звучный и стройный стихъ, которымъ вообще хорошо умѣлъ владѣть Ломоносовъ, является въ нихъ выраженіемъ высокихъ, прекрасныхъ образовъ и сильнаго, неподдѣльнаго чувства; къ числу такихъ произведеній слѣдуетъ отнести всѣ тѣ оды, въ которыхъ Ломоносовъ говоритъ о пользѣ наукъ, описываетъ нѣжно-любимую и глубоко-понимаемую имъ природу, выражаетъ религіозное чувство или указываетъ на величавое будущее ожидающее его «любезное Россійское отечество». Вотъ почему къ числу лучшихъ поэтическихъ произведеній Ломоносова слѣдуетъ конечно отнести его «Письмо о пользѣ стекла,» «оду выбранную изъ Іова», два «размышленія о Божьемъ величествѣ» и торжественную оду «въ день восшествія на престолъ Имп. Елисаветы Петровны». Въ послѣднемъ произведеніи восторженныя, превышающія всякую мѣру похвалы Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ составляютъ не простую риторическую прикрасу обыкновенной ложно - классической оды, а до нѣкоторой степени служатъ отголоскомъ общаго восторга всѣхъ классовъ общества, справедливо видѣвшаго въ воцареніи «Петровой дщери» наступленіе новаго и лучшаго періода Русской Исторіи послѣ страшнаго періода Бироновщины. Вообще же говоря, наиболѣе важною стороною всѣхъ поэтическихъ произведеній Ломоносова является прекрасный, новый по тому времени, изобразительный и звучный языкъ, который, въ соединеніи съ гладкимъ и правильнымъ стихомъ, много способствовалъ тому, чтобы произведенія Ломоносова всѣми читались, всѣми оцѣнивались и всѣмъ одинаково нравились, между тѣмъ какъ все, что писалось до Ломоносова, доступно было очень небольшому кружку читателей и очень немногихъ способно было привлечь къ чтенію. Въ этомъ отношеніи для насъ

[1]) 8 янв. 1750 г. «Хоревъ»—трагедія Сумарокова — представлена была кадетами. Послѣ трехъ удачныхъ опытовъ представленія этой трагедіи (послѣднее изъ этихъ представленій происходило 29 іюня того же года) Императрица пожелала увеличенья русскаго репертуара, и слѣдствіемъ этого желанія былъ вышеприведенный ордеръ.

несомнѣнно-важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу значенія поэтическихъ произведеній Ломоносова для его времени конечно долженъ служить тотъ фактъ, что они уже при жизни его выдержали нѣсколько изданій, а по смерти его нѣкоторыя изъ нихъ были даже переведены почитателями его таланта на иностранные языки.

Кромѣ произведеній поэтическихъ — одъ, надписей, посланій, трагедій и т. д. — до насъ дошли еще и другаго рода литературныя произведенія Ломоносова: его академическія рѣчи и похвальныя слова. Болѣе всего замѣчательными изъ нихъ оказываются рѣчи, въ которыхъ онъ занимается рѣшеніемъ научныхъ вопросовъ, отношеніемъ естествознанія къ религіи или значеніемъ естественныхъ наукъ вообще. Таковы, напримѣръ, его рѣчи: «о пользѣ химіи», «о рожденіи металловъ», «о происхожденіи свѣта». Въ нихъ онъ постоянно является сторонникомъ современной ему нѣмецкой философіи, утверждавшей, что противорѣчій между откровеніями вѣры и свидѣтельствами науки не можетъ быть, и что наука, какъ и религія, служатъ одинаково къ удостовѣренію въ бытіи Бога, къ раскрытію его величія, благости и всемогущества; что поэтому самому, ни наука не должна мѣшать религіи, ни религія—наукѣ, такъ какъ и та, и другая, хотя и различными путями, однакоже идутъ къ одинаково высокимъ цѣлямъ. Ломоносовъ, какъ истинный ученикъ Вольфа, въ противуположность всей предшествовавшей ему у насъ схоластической школѣ, въ одной изъ рѣчей своихъ рѣшается такъ выразить воззрѣнія свои на вопросъ объ отношеніи науки къ религіи, занимавшій всѣхъ передовыхъ людей нашихъ въ эпоху преобразованія: «не разсудителенъ математикъ,»—такъ говоритъ Ломоносовъ—«если онъ хочетъ волю Божескую вымѣрять циркулемъ; таковъ же богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по псалтири можно научить астрономіи или химіи». Похвальныя слова Ломоносова (Елисаветѣ и Петру Великому), имѣвшія важное политическое и общественное значеніе для современниковъ, переживших страшныя времена Бироновщины, заключаютъ съ себѣ гораздо менѣе новыхъ идей и мало уступаютъ по своему складу и по способу изложенія мысли схоластическимъ образцамъ похвальныхъ словъ, въ томъ видѣ какъ они создавались писателями кіевской школы въ концѣ XVII в. и началѣ XVIII. Къ тому же, тяжелая, напыщенная проза, которою эти ораторскія произведенія написаны, состоящая изъ нескончаемо-длинныхъ періодовъ съ несвойственнымъ русскому языку построеніемъ фразы по образцу латинскому—все это значительно уменьшаетъ литературное достоинство всѣхъ вообще ораторскихъ произведеній Ломоносова, но въ особенности его похвальныхъ словъ. Нельзя не отмѣтить здѣсь, между прочимъ, что и такая внѣшняя форма, и такой складъ рѣчи въ ораторскихъ произведеніяхъ Ломоносова явились вовсе не вслѣдствіе того, чтобы онъ, какъ писатель, не обладалъ извѣстнымъ умѣньемъ излагать свои мысли въ какой бы то ни было литературной формѣ: способъ выраженія Ломоносова является сжатымъ, энергическимъ, а языкъ его естественнымъ и простымъ въ его письмахъ, проэктахъ и дѣловыхъ запискахъ. Но Ломоносовъ, до нѣкоторой степени, не могъ отрѣшиться отъ литературныхъ преданій и вкусовъ схоластическаго направленія, среди которыхъ ему пришлось получить начальное образованіе: подъ вліяніемъ преданій *добраго стараго* времени онъ вѣрилъ въ то, что слогъ долженъ подраздѣляться на три отдѣла: — *высокій*, *средній* и *низкій*—что къ каждому изъ этихъ трехъ отдѣловъ должны были относиться тѣ или другіе литературные роды, и что отличительною чертою *высокаго* слога, которымъ должны были писаться героическія поэмы, оды и произведенія ораторскія, была именно извѣстна напыщенность и высокопарность выраженій, среди которыхъ должны были преобладать преимущественно заимствованные изъ церковно-славянскаго языка слова и обороты.

Это ученіе о трехъ разныхъ *штиляхъ* или *слогахъ*, подробно изложенное Ломоносовымъ въ его Риторикѣ, служитъ какъ бы связывающимъ звеномъ между старыми риторическими теоріями кіевской схоластической науки и между новыми началами, внесенными Ломоносовымъ въ русскій литературный языкъ. Его труды по части русскаго языка и словесности оказали чрезвычайно важное вліяніе на развитіе всего послѣдующаго періода исторіи нашей литературы, и нельзя не согласиться съ тѣми, которые рѣшаются утверждать, что хотя въ общей исторіи наукъ

имѣютъ больше значенія труды Ломоносова по естествовѣдѣнью, однакоже въ приложеніи къ русской жизни перевѣсъ остается совершенно на сторонѣ его сочиненій по теоріи языка и словесности.» [1]) Въ своей «Россійской Грамматикѣ» и въ «Разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ,» и въ особенности въ томъ «планѣ для филологическихъ изслѣдованій, къ дополненію грамматики надлежащихъ» который остался намъ въ бумагахъ Ломоносова, онъ является намъ ученымъ глубоко постигающимъ не только основные законы своего роднаго языка, но даже и отношеніе его къ языкамъ родственнымъ. На этомъ основаніи Ломоносовъ даже и начинаетъ свою русскую грамматику съ наставленія о человѣческомъ словѣ вообще, «а въ нѣсколькихъ отрывкахъ» плана «высказываетъ о сродствѣ языковъ такія понятія, которыя сдѣлались общимъ достояніемъ европейской науки только уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Такъ напримѣръ Ломоносовъ, говоря о происхожденіи языковъ отъ одного общаго корня, говоритъ, что языки «*разнятся свойствами своими*», не только словами; «что они перемѣняются не вдругъ, а въ значительную долготу времени». Сверхъ того, и на самую грамматику Ломоносовъ смотритъ не такъ, какъ смотрѣли до него другіе составители грамматикъ, т. е. не какъ на механическое собраніе правилъ, а какъ на результатъ долговременнаго общенія съ жизнью, которую языкъ проживаетъ вмѣстѣ съ народомъ. При такомъ правильномъ взглядѣ на языкъ, какъ на нѣчто живое и органически цѣлое, Ломоносовъ конечно не могъ и удовольствоваться простымъ повтореніемъ того сухаго грамматическаго матерьяла, который до него вмѣщали въ себѣ наши грамматическіе учебники, и хотя многое изъ нихъ заимствовалъ, однакоже еще болѣе внесъ въ грамматику своего, новаго, имъ самимъ добытаго изъ наблюденій надъ составомъ и свойствами нашего роднаго языка. Бумаги Ломоносова, хранящіяся въ архивѣ Академіи Наукъ, служатъ прямымъ подтвержденіемъ того, что каждая глава, каждый параграфъ его грамматики основываются на цѣломъ рядѣ серьезныхъ и трудныхъ филологическихъ и лексикографическихъ изслѣдованій, наблюденій, замѣтокъ и выписокъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ отношеніи къ знанію коренныхъ свойствъ и особенностей Русскаго языка, Ломоносовъ былъ поставленъ самою судьбою въ чрезвычайно счастливое, почти исключительное положеніе, относительно всѣхъ своихъ современниковъ. Онъ вышелъ на поприще ученое изъ среды народа, и съ далекаго сѣвера, на которомъ во всей чистотѣ своей сохранилось наше сѣверно-русское (новогородское) нарѣчіе, переселился потомъ въ Москву, гдѣ жилъ долгое время; потомъ посѣтилъ Кіевъ и провелъ въ немъ около полугода, въ средѣ малорусскаго образованнаго общества; притомъ же, въ живомъ употребленіи знакомясь съ такими противуположными по свойствамъ своимъ и въ тоже время важными нарѣчіями русскаго языка, Ломоносовъ съ самаго дѣтства прилежно занимался чтеніемъ книгъ церковныхъ, а въ бытность свою въ славяно-греко-латинской академіи успѣлъ уже конечно и въ совершенствѣ ознакомиться съ грамматическими свойствами языка церковно-славянскаго.

Можно утверждать положительно, что никто изъ современнниковъ Ломоносова не обладалъ въ равной съ нимъ степени такимъ разнообразнымъ и глубокимъ знаніемъ Русскаго народнаго и книжнаго языка, какимъ обладалъ онъ. И только при помощи такого глубокаго и разносторонняго изученія различныхъ элементовъ русскаго языка, Ломоносовъ могъ дойти до весьма важнаго по своимъ послѣдствіямъ разбора отношеній между языкомъ церковнославянскимъ и древнерусскимъ, съ одной стороны, и между народнымъ и книжнымъ языкомъ—съ другой. Въ своемъ разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ» онъ указываетъ на необходимость изученія языка церковно-славянскаго и на ту пользу, которую это изученіе можетъ принести каждому грамотному человѣку, но въ то же самое время, совершенно правильно указываетъ на существенное различіе языка церковнославянскаго отъ древне-русскаго, принимая ихъ за два совершенно независимые другъ отъ друга, самостоятельные языка. Но въ томъ особомъ, нѣсколько зависимомъ, отношеніи, въ которое судьба поставила языкъ Русскій по отношенію къ церковно-славянскому, Ломоносовъ рѣшается видѣть важное преимущество языка рус-

[1]) Будиловичъ; стр. 120.

скаго предъ другими, родственными ему, и въ самой церковно-славянской стихіи, вносимой имъ въ русскій литературный языкъ правильно ищетъ противовѣса подавляющему вліянію языковъ иностранныхъ, которые такъ значительно способствовали порчѣ русскаго литературнаго языка въ эпоху преобразованій. «Всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю и дружелюбно совѣтую, извѣрясь собственнымъ своимъ искусствомъ»,—такъ пишетъ Ломоносовъ въ своемъ разсужденіи «о пользѣ чтенія книгъ церковныхъ»—«дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги, отчего къ общей и къ собственной пользѣ воспослѣдуетъ: 1) По важности освященнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ славянскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвыситъ. 2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая равность слога. 3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго славянскаго языка, купно съ россійскимъ, отвратятся дикія и странныя слова, нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, [1]) заимствующихъ красоту изъ греческаго, и то еще черезъ латинскій. Оныя непріятности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется, и россійскій языкъ въ силѣ, красотѣ и богатствѣ, перемѣнамъ и упадку не подверженъ, утвердится, коль долго церковь россійская славословіемъ Божіимъ на славянскомъ языкѣ украшаться будетъ».

Такимъ образомъ Ломоносовъ, связывая современный ему литературный языкъ, съ одной стороны, съ церковно-славянскимъ, съ другой, дѣлаетъ очень смѣлый шагъ впередъ, предлагая допустить и *«простой россійскій языкъ»* (т. е. языкъ народный, разговорный) въ число составныхъ частей, необходимыхъ для пополненія, усовершенствованія и оживленія книжной рѣчи. По поводу этого нововведенія, предлагаемаго Ломоносовымъ въ видахъ улучшенія нашего литературнаго языка и слога, не мѣшаетъ припомнить здѣсь, что еще въ XVI в. одинъ изъ грамотниковъ нашихъ писалъ, что слѣдуетъ «книжными рѣчами исправлять общенародныя рѣчи, а не книжныя народными *обезчещивать*» и что даже еще въ 1751 году, когда Тредьяковскій рѣшился подтвердить свои правила русскаго стихосложенія приведеніемъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ народныхъ пѣсенъ, то подвергся за это самымъ энергическимъ осужденіямъ со стороны образованнаго большинства. И только при такомъ, чуждомъ всякихъ предразсудковъ, взглядѣ, какой высказываетъ Ломоносовъ на языкъ народный, только при томъ правильномъ отношеніи русскаго книжнаго языка къ церковно-славянскому, какое было установлено Ломоносовымъ же, для русскаго литературнаго языка открывалась та блестящая будущность, которую отчасти предвидѣлъ уже и самъ Ломоносовъ, когда въ *приношеніи* своемъ къ «грамматикѣ» указывалъ свойства нашего языка, рѣшаясь ставить его во многихъ отношеніяхъ выше всѣхъ европейскихъ языковъ:

«Карлъ V, Римскій Императоръ»—такъ пишетъ Ломоносовъ въ этомъ *«приношеніи»*—«говаривалъ, что ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями, итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но еслибъ онъ россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ-бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ-бы въ немъ великолѣпіе ишпанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ этого богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка... Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не теряютъ своего достоинства на россійскомъ языкѣ. Тончайшія философскія

[1]) Эти слова Ломоносова относятся только къ злоупотребленію иноземной терминологіей, составлявшему отличительную черту нашего книжнаго языка въ *«эпоху преобразованій»*; самъ же Ломоносовъ вовсе неспособенъ былъ къ исключительности и пуризму въ отношеніи къ нѣкоторымъ иностраннымъ словамъ, получившимъ право гражданства въ русской литературной сферѣ: онъ и и самъ употреблялъ ихъ очень охотно.

воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи мира и человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи».

Такъ, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, думалъ и писалъ о русскомъ языкѣ человѣкъ, возлагавшій великія надежды на будущее, ожидавшее Россію, и по собственному своему опыту съ благородною самонадѣянностью утверждавшій,

«... что можетъ собственныхъ Платоновъ,
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ,
Россійская земля рождать».

ИЗЪ ПИСЕМЪ ЛОМОНОСОВА:

КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

(О смерти Рихмана.)

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Что я нынѣ Вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того, что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ-ли я, или мертвъ. Я вижу, что г. профессора Рихмана громомъ убило, въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то же самое время. Сего Іюля, въ 26 число, въ первомъ часу по полудни поднялась громовая туча отъ Норда. Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни малаго признака электрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался я нарочитыхъ електрическихъ изъ проволоки искоръ, и къ тому пришла моя жена и другія; и какъ я, такъ и онѣ безпрестанно до проволоки и до повѣшеннаго прута дотыкались, затѣмъ, что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойный профессоръ Рихманъ со мною споривалъ. Внезапно громъ чрезвычайный грянулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ у желѣза и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь бѣжали, и жена просила, чтобы я прочь шелъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что шти простынутъ, а при томъ и електрическая сила почти перестала. Только я за столомъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ и страхѣ запыхавшись. Я думалъ, что его кто нибудь на дорогѣ билъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: *«профессора громомъ зашибло»*. Въ самой возможной страсти, какъ силъ было много, пріѣхавъ увидѣлъ, что онъ лежитъ бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея мать таковы же, какъ онъ, блѣдны. Мнѣ и минувшая въ близости моя смерть, и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и плачь его жены, дѣтей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося народа не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на того лице, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ конференціи и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ. Первый ударъ отъ привѣшенной линеи съ ниткою пришелъ ему въ голову, гдѣ красноватое пятно видно на лбу; а вышла изъ него громовая електрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини и башмакъ разодранъ, а не прожженъ. Мы старались движеніе крови въ немъ возобновить, затѣмъ, что онъ еще былъ тепелъ; однако голова его повреждена; и больше нѣтъ надежды. И такъ онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ,[1] что електрическую громовую силу отвратить можно; однако на шестъ съ желѣзомъ, который долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ который бы громъ билъ, сколько хочетъ. Между тѣмъ умеръ г. Рихманъ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ: но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, другая около полугода, какъ объ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ. Того ради ваше превосходительство, какъ истинный наукъ любитель, и покровитель, будьте имъ ми-

[1]) Удостовѣрилъ, доказалъ.

лостивый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лучшаго профессора до самой смерти своей пропитаніе имѣла, и сына своего, маленькаго Рихмана, могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 рублей. Милостивый государь! исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградитъ, и я буду больше почитать, нежели за свое. Между тѣмъ, чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ всепокорнѣйше прошу миловать науки и вашего превосходительства всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ Михайла Ломоносова.

26 іюля, 1753 г.

Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ.

КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

(О зоилахъ).

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Въ исполнененіе приказанія отъ вашего превосходительства въ нынѣшнемъ письмѣ присланнаго, не могу никакимъ образомъ отказаться по Вашему убѣжденію, почитая Вашу неоднократно объявленную мнѣ волю. И такъ, хотя учинить отпоръ моимъ ненавистникамъ; незнаю и весьма сомнѣваюсь, не больше ли я имъ благодарить и ихъ хвалить, нежели мстить и уничтожать, долженъ; благодарить за то, во первыхъ, что они меня своей хулой хвалятъ, и къ большему приращенію малой моей славы не пожалѣли себя опредѣлить въ Зоилы, что я не за меньшую услугу себѣ почитаю; второе — за то, что они подали причину вашему превосхо-

дительству къ составленію нынѣшняго вашего ко мнѣ письма, съ разными разсужденіями, до словесныхъ наукъ касающимися, которое бывшихъ, настоящихъ и будущихъ Зоиловъ злобу въ ничто обращаетъ, и въ которомъ я нестолько заслуги, сколько свою должность вижу. Они [1]) стихи мои осуждаютъ и находятъ въ нихъ надутыя изображенія, для того что они самихъ великихъ древнихъ и новыхъ стихотворцевъ высокопарныя [2]) мысли, похвальныя во всѣ вѣка и отъ всѣхъ народовъ почитаемыя, унизить хотятъ. Для доказательства предлагаю вашему превосходительству примѣры, которыми основательное оправданіе моего имъ возможнаго подражанія показано быть можетъ. Изъ Гомеровой Иліады, пѣснь 5.

Внезапно всталъ Нептунъ съ высокія горы,
Пошелъ и тѣмъ потрясъ и лѣсы, и бугры;
Трикраты онъ ступалъ, четвертый шагъ достигнулъ
До мѣста, въ кое гнѣвъ и духъ его подвигнулъ.

Изъ Виргил. Енеиды, кн. 3.

Едва онъ рѣчь скончалъ, великая громода
Съ горы къ водамъ идетъ, среди овечья стада,
Ужасной Полифемъ, пресквердый изувѣръ,
Исполненъ ярости и злобы выше мѣръ,
Лишася зрѣнія, онъ дубъ несетъ рукою,
Какъ трость, и ищетъ тѣмъ дороги предъ собою.
Зубами заскрипѣлъ и моремъ побѣжалъ,
Едва во глубинѣ до бедръ касался валъ.

Какъ сему Камоенсъ подражаетъ, можно видѣть въ моей риторикѣ, § 158. Кромѣ сихъ Героическаго духа стихотворцевъ и нѣжный Овидій исполненъ высокопарными мыслями:

Изъ превращеній, кн. 1.

Трикраты страшные власы встряхнулъ Зевесъ,
Подвинулъ горы тѣмъ, моря, поля и лѣсъ.

И изъ книги 15.

Я таинства хочу невѣдомыя пѣть:
На облака хочу я выше звѣздъ взлетѣть,
Оставивъ низъ, пойду небесною горою,
Атланту наступлю на плечи я ногою.

Симъ подобныхъ высокихъ мыслей наполнены всѣ великіе стихотворцы, такъ что изъ нихъ можно составить не одну великую книгу. Того ради я весьма тому радъ, что имѣю общую часть съ столь великими людьми; за великую честь почитаю съ ними быть опороченъ неправо; напротивъ того за великое несчастіе, ежели Зоилъ меня похвалитъ Я весьма не удивляюсь, что онъ въ моихъ одахъ ни Пиндара, ни Малгебра [3]) не находитъ: для того, что онъ ихъ не знаетъ и говорить съ ними не умѣютъ, не разумѣя ни по гречески, ни по французски. Не къ поношенію его говорю, но хотя ему доброе совѣтывать за его ко мнѣ усердіе; чтобы хотя одному поучился. Заключая сіе, увѣряю ваше превосходительство, что я съ Перфильевичемъ [4]) переписываться никогда намѣренъ не былъ: и нынѣ, равно какъ прежде сего, пародію его на Тамиру, всѣ противъ меня намѣренья и движенія пропустилъ бы я безпристрастнымъ молчаніемъ безъ огорченія, какъ похвалу отъ его учителя [5]) безъ честолюбиваго услажденія; еслибы я не опасался произвести въ васъ неудовольствіе ослушаніемъ. Но и еще при томъ прошу, ежели возможно, удовольствоваться тѣмъ, что сочинилъ г. Поповскій, почетшій за свою должность по справедливости, что Перфильевичъ себѣ неправо присвояетъ. [6]) Данной мнѣ отъ него титулъ

[1]) Елагинъ и Сумароковъ. [2]) *Высокопарный* — въ смыслѣ: возвышенный, величавый. [3]) Т. е. *Малерба* (Malherbes), французскаго лирическаго поэта, жившаго въ концѣ XVI и началѣ XVII в. (1555—1628). [4]) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, современный писатель, оберъ-гофмейстеръ и директоръ придворнаго театра. [5]) Здѣсь подъ названіемъ *учителя* разумѣетъ Ломоносовъ Сумарокова, которому Елагинъ посвятилъ свою «сатиру на петиметровъ», въ которой величаетъ С—ва такъ: «Наперсникъ Буаловъ, россійскій нашъ Расинъ, защитникъ истины, гонитель, бичъ пороковъ, *благій учитель мой*... [6]) Здѣсь намекается на извѣстную надпись Поповскаго къ гравированному портрету Ломоносова:

Московскій здѣсь Парнассъ изобразилъ витію,
Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ,
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ, — Ломоносовъ.

никогда бы я не оставилъ въ его стихахъ, если бы я хвастовствомъ моихъ завистниковъ не принужденъ былъ рассудить, что, тѣмъ именемъ нынѣ ученику меня назвать можно, которымъ меня за двадцать лѣтъ учители мои называли. Всепокорнѣйше прошу извинить тѣсноту строкъ. Съ усерднѣйшимъ высокопочитаніемъ пребываю Вашего Превосходительства всепокорнѣйшій слуга

Михайло Ломоносовъ.

Изъ С.-Петербурга. 16 окт. 1753 года.

КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

(Съ характеристикою Шумахера).

Что я письмами Вашего Превосходительства нынѣ не оставленъ, сіе служитъ мнѣ къ великому утѣшенію въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Совѣтникъ Шумахеръ, пренебрегая то, что онъ отъ Его Сіятельства Г. Президента ордеромъ о произведеніи публичнаго акта изобличонъ былъ въ своихъ неправедныхъ поступкахъ въ разсужденіи моей рѣчи, употреблялъ еще всѣ коварные свои происки для ея остановленія. Правда, что онъ всегда былъ высокихъ наукъ, а слѣдовательно и мой, ненавистникъ и всѣхъ профессоровъ гонитель, и коварный, и злохитростный приводчикъ въ несогласіе и враждованіе; однако нынѣ сталъ еще вдвое, имѣя двойные интересы, т. е. прегордаго невѣжду, высокомысленнаго фарисея зятя своего Т.[1]). Всѣ, нынѣ упражняющіеся въ наукахъ, говорятъ: не дай Богъ чтобъ академія досталась Тауберту въ приданое за дочерью Шумахеровой: обоихъ равна зависть и ненависть къ ученымъ, которая отъ того происходитъ, что оба не науками, но чужихъ рукъ искусствомъ, а особливо профессорскимъ попраніемъ, подняться ищутъ и нынѣ профессоровъ одного на другаго подущать и ихъ несогласіемъ пользоваться стараются. Я о всемъ писалъ къ Его Сіятельству г. Президенту нарочито пространно и всепокорнѣйше просилъ, чтобы сдѣлать конецъ двадцатилѣтнему бѣдному академіи состоянію и отбавить [1]) отъ приближающагося конечнаго раззоренія. Между тѣмъ Васъ, Милостиваго государя и Отца, слезно прошу учинитъ съ науками въ Россіи великую милость, чтобы какимъ Вамъ заблагоразсудится образомъ сіе общее благополучію ученыхъ препятствіе окончалось, воспослѣдовали бы уже давно отъ всѣхъ желаемая тишина и радость. По Вашего Превосходительства письмамъ разсуждаю, что вы графу К. Г. [2]) пристойнымъ образомъ о моемъ къ нему письмѣ знать дать можете; которое на прошлой почтѣ къ нему послано. Сила и важность вся въ томъ состоитъ, чтобъ безъ вѣдома профессорскаго никакія ученыя дѣла не отправлялись и Его бы Сіятельство ничего не аппробовалъ что канцелярія безъ согласія собраній о томъ представитъ. Ибо кромѣ сего на что профессорскія собранія? На что ихъ голосы? Когда Шумахеръ все смыслитъ, когда ему все повѣрить можно.... *Все смыслитъ?* Боже мой! но онъ и въ главной своей охотѣ, въ рисованіи, толку не знаетъ. Посмотрите на изображеніе Е. И. В., что на Петербургскомъ планѣ. *Ему все повѣрить можно?* Правда, — козлу капусту, овецъ волку! На него просили первые профессоры, призванные въ Россію Петромъ Великимъ, которыхъ онъ своими коварствами отсюда вытѣснилъ и наше отечество лишилъ великія пользы; на него просили студенты въ правительствующемъ сенатѣ, какъ я былъ за моремъ, за что ему былъ престрогій выговоръ; на него просили снова студенты и канцелярскіе служители съ Нартовымъ [3]) въ испроверженіи наукъ и въ расточеніи казны, гдѣ онъ во многомъ изобличенъ и только знатнымъ предстательствомъ избавился. Наконецъ просили на него и всѣ профессоры обще; и для того поручено было имъ правленіе ученыхъ дѣлъ до президента. При такъ великихъ примѣрахъ его злости, при томъ великомъ множествѣ свидѣтелей разнаго состоянія, разныхъ народовъ и въ такъ разныя времена и обстоятельства, возможно-ли сомнѣваться о безсо-

[1]) *Тауберта*, какъ видно изъ дальнѣйшаго. [2]) К. Г. Разумовскому, президенту академіи. [3]) Совѣтникъ академической конференціи, враждовавшій съ Шумахеромъ и писавшій на него доносы.

вѣстномъ его поведеніи? возможно-ли ожидать цвѣтущаго наукъ состоянія? Возможно-ли подумать, что все на него напрасно солгано за тѣмъ, что онъ не повѣшенъ? Сіе столько же его оправдать можетъ, какъ публикованнаго бездѣльника князя Хованскаго, который многократно судей и права умѣлъ употребить къ своему закрытію и избавленію отъ петли. Не довольно ли о семъ увѣряетъ внѣшнее и внутреннее Академ'ч бѣдное состояніе. Извнѣ почти однѣ развалины; внутри нѣтъ ничего, чтобъ Академіею и Университетомъ могло назваться по примѣру иностраннныхъ и по несравненному великодушію Монархини нашей. Я ожидаю какъ отъ Его Сіятельства г. Президента, такъ и отъ Вашего Превосходительства скорой наукамъ помощи, и за должность мою къ отечеству и за несказанныя щедроты Всемилостивѣйшей Государыни положилъ твердое и непоколебимое намѣреніе, чтобы за благополучія наукъ въ Россіи, ежели потребуютъ, не пожалѣть всего моего временнаго благополучія, съ чѣмъ остаюсь непремѣнно и проч. и проч.

Санктпетербургъ. Ноября 1 дня 1753 г.

Копія съ письма г-ну Теплову, посланнаго на Украйну въ 1761 году [1]).

Неоднократно писалъ я къ Его Сіятельству и къ Вашему Высокоблагородію, отъ истиннаго усердія къ расширенію наукъ въ отечествѣ, въ Москву и на Украйну, и представлялъ здѣсь словесно и письменно о исправленіи застарѣлыхъ непорядковъ. Однако не по мѣрѣ Монаршей къ наукамъ щедроты воспослѣдовали рѣшенія и успѣхи; затѣмъ, что не отнято прежнее самовольство недоброхотамъ приращенію наукъ въ Россіи; а когда злодѣи ободряются, а добрые унижаются, то всегда добру вредъ чинится. Кромѣ многихъ недавнешней примѣръ сами довольно помните, и въ совѣсти своей представить можете; что вы, сердясь на меня по безсовѣстнымъ и ложнымъ жалобамъ двухъ студентовъ,—кои отнюдь требовали быть адъюнктами по недостоинству, а сами отъ университета вовсе отстали (и изъ коихъ, какъ я послѣ увѣдомился, одинъ вашъ сватъ) — здѣлали неправое дѣло. Не спрося отъ меня отвѣту и оправданія присовѣтывали, да и по штилю видно, сами сочинили мнѣ публичный выговоръ, - человѣку, который больше достоинствъ и заслугъ имѣетъ, нежели за такую мѣлочь передъ командою былъ обруганъ. И того еще вамъ было мало; вдосаду мнѣ, прибавили Миллеру жалованья, чтобы онъ отправлялъ три дѣла исправно. А именно за то, что онъ, будучи профессоромъ 30 лѣтъ, никогда лекцій не читывалъ и не сочинялъ ничего, чтобы профессора было достойно. 2) Что онъ будучи конференцъ-секратарь задерживаетъ намъ комментаріи неисправностію въ сочиненіи сокращеній, ведетъ тайную, непозволенную и подозрительную съ иностранными переписку. 3) Что въ «Ежемѣсячныя сочиненія» вносятъ не только вещи, какія студентъ можетъ и кадеты съ похвалою исправляютъ; но и вездѣ, гдѣ только можно, предосудительныя нашему отечеству вещи вноситъ. Все сіе показалось вамъ заслугами; а мое представленіе, что черезъ шестнадцать лѣтъ одами, рѣчьми, химіею, физикою, исторіею дѣлаю честь отечеству, и всегда о добрѣ Академіи и о праведной, а не подложной чести Его Сіятельства усердствую, вы пріяли за погрѣшность, для того, что я не удовольствовалъ безстыдныхъ требованій вашего свата. Повѣрьте, Ваше Высокоблагородіе, я пишу не изъ запальчивости: но принуждаетъ меня изъ многихъ лѣтъ извѣданное слезными опытами академическое несчастіе. Я спрашивалъ и испыталъ свою совѣсть: она мнѣ ни въ чемъ не зазритъ сказать вамъ нынѣ всю истинную правду. Я бы охотно молчалъ и жилъ въ въ покоѣ; да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилѣжанія въ въ ученіи и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже.

Нѣкогда, отговариваясь учинить прибавку жалованья профессору Штрубу, писали вы къ нему: «L'Academie sans academiciens, la chancellerie sans membres, l'université sans

[1]) Эта надпись сдѣлана самимъ Ломоносовымъ.

étudiens, les régles sans autorité et au reste une confusion jusqu'à présent sans remède»... Кто въ томъ виноватъ, кромѣ васъ и вашего непостоянства? Сколько разъ вы были другъ и недругъ Шумахеру, Тауберту и Миллеру, и—что удивительно — мнѣ? Въ томъ больше вы слѣдовали стремленію своей страсти, нежели общей академической пользѣ; и чрезъ таковыя повседневныя перемѣны колебали какъ трость все академическое зданіе. Тотъ сегодня въ чести и милости, завтре въ позорѣ и въ упадкѣ. Тотъ, кто высланъ съ безчестьемъ, съ честью назадъ призванъ. Изъ многихъ примѣровъ нѣтъ Миллерова чуднѣе. Для него положили вы въ регламентѣ быть всегда ректоромъ въ университетѣ исторіографу, сирѣчь Миллеру. Послѣ, осердясь на него, сдѣлали ректоромъ Крашенинникова; послѣ примиренія опять произвели надъ нимъ коммисію за слова: «Academie phanatique»; потомъ, нестолько за дурную диссертацію, какъ за свою обиду, низвергнули вы его въ адъюнкты и тотчасъ возвели въ секретари конференціи съ прибавкою вдругъ великаго жалованья; представили его въ коллежскіе совѣтники, въ канцелярскіе члены; и опять мнѣніе отмѣнили: потомъ прибавили двѣсти рублевъ жалованья и еще съ похвалами; въ ту самую пору, когда его должно было послать на соболиную ловлю. Все сіе производили Вы, по большей части, подъ именемъ охраненія президентской чести которая однако не въ томъ состоитъ, чтобъ дѣлать вышеупомянутые перевороты: но чтобы производить дѣло Божіе и Государево постоянно и непревратно, приносить обществу безпреткновенную, истинную пользу, и содержать порученное правленіе въ неколебимомъ состояніи, и въ неразвратномъ и безпрерывномъ теченіи. Представьте себѣ, что знающіе думають, а знаютъ всѣ: представьте, что говорятъ! Миллеръ, штрафованный за вздорную диссертацію о Россійскомъ народѣ и оному предосудительную, и за то въ опредѣленіи подозрительнымъ признанный, имѣетъ уже позволеніе писать и печатать на нѣмецкомъ языкѣ Россійскія извѣстія безъ всякой опасности. Изобличенный въ непозволительной перепискѣ и за то арестованный, учиненъ секретаремъ конференціи и пишетъ въ чужіе краи, что хочетъ, безъ ея вѣдома. Всѣватель недоброхотныхъ и занозливыхъ мыслей въ *мѣсячныхъ сочиненіяхъ*, получаетъ за то похвалы и награжденія. Все сіе происходитъ чьимъ стараніемъ? Вашего Высокоблагородія. Надѣясь на васъ (Миллеръ) не хочетъ и не думаетъ отстать отъ своихъ наглыхъ глупостей, и презираетъ указы, посылаемыя изъ Канцеляріи.

На все не смотря еще есть вамъ время обратиться на правую сторону. Я пишу нынѣ къ вамъ въ послѣдній разъ и только въ той надеждѣ, что иногда примѣтилъ въ васъ и добрыя о пользѣ Россійскихъ наукъ мнѣнія. Еще уповаю, что вы не будете больше одобрять недоброхотовъ Россійскимъ ученымъ. Богъ совѣсти моей свидѣтель, что я симъ ничего инаго не ищу, какъ только, чтобы закоренѣлое несчастіе академіи пресѣклось. Буде жъ еще такъ все останется и мои праведныя представленія уничтожены отъ васъ будутъ; то я забуду вовсе, что вы мнѣ нѣкоторыя одолженія дѣлали. За нихъ готовъ я вамъ благодарить приватно по моей возможности. За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего роднаго возстать за грѣхъ не ставлю. И такъ, нынѣ изберите любое. Или одобряйте явныхъ недоброхотовъ не токмо учащемуся Россійскому юношеству, но и тѣмъ сынамъ отечества, кои уже имѣютъ знатныя въ наукахъ и всему свѣту извѣстныя заслуги. Ободряйте, чтобы Академія, чрезъ ихъ противоборство никогда не бывать въ цвѣтущемъ состояніи, и зато ожидайте отъ всѣхъ честныхъ людей роптанія и презрѣнія; или внимайте единственно дѣйствительной пользѣ Академіи, откиньте льщенія опасныхъ противоборниковъ наукъ Россійскихъ, не употребляйте Божьяго дѣла для своихъ пристрастій, дайте возрастать свободно насажденію Петра Великаго. Тѣмъ заслужите не токмо въ прежнемъ прощеніе, но и немалую похвалу, что вы могли себя принудить къ полезному наукамъ постоянству.

Чтожъ до меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобы до гроба моего съ непріятельми наукъ Россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ: стоялъ за нихъ съ молода, на старость не покину.

P. S. Вчерашняго числа Клейнфельдъ удавился. Шаубертъ отозвалъ меня къ сторонѣ, просилъ ни кому того не сказывать, ради чести академіи. А про Софронова дурную смерть ходилъ вездѣ сказывать, что Русскіе такіе-то сякіе, не думалъ про честь Академіи.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ЛОМОНОСОВА.

Утреннее размышленіе о Божьемъ величествѣ.[1]

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли,
И божія дѣла открыло.
Мой духъ, съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!
  Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззрѣть:
Тогда-бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.
  Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ;
Горящи тамъ дожди шумятъ.
  Сія ужасная громада,
Какъ искра предъ тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ты творить намъ повелѣлъ!
  Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ.
И взору нашему открылись,
Исполненны Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!
  Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ твой въ бездну проникаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости твоихъ очей
Ліется радость твари всей.
  Творецъ! покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи, —
И что угодно предъ Тобою,
Всегда творити научи,
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, безсмертный Царь!

Вечернее размышленіе о Божьемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачно ночь;
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь;
Открылась бездна, звѣздъ полна,
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ—дна.
  Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ:
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ!
  Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ;
Народы тамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы Божества,
Тамъ равна сила естества.
  Но гдѣ-жъ, Натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце-ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты-ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!
  О вы, которыхъ быстрый зракъ.
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малой вещи знакъ
Являетъ естества уставъ,—
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ;
Скажите, что насъ такъ мятетъ?
  Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ!
  Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ водъ верхи горятъ;
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ эѳиръ.

[1]) Величество — вмѣсто: *величіе*.

Сомнѣній полнѣ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ;
Скажите-жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Не свѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите-жъ, коль великъ Творецъ?

Ода на день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветъ Петровны.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты,
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя. [1])
Ты, кромѣ той, [2]) всего превыше,
Душа ея зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.
Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ:
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя, пріявъ, облобызала:
Мнѣ полно [3]) тѣхъ побѣда сказала,
Для коихъ криво льется токъ.
Я Россовъ счастьемъ услаждаюсь,
И ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.
Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ:
О коль достойно возвеличенъ,
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ;
Когда ты крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ собою.
Добротъ твоихъ прекрасныхъ ликъ!
Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія твоихъ похвалъ.
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ, и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный [4]) вѣтръ.
Чрезъ яры волны порываетъ:
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ;
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.
Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай, вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.
Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни:
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попранну,
Съ собой возвысилъ до небесъ.
Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечь въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна,
Сомнѣнная [5]) Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?
Тогда Божественны науки,
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки,
Къ сему монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды».

[1]) Т. е. Тишины. [2]) *Той* т. е. *Елисаветы.* [3]) Т. е. довольно. [4]) Благопріятный. [5]) Сомнѣвающаяся.

Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.
Но ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ;
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верхи парнасски возстенали.
И музы воплемъ провожали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.
Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался путь;
И токмо, шествуя, желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ еслибъ жизнь ея продлилась,
Давно-бъ Секвана [1]) постыдилась,
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!
Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики!
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство музъ усугубляетъ
И къ счастью отверзаетъ дверь.
Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ,
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.
Сія Тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ.
Пространная Твоя держава,
О какъ Тебя благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ:
Богатство, въ оныхъ потаенно,
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью Твоей цвѣтетъ.
Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія;
Но требуетъ къ тому Россія
Искуствомъ утвержденныхъ рукъ:
Сіе [2]) злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу,
Тобой возставленныхъ наукъ.
Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ Своими чудесами:
Тамъ Лена чистой быстриной,
Какъ Нилъ, народы напояетъ.
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнявшись морю шириной.
Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ, густостью животнымъ тѣсны,
Стоятъ глубокіе лѣса;
Гдѣ, въ роскоши прохладныхъ тѣней,
По паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не разгонялъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не устрашалъ.
Широкое открыто поле,
Гдѣ музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ,
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ Твой до небесъ прославимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ,
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться,
Въ Твою державу отъ Манжуръ.
Се мрачной вѣчносту закону.
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ;
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ.
И море тщится уступить:
Колумбъ Россійскій черезъ воды,
Спѣшитъ въ невѣдомы народы,
Твои щедроты возвѣстить.

[1]) Сена. [2]) Т. е. искусство (въ смыслѣ: науки, умѣнья).

Тамъ, тьмою островов посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесный синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ,
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.
И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски [1]) копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи Твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется.
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.
О вы, которыхъ ожидаетъ,
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ, ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ.
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ,
Россійская земля раждать.
Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастной—случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ—утѣха.
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ [2]) вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.
Тебѣ, о милости источникъ,
О ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ,
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя [3]) нашему покою,
Противъ Тебя возстать войною.
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ безпреткновенну
И жизнь Твою благословенну
Съ числомъ щедротъ Твоихъ сравнитъ.

XXVI.

СУМАРОКОВЪ — ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ЛИТЕРАТОРЪ.—ПЕРВЫЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЕГО.—ОСНОВАНІЕ РУССКАГО ТЕАТРА ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ И ВЪ СТОЛИЦѢ.—БІОГРАФИЧЕСКІЯ ПОДРОБНОСТИ.—СУМАРОКОВЪ, КАКЪ ДРАМАТУРГЪ И САТИРИКЪ.

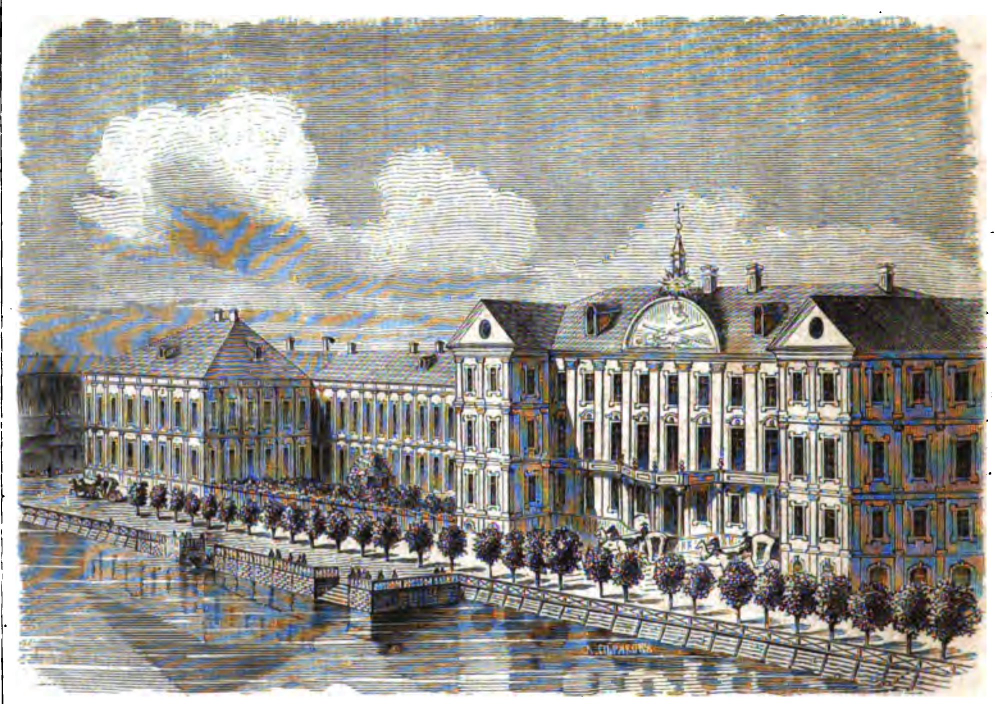
Крупною личностью Ломоносова заканчивается тотъ рядъ учено-литературныхъ дѣятелей, которые, какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше, представляютъ собою особенность, исключительно свойственную эпохѣ преобразованій. Въ теченіе этой многознаменательной эпохи, литература и наука успѣли совершенно освободиться отъ опеки духовенства и монашества, но еще не успѣли вполнѣ отдѣлиться другъ отъ друга и проявиться какъ двѣ независимыя, могучія общественныя силы. Уже въ концѣ первой четверти XVIII в. литература успѣла пріобрѣсти въ обществѣ нѣкоторое значеніе и вѣсъ, а во второй четверти того же столѣтія ей удалось до весьма значительной степени улучшить свои средства и способы, и обогатиться порядочнымъ количествомъ новыхъ, неизвѣстныхъ ей дотолѣ, формъ; и не смотря на все это, дѣятельность литературная не только не пользовалась еще никакою самобытностью, не только не заслуживала никакого уваженія со стороны большинства, но даже и въ глазахъ людей образованныхъ, ученыхъ, являлась гораздо менѣе важною и почтенною, нежели дѣятельность научная. По крайней мѣрѣ, даже и тѣ дѣятели этой эпохи, которые добровольно посвящали литературѣ свои досуги отъ дѣлъ и научныхъ занятій, неохотно сознавались въ этомъ передъ публикою, и даже искали себѣ оправданія въ томъ, что потратили время на такое неважное, не серьезное занятіе. Самъ Ломоносовъ,—въ которомъ нельзя не видѣть выраженія всѣхъ лучшихъ умственныхъ и нравственнныхъ стремленій его времени,—

[1]) *Рифейскія* — Уральскія горы. [2]) Т. е. приносятъ пользу. [3]) *Завидя*, вм. завидуя.

смотрѣлъ еще на литературу свысока, съ исключительной точки зрѣнія ученаго и ставилъ занятія литературою гораздо ниже занятій наукою. Только при такомъ взглядѣ Ломоносова на литературу намъ становятся понятны его насмѣшки надъ людьми, подобно Сумарокову, исключительно посвящавшими себя занятіямъ литературнымъ. А между тѣмъ, этимъ то людямъ, ставившимъ «свое бѣдное риѳмичество выше всего на свѣтѣ», и суждено было быть провозвѣстниками новой, наступавшей эпохи, чего, конечно, никакъ не могъ постигнуть Ломоносовъ. Такіе переходы отъ одной эпохи къ другой почти никогда не совершаются въ видѣ рѣзкихъ перемѣнъ, крутыхъ поворотовъ и переломовъ: исторія умѣетъ сглаживать острые, рѣзко выдающіеся углы при помощи ряда явленій, одинаково принадлежащихъ и минувшей, пережитой эпохѣ, и новой, послѣдовавшей за нею. Такими переходными, смѣшанными явленіями особенно бываютъ богаты въ исторіи литературы періоды, составляющіе грань двухъ смежныхъ эпохъ, которыми обозначается поступательное историческое развитіе умственной и духовной жизни общества. Къ числу такихъ именно явленій, составляющихъ переходъ отъ эпохи преобразованій къ блестящему вѣку Екатерины, принадлежитъ несомнѣнно и личность Сумарокова, который, по образованію и развитію, относится къ концу эпохи преобразованій; но, по характеру и направленію своей дѣятельности, онъ стремится всѣми силами выйдти изъ того тѣснаго круга, который опредѣляла писателю эпоха преобразованій, отвергаетъ многія преданія ея, отзывавшіяся схоластицизмомъ XVII вѣка, и силится придать русскому писателю то значеніе, которымъ писатель уже издавна пользовался на западѣ. Однакоже, въ стремленіяхъ своихъ и усиліяхъ, горячій и самонадѣянный Сумароковъ позабываетъ совершенно о недостаточности своего образованія, объ ограниченныхъ средствахъ своего таланта, о неразвитости окружающаго его большинства общества... При всемъ желаніи измѣнить и улучшить положеніе русскаго писателя, Сумароковъ забываетъ о своей личной неподготовленности, о своей неспособности къ занятію новой роли писателя, и доходитъ только до отрицанія всего, что совершается около него въ нашей литературѣ. Но въ то же время, какъ представитель той эпохи, въ которой онъ самъ развивался и получилъ образованіе,—эпохи, болѣе всего страдавшей недостаткомъ критики, Сумароковъ и къ критикѣ литературной, и къ критикѣ общественныхъ нравовъ приступаетъ еще совершенно наивно, исходя изъ сознанія своей личной высоты нравственной и искренно вѣруя въ свою литературную геніальность. И вотъ, рядомъ съ Ломоносовымъ, который глубоко проникнутъ сознаніемъ своего научнаго значенія и сознаніемъ заслугъ своихъ предъ отечествомъ, является гораздо менѣе Ломоносова замѣчательная личность Сумарокова, его постояннаго врага и литературнаго противника, принадлежащаго къ совершенно противоположному литературному направленію и въ то же время еще болѣе Ломоносова проникнутаго сознаніемъ своего важнаго значенія для Россіи. Но какъ бы ни казалась, сравнительно съ Ломоносовымъ, мала и маловажна личность Сумарокова, ни малѣйшему сомнѣнію не можетъ подлежать то, что она уже носитъ на себѣ всѣ признаки наступленія новаго времени; и если Ломоносовъ представляетъ намъ собою, при всей своей геніальности, крайній предѣлъ того развитія, котораго могъ достигнуть писатель въ Россіи въ концѣ эпохи преобразованій, то Сумароковъ, при всей незначительности своего образованія и ограниченности своего литературнаго таланта, все же является намъ настоящимъ представителемъ новаго и болѣе правильнаго взгляда на значеніе и положеніе писателя въ обществѣ, того взгляда, который окончательно установился только въ теченіе слѣдующаго періода и приготовилъ русской литературѣ ея блестящую будущность. И если, приступая къ описанію эпохи преобразованій, мы рѣшились назвать Ѳ. Прокоповича «первымъ русскимъ свѣтскимъ писателемъ», то совершенно въ томъ же смыслѣ Сумароковъ долженъ быть, по нашему мнѣнію, названъ, «первымъ русскимъ литераторомъ» въ томъ общемъ значеніи, которое привыкли у насъ придавать этому слову.

Александръ Петровичъ Сумароковъ (род. 1717, ум. 1777 г.) по происхожденію относился къ высшему слою современнаго русскаго общества. Предки Сумарокова принадлежали къ одному изъ нашихъ старыхъ боярскихъ родовъ и многіе изъ нихъ, состоя на службѣ при московскихъ государяхъ, пользовались

даже нѣкоторымъ значеніемъ въ придворной средѣ; отецъ Александра Петровича также успѣлъ дослужиться, въ эпоху преобразованій, до чина Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и скончался уже въ царствованіе Екатерины II. Обращаемъ вниманіе на эти подробности именно потому, что самъ Александръ Петровичъ придавалъ нѣкоторое значеніе своей родовитости, особенно когда сравнивалъ себя съ другими литературными дѣятелями своего времени: Ломоносовымъ, Тредьяковскимъ и т. д. Мы ничего не знаемъ ни о мѣстѣ рожденія Сумарокова, ни о дѣтствѣ и домашнемъ воспи-

Сухопутный Шляхетный Кадетскій корпусъ.

таніи, до поступленія его въ Сухопутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ, основанный по идеѣ фельдмаршала Графа Миниха, въ 1730 году, и предназначавшійся спеціально для того, чтобы молодые люди, приготовлявшіеся къ военному званію, могли получать соотвѣтствующее потребностямъ времени военное образованіе и нѣкоторый свѣтскій лоскъ. Трудно составить себѣ, по неимѣнію свѣдѣній, опредѣленное понятіе о томъ, чему именно и какъ обучали Сумарокова въ корпусѣ, тѣмъ болѣе, что его пребываніе въ этомъ заведеніи (съ мая 1732 г. по апрѣль 1740 г.) относится къ первымъ временамъ существованія корпуса. Опредѣленно можно сказать только то, что корпусъ, не смотря на свое, повидимому, спеціальное назначеніе, былъ въ началѣ второй четверти XVIII столѣтія почти единственнымъ въ Россіи учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ можно было получить общее образованіе. Первоначально, по недостатку въ русскихъ преподавателяхъ, всѣ корпусные преподаватели даже выписывались изъ за границы при посредствѣ Академіи Наукъ, черезъ публикацію въ иностранныхъ газетахъ. Въ сороковыхъ годахъ преподаваніе въ корпусѣ нѣкоторыхъ предметовъ производилось уже вѣроятно по Русски [1]), но въ началѣ существованія этой «рыцарской академіи» (какъ тогда называли корпусъ) тамъ не могло быть ни одного учителя изъ русскихъ. По аттестату, полу-

[1]) Такъ напр. мы знаемъ, что въ 1746 году Ломоносовъ читалъ кадетамъ *на русскомъ языкѣ* лекціи по физикѣ, во время лѣтнихъ вакацій.

ченному Сумароковымъ при выпускѣ изъ корпуса, также не оказывается никакой возможности получить опредѣленное понятіе объ уровнѣ свѣдѣній, вынесенныхъ имъ изъ этого заведенія, хотя въ немъ и значится подробно, что Александръ Петровичъ «въ геометріи обучилъ тригонометрію, експликуетъ и переводитъ съ нѣмецкаго на французскій языкъ; въ исторіи универсальной окончилъ Россію и Польшу; въ географіи атласъ Гибнеровъ обучилъ: сочиняетъ нѣмецкія письма и ораціи, мораль Вольфскую до III главы второй части (прошелъ); имѣетъ начало въ итальянскомъ языкѣ» и т. д. Однакоже нельзя отрицать того, что первое побужденіе къ занятіямъ литературнымъ появилось у Сумарокова вслѣдствіе вліянія корпусной обстановки. Повидимому, тамъ существовали какія-то условія, благопріятныя, для развитія литературныхъ способностей, поощрялись и самыя занятія словесностью, къ которымъ охота поддерживалась между кадетами до такой степени, что въ послѣдствіи они даже образовали въ средѣ своей нѣчто въ родѣ небольшаго литературнаго кружка, стали даже издавать журналъ, завели и свою домашнюю сцену, которая привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе. Въ 1759—1760 г. г. видимъ при корпусѣ даже особую типографію. И хотя все это уже явилось гораздо позже выхода Сумарокова изъ корпуса, однакоже первые зачатки такого пристрастія къ словесности и театру вѣроятно уже проявились въ первыя времена существованія корпуса, потому что уже начиная съ 1735 г. вводится, напримѣръ, въ Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ любопытный обычай ежегоднаго поднесенія императрицѣ стихотворныхъ поздравленій съ наступающимъ новолѣтіемъ. Въ этихъ стихотворныхъ, силлабическими виршами написанныхъ, поздравленіяхъ, «юность рыцарской академіи» выражаетъ свои чувства основательницѣ корпуса и нерѣдко украшаетъ свои аляповатыя, безобразныя произведенія анаграммами и другими внѣшними украшеніями, бывшими въ модѣ въ то время. Намъ сохранился, напримѣръ, отъ того періода, слѣдующій любопытный отрывокъ этой кадетской поэзіи:

АННА буди здравА отъ Бога намъ дАННА
Новый годъ ти мирен дай Богъ и угодеН
На побѣды силеН, земли плодородеН
АННА ты намъ славА будь Богомъ сохрАННА.

Къ общему поздравленію «всей юности рыцарской академіи», въ 1737 г. присоединилъ и свое частное поздравленіе какой-то кадетъ Михаилъ Собакинъ «въ знакъ вѣрной ревности своей»; а въ 1740 поднесены были Императрицѣ «поздравительныя оды отъ кадетскаго корпуса», сочиненныя чрезъ Александра Сумарокова. Въ этихъ первыхъ печатныхъ стихотвореніяхъ своихъ, Сумароковъ еще придерживается литературныхъ пріемовъ старой школы и не имѣетъ понятія о новой формѣ русскаго стихосложенія, которая около этого времени выработывалась Тредьяковскимъ и Ломоносовымъ. Принимая въ соображеніе эти первыя юношескія стихотворные опыты Сумарокова, и въ особенности ихъ внѣшнюю форму, мы можемъ сильно не довѣрять тому, что онъ самъ говоритъ о самостоятельности зарожденія и развитія въ немъ литературнаго таланта: *«Русскимъ языкомъ и чистотою склада и стиховъ, и прозы не долженъ я никому*, кромѣ себя, да долженъ я за первыя основанія въ русскомъ языкѣ отцу моему, а онъ тѣмъ Зейкену, который выписанъ былъ отъ Государя Императора Петра Великаго въ учители къ господамъ Нарышкинымъ, и который послѣ былъ учителемъ Государя Императора Петра Втораго». Для насъ не можетъ подлежать сомнѣнію съ одной стороны то, что первыя побужденія и поощренія къ занятію литературной дѣятельностью Сумароковъ получилъ именно въ корпусѣ; а съ другой стороны, что, по выходѣ изъ корпуса, во время своего перваго знакомства съ Ломоносовымъ, Сумароковъ несомнѣнно подчинялся его вліянію и подъ его руководствомъ усовершенствовался и въ языкѣ, и въ слогѣ, и въ стихотворствѣ; по его собственному признанію, онъ «тогда тонкость стопосложенія не зналъ.»

Въ 1740 году, Сумароковъ, 22-хъ лѣтъ отъ роду, выпущенъ былъ изъ корпуса и поступилъ въ военную службу. Намъ точно также мало извѣстны первые шаги Александра Петровича на служебномъ поприщѣ, какъ и первые годы его дѣтства и юности. Достовѣрно только то, что, по своему происхожденію и образованію, онъ нашелъ себѣ доступъ въ высшее общество, въ которомъ особеннымъ успѣхомъ пользовались «нѣжныя пѣсенки» его сочиненія, а впослѣдствіи, вѣроятно на основаніи этихъ же связей съ высшимъ современнымъ обществомъ, Сумарокову уда-

лось попасть въ адъютанты къ знатнѣйшему изъ вельможъ Елисаветинскаго времени, графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, при которомъ онъ довольно долго управлялъ лейбъ-компанейскою канцеляріею и дослужился до чина бригадира. Вѣроятно черезъ Разумовскаго сталъ Сумароковъ извѣстенъ Императрицѣ Елисаветѣ, а впослѣдствіи даже и заслужилъ ея особенное благоволеніе своею усиленною литературною дѣятельностью для пополненія репертуара зарождающейся русской сцены, которую Елисавета приняла подъ свое личное покровительство. Весь первый періодъ литературной дѣятельности Сумарокова, во время пребыванія его въ военной службѣ, также остается для насъ до сихъ поръ довольно темнымъ, почти вплоть до появленія его первой трагедіи—«Хорева,» въ 1747. Изъ времени, предшествующаго 1747 году, мы знаемъ только то, что въ 1743 г. въ Академической Типографіи отпечатаны были «три парафрастическія оды» Тредьяковскаго, Ломоносова и адъютанта Сумарокова, *«подъ смотрѣніемъ Тредьяковскаго»*. Знаемъ еще, что трагедія «Хоревъ, «напечатанная въ 1747 году, послѣ первыхъ своихъ представленій, обратила на себя въ такой степени вниманіе Императрицы, что она и Тредьяковскому, и Ломоносову, черезъ президента Академіи, приказала написать по трагедіи. Отъ слѣдующаго 1748 года, намъ сохранилось любопытное свѣдѣнье о другой трагедіи Сумарокова — «Гамлетъ» — въ бумагахъ Академической Канцеляріи. «Сего Октября 8-го числа» — такъ гласитъ одинъ изъ ея документовъ — «Его Высокографскаго Сіятельства перваго камергера генерала аншефа Ея Императорскаго Величества оберъ-егермейстера, лейбкомпаніи капитана поручика, обоихъ россійско-императорскихъ орденовъ, тако-жъ польскаго бѣлаго орла и св. Анны кавалера, лейбгвардіи коннаго полку Г. полковника графа А. Г. Разумовскаго генералсъ адъютантъ *Александръ Сумароковъ* въ Канцелярію Академіи Наукъ взнесъ сочиненія его *«Гамлетъ»*, трагедію скорописную; которую желаетъ при Академіи напечатать. Того ради опредѣлено: трагедію освидѣтельствовать профессорамъ Тредіаковскому и Ломоносову, не окажется ли въ оной чего касающагося кому до предосужденія; что-жъ касается до штилю, и оное имѣетъ такъ остаться, какъ оно написано». На это «Октября 11 числа профессоръ Ломоносовъ репортовалъ, что въ оной трагедіи по его мнѣнію нѣтъ ничего, что бы предосудительно кому было и могло бы напечатанію оной препятствовать».... Слѣдовательно, Ломоносову пришлось быть цензоромъ и первыхъ произведеній Сумарокова.

Со времени выхода въ свѣтъ первыхъ драматическихъ произведеній Сумарокова, его литературная дѣятельность становится для насъ болѣе извѣстною и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно возрастаетъ количество достовѣрныхъ біографическихъ свѣдѣній и документовъ, характеризующихъ его личность. Но вся эта вторая половина жизни и дѣятельности Сумарокова является намъ тѣсно связанною съ развитіемъ въ обществѣ вкуса къ сценическимъ представленіямъ и съ учрежденіемъ въ столицѣ постояннаго театра; объ этомъ событіи намъ прійдется здѣсь поговорить подробнѣе не только потому, что оно оказало рѣшительное вліяніе на литературную карьеру Александра Петровича, но собственно потому, что оно должно было повліять на развитіе у насъ въ литературѣ особаго и весьма обширнаго отдѣла произведеній драматическихъ.

Во время пребыванія въ корпусѣ, Сумароковъ могъ воспринять первыя впечатлѣнія сценическихъ представленій, присутствуя на одномъ изъ тѣхъ театральныхъ спектаклей которые нерѣдко давались при дворѣ заѣзжими труппами иноземныхъ актеровъ. Такъ напримѣръ, при самомъ вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, при дворѣ давала представленія труппа итальянскихъ актеровъ, присланная на время коронаціи въ Петербургъ изъ Дрездена Августомъ, королемъ польскимъ.

Въ 1735 году, по желанію Императрицы, которой очень понравились эти представленія, выписана была въ Петербургъ изъ за границы другая труппа, въ которой были и актеры, и актрисы, и пѣвцы и пѣвицы, такъ что представленія драматическія чередовались съ операми, впервые появившимися въ это время въ Россіи. Достовѣрно извѣстно что «юность рыцарской академіи» также принимала участіе въ тѣхъ балетахъ и интермедіяхъ, которыми одинъ разъ въ недѣлю эта новая труппа услаждала досуги скучающей Императрицы. Легко можетъ быть, что, вмѣстѣ съ другими кадетами, въ подобныхъ

представленіяхъ и самъ Сумароковъ бывалъ уже не только зрителемъ, но и участникомъ въ самомъ исполненіи ихъ на сценѣ. Въ царствованье Елисаветы Петровны, страстно любившей всякія увеселенія, а въ особенности театры, мы видимъ въ Петербургѣ уже не одну, а двѣ труппы. Французская труппа пріѣхала въ самомъ началѣ царствованія Елисаветы, которое вмѣстѣ съ тѣмъ было и началомъ французскаго вліянія на русское общество, охотно поддававшееся этому новому направленію, послѣ того исключительнаго и тяжкаго нѣмецкаго ига, которое ему пришлось нести на себѣ такъ долго..., Съ директоромъ французской труппы, *Серены*, заключенъ былъ весьма выгодный для него контрактъ: онъ получалъ 25,000 р. сер. въ годъ, и Дворъ, сверхъ того, снабжалъ труппу музыкантами, декораціями и свѣчами; директору оставалось озаботится только о костюмахъ. Другая, итальянская труппа для балета и оперы-буффы, съ директоромъ Локателли, пріѣхала въ Петербургъ уже подъ конецъ царствованія Елисаветы (1757 года), и по свидѣтельству современниковъ, представленія ея могли быть поставлены на ряду съ лучшими, какія можно было видѣть въ то время въ Парижѣ или въ Италіи [1]).

Положеніе этой труппы было также обезпеченное; Локателли за входъ въ театръ бралъ со всѣхъ по рублю; за наемъ ложи на годъ платили ему до 300 руб.; сверхъ того получалъ онъ еще и щедрые подарки отъ Императрицы. [2]) Съ самаго прибытія французской труппы, она до такой степени пользовалась благоволеніемъ Императрицы Елисаветы Петровны, что посѣщеніе ея представленій для всѣхъ придворныхъ и высшихъ служащихъ лицъ считалось даже обязательнымъ. Извѣстно, что когда, однажды, на французскую комедію явилось мало зрителей, то въ тотъ же вечеръ разосланы были ѣздовые къ болѣе значительнымъ лицамъ съ запросомъ, почему они не были, и съ увѣдомленіемъ, что впредь, за непріѣздъ въ театръ, полиція будетъ каждый разъ взыскивать съ непріѣхавшаго по 50 рублей штрафа!

Вѣроятно подъ вліяніемъ знакомства съ модной въ то время у насъ французской драматической литературой, а съ другой стороны, подъ впечатлѣніемъ игры французской труппы, Сумароковъ рѣшился выступить со своимъ подражаніемъ французской ложноклассической трагедіи, и написалъ «Хорева». Такъ какъ «Хоревъ» былъ напечатанъ въ 1747 году, то мы можемъ предполагать, что онъ былъ задуманъ и написанъ Сумароковымъ въ предшествующемъ 1746 году; слѣдовательно первая русская драма приготовлялась къ выходу въ свѣтъ въ то самое время, когда, незамѣтно ни для кого, въ провинціальномъ захолустьѣ, среди простой купеческой семьи, зарождалась мысль объ основаніи русскаго народнаго театра, приготовлялась сцена, на которой впервые предстояло выступить русскимъ актерамъ, и разыграть первую оригинальную русскую драму. Такое совпаденіе обстоятельствъ можно считать особенно счастливымъ именно потому, что попытка Сумарокова должна бы остаться совершенно безплодною, если-бы неожиданное появленіе отдѣльной русской труппы и постоянной русской сцены въ Ярославлѣ не поддержало его энергіи и не побудило его къ усиленной, плодовитой литературной дѣятельности, возбудившей во многихъ охоту къ подражанію и потому самому послужившей основаніемъ нашей драматической литературы.

Должно предполагать, что появленіе русской труппы и постояннаго театра въ Ярославлѣ, основаннаго усиліями *Ѳеодора Григорьевича Волкова*, стояло въ довольно тѣсной связи съ тѣми же самыми впечатлѣніями, которыя и Сумарокова привели къ попыткѣ написать первую русскую трагедію. Дѣло въ томъ, что Ѳ. Г. Волковъ (р. 1729 г. ум. 1763 г.), сынъ костромскаго купца, послѣ смерти отца своего поселившійся въ Ярославлѣ, хотя и воспитался въ Московской славяно-греко-латинской Академіи и вѣроятно даже принималъ участіе въ представленіи духовныхъ драмъ, которыя тамъ служили обычнымъ упражненіемъ для воспитанниковъ, однакоже мысль объ основаніи театра въ Ярославлѣ явилась у него не прежде

[1]) Представленія этой труппы происходили на старомъ придворномъ театрѣ, близъ Лѣтняго сада. Первая же, французская труппа, до 1749 года, играла въ одномъ изъ флигелей дворца, а потомъ во вновь построенномъ деревянномъ театрѣ (около Полицейскаго моста, на мѣстѣ нынѣшняго д. Елисѣева). [2]) Въ первый же годъ по прибытіи его въ столицу, Императрица подарила ему 5,000 р. сер.

1746 года, когда этому талантливому юношѣ, во время его пребыванія въ Петербургѣ удалось увидѣть представленія тамошнихъ иностранныхъ труппъ. По возвращеніи въ Ярославль, онъ собралъ около себя небольшую труппу изъ своихъ же сверстниковъ и подъячихъ, и въ кожевенномъ сараѣ своего вотчима, на скорую руку обращенномъ въ театръ, разыгралъ передъ удивленными ярославцами драму «Эсѳирь». При помощи любителей изъ купечества и пользуясь съ одной стороны особымъ покровительствомъ ярославскаго намѣстника Мусина-Пушкина, а съ другой—щедрою помощью богатаго тамошняго помѣщика Майкова, Ѳ. Г. Волковъ завелъ наконецъ въ Ярославлѣ свой собственный, особый, изрядно устроенный театръ, вмѣщавшій въ себя около 1000 зрителей. Здѣсь то сталъ онъ разыгрывать только что появившіяся тогда драматическія сочиненія Сумарокова, а также и свои собственные переводы и подражанія иностраннымъ образцамъ, такъ какъ ему при своемъ театрѣ приходилось быть и директоромъ, и авторомъ, и декораторомъ, и машинистомъ. Однакоже, благодаря его собственной талантливости, и труппа около него сложилась очень удачно: явились актеры способные и страстно приверженные къ сценѣ — Дмитревскій, Шумскій, Иконниковъ, братья Поповы и т. д. Около пяти лѣтъ существовалъ уже ярославскій театръ, когда слухи о вольной ярославской труппѣ достигли столицы, гдѣ въ это время единственными исполнителями трагедій Сумарокова являлись кадеты и офицеры Шляхетнаго корпуса, игравшіе то на своей домашней сценѣ, то въ покояхъ Императрицы. Труппа Волкова, по Высочайшему повелѣнію, была выписана изъ Ярославля, и показала все свое искусство на дворцовой сценѣ, гдѣ ею разыграны были въ присутствіи Императрицы и двора: «Хоревъ», «Гамлетъ» «Синавъ и Труворъ», «Кающійся Грѣшникъ». Это происходило въ 1752 году. По желанію Императрицы, способнѣйшіе [1]) представляли Ярославской труппы были оставлены въ столицѣ и отданы въ «рыцарскую академію» для обученія языкамъ и словесности. Ровно черезъ четыре года послѣ того, Высочайшимъ указомъ Сенату, 30 августа 1756 года, существованіе русскаго театра было признано и прочно установлено; директоромъ театра назначенъ былъ Сумароковъ, который, повидимому, уже и задолго до этого времени (съ 1750 года) завѣдывалъ при дворѣ всѣми русскими представленіями:—и литературною, и хозяйственною частью ихъ. Въ должности директора театра онъ оставался до 1761 года и это пятилѣтіе составляетъ положительный переломъ въ біографіи Сумарокова, а довольно обширная переписка его съ Шуваловымъ, относящаяся именно къ этому времени, представляетъ драгоцѣннѣйшій матерьялъ для характеристики Сумарокова и современной ему эпохи.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1755 года 11 октября, напечатано было слѣдующее извѣстіе изъ С.-Петербурга: «Ея Императорское Величество изволила указать *для умноженія драматическихъ сочиненій*, кои на россійскомъ языкѣ при самомъ началѣ справедливую хвалу отъ всѣхъ имѣютъ, установить россійскій театръ, котораго дирекція поручена бригадиру Сумарокову». Въ этой простой публикаціи для насъ чрезвычайно характеристическою чертою является именно то, что театръ основанъ «для умноженія драматическихъ сочиненій», вслѣдствіе чего, вѣроятно, по наивнымъ воззрѣніямъ современной эпохи на литературу, и самое управленіе театра могло быть поручено только такому человѣку, который несомнѣнно способенъ былъ «умножить количество драматическихъ сочиненій». И дѣйствительно, даже и самъ Сумароковъ не иначе понималъ свое назначеніе директоромъ театра, какъ съ непремѣннымъ обязательствомъ постоянно занимать сцену своими драматическими сочиненіями и неоднократно жалуется въ своихъ письмахъ Шувалову на то, что хлопоты и неудовольствія по управленію театромъ и постановкѣ пьесъ мѣшаютъ ему писать для сцены и обновлять репертуаръ ея новыми своими произведеніями. Сверхъ того, и послѣ увольненія своего отъ должности директора театра, Сумароковъ все еще состоялъ въ нѣкоторыхъ обязательныхъ отношеніяхъ къ нему по званію драматическаго писателя.

Однакоже, новая должность директора русскаго театра въ столицѣ оказалось сопряженною съ еще гораздо большими затрудненіями, нежели та же должность въ провинціи. Ѳ. Гр. Волковъ, какъ мы замѣтили выше, былъ для своей ярославской труппы и директоромъ, и авторомъ, и декораторомъ, и машинистомъ. Сумарокову—сверхъ всѣхъ этихъ

должностей—пришлось на себя принять еще и многія другія, и притомъ постоянно нуждаться въ средствахъ на содержаніе труппы, на покрытіе издержекъ, необходимыхъ для сценической обстановки и очень часто даже въ помѣщеніи, такъ какъ опредѣленнаго мѣста и опредѣленнаго времени для представленій русской труппы не было. Актеры Сумарокова играли то на французскомъ, то на итальянскомъ театрѣ въ тѣ дни, когда эти театры не были заняты иностранными труппами, большею частью по четвергамъ; [1]) затруднительное положеніе труппы значительно ухудшалось еще тѣмъ, что для каждаго представленія необходимо было получить особое разрѣшеніе отъ гофмаршала, а это разрѣшеніе иногда приходило только наканунѣ представленія, даже послѣ полудня. Часто случалось, что при этомъ разрѣшеніи присылалось и увѣдомленіе о томъ, что музыки отъ двора не будетъ, такъ какъ придворные музыканты наканунѣ играли въ маскарадѣ и устали. Тогда ужъ Сумарокову приходилось самому пріискивать другихъ музыкантовъ и эти хлопоты прибавлять ко множеству другихъ, которыя и безъ того уже на немъ тяготѣли. [2]), При такомъ неопредѣленномъ и не рѣдко бѣдственномъ положеніи русской труппы, сборы за представленія ея, конечно, не могли быть значительны; а потому и неудивительно, что положеніе директора, который часто нуждался въ самомъ необходимомъ (напримѣръ, въ костюмахъ для дѣйствующихъ лицъ [3]) и тѣмъ не менѣе долженъ былъ нести на себѣ за все отвѣтственность—такое положеніе могло подъ часъ становиться невыносимымъ. Очень живо рисуется намъ это положеніе въ одномъ изъ писемъ Сумарокова къ Шувалову, въ которомъ онъ пишетъ между прочимъ:

«Я все бы исправилъ, ежели-бы была возможность, а сегодня, послѣ обѣда зачавъ, до завтра я незнаю, какъ передѣлать.... Подумайте, Милостивый Государь, сколько теперь еще дѣла: Нанимать музыкантовъ, покупать и разливать приказать воскъ, дѣлать публикаціи по всѣмъ командамъ, дѣлать репетиціи и проч., посылать по статистовъ, посылать къ машинисту, дѣлать распорядокъ о пропускѣ, посылать по караулъ; а людей только два копеиста: — они копеисты, они разсыльщики, они портіеры... Богъ моей молитвы за грѣхи мои не пріемлетъ и къ кому я ни адресуюсь, всѣ говорятъ что де руской театръ *партикулярный*; [4]) ежели партикулярный, такъ лучше ничего не представлять,... разрушить театръ, а меня отпустить куда нибудь на воеводство или посадить въ какую коллегію: я грабить родъ человѣческій научиться легко могу, а профессоровъ этой науки довольно... Лучше быть подъячимъ, нежели стихотворцемъ» (20 мая, 1758).

Такое *партикулярное* положеніе русскаго театра особенно тяготило Сумарокова по сравненію съ двумя другими труппами, французской и итальянской, которыя пользовались совершенно-обезпеченнымъ положеніемъ и на основаніи весьма подробныхъ и выгодныхъ контрактовъ, сверхъ опредѣленнаго помѣщенія, пользовались отъ Двора и освѣщеніемъ, и музыкой. Директоры этихъ труппъ жили безбѣдно и не знали тѣхъ безчисленныхъ хлопотъ, въ которыхъ приходилось погрязать бѣдному Сумарокову. «Ежели-бы, Ваше Превосходительство», — пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Шувалову— «изволили когда обстоятельно выслушать о неудобствахъ театра... Вы бы удивились, сколько я по театру трудностей преодолѣваю; Вы бы сами обо мнѣ пожалѣли. Сто-бы разъ для всего лучше было, ежели-бы однажды всему театру положено было основаніе; [5]) я бы имѣлъ къ театральному сочиненію и къ управленію больше способнаго времени, мысли бы мои были яснѣе и силы бы мои безполезно не умалялись, и время бы оставшее употребилъ я себѣ на отдохновеніе, которое стихотворцу весьма потребно».

---

[1]) По праздникамъ русскихъ спектаклей не бывало. [2]) Заимствуемъ эти подробности изъ I т. Зап. Имп. Акад. Наукъ. См. тамъ статью Я. К. Грота въ предисловіи къ «Письмамъ Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову». [3]) Дерзаю Ваше Превосходительство утрудить и донести, что въ четвергъ представленію на россійскомъ театрѣ быть нельзя, ради того, что у *Трувора* платья нѣтъ никакова»... «А другой драммы, твердя «*Синава и Трувора*», не вытвержено». (19 мая 1758). [4]) *Партикулярный*—т. е. не казенный, непридворный. [5]) Сумароковъ намекаетъ здѣсь на проэктъ объ устройствѣ театра, поданный имъ, и въ которомъ онъ вѣроятно, требовалъ независимаго и обезпеченнаго положенія для русской сцены и русской труппы.

Въ другомъ мѣстѣ Сумароковъ прибавляетъ; «Я Россіи по театру больше сдѣлалъ услуги, нежели французскіе актеры и итальянскіе танцовщики, и меньше ихъ получаю». [1]) А между тѣмъ «ни одного представленія еще не было (въ теченіе 3-хъ лѣтъ существованія театра), которое бы миновалось безъ превеликихъ трудностей, не приносящихъ никому плода, кромѣ приключаемыхъ мнѣ мученій и превеликихъ замѣшательствъ»... «Удивительно-ли будетъ, Ваше Превосходительство, что я отъ моихъ горестей сопьюсь, когда люди и отъ радостей спиваются?

Сумароковъ.

Сверхъ всѣхъ этихъ неудобствъ, Сумарокову приходилось безпрестанно бороться съ препятствіями со стороны цензуры, которую представлялъ въ лицѣ своемъ гофмаршалъ графъ К. Е. Сиверсъ, съ 1759 года отправлявшій прокурорскую должность при русскомъ театрѣ и обязанный наблюдать за правильнымъ ходомъ всего учрежденія. Графъ Сиверсъ находился постоянно во власти подъячихъ, служившихъ подъ его начальствомъ, и вѣроятно склоненъ былъ во всемъ имъ довѣрить, а Сумароковъ, уже по самому характеру своему ни съ кѣмъ не уживавшійся, болѣе всего ненавидѣлъ подъячихъ и ихъ козни, и смотрѣлъ на всѣ продѣлки ихъ съ неумолимою суровостью. Отношенія его къ подъячимъ и къ графу Сиверсу кончились тѣмъ, что онъ былъ, послѣ очень крупныхъ непріятностей, отставленъ отъ должности директора театра въ апрѣлѣ 1761 г.. съ пожизненною пенсіею по двѣ тысячи рублей въ годъ. Не задолго до этого времени, въ «Трудолюбивой Пчелѣ» — небольшомъ сатирическомъ журнальцѣ, который Сумароковъ издавалъ около года въ 1759 г. — онъ самъ отзывался о своихъ заслугахъ для русскаго театра и о своихъ отношеніяхъ къ Сиверсу слѣдующимъ характеристическимъ и безцеремоннымъ образомъ: «Что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ, и что они по долгомъ увидѣли времени, ты нынѣ то вдругъ, Россія, стараніемъ моимъ увидѣла. Въ то самое время, въ которое возникъ, приведенъ и въ совершенство, въ Россіи, театръ твой, Мельпомена! Всѣ я преодолѣлъ трудности, всѣ преодолѣлъ препятствія. Наконецъ, видите вы, любезные мои сограждане, что ни сочиненія мои, ни актеры вамъ стыда не приносятъ, и до чего въ Германіи многими стихотворцами не достигли, до того я одинъ, и въ такое еще время, въ которое у насъ науки словесныя только начинаются, и нашъ языкъ едва чиститься началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ. Лейпцигъ и Парижъ, вы тому свидѣтели, сколько единой моей трагедіи скорый переводъ чести мнѣ сдѣлалъ! Лейпцигское ученое собраніе удостоило меня (избрать) своимъ членомъ, а въ Парижѣ вознесли мое имя въ чужестранномъ журналѣ, колико возможно; а я выше еще драматическими моими сочиненіями хотѣлъ вознестися; но скажу словами Апостола Павла: «дадеся мнѣ пакостникъ ангелъ сатанинъ», который мнѣ пакости дѣлаетъ: да не превозношуся. Озлобленный мною родъ подъяческій, которымъ вся Россія озлоблена, извергъ на меня самаго безграмотнаго изъ себя подъячаго и самаго скареднаго крючкотворца»...

Этотъ отрывокъ важенъ для насъ во многихъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, онъ

[1]) Сумароковъ, по должности директора театра, получалъ только 1,000 р. прибавки къ бригадирскому жалованью, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ иностранцевъ, принадлежавшихъ къ придворнымъ труппамъ, сверхъ большаго жалованья, пользовались при дворѣ готовою квартирою съ отопленіемъ и даже экипажемъ.

обрисовываетъ намъ характеръ Сумарокова—самонадѣянный, заносчивый, суетный и безпокойный; съ другой стороны, указываетъ и на то, что въ прошломъ столѣтіи, при неразвитости общественнаго мнѣнія и ограниченности средствъ литературы, всякому недюжинному человѣку не трудно было возмечтать о себѣ, какъ о геніи. Такое мнѣніе Сумарокова о самомъ себѣ (которое, впрочемъ, поддерживалось отчасти и мнѣніемъ нѣкоторыхъ современниковъ, величавшихъ его «Россійскимъ Расиномъ») должно казаться намъ особенно любопытнымъ потому, что въ драматической дѣятельности Сумарокова, составлявшей, по преимуществу, предметъ гордости для него, было очень мало оригинальнаго, принадлежавшаго его личному творчеству: всѣ трагедіи его полны заимствованій изъ Корнеля и Расина; а комедіи—изъ Мольера и это однакоже нимало не мѣшало ни ему, ни современникамъ его, принимать и драмы, и комедіи его за сочиненія вполнѣ принадлежавшія его перу, вполнѣ оригинальныя, и весьма замѣчательныя. Въ этомъ сказывается взглядъ очень ранней эпохи, въ теченіе которой литературный вкусъ находился у насъ еще на весьма низкой степени развитія....

Всѣхъ произведеній, написанныхъ Сумароковымъ для сцены, трагедій и комедій, *двадцать шесть*; изъ числа ихъ, трагедіи—«Хоревъ», «Гамлетъ», «Синавъ и Труворъ», «Артистона» и «Семира»—были написаны до основанія театра; а «Ярополкъ и Димиза,» «Вышеславъ», «Димитрій Самозванецъ» и «Мстиславъ» — послѣ его основанія. «Семира» считалась вѣнцемъ славы Сумарокова, а въ числѣ комедій — «Трессотиніусъ» обращала на себя особенное вниманіе современниковъ характеромъ главнаго дѣйствующаго лица, въ которомъ всѣ узнавали осмѣяннаго авторомъ творца «Тилемахиды». Всѣ эти драматическія сочиненія Сумарокова представляютъ собою лишь весьма слабыя подражанія той узкой формѣ, въ которую вылились всѣ французскіе образцы ложно-классической драмы. Отличительною чертою этой формы являлось стѣсненіе драматическаго дѣйствія вовсе ненужными на новѣйшей европейской сценѣ *единствами времени, мѣста и дѣйствія*; съ другой стороны, особенностью внутренняго склада ложно-классической драмы оказывалось то, что она вообще выводила на сцену не живыхъ людей, съ окружающими ихъ возможными, дѣйствительными обстоятельствами и препятствіями, а одни отдѣльныя, отвлеченныя свойства человѣческой души, отдѣльныя черты характера олицетворяла въ видѣ извѣстныхъ героевъ и героинь и ставила въ разныя, большею частью необыкновенныя, чрезвычайныя положенія. Авторы ложноклассическихъ трагедій, на основаніи этого взгляда на драматическое дѣйствіе и характеры, совершенно пренебрегали историческою обстановкою дѣйствія, связью дѣйствій и характеровъ съ историческою дѣйствительностью извѣстной эпохи; вотъ почему они не только рѣшались почерпать сюжеты для своихъ трагедій изъ такихъ эпохъ, которыя были и весьма мало извѣстны, и плохо разработаны, но даже весьма охотно обращались за сюжетами къ темному, героическому періоду классической древности. Само собою разумѣется, что при этомъ не могло быть и рѣчи объ исторической вѣрности характеровъ, выводимыхъ авторомъ на сцену или о связи характеровъ этихъ съ извѣстною, строго опредѣленною національностью. Всѣ герои ложно-классической драмы французской,—не смотря на свои греческія и римскія имена, не смотря на то, что по этимъ именамъ ихъ можно было отнести къ той или другой исторической или героической эпохѣ - являлись на сцену безличными олицетвореніями отвлеченныхъ пороковъ или добродѣтелей, въ примѣненіи къ извѣстному, большею частью весьма простому, драматическому положенію, и при томъ являлись вполнѣ подчиненными свѣтскимъ обычаямъ, приличіямъ и предразсудкамъ французскаго общества конца XVII и начала XVIII вѣка. Безличность этихъ героевъ, при чрезвычайной простотѣ содержанія самыхъ драмъ,—значительно облегчала возможность подражанія имъ, возможность перенесенія ихъ съ французской почвы на всякую другую, и этимъ свойствомъ ложно-классической драмы объясняется намъ та легкость, съ которою она распространялась по всей Европѣ; но при этомъ, ни для кого не замѣтно, вмѣстѣ съ ложно-классическими образцами драмъ, на европейскія сцены прокрадывалась и характеристическая особенность ихъ героевъ: они выступали на сцену, говорили, и дѣйствовали совершенно также, какъ и все блестящее великосвѣтское большинство, на-

колнявшее современныя Расину и Вольтеру салоны Парижа. Тѣ же самые безъимянные герои ложно-классической трагедіи явились и въ трагедіяхъ Сумарокова на русской сценѣ, и ихъ французскій характеръ, ихъ французскія воззрѣнія и французскій способъ дѣйствій ни мало не измѣнились отъ того, что Сумароковъ далъ имъ имена полумиөическихъ Хоревовъ и Кіевъ, или темныхъ, малоизвѣстныхъ исторіи Синавовъ и Труворовъ. При томъ же, все, какъ видно, совершалось въ области ложно-классической драмы до такой степени правильно, а рабское преклоненіе подражателей ея передъ французскими образцами было до такой степени велико, что даже непосредственное столкновеніе съ историческою дѣйствительностью памятниковъ извѣстной эпохи не въ силахъ было измѣнить, оживить блѣдные, безжизненные, отвлеченные образы, выводимые на сцену подъ разными историческими именами. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что Сумароковъ читалъ записки Маржерета, когда писалъ своего «Димитрія Самозванца» и это чтеніе записокъ современника, живо рисующаго намъ начало Смутнаго Времени, все же не прибавило ни одной живой черты къ тому отвлеченному, неестественному типу злодѣя, какимъ Самозванецъ представлялся Сумарокову, на основаніи ложно-классическихъ понятій о созданіи драматическаго характера. Не мѣшаетъ замѣтить, что отвлеченность ложно-классической трагедіи, собственно говоря не принадлежавшей никакому народу, никакой эпохѣ, вообще много способствовала развитію неестественности и преувеличенья въ изображеніяхъ драматическихъ характеровъ; только сильный талантъ и замѣчательный литературный тактъ спасали такихъ писателей, какъ Корнель, Расинъ и Вольтеръ отъ этихъ коренныхъ недостатковъ ложно-классической драмы. Но за то менѣе талантливые подражатели ихъ развивали эти недостатки въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ до величайшихъ крайностей:—добродѣтель выступала у нихъ на сцену въ образѣ неземнаго совершенства, а злодѣйство представлялось неимѣющимъ ничего общаго ни съ какими свойствами человѣческой природы, въ образѣ страшнаго, кроваваго, чуть не баснословнаго чудовища. Такимъ, напримѣръ, и является у Сумарокова Димитрій Самозванецъ, какъ можно видѣть изъ замѣчательныхъ отрывковъ этой трагедіи, приведенныхъ нами въ концѣ главы. На основаніи той же наклонности къ преувеличенью, конечно, преувеличивались не одни только характеры, но и чувства, и стремленія героевъ: любовь выставлялась пламенною, самоотверженною, преданною и нѣжною до приторности; ненависть,—превосходящею всякіе предѣлы описанія... Неудивительно, что при такихъ понятіяхъ о драматическомъ дѣйствіи и характерѣ, рѣдкая трагедія могла обойтись безъ кроваваго окончанія. Въ заключеніе всего сказаннаго нами о ложно-классической драмѣ и Сумароковскихъ подражаніяхъ ея французскимъ образцамъ, мы сообщимъ здѣсь подробное изложеніе содержанія «Хорева», первой изъ трагедій Сумарокова, доставившей автору славу и значеніе «Россійскаго Расина» въ современной ему литературѣ.

«Дѣйствіе «*Хорева*» происходитъ въ Кіевѣ, въ княжескомъ домѣ, въ баснословныя времена Кія. *Повидимому* дѣйствіе происходитъ на Руси. Но это, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія трагедія, именно только «повидимому», такъ какъ, на основаніи современныхъ литературныхъ понятій объ исторической обстановкѣ драматическаго дѣйствія, «чѣмъ отдаленнѣе была эпоха, чѣмъ неопредѣленнѣе ея бытъ и нравы, тѣмъ, по предписаніямъ условной теоріи, легче было поэту работать и создавать какіе угодно характеры.

Въ первомъ актѣ требовалось, по правиламъ трагической теоріи, изложить положеніе дѣйствующихъ лицъ и обозначить будущую судьбу ихъ. Здѣсь знакомимся мы съ *Оснельдою*, дочерью прежняго кіевскаго владѣтеля *Завлоха*, которая, послѣ пораженія отца своего, осталась въ плѣну у его побѣдителя — *Кія*, завоевавшаго городъ Кіевъ.

Дѣйствіе открывается тѣмъ, что *Завлохъ* подступилъ къ городу съ войскомъ и *Кій* хочетъ освободить свою плѣнницу и выдать ее отцу. *Оснельда* и желаетъ, и не желаетъ свободы. Въ напыщенномъ діалогѣ, она повѣряетъ мамкѣ своей *Астрадѣ*, имѣющей въ трагедіи значеніе *наперсницы*, тайну своего сердца—любовь къ *Хореву*, молодому брату *Кія*, врагу ея рода. Она разсказываетъ о борьбѣ, происходящей въ душѣ ея, о борьбѣ между долгомъ и любовью. Это *первая трагическая коллизія*. Является *Хоревъ* и она

открываетъ ему свою преступную любовь. Въ груди *Хорева* та же борьба: онъ страстно любитъ *Оснельду*, а долгъ повелѣваетъ ему сражаться противъ ея отца, *Завлоха*, за *Кія*, своего брата и государя.

Во второмъ актѣ, гдѣ уже собственно начинается дѣйствіе трагедіи, *Стальверхъ*, бояринъ и *наперсникъ Кія*, внушаетъ ему подозрѣнія на счетъ *Хорева* расказывая о любви его къ *Оснельдѣ*. *Хоревъ* старается склонить брата къ заключенію мира и прекращенію войны, но наконецъ, убѣжденный *Кіемъ*, проникается сознаніемъ своего долга и отправляется къ войску. Въ концѣ дѣйствія онъ повѣряетъ *Оснельдѣ* внутреннюю борьбу свою, и высказываетъ ей, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ идетъ воевать противъ ея отца.

Въ третьемъ актѣ Оснельда получаетъ письмо отъ отца, въ которомъ тотъ запрещаетъ ей любить *Хорева*; *Оснельда*, въ отчаяньи, хочетъ лишить себя жизни, но *Астрада* удерживаетъ занесенный кинжалъ. Приходитъ *Хоревъ* и узнаетъ о содержаніи письма. Въ разговорѣ съ *Оснельдою* онъ снова описываетъ свою внутреннюю борьбу, въ которой сознаніе долга однакоже видимо начинаетъ одерживать перевѣсъ надъ чувствомъ, и когда наперсникъ его приходитъ съ вѣстью о начавшемся подъ стѣнами Кіева сраженіи, *Хоревъ*, скрѣпя сердце, спѣшитъ на мѣсто битвы.

Четвертый актъ открывается побѣдами *Хорева* надъ *Завлохомъ*, и *Кій* уже начинаетъ вѣрить въ чистоту намѣреній брата, какъ вдругъ является къ нему *Стальверхъ* съ донесеніемъ о томъ, что *Велькаръ*, наперсникъ Хорева, освободилъ изъ темницы одного плѣннаго и съ письмомъ *Оснельды* намѣревался отправить его во вражескій станъ. Призванный къ *Кію* плѣнникъ подтверждаетъ ложное извѣстіе, придуманное *Стальверхомъ* на погибель *Оснельды*, которую онъ также любитъ, ревнуя къ *Хореву*. *Кій* освобождаетъ плѣнника отъ оковъ, а *Оснельду* рѣшается отравить. Молодую плѣнницу приводятъ къ нему и онъ осыпаетъ ее упреками, а она напрасно старается оправдать передъ *Кіемъ* и себя, и брата его, *Хорева*. *Кій* не вѣритъ ей, отсылаетъ ее въ темницу и *Стальверху* поручаетъ поднести ей кубокъ съ ядомъ.

Въ пятомъ актѣ, должна быть разрѣшена завязка трагедіи и рѣшена, вмѣстѣ съ тѣмъ, судьба всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Дѣйствіе, послѣ монолога *Кія*, открывается приходомъ *Хоревова* наперсника, приносящаго въ даръ *Кію* мечъ плѣннаго Завлоха. Кій наконецъ вынужденъ увѣровать въ невинность и чистоту намѣреній *Хорева*; онъ спѣшитъ послать въ темницу къ *Оснельдѣ*, намѣреваясь поздравить ее невѣстою князя *Хорева*,—но посланный уже не застаетъ ее въ живыхъ. Между тѣхъ являются *Хоревъ* съ *Завлохомъ*, который соглашается на бракъ своей дочери съ *Хоревомъ*. Въ это время приходятъ донести *Кію* о томъ, что *Стальверхъ* бросился въ Днѣпръ, произнося имя *Оснельды*. Тогда *Кій* видитъ себя вынужденнымъ разсказать о смерти *Оснельды*, кается въ своей жестокости и въ своихъ несправедливыхъ подозрѣніяхъ, а *Хоревъ*—послѣ длинныхъ тирадъ, въ которыхъ оплакиваетъ свою судьбу и смерть *Оснельды*, — закалывается. Его смертью, какъ и можно было уже догадаться сначала, заканчивается трагедія». [1])

Не смотря на то, что Сумароковъ придавалъ важное значеніе своимъ драматическимъ произведеніямъ, не смотря на то, что большую половину жизни онъ посвятилъ почти исключительно театру и постоянно называлъ «Мельпомену своею любимою музою»— онъ все же не былъ писателемъ драматическимъ. Всѣ драматическія произведенія Сумарокова, въ обширной массѣ его сочиненій, составляютъ даже не очень значительную долю ихъ, и при томъ относятся, конечно къ такимъ, которыя утратили положительно всякое значеніе для потомства, хотя Сумароковъ болѣе всего и разсчитывалъ прославиться именно своими драматическими произведеніями. Рядомъ съ его драмами и комедіями, слѣдуетъ, безъ сомнѣнія поставить и большую часть его эпическихъ и лирическихъ произведеній,—эклоги, идилліи, элегіи, оды торжественныя, оды разныя, оды *вздорныя* и т. п. Въ этихъ произведеніяхъ нѣтъ ничего оригинальнаго; это все только слабыя и безцвѣтныя подражанія не менѣе безцвѣтнымъ образцамъ сантиментальной и однообразной французской лиро-эпической поэзіи XVII столѣтія. Большая часть этихъ произведеній явилась на свѣтъ Божій вѣроятно

[1]) См. *Булича*, Сумароковъ и современная ему критика, стр. 142—145.

вслѣдствіе стремленія Сумарокова угодить вкусу публики, замѣчательно склонной къ сантиментализму, и кромѣ того, блеснуть обиліемъ и разнообразіемъ формъ, въ которыя онъ умѣлъ облекать незатѣйливое и немудреное содержаніе. По всѣмъ вѣроятіямъ, лиро-эпическія произведенія Сумарокова нравились публикѣ и читались ею съ удовольствіемъ, потому, что иначе мы и не могли бы объяснить себѣ необычайной плодовитости Сумарокова: въ собраніи сочиненій его видимъ около 80 одъ, 39 элегій, 76 эклогъ, 151 пѣсню, и сверхъ того множество другихъ мелкихъ лирическихъ произведеній: стансовъ, сонетовъ, мадригаловъ, эпитафій, надписей... Но вся эта масса стиховъ, повторяемъ, можетъ служить только доказательствомъ неразборчивости вкуса и со стороны автора, и со стороны публики: потребность въ литературѣ, въ журналистикѣ начинала сказываться въ обществѣ, и общество (особенно молодое поколѣніе) съ жадностью хваталось за все, что могло развлечь и позабавить его, и удовлетворить недавно развившейся въ немъ потребности къ легкому, занимательному чтенію. Съ одной стороны, очевидно стремясь угодить на вкусъ публики, Сумароковъ, съ другой стороны, увлекался и желаніемъ состязаться съ главнымъ соперникомъ своимъ по литературѣ — съ Ломоносовымъ:—ради этого соперничества, онъ тоже много разъ принимался писать во всѣхъ родахъ, сочинялъ и торжественныя, похвальныя рѣчи, ударялся и въ филологію, и въ критику, и даже въ исторію... Но вся эта подражательная поэзія и проза, не богатая содержаніемъ, не казистая и по внѣшней формѣ своей, можетъ служить только несомнѣннымъ доказательствомъ плодовитости Сумарокова. Однакоже, всматриваясь внимательнѣе въ сплошную массу лирическихъ произведеній Сумарокова, мы находимъ въ нихъ одну и весьма живую сторону, немаловажную по отношенію къ исторіи литературы. Эта живая сторона Сумароковской лирики является намъ въ цѣломъ рядѣ его басенъ, эпиграммъ и эпитафій, проникнутыхъ рѣзкимъ и ѣдкимъ *сатирическимъ* отношеніемъ къ современности. Темы Сумароковской сатиры очень не разнообразны: дурное устройство правосудія, выказывавшееся въ крючкотворствѣ, ухищреніяхъ и взяточничествѣ *подъячихъ*, вредныя, и тягостныя стороны откуповъ, стремленіе къ неразумному подражанію иностранцамъ въ языкѣ и въ обычаяхъ, и невѣжество, прикрытое внѣшнимъ лоскомъ образованія, — вотъ что осмѣиваетъ Сумароковъ въ своихъ сатирахъ на современные нравы; и не смотря на то, что форма его сатиры большею частью очень груба и не совершенна, содержаніе живо передаетъ намъ дѣйствительныя впечатлѣнія современника, который былъ одаренъ наблюдательностью и въ тоже время не способенъ относится хладнокровно къ тому, что совершалось передъ его глазами. Сравнивая сатирическія произведенія Сумарокова со всѣми остальными, мы невольно приходимъ къ тому убѣжденію, что *сатира* и была настоящею, наиболѣе выдающеюся стороною его литературнаго таланта; но не та спокойная, положительная сатира, которую видѣли мы у Кантемира, рисовавшаго темныя стороны общественной жизни, и противополагавшаго ей образы свѣтлые, или по крайней мѣрѣ ослаблявшаго тѣни спокойнымъ, безмятежнымъ взглядомъ на жизнь, которую, по мнѣнію Кантемира, такъ легко было устроить «себѣ къ покою»... Сатира Сумарокова, напротивъ того, отличается совершенно отрицательнымъ, безпокойнымъ, разъѣдающимъ характеромъ своимъ. Видно, что авторъ самъ страдалъ отъ тѣхъ бѣдъ и неурядицъ, которыя онъ безжалостно бичуетъ своей сатирой, выставляя ихъ на позоръ передъ всѣми. Онъ задается только одною цѣлью: выставить въ яркомъ свѣтѣ извѣстные пороки современниковъ своихъ, указать на эти общественныя язвы и предать ихъ осмѣянію: ему и въ голову не приходитъ противуполагать всему этому свѣтлыя стороны и черты современности, или утѣшать себя тѣмъ, что зло неизбѣжно... Сумароковъ стремился даже къ обличенію, и при своей замѣчательной живости, горячности, при той самоувѣренности, которая составляла одну изъ самыхъ выдающихся сторонъ его характера, часто вдавался даже во всѣ крайности полемическаго и обличительнаго направленія, относясь безпощадно къ врагамъ своимъ, не пренебрегая никакими личностями и мелочами. Любопытною чертою его сатиръ и полемическихъ статей является та смѣлость, съ которою онъ рѣшается въ нихъ высказывать свои взгляды на сословныя предразсудки или порицать образъ дѣйствія лицъ, пользовавшихся весьма виднымъ положеніемъ въ современномъ обще-

ствѣ. Чрезвычайно любопытною чертою для характеристики современныхъ литературныхъ нравовъ служитъ намъ то, что цѣли, къ которымъ въ своей литературной дѣятельности стремился Сумароковъ, были очень близки къ тѣмъ, которыя и Ломоносовъ полагалъ въ основу своей дѣятельности: они оба хотѣли принести всю возможную пользу отечественной литературѣ, оба возмущались сильнымъ преобладаніемъ *иноплеменниковъ* въ дѣлѣ русской науки, оба старались очистить русское общество отъ всякихъ подражательныхъ стремленій и указать ему самостоятельный путь развитія—и при всемъ этомъ, постоянно были непримиримыми врагами. Надобно однакоже отдать справедливость Сумарокову въ томъ, что, хоть онъ и очень рѣзко отзывался о Ломоносовѣ въ письмахъ къ Шувалову и другимъ, хотя онъ унижался иногда въ запальчивости своей противъ Ломоносова даже и до площадной брани, но все же, въ минуты хладнокровія и спокойствія (правда, очень рѣдкія) бывалъ справедливъ и безпристрастенъ по отношенію къ своему противнику и отдавалъ должную справедливость его таланту. Чтоже касается Ломоносова, то нельзя не сознаться, что онъ относился къ Сумарокову съ замѣчательнымъ жестокосердіемъ и безпощадностью человѣка, глубоко проникнутаго сознаніемъ своей правоты и высокаго нравственнаго достоинства. Онъ вредилъ Сумарокову во всемъ, въ чемъ могъ вредить, и вредилъ чрезвычайно послѣдовательно, то мѣшаясь въ его счеты съ Академической типографіей, то непомѣрно строго цензуруя его сочиненія. Горькимъ сознаніемъ безсилія и ожесточеніемъ бѣдности отзываются жалобы Сумарокова въ письмахъ къ Шувалову на Ломоносова:

«Жалованья за неимѣніемъ денегъ и по волѣ Ломоносова недаютъ» — пишетъ онъ отъ 20 мая 1758 г.—«въ Академіи съ меня не христіанскою выкладкою за работу трагедій вравятъ»... «Ломоносову, деревни, домъ и хорошіе доходы имѣющему, жить легко; а мнѣ со всѣмъ моимъ домомъ лишаему быть на цѣлую треть моего пропитанія, трудновато. Ломоносовъ пьетъ и въ пьянствѣ подписываетъ промеморіи, – долженъ-ли я въ чужомъ пиру имѣть похмѣлье?» Въ другомъ письмѣ, конца 1759 года, когда Сумароковъ еще издавалъ «Трудолюбивую Пчелу», онъ пишетъ къ Шувалову: «что цензоры подпишутъ, то еще Ломоносовъ просматриваетъ, приказывая корректору всякой листъ моихъ изданій къ себѣ взносить, и что ему не покажется, то именемъ канцеляріи останавливаетъ, а я печатаю не по указу, и плачу деньги [1])».

Это раздраженіе противъ Ломоносова, вызываемое отчасти ихъ литературными распрями, отчасти тѣмъ пренебреженіемъ, которое Ломоносовъ открыто высказывалъ къ исключительно-литературной дѣятельности Сумарокова, сильно поддерживалось невниманіемъ Ломоносова къ бѣдственному положенію Сумарокова, который въ теченіе всей своей жизни не могъ вырваться изъ когтей нужды и нерѣдко доходилъ до самой печальной крайности. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, Сумароковъ пишетъ: «какъ я, такъ и жена моя, почти всѣ уже свои вещи заложили, не имѣя кромѣ жалованья никакого дохода; я деревень не имѣю и долженъ жить только тѣмъ, что я своимъ чиномъ и трудами имѣю, трудясь, сколько силъ моихъ есть, по стихотворству и театру, а въ такихъ упражненіяхъ не имѣю ни минуты подумать о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Дѣти мои должны пребывать въ невѣжествѣ отъ недостатковъ моихъ».. Еще болѣе выразительны заключительныя строки другаго письма Сумарокова, писаннаго къ Императрицѣ Екатеринѣ II изъ Москвы отъ 25 іюня 1773 года: «Я въ крайнемъ отчаяніи, терплю жадность, ѣсть мнѣ нечево, и нѣтъ столько денегъ, чтобы заплатить за письмо на почту. А северни обѣщался я къ церемоніалу стихи дѣлать»...

Горькая нужда, тягостныя семейныя обстоятельства и сильно развившаяся вслѣд-

---

[1]) Иногда, это раздраженіе противъ Ломоносова распространяется, въ жалобахъ Сумарокова, на всю академію: «члены Академической канцеляріи имѣютъ способъ получать жалованье, а прочіе академики, будучи въ подобномъ состояніи мнѣ, прибѣгаютъ къ своему президенту, больше думая о хлѣбѣ, нежели о наукахъ»... Въ другомъ мѣстѣ, Сумароковъ восклицаетъ: «(видно) русскому стихотворцу пристойнѣе членомъ быть ученаго собранія въ Нѣмецкой землѣ, а въ Россіи – нѣмцамъ! Мнѣ кажется (однакоже), что я не хуже аптекаря Моделя, хотя и не шарлатанствую; не хуже Штеллина, хотя и русской стихотворецъ и не хуже Ломоносова, хотя и бисера не дѣлаю».

ствіе этихъ невзгодъ наклонность къ употребленію крѣпкихъ напитковъ — все это болѣе и болѣе ослабляло энергію Сумарокова, раздражало его самолюбіе и дѣлало его безъ того уже безпокойный характеръ окончательно невыносимымъ для окружающихъ.

Бѣдственное положеніе, изъ котораго не выходилъ Сумароковъ, возбуждало въ немъ зависть по отношенію ко всѣмъ, кто былъ поставленъ въ болѣе благопріятныя матерьяльныя условія, а стремленіе во что-бы то ни стало выйти изъ нужды и униженія заставляло его безпрестанно говорить о своихъ заслугахъ, о важности своего литературнаго значенія, о пользѣ, принесенной его сочиненіями отечеству и т. д. При этомъ, самохвальство Сумарокова достигало иногда самыхъ непостижимыхъ въ настоящее время размѣровъ.

Такъ, напримѣръ, въ 1764 году, онъ подалъ Императрицѣ Екатеринѣ проэктъ путешествія, которое, при помощи правительства, думалъ совершить по Европѣ; онъ испрашивалъ у правительства вспоможенія въ размѣрѣ семи тысячъ рублей ежегодно, и разсчитывалъ пробыть за границей два года и четыре мѣсяца. При этомъ, съ замѣчательною наивностью, Сумароковъ добавлялъ, что средства, употребленныя правительствомъ, съ лихвою вознаградятся тѣми выгодами, которыя получатся отъ изданія въ свѣтъ его описанія Европы, и что ради этого описанія, сдѣланнаго его перомъ, «стоило-бы Россіи и 300,000 рублевъ безвозвратно употребить». Само собою разумѣется, что ему было отказано. Вскорѣ послѣ того, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, Сумароковъ переселился въ Москву, и тамъ жизнь его потекла еще хуже, нежели въ Петербургѣ. Перессорившись со всѣми, потерявъ послѣднія средства къ существованію, раздражаемый разными неудачами и несправедливостями въ своей литературной дѣятельности, Сумароковъ и отсюда безпрестанно тревожилъ Екатерину своими жалобами и просьбами о помощи, по прежнему переполняя письма жалкимъ самохвальствомъ и рѣзкими выходками то противъ директора Московскаго театра, то противъ Московскаго общества... Въ послѣдніе годы своей жизни, покинутый и забытый всѣми, несчастный Сумароковъ дошелъ наконецъ о крайней степени нравственнаго упадка и, окончательно предавшись своей страсти къ вину, значительно ускорилъ этимъ свою смерть... Послѣ него не осталось денегъ на его погребеніе: московскіе актеры схоронили его на свой счетъ и на рукахъ снесли гробъ его до Донскаго монастыря. На могилѣ его не было поставлено памятника и она осталась неизвѣстна потомству.

Въ заключеніе этой главы не можемъ не припомнить здѣсь прекрасныя и вполнѣ справедливыя слова, которыми академикъ Гротъ старается обрисовать положеніе Сумарокова въ современномъ ему обществѣ и опредѣлить значеніе его дѣятельности:

«Большая доля страданій Сумарокова происходила отъ его личныхъ свойствъ: безмѣрнаго самолюбія и раздражительнаго характера, соединенныхъ съ недостаточнымъ образованіемъ и внезапнымъ возвышеніемъ въ литературѣ, въ слѣдствіе особенно-благопріятныхъ обстоятельствъ. Но несчастіе Сумарокова въ значительной степени зависѣло и отъ состоянія тогдашняго нашего общества, отъ внѣшнихъ условій, посреди которыхъ этой живой натурѣ пришлось дѣйствовать... Какъ ни смѣшны формы, въ которыхъ выливаются жалобы Сумарокова, мы не можемъ не признать ихъ основательными, не можемъ отказать ему въ состраданіи къ его жалкой судьбѣ. Притомъ, сознавая смѣшную сторону его личности, мы не должны забыть, что въ ея источникѣ — раздражительности и задорномъ его характерѣ — кроется вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ условій его замѣчательнаго сатирическаго таланта. Вообще, если мы примемъ въ соображеніе скудное воспитаніе Сумарокова, то должны будемъ очень смягчить строгость нашего суда объ этомъ писателѣ. Незабудемъ, что онъ первый, благопріятствуемый связями при дворѣ и въ высшемъ обществѣ, явился въ литературѣ съ смѣлымъ и рѣзкимъ протестомъ противъ существующаго порядка. Онъ всегда былъ на сторонѣ движенія, прогресса. Вспомнимъ, что еще за сто лѣтъ до нашего времени онъ говорилъ: «Каждый человѣкъ есть человѣкъ, и всѣ преимущества только въ различіи нашихъ качествъ состоятъ»... «Помѣщикъ, обогащающійся непомѣрными трудами своихъ подданныхъ, суетно возносится почтеннымъ именемъ домостроителя и долженъ онъ названъ быть доморазорителемъ»... «Много ос-

тавитъ онъ дѣтямъ своимъ, но и у крестьянъ его есть дѣти...» [1])

Намъ припоминается и еще одно подобное же мѣсто изъ сочиненій Сумарокова, въ которомъ онъ высказываетъ весьма замѣчательный по своему времени взглядъ на равноправность людей по отношеніи къ просвѣщенію: «Многіе думаютъ», замѣчаетъ Сумароковъ, «будто просвѣщеніе однимъ только начальникамъ имѣти надобно; но блаженство общества не въ начальникахъ однихъ и не въ знатныхъ господахъ. *Когда-де*, говорятъ, *люди всѣ просвѣщенны будутъ; такъ не будетъ повиновенія и слѣдовательно никакова порядка.* Сія система принадлежитъ малымъ душамъ и безмозглымъ головамъ».

Припоминая подобныя строки, едвали можно рѣшиться стать на сторону того рѣзкаго и невыгоднаго мнѣнія, которое Пушкинъ высказалъ о личномъ характерѣ Сумарокова и о его плодовитой, многолѣтней литературной дѣятельности.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ СУМАРОКОВА.

Предисловіе къ трагедіи «Димитрій Самозванецъ».

Слово *Публика*, какъ нѣгдѣ и г. Вольтеръ изъясняетъ, не знаменуетъ цѣлаго общества; но часть малую онаго: то есть людей знающихъ и вкусъ имущихъ. Есть-ли бы я писалъ о вкусѣ Дисертацію, я бы сказалъ то, что такое вкусъ, и изъяснилъ бы оное; но здѣсь дѣло не о томъ. Въ Парижѣ, какъ извѣстно, невѣждъ не мало, какъ и вездѣ; ибо вселенная по большой части ими наполнена. Слово *Чернь* принадлежитъ низкому народу: а не слово: *Подлый народъ*; ибо подлый народъ суть каторжники и протчія презрѣнныя твари, а не ремесленники и земледѣльцы. У насъ сіе имя всѣмъ тѣмъ дается, которыя не дворяня. Дворянинъ, великая важность! Разумный священникъ и проповѣдникъ Величества Божіяго, или кратко Богословъ, Естесвословъ, Астрономъ, Риторъ, Живописецъ, Скульпторъ, Архитектъ и протч. по сему глупому положенію—члены черни. О, несносная дворянская гордость, достойная презрѣнія и поруганія! Истинная чернь суть невѣжды, хотя бы они и великіе чины имѣли, богатство Крезовъ, и влекли бы свой родъ отъ Зевса и Юноны, которыхъ никогда не бывало, отъ сына Филиппова, побѣдителя или паче раззорителя вселенныя, отъ Іюлія Цесаря, утвердившаго славу Римскую, или паче разрушившаго оную. Слово публика и тамъ, гдѣ гораздо много ученыхъ людей, не значитъ ничево. Людовикъ XIV далъ Парнасу золотой вѣкъ въ своемъ отечествѣ; но по смерти ево вкусъ мало по малу сталъ исчезать. Не исчезъ еще; ибо мы видимъ онаго остатки въ Г. Вольтерѣ и въ другихъ французскихъ писателяхъ. Трагедіи и комедіи во Франціи пишутъ; но не видно еще ни Вольтера, ни Моліера. Ввелся новый и накостный родъ слезныхъ комедій: ввелся тамъ; но тамъ не исторгнутся сѣмена вкуса Расинова и Моліерова: а у насъ по театру почти еще и начала нѣтъ; такъ такой скаредной вкусъ, а особливо вѣку великія Екатерины не принадлежитъ. А дабы не впустить онаго, писалъ я о таковыхъ драмахъ Г. Вольтеру: но они въ сіе краткое время вползли въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ: нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе. Какъ скаредно ни переведена «Евгенія», и какъ нагло актриса подъ именемъ «Евгеніи» Бакханту ни изображала: а сіе рукоплесканіе переводчикъ оныя драмы, какой-то подъячій, до небесъ возноситъ, соплетая зрителямъ хвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судіею Парнаса, и утвердителемъ вкуса Московской публики!.. Конечно скоро представленіе свѣта будетъ. Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ; и неуже-ли вкусъ жителей Московскихъ сходняе со вкусомъ сево подъячева! Подъячему соплетать похвалы вкуса Княжичей и Господичей московскихъ, толь маломѣстно, коль непристойно лакѣю, хотя и придворному, мои пѣсни портить, печатать и продавать или противъ воли еще пребывающаго въ жизни автора портить ево драмы, и за порчу собирать себѣ деньги, или съѣзжавшимся ви-

[1]) I т. Изв. Имп. Академіи Наукъ за 1862 г. Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову.

дѣть «Семиру» — сидѣть возлѣ самаго оркестра и грызть орѣхи, и думати, что когда за входъ деньги заплачены въ позорище, можно въ партерѣ во кулачки биться, а въ ложахъ расказывать исторіи своей недѣли громогласно, и грызть орѣхи: а публиковать газеты весьма маловажныя можно и внѣ Театра; ибо таковые газетчики къ тому довольно времени имѣютъ. Многіе въ Москвѣ зрители и зрительницы не для того на позорищи ѣздятъ, дабы имъ слышать ненужныя имъ газеты: а грызеніе орѣховъ не приноситъ удовольствія ни зрителямъ разумнымъ, ни актерамъ, ни трудившемуся во удовольствіе публики автору: ево служба награжденія, а не наказанія достойна. Вы путешествователи, бывшіе въ Парижѣ и въ Лондонѣ, скажите! грызутъ ли тамъ во время представленія драмы орѣхи; и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сѣкутъ-ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ, ко тревогѣ всего партера, ложь и театра. Но какъ то ни есть, я жалѣю, что я не имѣю копіи съ посланнаго къ г. Вольтеру письма, бивъ тогда въ крайней разстройкѣ, и крайне боленъ, когда князь Козловской, отъѣзжавшій къ г. Вольтеру по письмо ко мнѣ заѣхалъ; я отдалъ ему подлинникъ, ниже его на бѣло переписавъ; однако отвѣтное письмо сего отличнаго автора и слѣдственно отличнаго и знатока, нѣсколько моихъ вопросовъ заключаетъ; а особливо, что до скаредной слезной комедіи касается [1]). А ежели ни г. Вольтеру, ни мнѣ кто въ этомъ повѣритъ не хочетъ, такъ я похвалю и такой вкусъ, когда щи съ сахаромъ кушать будутъ, чай пити съ солью, кофе съ чеснокомъ, и съ молебномъ совокупятъ панафиду. Между Таліи и Мельпомены различіе таково, каково между дня и ночи, между жара и стужи, и какая между разумными зрителями драмы и между безумными. Не по количеству голосовъ, но по качеству утверждается достоинство вещи, а качество имѣетъ основаніе на истинѣ:

Достойной похвалы невѣжи не умалятъ;
А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

ТРАГЕДІЯ.

ДѢИСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДИМИТРІЙ И ПАРМЕНЪ.

Парменъ (*наперсникъ Димитрія*).

Разрушь монархова наперсника незнанье!
Дней тридцать лишь твое внимаю я стенанье,
И зрю, что мучишься на тронѣ завсегда;
Какая предстоитъ Димитрію бѣда:
Блаженству твоему какая грусть мѣшаетъ?
Или уже тебя престолъ не утѣшаетъ?
Хоть былъ несчастливъ ты; но вѣкъ твой нынѣ новъ;
То небо отдало, что отнялъ Годуновъ:
Не могъ тебѣ злодѣй во гробъ дверей отперти;
Судьбиною ты взятъ изъ челюстей злой смерти,
А истина на тронъ отцевъ тебя взвела;
Какія жъ горести судьба тебѣ дала?

Димитрій.

Зла фурія во мнѣ смятенно сердце гложетъ;
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ.

Парменъ.

Ты много варварства и звѣрства сотворилъ:
Ты мучишь подданныхъ, Россію раззорилъ,
Тирански плаваешь во дѣйствіяхъ безчинныхъ,
Ссылаешь и казнишь людей ни въ чемъ невинныхъ,
Противъ отечества неутолимъ твой жаръ;
Прекрасный сталъ сей градъ темницею бояръ.
Отечества сыны всѣ щастьемъ одинаки,
И здравіе твое брегутъ одни Поляки.
Восточной церкви здѣсь законъ совсѣмъ падетъ,
Подъ иго папское царь россійской насъ ведетъ.
И ежели ко злу влечетъ тебя природа,
Преодолѣй ее, и будь отецъ народа!

Димитрій.

Въ законѣ Климентъ мя присягой обязалъ,
А польскій мнѣ народъ услуги показалъ;

[1]) Къ этому предисловію приложено было Сумароковымъ и самое письмо Вольтера въ подлинникѣ.

Такъ милости моей Россія не причастна,
Коль папской святости не хочетъ быть подвластна.

Парменъ.

Мнѣ мнится человѣкъ себѣ подобнымъ братъ:
И лжеучители разсѣяли развратъ,
Дабы лжесвятости ихъ черни возвѣщались,
И ко прибытку имъ ихъ басни освящались.
Намъ наши пастыри того не говорятъ,
И съ ними развратясь судьбу благодарятъ.
Сложила Англія, Голландія, то бремя,
И Полгерманіи: наступитъ скоро время,
Что и Европа вся откинетъ прежній страхъ,
И съ трона свержется прегордый сей монахъ,
Который толь себя отъ смертныхъ отличаетъ,
И чернь котораго какъ Бога почитаетъ.

Димитрій.

Такъ дерзостно, Парменъ, о немъ не говори;
Сіе свѣтило чтутъ и князи, и цари!

Парменъ.

Не всѣ къ нему, не всѣ усерднымъ сердцемъ таютъ;
Но многіе ево притворно почитаютъ:
И видемъ только въ немъ вселенскій патріархъ,
Не міра судія, не Богъ и не монархъ.
А папа вить не всѣхъ людей скотами числитъ;
Разумный человѣкъ о Богѣ здраво мыслитъ.

Димитрій.

Во умствованіи не трать напрасно словъ;
Коль въ небѣ хочешь быть, не буди философъ;
Премудрость пагубна, хотя она и льстивна.

Парменъ.

Премудрость Вышнему быть можетъ ли противна?
Исполненъ ею, Онъ вселенну созидалъ,
И мертву веществу животъ и разумъ далъ.
На что ни взглянемъ мы, его премудрость видимъ;
Иль, что въ Богѣ чтимъ, въ себѣ возненавидимъ?

Димитрій.

Премудрость Божія непостижима намъ.

Парменъ.

Такъ Климентъ оныя не постигаетъ самъ.
Къ понятію ея ума предѣлы тѣсны;
Но дѣйства Божества въ твореніи извѣстны.
И если изостримъ намъ данные умы;
Что папа вѣдаетъ, узнаемъ то и мы.

Димитрій.

За дерзость будешь тамъ ты мучиться во вѣки,
Гдѣ жажда, гладъ, тоска и огненныя рѣки,
Гдѣ скорбь душевная и неисцѣльныхъ ранъ.

Парменъ.

Димитрій будетъ тамъ, когда онъ сталъ тиранъ.

Дититрій.

Я вѣдаю, что я нежалостный зла зритель,
И всѣхъ на свѣтѣ семъ безстудныхъ дѣлъ творитель.

Парменъ.

Такъ должно отъ такихъ дѣлъ страшныхъ убѣгать.

Димитрій.

Нѣтъ силъ и не могу себя превозмогать.
Затмится росска честь и дѣйствія геройски:
Почтутъ отцомъ отцевъ мои всѣ папу войски;
Оружіемъ ему я церковь покорю;
Коль хочетъ царь того, удобно то царю.

Парменъ.

Во треволненное вдаешся, царь, ты море:
А тщася учредить Москвѣ и Россамъ горе,
Готовишь ты себѣ нещастливый конецъ;
Колеблется твой тронъ, съ главы падетъ вѣнецъ.

Димитрій.

Россійскій я народъ съ престола презираю,
И власть тиранскую неволей простираю.
Возможно-ли отцемъ мнѣ быти въ той странѣ,
Котора, мя гоня, всево противней мнѣ?
Здѣсь царствуя, я тѣмъ себя увеселяю,
Что россамъ ссылку, казнь и смерть опредѣляю.
Сыны отечества Поляки будутъ здѣсь;
Отдамъ подъ иго имъ народъ Россійскій весь.
Тогда почувствую, послѣдуя успѣху,
Я самъ величества и царскую утѣху;
Когда при томъ и то я въ добычь получу,
Что я давно уже имѣть себѣ хочу.
А ежели сіе, мой другъ не совершится,
Димитрій множества спокойствія лишится.
Грызеньемъ совѣсти и много мукъ терплю;
Но мука мнѣ и то, что Ксенію [1]) люблю.

[1]) Ксенія—дочь Шуйскаго (въ трагедіи Сумарокова) и невѣста Георгія, князя Галицкаго.

Пармен.

У Ксеніи женихъ, а у тебя супруга...

Димитрій.

Я чту тебя, Пармен, какъ вѣрнаго мнѣ друга;
Такъ я не кроюся: могу прервати бракъ;
И тайный ядъ мою жену [1]) пошлетъ во мракъ.

Пармен.

Объемлетъ трепетъ...

Димитрій.

Ты пугаешься напрасно.

Пармен.

О дѣйствіи такомъ помыслити ужасно.

Димитрій.

Я къ ужасу привыкъ, злодѣйствомъ разъяренъ,
Наполненъ варварствомъ и кровью обагренъ.

Пармен.

Супруга предъ тобой немало не виновна.

Димитрій.

Передъ царемъ должна быть истина безсловна,
Не истина царь—я; законъ—монарша власть;
А предписаніе закона—царска страсть.
Невольникъ тотъ монархъ, кто презритъ всѣ забавы,
Въ которыхъ вольности препятствуютъ уставы:
И еслибъ былъ таковъ порфироносца вѣкъ,
Такъ былъ тогда-бъ и царь — подвластный человѣкъ,
И тщетно бъ онъ для подданныхъ трудился,
Когдабъ, какъ подданный, онъ истиной судился.

Пармен (*особливо*).

Потщусь отъ варварства супругу обрегать.

(*Димитрію*)

Въ геенну ты себя стараешься ввергать.

Димитрій.

О Климентъ! есть-ли я въ небесномъ буду градѣ,
Кому жь мученіе готовится во адѣ!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Димитрій (*одинъ*).

Занавѣсъ подымается. Димитрій спящій сидитъ на креслахъ; возлѣ него столъ, на которомъ царскія утвари, и проснувшись говоритъ:

Довольно я терплю душевныхъ огорченій;
Не умножайте вы, мечты, моихъ мученій;
Мнѣ все приснилося, чѣмъ страшенъ мнѣ сей градъ,
И весь передъ меня предсталъ ужасный адъ.

(*Слышенъ колоколъ*).

Въ набатъ біютъ! сему біенью что причина!

(*Встаетъ*).

Въ сей часъ, въ сей страшный часъ, пришла моя кончина,
О ночь! О грозна ночь! О ты противный звонъ!
Вѣщай мою бѣду, смятеніе и стонъ!
Трепещетъ духъ во мнѣ... сего не зналъ я прежде..
Объятъ отчаяньемъ, и нѣтъ путей надеждѣ...
Домъ царскій зыблется, колеблется чертогъ...
О Боже! но меня оставилъ вѣчно Богъ:
А люди моего гнушаются и виду....
Смотрю прибѣжища... не зрю... въ геенну сниду.
Во преисподнюю ступай, душа моя!
Правитель естества! И тамъ рука Твоя!
Исторгнешь мя на судъ изъ адскія утробы;
Суди и осуждай за всѣ творимы злобы;
И человѣчества я врагъ, и Божества.
Противъ я шелъ Тебя, противъ и естества...
Весь воздухъ возшумѣлъ, враги вооруженны,
У стѣнъ моихъ палатъ, ярятся приближенны;
А я безсильствую ихъ наглости внемля...
Все, все противъ меня: и небо, и земля...
О градъ! которымъ я ужъ больше не владѣю,
Достанься ты но мнѣ такому же злодѣю!

---

[1]) Эта жена Димитрія, въ трагедіи Сумарокова, не является вовсе на сценѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ДИМИТРІЙ, СТРАЖИ И СТРАЖЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Начальникъ.

Весь Кремль народомъ полнъ, домъ царскій окруженъ.
И гнѣвъ во всѣхъ сердцахъ противъ тебя зазженъ.
Вся стража сорвана, остались мы едины.

Димитрій.

Не можетъ быть ничто жесточе сей судьбины!
Пойденъ... поверженъ... стой... ступай... будь здѣсь... бѣги,
И мужествомъ число враговъ превозмоги!
Бѣгите! тщитеся Димитрія избавить!...
Куда бѣжите вы?... хотите мя оставить?
Не отступайте прочь и защищайте дверь!...
Убѣгнемъ... тщетно все и поздно все теперь...
Введите Ксенію.

(Въ четвертомъ явленіи *Ксенію* приводятъ къ *Димитрію*, и онъ объявляетъ ей, что ей суждено быть послѣднею жертвою его жестокости; *Ксенія* сокрушается и удивляется рѣшенію *Димитрія* именно на нее обрушить всю злобу свою. Отвѣчая на слова ея, онъ говоритъ:

Димитрій.

Прельстившемуся мнѣ, прекрасная, тобою,
Одни ужъ мысли зрѣть тя жертву предъ собою.
Зрю самъ, колико ты въ сіи часы бѣдна;
Но ты къ отмщенью мнѣ осталася одна;
Винна ли ты мнѣ нѣтъ, будь винна града жертва,
Доколь не свергуся съ престола, буди мертва.
Въ предверіи моемъ, я слышу стукъ и трескъ.
Пришли минуты злы, короны тмится блескъ.
Готовься ощущать караемую злобу.

(*Хватаетъ ее за руку; вынимаетъ кинжалъ и подымаетъ на нее*).

Жди смерти и умри, предшествуй мнѣ ко гробу!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ДИМИТРІЙ, КСЕНІЯ, ШУЙСКОЙ, ГЕОРГІЙ И ВОИНЫ.

Георгій.

Какое зрѣлище!

Шуйской.

Свирѣпая душа!

Димитрій.

Лишайтеся ея, престола мя лиша!

Георгій (*нѣсколько приближася къ нему*).

Когда ты чьей нибудь погибели желаешь;
Смягчи суровство мной, въ которомъ ты пылаешь!
Георгій твой злодѣй.

Шуйской.

Не онъ, не дочь моя,
Виновны предъ тобой, начальникъ бунтовъ—я.

Димитрій.

Когда содѣяти хотите ей пощаду,
Ступайте вонъ отсель, и объявите граду,
Что я имъ царствую и милость, и пріязнь,
Или надъ сей княжной свершится града казнь.

Шуйской.

За градъ отеческой, вкушай княжна смерть люту!

Георгій.

Стремится на меня зло все въ сію минуту!
Судьбина, ждалъ ли я толь страшнаго часа!
Вельможи и народъ! Димитрій! небеса!
Оставь невинную; моей лей токи крови,
И сотвори конецъ нещастнѣйшей любови!

Димитрій.

Мнѣ жертва та мала къ отмщенью моему.

Георгій (*отступивъ и обратясь къ народу*.

Спасенія лишенъ, на смерть лечу къ нему.

(*Бросаяся на него*.)

Прости любезная.

Ксенія.

Прости!

Димитрій (*устремився Ксенію заколоть.*)

Увяньте розы!

Пармень (*съ обнаженнымъ мечемъ вырывая Ксенію изъ рукъ его*)

Прошли уже твои жестокости и грозы.

Избавленъ нынѣ народъ смертей, гоненій, ранъ:
Не страшенъ никому въ безсиліи тиранъ.

Димитрій.

Ступай, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна!

(*Ударяетъ себя кинжаломъ въ грудь и издыхая падущій въ руки стражей.*)

Ахъ, естли бы со мной погибла вся вселенна!

ОБРАЗЦЫ КРИТИЧЕСКИХЪ И ПОЛЕМИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ СУМАРОКОВА.

О истребленіи чужихъ словъ изъ Русскаго языка.

Воспріятіе чужихъ словъ, а особливо безъ необходимости, есть не обогащеніе, но порча языка. Такъ долговременно портился притяженіемъ Латинскихъ словъ Нѣмецкій, испортился Польской, (первый отъ единаго съ нашимъ отца, а другой тотъ, который намъ, только съ нѣкоторою отмѣною, почти какую и Россійскія области между собою въ нарѣчіи имѣютъ), и какъ портится Нѣмецкими и Французскими словами Русской. Честолюбіе возвратитъ насъ когда-нибудь съ сего пути несумнѣннаго заблужденія; но языкъ нашъ толико сею зараженъ язвою, что и теперь уже вычищать ево трудно: а ежели сіе мнимое обогащеніе еще нѣсколько лѣтъ продлится, такъ совершеннаго очищенія не можно будетъ больше надѣяться. Какая нужда говорить, вмѣсто Плоды, Фрукты? вм. столовой приборъ, столовой сервизъ? вм. Передняя комната, Антишамбера? вм. комната, Камера? вм. Верьхнее платье, Сюртукъ? Похлебка, Супъ? вм. Мамка, Гувернанта? Или же въ картахъ: вм. Козырь, Король, Краля, Хлапъ,—Атуть, Роа, Дама, Валетъ? вм. Насмѣхаться, Мокероваться? вм. Похвала, Еложь? вм. Князь—Принцъ? вм. Кошелекъ, Бурса? вм. Уборной столъ, Нахтишъ и Тоалетъ? вм. Задумчивъ, Пансивъ? вм. Переписка, Корреспонденція, и еще чудняе, Коршпанденція? Начальный поварь, Кихенмейстеръ и чудняе Кухмистръ, не отъ поварни, да отъ пирога, и Мистръ, вмѣсто Мейстеръ? вм. Бритовщикъ, изломанно, Фершелъ? вм. Часть книги, Томъ? вм. Изданіе книги, Едиція, вм. Остроуміе, Жени? вм. Разсужденіе, Бонсанъ? вм. Воспитаніе, Едюкація? вм. Великолѣпно, Манификъ? вм. Нѣжно, Деликатно? вмѣсто Страсть, Пассія. Но кто все то перечесть можетъ! Сказывали мнѣ, что нѣкогда Нѣмка Московской Нѣмецкой слободы говорила: Mein мужъ, kam домой, stieg черезъ заборъ und fiel ins грязь. Это смѣшно; да и это смѣшно: Я въ дистракціи и дезеспере; я акусюръ противъ риваля своево буду реванжироваться. Странны чужія слова въ разговорахъ, въ письмѣ еще страннѣе, а въ печати и того страннѣе. Что скажетъ потомство! Предки наши нѣсколько Татарскихъ словъ присвоили нашему языку, изъ которыхъ мы уже нѣкоторыя не въ силахъ выгнать, напримѣръ: Казанъ, Кафтанъ и т. д. Греческія слова введены въ нашъ языкъ по необходимости, и дѣлаютъ ему украшеніе, а Нѣмецкія и Французскія намъ—ненадобны, кромѣ названія такихъ животныхъ, плодовъ, и прочаго, какихъ Россія не имѣетъ, напр. Рыба Карпъ. По сей необходимости и Стерлядь наша на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкѣ Стерлядью, а Соболь Соболемъ называются. Сардели, Каперсы, Оливки, Цитронъ, Апельсинъ, Померанецъ, и пр. А Кулика—Бекасомъ и прочее тому подобное, чужими именами напрасно называются. Греческія слова, какъ напр. Порфира, Скипетръ, Діадима, имена наукъ, болѣзней и подобныя слова для изъясненія точности потребны нашему языку. Оныя жъ въ Латинской и во Европейскія языки войти право имѣли; ибо стараніе Грековъ въ нужныхъименованіяхъ на верьхъ совершенства взошло и получило почтеніе, воспріято быть Римлянами, а потомъ и всею Европою для избѣжанія великія трудности въ изъисканіи новыхъ нужныхъ именованій, а нѣкоторыя ихъ слова съ необходимыми, ради единыя

красоты ихъ утвердился, какъ на нашемъ языкѣ Тронъ; ибо Престолъ тоже знаменуетъ, а при томъ и великолѣпно слышится. Таковымъ образомъ вошло слово Корона въ русскій языкъ, и знаменуетъ то же, что и Вѣнецъ. Ради необходимости многія Греческія слова стали быть словами всѣмъ языкамъ общими. И тако воспріятыя Греческія слова присвоены нашему языку достохвально, а нынѣшнія языкъ нашъ обезображиваютъ.

КРИТИКА НА ОДУ ЛОМОНОСОВА [1]).

Строфа I.

Возлюбленная тишина.
Блаженство селъ, градо́въ ограда.

Градовъ ограда. сказать не можно. Можно молвить: селенія ограда; а не ограда града; градъ отъ того и имя свое имѣетъ, что онъ огражденъ.

Я не знаю сверхъ того, что за ограда града «тишина.» Я думаю что ограда града войско и оружіе, а не тишина.

Городъ имѣетъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа *Городо́въ*, а *градъ* — *гра́довъ*, а не *градо́въ*; для того что въ именительномъ падежѣ множественнаго числа городъ имѣетъ званіе города́, а градъ—гра́ды; а не града́ и не грады!

Сказано въ той же строфѣ къ тишинѣ:

Сокровищъ полны корабли.
Дерзаютъ въ море за тобою;

Что корабли дерзаютъ въ море за тишиною, и что тишина имъ предшествуетъ, объ этомъ мнѣ весьма сумнительно, можно ли такъ сказать; тишина остается на берегахъ, а море никогда не спрашиваетъ, война-ли, или миръ въ государствѣ, и волнуетъ тогда, когда хочетъ, какъ ни случится—въ мирное ли, или въ военное время.

Ты сыплешь щедрою рукою.
Твое богатство по земли.

Я думаю, что тишина сыплетъ щедрою рукою по земли *богатство*, а не *свое* богатство, котораго она не имѣетъ.

Строфа II.

Блистая съ вѣчной высоты.

Можно сказать *вѣчные льды*, *вѣчная весна*. Льды потому вѣчны, что никогда не таютъ, а вѣчная весна, что никогда не допускаетъ зимы; а вѣчная высота, вѣчная глубина, вѣчная ширина, вѣчная длина, не имѣютъ никакова знаменованія.

На бисеръ, злато и порфиру.

Съ бисеромъ и златомъ порфира весьма малое согласіе имѣетъ. Приличествовало бы сказать: на бисеръ, сребро и злато, или на корону, скипетръ и порфиру: оныя бы именованія согласнѣе между себя были.

Но краше въ свѣтѣ не находитъ
. . . . и тебя.

Что солнце смотритъ на бисеръ, злато и порфиру—это правда; а что бы оно смотрѣло на тишину, на премудрость, на совѣсть, это противъ понятія нашего. Солнце можетъ смотрѣть на войну, гдѣ оно видитъ оружіе, побѣдителей и побѣжденныхъ; а тишина никакова существа не имѣетъ, и здѣсь ни въ какомъ образѣ не представляется, какъ на примѣръ въ Епическихъ Поемахъ добродѣтели и прочему подобное.

Но въ девятомъ стихѣ сей Строфы ни къ чему не привязано, и не знаю для чего вставлено:

И зракъ приятнѣе рая.

Приятнѣе, кромѣ вольности и ошибки, не употребляется, а здѣсь въ вольности никакой нѣтъ нужды, и надлежало написать *приятнѣе*.

Зракъ приятнѣе рая, сказать не можно. Какой нибудь землѣ можно сказать *приятнѣе рая*. На примѣръ, Италія пріятнѣе рая; а о зракѣ человѣческомъ надлежало бы сказать, на примѣръ, такъ: *И зракъ приятнѣе зрака богини*, или что нибудь иное, сему подобное.

Строфа III.

Войнѣ поставила конецъ.

Войну окончать или *здѣлать войнѣ конецъ*, сказать можно, а войнѣ *поставить* конецъ, я

[1]) «На восшествіе на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны; см. выше стр. 296—298».

не знаю, можно ли сказать. Можно употребить, вмѣсто построить домъ, *поставить домъ*, а вмѣсто окончать войну, весьма мнѣ сумнительно, чтобъ позволено было написать: поставить войнѣ конецъ. Говорится: сдѣлалъ начало, сдѣлалъ конецъ, а не поставилъ.

На цѣлый западъ и востокъ.

Цѣлый западъ сказать въ Русскомъ языкѣ весьма не свойственно. Говорится: на весь западъ. *Цѣло* въ Русскомъ языкѣ знаменуетъ то, что не испорчено.

Лутче бы сказать на *весь свѣтъ*; а естьли употребленъ западъ и востокъ, такъ я не вѣдаю, для чево сѣверъ не сказанъ? Что не сказанъ югъ, тому я еще не столько удивляюсь.

Строфа IV.

Когда отъ радостной премѣны
.... Возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!

Не *стѣны возвышаютъ* кликъ, но народы. Говорится: весь градъ восклицаетъ, вся страна и вся земля восклицаетъ. Подъ именемъ града, я разумѣю гражданъ, подъ именемъ страны разумѣю живущихъ въ ней.

Несть рукою не говорится, подобно такъ, какъ смотрѣть глазами, слышать ушами, ходить ногами. Говорится: я это несъ на себѣ, такъ несть рукою, покажется изъ далека для сего раздѣленія положено. Однако несу или держу скипертъ рукою, или что подобное тому, сказать не можно. Когда жъ говорится о Крестѣ—несть Крестъ, показываетъ Крестъ быть въ рукѣ; а несть крестъ на себѣ—не говорится. А говорится - крестъ на себѣ имѣть.

Добротъ твоихъ.

Что добродѣтель—я знаю, а что доброта—я невѣдаю.

Сонъ.

Полемическая журнальная статейка, направленная противъ Академіи Наукъ.

Вторично пригрезилася мнѣ Мельпомена, и объявила мнѣ, что она челобитную на иноплеенниковъ, утѣсняющихъ Россійскихъ музъ подала. Слыхалъ я, что скупыя при смерти приказываютъ лутчія свои сокровищи, сколько имъ во гробъ вмѣститься можетъ, полагати подъ себя, въ такомъ мнѣніи, что то они съ собою на тотъ свѣтъ вынесутъ; хотя наслѣдники ихъ, не вѣдаю какихъ ради причинъ, этого ихъ завѣщанія никогда не исполняютъ, презирая всѣ тѣ клятвы, которыми покойники свои завѣщанія утверждалы. Слѣдуя сему нѣсколько основательному мнѣнію—ибо какъ того лишиться, что толико безопасно сохранено, и что стрежется спиною самово хозяина! — положилъ ево подъ себя, будучи въ сумнѣніи, не сплю-ли я; такимъ образомъ—я ево съ собою изо сна вынесъ, и теперь ево, пріемлющимъ Россійскаго Парнасса участіе, для любопытства сообщаю.

«Великая и премудрая богиня!

Бьетчеломъ тебѣ Россійская Мельпомена и всѣ съ нею Россійскія музы, а очемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ Пункты. *КЪ СЕЙ*

1.

Призваны мы на Россійской Парнассъ Отцемъ твоимъ, великимъ Юпитеромъ, ради просвѣщенія сыновъ Россійскихъ, и отъ того времени просвѣщаемъ мы Россіянъ по крайней нашей возможности. *ЧЕЛО-*

2.

Прекрасный и всѣхъ Европейскихъ языковъ, ко исполненію нашей должности, способнѣйшій языкъ Россійскій, отъ иноплеменническихъ нарѣчій, и отъ иноплеменничискаго склада, часъ отъ часу въ худшее приходитъ состояніе, а они о томъ только пекутся, чтобъ мы, Россійскія музы, въ нашемъ искуствѣ, никакова не имѣли успѣха; чтобы они учеными, а сыны Россійскіе невѣжами почитались; хотя они сами о Словесныхъ наукахъ, на которыхъ зиждется вся премудрость, и понятія неимѣютъ. *БИТНОЙ*

3.

Властвуя они здѣшнимъ Парнассомъ, помоществуемы иноплеменниками, Хамова колѣна, храмъ мой оскверняютъ, и весь Парнассъ Россійскій въ крайнее приводятъ замѣшательство, и оставивъ Парнасскія дѣла, пишутъ только Справки и Выписки, въ которыхъ на Парнассѣ ни малѣйшія нѣтъ нужды, и что Парнасскому уставу совсѣмъ противно, а сверьхъ того, нѣкоторыя, Хамова колѣна, берутъ и взятки, и безграмотныхъ писцовъ

во грамотные посвящають, а грамотныхъ они въ безграмотные пишутъ, не взирая на мнѣнія Аполлоновыхъ любимцевъ, у которыхъ тѣ писцы обучаются. *МУЗА*

4.

Россійскимъ Авторамъ дѣлаютъ иноплеменники всякое препятствіе: да и работы своей Авторамъ издавати едва возможно; ибо печатаніе книгъ по предложенію и на основаніи недоброжелательныхъ иноплеменниковъ несносно дорого. А учинено оное ради того, чтобы въ Россіи Авторовъ было меньше и чтобы Россіяне въ чужіе ввѣрялись языки, а свой бы позабывали, и не зная красоты онаго, имъ бы гнушалися, какъ имъ они гнушаются, что отъ части нѣкоторыя безмозглыя головы уже и дѣлаютъ. *МЕЛЬЦО*

5.

О заведеніи ученаго во Словесныхъ наукахъ собранія, въ которомъ бы старались искусные Писатели о чистотѣ Россійскаго языка и о возращеніи Россійскаго Краснорѣчія, иноплеменники, наблюдая собственное свое прибыточество и вражду къ Россійскому Парнассу, никогда и не думывали, хотя такія собранія необходимо нужны; ибо безъ того науки ни въ которомъ государствѣ совершеннаго процвѣтанія не имѣли и имѣти не могутъ. И нигдѣ, посреди своево отечества, Писатели отъ иноплеменниковъ не зависятъ, не только отъ иноплеменниковъ невѣжъ: такъ же и храмы Музъ состоятъ подъ надзираніемъ сыновъ отечества. *МЕНА*

6.

Властвованье иноплеменниковъ и храмомъ моимъ и всѣмъ Россійскимъ Парнассомъ къ неудобоносному нашему утѣшенію, и къ непомѣрному нашему стыду, приводитъ насъ въ крайнее отчаяніе. *РУКУ*

И дабы повелѣно было сіе мое прошеніе принять, и насъ отъ ига иноплеменниковъ освободить. *ПРИЛОЖИЛА*.

Премудрая богиня! со слезами прошу тебя, по сей моей челобитной, къ пользѣ Россійскаго народа, рѣшеніе учинить! Ноября 14 дня, 1760 году. Въ Санктпетербургѣ. Къ поданію надлежитъ Россійской Палладѣ. челобитную писалъ Россійскій Стихотворецъ членъ ученаго собранія Лейпцихскаго.

Къ Подъячему, Писцу или Писарю, то есть, къ таковому человѣку, которой пишетъ, не зная того, что онъ пишетъ.

Писарь! ты хулишь изданія подъ именемъ Трудолюбивой Пчелы, болтая что въ нихъ только Стихи: это неправда, не одни Стихи въ нихъ, да и Стиховъ никто, кромѣ тебя и тебѣ подобныхъ невѣжъ, не уничижаетъ. А о себѣ ты бредишь такъ: я бы перевелъ Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста; но кто бы узналъ ихъ въ твоемъ переводѣ? Я тебѣ скажу на это прибаутку Просила нѣкогда жена мужа, чтобы онъ укралъ ей пшеницы испечь пироги, потчивать гостей. Мужъ говорилъ: «у насъ отъ роду пшеничныхъ пироговъ не бывало, такъ узнаютъ то всѣ, что пшеница украдена».—«Не твое то дѣло», говорила она, «я такъ испеку пироги, что они черняе оржаныхъ будутъ».

Наставленіе сыну.

САТИРА.

Вѣщалъ такъ нѣкто зря свою кончину слезну,
Къ единородному наслѣднику любезну:
«Мой сынъ, любезный сынъ! уже я нынѣ старъ;
Тупѣетъ разумъ мой, и исчезаетъ жаръ,
Готовлюся къ суду; отъиду скоро въ вѣчность,
И во предписанну намъ смертнымъ безконечность;
Такъ я тебѣ теперь, какъ жить тебѣ, скажу.
Блаженства твоего дорогу покажу.
Конецъ мой близокъ:
А ты пойдешь путемъ, который очень склизокъ;
Хотя и все на свѣтѣ суета,
Но льзя-ли презирать блаженство живота?
Такъ должны мы о немъ всей мыслью простираться,
И что потребно намъ, о томъ должны стараться!
Забудь химеру ту, слыветъ котора честь;
На что она, когда мнѣ нечего поѣсть?
Нельзя въ купечествѣ пребыти безъ продажи,
Подобно въ бѣдности, безъ плутни и безъ кражи.
Довольно я тебѣ имѣнья наплуталъ,[1]
И еслибъ безъ меня ты это промоталъ,
На что-жъ бы для тебя свою губилъ я душу?

[1]) Т. е. наплутовалъ.

Когда представлю то, я все спокойство рушу.
Доходы умножай, гони отъ сердца лѣнь,
И бѣлу денежку береги на черный день.
Коль можно что украсть—украдь, да только скрытно,
И умножай доходъ
Ты всѣми образы себѣ на каждый годъ!
Вѣдь око зрѣніемъ во вѣки ненасытно.
Коль можешь обмануть,
Обманывай искусно;
Изобличеннымъ быти гнусно;
И часто нашъ обманъ на висѣлицу путь.
Незнайся ты ни съ кѣмъ безпрочно, по пустому.
И съ ложкой къ киселю мечися ты густому;
Богатыхъ почитай, чтобъ съ нихъ имѣти дань,
Случайныхъ [1]) похвалять, ихъ выся, не устань,
Великимъ господамъ ты, ползая, покорствуй!
Со всѣми ты людьми будь скроменъ и притворствуй.
Коль сильный господинъ бранитъ ково,
И ты, съ бояриномъ, брани ево!
Хвали ты тѣхъ, ково бояря похваляютъ;
И умаляй, они которыхъ умаляютъ!
Глаза свои протри,
И пояснѣй смотри,
Большія на кого бояря негодуютъ!
Прямымъ путемъ идти,
Такъ счатья не найти.
Плыви, куда тебѣ способны вѣтры дуютъ!
Противъ такихъ господъ,
Которыхъ чтитъ народъ
Не говори ни слова:
И чтобъ душа твоя была всегда готова,
Не получивъ отъ нихъ добра, благодарить!
Стремися какъ они, подобно говорить!
Вельможа что сказалъ, знай, слово это свято,
И что онъ рекъ.
Противъ того не спорь; ты малой человѣкъ!
О черномъ онъ сказалъ: *красно*; бояринъ рекъ—
Скажи и ты, что то: *гораздо красновато*!
Предъ низкими людьми свирѣпствуй ты, какъ чортъ:
А безъ того они, кто ты таковъ, забудутъ,
И почитать тебя не будутъ;
Простой народъ того и чтитъ, который гордъ.
А предъ высокими ты прыгай, какъ лягушка,
И помни, что мала передъ рублемъ полушка!
Душища въ нихъ; а въ насъ, любезный сынъ мой,—душка.

Ты честный человѣкъ пребуди для себя;
Себя единаго ты истинно любя,
Не дѣлай же себѣ единому обиды,
А для другихъ имѣй едины только виды,
И помни свѣтъ каковъ;
Въ немъ мало мудрости, и много дураковъ.
Довольствуй ихъ всегда пустыми ты мѣстами [2]);
Чти сердцемъ ты себя, другихъ ты чти устами:
Вѣдь пошлины не дашь, лаская имъ, за то.
Показывай, что ты другихъ гораздо ниже,
И будто ты себя не ставишь ни зачто;
Но помни, епанчи рубашка къ тѣлу ближе.
Позволю я тебѣ и въ карты поиграть,
Когда ты въ тѣ игры умѣешь подбирать, [3])
А етова мой сынъ не позабудь:
Играя, честенъ никогда въ игрѣ не будь!
Пренебрегай крестьянъ, ихъ вѣдь подъ ногами,
Устами чти господъ великихъ ты богами,
И имъ не согруби;
Однако никого изъ нихъ и не люби,
Хотя-бъ они достоинство имѣли,
Хотя бы ихъ дѣла въ подсолнечной гремѣли.
Давай и взятки самъ, и самъ опять бери.
Добро другихъ людей во худо претвори,
И ни о комъ добра другомъ не говори.
Какой, хвалою имъ, тебѣ имѣть нажитокъ?
Явленное добро другимъ—тебѣ убытокъ.
Ученыхъ ненавидь, и презирай невѣжу,
Имѣя мысль одну, себѣ на пользу свѣжу!
Лишь тѣмъ не повредись:
Въ сатиру дерзостнымъ писцамъ [4]) не попадись.
Смущай и рви родства ты узы, дружбы, браковъ,
Во мутной вѣдь водѣ ловить удобнѣй раковъ.
Любви, родства, свойства и дружбы ты не знай,
И только о себѣ единомъ вспоминай!
Для пользы своея тяни друзей въ обманы;
Пускай почувствуютъ тобой и скорбь, и раны!
Вездѣ сбирай плоды:
Для пользы своея вводи друзей въ бѣды!
Безчестно—бредятъ [5])—то, а етого не видно;
Себя мнѣ только долгъ велитъ любить.
Мнѣ это не обидно,
Коль нужда мнѣ велитъ другаго погубить;
Противно естеству себя не возлюбить.
Пускай въ отечество мое бѣда вселится,
Пускай оно хотя сквозь землю провалится.
Чужое гибни все, лишь былъ бы мнѣ покой.
Не забывай моихъ ты правилъ!

[1]) *Случайными* людьми въ прошломъ вѣкѣ назывались *временщики*, люди, которымъ счастье помогло *попасть въ случай*—т. е. сдѣлать быструю, блестящую карьеру. [2]) Т. е. общими мѣстами, общими избитыми фразами. [3]) Т. е. *передергивать*, подтасовывать карты. [4]) Сочинителямъ, писателямъ. [5]) Т. е. толкуютъ, говорятъ.

Имѣніе тебѣ и разумъ я оставилъ.
Живи мой сынъ, живи какъ жилъ родитель твой!»
Какъ это онъ изрекъ, ударенъ онъ былъ громомъ
И разлучился онъ съ дитятей и съ домомъ;
А сѣявша душа, толико долго, ядъ
Изъ тѣла вышла вонъ и свергласл во адъ.

Порча языка.

Послушай басенки, Мотонисъ, [1]) ты моей
Смотри въ подобіи, на истину ты въ ней,
И отвращеніе имѣй
Отъ тѣхъ людей,
Которые ругаются собою,
Чему смѣюся я съ Козицкимъ [2]) и тобою.

Въ дремучій вшедши лѣсъ;
Въ чужихъ краяхъ былъ песъ,
И сограждань своихъ поставивъ за невѣжей,
Жилъ въ волчьей онъ странѣ и во странѣ мѣдвѣжьей.
Не лаялъ больше песъ, медвѣдемъ онъ ревѣлъ,
И волчьи пѣсни пѣлъ;
Пришедъ оттоль ко псамъ обратно,
Отеческій языкъ некстати украшалъ:
Медвѣжій ревъ и вой онъ волчій въ лай мѣшалъ
И началъ говорить собакамъ непонятно.
Собаки говорили:
«Не надобно твоихъ намъ новенькихъ музыкъ,
Ты портишь имя нашъ языкъ,»—
И стали грызть его, и уморили.
А я надгробіе читалъ у пса сего:
Во вѣкъ отеческимъ языкомъ не гнушайся,
И не вводи въ него
Чужаго — ничего;
Но собственной своей красою украшайся.

Эпиграммы.

Судьи приказныхъ дѣлъ у насъ не помѣчали,
Дьяки сей даръ писать и взятки брать нашли;
Писать и *брать* они дворянство обучали,—
Но мы учителей далеко превзошли.

Кто хвалитъ истину, достоинъ лютой казни;
Онъ въ сердцѣ къ ближнему не чувствуетъ пріязни.
Какое въ немъ добро, коль такъ онъ хулитъ свѣтъ
Хваля, чего нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ.

Великій человѣкъ, великій господинъ
— Кто какъ ни думаетъ—есть титулъ не одинъ.
Великій господинъ, кто чинъ большой имѣетъ,
Великій человѣкъ, кто много разумѣетъ;
Локкъ не былъ Господинъ великій въ весь свой вѣкъ,
Ни конь Калигулинъ — великій человѣкъ.

На что стояти мнѣ, какъ будто предъ богами,
Предъ человѣками, хотя они велятъ...
Полезно-ль обществу что ноги заболятъ?
Да я же головой тружусь, а не ногами.

Танцовщикъ, ты богатъ; Профессоръ, ты убогъ:
Конечно, голова въ почтеньи меньше ногъ.

Эпитафіи.

На мѣстѣ семъ лежитъ презнатный дворянинъ;
Былъ очень онъ богатъ, имѣлъ великій чинъ,
Что здѣсь ни сказано, все сказано безъ лести;
Довольно-ли того къ его безсмертной чести?

Подъ камнемъ симъ лежитъ богатства собиратель,
Который одному богатству былъ пріятель;
Онъ рѣдко вспоминалъ, что жизнь его кратка,
И часто вспоминалъ, что жизнь его сладка.
Осталось на землѣ его богатство цѣло,
И съѣдено въ землѣ его червями тѣло;
Имъ нужды нѣтъ, каковъ онъ прежде былъ богатъ,
И тако ничего не снесъ съ собой во адъ.

На мѣстѣ семъ лежитъ безмѣрно мужъ великъ,
А именно, зловредный откупщикъ,
Рѣками золото ему стекалось ко рту,
И, душу озлативъ, послало душу къ чорту.

Подъячій здѣсь лежитъ, который дѣло зналъ;
Что прямо—то кривилъ, что криво—то прямилъ,
Трудясь до самаго послѣдняго въ томъ часу,
И умираючи еще просилъ запасу.

Здѣсь докторъ погребенъ врачебныя науки.
Великій былъ онъ врачъ, а врачевать не зналъ;
Съ пустою головой имѣлъ онъ полны руки,
За чтожъ онъ слылъ врачемъ? за то что много вралъ.

---

[1]) *Мотонисъ*, молодой русскій ученый, обучавшійся сначала въ Кіевской духовной академіи, потомъ за границей. [2]) Козицкій — статсъ секретать Екатерины II, пріятель Сумарокова.

Екатерина Великая.

ВѢКЪ ЕКАТЕРИНЫ.

XXVII.

ВЛІЯНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ. — ЕЯ СОЧУВСТВІЕ СОВРЕМЕННОМУ ФИЛОСОФСКОМУ ДВИЖЕНІЮ УМОВЪ НА ЗАПАДѢ. — ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЕКАТЕРИНЫ; УЧАСТІЕ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ. — ЗНАЧЕНІЕ ВѢКА ЕКАТЕРИНЫ.

Поступательное движеніе человѣчества всего яснѣе обнаруживается перемѣною взглядовъ большинства на отношеніе отдѣльной личности къ цѣлому обществу. На основаніи такихъ-то перемѣнъ, совершающихся въ этомъ смыслѣ въ воззрѣніяхъ человѣчества, происходятъ и всѣ тѣ общія идеи, которыя въ теченіе извѣстнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, руководятъ обществомъ, а потомъ, постепенно видоизмѣняясь или перерождаясь, замѣняются новыми идеями, болѣе пригодными для незамѣтно наступившей новой исторической эпохи. Такъ какъ литература служитъ вѣрнымъ отраженіемъ внутренней жизни каждаго общества, а слѣдовательно и прямымъ выраженіемъ тѣхъ общихъ идей, которыя руководятъ обществомъ въ извѣстное время, то и въ литературѣ, конечно, перемѣна воззрѣній на значеніе отдѣльной личности и ея отношеніе къ обществу должна находить себѣ свое постоянное выраженіе. Эту перемѣну воззрѣній литература обыкновенно отражаетъ перемѣною взгляда на значеніе въ обществѣ писателя и его дѣятельности: чѣмъ большимъ количествомъ правъ, уваженія и свободы пользуется въ обществѣ каждая отдѣльная личность, тѣмъ большимъ количествомъ почета, свободы и уваженія пользуется въ томъ же обществѣ писатель и его дѣятельность. И наоборотъ: — литература и писатель тѣмъ менѣе имѣютъ значенія въ обществѣ, чѣмъ менѣе развито въ немъ уваженіе къ правамъ и значенію каждой изъ отдѣльныхъ личностей, входящихъ въ составъ общества. Вотъ почему, по мѣрѣ того, какъ общество развивается и растетъ, вмѣстѣ съ нимъ должно конечно развиваться и расти понятіе о значеніи писателя и его дѣятельности.

Этотъ общій законъ, который не трудно прослѣдить въ исторіи каждой литературы, съ замѣчательною очевидностью сталъ проявляться у насъ на Руси съ той самой минуты, когда болѣе благопріятныя условія общественной жизни дали возможность отдѣльной личности выдвинуться изъ сплошной массы народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и литературѣ — проявиться, какъ произвольному выраженію идей преобладавшаго въ обществѣ развитаго меньшинства. Мы уже видѣли, какое значеніе имѣлъ въ нашемъ обществѣ писатель въ началѣ эпохи преобразованій, при Петрѣ, и потомъ, при ближайшихъ его наслѣдникахъ до Екатерины II; мы знаемъ, какъ сами писатели смотрѣли на свою дѣятельность; знаемъ, сколько труда и тяжкихъ усилій при-

шлось потратить литературнымъ дѣятелямъ эпохи преобразованій на то, чтобы хотя сколько нибудь возвысить свое значеніе въ окружавшемъ ихъ обществѣ. Положеніе писателя даже и въ концѣ эпохи преобразованій далеко еще не могло назваться завиднымъ, а во многихъ случаяхъ оказывалось едва-ли и сносными; однако все же нельзя отрицать того, что общество, въ отношеніи къ писателямъ и ихъ дѣятельности, успѣло сдѣлать за это время довольно замѣтные шаги на пути развитія. Нѣкоторымъ доказательствомъ этихъ успѣховъ общества служитъ для насъ уже и самое развитіе меценатства въ высшихъ слояхъ общества, и замѣтное проявленіе сочувствія и вкуса къ литературѣ и театру во всѣхъ слояхъ общества, проявившееся въ царствованіе Елисаветы.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія и въ началѣ шестидесятыхъ, кругъ литературныхъ дѣятелей русскихъ, вслѣдствіе быстро-возраставшей въ обществѣ потребности въ чтеніи, успѣлъ значительно расшириться и литература была уже близка къ тому, чтобы занять въ обществѣ положеніе довольно важное. Но всему этому, вѣроятно, еще долго бы не суждено было сбыться, если бы въ началѣ царствованья Екатерины II, не прибавилось много благопріятныхъ условій, способствовавшихъ развитію въ Россіи общественной жизни, распространенію просвѣщенія и смягченію нравовъ, все еще носившихъ на себѣ слѣды грубой старины и отличавшихся приверженностью къ суровой обрядности. При помощи этихъ благопріятныхъ условій, безъ всякой особенной ломки, совершалось незамѣтно общее улучшеніе быта, а вмѣстѣ съ тѣмъ улучшалось и самое положеніе отдѣльной личности, ея отношеній къ обществу, возрастали и расширялись ея права и, какъ необходимое слѣдствіе всего этого — на основаніи вышеуказаннаго нами закона — улучшалось положеніе писателя, возрастало значеніе литературы въ обществѣ. Виновницею этого благопріятнаго поворота, совершившагося въ русской жизни начала шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, была безъ сомнѣнія Екатерина Великая, которой Россія XVIII столѣтія обязана очень многимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Одаренная быстрымъ, глубокимъ и наблюдательнымъ умомъ, обладая сверхъ того весьма обширнымъ и замѣчательнымъ по тому времени, вполнѣ европейскимъ, образованіемъ, сочувствуя искренно тому разумному и гуманному философскому движенію, которое совершалось въ современной Европѣ, Екатерина доставила Россіи большею частью своего почти 34-хъ лѣтняго царствованья одинъ изъ лучшихъ періодовъ ея исторической жизни XVIII столѣтія. Стремясь доставить Россіи всѣ выгоды западнаго просвѣщенія и внести въ ея общественную жизнь лучшія начала западной общественности, Екатерина не могла не видѣть въ литературѣ сильнаго орудія къ достиженію своихъ цѣлей. Вотъ почему она не только старалась поощрить развитіе у насъ литературы и журналистики, но и сама, обладая литературнымъ талантомъ, воспріимчивая и чуткая къ явленіямъ совершавшейся около нея русской жизни, рѣшалась показывать другимъ дорогу, со страстью предаваясь живой журнальной полемикѣ, или создавая яркую картину современныхъ нравовъ въ цѣломъ рядѣ комедій и сатирическихъ очерковъ. То значеніе, которое, подъ вліяніемъ Екатерины, пріобрѣла въ русской жизни литература, и то участіе, которое сама Екатерина лично принимала въ литературѣ между 1763 и 1789 гг., даетъ ей полное и несомнѣнное право стать во главѣ новѣйшаго періода нашей литературы, тѣмъ болѣе, что сильное литературное движеніе, возбужденное Екатериной и не прекращавшееся въ теченіе всего ея царствованья, было почти исключительно посвящено разработкѣ идей, вызванныхъ ею къ существованію и ею положенныхъ въ основу современной русской жизни.

Екатерина II родилась 21 апрѣля 1729, въ Штетинѣ, гдѣ отецъ ея—Христіанъ-Августъ[1]), князь Ангальтъ-Цербстскій, генералъ-фельдмаршалъ прусской службы—былъ губернаторомъ. Простой и суровый воинъ,—одинъ изъ тѣхъ, которыхъ такъ много было подъ знаменами Фридриха,—онъ вообще очень мало обращалъ вниманія на свой домашній бытъ и тѣмъ менѣе на воспитаніе дѣтей своихъ (двухъ дочерей[2]) и сына), вполнѣ предоставляя

[1]) Род. въ 1690 г. [2]) Младшая изъ дочерей, сестра Софіи Августы (впослѣдствіи Екатерины II), умерла въ раннемъ дѣтствѣ.

заботы обо всемъ этомъ женѣ своей *Іоаннѣ Елисаветѣ* (род. 1712 г.), происходившей изъ голштинскаго дома. Іоанна Елисавета, страстно любившая свѣтскую жизнь и всякій блескъ, живая, впечатлительная, горячая и вспыльчивая иногда до излишества, не могла дать дочери своей никакого правильнаго воспитанія и серьезно озаботиться о ея образованіи, такъ что Екатерина была конечно одной себѣ обязана выработкою своего замѣчательнаго характера, а своей страсти къ чтенію — тѣмъ обширнымъ образованіемъ, которымъ она обладала. Вообще трудно предполагать, чтобы мать Екатерины способна была тщательно заняться своей старшей дочерью: не слѣдуетъ забывать, что Іоаннѣ Елисаветѣ было всего 16 лѣтъ отъ роду въ то время, когда у ней родилась старшая дочь ея Софія Августа, которую впослѣдствіи, подъ именемъ Екатерины II, ожидала императорская корона, обладаніе однимъ изъ величайшихъ царствъ на свѣтѣ, и громкая слава. Вообще говоря, о дѣтствѣ и ранней юности Екатерины почти ничего не извѣстно. Достовѣрно только то, что такъ какъ тогда уже французскія моды, французскіе свѣтскіе обычаи и французскій языкъ начинали распространяться въ высшихъ слояхъ Германскаго общества, то и первоначальному воспитанію Екатерины было тоже придано французское направленіе. Около Екатерины видимъ француза эмигранта, нѣкоего *Лорана*, учителемъ чистописанія. Сама Екатерина вспоминала еще о своей гувернанткѣ-француженкѣ, мамзель Гардель. «Эта моя гофмейстерина»—такъ говаривала Екатерина впослѣдствіи своему статсъ-секретарю Грибовскому—«была старосвѣтская француженка. Она не худо меня приготовила для замужества въ нашемъ сосѣдствѣ; но, право, ни дѣвица Гардель, ни я сама не ожидала всего этого (т. е. воцаренія въ Россіи)». Самою выгодною стороною воспитанія Екатерины конечно было то, что она въ дѣтствѣ и ранней юности не могла быть избалована никакой роскошью, росла среди весьма скромной обстановки, и рано должна была научиться понимать людей, потому что могла видѣть ихъ близко.

Екатерина пріѣхала съ матерью въ Россію въ 1744 году, когда ей, слѣдовательно еще не было и 15 лѣтъ—и уже не выѣзжала изъ нея до самой смерти [1])! Съ самаго пріѣзда своего, она дѣятельно принялась за изученіе русскаго языка, и очень скоро успѣла съ нимъ освоиться на столько, что могла не только говорить на немъ, но и писать. Первымъ наставникомъ Екатерины по русскому языку былъ уже извѣстный намъ адъюнктъ Академіи Наукъ Ададуровъ; но Екатеринѣ, какъ кажется, не пришлось долго пользоваться его уроками, судя потому, что она сама о себѣ расказывала впослѣдствіи своему статсъ-секретарю Грибовскому:...«Ты не смѣйся»—говорила она ему однажды—«надъ моей русской орѳографіей. Я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее хорошенько узнать. По пріѣздѣ моемъ сюда (т. е. въ Россію), я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тетка Елисавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моей гофмейстеринѣ: «полно ее учить, она и безъ того умна!» Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителя, и это есть причина, что я плохо знаю правописаніе». «Впрочемъ», замѣчаетъ Грибовскій, «государыня говорила по русски довольно чисто и любила употреблять прямыя и коренныя русскія слова, которыхъ она множество знала». Нельзя не припомнить здѣсь то, что Екатерина очень мало придавала значенія грамматическимъ погрѣшностямъ, которыя закрадывались въ ея рѣчь въ разговорѣ или на письмѣ. Въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій она замѣчаетъ: «Надѣяться можно, что наши грѣшные падежи никому вреда не нанесутъ»,—и въ этихъ словахъ ея невольно слышится то, что гораздо выше всѣхъ этихъ мелочей ставила она то глубокое пониманіе духа языка и то знаніе характера народнаго, которое она дѣйствительно успѣла пріобрѣсти и вполнѣ усвоить себѣ въ теченіе 18-ти лѣтъ проведенныхъ ею въ Россіи до вступленія своего на престолъ.

По собственному признанію Екатерины, уединеніе, въ которомъ она постоянно жила въ теченіе этого времени, развило въ ней охоту къ чтенію [2]), доставило ей возможность прочесть множество самыхъ разнообразныхъ сочиненій по различнымъ отраслямъ современной французской, англійской, итальянской и нѣмецкой литературы.

[1]) 6 Ноября 1796 года, на 67-мъ году отъ роду. [2]) См. статью академика Пекарскаго «Матер. для ист. журн. и литер. дѣят. Екат. II» въ III т. Зап. Имп. Ак. Наукъ, стр. 76.

Само собою разумѣется, что при ея живости и впечатлительности на ней должно было отразиться сильное вліяніе того умственнаго движенія, которое тогда преобладало въ европейской литературѣ и главнымъ центромъ котораго была литература французская.

Французская литература не представляла собою при этомъ ничего оригинальнаго, что бы исключительно принадлежало французской почвѣ. Французскіе писатели начала XVIII вѣка только способствовали распространенію въ массахъ и популяризаціи тѣхъ научныхъ философскихъ истинъ, которыя были выработаны англійскими учеными и мыслителями конца XVII столѣтія, благодаря той гражданской свободѣ и тому замѣчательному государственному устройству, которое Англія успѣла себѣ около этого времени выработать. Едва успѣли французы, въ первой четверти XVIII вѣка, ознакомиться поближе съ результатами, выработанными англійской наукой, англійской общественной и государственной жизнью, какъ эти результаты стали для всей мыслящей части французскаго общества основой, за многостороннюю разработку которой дѣятельно принялась и французская литература, и французская наука.

Одни писатели, какъ напримѣръ Монтескье, взялись за разъясненіе государственнаго строя и учрежденій Англіи; другіе посвятили свою дѣятельность исключительно на популярное, наглядное и всѣмъ доступное изложеніе тѣхъ міровыхъ научныхъ теорій и законовъ, которыя были открыты безсмертнымъ Ньютономъ и цѣлымъ рядомъ неизвѣстныхъ на материкѣ англійскихъ ученыхъ и философовъ; сюда слѣдуетъ отнести труды Фонтенелля, Вольтера и Монтескье, Дидро и Даламбера. Но болѣе всего французскіе писатели воспользовались результатами англійской философіи и литературы по отношенію къ разработкѣ вопросовъ религіи и общественной жизни; разработкѣ этихъ вопросовъ и посвящена была вся дѣятельность Вольтера и Руссо, и отчасти Дидро. Печальное состояніе современныхъ нравовъ и народнаго образованія и тягостное положеніе, въ которомъ чувствовало себя французское общество конца XVII и начала XVIII столѣтія подъ гнетомъ утонченнаго деспотизма Людовика XIV и его бездарныхъ наслѣдниковъ, а также и произведенныя этимъ деспотизмомъ дурныя условія экономическія,—вотъ что заставило передовыхъ литературныхъ дѣятелей французскихъ, ближе ознакомившихся съ бытомъ, нравами, законами, литературой и наукой Англіи, заговорить о правахъ человѣка и гражданина тамъ, гдѣ эти права болѣе всего находились въ пренебреженіи. Вольтеръ, Руссо и Дидро выступили борцами противъ злоупотребленій власти и преобладанія предразсудковъ, поощряемыхъ къ развитію невѣжествомъ массы и происками католическаго духовенства. При этомъ впервые, послѣ долгаго застоя, поднятъ былъ въ глубоко-испорченномъ обществѣ вопросъ о естественныхъ правахъ человѣка, какъ существа способнаго къ нравственному совершенствованью, а вмѣстѣ съ этимъ и вопросы о воспитаніи, какъ ближайшемъ средствѣ для подобнаго совершенствованья. Такимъ образомъ, въ то самое время, когда Монтескье писалъ свое извѣстное сочиненіе «о духѣ законовъ», и въ немъ указывалъ на необходимость тѣсной связи между законодательствомъ и нравами, образованіемъ, религіей страны, на необходимость соотвѣтствія законовъ духу народному — въ тоже время, Вольтеръ, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, развивалъ идею гуманнаго управленія государствомъ и терпимости по отношенію къ вѣроисповѣданью подданныхъ, а Руссо напоминалъ обществу о равноправности всѣхъ людей и о томъ, что человѣкъ по природѣ своей бываетъ добрымъ, а злымъ становится отъ недостатка воспитанія. Идеи Руссо нашли себѣ весьма положительную поддержку въ Дидро, который во всѣхъ статьяхъ своего «Энциклопедическаго Словаря» постоянно ратовалъ противъ сословныхъ предразсудковъ и аристократическаго воззрѣнія на образованіе, искусства и литературу; въ этихъ статьяхъ онъ указывалъ на важность технической культуры, выставляя ремесла съ точки зрѣнія ихъ вліянія на прогрессъ человѣчества, противуполагая въ искусствѣ истинность природы слѣпому подчиненію академическимъ, избитымъ образцамъ, а въ драмѣ отдавалъ положительное предпочтеніе естественному чувству надъ всѣми условными правилами теоретическаго приличія.

Вліяніе Монтескье, Вольтера, Руссо, Ди-

дро и энциклопедистовъ, [1]), благодаря общераспространенности французскаго языка, быстро воспринято было всей Европой и такъ сильно отозвалось во всѣхъ концахъ ея, что даже въ Англіи образовалась цѣлая особая школа писателей, положившихъ идеи Вольтера и Руссо въ основу своихъ историко-литературныхъ трудовъ. Вліяніе новыхъ идей болѣе всего благотворно отразилось въ смягченіи взглядовъ на воспитаніе и на отношеніе человѣка къ государству и закону, и сила разумнаго преобладанія ихъ въ современномъ европейскомъ обществѣ была на столько велика, что многіе изъ современныхъ государей сочувствовали этому общему движенію, старались примѣнять новыя идеи къ своему управленію государствомъ, прилагая всевозможныя заботы къ развитію правъ отдѣльной личности, къ распространенію правильныхъ взглядовъ на воспитаніе и къ смягченію строгости законовъ. Къ числу такихъ государей принадлежалъ и король прусскій Фридрихъ Великій, и Императоръ австрійскій Іосифъ II, и шведскій король Густавъ III.

Екатерина II, какъ мы уже видѣли, получила первоначальное воспитаніе подъ сильнымъ французскимъ вліяніемъ, которому слѣпо подчинилась ея мать; впослѣдствіи, живя въ Россіи и страстно предаваясь чтенію, она не могла не подчиниться вліянію новаго философскаго направленія, исходившаго изъ Франціи и подчинившаго себѣ всѣ современныя европейскія литературы. Свое сочувствіе этому направленію выразила она перепискою съ Вольтеромъ, продолжавшеюся отъ 1763—1777 г., сношеніями съ Дидро и покровительствомъ, которое она постоянно оказывала энциклопедистамъ и всѣмъ ученымъ представителямъ новаго направленія. Но этого мало: подобно многимъ другимъ современнымъ ей правителямъ, она рѣшилась положить это новое направленіе въ основу тѣхъ важныхъ реформъ, которыми думала ознаменовать свою правительственную дѣятельность.

Всѣ эти реформы, задуманныя ею на самомъ широкомъ основаніи, касались, какъ извѣстно, двухъ главныхъ сторонъ общественной жизни: *законодательства* и *воспитанія*, въ которыхъ она, сообразно воззрѣніямъ современной философіи рѣшалась видѣть главныя средства къ смягченію нравовъ и созданію новаго, лучшаго и совершеннѣйшаго поколѣнія людей. Въ самомъ началѣ своего царствованья, Екатерина, какъ извѣстно, выступила со своимъ знаменитымъ «*Наказомъ коммисіи о составленіи проекта новаго уложенія*» (въ 1768 г.), въ которомъ, на основаніи результатовъ, добытыхъ современною философіей и наукой, руководствуясь сочиненіями *Монтескье* и ближайшаго послѣдователя его, итальянскаго юриста *Беккаріи*, Екатерина даетъ обширный планъ для того подробнаго и разносторонняго законодательства, которое думаетъ дать Россіи при помощи собранной по ея повелѣнію коммисіи. Система, по которой составленъ «Наказъ», даетъ намъ самое выгодное мнѣніе о трудолюбіи, начитанности и замѣчательной образованности Екатерины, которая въ двадцати главахъ и 655 §§ излагаетъ не только планъ, по которому надлежитъ дѣйствовать будущей коммисіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и подтверждаетъ указываемыя ею положенія практическими примѣрами, сравненіями, даже ссылками на частные случаи. Въ разборѣ вопросовъ особенной важности Екатерина поступаетъ даже и такъ: сначала ставитъ вопросъ, потомъ приводитъ различные отвѣты на него, разбираетъ его со всѣхъ сторонъ, и наконецъ предлагаетъ свое рѣшеніе. Вліяніе современной философіи замѣтно на каждой страницѣ «*Наказа*», въ особенности же тамъ, гдѣ Екатерина совѣтуетъ послѣдовать естественнымъ влеченіямъ человѣческой природы, сообразоваться съ нравами, обычаями и понятіями народа, дѣйствовать на преступниковъ не страхомъ наказанія, а страхомъ стыда и т. д. Тѣмъ же самымъ духомъ проникнутъ и ея сборникъ нравственно-педагогическихъ правилъ, извѣстный подъ названіемъ «*Гражданскаго Начальнаго Ученія*», которое и начиналось даже съ указанія на то, что «передъ Богомъ всѣ люди равны» [2]) и что существеннѣйшее различіе между людьми устанавливается только образованіемъ: «естественно человѣкъ съ человѣкомъ

[1]) Подъ именемъ *Энциклопедистовъ* извѣстны: Дидро, Даламберъ, составившіе извѣстный Энциклопедическій словарь, о коемъ мы упоминали выше, а также и всѣ тѣ ученые и писатели, которые развивали ихъ взгляды на науку и литературу. [2]) Правило 118; см. въ Смирдинск. изд. сочиненій Екатерины на 184 стр. I т.

разнится мало, но ученію человѣкъ съ человѣкомъ разнится много [1].»

«Наказъ» относится къ тому первому періоду царствованья Екатерины, когда она дѣйствовала еще подъ несомнѣннымъ вліяніемъ своего воспитанія и тѣхъ нравственныхъ идеаловъ, какіе создались въ умѣ ея подъ впечатлѣніемъ изученія современной философской литературы, которой она такъ глубоко сочувствовала. Но когда идеалы эти пришлось примѣнять къ дѣйствительности и притомъ нести на себѣ всю тягость управленія громадною страною, въ которой понятія о гражданственности были очень мало развиты, въ которой экономическія условія быта были далеко не завидны, тѣмъ болѣе, что огромная часть населенія находилась подъ гнетомъ неограниченнаго помѣщичьяго произвола; когда при этомъ пришлось даже и въ приближенныхъ людяхъ встрѣчать препятствія въ исполненіи своихъ благихъ намѣреній и разочарованія въ своихъ стремленіяхъ къ любимымъ цѣлямъ, — тогда Екатерина стала сильно охладѣвать къ своимъ преобразовательнымъ планамъ, а подъ конецъ жизни даже и весьма замѣтно измѣнила свой взглядъ на отношенія къ подданнымъ и на самую систему управленія государствомъ.

Гораздо болѣе положительными и устойчивыми оказались тѣ воззрѣнія на воспитаніе, которыя вынесены были Екатериною изъ того же общаго всему ея вѣку философскаго направленія. До самаго конца жизни она не переставала заботиться объ улучшеніи нравственныхъ и матерьяльныхъ условій воспитанія русскаго юношества, причемъ совершенно одинаково заботилась и о высшихъ, и о среднихъ классахъ общества. Сверхъ многихъ, весьма замѣчательныхъ реформъ въ тѣхъ образовательныхъ заведеніяхъ, которыя учреждены были уже и до нея, сверхъ того, что ею же положено было начало одному изъ благодѣтельнѣйшихъ учрежденій въ Имперіи—воспитательному дому въ Москвѣ, въ 1763 г.—она же, основаніемъ воспитательнаго общества для дѣвицъ дворянскаго (въ 1764 г.) и мѣщанскаго (въ 1765 г.) сословія при Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ положила первое основаніе женскому воспитанію въ Россіи и первая указала русской женщинѣ путь къ нравственному совершенствованью. Замѣтно, что вопросы воспитательные занимали ее постоянно и не переставали занимать ее до конца жизни, потому что цѣлый большой отдѣлъ ея литературныхъ произведеній посвященъ только этимъ вопросамъ. Сюда относятся ея нравоучительныя сказки *«о царевичѣ Февеѣ»* и *«о царевичѣ Хлорѣ»* (1782 г.), *выборныя Россійскія пословицы* — отчасти заимствованныя изъ народныхъ, отчасти составленныя изъ разныхъ изреченій нравственныхъ, *«Инструкція кн. Николаю Ивановичу Салтыкову, при назначеніи его къ воспитанію Великихъ князей»* (Александра Павловича и Константина Павловича) въ 1784 году, которая и теперь еще могла бы служить весьма хорошею программою правильнаго физическаго и нравственнаго воспитанія, предусмотрѣннаго во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ; наконецъ сюда же относятся *«Записки»*, составленныя изъ расказовъ и замѣтокъ, касающихся преимущественно отечествовѣдѣнья, и изъ разговоровъ (отца или матери съ сыномъ) въ которыхъ кратко и наглядно представляется разборъ общихъ нравственныхъ вопросовъ [2]). Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ своихъ Екатерина представляется намъ вполнѣ преданною современнымъ воззрѣніямъ на воспитаніе, какъ на единственное и притомъ всемогущее средство къ нравственному совершенствованью человѣка: и ей, какъ очень многимъ изъ современныхъ мыслителей, человѣкъ являлся такимъ существомъ, которое было способно вполнѣ подчиняться тѣмъ условіямъ, коими его окружали, и которое какъ бы вовсе не носило въ себѣ никакихъ самостоятельныхъ нравственныхъ задатковъ. Цѣлью воспитанія являлась *отвлеченная добродѣтель*; которую можно было вселить въ душу воспитываемаго, постоянно окружая его хорошими примѣрами и какъ можно чаще внушая ему *правила добродѣтели*, передавая ему мудрыя изрѣченія различныхъ писателей и ведя съ нимъ назидательныя и

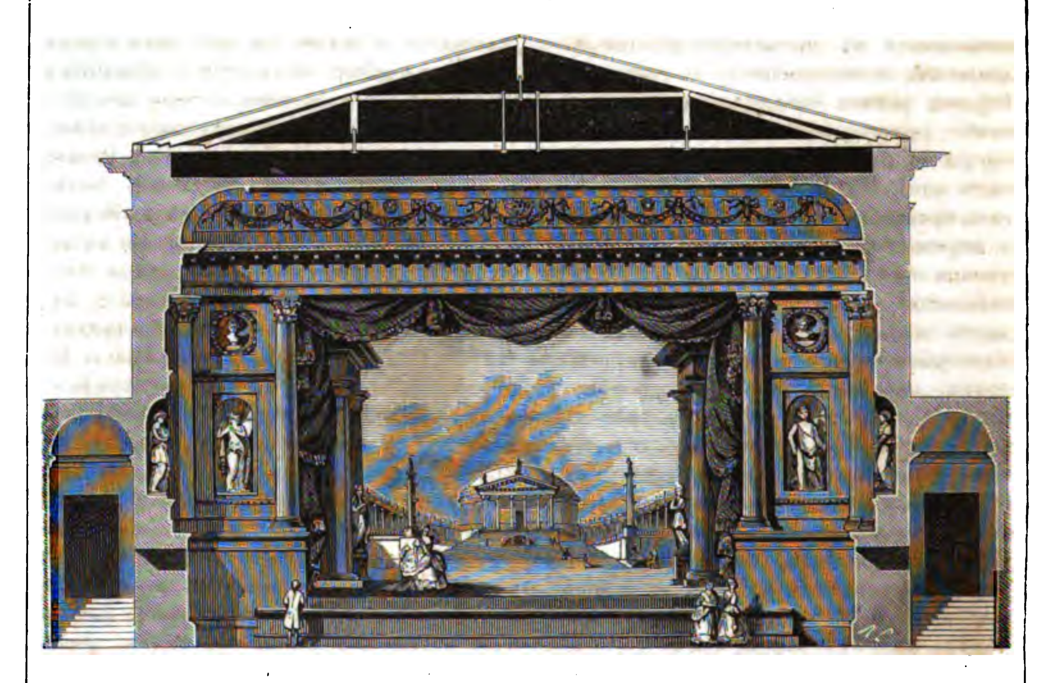
[1]) Тамъ же, прав. 119. [2]) Сюда же слѣдуетъ отнести и «Китайскія мысли о совѣсти», которыя входятъ въ составъ «Гражданскаго начальнаго ученія». На всѣ вышеприведенныя нами педагогическія сочиненія свои Екатерина указываетъ въ «Инструкціи» Салтыкову, какъ на необходимыя пособія, по которымъ Великіе князья учились читать и писать, и которыхъ забывать они не должны.

возвышающія душу бесѣды. Таковъ былъ взглядъ вѣка, замѣнившій грубую и несогласную съ дѣтской природой школьную дисциплину XVI и XVII вв. — таковъ былъ и взглядъ Екатерины, отразившійся какъ мы увидимъ далѣе не только на ея собственныхъ сочиненіяхъ, но и вообще на литературныхъ произведеніяхъ цѣлаго ряда современныхъ Екатеринѣ русскихъ писателей.

Выше мы уже говорили о томъ, что Екатерина, какъ женщина европейски-образованная и притомъ вполнѣ сочувственно относившаяся къ литературно-философскому движенію, происходившему въ современной Европѣ, должна была вполнѣ сознавать значеніе литературы, какъ могущественнаго орудія къ распространенію въ обществѣ новыхъ идей. Мы говорили, что она не рѣдко сама бралась за перо для сатиры и полемики, и, переходя въ настоящую минуту къ очерку именно этой стороны ея литературной дѣятельности, мы должны замѣтить, что придаемъ журнальнымъ статьямъ и комедіямъ Екатерины гораздо болѣе значенія, нежели всѣмъ остальнымъ ея произведеніямъ, въ которыхъ она является несомнѣнно и гораздо менѣе оригинальной, и гораздо менѣе тѣсно связанной съ живою, современною ей русской дѣйствительностью. Напротивъ того, въ журнальныхъ статьяхъ своихъ, какъ и въ комедіяхъ, Екатерина представляетъ намъ рядъ очерковъ, въ которыхъ или выставляетъ намъ характеры, заимствованные прямо изъ жизни, или бичуетъ своею сатирой пороки, наиболѣе распространенные въ обществѣ ея времени, или старается отстоять, оправдать и защитить отъ порицаній новыя учрежденія и начала общественности, которыя казались ей неразлучно-связанными съ благомъ и процвѣтаніемъ Россіи.

Въ самомъ началѣ своего царствованья, вскорѣ послѣ написанія «Наказа», Екатерина выступаетъ на поприще журнальной полемики въ сатирическомъ журнальцѣ «Всякая Всячина», который сталъ издаваться въ 1769 году, и редакторомъ котораго всѣ считали уже извѣстнаго намъ адъюнкта Академіи Наукъ Григорья Васильевича *Козицкаго*, который съ 1769 по 1775 годъ состоялъ на службѣ «въ кабинетѣ и при собственныхъ Ея Императорскаго Величества дѣлахъ». Журналъ этотъ чрезвычайно понравился публикѣ своимъ новымъ направленіемъ и мѣткою сатирою, направленною не противъ «особъ, но единственно на пороки», и руководствовавшеюся постоянно слѣдующими правилами: «1) Никогда не называть слабости порокомъ. 2) Хранить во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе. 3) Не думать, чтобы людей совершенныхъ найти можно было, и для того: 4) Просить Бога, чтобы намъ далъ духъ кротости и снисхожденія». Картины современныхъ нравовъ, въ видѣ очерковъ помѣщавшіяся во «Всякой Всячинѣ», очень любопытны и важны для насъ какъ первыя попытки подмѣтить около себя въ обществѣ и обрисовать тѣ самые типы, которые впослѣдствіи явились на сценѣ въ болѣе совершенномъ видѣ въ комедіяхъ Екатерины, Фонъ-Визина и другихъ современныхъ писателей. Болѣе всего порицаніямъ и насмѣшкамъ «Всякой Всячины» подвергалось недостаточное воспитаніе и поверхностное образованіе; а за тѣмъ, закоренѣлые общественные предразсудки, суевѣріе и неразумное подражаніе французамъ въ модахъ и свѣтскихъ обычаяхъ. Во время выхода своего въ свѣтъ «Всякая Всячина» оставалась совершенно анонимнымъ изданіемъ; но современникамъ вѣроятно извѣстно было то постоянное и горячее участіе, которое принимала въ изданіи этого журнальца Екатерина. По крайней мѣрѣ въ цѣломъ рядѣ сатирическихъ листковъ и журналовъ, которые стали выходить въ свѣтъ одновременно со «Всякой Всячиной» (между 1769 и 1774 гг.) нельзя не видѣть очень прозрачныхъ намековъ на участіе, которое во «Всякой Всячинѣ» принимаютъ «знатные господа и высокопоставленныя лица». Враждебное отношеніе, которое, за весьма немногими исключеніями, высказывали по отношенію къ «Всякой Всячинѣ» всѣ современные сатирическіе журналы, вынуждало иногда и «Всякую Всячину» то же къ довольно прозрачнымъ намекамъ, въ которыхъ какъ бы указывается на то, что не мѣшало бы быть осторожнѣе по отношенію къ изданію, въ которомъ сотрудничество самой Императрицы было болѣе или менѣе извѣстнымъ фактомъ. Такими намеками, напримѣръ, отличается извѣстное письмо Патрикѣя Правдомыслова, исполненное похвалъ существующему порядку вещей. Не мѣшаетъ замѣтить, что незадолго передъ этимъ «Всякая Всячина» обращаясь къ своимъ собратамъ

по изданію журналовъ замѣчала, что имъ слѣдуетъ не все же писать для обличенія, но также не пропускать «описывать твердаго блюстителя вѣры и закона, хвалить сына отечества, пылающаго любовію и вѣрностью къ государю» и т. п. Вскорѣ послѣ того, на страницахъ «Всякой Всячины» и явилось письмо Патрикѣя Правдомыслова, въ которомъ опровергаются толки, будто у насъ нѣтъ правосудія въ Россіи: «мы всѣ»—говоритъ въ этомъ письмѣ Патрикѣй — «сомнѣваться не можемъ, что нашей Великой Государынѣ пріятно правосудіе, что она сама справедлива»... «Долгъ нашъ, какъ Христіанъ и сограждан, велитъ имѣть довѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ и не поносить ихъ такими поступками и несправедливыми жалобами, коихъ, право, я еще невидалъ, чтобъ съ умысла случались. Впрочемъ, я не судья и вѣкъ не буду, а разсудилъ за нужное сіе къ вамъ написать для того, что

Эрмитажный театръ.

нѣкоторые дурные шмели на сихъ дняхъ нажужжали мнѣ уши своими разговорами о мнимомъ неправосудіи судебныхъ мѣстъ. Но наконецъ я догадался, для чего они такъ жужжатъ: промотались. И не осталось у нихъ окромѣ прихотей, на которыя по справедливости слѣдуетъ отказъ»... Но журналы не унимались въ обличеніяхъ знатныхъ господъ и въ очеркахъ придворной жизни; завязалась полемика, въ которой «Всякая Всячина» отвѣчала на ихъ нападки уже почти угрозами, высказывая весьма рѣзко свое неудовольствіе противъ «свободоязычія». Такъ напримѣръ, возставая противъ «*Трутня*»[1]), одно изъ лицъ, выставленныхъ «Всякой Всячиной», говоритъ прямо: «не въ свои-де (онъ) садится сани. Онъ де зачинаетъ писать сатиры на *придворныхъ* господъ, знатныхъ бояръ, дамъ, судей именитыхъ и на всѣхъ. *Такая де смѣлость не что иное есть какъ дерзновеніе*.... въ старыя времена послали-бы-де его потрудиться для пользы государственной — описывать нравы *каково ни на есть царства русскаго владѣнія* [2]), но ныньче де дали волю писать и за такія сатиры не взыскиваютъ».

Однако же, полемика эта, очевидно не-

[1]) Современный журналъ, который издавался Н. И. Новиковымъ. [2]) Академикъ Пекарскій видитъ здѣсь «тонкій намекъ на Сибирь». См. стр. 8 вышеуказанной статьи: Матерьялы для ист. журн. и литерат. дѣят. Императрицы Екатерины II».

пріятная для Екатерины, не могла далѣе продолжаться въ томъ же рѣзкомъ тонѣ, и потому, вѣроятно не безъ вліянія со стороны Екатерины, всѣ сатирическіе листки внезапно прекратились. Ихъ пережили только «Всякая Всячина» и «Трутень»; но ни тотъ, ни другой уже не помѣщали болѣе сатирическихъ замѣтокъ и очерковъ, и вскорѣ прекратились вовсе, вѣроятно потому что публика охладѣла къ нимъ въ этомъ новомъ ихъ видѣ.

Со времени прекращенія «Всякой Всячины» и до 1783 года Екатерина уже не принимала болѣе участія въ русской журналистикѣ; но за то въ теченіе этого періода времени и была написана ею большая часть тѣхъ комедій, въ которыхъ явились на сценѣ тѣ самые типы и стороны современной русской жизни, какія уже прежде обрисованы были Екатериною въ сатирическихъ очеркахъ ея журнала. Екатерина, до 1790 г. успѣла написать *четырнадцать* комедій, *девять* оперъ, *семь* пословицъ [3]), изъ которыхъ до насъ дошло *одиннадцать* комедій, *семь* оперъ и *пять* пословицъ — всего *двадцать три пьесы*. Всѣ онѣ писаны были Екатериной для домашней сцены и предварительно являлись на Эрмитажномъ театрѣ, а потомъ уже оттуда переходили на публичную сцену. Нѣкоторыя изъ пьесъ сочинены были ею на французскомъ языкѣ и впослѣдствіи уже переведены на русскій; другія не вполнѣ написаны ею, а закончены, исправлены и дополнены хорами и стихотворными вставками по данному ею плану [4]): сама она, какъ извѣстно, никогда стиховъ не писала, и по собственному ея признанію, даже никакъ не могла постигнуть технической стороны стихотворства и сложить сколько нибудь сносныя вирши.

Комедіи Екатерины хотя незаслуживаютъ особеннаго вниманія своею художественною стороною, однакоже несомнѣнно важны для исторіи литературы какъ довольно замѣчательная попытка представить рядъ лицъ и очерковъ, заимствованныхъ изъ живой современности. Комедіи эти особенно любопытны для насъ по сравненію съ комедіями Фонъ-Визина, которыя, по содержанію своему, какъ можно видѣть изъ приводимыхъ нами отрывковъ, чрезвычайно близко подходятъ къ комедіямъ Екатерины, но только передаютъ это содержаніе гораздо рельефнѣе и ярче, благодаря тому замѣчательному литературному таланту, которымъ обладалъ Фонъ-Визинъ. Однакоже въ комедіяхъ Екатерины уже ясно и отчетливо намѣченъ тотъ путь, по которому пойдетъ вслѣдъ за нею Фонъ-Визинъ и другіе современные ей авторы комедій, которые вздумаютъ почерпать содержаніе ихъ изъ русской жизни. Важнѣйшими изъ комедій Екатерины являются: *«Именины госпожи Ворчалкиной»* и *«О время!»* (обѣ относятся къ 1772 г.). Объ этихъ комедіяхъ сама Екатерина пишетъ въ своемъ письмѣ къ Вольтеру, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ: «у автора много недостатковъ; онъ не знаетъ театра; интриги его піесъ слабы. Нельзя того же сказать о характерахъ: они взяты изъ природы и выдержаны. Кромѣ того, у него есть комическія выходки; онъ заставляетъ смѣяться; мораль его чиста и ему хорошо извѣстенъ народъ». И дѣйствительно, тѣ характеры Чудихиныхъ, Ханжихиныхъ, Вѣстниковыхъ и Ворчалкиныхъ, которыя Екатерина выводитъ въ этихъ двухъ комедіяхъ на сцену, уже представляютъ намъ собою такіе очерки характеровъ, которые даже и по отзыву современниковъ, не придуманы были Екатериной, и незаимствованы съ чуждой намъ литературной почвы, а взяты на сцену прямо изъ жизни. Но такъ какъ Императрица пользовалась литературной формой своихъ произведеній только какъ возможностью высказать свой взглядъ и провести въ общество свои идеи, то она конечно позаботилась о томъ, чтобы вывести на сцену въ противуположность Чудихинымъ, Ворчалкинымъ и Фирлюфюшковымъ людей *новаго* поколѣнія, сочувствующихъ ея реформамъ и открыто высказывающихъ свое сочувствіе новому порядку вещей. Само собою разумѣется, что эти лица выходятъ у ней также блѣдны и безжизненны, какъ подобныя же лица всѣхъ современныхъ комедій. Въ заключеніе же того, что уже сказано нами о дѣятельности Екатерины, какъ драматической писательницы, прибавимъ, что она иногда выбирала сюжеты для нѣкоторыхъ своихъ

[3]) Т. е. пьесъ, которыхъ содержаніе почерпнуто было изъ пословицъ. [4]) Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ Екатерины по части постановки ея пьесъ и выправки въ нихъ слога былъ ея статсъ-секретарь Храповицкій.

пьесъ, подобно многимъ своимъ современникамъ, изъ древнѣйшаго періода русской исторіи; таковы, напримѣръ: «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика» и «Начальное управленіе Олега» (обѣ пьесы относятся къ 1786 году), впрочемъ замѣчательныя только тѣмъ, что тамъ характеры историческихъ лицъ изображены въ томъ отвлеченно-идеальномъ видѣ, въ какомъ обыкновенно изображала ихъ ложно-классическая драма, и, сверхъ того, въ уста имъ вложены рѣчи, основанныя на правилахъ *Инструкціи* и на параграфахъ *Наказа* и *Гражданскаго ученья*». Еще менѣе заслуживаютъ

Е. Р. Дашкова.

вниманія въ литературномъ отношеніи заимствованныя изъ русскаго сказочнаго міра комическія оперы Екатерины: *Февей*, (1776—1787 г.), *Храбрый и славный витязь Ахридѣевичъ* (передѣланная изъ сказки объ Иванѣ-Царевичѣ), *Новгородскій богатырь Боеславичъ* и *Горе богатырь Косометовичъ* (1787 г.).

Въ концѣ своей литературной карьеры Екатерина еще разъ выступила на сцену журнальной дѣятельности и написала цѣлый рядъ сатирическихъ очерковъ, подъ общимъ заглавіемъ «Былей и Небылицъ»; эти очерки помѣщались въ теченіе 1783 года въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова—новомъ журналѣ, который начала издавать на счетъ Академіи Наукъ княгиня *Дашкова*, тогда только что возведенная въ званіе директора Академіи Наукъ.

«Были и Небылицы», которыя появились уже во второй книжкѣ «Собесѣдника» представляли собою рядъ отдѣльныхъ замѣтокъ, характеристики отдѣльныхъ личностей, коротенькія сценки изъ современнаго домашняго и общественнаго быта, отрывки дневника, который ведетъ авторъ «Былей и небылицъ» отъ своего имени и наконецъ небольшіе расказцы, въ которыхъ, очевидно, передаются случаи, заимствованные изъ живой дѣйствительности. Въ дневникѣ своемъ авторъ «Былей и Небылицъ» чаще всего говоритъ не отъ своего лица, а сообщаетъ мнѣнія своего дѣдушки и двухъ друзей своихъ: друга И. И. И., *который больше плачетъ, нежели смѣется* и друга А. А. А. *который болѣе смѣется, нежели плачетъ*. Въ первыхъ статьяхъ «Былей и Небылицъ» помѣщено было Екатериной нѣсколько портретовъ, очевидно списанныхъ съ живыхъ и всѣмъ извѣстныхъ лицъ окружавшей ее среды. Нашлись люди, которые очень хорошо узнали себя въ выставленныхъ Императрицею личностяхъ; другіе стали обижаться, неправильно относя къ себѣ каждый намекъ «Былей Небылицъ» и все перетолковывая вкривь и вкось. Это вынудило Екатерину помѣстить въ «Собесѣдникѣ» письмо отъ имени «Петра Угадаева» къ издателю или издательницѣ «Былей и Небылицъ»; въ этомъ письмѣ Петръ Угадаевъ говоритъ: «напрасно изволите думать, что въ описаніяхъ вашихъ закрытые лики остаются сокрытыми: я и моя семья знаемъ и угадываемъ, кто они таковы, да и не мы одни»... Екатерина, написавъ сама къ себѣ отъ имени Угадаева, тутъ же помѣстила и отвѣтъ на это письмо, въ которомъ говоритъ, между прочимъ: «Люди тутъ (т. е. въ «Быляхъ и Небылицахъ») безъ имени, а описывается умоположеніе человѣческое; до Карпа и Сидора тутъ дѣла нѣтъ. Будеже Карпъ или Сидоръ сердится и желаетъ быть описанъ лучше, пусть пришлетъ описаніе своей особы: слово отъ слова внесемъ въ «Были и Небылицы.»

Екатерина, пользуясь орудіемъ слова для того, чтобы осмѣять недостатки нѣкоторыхъ изъ числа окружавшихъ ее лицъ и дать отпоръ той партіи, которая осуждала ея дѣйствія, вѣроятно неожидала того, что и та партія въ свою очередь воспользуется тѣмъ же самымъ орудіемъ и выставитъ противника, который рѣшится вступить съ нею въ со-

сказаніе. По крайней мѣрѣ, когда въ третьей книжкѣ «Собесѣдника» явились извѣстные 20 вопросовъ Фонъ-Визина «сочинителю Былей и Небылицъ». Екатерина была весьма непріятно поражена ими, тѣмъ болѣе, что не могла не видѣть въ нихъ намековъ, имѣвшихъ прямое отношеніе къ нѣкоторымъ изъ ея приближенныхъ. Такъ напр. вопросъ 14-й, — въ которомъ Фонъ-Визинъ спрашиваетъ: «отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣче имѣютъ и весьма большіе?» направленъ былъ очевидно противъ одного изъ Екатерининскихъ вельможъ Л. Н. Нарышкина, и вызвалъ съ ея стороны отвѣтъ, въ которомъ она не могла скрыть своего негодованія. «Сей вопросъ», отвѣчала она, «родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ». Этимъ отвѣтомъ Екатерина не удовольствовалась и возвратилась вновь къ тому же вопросу въ своихъ «Быляхъ и Небылицахъ», прикрываясь, по обычаю своему, мнѣніями дѣдушки своего: «Дѣдушка, ходя и прикашливая, твердилъ непрестанно межъ зубовъ повторенный 14 вопросъ[1]), (который напечатанъ на 105 стр. Собесѣдника, части третьей) подобно сему: хемъ, хемъ.

NB. *Хемъ, хемъ* изображаетъ дѣдушкинъ кашель. Хемъ, хемъ, отъ чего—хемъ, хемъ—въ прежнія времена—хемъ, хемъ, шуты—хемъ, хемъ,—шпыни, хемъ, хемъ, и балагуры—хемъ, хемъ, чиновъ не имѣли—хемъ, хемъ, хемъ, а нынѣ имѣютъ; хемъ—хемъ, хемъ, и весьма большіе... Тутъ дѣдушка умножилъ хемъ, хемы, такъ, что число оныхъ безъ ошибки на бумагу положить нельзя... Отдохнувъ нѣсколько, началъ разбирать подробно члены вопроса, и говорить: отъ чего?.... отъ чего?... Ясно отъ того, что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно, безъ—хемъ, хемъ, хемъ,—опасенія. О! прежнія времена! Сію строку кончили паки множество хемъ, хемовъ... Когда дѣдушка дошелъ до шпыней, тогда разворчался необычайно и крупно, говоря: шпынь безъ ума быть не можетъ, въ шпыньствѣ есть острота; за то, что человѣкъ остро что скажетъ, вѣдь не лишитъ его выгодъ тѣхъ, кои въ обществѣ даются въ обществѣ живущимъ или обществу служащимъ... Потомъ дошло дѣло до балагуровъ, кои по сказкамъ дѣдушкинымъ, бываютъ не скучны, когда къ словоохотію присоединяютъ природный умъ или знаніе пріобрѣтеннаго смысла, либо знаніе старины, или что ни есть подобное а «скучны лишь», говоритъ прародитель, «Маремьяны плачущія, и о всемъ мірѣ косо и криво пекущіяся, отъ коихъ обыкновенно въ десяти шагахъ слышенъ уже духъ скрытой зависти противъ ближняго». Дѣдушка разгорячась, молвилъ: зависть есть «свойственникъ ненависти», и для того онъ намъ совѣтовалъ отъ оной удержаться и пороку сему недавать воли».

Осенью того же года «Были и небылицы» прекратились, отчасти вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній, возникшихъ между Екатериною и Дашковой, отчасти можетъ быть и потому, что Екатерина не чувствовала себя въ силахъ вести спокойно и сдержанно ту полемику, къ которой она было приступила со свойственнымъ ей остроуміемъ и большимъ запасомъ наблюдательности. Старость брала свое; болѣе всего наступленіе ея проявлялось въ той нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ и взглядамъ, которая послѣ 1789 даже на столько овладѣла Екатериною, что она рѣшилась отступить отъ своихъ либеральныхъ воззрѣній и принять мѣры строгости противъ «свободомыслія» и «свободоязычія» развитію которыхъ сама такъ много способствовала въ началѣ своего царствованья своими гуманными воззрѣніями... Къ тому же революція, разразившаяся во Франціи, напугала всѣхъ въ Европѣ, и въ средѣ окружавшихъ Екатерину людей нашлись такіе, которые способны были даже и это историческое явленіе объяснять тѣмъ, что общество французское пользовалось слишкомъ большой свободой слова—и вотъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, послѣдніе годы царствованья Екатерины ознаменовались опалою, которой подверглись нѣкоторые изъ передовыхъ литературныхъ дѣятелей, конфискаціей библіотекъ, опечатываньемъ книжныхъ лавокъ и типографій, даже ссылками... Не смотря однако же на то, что эти печальные факты бросаютъ нѣсколько неблагопріятную тѣнь на послѣдніе годы царствованья Екатерины, ея вѣкъ все же остается, безо всякаго сомнѣнія, на столько же блестящею страницею въ исто-

[1]) См. объ этомъ въ «Вопросахъ Фонъ-Визина», приложеніе къ главѣ XXVIII.

ріи нашей литературы, на сколько и вообще въ политической исторіи Россіи XVIII вѣка. Екатеринѣ принадлежитъ честь перенесенія къ намъ, на русскую почву, тѣхъ гуманныхъ идей, которыя выработаны были западными мыслителями первой половины XVIII вѣка, а также и честь примѣненія этихъ идей къ управленію, къ законодательству, къ просвѣщенію и литературѣ нашей, которой, благодаря этому, открывалось много новыхъ предметовъ изученія и наблюденія, и — что всего важнѣе — возможность свободно высказываться въ самыхъ противуположныхъ направленіяхъ по множеству вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ составляло для нашего общества половины XVIII вѣка насущную потребность. Общество наше, подавленное неблагопріятными условіями историческими въ предшествовавшія царствованія, въ царствованье Екатерины впервые ожило и вздохнуло свободно, впервые сознало свои умственныя и нравственныя силы, и получило возможность выражать свои мысли вслухъ, не опасаясь стѣсненій и преслѣдованій за разногласіе въ воззрѣніяхъ и мнѣніяхъ. И вотъ, около Екатрины, избравшей разумное слово главнымъ орудіемъ для распространенія своихъ идей, для приведенія въ исполненіе своихъ завѣтныхъ преобразовательныхъ замысловъ, быстро собрался, развился и выросъ многочисленный кружокъ людей, которые уже не стали довольствоваться однимъ подражаніемъ внѣшней формѣ литературныхъ произведеній Запада; Екатерина указала имъ на важнѣйшіе вопросы современной русской жизни, указала имъ и на пути, по которымъ надлежало имъ стремиться къ разрѣшенію этихъ вопросовъ—и этимъ положила основаніе *новому періоду* русской литературы, въ теченіе котораго писатель явился уже не досужимъ виршеслагателемъ, не чиновникомъ, обязаннымъ *дѣлать стихи*, а однимъ изъ наиболѣе важныхъ общественныхъ дѣятелей, и въ то же время художникомъ, извлекающимъ свои мощные образы изъ современной ему, окружающей его, живой дѣйствительности, на память и поученіе отдаленному потомству.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

Сказка о Царевичѣ Хлорѣ.

До временъ Кія князя Кіевскаго жилъ да былъ въ Россіи царь-добрый человѣкъ, который любилъ правду и желалъ всѣмъ людямъ добра: онъ часто объѣзжалъ свои области, чтобъ видѣть, каково жить людямъ, и вездѣ навѣдывался, дѣлаютъ-ли правду.

У Царя была Царица. Царь и Царица жили согласно; Царица ѣзжала съ царемъ и не любила быть съ нимъ въ разлукѣ.

Пріѣхалъ Царь съ Царицею въ одинъ городъ, построенный на высокой горѣ посреди лѣса; тутъ родился Царю сынъ дивныя красоты: емудали имя Хлоръ, но, посреди сей радости и тридневнаго празднества, Царь получилъ непріятное извѣстіе, что сосѣди его неспокойны живутъ, въѣзжаютъ въ его землю и разныя обиды творятъ пограничнымъ жителямъ. Царь взялъ войска, кои въ близости въ лагери стояли и пошелъ съ полками для защиты границы. Царица поѣхала съ Царемъ. Царевичъ остался въ томъ городѣ и домѣ, гдѣ родился; Царь приставилъ къ нему семерыхъ нянь разумныхъ и въ дѣтскомъ воспитаніи искусныхъ. Городъ же Царь велѣлъ укрѣпить стѣною изъ дикаго камня, по угламъ съ башнями по старинному обычаю, на башняхъ пушекъ не поставили, (тогда еще нигдѣ не имѣли пушекъ). Домъ, въ которомъ жить остался Царевичъ Хлоръ, хотя и не построенъ былъ изъ сибирскаго мрамора и порфира, но весьма хорошъ и покойно расположенъ былъ; позади полатъ насажены были сады съ плодовитыми деревьями, возлѣ которыхъ выкопаные пруды съ рыбами украшали мѣстоположеніе, бесѣдки же разныхъ народовъ вкуса, откуда видъ далеко простирался въ окрестъ лежащихъ поляхъ и долинахъ, придавали пріятство тому обитанію.

Какъ Царевичь сталъ выростать, кормилица и няни начали примѣчать, что сколь былъ красивъ, столь же былъ уменъ и живъ, и повсюду слухъ носился о красотѣ, умѣ и хорошихъ дарованіяхъ Царевича. Услышалъ о томъ какой то ханъ Киргизской, на дикой степи кочующій съ кибитками, полюбопытствовалъ видѣть толь дивное дитя, и видѣвъ, пожелалъ увезти дитя съ собою въ степь; зачалъ просить нянь, чтобъ поѣхали съ Ца-

ревичемъ къ нему въ степь; няни сказали со всякою учтивостію, что имъ того безъ дозволенія Царя дѣлать нельзя, что они не имѣютъ чести знать господина Хана, и съ Царевичемъ не ѣздятъ къ незнакомымъ людямъ въ гости. Ханъ не былъ доволенъ тѣмъ учтивымъ отвѣтомъ, присталъ пуще прежняго, подобно какъ неѣвшій къ тѣсту, одно просилъ, чтобъ няни поѣхали къ нему съ дитятею въ степь; но получивъ твердый отказъ, наконецъ понялъ, что просьбами не успѣетъ въ своемъ намѣреніи; прислалъ къ нимъ подарковъ— онѣ, поблагодаря, отослали дары обратно и велѣли сказать, что они ни въ чемъ нужды не имѣютъ. Ханъ упрямъ былъ, пребывая въ своемъ намѣреніи; думалъ, какъ быть? Пришло ему на умъ, нарядился въ изодранную одежду и сѣлъ у воротъ сада, будто человѣкъ старой и больной, просить милостыни у мимоходящихъ. Царевичъ прогуливался въ тотъ день по селу, увидѣлъ, что у воротъ сидитъ какой то старикъ, послалъ спросить, что за старикъ. Побѣжали, спросили, что за человѣкъ? Возвратились съ отвѣтомъ, что больной, нищій. Хлоръ, какъ любопытное дитя, просился посмотрѣть больнаго нищаго; няни унимали Хлора, сказали, что смотрѣть нечего, и чтобъ послалъ къ нему милостыню. Хлоръ захотѣлъ самъ отдать деньги, побѣжалъ впередъ, няни побѣжали за нимъ; но чѣмъ няни скорѣе побѣжали, то младенецъ шибче пустился бѣжать, побѣжавъ за вороты; и подбѣжавъ къ мнимому нищему, зацѣпился ножкою за камушекъ и упалъ на личико; нищій вскочилъ, поднялъ дитя подъ руки и спустился съ нимъ подъ гору. Тутъ стояли вызолоченые роспуски, бархатомъ обитыя, сѣлъ на роспуски и ускакалъ съ Царевичемъ въ степь; няни, какъ добѣжали до воротъ, не нашли уже ни нищаго, ни дитяти, ни слѣда ихъ не видали и дороги тутъ не было, гдѣ Ханъ съ горы спустился, сидя держалъ Царевича предъ собою одною рукою, какъ будто курочку за крылышко, другою же рукою махнулъ шапкою чрезъ голову, и кричалъ три раза ура. На сей голосъ няни прибѣжали къ косогору, но поздно, догнать не могли. Ханъ благополучно Хлора довезъ до своего кочевья и вошелъ съ нимъ въ кибитку, гдѣ встрѣтили Хана его вельможи. Ханъ приставилъ къ царевичу старшину лучшаго: сей взялъ Хлора на руки и отнесъ его въ богато украшенную кибитку, устланную Китайскою красною камкою и Персидскими коврами, дитя же посадилъ на парчевую подушку и началъ тѣшить его; но Хлоръ очень плакалъ и жалѣлъ, что отъ нянь шибко побѣжалъ впередъ, и непрестанно спрашивалъ: куда его везутъ? за чѣмъ? на что? гдѣ онъ? Старшина и съ нимъ находящіеся киргизцы насказали ему много басней: иной говорилъ будто по теченію звѣздъ такъ опредѣлено, иной сказывалъ, будто тутъ лучше жить, нежели дома,—всего насказали кромѣ правды; но увидя, что ни что не унимало слезъ Хлора, вздумали его стращать небывальщиною, сказали: «перестань плакать, или обратимъ тебя летучею мышью или коршуномъ, а тамъ волкъ или лягушка тебя съѣсть». Царевичъ не боязливъ былъ, посреди слезъ расхохотался такой нелѣпости. Старшина увидя, что дитя перестало плакать, приказалъ накрыть столъ; накрыли и кушанье принесли; Царевичъ покушалъ, потомъ подали варенья въ сахарѣ и разные плоды, какіе имѣли, послѣ ужина раздѣли его и положили спать.

На другой день рано, до свѣта, Ханъ собралъ своихъ вельможъ и сказалъ имъ слѣдующее: «извѣстно вамъ да будетъ, что я вчерашній день привезъ съ собою Царевича Хлора, дитя рѣдкой красоты и ума. Хотѣлось мнѣ доподлинно узнать: правда-ли слышанное объ нёмъ; для узнанія же его дарованій употребить я намѣренъ разные способы».

Вельможи, услыша слова Ханскія поклонились въ поясъ; изъ нихъ ласкатели похвалили Ханскій поступокъ, что чужое, и то еще сосѣдняго царя дитя увезъ; трусы потакали, говоря: «такъ, надежда-государь Ханъ, какъ инако быть, какъ на сердце къ тебѣ пріидетъ». Нѣсколько изъ нихъ, кои прямо любили Хана тѣ кивали головою, и когда Ханъ у нихъ спрашивалъ, для чего не говорятъ, сказали чистосердечно: «дурно ты сотворилъ, что у сосѣдняго царя увезъ сына, и бѣды намъ не миновать, буде не поправишь своего поступка». Ханъ же сказалъ: «вотъ такъ, всегда вы ропщете противу меня», и пошелъ мимо ихъ, и какъ царевичъ проснулся, приказалъ принести его къ себѣ. Дитя, увидя, что нести его хотятъ, сказалъ: «не трудитесь, я ходить умѣю, я самъ пойду» — вошелъ въ ханскую кибитку, всѣмъ поклонился, во первыхъ Хану, потомъ около стоящимъ на право и на лѣво, послѣ чего сталъ предъ Ханомъ съ почтительнымъ, учтивымъ и благопристойнымъ такимъ видомъ, что всѣхъ киргизовъ и самаго хана въ уди-

вленіе привелъ; Ханъ однако, опомнясь, рекъ тако: «Царевичъ Хлоръ, про тебя сказываютъ, что ты дитя разумное; сыщи мнѣ пожалуй цвѣтокъ розу безъ шиповъ, что не колется, дядька тебѣ покажетъ обширное поле; сроку же даю тебѣ трои сутки». Дитя паки поклонился Хану, сказалъ: «слышу», и вышедъ изъ кибитки пошелъ къ себѣ.

Дорогою попалась ему на встрѣчу дочь Ханская, которая была за мужемъ за Брюзгою Султаномъ; сей никогда не смѣялся и гнѣвался на другихъ за улыбку. Ханша же была нрава веселаго и весьма любезна; увидя Хлора сказала: «здравствуй, Царевичь, здорово-ли живешь? куда повелишь идти?» Царевичь сказалъ, что по приказанію Хана, батюшки ея, идетъ искать розу безъ шиповъ, которая не колется. Ханша Фелица,—такъ ее звали,—дивилась, что дитя посылаютъ искать таковой трудной вещи, и возлюбя младенца въ сердцѣ своемъ сказала: «Царевичь, подожди маленько, я съ тобою пойду искать розу безъ шиповъ, которая не колется, буде батюшка Ханъ позволитъ». Хлоръ пошелъ въ свою кибитку обѣдать, ибо часъ былъ обѣда, Ханша къ Хану, просить позволенія итти съ Царевичемъ искать розу безъ шиповъ, которая не колется. Ханъ не токмо не позволилъ, но и запретилъ ей накрѣпко, чтобъ не шла съ дитятею искать розу безъ шиповъ, которая не колется.

Фелица вышедши отъ Хана, мужа своего Брюзгу Султана уговорила остаться при отцѣ ея Ханѣ, сама же пошла къ Царевичу; онъ обрадовался, какъ увидѣлъ ее, просилъ чтобы сѣла возлѣ него, на что она согласилась и сказала ему: «Ханъ мнѣ не велитъ итти съ тобою, Царевичь, искать розу безъ шиповъ, которая не колется; но я тебѣ дамъ совѣтъ добрый, пожалуй не забудь, слышишь-ли, дитя, не забудь, что тебѣ скажу». Царевичь обѣщалъ вспомнить. «Отселѣ, въ нѣкоторомъ растояніи», продолжала она, «какъ пойдешь искать розу безъ шиповъ, которая не колется, встрѣтишься съ людьми весьма пріятнаго обхожденія, кои стараться будутъ тебя уговорить итти съ ними, наскажутъ тебѣ веселій множество, и что они препровождаютъ время въ безсчетныхъ забавахъ; не вѣрь имъ, лгутъ, веселія ихъ мнимыя и сопряжены со множествомъ скукъ. За симъ пріидутъ другіе, кои о томъ же еще сильнѣе тебя просить будутъ; откажи имъ съ твердостію, отстанутъ, потомъ пойдешь въ лѣсъ; тутъ найдешь льстивыхъ людей, кои всячески стараться будутъ пріятными разговорами отвести тебя отъ истиннаго пути; но ты не забудь, что тебѣ единой цвѣтокъ, розу безъ шиповъ и которая не колется искать надлежитъ. Я тебя люблю и для того я къ тебѣ вышлю на встрѣчу сына моего, и онъ поможетъ тебѣ найти розу безъ шиповъ, что не колется». Хлоръ, выслушавъ рѣчь Фелицы, сказалъ: «развѣ такъ трудно сыскать розу безъ шиповъ, что не колется»?—«Нѣтъ, отвѣтствовала Ханша: не такъ чрезвычайно трудно буде кто прямодушенъ и твердо пребываетъ въ добромъ намѣреніи». Хлоръ спросилъ, нашелъ ли уже кто тотъ цвѣтъ? «Я видѣла», сказала Фелица, «мѣщанъ и крестьянъ, кои въ томъ успѣвали не хуже вельможъ и Царей и Царицъ». Сказавъ сіе, Ханша простилась съ Царевичемъ; старшина же дядька отвелъ дитя искать розу безъ шиповъ, которая не колется, и для того пустилъ его сквозь калитку въ превеликой звѣринецъ. Тутъ увидѣлъ Хлоръ передъ собою множество дорогъ: иныя прямо лежащія, иныя съ кривизнами, иныя перепутанныя; дитя не зналъ сначала, по которой итти; но увидя юношу, идущаго ему на встрѣчу, поспѣшилъ къ нему спросить, кто онъ таковъ? Юноша отвѣтствовалъ: «я Разсудокъ, сынъ Фелицынъ; меня мать моя прислала итти съ тобою искать розу безъ шиповъ, которая не колется». Царевичь, благодаря Фелицѣ сердцемъ и устами, взявъ его за руку, навѣдывался, по которой дорогѣ итти. Разсудокъ съ веселымъ и добрымъ видомъ сказалъ ему: «не бойся, Царевичь, пойдемъ по прямой дорогѣ, по которой не всѣ ходятъ, хотя она пригожѣе другихъ.»—«Для чего же по ней не ходятъ?» спросилъ Царевичь; для того, сказалъ юноша, что на другихъ дорогахъ останавливаются или сбиваются.» Идучи, юноша показалъ Хлору прекрасную дорожку, говоря:» посмотри, Царевичь, дорога сія называется благорасположенныхъ душъ младенчества: она хороша да кратка».

Пошли сквозь лѣсъ къ пріятной долинѣ, въ которой увидѣли рѣчку прозрачной воды, подлѣ которой нашли нѣсколько молодыхъ людей: иные изъ нихъ сидѣли, иные лежали на травѣ и подъ деревьями. Какъ увидѣли Царевича, встали и подошли къ нему; одинъ изъ нихъ со всякою учтивостію и привѣтли-

востію сказалъ: «позвольте, сударь, спросить: куда вы идете? нечаянно-ли вы сюда зашли? и не можемъ-ли мы имѣть удовольствіе чѣмъ нибудь вамъ услужить? Взглядъ вашъ наполняетъ насъ уже почтенностію и дружбою къ вамъ—и мы внѣ себя отъ радости видѣть толь многія блистающія ваши качества». Царевичь, вспомня слова Фелицы, улыбнулся и сказалъ: «я не имѣю чести васъ знать, ни вы меня не знаете, и такъ ваши слова приписываю единой обыкновенной свѣтской учтивости, а не моимъ достоинствамъ; иду же я искать розу безъ шиповъ, которая не колется». Другой изъ тамо находящихся вступилъ въ рѣчь и сказалъ: «намѣреніе ваше показываетъ великія ваши дарованія, но сдѣлайте милость, одолжите насъ, останьтеся съ нами хоть нѣсколько дней и берите участіе въ нашемъ безподобномъ веселіи». Хлоръ сказалъ, что ему срокъ поставленъ — и становиться не досугъ: опасается Ханскаго гнѣва. Они же старались его увѣрить, что ему отдохновеніе нужно для здоровья и что лучше и способнѣе мѣста не найдетъ, ни людей усерднѣе ихъ, и ни вѣсть какъ просили и уговаривали остаться съ ними. Наконецъ мужчины и женщины, взявъ другъ друга за руки, сдѣлали около Хлора и его проводника кругъ, начали плясать и скакать, и не пускать ихъ далѣе; но пока вкругъ вертѣлись, Хлора подъ руку ухватилъ Разсудокъ и выбѣжали изъ круга такъ скоро, что въ кругу вертѣвшіеся не могли ихъ удержать.

Отошедъ далѣе, нашли Лѣньтягъ Мурзу, главнаго надзирателя того мѣста, который прогуливался съ своими домашними. Увидя Хлора съ провожатымъ, принялъ ихъ съ ласкою и просилъ зайти въ его избу; они, уставъ маленько, пошли къ нему. Вошедъ въ его горницу, онъ посадилъ ихъ на диванъ, самъ же легъ возлѣ нихъ посреди пуховыхъ подушекъ, покрытыхъ старинною парчею; его же домашніе сѣли около стѣны, потомъ Лѣньтягъ Мурза приказалъ принести трубки курительныя и кофе. Услыша же отъ нихъ, что табаку не курятъ, кофе не пьютъ,—благовонными духами опрыскивать ковры велѣлъ,—послѣ чего спросилъ Хлора о причинѣ его прихода въ звѣринецъ. Царевичь отвѣтствовалъ, что по приказанію Хана онъ ищетъ розу безъ шиповъ, которая не колется. Лѣньтягъ Мурза дивился, что въ такихъ молодыхъ лѣтахъ предпріялъ таковой трудъ, говоря, что «и старѣе тебя едва-ли станетъ; отдохните, не ходите далѣе, у меня здѣсь есть люди, кои находить старались, но, уставъ, покинули». Одинъ изъ тутъ сидящихъ всталъ съ мѣста и сказалъ: «я самъ неоднократно хотѣлъ дойти, но скучилъ, а вмѣсто того остался жить у моего благодѣтеля Лѣньтягъ Мурзы, который меня и кормитъ». Между сихъ разговоровъ Лѣньтягъ Мурза уткнулъ голову въ подушку и заснулъ. Какъ около стѣны сидящіе услышали, что Лѣньтягъ Мурза храпитъ, то они полегоньку встали, иные пошли убираться и украшаться, иные легли спать, иные начали всякія празднословія говорить, иные ухватились за карты и кости, и при всѣхъ сихъ упражненіяхъ иные сердились, иные радовались, и на лицахъ всѣхъ разныя ихъ внутреннія движенія оказывались. Какъ Лѣньтягъ Мурза проснулся, всѣ паки собрались около него и внесли въ горницу столъ съ фруктами. Лѣньтягъ Мурза остался посреди пуховыхъ подушекъ и оттудова подчивалъ Царевича, который весьма прилежно примѣчалъ все, что тамо ни дѣлалось. Хлоръ лишь принялся было отвѣдать предлагаемое имъ отъ Лѣньтягъ Мурзы, какъ его проводникъ Разсудокъ его за рукавъ дернулъ полегоньку; кисть прекраснаго винограда, которую Царевичь въ рукахъ держалъ, по полу разсыпалась; онъ же, опомнясь, тотчасъ всталъ, и оба вышли изъ хоромъ Лѣньтягъ Мурзы.

Сельное счастіе.

Въ недальнемъ разстояніи увидѣли домъ крестьянскій и нѣсколько десятинъ весьма удобренной земли, на которой всякій хлѣбъ, какъ-то: рожь, овесъ, ячмень, гречиха и проч. засѣянъ былъ; иной поспѣвалъ, иной лишь вышелъ изъ земли. Подалѣе увидѣли луга, на которыхъ паслися овцы, коровы и лошади. Хозяина они нашли съ лейкою въ рукахъ; обливаетъ разсаженныя женою его огурцы и капусту; дѣти же упражнены были въ другомъ мѣстѣ, щипали траву негодную изъ овощей. Разсудокъ сказалъ: «Богъ помочь, добрые люди;» они отвѣтствовали: «спасибо, баричи;» кланялись же Царевичу незнакомо, но Раз-

судокъ пріязненно просили, говоря: «посѣти, пожалуй, наше жилище, и матушка твоя Ханша насъ жалуетъ, посѣщаетъ и не оставляетъ. Разсудокъ согласился къ нимъ войти: пошли съ Хлоромъ на дворъ; посреди двора стоялъ ветхій и высокій дубъ, а подъ нимъ широкая, чисто выскобленная лавка, а передъ лавкою столъ; гости сѣли на лавку, хозяйка съ невѣсткою разостлали по столу скатерть и поставили на столъ чашу съ простоквашею, другую съ яичницею, блюдо блиновъ горячихъ и яицъ въ смятку, а по срединѣ ветчину добрую, положили на столѣ ситный хлѣбъ, да поставили возлѣ каждаго крынку молока, а послѣ вмѣсто закусокъ принесли соты и огурцы свѣжіе, да клюкву съ медомъ. Хозяинъ просилъ: «покушайте, пожалуй». Путешественники, которые проголодались, ничѣмъ не гнушались и межъ тѣмъ разговаривали съ хозяиномъ и хозяйкою, кои имъ разсказывали, какъ они живутъ здорово, весело и спокойно и во всякомъ удовольствіи по ихъ состоянію, провождая вѣкъ въ крестьянской работѣ и преодолѣвая трудолюбіемъ всякую нужду и недостатокъ. Послѣ ужина на той же лавкѣ разостлали войлочки; Хлоръ и Разсудокъ на нихъ положили свои епанчи, хозяйка каждому принесла подушку съ бѣлою наволочкою, легли спать и заснули крѣпко для того, что устали.

Поутру встали на разсвѣтѣ, поблагодарили хозяина, который за ночлегъ ничего съ нихъ взять не захотѣлъ, и пошли въ путь. Отшедъ съ полверсты, услышали издали, что играютъ на волынкѣ. Хлоръ вздумалъ подойти поближе, но Разсудокъ молвилъ, что волынкою отведутъ ихъ отъ пути: любопытство Хлора принудило его; подошедъ къ волынкѣ, но увидя шалости пьяношатающихся въ безобразіи около волынщика, испугался и кинулся Разсудку на руки; сей его отнесъ паки на прямую дорогу; гдѣ вскорѣ прошедъ рощу, увидѣли возвышеніе крутое. Разсудокъ сказалъ Царевичу, что тутъ ростетъ роза безъ шиповъ, которая не колется. Здѣсь Хлоръ почувствовалъ зной солнечный и усталъ; началъ скучать, говорилъ что конца нѣтъ той дорогѣ, долго-ли это будетъ,—нельзя-ли идти по иной дорогѣ. Разсудокъ отвѣчалъ, что онъ ведетъ его ближнимъ путемъ и что терпѣніемъ однимъ преодолѣвается трудъ. Царевичъ съ неудовольствіемъ сказалъ: «авось либо самъ сыщу дорогу», и махнувъ рукою, удво-илъ шагъ, удалился отъ провожатаго. Разсудокъ остался позади и пошелъ за нимъ молча тихимъ шагомъ. Дитя забрело въ мѣстечко, гдѣ мало кто бы на него поглядѣлъ, ибо торговый день былъ и всѣ люди заняты были торгомъ и мѣною на рынкѣ. Царевичъ, ходя между тѣлегами и посреди торговаго шума, заплакалъ; одинъ человѣкъ, который его не зналъ, пошелъ мимо его и, увидя, что дитя плачетъ, сказалъ ему: «перестань, щенокъ, кричать, и безъ тебя здѣсь шума довольно». Разсудокъ дошелъ до него въ самое то время; Царевичъ жаловался на того человѣка, что щенкомъ его назвалъ. Разсудокъ, ни слова не говоря, вывелъ его оттуда; когда же Хлоръ спросилъ, для чего онъ не говоритъ по прежнему съ нимъ, Разсудокъ на то сказалъ: «ты моихъ совѣтовъ не спрашиваешь, самъ же забрелъ въ непристойное мѣсто, такъ не прогнѣвайся, буде нашелъ людей или рѣчи не по твоимъ мыслямъ». Разсудокъ продолжать хотѣлъ рѣчь, но встрѣтили они человѣка немолодаго, но пріятнаго вида, который окруженъ былъ множествомъ юношъ. Хлоръ, всегда любопытствуя о всемъ, отозвалъ одного изъ нихъ, спросилъ: «кто таковъ»? Юноша сказалъ, что сей человѣкъ есть учитель нашъ; мы отучились, идемъ гулять; а вы куда идете»? на что Царевичъ отвѣтствовалъ: «мы ищемъ розу безъ шиповъ, которая не колется». «Слыхалъ я, сказалъ юноша, толкованіе розы безъ шиповъ, которая не колется, отъ нашего учителя; сей цвѣтокъ не что иное значитъ, какъ *добродѣтель*; иные думаютъ достигнуть косыми дорогами, но никто не достигаетъ окромѣ прямою дорогою; счастливъ же тотъ, который чистосердечно твердостію преодолѣваетъ всѣ трудности того пути. Вотъ гора у васъ въ виду, на которой растетъ роза безъ шиповъ, которая не колется; но дорога крута и камениста». Сказавъ это, простился съ ними, пошелъ за своимъ учителемъ.

Хлоръ съ провожатымъ пошли прямо къ горѣ и нашли узкую и каменистую тропинку, по которой шли съ трудомъ. Тутъ попался имъ на встрѣчу старикъ и старуха въ бѣломъ платьѣ, равно почтеннаго вида; они имъ протянули посохи свои, сказали: «упирайтеся на нихъ, не спотыкнетеся». Здѣсь находящіеся сказывали, что имя перваго *Честность*, а другой *Правда*.

Дошедъ, упираючись на тѣхъ посохахъ, до подошвы горы, принуждены пашлись взлѣзть съ тропинки на вѣтвь, да съ вѣтви на вѣтвь,

добрались до вершины горы, гдѣ нашли розу безъ шиповъ, которая не колется. Лишь успѣли снять ея съ куста, какъ въ тамо находящемся храмѣ заиграли на трубахъ и на литаврахъ, и разнесся повсюду слухъ, что Царевичь Хлоръ сыскалъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ розу безъ шиповъ, которая не колется. Онъ поспѣшилъ къ Хану съ цвѣткомъ; Ханъ же Хлора и со цвѣткомъ отослалъ къ Царю. Сей обрадовался столько пріѣзду Царевича и его успѣхамъ, что позабылъ всю тоску и печаль. Царевича Царь и Царица, и всѣ люди любили часъ отъ часу болѣе для того, что часъ отъ часу укрѣплялся въ добродѣтели. Здѣсь сказка кончится, а кто больше знаетъ, тотъ другую скажетъ.

ИМЯНИНЫ Г-ЖИ ВОРЧАЛКИНОЙ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Антипъ, Прасковья, Фирлюфюшковъ.

Фирлюфюшковъ. Не опоздалъ-ли я? Госпожа Ворчалкина, я чаю, уже обѣдаетъ.

Прасковья. Нѣтъ еще. Только скоро за столъ сядутъ.

Фирлюфюшковъ. Сударушка этотъ домъ! Сокровище, право: никогда въ немъ не опоздаешь. Какъ онъ милъ! ma foi, какъ онъ милъ! Какъ ни пріѣдешь.... все еще во-время.

Прасковья. Да гдѣ вы такъ долго пробывали? Дѣла за вами, я думаю, не много, а теперь ужъ очень вѣдь поздно.

Фирлюфюшковъ. Belle demande! Гдѣ я пробылъ? A ma toilette.... голубка, á ma toilette.... Гдѣ можно рано индѣ быть. — Вчера послѣ ужина я всю ночь проигралъ въ карты. Легъ me coucher въ шестомъ часу aprés minuit. Всталъ сегодня въ часъ и теперь такая мигрена, и такъ въ носу грустно, что сказать неможно. Нѣтъ-ли eau de luce понюхать? боюсь.... чтобъ отъ слабости не упасть.... Поддержите меня....

Антипъ. Не изволите-ли на стулъ сѣсть? Вотъ....

Фирлюфюшковъ. Ужъ мнѣ сидѣть на стулѣ! да въ такой еще слабости! по крайней мѣрѣ подай мнѣ хоть кресла.

Прасковья. Я чаю, изъ прихоти вы еще захотите канапе или кровать.

Фирлюфюшковъ. Это бы не худо. Какъ не стыдно хозяйкѣ этого дома, что нѣтъ у ней въ каждой комнатѣ по крайней мѣрѣ по одной chaise longue; здѣсь и обмереть съ благопристойностью нельзя, ah! mon Dieu, quel temps et quelles gens!

Антипъ. Да на что обмирать? развѣ вы больны?

Прасковья. Развѣ карета васъ растрясла?

Антипъ. Такъ бы лучше ѣздили вы верхомъ

Фирлюфюшковъ (*вскочивъ со стула*). Мнѣ верхомъ ѣздить? Я этого и вздумать не могу. (*съ пренебреженіемъ*) мнѣ вчуже жалко и дивно, когда я вижу кого верхомъ. Какъ могутъ люди азардовать свой животъ, повѣряя его скотинѣ! cela est ignoble. Что до меня касается, я, и въ каретѣ сидя, ни одного моста никогда не переѣзжаю, а перехожу, изъ предосторожности, пѣшкомъ.

Прасковья. Диво, что вы въ нынѣшнюю погоду и воздуха не боитесь, чтобъ лице не обвѣтрило.

Фирлюфюшковъ. Бываетъ и то въ здѣшнемъ пакостномъ климатѣ; но я къ ночи натираю лице французскою помадою, и тѣмъ его лечу... ah diable.... ха, ха, ха!... ты дѣвушка.... ха, ха, ха! разумная.... ха, ха, ха! а какъ одѣта, fi donc.... ха, ха, ха! въ нынѣшній saison на тебѣ не батавія... а самый легкій круазе, ха, ха, ха! уморишь, радость! возможно-ли снести....

Прасковья. Что вамъ такъ это смѣшно? Мнѣ, что даютъ, то я и ношу. Вѣдь мы не дворяне, въ долгъ намъ никто не вѣритъ знаютъ и купцы, что намъ платить нечѣмъ; не такъ какъ вы, сударь, богатые люди....

Фирлюфюшковъ. Ахъ, какъ, ты, свѣтъ мой глупа. Ты думаешь, что я плачу, забирая въ долгъ у купцовъ? Никогда, mon coeur, никогда платить не намѣренъ. Былъ бы я, голубушка, одѣтъ, былъ бы я веселъ; а до тѣхъ дураковъ мнѣ нужды нѣтъ, которые, по глупости своей, мнѣ вѣрятъ. Они могутъ и тѣмъ быть довольны, что въ три-дорога на счетъ

пишутъ. D'ailleurs и въ фамиліи нашей того не водится, чтобъ платить долги. Я слѣдую въ этомъ похвальному отца моего примѣру: онъ никогда и никому не плачивалъ, да съ тѣмъ и умеръ. A dire la verité, многіе непризабельные люди пропустили слухъ, будто мы по-уши въ долгу, jusqu'aux oreilles; да и правительства дѣлывали намъ угрозы, только не очень это страшно. Весь свѣтъ знаетъ, сколько они правосудны: на этакой вздоръ не очень я гляжу и знаю какъ въ случаѣ поступить съ ними. Есть у меня молодцы, кои меня въ нуждѣ не выдадутъ; они уже не одну и выемку отбили.

Антипъ. А сами бывали-ль вы притомъ?

Фирлюфюшковъ. Вотъ еще! стану-ли я съ такою подлостью encanaillіроваться и жизнь свою рисковать. Довольно, я издали съ балкона смотрѣлъ.

(*Въ то время, какъ Фирлюфюшковъ рѣчь свою оканчиваетъ, Прасковья отъ скуки зѣваетъ и уйти хочетъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Ворчалкина, Дремовъ, Некопѣйковъ, Спесовъ, Геркуловъ, Талариминъ, Гремухинъ, Олимпіада, Христина и служители.

Гремухинъ (Ворчалкиной). Не погнѣвайтесь, если мы вамъ помѣшали. Дѣло стало за споромъ. Дѣло невѣроятное; сколько-бъ они ни говорили, только я въ правдѣ сомнѣваюсь.

Ворчалкина. А какой, батька мой, это споръ и какія у васъ дѣла?

Гремухинъ. Господа эти (*указывая на Спесова и другихъ*) хотятъ увѣрить, будто праведный носится слухъ, что скоро выйдетъ запрещеніе жениться и такое будто запрещеніе на цѣлыя десять лѣтъ. Какъ этому статься, чтобъ въ десять лѣтъ никто не женился?

Ворчалкина. Ахъ! какое это неустройство будетъ! что, развѣ ужъ родъ человѣческій перевесть хотятъ? Охъ! охъ! потерпитъ-ли этому Богъ!

Дремовъ. Вранье! несбыточный вздоръ! глупыя и нестаточныя бредни!

Ворчалкина. Такъ, батька мой, такъ. Вы не вѣрите ни чему. Вы станете обо всемъ спорить.

Дремовъ. По крайней мѣрѣ объ этомъ; этотъ слухъ дуракъ какой-нибудь выдумалъ.

Геркуловъ. Нѣтъ, сударь, не дуракъ, а всѣ, всѣ говорятъ.

Спесовъ. И я слышалъ.

Некопѣйковъ. И я отъ нихъ же слышалъ.

Ворчалкина. Вотъ, какъ не вѣрить! всѣ говорятъ. Ой, ой, ой, какія времена! какія нынѣ чудеса дѣлаются! до чего мы, бѣдныя, дожили! (*служителямъ*). Стулья намъ подайте, а мнѣ и столикъ съ картами: (*Подаютъ стулья всѣмъ, а къ Ворчалкиной ставятъ столикъ съ картами и она начинаетъ раскладывать и гадать въ картахъ*).

Спесовъ. Кто думаетъ жениться, тому бъ я совѣтовалъ поспѣшать; некогда мѣшкать.

Ворчалкина. Ахъ, батька! у меня двѣ невѣсты на рукахъ: куда мнѣ, бѣдной, съ ними дѣваться будетъ?

Талариминъ. Ваши дочери, сударыня, таковы, что вамъ тужить объ нихъ не для чего. Онѣ за-мужъ выйдутъ, и могутъ благополучны и сами быть, и мужей своихъ счастливыми сдѣлать... А таковыя плевелы, сударыня, не заслуживаютъ никакого уваженія, и презрѣнія достойны.

Ворчалкина. Довольно уже, мой свѣтъ, видѣли мы всякой всячины, такъ и этому дивиться нечему: все статься можетъ. Видишь ты, каковъ нынѣ свѣтъ-атъ развратенъ: подкидышковъ.... что ужъ этого больше?... подкидышковъ подбираютъ, да кормятъ, да за ними ходятъ, какъ будто за благородными: такъ можно-ли уже въ чемъ сомнѣваться?

Дремовъ. Перестанемъ, сударыня, о подкидышкахъ говорить. Сколько чрезъ сіе благое постановленіе почти погибшихъ душъ въ жизни остается! Но вы почто прежде времени печалитесь? это слухъ пустой и никогда тому не бывать.

Некопѣйковъ. Не изволите-ли, милостивыя государыни и милостивые государи, для забавы послушать моихъ проектовъ; ихъ много у меня, да изъ множества не изволите-ли выбрать любой? вотъ имъ реестръ.

Дремовъ. Это реестръ только? великонекъ онъ! и реестра скоро не прочтешь.

Спесовъ. Что до меня, я проекты люблю, и сколько бъ они обширны ни были, читаю ихъ всегда съ конца до конца; иногда годная

одна въ нихъ строка можетъ подать намъ великія къ великимъ дѣламъ мысли.

Некопѣйковъ. Нѣтъ, тутъ не одна строка только годная, но все, все, сударь, важно, полезно, нужно. Проекты мои таковы, что ни единаго слова выкинуть изъ нихъ не можно безъ нарушенія всей связи. Доказательства одно изъ другова всѣ текутъ. Все цѣлое, цѣлое, все смотрѣть надобно.

Геркуловъ. Я слышалъ отъ Фирлюфюшкова, что будто ты ему премножество обѣщалъ денегъ.

Гремухинъ. Скажи, пожалуй, какимъ бы то образомъ ты примыслилъ?

Ворчалкина. Пригодился бы этотъ проектъ и многимъ. Деньги всѣмъ надобны. Нынѣ все дорого; что въ наше время бывало въ алтынъ, то нынѣ и на гривну врядъ купишь.

Некопѣйковъ. Я надѣюсь въ скоромъ времени всѣмъ помочь и сдѣлать отечеству услугу; только надобно, напротивъ того, всѣмъ единодушно постараться, чтобъ скорѣе проектъ мой принятъ и въ дѣйство произведенъ былъ. Извольте только послушать, я вамъ его прочту. Вниманія, милости прошу, вниманія.... (*онъ вынимаетъ изъ-за пазухи превеликую тетрадь бумаги и, перевертывая листы, бормочетъ*). «Объ учрежденіи почты на голубяхъ»; нѣтъ, не тотъ.... «Объ употребленіи крысьихъ хвостовъ съ пользою».... нѣ....

Дремовъ. Какъ! какъ.... пожалуй....

Некопѣйковъ. «Объ употребленіи крысьихъ хвостовъ съ пользою». Я представляю и доказываю, что можно употреблять ихъ съ пользою на корабляхъ вмѣсто тонкихъ веревокъ.

Дремовъ. Да не будутъ ли они коротковаты? не говоря уже какова прочность.

Некопѣйковъ. Для длины надобно свивать ихъ съ пенькою; а прочность и изъ того видна, что хвостъ крысій вдесятеро противъ толстоты своей тягость держать можетъ. Случалось-ли вамъ держать крысу за хвостъ? Она, вѣдь, гораздо толще своего хвоста, однако никогда не оторвется: какъ же это не прочно? сверхъ того, городу Петербургу великую изъ сего предвижу я пользу. Промышленники ударятся въ ловъ крысъ, которыя чрезъ то гораздо уменьшатся и меньше пакостей въ домахъ дѣлать станутъ. А вы знать изволите, что ихъ чрезъ мѣру умножилось. Я чаю, вы сами, прогуливаясь лѣтомъ въ сумерки, видали, что по улицамъ отъ нихъ проходу нѣтъ: такая пропасть ихъ вездѣ бѣгаетъ.... (*Читая далѣе, разбирая*) «О дѣйствіи моремъ и сухимъ путемъ противу Зюнгорцевъ».... Не тотъ.... «Объ извозѣ зимою въ степныхъ мѣстахъ на куропаткахъ, гдѣ ихъ много.... а лошадей мало».... и это не то.... «О построеніи секретнаго флота».... а! вотъ онъ.... прошу прислушать....

Дремовъ. Секретнаго флота!... это нѣчто мудрено....

Некопѣйковъ. Нѣтъ, сударь, немудрено когда этакая (*указываетъ на свою голову*) голова за что примется! (*хочетъ читать*) О постро....

Христина. Да неужто ты хочешь его весь сегодня прочесть? но и завтра это не окончать.

Некопѣйковъ. Инъ я на словахъ разскажу, если угодно.... а справка близка и доказательства всѣ тутъ. Первое....

Ворчалкина. Да, батька мой, лучше на словахъ; мнѣ на словахъ внятнѣе, нежели въ чтеньи. И для того-то я лучше всякой книги люблю, чтобъ мнѣ сказки сказывали.... Да дура, правду молвить, и хорошо вретъ.... забавно, право....

Некопѣйковъ. Во-первыхъ, надлежитъ съ съ крайнимъ секретомъ и поспѣшеніемъ построить двѣ тысячи кораблей.... разумѣется, на казенный счотъ.... (*когда Некопѣйковъ говоритъ, тогда Таларикинъ, сидя между двухъ сестеръ, тихо разговариваетъ*). Во-вторыхъ.... раздать оные корабли охочимъ людямъ и всякому дозволить грузить на нихъ товаръ, какой кто хочетъ.... разумѣется, товаръ забирать на кредитъ.... Третіе: ѣхать на тѣхъ корабляхъ на неизвѣстные острова.... которыхъ чрезвычайно на Океанѣ много.... и тамо промѣнять весь товаръ на черныя лисицы.... которыхъ безсчетное тамо множество.... Четвертое.... привезши объявленныя лисицы сюда, отпустить ихъ за море на чистые серебряные и золотые слитки. Отъ сего преполезнаго торгу можно.... я вѣрно доказываю.... можно получить отъ пятидесяти до семидесяти милліоновъ рублей чистаго барыша за всѣми расходами. Но пусть, чтобъ не ошибиться, то лучше сказать меньше, до сорока милліоновъ, конечно, истинной прибыли будетъ....

Геркуловъ. Изрядно. Какъ это пріятно! положилъ бы и я что-нибудь въ компанію, да жаль того, что теперь денегъ нѣтъ.

Некопѣйковъ. На что деньги? вѣдь я вамъ сказалъ, что все это на казенный счотъ и

кредитъ; барышъ только въ компанію. Казна и тѣмъ довольна быть должна, что денегъ прибудетъ въ государствѣ.

Ворчалкина. Пустыя, батька мой, это слова. Что за кредитъ? какой нынче кредитъ! Казна только что грабитъ: я съ нею никакого дѣла имѣть не хочу! и такъ я, бѣдная вдова, принуждена была за пятнадцать лѣтъ заплатить какую-то недоимку вмѣсто покойнаго мужа своего. Съ мертвыхъ дерутъ: теперь ужъ онъ умеръ, а какъ-взяли, такъ взяли; нѣтъ, мой свѣтъ, никакого не хочу имѣть съ нею я дѣла.

Некопѣйковъ. Ну, если сей проектъ вамъ не угоденъ, то есть у меня и другіе, не меньше этого полезные, какъ напримѣръ, этотъ: чтобъ изъ Кяхты, на китайской границѣ сдѣлать вольную и безпошлинную морскую гавань. Это очень прибыльно будетъ для торговли.

Олимпіада (*сестрѣ своей*). Мочи моей нѣтъ, сестрица, это безмѣрно скучно, cela m'étouffe!

Некопѣйковъ. Второе: чтобъ населить Киргизскую степь.

Дремовъ. Да вѣдь на то надобно деньги и люди; откуда прикажешь ихъ взять?

Некопѣйковъ. Откуда? все примышлено, все, сударь, придумано. Я стану просить, чтобъ правительство и тѣмъ, и другимъ меня снабдило. Это его дѣло; а мое—населить.

Олимпіада. Уйдемъ, сестрица, моего терпѣнья не стаетъ.

Христина. Боюсь, матушка прогнѣвается.

Некопѣйковъ. Еще придумалъ я, какъ поправить судебныя мѣста и господъ судей....

Спесовъ. Судей! не съ ума ль ты, мой дружокъ, сошелъ? Не въ свое дѣло ты мѣшаешься. Таковые люди, каковы мы, не требуютъ поправленья, да еще отъ кого, отъ купца банкрута....пфу! мы самилюдей поправляемъ...

Дремовъ. Дайте ему договорить. Сами же вы сказывали, что иногда одна строка въ проектѣ много добраго сдѣлать можетъ.... а это, чтобъ поправить судей, мнѣ кажется, и не дурно.

Спесовъ. Что? развѣ вы нарочно предпріяли во всемъ мнѣ прекословить и обо всемъ спорить со мною?

Дремовъ. Я? нѣтъ. Но мнѣ только то кажется, что всякій воленъ сказать свое мнѣніе; эту свободу ни кто у человѣка не отнимаетъ. И такъ ни вы не имѣете причины сердиться на меня, что я съ вашимъ мнѣніемъ не согласенъ, ни я на васъ, что вы со мною не однѣхъ мыслей.

Спесовъ. Вы всегда хотите всѣмъ наставникомъ быть. Откуда этакая гордость! мнѣ кажется, она не кстати. Мы ни прежде, ни нынѣ о родѣ Дремовыхъ не слыхали. Дремовъ, Дремовъ! куда какое знатное имя! мой дѣдушка право съ вашимъ дѣдушкомъ не считался,

Дремовъ. Зналъ бы ты самъ меня, какъ твой дѣдушка моего зналъ; а что я Дремовъ, отъ того не отрицаюсь. Дѣдъ мой, оказавъ отечеству услугу, пожалованъ за то дворянствомъ; и когда пришли спросить у Государя, какое дать ему прозваніе? Государь тогда дремать изволилъ... я въ томъ не виноватъ, и приказалъ назвать его Дремовымъ; и хоть это было сквозь сонъ, однако тѣмъ прозваніе мое не хуже твоего.

Ворчалкина. Полно, полно, свѣты мои, горячиться, покиньте этотъ споръ. Ко мнѣ еще кое-кто будутъ гости: пойдемте отселѣ; тамъ, въ залѣ, свободнѣе сидѣть. (*Отходитъ*).

Спесовъ. Не забуду я тебѣ, господинъ Дремовъ, этого разговора. Развѣ родня моя мнѣ не поможетъ.... вспомнишь меня и кто мой отецъ былъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ворчалкина, Дремовъ, Антипъ бѣжитъ скоро чрезъ театръ.

Ворчалкина. Ты куда такъ бѣжишь какъ съумасшедшій?

Антипъ. Меня господинъ мой наскоро послалъ за лекаремъ и за докторомъ.

Дремовъ. Да развѣ кто ни наесть занемогъ?

Антипъ. Я самъ этого не видалъ, а сказываютъ, что какая-то барышня шла чрезъ комнату и вдругъ упала... въ обморокъ.

Ворчалкина. Тьфу! проклятый, я думала, что ни вѣсть что сдѣлалось. Да полно, нынѣ все обморокомъ называютъ! а въ наше время называлось это черною немочью.... да кто это такова, которая упала?

Антипъ. Я уже сказалъ, что я не знаю.

Ворчалкина. На что лекарь и докторъ? это можетъ и такъ пройти, коли обморокъ, а не порча и не дурная болѣзнь. Не желала бъ я, чтобъ господа лекари и докторы мой домишко узнали: въ ихъ знакомствѣ такъ долго не проживешь, какъ я надѣюсь жить.

Дремовъ. Да не останавливайте его долѣ: можетъ быть, и крайняя въ лекарѣ нужда. Скорою помощію врачей иногда и жизнь спасается (*Антипу*). Поди скорѣй. (*Уходитъ Антипъ*).

Ворчалкина. Вотъ еще! какія нынѣ у васъ басни. Будто и смерть отогнать можно, какъ она придетъ. Нѣтъ, батька мой, не такъ она лекарямъ-то послушна. Какъ часъ воли Божіей придетъ, такъ тутъ докторы не помогутъ. Лучше отдаться Его волѣ, да и никогда не лечиться: я и сама отъ роду своего не лечивалась, да вѣдь живу жъ.

Дремовъ. Чтобъ лекари и докторы всегда отъ смерти избавляли, это быть не можетъ, для того, что и они люди. Всегда и безъ нужды лечиться не надобно; однако надобно не забыть справедливой пословицы, что на Бога надѣйся, а самъ не плошай.... въ нѣкоторыхъ случаяхъ лекари и докторы необходимы.

О ВРЕМЯ!

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I

Непустовъ, Мавра.

Мавра. Повѣрьте, что я говорю правду. Вы не можете ее видѣть. Она теперь молится, и я сама войти къ ней въ горницу не смѣю.

Непустовъ. Да развѣ она цѣлый день молится? Когда я ни приду, все говорятъ мнѣ, не время; поутру была она у заутрени, а теперь опять на молитвѣ.

Мавра. И все такъ у насъ время проходитъ.

Непустовъ. Молиться хорошо: однако есть въ жизни нашей и должности, которыя свято наблюдать мы обязаны. Неужли она и день, и ночь насквозь молится?

Мавра. Нѣтъ. Упражненія наши перемѣнны; однако все идетъ своимъ порядкомъ; иногда у насъ обыкновенныя службы, иногда чтеніе миней-четій, а иногда, покинувъ чтеніе, боярыня наша изволитъ проповѣдывать намъ о молитвѣ, воздержаніи и о постѣ.

Непустовъ. Слышалъ я, что госпожа твоя ханжитъ много, а о добродѣтеляхъ ея мало я слыхалъ.

Мавра. Правду сказать, и я много о томъ говорить не могу. О постѣ и воздержаніи твердитъ она всѣмъ своимъ людямъ весьма часто, а особливо — при раздачѣ мѣсячины и указнаго. Сама жъ никогда столько прилежности къ молитвѣ не показываетъ, какъ въ то время, когда, приходя къ ней должники, требуютъ отъ нея за забранные по счетамъ товары платы. Она, швырнувъ одиножды въ меня молитвенникомъ, столь сильно голову мнѣ расшибла, что я съ недѣлю лежать принуждена была: а за что? за то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купецъ пришелъ за деньгами, которыя она, занявъ у него по шести процентовъ, отдала въ ростъ по шестнадцати со ста. «Проклятая безбожница», кричала она на меня, такой ли теперь часъ? Пришла ты какъ сатана, искушать меня свѣтскими суетами тогда, когда всѣ мысли мои заняты покаяніемъ, и отъ всякаго о свѣтѣ семъ попеченія удалены». Прокричавъ съ великимъ сердцемъ сіе, бросила мнѣ въ високъ книгу. Посмотрите, и теперь еще знакъ есть; но я мушкою залѣпливаю его. Не можно никакъ къ ней примѣниться: странный весьма человѣкъ — иногда не хочетъ, чтобъ ей говорили, а иногда и въ самой церкви сама безъ умолка и безъ конца болтаетъ. Говоритъ, что грѣшно осуждать ближняго, а сама всѣхъ судитъ, о всѣхъ переговариваетъ; особливо молодыхъ барынь терпѣть не можетъ; и кажется ей, что онѣ все не такъ дѣлаютъ, какъ бы по мнѣнію ея дѣлать надлежало.

Непустовъ. Радъ я узнать ея нравъ: это знаніе поможетъ мнѣ много въ дѣлѣ о женитьбѣ господина Молокососова. Но правду сказать, трудно жъ ему будетъ уживаться съ этакою бабушкою: она или изъ дому его выживетъ, или въ могилу вгонитъ. Сама жъ

она требовала, чтобъ мы къ Москвѣ пріѣхали, чтобъ условиться о внучкиной свадьбѣ. Мы для того, отпросясь на двадцать на девять дней въ отпускъ, изъ Петербурга прискакали: и тому уже три недѣли, какъ живучи здѣсь, всякій день о томъ домогаемся, а она всякій день новыя находитъ къ тому препятствія. Намъ приходитъ уже срокъ и мы должны немедленно возвратиться. Что-то будетъ сегодня? Она сегодня обѣщала дать рѣшительное слово, хотя я къ тому и начала не вижу.

Мавра. Потерпите, сударь, немного; послѣ вечерни, можетъ быть, вы ее увидите; а прежде этого времени она не охотно гостей принимаетъ.

Непустовъ. Да мнѣ есть много кое о чемъ переговорить съ нею, и для того скажи ей, что я здѣсь; авось-либо она и пуститъ меня къ себѣ.

Мавра. Нѣтъ, сударь; я ни изъ чего къ ней не пойду. Мнѣ или битой, или по крайней мѣрѣ браненой быть. Она и безъ того часто на меня гнѣвается, и называетъ меня бусурманкою за то, что иногда читаю я «Ежемѣсячныя сочиненія», а иногда и Клевеланда.

Непустовъ. Да ты можешь ей сказать, что я сильно прошу ее видѣть.

Мавра. Кой часъ вечерня отойдетъ, то я и пойду къ ней, а не прежде. Однако далѣе шести часовъ я не совѣтую вамъ оставаться. Въ это время наѣдетъ къ ней довольное число подобныхъ ей барынь, которыя обыкновенно забавляютъ ее вѣстьми, изо всѣхъ угловъ города собранными; переговариваютъ и злословятъ всѣхъ знакомыхъ, перебирая ихъ по христіанской любви всѣхъ на перечетъ; увѣдомляютъ о всѣхъ петербургскихъ новостяхъ, къ нимъ прилыгая, примышляя; однѣ убавляютъ, другія прибавляютъ. За правду никто въ этомъ собраніи не отвѣтствуетъ; до того намъ дѣла нѣтъ, лишь бы все было выговорено, что слышали, и что къ тому примыслили.

Непустовъ. Да по крайней мѣрѣ оставятъ ли насъ хоть поужинать? Какъ ты думаешь?

Мавра. Сомнѣваюсь. Какіе у постницъ ужины?

Непустовъ. Какъ? Да развѣ отъ скупости вы поститесь? Вѣдь севодни и день непостный.

Мавра. Я того точно не говорю, только.... только.... мы лишнихъ гостей не любимъ.

Непустовъ. Говори со мною, Маврушка, откровеннѣе. Какъ тебѣ госпожи своей не знать? Скажи мнѣ правду. Мнѣ кажется, что она наполнена суевѣріемъ и пустосвятствомъ, а притомъ и весьма зла.

Мавра. Кто добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ и въ наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, тотъ боярыню мою безъ похвалы не оставитъ. Она наблюдаетъ строго дни праздничные; къ обѣднѣ всякій день ѣздитъ; свѣчу передъ праздникомъ всегда ставитъ; мяса по постамъ не ѣстъ; ходитъ въ шерстяномъ платьѣ.... Да не подумайте, что изъ скупости.... и ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кои ея правиламъ не слѣдуютъ. Нынѣшнихъ обычаевъ и роскоши она терпѣть не можетъ, а любитъ и хвалитъ старину и тѣ времена, когда она пятнадцати лѣтъ была; чему уже теперь, благодатію Божіею, годиковъ пятьдесятъ и слишкомъ минуло.

Непустовъ. Что касается до нынѣшней роскоши, я и самъ ея не люблю, и въ этомъ съ нею весьма согласенъ, такъ равно, какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно! Въ этомъ и самъ я одного съ нею мнѣнія.

Мавра. Оставимъ это. Въ платьѣ и головномъ госпожи моей уборѣ найдете вы совершенное изображеніе прародительскаго покроя, въ которомъ она и не малую добродѣтель и чистоту нравовъ поставляетъ.

Непустовъ. Да почему это прародительскіе нравы? Это ни что иное, какъ ничего не значащіе обычаи, коихъ она съ нравами или не различаетъ, или различить не умѣетъ.

Мавра. Однакожъ по мнѣнію госпожи моей, чѣмъ платье старѣе, тѣмъ болѣе почтенія достойно.

Непустовъ. Скажи жъ мнѣ, пожалуй, что она въ цѣлый день дѣлаетъ?

Мавра. Да гдѣ мнѣ это все упомнить? А тѣмъ болѣе высказать не можно; вы смѣяться станете. Но пусть такъ; нѣчто вамъ разскажу. Она встаетъ поутру въ шесть часовъ, и, слѣдуя древнему, похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ предъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ, потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохи и поетъ стихъ: *блаженъ, кто скоты милуетъ!* А при семъ пѣніи и насъ

такъ же миловать изволитъ, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся накануне людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило; то со внучкою, для чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить, то.... а! Постойте, сударь, я слышу шумъ: пора мнѣ отсюда убираться. Конечно госпожа моя идетъ; боюсь, чтобъ насъ вмѣстѣ не застала: вѣдь и Богъ знаетъ, что ей на мысль придетъ.

(*Отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Г. Ханжахина, Г. Непустовъ.

Ханжахина. А! господинъ Непустовъ, не знала, что вы здѣсь, сударь.

Непустовъ. Непогнѣвайтесь сударыня, что я пришелъ отдать вамъ мой поклонъ. Вы изволите знать, какую я до васъ нужду имѣю. Въ вашей волѣ теперь выдать внучку вашу за господина Молокососова, и со мною о приданомъ условиться.

Ханжахина. Ахъ, батька мой! Да какъ мнѣ на это рѣшиться сегодня? вѣдь подумай-ка самъ, это дѣло таково, что требуетъ многаго размышленія. Я должна и того посмотрѣть, съ чѣмъ бы мнѣ и самой остаться. Человѣкъ я бѣдный; вдовье мое дѣло: откуда мнѣ что взять? Пусть злые люди, хоть и говорятъ, хоть и кричатъ о моемъ богатствѣ, да Богъ-то вѣдаетъ, что я не могу наградить внучку свою большимъ приданымъ. Къ тому жъ сегодня духъ мой такъ безпокоенъ, что я и съ мыслями не могу собраться. У меня столько печали, столько нуждъ, что и конца имъ нѣтъ, такъ что и при молитвѣ злой свѣтъ покою мнѣ не даетъ. Разсудите сами, какъ мнѣ бѣдной не горевать: все дорого, да къ тому жъ люди....

Непустовъ. Правда, сударыня, злыхъ людей много въ свѣтѣ; но намъ ихъ не передѣлать; оставимъ ихъ, и станемъ о своемъ дѣлѣ говорить. Вы знаете, что намъ долго здѣсь жить не можно. Срокъ близокъ; къ командѣ ѣхать надобно. И такъ уже три дни вы изволили меня и Молокососова обнадеживать, что сегодня дадите намъ рѣшительный отвѣтъ; пожалуйте, исполните свое слово. Жалокъ этотъ молодой человѣкъ будетъ, если онъ попусту взадъ и впередъ проскакать былъ долженъ!

Ханжахина. Я не то, сударь, говорю: изволь самъ разсудить, можно ли спокойному быть духу, если съ кѣмъ то случится, что сдѣлалось сегоднѣ со мною? Я обѣщалась, чтобъ до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ передъ образомъ, которымъ моя покойная бабушка благословила покойную мою матушку,—помяни ихъ, Господи! И лишь только начала, анъ гляжу, вошелъ маминъ сынъ, и стоитъ какъ демонъ въ горницѣ. Я ему говорю: «поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться»; а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: «поди ты, сатана, вонъ»; а онъ ничего не говоря, совъ мнѣ въ руку бумажку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете? Что въ этой бумажкѣ написано? О! несмысленная тварь! О демонское навожденіе!... Онъ осмѣлился просить позволенія – жениться. Мнѣ дескать тридцать уже лѣтъ; мать-де моя умерла, обшить, обмыть некому, и для того женится! Экая негодница! И онъ жениться вздумалъ! Этимъ привелъ онъ меня въ такое сердце, въ такое, батька мой, сердце, что я и число поклоновъ позабыла, и не знаю, сколько положила, и сколько еще класть надобно. Однакожъ велѣла его высѣчь и положить женитьбу ту на спинѣ: позабудетъ онъ у меня мѣшать мнѣ класть поклоны.

Непустовъ. Да вѣдь и онъ человѣкъ, сударыня; въ томъ только его неосторожность, что помѣшалъ вамъ считать поклоны; а можетъ быть, онъ и не зналъ, что вы на молитвѣ.

Ханжахина. Что за неосторожность! Какъ ему не знать, что я молюся? Я, вить всегда молюся. Зачѣмъ ему жениться? Я бъ его проклятаго постригла, но то бѣда, что нынѣ и не.... О! я такъ осердилась, что вся и теперь еще дрожу!

Непустовъ. Такое великое движеніе можетъ повредить ваше здоровье. Оставимъ это; станемъ говорить о нашемъ дѣлѣ и о приданомъ внучки вашей.

Ханжахина. Вы не можете повѣрить, какъ много мнѣ досаждаютъ! Я не вѣдаю, какъ я отъ сердца по сю пору еще не умерла. На малаго-то я не столько еще сержуся; но поганая дѣвка, которая, прости меня Господи!— ему на шею вѣшается, та-то мнѣ досадна! Да дамъ же я ей замужество.

Непустовъ. А для чего жъ бы ей нейти замужъ, коли ея лѣта уже такія?

Ханжахина. О, какая она скверная тварь!

Непустовъ. Вы почитаете, сударыня, молитву должностію, равно какъ и я; но вѣдь и снисхожденіе, и любовь къ ближнему есть такъ же должности, закономъ намъ предписанныя.

Ханжахина. Очень хорошо; изрядное показалъ онъ ко мнѣ снисхожденіе и любовь! Жаль, по истиннѣ жаль, что нынѣ ничего не стыдятся и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки; дерзко противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются. Мерзкій малый! помѣшалъ мнѣ въ счетѣ поклоновъ.

Непустовъ. Дѣвицу выдать замужъ стоитъ поклоновъ, сударыня.

Ханжахина. Хорошо, батька мой, со стороны такъ разсуждать. А мнѣ вѣдь не бросать же на улицу деньги! Гдѣ ихъ возмешь? Вотъ внучку надобно выдать, и самой такъ же пожить еще хочется, да еще и этакихъ мерзкихъ жени; а все-таки дай что-нибудь: только и затвердили, что дай, да дай: а вѣдь что больше дашь, то больше у самой убудетъ. Надлежало бы правительству-то сдѣлать такое учрежденіе, чтобъ оно вмѣсто насъ, людей-то бы нашихъ при женитьбѣ снабжало. Правду сказать, вѣдь оно обо всемъ въ государствѣ-то печися должно, да полно что нынѣ ничего не смотрятъ!

Непустовъ. Правительство имѣетъ довольно попеченія и расходовъ и безъ того, чтобъ снабжать нашихъ людей, которые намъ служатъ, и слѣдовательно на нашихъ рукахъ быть должны. Но пожалуй, сударыня, забудь это, и станемъ говорить о нашей сватьбѣ и приданомъ внучки вашей. Господинъ Молокососовъ скоро сюда будетъ, и станетъ просить вашего на то соизволенія.

Ханжахина. Онъ молодецъ изрядный; я его ни въ чемъ не хулю, и ничего порочнаго въ немъ не вижу. Когда бъ эти проклятыя меня не разсердили, то можетъ быть, чтобъ я и подумала, чтобы за внучкою-тъ дать....

(*Мавра входитъ*). Чего ты хочешь, Мавра?

Мавра. Васъ спрашиваютъ, сударыня. Сосѣдка ваша имѣетъ нужду слова два-три съ вами молвить.

Ханжахина (*Непустову*). Не прогнѣвайся пожалуй: я на часъ выйду; бѣдная вдова, жена дворянская, меня спрашиваетъ: отказать не могу; люблю бѣднымъ помогать.... Мавра, побудь ты здѣсь; я тотчасъ назадъ приду. (*Отходитъ*).

Непустовъ. Чудная женщина!

Мавра. Знаете-ли, въ чемъ состоитъ помощь, которую она бѣдной подать хочетъ дворянкѣ? Эта бѣдняжка отъ крайней нищеты заложила ей во стѣ рубляхъ золотую табакерку, которая въ трое того стоитъ, и платитъ ей по полуполтинѣ на недѣлю росту. Теперь пришелъ срокъ; заплатить ей нечѣмъ, такъ боится, чтобъ и вовсе еще табакерка та не пропала.

Непустовъ. Возможно-ли толь безсовѣстно поступать? По полуполтинѣ со ста въ недѣлю!... Сказываютъ, что госпожа твоя чрезъ мѣру богата, что у ней тысячь со сто въ росту ходитъ; какъ ей не стыдно брать по полуполтинѣ росту на недѣлю? Да еще съ кого? Съ бѣдной вдовы? сходно-ли это съ ея молитвами и постомъ?!

XXVIII.

ФОНЪ-ВИЗИНЪ И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ СОВРЕМЕННОСТИ.—БІОГРАФІЯ ЕГО.—Ф.-ВИЗИНЪ И ЕКАТЕРИНА.—ЗНАЧЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ Ф.-ВИЗИНА, КАКЪ ПРОТЕСТА ПРОТИВЪ СУЩЕСТВУЮЩАГО ПОРЯДКА ВЕЩЕЙ.—ИДЕАЛЫ Ф.-ВИЗИНА.—ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ ВЫВЕДЕННЫХЪ ИМЪ ТИПОВЪ.

Первымъ провозвѣстникомъ наступленія новой эпохи, первымъ писателемъ «блестящаго вѣка Екатерины» явился Фонъ-Визинъ. Всецѣло и вполнѣ — жизнью, произведеніями и даже идеями, положенными въ основу ихъ—Фонъ Визинъ принадлежитъ этому вѣку, и, надо сказать къ чести его, отражаетъ въ своемъ замѣчательномъ и вмѣстѣ талантливомъ образѣ всѣ лучшія стороны современнаго русскаго общественнаго типа, при весьма немногихъ недостаткахъ, не отъемлемо-свойственныхъ всѣмъ, даже и весьма просвѣщённымъ представителямъ нашего высшаго общества въ прошломъ столѣтіи. Притомъ-же, по своему образованію и по образу мыслей Фонъ-Визинъ принадлежитъ къ числу не многихъ избранныхъ личностей, которыя способны были съ полнымъ сочувствіемъ и совершеннымъ безпристрастіемъ отнестись къ тѣмъ широкимъ и либеральнымъ замысламъ, съ которыми Екатерина вступила на престолъ... Первый изъ числа русскихъ писателей Фонъ-Визинъ сочувственно отозвался на ея призывъ русскихъ людей къ дѣятельности, на гуманныя воззрѣнія, выраженныя въ «Наказѣ» по вопросу объ отношеніи русскихъ людей къ власти и закону—и первый сталъ на сторону той придворной партіи, которая представляла собою оппозицію и рѣшалась громко высказывать свое неудовольствіе противъ злоупотребленія власти временщиками, противъ неуваженія, оказываемаго ими или ради ихъ закону и противъ слишкомъ безцеремоннаго распоряженія финансами государства. Вообще Фонъ-Визинъ представляетъ собою чистѣйшій типъ того небольшаго кружка передовыхъ русскихъ людей, которые рѣшились въ началѣ царствованья Екатерины II возложить слишкомъ большія упованія на будущее, увлекшись блескомъ и шумомъ первыхъ его годовъ и всего ожидая отъ благихъ намѣреній и доброй воли Екатерины. Они, по видимому, вовсе позабыли о тѣхъ трудностяхъ и препятствіяхъ, которыя должны были встрѣтиться на практикѣ при выполненіи всего, предначертаннаго въ «Наказѣ» И чѣмъ болѣе уклонялась, съ теченіемъ времени, Екатерина отъ того идеала правительницы, который ею же былъ въобщихъ

Фонъ-Визинъ.

чертахъ набросанъ въ Наказѣ, тѣмъ теснѣе примыкалъ Ф. Визинъ къ оппозиціи, и тѣмъ рѣзче позволялъ себѣ высказывать свое открытое неудовольствіе по отношенію къ существующему порядку вещей. До конца жизни онъ продолжалъ жить все тѣми же самыми идеалами, которые составляли красу его юности, и ни зачто не хотѣлъ отступиться отъ нихъ. Не старѣясь духомъ среди общества, зорко слѣдившаго за всѣми перемѣнами, происходившими въ воззрѣніяхъ Императрицы и слѣпо покорявшагося тому направленію, которое на основаніи этихъ перемѣнъ принимало общее теченіе дѣлъ, Фонъ-

Визинъ, сверхъ того, вѣрилъ еще и въ превосходство нравственной природы русскаго человѣка и даже въ неистощимость запаса его нравственныхъ и умственныхъ силъ. Въ противуположность своимъ современникамъ, раболѣпно преклонявшимся передъ французскимъ вліяніемъ, онъ ко всему иноземному относился съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ, иногда даже съ неумѣстною, непростительною рѣзкостью и всюду, кстати и не кстати, старался этому иноземному противуполагать все русское, родное, хотя бы не заслуживавшее предпочтенія. При такомъ рѣзкомъ направленіи и при томъ независимомъ, благородномъ характерѣ, чуждомъ всякаго низкопоклонства и заискиванья, какимъ отличался фонъ-Визинъ, при томъ тонкомъ, остромъ умѣ и очень зломъ языкѣ, которыми онъ обладалъ—онъ успѣлъ очень быстро обратить на себя общее вниманіе и на столько сдѣлаться выразителемъ мнѣнія лучшей части современнаго общества, что всѣ его сочиненія получили огромный вѣсъ и значеніе для современниковъ. На сколько они служили для одной части общества выраженіемъ ея завѣтныхъ помысловъ и постоянныхъ стремленій, на столько же другая сторона должна была постоянно видѣть въ нихъ осмѣяніе своему способу дѣйствій. Неудивительно, что при такомъ значеніи своихъ сочиненій, Фонъ-Визинъ, несмотря на большія связи, на прекрасное образованіе и способности свои, не могъ пойти высоко и занять какое бы то ни было видное служебное положеніе; но весьма поучительнымъ фактомъ для характеристики Екатерининскаго періода нашей литературы служитъ то, что человѣкъ, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ страстно проводившій въ жизнь тѣ идеи, которыя сама Екатерина развила въ *Наказѣ*, въ тоже самое время никогда не пользовался расположеніемъ Екатерины: его прямота и смѣлость, его независимый характеръ и рѣзкія сужденія о современникахъ и современности не нравились ей, и, подъ старость, она, въ направленіи всей литературной дѣятельности фонъ-Визина, старалась видѣть не прямое слѣдствіе, не благое примѣненіе идей, ею же вызванныхъ къ жизни, а только одно вредное *свободоязычіе*, служившее выраженіемъ не менѣе вредному *свободомыслію*, противъ котораго, въ концѣ своей жизни, она рѣшилась, какъ мы уже упоминали выше, принять даже и такія мѣры строгости, которыя совершенно не согласовались съ ея либеральными убѣжденіями. Вообще личность Фонъ-Визина является намъ во второй половинѣ прошлаго вѣка до такой степени характеристическимъ, крупнымъ и замѣтнымъ типомъ русскаго писателя, что и на самую біографію его нельзя не обратить особаго вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ самъ, въ своихъ автобіографическихъ запискахъ (къ сожалѣнію недоведенныхъ до конца) сообщилъ намъ о родителяхъ своихъ, о дѣтствѣ и о воспитаніи довольно много, правда, отрывочныхъ, анекдотическихъ, но тѣмъ не менѣе весьма любопытныхъ и важныхъ подробностей.

Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ (род. 1744, ум. 1792 г.) происходилъ изъ древняго рыцарскаго нѣмецкаго рода. Предкамъ его принадлежали даже кое-какіе города въ нѣмецкихъ земляхъ, и въ XVI вѣкѣ Фонъ-Визины являются рыцарями ордена Меченосцевъ. Одинъ изъ предковъ Дениса Ивановича, баронъ Петръ Фонъ-Визинъ, во время Ливонской войны, при Иванѣ Грозномъ, взятъ былъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Денисомъ, и поселился въ Россіи. Окончательно обрусѣлъ однакоже родъ Фонъ-Визиныхъ только уже въ XVII вѣкѣ, когда внукъ барона Петра принялъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, православіе. О дѣдѣ Фонъ-Визина мы незнаемъ ничего; что-же касается до отца его, Ивана Андреевича, то извѣстно, что онъ служилъ сначала въ военной службѣ, а потомъ въ статской, по ревизіонъ-коммисіи, гдѣ и дослужился до чина коллежскаго совѣтника; онъ умеръ въ 1774 году. Денисъ Ивановичъ, въ своемъ «Чистосердечномъ признаніи» — такъ назвалъ онъ, въ подражаніе Жанъ-Жаку Руссо, свои автобіографическія записки [1]) — сообщаетъ о немъ весьма характеристическія и любопытныя подробности, ясно указывающія намъ на то, что развитіе личнаго характера Дениса Ивановича было вовсе не случайнымъ, а совершен-

[1]) Полное заглавіе записокъ: «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ». Въ самомъ вступленіи къ запискамъ авторъ указываетъ на «Confessions» Руссо, какъ на образецъ своего труда.

но-правильнымъ слѣдствіемъ тѣхъ условій быта, которыми онъ былъ съ малолѣтства окруженъ дома. Притомъ же нельзя не замѣтить, что въ характерѣ Дениса Ивановича повторились и нѣкоторыя (по всѣмъ вѣроятіямъ родовыя) черты характера его отца.

«Отецъ мой» — такъ расказываетъ Денисъ Ивановичъ объ Иванѣ Андреевичѣ въ своемъ «Чистосердечномъ признаніи» — «былъ человѣкъ большаго здраваго разсудка, но не имѣлъ случая, по тогдашнему образу воспитанія, просвѣтить себя ученьемъ. По крайней мѣрѣ читалъ онъ всѣ русскія книги, изъ коихъ любилъ отмѣнно древнюю и римскую исторію, мнѣнія Цицероновы и прочіе хорошіе переводы нравоучительныхъ книгъ. Онъ былъ человѣкъ добродѣтельный и истинный христіанинъ, любилъ правду, и такъ нетерпѣлъ лжи, что всегда краснѣлъ, когда кто лгать при немъ не устыжался. Въ переднихъ знатныхъ вельможъ никто его не видывалъ, но онъ не пропускалъ ни одного праздника, чтобъ не быть съ почтеніемъ у своихъ начальниковъ [1]). Ненавидѣлъ лихоимства и бывъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ люди наживаются, никакихъ никогда подарковъ не принималъ. «Государь мой!» говаривалъ онъ приносителю: «сахарная голова не есть резонъ для обвиненія вашего соперника: извольте ее отнести назадъ, а принесите законное доказательство вашего права» Послѣ сего болѣе уже не разговаривалъ съ приносителемъ. — Отецъ мой жилъ слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ. Причиною сему было воздержное христіанское житіе: онъ горячихъ напитковъ не пилъ, пищу употреблялъ здоровую, но не объѣдался,... за картами ни одной ночи не просиживалъ и, словомъ, никакой страсти, возмущающей человѣческое спокойствіе, онъ не чувствовалъ. *О, если бы дѣти его были ему подобны въ тѣхъ качествахъ, кои составляли маетныя души его свойства и кои въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва-ли сохранить можно* [2]). Отецъ мой былъ характера весьма вспыльчиваго, но не злопамятнаго; съ людьми своими обходился съ кротостью; но невзирая на сіе, въ домѣ нашемъ дурныхъ людей не было. Сіе доказываетъ, что *побои не есть средство къ исправленію людей*. Не взирая на свою вспыльчивость, я не слыхалъ, чтобъ онъ съ кѣмъ-нибудь поссорился; а вызовъ на дуэль считалъ онъ дѣломъ противу совѣсти. «Мы живемъ подъ законами», говаривалъ онъ, — «и стыдно, имѣя таковыхъ священныхъ защитниковъ, каковы законы, разбираться самимъ на кулакахъ; ибо шпаги и кулаки суть одно, и вызовъ на дуэль есть нечто иное, какъ дѣйствіе буйственной молодости». «Наконецъ долженъ я сказать къ чести отца моего, что онъ, имѣя не болѣе пяти сотъ душъ, живучи въ обществѣ съ хорошими дворянами, воспитывая восьмерыхъ дѣтей, умѣлъ жить и умереть безъ долга. Сіе искусство въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва-ли кому извѣстно. По крайней мѣрѣ, намъ, дѣтямъ его, кажется непостижимо. Но ничто не доказываетъ такъ великодушнаго чувствованья отца моего, какъ поступокъ его съ роднымъ братомъ его. Сей послѣдній вошелъ въ долги, по состоянію своему неоплатные. Не было уже никакой надежды къ извлеченію его изъ погибели. Отецъ мой былъ тогда въ цвѣтущей своей юности. Одна вдова, старуха близъ семидесяти лѣтъ, влюбилася въ него и обѣщала, ежели на ней женится, искупить имѣніемъ своимъ брата его. Отецъ мой, по единому подвигу братской любви, не поколебался жертвовать ему собою: женился на той старухѣ, будучи самъ 18 лѣтъ. Она жила съ нимъ еще двѣнадцать лѣтъ. И отецъ мой старался объ успокоеніи ея старости, какъ должно христіанину.... Вторая супруга отца моего, а моя мать, имѣла разумъ тонкій и душевными очами видѣла далеко. Сердце ея было сострадательно и никакой злобы въ себѣ невмѣщало: жена была добродѣтельная, мать чадолюбивая, хозяйка благоразумная и госпожа великодушная. Можно сказать, что домъ моихъ родителей былъ тотъ, отъ котораго за добродѣли ихъ благодать Божія никогда не отнималась».

[1]) Судя по тону расказа Дениса Ивановича, вообще выставляющаго отца своего честнымъ служакой, должно предположить, что праздничные визиты вмѣнялись въ обязанность служащимъ въ прошломъ столѣтіи. [2]) Этотъ невыгодный отзывъ о своей собственной нравственности, какъ и вообще о современныхъ нравахъ, должно считать нѣсколько преувеличеннымъ; не слѣдуетъ забывать, что «Признаніе». писано Фонъ-Визинымъ въ концѣ жизни, когда онъ былъ склоненъ, подъ вліяніемъ мрачнаго религіознаго настроенія, нѣсколько преувеличивать и свои личные недостатки, и недостатки всѣхъ окружавшихъ его людей.

Затѣмъ, приводя нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ изъ своего дѣтства, въ назиданіе воспитателямъ, Фонъ-Визинъ продолжаетъ расказывать объ отношеніяхъ своихъ къ родителямъ и о своемъ воспитаніи. «Чувствительность моя была безпримѣрная. Однажды отецъ мой, собравъ всѣхъ своихъ младенцевъ, сталъ расказывать намъ исторію Іосифа Прекраснаго. Въ расказываніи его небыло никакого украшенія; но какъ повѣсть сама собою была трогательная, то весьма скоро навернулись слезы на глаза мои; потомъ началъ я рыдать неутѣшно: Іосифъ, проданный своими братьями, растерзалъ мое сердце, и я, не могши остановить рыданія моего, оробѣлъ, думая, что слезы мои почтены будутъ знакомъ моей глупости. Отецъ мой спросилъ меня, о чемъ я такъ рыдаю? «У меня разболѣлся зубъ», отвѣчалъ я. И такъ отвели меня въ мою комнату и начали лѣчить здоровый мой зубъ. «Батюшка», говорилъ я, «я всклепалъ на себя зубную болѣзнь: а плакалъ я отъ того, что мнѣ жаль стало бѣднаго Іосифа». Отецъ мой похвалилъ мою чувствительность и хотѣлъ знать, для чего я тотчасъ несказалъ ему правду? «Я постыдился», отвѣчалъ я, «да и побоялся, чтобы вы не перестали расказывать исторіи». «Я ее конечно доскажу тебѣ», говорилъ отецъ мой. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней онъ сдержалъ свое слово и видѣлъ новый опытъ моей чувствительности. Странно, что сія повѣсть, тронувшая столько мое младенчество, послужила мнѣ самому къ извлеченію слезъ у людей чувствительныхъ; ибо я знаю многихъ, кои читая *Іосифа* [1]) мною переведеннаго, проливали слезы.

Не утаю и того, что пріѣзжавшій изъ дмитріевской нашей деревни мужикъ, Ѳедоръ Суратовъ, сказывалъ намъ сказки и такъ настращалъ меня мертвецами и темнотою, что до сихъ поръ неохотно остаюсь въ потемкахъ. А къ мертвецамъ привыкъ я уже въ теченіе жизни моей, теряя людей сердцу моему любезныхъ».

И такъ, воспитаніе, на сколько можно судить по этимъ свѣдѣніямъ, велось довольно правильно: родители обращали вниманіе на развитіе въ дѣтяхъ ума и сердца, а русская обстановка отцовскаго дома рано способствовала развитію въ Денисѣ Ивановичѣ его живаго, пылкаго воображенія. Попеченіямъ отца своего приписываетъ Денисъ Ивановичъ и рано начавшееся основательное изученіе отечественнаго языка. «Какъ скоро я выучился читать, такъ отецъ мой у крестовъ заставилъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать не возможно [2]). Я долженъ благодарить родителя моего за то, что онъ весьма примѣчалъ мое чтеніе, и бывало,... примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ, казалось ему, читая я не разумѣлъ, принималъ онъ на себя трудъ изъяснять мнѣ оныя»...

Послѣ такого тщательнаго и рѣдкаго по тому времени домашняго воспитанія, Денисъ Ивановичъ отданъ былъ отцемъ въ университетскій благородный пансіонъ, какъ только онъ былъ учрежденъ, т. е. въ 1755 году. Въ первые годы своего существованія это воспитательное заведеніе находилось, по видимому, въ самомъ жалкомъ положеніи. Воспоминанія свои о пребываніи въ этомъ заведеніи Фонъ-Визинъ начинаетъ даже съ нѣкоторой оговорки, предупреждая читателей своихъ о томъ, что «*нынѣшній* [3]) университетъ уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учителя и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ и сколько тогдашнее положеніе сего училища [4]) подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣлалося приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ [5]), на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ [6]) четыре; удивленный сею странностью спросилъ я учителя о причинѣ. «Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны», говорилъ онъ, «но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значутъ

---

[1]) Здѣсь Фонъ-Визинъ упоминаетъ объ одномъ изъ первыхъ своихъ литературныхъ трудовъ, о поэмѣ *Битобе* «Іосифъ», переведенной имъ и напечатанной въ Москвѣ въ 1769 году. [2]) См. вышеприведенное нами совершенно сходное съ этимъ мнѣніе Ломоносова, на стр. 288. [3]) Дѣло идетъ о концѣ XVIII столѣтія. [4]) Здѣсь, подъ именемъ *университета* и *училища* Ф.-Визинъ разумѣетъ все тотъ-же благородный пансіонъ. [5]) *Кафтанъ* — верхнее платье, въ родѣ сюртука. [6]) *Камзолъ*—т е. жилетъ.

пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; и такъ» продолжалъ онъ, ударя по столу рукою,—«извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ нибудь имени, какого (оно) склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте (также), смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете». Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! О вы, родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою призы, послушайте, за что я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного нѣмца, который принять былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ бортищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: «куда течетъ Волга?»—«*Въ Черное море*». отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другаго моего товарища: «*въ Бѣлое*»—отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ; «*не знаю*»—сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили... Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностью вспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучаясь по латыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Склонность моя къ писанію явилась еще въ младенчествѣ, и я, упражняясь въ переводахъ на россійскій языкъ, достигъ до юношескаго возраста».

Первымъ съ числѣ этихъ переводовъ, попавшихъ въ печать, были: «*нравоучительныя басни съ изъясненіями г. барона Гольберга*», переведенныя Ф. Визинымъ по предложенію книгопродавца, который, повидимому, промышлялъ при Университетѣ тѣмъ, что подмѣчая въ числѣ молодыхъ людей болѣе способныхъ къ литературнымъ занятіямъ, пользовался ихъ трудами и въ вознагражденіе за труды надѣлялъ ихъ книгами изъ своей лавки. Не желая однако быть въ убыткѣ, этотъ книгопродавецъ старался вознаграждать незначительность количества книгъ значительностью ихъ качества, и при этомъ ловко сообразовался со вкусомъ эксплуатируемой имъ молодежи. «Сей книгопродавецъ—разсказываетъ Ф. Визинъ—обѣщалъ мнѣ (за переводъ Гольберговыхъ басенъ) чужестранныхъ книгъ на 50 рублей. Сіе подало мнѣ надежду имѣть со временемъ нужныя книги за одни мои труды. Книгопродавецъ сдержалъ слово и книги на условленныя деньги мнѣ отдалъ. Но какія книги! Онъ, видя меня въ лѣтахъ бурныхъ страстей, отобралъ для меня цѣлое собраніе книгъ соблазнительныхъ, украшенныхъ скверными эстампами, кои развратили мое воображеніе и возмутили мою душу» [1].

Гольбеговы басни фонъ-Визинъ переводилъ уже студентомъ, такъ какъ съ 1759 г. онъ перешелъ въ Университетъ. Студентомъ же сталъ онъ печатать и другія переводныя статьи свои въ журналахъ; сначала въ журналѣ Хераскова «Полезное Увеселеніе» (издавался въ теченіе 1760, 1761 и 1762 г. г.), потомъ въ журналѣ Рейхеля «Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знаній и къ произведенію удовольствія» (издавался въ 1762 г.) Нечего и говорить о томъ, что эти первые юношескіе опыты не выдерживаютъ никакой литературной критики и что во многихъ мѣстахъ самыхъ переводовъ Фонъ-Визина замѣтно еще очень поверхностное, несовершенное знаніе иностранныхъ языковъ. Нельзя было многаго и ожидать отъ тѣхъ знаній, которыя Ф.-Визинъ вынесъ изъ гимназіи; онъ самъ говоритъ, вспоминая о своемъ гимназическомъ курсѣ: «учились мы весьма безпорядочно, ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣнь (Денису Ивановичу было тогда лѣтъ 14), а съ другой нерадѣніе и пьянство учителей. Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ; но голову имѣлъ преострую, и какъ латинскій, такъ и россійскій языкъ зналъ очень хорошо».

Однимъ изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній ранней юности для Ф. Визина было вос-

[1]) Спекуляція эта вѣроятно была очень выгодна для книгопродавца: басни Гольберга въ 1765 году были напечатаны уже *вторымъ* изданіемъ.

поминаніе о его первой поѣздкѣ въ Петербургъ, передъ концемъ гимназическаго курса, въ 1758 году. Директоръ гимназіи, И. И. Мелиссино, отправляясь въ Петербургъ для объясненій съ кураторомъ и основателемъ Московскаго Университета, Ив. Ив. Шуваловымъ, рѣшился захватить съ собою и десять лучшихъ учениковъ Гимназіи «для показанія плодовъ сего училища. Я не знаю»,— скромно прибавляетъ Ф. Визинъ къ описанію этой поѣздки,— «какимъ образомъ попалъ я и братъ мой въ сіе число избранныхъ учениковъ [1]). Мы съ братомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, стали въ домѣ роднаго дяди нашего. Чрезъ нѣсколько дней директоръ представилъ насъ куратору. Сей добродѣтельный мужъ, котораго заслугъ Россія позабыть не должна, принялъ насъ весьма милостиво и, взявъ меня за руку, подвелъ къ человѣку, котораго видъ обратилъ на себя мое почтительное вниманіе. То былъ безсмертный Ломоносовъ! Онъ спросилъ меня: чему я учился? «По латыни»; отвѣчалъ я. Тутъ началъ онъ говорить о пользѣ латинскаго языка съ великимъ, правду сказать, краснорѣчіемъ. Послѣ обѣда въ тотъ же день были мы во дворцѣ на куртагѣ; но государыня не выходила. Признаюсь искреннно, что я удивленъ былъ великолѣпіемъ двора нашей Императрицы. Вездѣ сіяющее золото, собраніе людей въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, множество дамъ прекрасныхъ, наконецъ огромная музыка, все сіе поражало зрѣніе и слухъ мой, и дворецъ казался мнѣ жилищемъ существа выше смертнаго. Сему такъ и быть надлежало: ибо тогда былъ я не старѣе 14 лѣтъ, ничего еще не видывалъ — все казалось мнѣ ново и прелестно. Пріѣхавъ домой, спрашивалъ я у дядюшки: «часто ли бываютъ у двора куртаги»? «Почти всякое воскресенье», отвѣчалъ онъ. И я рѣшился продлить пребываніе мое въ Петербургѣ сколько можно долѣе, дабы чаще видѣть дворъ.... Но ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду. Играли русскую комедію, какъ теперь помню, *«Генрихъ и Пернилья»*. Тутъ видѣлъ я Шумскаго, который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристойность, хохоталъ изо всей силы. Дѣйствія произведеннаго во мнѣ театромъ почти описать не возможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ—величайшими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіанты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ покойнымъ Ѳ. Гр. Волковымъ, мужемъ глубокаго разума, исполненнымъ достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ. Тутъ познакомился я съ славнымъ актеромъ Иваномъ Аѳанасьевичемъ Дмитревскимъ, человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ и съ которымъ дружба моя и до сихъ поръ продолжается».

Такимъ образомъ, изъ словъ самого фонъ-Визина замѣтно, что эта первая поѣздка въ Петербургъ произвела на его юношеское воображеніе одно изъ тѣхъ неизгладимо-сильныхъ впечатлѣній, которыя не стираются во всю жизнь и не исчезаютъ изъ памяти. Впечатлѣніе блеска и шума столицы, свиданіе съ современными литературными знаменитостями, знакомство съ актерами и театромъ — все это несомнѣнно должно было благопріятно повліять на пылкаго Дениса Ивановича, и, въ связи съ тѣми литературными упражненіями, которымъ онъ предался вскорѣ послѣ того, должно было способствовать въ его литературной дѣятельности развитію того направленія, благодаря которому впослѣдствіи произошли на свѣтъ его «Бригадиръ» и «Недоросль». Но поѣздка въ Петербургъ была и въ другомъ отношеніи полезна для Ф. Визина. «Тутъ узналъ я, пишетъ онъ, сколько нуженъ молодому человѣку французскій языкъ, а для того твердо предприняль и началъ учиться оному, а между тѣмъ продолжалъ латинскій, на коемъ слушалъ логику у профессора Шадена, бывшаго тогда ректоромъ... Знаніе мое въ латинскомъ языкѣ пособило мнѣ весьма къ обученію французскаго. Черезъ два года я

[1]) Скромность эта должна уже потому казаться излишнею, что Ф.-Визинъ, въ бытность свою въ гимназіи, нѣсколько разъ получалъ награды и медали, явно свидѣтельствующія о томъ, что онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ.

могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить стихами его «Альзиру».

Трудно сказать, кончилъ ли Ф. Визинъ полный курсъ наукъ въ Университетѣ, или до конца его опредѣлился на службу въ иностранную коллегію? Изъ его собственнаго разсказа этого нельзя себѣ уяснить; онъ говоритъ только:

«Въ 1765 г. былъ уже я сержантъ гвардіи; но какъ желаніе мое было гораздо болѣе учиться, нежели ходить въ караулы на съѣзжую, то уклонялся я сколько могъ отъ дѣйствительной службы. По счастью моему, дворъ прибылъ въ Москву, и тогдашній вице-канцлеръ (князь А. М. Голицынъ) взялъ меня въ иностранную коллегію переводчикомъ капитанъ-поручичья чина, чѣмъ я былъ доволенъ».

Для полнаго уразумѣнія этого мѣста не слѣдуетъ забывать, что всѣ молодые дворяне, по обычаю времени, должны были служить въ военной службѣ, въ которую записывались рядовыми чуть ли еще не въ колыбели.

На этомъ основаніи и отецъ Ф. Визина, въ 1754 г., когда Денису Ивановичу минуло десять лѣтъ, записалъ его въ л. гв. Семеновскій полкъ. Вотъ почему семь лѣтъ спустя, и все это время числясь на службѣ, Ф. Визинъ, сидѣвшій еще на студентской скамейкѣ, могъ уже быть сержантомъ гвардіи. Но по смыслу той бумаги, которая прислана была изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ московскій университетъ по поводу поступленія Фонъ-Визина на службу, кажется, что Денисъ Ивановичъ покидалъ университетъ, не докончивъ курса; по крайней мѣрѣ въ бумагѣ этой значится только, что коллегія иностранныхъ дѣлъ отъ Императорскаго Московскаго Университета требуетъ, «чтобъ оный благоволилъ сержанта Дениса Фонъ-Визина, *выключа изъ числа университетскихъ студентовъ*, прислать въ оную коллегію для опредѣленія по желанію и способности его, о чемъ равномѣрно писано и л. гв. Семеновскаго полку въ полковую канцелярію.»

Первые шаги Фонъ-Визина на службѣ были очень удачны; его способности и знанія были замѣчены, и вскорѣ дано было ему даже довольно почетное порученіе, для исполненія котораго онъ отправленъ былъ за границу. Возвратясь оттуда съ самыми лучшими рекомендаціями, онъ былъ еще лучше принятъ своимъ начальствомъ; но въ иностранной коллегіи оставался недолго. «Одинъ кабинетъ-министръ (Ив. Перф. Елагинъ) имѣлъ надобность взять кого-нибудь изъ коллегіи; и какъ по «Альзирѣ» моей замѣченъ былъ я съ хорошей стороны, то именнымъ указомъ (7 окт. 1763 г.) велѣно мнѣ было быть при томъ кабинетъ-министрѣ. Я ему представился и былъ принятъ отъ него тѣмъ милостивѣе, что самъ онъ, прославясь своимъ витійствомъ на русскомъ языкѣ, покровительствовалъ молодыхъ писателей. Я могу похвалиться, что сей новый мой начальникъ обращался со мною какъ надобно съ дворяниномъ; но въ домѣ его повсечасно былъ человѣкъ, давно ему знакомый и носившій полную его довѣренность. Сей человѣкъ [1]), имѣющій впрочемъ разумъ, былъ безпримѣрнаго высокомѣрія и нравомъ тяжелъ пренесносно. Онъ упражнялся въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ; физіономія ли моя, или не весьма скромный мой отзывъ о его перѣ, причиною стали его ко мнѣ ненависти. Могу сказать, что въ домѣ самаго честнаго и снисходительнаго начальника велъ я жизнь самую непріятнѣйшую отъ дѣйствія ненависти его любимца».

Непріятныя отношенія къ любимцу кабинетъ-министра конечно происходили отъ «нескромнаго отзыва о его перѣ» и самыя неудачи службы Дениса Ивановича у И. П. Елагина можно объяснить себѣ, безъ сомнѣнія, только тѣмъ, что Елагинъ вѣроятно опасался его злаго и остраго языка. Самъ Фонъ-Визинъ описывалъ свой характеръ въ чистосердечномъ признаніи именно съ этой невыгодной стороны его. «Природа, говоритъ онъ, дала мнѣ умъ острый, но не дала мнѣ здраваго разсудка. Весьма рано появилась во мнѣ склонность къ сатирѣ. Острыя слова мои носились по Москвѣ; а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ. Видя, что вездѣ меня принимаютъ за умнаго человѣка, заботился я мало о томъ, что разумъ

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о В. И. Лукинѣ, авторѣ нѣсколькихъ комедій, переведенныхъ или передѣланныхъ имъ на русскіе нравы.

мой похваляется на счетъ сердца, и я прежде нажилъ непріятелей, нежели друзей. Впрочемъ этотъ невыгодный отзывъ о своемъ характерѣ Денисъ Ивановичъ смягчаетъ тутъ же слѣдующимъ, очень характернымъ заключеніемъ: «Сердце мое, не похвалясь скажу, было предоброе; я ничего такъ не боялся, какъ сдѣлать какую нибудь несправедливость, и для того ни передъ кѣмъ такъ не трусилъ, какъ передъ тѣми, кои отъ меня зависѣли и кои отмстить мнѣ были не въ состояніи». Несмотря на разнообразныя непріятности, претерпѣваемыя отъ Лукина, не смотря на то, что и по службѣ своей Денисъ Ивановичъ не двигался ни на шагъ впередъ, онъ долженъ былъ оставаться при Елагинѣ лѣтъ шесть сряду. Въ теченіе этого времени, ему не разъ, какъ кажется, приходилось спасаться отъ всѣхъ служебныхъ непріятностей отъѣздомъ въ отпускъ въ Москву, къ роднымъ. Эти отпуски,—въ теченіе которыхъ онъ проводилъ время въ кругу своихъ домашнихъ и, забывая о неудачной служебной карьерѣ, занимался горячо литературой—иногда длились очень долго. Такъ напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ своихъ изъ Москвы къ И. П. Елагину, Денисъ Ивановичъ, говоря о сочиненной имъ комедіи [1]) прибавляетъ: «ежели милость ваша столь велика для меня будетъ, что *я еще на полгода* здѣсь останусь, то, переписавъ чисто, буду имѣть честь переслать оную къ вашему превосходительству.... Ваша критика мнѣ необходима» и т. д. Въ другомъ письмѣ къ тому же начальнику Фонъ-Визинъ говоритъ довольно подробно о своемъ препровожденіи времени въ Москвѣ: «Время мое провожу здѣсь весьма полезно, въ разсужденіи извѣстнаго вамъ моего *состоянія* [2]); перевелъ Іосифа, за который возьму 200 рублей, напечаталъ *Сиднея* [3]); пишу стихи... Съ Веверомъ (книгопродавцемъ) дѣлаю я весьма прочный договоръ, который состояніе мое отмѣнно поправитъ и т. д.» Въ другомъ подобномъ же письмѣ къ Елагину, по поводу извѣстія о стихахъ, Фонъ-Визинъ дѣлаетъ слѣдующее любопытное добавленіе: «въ праздные часы мои (которыхъ въ сутки бываетъ у меня 24) пишу стихи, которые стоятъ мнѣ не только неизреченнаго труда, но и головной болѣзни, такъ что лекарь мой предписалъ мнѣ въ діетѣ отнюдь не пить англійскаго пива и не писать стиховъ; ибо какъ то, такъ и другое кровь заставляетъ бить вверхъ. Всѣ медики единогласно утверждаютъ, что стихотворецъ, паче всѣхъ людей на свѣтѣ, долженъ апоплексіи опасаться. Бѣдная жизнь, тяжкая работа и скоропостижная смерть — вотъ чѣмъ піитъ отъ прочихъ тварей отличается».

Только уже въ концѣ 1769, Денису Ивановичу удалось снова перейти на службу въ иностранную коллегію, къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, который познакомился съ нимъ за три года передъ тѣмъ, когда Фонъ-Визинъ, какъ авторъ «Бригадира» и какъ замѣчательный чтецъ, сдѣлался на время модною знаменитостью въ салонахъ петербургскаго высшаго общества. «Чтеніе мое»—пишетъ Фонъ-Визинъ въ «Чистосердечномъ признаніи»—«заслужило вниманіе покойнаго Александра Ильича Бибикова [4]) и графа Григорія Григорьевича Орлова [5]), который не преминулъ о томъ донести государынѣ (Екатеринѣ II). Въ самый Петровъ день графъ прислалъ ко мнѣ спросить: «ѣду ли я въ Петергофъ, и если ѣду, то взялъ бы съ собою мою комедію «Бригадира». Я отвѣчалъ, что исполню его повелѣніе. Въ Петергофѣ, на балѣ, графъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: «Ея Величество приказала послѣ бала вамъ быть къ себѣ, и вы извольте идти въ Эрмитажъ». И дѣйствительно, я нашелъ Ея Величество готовую слушать мое чтеніе. Никогда не бывъ столь близко государя, признаюсь, что я началъ было нѣсколько робѣть, но взоръ россійской

[1]) Неизвѣстно какой именно; письмо это относится къ 1769 г. [2]) Намекается на денежные недостатки, которые въ молодости часто терпѣлъ Фонъ-Визинъ, получая небольшое жалованье и не имѣя состоянія. [3]) «Сидней и Силли или благодѣяніе и благодарность». Повѣсть Арно, нравоучительнаго и вмѣстѣ сантиментальнаго содержанія. [4]) А. И. Бибиковъ (род. 1723, ум. 1774). Служилъ въ военной службѣ и отличился во многихъ сраженіяхъ во время семилѣтней войны. Въ описываемое Ф.-Визинымъ время онъ былъ выбранъ Костромскимъ дворянствомъ въ комиссію для составленія уложенія. [5]) Въ это время Орловъ (род. 1734, ум. 1783) былъ уже генералъ-адъютантомъ, генералъ-аншефомъ, камергеромъ и т. д. Вообще — находился на верху почестей. Фонъ-Визинъ знакомъ былъ съ нимъ уже прежде.

благотворительницы и гласъ ея, идущій къ сердцу, ободрилъ меня, а нѣсколько словъ, произнесенныхъ монаршими устами, привели меня въ состояніе читать мою комедію передъ нею съ обыкновеннымъ моимъ искусствомъ. Во время же чтенія, похвалы ея давали мнѣ новую смѣлость, такъ что послѣ чтенія былъ я завлеченъ къ нѣкоторымъ шуткамъ и потомъ, облобызавъ ея десницу, вышелъ, имѣя отъ нея всемилостивѣйшее привѣтствіе за мое чтеніе.

Дни черезъ три положилъ я изъ Петергофа возвратиться въ городъ, а между тѣмъ встрѣтился въ саду съ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ, *которому я никогда представленъ не былъ* [1]); но онъ самъ остановивъ меня: «Слуга покорный», сказалъ мнѣ, «поздравляю Васъ съ успѣхомъ комедіи вашей; я васъ увѣряю, что нынѣ во всемъ Петергофѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о комедіи и о чтеніи вашемъ. Долго ли вы здѣсь останетесь?» спросилъ онъ меня.«Черезъ нѣсколько часовъ ѣду въ городъ», отвѣчалъ я. «А мы завтра», сказалъ графъ; «я еще хочу, сударь», продолжалъ онъ, «попросить Васъ; его Высочество желаетъ весьма слышать чтеніе Ваше и для того, по пріѣздѣ нашемъ въ городъ, не умедлите ко мнѣ явиться съ вашею комедіею, а я представлю васъ великому князю и вы можете прочитать ее намъ»...

По возвращеніи моемъ въ городъ, узналъ я на другой день, что Его Высочество возвратился. Я немедленно пошелъ во дворецъ къ графу Никитѣ Ивановичу. Мнѣ сказали, что онъ въ антресоляхъ; я просилъ, чтобы ему обо мнѣ доложили. Въ ту минуту позванъ былъ я къ графу; онъ принялъ меня очень милостиво. «Я тотчасъ одѣнусь», сказалъ онъ мнѣ, «а ты посиди со мною». Я примѣтилъ, что онъ въ разговорахъ своихъ со мною старался узнать не только то, какія я имѣлъ знанія, но и какія мои моральныя правила. Одѣвшись повелъ меня къ великому князю и представилъ ему меня какъ молодаго человѣка отличныхъ качествъ и рѣдкихъ дарованій. Его Высочество изъявилъ мнѣ въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ, сколько желаетъ онъ слышать мою комедію. «Да вотъ послѣ обѣда», сказалъ графъ, «Ваше Высочество ее услышите». Потомъ подошедъ ко мнѣ: «Вы», сказалъ, «извольте остаться при столѣ Его Высочества». Коль скоро столъ отошелъ, то послѣ кофе посадили меня, и Его Высочество съ графомъ и съ нѣкоторыми двора своего сѣли около меня. Черезъ нѣсколько минутъ тономъ чтенія моего произвелъ я во всѣхъ слушателяхъ прегромкое хохотанье. Паче всего вниманіе графа Никиты Ивановича возбудила «*Бригадирша*». «Я вижу» сказалъ онъ мнѣ, «что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимофеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую нибудь свойственницу». По окончаніи чтенія, Никита Ивановичъ дѣлалъ свое разсужденіе на мою комедію. «Это въ нашихъ нравахъ первая комедія», говорилъ онъ, «и я удивляюсь вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столько интересною, что все хочется ея слушать; я не удивляюсь, что сія комедія столько имѣетъ успѣха». Его Высочеству, съ своей стороны, угодно было сказать мнѣ за мое чтеніе многія весьма ласковыя привѣтствія. А графъ, когда мы вышли въ другую комнату, сказалъ: «Вы можете ходить къ Его Высочеству и при столѣ оставаться, когда только хотите». Я благодарилъ за сію милость. «Одолжи-же меня», сказалъ графъ, «и принеси свою комедію завтра ввечеру ко мнѣ. У меня будетъ мое общество и мнѣ хочется, что бы вы ее прочли». Я съ радостію обѣщалъ сіе графу и на другой день ввечеру чтеніе мое имѣло тотъ же успѣхъ, какъ и при Его Высочествѣ. Вскорѣ послѣ того, черезъ Н. И. Панина, Фонъ-Визинъ познакомился съ братомъ его, графомъ Петромъ Ивановичемъ, который тоже просилъ его къ себѣ обѣдать и читать комедію. «И я у тебя обѣдаю», сказалъ при этомъ графъ Н. И. Панинъ брату своему Петру Ивановичу: «и я не хочу пропустить случая слушать его чтеніе. Рѣдкій талантъ! У него, братецъ, въ комедіи есть одна *Акулина Тимофеевна*; когда онъ роль ея читаетъ, тогда я самое ее и вижу, и слышу». Вообще успѣхъ этой первой замѣчательной русской комедіи, которой дѣйствіе не внѣшнимъ образомъ, а по всему внутреннему содержанію своему принадле-

[1]) Т. е. до этого времени, до чтенія «Бригадира» въ Эрмитажѣ, въ присутствіи государыни.

жало русской почвѣ—былъ громадный. Авторъ, удостоенный вниманія Императрицы и Наслѣдника, сдѣлался предметомъ всеобщаго любопытства, модною диковинкой, которую всѣмъ хотѣлось поскорѣе видѣть у себя въ салонѣ; которую по тому самому во всѣ салоны на-перерывъ приглашали, угощали, превозносили похвалами. Казалось, что съ этой минуты, послѣ пріобрѣтенья такой литературной извѣстности, Фонъ-Визину былъ открытъ широкій путь не только къ улучшенію его состоянія, къ полученію виднаго мѣста, но даже къ почестямъ, потому что многіе изъ знати, подобно Н. И. Панину, считали своимъ долгомъ предложить автору свое высокое покровительство... Но авторъ былъ не ловкій, не искательный человѣкъ, и не только не съумѣлъ, но, кажется. даже не пожелалъ воспользоваться представившимся удобнымъ случаемъ «выйти въ люди». Онъ былъ слишкомъ гордъ, слишкомъ самонадѣянъ и прямъ, чтобы съумѣть понравиться въ высшемъ кругу, или при помощи своего таланта проложить себѣ дорожку, обезпечить себя протекціей: онъ вообще принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые гораздо легче наживаютъ себѣ враговъ, нежели друзей. И пришлось ему еще ровно три года пробѣдствовать простымъ секретаремъ у И. П. Елагина, и по прежнему писать въ Москву родителямъ и сестрѣ о своихъ служебныхъ неудачахъ и непріятностяхъ, о мелкихъ проискахъ Лукина, о сильно докучавшей ему петербургской разсѣянной жизни и о петербургскихъ нѣмцахъ, которыхъ онъ крѣпко не долюбливалъ.

Только уже въ 1769 году, слѣдовательно послѣ довольно долгаго знакомства съ Н. И. Панинымъ, онъ получилъ мѣсто при немъ по иностранной коллегіи. Съ этого времени начались между нимъ и Никитою Ивановичемъ дружескія связи, не прекращавшіяся до конца жизни Панина, который съумѣлъ по достоинству оцѣнить способности и прямоту Дениса Ивановича. Но съ этого же времени, вѣроятно, Фонъ-Визинъ сталъ возбуждать къ себѣ то непріятное чувство въ противуположной Панину партіи, которое повліяло наконецъ и на Екатерину, и ее заставило смотрѣть на Фонъ-Визина и на его служебную и литературную дѣятельность съ весьма неблагопріятной для него точки зрѣнія. До нѣкоторой степени Фонъ-Визинъ и самъ былъ виноватъ въ томъ, что навлекъ на себя нерасположеніе Екатерины: онъ ужъ слишкомъ рѣзко позволялъ себѣ высказываться относительно современныхъ недостатковъ общественной и придворной жизни, не щадилъ мрачныхъ красокъ при описаніи придворной среды, окружавшей Императрицу, не избѣгалъ даже рѣзкихъ намековъ на нѣкоторыя приближенныя къ Императрицѣ лица, и, горячо привязавшись къ Н. И. Панину, рѣшался даже переносить на почву литературнаго обсужденія нѣкоторые щекотливые вопросы, касавшіеся собственно государственнаго устройства. Само собою разумѣется, что этимъ путемъ онъ не могъ пойти далеко, и послѣ двадцатилѣтней службы вышелъ въ отставку въ чинѣ статскаго совѣтника. Службу оставилъ онъ вскорѣ послѣ смерти Никиты Ивановича Панина, скончавшагося въ 1783 году. Впрочемъ Никита Ивановичъ съумѣлъ оцѣнить вѣрность и преданность Фонъ-Визина въ особенности въ такую эпоху развитія придворной жизни, когда случай очень часто помогалъ возвышаться то одной, то другой партіи, вслѣдъ за тѣмъ или другимъ временщикомъ, и когда своекорыстные виды болѣе всего способствовали развитію въ людяхъ служащихъ стремленія къ переходу отъ одной партіи къ другой изъ личныхъ выгодъ.

Когда за воспитаніе Наслѣдника графъ Н. И. Панинъ получилъ отъ императрицы большія награды деньгами, домами, орденами и помѣстьями (9000 душъ въ Бѣлоруссіи), тогда онъ отъ себя наградилъ и всѣхъ вѣрныхъ помощниковъ своихъ, а въ томѣ числѣ, прежде всѣхъ другихъ, Дениса Ивановича Фонъ-Визина, который «сохраняя къ нему неколебимую преданность, удостоенъ былъ всегда полной его довѣренности». На долю Фонъ-Визина досталось 1180 душъ въ Бѣлоруссіи, и онъ, такимъ образомъ, явился, съ 1773 года, человѣкомъ весьма состоятельнымъ, почти богатымъ, особенно послѣ женитьбы своей на одной молодой вдовѣ, которая принесла ему въ приданое домъ въ Петербургѣ и 20.000 рублей денегъ. Фонъ-Визинъ сталъ жить открыто и богато, въ кругу своихъ пріятелей, къ которымъ принадлежали многіе изъ современныхъ литераторовъ: Богдановичъ, Державинъ, Княжнинъ и актеръ Дмитревскій, съ которымъ связи его начались, какъ мы видѣли, еще отъ ранней юности.

Въ теченіе времени между 1774 и 1790 годами Фонъ-Визинъ три раза успѣлъ побывать заграницей, большею частью съ цѣлью лѣченья, то по причинѣ нездоровья жены, то по причинѣ своей собственной болѣзненности, которая значительно сократила его жизнь. Изъ перваго и наиболѣе любопытнаго путешествія своего онъ писалъ къ графу П. И. Панину и къ сестрѣ своей письма, очень замѣчательныя по своему рѣзкому тону и по той самостоятельности взгляда на порядокъ государственнаго устройства и на общественную жизнь во Франціи, для многихъ служившую образцомъ слѣпаго подражанія и поклоненія. Многое въ этихъ письмахъ несправедливо, многіе приговоры о личностяхъ слишкомъ строги и односторонни; но письма эти все же остаются для насъ однимъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ матерьяловъ для изученія нравственной личности Фонъ-Визина. Возвратясь изъ этого довольно продолжительнаго путешествія, Фонъ-Визинъ написалъ своего *«Недоросля»* (въ 1782 г.), который всѣми принятъ былъ съ восторгомъ, какъ явленіе еще небывалое въ литературѣ нашей. Но въ этой прекрасной комедіи Фонъ-Визина уже совершенно ясно слышится намъ то глубоко-затаенное недовольство современностью, которое выказывается въ томъ, что ни одна изъ высоко-нравственныхъ (по мнѣнію автора) личностей, выведенныхъ имъ на сцену въ противуположность порочнымъ и безнравственнымъ типамъ Простаковыхъ, Скотининыхъ и т. п., не принадлежитъ современности по идеямъ и стремленіямъ своимъ: всѣ они указываютъ на *доброе старое* время, какъ на такое, въ теченіе котораго и люди были будто бы честнѣе, и нравы чище и т. д. Въ этомъ пріемѣ, конечно, нельзя видѣть дѣйствительныхъ, лично Фонъ-Визину принадлежащихъ взглядовъ на отношеніе современности къ предшествующему періоду нашей исторической жизни,—Фонъ-Визинъ, при всей своей склонности къ идеализму, былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы вѣрить въ подобные идеалы... Мы скорѣе склонны думать, что употребляя въ дѣло этотъ пріемъ, Фонъ-Визинъ, со свойственною ему задорностью, старался, съ точки зрѣнія своей партіи, высказать все то, что накипѣло у него на сердцѣ противъ среды, окружавшей Екатерину и нерѣдко извращавшей самые благіе ея замыслы. По крайней мѣрѣ, тѣмъ же рѣзко высказаннымъ недовольствомъ противъ придворной среды и противъ исключительнаго положенія высшаго общественнаго слоя проникнуто все, что около того же времени было написано Фонъ-Визинымъ: и знаменитые «Вопросы» издателю «Былей и Небылицъ», и «Придворная грамматика», (которая также подготовлялась для *«Собесѣдника»*, но была отвергнута за рѣзкость тона), и всѣ остальныя статьи, помѣщенныя въ *«Собесѣдникъ»* (слѣдовательно писанныя послѣ «Недоросля») или заготовленныя для него и въ немъ не помѣщенныя. Изъ нихъ то впослѣдствіи Фонъ-Визинъ и думалъ составить свой особый журналъ подъ названіемъ «Стародумъ или другъ честныхъ людей». Но тутъ ужъ, въ свою очередь, высказалось совершенно ясно недовольство Екатерины Фонъ-Визинымъ и его дѣятельностью: въ своемъ письмѣ отъ 4-го апрѣля 1788 года Денисъ Ивановичъ извѣщаетъ П. И. Панина о томъ, что петербургская полиція не разрѣшила выхода въ свѣтъ его журнала.

Судя, однакожс, по тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣньямъ, какія намъ сохранились о планѣ этого журнала, и по составу статей, которыя Фонъ-Визинъ предназначалъ къ напечатанью въ немъ[1]) «Стародумъ» долженъ былъ занять едва-ли не первое мѣсто въ ряду тѣхъ сатирическихъ журналовъ, которыми такъ богата Екатерининская эпоха нашей литературы.

Желчному настроенію отъ природы уже раздражительнаго Дениса Ивановича много способствовало около этого времени (послѣ 1785 года) болѣзненное разстройство его организма: онъ былъ разбитъ параличемъ, который до самаго конца жизни лишилъ его лѣвой руки и лѣвой ноги, и значительно затруднилъ

[1]) Кромѣ «Всеобщей Придворной Грамматики», написанной уже въ 1783 г., Фонъ-Визинъ думалъ помѣстить въ «Стародумѣ»: 1) «Письмо къ Стародуму отъ сочинителя *Недоросля*» и «Отвѣтъ Стародума»; 2) «Письмо къ Стародуму отъ племянницы его Софьи» и «Отвѣтъ Стародума»; 3) «Два письма отъ дѣдиловскаго помѣщика Дурыкина» и «отвѣтъ Стародума»; 4) «Письмо Взяткина къ покойному его Превосходительству, съ отвѣтомъ Его Превосходительства»; 5) «Разговоръ у княгини Халдиной». Всѣ эти статьи вошли въ составъ послѣдняго Глазуновскаго изданія сочиненій Фонъ-Визина.

самие употребленіе языка. Это болѣзненное разстройство повліяло еще съ другой стороны на Фонъ-Визина: онъ поддался мрачному религіозному настроенію, подъ вліяніемъ котораго сталъ самымъ неумолимымъ судьею всѣхъ поступковъ своихъ и даже на болѣзнь свою сталъ смотрѣть, какъ на слѣдствіе своей грѣховности, какъ на кару, будто бы низпосланную на него Богомъ за то юношеское, хотя впрочемъ и весьма скромное религіозное вольнодумство, однимъ изъ плодовъ котораго явилось извѣстное шутливое стихотворное «посланіе къ слугамъ— Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ» съ разсужденіями въ стихахъ о душѣ, о безсмертіи и т. п. Подъ вліяніемъ этого-то мрачнаго религіознаго настроенія и написано было Фонъ-Визинымъ въ концѣ его жизни (въ 1790 году) «Чисто-сердечное признаніе въ дѣлахъ и помышленіяхъ» — нѣчто въ родѣ автобіографіи, къ сожалѣнію неполной и недоконченной — проникнутое духомъ самоуничиженія и сокрушеніями о заблужденіяхъ юности. Нельзя не сознаться, что въ этомъ любопытномъ памятникѣ Фонъ-Визинъ является намъ лишь мѣстами въ своемъ истинномъ видѣ, и что скорбныя сокрушенія и возгласы, избитыя нравственныя сентенціи и смиреніе, съ которымъ онъ говоритъ о себѣ и своей дѣятельности—все это не имѣетъ ничего общаго съ коренными убѣжденіями и воззрѣніями на жизнь, которыя Денисъ Ивановичъ въ теченіе всей своей литературной дѣятельности проводилъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, высказывалъ въ перепискѣ съ друзьями, примѣнялъ къ отношеніямъ служебнымъ и общественнымъ. Есть однакоже нѣкоторое основаніе думать, что это мрачное религіозное настроеніе Дениса Ивановича было только весьма естественнымъ и притомъ временнымъ вліяніемъ болѣзненнаго разстройства въ организмѣ: такъ можемъ мы по крайней мѣрѣ заключить по извѣстному разсказу И. И. Дмитріева о томъ предсмертномъ вечерѣ, который ему удалось провести у Державина, вмѣстѣ съ Фонъ-Визинымъ. Въ этомъ простомъ и замѣчательномъ разсказѣ Фонъ-Визинъ является намъ настолько же веселымъ, острымъ, живымъ и рѣзкимъ, насколько мы привыкли представлять его себѣ такимъ по его сочиненіямъ, письмамъ и журнальнымъ статьямъ его лучшаго времени; о мрачномъ религіозномъ настроеніи, о самоуничиженіи и смиреніи тутъ нѣтъ и помину. Приводимъ здѣсь этотъ любопытный разсказъ изъ воспоминаній И. И. Дмитріева, въ заключеніе нашихъ біографическихъ свѣдѣній о Фонъ-Визинѣ.

«Черезъ Державина—такъ пишетъ И. И. Дмитріевъ—я сошелся съ Денисомъ Ивановичемъ Фонъ-Визинымъ. По возвращеніи его изъ бѣлорусскаго его помѣстья, онъ просилъ Гаврила Романовича (Державина) по знакомить его со мною. Я не знавалъ его въ лице, какъ и онъ меня. Назначенъ былъ день свиданія. Въ шесть часовъ по полудни пріѣхалъ Фонъ-Визинъ. Увидя его въ первый разъ, я вздрогнулъ и почувствовалъ всю бѣдственность и нищету человѣческую. Онъ вступилъ въ кабинетъ Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами, выпущенными изъ Шкловскаго кадетскаго корпуса и пріѣхавшими съ нимъ изъ Бѣлоруссіи. Уже онъ не могъ владѣть одною рукой; равно и одна нога одеревенѣла: обѣ поражены были параличемъ; говорилъ съ крайнимъ усиліемъ, и каждое слово произносилъ голосомъ охриплымъ и дикимъ; но большіе глаза его быстро сверкали. Первый брошенный на меня взглядъ привелъ меня въ смятеніе. Разговоръ не замѣшкался. Онъ приступилъ ко мнѣ съ вопросами о своихъ сочиненіяхъ: знаю ли я «*Недоросля*»? читалъ ли *Посланіе къ Шумилову*, *Лису-Казнодѣйку*, переводъ его «Похвальнаго слова Марку Аврелію»? и т. д.; какъ я нахожу ихъ?—Казалось, что онъ такими вопросами хотѣлъ съ перваго раза вывѣдать свойства ума моего и характера. Наконецъ спросилъ меня и о чужомъ сочиніи: что я думаю о «Душенькѣ»? [1]) «Она—изъ лучшихъ произведеній нашей поэзіи», отвѣчалъ я. «Прелестна», подтвердилъ онъ съ выразительною улыбкой. Потомъ Фонъ-Визинъ сказалъ хозяину, что онъ привезъ ему свою комедію «Гофмейстеръ»; хозяинъ и хозяйка изъявили желаніе выслушать эту новость. Онъ подалъ знакъ одному изъ своихъ вожатыхъ. Тотъ прочиталъ комедію однимъ духомъ. Въ продолженіе чтенія, авторъ глазами, киваньемъ головы, движеніемъ здоровой руки подкрѣплялъ силу тѣхъ выраженій, которыя

[1]) Поэмѣ *Богдановича*, о которой будетъ говорено далѣе, въ гл. XXX.

ему самому нравились. Игривость ума не оставляла его и при болѣзненномъ состояніи тѣла. Несмотря на трудность разсказа, [1]) онъ заставлялъ насъ не однажды смѣяться. Во всемъ уѣздѣ, пока онъ жилъ въ деревнѣ, удалось ему найти одного русскаго литератора, городскаго почтмейстера. Онъ выдавалъ себя за жаркаго почитателя Ломоносова. «Которую же изъ одъ его вы признаете лучшею»? (спросилъ его Фонъ-Визинъ). «Ни одной не случилось читать», отвѣтствовалъ почтмейстеръ. «За то», продолжалъ Фонъ-Визинъ, «доѣхавъ до Москвы, я уже не зналъ, куда дѣваться отъ молодыхъ стихотворцевъ—отъ утра и до вечера они вокругъ меня роились и жужжали. Однажды докладываютъ мнѣ: *пріѣхалъ трагикъ*. «Принять его», сказалъ я, и черезъ минуту входитъ авторъ съ пукомъ бумагъ. Послѣ первыхъ привѣтствій и оговорокъ, онъ проситъ меня выслушать трагедію его *въ новомъ вкусѣ*. Нечего дѣлать, прошу его садиться, и читать. Онъ предваряетъ меня, что развязка драмы его будетъ самая необыкновенная; у всѣхъ трагедіи оканчиваются добровольнымъ или насильственнымъ убійствомъ [2]), а его героиня или главное лицо умретъ естественною смертью. «И въ самомъ дѣлѣ», заключилъ Фонъ-Визинъ, героиня его отъ акта до акта чахла, чахла и наконецъ издохла». — Мы разстались съ нимъ въ одиннадцать часовъ вечера, а на утро (т. е. 1 декабря 1792 г.) онъ былъ уже во гробѣ».

Въ заключеніе всего сказаннаго нами о Фонъ-Визинѣ мы не можемъ не сказать хотя нѣсколько словъ о характерѣ его важнѣйшихъ произведеній, о значеніи ихъ по отношенію къ той живой современности, среди которой они были созданы, и о томъ мѣстѣ, которое несомнѣнно принадлежитъ имъ въ исторіи нашей литературы.

Мы ни мало не думаемъ заниматься здѣсь разборомъ отдѣльныхъ характеровъ, выведенныхъ Фонъ-Визинымъ въ его двухъ важнѣйшихъ произведеніяхъ — «Бригадирѣ и «Недорослѣ». Критика давно уже опредѣлила совершенно вѣрно не только значеніе каждаго изъ характеровъ, выведенныхъ Фонъ-Визинымъ на сцену, но и ихъ связь съ живою дѣйствительностью XVIII вѣка, и даже ихъ художественное значеніе... Желающимъ ближе ознакомиться съ этою стороною драматическихъ произведеній Фонъ-Визина совѣтуемъ обратиться къ почтенному труду А. Д. Галахова [3]), въ которомъ разборъ двухъ комедій Фонъ-Визина занимаетъ едва-ли не одно изъ самыхъ живыхъ и видныхъ мѣстъ. Мы не думаемъ также повторять и давно уже избитыхъ поясненій той общей идеи, которая положена была Фонъ-Визинымъ въ основу его обѣихъ комедій. Давно уже извѣстно всѣмъ, даже и не читавшимъ комедій Фонъ-Визина, что онъ, наравнѣ со многими другими драматическими писателями Екатерининскаго и даже Елисаветинскаго вѣка, въ комедіяхъ своихъ олицетворилъ и вывелъ на подмостки тѣ самые сюжеты, которые уже и до него разработывались въ сатирахъ Кантемиромъ, въ комедіяхъ и журнальныхъ полемическихъ статейкахъ Сумароковымъ, и самой Екатериной въ ея комедіяхъ и журнальныхъ статьяхъ, наконецъ цѣлой группой сатирическихъ журналовъ въ началѣ ея долгаго и славнаго царствованія. Въ комедіяхъ Фонъ-Визина встрѣчаемъ точно также, какъ и во всѣхъ выше указанныхъ нами литературныхъ произведеніяхъ XVIII в. и осмѣяніе невѣжества, и осужденіе неправосудія, поверхностнаго образованія, дворянской спѣси, родовыхъ предубѣжденій, лицемѣрнаго святошества, суевѣрнаго пристрастія къ предразсудкамъ, примѣтамъ и внѣш-

---

[1]) Т. е. на то, что ему трудно было разсказывать, вслѣдствіе пораженія языка параличемъ.

[2]) По этому поводу намъ припоминается одно весьма любопытное мѣсто изъ письма Дениса Ивановича къ сестрѣ его въ Москву (13 дек. 1763 г.), въ которомъ сообщаетъ онъ ей о впечатлѣніи, вынесенномъ изъ чтенія одной ложно-классической трагедіи:

«Теперь шутить словъ нѣтъ. Лишь только прочиталъ новую трагедію французскую «Троянки». Слезы еще и теперь видны на глазахъ моихъ. Гекуба, лишающаяся дѣтей своихъ, возмутила духъ мой. Поликсена, ея дочь, умирая на гробѣ Ахиллесовомъ, поразила жалостію сердце мое, а отчаянье Кассандры извлекло неволею изъ глазъ моихъ слезы. Однако плюнемъ на нихъ. Стихотворецъ подобенъ попу, которому живучи на погостѣ, не всѣхъ оплакать. Я самъ горю желаніемъ писать трагедію; и рукой моей погибнутъ по крайней мѣрѣ съ полдюжины героевъ, а если разсержусь, то и ни одного живаго человѣка на театрѣ не оставлю».

[3]) Исторія русск. Слов. древней и новой; часть I.

ней обрядности—словомъ всѣхъ тѣхъ общественныхъ пороковъ, которые сами собою бросались въ глаза уже и писателямъ эпохи преобразованій, и тѣмъ болѣе должны были обращать на себя вниманіе писателей въ вѣкъ Екатерины, писателей выросшихъ и воспитавшихся подъ вліяніемъ тѣхъ новыхъ идей, которыя нашли себѣ выраженіе въ «Наказѣ» и которыя постоянно пользовались особеннымъ расположеніемъ и покровительствомъ Императрицы. Все это, повторяемъ, давно уже извѣстно, и обо всемъ этомъ мы не думаемъ упоминать въ настоящемъ нашемъ очеркѣ. Гораздо болѣе важнымъ кажется намъ разрѣшеніе нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, касающихся отношенія обѣихъ комедій Фонъ-Визина къ его личному развитію и къ наиболѣе характернымъ особенностямъ его литературнаго таланта.

Прежде всего позволимъ себѣ указать на ту рѣзкую разницу, которую долженъ замѣтить съ перваго же раза всякій читающій обѣ комедіи Фонъ-Визина. Разница эта во всѣхъ отношеніяхъ до такой степени велика, что, напримѣръ, «Бригадира» можно читать не иначе какъ прежде «Недоросля», и если бы кому случилось прочесть сначала «Недоросля», а потомъ приняться за чтеніе «Бригадира»—эта послѣдняя комедія утратила бы въ глазахъ читателя значительную долю своего и литературнаго, и нравственнаго значенія. Для уясненія себѣ этого кореннаго различія между «Бригадиромъ» и «Недорослемъ» не слѣдуетъ забывать прежде всего, что между этими двумя произведеніями успѣло протечь около семьнадцати лѣтъ, т. е. болѣе нежели треть всей жизни пылкаго и впечатлительнаго автора; что «Бригадиръ» былъ писанъ Фонъ-Визинымъ въ самомъ началѣ его служебной карьеры, когда ему было не болѣе 22 или 23 лѣтъ, а «Недоросль» былъ однимъ изъ послѣднихъ результатовъ его литературной дѣятельности, результатомъ долгаго и разнообразнаго жизненнаго опыта, долгой, разнообразной и трудной служебной дѣятельности, долгихъ и внимательныхъ наблюденій надъ жизнью, и въ низшихъ слояхъ общества, и въ высшемъ слоѣ русскаго придворнаго и дипломатическаго міра, въ тайны котораго Фонъ Визинъ былъ глубоко посвященъ. Въ «Бригадирѣ» Фонъ-Визинъ, благодаря своей замѣчательной наблюдательности и сильному сатирическому таланту, съумѣлъ ярче всѣхъ современныхъ писателей выставить на сценѣ и одарить живою жизнью тѣ самые общественные типы, которые уже задолго и до него подмѣчены были всѣми, даже очерчены довольно подробно нѣкоторыми изъ его предшественниковъ-писателей: эти типы, такъ сказать, давно уже носились въ нашей литературной сферѣ, и какъ-бы ожидали только искуснаго пера, которое съумѣло-бы вполнѣ рельефно представить ихъ современникамъ. Этихъ типовъ давно уже ожидало общество отъ комедіи, и успѣхъ «Бригадира» при всѣхъ недостаткахъ его литературнаго построенія, объясняется именно тѣмъ, что «Акулина Тимофеевна», выведенная авторомъ на сцену, оказалась «всѣмъ родня». Точно также близки, знакомы, родственны каждому показались и типы «совѣтницы» съ «Иванушкой», представлявшіе собою мѣтко-схваченную каррикатуру поверхностнаго образованія и неразумнаго подражанія иноземцамъ; едва-ли не еще болѣе близкими представлялись каждому типы грубаго, хотя и не глупаго «Бригадира» и хищнаго «Совѣтника», защищающаго невѣжество изъ собственныхъ, корыстныхъ видовъ. Кромѣ этой стороны, нельзя не отмѣтить въ «Бригадирѣ» еще и другую особенность. Комедія эта, какъ произведеніе еще молодаго автора, носитъ на себѣ какой-то шутливый, веселый, даже игривый характеръ: въ неутѣшительной картинѣ нравовъ, выставленной ею, нѣтъ однакоже ни одной мрачной черты, которая бы нарушила то общее впечатлѣніе веселости, какое камедія должна была несомнѣнно производить на зрителей. Видно, что авторъ очень ловко подмѣтилъ все смѣшное въ выводимыхъ имъ на сцену типахъ, даже нѣсколько преувеличилъ это смѣшное, но не внесъ въ свое осмѣяніе невѣжества и современныхъ ему общественныхъ недостатковъ ни капли горечи и желчи — даже въ самой морали своей не явился ни суровымъ, ни скучнымъ.

Совсѣмъ иными звуками, иными красками отличается сатира Фонъ-Визина въ «Недорослѣ». Всѣ характеры лицъ, выведенныхъ авторомъ на сцену, замѣтно распадаются на два разряда, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ живой дѣйствительности, а другой противупоставленъ первому, какъ идеалъ того, *что автору хотѣлось бы видѣть въ дѣйствительности, и чего онъ не видитъ около себя*. Этимъ то положительно и отличаются комедіи

Фонъ-Визина отъ комедій Екатерины, съ которыми, въ сущности, онѣ имѣютъ очень много общаго въ подробностяхъ, въ характерахъ, въ описаніи быта и типовъ, заимствованныхъ изъ русской дѣйствительности. Но Екатерина, выводя на сцену Ханжахиныхъ, Ворчалкиныхъ Фирлюфюшкиныхъ, старалась всюду, какъ естественную противуположность, противопоставить имъ тѣ разумные, честные типы просвѣщенныхъ людей, которые, по самому расположенію дѣйствія, казались принадлежащими дѣйствительности и всюду указывали на дѣйствительность, какъ на идеалъ, какъ на полнѣйшее выраженіе всего лучшаго, чего только возможно было ожидать отъ правильнаго и равномѣрнаго движенія общества по пути прогресса. Въ «Недорослѣ» Фонъ-Визина, напротивъ того, типамъ порочныхъ, невѣжественныхъ и злыхъ людей, очерченнымъ мастерски, глубоко и вѣрно, противоставляются типы людей добродѣтельныхъ, почтенныхъ, заслуживающихъ уваженія, и въ то же время почти непріязненно относящихся къ настоящей дѣйствительности, въ которой главное изъ этихъ лицъ—дядя Софьи, *Стародумъ*— не видитъ ничего утѣшительнаго. Не настоящее, съ его прогрессомъ и новыми сторонами жизни и быта, съ его задатками лучшаго будущаго, противополагаетъ онъ очеркамъ безобразнаго, захолустнаго застоя и звѣрскихъ проявленій невѣжественнаго барства; нѣтъ! онъ утверждаетъ, что отъ настоящаго положенія общества тоже трудно ожидать чего нибудь хорошаго въ будущемъ и съ особеннымъ удовольствіемъ выставляетъ въ назиданіе молодому поколѣнію привлекательную картину недавно-пережитаго обществомъ прошлаго, въ которомъ нельзя не узнать довольно натянутую идеализацію петровскаго времени. И этою то стороною «Недоросль» совершенно отличается отъ всѣхъ комедій Екатерины; а это отличіе основывается, какъ намъ кажется, на различіи во взглядахъ, въ идеалахъ, въ понятіяхъ о благѣ, объ отношеніи власти къ народу и т. п., которое и было причиною того, что Екатерина и Фонъ-Визинъ, въ сущности весьма близкіе другъ къ другу по своимъ стремленіямъ къ достиженію однихъ и тѣхъ же цѣлей, все же не умѣли оцѣнить другъ друга съ полнымъ безпристрастіемъ и достоинствомъ. Фонъ-Визинъ остановился на тѣхъ идеалахъ, которые Екатерина питала въ душѣ своей при вступленіи на престолъ и которые она такъ горячо и сильно выразила въ *Наказѣ*; и между тѣмъ какъ постоянная борьба съ дѣйствительностью вынуждала Екатерину значительно отступать отъ ея идеаловъ и только отчасти, по мѣрѣ возможности, примѣнять ихъ къ жизни, Фонъ-Визинъ видѣлъ въ этихъ отступленіяхъ прямое противорѣчіе нѣкогда высказаннымъ въ «Наказѣ» взглядамъ и убѣжденіямъ и все болѣе и болѣе проникался недовѣріемъ къ тѣмъ дѣйствительнымъ успѣхамъ, которые русское общество сдѣлало во многихъ отношеніяхъ въ теченіе царствованья Екатерины II. Этотъ односторонній взглядъ, подъ вліяніемъ той партіи, къ которой принадлежалъ Фонъ-Визинъ, и которая постоянно занимала при Екатеринѣ нѣсколько особое положеніе, мало по малу привелъ его даже къ довольно узкой исключительности, побуждавшей его непріязненно и несправедливо относиться ко всему иноземному и выставлять на видъ, выхвалять даже и вовсе непохвальныя стороны русскаго характера и русской современной жизни.

Таково положеніе «Недоросля» по отношенію къ комедіямъ Екатерины, идеями которой Фонъ-Визину прежде всѣхъ другихъ русскихъ авторовъ пришлось воспользоваться для своихъ произведеній. Что же касается до отношенія «Недоросля» Фонъ-Визина ко всей остальной массѣ драматическихъ произведеній Екатерининскаго времени, то это отношеніе лучше всего опредѣляется для насъ живучестью «Недоросля», который и до сихъ поръ не забытъ потомствомъ, давно уже предавшимъ забвенію всѣ произведенія Сумарокова, Аблесимова, Лукина, Княжнина, даже Капниста. Этою прочностью своей славы «Недоросль» конечно обязанъ тому художественному такту, той художественной истинѣ, съ которою созданъ былъ главный и глубоко-задуманный авторомъ типъ г-жи Простаковой, которая не была выдумана авторомъ, подобно многимъ изъ лицъ «Недоросля», не была и списана имъ, какъ вѣрный портретъ съ какой нибудь извѣстной ему женской личности, подобно типу «Бригадирши»: она была создана имъ совершенно естественно, какъ прямой результатъ той среды, въ которую авторъ ее поставилъ и которую она олицетворила въ себѣ съ самою яркою и страшною правдой. Съ замѣчательнымъ искусствомъ серьезнаго

и талантливаго писателя художника, Фонъ-Визинъ, въ образѣ Простаковой, представилъ намъ такой полный, законченный и вѣрный дѣйствительности типъ, такъ правильно провелъ ею черезъ всю пьесу, и такъ страшно покаралъ ее, въ заключеніе дѣйствія, бѣдствіями, происходившими отъ ея же собственнаго злонравія, что изумленный зритель, привыкнувшій къ избитому наказанію пороковъ и награжденію добродѣтелей въ комедіяхъ, совершенно неожиданно почувствовалъ у себя на сердцѣ не отвращеніе, а сожалѣніе къ покинутой всѣми матери «Недоросля». И если, помимо всѣхъ сценическихъ недостатковъ, помимо всякихъ подробностей обстановки, помимо симметризма въ расположеніе лицъ и дѣйствія, свойственныхъ современному взгляду на изложеніе драматическаго дѣйствія и характеровъ, мы взглянемъ на «Недоросля» съ точки зрѣнія художественнаго возсозданія дѣйствительности въ выведенномъ Фонъ-Визинымъ типѣ Г-жи Простаковой, то мы должны будемъ на столько же признать въ Фонъ-Визинѣ перваго самостоятельнаго русскаго писателя-художника, на сколько въ Ѳ. Прокоповичѣ должны были признать перваго русскаго свѣтскаго писателя, а въ Сумароковѣ—перваго русскаго литератора и публициста въ современномъ значеніи этого слова. И съ этой стороны Фонъ-Визинъ былъ достойно оцѣненъ современниками; съ этой же стороны, помимо всѣхъ остальныхъ достоинствъ характера и таланта, съ почтеніемъ отнесется къ Фонъ-Визину отдаленное потомство, и никогда не лишитъ его того виднаго мѣста, которое онъ всегда будетъ занимать въ исторіи нашей литературы.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ФОНЪ-ВИЗИНА.

НЕДОРОСЛЬ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Г-жа Простакова, Митрофанъ, Еремѣевна.

Г-жа Прост. (*осматривая кафтанъ на Митрофанѣ*). Кафтанъ весь испорченъ. Еремѣевна! введи сюда мошенника Тришку. (*Еремѣевна отходитъ*). Онъ, воръ, вездѣ его обузилъ. Митрофанушка, другъ мой! я чаю, тебя жметъ до смерти. Позови сюда отца.

(*Митрофанъ отходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Тришка.

Г-жа Прост. (*Тришкѣ*). А ты, скотъ, подойди поближе. — Не говорила-ль я тебѣ, воровская харя, чтобы ты кафтанъ пустилъ шире? Дитя, первое, ростетъ; другое, дитя и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, чѣмъ ты оправдаешься?

Триш. Да вѣдь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: ну да извольте отдавать портному.

Г-жа Прост. Такъ развѣ необходимо надобно быть портнымъ, чтобъ умѣть сшить кафтанъ хорошенько? Экое скотское разсужденіе!

Триш. Да вѣдь портной-то учился, сударыня, а я нѣтъ.

Г-жа Прост. Еще онъ же и споритъ! Портной учился у другаго, другой у третьяго: да первый-то портной у кого же учился? Говори скотъ!

Триш. Да вѣдь первой-то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего.

Митр. (*вбѣгаетъ*). Звалъ батюшку. Изволилъ сказать: тотчасъ.

Г-жа Прост. Такъ поди же, вытащи его, коли добромъ не дозовешься.

Митр. Да вотъ и батюшка.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣже и Простаковъ.

Г-жа Прост. Что, что ты отъ меня прятаться изволишь? Вотъ, сударь, до чего я дожила съ твоимъ потворствомъ! Какова сыну обновка къ дядину сговору? Каковъ кафтанецъ Тришка сшить изволилъ?

Прост. (*отъ робости заикаясь*). Мѣ... Мѣшковатъ немного.

Г-жа Прост. Самъ ты мѣшковатъ, умная голова.

Прост. Да я думалъ, матушка, что тебѣ такъ кажется.

Г-жа Прост. А ты самъ развѣ ослѣпъ?

Прост. При твоихъ глазахъ мои ничего не видятъ.

Г-жа Прост. Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Господь! не смыслитъ самъ разобрать, что широко, что узко.

Прост. Въ этомъ я тебѣ, матушка, и вѣрилъ, и вѣрю.

Г-жа Прост. Такъ вѣрь же и тому, что я холопамъ потакать не намѣрена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣже и Скотининъ.

Скот. Кого? За что? Въ день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказаніе до завтраго; а завтра, коль изволишь, я и самъ охотно помогу. Не будь я Тарасъ Скотининъ, если у меня не всякая вина виновата. У меня въ этомъ, сестрица, одинъ обычай съ тобою. Да за что жъ ты такъ прогнѣвалась?

Г-жа Прост. Да вотъ, братецъ, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка! подойди сюда. Мѣшковатъ-ли этотъ кафтанъ?

Скот. Нѣтъ

Прост. Да я и самъ уже вижу, матушка, что онъ узокъ.

Скот. Я и этого не вижу. Кафтанецъ, братъ, сшитъ изряднехонько.

Г-жа Прост. (*Тришкѣ*). Выди вонъ, скотъ!— (*Еремѣевнѣ*). Поди жъ, Еремѣевна, дай позавтракать ребенку. Вѣдь, я чаю, скоро и учители придутъ.

Ерем. Онъ уже и такъ, матушка, пять булочекъ скушать изволилъ.

Г-жа Прост. Такъ тебѣ жаль шестой, бестія? Вотъ какое усердіе, изволь смотрѣть.

Ерем. Да во здравіе, матушка! Я вѣдь сказала это для Митрофана же Терентьевича: протосковалъ до самаго утра.

Г-жа Прост. Ахъ, Мати Божія! Что съ тобою сдѣлалось, Митрофанушка?

Митр. Такъ, матушка! Вчера послѣ ужина схватило.

Скот. Да видно, братъ, поужиналъ ты плотно.

Мит. А я, дядюшка, почти вовсе не ужиналъ.

Прост. Помнится, другъ мой, ты что-то скушать изволилъ.

Мит. Да что! солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню пять, не помню шесть.

Ерем. Ночью то и дѣло испить просилъ. Квасу цѣлый кувшинецъ испить изволилъ.

Мит. И теперь какъ шальной хожу. Ночь всю такая дрянь въ глаза лѣзла.

Г-жа Прост. Какая жъ дрянь, Митрофанушка.

Мит. Да то ты, матушка, то ты, батюшка.

Г-жа Прост. Какъ же это?

Мит. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Прост. (*въ сторону*). Ну, бѣда моя! сонъ въ руку!

Мит. (*разнѣжась*). Такъ мнѣ и жаль стало!

Г-жа Прост. (*съ досадою*). Кого Митронушка?

Мит. Тебя, матушка: ты такъ устала, колотя батюшку.

Г-жа Прост. Обойми меня, другъ мой сердечный! Вотъ, сынокъ, одно мое утѣшеніе!

Скот. Ну, Митрофанушка! ты, я вижу, матушкинъ сынокъ, а не батюшкинъ.

Прост. По крайней мѣрѣ я люблю его, какъ надлежитъ родителю; то-то умное дитя то-то разумное, забавникъ, затѣйникъ; иногда я отъ него внѣ себя, и отъ радости самъ истинно не вѣрю, что онъ мой сынъ.

Скот. Только теперь забавникъ нашъ стоитъ что-то нахмурясь.

Г-жа Прост. Ужъ не послать-ли за докторомъ въ городъ?

Мит. Нѣтъ, нѣтъ, матушка! Я ужъ лучше самъ выздоровлю. Побѣгу-тка теперь на голубятню, такъ авось либо...

Г-жа Прост. Такъ авось либо Господь милостивъ. Поди, порѣзвись, Митрофанушка!

(*Митрофанъ съ Еремѣевною отходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣже и Софья.

(*Софья вошла, держа письмо въ рукѣ и имѣя веселый видъ*).

Г-жа Прост. (*Софьѣ*). Что такъ весела, матушка? Чему обрадовалась?

Соф. Я получила сейчасъ радостное извѣстіе. Дядюшка, о которомъ столь долго мы ничего не знали, котораго я люблю и почитаю, какъ отца моего, на сихъ дняхъ въ Москву пріѣхалъ. Вотъ письмо, которое я отъ него теперь получила.

Г-жа Прост. (*испугавшись съ злобою*). Какъ! Стародумъ, твой дядюшка, живъ! И ты изволишь затѣвать, что онъ воскресъ! Вотъ изрядный вымыселъ!

Соф. Да онъ никогда не умиралъ.

Г-жа Прост. Не умиралъ! А развѣ ему и умереть нельзя? Нѣтъ, сударыня, это твои вымыслы, чтобъ дядюшкою своимъ насъ застращать, чтобъ мы дали тебѣ волю: дядюшка-де человѣкъ умный; онъ, увидя меня въ чужихъ рукахъ, найдетъ способъ меня выручить. Вотъ чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись: дядюшка твой конечно не воскресалъ.

Скот. Сестра! ну да коли не умираль?

Прост. Избави Боже, коли еще не умиралъ!

Г-жа Прост. (*къ мужу*). Какъ не умиралъ? Что бабушку путаешь? Развѣ ты не знаешь, что ужъ нѣсколько лѣтъ отъ меня его и въ памятцахъ за упокой поминали? Неужто таки и грѣшныя-то мои молитвы не доходили! (*къ Софьѣ*). Письмецо-то мнѣ пожалуй. (*Почти вырываетъ*). Я объ закладъ бьюсь, что оно какое-нибудь амурное, и догадываюсь отъ кого. Это отъ офицера, который искалъ на тебѣ жениться, и за котораго ты сама идти хотѣла. Да которая бестія безъ моего спросу отдаетъ тебѣ письма? Я доберусь. Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! дѣвушки грамотѣ умѣютъ!

Соф. Прочтите его сами, сударыня. Вы увидите, что ничего невиннѣе быть не можетъ.

Г-жа Прост. Прочтите его сами! Нѣтъ, сударыня, я, благодаря Бога, не такъ воспитана. Я могу письма получать, а читать всегда велю другому. (*Къ мужу*). Читай.

Прост. (*долго смотря*). Мудрено!

Г-жа Прост. И тебя, мой батюшка, видно воспитывали какъ красную дѣвицу. Братецъ! прочти, потрудись

Скот. Я? Я отъ роду ничего не читывалъ, сестрица! Богъ меня избавилъ отъ этой скуки.

Соф. Позвольте мнѣ прочесть.

Г-жа Прост. О, матушка! знаю, что ты мастерица, да лихъ, не очень тебѣ вѣрю. Вотъ, я чаю, учитель Митрофанушкинъ скоро придетъ. Ему велю.

Скот. А ужъ зачали молодца учить грамотѣ?

Г-жа Прост. Ахъ, батюшка, братецъ! ужъ года четыре, какъ учится. Нечего, грѣхъ сказать, чтобъ мы не старались воспитывать Митрофанушку: троимъ учителямъ денежки платимъ. Для грамоты ходитъ къ нему дьячекъ отъ Покрова, Кутейкинъ, Арихметикѣ учитъ его, батюшка, одинъ отставной сержантъ, Цыфиркинъ. Оба они приходятъ сюда изъ города. Вѣдь отъ насъ и городъ въ трехъ верстахъ, батюшка. Пофранцузски и всѣмъ наукамъ обучаетъ его нѣмецъ, Адамъ Адамычъ Вральманъ. Этому по триста рубликовъ на годъ; сажаемъ за столъ съ собою, бѣлье его наши бабы моютъ; куда надобно, лошадь; за столомъ стаканъ вина, на ночь сальная свѣча, и парикъ направляетъ нашъ же Фомка даромъ. Правду сказать, и мы имъ довольны, батюшка братецъ! Онъ ребенка не неволитъ. Вѣдь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, пота [1]) его и понѣжить: а тамъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится. Какъ кому счастье на роду написано, братецъ! Изъ нашей же фамиліи Простаковыхъ, смотри-ка, на боку лежа, летятъ себѣ въ чины. Чѣмъ же плоше ихъ Митрофанушка? Ба! да вотъ пожаловалъ кстати дорогой нашъ постоялецъ.

[1]) До тѣхъ поръ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣже и Правдинъ.

Г-жа Прост. Братецъ, другъ мой, рекомендую вамъ дорогаго гостя нашего, господина Правдина; а вамъ, государь мой, рекомендую брата моего.

Прав. Радуюсь, сдѣлавъ ваше знакомство [1]).

Скот. Хорошо, государь мой; а какъ по фамиліи? я не дослышалъ.

Прав. Я называюсь Правдинъ, чтобъ вы дослышали.

Скот. Какой уроженецъ, государь мой? Гдѣ деревеньки?

Прав. Я родился въ Москвѣ, ежели вамъ то знать надобно, а деревни мои въ здѣшнемъ намѣстничествѣ [2]).

Скот. А смѣю ли спросить, государь мой, имени и отечества не знаю: въ деревенькахъ вашихъ водятся ли свинки?

Г-жа Прост. Полно, братецъ, о свинкахъ-то начинать. Поговоримъ-ка лучше о нашемъ горѣ. (*Къ Правдину*) Вотъ, батюшка, Богъ велѣлъ намъ взять на свои руки дѣвицу. Она изволитъ получать грамотки отъ дядюшекъ; ей съ того свѣта дядюшки пишутъ. Сдѣлай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всѣмъ намъ вслухъ.

Прав Извините меня, сударыня. Я никогда не читаю писемъ безъ позволенія тѣхъ, къ кому они писаны.

Соф. Я васъ о томъ прошу. Вы меня тѣмъ очень одолжите.

Прав Если вы приказываете. (*Читаетъ*) «Любезная племянница! Дѣла мои принудили меня жить нѣсколько лѣтъ въ разлукѣ съ моими ближними; а дальность лишила меня удовольствія имѣть о васъ извѣстія. Я теперь въ Москвѣ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири. Я могу служить примѣромъ, что трудами и честностію состояніе свое сдѣлать [3]) можно. Сими средствами съ помощію счастія нажилъ я десять тысячъ рублей доходу»...

Скот. и оба Прост. Десять тысячъ!

Прав. (*читаетъ*). «Которымъ тебя, моя любезная племянница, теперь дѣлаю наслѣдницею»...

Г-жа Прост. Тебя наслѣдницею!
Прост. Софью наслѣдницею!
Скот. Ее наслѣдницею.
} *вмѣстѣ*.

Г-жа Прост. (*бросаясь обнимать Софью*), Поздравляю, Софьюшка, поздравляю, душа моя! Я внѣ себя отъ радости! Теперь тебѣ надобенъ женихъ. Я, я, лучшей невѣсты и Митрофанушкѣ не желаю. То-то дядюшка! То-то отецъ родной! Я и сама все-таки думала, что Богъ его хранитъ, что онъ еще здравствуетъ.

Скот. (*протянувъ руку*). Ну, сестрица, скорѣй же по рукамъ.

Г-жа Прост. (*тихо Скотинину*). Постой братецъ! сперва надобно спросить ее, хочетъ ли еще она за тебя выйти?

Скот. Какъ! что за вопросъ? неужто ты ей докладываться станешь?

Прав. Позволите ли письмо дочитать?

Скот. На что? Да хоть пять лѣтъ читай, лучше десяти тысячъ не дочитаешься.

Г-жа Прост. Софьюшка, душа моя! пойдемъ ко мнѣ въ спальню. Мнѣ крайняя нужда съ тобою поговорить (*Увела Софью*).

Скот. Ба! такъ я вижу, что сегодня сговору-то врядъ и быть-ли.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ

Правдинъ, Простаковъ, Скотининъ, слуга.

Слуга. (*къ Простакову, запыхавшись*). Баринъ! баринъ! солдаты пришли, остановились въ нашей деревнѣ!

Прост. Какая бѣда! Ну, раззорятъ насъ до конца!

Прав. Чего вы испугались?

Прост. Ахъ ты, отецъ родной! мы ужъ видали виды. Я къ нимъ и появиться не смѣю.

Прав. Не бойтесь. Ихъ конечно ведетъ

[1]) Галлицизмъ. Je suis bien aise de votre connaissance. [2]) При Екатеринѣ II Россія была раздѣлена на намѣстничества.
[3]) Галлицизмъ. faire sa fortune.

офицеръ, который не допуститъ ни до какой наглости. Пойдемъ къ нему со мною. Я увѣренъ, что вы робѣете напрасно.

(*Правдинъ, Простаковъ и слуга отходятъ*).

Скот. Всѣ меня одного оставили. Пойти было прогуляться на скотный дворъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Правдинъ, Милонъ Софья и оба Простаковы.

Г-жа Прост. (*мужу, идучи*) Тутъ перевирать нечего. Весь вѣкъ, сударь, ходишь, развѣся уши.

Прост. Да онъ самъ съ Правдинымъ изъ глазъ у меня сгибъ да пропалъ. Я чѣмъ, виноватъ?

Г-жа Прост. (*къ Милону*). А, мой батюшка господинъ офицеръ! Я васъ теперь искала по всей деревнѣ; мужа съ ногъ сбила, чтобъ принести вамъ, батюшка, нижайшее благодареніе за добрую команду.

Мил. За что, сударыня.

Г-жа Прос. Какъ за что, мой батюшка? Солдаты такіе добрые. До сихъ поръ волоска никто не тронулъ. Не прогнѣвайся, мой батюшка, что уродъ мой васъ прозѣвалъ. Ужъ такъ рохлею родился, мой батюшка.

Мил. Я ни мало не пеняю, сударыня.

Г-жа Прост. На него, мой батюшка, находитъ такой, по здѣшнему сказать, столбнякъ. Иногда, выпуча глаза, стоитъ битый часъ, какъ вкопаный. Ужъ чего-то я съ нимъ не дѣлала; чего только онъ у меня не вытерпѣлъ! Ничѣмъ не проймешь. Ежели столбнякъ и попройдетъ, то занесетъ, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка.

Прав. По крайней мѣрѣ, сударыня, вы не можете жаловаться на злой его нравъ. Онъ смиренъ...

Г-жа Прост. Какъ теленокъ, мой батюшка; отъ того-то у насъ въ домѣ все и избаловано. Вѣдь у него нѣтъ того смыслу, чтобъ въ домѣ была строгость, чтобъ наказать путемъ виноватаго. Все сама управляюсь, батюшка. Съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена; рукъ не покладываю: то бранюсь, то дерусь! тѣмъ и домъ держится инымъ образомъ.

Мит. И сегодня матушка все утро изволила провозиться съ холопями.

Г-жа Прост. (*Софьѣ*). Убирала покои для твоего любезнаго дядюшки. Умираю, хочу видѣть этого почтеннаго старичка. Я объ немъ много наслышалась. И злодѣи его говорятъ только, что онъ немножечко угрюмъ, а такой-де преразумный: да коли-де ужъ кого и полюбитъ, такъ прямо полюбитъ.

Прав. А кого онъ не взлюбитъ, тотъ дурной человѣкъ. (*Къ Софьѣ*). Я и самъ имѣю честь знать вашего дядюшку. А сверхъ того отъ многихъ слышалъ объ немъ то, что вселило въ душу мою истинное къ нему почтеніе. Что называютъ въ немъ угрюмостью, грубостью, то есть одно дѣйствіе его прямодушія. Отъ роду языкъ его не говорилъ *да*, когда душа его чувствовала *нѣтъ*.

Соф. За то и счастіе свое долженъ онъ былъ доставать трудами.

Г-жа Прост. Милость Божія къ намъ, что удалось. Ничего такъ не желаю, какъ отеческой его милости къ Митрофанушкѣ. Софьюшка, душа моя! не изволишь ли посмотрѣть дядюшкиной комнаты? (*Софья отходитъ*).

Г-жа Прост. (*Простакову*). Опять зазѣвался, мой батюшка! Да изволь, сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

Прост. (*отходя*). Не отнялись, да подкосились.

Г-жа Прост. (*къ гостямъ*). Одна моя забота, одна моя отрада — Митрофанушка. Мой вѣкъ проходитъ: его готовлю въ люди. (*Здѣсь появляются Кутейкинъ съ Часословомъ, а Цифиркинъ съ аспидной доской и грифелемъ. Оба они знаками спрашиваютъ Еремѣевну, входить ли. Она ихъ манитъ, а Митрофанъ отмахиваетъ*).

Г-жа Прост. (*не видя ихъ, продолжаетъ*). Авось либо Господь милостивъ, и счастье на роду ему написано.

Прав. Оглянитесь, сударыня, что за вами дѣлается!

Г-жа Прост. А! это, батюшка, Митрофанушкины учители; Сидорычъ Кутейкинъ...

Ерем. И Пафнутьичъ Цифиркинъ.

Мит. (*въ сторону*). Пострѣлъ ихъ побери и съ Еремѣевной!

Кут. Дому владыкѣ миръ и многая лѣта съ чады и домочадцы.

Циф. Желаемъ вашему благородію здравствовать сто лѣтъ, да двадцать, да еще пятнадцать, несчетны годы.

Мил. Ба! Это нашъ братъ, служивый! Откуда взялся, другъ мой!

Циф. Былъ гарнизонный, ваше благородіе; а нынѣ пошелъ въ чистую [1].

Мил. Чѣмъ же ты питаешься?

Циф. Да кое-какъ, ваше благородіе! Малу толику арихметикѣ маракую, такъ питаюсь въ городѣ около приказныхъ служителей у счетныхъ дѣлъ. Не всякому открылъ Господь науку; такъ кто самъ не смыслитъ, меня нанимаетъ, то счетецъ повѣрить, то итоги подвести. Тѣмъ и питаюсь; праздно жить не люблю. На досугѣ-жъ ребятъ обучаю. Вотъ и у ихъ благородія съ парнемъ третій годъ надъ ломаными [2]) бьемся, да что-то плохо клеятся. Ну, и то правда, человѣкъ на человѣка не приходитъ.

Г-жа Прост. Что ты это, Пафнутьичъ, врешь? Я не вслушалась.

Циф. Такъ. Я его благородію докладывалъ, что въ иного пня въ десять лѣтъ не вдолбить того, что другой ловитъ на полетѣ.

Прав. (*Кутейкину*). А ты, господинъ Кутейкинъ, не изъ ученыхъ ли?

Кут. Изъ ученыхъ, ваше высокородіе. Семинаріи здѣшнія епархіи. Ходилъ до риторики, да Богу изволившу, назадъ воротился. Подавалъ въ консисторію челобитье, въ которомъ прописалъ: «Такой-то де семинаристъ, изъ церковничьихъ дѣтей, убоялся бездны премудрости, проситъ отъ нея объ увольненіи». На что и милостивая резолюція вскорѣ воспослѣдовала, съ отмѣткою: «такого-то де семинариста отъ всякаго ученія уволить, писано бо есть: не мечите бисера предъ свиніями, да не попрутъ его ногами».

Г-жа Прост. Да гдѣ нашъ Адамъ Адамычъ?

Ерем. Я и къ нему было толкнулась, да насилу унесла ноги: дымъ столбомъ, моя матушка! Задушилъ, проклятый, табачищемъ. Такой грѣховодникъ!

Кут. Пустое, Еремѣевна! Нѣсть грѣха въ куреніи табака.

Прав. (*въ сторону*). Кутейкинъ еще и умничаетъ!

Кут. Во многихъ книгахъ разрѣшается; но въ Псалтырѣ именно напечатано: «И злакъ на службу человѣкомъ».

Прав. Ну, а еще гдѣ?

Кут. И въ другой Псалтырѣ напечатано то же. У нашего протопопа маленькая въ осьмушку, и въ той тоже.

Прав. (*Г-жѣ Простаковой*). Я не хочу мѣшать упражненіямъ сына вашего; слуга покорный!

Мил. Ни я, сударыня.

Г-жа Прост. Куда жъ вы, государи мои?

Прав. Я поведу его въ мою комнату. Друзья, давно не видавшись, о многомъ говорить имѣютъ.

Г-жа Прост. А кушать гдѣ изволите, съ нами, или въ своей комнатѣ? У насъ за столомъ только что своя семья съ Софьюшкой.

Мил. Съ вами, съ вами, сударыня!

Прав. Мы оба эту честь имѣть будемъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Г-жа Простакова, Еремѣевна, Митрофанъ, Кутейкинъ и Цыфиркинъ.

Г-жа Прост. Ну, такъ теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Мит. Да зады! Какъ не такъ.

Г-жа Прост. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, другъ мой сердечный! Такое дѣло.

Мит. Какъ не такое! Пойдетъ на умъ ученье. Ты бъ еще навезла сюда дядюшекъ.

Г-жа Прост. Что, что такое?

Мит. Да! того и смотри, что отъ дядюшки таска, а тамъ съ его кулаковъ да за Часословъ. Нѣтъ, такъ я, спасибо, ужъ одинъ конецъ съ собою!

Г-жа Прост. (*испугавшись*). Что, что ты хочешь? Опомнись, душенька!

Мит. Вѣдь здѣсь и рѣка близко. Нырну,— такъ поминай, какъ звали.

Г-жа Прост. (*внѣ себя*). Уморилъ! уморилъ! Богъ съ тобой!

[1]) Отставку. [2]) Дробями.

Ерем. Все дядюшка напугалъ: чуть было въ волосики ему не вцѣпился. А ни за што, ни про што...

Г-жа Прост. (*въ злобѣ*). Ну...

Ерем. Присталъ къ нему: хочешь-ли жениться...

Г-жа Прост. Ну...

Ерем. Дитя не потаилъ: ужъ давно де, дядюшка, охота беретъ. Какъ онъ остервенится, моя матушка! какъ вскинется...

Г-жа Прост. (*дрожа*). Ну... а ты, бестія, остолбенѣла, а ты не впилась братцу въ харю, а ты не раздернула ему рыла по уши.

Ерем. Приняла было! Охъ, приняла, да...

Г-жа Прост. Да... да что... не твое дитя, бестія! По тебѣ ребенка хоть убей до смерти.

Ерем. Ахъ, Создатель спаси и помилуй! Да кабы братецъ въ тужъ минуту отойти не изволилъ, то бъ я съ нимъ поломалась, во что бы Богъ ни поставилъ: притупились бы эти (*указывая на ногти*): я бъ и клыковъ беречь не стала.

Г-жа Прост. Всѣ вы бестіи усердны на однихъ словахъ, а на дѣлѣ...

Ерем. (*заплакавъ*). Я не усердна вамъ, матушка? Ужъ какъ больше служить, не знаешь... рада бы не токмо что... живота не жалѣешь... а все не угодно.

Кут. Намъ во свояси повелите?
Циф. Намъ куда походъ, ваше благородіе? } *Вмѣстѣ*.

Г-жа Прост. Ты же еще, старая вѣдьма, и разревѣлась! Поди накорми ихъ съ собою, а послѣ обѣда тотчасъ опять сюда. (*Къ Митрофану*) Пойдемъ со мною, Митрофанушка! Я тебя изъ глазъ теперь не выпущу. Какъ скажу я тебѣ нѣщичко, такъ пожить тебѣ на свѣтѣ слюбится. Не вѣкъ тебѣ моему другу, не вѣкъ тебѣ учиться: ты благодаря Бога, столько уже смыслишь, что и самъ взведешь дѣточекъ. (*Къ Еремѣевнѣ*). Съ братцемъ перевѣдаюсь не потвоему. Пусть же всѣ добрые люди увидятъ, что мама и что мать родная (*Отходитъ*).

Кут. Житіе твое, Еремѣевна, яко тьма, кромѣшная. Пойдемъ-ка за трапезу, да съ горя выпей сперва чарку...

Циф. А тамъ другую, — вотъ те и умноженіе.

Ерем. (*въ слезахъ*) Нелегкая меня не приберетъ. Сорокъ лѣтъ служу, а милость все та же...

Кут. А велика ль благостыня?

Ерем. По пяти рублей на годъ, да по пяти пощечинъ на день (*Кутейкинъ и Цыфиркинъ отводятъ ее подъ руки*).

Циф. Смекнемъ же за столомъ, что тебѣ доходу въ круглый годъ прійдется.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Стародумъ и Правдинъ.

Прав. Лишь только изъ-за стола встали, и я, подошедъ къ окну, увидѣлъ вашу карету, то, не сказавъ никому, выбѣжалъ къ вамъ на встрѣчу, обнять васъ отъ всего сердца. Мое къ вамъ душевное почтеніе...

Стар. Оно мнѣ драгоцѣнно, повѣрь мнѣ.

Прав. Ваша ко мнѣ дружба тѣмъ лестнѣе, что вы не можете имѣть ее къ другимъ, кромѣ такихъ...

Стар. Каковъ ты. Я говорю безъ чиновъ. Начинаются чины, перестаетъ искренность.

Прав. Ваше обхожденіе...

Стар. Ему многіе смѣются. Я это знаю. Быть такъ. Отецъ мой воспиталъ меня потогдашнему, а я не нашелъ и нужды себя перевоспитывать. Служилъ онъ Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы; тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякой считалъ себя за многихъ. За то ныньче многіе не стоятъ одного. Отецъ мой у двора Петра Великаго...

Прав. А я слышалъ, что онъ въ военной службѣ...

Стар. Въ тогдашнемъ вѣкѣ придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитаніе дано мнѣ было отцемъ моимъ, по

тому вѣку, наилучшее. Въ то время къ наученію мало было способовъ, да и не умѣли еще чужимъ умомъ набивать пустую голову.

Прав. Тогдашнее воспитаніе дѣйствительно состояло въ нѣсколькихъ правилахъ...

Стар. Въ одномъ. Отецъ мой непрестанно мнѣ твердилъ одно и тоже: имѣй сердце, имѣй душу, и будешь человѣкъ во всякое время. На все прочее мода, какъ на пряжки, на пуговицы.

Прав. Вы говорите истину. Прямое достоинство въ человѣкѣ есть—душа.

Стар. Безъ нея просвѣщеннѣйшая умница—жалкая тварь. (*Съ чувствомъ*). Невѣжда безъ души — звѣрь. Самый мелкій поводъ вводитъ его во всякое преступленіе. Между тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, и тѣмъ, для чего онъ дѣлаетъ, никакихъ вѣсковъ у него нѣтъ. Отъ такихъ-то животныхъ пришелъ я освободить...

Прав. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здѣсь. Пойдемъ...

Стар. Постой. Сердце мое кипитъ еще негодованіемъ на недостойный поступокъ здѣшнихъ хозяевъ. Побудемъ здѣсь нѣсколько минутъ. У меня правило: въ первомъ движеніи ничего не начинать.

Прав. Рѣдкіе правило ваше наблюдать умѣютъ.

Стар. Опыты жизни моей меня къ тому пріучили. О, еслибъ я ранѣе умѣлъ владѣть собою, я имѣлъ бы удовольствіе служить долѣе отечеству.

Прав. Какимъ же образомъ? Происшествія съ человѣкомъ вашихъ качествъ никому равнодушны быть [1]) не могутъ. Вы меня крайне одолжите, если разскажете.

Стар. Я ни отъ кого ихъ не таю для того, чтобъ другіе въ подобномъ положеніи нашлись меня умнѣе. Вошедъ въ военную службу, познакомился я съ молодымъ графомъ, котораго имени я и вспомнить не хочу. Онъ былъ по службѣ меня помоложе, сынъ случайнаго отца, воспитанъ въ большомъ свѣтѣ, и имѣлъ особливый случай научиться тому, что въ наше воспитаніе еще не входило. Я всѣ силы употребилъ снискать его дружбу, чтобъ всегдашнимъ съ нимъ обхожденіемъ наградить [2]) недостатки моего воспитанія. Въ самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его съ радостію. «Любезный графъ! вотъ случай намъ отличить себя. Пойдемъ тотчасъ въ армію и сдѣлаемся достойными званія дворянина, которое намъ дала порода.» Вдругъ мой графъ сильно наморщился, и, обнявъ меня сухо «счастливый тебѣ путь,» сказалъ мнѣ, «а я ласкаюсь, что батюшка не захочетъ со мною разстаться.» Ни съ чѣмъ нельзя сравнить презрѣнія, которое ощутилъ я къ нему въ ту жъ минуту. Тутъ увидѣлъ я, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница, что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души, и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду.

Прав. Сущая истина!

Стар. Оставя его, поѣхалъ я немедленно, куда звала меня должность. Многіе случаи имѣлъ я отличить себя. Раны мои доказываютъ, что я ихъ и не пропускалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ начальниковъ и войска было лестною наградою службы моей, какъ вдругъ получилъ я извѣстіе, что графъ, прежній мой знакомецъ, о которомъ я гнушался вспоминать, произведенъ чиномъ; а обойденъ я, — я, лежавшій тогда отъ ранъ въ тяжкой болѣзни. Такое правосудіе растерзало мое сердце, и я тотчасъ взялъ отставку [3]).

Прав. Чтожъ бы иное и дѣлать надлежало?

Стар. Надлежало образумиться. Не умѣлъ я остеречься отъ первыхъ движеній раздраженнаго моего любочестія. Горячность не допустила меня тогда разсудить, что прямо любочестивый человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ; что чины нерѣдко выпрашиваются, а истинное почтеніе необходимо заслуживается: что гораздо честнѣе быть безъ вины обойдену, нежели безъ заслугъ пожаловану.

Прав. Но развѣ дворянину не позволяется взять отставки ни въ какомъ уже случаѣ?

Стар. Въ одномъ только: когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ. А! тогда поди.

[1]) Галлицизмъ: être indifférent. [2]) Вознаградить. [3]) Галлицизмъ: prendre congé.

Прав. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина [1]).

Стар. Взявъ отставку, пріѣхалъ я въ Петербургъ. Тутъ слѣпой случай завелъ меня въ такую сторону, о которой мнѣ отъ роду и въ голову не приходило.

Прав. Куда же?

Стар. Ко Двору. Меня взяли ко Двору. А? Какъ ты объ этомъ думаешь?

Прав. Какъ же вамъ эта сторона показалась?

Стар. Мнѣ странно то, что въ этой сторонѣ по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе [2]).

Прав. Хоть крюкомъ, да просторна ли дорога?

Стар. А такова-то просторна, что двое, встрѣтясь, разойтиться [3]) не могутъ. Одинъ другого сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на землѣ [4]).

Прав. Такъ поэтому тутъ самолюбіе...

Стар. Тутъ не самолюбіе, а, такъ назвать, себялюбіе. Тутъ себя любятъ отмѣнно; о себѣ одномъ пекутся; объ одномъ настоящемъ часѣ суетятся. Ты не повѣришь: я видѣлъ тутъ множество людей, которымъ во всѣ случаи ихъ жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Прав. Но тѣ достойные люди, которые у Двора служатъ государству...

Стар. О! тѣ не оставляютъ Двора для того, что они Двору полезны, а прочіе для того, что Дворъ имъ полезенъ. Я не былъ въ числѣ первыхъ и не хотѣлъ быть въ числѣ послѣднихъ.

Прав. Васъ, конечно, у Двора не узнали?

Стар. Тѣмъ для меня лучше. Я успѣлъ убраться безъ хлопотъ; а то бы выжили-жъ меня однимъ изъ двухъ манеровъ.

Прав. Какихъ?

Стар. Отъ двора, мой другъ, выживаютъ двумя манерами: либо на тебя разсердятся, либо тебя разсердятъ. Я не сталъ дожидаться ни того, ни другого; разсудилъ, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели въ чужой передней.

Прав. И такъ вы отошли отъ Двора ни съ чѣмъ? (*Открываетъ свою табакерку*).

Стар. (*Беретъ у Правдина табакъ*). Какъ ни съ чѣмъ? Табакеркѣ цѣна пятьсотъ рублевъ. Пришли къ купцу двое. Одинъ заплатя деньги, принесъ домой табакерку; другой пришелъ домой безъ табакерки. И ты думаешь, что другой пришелъ домой ни съ чѣмъ? Ошибаешься. Онъ принесъ назадъ свои пятьсотъ рублевъ цѣлы. Я отошелъ отъ Двора безъ деревень, безъ ленты, безъ чиновъ, да мое принесъ домой неповрежденно: мою душу, мою честь, мои правила.

Прав. Съ вашими правилами людей не отпускать отъ Двора, а ко Двору призывать надобно.

---

[1]) Въ «Наказѣ»: «Какъ между людьми одни были добродѣтельнѣе другихъ, а при томъ и заслугами отличались, то принято издревле отличать добродѣтельнѣйшихъ и болѣе другихъ служащихъ людей, давъ имъ сіе нарицаніе къ чести: и установлено, чтобъ они пользовались разными преимуществами, основанными на сихъ выше сказанныхъ начальныхъ правилахъ... Добродѣтель съ заслугою возводитъ людей на степень дворянства. Добродѣтель и честь должны быть, по моему, правилами, предписывающими любовь къ отечеству, ревность къ службѣ, послушаніе и вѣрность къ государю и безпрестáнно внушающими не дѣлать никакого безчестнаго дѣла... Лишити дворянства никого не можно, кромѣ того, который самъ себя лишилъ онаго своими, основанію его достоинства противными, поступками и сдѣлался чрезъ то званія своего недостойнымъ. И уже честь и сохраненіе непорочности дворянскаго достоинства требуютъ, чтобъ такой самъ, чрезъ поступки свои основаніе своего званія нарушающій, былъ по обличеніи исключенъ изъ числа дворянъ и лишенъ дворянства. Поступки же противные дворянскому званію... всякій обманъ, противный чести, а наипаче тѣ дѣйствія, кои за собою влекутъ униженіе. Совершенство же сохраненія чести состоитъ въ любви къ отечеству и наблюденіи всѣхъ законовъ и должностей.» (Гл. XV). [2]) Въ книгѣ Лабрюера «Les caractéres, гл. VII: «Il y a pour arriver aux dignités ce qu'on appelle la grande voie ou le chemin battu, il y a le chemin détourné ou de traverse, qui est le plus court». [3]) Испорченная форма, вмѣсто: разойтися. [4]) У одного изъ современныхъ французскихъ писателей: Ce sentier est si étroit qu'un homme renverse l'autre. Le malheur est que ceux qui sont sur leurs pieds ne relèvent guère ceux qui sont tombés.

Стар. Призывать? А зачѣмъ?

Прав. За тѣмъ, за чѣмъ къ больнымъ врача призываютъ.

Стар. Мой другъ, ошибаешься. Тщетно звать врача къ больнымъ неисцѣльно: тутъ врачъ не пособитъ, развѣ самъ заразится.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣже, Правдинъ и Милонъ.

Прав. Позвольте представить вамъ господина Милона, моего истиннаго друга.

Стар. (*въ сторону*). Милонъ!

Мил. Я почту за истинное счастіе, если удостоюсь вашего добраго мнѣнія, вашихъ ко мнѣ милостей...

Стар. Графъ Честанъ не свойственникъ-ли вашъ?

Мил. Онъ мнѣ дядя.

Стар. Мнѣ очень пріятно быть знакому съ человѣкомъ вашихъ качествъ. Дядя вашъ мнѣ о васъ говорилъ. Онъ отдаетъ вамъ всю справедливость. Особливыя достоинства..

Мил. Это его ко мнѣ милость. Въ мои лѣта и въ моемъ положеніи было бы непростительное высокомѣріе считать все то заслуженнымъ, чѣмъ молодаго человѣка ободряютъ достойные люди.

Прав. Я напередъ увѣренъ, что другъ мой пріобрѣтетъ вашу благосклонность, если вы его узнаете короче. Онъ бывалъ часто въ домѣ покойной сестрицы вашей... (*Стародумъ оглядывается на Софью*).

Соф. (*тихо Стародуму и въ большой робости*). И матушка любила его, какъ сына.

Стар. (*Софьѣ*). Мнѣ это очень пріятно. (*Милону*). Я слышалъ, что вы были въ арміи. Неустрашимость ваша...

Мил. Я дѣлалъ мою должность [1]). Ни лѣта мои, ни чинъ, ни положеніе еще не позволяли мнѣ показать прямой неустрашимости, буде есть во мнѣ она.

Стар. Какъ! будучи въ сраженіяхъ и подвергая жизнь свою...

Мил. Я подвергалъ ее, какъ прочіе. Тутъ храбрость была такое качество сердца, какое солдату велитъ имѣть начальникъ, а офицеру—честь. Признаюсь вамъ искренно, что показать прямой неустрашимости не имѣлъ я еще никакого случая; испытать же себя сердечно желаю.

Стар. Я крайне любопытенъ знать, въ чемъ же полагаете вы прямую неустрашимость?

Мил. Если позволите мнѣ сказать мысль мою: я полагаю истинную неустрашимость въ душѣ, а не въ сердцѣ. У кого она въ душѣ, у того безъ всякаго сомнѣнія и храброе сердце. Въ нашемъ военномъ ремеслѣ храбръ долженъ быть воинъ, неустрашимъ военачальникъ. Онъ съ холодною кровью [2]) усматриваетъ всѣ степени опасности; принимаетъ нужныя мѣры, славу свою предпочитаетъ жизни; но что всего болѣе — онъ, для пользы и славы отечества, не устрашается забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоитъ слѣдственно не въ томъ, чтобъ презирать жизнь свою—онъ ее никогда и не отваживаетъ:—онъ умѣетъ ею жертвовать.

Стар. Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете въ военачальникѣ: свойствена ли же она и другимъ состояніямъ?

Мил.Она—добродѣтель, слѣдственно нѣтъ состоянія, которое ею не могло бы отличиться. Мнѣ кажется, храбрость сердца доказывается въ часъ сраженія, а неустрашимость души во всѣхъ испытаніяхъ, во всѣхъ положеніяхъ жизни. И какая разница между безстрашіемъ солдата, который на приступѣ отваживаетъ жизнь свою на ряду съ прочими, и между неустрашимостію человѣка государственнаго, который говоритъ правду государю, отваживаясь его прогнѣвать! Судья, который, не убоясь ни мщенія, ни угрозъ сильнаго, отдалъ справедливость безпомощному, въ моихъ глазахъ — герой. Какъ мала душа того, кто за бездѣлицу вызоветъ на дуэль, передъ тѣмъ, кто вступится за отсутствующаго, котораго честь при немъ клеветники терзаютъ! Я понимаю неустрашимость такъ...

Стар. Какъ понимать должно тому, у кого она въ душѣ. Обойми меня, другъ мой! Извини мое простосердечіе: я другъ честныхъ людей. Это чувство вкоренено въ мое воспитаніе. Въ тебѣ вижу и почитаю добро-

[1]) Галлицизмъ: faire son devoir. [2]) Галлицизмъ, вмѣсто: хладнокровно.

дѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ.

Мил. Душа благородная... Нѣтъ, не могу скрывать болѣе моего сердечнаго чувства... Нѣтъ, добродѣтель твоя извлекаетъ силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродѣтельно, если стоитъ оно быть счастливо, отъ тебя зависитъ сдѣлать его счастье! Я полагаю его въ томъ, чтобъ имѣть женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

Стар. (*къ Софьѣ съ радостію*). Какъ! Сердце твое умѣло отличить того, кого я самъ предлагалъ тебѣ? Вотъ мой тебѣ женихъ...

Соф. И я люблю его сердечно.

Стар. Вы оба другъ друга достойны. (*Въ восхищеніи соединяя ихъ руки*). Отъ всей души моей даю вамъ мое согласіе.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Стародумъ и Правдинъ.

Прав. Это былъ тотъ пакетъ, о которомъ при васъ сама здѣшняя хозяйка вчера меня увѣдомила.

Стар. И такъ ты имѣешь теперь способъ прекратить безчеловѣчіе злой помѣщицы?

Прав. Мнѣ поручено взять подъ опеку домъ и деревни, при первомъ бѣшенствѣ, отъ котораго могли бы пострадать подвластные ей люди.

Стар. Благодареніе Богу, что человѣчество найти защиту можетъ! Повѣрь мнѣ, другъ мой, гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ — беззаконно [1]).

Прав. Я въ этомъ согласенъ съ вами: да, какъ мудрено истреблять закоренѣлые предразсудки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды!

Стар. Слушай, другъ мой! Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо [2]). Слава премудрости его та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Крестьянинъ, который плоше всѣхъ въ деревнѣ, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного требуется ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами.

Прав. Удовольствіе, которымъ государи наслаждаются, владѣя свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какія побужденія могли бы отвлекать...

Стар. Сколь великой душѣ надобно быть въ государѣ, чтобъ стать на стезю истины и никогда съ нея не совращаться! Сколько сѣтей разставлено къ уловленію души человѣка, имѣющаго въ рукахъ своихъ судьбу себѣ подобныхъ! И во первыхъ, толпа скаредныхъ льстецовъ всеминутно силится увѣрять его, что люди сотворены для него, а не онъ для людей.

Прав. Безъ душевнаго презрѣнія нельзя себѣ вообразить, что такое льстецъ.

Стар. Льстецъ есть тварь, которая нетолько о другихъ, ниже о себѣ хорошаго мнѣнія не имѣетъ. Все его стремленіе, чтобъ сперва ослѣпить умъ у человѣка, а потомъ дѣлать изъ него, что ему надобно. Онъ ночной воръ, который сперва свѣчу погаситъ, а потомъ красть станетъ.

Прав. Несчастіямъ людскимъ конечно причиною собственное ихъ развращеніе; но способы сдѣлать людей добрыми...

Стар. Они въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выдти въ люди, что ни подлой выслугой и ни за какія деньги нельзя ку-

[1]) Въ «Наказѣ»: «Государственная вольность въ гражданахъ есть спокойствіе духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію, а чтобъ люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такому, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялись бы всѣ однихъ законовъ». [2]) Въ «Наказѣ»: «Какой предлогъ Самодержавнаго правленія? не тотъ, чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность; но чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра. (Глава II).

нить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми: то всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ, и всякій хорошъ будетъ [1]).

Прав. Справедливо. Великій государь даетъ ..

Стар. Милость и дружбу тѣмъ, кому изволитъ, мѣста и чины тѣмъ, кто достоинъ.

Прав. Чтобъ въ достойныхъ людяхъ не было недостатку, прилагается нынѣ особливое стараніе о воспитаніи [2])...

Стар. Оно и должно быть залогомъ благосостоянія государства. Мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурного воспитанія. Ну что для отечества можетъ выдти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды родители платятъ еще и деньги невѣждамъ учителямъ! Сколько дворянъ-отцевъ, которые нравственное воспитаніе сынка своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пятнадцать и выходятъ вмѣсто одного раба двое: старый дядька, да молодой баринъ.

Прав. Но особы высшаго состоянія просвѣщаютъ дѣтей своихъ...

Стар. Такъ, мой другъ; да я желалъ бы, чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ—благонравіе [3]). Вѣрь мнѣ, что наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ бы, напримѣръ, чтобъ при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его всякій день разогнулъ ему исторію и указалъ въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди способствовали благу своего отечества; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло всю довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія.

Прав. Надобно дѣйствительно, чтобъ всякое состояніе людей имѣло приличное себѣ воспитаніе [4]); тогда можно быть увѣрену... Что за шумъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Милонъ, Софья, Еремѣевна.

Мил. (*отталкивая отъ Софьи Еремѣевну, которая за нее было уцѣпилась, кричитъ къ людямъ, имѣя въ рукѣ обнаженную шпагу*). Не смѣй никто подойдти ко мнѣ!

Соф. (*бросаясь къ Стародуму*). Ахъ, дядюшка! защити меня.

Стар. Другъ мой! Что такое?
Прав. Какое злодѣяніе!
Соф. Сердце мое трепещетъ!
Ерем. Пропала моя головушка!
} *Вмѣстѣ*.

Мил. Злодѣи! Идучи сюда, вижу множество людей, которые подхватя ее подъ руки, не смотря на сопротивленіе и крикъ, сводятъ уже съ крыльца къ каретѣ.

Соф. Вотъ мой избавитель!

Стар. Другъ мой!

Прав. (*Еремѣевнѣ*). Сейчасъ скажи, куда везти хотѣли, или какъ съ злодѣйкой...

Ерем. Вѣнчаться, мой батюшка, вѣнчаться!

Г-жа Прост. (*за кулисами*). Плуты! воры! мошенники! всѣхъ прибить велю до смерти

---

[1]) Въ «Наказѣ»: Всякаго честнаго человѣка въ обществѣ желаніе есть или будетъ—видѣти все отечество свое на самой высшей степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія, а всякаго согражданина особо видѣть охраняемаго законами, которые не утѣсняли бы его благосостоянія, не защищали его отъ всѣхъ сему правилу противныхъ предпріятій». (Гл. I). [2]) Въ «Наказѣ»: «Правила воспитанія суть основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами». [3]) Въ докладѣ Бецкаго 1763 г.: «Опытъ доказалъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ еще добраго, прямаго гражданина; напротивъ, онъ становится вреднымъ для того, у кого съ юныхъ лѣтъ не вкоренена въ сердцѣ добродѣтель. Отъ небреженія нравственности, отъ ежедневныхъ дурныхъ примѣровъ привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству, непослушанію. При такомъ недостаткѣ нравственнаго воспитанія напрасно ласкать себя ожиданіемъ истинныхъ успѣховъ въ наукахъ и искусствахъ. [4]) Въ инструкціи Екатерины II князю Салтыкову 1784 года: «мыслимъ мы, что всякое доброе воспитаніе учреждено быть должно, смотря на того, кому оно дается».

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже, г-жа Простакова, Простаковъ и Митрофанъ.

Г-жа Прост. Какая я госпожа въ домѣ! (*указывая на Милона*). Чужой погрозитъ, приказъ мой ни во что!

Прост. Я ли виноватъ?
Мит. За людей приниматься надо.
Г-жа Прост. Жива быть не хочу!
(*Вмѣстѣ*.)

Прав. Злодѣяніе, которому я самъ свидѣтель, даетъ право вамъ, какъ дядѣ, а вамъ какъ жениху...

Г-жа Прост. Жениху!
Прост. Хороши мы!
(*Вмѣстѣ*.)

Мит. Все къ чорту!

Прав. Требовать отъ правительства, чтобъ сдѣланная ей обида наказана была со всею строгостью законовъ. Сейчасъ представлю ее предъ судъ, какъ нарушительницу гражданскаго спокойства!

Прав. Мужъ и сынъ не могли не имѣть участія въ злодѣяніи.

Прост. Безъ вины виновать.
Мит. Виноватъ, дядюшка!
(*Вмѣстѣ, бросаясь на колѣни*.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Скотининъ.

Скот. Ну, сестра, хорошу было штуку... Ба! что всѣ наши на колѣняхъ!

Г-жа Прост. (*стоя на колѣняхъ*). Ахъ, мои батюшки! повинную голову мечь не сѣчетъ. Мой грѣхъ! не погубите меня! (*Къ Софьѣ*). Мать ты моя родная! прости меня, умилосердись надо мною (*указывая на мужа и сына*) и надъ бѣдными сиротами!

Скот. Сестра! о своемъ ли ты умѣ?

Прав. Молчи, Скотининъ!

Г-жа Прост. Богъ дастъ тебѣ благополучіе и съ дорогимъ женихомъ твоимъ. Что тебѣ въ головѣ моей?

Соф. (*Стародуму*). Дядюшка! Я мое оскорбленіе забываю.

Г-жа Прост. (*поднявъ руки, къ Стародуму*). Батюшка! прости и ты меня, грѣшную. Вѣдь я человѣкъ, а не ангелъ.

Стар. Знаю, знаю, что человѣку нельзя быть ангеломъ, да не надобно быть и чортомъ. И преступленіе, и раскаяніе въ ней презрѣнія достойны.

Прав. (*Стародуму*): Ваша малѣйшая жалоба, ваше одно слово предъ правительствомъ... и ужъ спасти ее нельзя.

Стар. Не хочу ни чьей погибели. Я ее прощаю. (*Всѣ вскочили съ колѣней*).

Г-жа Прост. Простилъ! Ахъ, батюшка!... Ну, теперь-то дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ! Теперь-то я всѣхъ переберу по одиночкѣ! Теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ! Нѣтъ, мошенники! Нѣтъ воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки.

Прав. А за что вы хотите наказывать людей вашихъ?

Г-жа Прост. Ахъ, батюшка, это что за вопросъ? Развѣ я не властна и въ своихъ людяхъ?

Прав. А вы считаете себя вправѣ драться тогда, когда вамъ вздумается?

Скот. Да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу, когда захочетъ?

Прав. Когда захочетъ! Да что за охота? Прямой ты Скотининъ. Нѣтъ, сударыня, тиранствовать никто не воленъ.

Г-жа Прост. Не воленъ! Дворянинъ, когда захочетъ и слуги высѣчь не воленъ! Да на что жъ данъ указъ-отъ о вольности дворянства? [1]).

Стар. Мастерица толковать указы!

[1]) Указъ Петра III, дававшій дворянству многія важныя преимущества: дворянинъ получалъ право по волѣ служить государству и выходить въ отставку, могъ во всякое время ѣхать за границу и жить тамъ; требовалось только, чтобы дворяне воспитывали своихъ дѣтей, сообразно съ своимъ званіемъ.

Г-жа Прост. Извольте насмѣхаться: а я теперь же всѣхъ съ головы на голову... (*Порывается идти*).

Прав. (*останавливая ее*). Поостановитесь, сударыня. (*Вынувъ бумагу и важнымъ голосомъ Простакову*). Именемъ правительства вамъ приказываю сей часъ собрать людей и крестьянъ вашихъ, для объявленія имъ указа, что за безчеловѣчіе жены вашей, до котораго допустило ее ваше крайнее слабомысліе, повелѣваетъ мнѣ правительство принять въ опеку домъ вашъ и деревни.

Прост. А! до чего мы дожили!

Г-жа Прост. Какъ! Новая бѣда! За что? За что, батюшка? Что я въ своемъ домѣ госпожа...

Прав. Госпожа безчеловѣчная, которой злонравіе въ благоучрежденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ. Подите.

Прост. (*отходитъ, всплеснувъ руками*). Отъ кого это, матушка?

Г-жа Прост. (*тоскуя*). О, горе взяло! О, грустно!

Скот. (*всторону*). Ба! ба! ба! Да этакъ и до меня доберутся. Да эдакъ и всякій Скотининъ можетъ попасть въ опеку... Уберусь же я отсюда по добру, по здорову.

Прав. (*Скотинину*). А скорѣе всего ты. Я слыхалъ, что ты съ свиньями не въ примѣръ лучше обходишься, нежели съ людьми...

Скот. Государь ты мой милостивый! да какъ къ людямъ и лежать у меня сердцу? Самъ ты разсуди: люди предо мною умничаютъ, а между свиньями я самъ всѣхъ умнѣе.

Г-жа Прост. Все теряю! Совсѣмъ погибаю!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣже и камердинеръ.

Камерд. (*Стародуму*) Карета ваша готова

Г-жа Прост. (*бросаясь обнимать сына*). Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!

Мит. Да отвяжись, матушка! какъ навязалась...

Г-жа Прост. И ты, и ты меня бросаешь! А, неблагодарный! (*упала въ обморокъ*).

Соф. (*подбѣжавъ къ ней*). Боже мой! она безъ памяти.

Стар. (*Софьѣ*). Помоги ей, помоги! (*Софья и Еремѣевна ей помогаютъ*).

Прав. (*Митрофану*). Негодница! Тебѣ ли грубить матери? Къ тебѣ ея безумная любовь и довела ее всего больше до несчастія.

Мит. Да она, какъ будто невѣдомо...

Прав. Грубіянъ!

Стар. (*Еремѣевнѣ*). Что она теперь? Что?

Ерем. (*посмотрѣвъ пристально на г-жу Простакову и сплеснувъ руками*). Очнется, мой батюшка, очнется!

Прав. (*Митрофану*). Съ тобой, дружокъ, знаю что дѣлать. Пошелъ-ка служить...

Мит. (*махнувъ рукою*). По мнѣ, куда велятъ.

Г-жа Прост. (*очнувшись, въ отчаяніи*). Погибла я совсѣмъ! Отнята у меня власть! Отъ стыда никуда глазъ показать нельзя! Нѣтъ у меня сына...

Стар. (*указавъ на г-жу Простакову*). Вотъ злонравія достойные плоды!

ВОПРОСЫ

Ф.-ВИЗИНА И ОТВѢТЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II [1]).

1. Отъ чего у насъ спорятъ сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

На 1. У насъ, какъ и вездѣ, всякій споритъ о томъ, что ему не нравится, или непонятно.

2. Отъ чего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?

На 2. Многіе добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно, для того, что нашли выгоду въ отставкѣ.

3. Отъ чего всѣ въ долгахъ?

На 3. Отъ того, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

4. Если дворянствомъ награждаются заслуги, а къ заслугамъ отверзто поле для всякаго гражданина: отъ чего же никогда не достигаютъ дворянства купцы, а всегда или заводчики, или откупщики?

На 4. Одни, бывъ богатѣе другихъ, имѣютъ случай оказать какую ни-на-есть такую заслугу, по которой получаютъ отличіе.

5. Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства?

На 5. Отъ того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было.

6. Отъ чего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ перевелися общества между благородными?

На 6. Отъ размножившихся клубовъ.

7. Отъ чего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобъ поскорѣй сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобъ поскорѣе сдѣлать ихъ, не служа, гвардіи унтеръ-офицерами.

На 7. Одно легче другаго.

8. Отъ чего въ нашихъ бесѣдахъ слушать нечего?

На 8. Отъ того, что говорятъ небылицу.

9. Отъ чего, извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми?

На 9. Отъ того, что на судѣ не изобличены.

10. Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

На 10. Отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго.

11. Отъ чего знаки почестей, долженствующіе засвидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ по большей части къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія?

На 11. Отъ того, что всякій любитъ и почитаетъ лишь себѣ подобнаго, а не общественныя и особенныя добродѣтели.

12. Отъ чего у насъ не стыдно ничего не дѣлать?

На 12. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурно, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

13. Чѣмъ можно возвысить упадшія души дворянства? Какимъ образомъ выгнать изъ сердецъ нечувственность къ достоинству благороднаго званія? Какъ сдѣлать, чтобъ почтенное титло дворянина было несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства?

На 13. Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несомнѣнно, колико души ободрены, либо упали; самая наружность, походка и проч. то уже оказываютъ.

14. Имѣя Монархиню честнаго человѣка, чтобы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ: удостоиваться Ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ?

[1]) Помѣщены въ *Собесѣдникѣ Любителей Русскаго Слова*, при слѣдующемъ письмѣ къ издателямъ онаго: «Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова, подъ надзираніемъ почтенныя Наукъ Покровительницы, есть и долженъ быть хранилищемъ тѣхъ произведеній разума, кои приносить могутъ столько увеселенія, сколько и дѣйствительной пользы. Издатели онаго не боятся отверзать двери истинѣ; почему и беру вольность представить имъ для напечатанія нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особливое вниманіе. Буде оные напечатаются, то продолженіе послѣдуетъ впредь и немедленно. Публика заключитъ тогда по справедливости, что если можно вопрошать прямодушно, то можно и отвѣчать чисто-сердечно. Отвѣты и рѣшенія наполнять будутъ Собесѣдникъ и составлять неизсыхаемый источникъ размышленій, извлекающихъ со дна истину, толь возлюбленную Монархинѣ нашей».

На 14. Для того, что вездѣ, во всякой землѣ и во всякое время, родъ человѣческій совершеннымъ не родится.

15. Отъ чего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе?

На 15. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. NB. *Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли: буде же бы имѣли, то начали бы на нынѣшняго одного десять преждебывшихъ.*

16. Отъ чего многіе пріѣзжіе изъ чужихъ краевъ, почитавшіеся тамо умными людьми у насъ почитаются дураками; и на оборотъ, отъ чего здѣшніе умницы въ чужихъ краяхъ часто дураки?

16. Отъ того, что вкусы разные и что всякій народъ имѣетъ свой смыслъ.

17. Гордость большей части бояръ гдѣ обитаетъ: въ душѣ или головѣ?

На 17. Тамъ же, гдѣ нетерпимость.

18. Отъ чего въ Европѣ весьма ограниченный человѣкъ въ состояніи написать письмо вразумительное и отъ чего у насъ часто преострые люди пишутъ безтолково?

На 18. Отъ того что тамъ, учась слогу, одинаково пишутъ; у насъ же всякъ мысли свои, не учась, на бумагу кладетъ.

19. Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, потомъ же оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются?

На 19. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

20. Какъ истребить два сопротивные и оба вреднѣйшіе предразсудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?

На 20. Временемъ и знаніемъ.

21 Въ чемъ состоитъ національный характеръ?

На 21 Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

Всеобщая

ПРИДВОРНАЯ ГРАММАТИКА

Предувѣдомленіе.

Сія Грамматика не принадлежитъ частно ни до котораго Двора: она есть всеобщая или философская. Рукописный подлинникъ оной найденъ въ Азіи, гдѣ, какъ сказываютъ, былъ первый Царь и первый Дворъ. Древность сего сочиненія глубочайшая; ибо на первомъ листѣ Грамматики, хотя годъ и не назначенъ, но именно изображены сіи слова: *вскорѣ послѣ всеобщаго потопа.*

ВСЕОБЩАЯ ПРИДВОРНАЯ ГРАММАТИКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе.

Вопр. Что есть Придворная Грамматика?

Отв. Придворная Грамматика есть наука хитро льстить языкомъ и перомъ.

Вопр. Что значитъ хитро льстить?

Отв Значитъ говорить и писать такую ложь, которая была бы знатнымъ пріятна, а льстецу полезна.

Вопр. Что есть придворная ложь?

Отв. Есть выраженіе души подлой предъ душею надменною. Она состоитъ изъ безстыдныхъ похвалъ большому барину за тѣ заслуги, которыхъ онъ не дѣлалъ, и за тѣ достоинства, которыхъ не имѣетъ.

Вопр. Какое раздѣленіе словъ у Двора примѣчается?

Отв. Обыкновенныя слова бываютъ: *односложныя, двусложныя, троесложныя* и *многосложныя*. Односложныя: *такъ, князь, рабъ;* двусложныя: *силенъ, случай, упалъ;* троесложныя: *милостивъ, жаловать, угождать*, и наконецъ многосложныя: *Высокопревосходительство.*

Вопр. Какіе люди составляютъ Дворъ.

Отв. Гласные и безгласные.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О гласныхъ и о частяхъ рѣчи.

Вопр. Что разумѣешь ты чрезъ гласныхъ?

Отв. Чрезъ гласныхъ разумѣю тѣхъ сильныхъ вельможъ, кои по большей части самымъ простымъ звукомъ, чрезъ одно отверстіе рта, производятъ уже въ безгласныхъ то дѣйствіе, какое имъ угодно. Напримѣръ: если большой баринъ, при докладѣ ему о какомъ-нибудь дѣлѣ, нахмурясь скажетъ: *о!*, тогда дѣла вѣчно сдѣлать не посмѣютъ, развѣ какъ-нибудь перетолкуютъ ему объ ономъ другимъ образомъ и онъ, получа о дѣлѣ другія мысли, скажетъ тономъ, изъявляющимъ свою ошибку: *а!*—тогда дѣло обыкновенно въ тотъ же часъ и рѣшено.

Вопр. Сколько у Двора бываетъ гласныхъ?

Отв. Обыкновенно мало: три, четыре, рѣдко пять.

Вопр. Но между гласными и безгласными нѣтъ ли еще какого рода?

Отв. Есть: полугласные, или полубояре.

Вопр. Что есть полубояринъ?

Отв. Полубояринъ есть тотъ, который уже вышелъ изъ безгласныхъ, но не попалъ еще въ гласные; или, иначе сказать, тотъ, который предъ гласными хотя еще безгласный, но передъ безгласными уже гласный.

Вопр. Что разумѣешь ты чрезъ придворныхъ безгласныхъ?

Отв. Они у Двора точно то, что въ азбукѣ буква ъ, то есть: сами собою, безъ помощи другихъ буквъ, никакого звука не производятъ.

Вопр. Что при словахъ примѣчать должно?

Отв. Родъ, число и падежъ.

Вопр. Что есть придворный родъ?

Отв. Есть различіе между душею мужескою и женскою. Сіе различіе отъ пола не зависитъ: ибо у Двора иногда женщина стоитъ мужчины, а иной мужчина хуже бабы.

Вопр. Что есть число?

Отв. . . . . счетъ, сколькими полугласными и безгласными можно свалить одного гласнаго; или же иногда, сколько одинъ гласный, чтобъ устоять въ гласныхъ, долженъ повалить полугласныхъ или безгласныхъ.

Вопр. Что есть придвор[illegible]ый падежъ?

Отв. . . . . Впрочемъ, большая часть бояръ думаетъ, что всѣ находятся передъ ними въ *винительномъ падежѣ*; снискиваютъ же ихъ расположеніе и покровительство обыкновенно *падежомъ дательнымъ*.

Вопр. Сколько у двора глаголовъ?

Отв. Три: *дѣйствительный*, *страдательный*, а чаще всего *отложительный*.

Вопр. Какія наклоненія обыкновенно у Двора употребляются?

Отв. Повелительное и неопредѣленное.

Вопр. У людей заслуженныхъ, но безпомощныхъ, какое *время* употребляется по большей части въ разговорахъ съ большими господами?

Отв. *Прошедшее*, напримѣръ: *я израненъ*, *я служилъ*, и тому подобное.

Вопр. Въ какомъ *времени* бываетъ ихъ отвѣтъ?

Отв. Въ *будущемъ*, напримѣръ: *посмотрю*, *доложу*, и такъ далѣе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О глаголахъ.

Вопр. Какой глаголъ спрягается чаще всѣхъ и въ какомъ времени?

Отв. Какъ у двора, такъ и въ столицѣ никто безъ долгу не живетъ, для того чаще всѣхъ спрягается глаголъ: *быть должнымъ*. (Для примѣра прилагается здѣсь спряженіе *настоящаго времени*, чаще всѣхъ употребительнѣйшаго): Я долженъ. Ты долженъ. Онъ долженъ. Мы должны. Вы должны. Они должны.

Вопр. Спрягается ли сей глаголъ въ прошедшемъ времени?

Отв. Весьма рѣдко: ибо никто долговъ своихъ не платитъ.

Вопр. А въ будущемъ?

Отв. Въ будущемъ спряженіе сего глагола употребительно: ибо само собою разумѣется, что всякій непремѣнно въ долгу будетъ, если еще не есть.

XXIX.

ДЕРЖАВИНЪ, КАКЪ «ПѢВЕЦЪ ЕКАТЕРИНЫ». — ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕРЖАВИНА. — БІОГРАФИЧЕСКІЯ ПОДРОБНОСТИ. — ДЕРЖАВИНЪ И ЕКАТЕРИНА II. — ДЕРЖАВИНЪ И АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЭПОХА.—ЗНАЧЕНІЕ ДЕРЖАВИНА ВЪ ИСТОРІИ НАШЕЙ ПОЭЗІИ.

Сумароковъ, подъ конецъ своей литературной карьеры [1]), при поднесеніи одной изъ своихъ одъ Екатеринѣ, говорилъ между прочимъ: «*царствованью Августа потребенъ Горацій*»—и самонадѣянно воображалъ онъ себя тѣмъ избраннымъ пѣвцомъ, тѣмъ Гораціемъ, которому суждено было воспѣть вѣкъ новаго Августа — Екатерины. Но не ему выпало это на долю... На мѣсто отживающаго поэта въ то время уже готовъ былъ вступить Державинъ,—тотъ восторженный и пылкій пѣвецъ Екатерины, который посвятилъ лучшій періодъ своей поэтической дѣятельности воспѣванію ея вѣка, и въ цѣломъ рядѣ своихъ блестящихъ произведеній оставилъ потомству *поэтическую лѣтопись* славы, подвиговъ и торжествъ Екатерининскаго времени. Но въ этой «поэтической лѣтописи», живо и ярко рисующей намъ лица и событія замѣчательнѣйшей эпохи въ исторіи Россіи XVIII вѣка, поэтъ еще гораздо болѣе ярко обрисовалъ намъ свою собственную личность, совершенно отчетливо представивъ намъ себя, какъ человѣка и какъ писателя. Къ тому матерьялу, который поэтическія произведенія Державина представляютъ намъ для характеристики его, какъ поэта, присоединяются еще оставленные имъ «*Записки*» [2]) и обширная дѣловая и дружеская переписка, служащія драгоцѣннѣйшимъ дополненіемъ его біографіи и вполнѣ возсоздающіе намъ образъ Державина, какъ со стороны его общественной и государственной дѣятельности, такъ и со стороны частной, домашней жизни. Вообще, если принять въ соображеніе всѣ произведенія Державина, его въ высшей степени любопытныя и важныя «Записки» и обширную переписку, то нельзя будетъ не прійти къ убѣжденію, что ни одинъ изъ нашихъ литературныхъ дѣятелей XVIII вѣка—даже самъ Фонъ-Визинъ—не рисуется намъ такъ живо, такъ полно и рельефно, какъ Державинъ. Мало того: въ личности Державина, какъ литературнаго и общественнаго дѣятеля, съ замѣчательною ясностью рисуется намъ типъ одного изъ передовыхъ русскихъ людей второй половины XVIII столѣтія, со всѣми свѣтлыми и темными сторонами, со всѣми достоинствами и недостатками. Особенно интересною является для насъ личность Державина по сравненію съ Фонъ-Визинымъ, его современникомъ и пріятелемъ, о которомъ мы сказали въ началѣ предъидущей главы, что «онъ олицетворялъ въ своемъ замѣчательномъ образѣ всѣ лучшія стороны современнаго общественнаго типа, при весьма немногихъ недостаткахъ, неотъемлемо-свойственныхъ всѣмъ, даже и весьма просвѣщеннымъ, весьма почтеннымъ представителямъ нашего высшаго общества въ прошломъ столѣтіи [3])». Къ Державину можно примѣнить тотъ же самый отзывъ, но только не много видоизмѣнивъ его, сообразно его личному характеру и характеру той дѣятельности, которой посвящена была большая половина его жизни: въ своемъ величавомъ образѣ Державинъ представляетъ намъ *всѣ недостатки* современныхъ ему общественныхъ дѣятелей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько такихъ личныхъ достоинствъ, которыя составляютъ дѣйствительное украшеніе его и рѣзко отличаютъ его отъ другихъ современниковъ, одновременно съ нимъ вращавшихся въ высшей сферѣ нашей придворной и административной жизни прошлаго столѣтія. Одаренный отъ природы очень слабымъ и мягкимъ характеромъ, способный поддаваться дурнымъ вліяніямъ и вслѣдствіе этого часто уклонясь съ прямаго пути, Державинъ, однакоже, въ те-

[1]) Въ сентябрѣ 1773 года, при поднесеніи оды на день коронаціи. [2]) Не маловажно для насъ то полное заглавіе записокъ, которое дано было имъ самимъ авторомъ: «Записки изъ извѣстныхъ всѣмъ происшествіевъ и подлинныхъ дѣлъ, заключающія въ себѣ жизнь Гаврилы Романовича Державина». Записки эти начаты были въ 1805 и окончены 1812 годомъ. [3]) См. выше, стр. 349.

ченіе всей своей жизни не переставалъ уважать этотъ прямой путь и постоянно стремился на него возвратиться. Вслѣдствіе этого, иногда, увлекаясь честолюбивымъ, суетнымъ стремленіемъ къ видному положенію въ свѣтѣ, къ чинамъ и отличіямъ, Державинъ заискивалъ въ вельможахъ и временщикахъ, старался съ ними сблизиться, войти въ тѣсныя сношенія, даже угодить имъ — и вдругъ потомъ, проникнувшись глубокимъ отвращеніемъ къ ихъ несправедливости, корыстолюбію и узкому эгоизму, ударялся въ совершенно противоположное направленіе: писалъ на нихъ же сатиры, выставлялъ ихъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, даже преувеличивалъ себѣ ихъ личные недостатки. Вообще, непослѣдовательность, горячность, непостоянство и быстрые переходы отъ одного воззрѣнія или направленія въ образѣ дѣйствій къ другому, совершенно-противопротивоположному — вотъ важнѣйшія черты нравственнаго типа, представляемаго Державинымъ. Отсюда, конечно, происходила и его замѣчательная способность быстро мѣнять свои мнѣнія о людяхъ, благодаря которой онъ то восторженно увлекался тою или другою личностью, превозносилъ ее до небесъ, не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать въ ней никакихъ темныхъ сторонъ, то вдругъ, напротивъ, разбивалъ въ прахъ своего кумира и ожесточенно топталъ въ грязь его обломки. Отсюда же объясняется намъ и его замѣчательная неуживчивость, непосѣдливость, вслѣдствіе которой онъ такъ часто мѣнялъ мѣста своей службы, разстраивалъ связи, ссорился со всѣми... Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ, свойственныхъ Державину, ему нельзя отказать и въ двухъ несомнѣнно важныхъ достоинствахъ: онъ оставался въ теченіе всей своей жизни вѣренъ своимъ понятіямъ о честности и постоянно ратовалъ въ пользу ея среди общества, въ которомъ самыя обыденныя понятія о честности не находили себѣ примѣненія, и въ высшихъ слояхъ котораго безумная роскошь развивала положительную наклонность смотрѣть на казенное добро, какъ на свое собственное.. Другимъ немаловажнымъ достоинствомъ Державина представляется намъ его постоянное желаніе быть дѣятельнымъ, постоянное стремленіе приносить пользу то службой своей, то откровеннымъ выраженіемъ своего взгляда на извѣстное дѣло, то прямотою и рѣзкою искренностью даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эта искренность должна была положительно вредить его личнымъ интересамъ. Въ виду всего этого, намъ кажется одностороннимъ и невѣрнымъ тотъ взглядъ на личность Державина, который въ послѣднее время былъ неоднократно высказываемъ у насъ въ литературѣ подъ вліяніемъ обличительнаго направленія, овладѣвшаго даже и нашей литературной критикой.... Державину стали придавать очень мало значенія въ исторіи нашей литературы и самый характеръ его представлять ничтожнымъ и неза-

Державинъ.

служивающимъ никакого уваженія... Считая всякія оправданія Державина излишними, мы только позволимъ себѣ напомнить здѣсь, что если принять въ соображеніе всѣ тѣ историческіе и общественныя условія, среди которыхъ Державину приходилось жить и дѣйствовать, то намъ конечно придется поставить его, по отношенію къ нравственнымъ достоинствамъ выше всей той придворной среды, которою была окружена Екатерина А много ли найдется въ исторіи нашего XVIII столѣтія такихъ личностей, къ которымъ настолько же безпристрастно возможно было бы примѣнить даже и этотъ отзывъ?

Гавріилъ Романовичъ Державинъ родился близъ Казани, въ іюлѣ 1743 года. Родители его были бѣдные дворяне. Отецъ состоялъ въ военной службѣ въ арміи, а потомъ по болѣзни переведенъ былъ въ оренбургскіе полки, и тамъ-то, на крайнемъ востокѣ Россіи, протекла большая часть дѣтства и отрочества Державина. Въ «Запискахъ» своихъ онъ съ особеннымъ почтеніемъ и любовью вспоминаетъ о своихъ родителяхъ и особенно живо описываетъ бѣдственное состояніе своей бѣдной матери, которая, по смерти отца должна была переселиться въ Казань и, съ трудомъ перебиваясь своими ничтожными средствами, въ то же время выпуждена была и вести тяжбу съ сосѣдями, и заботиться о воспитаніи дѣтей своихъ. Само собою разумѣется, что ни одинъ изъ ея сыновей не могъ получить при этомъ даже и сноснаго образованія. Образованіе Гавріила Романовича началось въ Оренбургѣ съ того, что онъ былъ «наученъ отъ церковниковъ читать и писать», и продолжалось тамъ же, въ пансіонѣ ссыльнаго нѣмца *Розы*, который «былъ самъ невѣжда, не зналъ даже грамматическихъ правилъ, а для того и упражнялъ только дѣтей твердженіемъ наизусть вокабулъ и разговоровъ, и списываніемъ оныхъ». Не улучшились образовательныя средства и тогда, когда мать Державина поселилась въ Казани, «ибо, за неимѣніемъ лучшихъ учителей ариѳметики и геометріи», мать Державина отдала его въ наученіе, сперва «гарнизонному школьнику Лебедеву, а потомъ артиллеріи штыкъ-юнкеру Полетаеву; но какъ они и сами въ сихъ наукахъ были малосвѣдущи (ибо какъ Роза нѣмецкому училъ безъ грамматики, такъ и эти ариѳметикѣ и геометріи безъ доказательныхъ правилъ), то и довольствовались въ ариѳметикѣ одними первыми пятью частями, а въ геометріи черченіемъ фигуръ, не имѣя понятія, что и для чего надлежитъ». Когда Гавріилу Романовичу минулъ 14-й годъ, мать ѣздила съ нимъ въ Москву, чтобы не пропустить срока явки дѣтей своихъ въ герольдіи и записать ихъ на службу, но здѣсь ей пришлось такъ много хлопотать, доказывая «истинное дворянское происхожденіе явленныхъ ею недорослей отъ рода Багрима Мурзы, выѣхавшаго изъ Золотой Орды при Василіѣ Темномъ», что средства ея окончательно истощились, и, не имѣя долѣе возможности существовать въ Москвѣ, она возвратилась въ Казань. По счастью для нея, здѣсь, въ 1758 году, открылась гимназія, «состоящая подъ главнымъ вѣдомствомъ Московскаго университета и братья Державины были записаны въ это училище, «въ которомъ преподавалось ученіе языкамъ: латынскому, французскому, нѣмецкому, ариѳметикѣ, геометріи, танцованію, музыкѣ, рисованію и фехтованію, подъ дирекціею бывшаго тогда ассессоромъ Михайла Ивановича Веревкина». Но и здѣсь, по недостатку въ хорошихъ учителяхъ, немногому пришлось Державинымъ научиться. И воспитаніе, и образованіе, по свидѣтельству «Записокъ» сводилось къ очень незначительнымъ результатамъ. «Болѣе всего старались», пишетъ въ *Запискахъ* Державинъ, — «чтобъ научить читать, писать и говорить сколько нибудь по грамматикѣ, и быть обходительнымъ, заставляя сказывать на каѳедрахъ сочиненныя учителемъ и выученныя наизусть рѣчи; также представляли на театрѣ бывшія тогда въ славѣ Сумарокова трагедіи, танцовали и фехтовали въ торжественныхъ собраніяхъ при случаѣ экзаменовъ, что сдѣлало питомцевъ, хотя въ наукахъ неискусными, однако же доставило людкость и нѣкоторую розвязь въ обращеніи».

Въ 1762 году, Державинъ, уже задолго передъ тѣмъ записанный въ Преображенскій полкъ рядовымъ, явился на службу и, не имѣя въ столицѣ ни родни, ни знакомыхъ, вынужденъ былъ помѣститься въ казармѣ, вмѣстѣ съ прочими солдатами. Тутъ Державинъ «долженъ былъ, хотя и не хотѣлъ, выкинуть изъ головы науки. Однако, какъ сильную имѣлъ къ нимъ склонность, то, не могши упражняться по тѣснотѣ комнаты ни въ рисованіи, ни въ музыкѣ, чтобы другимъ своимъ компаніонамъ не наскучить, по ночамъ, когда всѣ улягутся, читалъ книги, какія гдѣ достать случалось, нѣмецкія и русскія, и маралъ стихи безъ всякихъ правилъ, которыя никому не показывалъ, что, однако, сколько ни скрывалъ, но не могъ утаить отъ компаніоновъ, а паче отъ ихъ женъ»... Два года спустя, Державинъ уже нѣсколько болѣе правильно сталъ относиться къ этимъ своимъ занятіямъ и «упражнялся въ чтеніи книгъ и кропаніи стиховъ, стараясь научиться стихотворству изъ книги о поэзіи, сочиненной г. Третьяковскимъ и изъ прочихъ авторовъ, какъ гг. Ломоносова и Сумарокова. Но болѣе

другихъ ему нравился, по легкости слога (князь Ѳ. А.) Козловскій, изъ котораго и научился цезурѣ или раздѣленіи александрійскаго ямбическаго стиха на двѣ половины». До самаго 1772 года, Державинъ, за исключеніемъ небольшихъ перерывовъ времени, проведенныхъ имъ въ отпуску у матери, въ Казани, вынужденъ былъ въ остальное время нести на себѣ всѣ тягости военной службы, принимать участіе во всѣхъ солдатскихъ работахъ и упражненіяхъ. Постепенно пришлось ему пройти всѣ степени солдатства:

Казанская гимназія.

быть и капраломъ, и каптенармусомъ, и сержантомъ. Наконецъ, послѣ почти десятилѣтней службы, Державинъ былъ произведенъ въ прапорщики. Молодость свою и эти первые годы службы Державинъ рисуетъ самыми мрачными красками и очень живо представляетъ намъ весьма непривлекательную картину нравовъ, преобладавшихъ въ средѣ тогдашней нашей молодежи. Много разъ въ теченіе времени между 1764—1772 годами Гавріилъ Романовичъ видѣлъ себя на краю гибели, вдаваясь въ самый необузданный развратъ и сильнѣйшую картежную игру... Его окружала цѣлая ватага буйныхъ и пьяныхъ сотоварищей, преданныхъ беззавѣтному и безпросыпному разгулу; мы видимъ около него даже шулеровъ, обыгрывающихъ его навѣрняка и потомъ научающихъ его всѣмъ тонкостямъ своего искусства!.. Но здоровая и сильная натура Гавріила Романовича выдерживаетъ эту трудную школу и выноситъ изъ нея только сильнѣйшее желаніе во что бы то ни стало сохранить въ себѣ неприкосновеннымъ сознаніе своего нравственнаго достоинства. Должно, однако же, предполагать, что не легко было спастись Державину изъ той пропасти, на краю которой скользилъ онъ много разъ въ теченіе этого времени, потому что даже и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, въ перепискѣ съ друзьями и родней, онъ не могъ безъ ужасу вспомнить о томъ образѣ жизни, которому предавался въ Москвѣ, въ концѣ 60-хъ годовъ, до окончательнаго переселенія своего въ Петербургъ и до производства въ офицеры.

Четыре года, слѣдовавшіе за производствомъ въ офицеры (1772—1776), проведены были Державинымъ на Востокѣ Россіи, гдѣ онъ

состоялъ, во время Пугачевщины, членомъ секретной комиссіи, учрежденной для подавленія мятежа въ Казани и Оренбургѣ. Эти четыре года жизни Державина, — которыми онъ очень гордился, постоянно выставляя на видъ то безкорыстіе и ту неутомимую дѣятельность, какія были имъ въ теченіе этого времени выказаны — не имѣютъ почти никакого значенія въ исторіи развитія его литературнаго таланта. Результаты дѣятельной и безкорыстной службы были, однакоже, далеко не завидны: въ концѣ концовъ Державину пришлось самому хлопотать о томъ, чтобы его наградили за усердіе и уплатили ему за убытки, понесенные имъ отъ продовольствованія войскъ въ его Оренбургской деревнѣ. Наконецъ, въ 1777 году, послѣ долгихъ хлопотъ и ходатайствъ, при посредствѣ Потемкина, Державину удается получить 300 душъ въ Бѣлоруссіи и чинъ бомбардиръ-поручика, послѣ чего онъ рѣшается покинуть военную службу и переходитъ въ статскую съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Вскорѣ послѣ того, благодаря этому удачному повороту въ дѣлахъ и чрезвычайно счастливому періоду игры въ карты, Державину удается нѣсколько округлить свое небольшое состояніе, пышно и широко устроить свою жизнь въ Петербургѣ и, наконецъ, черезъ знакомство съ генералъ-прокуроромъ, княземъ А. А. Вяземскимъ, получаетъ въ Сенатѣ мѣсто экзекутора въ 1-мъ департаментѣ. «Должность сія», пишетъ Державинъ, «по отступленіи отъ инструкціи Петра Великаго, хотя была тогда уже не весьма важная, однако довольно видная. Отправляя ее, скоро пріобрѣлъ онъ [1]) знакомство всѣхъ господъ сенаторовъ и значущихъ людей въ семъ карьерѣ, а особливо бывалъ всякій день въ домѣ генералъ-прокурора»... «Онъ былъ любимцемъ сего всѣми тогда уважаемаго дома. Съ княземъ по вечерамъ для забавы иногда игралъ въ карты; а иногда читалъ ему книги, большею частію романы, за которыми нерѣдко и чтецъ, и слушатель дремали. Для княгини писалъ стихи похвальные въ честь ея супруга, хотя насчетъ ея страсти и привязанности къ нему не весьма справедливые, ибо они знали модное искусство давать другъ другу свободу».

Но какъ ни ласкали Державина въ домѣ его начальника, какъ ни старался и онъ самъ поддержать къ себѣ расположеніе начальника и его семьи, однако же, когда увидѣлъ, что его ласкаютъ не совсѣмъ безкорыстно, и хотятъ выдать за него родственницу-княжну, «извѣстную въ то время стихотворицу», то Державинъ женить себя не далъ и очень ловко отшутился отъ навязываемой ему партіи, которая обѣщала быть ему несомнѣнно выгодною въ отношеніи служебномъ. Вскорѣ послѣ того онъ женился по любви на молодой и прекрасной дѣвушкѣ, за которою не было никакого состоянія. Вѣроятно эта женитьба много способствовала тому, чтобы разстроить отношенія Державина къ Вяземскому, пользовавшемуся въ то время громаднымъ вліяніемъ; а тутъ еще некстати подвернулась и литературная извѣстность, такъ нежданно-негаданно осѣнившая Державина. Дѣло въ томъ, что Державинъ непокидалъ своихъ занятій литературой ни во время военной службы, ни по переходѣ въ гражданскую. Весь періодъ его поэтической дѣятельности до 1779 года, по его собственному сознанію, не представлялъ ничего самостоятельнаго. «Онъ хотѣлъ подражать г. Ломоносову, но какъ талантъ сего автора не былъ въ немъ внушаемъ одинакимъ геніемъ, то хотѣвъ парить, не могъ выдерживать постоянно, красивымъ подборомъ словъ, свойственнаго единственно россійскому Пиндару (т. е. Ломоносову) великолѣпія и пышности. А для того съ 1779 года изобрѣлъ онъ совсѣмъ особый путь, будучи предводимъ наставленіями г. Батте и совѣтами друзей своихъ: Н. А. Львова, В. В. Капниста и И. И. Хемницера, подражая наиболѣе Горацію. Но какъ онъ (т. е. Державинъ) на нихъ не увѣрялся, то отъ себя ничего въ свѣтъ не издавалъ, а мало по малу, подъ неизвѣстнымъ именемъ, посылалъ въ періодическое изданіе *С.-Петербургскаго Вѣстника*, котораго издатель, г. Брайко, печатая, сообщалъ ему извѣстія, что публика творенія его одобряетъ». Съ 1779 года, слѣдовательно, Державинъ выступилъ на самостоятельную дорогу литературную и сталъ писать «въ новомъ родѣ»; однимъ изъ такихъ произведеній *въ новомъ родѣ* и была ода «Фелицѣ», (1752 г.) поводомъ къ сочиненію ко-

[1]) Державинъ всюду въ «Запискахъ» говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

торой послужила сказка Екатерины о Царевичѣ Хлорѣ», и «какъ сія Государыня любила забавныя шутки, то во вкусѣ ея и писалъ на счетъ ея ближнихъ, хотя безъ всякаго злорѣчія, но съ довольною издѣвкою и съ шалостью». Какъ ни старался авторъ скрывать эту оду, добрые пріятели выдали его и о ней узнали вскорѣ даже многіе изъ придворныхъ. Екатеринѣ очень понравилось произведеніе молодого поэта, отъ котораго дѣйствительно вѣяло новою жизнью, и она выразила свое расположеніе автору богатымъ подаркомъ, [1]) который окончательно разссорилъ Державина съ Вяземскимъ. «Съ того времени закралась въ его сердце ненависть и злоба, такъ что равнодушно съ новопроявившимся стихотворцемъ говорить не могъ: привязываясь во всякомъ случаѣ къ нему, не токмо посмѣхался, но и почти ругалъ, проповѣдуя, что стихотворцы не способны ни къ какому дѣлу. Все сіе сносимо было съ терпѣніемъ, сколько можно, близь двухъ годовъ.» Окончательный разрывъ между Державинымъ и Вяземскимъ послѣдовалъ тогда, когда молодой стихотворецъ осмѣлился противорѣчить своему начальнику при случаѣ составленіи табели и росписанія доходовъ Имперіи на новый годъ. Вяземскій требовалъ, чтобы представлены были старыя табель и росписаніе; а Державинъ утверждалъ, что этого сдѣлать нельзя, такъ какъ доходы государства успѣли возрасти слишкомъ на 8,000,000 противъ прошлаго года. Вяземскій же «для того не хотѣлъ открывать точнаго доходу, чтобы держать себя болѣе въ уваженіи, когда при нуждѣ въ деньгахъ онъ отзовется по табели неимѣніемъ оныхъ, но послѣ будто особымъ своимъ изобрѣтеньемъ и радѣніемъ найдетъ оныя кое-какъ и удовлетворитъ требованьямъ двора». Державинъ предъусматривая, «что нельзя тамъ ему ужиться, гдѣ не любятъ правды», [2]) рѣшился оставить службу, и собирался отдохнуть... Онъ съ особеннымъ жаромъ предался занятіямъ литературою, докончилъ знаменитую оду «*Богъ*» и написалъ «*Видѣніе Мурзы*». (1785 г.) Но отдохнуть ему не удалось: по желанію Императрицы онъ назначенъ былъ олонецкимъ губернаторомъ. На губернаторствѣ пробылъ онъ однакоже не болѣе двухъ лѣтъ, и такъ какъ его постоянная дѣятельность и несносная, придирчивая честность сильно докучали намѣстнику губерніи, то по его ходатайству Державинъ и былъ переведенъ въ концѣ втораго года въ Тамбовскую губернію, «не сдѣлавъ никого несчастливымъ и не заведя никакого дѣла». Второе губернаторство его не обошлось ему такъ легко, какъ первое. Здѣсь при исправленіи своей должности пришлось ему столкнуться съ Гудовичемъ, который былъ одновременно намѣстникомъ и Рязанской, и Тамбовской губерніи, и при своихъ связяхъ, при своемъ богатствѣ, имѣлъ на сторонѣ своей сильную партію въ Петербургѣ. Всѣ подчиненныя и тѣ лица, противъ которыхъ Державину приходилось вооружаться за ихъ незаконные поступки, обращались на него съ жалобою къ Гудовичу, а тотъ писалъ въ Петербургъ... Дѣло кончилось тѣмъ, что Державинъ былъ въ 1788 году отрѣшенъ отъ губернаторской должности и преданъ суду, подъ предлогомъ различныхъ будто бы сдѣланныхъ имъ упущеній по службѣ.

Весьма поучительнымъ для потомства можно назвать то мѣсто «Записокъ», въ которомъ Державинъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Москвѣ въ то время, когда въ Московскомъ Сенатѣ велось его дѣло и тянулось болѣе полугода изъ угожденія къ его личному врагу генералъ-прокурору кн. Вяземскому. Не имѣя возможности говорить здѣсь подробно объ этомъ эпизодѣ, мы замѣтимъ только, что даже и тогда, когда дѣло Державина наконецъ было рѣшено, онъ долго не могъ добиться того, чтобы ему объявлено было принятое по его дѣлу рѣшеніе. «И такъ принужденъ былъ дать чрезъ одного стряпчаго оберъ-секретарю 2.000 рублей за то, чтобъ только позволилъ копію списать того рѣшительнаго опредѣ-

[1]) См. объ этомъ въ объясненіяхъ къ одѣ «Фелица», въ приложеніи къ этой главѣ.

[2]) Державинъ сообщаетъ между прочимъ и такой анекдотъ о Вяземскомъ. Осматривая сенатскую залу, заново отдѣланную, генералъ-прокуроръ увидѣлъ на одномъ изъ барельефовъ нагое изображеніе *Истины*. «Вели ее, братъ, нѣсколько прикрыть», сказалъ онъ, обращаясь къ Державину. «И подлинно, съ тѣхъ почти поръ стали отчасу болѣе прикрывать правду въ правительствѣ, потому что князь Потемкинъ, будучи человѣкъ сильный и властолюбивый, не весьма любилъ повиноваться законамъ, а дѣлалъ все по своему самоправію». (*Записки Державина* стр. 546 въ акад. изд.).

ленія, дабы, прибѣгнувъ къ Императрицѣ съ просьбою, въ чемъ противъ онаго не ошибиться». Послѣ этого Державинъ отправился въ Петербургъ, чтобы «доказать Императрицѣ, что онъ способенъ къ дѣламъ, *неповиненъ руками*, чистъ сердцемъ и вѣренъ въ возложенныхъ на него должностяхъ».

Въ Петербургѣ Державину удалось добиться аудіенціи у Императрицы, удалось до нѣкоторой степени оправдаться передъ нею въ возведенныхъ на него обвиненіяхъ; но Императрица удовольствовалась только очень поверхностнымъ отношеніемъ къ дѣлу: она сказала Державину, что «не можетъ обвинить автора *Фелицы*», но даже и не заглянула въ тотъ толстый томъ документовъ и дѣлъ, на которомъ онъ свои оправданія основывалъ. Державину возвращено было заслуженное имъ жалованье, велѣно было даже «и впредь оное производить до опредѣленія къ мѣсту»; но мѣста ему никакого не давали и онъ оставался безъ службы и безъ дѣла. «Сіе продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ и хотя по воскресеньямъ пріѣзжалъ онъ ко двору, но какъ не было у него никакого предстателя, который бы напомянулъ Императрицѣ объ обѣщанномъ мѣстѣ, то и сталъ Державинъ какъ бы забвеннымъ. Въ таковомъ случаѣ не оставалось ему ничего другаго дѣлать, какъ искать входа къ любимцу Государыни и черезъ него (т. е. черезъ П. А. Зубова) искать себѣ покровительства». Державинъ не былъ съ нимъ знакомъ, да и не могъ быть, потому что Зубову было тогда всего 22 года. «Но что дѣлать?»—восклицаетъ Державинъ въ своихъ «Запискахъ»—надо было сыскивать случая съ нимъ познакомиться. Какъ трудно доступить до фаворита! Сколько ни заходилъ къ нему въ комнаты, всегда придворные лакеи, бывшіе у него на дежурствѣ отказывали, сказывая, что или почиваетъ, или ушелъ прогуливаться, или у Императрицы. Такимъ образомъ, ходя нѣсколько разъ, не могъ удостоиться ни одного раза застать его у себя. *Не осталось другаго средства, какъ прибѣгнуть къ своему таланту*. Вслѣдствіе чего и написалъ онъ оду *«Изображеніе Фелицы»*, и къ 22-му числу сентября, т. е. ко дню коронованія Императрицы передалъ черезъ Эмина, который въ Олонецкой губерніи былъ при немъ экзекуторомъ и былъ какъ-то Зубову знакомъ. Государыня, прочетши оную, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать его въ свою бесѣду. Это было въ 1789 году. Съ тѣхъ поръ онъ сему царедворцу сталъ знакомъ, но кромѣ ласковаго обращенія никакой отъ него помощи себѣ не видалъ. Однако и одинъ входъ къ фавориту дѣлалъ уже въ публикѣ ему много уваженія; а сверхъ того, и Императрица приказала приглашать его въ Эрмитажъ и прочія домашнія игры, какъ то на святки, когда они наступали, и прочія собранія».

По самому тону этого мѣста «Записокъ» видно уже, въ какой степени пріятно было искать Державину покровительства Зубова. Но, съ одной стороны, у него недоставало характера отказаться отъ возможности сдѣлать блестящую карьеру, съ другой стороны, онъ былъ твердо увѣренъ въ томъ, что можетъ принести несомнѣнную пользу отечеству своей честностью и прямотою на службѣ; а службы добиться можно было только однимъ путемъ—приблизившись къ Императрицѣ черезъ знакомство съ Зубовымъ, и вотъ Державинъ волей-неволей избираетъ этотъ путь... Правда, что въ числѣ приближенныхъ къ Императрицѣ лицъ, находились и такія, которыя указывали Императрицѣ на Державина, какъ на достойнаго занять мѣсто статсъ-секретаря или совѣтовали ей «взять Державина для описанія ея славнаго царствованія [1])». Но эти указанія дѣлались такъ неловко, что Императрица могла почти видѣть въ нихъ предрѣшенія, предупрежденія своей воли. Такимъ образомъ время шло, Державинъ проживалъ безъ дѣла въ Петербургѣ и, вынужденный жить на широкую ногу, входилъ мало по малу въ долги и нуждался... Между тѣмъ его продолжали ласкать при Дворѣ и постоянно обнадеживали полученіемъ мѣста. Особенно благосклонно принята была Императрицею его *«ода на взятіе Измаила»*. Екатерина подарила поэту богато осыпанную брилліантами табакерку и потомъ, увидѣвшись съ нимъ по напечатаньи оды, сказала ему съ усмѣшкой: «я не знала

[1]) За Державина въ этомъ смыслѣ хлопотала княгиня Дашкова, которую, какъ мы уже знаемъ, Императрица не очень жаловала.

по сіе время, что труба ваша столь же громка, какъ и лира пріятна». Вскорѣ послѣ этого вернулся изъ арміи Потемкинъ, и Державинъ, вращаясь постоянно въ придворномъ кругу, совершенно мимовольно попалъ между двухъ огней и сдѣлался на время предметомъ ухаживанья для двухъ сильнѣйшихъ временщиковъ — Потемкина и Зубова, изъ которыхъ каждый сталъ заискивать въ его талантѣ, думая воспользоваться имъ для своихъ личныхъ цѣлей. Мы не можемъ не привести здѣсь изъ записокъ Девжавина тѣхъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ по своей искренности страницъ, въ которыхъ Гавріилъ Романовичъ разсказываетъ намъ о своемъ затруднительномъ положеніи между этими двумя временщиками, враждебно относившимися другъ къ другу, и такъ наивно изображаетъ тягостное положеніе придворнаго поэта среди борьбы различныхъ срастей и партій, что вѣроятно, самъ того не желая, возбуждаетъ къ себѣ почти состраданіе.

«Князь Потемкинъ пріѣхалъ изъ арміи» — такъ разсказываетъ Державинъ подъ 1790 годомъ въ своихъ *Запискахъ* — «сталъ къ автору необыкновенно ласкаться, и черезъ Василія Степановича Попова (бывшаго главнымъ секретаремъ Потемкина) приказывалъ, что хочетъ съ нимъ короче познакомиться. Вслѣдствіе чего Державинъ сталъ въѣзжъ къ Потемкину». Немного далѣе, излагая непріязненныя отношенія свои къ отцу Зубова, извѣстному своей ненасытностью въ стяжаніи, онъ прибавляетъ, что опасаться ему этихъ отношеній было нечего, «какъ по покровительству сына, такъ и Потемкина, который въ сіе время весьма былъ хорошъ къ автору торжественныхъ хоровъ для праздника на взятіе Измаила, отправленнаго имъ въ Таврическомъ его домѣ»... «Потемкинъ въ сіе время за Державинымъ, такъ сказать, волочился: желая отъ него похвальныхъ себѣ стиховъ, спрашивалъ черезъ г. Попова, чего онъ желаетъ. Но съ другой стороны, молодой Зубовъ, призвавъ его въ одинъ день къ себѣ въ кабинетъ, сказалъ ему отъ имени Государыни, чтобъ онъ (Державинъ) писалъ для князя, что онъ прикажетъ; но отнюдь бы отъ него ничего не принималъ и не просилъ, что онъ и безъ него все имѣть будетъ, прибавя, что Императрица назначила его быть при себѣ статсъ-секретаремъ по военной части. Державинъ *въ таковыхъ мудреныхъ обстоятельствахъ не зналъ, что дѣлать и на которую сторону искренно предаться, ибо отъ обоихъ былъ ласкаемъ*». Въ этихъ послѣднихъ словахъ заключается такое искренное и правдивое разъясненіе основныхъ чертъ Державинскаго характера, что всякія сомнѣнія на его счетъ разсыпаются сами собою. Прямой и честный, готовый стоять за правду, онъ въ тоже время положительно не обладалъ никакимъ характеромъ и потому самому не могъ защититься отъ суетнаго желанія славы и почестей, поддавался вліянію той среды, въ которую судьба его закинула, и въ затруднительныхъ случаяхъ по недостатку твердости и рѣшительности былъ способенъ теряться до такой степени, что даже не зналъ, на которую сторону пристать, *«ибо отъ обоихъ былъ ласкаемъ!»*

Разсказывая о своихъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ Потемкину, Державинъ еще шире развертываетъ передъ нами картину современныхъ нравовъ, и еще болѣе знакомитъ насъ съ своею личностью. «Въ исходѣ Ѳоминой недѣли, т. е. 28 апрѣля (1791 г., Потемкинъ) далъ извѣстный великолѣпный праздникъ въ Таврическомъ своемъ домѣ; тамъ были пѣты сочиненные Державинымъ хоры, которыми бывъ хозяинъ доволенъ, благодарилъ автора... который обѣщалъ сочинить ему описаніе того праздника. Безъ сомнѣнія, князь ожидалъ себѣ въ томъ описаніи великихъ похвалъ, или, лучше сказать, обыкновенной отъ стихотворцевъ сильнымъ людямъ лести. Вслѣдствіе чего, когда Державинъ принесъ ему то описаніе, просилъ Василія Степановича (Попова) доложить ему объ ономъ, князь приказалъ его просить къ себѣ въ кабинетъ. Стихотворецъ вошелъ, подалъ тетрадь, а князь, весьма учтиво поблагодарилъ его, просилъ остаться у себя обѣдать, приказавъ тогда же нарочно готовить столъ. Державинъ пошелъ въ канцелярію къ Попову, — дожидался, *не прикажетъ-ли чего князь*; гдѣ свободный имѣлъ случай объяснить (Попову), что мало въ томъ описаніи на лицо князя похвалъ; но скрылъ прямую тому причину, боясь неудовольствія отъ двора, а сказалъ, что какъ отъ князя онъ *никакихъ благодѣяній личныхъ не имѣлъ, а коротко великихъ его качествъ не знаетъ, то и опасался быть причтенъ въ число подлыхъ и низкихъ ласкателей, како-*

нимъ никто не даетъ истинную вѣроятія; а потому и разсудилъ отнесть всѣ похвалы только къ Императрицѣ и всему русскому народу...; но ежели князь приметъ сіе благосклонно и позволитъ впредь короче узнать его превосходныя качества, то онъ обѣщалъ превознесть его, сколько его дарованія достанетъ. Но таковое извиненіе мало въ пользу автора послужило: ибо князь когда прочелъ описаніе и увидѣлъ, что въ немъ отдана равная съ нимъ честь Румянцеву и Орлову, его соперникамъ, то съ фуріею выскочилъ изъ своей спальни, приказалъ подать коляску, и не смотря на шедшую бурю, громъ и молнію, ускакалъ Богъ знаетъ куды. Всѣ пришли въ смятеніе, столы разобрали — и обѣдъ исчезъ». Но сдержанность стихотворныхъ похвалъ Потемкину и точное исполненіе по отношенію къ нему приказаній Екатерины, переданныхъ черезъ Зубова,—все это не поправило положенія Державина. Онъ вскорѣ долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что былъ въ послѣднее время не болѣе, какъ игрушкою придворной интриги, и что въ сущности никто и недумалъ придавать ему значенія. Потемкинъ уѣхалъ на югъ, потомъ вскорѣ умеръ—и Державинъ былъ вновь преданъ забвенію....

О немъ вспомнили и возвели въ статсъ-секретари уже тогда, когда въ концѣ 1791 года открылись разныя злоупотребленія въ Сенатѣ, а потомъ началось разслѣдованье знаменитаго и громаднаго дѣла о банкирѣ Сутерландѣ, который злоупотреблялъ довѣріемъ казны и казенными деньгами ссужалъ окружавшихъ Императрицу вельможъ. Никто не рѣшался браться за это и другія подобныя же дѣла, всѣ избѣгали ихъ и отъ нихъ уклонялись, зная, что Императрица будетъ заниматься разслѣдованьемъ ихъ съ неохотой—и вотъ всю тягость этихъ непріятныхъ Императрицѣ, казусныхъ дѣлъ взвалили на новаго статсъ-секретаря. Съ обычнымъ рвеніемъ и горячностью взялся за свое новое дѣло Державинъ—и очень скоро успѣлъ прискучить Екатеринѣ своею безтактностью и неумѣньемъ сообразоваться съ обстоятельствами. Онъ ставилъ на первый планъ законъ и настаивалъ на томъ, что его слѣдовало соблюдать неуклонно, а Императрица между тѣмъ, по выраженію Державина, «управляла государствомъ и даже правосудіемъ политически... поблажая своимъ вельможамъ, дабы по маловажнымъ проступкамъ или пристрастіямъ не раздражить ихъ и противъ себя не поставить», да къ тому же и вообще «была снисходительна къ слабостямъ людскимъ [1])», стараясь «избавить (людей) отъ пороковъ и угнетенія сильныхъ невсегда строгостью законовъ, но особымъ материнскимъ о нихъ попеченіемъ». Не разъ случалось, что Екатерина жаловалась окружающимъ на грубость и вспыльчивость Державина при докладахъ; «случалось, что разсердится и выгонитъ (его) отъ себя; а онъ надуется, дастъ себѣ слово быть осторожнымъ и ничего съ ней не говорить; но на другой день, когда онъ войдетъ, то она тотчасъ примѣтитъ, что онъ сердитъ: зачнетъ спрашивать о женѣ, о домашнемъ его быту, не хочетъ ли онъ пить, и тому подобное ласковое и милостивое, такъ что позабудетъ свою досаду и сдѣлается по прежнему чистосердечнымъ. Въ одинъ разъ случилось, что онъ, невытерпѣвъ, вскочилъ со стула и въ изступленіи сказалъ: «Боже мой! кто можетъ устоять противъ этой женщины? Государыня, вы—не человѣкъ. Я сегодня положилъ на себя клятву, чтобъ послѣ вчерашняго ничего съ Вами не говорить; но Вы противъ моей воли дѣлаете изъ меня, что хотите!». Она засмѣялась и сказала: «неужто это правда?».

Не смотря, однакоже, на всю слабость характера своего, не смотря на то, что бли-

[1]) По этому поводу намъ припоминается одно очень характерное мѣсто изъ *Записокъ* Державина, подъ 1793 г., въ которомъ онъ говоритъ между прочимъ...: «хотя угождалъ Державинъ Императрицѣ (будучи статсъ-секретаремъ ея), но правдою своею часто наскучивалъ, и какъ она часто говаривала пословицу «*живи и жить давай другимъ*», и такъ поступала, то онъ (Державинъ) «на рожденіе Греміславы» Л. А. Нарышкину въ одѣ сказалъ:

Живи и жить давай другимъ,
Но только не на счетъ другаго;
Всегда доволенъ будь своимъ,
Не трогай ничего чужаго.

зость къ императрицѣ льстила очевидно самолюбію Державина, онъ, послѣ четырехълѣтняго пребыванія при дворѣ, началъ чувствовать на себѣ всѣ тягости придворной службы и тѣхъ отношеній, къ которымъ никакъ не могъ себя пріучить. Для него наступилъ періодъ разочарованія; «ибо издалека тѣ предметы, которые ему казались божественными, и приводили духъ его въ воспламененіе, явились ему, при приближеніи къ двору, весьма человѣческими и даже низкими и недостойными великой Екатерины, то и охладѣлъ такъ его духъ... что онъ видя дворскія хитрости и безпрестанные себѣ толчки не могъ такихъ ей тонкихъ писать похвалъ, каковы въ одѣ Фелицѣ и тому подобныхъ сочиненіяхъ, которыя имъ писаны не въ бытность его еще при дворѣ»... «Сколько разъ ни принимался, сидя по недѣлѣ для того запершись въ своемъ кабинетѣ, но ничего не въ состояніи былъ такого сдѣлать, чѣмъ бы онъ былъ доволенъ: все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, *какъ у прочихъ цѣховыхъ стихотворцевъ*, у коихъ только слышны слова, а не мысли и чувства». Къ этому разочарованію, которое, какъ видно изъ этого мѣста *Записокъ*, такъ неблагопріятно вліяло на поэтическую дѣятельность Державина, прибавилось въ концѣ царствованія Екатерины и другое обстоятельство, которое должно было еще хуже повліять на поэта. Екатерина, уже съ начала 80-хъ годовъ, сдѣлавшаяся взыскательной и недовѣрчивой по отношенію къ литературѣ и журналистикѣ, рѣшилась взглянуть недовѣрчиво даже и на нѣкоторые изъ поэтическихъ произведеній Державина. Въ тетради стиховъ, поднесенной поэтомъ Императрицѣ по ея собственному желанію, ей не понравилось переложеніе 81-го псалма, сдѣланное Державинымъ, и собственно потому, что «сей самый псаломъ былъ во время французской революціи якобинцами перефразированъ и пѣтъ по улицамъ для подкрѣпленія народнаго возмущенія противъ Людовика XVI». Такъ истолковали Державину неудовольствіе Императрицы. «Царь Давидъ», отвѣчалъ Державинъ, «не былъ якобинецъ, слѣдовательно пѣсни его, не могутъ быть никому противными». И хотя его объясненія и оправданія были приняты Екатериною благосклонно, однако же недовѣріе къ самому себѣ закралось въ его душу, и опасеніе навлечь на себя новую немилость начало съ той поры дѣйствовать на Державина: онъ замѣтно сталъ менѣе писать...

Къ концу царствованія Екатерины, Державинъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ; во время краткаго царствованія императора Павла, Державинъ былъ сдѣланъ президентомъ коммерцъ-коллегіи, потомъ даже государственнымъ казначеемъ, но служебное положеніе его не переставало быть очень шаткимъ и невѣрнымъ; не смотря на свое непреодолимое влеченіе къ дѣятельности, на желаніе приносить своей службой пользу государству, Державинъ видимо уже начиналъ тяготиться своимъ высокимъ саномъ и безполезностью своихъ усилій. Къ этому времени относится извѣстное его стихотвореніе *«Къ самому себѣ»*, въ которомъ, не видя кругомъ себя ничего, кромѣ своекорыстія и ничтожныхъ разсчетовъ, онъ, наконецъ, рѣшается сказать:

«Что мнѣ, что мнѣ суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если свѣтъ за то бранится,
Что иду прямой стезей?
Пусть другіе работаютъ,
Много умныхъ есть господъ:
И себя не забываютъ,
И царямъ сулятъ доходъ».

Но и послѣ этого, Державинъ прослужилъ еще слишкомъ три года, оставался на службѣ, и даже былъ сдѣланъ юстицъ-министромъ въ то время, когда со вступленіемъ на престолъ Александра I, началось то сильное либеральное движеніе, среди котораго онъ, конечно, явился не только просто отсталымъ человѣкомъ, но даже помѣхою, бѣльмомъ на глазу для другихъ. Бóльшей части того, чтó совершалось въ эти первые годы царствованія Александра, Державинъ положительно не сочувствовалъ, очень многаго онъ даже не могъ и понять — и все-таки продолжалъ служить, по какому-то совершенно-непостижимому упрямству. Ему не разъ давали почувствовать, что пора бы ему и отдохнуть отъ трудовъ служебныхъ; но Державинъ показывалъ видъ, что не замѣчаетъ этого, и продолжалъ дѣятельно заниматься дѣлами, шумѣть и спорить въ засѣданіяхъ Сената, а по званію юстицъ-министра возставать противъ мѣръ либеральной партіи и осуж-

дать ихъ въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ мнѣній. Наконецъ, дѣло кончилось тѣмъ, что «въ началѣ октября мѣсяца 1803 года, въ одно воскресенье, противъ обыкновенія, государь его не принялъ съ докладами, приказавъ сказать, что ему недосугъ, хотя и былъ у развода. Въ понедѣльникъ прислалъ ему письмо или рескриптъ, въ которомъ хотя оказываетъ удовольствіе свое ему за отправленіе его должности, но тутъ же говоритъ, чтобъ отнять неудовольствіе, доходящее къ нему на неисправность его канцеляріи, проситъ очистить постъ министра юстиціи, а остаться только въ Сенатѣ и Совѣтѣ присутствующимъ». Державинъ и тутъ еще упорствовалъ. Послѣдовало «пространное и довольно горячее объясненіе со стороны Державина, въ которомъ онъ спрашивалъ императора, въ чемъ онъ передъ нимъ прослужился. Онъ (Александръ), ничего не могъ сказать къ обвиненію его, какъ только: «*Ты очень ревностно служишь*». «А какъ [1]) такъ, государь», отвѣчалъ Державинъ, «то я иначе служить не могу. Простите».—«Оставайся въ Совѣтѣ и Сенатѣ».—«Мнѣ нечего тамъ дѣлать».—«Но подайте же просьбу», подтвердилъ государь, «о увольненіи васъ отъ должности юстицъ-министра». — «Исполню повелѣніе». Само собою разумѣется, что послѣ этого оставаться на службѣ было уже невозможно. Державинъ вышелъ въ отставку и остальные 13 лѣтъ своей жизни провелъ спокойно, живя то въ Петербургѣ, въ своемъ домѣ на Фонтанкѣ (гдѣ теперь католическая духовная консисторія), то въ Новогородской губерніи, въ своемъ имѣніи *Званкѣ*, на лѣвомъ берегу Волхова. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ концѣ *Записокъ* своихъ Державинъ вообще неблагопріятно отзывается о дѣятельности Александра и не щадитъ самыхъ нелестныхъ прозвищъ для ближайшихъ его сподвижниковъ—и въ этихъ отзывахъ его болѣе всего слышится именно то, что онъ уже отжилъ свой вѣкъ, что ни его мнѣнія, ни его воззрѣнія, ни его способъ дѣйствій уже не могли согласоваться съ современнымъ порядкомъ вещей. Достаточно прочесть въ «*Запискахъ*» то, что самъ Державинъ говоритъ противъ отмѣны указовъ объ обязательности дворянской службы и противъ проекта освобожденія крестьянъ, чтобы убѣдиться въ томъ, до какой степени пристрастно и невѣрно способенъ былъ судить о современности «*пѣвецъ Екатерины*», который и при воцареніи Внука ея не находилъ въ себѣ силы отречься отъ дѣдовскихъ преданій...

По выходѣ въ отставку, проживая по зимамъ въ Петербургѣ, Державинъ продолжалъ заниматься литературой. Самъ въ концѣ *Записокъ* своихъ онъ говоритъ о себѣ: «Привыкши къ безпрестаннымъ трудамъ, не могъ (Державинъ) быть безъ упражненія, и для того занимался литературою, писалъ нѣсколько лирическихъ сочиненій, которыхъ вышло 4 части, и еще наберется одна, можетъ быть, сочинялъ трагедіи, какъ-то: 1) «Иродъ и Маріамну», 2) «Евпраксію», 3) «Темнаго»; да перевелъ «Федру», «Зельмиру». Комическихъ написалъ оперъ бездѣльныхъ двѣ: «Дурочка умнѣе умныхъ», и «Женская дружба», нѣсколько прозаическихъ сочиненій, надписей, эпиграммъ и «*Разсужденіе о лирической поэзіи*». Въ 1811 году, вмѣстѣ съ А. С. Шишковымъ (впослѣдствіи президентомъ Академіи Наукъ), Державинъ основалъ въ Петербургѣ литературное общество подъ названіемъ «Бесѣды любителей русскаго слова»; сочиненія, читанныя въ засѣданіяхъ этого общества, составили даже особое изданіе: «*Чтенія въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова*» (20 книгъ, съ 1811—1815) [2]). «*Бесѣда*», которой сначала хотѣли было дать названіе «*Атенея*», подраздѣлялась на четыре отдѣла, изъ которыхъ двумя завѣдывали Державинъ и И. И. Дмитріевъ, всѣми почитавшійся тогда достойнымъ преемникомъ поэтической славы Державина. «*Бесѣда*» постановила себѣ цѣлью отстаивать классическія начала въ русской литературѣ и заниматься очищеніемъ русскаго языка отъ всѣхъ нововведеній новой литературной (Карамзинской) школы [3]). Но не Дмитріеву суждено было наслѣдовать славу Державина; незадолго до смерти, старцу-поэту пришлось увидѣть, или, лучше сказать, предъугадать появленіе новаго свѣтила: присутствуя въ 1815 году на экзаменѣ въ Царскосельскомъ ли-

[1]) Здѣсь *какъ*, вм. *когда*. [2]) Въ этомъ изданіи, между прочимъ, напечатано и вышеупомянутое Державинское «Разсужденіе о лирической поэзіи». [3]) Мы еще будемъ имѣть случай сказать нѣсколько словъ о «Бесѣдѣ» въ гл. XXXII, посвященной біографіи Карамзина.

цеѣ, Державинъ услышалъ, какъ Пушкинъ декламировалъ свое приготовленное къ экзамену стихотвореніе: «Воспоминаніе о Царскомъ Селѣ».

Пушкинъ оставилъ въ своихъ «Запискахъ» замѣчательное описаніе этого свиданія съ Державинымъ. «Когда мы узнали», пишетъ Пушкинъ,—«что Державинъ будетъ къ намъ (на экзаменъ), всѣ мы взволновались.. Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ поджавши голову рукою; лице его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы...... Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостью необыкновенной. Наконецъ, вызвали меня. Я прочелъ мои «*Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*», стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей; когда я дошелъ до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина [1]), голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи; онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли....»

Вскорѣ послѣ того, въ октябрѣ того же года, познакомившись съ извѣстнымъ писателемъ нашимъ С. Т. Аксаковымъ (тогда еще очень молодымъ человѣкомъ), Державинъ, при первомъ же свиданіи съ нимъ, говорилъ ему совершенно чистосердечно: «Мое время прошло. Теперь ваше время. Теперь многіе пишутъ славные стихи, такіе гладкіе, что относительно версификаціи уже ничего не остается желать. Скоро явится свѣту второй Державинъ — это Пушкинъ, который уже въ лицеѣ перещеголялъ всѣхъ писателей [2])».

Въ началѣ іюля 1816 года, Державинъ тихо и спокойно скончался въ своемъ помѣстьѣ. «3-го числа праздновалъ онъ еще въ семейственномъ кругу 74-й день своего рожденія», такъ разсказываетъ о послѣднихъ минутахъ Державина одинъ изъ современныхъ журналовъ. «8-го числа почувствовалъ усиленіе обыкновенной болѣзни своей, спазматическихъ припадковъ въ груди, и въ 11 часовъ вечера продиктовалъ письмо въ Петербургъ къ доктору, у котораго просилъ совѣтовъ въ своей болѣзни. Онъ никакъ не думалъ, что находится въ опасности и въ то же время приказалъ отписать къ издателю 6-й части его сочиненій *о перемѣнѣ одного*

---

[1]) Въ этомъ лицейскомъ стихотвореніи Пушкина есть два стиха, въ которыхъ онъ упоминаетъ о Державинѣ; сначала въ строфѣ седьмой:

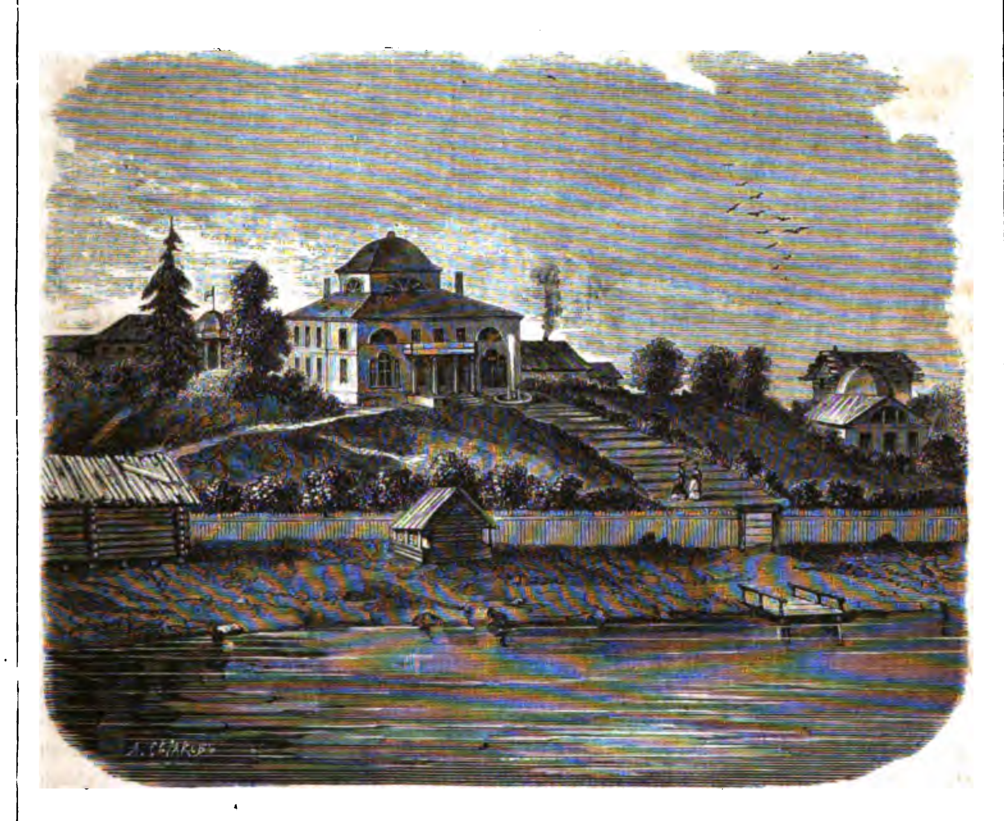
О громкій вѣкъ военныхъ споровъ
Свидѣтель славы Россіянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ,
Потомки грозные славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ,
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

Затѣмъ въ самой послѣдней строфѣ:

О Скальдъ Россіи вдохновенной,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
Взгреми на арфѣ золотой;
Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.

[2]) Въ приложеніяхъ къ одной изъ слѣдующихъ главъ мы приводимъ большой отрывокъ статьи С. Т. Аксакова: «Знакомство съ Державинымъ». Оттуда заимствованы нами и эти слова поэта о Пушкинѣ.

стиха. Потомъ легъ онъ въ постель, въ половинѣ 2-го часа вздохнулъ сильнѣе обыкновеннаго, и съ симъ вздохомъ скончался. Тѣло его предано землѣ 12-го іюля въ Хутынѣ [1]) монастырѣ, куда перевезено было по Волхову. На погребеніи были почти одни только родственники его. Гробъ несли офицеры стоящаго неподалеку оттуда конно-егерскаго полка; они не были знакомы лично ни ему, ни семейству его, но почли обязанностію отдать послѣдній долгъ великому россіянину».

Званка, усадьба Державина на Волховѣ.

За три дня до своей кончины, Державинъ, «глядя на висѣвшую въ кабинетѣ его извѣстную историческую карту: *Рѣка временъ*», началъ стихотвореніе *на тлѣнность* и успѣлъ написать (на аспидной доскѣ) первую строфу его:

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы!

Доска съ послѣдними стихами Державина была подарена его родственниками Императорской публичной библіотекѣ. Тамъ хранится она и по нынѣ: ее всякій можетъ видѣть на стѣнѣ, въ отдѣленіи русскихъ книгъ: но отъ начертанныхъ на ней строкъ почти ничего уже не осталось [2]).

[1]) Монастырь св. Варлаамія Хутынскаго на правомъ берегу Волхова, верстахъ въ семи отъ Новгорода. [2]) Замѣч. академика Грота. См. III ч. 2-го изд., соч. Державина, стр. 179.

Въ теченіе всей своей жизни занимаясь литературой, Державинъ успѣлъ написать чрезвычайно много и подъ конецъ своей жизни склонялся даже преимущественно передъ всѣми другими къ драматическому роду. Несмотря на это, однакоже, Державинъ представляетъ намъ собою и по характеру своему, и по общему направленію таланта, чистѣйшій типъ *лирика*. Но лирики были у насъ и до Державина; и около Державина видимъ мы Петрова, Кострова, Капниста, которые одинаково съ Державинымъ начинали свою поэтическую дѣятельность съ подражанія лирикѣ Ломоносова—этого «россійскаго Пиндара», какъ называли его современники. Какое же мѣсто можетъ занимать Державинъ въ исторіи развитія нашей лирики? какое значеніе имѣлъ онъ въ нашей литературѣ прошлаго столѣтія? Наконецъ, въ какой степени достоинъ Державинъ той славы, которая неотъемлемо соединена съ его именемъ?

Прежде всего намъ придется отвѣтить на этотъ послѣдній и притомъ далеко немаловажный вопросъ. Относясь къ этому вопросу серьезно, не съ точки зрѣнія современныхъ нашихъ понятій о поэзіи вообще и въ особенности о ея лирическомъ родѣ, а съ единственно-возможной точки зрѣнія исторической, мы должны конечно сказать: Державинъ вполнѣ достоинъ своей славы уже потому, что онъ въ ряду нашихъ поэтовъ, былъ первымъ поэтомъ по вдохновенію, по призванію. Онъ оставилъ намъ весьма значительную массу стиховъ вовсе незамѣчательныхъ, подобныхъ тѣмъ, которые по его собственному выраженію, писались и *цеховыми стихотворцами* его времени, въ которыхъ мы видимъ одни слова и очень мало *мысли и чувства*; но и въ каждомъ, даже самомъ плохомъ изъ его стихотвореній, видна рука мастера, чувствуется талантъ, встрѣчаются мѣста замѣчательныя по своимъ поэтическимъ образамъ, по звучности стиха, по красотѣ и силѣ выраженія. И въ этомъ отношеніи, особенно если станемъ сравнивать Державина съ Ломоносовымъ и со всѣми нашими лириками второй половины XVIII вѣка, мы должны будемъ конечно признать, что Державинъ стоитъ цѣлою головою выше ихъ всѣхъ и что ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ, до Пушкина, не могъ съ нимъ равняться, ни по силѣ таланта, ни по той непосредственности и самобытности вдохновенія, которыя несомнѣнно принадлежали къ числу наиболѣе замѣчательныхъ сторонъ поэзіи Державина. Вдохновеніе Державина находило себѣ весьма обильную пищу въ той громкой и богатой лицами, характерами и событіями эпохѣ Екатерининскаго царствованья, среди которой ему пришлось жить и дѣйствовать. И поэзія Державина, по преимуществу, явилась поэзіей образовъ и событій, поэзіей торжественно и громко прославляющей побѣды и подвиги, описывающей пиры, празднества и шумную свѣтскую жизнь—нескончаемымъ хвалебнымъ гимномъ Екатерининскаго вѣка. Державина съ полною справедливостью многіе изъ современниковъ его называли *бардомъ:* въ поэзіи его постоянно проявляется одно изъ главнѣйшихъ свойствъ бардической поэзіи—все вниманіе поэта сосредоточено на одной только внѣшней сторонѣ предметовъ, лицъ и событій, къ описанію и прославленію которыхъ также чисто-внѣшнимъ образомъ прилажены кое-какія общія, безцвѣтныя размышленія о суетности всего земнаго, о ничтожествѣ человѣка, о благости Создателя и т. п., а иногда и мораль, въ видѣ общихъ фразъ о добродѣтели, истинѣ, справедливости, гражданской доблести и т. д. Вообще внутреннимъ содержаніемъ, идеями, поэзія Державина небогата, и въ этомъ, съ одной стороны, отразилось еще младенческое состояніе нашей литературы, которая во многихъ отношеніяхъ довольствовалось тогда выработкою поэтической внѣшности произведеній и не слишкомъ много заботилась о ихъ содержаніи; съ другой стороны, внутреннимъ содержаніемъ произведенія Державина и не могли быть богаты, потому что онъ самъ вовсе не былъ поэтомъ мыслителемъ, способнымъ сосредоточиться, углубиться въ точное и подробное изслѣдованіе того или другаго отвлеченнаго философскаго вопроса. Слабый характеромъ, плохо воспитанный и при этомъ рано вкусившій жизни, Державинъ не успѣлъ выработать въ себѣ никакихъ твердыхъ, положительныхъ убѣжденій; честный, прямой и горячій по природѣ своей, онъ однакоже не на столько былъ развитъ, чтобы съумѣть всегда и во всемъ провести тонкое различіе между добромъ и зломъ, между правдою и неправдою. Способный вообще поддаваться

всякимъ постороннимъ вліяніямъ, Державинъ, сверхъ того, еще былъ крайне стѣсненъ своимъ положеніемъ *придворнаго поэта*: это положеніе очень часто вынуждало его не только вообще отступать отъ правды въ поэзіи, но и писать прямо противъ своего убѣжденія похвалы тому, что ихъ вовсе не заслуживало, и насиловать вдохновеніе свое въ тѣхъ случаяхъ, когда оно ему отказывалось служить, неповиновалось его волѣ... Къ тому же и самый уровень нравственнаго развитія, на которомъ находилось современное Державину общество, допускалъ возможность употребленія *поэтическаго таланта*,

Памятникъ Державину въ Казани.

какъ средства для достиженія различныхъ матеріальныхъ выгодъ, для обезпеченія своего общественнаго или служебнаго положенія, для обращенія на себя вниманія, для пріобрѣтенія покровительства, даже для избавленія себя отъ угрожающей опасности... Такъ мы уже выше видѣли случай, когда Державинъ *прибѣгалъ къ своему таланту*, какъ къ надежнѣйшему средству обратить на себя вниманіе Екатерины и добиться знакомства съ Зубовымъ; также точно и въ другой разъ, когда Державинъ опасался гнѣва и опалы со стороны Императора Павла, онъ поспѣшилъ поднести ему оду «на восшествіе его на престолъ» и тѣмъ перемѣнилъ гнѣвъ его на милость. Тамъ, гдѣ въ литературной средѣ подобное отношеніе къ поэзіи является весьма обыкновеннымъ и нимало непредосудительнымъ, тамъ конечно нельзя относиться слишкомъ

строго къ внутреннему содержанію поэтическихъ произведеній, нельзя примѣнять къ нимъ суровый и точный масштабъ современной критики и современныхъ нашихъ воззрѣній на поэзію:—тамъ можно только сказать, что поэзія еще неуспѣла дожить до самосознанія... Сверхъ того, бѣдность внутренняго содержанія Державинской поэзіи, обусловливаемая вышеуказанными условіями, значительно увеличивалась и отъ того, что при слабомъ характерѣ, при отсутствіи твердыхъ убѣжденій, Державинъ, какъ человѣкъ горячій, былъ склоненъ къ порывамъ, къ быстрымъ перемѣнамъ взгляда, къ быстрымъ переходамъ отъ одного направленія къ другому, совершенно противоположному: вотъ почему очень часто, въ одной и той же одѣ, встрѣчаемъ у него два различныхъ направленія мысли; ода начинается, напримѣръ, съ чисто эпикурейскаго восхваленія наслажденій, съ похвалы тѣмъ людямъ, которые умѣютъ ими пользоваться, а заканчивается чисто-стоическимъ отрицаніемъ всѣхъ прелестей жизни и указаніемъ на суровую добродѣтель, какъ на единое истинное благо. Вотъ почему, наконецъ, въ одахъ Державина можно найти слѣды вліяній, попеременно оказанныхъ на поэта самыми противуположными направленіями: тутъ и сомнѣнія, и самый сухой религіозный догматизмъ и восхваленіе умѣренности въ гораціанскомъ вкусѣ, и дидактика, и - подъ конецъ литературной карьеры Державина,—даже мистицизмъ, вообще такъ сильно овладѣвшій всѣмъ нашимъ обществомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Однакоже, при всѣхъ этихъ недостаткахъ, зависѣвшихъ отчасти отъ личнаго характера Державина, отчасти же и тѣсно связанныхъ съ направленіемъ и взглядомъ его вѣка, поэзія Державина имѣетъ за собою и весьма замѣчательное по тому времени преимущество: онъ первый рѣшился пріостановить *пареніе* нашей лирики и съ классическаго Парнасса, Олимпа и Пинда низвести ее на почву русской дѣйствительности XVIII вѣка. Хотя Державинъ еще вѣрилъ тому, что «изящество и существо прямой оды составляютъ отступленія, перемѣны, околичности, сомнѣнія и вопрошенія» (такъ говоритъ онъ въ своемъ *Разсужденіи о лирической поэзіи*), хотя онъ очень высоко ставилъ оды Ломоносова, утверждая, «что не токмо превзойти его, но и сравняться съ нимъ не можетъ» однакоже самъ уже замѣчалъ разницу между своей лирикой и лирикой Ломоносова въ общемъ направленіи и въ способѣ обработки сюжета. Разницу эту, въ письмѣ своемъ къ Е. Р. Дашковой, онъ очень мѣтко опредѣлилъ, сказавъ о Ломоносовѣ, что «ему надобно было прибѣгать къ великолѣпнымъ всегда небылицамъ и къ постороннему украшенію, а мнѣ къ одной натурѣ, къ одной той истинѣ, съ которою и послѣ меня исторія будетъ согласна». Къ этому стремленію сдѣлать оду болѣе естественною прибавлялось еще и то, что Державинъ чрезвычайно ловко и кстати умѣлъ разнообразить торжественный и высоко настроенный тонъ оды сатирическими очерками нравовъ современнаго общества и довольно игривыми, оригинальными, хотъ иногда и черезъ чуръ рѣзкими переходами отъ серьезнаго и торжественнаго настроенія оды къ шутливому и забавному.

При такомъ разнообразіи внутренняго содержанія, лирика въ произведеніяхъ Державина много выиграла и съ внѣшней стороны:—онъ совершенно отрѣшился отъ того однообразнаго и скучнаго, какъ бы оффиціальнаго размѣра одъ, который ввелъ Ломоносовъ и который усвоили вслѣдъ за нимъ всѣ его подражатели. Размѣры въ лирикѣ Державина чрезвычайно разнообразны, и очень могіе изъ его произведеній писаны двумя размѣрами; замѣтно, что онъ вообще довольно близко былъ знакомъ съ техникой стиха, ладилъ съ нею довольно свободно и даже нѣсколько тщеславился тою совмѣстностью размѣровъ и тѣми переходами отъ одного изъ нихъ къ другому, которыя свидѣтельствовали о его умѣньѣ владѣть стихомъ. Языкъ Державина — сильный, образный, выразительный, но еще жесткій и неровный, въ смыслѣ смѣшенія русскаго элемента съ церковно-славянскимъ, часто затемняющимъ значеніе стиха. Въ отношеніи къ выбору словъ, выраженій и оборотовъ, какъ и въ отношеніи къ благозвучію и плавности стиха, у Державина очень часто проявляются то безвкусіе, та неряшливость и тотъ недостатокъ чутья къ изящному, которыя конечно были необходимыми слѣдствіями его недостаточнаго образованія и невоспитанности: онъ почти никогда не умѣлъ, по свидѣтельству многихъ современниковъ отличить въ своихъ собственныхъ произведеніяхъ хорошее отъ дурнаго... Но и въ этомъ винить

его нѣтъ никакой возможности, если мы припомнимъ, что онъ заканчивалъ образованіе свое въ казармѣ.

Безпристрастно взвѣшивая достоинства и недостатки поэтическихъ произведеній Державина, становясь при этомъ на точку зрѣнія исторической критики, нельзя не признать того, что между поэтическими произведеніями Державина и произведеніями тѣхъ предшественниковъ его, которыхъ онъ самъ почиталъ своими образцами—лежитъ цѣлая пропасть. Сравнивая оды Ломоносова и Сумарокова — съ Державинскими, видимъ, что поэзія сдѣлала большой шагъ впередъ на пути своего внѣшняго и внутренняго развитія. Державину принадлежитъ честь упрощенія нашей поэзіи, сближенія ея съ жизнью, значительнаго совершенствованья ея формъ, наконецъ — честь примѣненія поэтическаго способа обработки къ такимъ сюжетамъ, о которыхъ и помыслить не смѣли его предшественники. Онъ съумѣлъ, кромѣ того, усвоить поэзіи и много такого, что было имъ прямо заимствовано изъ непочатой еще тогда сокровищницы народныхъ преданій, повѣрій и богатаго запаса словъ, оборотовъ и образовъ, представляемаго языкомъ народной поэзіи нашей. Вообще говоря, Державину уже въ значительной степени удалось вложить душу, вдунуть жизнь въ то мертвое и безжизненное тѣло нашей зарождавшейся поэзіи, которое до него представляло только одну безличную, несложившуюся форму. И это заслуга не малая; заслуга стоющая памятниковъ... Современная намъ наука вполнѣ сознала ее и оцѣнила по достоинству, увѣковѣчивъ произведенія Державина единственнымъ въ своемъ родѣ академическимъ изданіемъ его сочиненій, редакція котораго поручена была академику Гроту. Лучшаго памятника нельзя желать ни одному изъ нашихъ поэтовъ.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ДЕРЖАВИНА.

ФЕЛИЦА.

Богоподобная царевна
Киргизъ-кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай найти ее совѣтъ.
Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.
Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ;
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.
Не слишкомъ любишь маскарады,
А въ клобъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнасска не сѣдлаешь,
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,
Не ходишь съ трона на Востокъ;
Но, кротости ходя стезею,
Благотворящею душею
Полезныхъ дней проводишь токъ.
А я, проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью;
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ Персовъ похищаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю;
То возмечтавъ, что я султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ;
То вдругъ, прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ.
Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,

Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысячи различныхъ блюдъ,—
Тамъ славный окорокъ вестфальской,
Тамъ звенья рыбы астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ,—
Шампанскимъ вафли запиваю,
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ, сластей и ароматъ.
Или средь рощицы прекрасной,
Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумитъ,
При звонѣ арфы сладкогласной,
Гдѣ вѣтерокъ едва дышитъ,
Гдѣ все мнѣ роскошь представляетъ,
Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
Томитъ и оживляетъ кровь,—
На бархатномъ диванѣ лежа,
Младой дѣвицы чувства нѣжа,
Вливаю въ сердце ей любовь.
Или великолѣпнымъ цугомъ
Въ каретѣ англійской, златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ,
Или съ красавицей какой
Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ.
Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ;
Или, о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту
И забавляюсь лаемъ псовъ;
Или надъ невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами
И греблей удалыхъ гребцовъ.
Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся;
То въ книгахъ рыться я люблю,
Мой умъ и сердце просвѣщаю:
Полкана и Бову читаю;
За Библіей, зѣвая, сплю.
Таковъ, Фелица, я—развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами,
Между лѣнтяемъ и брюзгой,
Между тщеславья и порокомъ
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.
Нашелъ; но льзя-ль не заблуждаться
Намъ, слабымъ смертнымъ, въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ спотыкаться
И долженъ вслѣдъ страстямъ идти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды?
Вездѣ соблазнъ и лесть живетъ;
Пашей всѣхъ роскошь угнетаетъ.
Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?
Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.
Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь,—
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосуду болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.
Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только рифмы можетъ плесть.
А что сія ума забава—
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на лирный ладъ:
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.
Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и Мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,

Что будто завсегда возможно,
Тебѣ и правду говорить.
Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и вьявь, и подъ рукой,
И знать, и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль, и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.
Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.
Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку подскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить.
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы вьявь имъ не хохочутъ
И сажей не маранотъ рожъ.
Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ, и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
«Не дѣлай ничего худаго —
И самаго сатира злаго
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь».
Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть;
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны-ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
И славноль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?
Фелицы слава—слава бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить;
Котораго законъ, десница—
Даютъ и милости и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица:
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ твоего!
Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ—Смирнѣ—Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ ты ни живешь,—
Хвалы мои тебя примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешмета
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.
Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь;
Небесныя прошу я силы,
Да ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

Объясненіе Державина къ одѣ «Фелица».

Одѣ сей, какъ выше сказано, поводомъ была сочиненная Императрицею сказка Хлора, и какъ сія Государыня любила забавныя шутки, то во вкусѣ ея и писана на счетъ ея ближнихъ, хотя безъ всякаго злорѣчія, но съ довольною издѣвкою и съ шалостью. При всемъ томъ авторъ опасался, чтобъ не оскорбить ихъ симъ сочиненіемъ; то призвавъ своихъ друзей: покойнаго Н. А. Львова и Капниста, прочелъ имъ оное сочиненіе, которые также согласились съ нимъ, что нельзя ее выдать въ свѣтъ; вслѣдствіе чего осталась она извѣстною только между ими, заперта была и годъ въ сокрытіи находилась. Но въ одно утро занадобились автору нѣкоторыя бумаги, въ бюро его лежащія, гдѣ была сія ода; онъ, разбирая прочія, выложилъ ее на столъ; Козодавлевъ, жившій съ нимъ въ одномъ домѣ, взошелъ нечаянно, увидѣлъ ее; прочетши нѣсколько строкъ, просилъ его неотступно повѣрить ему на часъ для прочтенія теткѣ его, г-жѣ Пушкиной, которая страстно любила стихотворство, а паче творенія автора; не могъ онъ отговориться, подъ клятвою отдалъ ему, чтобъ никому не показывать; прошло часъ или два, онъ ему возвратилъ. Нѣсколько дней спустя И. И. Шуваловъ, покровитель автора, у котораго онъ былъ подъ начальствомъ во время его ученія въ Казанской гимназіи, присылаетъ къ нему человѣка просить его убѣдительно къ себѣ за крайнею нуждою. Авторъ не могъ отговориться, ѣдетъ къ нему, находитъ сего почтеннаго человѣка въ крайней тревогѣ, который его съ прискорбнымъ видомъ спрашиваетъ, что ему дѣлать: отсылать-ли ему стихи его кн. Потемкину, который тогда былъ въ чрезвычайной силѣ во дворѣ, и ихъ проситъ. Авторъ, удивясь, спрашиваетъ: Какіе стихи? — Мурзы къ Фелицѣ. — Какъ вы ихъ знаете? какъ они у васъ? — Г. Козодавлевъ по дружеству далъ мнѣ ихъ.— Но какъ кн. Потемкинъ ихъ узналъ?—Вчера у меня обѣдала компанія господъ, какъ-то: гр. Безбородко, гр. Завадовскій, гр. Шуваловъ, Стрекаловъ и прочіе любящіе литературу; при разговорѣ, что у насъ нѣтъ еще легкаго и пріятнаго стихотворства, я прочелъ имъ ваше твореніе, а гр. Шуваловъ изъ подслуги къ кн. Потемкину разсказалъ ему все, что тамъ на счетъ его писано. Не переписать-ли и выбросить тѣ куплеты, которые къ нему относятся? — Авторъ, подумавъ, сказалъ, что «нѣтъ: извольте отослать, какъ они есть»,—разсудя въ мысляхъ своихъ, что ежели что-нибудь выкинуть, то показать тѣмъ умыслъ на оскорбленіе его чести, чего никогда не было, а писано сіе твореніе изъ шутки на счетъ всѣхъ слабостей человѣческихъ Между тѣмъ поѣхалъ домой съ крайнимъ прискорбіемъ: призвавъ г. Львова, который былъ домашній человѣкъ у гр. Безбородко, пересказалъ ему все случившееся съ нимъ и просилъ, чтобъ онъ узналъ графскія мысли и предупредилъ его на случай, ежели Императрица спроситъ о семъ сочиненіи, что къ писанію сего сочиненія никакого оскорбительнаго умысла ни на чей счетъ не было, но писано оно изъ шутки и оставлено для друзей, но нескромностію г. Козодавлева вышло въ свѣтъ. Г. Львовъ исполнилъ просьбу автора; неизвѣстно, посылалъ-ли Шуваловъ къ Потемкину, но только еще нѣсколько времени сочиненіе сіе было безвѣстно; но въ 1783 въ лѣтнихъ мѣсяцахъ сдѣлана княгиня Дашкова директоромъ Академіи Наукъ, а Козодавлевъ при ней совѣтникомъ; она, хотѣвъ возстановить россійскую литературу, вознамѣрилась издавать отъ Академіи журналъ. Козодавлевъ тотчасъ принесъ ей, безъ авторскаго соизволенія, сіе твореніе для помѣщенія въ томъ журналѣ, который названъ *Собесѣдникомъ*. Княгиня, не сказавъ никому ни слова, приказала въ немъ оное напечатать и въ первое воскресенье, въ которое она обыкновенно ѣзжала къ Императрицѣ для поднесенія ей объ Академіи своихъ рапортовъ, поднесла и тотъ журналъ, на первой страницѣ котораго помѣщена сія ода. Въ понедѣльникъ поутру рано присылаетъ Императрица къ ней и зоветъ ее къ себѣ. Княгиня приходитъ, видитъ ея стоящую, расплаканную, держащую въ рукахъ тотъ журналъ; Императрица спрашиваетъ ее, откуда она взяла сіе сочиненіе и кто его писалъ. Княгиня сначала испу-

галась не знала, что отвѣчать; Императрица ее ободрила, сказавъ: Не опасайтесь; я только васъ спрашиваю о томъ, кто бы меня такъ коротко зналъ, который умѣлъ такъ пріятно описать, что, ты видишь, я какъ дура плачу. — Княгиня ей сказала объ имени автора и все, что могла, объ немъ хорошаго. Нѣсколько дней спустя, когда авторъ обѣдалъ у начальника своего, кн. Вяземскаго, скоро послѣ обѣда сказываютъ ему, что почталіонъ принесъ ему конвертъ; онъ принимаетъ, видитъ надпись: «Изъ Оренбурга отъ киргизской царевны къ мурзѣ». Онъ догадывается, развертываетъ конвертъ и находитъ въ немъ золотую табакерку, осыпанную брильянтами, и въ ней 500 червонныхъ; онъ приходитъ къ князю; спрашиваетъ его, прикажетъ ли онъ присланный подарокъ принять; онъ, взглянувъ съ суровымъ видомъ, спросилъ: Какой? Авторъ показываетъ; князь примѣтилъ, что табакерка была новой французской работы, понялъ, отъ кого она прислана, сказалъ: Возьми, братецъ, когда жалуютъ. Между тѣмъ княгиня Дашкова увѣдомила его, что то сочиненіе она поднесла Императрицѣ; чрезъ нѣсколько дней приказано было сочинителя представить Государынѣ, и съ тѣхъ поръ сталъ онъ ей какъ сочинитель извѣстенъ, и воднялось на него гоненіе отъ вельможъ или, лучше сказать, отъ одного Вяземскаго, которому чрезвычайно досадно стало, для чего онъ безъ его покровительства сталъ извѣстенъ Императрицѣ, ибо ни чѣмъ его раздражить столько было не можно, какъ если кто безъ его предводительства былъ замѣченъ и познаемъ Государыней.

ВИДѢНІЕ МУРЗЫ.

На темноголубомъ эфирѣ
Златая плавала луна:
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ;
Кропя забвенія росою,
Моихъ домашнихъ усыплялъ.
Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ.
Природа въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погружена снѣ,
Мертва казалась слуху, оку
На высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры,
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ я, со звономъ лиры
Мой тихій голосъ соглася,
«Блаженъ», воспѣлъ я, «кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ,
Что карлой онъ и великаномъ
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ,
И оныхъ чтить не принужденъ;
Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей;
Что нѣжная его Плѣнира
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлить и скуку, и труды!
Блаженъ и тотъ, кому царевны
Какой бы ни было орды
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ
И сребророзовыхъ свѣтлицъ,
Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ
За росказни, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгіе дары
И въ досканцахъ червонцы шлютъ!
Блаженъ!»... Но съ рѣчью сей незапно
Мое все зданье потряслось:
Раздвиглись стѣны, и стократно
Ярчѣе молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно;
Сокрылась, поблѣднѣвъ, луна.

Видѣнье я узрѣлъ чудесно:
Сошла со облаковъ жена,
Сошла—и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда бѣлая струилась
На ней серебрянной волной,
Градская на главѣ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ;
Изъ черноогненна виссона,
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча деснаго полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру.
Простертой на алтарь рукою
На жертвенномъ она жару
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню Божеству.
Орелъ полунощный, огромный,
Сопутникъ молній торжеству,
Геройской провозвѣстникъ славы,
Сидя предъ ней на грудѣ книгъ,
Священны блюлъ ея уставы;
Потухшій громъ въ когтяхъ своихъ
И лавръ съ оливными вѣтвями
Держалъ, какъ будто бы уснувъ;
Сафиросвѣтлыми очами,
Какъ въ гнѣвѣ иль въ жару блеснувъ,
Богиня на меня воззрѣла:
Пребудетъ образъ ввѣкъ во мнѣ,
Она который впечатлѣла!
«Мурза!» она вѣщала мнѣ:
«Ты быть себя счастливымъ чаешь,
Когда по днямъ и по ночамъ
На лирѣ ты своей играешь
И пѣсни лишь поешь царямъ.
Вострепенщи, мурза несчастный,
И страшны истины внемли,
Которымъ стихотворцы страстны
Едва-ли вѣрятъ на земли;
Одно къ тебѣ лишь доброхотство
Мнѣ ихъ открыть велитъ. Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ, тогда
Сей даръ боговъ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта—люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести имъ вредитъ не рѣже;
А гдѣ поэты не льстецы?
И ты Сиренъ поющихъ грому,
Въ вредъ добродѣтели, не строй;
Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой.
Хранящій мужъ честные нравы,
Творяй свой долгъ, свои дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ піитовъ похвала.
Оставь нектаромъ наполненну
Опасну чашу, гдѣ скрытъ ядъ».—
«Кого я зрю, столь дерзновенну,
И чьи уста меня разятъ?
Кто ты? богиня или жрица?»
Мечту стоящу я спросилъ.
Она рекла мнѣ: «Я—Фелица!»
Рекла—и свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черты;
Куреніе мастикъ безцѣнныхъ
Мой домъ и мѣсто то цвѣты
Покрыли, гдѣ она явилась.
Мой богъ, мой ангелъ во плоти!...
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не могъ идти,
Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ;
Но, токомъ слезнымъ орошенный,
Пришелъ въ себя и возгласилъ:
«Возможно ль, кроткая царевна,
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту
За кажду мысль, за каждый стихъ
Отвѣтствовать лихому свѣту
И отъ сатиръ щитаться злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ, мои что пѣсни чли;
Довольно кадіевъ, факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ,
Иному—очень своевольно
Съ тобой мурза твой говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ,

И слономъ,—тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ.
Но пусть мнѣ здѣсь докажетъ муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю
И что не изъ чужихъ анбаровъ
Тебѣ наряды я крою.
Но вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарскія пѣсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучь, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ!

НА ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА.

«О, коль монархъ благополученъ,
Кто знаетъ Россами владѣть!
Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ
И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣть».
(*Ломоносовъ*; *ода 18*, *строфа 22*).

Везувій пламя изрыгаетъ;
Столпъ огненный во тмѣ стоитъ;
Багрово зарево зіяетъ;
Дымъ черный клубомъ вверхъ летитъ;
Краснѣетъ понтъ, реветъ громъ ярый,
Ударамъ вслѣдъ звучатъ удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ;
Клокочутъ рѣки рдяной лавы:
О Россъ! таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ!
О Россъ, о родъ великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполинъ, царю послушный!
Когда и гдѣ ты досягнуть
Не могъ тебя достойной славы?
Твои труды—тебѣ забавы;
Твои вѣнцы—вкругъ блескъ громовъ:
Въ поляхъ ли брань,—ты тмишь сводъ звѣздный;
Въ моряхъ ли бой,—ты пѣнишь бездны;
Вездѣ ты страхъ твоихъ враговъ!
На подвигъ твой, вождя велѣньемъ,
Ты идешь, какъ женихъ на бракъ.
Марсъ видитъ часто съ изумленьемъ,
Что и въ бѣдахъ твой веселъ зракъ:
Гдѣ вкругъ драконы мѣдны ржали,
Изъ трехъ сотъ жерлъ огнемъ дышали,
Ты тамъ прославился днесь вновь.
Вождь рекъ: «Се стѣны Измаила!
Да сокрушитъ твоя ихъ сила»!...
И воскипѣла бранна кровь.
Какъ воды, съ горъ весной въ долину
Низвержась, пѣнятся, ревутъ,
Волнами, льдомъ трясутъ плотину:
Къ твердынямъ Россы такъ текутъ.
Ничто имъ путь не воспящаетъ:
Смертей ли блѣдныхъ полкъ встрѣчаетъ,
Иль адъ скрежещетъ зѣвомъ къ нимъ,
Идутъ—какъ въ тучахъ скрыты громы,
Какъ двигнуты безмолвны холмы;
Подъ ними стонъ, за ними дымъ.
Идутъ въ молчаніи глубокомъ,
Во мрачной, страшной тишинѣ;
Собой пренебрегаютъ, рокомъ;
Зарница только въ вышинѣ
По ихъ оружію играетъ,
И только ихъ душа сіяетъ,
Когда на бой, на смерть идетъ.
Ужъ блещутъ молніи крылами,
Ужъ осыпаются громами;
Они молчатъ, идутъ впередъ.
Не бардъ ли древній, изступленный,
Волшебнымъ ихъ ведетъ жезломъ?
Нѣтъ! свыше пастырь вдохновенный
Предъ ними идетъ со крестомъ,
Вѣнцы нетлѣнны обѣщаетъ
И кровь пролить благословляетъ
За честь, за вѣру, за царя;
За нимъ—вождей рядъ предъ полками.
Какъ бурныхъ дней предъ облаками
Идетъ огнистая заря.
Идутъ.—Искусство зритъ заслугу,
И сколь ихъ духъ былъ тутъ великъ,
Вѣщаетъ слухъ земному кругу;
Ко мнѣ ихъ раздается крикъ;
По лѣствицамъ на градъ, на стогны,
Какъ шумны волны черезъ волны,
Они возносятся челомъ;
Какъ угль, ихъ взоры раскалены;
Какъ львы, на тигровъ устремлены,

Бѣгутъ, стѣсняясь, на огнь, на громъ.
 О! что за зрѣлище предстало?
О пагубный, о страшный часъ!
Злодѣйство что ни вымышляло,
Поверглось, Россы, все на васъ:
Зрю камни, ядра, варъ и бревны.
Но чѣмъ герои устрашенны?
Чѣмъ можетъ отраженъ быть Россъ?
Тотъ лѣзетъ по бревну на стѣну,
А тотъ летитъ съ стѣны въ геенну;
Всякъ Курцій, Децій, Буаросъ!
 Всякъ помнитъ должность, честь и вѣру,
Всякъ душу и животъ кладетъ.
О Россы! нѣтъ вамъ, нѣтъ примѣру,
И Смерть сама вамъ лавръ даетъ.
Тамъ въ грудь, въ сердца лежатъ пронзенны,
Безъ силъ, безъ чувствъ, полмертвы, блѣдны;
Но мнятъ еще стерть вражій рогъ:
Иной движеньемъ ободряетъ,
А тотъ съ побѣдой восклицаетъ:
«Екатерина! съ нами Богъ!»
 Какая въ войскахъ храбрость рьяна!
Какой великій духъ въ вождяхъ!
Въ однихъ душа разсудкомъ льдяна,
У тѣхъ пылаетъ огнь въ сердцахъ.
Въ зимѣ рожденны подъ снѣгами,
Подъ молніями, подъ громами,—
Которыхъ съ самыхъ юныхъ дней
Питала слава, вѣрность, вѣра!
Гдѣ можно вамъ сыскать примѣра?
Не посреди ль стихійныхъ прей?
 Представь: по свѣтлости лазуря,
По наклоненію небесъ,
Взошла черпобагрова буря
И грозно возлегла на лѣсъ,
Какъ страшна нощь; надулась чревомъ,
Дохнула съ свистомъ, вѣемъ, ревомъ,
Помчала воздухъ, прахъ и листъ;
Подъ тяжкими ея крылами
Упали кедры вверхъ корнями
И затрещалъ Ливанъ кремнистъ.
 Представь послѣдній день природы,
Что пролился звѣздъ рѣка,
На огнь пошли стѣною воды,
Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи къ тучамъ гнали;
Что мракъ лишь молньи освѣщали;
Что громъ потрясъ всемірну ось;
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:—
Се видъ, какъ вшелъ въ Измаилъ Россъ!
 Вошелъ!—«не бойся», рекъ, и всюды
Простеръ свой троегранный штыкъ:
Повергшись тѣлъ кровавы груды;
Напрасно слышенъ жалобъ крикъ.
Напрасно, бранны человѣки,
Вы льете крови вашей рѣки,
Которую должно бы беречь;
Но съ самаго вѣковъ начала
Война народы пожирала:
Священнъ сталъ долгъ рубить и жечь!
 Тотъ мыслитъ овладѣть всѣмъ міромъ,
Тотъ не приметъ его оковъ;
Вселенной царь сталъ врану пиромъ,
Герои—снѣдію волковъ.
Увы палъ крикъ и пали терны.
Почто жъ?—Судьбы небесны темны:
Я здѣсь пою лишь браней честь.
Насъ горсть,—но полкъ лежитъ предъ нами;
Насъ полкъ,—но съ тысячьми и тьмами
Мы низложили городъ въ персть.
 И се уже, шумя, стремится
Кровавой пѣны полнъ Дунай;
Пучина черная багрится,
Спершись отъ труповъ, съ края въ край!
Уже блѣднѣюща Мармора
Дрожитъ пловуща къ ней позора,
Костры тѣлъ видя за костромъ!
Луна полна на башняхъ крови,
Поникли гордой Мекки брови,
Стамбулъ склонился внизъ челомъ.
 О! ежели издревле міру
Побѣдъ славнѣйшихъ звукъ гремитъ,
И если приступъ славенъ къ Тиру:—
Къ Измаилу больше знаменитъ.
Тамъ былъ вселенной покоритель,
Машинъ и башенъ самъ строитель:
Герой, онъ море запрудилъ;
А здѣсь вождя одно велѣнье
Свершило храбрыхъ Россовъ рвенье;
Великій духъ былъ вмѣсто крылъ.
 Услышь, услышь, о ты, вселенна,
Побѣду смертныхъ выше силъ;
Внимай, Европа удивленна,
Каковъ сей Россовъ подвигъ былъ.
Языки, знайте, вразумляйтесь,
Въ надменныхъ мысляхъ содрагайтесь
Увѣрьтесь симъ, что съ нами Богъ;
Увѣрьтесь, что Его рукою
Одинъ попретъ васъ Россъ войною,
Коль встать изъ бездны золъ возмогъ!
 Я вижу страшную годину:
Его три вѣка держитъ сонъ;
Простертую подъ нимъ долину
Покрылъ вездѣ колючій тернъ.
Лице туманъ подернулъ блѣдный,

Ослабли мышцы удручены,
Скатилась въ мракъ глава его;
Разбойники вокругъ суровы
Возложили тяжкія оковы;
Змѣя на сердце у него.

Онъ спитъ! — и насѣкомы, гады
Румяный потемняютъ зракъ;
Войны опустошаютъ грады,
Раздоры пожираютъ злакъ;
Чуть зрится блескъ его короны;
Страдаетъ вѣра и законы,
И ты, къ отечеству любовь!
Какъ звѣрь, его Батый рветъ гладный;
Какъ змій, сосетъ лжецарь коварный;
Повсюду пролилася кровь!

Лежалъ онъ во своей печали,
Какъ темная въ пустынѣ ночь;
Враги его рукоплескали,
Друзья не мыслили помочь,
Сосѣди грабежемъ алкали;
Князья, бояре въ нѣгѣ спали
И ползали въ пыли, какъ червь;
Но Богъ, но духъ его великій
Сотрясъ съ него бѣды толики:
Расторгнулъ левъ желѣзну вервь!

Возсталъ! — какъ утромъ холмъ высокой
Встаетъ, подъемлясь челомъ
Изъ мглы широкой и глубокой:
Разлитой вкругъ его, — и громъ
Поверхъ главы въ ничто вмѣняя,
Ногами волны попирая,
Пошелъ — и кто возмогъ противъ?
Отъ шлема молніи скользили,
И океаны уступили,
Стопамъ его пути открывъ.

Онъ сильны орды пхнулъ ногою:
Края Азійски потряслись,
Упали царства подъ рукою,
Цари, царицы въ плѣнъ влеклись;
И побѣдителей разитель,
Монархій свѣта разрушитель,
Простерся подъ его пятой:
Въ Европѣ грады бралъ, трясъ троны,
Свергалъ царей, давалъ короны
Могущею своей душой.

Гдѣ есть народъ, въ краяхъ вселенны,
Кто бъ столько силъ въ себѣ имѣлъ;
Безъ помощи, отъ всѣхъ стѣсненный,
Яремъ съ себя низвергнуть смѣлъ
И, вырвавъ бы вѣнцы лавровы,
Возвергъ на тѣхъ самихъ оковы,
Кто столько свѣту страшенъ былъ?

О Россъ! твоя лишь добродѣтель
Такихъ великихъ дѣлъ содѣтель,
Лишь твой Орелъ Луну затмилъ.

Лишь ты, простря свои побѣды,
Умѣлъ щедроты расточать;
Полякъ, Туркъ, Персъ, Пруссъ, Хинъ и Шведы
Тому примѣры могутъ дать.
На тѣхъ ты зришь спокойно стѣны,
Тѣмъ паки отдалъ грады плѣнны;
Тамъ унялъ прю, тутъ бунтъ смирилъ;
И сколь ты былъ ихъ побѣдитель,
Не меньше другъ, благотворитель;
Свое лишь только возвратилъ.

О кровь славянъ! сынъ предковъ славныхъ,
Несокрушаемый колоссъ,
Кому въ величествѣ нѣтъ равныхъ,
Возросшій на полсвѣтѣ Россъ!
Твои коль славны древни слѣды,
Громчай суть нынѣшни побѣды.
Зрю вкругъ тебя лавровый лѣсъ;
Кавказъ и Тавръ ты преклоняешь,
Вселенной на среду ступаешь,
И досязаешь до небесъ.

Уже въ Евксинѣ съ полунощи
Межъ водъ и звѣздъ лежитъ туманъ,
Подъ нимъ плывутъ дремучи рощи:
Средь нихъ, какъ горъ отломокъ льдянъ,
Иль мужа нѣка тѣнь сѣдая
Сидитъ, очами озирая;
Какъ полный мѣсяцъ, щитъ его;
Какъ сосна, рында обожжена;
Глава до облакъ вознесенна,
Орелъ надъ шлемомъ у него.

За нимъ златая колесница
По розовымъ летитъ зарямъ;
Сѣдящая на ней царица,
Великимъ равная мужáмъ,
Рукою держитъ крестъ одною,
Возжженный пламенникъ другою
И сыплетъ блески на Босфоръ;
Уже отъ сѣвернаго свѣта
Лицо блѣднѣетъ Магомета,
И мрачный отвратилъ онъ взоръ.

Не вновь ли то Олегъ къ Востоку
Подъ парусами флотъ ведетъ,
И Ольга къ древнему потоку
Занятый ею свѣтъ ліетъ?
Иль Россовъ идетъ духъ военный,
Христовой Вѣрой провожденный,
Ахеянъ спасть, Агарянъ стерть?
Я слышу: громы ударяютъ,
Пророки-камни возглашаютъ:
«То будетъ нынѣ, или впредь!»

О вы, что въ мысляхъ суетитесь
Столь славный Россу путь претить,
Помочь врагу Христову тщитесь
И вѣрѣ вашей измѣнить!
Чѣмъ столько поступать неправо,
Сперва изслѣдуйте вы здраво
Свой путь, цѣль Росса, судъ небесъ;
Изслѣдуйте и заключите:
Вы съ кѣмъ и на кого хотите?
И что вамъ року перевѣсъ?
  Ничто—коль Россъ рожденъ судьбою
Отъ варварскихъ хранить васъ узъ,
Темировъ попирать ногою,
Блюсть вашихъ отъ Омаровъ музъ,
Отмстить крестовые походы,
Очистить Іордански воды,
Священный гробъ освободить,
Аѳинамъ возвратить Аѳину,
Градъ Константиновъ—Константину
И миръ Афету водворить.
  Афету миръ?—О трудъ избранный,
Достойнѣйшій его дѣтей,
Великими людьми желанный!
Свершишься ль ты средь нашихъ дней?
Доколь, Европа просвѣщенна,
Съ перуномъ будетъ устремленна
На кровныхъ братіевъ своихъ?
Не лучше ль внутрь раздоръ оставить
И съ Россомъ грудь одну составить
На общихъ супостатъ твоихъ?
  Дай руку—и пожди спокойно:
Сіе и Россъ одинъ свершитъ;
За безпрепятствіе достойно
Тебя трофеемъ наградитъ.
Дай руку, дай залогъ любови,
Не лей твоей и нашей крови,
Да месть всѣмъ въ грудь намъ не взойдетъ.
Пусть только умъ Екатерины,
Какъ Архимедъ, создастъ машины,
А Россъ вселенной потрясетъ.
  Чего не можетъ родъ сей славный,
Любя царей своихъ, свершить?
Умѣйте лишь, главы вѣнчанны,
Его безцѣнну кровь щадить;
Умѣйте дать ему вы льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту,
И правотой сердца плѣнить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь міръ себя заставить чтать.
  Война, какъ сѣверно сіянье,
Лишь удивляетъ чернь одну;
Какъ свѣтлой радуги блистанье,
Всякъ мудрый любитъ тишину.
Что благовоннѣй аромата?
Что слаще меда, краше злата
И драгоцѣннѣе порфиръ?
Не ты ль, котораго всѣмъ взгляды
Ліютъ обиліе прохлады,
Прекрасный и полезный Миръ?
  Приди, о кроткій житель неба,
Эдемской гражданинъ страны!
Приди и, какъ сопутникъ Феба,
Духъ теплотворный, богъ весны,
Дохни вездѣ твоей душою!
Дохни, да разцвѣтетъ тобою
Рай сладости въ домахъ, въ сердцахъ!
Подъ сѣнію Екатерины
Вѣнчанны лавромъ исполины
Возлягутъ на своихъ громахъ.
  Премудрость царства управляетъ;
Крѣпятъ ихъ вѣра, правый судъ;
Ихъ трудъ и миръ обогащаетъ;
Любовію они цвѣтутъ.
О полъ прекрасный и почтенный,
Кѣмъ Россы рождены, кѣмъ плѣнны!
И вамъ днесь предлежатъ вѣнцы:
Плоды побѣдъ суть звуки славы,
Побѣдъ основа – тверды нравы,
А добрыхъ нравовъ вы творцы!
  Когда на брани вы предметовъ
Лишилися любви своей,
И если, безъ войны, навѣтовъ
Полна жизнь наша слезъ, скорбей:
Утѣшьтесь!—вѣтры въ вѣтры дуютъ,
Стихіи межъ собой воюютъ,
Сей свѣтъ—училище терпѣть;
И брань коль возстаетъ судьбою,
Сынъ Россіянки среди бою
Со славой долженъ умереть.
  А слава тѣхъ не умираетъ,
Кто за отечество умретъ:
Она такъ въ вѣчности сіяетъ,
Какъ въ морѣ ночью лунный свѣтъ.
Временъ въ глубокомъ отдаленьи
Потомство тѣхъ увидитъ тѣни,
Которыхъ мужественъ былъ духъ.
Съ гробовъ ихъ въ души огнь польется,
Когда по рощамъ разнесется
Безсмертной лирой дѣлъ ихъ звукъ.

ВЛАСТИТЕЛЯМЪ И СУДІЯМЪ.

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
«Доколѣ», рекъ, «доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
«Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.
«Вашъ долгъ — спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастнымъ подавать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ».
Не внемлютъ! — видятъ и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.
Цари! — я мнилъ: вы боги властны;
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны
И такъ же смертны, какъ и я.
И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ:
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!
Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь единъ царемъ земли!

КРУЖКА.

Краса пирующихъ друзей,
Забавъ и радостей подружка,
Предстань предъ насъ, предстань скорѣй,
Большая серебряная кружка!
Давно ужъ намъ въ тебя пора
Пивца налить
И пить...
Ура! ура! ура!
Ты дщерь великаго ковша,
Которымъ предки наши пили;
Веселье ихъ была душа;
Въ пирахъ они счастливо жили.
И намъ, какъ имъ, давно пора
Счастливымъ быть
И пить...
Ура! ура! ура!
Бывало, старики въ винѣ
Свое все потопляли горе;
Дралися храбро на войнѣ:
Вѣдь пьянымъ по колѣни море!
Забыть и намъ всю грусть пора,
Отважнымъ быть
И пить...
Ура! ура! ура!
Бывало, дольше длился вѣкъ,
Когда діэтъ не наблюдали;
Былъ здравъ и счастливъ человѣкъ,
Какъ только пили да гуляли.
Давно гулять и намъ пора,
Здоровымъ быть
И пить...
Ура! ура! ура!
Бывало, пляска, рѣзвость, смѣхъ —
Въ хмѣлю другъ друга обнимаютъ;
Теперь, намѣсто сихъ утѣхъ,
Жеманствомъ, лаской угощаютъ.
Жеманство намъ прогнать пора,
Но просто жить
И пить...
Ура! ура! ура!
Въ садахъ, бывало, средь прохладъ
И жены съ нами куликаютъ;
А нынѣ клубъ да маскерадъ
И женъ ужъ съ нами разлучаютъ.
Французить намъ престать пора,
Но Русь любить
И пить...
Ура! ура! ура!
Бывало — друга своего,
Теперь — карманы посѣщаютъ;
Гдѣ вистъ да банкъ, да макао, —
На деньги дружбу тамъ мѣняютъ.
На карты намъ плевать пора,
А скромно жить
И пить...
Ура! ура! ура!
О сладкій дружества союзъ,
Съ гренками пивомъ пѣнна кружка!
Гдѣ ты нашъ услаждаешь вкусъ,
Мила тамъ, весела пирушка.
Пребудь ты къ намъ всегда добра:
Мы станемъ жить
И пить...
Ура! ура! ура!

ЕВГЕНІЮ. ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ.

Блаженъ, кто менѣе зависитъ отъ людей,
Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ,
Не ищетъ при дворѣ ни злата, ни честей,
И чуждъ суетъ разнообразныхъ!
Зачѣмъ же въ Петрополь на вольну ѣхать страсть,
Съ пространства въ тѣсноту, съ свободы за затворы,
Подъ бремя роскоши, богатствъ, сиренъ подъ власть
И предъ вельможей пышны взоры?
Возможно-ли сравнять что съ вольностью златой,
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
Покой — мнѣ нуженъ дней въ останкѣ.
Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ:
Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудесъ, красотъ позоръ
Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.
Пройдя минувшую и не нашедши въ ней,
Чтобъ черная змѣя мнѣ сердце угрызала,
О! коль доволенъ я, оставилъ что людей
И честолюбія избѣгъ отъ жала!
Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу росъ,
Зрю на багрянецъ зарь, на солнце восходяще;
Ищу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
Средь сада храмъ жезломъ чертяще.
Иль, накормя моихъ пшеницей голубей,
Смотрю надъ чашей водъ, какъ вьютъ подъ небомъ круги;
На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь сѣтей,
На кроющихъ, какъ снѣгомъ, луги;
Пастушьяго вблизи внимаю рога зовъ,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашковъ — въ воздухѣ, въ кустахъ свистъ соловьевъ,
Ревъ кравъ, громъ желнъ и коней ржанье.
На кровлѣ-жъ зазвенитъ какъ ласточка, — и паръ
Повѣетъ съ дома мнѣ манжурской иль левантской,
Иду за круглый столъ: и тутъ-то растобаръ
О снахъ, молвѣ градской, крестьянской,
О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей,
Чьи въ рамахъ по стѣнамъ златыхъ блистаютъ лицы,
Для вспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней,
И для прикрасъ моей свѣтлицы, —
Въ которой поутру, иль въ вечеру, порой
Дивлюся въ Вѣстникѣ, въ газетахъ иль журналахъ,
Россіянъ храбрости, какъ всякъ изъ нихъ герой,
Гдѣ есть Суворовъ въ генералахъ;
Въ которой къ госпожѣ, для похвалы гостей,
Приносятъ разныя полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
Ковровъ и кружевъ, и вязани;
Гдѣ съ скотенъ, пчельниковъ и съ птичниковъ, прудовъ,
То въ маслѣ, то въ сотахъ зрю злато подъ вѣтвями,
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ-пухъ грибовъ,
Сребро, трепещуще лещами;
Въ которой, обозрѣвъ больныхъ въ больницѣ, врачъ
Приходитъ доносить о ихъ вредѣ, здоровьѣ,
Прося на пищу имъ: тѣмъ съ поливкой калачъ,
А тѣмъ лѣкарствица въ подспорье;
Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ,
Усастый староста, иль скопидомъ брюхатый
Даютъ отчетъ казнѣ и хлѣбу, и вещамъ,
Съ улыбкой часто плутоватой; —
И гдѣ, случается, художники млады
Работы кажутъ ихъ на древѣ, на холстинѣ,
И получаютъ въ даръ подачи за труды,
А въ часъ и денегъ по полтинѣ;
И гдѣ до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ,
Въ задорѣ иногда въ игры зѣло горячи
Играемъ въ карты мы, въ ерошки, въ фараонъ,
По грошу въ долгъ и безъ отдачи.
Оттуда прихожу въ святилище я Музъ,
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ возсѣдши въ пирѣ,
Къ царямъ, къ друзьямъ моимъ иль къ небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лирѣ;
Иль въ зеркало временъ, качая головой,
На страсти, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,
Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ, — и драки человѣковъ.
«Все суета суетъ!» я, воздыхая, мню;
Но, бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полуднева:
«О, коль прекрасенъ міръ! Чтожъ духъ мой бременю?
Творцомъ содержится вселенна.
Да будетъ на земли и въ небесахъ Его

Единаго во всемъ вседѣйствующа воля!
Онъ видитъ глубину всю сердца моего
И строится моя имъ доля».
Дворовыхъ, между тѣмъ, крестьянскихъ рой дѣтей
Сбираются ко мнѣ, не для какой науки,
А взять по нѣскольку баранокъ, кренделей,
Чтобы во мнѣ не зрѣли буки.
Письмоводитель мой тутъ долженъ на моихъ
Бумагахъ мараныхъ, пастухъ какъ на овечкахъ,
Репейникъ вычищать. Хоть мыслей нѣтъ большихъ,
Блестятъ и жучки въ епанечкахъ.
Бьетъ полдня часъ: рабы служить къ столу бѣгутъ;
Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ.
Я озрѣваю столъ, — и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ, поставленный узоромъ:
Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ щука пестрая — прекрасны!
Прекрасны потому, что взоръ манятъ мой, вкусъ,
Но не обиліемъ иль чуждыхъ странъ приправой,
А что опрятно все и представляетъ Русь:
Припасъ домашній, свѣжій, здравой;
Когда же мы донскихъ и крымскихъ кубки винъ,
И липца, воронка и чернопѣнна пива
Закуставъ нѣсколько въ румяный лобъ хмѣлинъ, —
Бесѣда за сластьми шутлива.
Но молча вдругъ встаемъ: — бьетъ искрами, горя,
Древъ русскихъ сладкій сокъ до подвѣнечныхъ бревенъ:
За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго Царя,
Царицъ, царевичей, царевенъ.
Тутъ кофе два глотка; схрапну минутъ пятокъ;
Тамъ въ шахматы, въ шары иль изъ лука стрѣлами,
Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ
И тѣшусь разными играми.
Иль изъ кристальныхъ водъ, купаленъ, между древъ,
Отъ солнца, отъ людей подъ скромнымъ осѣненьемъ,
Тамъ внемлю юношей, а здѣсь плесканье дѣвъ,
Съ душевнымъ нѣкимъ восхищеньемъ.
Иль въ стекла оптики картинныя мѣста
Смотрю моихъ усадьбъ; на свиткахъ грады, царства,
Моря, лѣса, — лежитъ вся міра красота
Въ глазахъ, искусствъ черезъ коварства;
Иль въ мрачномъ фонарѣ любуюсь, звѣзды зря
Бѣгущи въ тишинѣ по синю волнъ стремленью:
Такъ солнцы въ воздухѣ, я мню, текутъ, горя,
Премудрости по прославленью.
Иль смотримъ, какъ вода съ плотины съ ревомъ льетъ
И, движа машину, древа на доски дѣлитъ;
Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ на воздухъ бьетъ;
Клокоча, огнь толчетъ и мелетъ.
Иль любопытны, какъ бумажны руны волнъ
Въ лотки сквозь иглъ, колесъ, подобнѣ снѣгу, льются
Въ пушистыхъ локонахъ, и тьмы вдругъ веретенъ
Маріиной рукой прядутся;
Иль какъ на ленъ, на шелкъ цвѣтъ, пестрота и лоскъ,
Всѣ прелести, красы, берутся съ поль царицы;
Сталь жесткая, глядимъ, какъ мягкій, алый воскъ,
Куется въ бердыши милицы,
И сельски ратники какъ, царства ставъ щитомъ,
Бѣгутъ съ стремленьемъ въ строй во рыцарскомъ убранствѣ,
«За Вѣру, за Царя, мы», говорятъ, «помремъ,
Чѣмъ у Французовъ быть въ подданствѣ!»
Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по брегу пѣшъ, верхомъ,
Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
То рыбу удами, то дичь громимъ свинцомъ,
То зайцевъ ловимъ псовъ станицей.
Иль стоя внемлемъ шумъ зеленыхъ, черныхъ волнъ,
Какъ дернъ бугритъ соха, злакъ травъ падетъ косами,
Серпами злато нивъ, — и ароматовъ полнъ
Порхаетъ вѣтръ межъ нимфъ рядами.
Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подъ черной тучей тѣнь
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желтозеленымъ,
И сходитъ солнышко на нижнюю ступень
Къ холмамъ и рощамъ синетемнымъ;
Иль, утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подъ сѣнь;
На брегѣ Волхова разводимъ огнь дымистый;
Глядимъ, какъ на воду ложится красный день
И пьемъ подъ небомъ чай душистый.
Забавно, въ тьмѣ челновъ съ сѣтьми какъ рыбаки,
Лѣнивымъ строемъ плывъ, страшатъ тварь влаги стукомъ;
Какъ парусы — суда, и лямкой бурлаки
Влекутъ однимъ подъ пѣсныю духомъ.
Прекрасно, тихіе, отлогіе брега
И рѣдки холмики, селеній мелкихъ полны

Какъ, полосаты ихъ клоня поля, луга,
Стоятъ надъ токомъ струй безмолвны.
Пріятно, какъ вдали сверкаетъ лучъ съ косы,
И эхо за лѣсомъ подъ иглой гамитъ народа,
Жнецовъ поющихъ, жницъ полкъ идетъ съ полосы,
Когда мы ѣдемъ изъ похода.
Стеклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ,
На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая,
Гдѣ встрѣчу водометъ шумитъ лучей дождемъ,
Звучитъ музыка духовая.
Изъ жерлъ чугунныхъ громъ по праздникамъ ревётъ;
Подъ звѣздной молніей, подъ свѣтлыми древами
Толпа крестьянъ, ихъ женъ вино и пиво пьетъ,
Поетъ и пляшетъ подъ гудками.
Но скучитъ какъ сія забава сельска намъ,
Внутрь дома тѣшимся столицъ увеселеньемъ,
Велимъ талантами родныхъ своихъ дѣтямъ
Блистать, музыкой, пляской, пѣньемъ.
Амурчиковъ, харитъ плетень, иль хороводъ,
Занявъ у Таліи игру и Терпсихоры,
Цвѣточные вѣнки пастухъ пастушкѣ вьетъ;
А мы на нихъ и пялимъ взоры.
Тамъ съ арфы звучныя порывный въ души громъ,
Здѣсь тихогрома съ струнъ смягченны, плавны тоны
Бѣгутъ, — и въ естествѣ согласія во всемъ
Даютъ намъ чувствовать законы.
Но нѣтъ какъ праздника, и въ будни я одинъ,—
На возвышеніи сидя столповъ перильныхъ,
При гусляхъ подъ вечеръ, челомъ моихъ сѣдинъ,
Склонясь, ношусь въ мечтахъ умильныхъ:
Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?
Мимолетящи суть всѣ времени мечтанья:
Проходятъ годы, дни, ревъ морь и бурей шумъ,
И всѣхъ зефировъ повѣванья.
Ахъ! гдѣ жъ, ищу я вкругъ, минувшій красный день?
Побѣды, слава гдѣ, лучи Екатерины?
Гдѣ Павловы дѣла?—Сокрылось солнце,—тѣнь!...
Кто вѣсть и впредь полетъ орлиный?
Видъ лѣта краснаго намъ Александровъ вѣкъ:
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ двигать струны;
Блаженствовалъ подъ нимъ въ спокойствѣ человѣкъ,
Но мещетъ днесь и онъ перуны.
Умолкнутъ ли они? — Сіе лишь знаетъ Тотъ,
Который къ одному концу всѣ правитъ сферы;
Онъ перстомъ ихъ Своимъ, какъ строй какой ведетъ,
Ко благу общему склоняя мѣры.
Онъ корни помысловъ, Онъ зритъ полетъ всѣхъ мечтъ
И поглумляется безумству человѣковъ:
Тѣхъ освѣщаетъ мракъ, тѣхъ помрачаетъ свѣтъ,
И днешнихъ и грядущихъ вѣковъ.
Грудь Россовъ утвердилъ, какъ стѣну онъ, въ отпоръ
Темиру новому подъ Пультускомъ, Прейсшъ-Лау;
Младыхъ вождей расцвѣлъ побѣдами тамъ взоръ,
А скрылъ Орла сѣдаго славу.
Такъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ блескъ меркнетъ отъ нощей.
Что жизнь ничтожная? моя скудельна лира?
Увы! и даже прахъ спахнетъ съ моихъ костей
Сатурнъ крылами съ тлѣнна міра.
Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ,
Не воспомянется нигдѣ и имя Званки;
Но совъ, сычей изъ дуплъ огнезеленый взглядъ
И развѣ дымъ сверкнетъ съ землянки.
Иль нѣтъ, Евгеній! ты, бывъ нѣкогда моихъ
Свидѣтель пѣсенъ здѣсь, взойдешь на холмъ тотъ страшный,
Который, тощихъ нѣдръ и сводовъ внутрь своихъ,
Вождя, волхва гробъ кроетъ мрачный,
Отъ коего, какъ громъ катается надъ нимъ,
Съ булатныхъ ржавыхъ вратъ и збруи мѣдной гулы
Такъ слышны подъ землей, какъ грохотомъ глухимъ
Въ лѣсахъ, трясясь, звучатъ стрѣлъ тулы.
Такъ, развѣ ты, отецъ, святымъ твоимъ жезломъ
Ударивъ объ доски, заросши мхомъ, желѣзны,
И святыхъ вкругъ моей могилы змѣй гнѣздомъ
Прогонишь — блѣдну зависть — въ бездны;
Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней,
На возвышеніе, на пониженье счастья,
Единой правдою меня въ умахъ людей
Чрезъ Кліи воскресишь согласья.
Такъ, въ мракѣ вѣчности она своей трубой
Удобна лишь явить то мѣсто, гдѣ отзывы
Отъ лиры моея шумящею рѣкой
Неслись чрезъ холмы, долы, нивы.
Ты слышалъ ихъ — и ты, будя твоимъ перомъ
Потомковъ ото сна, близь сѣвера столицы,
Шепнешь въ слухъ страннику, вдали какъ тихій громъ:
«Здѣсь Бога жилъ пѣвецъ, Фелицы».

Отъ Д. Свистунова [1]) къ Державину.

С.-Петербургъ, 15 Октября 1786 г.

Милостивый государь Гавріилъ Романовичъ! Княгиня [2]) на ваше письмо теперь не отвѣчаетъ потому, что не очень здорова, а просила меня приватно васъ увѣдомить, дабы никто, окромя васъ, о семъ не зналъ, что такъ какъ она нынече часто бываетъ у Государыни наединѣ, то въ одинъ день зашелъ разговоръ объ васъ и вашихъ стихахъ, и она съ своей стороны сказала, что ежели бы вы продолжали упражняться въ нихъ, то бы со временемъ превзошли Михаила Васильевича Ломоносова, на что Государыня изволила спросить, *для чего же вы неупражняетесь въ нихъ*; княгиня отвѣчала, что вы теперь заняты должностію; то Государыня спросила: *каково ему въ этой губерніи?* на что княгиня сказала ей, что вы теперь какъ новымъ вашимъ намѣстникомъ, такъ и обществомъ отзываетесь очень довольными, почему она заключаетъ, что и вами тамъ всѣ довольны, а иначе бы и вы довольны быть не могли, если бы противу васъ что либо дурно было. На сіе Государыня изволила сказать: *я этому рада*. Впрочемъ исполня сіе повелѣніе остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Д. Свистуновъ.

(Приписка съ боку): Простите меня, батюшка, что неловко написалъ сіе письмо, торопился очень.

Отъ Державина къ княгинѣ Дашковой.

16 Ноября 1786 г.

Сіятельнѣйшая княгиня, милостивая государыня. По приказанію вашего сіятельства Д. М. Свистуновъ увѣдомилъ меня о бывшемъ разговорѣ, до меня касающемся. Я не могу довольно изобразить моей всенижайшей вашему сіятельству благодарности за милостивое ваше ко мнѣ расположеніе и что вы не пропускаете нигдѣ случаю напоминать съ хорошей стороны о малыхъ моихъ дарованіяхъ. Хотя я никогда столь самолюбиво о себѣ не помышляю, чтобъ не токмо могъ превзойти, но и сравняться съ покойнымъ Михайломъ Васильевичемъ; однакоже, это правда, для меня весьма удивительно, что многіе наши братья, принимаясь за стихи, а особливо въ похвалу божественной Фелицѣ, такъ холодно и сухо изъясняются, что будто они совсѣмъ не чувствуютъ того, что пишутъ, и будто къ прославленію великихъ дѣлъ ея надобны вымыслы, а не голая одна истина. А потому, ежели такъ разсуждать, что истина украшаетъ и поэзію, то упражняясь въ оной болѣе, еслибъ я иногда могъ и сравняться покойному; но только развѣ не иначе, какъ тѣмъ, что ему надобно было прибѣгать къ великолѣпнымъ всегда небылицамъ и къ постороннему украшенію, а мнѣ къ одной натурѣ, къ одной той истинѣ, съ которою и послѣ меня исторія будетъ согласна. Я чрезъ сіе разумѣю то, что онъ былъ въ необходимости героиню свою прославлять чрезъ героя, родителя ея [3]), а мнѣ или намъ, къ нашей героинѣ не надобно присовокуплять ни боговъ, ни славныхъ предковъ, но указать только на однѣ дѣла ея; то всѣ блистательныя и божественныя титла и всѣ величества принадлежать будутъ собственно Фелицѣ. Я сіе мнѣніе подтвержу доказательствомъ. Славный нашъ поэтъ въ одной своей надписи, да и вездѣ, почти подобно нижеслѣдующему изъяснялся:

«Герой тебя родилъ, носила героиня.
Какой быть долженъ плодъ? не иной какъ богиня?»

[1]) Секретаря Академіи Наукъ при Дашковой. [2]) Е. Р. Дашкова — въ то время бывшая директоромъ Академіи Наукъ. [3]) Т. е. Императрицу Елисавету Петровну черезъ отца ея Петра великаго.

намъ же довольно просто говорить, что она

«Проступки правитъ снисхожденьемъ;
Какъ волкъ овецъ людей не давитъ...»

великодушно прощаетъ врагонъ своихъ и т. п., т. е., что мы можемъ хвалить вещь самою вещію, а не посторонними и чуждыми ей украшеніями. Страшная разница—родиться отъ бога или героя, или самому творить дѣла ихъ; но я оставляю знатокамъ сіе на разсужденіе, а вашему сіятельству только то донесу, что я нелицемѣрно почитаю память Михайла Васильевича и, благодаря Вамъ всенижайше за сдѣланную мнѣ честь, нимало не надѣюсь уподобиться ему моими слабыми способностями; но напротивъ того думаю, ежели бъ онъ донынѣ живъ былъ, то бы безъ сумнѣнія стихи его болѣе трогали сердце, для того, чтобы мы въ нихъ усматривали болѣе истинъ намъ пріятныхъ и насъ плѣняющихъ, подобно какъ у Плинія въ похвалѣ Трояна. Истина никогда не старѣется, никогда цѣны своей не теряетъ и всегда любви достойна, а паче когда она изъясняется въ пользу нашу. Я бы конечно не оставилъ ее по мѣрѣ силъ моихъ превозносить и прославлять въ великихъ добродѣтеляхъ несравненной Фелицы, ежелибъ не былъ увѣренъ что ей пріятнѣе дѣйствія наши, отвѣчающія божественной волѣ ея, нежели слова, къ несчастію рода человѣческаго приписуемыя иногда таковымъ, которые ихъ не заслуживаютъ. Самыми наилучшими словами можно льстить, а добрыми дѣлами, отвѣчающими ея великимъ намѣреніямъ, ежели кто столько счастливъ, что въ нихъ успѣхъ имѣетъ, льстить не можно. Словомъ, я бы писалъ, ежелибъ въ едину ночь разгоряченному и плѣненному моему воображенію ея добродѣтелями, не предстала она сама и не сказала бы мнѣ сихъ стиховъ, которые у меня впечатлѣлись въ памяти:

«Мурза», она вѣщала мнѣ,... [1])
Хранящій мужъ благіе нравы,
Творящій должности дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ поэтовъ похвала».

Но не взирая на сіе прещеніе въ привидѣніи мною слышанное, ежелибъ я узналъ, что подлинно угодно будетъ мое иногда въ поэзіи упражненіе и не причтется сіе въ укоризну должности и званію моему, то, не взирая на ненависть моихъ недоброжелателей, не терпящихъ сильно стихотворства, я бы посвятилъ навсегда слабыя мои способности, единой токмо природою мнѣ данныя, на прославленіе благодѣтельницы человѣческаго рода.

Пребываю съ глубокимъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностью *и проч.* всепокорнѣйшій слуга Гавріилъ Державинъ.

---

[1]) Въ подлинникѣ письма, изъ «*Видѣнія Мурзы*» приведены всѣ стихи, начиная отъ этого, 88-го и до 116 стиха.

XXX.

ОТСУТСТВІЕ КРИТИКИ, КАКЪ ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА ЕКАТЕРИНИНСКАГО ПЕРІОДА ЛИТЕРАТУРЫ. — ХЕРАСКОВЪ. — БОГДАНОВИЧЬ. — ХЕМНИЦЕРЪ.

Двѣ предшествующія главы были нами посвящены описанію жизни и дѣятельности писателей, представляющихъ собою украшеніе Екатерининскаго царствованія, служащихъ лучшимъ выраженіемъ своего времени, хотя и въ самыхъ различныхъ, почти противуположныхъ направленіяхъ. Но около этихъ важнѣйшихъ и наиболѣе видныхъ дѣятелей уже совершалась и шла своимъ путемъ на столько многосторонняя и разнообразная литературная жизнь, что только въ очень подробной картинѣ, исключительно посвященной описанію литературы Екатерининскаго времени, можно было бы упомянуть о всѣхъ второстепенныхъ представителяхъ различныхъ литературныхъ партій и направленій этого блестящаго вѣка. Не имѣя возможности дать въ настоящемъ трудѣ нашемъ такую подробную и полную картину литературы Екатерининскаго времени, мы позволяемъ себѣ, рядомъ съ Державинымъ и Ф.-Визинымъ, хотя вкратцѣ упомянуть только о наиболѣе замѣтныхъ изъ числа второстепенныхъ нашихъ литераторовъ конца прошлаго вѣка. Остановимся на тѣхъ, которые хотя и утратили свое значеніи въ наше время, однакоже для своего времени являлись писателями замѣчательными, восхищали своими произведеніями неизбалованныхъ литературою современниковъ, и въ глазахъ ихъ стояли особенно высоко какъ основатели и представители того или другаго, еще новаго у насъ литературнаго рода. Высокое значеніе большей части такихъ второстепенныхъ дѣятелей литературныхъ основывалось не столько на ихъ личномъ талантѣ и на дѣйствительныхъ достоинствахъ ихъ произведеній, сколько на замѣчательномъ отсутствіи критики. Критика не могла еще существовать у насъ въ литературѣ, какъ потому, что самая литература наша была еще очень молода и не представляла никакихъ самостоятельныхъ образцевъ для сравненія и установленія опредѣленнаго вкуса; такъ съ другой стороны, потому что знакомство съ литературами европейскими было еще чрезвычайно ограниченнымъ и одностороннимъ. Вслѣдствіе этого, мы съ одной стороны такъ легко поддавались подражанію иностраннымъ образцамъ, а съ другой — такъ охотно принимали каждое русское подражаніе извѣстному поэтическому роду за оригинальное и притомъ образцовое произведеніе, а его автора—за человѣка, одареннаго творческимъ и самостоятельнымъ поэтическимъ даромъ.

Замѣчательнымъ и прекрасно характеризующимъ этотъ некритическій періодъ нашей литературы кажется намъ разсказъ одного современника о томъ, какъ при появленіи «Россіяды» Хераскова, лучшіе представители современной нашей литературы, собирались около Новикова, читали въ своемъ кружкѣ эту обширную поэму, пытались написать разборъ ея, и должны были прійти къ тому заключенію, что они не въ силахъ этого выполнить...

Изъ числа тѣхъ трехъ дѣятелей литературныхъ, біографіямъ которыхъ мы посвящаемъ эту главу, слѣдуетъ однакоже выдѣлить Хемницера, который при жизни своей былъ извѣстенъ какъ поэтъ только очень небольшому кружку своихъ друзей, и потому самому никѣмъ не былъ принимаемъ за литературную знаменитость, ни отъ кого не заслужилъ, ни имени Россійскаго Федра, ни отечественнаго Лафонтена. Относительно двухъ другихъ писателей, упоминаемыхъ нами въ настоящей главѣ, нельзя не замѣтить, что они принадлежатъ къ двумъ различнымъ эпохамъ нашей литературы: авторъ Россіяды принадлежитъ къ древнѣйшему наслоенію нашей литературы, и современники, справедливо относя его къ числу *первыхъ* нашихъ литературныхъ дѣятелей, ставили его имя рядомъ въ именами Ломоносова и Сумарокова. Хераскову пришлось гораздо позднѣе ихъ пріобрѣсти литературную

извѣстность, но и по воспитанію, и по убѣжденіямъ, и по взглядамъ своимъ на литературу, онъ принадлежалъ вполнѣ эпохѣ Ломоносова и Сумарокова. Напротивъ того, авторъ *Душеньки*—Богдановичъ и по воспитанію, и по своимъ понятіямъ объ изящ-

Херасковъ.

номъ, о поэзіи, принадлежалъ къ эпохѣ позднѣйшей: онъ относится уже къ такому времени, когда у насъ успѣли образоваться литературные кружки, и стоитъ какъ разъ на границѣ, отдѣляющей въ нашей литературѣ періодъ полнаго господства ложно-классическаго направленія отъ другаго, болѣе близкаго къ намъ періода, когда въ литературѣ нашей стала преобладать сентиментальность.

И Богдановичъ, и Херасковъ одинаково могутъ служить живыми доказательствами того, какъ тихо, постепенно и послѣдовательно совершается развитие литературы въ каждомъ молодомъ обществѣ. Въ этомъ движеніи, если присматриваться къ нему близко и внимательно, не увидишь быстрыхъ скачковъ и переходовъ, не замѣтишь перерывовъ. Новыя поколѣнія литературныхъ дѣятелей поднимаются, растутъ и зрѣютъ и выступаютъ на поприще литературное, съ новыми взглядами, съ новыми идеями и вкусами—и долго приходится имъ жить и дѣйствовать на этомъ поприщѣ рядомъ съ устарѣвшими, отживающими, но не рѣдко маститыми и почтенными представителями предшествующей литературной эпохи. Даже и тогда, когда вполнѣ созрѣвшее молодое поколѣніе успѣваетъ окончательно установить въ литературѣ свои воззрѣнія и свое новое направленіе, въ средѣ литературныхъ дѣятелей все же остается много такихъ, которые не принадлежатъ и не могутъ принадлежать къ новому поколѣнію вполнѣ: они стоятъ на грани, они представляютъ собой переходъ отъ одной эпохи къ другой, и служатъ живымъ звѣномъ, связывающимъ отдѣльные періоды непрерывнаго и безконечнаго движенія - духовной и умственной жизни народа, выражаемаго литературою.

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ (род. 1733, ум. 1807 г.) происходилъ отъ одной изъ фамилій, въѣхавшихъ еще при Петрѣ Великомъ изъ Валахіи, можетъ быть одновременно съ княземъ Кантемиромъ. Родился онъ въ г. Переяславлѣ (Полтавской губерніи) и получивъ только самые начатки воспитанія и ученія дома, уже на 10-мъ году, отданъ былъ въ Сухопутный Шляхетный корпусъ, гдѣ, какъ мы видѣли выше, воспитывался и Сумароковъ. Тамъ оставался онъ до 1751 года, и подъ вліяніемъ тѣхъ благопріятныхъ условій тогдашняго корпуснаго быта, о которыхъ мы говорили въ біографіи Сумарокова, — въ Херасковѣ тоже довольно рано развился вкусъ къ занятіямъ литературою. Пробывъ не долгое время, послѣ выпуска изъ корпуса, въ военной службѣ (въ Ингерманландскомъ полку), Херасковъ перешелъ на службу сначала въ коммерцъ-коллегію, а потомъ, тотчасъ по учрежденіи Московскаго университета (въ 1755 г.), опредѣленъ въ число лицъ, составлявшихъ штатъ этого новаго высшаго учебнаго заведенія. Здѣсь то, съ очень небольшимъ перерывомъ [1]), прослужилъ онъ почти до конца своей жизни, и между прочимъ съ 1778 по 1802 [2]) годъ занималъ весьма важную должность куратора московскаго уни-

[1]) Съ 1770 по 1775 Херасковъ состоялъ на службѣ въ бергъ-коллегіи, а въ 1778 опять перешелъ въ университетъ. [2]) Въ 1802 Московскій университетъ былъ преобразованъ вслѣдствіе учрежденія особаго министерства народнаго просвѣщенія.

верситета. Въ бытность свою кураторомъ университета Херасковъ сдѣлалъ очень много на пользу его процвѣтанію своею заботливостью. Такъ въ 1779 году учрежденъ былъ по его мысли при университетѣ вольный благородный пансіонъ, одно изъ лучшихъ воспитательныхъ заведеній въ Россіи, въ концѣ XVIII столѣтія. Въ томъ же самомъ году заключенъ былъ Херасковымъ отъ имени университета контрактъ съ Н. И. Новиковымъ— извѣстнымъ современнымъ журналистомъ и писателемъ — по которому университетская типографія отдана Новикову на откупъ на десять лѣтъ. Въ этомъ сближеніи съ Новиковымъ, однимъ изъ полезнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей того времени, и въ особенности въ томъ покровительствѣ, которое, вопреки разнымъ толкамъ и клеветамъ, Херасковъ оказывалъ впослѣдствіи Дружескому Ученому Обществу [1]), высказывается то просвѣщенное сочувствіе къ улучшенію въ Россіи воспитанія, которое привело его и къ мысли о необходимости основать при университетѣ учительскую семинарію (въ томъ же 1779 г.). Эту полезную мысль могъ онъ осуществить только при помощи одного изъ талантливѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ профессоровъ московскаго университета Іогана Георга Шварца, ближайшаго друга и помощника Новикова, о которомъ намъ еще прійдется подробнѣе упоминать въ слѣдующей главѣ.

Уже будучи 22-хъ лѣтнимъ юношей Херасковъ помѣщалъ первые свои литературные опыты въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ»— журналѣ, издававшемся при академіи наукъ Миллеромъ (съ 1754—1765 г). Переселившись вскорѣ послѣ того въ Москву, и опредѣлившись на службу при московскомъ университетѣ, Херасковъ, какъ уже пріобрѣтшій себѣ нѣкоторую литературную извѣстность, самъ сталъ издавать журналы, при помощи жены своей, Елисаветы Васильевны, которая также была «извѣстная того времени стихотворица». Въ теченіе 1760, 1761 и 1762 гг. Херасковъ издавалъ журналъ подъ названіемъ «*Полезное увеселеніе*», а въ 1763 году сталъ издавать «*Невинное упражненіе*» и «*Свободные часы*». Всѣ эти журналы наполнялись преимущественно сочиненіями студентовъ, которыхъ поощрялъ къ литературнымъ занятіямъ Херасковъ, и его собственными стихотвореніями. Мало по малу, благодаря спокойному и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно-серьезному характеру Хераскова, благодаря тому видному положенію, которое онъ занималъ при московскомъ университетѣ, сначала какъ директоръ его, и потомъ какъ одинъ изъ кураторовъ — богатый и степенный домъ Хераскова сдѣлался въ Москвѣ центромъ, около котораго вращалось все современное литературное движеніе, а самъ Херасковъ — покровителемъ и судьею литературныхъ достоинствъ всего, что выходило изъ подъ пера московскихъ писателей конца XVIII вѣка. Въ домѣ Хераскова можно было, кромѣ образованнѣйшихъ представителей современной знати, встрѣтить и В. И. Майкова, И. П. Елагина, А. И. Сумарокова, Д. И. Фонъ-Визина, И. П. Тургенева, И. Ѳ. Богдановича, Г. Р. Державина (съ которымъ до конца жизни Херасковъ поддерживалъ самую дружескую переписку), Н. М. Карамзина, И. И. Дмитріева. Рѣдкое произведеніе литературное рѣшались современные авторы выпускать въ печать не прочитавъ Хераскову, который однакоже, по свидѣтельству И. И. Дмитріева, большею частью ограничивался въ своей оцѣнкѣ или молчаніемъ или, желая похвалить сочиненіе, довольствовался очень односложной похвалой и говорилъ автору: «гладко, очень гладко!»

Трудясь на литературномъ поприщѣ почти въ теченіе полувѣка, Херасковъ болѣе высказалъ трудолюбія и совершенно-естественнаго по тому времени стремленія подражать иноземнымъ образцамъ, нежели таланта. Умѣренный, аккуратный и трудолюбивый во всемъ, въ теченіе всей своей жизни, онъ такимъ же точно явился и въ своей литературной дѣятельности. Масса оставленныхъ имъ произведеній, правильно построенныхъ на основаніи правилъ, преподаваемыхъ ложно-классической теоріей, представляетъ собою замѣчательно точное подражаніе ложноклассическимъ литературнымъ образцамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поражаетъ современнаго читателя изумительнымъ отсутствіемъ всякаго самостоятельнаго творчества. Но за то болѣе всѣхъ русскихъ писателей прошлаго вѣка Херасковъ можетъ служить намъ самымъ вѣрнымъ представителемъ ложно-клас-

[1]) Объ этомъ см. далѣе въ главѣ XXXI.

эпическаго направленія, насколько оно проявлялось въ нашей поэзіи лирической, драматической и эпической. Современники ставили ему въ особенную заслугу именно то, что онъ первый рѣшился перенести на русскую почву образцы ложно-классическаго эпоса и подарилъ русскую литературу двумя обширными эпическими поэмами, написанными по всѣмъ правиламъ современной литературной теоріи, вполнѣ удовлетворявшими современному вкусу и понятіямъ о разработкѣ важныхъ, героическихъ сюжетовъ. Публика уже успѣла освоиться въ это время съ лирикой Россійскаго Пиндара, съ драмой Россійскаго Расина, ей недоставало только *Россійскаго Гомера*, — и его то явилъ собою Херасковъ въ своей *Россіядѣ*, въ своемъ *Владимірѣ*. Полное отсутствіе всякой литературной критики было одного изъ отличительныхъ чертъ эпохи и потому такая легкая раздача литературныхъ титуловъ писателямъ того времени ничуть не должна казаться намъ удивительной. Титулъ Русскаго Гомера долженъ былъ принадлежать первому русскому писателю, у котораго бы хватило терпѣнія воспѣть какое бы то ни было героическое событіе въ полутора дюжинѣ объемистыхъ пѣсенъ, написанныхъ правильно составленными русскими стихами: такимъ терпѣливымъ воспѣвателемъ и творцомъ обширныхъ эпическихъ поэмъ явился Херасковъ, и посредственныя произведенія его, противупоставленныя неуклюжей *Телемахидѣ* Тредьяковскаго и неудачнымъ эпическимъ попыткамъ Ломоносова, заставили всѣхъ единогласно присудить ему громкое прозваніе *Россійскаго Гомера*— сдѣлали имя Хераскова въ особенности славнымъ, какъ имя творца *Россіяды и Владиміра*. Обѣ эти поэмы, даже и въ глазахъ первоклассныхъ поэтовъ того времени [1]) считались *безсмертными* твореніями, неподлежащими забвенію въ потомствѣ...

Россіяда однакоже не была первымъ произведеніемъ Хераскова. Она явилась въ 1779 году, хотя задумана была гораздо ранѣе (начата въ 1771 году, и писалась ровно 8 лѣтъ). Первымъ крупнымъ и болѣе замѣтнымъ произведеніемъ Хераскова явилась небольшая дидактическая поэма *Плоды наукъ* [2]) (1757) и черезъ годъ послѣ того *Венеціанская монахиня* [3]) (1758), трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Вѣроятно трагедія эта очень понравилась современникамъ, потому что одно изъ сохранившихся намъ современныхъ свидѣтельствъ сообщаетъ, будто до 22 лѣтъ Хераскова считали человѣкомъ простенькимъ, ни къ чему большому не способнымъ; но когда онъ написалъ трагедію «Венеціанская монахиня», то обратилъ на себя всеобщее вниманіе и съ тѣхъ поръ стали многаго ожидать отъ Хераскова, чего прежде въ немъ не предполагали». И дѣйствительно, въ теченіе почти 50 лѣтней дѣятельности, послѣдовавшей за появленіемъ въ свѣтъ этихъ первыхъ произведеній, Херасковъ писалъ положительно во всѣхъ родахъ: — трагедіи, *драмы слезныя*, драмы съ пѣснями, оды анакреонтическія, оды торжественныя, повѣсти поучительныя, повѣсти сентиментальныя, поэмы описательныя, посвященныя прославленію подвиговъ русскаго воинства, воспѣванію русской славы и благоденствія Россіи подъ скипетромъ мудрыхъ правителей—вотъ вкратцѣ перечень того, что было писано Херасковымъ, и что едвали заслуживаетъ полнѣйшаго перечисленія, потому что неумолимая рука времени давно уже предала забвенію эти произведенія плодовитаго литератора - труженника, а безпристрастная и здравая критика признала приговоръ времени справедливымъ. Достаточно будетъ упомянуть здѣсь только о томъ, что изъ числа всей этой непроглядной массы произведеній современной чита-

[1]) Такъ думалъ и Державинъ, и даже И. И. Дмитріевъ. [2]) Къ изданію этой поэмы 1797 года прибавлено слѣдующее посвященіе Императору Павлу I: «Малое сіе сочиненіе писано въ самой моей молодости; и здѣсь его помѣщаю для изъявленія моего искреннѣйшаго усердія и высокаго почитанія, которое ощущало мое сердце нашему Государю Императору, нынѣ со славою царствующему, въ самомъ Его младенчествѣ». [3]) Не лишено интереса предисловіе этой трагедіи: «читатели не могутъ меня упрекать въ томъ, ежели что невозможнымъ имъ покажется; я описывалъ то, что конечно было, а что и отъ себя прибавилъ, то въ драмѣ позволено быть можетъ. Однако, какъ сами читатели теперь усмотрѣть могутъ, все мое стараніе въ томъ состояло, чтобъ въ продолженіи сей трагедіи не отставать далеко отъ истины; и сіе самое въ трехъ дѣйствіяхъ сочинить оную меня принудило».

ющей публикѣ болѣе всего нравились тѣ повѣсти и драмы Хераскова, въ которыхъ онъ аллегорически изображалъ русскую современность въ идеальномъ, украшенномъ видѣ... Такъ, напримѣръ, весьма значительнымъ успѣхомъ пользовалась его повѣсть «Нума Помпилій или процвѣтающій Римъ» (1768 г.), изображающая въ видѣ мудраго «Нумы» Екатерину и всѣ блага приносимыя ея правленіемъ Россіи. Самъ авторъ весьма наивно высказываетъ это въ предисловіи къ «Нумѣ»:

«Сіе сочиненіе»—пишетъ онъ—«есть *плоды празднаго размышленія* (sic), которое воображая благополучное состояніе обществъ, подъ скипетромъ Нумы его находило. Не тщеславіе и не пристрастіе побудителями къ тому были, но едина любовь къ истинѣ и желаніе добра человѣческому роду... Ежели бы всѣ такія расположенія души имѣли, какія имѣлъ сочинитель сей книги: тогда-бы человѣческій родъ не несчастливъ былъ; ибо истина, добродѣтель и правосудіе торжествовали бы на землѣ. *Онѣ торжествуютъ въ Россіи. Небо! продли сіе благо!*»

На томъ же основаніи имѣла успѣхъ и другая повѣсть Хераскова «*Кадмъ* и *Гармонія*» (1789 г.) и ея продолженіе «*Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи*» [1]), въ которыхъ осуждается современное революціонное движеніе Франціи и народу, *зараженному* вольнодумствомъ, жаждою свободы и равенства, разрушившему всѣ прежнія основы общества «противополагается общество, уважающее преданія, тишину и порядокъ. Почти тѣже мысли, таже идеализація современнаго общественнаго устройства въ Россіи, противуположенная неурядицѣ и безпокойствамъ общества, не подчиненнаго единодержавію, составляетъ сюжетъ и другой, весьма популярной поэмы Хераскова: «Царь или спасенный Новгородъ» (1800 г.).

Но для всѣхъ современниковъ и для ближайшаго потомства Херасковъ все же представлялся болѣе всего замѣчательнымъ поэтомъ именно потому, что создалъ двѣ обширныя эпическія поэмы,—*Россіяду* (1779 г.) и *Владиміра* (1786)—первые сносные образцы эпическаго рода на нашей литературной почвѣ, и эта заслуга пожалуй можетъ быть названа не малою, въ смыслѣ перваго шага по новому пути, въ смыслѣ указанія для будущихъ поэтовъ. «Россіяда», въ 12 громадныхъ пѣсняхъ, воспѣваетъ взятіе Казани Іоанномъ Грознымъ; а такъ какъ эпическая поэма должна была заключать въ себѣ (по правиламъ современной ложно-классической теоріи) «какое нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключеніе въ бытіяхъ міра случившееся, и которое имѣло слѣдствіемъ важную перемѣну, относящуюся до всего человѣческаго рода» [2])—то Херасковъ и старается всѣми силами увеличить значеніе того событія, которое избрано имъ въ основу эпической поэмы. Взглядъ Хераскова на это событіе, какъ и вообще на самое значеніе эпической поэмы совершенно ясно выраженъ имъ въ предисловіи къ «Россіядѣ»:

«Воспѣвая разрушеніе Казанскаго царства, со властію державцевъ Ордынскихъ, я имѣлъ въ виду успокоеніе, славу и благосостояніе всего Россійскаго государства; знаменитые подвиги не только одного государя, но всего Россійскаго воинства; и возвращенное благоденствіе не одной особѣ, но цѣлому отечеству: почему сіе твореніе и *Россіядой* названо... Важно ли сіе приключеніе въ Россійской Исторіи? Истинные сыны отечества, обозрѣвъ умомъ бѣдственное тогдашнее Россіи состояніе, сами почувствовать могутъ, достойно-ли оно Епопеи... а моя поэма сіе оправдать обязана».

Историческіе свѣдѣнія Хераскова оказываются крайне сбивчивыми и нельзя не замѣтить, что въ своихъ понятіяхъ о личности Грознаго [3]) авторъ Россіяды очень недалеко ушелъ отъ дьяка Грибоѣдова. Сбивчивости

---

[1]) Весьма любопытнымъ со стороны теоретическихъ воззрѣній Хераскова является слѣдующее мѣсто изъ его предисловія къ «*Кадму и Гармоніи*»: «Мнѣ совѣтовали переложить сіе сочиненіе стихами, *дабы видъ эпической поэмы оно приняло.* Надѣюся, могутъ читатели повѣрить мнѣ, что я въ состояніи былъ издать сіе твореніе стихами; но я не поэму писалъ, а хотѣлъ сочинить простую токмо повѣсть, *которая для стихословія не есть удобна.* Кому извѣстны піитическія правила, тотъ при чтеніи сей книги почувствуетъ, для чего не стихами она писана». [2]) Слова Хераскова, заимствованныя изъ «Взгляда на эпическія поэмы», предпосланнаго *Россіядѣ* ея авторомъ. [3]) Херасковъ величаетъ его постоянно Іоанномъ Васильевичемъ II-мъ, а не IV-мъ.

его историческихъ свѣдѣній и понятій, конечно еще болѣе способствуетъ ложно-классическое направленіе, дозволявшее авторамъ, какъ мы уже видѣли выше, совершенно свободно и безцеремонно обращаться съ историческимъ матерьяломъ. Вотъ что самъ авторъ *Россіяды* сообщаетъ намъ о своемъ способѣ обработки историческаго сюжета, избраннаго имъ въ основу поэмы:

«Повѣствовательное сіе твореніе расположилъ я по исторической истинѣ, сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупилъ къ тому небольшіе анекдоты, доставленные мнѣ изъ Казани... Но да памятуютъ мои читатели, что какъ *въ эпической поэмѣ—вѣрности исторической, такъ въ дѣеписаніяхъ поэмы искать не должно.* Многое отмѣнилъ я, переложилъ изъ одного времени въ другое, изобрѣталъ, украшалъ, творилъ и созидалъ. Успѣлъ-ли я въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить; *но то неоспоримо, что эпическія поэмы обыкновенно по таковымъ, какъ сія, правиламъ сочиняются*».

Въ приложеніи къ этой главѣ мы подробно излагаемъ содержаніе четырехъ первыхъ пѣсенъ Россіяды. Полагаемъ, что этого изложенія совершенно достаточно для избѣжанія повтореній всего, уже много разъ высказаннаго о ложно-классическомъ эпосѣ. Для каждаго, внимательно прослѣдившаго это содержаніе и вышеприведенные нами отрывки изъ предисловія къ Россіядѣ, всѣ отличительныя черты этого рода поэзіи должны быть на столько очевидны, что едва-ли нужно на нихъ указывать, перечислять ихъ здѣсь. Достаточно будетъ и того, если мы замѣтимъ, что и ложно-классическій эпосъ, по отношенію къ разработкѣ сюжетовъ, страдалъ тѣми же недостатками, которые мы выше замѣтили въ ложно-классической лирикѣ и драмѣ: таже натянутость и высокопарность изложенія, таже безличность героевъ, въ сущности непринадлежащихъ никакой національности и никакой почвѣ, таже неестественность и чрезвычайность положеній. Ко всему этому, въ эпосѣ примѣшивался еще, какъ необходимая и существеннѣйшая сторона его, элементъ *чудеснаго, сверхъестественнаго*, которое особенно выходило уродливо въ русскихъ образцахъ ложно-классическаго эпоса, гдѣ это чудесное не почерпалось изъ богатаго запаса народныхъ вѣрованій и преданій, а либо переносилось съ чуждой намъ почвы западныхъ эпопей, либо придумывалось, изобрѣталось самимъ авторомъ. Вотъ почему эта сторона, состоящая изъ подражаній чудесному, на сколько оно проявилось въ иноземныхъ образцахъ (напр. въ Энеидѣ Виргилія или въ Освобожденномъ Іерусалимѣ Тассо) или на сколько оно было придумано авторомъ (въ видѣ призраковъ, вѣщихъ сновъ, предзнаменованій, волшебствъ и простаго олицетворенія предметовъ отвлеченныхъ и нравственныхъ) — это чудесное и составляетъ именно наиболѣе слабую сторону *Россіяды*, какъ и всякой подобной ложно-классической эпопеи, основанной на чуждыхъ намъ преданіяхъ, порожденной еще болѣе чуждыми намъ воззрѣніями на искусство.

Послѣ всего сказаннаго о Россіядѣ, мы не станемъ, конечно, излагать содержанія «Владиміра» и укажемъ только на одну сторону этой громадной эпопеи, состоящей изъ 18 пѣсенъ. Въ основу *«Владиміра»* избрано было авторомъ другое важное событіе — просвѣщеніе Россіи христіанствомъ «черезъ князя, который сначала былъ настолько же ревностнымъ язычникомъ, насколько впослѣдствіи ревностнымъ христіаниномъ». Выборъ этого сюжета, повидимому, совпадалъ до нѣкоторой степени съ тѣмъ религіозно-мистическимъ настроеніемъ, которому Херасковъ поддался въ концѣ своей жизни наравнѣ съ весьма значительнымъ большинствомъ современнаго ему высшаго общества. По крайней мѣрѣ такимъ именно мистическимъ настроеніемъ отзывается все предисловіе къ *«Владиміру»* [1]):

«Ежели кто будетъ имѣть охоту прочесть моего *«Владиміра»*, тому совѣтую, наипаче юношеству, читать онаго не какъ обыкновенное эпическое твореніе, гдѣ по большей части битвы, рыцарскіе подвиги и чудесности воспѣваются; но читать, какъ странствованье внимательнаго человѣка путемъ истины, на которомъ срѣтается онъ съ мірскими соблазнами, подвергается многимъ искушеніямъ, впадаетъ въ мракѣ сомнѣнія, борется со врожденными страстями своими, наконецъ преодолѣваетъ самъ себя, нахо-

[1]) Именно къ III-му изд. его, въ 1797.

дить стезю правды, и, достигнувъ просвѣщенія, возрождается. Не учительскимъ скучнымъ голосомъ преподаю наставленія, какъ достигать свѣта истины; ни съ важностью проповѣдника, мнѣ неприличною, возвѣщаю, какъ возродиться человѣкъ можетъ; но въ духѣ, свойственномъ пѣснопѣвцу, робкому пѣснопѣвцу, единственно о христіанскомъ просвѣщеніи Владиміра повѣдаю, Владиміра, Россіи просвѣтителя и нареченнаго Равноапостольнымъ. Повѣсть важна, велика и восторговъ достойна... Многіе духовные отцы въ томъ сочиненіи мнѣ руководствовали, многое отъ бесѣдованья съ цѣломудренными людьми я заимствовалъ, многое собственнымъ позналъ опытомъ, и ежели кто прочитавъ сію поэму скажетъ, что онъ не напрасно потерялъ свое время, то и я сказать осмѣлюсь, что мое время, сочиняя Владиміра, употребилъ не втунѣ».

Тоже самое направленіе еще яснѣе высказалось въ предисловіи къ другой духовно-нравственной поэмѣ Хераскова, подъ заглавіемъ «Вселенная» [2]), и отчасти въ послѣднихъ его произведеніяхъ: въ поэмахъ «Пилигриммы или искатели счастія» и «Бахаріана или неизвѣстный» (1803 г.), составленной изъ 14 пѣсень, писанныхъ различными размѣрами [3]). Видно, что къ тому времени, когда окончено было Херасковымъ это твореніе его, наша литература успѣла уже далеко уйти впередъ, потому что не смотря на славу свою, не смотря на сочувствіе и уваженіе со стороны многихъ литературныхъ знаменитостей, Херасковъ не могъ найти между книгопродавцами издателя для *Бахаріаны* и долженъ былъ печатать ее на свой счетъ.

Вообще говоря, хотя Херасковъ и принадлежитъ большею и значительнѣйшею частью своей литературной и служебной дѣятельности къ царствованью Екатерины, однако же по своему развитію, образованію и понятіямъ онъ относится къ эпохѣ предшествующей, къ эпохѣ, произведшей Ломоносова и Сумарокова, какъ писателей, горячо слѣдовавшихъ ложно-классической теоріи. Съ Херасковымъ уничтожился и отжилъ у насъ типъ литератора, слѣпо приверженнаго правиламъ литературной теоріи, придававшаго большое значеніе внѣшней формѣ и построенію литературныхъ произведеній и «всегда имѣвшихъ на памяти и часто на устахъ» науку о стихотворствѣ Буало. Херасковъ былъ послѣднимъ изъ писателей нашихъ, сочинявшимъ *на основаніи правилъ*, которыми ложно-классическая теорія стремилась замѣнить вдохновеніе и поэтическій талантъ. Послѣ него едва-ли который нибудь изъ нашихъ стихотворцевъ рѣшился бы повѣрить тому, что «не одни стихи, но наипаче изобрѣтеніе, естественность, украшенія, привлекательность слога, убѣдительное нравоученіе и остроуміе стихотворца составляютъ» [1]). Этотъ идеалъ поэта отжилъ свой вѣкъ вмѣстѣ съ Херасковымъ и, благодаря болѣе талантливымъ, болѣе живымъ дѣятелямъ литературнымъ, одновременно съ нимъ и послѣ него трудившимся, смѣнился новыми, лучшими идеалами.

Подъ непосредственнымъ надзоромъ и покровительствомъ Хераскова, уже высоко стоявшаго во мнѣніи современниковъ, въ числѣ другихъ молодыхъ талантовъ, развивался и росъ Богдановичъ (род. 1743, ум. 1803), съ именемъ котораго неразрывно соединялось для всѣхъ его современниковъ воспоминаніе о его поэмѣ «Душенька»— первомъ легкомъ, удобочитаемомъ русскомъ эпическомъ произведеніи, которое, конечно, должно было пріятно поразить современнаго читателя своимъ простымъ, доступнымъ языкомъ и шутливою обработкою легкаго, игриваго сюжета.

Въ самый годъ смерти поэта, когда еще живо было впечатлѣніе его литературной дѣятельности, въ наиболѣе значительномъ изъ современныхъ журналовъ, въ «Вѣстникѣ Европы», издаваемомъ Карамзинымъ, появился небольшой очеркъ его біографіи въ связи съ критическимъ обзоромъ его сочиненій. Очеркъ этотъ, подписанный буквами Ц. Ф., принадлежитъ, вѣроятно, перу самого Карамзина и составленъ былъ на основаніи извѣстій о Богдановичѣ, доставленныхъ братомъ поэта. Мы воспользуемся имъ не только потому, что онъ заключаетъ въ себѣ весьма любопытныя подробности о поэ-

[1]) Содержаніе этой послѣдней поэмы почерпнуто изъ *русскихъ сказокъ*. [2]) Мы привели его въ приложеніяхъ къ этой главѣ, на страницѣ 426. [3]) См. предисловіе къ «Кадму и Гармоніи».

тѣ, но и потому, что онъ самъ по себѣ чрезвычайно любопытенъ, какъ образецъ біографіи, написанной въ сентиментальномъ и ложно-классическомъ духѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ утраты, и потому особенно близко знакомитъ насъ съ понятіями, вкусами и воззрѣніями публики, восхищавшейся произведеніями Богдановича. Свѣдѣнья о Богдановича, сообщаемыя этой біографіей, мы дополнимъ тѣми замѣтками и сообщеніями, которыя заключаются въ сохранившейся намъ весьма краткой, но во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно любопытной автобіографической запискѣ Богдановича.

Ипполитъ Ѳеодоровичъ Богдановичъ родился «въ счастливомъ климатѣ Малороссіи», въ мѣстечкѣ Переволочномъ, гдѣ отецъ его былъ при должности. По одиннадцатому году отвезли его въ Москву и опредѣлили юнкеромъ въ Юстицъ-Коллегію. Президентъ Коллегіи, замѣтивъ въ немъ особенную склонность къ наукамъ, дозволилъ ему учиться въ математической школѣ, бывшей тогда при Сенатской Конторѣ. «Но математика не могла быть наукою человѣка, рожденнаго для поэзіи: числа и линеи не питаютъ воображенія»... Богдановичъ, зачитавшись Ломоносова и другихъ поэтовъ, увлекся театромъ, такъ какъ «драматическое искусство сильно дѣйствуетъ на всякую нѣжную душу», и рѣшился даже поступить на сцену. «Однажды является къ директору московскаго театра мальчикъ, лѣтъ 15-ти, скромной, даже застѣнчивой, и говоритъ ему, что онъ дворянинъ и желаетъ быть актеромъ! Директоръ, разговаривая съ нимъ, узнаетъ его охоту къ ученью и стихотворству; *доказываетъ ему неприличность актерскаго званія для благороднаго человѣка*; записываетъ его въ Университетъ и беретъ жить къ себѣ въ домъ. Сей мальчикъ былъ Ипполитъ [1]) Богдановичъ, а директоръ театра (что не менѣе достойно замѣчанія) Михайло Матвѣевичъ Херасковъ. И такъ счастливая звѣзда привела молодаго ученика музъ къ ихъ знаменитому любимцу, который, имѣя самъ великій талантъ, умѣлъ открывать его и въ другихъ». Въ домѣ Хераскова и въ Университетѣ, «учась правиламъ искусства и языку поэзіи подъ руководствомъ творца Россіады», и участвуя въ журналахъ, которые Херасковъ издавалъ, Богдановичъ провелъ все время до 1761 г., когда, покровительствуемый тѣмъ же Херасковымъ, получилъ мѣсто при Университетѣ. Въ домѣ Хераскова Богдановичъ успѣлъ завязать различныя знакомства и связи съ людьми знатными и высокопоставленными въ обществѣ и обратить на себя особенное вниманіе Е. Р. Дашковой, которая принимала даже участіе въ журналѣ «Невинное Упражненіе», издававшемся подъ редакціею Богдановича до 1763 [2]). Княгиня Дашкова доставила Богдановичу и мѣсто переводчика въ иностранной коллегіи, и способствовала этимъ его переселенію въ Петербургъ [3]). Здѣсь-то, въ 1765 году, онъ, уже извѣстный публикѣ мелкими стихотвореніями своими и переводомъ Вольтеровой поэмы «на разрушеніе Лиссабона»—издалъ первую маленькую поэму свою: *Сугубое блаженство*. «Онъ раздѣлилъ ее на три пѣсни: въ первой изображаетъ картину золотаго вѣка; во второй—успѣхи гражданской жизни, наукъ и злоупотребленіе страстей; а въ третьей—спасительное дѣйствіе законовъ и царской власти». Біографъ Богдановича замѣчаетъ объ этой поэмѣ, что она не сдѣлала сильнаго впечатлѣнія на публику; «лавровый вѣнокъ»—говоритъ онъ—«уже сплетался для автора, но еще невидимо».

Въ 1766 году Богдановичъ, въ качествѣ секретаря нашего посольства при саксонскомъ дворѣ, отправился въ Дрезденъ и прожилъ тамъ два года. По возвращеніи оттуда, онъ почти исключительно посвятилъ досуги свои литературѣ: писалъ стихи, пе-

---

[1]) Къ этому имени въ подлинникѣ прибавлено слѣдующее характеристическое примѣчаніе: «Піитическое имя *Ипполитъ* пріятнѣе ушамъ безъ отчества». [2]) Журналъ этотъ издавался только полгода и въ іюнѣ прекратился; въ приложенномъ къ послѣднему № письмѣ «отъ издателей къ обществу» сказано было, что онъ прекращается «по многимъ неотвратимымъ препятствіямъ и вопервыхъ потому, что какъ издатели, такъ и тѣ, кои подписались брать нашъ журналъ, изъ Москвы разъѣхались».

[3]) Въ автобіографической запискѣ Богдановича находимъ слѣдующую замѣтку: «По просьбѣ Е. Р. Дашковой опредѣленъ въ переводчики къ П. И. Панину... и употребленъ былъ къ соучаствованью въ издаваемомъ подъ ея покровительствомъ журналѣ, названномъ «*Невинное упражненіе*». 1763 году Богдановичъ съ Панинымъ и въ Петербургъ отправился».

реводилъ, даже издавалъ журналъ (*Петербургскій Вѣстникъ* въ теченіе полутора года)—«и наконецъ, въ 1775 году [1]), положилъ на олтарь Грацій свою *Душеньку*». ....«Онъ жилъ тогда на Васильевскомъ Острову, въ тихомъ, уединенномъ домикѣ, занимаясь музыкой и стихами, въ счастливой безпечности и свободѣ; имѣлъ пріятныя знакомства; любилъ иногда выѣзжать, но еще болѣе - возвращаться домой, гдѣ Муза ожидала его съ новыми идеями и цвѣтами».

Богдановичъ.

Сюжетъ «Душеньки» былъ заимствованъ Богдановичемъ изъ повѣсти Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона, содержаніе которой было, въ свою очередь, заимствовано французскимъ писателемъ у Апулея, латинскаго писателя, жившаго во II вѣкѣ по Р. Х. Апулей вставилъ разсказъ объ Амурѣ и Психеѣ въ видѣ эпизода въ одну изъ главъ своего обширнаго, философскаго романа: «*Превращенее или золотой оселъ*». Лафонтенъ сдѣлалъ изъ Апулеева разсказа граціозную и легкую небольшую повѣсть, написанную прозой и стихами. Богдановичъ, заимствуя то же содержаніе у Лафонтена, и передавая его въ трехъ книгахъ вольными стихами, въ видѣ небольшой романтической поэмы, задался при этомъ желаніемъ передѣлать Лафонтенову повѣсть на русскіе нравы, сообразуясь съ моднымъ въ екатерининское время направленіемъ нашей литературы. Изъ этого-то и произошли всѣ тѣ несообразности и весьма неизящныя отступленія отъ Лафонтенова изложенія, которыя тѣсно были связаны съ неестественнымъ перерожденіемъ отвлеченной, таинственной греческой «Психеи» въ весьма положительную, хорошенькую русскую дѣвушку, у которой однакоже родителями оказываются греческіе царь и царица, живущіе «въ старинной Греціи, въ Юпитерово время». Въ такой же степени неизящнымъ и страннымъ представляется то смѣшеніе русскихъ преданій съ греческою миѳологіею, которое всюду допускаетъ въ своей поэмѣ Богдановичъ, сопоставляя Амура, Венеру, весь классическій Олимпъ и весь тартаръ—съ змѣемъ Горынычемъ и Кащеемъ русскихъ сказокъ. Но современники Богдановича этого незамѣчали, какъ видно по отзывамъ его біографіи, и восхищались въ его «Душенькѣ» именно этимъ отсутствіемъ въ ней всякаго характера, всякаго стиля, всякой ровности колорита; смѣшеніе ложно-классическаго съ русскимъ, народнымъ, нравилось современнымъ читателямъ, утомленнымъ скукою и однообразіемъ тяжелыхъ ложно-классическихъ произведеній, написанныхъ по всѣмъ правиламъ строгой теоріи. «Благоразумный критикъ—такъ замѣчаетъ біографъ Богдановича—«не забудетъ что Ипполитъ Богдановичъ *первый* на русскомъ языкѣ игралъ воображеніемъвъ легкихъ стихахъ: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, могли быть для него образцами только въ другихъ родахъ». Это замѣчаніе біографа совершенно справедливо и отчасти поясняетъ намъ замѣчательный успѣхъ *Душеньки* въ современномъ обществѣ; но тотъ же успѣхъ гораздо болѣе объясняется намъ вообще неразвитостью вкуса, чрезвычайною сбивчивостью понятій объ изящномъ и о поэзіи, господствовавшею въ нашемъ обществѣ конца XVIII вѣка, когда старая ложно-классическая теорія очевид-

[1]) Въ біографической запискѣ: «1775 г. дек. 23 дня принялъ въ академіи приватную должность имѣть главное смотрѣніе въ изданіи С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Сію должность отправлялъ по дек. 1782 года.

но начинала уже отживать свой вѣкъ, а новые, болѣе правильные взгляды еще не успѣли установиться. Эта сбивчивость понятій проявляется совершенно отчетливо и ясно въ томъ отзывѣ, который современная критика прилагаетъ къ «Душенькѣ»: Лафонтеново твореніе полнѣе и совершеннѣе (поэмы Богдановича) въ эстетическомъ смыслѣ, а «Душенька» во многихъ мѣстахъ пріятнѣе и живѣе, *и вообще превосходнѣе тѣмъ, что писана стихами*, ибо хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы: *что труднѣе, то имѣетъ и болѣе цѣны въ искусствахъ*. Надобно также замѣтить, что нѣкоторыя изображенія и предметы необходимо требуютъ стиховъ *для большаго удовольствія читателей*, и что никакая гармоническая, цвѣтная проза не замѣнитъ ихъ. Все чудесное, явно несбыточное, принадлежитъ къ сему роду (слѣдственно и басня Душеньки). Случаи неестественные должны быть украшены всѣми хитростями искуства, чтобы занимать насъ повѣстію, въ которой нѣтъ и тѣни истины, или вѣроятности. *Стихотворство есть пріятная игра ума, и богатѣе обыкновеннаго языка разнообразными, оборотами, измѣненіями тона*, особливо въ вольныхъ стихахъ, какими писана «Душенька», и которые, подобно англійскому саду, *болѣе всякаго правильнаго единства* [1]) обнаруживаютъ умъ и вкусъ артиста».

Успѣхъ «Душеньки» способствовалъ успѣхамъ автора ея и въ обществѣ, и на службѣ. Екатерина прочитала невинную и шутливую поэму Богдановича съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ читало ее все современное образованное русское общество, и удостоила автора такимъ вниманіемъ, которое тотчасъ опредѣлило его положеніе въ высшемъ обществѣ. Знать и придворные стали искать знакомства съ авторомъ «Душеньки»; поэты прославляли его «въ Эпистолахъ, Одахъ, Мадригалахъ и Надписяхъ». ...«Но многія блестящія знакомства отвлекли Богдановича отъ жертвенника Музъ въ самое цвѣтущее время таланта» —иносказательно выражается о немъ современный біографъ—и вслѣдствіе этого «Богдановичъ еще писалъ, но мало, или съ небреженіемъ, какъ будто бы нехотя, или въ дремотѣ Генія». Другими словами, авторъ, для котораго литературная дѣятельность была по собственному его сознанію не болѣе, какъ «забавой въ праздные часы» [2]), возвеличенный успѣхомъ своего произведенія, завлеченный въ обширное знакомство и счастливо поставленный на своемъ служебномъ поприщѣ, вскорѣ послѣ написанія «Душеньки», почти оставилъ эту забаву и возвращался къ ней только тогда, когда его къ тому побуждало желаніе угодить своей высокой покровительницѣ, въ особенности поощрявшей его писать для театра. [3]) Между 1775 и 1789 гг. имъ и дѣйствительно написано было нѣсколько пьесъ: въ томъ числѣ «лирическая комедія «*Радость Душеньки*» и драма «*Славяне*», которую играли во время празднованія двадцатипятилѣтія со дня вступленія на престолъ Екатерины I. Едва ли слѣдуетъ здѣсь упоминать о томъ, что около того же времени предпринялъ Богдановичъ написать «*Историческое изображеніе Россіи*», о которомъ даже и современники отзывались какъ «объ опытѣ легкомъ, несовершенномъ, но довольно пріятномъ»? Вообще, подъ конецъ царствованія Екатерины Богдановичъ сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ придворныхъ поэтовъ, посвятившихъ всецѣло досуги свои прославленію Екатерины, и недовольствуясь своими хвалебными произведеніями въ честь ее, «перевелъ также всѣ лучшіе стихи, написанные въ честь Екатеринѣ, Вольтеровы, Мармонтелевы и проч. Сіи поэты умѣли хвалить Великую языкомъ благороднымъ—и Богдановичъ не унижалъ его». Однимъ изъ болѣе замѣчательныхъ произведеній Богдановича въ теченіе этого періода долженъ быть

[1]) Вѣстникъ Европы, 1803. № 10. [2]) См. предисловіе, написанное Богдановичемъ къ «Душенькѣ» и напечатанное въ «Собраніи сочиненій», изд. Бекетовымъ, въ 1809 года, въ Москвѣ.

[3]) Въ автобіографической запискѣ находимъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнья: «1786 года въ апрѣлѣ, *по имянному Монаршему повелѣнію*, сочинилъ лирическую комедію «Радость Душеньки», которая удостоена была Высочайшей апробаціи, и въ знакъ Монаршаго благоволенія при семъ случаѣ пожалована ему отъ Государыни *табакерка*; вскорѣ же потомъ пожалованы *на заплату долговъ деньги*. По представленіи же комедіи на придворномъ театрѣ пожалована *еще табакерка*»... «1787 г. *по имянному Монаршему повелѣнію* сочинилъ изъ русскихъ пословицъ два театральныхъ представленія» и т. д,

конечно, названъ его сборникъ *Русскихъ пословицъ* (въ 1785 г.), собранныхъ и переложенныхъ въ стихи, въ 3-хъ частяхъ по желанію Екатерины, вообще любившей народныя поговорки. Пословицы въ сборникѣ Богдановича сглажены, смягчены и расположены по тѣмъ нравственнымъ вопросамъ, которые положены въ основу ихъ (напр. отдѣлъ I: нужная умѣренность въ жизни; отд. II: нужное терпѣніе въ жизни; отд. III, нужное примѣненіе къ дому и т. д Или еще отд. VI, стыдъ хвастовства; отд. VII, стыдъ самохвальства; отд. VIII, — глупость спѣси и т. п.)

Одинъ изъ современниковъ сохранилъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ нѣсколько словъ о Богдановичѣ, которыя мы считаемъ на столько заслуживающими вниманія и характеризующими его личность, что приводимъ ихъ здѣсь цѣликомъ: «Богдановича (видали) у Державина и въ другихъ петербургскихъ обществахъ. Онъ былъ чрезвычайно скроменъ и молчаливъ. Являлся на вечера, всегда опрятно и хорошо одѣтый, въ французскомъ кафтанѣ, щеголевато напудренный, съ кошелькомъ, съ плоской тафтяной шляпой подъ мышкой. Говорилъ осторожно и разыгрывалъ дипломата. Предметомъ его разговора было всегда нѣсколько словъ о политическихъ новостяхъ всѣмъ извѣстныхъ. Вообще, какъ человѣкъ, желавшій казаться свѣтскимъ, онъ не останавливался долго на одномъ предметѣ разговора, не вдавался въ разсужденія, не объявлялъ своего мнѣнія, ни на чемъ не настаивалъ, а скользилъ по предметамъ. Богдановичъ кажется не думалъ быть авторомъ: написалъ Душеньку для собственной своей забавы и напечаталъ по убѣжденію пріятеля; на поприще писателя вызвалъ его успѣхъ Душеньки. Но послѣ ея ничто уже не далось ему».

Всѣми уважаемый, какъ авторъ «Душеньки» и многими любимый за свою скромность, простоту и безвредность, какъ человѣкъ, Богдановичъ спокойно окончилъ свою службу въ 1795 году. Въ послѣднее время службы (съ 1788 г.) онъ занималъ довольно видное мѣсто предсѣдателя новоучрежденнаго тогда С.-Петербургскаго Государственнаго Архива и вышелъ въ отставку, обезпеченный полнымъ окладомъ жалованья. «Наконецъ, въ 1795 году, онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Тогдашнія бѣдствія Европы»— такъ поясняетъ его біографъ—«разительная картина непостоянства Фортуны въ отношеніи къ людямъ и государствамъ, самая свѣтская печальная опытность, могли въ добромъ и нѣжномъ сердцѣ его произвести склонность къ мирному уединенію. Пріятный климатъ, любезныя воспоминанія дѣтства и самая вѣрнѣйшая связь въ мірѣ, дружба родственная, влекли Богдановича къ счастливымъ странамъ Малороссіи. Онъ пріѣхалъ въ Сумы, съ намѣреніемъ вести тамъ жизнь свою въ кругу ближайшихъ родныхъ и наслаждаться ея тихимъ вечеромъ въ объятіяхъ природы, всегда любезной для чувствительнаго сердца, особливо для поэта». Но сердце Богдановича оказалось, сверхъ всякаго ожиданія, слишкомъ чувствительнымъ для его почтенныхъ лѣтъ: «мы должны», говоритъ біографъ, «повторить извѣстіе не ясное, хотя и вѣрное»—Богдановичу подобно Руссо, пришлось «испытать на шестомъ десятилѣтіи всю силу романической страсти».... «Не знаемъ обстоятельствъ.... Скажемъ только, что тихая, мирная жизнь Богдановича вдругъ сдѣлалась ему несносною. Онъ долженъ былъ разлучиться съ другомъ и братомъ...» Въ 1798 году онъ переселился въ Курскъ, и оттуда еще привѣтствовалъ одою вступленіе на престолъ Александра I. Въ началѣ Декабря 1802 года Богдановичъ занемогъ, а 6 Января 1803 года «кончилъ жизнь, къ горести родныхъ, друзей и всѣхъ любителей русской словесности».

Къ многочисленному кружку литературныхъ дѣятелей Екатерининскаго времени принадлежалъ и еще одинъ писатель, о которомъ большинство современниковъ вовсе не знало, который не пользовался при жизни своей и не хотѣлъ пользоваться никакою литературною славою, считая и способности свои, и дѣятельность незаслуживающими никакого вниманія... потомство однакоже оцѣнило и талантъ его, и произведенія совершенно вѣрно, и признало его однимъ изъ наиболѣе достойныхъ представителей нашей литературы XVIII вѣка. Писатель этотъ былъ *Хемницеръ* (род. 1744 г., ум. 1784 г.), одинъ изъ многихъ дѣятелей прошлаго столѣтія съ нѣмецкой фамиліей и чисто-русскимъ складомъ ума и направленіемъ дѣятельности.

Иванъ Ивановичъ Хемницеръ происходилъ дѣйствительно изъ нѣмецкой фамиліи; отецъ его, саксонскій урожденецъ, выѣхалъ въ Россію при Петрѣ I, и долгое время занимая доходное мѣсто надзирателя при Сухопутномъ Госпиталѣ въ С.-Петербургѣ, нажилъ только непремѣнное желаніе приготовить сына своего къ медицинской дѣятельности. Однакоже нервы молодаго Хемницера оказались слишкомъ слабыми: онъ не могъ переносить работы надъ трупами и поступилъ въ военную службу. Къ сожалѣнію, біографія Хемницера до сихъ поръ состоитъ всего на все изъ нѣсколькихъ анекдотовъ, мало имѣющихъ между собою связи, и очень бѣдна фактами. На этомъ основаніи мы ничего не знаемъ о пребываніи Хемницера въ военной службѣ, не знаемъ даже и въ какомъ именно полку онъ состоялъ на службѣ; достовѣрно кажется только то, что онъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ, и въ началѣ турецкой, и что военная служба опротивѣла ему очень скоро. Онъ говаривалъ не даромъ, что «попалъ изъ анатомической залы на обширный хирургическій театръ». Въ 1769 году, въ скромномъ чинѣ поручика перешелъ онъ на службу при Горномъ Корпусѣ, и здѣсь то, ничтожнымъ жалованьемъ своимъ долженъ былъ содержать, по смерти отца, мать и двухъ сестеръ своихъ. Дни приходилось ему проводить на службѣ въ Корпусѣ, а ночи просиживалъ онъ за книгами. Нужда заставила его искать себѣ поддержки въ литературѣ и заниматься переводами: двѣ оды и какая то трагедія «Бланка» были, кажется первыми произведеніями его пера. Его способности и служебное рвеніе обратили на него вниманіе ближайшаго начальства, которое включило его въ Ученое Собраніе при Горномъ Корпусѣ: это еще болѣе побудило его трудиться, особенно надъ переводами ученыхъ сочиненій по части металлургіи и горныхъ промысловъ... Бѣдному труженику не много оставалось свободнаго времени, и это свободное время онъ посвящалъ преимущественно своему любимому писателю—Лафонтену, которому старался подражать, пытаясь создать первые опыты русской басни, которые бы по языку и складу не напоминали грубыхъ *притчей* Сумарокова. Вѣроятно поѣздка за границу (въ концѣ 1776 г.) съ покровительствовавшимъ Хемницеру Директоромъ Горнаго Училища М. Ѳ. Соймоновымъ, способствовала ознакомленію Хемницера съ нѣмецкими образцами басни и заставила его настолько же полюбить *Геллерта*, насколько онъ до того времени любилъ Лафонтена. «Путешествіе перемѣнило образъ жизни Хемницера»—замѣчаетъ одинъ изъ его біографовъ—«онъ началъ съ того времени заниматься своею одеждою: пудрился, носилъ платье, соотвѣтствовавшее тогдашней модѣ; проводилъ утра на службѣ, вечера въ обществахъ». Черезъ Капниста и Львова познакомился и сошелся Хемницеръ съ Державинымъ, который, уважая его умъ и образованіе, и не надѣясь на свой изящный вкусъ, часто отдавалъ ему на судъ свои произведенія, даже отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ, который *«указалъ ему въ сочиненіяхъ особый путь»*. Однако же этому близкому кружку пріятелей нелегко было заставить Хемницера выступить на литературное поприще. Послѣ долгихъ отговорокъ и съ положительнымъ опасеніемъ навлечь на себя неудовольствіе многихъ недруговъ, Хемницеръ наконецъ рѣшился, въ 1778 г. по уговору друзей своихъ напечатать въ первый разъ свои *басни*, не выставляя на собраніи ихъ своего имени и взявъ съ друзей честное слово, что они не выдадутъ его тайны. Вскорѣ послѣ того, въ началѣ 1781

Хемницеръ.

г., Хемницеръ покинулъ службу при горномъ корпусѣ, такъ какъ Соймоновъ, покровительствовавшій ему, по болѣзни, вышелъ въ отставку, а Хемницеру нехотѣлось продолжать службу при новомъ начальникѣ и привыкать къ новымъ порядкамъ. Бѣдность, не выпускавшая его и во время пребыванія на службѣ изъ своихъ ежовыхъ рукавицъ, стала сильно одолѣвать его... Пріятели его однакоже не оставили, и, при помощи Е. Р. Дашковой, успѣли наконецъ доставить ему почетное мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ. Хемницеру пришлось разстатся со всѣми дорогими и милыми ему людьми, занятіями и воспоминаніями; разлука съ родиной и рѣзкая перемѣна климата вѣроятно много способствовали разстройству его здоровья и быстрому упадку силъ, который и свелъ его очень рано въ могилу: онъ скончался на 40-мъ году жизни. Тѣло его перевезено было въ Россію и погребено въ Николаевѣ. На его надгробномъ камнѣ вырѣзана была имъ самимъ сочиненная и вполнѣ справедливая по отношенію къ его жизни эпитафія:

«Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился
И умеръ голъ, какъ голъ родился».

Не вдаваясь въ анекдотическую часть біографіи Хемницера, мы должны замѣтить, что немногіе дошедшіе до насъ и недавно напечатанные [1]) документы, заслуживающіе полнаго довѣрія, рисуютъ намъ Хемницера замѣчательно простымъ, добрымъ и чрезвычайно прямымъ человѣкомъ; здравымъ умомъ и самымъ неподдѣльнымъ, самымъ естественнымъ добродушіемъ дышетъ единственное дошедшее до насъ письмо его къ Капнисту и его женѣ, писанное имъ вскорѣ по прибытіи въ Смирну. Прекрасная характеристика Хемницера, какъ человѣка, заключается въ одномъ изъ писемъ Державина къ Булгакову, нашему посланнику при константинопольскомъ дворѣ:»... Иванъ Ивановичъ Хемницеръ, одинъ изъ моихъ друзей, ѣдетъ къ вамъ»—такъ пишетъ Державинъ къ Булгакову, рекомендуя ему новаго консула, отправлявшагося въ Смирну черезъ Константинополь; — «хотя своими добродѣтелями и любезнымъ поведеніемъ онъ неотмѣнно пріобрѣтетъ благоволеніе и пріязнь вашу, но на первый однако случай, предваряя о его свойствахъ, скажу вамъ: «*Се истинный Израиль, въ немъ же льсти нѣсть!*»

Едва-ли можно согласиться съ тѣмъ отзывомъ, который г. Галаховъ дѣлаетъ о басняхъ Хемницера въ своемъ почтенномъ трудѣ. «Баснямъ Хемницера выпала особая доля»—такъ говоритъ г. Галаховъ въ своей «Исторіи Русской Словесности (ч. I, стр. 497)». — «Въ теченіе XVIII в. онѣ не возбуждали заслуженнаго ими вниманія. Когда же литературная критика оцѣнила ихъ по достоинству, у образованной публики явились другіе любимцы—Карамзинъ и Дмитріевъ. Занявъ мѣсто въ исторіи литературы, Хемницеръ въ тоже время сталъ достояніемъ читателей низшаго разряда. Для нихъ-то и теперь издаются его басни»... Судьба, выпавшая на долю баснямъ Хемницера въ прошломъ вѣкѣ, не должна, конечно, препятствовать вѣрной оцѣнкѣ этихъ произведеній въ настоящее время. Если же мы рѣшимся безпристрастно судить о басняхъ Хемницера по отношенію къ тому времени, въ теченіе котораго онѣ были написаны, если мы припомнимъ, что первое изданіе ихъ вышло въ то время, когда у насъ не было въ литературѣ ни одного, даже и сноснаго образца *басни*,—то Хемницеру должно будетъ, конечно, дать весьма видное мѣсто въ кругу нашихъ писателей прошлаго вѣка. Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что и по внутреннему содержанію своихъ произведеній, и по относительному достоинству внѣшней обработки ихъ, и по самостоятельности своего литературнаго таланта, Хемницеръ можетъ быть поставленъ, въ до-Карамзинскій періодъ, на одну доску съ лучшими и наиболѣе самостоятельными нашими писателями. И по отношенію къ потомству, Хемницеръ занимаетъ тоже, по нашему мнѣнію, весьма опредѣленное положеніе; успѣхи Карамзина и Дмитріева не могутъ, полагаемъ, никого разубѣдить въ томъ, что литературная дѣятельность Хемницера, какъ баснописца, значительно облегчила и Дмитріеву, и даже Крылову обработку этого новаго поэтичес-

[1]) Мы имѣемъ въ виду свѣдѣнія о Хемницерѣ, сообщаемыя напечатанною академикомъ Гротомъ, «Перепискою» Державина, и въ особенности прелестное письмо его изъ Смирны къ Капнистамъ (мужу и женѣ).

каго рода на русской литературной почвѣ. Достаточнымъ доказательствомъ въ пользу несомнѣнныхъ литературныхъ достоинствъ Хемницера служитъ и самая живучесть нѣкоторыхъ его басенъ:—«Метафизикъ» Хемницера до настоящей минуты остается одною изъ любимѣйшихъ русскихъ басенъ для большинства образованныхъ читателей не одного только «низшаго», но *всѣхъ* разрядовъ.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ХЕРАСКОВА.

Предисловіе къ поэмѣ «Вселенная».

Твореніе сіе есть плодъ моего воображенія. Читая въ сладость духовныя книги, а наипаче св. Библію, духъ мой такими преисполнился восторгами, такъ мысли мои пламенѣли, такимъ умиленіемъ я пресыщался, что мнѣ мечталось, будто существую при первомъ возсіяніи духовнаго міра. Богъ глаголетъ, и вселенная дивными населяется твореніями — свѣтоносецъ умствуетъ, кичится, меркнетъ и со клевретами своими погибаетъ — хаосъ раждается, воюетъ, мятется, разрушается—наконецъ тишина возцарствовала, небо и земля творятся, солнце и звѣзды изникаютъ, и міръ солнечный составляется. Великолѣпная мечта! и слабо, не важно, смутно мною выраженная и видомъ обворожительнаго позорища не соотвѣтствующая— славы Творца Вселенныя можетъ быть недостойная—однако вымысломъ стихотворческимъ, въ просвѣщенномъ нашемъ мірѣ незапрещенная. Мнѣ кажется, что Британскій Пѣвецъ, сочиняя «Погубленный Рай», и Великій Клопштокъ, воспѣвая Мессію, въ подобныхъ изступленіяхъ находились, когда духовныя читали книги: за ними шествую, но шествую вдали, — робко — косвенно. Они безсмертны, а мое пѣснословіе времянно и не важно; но въ нѣкоторые часы занимало меня оно съ удовольствіемъ — желаю, чтобы кто нибудь изъ читателей моихъ мгновенное удовольствіе почувствовалъ при чтеніи *Вселенной*.

ИЗЪ РОССІЯДЫ.

Изложеніе содержанія первыхъ четырехъ пѣсенъ.

Первая пѣснь Россіяды начинается какъ и всѣ ложноклассическія эпопеи съ указанія на предметъ, избранный авторомъ:

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну
Попранну власть татаръ и гордость низложенну;
Движенье древнихъ силъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Изъ круга сихъ времянъ спокойныхъ лѣтъ начало
Какъ свѣтлая заря, въ Россіи возсіяло.

За тѣмъ поэтъ обращается съ воззваніемъ къ «духу стихотворенія, витающему превыше свѣтлыхъ звѣздъ» и къ «вѣчности.» Самая поэма начинается съ описанія Казани и всѣхъ золъ, наносимыхъ набѣгами казанцевъ Москвѣ, гдѣ юный царь въ это время «предался страстямъ.» Казанцы грабятъ Россію, а въ Москвѣ—бунтъ противъ корыстныхъ вельможъ.... Видя крайнюю гибель Россіи, Богъ посылаетъ Александра Невскаго къ потомку его:

Всевышній рекъ: «гряди къ потомку твоему,
Дай видѣть свѣтъ во тьмѣ, подай совѣтъ ему».

Святой является Іоанну во снѣ, укоряетъ его, вспоминаетъ его славныхъ предковъ, замученныхъ татарами, сулитъ ему славу, и исчезаетъ, восклицая: «Не мѣшкай, возгремя! рази!.. такъ Богъ велѣлъ»...

Іоаннъ взволнованный вѣщимъ сномъ, ввѣряется Адашеву, разсказываетъ ему свой сонъ, говоритъ, что онъ: «въ нынѣшней нощи сталъ новый человѣкъ».... Адашевъ, желая ему добра, уводитъ его въ Сергіевскую Лавру, гдѣ:

Органъ небесныхъ тайнъ въ священномъ изступленьѣ,
Трепещущъ, духомъ полнъ служащій алтарю,
Душъ пастырь возвѣстилъ пророчества царю.

Адашевъ еще болѣе воспламеняетъ утѣшеннаго пророчествомъ царя, напоминаніемъ о славѣ его предковъ:

«Се Рюрикъ прадѣдъ твой», вѣщаетъ онъ царю,
«*Троянску отрасль въ немъ и Августову зрю*;
«Онъ силы подкрѣпивъ колеблемой державы,
«Потомкамъ начерталъ безсмертный образъ славы и т. д.

Іоаннъ рѣшается воевать съ Казанью, и вотъ вся природа изъявляетъ ему своимъ веселымъ видомъ радость и сочувствіе его замысламъ.

Коль царь всевышнію власть нечестіемъ гнѣвитъ,
Натура вся тогда пріемлетъ смертный видъ;
Но есть-ли подъ вѣнцомъ сіяетъ добродѣтель
Ликуетъ весь народъ, Натура и Владѣтель.

Во второй пѣснѣ изображено засѣданіе боярской думы, передъ которою Іоаннъ излагаетъ свои намѣренья, прося совѣта отъ бояръ: идти-ли на Казань? «Коварный Глинскій не совѣтуетъ ему начинать войну съ Казанью; столѣтній *князь Курбенскій* одобряетъ его; Курбскій кипитъ геройскимъ духомъ; Адашевъ, какъ тихая весна, порицаетъ гнѣвныхъ вельможъ и одобряетъ царя, который объявляетъ, что онъ самъ думаетъ вести войска подъ стѣны Казани. «Нескромность» сообщаетъ эту вѣсть царицѣ, и она припадаетъ къ стопамъ царя, умоляя его остаться.

....какъ кедръ съ различныхъ странъ
Колеблемъ вѣтрами, былъ движимъ Іоаннъ;
Но въ мысляхъ пребылъ твердъ... Царя во умиленье
Представилось у всѣхъ на лицахъ сожалѣнье:
Слезъ токи у бояръ рѣками потекли:
«Останься, Государь»! Царю они рекли.

Царь утѣшаетъ царицу нѣжною рѣчью, въ которой доказываетъ, что «хоть онъ чтетъ ее не меньше жизни» и къ ней

....«узами сердечными привязанъ;
Но прежде былъ служить отечеству обязанъ,...
Въ народномъ счастіи мое блаженство числить,
И, собственность забывъ, о благѣ общемъ мыслить»
Душевны слабости и нѣги отлагать,
Во подданныхъ друзей и ближнихъ почитать и т. д.

Во время этой рѣчи является «свіяжскій гонецъ», и объявляетъ, что:

«Безбожный царь Алей, забывъ законъ и честь,
Стезями тайными отъ насъ въ ночи сокрылся,
Съ Сумбекою Алей въ Казани затворился;
Боящихся небесъ я присланъ отъ бояръ,
Сей новый возвѣстить отечеству ударъ».

За тѣмъ описываются сборы Іоанна на войну. Историческія воззрѣнія поэта всего лучше выясняются намъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ описывая, какъ князь Палецкій ведетъ войско, онъ между прочимъ говоритъ:

Но что восхитило вниманіе и взоръ?
Я вижу пламенныхъ опричниковъ соборъ!
Се войско цѣлаго подпора и надежда,
Сіяетъ, будто огнь, златая ихъ одежда...

Въ примѣчаніи къ этому мѣсту авторъ сообщаетъ, что «опричниками назывались лучшіе воины, составляющіе гвардію царскую».

Пѣсня заканчивается описаніемъ нѣжнаго прощанія царя съ царицею, послѣ чего поэтъ, между тѣмъ какъ «*Россійскій Марсъ несетъ перуны къ Ордамъ*», проситъ Музъ, чтобы они перестроили его лиру и пришли ему пѣть «нѣжности любви при звукахъ бранныхъ».

Пѣснь третья начинается съ описанія различныхъ зловѣщихъ знаменій, которыя тревожатъ казанцевъ и окрестныя инородческія племена. Не тревожатъ они только Сумбеку:

Она казалась быть Ордынцами владѣя,
Киприда красотой, а хитростью Цирцея,
Для выгодъ собственныхъ любила Царскій санъ;
Смущали душу въ ней не брани,—князь Османъ.

Немного далѣе поэтъ такъ описываетъ этого Османа:

Османъ, тавріскій князь, былъ нравами таковъ,
Какъ лютая змія, лежаща межъ цвѣтовъ:
Приближиться къ себѣ прохожихъ допущаетъ,
Но жало устремивъ, свирѣпость насыщаетъ.

Сумбека, прельщенная его красотой, узнаетъ, что онъ ей невѣренъ, и зоветъ къ себѣ на помощь *Сеита*:

Сей извергъ первый былъ чиновникъ ихъ закона;
Хотѣла удалить его она отъ трона;
Ему противенъ былъ и страшенъ князь Османъ;
Адъ былъ въ душѣ его, въ устахъ кипѣлъ обманъ;
На кровь Османову гортань его зіяла....

Сумбека поручаетъ ему идти на Каму, принести дары богамъ въ тамошнемъ храмѣ и испросить отвѣтъ «у живущихъ тамо духовъ»,

На насъ-ли громъ они, или на Россовъ клонятъ?

Между тѣмъ, сама Сумбека собираетъ народъ и увѣщеваетъ его мужественно готовиться къ борьбѣ.

Въ концѣ своей рѣчи Сумбека прибавляетъ:

Надежды въ браняхъ вамъ, когда не подаетъ,
Во мнѣ мой слабый полъ, сыновнихъ юность лѣтъ,
Что дѣлать? Я должна супруга Вамъ представить,
Который бы умѣлъ Ордынскимъ царствомъ править.
Подъ видомъ бодрости Сумбека скрыла страсть;
Уничижаяся, усилить чаетъ власть,
И виды льстивые дающая обману,
Не къ благу общему склоняется мысль—къ Осману.

Но слова царицы прерваны очень не кстати страшнымъ видѣніемъ:

Изшедый нѣкій мужъ является изъ водъ;
Предсталъ онъ весь покрытъ и тиной, и травою,
Потоки мутные отряхивалъ главою,
Очами грозными Казанцевъ возмущалъ;
«Увы Казань! увы! стеная онъ вѣщалъ;
Не жить Ордынцамъ здѣсь!»

Едва успѣваетъ исчезнуть видѣніе, какъ съ другой стороны передъ народомъ является Сеитъ, «Казаaскихъ золъ рачитель, законъ ихъ начальникъ и учитель»; онъ приноситъ грозныя для Казани пророчества духовъ и старается ихъ истолковать въ свою пользу; одна изъ видѣнныхъ имъ за Камою тѣней «съ стенаніемъ гласила ему»:

О старче! поспѣшай, Сумбекѣ объяви,
Да сладостной она противится любви.
Хощу, да изберетъ она себѣ въ супруга,
Престола царскаго и пользы общей друга;
Тогда Вашъ градъ пророкъ къ спокойству призоветъ!».

Съ разныхъ сторонъ являются разныя предложенія: князь Сагрунъ, поддерживаемый Сеитомъ, предлагаетъ себя въ супруги Сумбекѣ; другіе предлагаютъ Алея, который «два раза ужъ нами правилъ, но видя нашу лесть, казанскій тронъ оставилъ». Третьимъ претендентомъ является князь Асталонъ, о которомъ поэтъ говоритъ, что онъ былъ «горѣ подобенъ» и «цѣлый полкъ единъ попрать удобенъ». Онъ предлагаетъ Казанцамъ защищать ихъ отъ враговъ, если Сумбека выйдетъ за него замужъ, и вотъ

Какъ многихъ шумъ древесъ, такъ рѣчи слышны были,
И съ княземъ въ бракъ вступить Сумбекѣ присудили.

Сумбека проситъ времени на размышленіе; но Асталонъ, «не чтущій ни правилъ, ни законовъ», объявляетъ, что онъ своею страшной палицей погубитъ всякаго, кто получитъ руку Сумбеки. Сумбека однакоже непугается и напоминаетъ своимъ о томъ, что ей «сила полная надъ тартаромъ дана», и что «если адъ ее не обманетъ», то «земля дрожать начнетъ, и громъ предъ нами грянетъ». Она проситъ, чтобы выборъ супруга былъ предоставленъ ей на волю. Послѣ этого она отправляетъ народъ къ Сеиту, проситъ, чтобы онъ ѣхалъ «съ прошеньемъ рабскимъ въ Крымъ». Сама она идетъ «въ зеленую миртовую рощу», въ которой

Какъ стѣны видимы тамъ розовы кусты;
Все тамо нѣжится, вздыхаетъ, таетъ, любитъ,
Тоску Сумбекину то зрѣлище сугубитъ;
Казалось межъ древесъ, играя съ мракомъ свѣтъ,
Къ любовнымъ нѣжностямъ входящаго зоветъ...

Но тоска Сумбекина еще болѣе *усугубляется*, когда среди той рощи она находитъ Османа, который

Имѣлъ въ рукахъ своихъ златую лиру,
И тихимъ голосомъ произносилъ Эмиру.

Коварный Османъ думалъ въ это время объ Эмирѣ, которую успѣлъ «скрыть изъ града» отъ преслѣдованій Сумбеки. Сумбека между тѣмъ является къ нему съ неожиданнымъ для него предложеніемъ руки своей и престола Казанскаго; она говоритъ:

Единаго тебя съ горячностью любя,
И сердце, и престолъ имѣю для тебя,
Намѣренью препятствъ нималыхъ не встрѣчаемъ;
Пойдемъ передъ олтарь, и нѣжность увѣнчаемъ!»

Османъ однакоже не прельщается трономъ; онъ отвѣчаетъ Сумбекѣ:

Я жизнь могу вкушать пріятну безъ короны,
Безъ той всегдашнія спокойствія препоны...

Въ то время, когда онъ, по видимому, такъ безкорыстно отказывается отъ вѣнца и руки Сумбекиной

Бѣгущи дѣвы къ ней Сумбекинъ духъ смущаютъ;
Эмиринъ ей побѣгъ изъ града возвѣщаютъ:
Со множествомъ она Османовыхъ богатствъ,
Подъ княжимъ именемъ не видяща препятствъ
Къ Таврійской шествіе направила границѣ.

Сумбека неистовствуетъ, приказываетъ посадить Османа подъ стражу, а сама обращается съ заклинаніями къ адскимъ духамъ, проситъ ихъ преградить путь бѣгущей Эмирѣ. Но духи на этотъ разъ не повинуются ей и она напрасно «змію въ котлѣ варитъ,

кавказскій корень третъ», и произноситъ «слова волшебные, къ подѣйствію надъ тартаромъ потребны»...

Богъ «на сей разъ велѣлъ гееннѣ замолчать» и даже припечатать двери ада печатью со крестомъ. Видя, что даже и самый адъ ей измѣняетъ, Сумбека думаетъ принять уже ядъ,

Но нѣкій внутренній и тихій слышитъ гласъ:
«Оставь», вѣщаетъ онъ, «оставь печаль и злобу,
Иди, несчастная, къ супружескому гробу:
Услышишь отъ него спасительный отвѣтъ;
Иди и упреждай, Сумбека, дивный свѣтъ!»

Этотъ нѣкій гласъ до такой степени утѣшаетъ Сумбеку въ ея горѣ, что даже сердечная рана ея на время заживаетъ:

Когда покровы нощь раскинетъ надъ землей,
И пахари воловъ погонятъ съ ихъ полей,
Умыслила она, непоколебима страхомъ,
Итти бесѣдовать за градъ съ супружнимъ прахомъ.

Четвертая пѣснь начинается съ извѣстнаго описанія лѣса въ которомъ были устроены гробницы казанскихъ царей:

Подъ тѣнью горъ крутыхъ Казанскихъ видѣнъ лѣсъ,
Въ который входа нѣтъ сіянію небесъ;
На вѣтвяхъ вѣчные лежатъ густые мраки,
Прохожимъ дивные являющи призраки;
Тамъ, кажется, простеръ покровы томный сонъ;
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ,
Тамъ вянутъ вкругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ;
Когда усыплетъ нощь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи древеса;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ исходитъ бурный пламень;
Кустарники дрожатъ, о камень бьется камень;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ,
И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ;
Пылаетъ гордый дубъ и *тополы* мастисты,
Повсюду слышатся взыванія и свисты;
Источникъ со холма кремнистаго течетъ,
Онъ шумомъ ужасу дубравѣ придаетъ;
Непостижимый страхъ входящаго встрѣчаетъ:
Лѣсъ—воемъ, адъ ему стенаньемъ отвѣчаетъ.
Вѣщаютъ, что духовъ вѣ печально царство то
Безъ казни отъ небесъ не смѣлъ вступать никто;
Издревле для прохладъ природою основанъ;
Но послѣ оный лѣсъ волхвами очарованъ.

Поэтъ перечисляетъ гробницы и подробно раскасываетъ *злодѣйства* тѣхъ Батыевъ и Менгу-Темировъ, которыхъ прахъ покоится въ тѣхъ гробницахъ. Тамъ же, между ними, и гробница «Сафгирея, покойнаго мужа Сумбеки.

Какъ будто въ оный часъ, супруга лишена,
На хладномъ мраморѣ повергласѧ она;
Всѣ члены у нее дрожали, разрушались;
Власы разбилися, и съ прахами смѣшались,

Когда она стала вызывать тѣнь мужа изъ гробницы для совѣщанія съ нимъ о своемъ затруднительномъ положеніи.

Тѣнь Сафгирея является и даетъ Сумбекѣ совѣтъ избрать въ мужья себѣ Алея, который давно уже ее любитъ. Давши этотъ совѣтъ, тѣнь начинаетъ пророчествовать:

«Увы! я чувствую позоръ магометанства,
И зорю въ сихъ мѣстахъ встрѣчаю Христіанства;
Подъ защищеніемъ она грядетъ Небесъ,
Освѣтитъ всю Казань и сей дремучій лѣсъ,

на мѣстѣ котораго Россіяне будто бы непремѣнно воздвигнутъ свой храмъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ

Гробницы гордыя ногой своей попрутъ,
Убранства царскія изъ оныхъ извлекутъ...

Тѣнь проситъ Сумбеку избавить прахъ всѣхъ казанскихъ царей отъ этого срама, и для того сжечь всѣ ихъ гробницы, обложивъ ихъ сухими вѣтвями волшебнаго тополя и окропивъ волшебной влагой.

Сумбека исполняетъ волю покойнаго мужа своего и только тогда, когда гробницы запылали, а огонь сталъ *пожирать* и кости царей, и древнія ихъ царскія одежды, она увидѣла, какъ ихъ тѣни, одна за другою, стали по огненнымъ ступенямъ спускаться въ адъ. При этомъ поэтъ взываетъ *къ Экатѣ*, и проситъ ее, пользуясь удобнымъ случаемъ, дать ему возможность ознакомить читателя съ внѣшнимъ видомъ преисподней. Описывая адъ, поэтъ вмѣстѣ съ тѣмъ расказываетъ о томъ, какія муки ожидаютъ

тамъ каждаго изъ хановъ въ частности. Пѣснь заканчивается прощаніемъ вторично появляющейся тѣни Сафгирея съ Сумбекой. Тѣнь заявляетъ царицѣ, что «всѣ они съ веселіемъ идутъ въ адъ сейчасъ» и очень благодарны ей за то, что она «огнями всѣмъ имъ угодила».

И ихъ отъ близкаго позора свободила...
Ахъ! вскорѣ новый здѣсь сіяти будетъ свѣтъ,
И водрузится крестъ, гдѣ нашъ пророкъ живетъ!
А мы отъ муки сей избавлены тобою.
Зоветъ насъ грѣхъ во адъ, какъ нѣкою трубою...

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ БОГДАНОВИЧА.

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ въ шумѣ вѣчныхъ ссоръ кончали дни герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька! на помощь призываю
Украсить пѣснь мою,
Котору въ простотѣ и вольности слагаю.
Не лиры громкій звукъ,—услышишь ты свирѣль.
Сойди ко мнѣ, сойди отъ мѣстъ тебѣ пріятныхъ,
Вдохни въ меня твой жаръ, и разумъ мой осмѣль.
Коснуться щастія селеній благодатныхъ,
Гдѣ вѣчно ты безъ бѣдъ проводишь сладки дни,
Гдѣ царствуютъ, безъ скукъ, веселости одни.
У хладныхъ береговъ обильной льдомъ Словены,
Гдѣ Фебъ туманится и кроется отъ глазъ,
Яви потоки мнѣ чудесной Ипокрены.
Покрытый снѣжными буграми здѣсь Парнасъ
Отъ взора твоего растаявалъ не разъ.
Съ тобою нѣжные присутствуютъ Зефиры,
Бѣгутъ отъ мѣстъ, гдѣ ты, докучные Сатиры,
Хулы и критики, и грусти, и бѣды;
Забавы безъ тебя приносятъ лишь труды:
Веселья морщатся, Амуры плачутъ сиры...
О ты, пѣвецъ Боговъ,
Гомеръ, отецъ стиховъ,
Двойчатыхъ, ровныхъ, стройныхъ,
И къ пѣнію пристойныхъ!
Прости вину мою,
Когда я формой строкъ себя не безпокою,
И мѣрныхъ пѣсней здѣсь порядочно не строю.
Черты, безъ равныхъ стопъ, по вольному покрою,
На разной образецъ крою,
И малой мѣры, и большія,
И часто риомы холостыя,
Безъ сочетанія законнаго въ стихахъ,
Свободно ставлю на концахъ.
А есть ли отъ того устану,
Безтрудно и отважно стану,
Забывъ чернилъ и перьевъ страхъ,
Забывъ сатиръ и критикъ грозу,
Писать безъ риомъ, иль просто въ прозу.
Любя свободу я мою,
Не для похвалъ себѣ пою;
Но чтобъ въ часы прохладъ, веселья и покоя,
Пріятно разсмѣялась Хлоя.
Издревле Апулей, потомъ де-ла-Фонтенъ,
На вѣчну память ихъ именъ,
Воспѣли Душеньку, и въ прозѣ, и стихами,
Другимъ языкомъ съ нами.
Въ сей повѣсти они
Острѣйшихъ разумовъ пріятности явили,
Перомъ ихъ, кажется, что Граціи водили,
Иль сами Граціи писали то одни;
Но есть-ли подражать ихъ слогу невозможно,
Потщусь за ними вслѣдъ, хотя въ чертахъ простыхъ,
Тому подобну тѣнь представить осторожно,
И въ повѣсть иногда вмѣстить забавный стихъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

(Венера, чтобы погубить Душеньку, посылаетъ ее въ разныя мѣста и задаетъ ей трудныя, неисполнимыя задачи).

Не знаю, въ первый день, иль лучше въ перву ночь,
Довольная своею жертвой,
Богиня въ мщеніе послала царску дочь,
Принесть чрезъ три часа воды живой и мертвой.
Извѣстенъ весь народъ
О дѣйствѣ оныхъ водъ:
Отъ первой кто попьетъ, здоровье получаетъ;
А отъ другой попьетъ, здоровье потеряетъ;
Но въ семъ пути, никто невозвращался живъ,

Царевна, къ службѣ сей, какъ должно, прицѣпивъ
Подъ плечи два кувшина,
Пошла безъ дальня чина,
Пошла на всѣ труды,
Искать такой воды.
Куда? и кто въ пути ей будетъ провожатымъ?
Амуръ во всѣ часы ея напасти зрѣлъ,
И тотчасъ повелѣлъ
Своимъ слугамъ крылатымъ
Поднять и перенесть царевну въ тотъ удѣлъ,
Гдѣ всяки воды протекаютъ,
Мертвятъ, цѣлятъ и помогаютъ.
Зефиръ, который тутъ по склонности прильнулъ
Царевнѣ на ухо шепнулъ,
Что воды окружаетъ
Большой и толстый змѣй, свернувшись вкругъ кольцомъ,
И никого отнюдь къ водамъ не допускаетъ,
Какъ развѣ кто его забавитъ питьецомъ.
Притомъ снабдилъ ее большою съ пойломъ флягой,
Которую велѣлъ, явясь туда съ отвагой,
И, змѣю рѣчь сказавъ, въ гортань ему воткнуть.
Когда же пасть свою при пойлѣ змѣй разинетъ.
И голову съ хвостомъ въ то время разодвинетъ,
То Душенька найдетъ себѣ свободный путь,
Живую-ль, мертвую-ль водицу почерпнуть.
Зефиръ лишь то сказалъ, Царевна путь скончала:
Явилася у водъ,
И змѣю поклонясь, умильну рѣчь сказала,
Котору выдала впослѣдокъ и въ народъ:
«О змѣй Горыничь, Чудо-Юда!
Ты сытъ во всяки времена,
Ты ростомъ превзошелъ слона,
Красою помрачилъ верблюда;
Ты всяку здѣсь имѣешь власть,
Блестишь златыми чешуями,
И смѣло разѣваешь пасть,
И можешь всѣхъ давить когтями:
Содѣлай край моимъ бѣдамъ,
Пусти меня, пусти къ водамъ».
Хвалы и титулы плѣняютъ всяки уши,
И движутся отъ нихъ жестоки самы души.
Услышавъ похвалы отъ женскаго лица,
Притомъ склоняяся ко сласти питьеца,
Горыничь пасть разинулъ,
И голову съ хвостомъ при пойлѣ разодвинулъ:
Открылись разныхъ водъ и рѣки, и пруды,
И розны къ нимъ слѣды.
Прислужливый Зефиръ, и на сей часъ не минулъ,
Конечно Душеньку въ дорогахъ не покинулъ;
Она, въ свободѣ тамъ попивъ живой воды,
Забыла всѣ свои дорожные труды,
И вдругъ здоровѣй стала.

Писатели гласятъ,
Что Душенька тогда, съ водой явясь назадъ,
Въ отмѣнной красотѣ какъ роза процвѣтала,
И предъ Венерою какъ солнце возблистала;
И будто бы тогда Богиня умышляла
Заставить Душеньку лихую воду пить;
Но, просто случаемъ, иль чудомъ, можетъ быть,
Кувшинъ съ лихой водой разбился,
И умыслъ въ дѣло не годился.
Богиня видѣла изъ таковыхъ чудесъ
Что помощь Душенька имѣетъ отъ небесъ,
Или, точнѣй сказать, отъ самаго Амура;
Но какъ извѣстно было ей,
Что пагубой людей
Обилуетъ натура,
Послала Душеньку еще въ другой походъ,
Въ надеждѣ, что она скончаетъ тѣмъ животъ,
Или хоть будетъ жить, но будетъ безъ красотъ.
Въ саду, гдѣ жили Геспериды,
Читатель вѣдаетъ, что иногда росли
Златыя яблоки, иль просто златовиды,
И сей чудесный садъ Драконы стерегли.
А въ томъ, или въ другомъ саду, вблизи Атласа,
Жила напослѣди царевна Перекраса.
Потомству всѣ ея невѣдомы дѣла,
Но всякъ о томъ слыхалъ, что подлинно была
Сихъ чудныхъ мѣстъ она богиня иль царица,
И вскорѣ на Руси слыла
Какъ всѣмъ извѣстно, Царь-Дѣвица;
О красотѣ ея имѣетъ весь народъ
Изъ повѣстей доводъ:
Златыя яблоки она вседневно ѣла;
Извѣстно, что отъ нихъ краснѣла и добрѣла.
Но, ради страховъ тамъ и трудностей дорогъ,
Коснуться къ яблокамъ никто другой не могъ.
Хоть не было тогда Драконовъ тамъ, ни змѣя,
Однако садъ сей былъ подъ стражею Кащея,
Который самъ, какъ стражъ, тѣхъ яблокъ не вкушалъ,
И никого отнюдь ихъ ѣсть недопускалъ.
А есть ли приходилъ кто яблочковъ покушать,
Въ началѣ долженъ былъ его загадки слушать;
Когда же кто не могъ загадокъ отгадать,
Того безъ милости обыкъ онъ послѣ жрать.
Венера, вѣдая сихъ строгихъ мѣстъ законы,
По коимъ властвуютъ Кащей или Драконы,
Послала Душеньку не жить, а умирать,
Чтобъ яблокъ тѣхъ достать.
Но кто ей скажетъ путь и будетъ помогать?
Зефиръ—она его успѣла лишь назвать,
Зефиръ ей новую явилъ тогда услугу;
И чтобъ холодный вѣтръ не могъ ее встрѣчать,
Пустился съ ней въ сей путь по Югу;

Шепнулъ Царевнѣ онъ, какую рѣчь сказать,
И какъ на всѣ слова Кащею отвѣчать;
Потомъ подъ яблонью подставить только полу.
Въ то время яблоки скатятся сами къ долу,
И можно будетъ ей тогда, оставивъ садъ,
Съ добычею летѣть назадъ,
И яблокъ золотыхъ вкушать по произволу.
Не въ долгомъ времени, не въ день, въ единый часъ,
Явилась Душенька къ Кащею, взять приказъ:
Поклонъ, какъ должно, сотворила,
Какъ должно рѣчь проговорила,
Но свѣту рѣчи сей,
Ниже того, что ей
Загадывалъ Кощей,
Она не сообщила.
Извѣстны только намъ послѣдственны дѣла,
Что службу Душенька вторую сослужила;
Что въ новой красотѣ предъ прежнимъ процвѣла,
И горшія себѣ напасти навела.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ХЕМНИЦЕРА.

СТРѢЛКА ЧАСОВАЯ.

Когда-то стрѣлка часовая
На башнѣ городской
Свои достоинства считая,
Расхвасталась собой,
И прочимъ часовымъ частямъ въ пренебреженье,
«Не должно-ль», говоритъ: «имѣть ко мнѣ почтенье?
Всему я городу служу, какъ бы въ законъ;
Все, что ни дѣлаютъ, по мнѣ располагаютъ:
По мнѣ работаютъ, по мнѣ и отдыхаютъ;
По мнѣ чрезъ колокольный звонъ
Къ молитвѣ даже созываютъ;
И только часъ я покажу,
Какъ будто прикажу.
Да я-жъ стою домовъ всѣхъ выше,
Весь городъ подо мной;
Всѣмъ видима и всѣхъ я вижу подъ собой!
А вы что значите? Кто видитъ васъ»? — «Постой»;
Нельзя-ли какъ нибудь потише;
И слово дать,
И намъ сказать.
Другія части отвѣчали:
«Знай, что, когда-бъ не мы тобою управляли,
Тебя бы ни во что считали;
Важна ты нами—не собой».
И я скажу, но будь то сказано межъ нами,
Что этакъ и дѣлецъ иной
Чужими чванится дѣлами.

МЕДВѢДЬ ПЛЯСУНЪ.

Плясать медвѣдя научили.
И долго на цѣпи водили;
Однако какъ-то онъ ушелъ,
И въ родину назадъ пришелъ.
Медвѣди земляка лишь только что узнали,
Всѣмъ по лѣсу объ немъ, что тутъ онъ, промычали;
И лѣсъ лишь тѣмъ наполненъ былъ,
Что всякъ другъ другу говорилъ:
«Вѣдь Мишка къ намъ опять явился.»
Откуда кто пустился.
И къ Мишкѣ безъ души медвѣди всѣ бѣгутъ.
Другъ передъ другомъ Мишку тутъ
Встрѣчаютъ,
Поздравляютъ,
Цѣлуютъ, обнимаютъ;
Не знаютъ съ радости, что съ Мишкою начать,
Чѣмъ угостить, и какъ принять.
Гдѣ! развѣ торжество такое,
Какое
Ни разсказать,
Ни описать!
И Мишку всѣ кругомъ обстали.
Потомъ просить всѣ Мишку стали.
Чтобъ похожденье онъ свое имъ разсказалъ.
Тутъ все, что только Мишка зналъ,
Разсказывать имъ сталъ;
И между прочимъ показалъ,
Какъ на цѣпи плясалъ.
Медвѣди плясуна искусство всѣ хвалили,
Дивилися, превозносили;
И каждый силу всю свою употреблялъ,
Чтобъ также проплясать, какъ и плясунъ плясалъ.
Однако сколько ни старались,
И сколько всѣ ни умудрялись,
И сколько ни кривлялись,
Не только чтобъ плясать,

Насилу такъ, какъ онъ, могли на лапы встать.
Иной такъ со всѣхъ ногъ тутъ о землю хватился,
Когда плясать было пустился;
А Мишка, видя то,
И вдвое умудрился,
И зрителей своихъ поставилъ всѣхъ въ ничто.
Тогда на Мишку напустили,
И ненависть, и злость искусство все затьмили.
На Мишку окрикъ всѣ: «прочь, прочь отсель сей часъ!
Скотина эдака умнѣй быть хочетъ насъ!»
И всѣ на Мишку нападали,
Ни гдѣ проходу недавали;
И столько Мишку стали гнать,
Что Мишка принужденъ бѣжать.

МЕТАФИЗИКЪ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылаютъ,
И что того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго и съ вида отличаютъ.
Такъ чтобъ отъ прочихъ неотстать,
Отецъ немедленно рѣшился
Дѣтину за море послать,
Чтобъ доброму онъ тамъ понаучился;
Но сынъ глупѣе воротился.
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ,
И малаго не научили,
А на вѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало съ глупости онъ попросту болталъ;
Теперь все свысока безъ толку толковалъ.
Бывало глупые его не понимали;
А нынѣ разумѣть и умные не стали.
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ.
Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи,
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:
Сыскать начало всѣхъ началъ —
Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши оступился,
И въ ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣе бросился веревку принести,
Премудрость изо рва на свѣтъ произвести.
А думной, между тѣмъ, Дѣтина
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
«Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье;
А въ яму скорое стремленье,
Центральное влеченье
Воздушное давленье....»
Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
«Вотъ»,—говоритъ—«тебѣ веревка! ухватися.
Я потащу тебя, держися. —
— «Нѣтъ, погоди тащить; скажи мнѣ напередъ
(Понесъ студентъ обычный бредъ)
Веревка вещь какая?»—
Отецъ его былъ неученъ,
Но разсудителенъ, уменъ;
Вопросъ ученый оставляя,
«Веревка—вещь», ему отвѣтствовалъ, «такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадаетъ.»—
«На это бъ выдумать орудіе другое»,—
Ученый все свое несетъ: —
«А это что такое?....
Веревка! — вервіе простое!» —
— «Да время надобно!» отецъ ему на то:
«А это хоть не ново,
Да благо ужъ готово. —
— «Да время что?»
— «А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять.
« Сиди » — сказалъ отецъ — « пока приду опять».
Что есть ли бы вралей и остальныхъ собрать,
И въ яму къ этому въ товарищи послать?....
Да яма надобна большая!

XXXI.

ПЕРВЫЕ РУССКІЕ ЖУРНАЛЫ.—САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВРЕМЕНИ.—Н. И. НОВИКОВЪ; ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Въ началѣ XXVII главы, указывая на значеніе Екатерининскаго времени въ исторіи нашей литературы, мы говорили между прочимъ и о томъ, что въ началѣ царствованія Екатерины II явилось много благопріятныхъ условій, способствовавшихъ развитію въ Россіи общественной жизни, распространенію просвѣщенія и смягченія нравовъ; «мы говорили о томъ, что стремясь доставить Россіи всѣ выгоды западнаго просвѣщенія и внести въ нашу жизнь лучшія начала западной общественности, Екатерина не могла не видѣть въ литературѣ сильнаго орудія къ достиженію своихъ цѣлей», вслѣдствіе чего и поощряла у насъ развитіе литературы и журналистики. Но тамъ же замѣтили мы (стр. 326), что благопріятныя условія Екатерининскаго времени только способствовали развитію и ускоренію того движенія, которое замѣтно стало проявляться въ нашей литературѣ конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда кругъ литературныхъ дѣятелей русскихъ, вслѣдствіе постепенно возраставшей въ обществѣ потребности въ чтеніи, успѣлъ значительно расшириться и литература уже готова была занять въ обществѣ положеніе довольно видное.

Важнымъ признакомъ,свидѣтельствующимъ о возрастаніи значенія литературы въ нашемъ обществѣ, оказывается, безъ сомнѣнія, появленіе у насъ первыхъ повременныхъ изданій въ концѣ царствованія Елисаветы. Не говоря уже о *«Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ»*, которыя издавались при Академіи Наукъ *Миллеромъ*, съ 1755 года, и замѣнили собой литературныя *Примѣчанія* къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ, издаваемыя имъ же съ 1728 года, гораздо болѣе значенія придаемъ мы *«Трудолюбивой Пчелѣ»* Сумарокова, появившейся въ 1759 году и существовавшей только одинъ годъ. Это была уже довольно замѣчательная по тому времени попытка частнаго человѣка заинтересовать публику изданіемъ, въ которомъ помѣщались не только переводныя и оригинальныя статьи по разнымъ общимъ вопросамъ, но высказывалось замѣтное желаніе обратить общее вниманіе и на вопросы живые, современные, заставить задуматься надъ нѣкоторыми общественными язвами: взяточничествомъ подъячихъ,преобладаніемъ иноземнаго элемента въ высшихъ слояхъ общества, и т. п. Въ отношеніи къ «Трудолюбивой Пчелѣ», для насъ не маловажно и то, что *первый русскій литераторъ* являлся у насъ и *первымъ русскимъ журналистомъ*, въ настоящемъ смыслѣ этого слова—первымъ выразителемъ того поворота, который совершался въ его время въ нравахъ и воззрѣніяхъ общества (отчасти подъ вліяніемъ обще-европейскаго движенія), и который нашелъ себѣ полное выраженіе только въ дѣятеляхъ Екатерининскаго времени. Плодотворность и своевременность попытки Сумарокова болѣе всего выражается въ томъ, что по слѣдамъ Сумарокова пошли многіе, и тотчасъ по прекращеніи «Трудолюбивой Пчелы» въ Петербургѣ и въ Москвѣ явилось нѣсколько журналовъ, которые издавались частными лицами и учеными кружками по образцу Сумароковскаго журнала. Въ 1760 году при Шляхетномъ Сухопутномъ Корпусѣ, издавался «еженедѣльникъ» *«Праздное время въ пользу употребленное»*, въ которомъ Сумароковъ принималъ дѣятельное участіе; въ тоже самое время въ Москвѣ, при Университетѣ, является *«Полезное Увеселеніе»* (издававшееся до 1762 г.) и послѣ этого изданія, другое — *«Свободные Часы»*—служившее ему какъ бы продолженіемъ, и замѣтно уже проявившее въ себѣ сатирическое направленіе. Тамъ же, и около того же времени, видимъ ежемѣсячные журналы: *«Невинное упражненіе»* и *«Доброе намѣреніе»* (1763 и 1764) и наконецъ даже учено-литературный журналъ *Рейхеля* [1]) подъ на-

[1]) Іоганъ Готфридъ Рейхель, экстраординарный профессоръ Московскаго Университета по каѳедрѣ исторіи. Журналъ свой издавалъ онъ въ 1762 году.

званіемъ «*Собранія лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія*». Это быстрое возрастаніе журнальной дѣятельности, послѣдовавшее за первой попыткой, сдѣланной Сумароковымъ, свидѣтельствуетъ о наступленіи новаго и важнаго періода въ исторіи русской литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о быстромъ возрастаніи потребности въ чтеніи, которая значительно способствовала, въ свою очередь, размноженію у насъ людей, исключительно посвящавшихъ себя литературѣ, какъ положительному занятію. Около каждаго издателя журнала собирался свой особый, болѣе или менѣе обширный, кружокъ литературныхъ дѣятелей. Постоянно нуждаясь въ литературномъ матеріалѣ [1]), журналы съ величайшею готовностью открывали страницы свои каждому желающему печатать свои произведенія, и этимъ самымъ не только облегчали обмѣнъ мыслей между писателемъ и публикой, но, въ значительной степени, способствовали также совершенствованью нашего литературнаго языка и слога. Съ другой стороны, тѣ же журналы, около главныхъ, преобладавшихъ въ литературѣ, наиболѣе талантливыхъ дѣятелей, развивали и массу тружениковъ, массу переводчиковъ и литературныхъ работниковъ. И эти то люди, снискивавшіе себѣ литературою пропитаніе, въ свою очередь много способствовали измѣненію ложнаго взгляда на литературу, какъ на «служеніе Музамъ», какъ на занятіе, приличное досугу, служащее болѣе къ увеселенію и забавѣ, нежели къ удовлетворенію весьма положительныхъ нравственныхъ потребностей просвѣщеннаго и развитаго большинства общества. Мы видимъ, что уже около Миллера, какъ редактора «Ежемѣсячныхъ сочиненій», собирается цѣлый кружокъ сотрудниковъ, пополняющихъ журналъ его своими статьями. Кромѣ академиковъ, въ журналѣ Миллера принимали участіе и «нѣкоторые господа внѣ Академіи»; въ числѣ ихъ видимъ *бригадира Сумарокова* и *маіора Елагина* (Ивана Перфильевича), и *титулярнаго совѣтника Хераскова*, и *Нартова* (Андрея) и даже *сухопутнаго кадетскаго корпуса капрала Порошина* [2]) — большею частью людей, пользовавшихся впослѣдствіи весьма громкою литературною извѣстностью. «Для чести Академіи и для побужденія оныхъ господъ *къ сотрудненію*» этимъ первымъ журнальнымъ сотрудникамъ дано было даже, по ходатайству Миллера, право на полученіе дароваго экземпляра журнала «*въ хорошемъ переплетѣ*. Въ журналѣ Сумарокова встрѣчаемъ новыя имена сотрудниковъ — *Козицкаго* и *Мотониса*, изъ которыхъ первый впослѣдствіи становится во главѣ весьма замѣчательнаго и важнаго журнала подъ названіемъ «*Всякая всячина*», — родоначальника всѣхъ нашихъ сатирическихъ журналовъ Екатерининскаго времени. Въ то же время въ Московскихъ журналахъ начала шестидесятыхъ годовъ встрѣчаемъ имена почти всѣхъ, впослѣдствіи прославленныхъ литературныхъ дѣятелей — студентовъ *Дениса и Павла Фонъ-Визиныхъ*, *Василія Рубана и Василія Петрова*, а также и *Василія Майкова, и Богдановича*, начинавшихъ свое литературное поприще съ сотрудничества въ журналѣ, и помѣщавшихъ первые опыты свои рядомъ съ произведеніями уже прославленныхъ авторовъ — Сумарокова, Хераскова и Елагина.

Но только съ появленіемъ въ свѣтъ «Всякой всячины», въ которой такое замѣтное участіе принимала сама Екатерина, начинается у насъ — и притомъ именно въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ — сильное журнальное движеніе, съ весьма опредѣленнымъ *сатирическимъ* направленіемъ. Едва-ли нужно пояснять здѣсь, почему именно такое направленіе принято было нашей журнальной литературой во второй половинѣ прошлаго столѣтія? Не говоря уже о томъ, что въ самой природѣ русскаго человѣка лежитъ весьма замѣтная наклонность къ сатирѣ и къ рѣзкому осмѣянію личныхъ своихъ недостатковъ, особыя условія исторической жизни прошлаго вѣка способствовали въ значительной степени внесенію сатирическаго направленія въ литературу. Сатира явилась въ литературѣ XVIII вѣка не только какъ естественный продуктъ борьбы двухъ поколѣній, двухъ различныхъ воззрѣній — стараго и новаго, она являлась и

[1]) Любопытнымъ доказательствомъ этого служитъ извѣстная приписка Сумарокова къ Майской книжкѣ его журнала: «весь сей мѣсяцъ» — такъ сказано въ припискѣ — «сочиненія Александра Сумарокова». [2]) Автора извѣстныхъ записокъ объ Императорѣ Павлѣ Петровичѣ.

орудіемъ реформъ, административнымъ путемъ вносимыхъ въ Россію. Выше видѣли мы, что Петръ Великій не пренебрегалъ этимъ орудіемъ и умѣлъ имъ пользоваться при удобномъ случаѣ; мы видѣли, что періодъ преобразованій былъ и вообще богатъ сатирическими произведеніями, принадлежавшими перу наиболѣе образованныхъ и наиболѣе талантливыхъ представителей нашей литературы этого времени. Вотъ почему, 40 лѣтъ спустя послѣ смерти Петра Великаго, когда тѣмъ же орудіемъ сатиры рѣшилась для своихъ цѣлей воспользоваться Екатерина II, ея попытка возбудила въ лучшей части нашего общества настолько сильное сочувственное движеніе, что сама Екатерина нашла себя вынужденною ограничить это движеніе и ослабить значеніе журнальной сатиры. Въ этомъ живомъ и замѣчательно-распространенномъ движеніи сказалась уже сила разумная, сила незамѣтно-развивавшагося и выросшаго общественнаго мнѣнія, которое поспѣшило воспользоваться первою возможностью, первою благопріятною минутою, чтобы высказаться и громко заявить о своемъ существованіи...

Приступая къ изданію «Всякой всячины», безъимянный издатель этого журнала начерталъ уже отчасти ту программу, по которой потомъ сталъ составляться цѣлый рядъ подобныхъ «Всячинѣ» сатирическихъ журнальцевъ: видно, что эта программа была удачно угадана, и что велика была въ обществѣ потребность въ періодическихъ изданіяхъ, составленныхъ именно по такой программѣ... «Любезный читатель» — говорить въ обращеніи къ публикѣ издатель *Всячины*—«предпріялъ я сообщить вамъ все то, что мнѣ заблагоразсудится, безъ всякаго порядка; иногда дамъ вамъ полезныя наставленія, иногда будете смѣяться». Еще подробнѣе и яснѣе указываетъ онъ на цѣли, которыя поставилъ себѣ задачею при изданіи своего журнала, въ другомъ мѣстѣ его, въ концѣ года: «я хотѣлъ»—говоритъ онъ—«показать, первое, что люди иногда могутъ быть приведены къ тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе—открыть дорогу тѣмъ, кои умнѣе меня, давать людямъ наставленія, забавляя ихъ, и третіе—говорить русскимъ о русскихъ, и не представлять имъ умоначертаній, кои они не знаютъ».

Починъ, сдѣланный «Всячиной», оказался до такой степени удачнымъ и своевременнымъ, что подражатели этому «еженедѣльнику» явились тотчасъ же, противъ всякихъ ожиданій редакціи «Всячины» и, до нѣкоторой степени, даже къ неудовольствію ея... Въ началѣ же 1769 года явился уже и другой еженедѣльникъ «*И то и се*», издававшійся подъ редакціею П. Д. Чулкова; вслѣдъ за нимъ, въ концѣ февраля, Рубанъ сталъ издавать еще одинъ еженедѣльникъ, который, въ подражаніе журналу Чулкова, назвалъ «*Ни то, ни се*». Въ мартѣ явилась «*Поденьщина*» В. Тузова просуществовавшая, впрочемъ, только до 5-го апрѣля; за «Поденьщиною», въ апрѣлѣ, стала издаваться «*Смѣсь*», въ маѣ—«*Трутень*» Н. Новикова, а въ іюлѣ—«*Адская Почта или переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ*», которую издавалъ Ѳ. Эминъ. И такъ, въ одномъ 1769 г. явилось вдругъ семь новыхъ журналовъ, и хотя не всѣ пользовались одинаковымъ успѣхомъ, однако же большая часть ихъ читалась публикой очень охотно, и лучшіе изъ этихъ журналовъ (напр. Новиковскій «Трутень») выдерживали даже по два изданія. Успѣхъ и особенная настроенность общества увлекали многихъ; одни брались за дѣло изъ подражанія, другіе изъ желанія блеснуть остроуміемъ и плодовитостью своей поэтической фантазіи... Однако же нельзя не отдать полной справедливости вкусу современной публики, которая оказалась гораздо болѣе разборчивой, нежели бы можно было того ожидать:—наибольшимъ успѣхомъ пользовались только тѣ изъ многихъ разомъ явившихся журналовъ, которые отличались большею опредѣленностью направленія и большею ѣдкостью сатирическаго отношенія къ современной дѣйствительности... Замѣчательно, что всѣ эти журналы выходили въ Петербургѣ и что въ Москвѣ не было тогда вовсе подобныхъ еженедѣльниковъ. «Трутень» очень остроумно замѣчаетъ по этому поводу: ....«почтенная наша старушка-Москва и со своими жителями во нравахъ весьма непонятна: ей всегда нравились новыя моды и она всегда ихъ перенимала у петербургскихъ жителей... Въ нынѣшнемъ 1769 г. лишь показалася въ свѣтъ «Всякая всячина» со своимъ племенемъ, то жители нашего города заключили, что и это—новая мода, что тамъ сіи листки выходить будутъ не десятками, а сотнями; но всѣ обману-

лись: въ Москвѣ и по сіе время ни одного такого изъ типографіи не вышло листочка, да и печатанные въ Петербургѣ журналы читаютъ немногіе. Старой, но весьма разумной, нашъ мѣщанинъ Правдинъ о семъ заключаетъ, что *Москва къ украшенію тѣла служащія моды перенимаетъ гораздо скорѣе украшающихъ разумъ, и что Москва также какъ и престарѣлая кокетка, сатиръ на свои нравы читать не любитъ*».

А между тѣмъ «сатира на нравы» явилась до такой степени преобладающимъ интересомъ лучшихъ новыхъ журналовъ, что та программа, которую при началѣ изданія начертала для себя «Всякая Всячина», оказалась уже неудовлетворяющею потребностямъ большинства. Это не понравилось издателямъ «Всякой Всячины», и они попытались было стать во главѣ журнальнаго движенія, какъ бы желая руководить имъ, направлять его. Стараясь поддержать общій всѣмъ тогдашнимъ журналамъ шутливый тонъ, «Всякая Всячина» поспѣшила себя объявить родоначальницею всей семьи журналовъ, возникшей послѣ ея появленія въ свѣтъ. Но журналы не поддались этому непрошенному руководству и отвѣчали очень рѣзко, что непонимаютъ вовсе причинъ, по которымъ «Всячинѣ» хочется наклепаться къ нимъ въ родню. Къ рѣзкостямъ было прибавлено нѣсколько намековъ на то участіе, которое во «Всякой Всячинѣ» принимаютъ «знатные господа и высокопоставленныя лица». На эти то намеки «Всячина» съ гордостью отвѣчала, что приняла за правило не цѣлить на особъ, «но единственно на пороки», и потомъ, распространясь о необходимости снисходительнаго отношенія къ слабостямъ человѣческимъ, приняла слѣдующія уже извѣстныя намъ основанія для своей дальнѣйшей литературной дѣятельности: «1) Никогда не называть слабости порокомъ. 2) хранить во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе; 3) не думать, чтобы людей совершенныхъ найти можно было, и для того: 4) просить Бога, чтобы намъ далъ духъ кротости и снисхожденія». Въ отвѣтъ на эту программу дѣятельности, навязываемую «Всячиной» остальнымъ журналамъ, въ «Трутнѣ» появилось письмо *Правдолюбова* такого содержанія:

«Я того мнѣнія, что слабости человѣческія сожалѣнія достойны, однакожъ не похвалъ, и никогда того не подумаю, чтобъ на сей разъ не покривила своею мыслью и душею госпожа ваша пробабка («Всячина»), давъ знать, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оные. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ оному человѣколюбія.... По моему мнѣнію, больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или (*сказать по русски*) *потакаетъ*... Еще не понравилось мнѣ первое правило упомянутой госпожи, т. е. чтобы отнюдь не называть слабости порокомъ, будто *Іоаннъ* и *Иванъ* не все одно. О слабости тѣла человѣческаго мы разсуждать не станемъ, ибо я не лѣкарь, а она не повивальная бабушка; но душа слабая въ каждую сторону покривиться можетъ. Да я не знаю, что по мнѣнію сей госпожи значитъ *слабость?* Нынѣ обыкновенно слабостію называется въ кого-нибудь поуши влюбиться, т. е. въ чужую жену или дочь, а изъ сей мнимой слабости выходитъ: обезчестить домъ, въ который мы ходимъ, и поссорить мужа съ женою или отца съ дѣтьми; и это будто не порокъ!... Любить деньги есть также слабость, почему слабому человѣку простительно брать взятки и набогащаться грабежами. Пьянствовать также слабость, или еще *привычка;* однако пьяному можно жену и дѣтей прибить до полусмерти и подраться съ вѣрнымъ другомъ... Не хочу васъ (издателя *Трутня*) побуждать къ продолженію труда, тоже васъ хвалить: звѣрокъ по кохтямъ видѣнъ».

Должно быть, что и дѣйствительно «звѣрокъ по кохтямъ былъ видѣнъ» потому что «Всячина», проповѣдывавшая осторожность и мягкость, прямо назвала *письмо Правдолюбова*, помѣщенное въ «Трутнѣ», ругательствами. «Г. Правдолюбовъ», замѣтила *Всячина*, «исключая снисхожденіе, истребляетъ милосердіе... Думать надобно, что ему бы хотѣлось за все да про все кнутомъ сѣчь. Какъ бы то ни было, отдавая его публикѣ на судъ, мы совѣтуемъ ему лѣчиться, дабы черные пары и желчь не оказывались даже на бумагѣ, до коей онъ дотрогивается». Чтобы пояснить себѣ такой рѣзкій оборотъ въ полемическомъ тонѣ «Всячины», не мѣшаетъ припомнить здѣсь, что, какъ за личностью редактора Козицкаго, въ этомъ журналѣ скрывались извѣстные уже намъ «знатные господа и высокопоставленныя лица»,

такъ точно и журналъ Новикова, въ свою очередь, могъ служить выраженіемъ помысловъ и мнѣній для другой, противуположной партіи «знатныхъ господъ». И дѣйствительно, сохранилось преданіе, утверждающее будто въ «Трутнѣ» принимала участіе сама Е. Р. Дашкова и М. Л. Воронцовъ. Если допустить справедливость такого преданія, то намъ нечего будетъ удивляться тому, что простое, повидимому, письмо Правдолюбова заставило «Всячину» отвѣчать ему такъ рѣзко; еще менѣе можно удивляться тому, что «Трутень», видя въ какой степени редакція «Всячины» задѣта за живое отвлеченными разсужденіями Правдолюбова о порокахъ и слабостяхъ, помѣстилъ на страничкахъ своихъ другое письмо Правдолюбова, въ которомъ полемическій тонъ оказался еще болѣе задорнымъ, а намеки—еще болѣе прозрачными. «Госпожа «Всякая Всячина» на насъ прогнѣвалась»—сказано въ этомъ письмѣ—«и наши нравоучительныя разсужденія называетъ ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думалъ. Вся ея вина состоитъ въ томъ, что *на русскомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ и русскихъ писаній обстоятельно разумѣть неможетъ...* Ежели я написалъ, что больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто онымъ потакаетъ; то не знаю, какъ такимъ изъясненіемъ я могъ тронуть милосердіе? Видно, что госпожа «Всякая Всячина» *такъ похвалами избалована, что теперь и то почитаетъ за преступленіе, если кто ее не похвалитъ.* Не знаю, почему она мое письмо называетъ ругательствомъ? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная; но въ моемъ прежнемъ письмѣ, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нѣтъ ни кнутовъ, ни висѣлицъ, ни прочихъ слуху противныхъ рѣчей, которыя въ изданіи ея находятся... Совѣтъ ея, чтобы мнѣ лѣчиться — не знаю: мнѣ ли больше приличенъ, или сей госпожѣ. Она, сказавъ, что не хочетъ отвѣчать «Трутню», отвѣчала ему всѣмъ своимъ сердцемъ и умомъ, и вся ея желчь въ ономъ письмѣ сдѣлалась видна. Когда же она забывается и такъ мокротлива, что часто не туда плюетъ, куда надлежитъ; то, кажется, для очищенія ея мыслей и внутренности, небезполезно и ей полѣчиться».

Въ эту полемику между «Трутнемъ» и «Всячиной» вскорѣ вмѣшались и другіе журналы: «Смѣсь» и «Адская почта» стали вторить «Трутню», а журналъ «И то, и се» — отстаивать «Всячину». «Смѣсь», отрекаясь отъ родства со «Всячиной» утверждала прямо, что «внучата ея (т. е. остальные журналы) поразумнѣе бабушки; въ нихъ я не вижу такихъ противорѣчій, въ какихъ она запуталась. Бабушка въ добрый часъ намѣряется исправлять пороки, а въ блажной даетъ имъ послабленіе»... Пора бы вамъ, господа внучата и племянники извѣстной здѣсь старушки, попросить вашу бабушку, чтобъ она въ листкахъ своихъ получше наблюдала постоянство, старости ея лѣтъ приличное; а то она нынѣ, какъ молодое пиво, бродитъ и на одномъ основаніи мыслей своихъ остановить не можетъ. Прежде божилась она, что будетъ исправлять пороки и никакого автора не тронетъ; но послѣ, будучи въ томъ крѣпко увѣрена, что мертвые на критики не отвѣчаютъ, такъ было привязалась къ «Телемахидѣ», что едва сію ворчливую старушку отъ «Телемахиды» отогналъ кто-то такой, ей письмомъ своимъ доказавшій, что авторъ сей книги... много отечеству полезныхъ книгъ перевелъ, и листками «Всякой Всячины» поврежденъ быть не можетъ».

Само собою разумѣется, что эта крайне непріятная для «Всячины» полемика не могла продолжаться и что журналы въ концѣ года прекратили свое существованіе, вѣроятно вслѣдствіе независѣвшихъ отъ нихъ вліяній. Всѣхъ пережила только «Всячина», выдававшая въ 1770 году «Барышекъ Всякія Всячины» — остальныя статьи отъ прошлогодняго запаса—да еще «Трутень», но уже совершенно утратившій свой характеръ; ни тотъ, ни другой журналъ не помѣщали болѣе сатирическихъ статей на своихъ страницахъ и не вступали ни въ какую полемику.

Въ «Трутнѣ» за это время даже было помѣщено нѣсколько писемъ, будто бы полученныхъ редакторомъ отъ разныхъ лицъ по поводу перемѣны тона въ его журналѣ. «Господинъ «Трутень!»—писалось въ одномъ изъ подобныхъ писемъ—«кой чортъ! что тебѣ сдѣлалося? ты совсѣмъ сталъ не тотъ; развѣ тебѣ наскучило, что мы тебѣ хвалили, и захотѣлося послушать, какъ станемъ бранить? ... Пожалуй скажи, для какой причины перемѣнилъ ты прошлогодній свой планъ, чтобы издавать свои сатирическія сочиненія? Ежели для того, какъ ты самъ жаловался, что тебя

бранили, такъ знай, что ты превеликую сдѣлалъ ошибку. Послушай, нынѣ тебя не бранять, но говорятъ, что нынѣшній «Трутень» прошлогоднему не годится и въ слуги, и что ты нынѣ также бредишь, какъ и другіе... Г. Новый «Трутень», преобразись въ стараго... а то вѣдь, я чаю, ты бѣдненькій останешься въ накладѣ: мнѣ сказывалъ твой книгопродавецъ, что нынѣшняго года листовъ не покупаютъ и въ десятую долю противъ прежняго».

Послѣ небольшой и довольно-замѣтной пріостановки въ журналисткѣ въ началѣ 1770 года, интересъ возбужденный ею въ обществѣ сталъ вскорѣ снова побуждать многихъ къ новымъ попыткамъ въ томъ же родѣ. Редакторами новыхъ журналовъ явились нѣкоторые изъ прежнихъ предпринимателей (М. Д. Чулковъ и неутомимый В. Рубанъ); редакціи другихъ предпочли остаться анонимными. Такъ въ 1770 году явились вновь: «*Парнасской Щепетильникъ*» Чулкова, «*Пустомеля*», редакторъ котораго остался неизвѣстенъ, и «*Трудолюбивый Муравей*» В. Рубана; въ 1772 и 1773 гг. явились «*Вечера*» и «*Мѣщенина Катоно-скарроническая*» — новые журналы, принадлежавшіе также неизвѣстнымъ редакторамъ, и опять журналъ Н. Новикова — «*Живописецъ*». Въ 1774 году къ вышепомянутымъ прибавился еще только одинъ новый журналъ: «*Кошелекъ*», редакторомъ котораго былъ тотъ же Н. Новиковъ.

Замѣчательнѣйшимъ изъ числа этихъ журналовъ былъ конечно «Живописецъ» Н. Новикова, въ короткое время выдержавшій пять изданій и сдѣлавшійся надолгое время любимымъ чтеніемъ всѣхъ классовъ общества. Хотя обличительное направленіе въ «Живописцѣ» было еще болѣе опредѣленнымъ и рѣзкимъ, нежели въ «Трутнѣ», однакоже редакторъ его очевидно употреблялъ всѣ мѣры для того, чтобы не навлечь на свой журналъ излишнихъ нареканій. Онъ началъ съ того, что посвятилъ свой журналъ будто-бы неизвѣстному сочинителю комедіи «О время!» (т. е. самой Екатеринѣ) и въ этомъ посвященіи объявилъ ей прямо: «*вы открыли мнѣ дорогу, которой я всегда страшился*; вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ исправлять нравы своихъ единоземцевъ, вы поострили меня испытать въ томъ свои силы» и т. д. Мнимо-неизвѣстный сочинитель комедіи «О время!» отвѣчалъ на это посвященіе любезнымъ письмомъ. Новиковъ поспѣшилъ помѣстить его въ своемъ «Живописцѣ» и затѣмъ какъ бы принялъ за правило: каждый разъ, послѣ особенно рѣзкихъ обличительныхъ статеекъ, помѣщать какую-нибудь громкую оду въ честь Императрицы, или диѳирамбъ князю Григорью Григорьевичу Орлову, или обращеніе къ графу Никитѣ Ивановичу Панину»[1]). Самъ Новиковъ намекаетъ на то, что опытъ научилъ его осторожности; въ одномъ мѣстѣ «Живописца», гдѣ онъ говоритъ, что пора уже въ настоящій просвѣщенный вѣкъ снимать личины съ людей порочныхъ, и что его журналъ именно для этой цѣли предназначается, онъ, въ тоже время, за правило себѣ полагаетъ: «не разлучаться съ тою прекрасною женщиною, съ которою его иногда видали», и которая «называется *Осторожностью*».

Изъ предъидущаго мы настолько уже знакомы съ главными темами сатиры XVIII столѣтія, что мы здѣсь не будемъ повторять, на что преимущественно обращено было вниманіе журнальной сатиры въ *Живописцѣ* и другихъ современныхъ ему еженедѣльникахъ; укажемъ только на такія стороны сатирическихъ журналовъ, которыя составляли ихъ важную особенность и, конечно, главнѣйшимъ образомъ способствовали ихъ успѣху въ средѣ образованной части нашего общества прошлаго вѣка. Въ однообразной формѣ *писемъ* или въ иносказательной формѣ *восточныхъ повѣстей, разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ, расказовъ о видѣнномъ во снѣ, сатирическихъ вѣдомостей, сатирическихъ словарей и лѣчебниковъ*, или въ формѣ *вопросовъ и отвѣтовъ* — однимъ словомъ во всѣхъ видахъ проявленія, какія были доступны журнальной сатирѣ прошлаго вѣка, она проводила тѣ гуманныя идеи, которыя нашли себѣ выраженіе въ «Наказѣ» Екатерины II; однакоже недовольствуясь нѣсколько отвлеченной формой гуманности «Наказа» сати-

[1]) См. статью академика Пекарскаго: «Матер. для ист. журн. и литер. дѣят. Екатерины II, стр. 9. Авторъ прибавляетъ тамъ же къ приведенному нами выше: «Впрочемъ все это, кажется, недолго помогало, по крайней мѣрѣ во 2-й части «Живописца» Новиковъ видимо сдерживался или былъ сдерживаемъ».

рическіе журналы постоянно старались примѣнить ее къ русской дѣйствительности, придать ей болѣе матерьяльный характеръ, указать ей на язвы нашей собственной общественной жизни и наши національныя нужды. Особенно-смѣлыми и важными по тому времени были статьи, помѣщавшіяся въ новиковскихъ и другихъ журналахъ по вопросу крестьянскому: нѣкоторыя изъ нихъ превосходно изображали

Новиковъ.

жалкое нравственное и матерьяльное положеніе современнаго крестьянства, противополагая его безумной роскоши высшихъ классовъ общества. Другою важною стороною сатирическихъ журналовъ, безъ сомнѣнія, было то, что они положили у насъ основаніе здравой литературной критикѣ и много способствовали своею распространенностью и вліяніемъ на общество уничтоженію существовавшихъ въ обществѣ предразсудковъ противъ литературы и литераторовъ, а также и установленію правильнаго взгляда на то значеніе и мѣсто, какое должно принадлежать писателю въ каждомъ образованномъ обществѣ. «Нѣкоторые думали (доселѣ)», — такъ выражается одинъ изъ современныхъ журналовъ—«что дворянину стыдно присвоивать себѣ имя писателя. Не стыдятся того вѣнчанные главы; ни важные министры, о пользѣ государствъ пекущіеся; а наши дворяне симъ титломъ гнушаются! Стыдно быть писателемъ, но дурнымъ, разсѣвающимъ сѣмяна пороковъ, осмѣивающимъ правду, честь и добродѣтели... Дарованія же людямъ природою напрасно недаются, и не даромъ это сказано: *«скрывый талантъ да будетъ проклятъ!»* Въ этихъ словахъ несомнѣнно вѣетъ тотъ духъ новизны и свѣжести, который и служитъ главнымъ отличительнымъ признакомъ литературныхъ произведеній Екатерининскаго времени.

Наступленіе новой эпохи обозначается конечно въ обществѣ и въ литературѣ появленіемъ новыхъ людей, новыхъ дѣятелей. Однимъ изъ такихъ новыхъ дѣятелей литературныхъ, былъ конечно Фонъ-Визинъ; другимъ, подобнымъ же и притомъ весьма замѣчательнымъ дѣятелемъ литературнымъ и общественнымъ былъ Новиковъ, уже извѣстный намъ изъ предъидущаго, какъ остроумный и талантливый издатель лучшихъ нашихъ сатирическихъ журналовъ.

Николай Ивановичъ Новиковъ (родился въ 1744 г., ум. въ 1818 году) въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губерніи, въ селѣ Тихвинскомъ, Авдотьино тожъ. Отецъ его, одинъ изъ дворянъ того уѣзда, былъ человѣкомъ достаточнымъ, но жилъ почти безвыѣздно въ деревнѣ. О воспитаніи Новикова, какъ и вообще о его ранней юности, мы имѣемъ лишь самыя скудныя свѣдѣнья. Извѣстно только, что года три или четыре сряду находился онъ въ московской университетской гимназіи, гдѣ учился очень неровно и вѣроятно не многому, потому что, по его собственному сознанію, онъ незналъ ни одного иностраннаго языка и образованіемъ былъ одолженъ одному себѣ. Кажется даже, что за лѣность и неуспѣшность въ изученіи одного изъ иностранныхъ языковъ онъ даже былъ и выключенъ изъ университетской гимназіи. Должно, однакоже предположить, что условія домашняго воспитанія, полученнаго Новиковымъ, были довольно благопріятны для развитія богатаго запаса его умственныхъ и нравственныхъ силъ, потому что поступивъ въ военную службу (въ гвардейскій Измайловскій полкъ) и пріѣхавъ на восемнадцатомъ году въ Петербургъ, Новиковъ пошелъ своею дорогою и не терялъ времени даромъ. Страстно предаваясь чтенію и постоянно вращаясь въ средѣ обра-

зованнѣйшихъ людей того времени, онъ быстро успѣлъ восполнить пробѣлы своего скуднаго образованія и по свидѣтельству одного изъ своихъ біографовъ уже съ 1767 г. «началъ онъ быть извѣстенъ своею склонностію къ словесности, наипаче Россійской и успѣхами въ оной». Въ чемъ заключались эти успѣхи — неизвѣстно; мы знаемъ только то, что собственно на поприще литературное Новиковъ достовѣрно выступилъ не ранѣе, какъ въ 1769 году, когда онъ сталъ издавать «Трутень». Около этого же времени онъ и въ отставку вышелъ, рѣшившись вполнѣ посвятить себя дѣятельности литературной и издательской. Въ этой обширной дѣятельности, періодъ съ 1769 по 1774 годъ, въ теченіе котораго Новиковъ издавалъ уже выше помянутые нами журналы: «Трутень», «Живописецъ» и «Кошелекъ», былъ только блестящимъ началомъ, за которымъ послѣдовали многіе и многіе годы трудовъ въ высшей степени замѣчательныхъ и почтенныхъ. Большая часть этихъ трудовъ начата была Новиковымъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ оставался до 1779 года. Труды эти направлены были преимущественно къ изученію настоящаго и прошлаго Россіи, въ отношеніи географическомъ, историческомъ и археологическомъ; съ другой стороны Новиковъ не оставлялъ и журнальной литературы, продолжая съ конца семидесятыхъ годовъ выдавать въ свѣтъ періодическія изданія ученонравственнаго содержанія. Все задуманное Новиковымъ всѣхъ приводило въ изумленіе новостью и смѣлостью замысла, совѣстливостью исполненія, богатствомъ матерьяла и замѣчательною практичностью автора, замѣчательнымъ умѣньемъ удовлетворять наиболѣе насущнымъ потребностямъ современнаго общества. Такъ въ 1772 году выдалъ онъ «Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ писателяхъ», въ 1773 году издалъ «*Древнюю Россійскую Идрографію*», и въ тоже время сталъ издавать выпусками обширный сборникъ историческихъ матерьяловъ подъ названіемъ «*Древней Россійской Вивліоѳики*»[1]), въ 1777 году издалъ «*Повѣствователь о Древностяхъ Россійскихъ*» — собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ «къ пользѣ Исторія и Географія Россійскія» — наконецъ съ 1778 предпринялъ цѣлый рядъ изданій періодическихъ. Первымъ въ числѣ ихъ былъ ежемѣсячникъ, подъ названіемъ «*Утренній свѣтъ*», а за тѣмъ слѣдовали продолженія его подъ разными названіями: *Московское изданіе* (1781 г.), *Вечерняя заря* (1782) и «*Покоющійся Трудолюбецъ*» (1784—1705), въ которыхъ находимъ оригинальныя и переводныя статьи по самымъ разнообразнымъ вопросамъ научнымъ и общеобразовательнымъ. Только первый изъ этихъ четырехъ журналовъ издавался въ Петербургѣ; остальные же три выдаваемы были Новиковымъ въ Москвѣ, куда онъ переселился въ концѣ семидесятыхъ годовъ и гдѣ онъ взялъ на откупъ университетскую типографію (съ 1-го мая 1778 года) на десять лѣтъ. Съ любовью и съ глубокимъ знаніемъ дѣла приступилъ Новиковъ къ сложной дѣятельности издателя-типографщика и издателя-книгопродавца. Въ два года успѣлъ онъ довести типографію свою до такого положенія, что по количеству и красотѣ шрифтовъ, по обилію и качеству механическихъ средствъ своихъ, она могла соперничать съ лучшими европейскими типографіями того времени, и въ теченіе трехъ первыхъ лѣтъ, съ 1779 по по 1782 годъ, Новиковъ, по одному современному свидѣтельству, успѣлъ напечатать въ университетской типографіи болѣе книгъ, нежели въ ней до этого времени было напечатано во всѣ 24 года ея существованія. Карамзинъ говоритъ о Новиковѣ, что «онъ торговалъ книгами, какъ богатый голландскій или англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель, т. е. съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ». И дѣйствительно, подвижность, свѣтлый взглядъ на вещи и неутомимая энергія Новикова, даже и теперь могли бы многихъ привести въ изумленіе. Онъ не пренебрегалъ ничѣмъ для улучшенія своего дѣла, ничего не упускалъ изъ виду, и постоянно изобрѣталъ новые способы для того, чтобы какъ можно больше напечатать и какъ можно больше продать полезныхъ книгъ, общедоступныхъ и по цѣнѣ, и по содержанію. Съ этою цѣлью Новиковъ собралъ вокругъ

[1]) До 1774 г. онъ уже выдалъ 10 томовъ «Вивліоѳики», которая впослѣдствіи, дополненная, доведена была до 20 томовъ.

себя цѣлый кружокъ молодежи, заставлялъ ее работать, читать, переводить, учиться, доставляя ей и ученья, и денежныя средства. Но по справедливому воззрѣнію Новикова, составить хорошую книгу и напечатать ее было еще недостаточно: *«надобно было имѣть попеченіе и о продажѣ напечатанныхъ книгъ»*. Вотъ почему Новиковъ съ особеннымъ усердіемъ заботился объ открытіи новыхъ книжныхъ лавокъ и книжныхъ складовъ не только въ Москвѣ, но и въ провинціи, первый открылъ *вольную* (публичную) библіотеку для безденежнаго пользованья книгами, и не только продавалъ, но находилъ возможность и даромъ разсылать свои книги по духовнымъ и другимъ училищамъ. Въ тѣхъ же видахъ, заботясь о возможномъ расширеніи своей дѣятельности, Новиковъ съумѣлъ возвысить и значеніе *Московскихъ вѣдомостей*, при которыхъ сталъ безплатно выдавать весьма полезное и занимательное прибавленіе подъ названіемъ «Дѣтскаго чтенія» (съ 1783—1789 гг.). Благодаря такой заботливости Новикова, количество подписчиковъ на «Московскія вѣдомости» вдругъ возрасло до 4,000 человѣкъ— цифры весьма почтенной по тому времени.

Въ Москвѣ Новиковъ особенно сблизился съ талантливымъ профессоромъ нѣмецкаго языка при Московскомъ университетѣ, И. Е. Шварцемъ (онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1773 году); подъ непосредственнымъ вліяніемъ этого человѣка, съ которымъ Новиковъ вступилъ въ послѣдствіи въ самыя тѣсныя дружескія связи, онъ поддался окончательно мистицизму, сильно-увлекавшему значительное большинство нашего образованнаго общества въ прошломъ столѣтіи. Подъ вліяніемъ этой то, весьма распространенной наклонности къ мистицизму, распространялось у насъ въ Россіи и масонство, привлекавшее многихъ даже своею таинственною внѣшностью, торжественностью своихъ обрядовъ, обѣтовъ и сложной организаціей. Лучшіе люди конца прошлаго вѣка, поддаваясь мистицизму и участвуя въ масонствѣ, старались по видимому, этимъ путемъ противодѣйствовать слишкомъ быстро-принимавшемуся на русской почвѣ раціональному ученію энциклопедистовъ, нерѣдко вырождавшемуся въ грубѣйшій матерьялизмъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій нашей общественной среды. Новиковъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ еще съ 1774 года вступилъ въ масонское общество, въ которомъ предсѣдателемъ былъ уже извѣстный намъ И. П. Елагинъ, но, только со времени сближенія своего съ И. Е. Шварцемъ, Новиковъ, глубоко религіозный, сосредоточенный мыслитель, окончательно вдался въ мистицизмъ и подчинилъ ему всю свою обширную и многотрудную дѣятельность. Съ этого времени типографская дѣятельность Новикова, по словамъ одного изъ его біографовъ, была всецѣло посвящена «распространенію масонскихъ идей; въ книгахъ, изданныхъ Новиковымъ за это время, встрѣчаемъ странныя формулы, темное изложеніе, произвольное толкованіе текстовъ Св. Писанія, и запутанное, лишенное всякихъ научныхъ основъ, объясненіе физическихъ и химическихъ явленій» [1]). Но это только одна, и притомъ чисто внѣшняя сторона масонства, которое имѣло и другую, достойную всякаго уваженія сторону: болѣе всего придавая значенія евангельской любви, масоны съ величайшимъ самоотверженіемъ и готовностью жертвовали личнымъ трудомъ своимъ и капиталами для цѣлей филантропическихъ въ самомъ обширномъ смыслѣ слова: устраивали школы, содержали на своемъ иждивеніи воспитанниковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, учреждали больницы, устроивали аптеки, въ которыхъ бѣдные могли безплатно получать лѣкарства и т. п. Горячо предаваясь масонству, поддаваясь и нѣкоторымъ заблужденіямъ его, Новиковъ въ тоже время много работалъ и трудился на пользу этой свѣтлой стороны масонства. Въ 1782 году, вмѣстѣ съ профессоромъ Шварцемъ онъ задумалъ основать такъ называемое «Дружеское Ученое Общество», цѣлію котораго было: 1) распространять въ публикѣ правила истиннаго воспитанія, 2) привлекать изъ заграницы достойныхъ воспитателей, 3) приготовлять знающихъ русскихъ наставниковъ, 4) издавать духовныя книги и наставлять въ нравственной и евангельской истинѣ, *переводя глубочайшихъ о семъ иностранныхъ писателей»*. «Дружеское Общество» открыло свою дѣятельность при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, вспомоществуемое многими весьма

[1]) *А. Аѳанасьевъ*. **Николай Ивановичъ Новиковъ. Біографическій очеркъ (въ Библіограф. Зап. за 1858 г., стр. 170).**

богатыми людьми, покровительствуемое лицами высшаго круга, составлявшими цвѣтъ московскаго общества того времени. Важнѣйшими дѣятелями въ «Дружескомъ Обществѣ», кромѣ Шварца и Новикова, являлись и другіе массоны: И. В. Лопухинъ, С. И. Гамалѣя, И. П. Тургеневъ. Подъ ихъ то руководствомъ и покровительствомъ выростало поколѣніе молодыхъ и талантливыхъ литературныхъ дѣятелей, которые всѣ начинали свое литературное поприще съ участія въ переводной и педагогической дѣятельности «Дружескаго Общества»: между ними многіе пріобрѣли себѣ впослѣдствіи извѣстность, какъ напр. Карамзинъ, А. М. Кутузовъ, А. А. Петровъ, занимавшійся изданіемъ «Дѣтскаго чтенія», В. С. Подшиваловъ и т. д. Изъ того же «Дружескаго Общества» въ 1784 году возникла и «Типографическая компанія», которая завела въ Москвѣ нѣсколько своихъ собственныхъ типографій и въ нихъ, рядомъ съ книгами туманнаго мистическаго содержанія, печатала и множество книгъ полезныхъ, ученыхъ, учебныхъ и общеобразовательныхъ, которыя пускала въ продажу по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Чтобы дать понятіе о размѣрахъ издательской дѣятельности Новикова, достаточно будетъ припомнить здѣсь, что въ росписи книгъ 1785 года, отпечатанныхъ въ одной университетской типографіи, показано 365 заглавій, да вновь приготовлялось къ выпуску въ свѣтъ 55 изданій!

За дѣятельностью «Дружескаго Общества» вообще и Новикова въ частности зорко наблюдали многочисленные враги его: одни изъ зависти къ его сильному вліянію и общественному значенію, другіе, сочувствуя предразсудкамъ массы противъ масонства, третьи наконецъ, вслѣдствіе рѣзкой противуположности въ убѣжденіяхъ—не избѣгали случая обносить его передъ правительствомъ. Екатерина II, при всей своей просвѣщенности и гуманности, постоянно выказывала себя крайне-непріязненной по отношеніи къ масонству, которое она не разъ осмѣивала и котораго въ тоже время опасалась. Кромѣ того, у ней почему-то, уже издавна существовало нѣкоторое предубѣжденіе противъ Новикова, котораго она считала *фанатикомъ* и человѣкомъ опаснымъ. Къ тому же, подъ вліяніемъ страха, наведеннаго на всю Европу французской революціей, и Екатерина отступила отъ своихъ гуманныхъ и либеральныхъ воззрѣній на отношенія къ подданнымъ: репресивныя мѣры показались ей необходимыми въ видахъ ограниченья *вреднаго свободомыслія и свободоязычія*... Гроза эта прежде всего обрушилась на Новикова. Не мѣшаетъ замѣтить, что уже и до этого времени, въ 1785 году, Новиковъ былъ привлеченъ къ допросу «о причинахъ побудившихъ его къ изданію странныхъ книгъ, наполненныхъ *новымъ расколомъ*, для обмана и уловленія невѣждъ»... Самыя книги, изданныя Новиковымъ, поручено было разсмотрѣть московскому митрополиту Платону, дабы убѣдиться, «не скрывается-ли въ нихъ умствованій, несходныхъ съ простыми и чистыми правилами православія и гражданской должности». На допросѣ Новиковъ показалъ, что книги онъ печаталъ не иначе, какъ «съ дозволенія цензуры» и намѣренья онъ при изданіи книгъ въ публику никакого другаго не имѣлъ, кромѣ того, чтобы по силамъ его и по возможности приносить трудами пользу отечеству чрезъ распространеніе книжной торговли и честнымъ образомъ получать законами невозбраняемый прибытокъ». Въ тоже самое время, Новиковъ нашелъ себѣ поддержку и защиту въ митрополитѣ Платонѣ, который, разсмотрѣвъ книги, изданныя Новиковымъ, сообщилъ Императрицѣ объ издателѣ ихъ самый лестный отзывъ. «Молю всещедраго Бога» — писалъ Платонъ — «чтобы нетолько въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ Новиковъ». Но этотъ благопріятный отзывъ спасъ Новикова не надолго; гроза такъ очевидно скоплялась надъ его головою, что «типографическая компанія», опасаясь распространяемыхъ о ея дѣятельности слуховъ, сочла за лучшее прекратить свои дѣйствія и закрылась въ концѣ 1791 г. Въ началѣ слѣдующаго года гроза наконецъ разразилась... Новиковъ, обвиняемый въ сношеніяхъ съ заграничными тайными обществами и въ политическихъ связяхъ съ «ближайшею къ престолу особою (т. е. съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ)», былъ арестованъ, а имѣнье его конфисковано, и мѣстомъ заключенія для него назначена Шлиссельбургская крѣпость, куда онъ и былъ отвезенъ, подъ сильнымъ конвоемъ, и притомъ окольными дорогами, черезъ Ярославль и Тихвинъ. Одинъ изъ друзей Нови-

кова чрезвычайно живо рисуетъ намъ это печальное событіе въ своихъ запискахъ:

... «Въ апрѣлѣ 1792 года... вдругъ всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, также типографіи и книжные магазины Новикова, и домы его наполнили солдатами, а онъ изъ подмосковной взятъ былъ подъ потайную стражу, съ крайними предосторожностями и съ такими воинскими снарядами, какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлость всей Москвы. Остро и смѣшно при этомъ сказалъ графъ К. Г. Разумовскій князю Прозоровскому (который ему разсказывалъ о важности ареста Новикова, и о всѣхъ своихъ къ тому распоряженіяхъ): «вотъ расхвастался, какъ городъ взялъ—старичонку, скорченнаго геморроидами, взялъ подъ стражу! Да одного бы десятскаго или бутошника за нимъ послать, такъ-бы и притащилъ его!»

Печальнѣе всего было то, что нетолько Новиковъ подвергся заточенію, но и самое дѣло его, стоившее ему стольхихъ пожертвованій и усилій, погибло безвозвратно: дома, типографіи, книги, благопріобрѣтенныя имѣнья и имущество его — все было конфисковано и продано съ публичнаго торга. Собственно Новикову принадлежавшіе капиталы, а также и порученные ему посторонними лицами *«на вспомоществованіе его неистощимъ дѣламъ»* (!), поручено отдать въ приказъ общественнаго призрѣнія. Одно изъ плодотворнѣйшихъ и обширнѣйшихъ предпріятій закончилось ужаснѣйшимъ раззореніемъ! Одно только родовое имѣніе Новикова, сельцо Тихвинское, уцѣлѣло отъ общаго крушенія и оставлено въ пользу наслѣдниковъ его «подъ опекою на законномъ основаніи».

Только уже по вступленіи на престолъ Императора Павла, Новиковъ былъ освобожденъ изъ тяжкаго заключенія и возвратился въ свою подмосковную (19 ноября 1796 г.) «дряхлъ, согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ»... Со слезами радости встрѣчала его тамъ не только семья, но и всѣ крестьяне, не одного его села, «но и отдаленныхъ чужихъ селеній, вспоминая притомъ, что они въ голодный годъ великую черезъ него помощь получали». Вскорѣ послѣ того, самъ Новиковъ писалъ къ одному изъ друзей своихъ: «...силы мои изнуряются подъ тяжкимъ бременемъ крестовъ: я такъ одряхлѣлъ, что вы бы меня не узнали».

Съ той поры Новиковъ уже не выступалъ болѣе на поприщѣ литературной и общественной дѣятельности. Онъ не выѣзжалъ изъ своего Тихвинскаго и заботился только объ окончаніи своихъ счетовъ по прежнему, такъ внезапно и такъ грустно окончившемуся, громадному предпріятію.

Тихо скончался онъ 31 іюля 1818 года, на семьдесятъ пятомъ году отъ рожденія и былъ погребенъ въ приходской церкви своего роднаго села.

ОТЪ КАРАМЗИНА ДО ПУШКИНА.

XXXII.

ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Н. М. КАРАМЗИНА. — БІОГРАФИЧЕСКІЯ ПОДРОБНОСТИ. — СЕНТИМЕНТАЛИЗМЪ И ФОРМА, ПРИДАННАЯ ЕМУ КАРАМЗИНЫМЪ. — УСЛУГИ, ОКАЗАННЫЯ КАРАМЗИНЫМЪ РУССКОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ ЯЗЫКУ. — КАРАМЗИНЪ, КАКЪ ПОЭТЪ, ЖУРНАЛИСТЪ И КРИТИКЪ.

«Во время Екатерины Россіяне начали выражать свои мысли ясно для ума, пріятно для слуха, и вкусъ сдѣлался общимъ»—такъ опредѣлялъ Карамзинъ значеніе Екатерининскаго періода литературы въ своемъ «Историческомъ похвальномъ словѣ Екатерины II.» Подобное опредѣленіе было не совсѣмъ вѣрнымъ, потому уже, что въ немъ Карамзинъ приписывалъ Екатерининскому періоду черты, проявившіяся въ нашей литературѣ только уже въ послѣдующемъ періодѣ. Этотъ послѣдующій періодъ (о которомъ однако же нельзя еще сказать, чтобы и въ немъ *вкусъ сдѣлался общимъ*) замѣтно наступилъ въ концѣ царствованія Екатерины, и ознаменовался дѣятельностью новой школы молодыхъ писателей, во главѣ которыхъ сталъ Карамзинъ, какъ журналистъ, литераторъ, поэтъ и ученый.

Трудно рѣшить, что именно разумѣлъ Карамзинъ, говоря о вѣкѣ Екатерины, что въ теченіе его *«вкусъ сдѣлался общимъ»*. Здѣсь слово *вкусъ* можетъ обозначать и вообще *вкусъ къ литературѣ*, къ *чтенію*, и еще — *вкусъ*, въ смыслѣ критики, въ смыслѣ умѣнья понимать и цѣнить изящное и отличать заслуживающее вниманія отъ слабаго и неизящнаго. Если Карамзинъ принималъ слово «вкусъ» въ послѣднемъ изъ этихъ двухъ значеній, то не мѣшаетъ замѣтить, что одною изъ наиболѣе крупныхъ чертъ Екатерининскаго періода нашей литературы является именно, самое положительное отсутствіе критики въ нашей литературной средѣ. Въ журналахъ, которыми такъ богато Екатерининское время, мы не видимъ критическаго отдѣла; въ лучшихъ литературныхъ кружкахъ встрѣчаемъ откровенное сознаніе того, что время критической оцѣнки произведеній нашей литературы еще не наступило; въ лучшихъ и наиболѣе талантливыхъ представителяхъ нашей литературы (за весьма немногими исключеніями) насъ поражаетъ неразвитость изящнаго вкуса и полное отсутствіе всякой способности относиться критически даже и къ собственной своей литературной дѣятельности.... Въ этомъ отношеніи наша литература, въ теченіе Карамзинскаго періода, дѣлаетъ замѣтный шагъ впередъ, именно распространяя *вкусъ* въ обществѣ, установляя болѣе вѣрные взгляды на литературу, собирая матерьялы для критики, то въ видѣ хорошихъ переводовъ лучшихъ иностранныхъ образцовъ, то въ видѣ различныхъ попытокъ разбора литературныхъ произведеній русской и иностранныхъ литературъ. Съ этой стороны, важныя услуги были оказаны русской литературѣ Карамзинымъ,

и преимущественно въ средній періодъ его дѣятельности; въ послѣднемъ періодѣ ея онъ уже только примѣнялъ выработанные имъ въ занятіяхъ литературою взгляды и критическій тактъ къ точному изслѣдованью и разработкѣ другаго, обширнаго, и тогда почти нетронутаго критикой, поля русской исторической науки. Одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Карамзина, съ замѣчательною наглядностію подраздѣляетъ жизнь Карамзина, по ея совпаденію съ царствованіями Екатерины и Александра на двѣ равныя половины: «Жизнь Карамзина», — говоритъ онъ — «продолжавшаяся 60 лѣтъ, знаменательно совпадаетъ съ пространствомъ времени отъ первыхъ годовъ царствованья Екатерины II, до кончины императора Александра Павловича, котораго онъ пережилъ только немногими мѣсяцами. Это шестидесятилѣтіе раздѣляется на двѣ равныя половины, изъ которыхъ одна вся принадлежитъ вѣку Екатерины, а другая, самою значительной частію, вѣку Александра. Въ первой Карамзинъ былъ поэтомъ и литераторомъ, въ послѣдней почти исключительно историкомъ. Въ кратковременное правленіе императора Павла, когда, по выраженію Карамзина, *музы закрыли свои лица чернымъ покрываломъ*, онъ готовился къ переходу отъ изящной литературы къ строгой наукѣ». Нѣсколько далѣе, тотъ же біографъ еще точнѣе опредѣляетъ границы періодовъ «авторской жизни» Карамзина, въ связи съ важнѣйшими моментами его литературной дѣятельности:

«Авторская жизнь Карамзина представляетъ три очень явственно разграниченные періода. Написанное имъ до путешествія по Европѣ — почти исключительно переводы — можетъ быть названо его ученическими опытами. По возвращеніи въ Россію, 25 лѣтъ отъ роду, подъ конецъ царствованія Екатерины II, онъ вдругъ является мастеромъ своего дѣла, журналистомъ и писателемъ съ самостоятельнымъ взглядомъ на языкъ и литературу; начинаетъ писать такъ, какъ еще никто не писалъ, и увлекаетъ за собою большинство общества. Въ избыткѣ молодыхъ силъ онъ переходитъ отъ одного предпріятія къ другому.... Но эта разнообразная и нѣсколько суетливая дѣятельность не удовлетворяетъ его созрѣвшаго таланта: онъ чувствуетъ потребность предпринять такой трудъ, который бы наполнялъ всю его жизнь,—создать что-нибудь цѣлое, монументальное: онъ берется за русскую исторію и неутомимо работаетъ надъ нею 23 года, до самой смерти своей». И эти двадцать три года составляютъ третій и послѣдній періодъ жизни Карамзина.

Къ сожалѣнію, первый періодъ жизни и дѣятельности Карамзина извѣстенъ очень мало и представляетъ собою много пробѣловъ, много темныхъ мѣстъ. Самый годъ рожденія Карамзина еще недавно обозначался невѣрно: годомъ его рожденія считали годъ смерти Ломоносова (1765). Въ настоящее время достовѣрно извѣстно, что *Николай Михайловичъ Карамзинъ* родился 1-го декабря 1766 года, въ Симбирской губерніи, гдѣ отецъ его имѣлъ помѣстье. Родъ Карамзиныхъ однако же не принадлежалъ къ числу коренныхъ Симбирскихъ дворянскихъ родовъ и происходилъ по прямой линіи отъ *Карамурзы*, татарскаго князька, поступившаго на службу Москвы еще при царяхъ, принявшаго тогда же крещеніе и получившаго землю въ Нижегородской губерніи. Одинъ изъ потомковъ его, Михаилъ Егоровичъ Карамзинъ, служилъ въ молодости въ военной службѣ, въ Оренбургѣ, уволенъ былъ въ отставку капитаномъ и, наравнѣ со многими другими офицерами, надѣленъ землею въ Оренбургской (нынѣ Самарской) губерніи. Тамъ устроилъ онъ усадьбу, и часто наѣзжалъ въ нее хозяйничать и охотиться. Отъ перваго брака его и родился Николай Михайловичъ, и вмѣстѣ со старшимъ братомъ выросъ и воспитался дома, подъ надзоромъ отца и мачихи (мать Карамзина скончалась, когда онъ былъ еще ребенкомъ). Дѣтство его прошло на берегахъ Волги и въ Оренбургскихъ степяхъ, — точно также, какъ и дѣтство Державина. Ему было лѣтъ четырнадцать, когда его отвезли въ Москву и опредѣлили въ лучшее учебное заведеніе того времени — въ пансіонъ Шадена, одного изъ наиболѣе талантливыхъ профессоровъ московскаго университета. Карамзинъ, вѣроятно былъ очень мало и плохо подготовленъ для серьезнаго ученья, хоть и до поступленія въ пансіонъ Шадена уже успѣлъ побывать въ рукахъ у разныхъ домашнихъ учителей и даже въ какомъ-то симбирскомъ пансіонѣ. Однако же умный и способный юноша, въ которомъ очень рано проявилась страсть къ чтенію, и которому никто не препятствовалъ

въ самомъ полномъ удовлетвореніи этой страсти, былъ развитъ и начитанъ не по лѣтамъ. Военная слава, которою такъ богатъ былъ вѣкъ Екатерины, кружила тогда головы молодымъ людямъ, а въ томъ числѣ и Карамзину, настолько, что и самому образованію его въ пансіонѣ Шадена былъ приданъ особый оттѣнокъ. Образованіе это было общимъ, неспеціальнымъ, и не имѣло вовсе никакого классическаго характера. Такъ напр., достовѣрно извѣстно, что древнимъ языкамъ Шаденъ не училъ Карамзина. Кажется, что и съ новѣйшими языками въ его пансіонѣ Карамзинъ не успѣлъ ознакомиться въ совершенствѣ и доучивался имъ уже впослѣдствіи, особенно во время путешествія по Европѣ. Не можетъ, однакоже, подлежать сомнѣнію тотъ фактъ, что не только пребываніе въ пансіонѣ Шадена было весьма полезно для Карамзина со стороны образованія вообще, но и самое сближеніе съ такимъ опытнымъ, умнымъ и честнымъ педагогомъ, какъ Шаденъ, должно было сильно повліять на развитіе и направленіе будущаго писателя. Чрезвычайно любопытна черта, подмѣченная однимъ изъ современныхъ біографовъ Карамзина и очевидно свидѣтельствующая о томъ, что вліяніе Шадена не осталось безслѣднымъ и въ его авторской дѣятельности: — въ сочиненіяхъ Карамзина мы встрѣчаемъ много тэмъ, которыя и до него уже были разработаны профессоромъ Шаденомъ, и кромѣ того, надъ рѣшеніемъ очень многихъ вопросовъ, учитель и ученикъ трудились, какъ оказывается, почти въ одинаковомъ направленіи. Сверхъ того, по справедливому замѣчанію того же біографа, и самыя воззрѣнія профессора Шадена на изученіе словесности, выраженныя имъ вполнѣ въ его учебникѣ реторики, должны были не только еще болѣе развить въ Карамзинѣ охоту къ чтенію и къ литературнымъ занятіямъ, но и доставили ему возможность рано пріобрѣсти навыкъ къ письменному изложенію своихъ мыслей.

Вскорѣ явилось въ молодомъ Карамзинѣ желаніе расширить кругъ этихъ упражненій: въ 1783 г. онъ поступилъ въ военную службу и вмѣстѣ съ тѣмъ напечаталъ первый свой литературный опытъ — переводъ Геснеровой идилліи «Деревянная нога». Въ военной службѣ однакоже Карамзинъ оставался очень не долго, и долженъ былъ здѣсь испытать первое разочарованіе. Ему хотѣлось непремѣнно попасть въ дѣйствующую армію; но оказалось, что назначеніе туда офицеровъ зависитъ вполнѣ отъ полковаго секретаря, который за назначеніе бралъ взятки. У Карамзина не хватило средствъ на то, чтобы дать ему взятку — «у него было всего сто рублей въ карманѣ». И вотъ, послѣ того, какъ эта неожиданная неудача охладила его воинскій жаръ, Карамзинъ покидаетъ свой преображенскій мундиръ и уѣзжаетъ на родину, гдѣ около этого времени скончался его отецъ. Это было въ концѣ 1783 или въ началѣ 1784 года.

Пробывъ около года въ Петербургѣ, Карамзинъ успѣлъ подружиться [1]) тамъ съ И. И. Дмитріевымъ, въ то время такимъ же какъ онъ гвардейскимъ офицеромъ. Почти одновременно выступили они и на литературное поприще со своими первыми опытами...

«Въ Симбирскѣ я видѣлся съ Карамзинымъ»—пишетъ Дмитріевъ въ своихъ *запискахъ* «и пробылъ съ нимъ короткое время. Я нашелъ его уже играющимъ роль надежнаго на себя свѣтскаго человѣка: рѣшительнымъ за вистовымъ столомъ, любезнымъ и занимательнымъ въ дамскомъ кругу, политикомъ передъ отцами семейства, которыя хотя и не привыкли слушать молодежь, но его слушали. «Разсѣянная жизнь, впрочемъ, не отбивала у Карамзина охоты заниматься словесностью: мы знаемъ, что онъ читалъ, и переводилъ Вольтера въ это время... Вскорѣ однакоже землякъ Карамзина и Дмитріева, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, который по предъидущему уже извѣстенъ намъ какъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ «Дружескаго общества», уговорилъ молодаго Карамзина покинуть провинцію и ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Москву. Здѣсь ввелъ онъ Николая Михайловича въ новиковскій кру-

[1]) Дружба эта представляетъ собою нѣчто весьма замѣчательное и въ значительной степени характеризующую нравственную личность Карамзина и его времени: достаточно будетъ припомнить здѣсь, что памятникомъ этой дружбы осталась почти 40-лѣтняя переписка Карамзина съ И. И. Дмитріевымъ, составляющая вмѣстѣ съ «записками» Дмитріева одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ источниковъ для біографіи Карамзина.

жокъ, въ которомъ онъ довоспитался окончательно подъ вліяніемъ другаго друга своего, Александра Петровича Петрова, одного изъ молодыхъ людей, занимавшихся въ новиковскомъ кружкѣ переводами книгъ съ иностранныхъ языковъ. «Петровъ» посвидѣтельству И. И. Дмитріева — «знакомъ былъ съ древними и новыми языками, при глубокомъ знаніи отечественнаго слова, одаренъ былъ необыкновеннымъ умомъ и способностью къ здравой критикѣ; но къ сожалѣнію ничего не писалъ для публики, а упражнялся только въ переводахъ, изъ которыхъ извѣстны первые два года еженедѣльника, подъ названіемъ: «Дѣтское чтеніе»; «Учитель», въ двухъ томахъ; «Хризомандеръ»—мистическое сочиненіе, и «Багуатгата». — *также родъ мистической поэмы*, писанной на санскритскомъ языкѣ и переведенной съ нѣмецкаго. Карамзинъ полюбилъ Петрова, хотя они были не во всемъ сходны между собою: одинъ пылокъ, откровененъ и безъ малѣйшей желчи; другой же—угрюмъ, молчаливъ и подъ часъ насмѣшливъ; но оба питали равную страсть къ познаніямъ, къ изящному, имѣли одинаковую силу въ умѣ, одинаковую доброту въ сердцѣ, и это заставило ихъ прожить долгое время въ тѣсномъ согласіи подъ одною кровлею, у Меньщиковой бани, въ старинномъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ Дружескому обществу. Я какъ теперь вижу скромное жилище молодыхъ словесниковъ: оно раздѣлено было тремя перегородками; въ одной стоялъ на столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика Шварца, умершаго незадолго передъ моимъ пріѣздомъ изъ Петербурга въ Москву, а другая освящалась Іисусомъ на Крестѣ, подъ покровомъ чернаго крепа».

Судя по этимъ подробностямъ, которыя сообщаетъ Дмитріевъ, Карамзинъ вѣроятно вовлеченъ былъ и въ масонство, но въ какой степени и какъ долго оставался въ средѣ масоновъ—это вопросы, до сихъ поръ, совершенно темные. Извѣстно только то что мистицизмъ пришелся ему не по душѣ и что проникнутся ученьемъ мистиковъ до увлеченія онъ не могъ. По всѣмъ современнымъ свидѣтельствамъ, Карамзинъ вскорѣ оставилъ общество масоновъ, и никогда впослѣдствіи не относился къ ихъ ученію сочувственно, хотя многія стороны ихъ дѣятельности и взглядовъ—духъ религіозности, человѣколюбіе, братская любовь къ ближнему и патріотическое настроеніе—все это должно было несомнѣнно нравиться Карамзину и даже нашло себѣ отголосокъ въ его послѣдующей литературной дѣятельности. Связи съ Новиковскимъ кружкомъ, повидимому, главнѣйшимъ образомъ заключались въ тѣхъ литературныхъ и переводческихъ работахъ, которыя принялъ на себя Карамзинъ, участвуя въ изданіи «Дѣтскаго Чтенія», издававшагося подъ редакціею его закадычнаго друга, А. А. Петрова. Намъ сохранилось случайно нѣсколько писемъ этого друга юности Карамзина, и при томъ писемъ весьма замѣчательныхъ, прекрасно характеризующихъ намъ малоизвѣстную личность Петрова, о которомъ Карамзинъ во всю жизнь сохранялъ самыя теплыя воспоминанія, называя періодъ сближенія съ нимъ *важнѣйшимъ* періодомъ своей жизни. И дѣйствительно, «письма Петрова, исполненныя юношескаго юмора рисуютъ намъ живаго, талантливаго человѣка, съ умомъ строгимъ и критическимъ, съ основательными познаніями» и который могъ имѣть сильное вліяніе на взгляды, вкусы и занятія Карамзина [1]). Эти сохранившіяся намъ письма Петрова писаны были имъ къ Карамзину въ 1785 году, во время отлучки Карамзина изъ Москвы въ Симбирскъ. Особенно любопытно для характеристики обоихъ друзей письмо отъ 20 мая 1785, писанное, какъ видно, въ отвѣтъ на письмо Карамзина, писавшаго Петрову о занятіяхъ своихъ въ Симбирскѣ. «Слава просвѣщенію нынѣшняго столѣтія и дальніе края озарившему!»—пишетъ Петровъ—«такъ восклицаю я при чтеніи твоихъ эпистолъ» (не смѣю назвать русскимъ именемъ столь ученыхъ писаній), о которыхъ всякій подумалъ бы, что онѣ получены изъ Англіи или Германіи. Чего нѣтъ въ нихъ, касающагося до литературы? Все есть! Ты пишешь о переводахъ, о собственныхъ сочиненіяхъ, о Шекспирѣ, о трагическихъ характерахъ, о несправедливой Вольтеровой критикѣ, равно какъ о кофе и табакѣ. Первое письмо твое сильно поколебало мое мнѣніе о превосходствѣ надъ

[1]) Рѣчь Академика Грота, стр. 11.

тобою въ учености, второе же крѣпкимъ ударомъ сшибло его съ ногъ; я спряталъ свой кусочекъ латыни въ карманъ, отошелъ въ уголъ, сложилъ руки на грудь, повѣсилъ голову и призналъ слабость мою передъ тобою, хотя ты по латыни и не учился»...

Въ другомъ мѣстѣ, Петровъ пишетъ Карамзину по поводу какого-то задуманнаго и только что начатаго имъ трактата *о Соломонѣ*: «скажу тебѣ мое мнѣніе о твоей пьесѣ, какъ бы она въ самомъ дѣлѣ существовала. Судя по началу сего преизящнаго трактата, должно заключить, что если Соломонъ зналъ и говорилъ по нѣмецки, то говорилъ гораздо лучше, нежели ты пишешь; будучи великій *жени*, ты столько превознесся надъ малостями, что въ трехъ строкахъ сдѣлалъ пять ошибокъ противъ нѣмецкаго языка. Пожалуй, употреби въ пользу сіе дружеское замѣчаніе, и лучше пиши все свое сочиненіе *на русско-словянскомъ языкѣ, долго-сложно-протяжно-парящими словами.* Для дополненія же твоего искусства писать такимъ слогомъ, совѣтую тебѣ читать *сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ Василія Третьяковскаго, коего о любви ѣздѣ въ островъ книжицею пользуюсь переводною нынѣ, съ французскаго языка, и весьма ту читаю.* Если же непремѣнно хочешь писать на нѣмецкомъ языкѣ, то пиши кое-что такое, чего бы никто не читалъ, а съ формированною въ головѣ твоею пьесою о Соломонѣ не осмѣливайся показываться въ публику. Нѣтъ ничего хуже какъ начинать доказательство о чьемъ нибудь знаніи какого нибудь языка *съ ошибками противъ того языка*». Видно, что Петровъ былъ и остроуменъ, и сурово относился къ первымъ литературнымъ опытамъ Карамзина, и побуждалъ его къ серьезному изученію иностранныхъ языковъ. Другимъ пріятелемъ Карамзина въ кружкѣ московскихъ масоновъ былъ А. М. Кутузовъ, извѣстный переводчикъ «Мессіады» Клопштока, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ кругу масоновъ. Подъ конецъ 80-хъ годовъ онъ былъ даже отправленъ московскими масонами на житье въ Берлинъ, гдѣ и принялъ на себя роль посредника въ сношеніяхъ русскихъ масонскихъ ложъ съ заграничными. Въ кружкѣ пріятелей, а можетъ быть и вообще въ кружкѣ масоновъ Карамзинъ былъ извѣстенъ подъ псевдонимомъ *Рамзея*, который былъ данъ ему или какъ сокращеніе его русской фамиліи или, можетъ быть, просто какъ замѣна его имени, въ память знаменитаго въ масонскихъ преданіяхъ и масонской литературѣ шотланца *Рамзея* (ум. 1743). Подъ вліяніемъ кружка, изъ котораго составлено было «Дружеское общество», увлекаемый примѣромъ друзей своихъ, Кутузова и Петрова, Карамзинъ много работалъ надъ пополненіемъ своего образованія, много читалъ и переводилъ, отчасти по собственному побужденію, отчасти по заказу и порученію «Дружескаго общества». Въ числѣ переводовъ его за это время извѣстны: поэма Галлера «О происхожденіи зла» (1786), нѣсколько статей изъ «Штурмовыхъ размышленій о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ натуры и провидѣнія, на каждый день года». Сверхъ того, въ тоже время (т. е. между 1785—89 г.) много переводныхъ и оригинальныхъ статей и мелкихъ произведеній Карамзина помѣщено было въ «Дѣтскомъ чтеніи», надъ изданіемъ котораго Карамзинъ трудился вмѣстѣ съ другомъ своимъ Петровымъ.

Принимая въ соображеніе тѣсныя дружескія связи Карамзина съ нѣкоторыми изъ членовъ масонскаго кружка, припоминая все то, что было сдѣлано по порученію «Дружескаго общества» Карамзинымъ до поѣздки его за границу, нельзя не признать того, что пребываніе въ Новиковскомъ кружкѣ должно было оказать сильное вліяніе на Карамзина и даже оставить на всю жизнь глубокіе слѣды въ его нравственномъ развитіи, въ его убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ... Это вліяніе кружка замѣтили въ немъ и ближайшіе пріятели его, непринадлежавшіе къ кружку, напр. И. И. Дмитріевъ, который, встрѣтившись въ Москвѣ съ Карамзинымъ, незадолго до его отъѣзда за границу, не узналъ въ немъ прежняго беззаботнаго юношу. «Это былъ уже не тотъ юноша»—говоритъ Дмитріевъ—«который читалъ все безъ разбора, плѣнялся славою воина, *но благочестивый ученикъ мудрости, съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенію въ себѣ человѣка...*» Подобный отзывъ современника, вѣроятно извлеченный изъ бесѣдъ съ Карамзинымъ, даетъ возможность до нѣкоторой степени довѣрять преданію, утверждающему, будто путешествіе Карамзина стояло въ связи съ его отношеніями къ Новиков-

скому кружку. Довѣряя подобному преданію еще вовсе нѣтъ надобности предполагать, чтобы путешествіе Карамзина за границу совершено было *на средства* масоновъ или выполнено *по инструкціи*, данной ему масонами. Даже и путешествуя на свои средства, но полагая цѣлью путешествія *«пламенное рвеніе къ усовершенію въ себѣ человѣка»*, Карамзинъ уже дѣйствовалъ на основаніи тѣхъ идей, которыя внушены были ему и преимущественно развиты пребываніемъ въ кружкѣ, составлявшемъ «Дружеское общество».

Карамзинъ..

Въ 1789 году Карамзинъ отправился заграницу и, посѣтивъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію, пробылъ заграницею полтора года. Результатомъ его путешествія явились«Письма Русскаго Путешественника» первое произведеніе, доставившее Карамзину громкую извѣстность. Эти «письма» помѣщены были въ «Московскомъ журналѣ», за изданіе котораго Карамзинъ принялся съ самаго начала 1791 года, и который издавалъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Эта журнальная дѣятельность была, по видимому, слѣдствіемъ его путешествія заграницу. Тамъ пришлось ему увидѣть писателей и журналистовъ въ такомъ почетномъ, завидномъ положеніи среди окружающаго ихъ общества, что 24-лѣтнему юношѣ мудрено было не увлечься и, понадѣявшись на свои силы не пожелать добиться подобнаго же положенія у себя дома. И дѣйствительно, возвратившись домой изъ-за границы, Карамзинъ рѣшается положительно отступить отъ того избитаго пути, по которому около него шло все современное русское дворянство: онъ не поступаетъ на службу, а посвящаетъ себя исключительно литературной дѣятельности и ею стремится создать себѣ положеніе въ обществѣ.

Несмотря на то, что конецъ царствованія Екатерины и кратковременное царствованье Павла I не могли быть ни въ какомъ случаѣ названы временемъ благопріятнымъ для посвященія себя литературѣ, Карамзинъ очень скоро успѣлъ обратить на себя общее вниманіе, сдѣлаться любимцемъ читающей публики и пріобрѣсти славу перваго между русскими писателями. Двѣнадцатилѣтній періодъ времени отъ 1791—1803 гг., исключительно посвященный Карамзинымъ журналистикѣ и литературѣ, представляетъ собою самый блестящій періодъ въ его литературной дѣятельности, въ теченіе котораго успѣхи и значеніе, пріобрѣтенные имъ въ литературѣ, способны были удовлетворить всякому, даже и самому взыскательному авторскому самолюбію. Нельзя не замѣтить, что и дѣятельность Карамзина за это время была настолько разнообразна, настолько соотвѣтствовала потребностямъ и вкусу большинства читателей, что успѣхи Карамзина не могутъ удивлять насъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ издавая «Московскій журналъ», онъ умѣлъ уже придать ему ту форму и то разнообразіе состава, какія до этого времени не встрѣчались еще ни въ одномъ изъ русскихъ журналовъ, и были вѣроятно результатомъ близкаго знакомства Карамзина съ иностранною журналистикою. Въ «Московскомъ журналѣ» помѣщались и переводныя, и оригинальныя статьи, принадлежавшія перу Карамзина и лучшихъ современныхъ писателей—Хераскова, Державина, Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго, Николева, Ѳ.Львова—и «другихъ молодыхъ стихотворцевъ». За отдѣломъ стиховъ и прозы, въ журналѣ Карамзина слѣдовала *смѣсь* (анекдоты, отчеты о театральныхъ представленіяхъ и т. п.) и *отдѣлъ критическій*, въ которомъ мы видимъ рецензіи новыхъ книгъ русскихъ и иностранныхъ. Рядомъ съ про-

стыми и краткими рецензіями въ «Московскомъ журналѣ» видимъ уже и довольно серьезные разборы важнѣйшихъ произведеній иностранной и русской литературы, высказывающіе въ авторѣ дѣйствительный критическій тактъ. Но главнымъ украшеніемъ «Московскаго журнала» явились крупныя произведенія Карамзина: «Письма Русскаго Путешественника» и двѣ повѣсти—«Наталья Боярская дочь» и «Бѣдная Лиза» (обѣ 1792 г.).

Въ апрѣлѣ 1792 года закрыто было «Дружеское Общество» и Новиковъ арестованъ. Карамзинъ, повидимому, не только страдалъ нравственно за участь друзей своихъ, но имѣлъ даже нѣкоторое основаніе опасаться, что и его, какъ нѣкогда принадлежавшаго къ Новиковскому кружку, пожалуй, замѣшаютъ въ допросы и преслѣдованья, которымъ подверглись въ это время многіе изъ членовъ кружка. Эти опасенія, кажется, много способствовали тому, чтобы внушить ему отвращеніе къ дѣятельности журналиста, которой сверхъ того грозили и цензурныя стѣсненія. Въ декабрѣ мѣсяцѣ «Московскій журналъ» вдругъ окончился, и въ эпилогѣ къ нему Карамзинъ заявилъ, что стѣсняется срочностью журнальной работы, и что думаетъ, вмѣсто «Московскаго журнала» издавать отдѣльный сборникъ статей своихъ и чужихъ, по мѣрѣ накопленія ихъ. «Можетъ быть вздумается мнѣ написать какую-нибудь бездѣлку; можетъ быть пріятели мои также что-нибудь напишутъ: — сіи отрывки или цѣлыя піесы намѣренъ издавать въ маленькихъ тетрадкахъ, подъ именемъ... напримѣръ *Аглаи*, одной изъ любезныхъ Грацій»... «Такимъ образомъ *Аглая* заступитъ мѣсто Московскаго журнала. Впрочемъ она должна отличаться отъ сего послѣдняго строжайшимъ выборомъ піесъ и вообще чистѣйшимъ, т. е. болѣе выработаннымъ слогомъ; ибо я не принужденъ буду издавать ее въ срокъ. Можетъ быть съ букетомъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ положу я первую книжку *Аглаи* на олтарь Грацій; но примутъ-ли сіи прекрасныя богини жертву мою, или нѣтъ — не знаю».

Вслѣдъ за «Московскимъ журналомъ», дѣйствительно сначала явились въ свѣтъ подъ названіемъ «*Мои бездѣлки*», всѣ статьи Карамзина, напечатанныя въ этомъ журналѣ, потомъ явился обѣщанный сборникъ «Аглая» (1794), въ двухъ отдѣльныхъ частяхъ [1]).

Вскорѣ послѣ того, въ августѣ 1796 года,— новое литературное предпріятіе Карамзина, новое доказательство его изящнаго вкуса и разумной издательской разборчивости: первый русскій альманахъ, подъ названіемъ «Аониды или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній». Въ предисловіи къ «Аонидамъ» Карамзинъ такъ объясняетъ цѣль изданія «Почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ ежегодно издается собраніе новыхъ, мелкихъ стихотвореній, подъ именемъ *Календаря Музъ* (Almanach des Muses); мнѣ хотѣлось видѣть и на русскомъ нѣчто подобное, для любителей поэзіи... Надѣюсь, что публикѣ пріятно будетъ найти здѣсь вмѣстѣ почти всѣхъ нашихъ извѣстныхъ стихотворцевъ; подъ ихъ щитомъ являются на сценѣ и нѣкоторые молодые авторы, которыхъ зрѣющій талантъ достоинъ ея вниманія». И дѣйствительно, *Аониды* могли дать каждому довольно полное понятіе о положеніи и средствахъ нашей современной поэзіи: тутъ встрѣчаются, «подъ щитомъ» Державина и Хераскова, стихотворенія и Львова, и Капниста, и кн. Горчакова, и В. Пушкина, и Измайлова, и Кострова, и даже Магницкаго. Съ 1796 по 1799 вышло три книжки *Аонидъ*.

Несмотря на довольно разсѣянную свѣтскую жизнь, какую велъ Карамзинъ въ это время, стараясь забыть о тяжелой исторической эпохѣ, переживаемой нашимъ обществомъ, онъ все же продолжалъ неутомимо работать для русской литературы, постоянно придумывая новые способы для того, чтобы угодить на всѣ вкусы, удовлетворить всѣмъ потребностямъ читающей публики, распространяя въ ней много новыхъ свѣдѣній по части знакомства съ иностранными литературами, тѣмъ болѣе, что о русской литературѣ въ это время прихо-

[1]) Въ первой части Карамзинъ помѣстилъ слѣдующія статьи свои: «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона» (воспоминаніе о Петровѣ, умершемъ въ концѣ 1793 г.). «Что нужно автору?»; «Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи», «Островъ Борнгольмъ», «Письма изъ Лондона» и нѣсколько своихъ стихотвореній. Во второй части *Аглаи* видимъ опять цѣлый рядъ статей Карамзина: «Сіерра-Морена», «Аѳинская жизнь». «Переписка Филалета и Мелодора», «Дремучій лѣсъ», «Илья Муромецъ» — и продолженіе «Писемъ Русскаго Путешественника».

дилось оставить всякія попеченія. И вотъ, въ 1798 году, Карамзинъ задумываетъ издавать «Пантеонъ иностранной словесности», который, по его собственному замѣчанію, «долженъ быть ничто иное, какъ собраніе *всякаго* рода твореній и важныхъ, и не важныхъ; слѣдственно тутъ можетъ быть и сказка, и отрывокъ, и арабскій анекдотъ: иное для слога, иное для любопытства.... однимъ словомъ, родъ журнала, посвященнаго иностранной литературѣ».

Видно однакоже, что даже и объ иностранной словесности говорить въ то время было трудно; Карамзинъ жалуется въ своихъ письмахъ на то, что его дѣятельности мѣшаетъ цензура, которая, «какъ черный медвѣдь, стоитъ на дорогѣ; къ самымъ бездѣлицамъ придирается. Я, кажется и самъ могу знать, что позволено, и что не должно позволять; досадно, когда въ безгрѣшномъ находятъ грѣшное»... «Я перевелъ нѣсколько рѣчей изъ Демосѳена»; которыя могли бы украсить Пантеонъ» – пишетъ Карамзинъ въ другомъ письмѣ — «но цензоры говорятъ, Демосѳенъ былъ республиканецъ, и что такихъ авторовъ переводить не должно — и Цицерона также - и Саллустія также...» «Я, какъ авторъ, могу исчезнуть за живо» — восклицаетъ выведенный изъ терпѣнія Карамзинъ, въ третьемъ письмѣ своемъ. «Здѣшніе цензоры, при новой эдиціи *Аонидъ* поставили X на моемъ посланіи къ женщинамъ. Такая же участь ожидаетъ и «Аглаю», и «Мои бездѣлки», и «Письма Русскаго Путешественника»... и такимъ образомъ черезъ годъ не останется въ продажѣ можетъ быть ни одного изъ моихъ сочиненій...» «Если бы экономическія обстоятельства не заставили меня имѣть дѣло съ типографіею, то я, положивъ руку на олтарь Музъ, и заплакавъ горько, поклялся бы не служить имъ болѣе, ни сочиненіями, ни переводами. Странное дѣло! У насъ есть академія, университетъ, а литература подъ лавкою»...

Среди такого грустнаго настроенія, среди разныхъ непріятностей, къ которымъ присоединялись еще и нѣкоторыя сердечныя дѣла, сильно тревожившія и волновавшіе пылкаго Карамзина, окончилось съ началомъ 1801 г. царствованье Павла I, и для Россіи, вмѣстѣ со вступленіемъ на престолъ Александра I, началась новая и лучшая эпоха исторической и общественной жизни. Эта новая эпоха, вновь пробудившая Карамзина къ дѣятельности и энергіи, ознаменовалась для него новыми трудами, новыми планами и наконецъ крутымъ поворотомъ съ поприща литературнаго на поприще чисто-ученое..... Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ обзору литературной дѣятельности Карамзина въ царствованье Александра, мы должны бросить общій взглядъ на то направленіе, которое являлось преобладающимъ во всѣхъ произведеніяхъ, изданныхъ Карамзинымъ, по возвращеніи его изъ за границы, до 1801, и доставившихъ ему такую громкую извѣстность.

Карамзинъ, въ теченіе перваго періода своей дѣятельности явился въ нашей литературѣ и поэтомъ, и литераторомъ, и критикомъ, и журналистомъ. Болѣе всего важною и новою являлась его дѣятельность журнальная и критическая, которая и послужила весьма полезнымъ, поучительнымъ образцомъ для нашихъ критиковъ и публицистовъ начала нынѣшняго столѣтія. Съ этой стороны Карамзинъ въ своей литературной дѣятельности является намъ не только весьма талантливымъ, но и европейски-образованнымъ писателемъ, указавшимъ современной литературѣ новые пути, новыя задачи для разработки. Со времени появленія въ свѣтъ Карамзинскихъ журналовъ и сборниковъ, предшествовавшій имъ журнальный типъ утратилъ всякій интересъ и значеніе: даже противники Карамзина, вооружавшіеся противъ его направленія, негодовавшіе на его нововведенія въ языкѣ и слогѣ, въ тоже время, подражали ему въ составленіи программъ своихъ повременныхъ изданій. Но эта сторона дѣятельности Карамзина менѣе всего была оцѣнена современниками. Поэтическія произведенія Карамзина, не богатыя содержаніемъ, никого не способныя поразить своею нѣсколько однообразною внѣшнею формою, тоже не цѣнились высоко современниками, тѣмъ болѣе, что еще были живы поэты прославленные, безусловно-знаменитые и всѣхъ приводившіе въ восторгъ произведеніями своей вдохновенной музы. Академикъ Гротъ, справедливо замѣчая, что у Карамзина былъ поэтическій талантъ, по чувствовался недостатокъ въ воображеніи и вымыслѣ, къ этому прибавляетъ, что «стихотворенія Карамзина представляютъ намъ въ особенности историческій и біографическій интересъ, какъ лѣтопись сердечной жизни глубоко искрен-

няго человѣка;»... «всякій разъ, когда онъ выражалъ любимыя мысли свои, стихи его принимаютъ отпечатокъ одушевленія»... «Обыкновенныя темы (поэзіи Карамзина)—любовь къ природѣ, къ сельской жизни, дружба, кротость, чувствительность, меланхолія, пренебреженіе къ чинамъ и богатствамъ, мечта о безсмертіи въ потомствѣ»... Но Карамзинъ, какъ искренній и теплый поэтъ, какъ талантливый журналистъ, какъ образованный и обладавшій замѣчательнымъ вкусомъ критикъ не настолько обращалъ на себя вниманіе общества, насколько Карамзинъ беллетристъ, написавшій «бѣдную Лизу» и «Наталью боярскую дочь», и Карамзинъ-туристъ, издавшій въ свѣтъ «Письма русскаго путешественника», надолго сдѣлавшіяся кодексомъ *сентиментализма* для нѣскольких послѣдующихъ поколѣній.

Сентиментализмъ не былъ въ то время новостью въ русской литературѣ. Неслѣдуетъ забывать, что сентиментализмъ—первоначально развившійся въ Англіи (въ половинѣ прошлаго вѣка) подъ вліяніемъ Ричардсона и Стерна, а вскорѣ послѣ того нашедшій себѣ талантливыхъ представителей въ лицѣ Руссо и Гёте во Франціи и Германіи — вскорѣ проникъ и въ Россію. У насъ, съ конца восьмидесятыхъ годовъ явились нетолько переводы произведеній Ричардсона, но даже и весьма неуклюжія подражанія имъ, и вообще синтементализму посчастливилось въ такой степени, что къ нему стали сочувственно относиться люди самыхъ противуположныхъ воззрѣній и убѣжденій; достаточно будетъ припомнить здѣсь напр. то, что въ Новиковскомъ кружкѣ синтиментализмъ находилъ себѣ такихъ же горячихъ поклонниковъ, какъ и въ придворно-литературной средѣ, окружавшей Екатерину.

Сущность сентиментализма заключалась въ томъ предпочтеніи, которое приверженцами сентиментальной школы отдавалось *чувству* передъ всѣми остальными сторонами человѣческой природы. Значеніе, придаваемое чувству, было настолько велико, что самое достоинство человѣка измѣрялось только большею или меньшею степенью его чувствительности [1]). Несмотря на то, что сентиментальная школа была болѣе близка къ дѣйствительности, нежели школа ложно-классическая, несмотря на то, что она избирала характеры свои не изъ темной героической эпохи, а изъ болѣе близкой къ намъ семейной и общественной среды, представители этого новаго литературнаго направленія все же не придавали еще большаго значенія изученію и наблюденію дѣйствительности. Вслѣдствіе этого, часто сталкиваясь съ «грубою дѣйствительностью», разрушавшею сентиментальныя теоріи, приверженцы сентиментализма любили рисовать отдаленное прошлое въ украшенномъ видѣ, и въ этомъ вымышленномъ прошломъ искать идеаловъ для настоящаго и будущаго. При такомъ взглядѣ на прошлое, сентиментализмъ конечно не могъ дорожить и благами настоящаго; отсюда у многихъ представителей сентиментализма являлось небрежное отношеніе къ цивилизаціи и просвѣщенію, и у всѣхъ — совершенно ложное представленіе о дикомъ, первобытномъ состояніи человѣка (l'homme sauvage, l'état sauvage), какъ о блаженномъ и наиболѣе близкомъ къ идеалу свободы, равенства и счастія, возможнаго на землѣ. Естественнымъ слѣдствіемъ такой идеализаціи патріархальнаго быта первоначальныхъ обществъ было и то, что жизнь образованныхъ, высшихъ классовъ общества считалась гораздо менѣе близкою къ идеалу счастія, нежели жизнь «*бѣдныхъ, но честныхъ поселянъ, въ тишинѣ наслаждающихся жизнью, близкою къ природѣ*».

Всѣ эти важнѣйшія стороны сентиментализма нашли себѣ самое полное выраженіе въ трехъ произведеніяхъ средняго періода дѣятельности Карамзина — въ его «письмахъ Русскаго Путешественника», въ «бѣдной Лизѣ» и въ «Натальѣ боярской дочери». Въ «Письмахъ Русскаго Путешественника», авторъ, объѣхавшій Германію, Англію, Францію и Швейцарію, отдаетъ послѣднейизъ этихъ странъ преимущество передъ остальными тремя образованнѣйшими государствами Европы, именно потому, что Швейцарія и ея жители представляютъ, по его мнѣнію, полнѣйшее осуществленіе того идиллическаго, пастушескаго быта, который такъ близокъ къ идеалу счастья всѣхъ при-

[1]) Нельзя при этомъ упустить изъ виду, что и самое слово *чувствительный, чувствительность* не отличалось отъ слова *воспріимчивый, впечатлительный; воспріимчивость, впечатлительность.*

верженцевъ сентиметализма. Это по словамъ Карамзина, «страна живописной Натуры, земля свободы и благополучія»; жители ея, щастливые Швейцары», обязаны «всякой день, всякой часъ благодарить небо за свое щастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной Натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ и служа одному Богу»... «Вся жизнь ихъ есть конечно пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь ихъ, невозмущаемую тиранскими страстями».

Въ «бѣдной Лизѣ» Карамзинъ представилъ образецъ сентиментальной повѣсти, въ которой главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является «прекрасная тѣломъ и душою поселянка», «нѣжная, чувствительная *Лиза*». Въ нее влюбляется *Эрастъ*, «довольно богатый дворянинъ, съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, добрымъ отъ природы, но слабымъ и вѣтренымъ». Идиллическая сельская обстановка, которою Карамзинъ окружаетъ свою *поселянку Лизу*, завлекаетъ Эраста къ мечтамъ, а «красота Лизы дѣлаетъ впечатлѣніе въ его сердцѣ». Имѣя живое воображеніе, «онъ мысленно переселяется въ тѣ времена, въ которыя всѣ люди безпечно гуляли по лугамъ, купались въ чистыхъ источникахъ, цѣловались какъ горлицы, отдыхали подъ розами и миртами, и въ щастливой праздности всѣ дни свои провождали». Ему казалось, что онъ нашелъ въ Лизѣ то, что сердце его давно искало. «Натура призываетъ меня въ свои объятія, къ чистымъ своимъ радостямъ» — думалъ онъ, и рѣшился — по крайней мѣрѣ на время – оставить большой свѣтъ»... И не мудрено, потому что «всѣ блестящія забавы большаго свѣта представлялись ему ничтожными въ сравненіи съ тѣми удовольствіями, которыми *страстная дружба* невинной души питала сердце Эраста». Дружба эта между дворяниномъ Эрастомъ и поселянкой Лизой доходитъ до того, что Эрастъ даже забываетъ о сословныхъ предразсудкахъ, и увѣряетъ Лизу, что онъ можетъ быть ея мужемъ, что для него «важнѣе всего душа чувствительная, невинная душа, и Лиза будетъ всегда ближайшею къ его сердцу». Не смотря на это, онъ *невольно* обманываетъ Лизу, воспользовавшись ея невинностью въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда «мракъ вечера питалъ желанія, и никакой лучъ не могъ освѣтить заблужденія»; убѣдившись въ обманѣ, Лиза нашла, что ей нельзя жить долѣе и бросилась въ прудъ, недалеко отъ тѣхъ древнихъ дубовъ, которые, «за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были безмолвными свидѣтелями ея восторговъ».

Въ повѣсти «Наталья Боярская дочь» Карамзинъ, подъ вліяніемъ того же сентиментальнаго настроенія обращается къ русской старинѣ и въ самыхъ идиллическихъ картинахъ рисуетъ тѣ времена, когда «Русскіе были Русскими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ по своему сердцу, т. е говорили, какъ думали». Въ эту идиллическую обстановку стараго боярскаго быта, неимѣющую ничего общаго съ историческою дѣйствительностью описываемой эпохи, Карамзинъ вставляетъ еще болѣе простую и гораздо болѣе невинную, нежели въ *Бѣдной Лизѣ*, исторію любви *Натальи* къ *Алексѣю*, въ котораго Наталья влюбилась въ «одну минуту, увидѣвъ его въ первый разъ, и неслыхавъ отъ него ни одного слова». Чрезвычайно характерно то обращеніе къ читателю, въ которомъ самъ авторъ считаетъ долгомъ пояснить читателю такую странную любовь своей героини къ незнакомцу:

«Милостивые государи!» восклицаетъ Карамзинъ — «я расказываю, какъ происходило самое дѣло: не сомнѣвайтесь въ истинѣ; не сомнѣвайтесь въ силѣ того взаимнаго влеченія, которое чувствуютъ два сердца, другъ для друга сотворенныя! А кто не вѣритъ симпатіи, тотъ поди отъ насъ прочь, и не читай нашей исторіи, которая сообщается только для однѣхъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру».

Успѣхъ повѣстей и «Писемъ» Карамзинъ, по свидѣтельству современниковъ, былъ изумительный, небывалый.... Эти произведенія Карамзина не только читались всѣми, но даже заучивались наизусть, и многіе утверждаютъ, не безъ основанія, что, начиная съ появленія въ свѣтъ этихъ произведеній Карамзина, любовь къ чтенію сильно распространилась въ обществѣ, въ особенности между женщинами. Повѣсти Карамзина и «Письма Русск. Путешественника» всѣмъ нравились, какъ первые удачные опыты легкой литературы, не смотря на то, что Карамзинъ положительно не обладалъ «даромъ художествен-

наго творчества, и что въ нихъ во всѣхъ вымыселъ чрезвычайно простъ, даже бѣденъ, и нѣтъ ни характеровъ, ни національнаго колорита» [1]). Точно также и въ «Письмахъ Русскаго Путешественника», никого не поражали — невѣрное пониманіе современныхъ политическихъ событій и поверхностный, легкій взглядъ на разрѣшеніе общественныхъ вопросовъ, волновавшихъ Европу. Этого никто не искалъ и не требовалъ отъ сочиненій Карамзина. Сочиненія эти служили точнымъ и полнымъ выраженіемъ того сентиментальнаго направленія, къ которому общество было уже въ значительной степени подготовлено переводною литературою, и всѣ ставили въ огромную заслугу Карамзину его умѣнье придать нѣжному и многословному сентиментализму такую легкую, общедоступную и привлекательную форму, которая несомнѣнно дала ему возможность широко распространиться въ нашемъ обществѣ и оказать полезное вліяніе. И дѣйствительно сентиментализмъ былъ до нѣкоторой степени полезенъ нашему обществу, какъ противодѣйствіе той грубой формѣ матерьялизма, къ которой ученіе энциклопедистовъ приводило людей мало-образованныхъ и мало-развитыхъ. Но не въ этомъ, конечно, заключалась главная причина быстрыхъ успѣховъ новаго направленія, а скорѣе въ томъ особомъ отношеніи къ дѣйствительности, въ которое сентиментализмъ давалъ каждому возможность себя поставить: онъ способствовалъ примиренію съ самою непривлекательною дѣйствительностью, побуждая каждаго искать утѣшенія въ мечтахъ о прошломъ, въ жизни и дѣятельности своего собственнаго чувства, въ стремленіи къ совершенно-отвлеченнымъ, нимало не связаннымъ съ жизнью идеаламъ добра и блага. Нельзя не обратить вниманіе на то, что сентиментализмъ, по видимому, неразрывно былъ связанъ съ весьма либеральными воззрѣніями, съ восхваленіями равенства и свободы; но въ то же время онъ ограничивался весьма тѣснымъ кругомъ наблюденій въ темной и неопредѣленной области чувства и относился съ замѣчательнымъ пренебреженіемъ къ дѣйствительности, къ нуждамъ настоящаго, къ насущнымъ потребностямъ современности, среди которой, какъ нѣжное растеніе, развивалась сентиментальная литература. Вслѣдствіе этого, самые горячіе приверженцы сентиментализма, ревностно мечтавшіе о благѣ общемъ, могли въ тоже время являться людьми очень неопредѣленныхъ убѣжденій нравственныхъ и политическихъ, и даже спокойно уживаться съ порядками, совершенно противуположными ихъ убѣжденіямъ; еще чаще бывали они способны постепенно переходить къ состоянію полнѣйшаго равнодушія относительно существующаго порядка вещей, вдаваться въ мистицизмъ и ограничиваться наблюденіемъ надъ своимъ внутреннимъ міромъ, причемъ многіе совершенно довольствовались сознаніемъ своей личной правоты и добродѣтели. Далѣе увидимъ мы, что Карамзинъ, совершенно искренно преданный сентиментализму, непокидавшій этого направленія въ теченіе всей своей жизни и во всѣхъ фазахъ развитія своей литературной и ученой дѣятельности, подъ вліяніемъ современной дѣйствительности, дошелъ именно до этого нравственнаго состоянія, которое многіе старались превознести, изображая въ самомъ привлекательномъ видѣ, но которое въ сущности было только прямымъ слѣдствіемъ его увлеченій сентиментализмомъ.

Выше упоминали мы о той легкой увлекательной формѣ, въ которую Карамзинъ облекъ сентиментальное содержаніе своихъ произведеній. И. И. Дмитріевъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что всѣ были поражены новостью языка и слога его «Писемъ», «Бѣдной Лизы» и «Натальи боярской дочери». Дѣйствительно, языкъ произведеній Карамзина, по сравненію съ языкомъ предшествующей эпохи, пріятно поражаетъ своею формою и своею близостью къ обыкновенному разговорному языку образованнаго русскаго общества. Карамзинъ, придерживаясь того взгляда, что слѣдуетъ писать такъ, какъ мы говоримъ, совершенно отстранился отъ Ломоносовскаго ученія о трехъ штиляхъ или слогахъ, и этимъ уже окончательно способствовалъ отдѣленію русскаго литературнаго языка отъ церковно-славянской книжной рѣчи. Съ другой стороны, будучи близко знакомъ съ тремя важнѣйшими европейскими языками, занимаясь переводами съ нѣмецкаго, французскаго и англійскаго языка на русскій,

[1]) Замѣчаніе академика Грота. См. Юбилей Карамзина.

Карамзинъ пришелъ къ тому положительному убѣжденію, что французскій и англійскій оборотъ рѣчи гораздо болѣе свойственъ нашему литературному языку, нежели тотъ тяжелый латино-нѣмецкій оборотъ, который былъ усвоенъ ей Ломоносовымъ. Сверхъ того, при близкомъ знакомствѣ съ русскимъ языкомъ и съ языками иностранными, Карамзинъ чрезвычайно удачно усвоивалъ русскому языку отдѣльныя слова и цѣлыя выраженія иностранной литературной рѣчи, удачно выбирая соотвѣтствующія иностраннымъ русскія слова и изъ рѣчи народной, и изъ старинныхъ письменныхъ памятниковъ нашихъ. Послѣдній способъ пополненія нашей литературной рѣчи заимствованьями изъ богатаго запаса словъ и выраженій стариннаго русскаго языка доведенъ былъ Карамзинымъ до замѣчательнаго совершенства въ то время, когда онъ принялся за свой историческій трудъ. Несмотря на то, что языкъ Карамзина представлялъ собою уже весьма замѣчательную степень развитія красоты, силы и выразительности—слогъ Карамзина подвергался справедливымъ нареканіямъ со стороны его литературныхъ противниковъ. Особенно непріятно поражаетъ каждаго мѣрная періодическая рѣчь его историческаго разсказа, построенная чрезвычайно искуственно и натянуто и съ нѣкоторою симметріей украшенная дактилическими окончаніями въ концѣ предложеній. Но какъ бы кто ни старался преувеличить недостатки Карамзинскаго слога, все же нельзя не признать того, что заслуги его, по отношенію къ преобразованію и улучшенію нашего литературнаго языка чрезвычайно важны; нельзя отрицать и того, что нововведенія и улучшенія, сдѣланныя имъ въ нашемъ литературномъ языкѣ достались ему не легко и являются настолько же плодомъ личнаго таланта, насколько и плодомъ усидчиваго, долгаго и разумнаго труда, посвященнаго глубокому, сравнительному, практическому и теоретическому изученію нашего современнаго и стариннаго книжнаго языка съ одной стороны, русскаго литературнаго и иностранныхъ языковъ—съ другой. Важность Карамзинской реформы въ нашемъ языкѣ всего яснѣе опредѣляется тѣмъ яростнымъ отпоромъ, который Карамзинъ встрѣтилъ со стороны всей нашей старой литературной партіи, отстаивавшей Ломоносовскій взглядъ на составъ нашего литературнаго языка и вмѣстѣ съ нимъ слѣпое уваженіе къ формамъ, установленнымъ псевдо-классическою теоріею. Во главѣ этой партіи явился уже извѣстный намъ А. С. Шишковъ, авторъ обширнаго «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка» (1803 г.); около него сплотились и другіе, еще гораздо менѣе талантливые почитатели литературной старины и преданія. Къ этой партіи примкнула и часть современной петербургской журналистики (Крыловъ, Клушинъ, Туманскій). Впослѣдствіи, оппозиція реформамъ Карамзина, стараніями Шишкова, выразилась даже въ дѣятельности цѣлаго учено-литературнаго общества (Бесѣда любителей русскаго слова) и въ томъ изданіи, которое служило ему органомъ. Но все молодое и талантливое стало, конечно, на сторону Карамзина и начало горячо отстаивать его языкъ, слогъ и литературныя воззрѣнія; самъ Карамзинъ не вступалъ ни въ какія пренія со своими литературными противниками, и, съ замѣчательнымъ спокойствіемъ относясь къ ихъ желчной критикѣ, не отказался даже воспользоваться многими ихъ замѣчаніями, за которыми признавалъ извѣстную долю справедливости. Что же касается до молодой партіи *карамзинистовъ*, то они не удовольствовались одной литературной полемикой съ *шишковистами*: впослѣдствіи они также образовали изъ среды своей литературное общество, подъ названіемъ «*Арзамаса*», о которомъ намъ еще прійдется подробнѣе упомянуть въ главѣ XXXIV-й.

Вмѣстѣ со вступленіемъ на престолъ Императора Александра начинается новый періодъ въ жизни и дѣятельности Карамзина. Наравнѣ съ другими поэтами и Карамзинъ заплатилъ дань времени: привѣтствовалъ Александра двумя торжественными одами, изъ которыхъ одна была написана по поводу вступленія на престолъ Императора, другая—по поводу коронаціи. Въ этихъ одахъ нельзя, впрочемъ, не видѣть простаго выраженія того общаго чувства восторга и надежды, съ которыми все общество относилось къ новому и юному Государю. То, что Карамзинъ выразилъ въ этихъ двухъ одахъ, было точно также тепло и ясно, хотя и гораздо проще, выражено имъ въ двухъ строкахъ его письма къ брату. Извѣщая брата о прибытіи Александра въ Москву, онъ писалъ ему отъ 20 августа 1801 года: «Государь рас-

положенъ ко всякому добру, и мы при немъ отдохнули. Главное то, что можемъ жить спокойно». Вслѣдъ за одами явилось въ началѣ слѣдующаго года «Историческое похвальное слово Императрицѣ Екатеринѣ II», въ которомъ авторъ, давая далеко не полную и притомъ не вполнѣ вѣрную картину Екатерининскаго царствованія, останавливается только на самыхъ блестящихъ моментахъ его, особенно восхваляя либеральныя воззрѣнія «Наказа», отъ которыхъ, какъ извѣстно, сама Екатерина очень скоро отказалась и съ которыми, во многихъ случаяхъ, вовсе не согласовался ея способъ дѣйствій въ послѣдній періодъ ея царствованія. Ясно, что восхваляя либерализмъ «Наказа», Карамзинъ этимъ самымъ хотѣлъ выразить свое сочувствіе къ тому либеральному способу правленія, котораго всѣ ожидали отъ Александра, уже въ манифестѣ своемъ заявившаго, что онъ намѣренъ править по примѣру Бабки своей, Екатерины II. Но вмѣстѣ съ этимъ выраженіемъ надежды на лучшее будущее, на благодушіе и мудрость новаго Монарха, на то, что онъ не менѣе Екатерины будетъ заботиться о благѣ Россіи, о дарованіи подданнымъ правосудія и просвѣщенія, Карамзинъ, въ своемъ «Историческомъ похвальномъ словѣ Екатеринѣ», въ первый разъ обратился къ прошлому за идеалами и назиданіемъ для будущаго. Этотъ фактъ очень важенъ по отношенію къ біографіи Карамзина, потому что уже ясно указываетъ намъ на поворотъ, совершившійся въ его воззрѣніяхъ. Новое настроеніе Карамзина выразилось совершенно ясно въ томъ журналѣ, который онъ издавалъ въ 1802 году. Онъ далъ ему названіе «Вѣстника Европы», и объявилъ, что новый журналъ его «будетъ, сообразно съ его титуломъ содержать въ себѣ главныя европейскія новости *въ литературѣ и въ политикѣ*, все, что покажется намъ любопытнымъ, хорошо написаннымъ, и что выходитъ во Франціи, Англіи, Германіи и проч...».

Въ Вѣстникѣ Европы, сверхъ множества мелкихъ статей Карамзина, появлявшихся въ каждой книжкѣ этого журнала, выходившаго два раза въ мѣсяцъ, помѣщено было и нѣсколько замѣчательныхъ разсужденій Карамзина, напр. извѣстное разсужденіе его «О любви къ отечеству и народной гордости», «О счастливѣйшемъ времени жизни»; «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ» и т. д. Сверхъ того, тутъ же, въ теченіе двухъ лѣтъ изданія «Вѣстника Европы» напечатанъ былъ Карамзинымъ и цѣлый рядъ статей историческаго содержанія, которыя одинъ изъ его біографовъ довольно вѣрно назвалъ «*пробами пера*» передъ началомъ того обширнаго историческаго труда, которому посвятилъ Карамзинъ всю вторую половину своей жизни послѣ 1803 года. Въ числѣ этихъ статей нельзя не упомянуть нѣкоторыя, именно съ этой стороны заслуживающія вниманія; напр. «Историческія воспоминанія на пути къ Троицѣ», «О случаяхъ и характерахъ, въ Россійской Исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ», «О тайной канцеляріи», «О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича». Здѣсь наконецъ напечатана была и еще одна историческая повѣсть Карамзина — «Марѳа Посадница», — которая также понравилась обществу, какъ и предшествовавшіе ей беллетристическіе опыты Николая Михайловича.

Нельзя не упомянуть здѣсь объ одной важной біографической подробности: Карамзинъ принялся за изданіе «Вѣстника Европы» на 36-мъ году своей жизни, и притомъ уже женатый. Онъ женился въ Апрѣлѣ 1801 года на Елизаветѣ Ивановнѣ Протасовой, дѣвушкѣ небогатой, но которую онъ уже давно любилъ и зналъ почти съ дѣтства. Онъ не скрывалъ отъ друзей своихъ, что принимаясь за изданіе журнала, ищетъ увеличенія своихъ матерьяльныхъ средствъ; и дѣйствительно, ожиданія его сбылись: успокоенный женитьбою въ отношеніи сердечномъ, онъ вскорѣ увидѣлъ себя вполнѣ обезпеченнымъ въ матерьяльномъ отношеніи, потому что журналъ, хотя и стоилъ Карамзину большаго труда, но за то доставлялъ ему 6000 р. дохода. Карамзинъ, повидимому, былъ на верху счастія, и въ лучшей порѣ своей дѣятельности, для которой, притомъ же, только что начинавшееся царствованье открывало обширное поприще... Но Карамзинъ въ это время уже не былъ тѣмъ счастливымъ и самонадѣяннымъ юношей, котораго могла привлекать литературная знаменитость, который способенъ былъ отказаться отъ всего ради одного удовольствія, доставляемаго литературною дѣятельностью. Въ немъ очевидно совершался какой-то сильный нравственный поворотъ, какой-то переходъ отъ преж-

нихъ воззрѣній къ новымъ. Поворотъ этотъ ясно выразился, съ одной стороны, въ охлажденіи къ интересамъ исключительно-поэтическимъ и литературнымъ; съ другой — въ томъ, что вниманіе Карамзина начинаетъ болѣе и болѣе сосредоточиваться на вопросахъ историческихъ и политическихъ; съ третьей, наконецъ — въ томъ, что онъ, едва принявшись за изданіе «Вѣстника Европы», почти съ перваго же шага вступаетъ въ противорѣчіе со взглядами и мнѣніями, положенными въ основу его литературныхъ произведеній предшествующаго періода.

Однимъ изъ такихъ противорѣчій является прежде всего то мнѣніе о критикѣ, которое Карамзинъ высказываетъ уже въ самомъ объявленіи «Вѣстника Европы». Прежде онъ постоянно поддерживалъ, что критика въ литературѣ необходима, доказывалъ совершенно справедливо, что критика литературу совершенствуетъ, что Германія именно критикѣ обязана процвѣтаніемъ своей литературы — и вдругъ, въ «Вѣстникѣ Европы» встрѣчаемся съ совершенно противуположнымъ отзывомъ Карамзина о критикѣ:

«...Что принадлежитъ до критики новыхъ русскихъ книгъ» — пишетъ онъ тамъ — «то мы *не считаемъ ее истинною потребностью нашей литературы* (не говоря уже о непріятности имѣть дѣло съ безпокойнымъ самолюбіемъ людей). Въ авторствѣ полезнѣе быть судимымъ, нежели судить. *Хорошая критика есть роскошь литературы*: она рождается отъ великаго богатства; а мы еще не Крезы. Лучше прибавить что нибудь къ общему имѣнію, нежели заняться его оцѣнкою».

Такимъ же рѣзкимъ противорѣчіемъ является далѣе, во всѣхъ историческихъ статьяхъ «Вѣстника Европы» высказываемое Карамзинымъ воззрѣніе на русское историческое прошлое; нельзя не замѣтить того, что Карамзинъ начинаетъ не только съ удовольствіемъ, но даже и съ уваженіемъ относиться къ нашей старинѣ, между тѣмъ какъ до этого времени, въ качествѣ горячаго поклонника Петровской реформы, долженъ былъ относиться къ ней съ недовѣріемъ и сомнѣніемъ. Сверхъ того, всюду, гдѣ Карамзинъ касается современнаго состоянія Россіи, онъ становится въ весьма странное, почти двойственное положеніе: восхваляя новыя мѣры правительства, съ величайшимъ сочувствіемъ относясь къ гуманнымъ реформамъ и либеральнымъ замысламъ, Карамзинъ въ то же самое время, въ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ общественныхъ (въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ) становится на сторону противниковъ Александра..... Онъ подаетъ голосъ противъ освобожденія крестьянъ, наравнѣ съ людьми старыми и отжившими, съ крайними консерваторами, которымъ ненавистны были всѣ новыя мѣры правительства, которые смотрѣли на первыхъ сподвижниковъ Александра, какъ на пустыхъ вольнодумцевъ и даже сомнѣвались въ ихъ честности!.. Но это еще не все: — и въ общемъ направленіи «Вѣстника Европы» оказывается почти невозможнымъ узнать того самаго Карамзина, который, издавая «Московское Обозрѣніе», такъ сочувственно относился ко всему «чисто-человѣческому», такъ смѣялся надъ «славяномудріемъ» и такъ вѣрно замѣчалъ, восхищаясь реформой Петра, что «...все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло стать людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то — мое, ибо я человѣкъ». Напротивъ того, въ «Вѣстникѣ Европы» Карамзинъ высказываетъ уже явное желаніе выдѣлить «Россію и Россіянъ» изъ общей массы человѣчества, придать всему русскому какое-то особое, привилегированное значеніе и важность, даже преувеличить до нѣкоторой степени благосостояніе и матерьяльныя силы Россіи. Другими словами, въ общемъ направленіи «Вѣстника Европы» уже весьма замѣтно начинаетъ проявляться тотъ неумѣренный патріотизмъ, который, овладѣвъ нѣкоторою частью нашего общества въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и и способствуя развитію въ ней слишкомъ высокаго мнѣнія о Россіи и Русскихъ, вселяя въ нее даже нетерпимость и пренебреженіе ко всему иноземному, — много способствовалъ замедленію прогресса въ нашемъ обществѣ.

Независимо отъ всего этого, нельзя конечно не признать, что «Вѣстникъ Европы» былъ для своего времени (1802 — 1803 гг.) явленіемъ весьма замѣчательнымъ и, во многихъ отношеніяхъ послужилъ образцомъ для нашей позднѣйшей журналистики. Но едва ли можно согласиться съ тѣми изъ біографовъ Карамзина, которые въ «Вѣстникѣ Ев-

ропы» видятъ нѣчто болѣе зрѣлое, болѣе заслуживающее вниманіе и болѣе имѣющее значеніе въ историко-литературномъ отношеніи, нежели вся предшествующая журнальная и литературная дѣятельность Карамзина. Карамзинъ и до этого времени является намъ уже талантливымъ журналистомъ и литераторомъ, образованнымъ критикомъ и даже поэтомъ, имѣющимъ нѣкоторыя несомнѣнныя достоинства. Нельзя отрицать того, что сентиментальное направленіе нашей литературы конца прошлаго столѣтія нашло себѣ въ Карамзинѣ весьма замѣчательнаго представителя. Но когда тотъ же Карамзинъ—подъ вліяніемъ совершившагося въ немъ поворота, или, можетъ быть, подъ вліяніемъ новой эпохи, переживаемой обществомъ — охладѣлъ къ литературѣ и поэзіи, къ искусству и къ философскимъ теоріямъ, и, съ почвы общихъ вопросовъ, изъ области туманныхъ воззрѣній и ощущеній, вдругъ перешелъ на почву вопросовъ общественныхъ и политическихъ... мы не думаемъ, чтобы его литературная и журнальная дѣятельность вслѣдствіе этого могла выиграть по отношенію къ достоинству и значенію своему. И дѣйствительно: литературный отдѣлъ Вѣстника Европы, не смотря на участіе въ немъ Дмитріева, Державина, Нелединскаго-Мелецкаго и Жуковскаго представляетъ менѣе интереса, нежели тотъ же отдѣлъ въ Московскомъ журналѣ; переводный отдѣлъ — чрезвычайно слабъ и не отличается ни выборомъ, ни изяществомъ передачи, критики — нѣтъ..... Остается затѣмъ отдѣлъ политическій, подраздѣлявшійся на общее обозрѣніе и на извѣстія и замѣчанія. Но въ этомъ отдѣлѣ, не смотря даже и на замѣтную перемѣну во многихъ воззрѣніяхъ, во многихъ взглядахъ и мнѣніяхъ, Карамзинъ является намъ такимъ же утопистомъ и мечтателемъ, такимъ же горячимъ приверженцемъ сентиментализма, какимъ является онъ и во всей предшествующей своей литературной и журнальной дѣятельности. И нельзя не сознаться, что сентиментализмъ, мечтательность и наклонность къ идеализаціи — эти три коренныя свойства Карамзина, какъ писателя — оказывались гораздо болѣе умѣстными въ примѣненіи къ общимъ вопросамъ искусства и литературы, нежели къ вопросамъ общественнымъ и политическимъ, для которыхъ быстрое и критическое разрѣшеніе начинало становиться насущною потребностью. А между тѣмъ все, что говоритъ по отношенію къ этимъ вопросамъ Карамзинъ, принадлежитъ положительно къ области сентиментальныхъ мечтаній, и нейдетъ далѣе общихъ разсужденій о морали и добродѣтели. Такъ напримѣръ, разсуждая о крестьянскомъ вопросѣ, Карамзинъ представляетъ слѣдующимъ образомъ современное ему положеніе крестьянъ и ихъ отношеній къ господамъ. «Просвѣщеніе истребляетъ злоупотребленіе господской власти, которая и по самымъ нашимъ законамъ не есть тиранская и неограниченная»... «Россійскій дворянинъ даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдствіяхъ случая и натуры: вотъ его обязанности! За то онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлѣ: — вотъ его право!»... «Съ нѣкотораго времени хлѣбопашество во всѣхъ губерніяхъ приходитъ въ лучшее состояніе: отъ чего же? отъ старанія помѣщиковъ; плоды ихъ экономіи, ихъ смотрѣнія, надѣляютъ изобиліемъ рынки столицъ». Вслѣдъ за тѣмъ, разсуждая о томъ, что хлѣбопашество и общее благосостояніе крестьянъ, значительно ухудшилось бы, если бы крестьяне были выпущены на волю съ землею и посажены на оброкъ, «по совѣту иностранныхъ филантроповъ», Карамзинъ къ этому разсужденію прибавляетъ, что эта система «мудрыхъ французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ головъ», была бы хороша, если бы мы, «принявъ ее, могли заснуть съ Эпименидомъ по крайней мѣрѣ на цѣлый вѣкъ; *но всякій изъ насъ хочетъ жить хорошо, спокойно и счастливо нынѣ*, завтра и такъ далѣе. Время подвинетъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: бѣда законодателю облетѣть его! Мудрый идетъ шагъ за шагомъ, и смотритъ вокругъ себя. Богъ видитъ, люблю-ли я человѣчество и народъ Русскій; имѣю-ли предразсудки, обожаю-ли гнусный идолъ корысти, но для истиннаго благополучія земледѣльцевъ нашихъ желаю *единственно того*, чтобы они имѣли добрыхъ господъ и средство просвѣщенія, которое одно, одно сдѣлаетъ хорошее возможнымъ». И послѣ этой програмы дѣйствій, начертанной для крестьянъ и ихъ отношенія къ помѣщикамъ, какъ руководителямъ, обязаннымъ заботиться о ихъ благѣ и

просвѣщенія, въ томъ же «Вѣстникѣ Европы» встрѣчаемъ другую программу дѣйствій для богатыхъ представителей дворянства, т. е. для помѣщиковъ, которая, по наставленіямъ, заключающимся въ ней, указываетъ на то, что помѣщики едва-ли были способны къ выполненію роли, предназначенной имъ Карамзинымъ.

«Россія» — говоритъ онъ, обращаясь къ помѣщикамъ — «требуетъ отъ васъ *одной* разсудительности, честности, *однихъ* гражданскихъ и семейственныхъ добродѣтелей, требуетъ, чтобы вы заставляли иностранцевъ удивляться не мотовству своему, а порядку въ вашихъ имѣніяхъ и домахъ: вотъ дѣйствіе истиннаго просвѣщенія! Я послалъ бы всѣхъ роскошныхъ людей на нѣсколько времени въ деревню, быть свидѣтелями трудныхъ сельскихъ работъ, и видѣть, чего стоитъ каждый рубль крестьянину: это могло бы излечить нѣкоторыхъ отъ суетной расточительности, платящей 100 рублей за ананасъ для десерта. «Но богатствомъ должно пользоваться?» Безъ сомнѣнія. Во первыхъ заплатите долги свои; во вторыхъ, приведите крестьянъ вашихъ *если можно* въ лучшее состояніе; а потомъ оставьте отечеству памятники вашей жизни. Сдѣлайте *что-нибудь* долговременное и полезное; учредите школу, госпиталь; будьте отцами бѣдныхъ, и превратите въ нихъ чувство зависти въ чувство любви и благодарности; ободряйте земледѣліе, торговлю, промышленность; способствуйте удобному сообщенію людей въ государствѣ: пусть этотъ новый каналъ, соединяющій двѣ рѣки, и сей каменный мостъ, благодѣяніе для проѣзжихъ, называется вашимъ именемъ! Тогда иностранецъ, видя столь мудрое употребленіе богатства, скажетъ: «Россіяне умѣютъ пользоваться жизнію и наслаждаться богатствомъ!»

Подъ конецъ втораго года журнальная дѣятельность стала однакоже тяготить Карамзина, который даже и задолго до этого времени, еще въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, уже начиналъ выказывать нѣкоторую наклонность къ переходу отъ литературныхъ занятій къ чисто-научнымъ.

Уже въ 1793 г., заканчивая изданіе «Московскаго журнала», Карамзинъ высказывалъ о своихъ будущихъ литературныхъ трудахъ и предпріятіяхъ слѣдующее:

... «Буду учиться, буду пользоваться сокровищами древности, чтобы послѣ приняться за такой трудъ, который могъ бы остаться памятникомъ души и сердца моего, если не для потомства (о чемъ и думать не смѣю), то по крайней мѣрѣ для малочисленныхъ друзей моихъ и пріятелей». Въ записной книжкѣ Карамзина, іюнѣ 1797 года также есть замѣтка, прямо указывающая на его намѣренье посвятить себя занятіямъ историческимъ. Эти занятія исторіею всеобщею, это чтеніе Гиббона и Робертсона, и въ особенности знакомство съ древними авторами, мало по малу навели его на мысль сосредоточить все вниманіе свое на занятіяхъ исторіею отечественною. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Дмитріеву, въ маѣ 1800 года, Карамзинъ уже пишетъ ему: «я по уши влѣзъ въ Русскую Исторію: сплю и вижу Никона съ Несторомъ». Въ «Вѣстникѣ Европы» уже ясно высказалось желаніе Карамзина перейти на поприще дѣятельности ученой: литературѣ дано было въ журналѣ положеніе второстепенное, а политикѣ и наукѣ отведено главное мѣсто. Мы уже видѣли тамъ «пробы пера» будущаго историка. Въ іюнѣ 1803 года, Карамзинъ, въ письмѣ къ брату уже прямо говоритъ о своемъ намѣреньи писать русскую исторію: «Мнѣ хочется до того времени выдавать журналъ, пока будетъ у меня столько денегъ, чтобы жить безъ нужды, а тамъ хотѣлось бы мнѣ приняться за трудъ важнѣйшій — за Русскую Исторію, чтобы оставить по себѣ отечеству недурной монументъ. Но все зависитъ отъ Провидѣнія. Будущее не наше». Горячее желаніе поскорѣе посвятить себѣ выполненіе своей громадной задачи заставило Карамзина иначе смотрѣть на это дѣло и не дозволило ему дожидаться того, чтобы доходъ съ журнала, хотя и весьма значительный по тому времени (6000 р. сер.), доставилъ ему возможность «жить безъ нужды и приняться за трудъ важнѣйшій». Карамзинъ рѣшился оставить дѣятельность журнальную и просить у правительства помощи въ томъ обширномъ трудѣ, которому онъ съ такимъ самоотверженіемъ готовъ былъ посвятить все остальное время своей жизни. 28 сентября 1803, послѣ бесѣды съ другомъ своимъ И. И. Дмитріевымъ, поддержавшимъ Карамзина въ его намѣреньи, Карамзинъ наконецъ рѣшился написать письмо къ товарищу министра народнаго просвѣщенія,

М. Н. Муравьеву, воспитателю Императора Александра, извѣстному покровителю просвѣщенія, постоянно изъявлявшаго расположеніе къ его литературной дѣятельности. Письмо написано твердо и съ глубокимъ сознаніемъ своего достоинства. Карамзинъ заявляетъ о томъ, что «онъ можетъ и хочетъ писать исторію»... «не варварскую и не постыдную для царствованья Александра», и въ видѣ помощи отъ правительства проситъ только того, чтобы при назначеніи его исторіографомъ онъ былъ обезпеченъ хотя профессорскимъ жалованьемъ. «Смѣю думать», пишетъ Карамзинъ — «что я трудомъ своимъ заслужилъ бы профессорское жалованье, которое предлагали мнѣ Дерптскіе кураторы, но вмѣстѣ съ должностію, неблагопріятною для таланта [1])». Черезъ мѣсяцъ послѣ отправленія письма, 31 октября того же 1803 года, состоялся Высочайшій указъ Кабинету, въ которомъ значилось между прочимъ,... «такъ какъ извѣстный писатель, московскаго университета почетный членъ, Николай Карамзинъ, изъявилъ намъ желаніе посвятить труды свои сочиненію полной Исторіи отечества нашего, то Мы, желая ободрить его въ столь похвальномъ предпріятіи, Всемилостивѣйше повелѣваемъ производить ему, въ качествѣ Исторіографа, по двѣ тысячи рублей ежегоднаго пенсіона изъ кабинета нашего». Вскорѣ послѣ того, другимъ указомъ, разрѣшенъ былъ Карамзину доступъ во всѣ архивы и даны ему были всѣ способы къ изученію рукописныхъ матерьяловъ древнѣйшаго періода нашей исторіи.

Такимъ образомъ, концомъ 1803 года, вмѣстѣ съ послѣднею книжкою «Вѣстника Европы», заканчивается собственно-журнальная и литературная дѣятельность Карамзина. Весь послѣдній, почти 25-ти лѣтній, періодъ его дѣятельности принадлежитъ уже не литературѣ, а наукѣ, а потому мы и не думаемъ разсматривать его здѣсь на столько же подробно, насколько подробно разсматривали мы его дѣятельность до 1803 г. Нельзя однакоже не сообщить важнѣйшихъ подробностей этого періода жизни Карамзина, тѣмъ болѣе, что она богата такими эпизодами, которые настолько замѣчательны, что могутъ быть названы единственными въ своемъ родѣ. Кромѣ того, въ теченіе этого послѣдняго періода жизни, тотъ нравственный поворотъ въ убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ Николая Михайловича, который замѣтно сталъ проявляться уже съ конца 90-хъ годовъ, сначала въ охлажденіи къ литературѣ, потомъ въ направленіи «Вѣстника Европы» и наконецъ въ переходѣ на чисто-ученое поприще—этотъ поворотъ постепенно привелъ Карамзина къ такимъ радикальнымъ измѣненіямъ во взглядахъ и мнѣніяхъ, которыя многихъ поразили и многихъ заставили отшатнуться отъ Карамзина, такъ какъ незамѣтно совершившаяся въ немъ перемѣна нравственная, въ глазахъ многихъ, бросала неблагопріятную тѣнь на безъукоризненно-чистую и честную личность исторіографа. Чтобы нѣсколько освѣтить и пояснить эту рѣзкую перемѣну во взглядахъ Карамзина, необходимо прослѣдить факты его біографіи послѣ 1803 года.

Выше упоминали мы о первой женитьбѣ Николая Михайловича. Первая супруга его, нѣжно-любимая имъ, жила съ нимъ очень недолго, — не болѣе года. Карамзинъ овдовѣлъ и на рукахъ его осталась маленькая дочь, на которой онъ сосредоточилъ всю свою нѣжность и вниманіе. Но постоянныя, срочныя работы по журналу, а потомъ тяжкіе труды по должности исторіографа, отнимавшіе у него всякую возможность слѣдить за воспитаніемъ дочери, вынудили его къ вступленію во второй бракъ: въ началѣ 1804 года онъ женился на Екатеринѣ Ивановнѣ Вяземской, сестрѣ извѣстнаго нашего поэта. Погрузившись совершенно въ разработку историческаго матерьяла, проводя зимы въ Москвѣ, а лѣто въ подмосковной тестя своего князя Вяземскаго — знаменитомъ селѣ *Остафьевѣ* (близъ Подольска) — Карамзинъ на нѣсколько лѣтъ почти удалился отъ міра. Небольшой кружокъ избранныхъ, близкихъ и давнихъ друзей, семья, переписка съ учеными и неутомимая, кропотливая, тяжелая работа надъ сырымъ матерьяломъ — вотъ въ чемъ заключалась въ то время вся жизнь Карамзина. Мы не станемъ здѣсь упоминать

[1]) Предложеніе принять профессорскую каѳедру было сдѣлано Карамзину дерптскимъ университетомъ въ мартѣ 1802 г. Другое подобное предложеніе получено было Карамзинымъ отъ харьковскаго университета, когда уже онъ былъ назначенъ исторіографомъ.

о томъ, сколько трудностей и какихъ именно пришлось преодолѣвать Карамзину при исполненіи его обширной задачи; объ этомъ ужъ такъ много было говорено и писано, что мы прямо отсылаемъ читателей, интересующихся историческимъ трудомъ Карамзина, къ книгѣ г. Погодина [1]), въ которой подробно изложенъ весь ходъ работы Николая Михайловича надъ историческимъ матерьяломъ. Не мѣшаетъ однакоже замѣтить здѣсь, что приступая къ выполненію своей задачи, Карамзинъ даже и не въ состояніи былъ составить себѣ хоть какое нибудь представленіе о громадности этого труда. Это видно уже изъ того, что онъ самъ писалъ къ Муравьеву, едва принявшись за свой трудъ: «въ пять-шесть лѣтъ» — пишетъ онъ — «я надѣюсь дойти до Романовыхъ, а прежде я не намѣренъ ничего печатать». А между тѣмъ проработалъ почти двадцать пять лѣтъ и недовелъ своей исторіи до воцаренія дома Романовыхъ, не смотря на безпримѣрную усидчивость и добросовѣстное трудолюбіе. Одинъ изъ его біографовъ замѣчаетъ, что приступая къ занятіямъ исторіею, Карамзинъ «о дѣлѣ Исторіи, особенно въ отношеніи къ приготовительнымъ, историческимъ работамъ, имѣлъ понятія очень поверхностныя; классическаго образованія онъ не получилъ и даже собственно ученой подготовки у него не было. Онъ хотѣлъ прежде всего сочинить занимательную книгу для чтенія; онъ хотѣлъ развернуть пріятную, поразительную картину передъ взорами своихъ читателей; распространить въ обществѣ, въ народѣ, историческія свѣдѣнія, доступныя прежде только для немногихъ. Учености у него не было въ виду. Онъ надѣялся управиться при одномъ здравомъ смыслѣ, живости воображенія, при талантѣ краснорѣчія». Но добросовѣстное отношеніе къ дѣлу изслѣдованья, -- когда Карамзинъ лицомъ къ лицу сошелся съ задачей своей въ самомъ ея исполненіи, — измѣнили совершенно направленіе его труда, вынудивъ его самаго «сдѣлаться строгимъ критикомъ, многостороннимъ ученымъ». Незамѣтно для него самого страшно разростался его трудъ, и въ Сентябрѣ 1809 года, послѣ 6 лѣтъ неутомимой работы, Карамзинъ писалъ Дмитріеву: «Въ нынѣшній годъ почти совсѣмъ не подвинулся впередъ, описалъ только княженіе Василія Дмитріевича, сына Донскаго».

Нельзя однакоже упустить изъ виду того, что между тѣмъ какъ неутомимый труженикъ болѣе и болѣе углублялся въ изученіе отдаленнаго прошлаго Россіи, въ мракъ давно-минувшихъ вѣковъ, онъ, весьма естественно, все болѣе и болѣе начиналъ удаляться отъ настоящаго, отставать отъ современности, происходившей предъ глазами его, даже терять изъ виду нить, связывавшую между собою событія и относиться съ брюзгливымъ неудовольствіемъ къ тому, что происходило въ то время передъ его глазами въ Россіи и за границей... Эпоха реформъ, переживаемая Россіею, была дѣйствительно не совсѣмъ легкою для общества и для народа, а внѣшней политикой нашей, послѣ сближенія Александра съ Наполеономъ, многіе Русскіе патріоты имѣли дѣйствительно право быть недовольными..... Но изъ этого еще конечно не слѣдовало, чтобы реформы и движеніе, во главѣ котораго стоялъ геніальный Сперанскій, были вредны или не нужны для Россіи, и чтобы тяжкое прошлое, пережитое Россіею до начала XVIII вѣка было лучше того настоящаго, которое приходилось ей переживать въ первые годы царствованія Александра. Между тѣмъ, Карамзинъ, подъ вліяніемъ давно уже начавшагося въ немъ нравственнаго поворота, давно уже недовольный настоящимъ, и притомъ, по свойственной ему сентиментальности, склонный идеализировать прошлое, рѣшился въ этомъ прошломъ искать идеаловъ для настоящаго и будущаго Россіи... Одинъ изъ біографовъ Карамзина ставитъ ему это въ особенную заслугу и даже рѣшается провести такую странную параллель между Карамзинымъ и Сперанскимъ:

«Сперанскій... увидѣлъ французское законодательство, какъ Петръ I — Европу, очаровался, началъ преобразовывать. Карамзинъ, пройдя (при изученіи исторіи) тысячу лѣтъ безпримѣрнаго въ Европейскихъ лѣтописяхъ Русскаго терпѣнія, и не находя по опыту ничего лучше, полезнѣе этого терпѣнія, не видя въ современномъ положеніи Русскаго общества другихъ обезпеченій

[1]) М. П. Погодинъ. Н. М. Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ. Часть II, гл. VII.

успѣха, боялся ступить шагу не по столбовой дорогѣ; а Сперанскій готовъ былъ по проселкамъ мчаться хоть на тройкѣ съ колокольчикомъ [1])».

Но вопреки этому странному сравненію и похваламъ, которыя почтенный біографъ расточаетъ Карамзину за его идеализацію русской старины и за его консерватизмъ, мы замѣтимъ однакоже, что и этотъ консерватизмъ, и эта идеализація прошлаго были также не болѣе, какъ однимъ изъ послѣднихъ увлеченій Карамзина, и притомъ еще увлеченій, не вполнѣ рекомендующихъ критическій тактъ его, какъ ученаго и какъ историка. Для насъ совершенно ясною, почти очевидною, кажется связь и этого послѣдняго увлеченія съ его давнею наклонностью къ сентиментализму, который непріязненно относился къ грубой дѣйствительности (потому что о неё разбивались его мечтанія) и съ любовью, съ пристрастіемъ обращался къ отдаленному прошлому, которое такъ легко поддавалось всякой идеализаціи и всякимъ теоріямъ, въ связи съ отвлеченною моралью, добродѣтелью и общимъ благомъ. И вотъ, подъ вліяніемъ этого-то послѣдняго увлеченія, Карамзинъ при изученіи Русской исторіи, пораженный апатическою неподвижностью древней Руси въ теченіе многихъ вѣковъ, принялъ эту неподвижность за основной законъ, руководящій судьбами русскаго народа... На основаніи такого страннаго взгляда, Карамзинъ создалъ себѣ какую-то странную теорію историческаго терпѣнія и постепенности, сталъ еще въ Вѣстникѣ Европы доказывать, что законодатель очень дурно дѣлаетъ, если «облетаетъ время», и наконецъ до такой степени поддался своему взгляду, что даже и реформу Петра, нѣкогда приводившую его въ восторгъ, отвергнулъ какъ ненужную и вредную, какъ нарушившую правильное и мирное теченіе русской исторіи. И дѣйствительно, вооружаясь противъ реформы Александра, нельзя было оправдывать реформу Петра; открывъ новый законъ исторической постепенности и терпѣнія, приходилось поневолѣ отрицать все, хотя сколько нибудь похожее на реформу, какъ бы оно въ сущности ни было полезно для русской жизни. Результатомъ новой теоріи Карамзина была извѣстная его «Записка о древней и новой Россіи», поданная въ 1811 году Императору Александру въ Твери, черезъ сестру его Великую Княгиню Екатерину Павловну, по просьбѣ которой, собственно говоря, и составлена была «Записка», такъ какъ ей чрезвычайно понравилась основная мысль ея, изложенная Карамзинымъ въ одной изъ предшествовавшихъ бесѣдъ съ Великою Княгинею (въ Декабрѣ 1810 г.). Мы твердо увѣрены въ томъ, что Карамзинъ въ «Запискѣ» выражалъ только лично ему принадлежавшее мнѣніе, и нимало не хотѣлъ быть выразителемъ мнѣнія консервативной партіи, недовольной реформами Александра и Сперанскаго; однакоже «Записка о древней и новой Россіи», представленная Карамзинымъ Императору, повидимому, была принята именно какъ выраженіе огромнаго большинства недовольныхъ: Императоръ сначала разсердился было на Карамзина, «но вскорѣ послѣ того явно охладѣлъ и къ Сперанскому» [2]).

Между тѣмъ наступила во многихъ отношеніяхъ знаменательная для Россіи эпоха 1812 года, которая въ жизни Карамзина отозвалась многими тяжкими потерями и лишеніями. Не говоря уже о томъ, что онъ наравнѣ со всѣми пострадалъ отъ нашествія французовъ матерьяльно (подмосковная его жены была раззорена и состояніе его, довольно изрядное, сильно поколебалось), ему пришлось и въ семьѣ своей, и въ трудѣ своемъ понести невозвратимыя потери. Двое старшихъ дѣтей его, около этого времени умерли отъ скарлатины, и великолѣпная библіотека его, которую, по его собственнымъ словамъ, онъ собиралъ «цѣлую четверть вѣка», сгорѣла въ Московскомъ пожарѣ. Уцѣлѣли только рукописи да полный списокъ его Исторіи въ двухъ экземплярахъ: «Камоэнсъ спасъ свою Лузіаду»—такъ писалъ Карамзинъ Дмитріеву о своей Исторіи. «Мы богаты прискорбіями»..... «Мысль, что будетъ? тревожитъ сердце. Толкаю себя въ правый и лѣвый бокъ, чтобы чаще взглядывать на небо; но суетная земля еще крѣпко удерживаетъ свои права на мою слабую душу. Желаю работать: только не имѣю всего, что надобно» — такъ пишетъ Карамзинъ въ февралѣ 1813 г. къ друзьямъ

[1]) Погодинъ. См. выше II, 83. [2]) Погодинъ. Тамъ же, II, 82.

своимъ изъ Ярославля, гдѣ онъ съ семействомъ своимъ вынужденъ былъ укрыться отъ нашествія. Однакоже никакія утраты не могли поколебать его трудолюбія и желанія поскорѣе окончить свой громадный трудъ. Лѣтомъ 1813 года онъ опять уже трудился въ своемъ Остафьевѣ надъ своей Исторіей, а къ концу того же года уже писалъ А. И. Тургеневу, ревностнѣйшему изъ своихъ друзей-помощниковъ: «Мы наконецъ совсѣмъ переѣхали въ жалкую и безобразную Москву, гдѣ все теперь неудобно и дорого». Тамъ, на пепелищѣ Москвы и въ своей раззоренной подмосковной, Карамзинъ оканчивалъ исторію древнѣйшаго періода Россіи, до начала XVI в. Въ Іюлѣ 1815 г. онъ писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «...Если Богъ дастъ намъ миръ, и будемъ здоровы, то зимою опять начну помышлять о Петербургѣ, чтобы издать свою Исторію, и тѣмъ доставить себѣ возможность къ воспитанію дѣтей и къ заплатѣ долга, если Богъ поможетъ. Дописываю осьмой томъ, содержащій въ себѣ завоеваніе Казани и Астрахани, а въ девятомъ надобно описывать злодѣйства Царя Ивана Васильевича. Помышлять о поѣздкѣ въ Петербургъ Карамзинъ началъ уже за два года до того времени; его привлекали туда не только удобства жизни и занятій, которыя могъ представить въ то время Петербургъ жителю Москвы, едва возникавшей изъ развалинъ; но также и тѣ милостивыя, почти дружескія приглашенія Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая въ цѣломъ рядѣ писемъ побуждала исторіографа поскорѣе переселиться въ Петербургъ, предлагая готовое помѣщеніе ему въ Павловскѣ, въ Царскомъ Селѣ или въ Гатчинѣ. Императрица, при этомъ не разъ выражала Карамзину желаніе, чтобы онъ поскорѣе перешелъ къ описанію новѣйшаго «достопамятнѣйшаго времени, превосходящаго всѣ прошедшія чудесными происшествіями». Однакожь, поѣздка въ Петербургъ нѣсколько и пугала Карамзина: онъ ѣхалъ туда печатать свою Исторію, и не зналъ какъ встрѣтитъ его Императоръ, нѣкоторое время гнѣвавшійся на Карамзина за его «Записку о старой и новой Россіи». А между тѣмъ отъ воли Императора зависѣла и участь труда Карамзинскаго, и все будущее его семейства... Къ тому же, тогда наступило время извѣстной реакціи, періодъ реформъ миновалъ уже и смѣнился другимъ, въ теченіе котораго въ значительной степени начинали сбываться тѣ идеалы, о которыхъ мечталъ Карамзинъ въ своей «Запискѣ» и на которыя онъ указывалъ Александру какъ на образцы, достойныя подражанія. Но, въ теоріи, эти идеалы, вѣроятно, были гораздо привлекательнѣе, нежели на практикѣ, потому что самъ Карамзинъ, сбираясь въ Петербургъ (въ Январѣ 1816), сталъ высказывать нѣкоторыя опасенія на счетъ того, что онъ можетъ въ Петербургъ *съѣздить и возвратиться ни съ чѣмъ?...* «Говорятъ, что у насъ теперь только одинъ вельможа: графъ Аракчеевъ. Богъ съ нимъ и со всѣми! Не будетъ ничего безъ воли Провидѣнія».

2-го Февр. 1816 года, Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ и привезъ съ собою восемь томовъ своей исторіи, къ которой передъ отъѣздомъ изъ Москвы написалъ предисловіе и посвятительное письмо. Съ самаго пріѣзда въ Петербургъ начался для Карамзина тяжелый рядъ разочарованій; памятникомъ ихъ остался для потомства цѣлый рядъ писемъ, которыя слишкомъ ясно указываютъ намъ, какія горькія минуты жизни онъ переживалъ въ то время въ Петербургѣ.

Обласканный обѣими Императрицами, Великими Князьями и Великими Княгинями, которымъ давно уже былъ знакомъ не только самъ Карамзинъ, но и супруга его, встрѣчаемый во всѣхъ обществахъ съ понятнымъ восторгомъ, исторіографъ неудостоивался вниманія только самаго Императора. Императоръ нѣсколько разъ приказывалъ ему передать, что онъ вскорѣ позоветъ его къ себѣ, но свиданіе это откладывалось и отсрочивалось подъ разными предлогами до тѣхъ поръ, пока Карамзинъ не догадался о настоящемъ препятствіи къ свиданію его съ Александромъ. Препятствіе это заключалось въ томъ, что Карамзинъ, принятый во всѣхъ лучшихъ обществахъ, во всѣхъ кружкахъ, не былъ съ визитомъ у всесильнаго графа Аракчеева. Напрасно съ разныхъ сторонъ и его пріятели, и кліенты графа Аракчеева давали ему понять, что безъ визита къ графу дѣло не обойдется; Карамзинъ совершенно вѣрно замѣчалъ на это, что онъ съ графомъ не знакомъ и къ незнакомымъ людямъ съ визитомъ не

ѣздить. Въ письмѣ къ женѣ своей онъ прямо говоритъ, намекая на этотъ вопросъ: «не хочу презирать себя...» «не сдѣлаю ничего непристойнаго...» И видно, что ему очень тяжело было снести свое фальшивое положеніе, потому что въ одномъ изъ писемъ къ женѣ (отъ 11 Февр.) онъ говоритъ: «отъ Государя ни слова..... что будетъ далѣе не знаю; но знаю, что 10 Марта (если не прежде) возьму подорожную, чтобы ѣхать къ вамъ назадъ и болѣе не заглядывать въ Петербургъ, хотя не могу довольно нахвалиться ласками здѣшнихъ господъ и пріятелей». Но послѣ этого письма прошло еще двѣ недѣли — Государь непринималъ Карамзина. Между тѣмъ отношенія Аракчеева къ Карамзину становились баснею всего города и доходили даже до комическихъ недоразумѣній, какъ видно напримѣръ изъ слѣдующаго письма Карамзина къ женѣ:

«...Скажу тебѣ нѣсколько словъ о *вельможѣ* (т. е. о гр. Аракчеевѣ): вчера входитъ ко мнѣ ординарецъ его, съ запискою отъ адъютанта, что графъ ждетъ меня въ 6 часовъ вечера. Догадываюсь и отвѣчаю, что не я, а братъ мой Өедоръ, старинный сослуживецъ графа, былъ у него наканунѣ, не имѣвъ счастія видѣть его. Адъютантъ извиняется весьма учтиво и пишетъ, что онъ дѣйствительно ошибся, и что графъ ждетъ брата. Братъ является, и графъ съ низкимъ поклономъ говоритъ ему: «радуюсь случаю познакомиться съ такимъ *ученымъ* человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что я былъ нѣкогда пріятелемъ вашего брата». Өедоръ Михайловичъ отвѣчаетъ: «Ваше Сіятельство! я не Исторіографъ, а самый вашъ старинный знакомецъ!» Слѣдуютъ объятія, ласки. Открылось, что графъ ждалъ Исторіографа, узнавъ, что пріѣзжалъ къ нему Карамзинъ. Но могъ ли *я*, *имѣя извѣстный тебѣ характеръ*, ѣхать къ незнакомому мнѣ *фавориту?* Это было бы нахально и глупо съ моей стороны».

А время между тѣмъ все шло да шло; и послѣ этого эпизода вскорѣ минуло почти двѣ недѣли — а положеніе Карамзина не измѣнялось. Напрасно бодрился онъ, напрасно старался въ письмахъ къ женѣ показать себя равнодушнымъ и спокойнымъ, даже хвалился мужествомъ, говоря женѣ своей: «видишь, что мужъ твой Гуронъ: — не поѣхалъ къ графу Аракчееву.... не воспользовался его благорасположеніемъ...» До него стали между тѣмъ доходить слухи самаго непріятнаго свойства; такъ напримѣръ, подъ рукою стали говорить, что казна ни въ какомъ случаѣ не отпуститъ на печатаніе его Исторіи тѣхъ 60,000 р., которыя по его соображеніямъ были такъ необходимы... Нѣсколько времени Карамзинъ еще держался своего независимаго положенія и думалъ устоять противъ гнетущей силы обстоятельствъ. Еще 2-го Марта онъ писалъ женѣ: «...если не удостоютъ меня *лицезрѣнія*, то надобно забыть Петербургъ: докажемъ, что и въ Россіи есть благородная и Богу не противная гордость, продадимъ деревню и станемъ вѣкъ доживать въ Москвѣ».... Но вотъ настало и 10 Марта, которое такъ рѣшительно назначилъ Карамзинъ днемъ своего отъѣзда изъ Петербурга — и онъ все же не былъ допущенъ до Государя. А между тѣмъ ему еще разъ передали подъ рукою, что графъ Аракчеевъ желаетъ съ нимъ видѣться, и говоритъ: «Карамзинъ, видно, не хочетъ моего знакомства: пріѣхалъ сюда и не забросилъ даже ко мнѣ карточки!» И Карамзинъ поколебался — *отвезъ наконецъ карточку къ графу*, а на третій день удостоенъ былъ отъ него приглашеніемъ. Непріятно и странно читать отчетъ Карамзина объ этомъ визитѣ въ письмѣ къ женѣ; каждаго поражаетъ невольно рѣзкая перемѣна тона въ отзывахъ объ Аракчеевѣ и видимое желаніе какъ будто извинить, оправдать вынужденный шагъ свой. «Я нашелъ въ немъ» — пишетъ Карамзинъ объ Аракчеевѣ — «человѣка съ умомъ и *съ хорошими правилами*. Вотъ его слова: «учителемъ моимъ былъ дьячекъ: мудрено-ли, что я мало знаю? Мое дѣло исполнять волю Государеву. Еслибы я былъ моложе, то сталъ бы у васъ учиться: теперь уже поздно». Не думай, милая, что это насмѣшка; нѣтъ, *онъ хорошо трактовалъ меня*, и сказанное мною не могло подать ему повода къ такой насмѣшкѣ...» На другой же день послѣ этого визита, Карамзинъ получилъ приглашеніе явиться къ Государю, былъ тотчасъ принятъ, обласканъ, осыпанъ милостями: и въ отчетѣ о свиданіи съ Александромъ, Карамзинъ опять возвращается къ прежнему, увѣренному и твердому тону своему, говоритъ даже такъ: «Я предложилъ *наконецъ свои требованья*: все принято, даже какъ

нельзя лучше: на печатанье 60 тысячъ, и чинъ, мнѣ принадлежащій по закону. Печатать здѣсь въ Петербургѣ; весну и лѣто жить, если хочу, въ Царскомъ селѣ; право быть искреннимъ» и т. д. На другой же день послѣ этого Карамзинъ былъ съ визитомъ у Аракчеева. «Вчера я отвезъ карточку къ графу Аракчееву», — пишетъ онъ женѣ — «онъ догадается, что это въ знакъ *благодарности учтивой*. Вѣроятно что онъ говорилъ обо мнѣ съ Императоромъ». Нѣсколько дней спустя, Карамзинъ даже писалъ женѣ: «ты уже знаешь, другъ безцѣнный, что Государь пожаловалъ мнѣ еще Анненскую ленту черезъ плечо, и самымъ пріятнѣйшимъ образомъ». Вполнѣ досто-

Памятникъ Карамзину.

вѣрный разсказъ одного современника [1]) поясняетъ намъ смыслъ этихъ послѣднихъ словъ письма: «Государь, наградивъ Карамзина, замѣтилъ ему съ особенною выразительностью, что жалуетъ ленту не за *Исторію*, а за *Записку*. Аракчееву, какъ врагу Сперанскаго» — прибавляетъ современникъ «не трудно было примирить Александра съ Карамзинымъ, который въ «Запискѣ» своей осуждалъ (дѣятельность) Сперанскаго [2])».

Каждому уважающему память Карамзина, конечно больно будетъ подумать, что такой замѣчательный человѣкъ и писатель долженъ былъ такъ дорого поплатиться за свои увлеченія древне-русскими идеалами въ «Запискѣ»: — ему тогда вѣроятно и въ голову не приходило, что его «Записка» послужитъ орудіемъ противъ такого же замѣчательнаго и честнаго дѣятеля, какъ онъ самъ и пріобрѣтетъ ему — покровительство со стороны графа Аракчеева!

[1]) Графа Блудова. [2]) Гротъ. См. выше, стр. 41.

Вскорѣ послѣ того, Карамзинъ съ семействомъ своимъ переселился изъ Москвы въ Царское Село, потомъ въ Петербургъ. Около двухъ лѣтъ продолжалось печатанье перваго изданія его исторіи. Наконецъ Января 28-го, 1818 года, Карамзинъ поднесъ Александру полный экземпляръ своей «Исторіи Государства Россійскаго». Черезъ 25 дней послѣ того всѣ 3,000 экземпляровъ перваго изданія были уже распроданы, и явилась потребность во второмъ изданіи. Всѣ, самыя смѣлыя надежды Карамзина сбылись вполнѣ, и будущность его семьи была обезпечена. Его «Исторія», замѣчательный и можетъ быть даже единственный въ своемъ родѣ памятникъ самоотверженной преданности наукѣ и неутомимаго, непрестаннаго труда надъ критическою разработкою свѣжаго матерьяла, была, съ этой стороны, оцѣнена по достоинству всѣми партіями и всѣми слоями современнаго общества. Но очень многіе съ недовольствомъ и крайнимъ сомнѣніемъ относились къ основной мысли «Исторіи» Карамзина и изъ многихъ устъ, достойныхъ полнаго уваженія, сыпались справедливые укоры исторіографу за его догматизмъ и предвзятость его исторической теоріи.

Остальные восемь лѣтъ жизни Карамзина протекли мирно и безпечно. Находясь въ постоянныхъ и притомъ самыхъ близкихъ, дружескихъ сношеніяхъ съ Императоромъ Александромъ и обѣими Императрицами, онъ почти каждый день, во время многихъ лѣтнихъ пребываній своихъ въ Царскомъ Селѣ, видался съ Императоромъ и нерѣдко пользовался его благодушіемъ для того, чтобы оказывать добро ближнимъ. Многіе біографы ставятъ въ особенную заслугу Карамзину то безкорыстіе, которое было имъ выказано при такомъ чрезвычайномъ приближеніи къ Александру: намъ кажется, что положеніе Карамзина въ этотъ періодъ его жизни было на столько высоко и притомъ честность его убѣжденій и безукоризненная чистота его намѣреній до такой степени пользуются всеобщею извѣстностью и уваженіемъ въ потомствѣ, что ставить Карамзину въ особенную заслугу это весьма естественное въ его натурѣ безкорыстіе—просто невозможно. Вся жизнь Карамзина за эти послѣдніе восемь лѣтъ сосредоточивалась въ его трудѣ, который онъ не оставлялъ до послѣдней минуты, и въ тихихъ радостяхъ семейной жизни. Жизни общественной и государственной онъ въ это время уже не замѣчалъ, или по крайней мѣрѣ старался не замѣтить: ему хотѣлось жить въ мирѣ со всѣми и съ самимъ собою.

Карамзинъ скончался 22 Мая 1826 года, осыпанный милостями Императора Николая I, который не только обезпечилъ благосостояніе его семьи огромною ежегодною пенсіею (въ 50,000 рублей), но даже простеръ заботливость о здоровьи Карамзина до нельзя: въ то время, какъ Николай Михайловичъ уже доживалъ послѣдніе дни свои, по приказанію Императора приготовлялся корабль, который долженъ былъ везти больнаго исторіографа въ Италію... Но онъ не дожилъ до возможности воспользоваться этою милостью. Онъ погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

Лѣтъ двадцать спустя, послѣ смерти Карамзина, ему былъ воздвигнутъ памятникъ на родинѣ его въ Симбирскѣ.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ КАРАМЗИНА.

ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Въ каретѣ дорогою.

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Щастливые Швейцары! всякой ли день, всякой ли часъ благодарите вы Небо за свое щастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной Натуры подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна

кротко влетать въ грудь вашу [1]), не возмущаемую тиранскими страстями! — Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей Природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! есть ли бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому щастію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой — когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ Природы—чувствую я тоже и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Благостію, естьли бы Она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей — и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими! — Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, естьли я когда нибудь, какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, роптaлъ на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!

Мы ѣдемъ подлѣ Реина, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ покойный селянинъ, насвистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увитыя гибкимъ виноградньмъ стеблемъ — смотритъ на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня. — Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибаетъ за нами хребетъ свой, отбрасывающій синюю тѣнь на долины. — Нѣтъ, я не могу писать; красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

. . .

Долина Гасли.

Пробывъ у пастуховъ два часа, пошелъ я далѣе, безпрестанно спускаясь съ горы. Первый примѣчанія достойный предметъ, который встрѣтился глазамъ моимъ на семъ пути, былъ такъ называемый *Розенлавинглетшеръ*, самый прекраснѣйшій изъ Швейцарскихъ ледниковъ, состоящій изъ чистыхъ сафирныхъ пирамидъ, гордо возвышающихъ острыя свои вершины. — Мракъ древнихъ высокихъ елей укрывалъ меня отъ жара солнечнаго; нигдѣ не видалъ я слѣдовъ человѣческихъ, дичь и пустота представлялись вездѣ глазамъ моимъ. Съ сѣдыхъ, мшистыхъ скалъ упадали кипящіе ручьи, и шумъ паденія ихъ раздавался по лѣсу. Но далѣе, спускаясь въ долину, находилъ я прекрасные благовонные луга, какихъ лучше вообразить нельзя—и, къ удивленію моему, не видалъ на нихъ пасущагося скота. Не можете вообразить, какъ пріятенъ видъ зелени послѣ голыхъ камней и снѣжныхъ громадъ, утомившихъ мое зрѣніе! На всякомъ лужкѣ отдыхалъ я по нѣскольку минутъ, и естьли не руками, то по крайней мѣрѣ глазами своими ласкалъ каждую травку вокругъ себя.—Я пришелъ въ маленькую горную деревеньку, которой жители ведутъ пастушью жизнь во всей простотѣ ея, не зная ничего, кромѣ скотоводства, и питаясь однимъ молокомъ. Они дѣлаютъ большіе сыры, и черезъ Валисцовъ отправляютъ ихъ въ Италію. Сырные анбары построены изъ тонкихъ бревенъ на высокихъ столбахъ или подпорахъ, для того, чтобы воздухъ могъ отвсюду проходить въ нихъ.

Жажда меня томила. Я остановился подлѣ одной хижины, на берегу чистаго ручья, и видя молодаго пастуха, у дверей сидящаго, попросилъ у него стакана. Онъ не скоро понялъ меня; но понявъ, тотчасъ бросился въ свой домикъ и вынесъ чашку. *Она чиста*, сказалъ онъ худымъ нѣмецкимъ языкомъ, показывая мнѣ дно ея; побѣжалъ къ ручью, зачерпнулъ воды, и опять вылилъ ее назадъ—

[1]) Читатель, можетъ быть, вспомнитъ о стрѣлахъ Аполлоновыхъ, которыя *кротко умерщвляли* смертныхъ. Греки въ миѳахъ своихъ предали намъ памятники нѣжнаго своего чувства. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ нѣжнѣе сего вымысла, приписывающаго разрушеніе наше дѣйствію *вѣчно-юнаго Аполлона*, въ которомъ древніе воображали себѣ совершенство красоты и стройности? (*Примѣчаніе Карамзина*).

посмотрѣлъ на меня и улыбнулся—зачерпнулъ въ другой разъ, и опять вылилъ—взглянулъ на меня и засмѣялся—почерпнулъ въ третій разъ, и принесъ мнѣ, говоря: *пей, добрый человѣкъ, пей нашу воду!* Я взялъ чашку,—и естьли бы не побоялся пролить воды, то конечно бы обнялъ добродушнаго пастуха, съ такимъ чувствомъ, съ какимъ обнимаетъ братъ брата: столь любезенъ казался онъ мнѣ въ эту минуту!—Для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями! Я съ радостію отказался бы отъ многихъ удобностей жизни (которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ), чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка. Всѣми *истинными* удовольствіями — тѣми, въ которыхъ участвуетъ сердце, и которыя насъ подлинно щастливыми дѣлаютъ — наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ—болѣе наслаждались они любовію (ибо тогда ничто не запрещало имъ говорить другъ другу: *люблю тебя*, и дарамъ Природы не предпочитались дары слѣпаго случая, не придающіе человѣку никакой существенной цѣны), — болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотами Природы. Теперь жилище и одежда наша покойнѣе: но покойнѣе ли сердца? Ахъ, нѣтъ! тысячи заботъ, тысячи безпокойствъ, которыхъ не зналъ человѣкъ въ прежнемъ своемъ состояніи, терзаютъ нынѣ внутренность нашу, и всякая пріятность въ жизни ведетъ за собою тьму непріятностей.— Съ сими мыслями пошелъ я отъ пастуха; нѣсколько разъ оборачивался назадъ, и примѣтилъ, что онъ провожаетъ меня взорами своими, въ которыхъ написано было желаніе: *поди и будь щастливъ*! Богъ видѣлъ, что и я отъ всего сердца желалъ ему щастія;— но онъ уже нашелъ его!

Гора Юра.

Теперь, любезные друзья мои, сижу я на голубой Юрѣ, повыше города Обоня — смотрю, и взоръ мой теряется въ безчисленныхъ красотахъ видимой мною страны, освѣщаемой вечернимъ солнцемъ.

Все Женевское свѣтлое озеро какъ зеркало представляется глазамъ моимъ—по сю сторону множество городовъ, деревень, сельскихъ домиковъ, луговъ, лѣсочковъ и дорогъ, которыя одна другую пересѣкаютъ, расходятся и опять соединяются, и на которыхъ движутся люди какъ дѣятельные муравьи—а по ту сторону, на Савойскомъ берегу, страшныя скалы, нѣсколько хижинъ, и наконецъ гордая *Бѣлая гора* въ снѣжной своей мантіи, въ алоцвѣтной коронѣ, красимой солнечными лучами, — какъ царица среди прочихъ окружающихъ ее горъ, высокихъ и гордыхъ, но передъ нею низкихъ и смиренныхъ... Вознося къ небесамъ главу свою, она вопрошаетъ Европу: *что выше меня?* и Европа отвѣтствуетъ ей почтительнымъ молчаніемъ.

Насыщайся, мое зрѣніе! я долженъ оставить сію землю... Для чего же, когда она столь прекрасна? Построю хижину на голубой Юрѣ, и жизнь моя протечетъ какъ восхитительный сонъ!.. Но ахъ! здѣсь нѣтъ друзей моихъ!

Величественный *рельефъ* Натуры! впечатлѣйся въ моей памяти! Увижу ли тебя еще разъ въ жизни моей, не знаю; но естьли огнедышущіе Вулканы не превратятъ въ пепелъ красотъ твоихъ — естьли земля не разступится подъ тобою, не осушитъ сего свѣтлаго озера, и не поглотитъ береговъ его —ты будешь всегда удивленіемъ смертныхъ! Можетъ быть, дѣти друзей моихъ придутъ на сіе мѣсто: да чувствуютъ они, что я теперь чувствую, и Юра будетъ для нихъ незабвенна!

Солнце закатилось; но горы блистаютъ. Темнѣетъ синяя твердь — еще сіяютъ три холма *Бѣлой* горы. Шумитъ вѣтеръ—облака показываются на западѣ, разливаются по небу, и мрачная завѣса скрываетъ отъ глазъ моихъ великолѣпную картину.

О щастливѣйшемъ времени жизни.

Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость; однакожь не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ утѣшилъ старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство.

Можно-ли хвалить болѣзнь? а старость сестра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствія Натуры и всѣ феномены ея для насъ благотворны — въ общемъ планѣ, можетъ быть; но какъ онъ извѣстенъ одному

Богу, то человѣку и нельзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношеніи. Оптимизмъ есть не Философія, а игра ума: Философія занимается только ясными истинами, хотя и печальными; отвергаетъ ложь, хотя и пріятную. Творецъ не хотѣлъ для человѣка снять завѣсы съ дѣлъ Своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть силы удостовѣренія. Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу, здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе: сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ; а въ серединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ; возможное на землѣ щастіе, столь рѣдкое, омрачается мыслію, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ.

Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки. Однакожъ слова: *благо* и *щастіе*, справедливо занимаютъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другаго — вотъ благо! одному лучше, нежели другому — вотъ щастіе!

Какую же эпоху жизни можно назвать *щастливѣйшею по сравненію?* Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть *только* животное) но — *послѣднюю степень физической зрѣлости* — время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полнотѣ своей, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ Природы, для нихъ уставленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашаетъ съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій *характеръ благоразумія*. Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе *передъ началомъ увяданія*.

Сія истина доказываетъ мнѣ благородство человѣка. Естьли бы умная нравственность была случайно принадлежностію существа нашего (какъ нѣкоторые утверждали) и только слѣдствіемъ общественныхъ связей, въ которыя мы зашли, уклонясь отъ путей Натуры: то она не могла бы своими удовольствіями замѣнять для насъ живости и пылкости цвѣтущихъ дней молодости; не только замѣнять ихъ, но и несравненно возвышать цѣну жизни: ибо человѣкъ за тридцать пять лѣтъ безъ сомнѣнія не пылаетъ уже такъ страстями, какъ юноша, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо его щастливѣе.

Въ сіе время люди по большой части бываютъ уже супругами, отцами, и наслаждаются въ жизни самыми вѣрнѣйшими радостями: семейственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать вдаль за удовольствіями; перестаемъ странствовать по туманнымъ областямъ мечтанія; *живемъ доми*, живемъ болѣе въ самихъ себѣ, требуемъ менѣе отъ людей и свѣта; менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ: состояніе избрано, утверждено: стараемся возвеличить его достоинство пользою для общества; хотимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего: воспитаніе дѣтей, хозяйство, государственныя должности, обращаются для насъ въ душевное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ сладкое отдохновеніе.... Поля, нашими трудами обогащенныя — садикъ, нами обработанный — земледѣльцы, насъ благодарящіе — лица домашнихъ спокойныя, сердца ихъ къ намъ привязанныя — радуютъ мирную душу опытнаго человѣка болѣе, нежели сіи шумныя забавы, сіи призраки воображенія и страстей, которые обольщаютъ молодость. Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое *чувство жизни* бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина... такъ остатки ясныхъ осеннихъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть Натуры; думая, что скоро все увянетъ, боимся пропустить минуту безъ наслажденія!... Юноша неблагодаренъ: волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самаго избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ онъ на цвѣты, которыми Природа и судьба украшаютъ стезю его въ мірѣ: человѣкъ искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить Небо со слезами за малѣйшую отраду.

Въ сіе же время дѣйствуетъ и торжествуетъ Геній.... Ясный взоръ на міръ открываетъ истину, воображеніе сильное представляетъ ея черты живо и разительно, вкусъ зрѣлый украшаетъ ее простотою, и творенія ума человѣческаго являются въ совершенствѣ, и творецъ дерзаетъ наконецъ простирать руку къ потомству, быть современникомъ вѣковъ и гражданиномъ вселенной. Молодость любитъ въ славѣ только шумъ, а душа зрѣлая справедливое, основательное признаніе ея полезной для свѣта дѣятельности. Истинное славолюбіе не волнуетъ, не терзаетъ, но сладостно покоитъ душу, среди монументовъ тлѣнія и смерти, открывая ей путь безсмертія талантовъ и разума: мысль утѣшительная для существа, которое столько любитъ жить и дѣйствовать, но столь не долговѣчно своимъ бытіемъ физическимъ!

Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желаній, не могу жалѣть о васъ. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню щастія: его не было въ сей бурной стремительности чувствъ къ безпрестаннымъ наслажденіямъ, которая бываетъ мукою; его нѣтъ и теперь для меня въ свѣтѣ — но не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ бы я сказать солнцу: *остановися*! естьли бы въ то же время могъ сказать и мертвымъ: *возстаньте изъ гроба!*

XXXIII.

И. И. ДМИТРІЕВЪ; ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ, ВЗГЛЯДЪ НА ПОЭЗІЮ И ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ СРЕДѢ СОВРЕМЕННИКОВЪ. — В. А. ОЗЕРОВЪ; ЕГО ТРАГЕДІИ И НЕСЧАСТІЯ. — ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЕГО, КАКЪ ПЕРЕХОДЪ КЪ РОМАНТИЧЕСКОМУ НАПРАВЛЕНІЮ.

Ближайшими послѣдователями Карамзина, какъ представителя сентиментальнаго направленія въ нашей литературѣ и какъ писателя, положившаго основаніе новому литературному языку и слогу, явились — Дмитріевъ и Озеровъ. То, что сдѣлано было Карамзинымъ по отношенію къ прозѣ изящной и ученой, было, при помощи этихъ двоихъ ближайшихъ современниковъ и послѣдователей Карамзина, поддержано и окончательно утверждено въ области поэтическаго творчества. Дмитріевъ, внося сентиментализмъ, какъ господствующее направленіе, въ нашъ эпосъ и лирику, въ то же время совершенствовалъ, подъ вліяніемъ Карамзина, и общій складъ русскаго стиха и самый составъ нашего легкаго, поэтическаго языка. Озеровъ, подъ тѣмъ же вліяніемъ и направленіемъ, способствовалъ окончательному изгнанію съ нашей сцены ложно-классическихъ идеаловъ и драматическихъ произведеній, построенныхъ по правиламъ теоріи... И тотъ, и другой пользовались въ свое время громкою славою и большимъ значеніемъ, благодаря тому, что уже умѣли облекать въ сущности небогатое и неглубокое содержаніе своихъ произведеній, въ изящную и красивую внѣшнюю форму, предъ которой преклонялись современники, какъ предъ явленіемъ новымъ и невиданнымъ дотолѣ въ нашей литературѣ. Можно почти сказать, что Карамзинъ, Дмитріевъ и Озеровъ первые способствовали у насъ въ обществѣ развитію любви къ чтенію; благодаря ихъ дѣятельности, внѣшность литературныхъ произведеній сдѣлалась настолько привлекательною и доступною, что литературные интересы стали близки и дороги всѣмъ, и вмѣстѣ съ любовью къ чтенію, пристрастіе къ литературѣ, въ концѣ прошлаго вѣка, проникло въ такіе слои общества, которые до того времени не находили въ ней удовольствія, не чувствовали въ ней необходимости.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ (род. 1760, ум. въ 1837) оставилъ намъ по себѣ довольно подробныя и во многихъ отношеніяхъ любопытныя біографическія записки, подъ названіемъ «Взглядъ на мою жизнь». Особенно любопытною въ нихъ является та первая часть, въ которой сообщилъ онъ краткія свѣдѣнія о своемъ дѣтствѣ, отрочествѣ и юности, о своемъ воспитаніи, литературной дѣятельности и обширныхъ литературныхъ связяхъ. Записки эти писаны имъ на 66 году его жизни, въ то время, когда онъ давно уже оставилъ и литературное, и служебное свое поприще: «ноги отказыва-

ютъ служить мнѣ» — такъ пишетъ онъ въ предисловіи къ запискамъ — «глаза мои тоже; старыя связи перевелись; новыя заводить трудно и не прочно: пришлось искать занятія въ самомъ себѣ и доживать воспоминаніемъ». И воспоминанія поэта оказываются очень важнымъ историко-литературнымъ матерьяломъ, потому что не только знакомятъ насъ очень близко съ современнымъ ему взглядомъ на литературу, но еще

Дмитріевъ.

и переносятъ насъ всецѣло въ среду понятій и воззрѣній, общихъ всей нашей сентиментальной школѣ писателей. Замѣтимъ кстати, что литературная дѣятельность Дмитріева не имѣетъ положительно никакой связи съ его блестящей служебной карьерой, о которой вслѣдствіе этого намъ едва прійдется упомянуть, и то мимоходомъ; онъ самъ, въ своихъ запискахъ, тщательно отдѣлилъ эти двѣ стороны жизни, которыя у него, какъ у человѣка вполнѣ обезпеченнаго, независимаго и одареннаго спокойнымъ характеромъ, дѣйствительно не находились ни въ какой взаимной связи. Къ тому же и по самой сущности сентиментальнаго направленія своей дѣятельности, Дмитріевъ смотрѣлъ на поэтическую дѣятельность, какъ на нѣчто такое, что и не можетъ, и не должно имѣть тѣсной связи съ жизнью. Въ самыхъ запискахъ своихъ онъ не скрываетъ даже нѣкотораго отвращенія отъ того сближенія литературы съ жизнью, которое явно стало проявляться въ Пушкинскомъ періодѣ нашей литературы, къ которому и относится составленіе записокъ Дмитріева. «Поэзія» — говоритъ онъ въ заключеніе первой части своего «Взгляда» — «порожденіе неба, хотя и склоняетъ взоръ свой къ землѣ; но — здѣсь она проницаетъ въ глубину сердецъ, наблюдаетъ сокровенные ихъ изгибы и живописуетъ страсти, держась всегда нравственной цѣли, воспламеняется къ добродѣтели, ко всему пріятному и высокому, воспѣваетъ доблести обреченныхъ къ безсмертію. А тамъ — изливается въ удивленіи къ мірозданію, въ трепетномъ благоговѣніи къ *Непостижимому*. Вотъ назначеніе истинной поэзіи. Вотъ почему она и называется органомъ боговъ, а вдохновенный ею — поэтомъ».

Дмитріевъ былъ землякъ Карамзина. Онъ родился въ родовомъ помѣстьѣ своемъ, селѣ Богородскомъ (Симбирской губ.), близъ г. Сызрани. Раннее дѣтство свое онъ провелъ въ Казани у дяди своего со стороны матери, А. А. Бекетова, и образованіе получилъ весьма ограниченное: сначала въ пансіонѣ, въ Казани, гдѣ обучали его французскому языку, ариѳметикѣ и рисованію, потомъ попалъ въ руки какого-то гарнизоннаго сержанта, отъ котораго «только и слышалъ непостижимыя слова: искомое, дѣлимое; видѣлъ только на аспидной доскѣ цифры, и самъ ставилъ цифры же на удачу, безъ всякаго соображенія...» Затѣмъ попалъ онъ въ новый пансіонъ, уже въ Симбирскѣ, къ отставному поручику и бывшему воспитаннику Сухопутнаго кадетскаго корпуса, г. Кабриту. Въ этомъ пансіонѣ Иванъ Ивановичъ, вмѣстѣ со старшимъ братомъ своимъ, обучался французскому и нѣмецкому языку, русскому правописанію, исторіи, географіи и математикѣ. Оба ученика дѣлали замѣтные успѣхи у своего молодаго и способнаго учителя, который хорошо преподавалъ и хорошо обращался съ ними, не стѣсняя свободы ихъ развитія; но къ сожалѣнію Иванъ Ивановичъ скоро взятъ былъ изъ пансіона и оставленъ дома, подъ строгимъ надзоромъ отца, который, кромѣ того, еще и докучалъ дѣтямъ весьма безтолковыми занятіями: то заставлялъ ихъ заучивать наизусть діалоги, то принуждалъ дол-

бить грамматику. «Такой ходъ ученія наводилъ на меня грусть и отвращеніе», говоритъ Дмитріевъ, «тѣмъ болѣе, что я уже съ десяти лѣтъ набилъ голову мечтательными приключеніями. И дѣйствительно, оказывается, что не смотря на строгій надзоръ, читать молодому Дмитріеву не препятствовали—и чтеніе не только доставляло ему удовольствіе, но и пополняло въ значительной степени весьма крупные недостатки и пробѣлы его образованія. Иванъ Ивановичъ, указывая на тѣ романы и книги, которые онъ успѣлъ перечитать уже будучи лѣтъ десяти, добавляетъ однако же, что чтеніе романовъ не имѣло вреднаго вліянія на его нравственность, тѣмъ болѣе, что романы эти принадлежали къ тому нравственно-поучительному роду, который чрезвычайно былъ распространенъ въ европейской литературѣ конца прошлаго столѣтія. Дмитріевъ говоритъ даже: «*Похожденія Клевеланда*, *Приключенія Маркиза Г.*—возвышали мою душу. Я всегда плѣнялся добрыми примѣрами, и охотно желалъ имъ слѣдовать». Первымъ знакомствомъ съ русскою поэзіею Дмитріевъ былъ обязанъ своей матери, которая уже въ дѣтствѣ любила ему декламировать отрывки изъ произведеній Сумарокова и Ломоносова. Но къ чтенію русскихъ книгъ Дмитріевъ пристрастился, впрочемъ, только уже въ то время, когда отецъ его, въ самомъ разгарѣ Пугачевщины, вмѣстѣ со множествомъ другихъ дворянъ, бѣжалъ изъ Симбирска въ Москву. Руководителемъ Дмитріева въ выборѣ русскихъ книгъ былъ крѣпостной служитель одного богатаго заводчика, по имени Дороѳей Серебряковъ, «обучавшійся на иждивеніи господина своего, въ словено-греко-латинской академіи, латинской и русской словесности, а потомъ у лучшихъ московскихъ докторовъ врачебному искусству. Извѣстный лирикъ В. П. Петровъ былъ учителемъ Дороѳея въ краснорѣчіи и поэзіи». Дороѳей часто приносилъ молодымъ Дмитріевымъ «на листочкахъ оды и другіе случайные стихи своего учителя», и досадовалъ на Ивана Ивановича, находившаго языкъ Петрова тяжелымъ и не благозвучнымъ. Въ это время Дмитріевъ познакомился и съ московскимъ театромъ, и съ твореніями Хераскова, В. Майкова, М. Н. Муравьева, «бывшаго тогда еще гвардіи Измайловскаго полка кантенармусомъ, но уже выдавшаго *Собраніе басенъ*, *Похвальное слово Ломоносову* и стихотворный переводъ Петроніевой поэмы: *Гражданская брань*»... «Между тѣмъ», прибавляетъ Дмитріевъ, «слушалъ я иногда привозимые къ отцу моему стихи Сумарокова. Это уже были послѣднія искры угасающаго таланта: но тѣмъ съ большимъ участіемъ передавали ихъ изъ рукъ въ руки»...

Воспитаніе и образованіе обоихъ братьевъ Дмитріевыхъ закончилось въ полковой школѣ л.-гв. Семеновскаго полка, куда они были записаны еще въ 1772 году и «уволены въ отпускъ до совершеннаго возраста». Въ школу эту попалъ Дмитріевъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ на службу въ 1774 году, слѣдовательно будучи 14 лѣтъ отъ роду. Курсъ ученья былъ немногосложенъ: «обучали только математикѣ, рисованью и на русскомъ языкѣ священной исторіи и всеобщей географіи». Но и этотъ скудный курсъ не долго пришлось слушать Дмитріеву: по случаю разныхъ торжествъ гвардія была на время двинута въ Москву, а въ 1775 году, братья Дмитріевы, по ходатайству своего дяди, сенатора Н. А. Бекетова, произведены «*черезъ чинъ*, прямо въ фурьеры», и отпущены въ годовой отпускъ къ родителямъ.

Страсть къ поэтическимъ упражненіямъ проявилась въ молодомъ Дмитріевѣ не ранѣе 1777 года. «Не видѣвъ еще ни одной книги о правилахъ стихосложенія», пишетъ Иванъ Ивановичъ — «не имѣвъ и понятія о метрахъ, о разнородныхъ риѳмахъ, о ихъ сочетаніи, я выводилъ строки и оканчивалъ ихъ риѳмами—это были стихи мои». Первымъ печатнымъ опытомъ Дмитріева была стихотворная надпись къ портрету Кантемира, помѣщенная имъ въ «*Ученыхъ Вѣдомостяхъ*» Новикова[1]). Вскорѣ послѣ того, ознакомившись ближе съ правилами поэзіи по изъясненіямъ одного сослуживца, купивъ по его совѣту и реторику Ломоносова, принявъ за образцы Сумарокова и Хераскова, И. И. Дмитріевъ успѣлъ настолько усвоить себѣ технику стиха, что сталъ довольно много писать и переводить стихами, тщательно скрывая свои литературныя занятія нетолько отъ знакомыхъ, но даже и отъ брата. «Писать

[1]) Вѣдомости эти издавались въ 1777 году въ Петербургѣ, съ января по іюнь мѣсяцъ.

и видѣть (стихи свои) въ печати — было для меня единственнымъ возмездіемъ; и я былъ тѣмъ доволенъ, даже и счастливъ!» Но, собственно говоря, разумно относиться къ своему стихотворству Дмитріевъ сталъ только послѣ того, какъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ сошелся съ Карамзинымъ, который былъ на пять лѣтъ его моложе, и съ другимъ сослуживцемъ, Козлятевымъ, который былъ значительно старше его и лѣтами, и службой. Но въ эту пору юности Дмитріева, вліяніе, оказываемое на него Козлятевымъ, было гораздо сильнѣе Карамзинскаго. Козлятевъ ознакомилъ Дмитріева съ классическими произведеніями древнихъ (въ французскихъ переводахъ) и съ сочиненіями важнѣйшихъ представителей современной французской литературы; онъ же посвятилъ его и въ теорію словесности, указавъ ему на Квинтиліана, Баттё и Мармонтеля. «Слыша его строгія или безпристрастныя сужденія о стихахъ даже и первенствующихъ нашихъ поэтовъ, я началъ таить еще болѣе, особенно же отъ него, мои произведенія», говоритъ Дмитріевъ; «еще болѣе сталъ чувствовать все ихъ несовершенство».

Вскорѣ къ впечатлѣніямъ искусства прибавились еще и впечатлѣнія природы, новой и незнакомой дотолѣ Дмитріеву, родившемуся и выросшему въ степной полосѣ Россіи. Лѣтомъ 1778 года гвардія выступила въ походъ въ Финляндію, и юный поэтъ (тогда только что произведенный въ офицеры) нанабрался множества новыхъ впечатлѣній, въ которыхъ, при его невзыскательности, и не могло быть недостатка: «Новая (бивачная) жизнь, новая даже природа, дикая, *но Оссіяновская*, вездѣ величавая и живописная: гранитныя скалы, шумные водопады, высокія мрачныя сосны... къ тому же сердце, еще не развращенное, повсюду найдетъ для себя кроткія наслажденія. Гдѣ они рѣдки, тамъ болѣе дорожатъ ими. Какъ я былъ обрадованъ, увидя однажды голубой цвѣточекъ между голыхъ и огромныхъ камней. Съ какимъ удовольствіемъ проваживалъ я поздніе вечера и первые часы утра въ низменной хижинѣ подъ соломенной кровлею!...»

Вскорѣ послѣ того, по возвращеніи въ Петербургъ, Дмитріеву удалось познакомиться съ Державинымъ, который, съ первыхъ же дней знакомства, доставилъ ему возможность «пробѣжать толстую рукопись» всѣхъ своихъ стихотвореній и ввелъ его въ свой обширный литературно-художественный кружокъ. «Со входомъ въ домъ (Державина)» — говоритъ Дмитріевъ — «какъ будто мнѣ открылся путь и къ парнассу». Успѣхи Дмитріева въ стихотворствѣ высказались въ тѣхъ первыхъ удачныхъ опытахъ его, которые появились съ именемъ автора на страницахъ «Московскаго журнала», въ 1791 г. Особенно понравилась публикѣ пѣсня Дмитріева «Голубокъ» и сказка «Модная жена». «Любители музыки» — пишетъ онъ — «сдѣлали на пѣсню мою нѣсколько голосовъ; она полюбилась прекрасному полу; а сказка поэтамъ и молодежи. Съ той поры и въ обществѣ Державина уже я пересталъ быть авскультантомъ и вступилъ, такъ сказать, въ собратство съ его членами; но ничье одобреніе столько не льстило моему самолюбію, какъ одинъ привѣтливый взглядъ Карамзина или Козлятева».

Вліяніе Козлятева въ это время должно было уже положительно уступить мѣсто вліянію Карамзина. Смѣлость, съ которою этотъ юноша-журналистъ выступилъ на литературное поприще и быстрые его успѣхи внушили Дмитріеву глубокое уваженіе къ Карамзину и всецѣло подчинили его литературную дѣятельность тому направленію, которымъ такъ увлекался тогда Карамзинъ. Вѣроятно по совѣту Карамзина Дмитріевъ перевелъ въ томъ же 1791 году нѣсколько басенъ изъ Флоріана и Лафонтена, а вскорѣ послѣ того и положительно оставилъ «громкое, реторическое одописаніе», которому заплатилъ свою дань, и сосредоточилъ всю свою дѣятельность на мелкой лирикѣ сентиментальнаго содержанія и на переводѣ басенъ.

Чрезвычайно любопытными кажутся намъ тѣ страницы записокъ Дмитріева, въ которыхъ онъ, описывая «лучшій свой піитическій годъ», подробно знакомитъ насъ съ тѣмъ узкимъ, ограниченнымъ горизонтомъ, котораго было совершенно достаточно для того, чтобы вдохновить сентиментальнаго поэта и доставить ему возможность «запастись матеріалами для будущихъ его произведеній». Вотъ какъ расказываетъ объ этомъ періодѣ своей жизни самъ И. И. Дмитріевъ:

«Семьсотъ девяносто четвертый годъ былъ моимъ лучшимъ піитическимъ годомъ. Я провелъ его посреди моего семейства, въ приволжскомъ городкѣ Сызранѣ или въ

странствованіи по Низовому краю. Здоровъ, независимъ, обезпеченъ во всѣхъ моихъ неприхотливыхъ нуждахъ, я не скучалъ отсутствіемъ шумныхъ забавъ и докучливыхъ, холодныхъ посѣщеній». Въ это время день поэта проходилъ въ томъ, что «въ ясное утро, съ первыми лучами солнца, онъ переѣзжалъ (въ Сызрани) рѣку Крымзу, прямо противъ монастыря; и взобравшись на высокій берегъ, хаживалъ туда и сюда, безъ всякой цѣли; но вездѣ наслаждался живописными видами, голубымъ небомъ, кроткимъ сіяніемъ солнца, внѣшнимъ и внутреннимъ спокойствіемъ»... «*Вездѣ*» — говоритъ Дмитріевъ—«*давалъ, я волю моимъ мечтамъ, начиная мою прогулку всегда съ готовою въ головѣ работою.* Потомъ спускался на Воложку или къ заливу Волги. Тамъ выбиралъ изъ любого садка лучшихъ стерлядей, и привозилъ ихъ въ ведрѣ къ семейному обѣду. *Потомъ клалъ на бумагу стихи, придуманные въ моей прогулкѣ.* Если бывалъ ими доволенъ, то читывалъ ихъ сестрамъ»... «Затѣмъ наступаетъ новое удовольствіе: переписывать стихи мои набѣло для отсылки къ Карамзину. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ отъ него отзыва! Съ какою радостію получалъ его! Съ какимъ удовольствіемъ видѣлъ стихи мои уже въ печати! Каждое письмо моего добраго друга было поощреніемъ для дальнѣйшихъ *стихотворныхъ занятій.* Здѣсь-то (въ Сызрани), въ роскошную пору весны, въ тонкомъ сумракѣ тихаго вечера мелькнули передъ мной безмолвные призраки Ермака и двухъ шамановъ [1])». Почти также проводилъ поэтъ свой день и во время поѣздки своей по Волгѣ, когда въ томъ же году отправился въ Царицынъ навѣстить своего дядю. «Не могу я теперь вспомнить безъ удовольствія тѣхъ дней, которыя провелъ я въ плывучемъ домѣ,—особенно же каждое утро! Время было прекрасное: начало лѣта. Въ каютѣ моей помѣщались только столикъ, одинъ стулъ, кровать, а надъ нею полка съ моими книгами. По восходѣ солнца выходилъ я изъ тѣсной моей спальной на палубу съ Аріостомъ въ рукахъ (съ французскимъ переводомъ «Неистоваго Роланда»); за мною выносили стулъ, и ставили на немъ серебряный приборъ для кофія — я самъ варилъ его. Судно наше тянулось плавно, или неслось быстро на парусахъ въ полной безопасности отъ мелей и бури... Съ наступленіемъ вечера, я спускался въ каюту, *и ожидалъ вдохновенія музы.* Въ этомъ то уголкѣ написаны: ода *къ Волгѣ* и сказка *Искатели Фортуны*».

Какъ немного было нужно для того, чтобы вдохновить музу сентиментальнаго поэта — можно видѣть изъ его же словъ: такъ напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ онъ разсказываетъ слѣдующее:

«*Никогда не забуду меланхолическаго, но какъ-то пріятнаго впечатлѣнія*, испытаннаго мною однажды въ положеніи путника. Съ наступленіемъ вечера въѣзжаю я въ околицу большаго селенія, и нагоняю толпу поселянъ обоего пола, возвращающихся съ полевой работы. Чрезъ всю деревню я велѣлъ ѣхать шагомъ, чтобъ не разлучиться съ ними. Долго слѣдовали они за мною и оглушали меня своими пѣснями, потомъ разсыпались въ разныя стороны; между тѣмъ я продолжаю путь мой, и веселыя пѣсни еще отзываются въ ушахъ моихъ. Достигаю до конца селенія, и вижу поселянина, въ глубокой старости, сидящаго на завалинкѣ послѣдней хижины и держащаго на колѣнахъ своихъ младенца. Вѣроятно это былъ внукъ его. Старикъ глядѣлъ спокойно; послѣдніе лучи солнца падали на обнаженное темя его. *Путешествіе, младенецъ въ противуположности съ старцемъ, поющая молодость, закатъ солнца — все это представило мнѣ яркую картину жизни во всѣхъ возрастахъ, и конецъ ея*».

Въ этомъ отрывкѣ особенно ясно представляется намъ весь процессъ *стихотворныхъ занятій Дмитріева*: мы почти видимъ, какъ онъ, отдѣляя поэзію отъ жизни на основаніи взглядовъ сентиментальной школы, видитъ себя вынужденнымъ *запасаться впечатлѣніями*, видоизмѣнять, преувеличивать значеніе происходящихъ около него явленій, искать около себя элементовъ, *достойныхъ поэзіи.* На этомъ основаніи Дмитріевъ и указываетъ, напримѣръ, на путешествіе, какъ на нѣчто весьма *полезное* поэту. «Одна недѣля въ пути» — говоритъ онъ — *мо-*

[1]) Извѣстное стихотвореніе Дмитріева «Ермакъ» состоитъ изъ разговора двухъ шамановъ сибирскихъ; одинъ изъ нихъ разсказываетъ о томъ, какъ Ермакъ завоевалъ Сибирь.

жетъ обогатить его запасомъ идей и картинъ по крайней мѣрѣ на полгода. Всегда подъ открытымъ небомъ, свидѣтель великолѣпнаго восхожденія солнца, вечернихъ сценъ, озлащаемыхъ послѣдними его лучами; безмолвной величественной ночи, усѣянной звѣздами, или освѣщаемой полною и кроткою луною: онъ вдыхаетъ въ себя большое благоговѣніе къ Непостижимому. Будучи одинокъ, ни кѣмъ не развлеченъ, наблюдатель и нравственнаго, и физическаго міра, онъ входитъ самъ въ себя, съ большею живостью принимаетъ всякое впечатлѣніе. Самое надъ нимъ пространство, недосягаемое и безпредѣльное, возвышаетъ въ немъ душу и расширяетъ сферу его воображенія». Результатомъ «піитическаго года» были тѣ стихотворенія, которыя болѣе всего способствовали прославленію Дмитріева въ современномъ ему обществѣ: *Гласъ Патріота* (на взятіе Варшавы), *Чужой Толкъ*, *Ермакъ* и сказки: *Воздушныя башни*, *Причудница* и *Посланіе къ Державину*. Вскорѣ послѣ того, въ 1795 году, когда Карамзинъ, по прекращеніи «Московскаго Журнала», собралъ всѣ напечатанныя въ немъ свои произведенія подъ названіемъ «*Мои бездѣлки*», Дмитріевъ послѣдовалъ его примѣру и также издалъ въ свѣтъ собраніе своихъ стихотвореній, подъ общимъ заглавіемъ: «*И мои бездѣлки*».

Послѣ 1795 года, когда Дмитріевъ оставилъ военную службу, и до самаго начала изданія «Вѣстника Европы», онъ почти ничего не писалъ и не печаталъ, отвлекаемый сначала трудною гражданскою службою, [1]) а потомъ хлопотами по устройству своего состоянія. Когда же въ 1802 г. онъ поселился въ Москвѣ, и снова увидѣлъ себя въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ Карамзинымъ и со всѣмъ кружкомъ старыхъ и молодыхъ московскихъ литераторовъ, въ немъ опять, на досугѣ, проявилась охота къ «стихотворнымъ занятіямъ». Но съ этого времени, онъ уже посвятилъ себя дѣятельности переводной, и занялся преимущественно перенесеніемъ на нашу литературную почву басенъ Лафонтена. Съ нѣмецкими баснописцами онъ не могъ быть знакомъ, потому что не зналъ нѣмецкаго языка; но переводы басенъ Лафонтена составляютъ конечно самую видную часть его литературной дѣятельности, вмѣстѣ съ нѣсколькими сатирическими его произведеніями. «Съ появленіемъ Вѣстника Европы въ 1802 г., я обратился опять къ музамъ»—говоритъ Дмитріевъ. «Но развлеченный невольно городскою жизнью, хотя и не былъ раболѣпнымъ данникомъ свѣта; ослабѣвая притомъ въ здоровьѣ, я уже началъ терять живость воображенія и занимался болѣе подражаніемъ иноземнымъ баснникамъ. Вскорѣ затѣмъ, я занемогъ продолжительною и важною болѣзнію»... «(Только уже) въ продолженіи осени я началъ оправляться и въ этомъ состояніи написалъ басни: Пѣтухъ, котъ и мышенокъ, Царь и два пастуха, Летучія рыбы, Воспитаніе Льва, Каретныя лошади» [2]).

Въ концѣ первой части своихъ записокъ Дмитріевъ бросаетъ на всю свою литературную дѣятельность общій взглядъ, замѣчательный по своей искренности и вѣрности. Упоминая о первомъ періодѣ своего стихотворства, онъ говоритъ: «Вся моя забота (тогда) была только объ томъ, чтобъ стихи мои были менѣе шероховаты, чѣмъ у многихъ. Одну только плавность стиха и богатую риѳму я считалъ красотой и совершенствомъ поэзіи. Но въ то время у насъ едва ли не также думали нетолько читатели, но и самые первостепенные стихотворцы». И въ этихъ немногихъ, искреннихъ словахъ, совершенно вѣрныхъ дѣйствительности, мы слышимъ изъ устъ Дмитріева безпристрастный приговоръ цѣлому предшествующему періоду нашей поэзіи. Потомъ, говоря о томъ, что трудная гражданская служба заставила его надолго покинуть литературныя занятія, Дмитріевъ замѣчаетъ: «привыкнувъ въ молодости писать урывками, я не могъ уже и въ зрѣломъ возрастѣ высидѣть за бумагой около часа: нетерпѣливъ былъ обдумывать предпринимаемую работу. При малѣйшемъ упорствѣ риѳмы, при малѣйшемъ затрудненіи въ краткомъ и ясномъ изложеніи мыслей моихъ, я бросалъ перо въ ожиданіи счастливѣйшей минуты: мнѣ казалось унизительнымъ ломать голову надъ парою стиховъ и насиловать самого себя, или самую природу. Отъ того, можетъ быть, и примѣ-

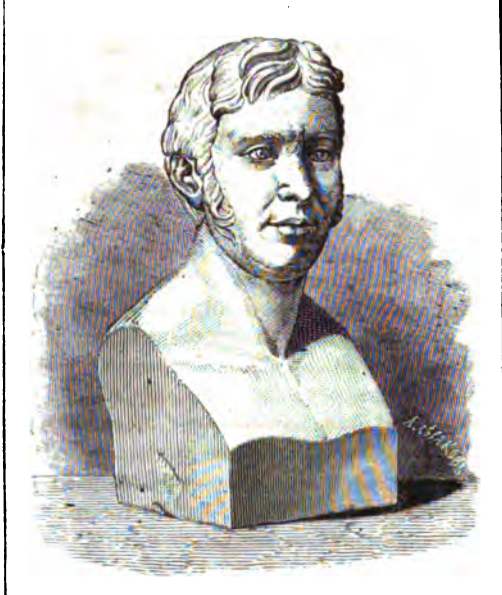
[1]) Съ 1796 г. по 1800 онъ состоялъ на службѣ сначала въ Сенатѣ, потомъ товарищемъ министра по вновь учрежденному департаменту удѣльныхъ имѣній. [2]) См. «Взглядъ», стр. 81.

чается, даже самимъ мною, въ стихахъ моихъ скудость въ идеяхъ, *болѣе живости, украшеній, чѣмъ глубокомыслія и силы.* Отъ того послѣдовало и то, что ни въ которомъ изъ лучшихъ моихъ стихотвореній нѣтъ обширной основы».

Этотъ отзывъ Дмитріева о собственной поэтической дѣятельности до такой степени скроменъ, что нельзя не припомнить здѣсь важнѣйшую заслугу его по отношенію къ современной русской литературѣ: ту заботливую выработку русскаго стиха и легкаго поэтическаго выраженія, въ которыхъ до него чувствовался положительный недостатокъ. Въ этомъ отношеніи онъ принесъ несомнѣнную пользу и облегчилъ путь слѣдовавшему за нимъ поколѣнію поэтовъ. Все, что написано Дмитріевымъ, кромѣ громкихъ одъ и чисто-реторическихъ произведеній, написано легко и читается свободно; многія басни его до сихъ поръ не утратили еще своего литературнаго достоинства.

Но при всѣхъ этихъ достоинствахъ, нельзя не согласиться съ Дмитріевымъ, когда онъ говоритъ, что «онъ долженъ быть признателенъ къ счастливой звѣздѣ своей» и замѣчаетъ, что «едва-ли кто изъ его современниковъ проходилъ авторское поприще свое съ меньшею заботою и съ большой удачею». Дѣйствительно, имя его, благодаря тѣсной связи съ Карамзинымъ, а черезъ него и съ двумя важнѣйшими современными журналами (*Московскимъ журн. и Вѣстн. Европы*), пріобрѣло громкую извѣстность со времени появленія въ свѣтъ двухъ первыхъ удачныхъ стихотворныхъ опытовъ его, и стало почти неразлучно съ именемъ Карамзина. Всѣ говорили: Карамзинъ и Дмитріевъ — какъ бы равняя ихъ въ авторской славѣ и въ заслугахъ по отношенію къ отечественной литературѣ. Мало того, реформы произведенныя Карамзинымъ въ нашемъ литературномъ языкѣ и слогѣ, возбудили противъ него многихъ, многихъ отъ него оттолкнули и даже побудили противоположную ему партію старыхъ литераторовъ сплотиться въ ученое общество, положившее себѣ цѣлью — противодѣйствовать во чтобы то ни стало Карамзинскимъ нововведеніямъ въ литературномъ языкѣ. Во главѣ общества явились Державинъ, А. С. Шишковъ—и Дмитріевъ, тотъ самый Дмитріевъ, который положительно принадлежитъ и по языку, и по духу своихъ произведеній, къ наиболѣе виднымъ представителямъ карамзинской школы. Всѣ члены «Бесѣды», какъ бы незамѣчая этого, относились къ Дмитріеву съ величайшимъ уваженіемъ, указывали на него, какъ на преемника Державинской славы и какъ на опору *славенщизны.* А. С. Шишковъ, сдѣлавшись предсѣдателемъ Россійской Академіи, даже способствовалъ тому, чтобы Дмитріевъ получилъ отъ Академіи большую золотую медаль съ лестною подписью: «*Россійскому языку пользу принесшему*»—хотя, собственно говоря, эту медаль, по справедливости, слѣдовало бы поднести не Дмитріеву, а Карамзину. Когда Дмитріевъ выдалъ въ свѣтъ «*И мои бездѣлки*», и потомъ надолго замолкъ, занимаясь исключительно службою, этого небольшаго сборника стихотвореній было совершенно достаточно для того, чтобы положить основу его славѣ, какъ поэта и литератора, а полное отсутствіе всякаго опредѣленнаго направленія и дружескія отношенія, поддерживаемыя съ двумя противуположными литературными лагерями, много способствовали его успѣхамъ на службѣ и въ жизни. Нѣкоторые изъ этихъ успѣховъ превышали даже всякое вѣроятіе. Такъ напр. уже будучи (съ 1806) Сенаторомъ, Дмитріевъ неожиданно получилъ въ 1807 году предложеніе отъ Графа Завадовскаго (Министра Народнаго Просвѣщенія) занять мѣсто попечителя при Московскомъ Университетѣ, которое до него было занято однимъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени—М. Н. Муравьевымъ. Дмитріевъ благоразумно отказался, и черезъ три года послѣ того сдѣланъ былъ Министромъ Юстиціи (1810—1814). Годъ назначенія его Министромъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ годомъ его литературной дѣятельности. Упоминая о томъ высокомъ общественномъ положеніи, которое въ этотъ періодъ Александрова царствованія занималъ Дмитріевъ, мы не можемъ здѣсь же кстати не упомянуть, что мѣсто Московскаго попечителя, а впослѣдствіи и высокое званіе Министра Народнаго Просвѣщенія чуть было не досталось Карамзину; но Карамзинъ, какъ человѣкъ болѣе опредѣленнаго характера и направленія не получилъ ни того, ни другаго назначенія: ему были предпочтены другіе... Спокойно и счастливо достигнувъ верха почестей гражданскихъ и громкой, авторитет-

ной извѣстности въ литературѣ, Дмитріевъ, покинувъ службу, также спокойно и счастливо доживалъ свой долгій вѣкъ въ Москвѣ, всѣми уважаемый и прославляемый, напрерывъ избираемый въ почетные и дѣйствительные члены всевозможныхъ русскихъ ученыхъ и «другихъ благонамѣренныхъ обществъ въ Имперіи». [1]) Ему пришлось быть свидѣтелемъ наступленія и полной, широкой дѣятельности новаго Пушкинскаго поколѣнія молодыхъ русскихъ писателей; онъ даже и умеръ въ одинъ годъ съ Пушкинымъ.

Озеровъ.

Мы, конечно, не можемъ удивляться тому, что другъ Карамзина и современникъ славы Державина не вполнѣ справедливо относится къ успѣхамъ поэтовъ Пушкинской школы; но каждаго конечно долженъ удивить тотъ чрезвычайно наивный отзывъ, который былъ сдѣланъ о Дмитріевѣ однимъ изъ корифеевъ нашей учености въ письмѣ о кончинѣ и погребеніи Дмитріева: «Мы привыкли — пишетъ ученый — «видѣть въ (Дмитріевѣ) и Карамзина, и Державина, и Богдановича; онъ былъ для насъ представителемъ лучшаго времени, *когда литература наша была чище, благороднѣе, прекраснѣе. Что скажетъ онъ Карамзину на его вопросъ* (sic!) *о теперешнемъ ея состояніи?* Мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, купующія и продающія, и нѣтъ бича-изгонителя, и какіе виды въ будущемъ!»... Затѣмъ слѣдуютъ похвалы такого содержанія: «Человѣкъ почтенный» — пишетъ ученый—...«въ рангѣ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, онъ любилъ литературу; съ тремя звѣздами, онъ пріѣзжалъ во всякое ученое собраніе; Министръ Юстиціи, онъ оставилъ послѣ себя только 600 родовыхъ душъ; русскій помѣщикъ — безъ долговъ; поэтъ — умолкнувшій во время; старикъ, съ которымъ всегда пріятно было проводить время, привѣтливый, ласковый. Да почіетъ въ мирѣ прахъ его! а имя его останется навсегда незабвеннымъ въ исторіи русской литературы». [2]) Не слѣдуетъ забывать того, что это все было писано вскорѣ послѣ смерти Пушкина и притомъ въ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ періодовъ нашей литературы. Мы имѣемъ основаніе думать, что и будущія, болѣе насъ строгія въ литературной критикѣ поколѣнія не отнимутъ можетъ быть у Дмитріева то мѣсто, которое по заслугамъ принадлежитъ ему въ нашей литературѣ: но они конечно съумѣютъ похвалить его съ большимъ достоинствомъ...

Рядомъ съ Дмитріевымъ, въ числѣ первыхъ послѣдователей сентиментальной школы, заслуживающихъ вполнѣ вниманія литературной критики, слѣдуетъ поставить нашего драматическаго писателя, *Владислава Александровича Озерова* (род. 1770 г., ум. въ 1816 г.) Къ сожалѣнію мы не имѣемъ объ этомъ замѣчательномъ писателѣ положительно *никакихъ* біографическихъ свѣдѣній и его біографія, любопытная во многихъ отношеніяхъ, извѣстна намъ гораздо менѣе, нежели біографія Хемницера. Если мы имѣли право упомянуть выше, что біографія Хемницера состоитъ вся только изъ нѣсколькихъ анекдотовъ, то относительно біографіи Озерова прійдется сказать, что она вся заключается въ двухъ-трехъ фактахъ и въ нѣсколькихъ намекахъ на совершенно темные, неизвѣстные намъ факты.

Достовѣрно извѣстно только то, что В. А. Озеровъ родился въ Тверской губерніи, воспитывался въ томъ же кадетскомъ кор-

[1]) Взглядъ на мою жизнь, стр. 93. [2]) Письма М. П. Погодина, приложенные къ «Взгляду на мою жизнь». См. тамъ письмо 2-е, стр. 205—306.

кусѣ, который уже воспиталъ Сумарокова и, вслѣдъ за нимъ, многихъ нашихъ писателей прошлаго вѣка. Въ 1787 году Озеровъ былъ выпущенъ изъ корпуса поручикомъ и состоялъ на службѣ адъютантомъ при директорѣ корпуса, графѣ Ангальтѣ. На смерть этого графа Ангальта Озеровъ написалъ французскіе стихи, принадлежащіе къ числу его первыхъ опытовъ литературныхъ и свидѣтельствующіе о томъ, что онъ обладалъ блестящимъ по тому времени свѣтскимъ образованіемъ. Служилъ Озеровъ довольно счастливо, судя потому, что въ нѣсколько лѣтъ военной службы успѣлъ дослужиться до чина генералъ-маіора; послѣ того онъ перешелъ въ статскую службу, въ которой оставался очень недолго (до 1808 г.), вѣроятно потому, что уже чувствовалъ приближеніе того тяжкаго и долговременнаго разстройства умственнаго, которое окончательно свело его въ могилу.

На литературное поприще Озеровъ выступилъ въ 1794, напечатавъ *ироиду* «Элоиза къ Абеляру», вольный переводъ изъ Колардо, къ которому переводчикомъ приложено было и краткое изложеніе исторіи несчастной любви этихъ двухъ прославленныхъ средними вѣками любовниковъ-страдальцевъ. Къ этому же времени, т. е. къ концу 90-хъ годовъ, относятся вѣроятно и нѣкоторыя мелкія стихотворенія Озерова, преимущественно оды, посланія и басни, непредставляющія впрочемъ ничего новаго и замѣчательнаго. Только одно изъ этихъ стихотвореній можетъ еще привлечь вниманіе современнаго читателя: — это «Гимнъ богу любви», отличающійся силою и гладкостью стиха и оригинальнымъ сочетаніемъ восхваленій въ честь *любви*, разливающей всюду благо и счастіе, населяющей землю, съ яркой картиной злодѣйства, которое вмѣстѣ съ тиранствомъ старается всѣми силами о томъ, чтобы эти блага любви уничтожить, стереть съ лица земли.

Въ 1798 году Озеровъ поставилъ на сцену свою первую и не вполнѣ удачную трагедію: «Ярополкъ и Олегъ», въ которой подражалъ своимъ предшественникамъ на русской сценѣ: Сумарокову и Княжнину, автору извѣстныхъ трагедій: «Росслава» и «Клеопатры». Въ произведеніяхъ Княжнина русская трагедія представляла собою до такой степени безцвѣтное подражаніе ложно-классической трагедіи французской, что трагическій родъ на русской сценѣ начиналъ утрачивать всякое значеніе и скорѣе наводилъ на современниковъ скуку, внушалъ имъ отвращеніе ко всему трагическому, нежели служилъ полнымъ и яснымъ истолкованіемъ явленій жизни, носящихъ на себѣ отпечатокъ трагизма.

Но во второй своей трагедіи, «Эдипъ въ Аѳинахъ»—поставленной на сцену въ 1804 г. и посвященной Державину, — Озеровъ уже выступилъ на новую дорогу и обратилъ на себя общее вниманіе тѣмъ новымъ элементомъ *чувства*, которому онъ, подъ вліяніемъ сентиментальной школы, далъ первое по значенію мѣсто въ развитіи своихъ драматическихъ характеровъ. Впечатлѣніе, произведенное *Эдипомъ* на публику, было до такой степени сильно, успѣхъ автора въ литературныхъ кружкахъ былъ такъ великъ, что у молодаго поэта, осыпаннаго похвалами, голова закружилась отъ счастія. Державинъ (которому трагедія была посвящена) и В. В. Капнистъ привѣтствовали Озерова посланіями, въ которыхъ одинаково убѣждають его идти «славною стезею» и презирать «зоиловъ злоязычныхъ».

Въ слѣдующемъ же году явилась новая трагедія Озерова — «*Фингалъ*», содержаніе которой заимствовано было изъ сборника Оссіановыхъ пѣсенъ, въ передѣлкѣ Макъ-Ферсона, надѣлавшей столько шума въ Европѣ. Мрачный *оссіановскій* колоритъ сѣверной природы и быта, который Озеровъ придалъ дѣйствію своей трагедіи, тогда входившій въ моду въ нашей поэзіи, много способствовалъ успѣху «Фингала» на сценѣ. Содержаніе *Фингала*, эффектное, разнообразное, богатое дѣйствіемъ и рѣзкими противуположностями въ драматическихъ характерахъ, особенно пришлось по душѣ современнымъ представителямъ тогда только еще зарождавшейся у насъ романтической школы. Вотъ что говоритъ одинъ изъ нашихъ романтиковъ о «Фингалѣ» Озерова:

«Въ трагедіи *Фингалъ* одно только трагическое лицо: *Старнъ*. Сынъ его *Тоскаръ* убитъ былъ Фингаломъ, и всѣ чувства родительскія, — нѣжная любовь къ сыну, сѣтованіе о немъ — соединились въ одно: въ желаніе мести. Фингалъ, побѣдитель и убійца Тоскара, влюбленъ въ его сестру *Моину*, которая отвѣчаетъ его страсти. Старнъ скрываетъ свое негодованіе отъ дочери, нераздѣляющей

ненависти его къ побѣдителю сына, и, вмѣсто обѣщаннаго брачнаго торжества, хочетъ принести Фингала въ жертву мести своей, на холмѣ надгробномъ Тоскара. Вотъ одна трагическая сторона *поэмы* Озерова! Онъ съ искуствомъ умѣлъ противопоставить мрачному и злобному Старну, таящему въ глубинѣ души преступныя надежды, взаимную и простосердечную любовь двухъ чадъ природы, искренность Моины, благородство и довѣрчивость Фингала — и сочетать въ одной картинѣ свѣжія краски добродѣтельной страсти, владичествующей прелестью очарованія своего въ сердцахъ невинныхъ, съ мрачными красками угрюмой и кровожаднѣйшей мести, и хитрость злобной старости съ довѣрчивою смѣлостію добродѣтельной молодости. Трагедія *Фингалъ* — торжество сѣверной поэзіи и торжество Русскаго языка, богатаго живописью, смѣлостію и звучностію. Рѣчи Моины, утренній голосъ весны, пробуждающій сладостнымъ очарованіемъ тишину безмолвныхъ рощей; сѣтованіе мрачнаго Старна, унылый голосъ осени, бесѣдующей съ ночною бурею... Въ Фингалѣ ничто незабыто, ни трагикомъ, ни поэтомъ: тотъ и другой взялъ съ Оссіана полную дань» [1]).

По своему историко-литературному значенію эта трагедія Озерова представляетъ для насъ гораздо болѣе важное явленіе, нежели всѣ остальныя произведенія его; но современники думали иначе: Озеровъ достигъ верха своей славы трагедіей *Дмитрій Донской*, однимъ изъ наименѣе замѣчательныхъ своихъ произведеній, но косвенно связаннымъ съ современной дѣйствительностью. *Дмитрій Донской* явился на сценѣ въ 1807 году, въ самый разгаръ борьбы Россіи съ Наполеономъ, когда русскій патріотизмъ былъ сильно настроенъ противъ Франціи и слѣдствіемъ этого настроенія явилась цѣлая патріотическая литература. По заключенію современнаго критика, «Озеровъ, въ трагедіи *Димитрій Донской*, напомнилъ согражданамъ своимъ о великой эпохѣ древней славы Россіи... и возвратилъ трагедіи истинное ея достоинство: питать гордость народную священными воспоминаніями и вызывать изъ древности подвиги великихъ героевъ, благотворителей современникамъ, служащихъ образцомъ для потомства». Въ Дмитріѣ всѣ видѣли Александра, въ Мамаѣ — Наполеона, и всей душой желая побѣды нашему оружію, незамѣчали и нехотѣли замѣчать всѣхъ недостатковъ и несообразностей трагедіи, въ которой историческая основа была сильно изуродована стремленіемъ автора опять-таки дать первое мѣсто въ трагедіи *чувству*. Вслѣдствіе этого стремленія, Димитрій является въ трагедіи *неженатымъ* и влюбленнымъ въ *Ксенію, княжну Нижегородскую*; и по справедливому замѣчанію современнаго критика, онъ «напоминаетъ намъ не великаго князя московскаго, но болѣе полуденнаго рыцаря среднихъ вѣковъ» [2]). Чрезвычайно любопытно то, что трагедія «Дмитрій Донской», послѣ 1812 года пользовалась еще большимъ успѣхомъ, нежели при появленіи своемъ, такъ какъ современники видѣли въ ней поэтическія предсказанія многихъ событій отечественной войны.

Блистательный успѣхъ «Дмитрія Донскаго» былъ послѣднимъ успѣхомъ Озерова. Судя по намекамъ, заключающимся въ прелестной баснѣ Батюшкова («Пастухъ и Соловей»), посвященной Озерову и написанной послѣ появленія на сценѣ «Дмитрія Донскаго», должно заключить, что какія-то довольно-темныя интриги и клеветы «зоиловъ строгихъ, *богатыхъ знатностью,* талантами убогихъ», значительно вредили Озерову въ его литературной карьерѣ. На то же самое намекаетъ и современный біографъ, говоря, что «частныя неудовольствія, легкія можетъ быть для другаго, но нестерпимыя для нѣжной и благородной души, удалили Озерова въ деревню». Удаленіе это, какъ кажется, было вынужденнымъ...«Въ тишинѣ деревни»— продолжаетъ біографъ — «Озеровъ кончилъ въ 1809 г. трагедію *Поликсену*, которая съ удовольствіемъ принята была публикою; но сдѣлалась, какъ сказываютъ, для автора источникомъ многихъ неприятностей, и чувствительное сердце поэта сохранило до гроба *живую память о нанесенномъ оскорбленіи.* Судя по нѣкоторымъ намекамъ, въ это время, цѣлая партія мелкихъ писакъ, съ княземъ А. А. Шаховскимъ [3]) во главѣ, препятствовала

---

[1]) *Кн. Вяземскій.* «О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова». Спб. 1817. Стр. XXXI—II. [2]) Тамъ же гл. XXXV. [3]) Кн. А. А. Шаховской, драматическій писатель, авторъ многихъ комедій, неотличающихся литературными достоинствами.

успѣхамъ Озерова на сценѣ и вредила всѣми мѣрами его репутаціи, какъ автора и какъ частнаго человѣка... Живой біографическій интересъ имѣютъ тѣ слова, которыми заканчивается *Поликсена*, и которыя постоянно были выпускаемы во время представленія этой трагедіи на сценѣ. Тамъ старецъ *Несторъ*, царь Пилоса, восклицаетъ въ заключеніе пьесы:

Среди тщеты надеждъ, среди страстей борьбы,
Мы бродимъ по землѣ игралищемъ судьбы.
Счастливъ, кто въ гробъ скорѣй отъ жизни удалится,
Счастливѣе сто кратъ, кто къ жизни не родится!»

Въ этихъ словахъ, по замѣчанію современнаго біографа, «мы слышимъ отголосокъ души поэта. Обманувшійся во многихъ надеждахъ, растерзанный въ живѣйшихъ чувствахъ сердца, онъ взоромъ разочарованнымъ глядѣлъ на жизнь и съ удовольствіемъ думалъ о смерти, спокойномъ убѣжищѣ утомленныхъ странниковъ земли». Въ деревнѣ началъ Озеровъ еще одну трагедію: *Медею*; неизвѣстно, куда дѣвалась она... Говорятъ, будто въ припадкѣ меланхоліи онъ сжегъ начало этой трагедіи, вмѣстѣ съ планами двухъ другихъ («Вельгардъ, Варягъ-мученикъ при Владимірѣ» и «Осада Дамаса»)... Любопытный намекъ на причины постигнувшей Озерова душевной болѣзни мы находимъ въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ расказовъ о Батюшковѣ. Однимъ изъ первыхъ впечатлѣній, поразившихъ Батюшкова по пріѣздѣ въ Петербургъ (въ іюлѣ 1814 г.) было сумасшествіе Озерова, «который погибалъ жертвою пылкости, самолюбія и какихъ-то доселѣ неразъясненныхъ навѣтовъ». Встрѣтившись съ (графомъ) Д. Н. Блудовымъ и другими пріятелями въ Императорской Публичной Библіотекѣ и заговоривъ объ Озеровѣ, Батюшковъ сказалъ между прочимъ: «вотъ каково водиться около риѳмъ! Это сходитъ съ рукъ только мнѣ да графу Дмитрію Ивановичу (Хвостову)» [1].

Едва-ли можно согласиться съ тѣмъ господствующимъ у насъ мнѣніемъ, что Озеровъ не обладалъ никакимъ самостоятельнымъ, природнымъ поэтическимъ даромъ, и что успѣхомъ своихъ трагедій былъ обязанъ только гладкости стиха и чистотѣ языка своихъ трагедій. Успѣхъ этотъ, какъ намъ кажется, болѣе всего основывался на томъ, что Озеровъ внесъ въ безжизненную до него, правильно-построенную на подражаніи французскимъ образцамъ, русскую трагедію новый элементъ *сентиментализма*, которымъ вѣроятно увлекался наравнѣ съ современною ему молодежью. Вслѣдствіе этого, конечно, Озерову болѣе удавались въ его трагедіяхъ *женскіе* характеры, восхищавшіе современниковъ: его *Антигона*, *Моина* и *Ксенія* много способствовали даже и развитію трагическаго искусства на нашей сценѣ, потому что представляли собою сценическіе характеры, достойные серьезной игры и глубокаго изученія. Нельзя упустить изъ виду и того, что Озеровъ, съ одной стороны, подражая Дюсису и придавая сентиментальный оттѣнокъ характерамъ своихъ трагическихъ героевъ, въ тоже время, одинъ изъ первыхъ въ числѣ русскихъ писателей, рѣшился почерпать трагическія сюжеты не изъ классическихъ преданій, не изъ темной въ то время отечественной старины, а изъ нетронутой еще сокровищницы западныхъ средневѣковыхъ преданій, разработка которыхъ такъ сильно способствовала, въ Германіи, переходу литературы отъ сентиментально-отвлеченнаго направленія къ болѣе живому, романтическому. Съ этой стороны заслуги Озерова были довольно вѣрно оцѣнены его біографомъ:

«Излишнимъ кажется доказывать» говоритъ кн. Вяземскій — «что ни Княжнинъ, ни Сумароковъ, не были его образцами, и смѣшно напоминать, что произведенія, послѣдовавшія за его трагедіями, не имѣютъ никакого съ нимъ сходства. Лучшія изъ первыхъ и послѣднихъ слѣплены съ одного образца и могутъ почесться мертвыми подражаніями французской классической трагедіи, въ которыхъ иногда кое-какъ сохранены узаконенныя условія, проповѣданныя драматическими пiитиками. Трагедіи Озерова занимаютъ между ними среду, и въ самыхъ погрѣшностяхъ своихъ представляютъ намъ *отступленія отъ правилъ*, *исполненныя жизни и носящія свой образъ*. Онѣ уже нѣсколько

[1]) Гр. Д. И. Хвостовъ, извѣстный своею бездарностью лирикъ-поэтъ, постоянно служившій цѣлью насмѣшекъ для всѣхъ современныхъ литературныхъ дѣятелей.

принадлежать къ новѣйшему драматическому роду, такъ называемому *романтическому*, который принятъ Нѣмцами отъ Испанцевъ и Англичанъ».

Признавая эту оцѣнку Озерова вполнѣ справедливой, мы не можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ не пожалѣть, что и біографія Озерова, и литературная дѣятельность его до сихъ поръ остаются такою темной, неразобранной страницей въ исторіи нашей литературы.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ДМИТРІЕВА.

ЧУЖОЙ ТОЛКЪ.

Сатира.

«Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все Оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Уже-ли выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку, Рамлеру и ихъ собратьи равнымъ,
И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣньи славнымъ?
Какъ думаешь?... Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ, и нашу пѣснь: въ ихъ... нечего читать!
Листочекъ, много три; а любо какъ читаешь —
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвясь, а не четыре дни;
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ щастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то—всѣ забавы прочь!
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ Одою одной!
И подлинно ужъ весь приложитъ разумъ свой!
Ужъ, прямо, самая торжественная Ода!
Я не могу сказать какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
Судите-жь, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ тому жъ, и въ правилахъ: прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье —
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму-ли, напримѣръ, я Оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли
Шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда, — короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!... а зѣваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ иль на что подобное тому:
Тутъ найдешь то, чего-бъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: *зари багряны персты*,
И райскій кринъ, и Фебъ, и небеса отверсты!
Такъ громко, высоко!... а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ!»
Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной простотою
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною;
Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно;
Но къ щастью — ежели назвать то щастьемъ
можно,
Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ —
Какой-то Аристархъ съ нимъ началъ разговоръ:

«На это, «—онъ сказалъ,—» есть многія причины;
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторы вамъ охотно объявлю.
Я самъ языкъ боговъ, Поэзію, люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однакожъ здѣсь въ Москвѣ толкался я, бывало,
Межъ нашихъ Пиндаровъ, и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ—Лейбгвардіи капралъ,
Ассесоръ, офицеръ, какой-нибудь подъячій,
Иль изъ Кунсткаморы антикъ, въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ — народъ все нужный,
должностной;
Такъ, часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, три дни рифму лишь прибрать едва
успѣетъ,
За тѣмъ, что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ,
Лишь только мысль къ нему щастливая придетъ,
Вдругъ било шесть часовъ! уже карета ждетъ;
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ
Ліону [1]),
А тутъ и ночь.... Когда-жъ заѣхать къ Аполлону?
На завтра лишь глаза откроетъ — ужъ билетъ:
На пробу въ пять часовъ.... Куда же?
Въ модный свѣтъ,
Гдѣ Лирикъ нашъ и самъ взялъ Арлекина ролю.
До Оды-ль тутъ? Тверди, скачи два раза къ
Кролю [2]);

---

[1]) Содержатель въ Петербургѣ вольныхъ Маскарадовъ. [2]) Петербургской портной.

Потомъ опять домой: здѣсь хоться да рядись,
А тамъ въ спектакль, и тутъ со днемъ опять простись?
«Къ тому-жъ, у древнихъ цѣль была, у насъ— другая:
Горацій, напримѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? О! онъ — онъ бралъ не съ высока,
Въ вѣкахъ—безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
«Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!»
А нашихъ многихъ цѣль—награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подчасъ мѣсяцослова;
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякой листъ быть кажется святымъ:
Судя-жъ, сколь разные и тѣхъ и нашихъ виды,
Навѣрно льзя сказать, не дѣлая обиды
Ретивымъ господамъ, питомцамъ Русскихъ Музъ,
Что долженъ быть у нихъ и особливый вкусъ,
И въ сочиненіи Лирической Поэмы
Другіе способы, особые пріемы;
Какіе же они, сказать вамъ не могу,
А только объявлю — и, право не солгу —
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворитель,
Котораго трудовъ *Меркурій* нашъ и *Зритель* [1])
И книжный магазинъ, и лавочки полны:
«Мы съ рифмами на свѣтъ», онъ мыслилъ, «рождены:
Такъ не смѣшно-ли намъ, Поэтамъ, согласиться
На взморьѣ въ хижину, какъ Демосѳенъ, забиться,
Читать да думать все, и то, что вздумалъ самъ,
Разсказывать однѣмъ шумящимъ лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
Онъ не учась ученъ, какъ придетъ въ восхищенье;
Науки будутъ все науки, а не даръ;
Потребный же запасъ: отвага, рифмы, жаръ».
И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный Оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что Рымникскій Алкидъ Поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ: Ода!
Потомъ, въ одинъ присѣстъ: *такого дня и года!*
«Тутъ какъ? *Пою!* Иль нѣтъ, ужъ это старина!
Не лучше-ль: *Даждь мнѣ, Фебъ?* Иль такъ: *не ты одна*
Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта?
Но что же мнѣ прибрать къ ней въ рифму, кромѣ *чорта?*
Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше побрежу,
И воздухомъ себя открытымъ освѣжу».
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
«Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ;
Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ?
Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ, а съ новымъ —
Не ловко что-то все. — Да просто напишу
Ликуй, Герой! ликуй! Герой ты! возглашу.
Изрядно! Тутъ же что! Тутъ надобенъ восторгъ?
Скажу: *Кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?*
Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣта
И то, и то... А тамъ? Извѣстно: *многи лѣта!*
Брависсимо! и планъ, и мысли, все ужь есть!
Да здравствуетъ Поэтъ! Осталося присѣсть,
Да только написать, да и печатать смѣло!»
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ, и въ шляпѣ дѣло!
И Оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ Одѣ ужъ его намъ вакоу продаютъ!
Вотъ какъ пиндарилъ онъ, и всѣ ему подобны,
Едва-ли вывѣски надписывать способны!
Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
«Кто въ громкой славою *Екатерининъ* вѣкъ
Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось ее, разбей, и знай: онъ не Поэтъ»!
Да вѣдаетъ же всякъ по Одамъ мой клевретъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, ничтожилъ,
Какъ Лириковъ цѣнилъ! Воспрянемъ! Марсій ожилъ!
Товарищи, къ столу, за перья! Отомстимъ,
Надуемся, напремъ, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную Сатиру,
И оправдаемъ тѣмъ Россійску громку лиру.

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ;
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ.
С каждымъ днемъ милѣе
Мнѣ она была;
Съ каждымъ днемъ алѣе,
Все какъ вновь цвѣла.
Но на щастье прочно
Всякъ надежду кинь:

---

[1]) С.-Петербургскіе Журналы.

Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.
Роза не увяла —
Тотъ же самый цвѣтъ;
Но не та ужъ стала:
Аромата нѣтъ!
Хлоя, какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Сколь, увы! опасенъ
Для красы порокъ!

Стонетъ сизый голубочекъ
Стонетъ онъ и день, и ночь;
Миленькой его дружочекъ
Отлетѣлъ на долго прочь.
Онъ ужъ болѣ не воркуетъ,
И пшенички не клюетъ;
Все тоскуетъ, все тоскуетъ,
И тихонько слезы льетъ.
Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.
Ждетъ ее.... увы! но тщетно;
Знать судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.
Онъ ко травкѣ прилегаетъ,
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужь не стонетъ, не вздыхаетъ;
Голубокъ — на вѣкъ уснулъ.
Вдругъ голубка прилетѣла,
Пріунывъ, издалека,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла,
Будитъ, будитъ голубка;
Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ —
Но ... увы! прелестна Хлоя!
Не проснется милый другъ!

КАРЕТНЫЯ ЛОШАДИ.

Двѣ Лошади везли карету;
Оселъ, увидя ихъ, сказалъ:
«Съ какою завистью смотрю на пару эту!
Нѣтъ дня, чтобъ гдѣ-нибудь ее я не встрѣчалъ;
Все вмѣстѣ: видно очень дружны!» —
«Дуракъ, дуракъ! при всей длинѣ своихъ ушей!»
Сказала въ слѣдъ ему одна изъ лошадей:
«Ты только лишь глядишь на признаки наружны;
Диковинка-ль всегда въ упряжкѣ быть одной,
А розно жить душой?
Увы! не намъ чета, живутъ на насъ похоже!»
Вчера мнѣ Хлоинъ мужъ шепнулъ въ собраньи тоже.

МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТЪ СВѢТА.

Восточны жители, въ преданіяхъ своихъ,
Разсказываютъ намъ, что нѣкогда у нихъ
Благочестива Мышь, наскуча суетою,
Слѣпаго щастія игрою,
Оставила сей шумный міръ,
И скрылась отъ него въ глубокую пещеру:
Въ Голландской сыръ.
Тамъ, святостью одной свою питая вѣру,
Къ спасенію души трудиться начала:
Ногами
И зубами
Голландской сыръ скребла, скребла,
И выскребла досужнымъ часомъ
Изрядну келейку съ достаточнымъ запасомъ.
Чего же болѣе? Въ такихъ-то Мышь трудахъ
Разъѣлась такъ, что страхъ!
Короче: — на порогѣ рая!
Самъ Богъ блюдетъ того,
Работать міру кто отрекся для Него.
Однажды предъ нее явилось, воздыхая,
Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ;
Оно идетъ просить защиты отъ дворовъ
Противу кошечья народа,
Который вдругъ на ихъ республику напалъ
И *Крысополисъ* ихъ въ осадѣ ужъ держалъ.
«Всеобща бѣдность и невзгода» —
Посольство говоритъ — «причиною, что мы
Несемъ пустыя лишь сумы;
Что было съ нами, все проѣли,
А путь еще далекъ! и для того посмѣли
Зайти къ тебѣ, и бить челомъ,
Снабдить насъ въ крайности посильнымъ подаяньемъ».
Затворница на то, съ душевнымъ состраданьемъ
И лапки положа на грудь свою крестомъ,
«Возлюбленны мои!» смиренно отвѣчала:
«Я отъ житейскаго давно уже отстала;
Чѣмъ, грѣшная, могу помочь?
Да ниспошлетъ вамъ Богъ! а я и день, и ночь
Молить Его за васъ готова».
Поклонъ имъ, заперлась, и болѣе ни слова.

Кто, спрашиваю васъ, похожъ на эту мышь?
Монахъ? Избави Богъ и думать!—Нѣтъ, Дервишъ.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ОЗЕРОВА.

ПОЛИКСЕНА.

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Театръ представляетъ станъ Улиссовъ, и дѣйствіе происходитъ предъ его шатрами).

Гекуба и Поликсена *(выходятъ изъ шатра при пѣніи послѣдней строфы хора).*

Хоръ женъ и дѣвъ Троянскихъ.

О, горе намъ! брега родимы
Покинуть скоро мы должны,
И чрезъ моря неизмѣримы
Отплыть въ безвѣстныя страны.
Оставимъ здѣсь мы прахъ священный
Почившихъ смертію отцовъ;
Сей прахъ, въ молчанье погруженный,
Не воззовется изъ гробовъ.
Птицъ хищныхъ стая водворится
Надъ градомъ, обращеннымъ въ тлѣнъ.
И звѣрь пустынный поселится
Въ развалинахъ Троянскихъ стѣнъ.

Гекуба.

Прервите томный стонъ, о дщери Иліона!
До сердца каждый звукъ сего доходитъ стона,
И каждый звукъ, увы! напоминаетъ мнѣ,
Что я источникъ бѣдъ плачевной сей странѣ,
Парида породивъ, для Трои язву люту;
Почто небесный громъ въ ту пагубну минуту,
Когда рождался онъ, не поразилъ меня?
Иль пламя для чего подземнаго огня
Съ несчастной матерью не поглотило сына?
Благословенная была-бъ моя кончина:
Еще бы Иліонъ блисталъ на сихъ брегахъ;
Еще бы мой супругъ въ почтенныхъ сѣдинахъ
Сидѣлъ между сыновъ за трапезой пріемной,
Къ которой смѣло шелъ всякъ путникъ иноземной,
Дивясь могуществу и щедрости царя.
Но слава та, мнѣ въ казнь, погасла какъ заря.
Я въ домъ пріяла мой съ Еленою злодѣйство:
И Грековъ острый мечь пожалъ мое семейство,
Какъ рѣзкій серпъ жнеца на нивѣ жнетъ власы.
Щадите грусть мою въ жестокіе часы,
Когда, подъ заревомъ пылающей столицы,
Вы зрите тяжкій плѣнъ и нищету царицы!

Поликсена *(подаетъ знакъ Троянкамъ, чтобъ удалились).*

О, матерь горестна! ты можешь-ли себѣ
Приписывать бѣды, угодныя судьбѣ?
Какъ смертные-бы ихъ избѣгнуть ни хотѣли,
Судьба приводитъ насъ къ назначенной намъ цѣли.
Не ты-ль единожды, оракулу внимавъ,
Къ спасенью сей страны скрѣпила нѣжный нравъ
И, въ сердцѣ заглушивъ умильный гласъ природы,
Парида нѣкогда младенческіе годы
На смерть пустынную извергла въ нѣдра горъ?
И тамъ рука боговъ, готовя намъ позоръ
И день плѣненія, Парида сохранила
На пагубу Троянъ, на пагубу Ахилла...
Но имя чье, увы, произнесла теперь
Твоя несчастная, забывшаяся дщерь!
Когда Гекуба днесь стенаетъ сокрушенна,
О горестяхъ своихъ вѣщаетъ Поликсена....
Мнѣ-ль грустію моей печали умножать,
Отъ коихъ предо мной моя страдаетъ мать?
Нѣтъ, скорбь душевная пусть скрыта остается;
Пускай твоя тоска въ слезахъ ко мнѣ прольется!
На пламенную грудь тѣ слезы я пріиму,
Тѣ слезы горькія, коль сердцу своему
Ты можешь въ нихъ найти печали утоленье.

Гекуба.

Ахъ! ты-ли подаешь прискорбной утѣшенье,
О, Поликсена, ты, которую страдать

На свѣтъ произвела твоя плачевна мать!
Когда судили мнѣ непостижимы боги
Нести ихъ гнѣвъ въ концѣ сей жизненной дороги,
Они надеждою мой укрѣпили духъ,
Что смерть, несчастливыхъ послѣдній, скромный другъ
И сокрушающій гоненіе и злобу,
Отверзетъ скоро мнѣ сырой земли утробу,
Куда уже давно склоняюся отъ лѣтъ;
Но ты, дочь милая, какъ ранній, нѣжный цвѣтъ,
По безвременницѣ подверженный ненастью,
Ты привыкать должна съ весны своей къ несчастью!
Сей мыслью болѣе еще терзаюсь я:
Быть можетъ, въ горестяхъ возропщешь на меня;
Скитаясь въ нищетѣ и съ ней влача презрѣнье,
Ты будешъ клясть и жизнь, и самое рожденье.

Поликсена.

Нѣтъ, матерь нѣжную всегда благословлю,
И жизнь, и строгій рокъ въ смиреньи претерплю.

Гекуба.

Отрады въ жизни сей не зрѣвъ себѣ ни малой,
День каждый болѣе въ душѣ своей усталой
Ты будешь унывать. Тотъ можетъ лишь одинъ
Сносить съ терпѣніемъ неправый гнѣвъ судьбинъ
И жизнью не скучать, кто былъ счастливымъ прежде,
Или счастливымъ быть остался кто въ надеждѣ.
Но ты, о дочь моя, отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Считая дней число числомъ постигшихъ бѣдъ,
Надъ чѣмъ ты мыслію спокоишься тоскліва?

Поликсена.

И я была равно въ свою чреду счастлива
Въ тѣ радостные дни, въ которые Ахиллъ
Троянамъ свой союзъ, мнѣ—сердце предложилъ,
Въ тѣ дни, когда любя и страстно бывъ любима,
Я видѣла у ногъ вождя непобѣдима,
Столь грознаго для всѣхъ, столь нѣжнаго ко мнѣ;
Когда родителю, отеческой странѣ,
Въ немъ видѣть твердый щитъ мечтала Поликсена,
И счастьемъ, славою, любовью упоенна,
Когда казалась я въ сіяніи лучей,
Ахилломъ придданныхъ любовницѣ своей.
Надеждой вознося́сь супругой быть герою,
Которымъ я спасу отца, семейство, Трою,
Который для меня преобразилъ весь міръ,
Я въ полубогѣ семъ мой видѣла кумиръ.
Но, ахъ, въ единый день, иль лучше въ часъ единой:
Все счастіе мое разрушено судьбиной:
Мой бракъ завистенъ сталъ враждующимъ богамъ:
Въ кроваво поприще преобратился храмъ,
И мертвый палъ Ахиллъ, и алчная могила
Всѣ радости мои съ любезнымъ поглотила.
Когда могла прежить того, кто былъ столь милъ;
То я найду въ себѣ еще довольно силъ,
Чтобъ жизнью не скучать, какъ жизнь ни будетъ слезна,
И мыслью отдохну, что я тебѣ полезна.

Гекуба.

Ужель ты думаешь послѣдовать за мной
Въ страну, куда меня Улиссъ влечетъ рабой,
Гдѣ руки слабыя царицы престарѣлой
Обременитъ сей вождь работою тяжелой
И плѣномъ изнуритъ мой нищій духъ въ конецъ!

Поликсена.

Есть развѣ смертные жестокихъ толь сердецъ,
Чтобъ мнѣ препятствовать быть спутницей твоею,
Твою покоить грусть любовію моею?
Ахъ, нѣтъ, на край земли и въ самый дикій край
Меня сопутницей ты видѣть уповай:
Такъ, слѣдую съ тобой въ иноплеменну землю;
Твой плѣнъ, труды, печаль, на рамена пріемлю,
И съ ношей буду сей въ пути моемъ тверда.
Но только, нѣжна мать! къ отрадѣ иногда
Въ свободные часы мы будемъ плакать вмѣстѣ:
Вдова Пріамова къ Ахилловой невѣстѣ
На грудь стѣсненную преклонится главой,
Слезу горячую съ ея сольетъ слезой,
И мысль свою занявъ воспоминаньемъ милымъ,
Исполнится нашъ духъ веселіемъ унылымъ.

Гекуба.

О, боги милостей, хвалы внемлите гласъ!
Еще послали вы мнѣ сладкій въ жизни часъ.

Благословеніе и доброе рожденье!
Пріиди въ объятія, и радостно біенье
Ты сердца моего почувствуешь сама,
Коль въ благодарности я остаюсь нѣма!
О, боги, за нее молить я васъ не смѣю!
Уже давно мольбой скучаете моею:
Но если правый судъ взираетъ на дѣла,
Коль добродѣтель вамъ межъ смертными мила;
То вашъ благой совѣтъ пусть призритъ Поликсену!...
Кассандру вижу я идущую смущенну.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ГЕКУБА, ПОЛИКСЕНА И КАССАНДРА.

Гекуба *къ Кассандрѣ.*

Скажи, дочь грустная! къ какимъ опять бѣдамъ
Твой мрачный зракъ велитъ приготовляться намъ?
Или ужъ день насталъ предчувствованной муки,
И вѣтръ подулъ съ бреговъ, предвѣстникъ намъ разлуки?

Кассандра.

Нѣтъ, связаны еще стихіи тишиной.
Но передъ тѣмъ, какъ съ сей разстанемся страной
И подходя къ судамъ на вѣчную разлуку,
Впослѣдни подадимъ между собою руку
И здѣсь въ послѣдній разъ родимыхъ обоймемъ,
Быть можетъ, новыхъ слезъ источникъ мы найдемъ.

Гекуба.

Источникъ новыхъ слезъ намъ долженъ здѣсь открыться,
Когда и первыя не могутъ истощиться,
Когда и въ шумѣ дня, и въ тишинѣ ночей,
Не осушаю я отъ слезъ моихъ очей...
О, сколь ужасенъ даръ, который открываетъ
Тѣ бѣдства, кои намъ судьба приготовляетъ!
Какъ роковой вѣщунъ, всегда Кассандры гласъ
Печали разсѣвалъ и ужасъ между насъ.
Едва отрады лучъ блеснулъ въ душѣ Гекубы,
И возвѣщаешь ей ты горести сугубы.

Кассандра.

Кляну и я давно несчастливый тотъ даръ,
По коему могу предвидѣть лишь ударъ;
Но, какъ ударъ отвесть, предвидѣть не умѣю.
Спокойнѣе сама была бы я душею,
Когда бъ мнѣ данный духъ не проницалъ премѣнъ,
Сокрытыхъ въ будущемъ завѣсою временъ:
Не видѣла бъ вдали погибели сужденной
И ждущія меня въ странѣ иноплеменной,
Гдѣ сѣти хитрыя супругу сплетены
Коварною рукой невѣрныя жены,
И гдѣ Агамемнонъ... Но вашего вниманья
Собою не займу. Довольно здѣсь рыданья
Троянкамъ вообще принесть сей долженъ день.
На холмѣ гробовомъ Ахилла страшна тѣнь
Въ сію явилась ночь, отъ смерти возбужденна.

Поликсена.

Что говоришь ты? Тѣнь супруга?

Кассандра.

Поликсена,
Въ часъ гибели съ тобой онъ обрученнымъ былъ;
Не знаю, что вѣщалъ явившійся Ахиллъ;
Но горъ верхи едва блѣднѣли отъ разсвѣта,
Когда Агамемнонъ былъ призванъ для совѣта;
Вожди сбиралися по близости шатровъ,
Гдѣ Пирръ, толь духомъ гордъ и сердцемъ толь суровъ,
Питаетъ ненависть къ остаткамъ Иліона.
Я устрашилася, узрѣвъ Агамемнона,
Какъ возвратился онъ оттоль къ своимъ шатрамъ.
По мрачному челу, сверкающимъ очамъ,
По быстротѣ во всѣхъ его движеньяхъ видной,
Я заключить могла, что гнѣвъ, на сердцѣ скрытной,
И жалость явная волнуетъ душу въ немъ.
«Иди,» сказалъ онъ мнѣ, «въ присутствіи твоемъ
Гекуба, можетъ быть, днесь нужду возъимѣетъ:
Какой безжалостный о ней не пожалѣетъ!»
Сіи слова царя, его смущенный взоръ
И все являетъ мнѣ, что смерти приговоръ
Межъ насъ еще одной изрекъ совѣтъ убійства,
Что самъ Агамемнонъ замолкъ противъ витійства
Улисса хитраго, искуснаго въ рѣчахъ.

Гекуба.

Какой по сердцу мнѣ распространяешь страхъ!
Ахиллъ... совѣтъ вождей... и смерть... я цѣпенѣю
И мыслей смѣшанныхъ остановить не смѣю.

Кассандра.

Увы, познаемъ все: Улиссъ идетъ сюда!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ВСѢ ПРЕЖНІЕ И УЛИССЪ.

Гекуба къ *Улиссу*.

Коль стонъ страдающихъ возмогъ, Улиссъ, когда
Тебя разжалобить, внемли своей рабынѣ!
Скажи, какую скорбь готовите мнѣ нынѣ?
То правда-ль, что Ахиллъ въ молчаніи ночномъ
Явился къ ужасу на холмѣ гробовомъ?
Что симъ явленіемъ всѣ Греки устрашенны
Противъ Троянокъ вновь подвиглись раздраженны?
Что смерть здѣсь носится надъ нашею главой?
Когда-бъ ея ударъ низвергся надо мной;
Пріамовой земли подъ глыбы сокровенна,
Я-бъ отдохнула тамъ отъ горести и плѣна!

Улиссъ.

Твой плѣнъ окончился.

Гекуба.

Ты плѣнъ кончаешь мой?
Что слышу я! Но кто, кто щедрою рукой
Мой выкупъ заплатилъ?

Улиссъ.

Несчастія и старость,
Гнетущія тебя, подвигнули на жалость
Великодушіе собравшихся царей:
Сердца спокоилъ ихъ я вольностью твоей.
Свободна, можешь ты мой станъ въ сей день оставить,
Въ страны союзныя свой трудный путь направить,
Искать пристанища въ дому друзей твоихъ.

Гекуба.

Друзей... несчастные когда находятъ ихъ?
Имѣла нѣкогда и я друзей усердныхъ;
Но всѣ истреблены рукой немилосердныхъ:
Стремительный вашъ гнѣвъ, лѣтъ десять безъ премѣнъ,
Разсѣялъ кости ихъ вокругъ Троянскихъ стѣнъ
Союзники, друзья, супругъ и дѣти милы,
Подъ Троей всѣ легли, всѣ снѣдію могилы,
Или въ оковахъ днесь у воя иль царя
Рабами отплывутъ за дальнія моря.
(*Указываетъ на Поликсену*).
Вотъ другъ единый мнѣ, оставшійся въ природѣ,
Съ которой я могу о данной мнѣ свободѣ
Въ убогой хижинѣ веселье раздѣлять
И тамъ за оный даръ тебя благословлять!

Улиссъ.

Съ душевной горестью то упованье лестно
Разрушить долженъ я. Когда тебѣ извѣстно,
Что въ ночь сію Ахиллъ отъ гроба возставалъ;
То знать уже должна, что̀ Грекамъ онъ вѣщалъ:
Онъ кровью хочетъ зрѣть могилу орошенну,
И въ жертву сонмъ царей назначилъ Поликсену.

Гекуба, *бросаясь въ объятія Поликсены*.

Дочь милую!

Кассандра.

Сестру!

Поликсена.

О, боги!

Улиссъ.

Ахъ! я самъ
Скорбь вашу чувствую, и горестнымъ слезамъ
Вы можете предаться на свободѣ:
Я оставляю васъ. Отдайте долгъ природѣ,
И нужной твердости просите отъ боговъ!
Чрезъ часъ пріиду; вашъ духъ чтобъ былъ тогда готовъ
Разлуку перенесть, сужденную закономъ
Отъ торжествующихъ надъ павшимъ Иліономъ.
(*Улиссъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ГЕКУБА, ПОЛИКСЕНА И КАССАНДРА.

Кассандра.

И сострадаетъ онъ!

Поликсена.

Жестокій человѣкъ!
(*Къ Гекубѣ*).
О, матерь скорбная!

Гекуба, (*возставая изъ объятій Поликсены*).

Ушелъ-ли хитрый Грекъ,
Коварствъ исполненный, Улиссъ немилосердой?
Онъ смертью поразилъ, и мнѣ велитъ быть твердой...

Быть твердою въ часы, когда хотятъ лишать
Послѣдней дочери, для коей дышитъ мать!
Какъ сокрушенная погибелью супруга,
Погибелью семьи, послѣдняго я друга
Увижу Греками влекомаго на смерть.
Ахъ, руки мнѣ къ кому просительны простерть?
Кто внемлетъ моему отчаянному стону?
Кассандра, поспѣши, бѣги къ Агамемнону!
Онъ сострадающимъ явился нынѣ къ намъ.
Преклонится къ твоимъ ліющимся слезамъ
Надъ скорбной матерью, надъ горестной сестрою.
Моли его; рожденъ онъ съ сильною душою;
Ему принадлежитъ принять подъ свой покровъ
Гонимыхъ отъ людей, забытыхъ отъ боговъ
На коихъ мертвые возстали изъ гробницы,
И кои ждутъ его спасительной десницы.

Кассандра.

Иду; услышитъ онъ гласъ горести моей
Но что? Въ рукѣ боговъ сердца и слухъ царей.
О, боги! не прошу отъ васъ рѣчей искусства.
Но дайте нынѣ мнѣ языкъ души и чувства,
Которому бы внялъ въ сей день Агамемнонъ,
Возсталъ и опровергъ губителей законъ,
Гласящій дѣвы смерть, разящій скорбну старость
(*Указывая на Гекубу*).
И долженствующій подвигнуть вашу ярость!
О, матерь, слезный токъ, коль можно, осуши!
А ты, сестра, умѣрь уныніе души!
(*Кассандра уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ГЕКУБА И ПОЛИКСЕНА.

Гекуба, *обнимая Поликсену.*

Такъ, успокоимся и оживемъ къ надеждѣ?

Поликсена.

Къ надеждѣ? Нѣтъ, она давно уже и прежде
На сердцѣ замерла у дочери твоей.
Но я не плачу здѣсь надъ смертію моей:
Не тѣ несчастливы, которы умираютъ,
Но тѣ, которые любезныхъ переживаютъ.
О, матерь, я теперь лью слезы надъ тобой.
Какой свирѣпою гонима ты судьбой!
Какая въ ярости боговъ неутомимость!
Но предноставь ты имъ души неколебимость;
Утѣшься мыслію, что дочь твоя въ сей день
Супруга своего увидитъ милу тѣнь!
Вообрази себѣ; когда я смерть пріемлю
Что въ дальнюю меня ты отпустила землю,
Гдѣ избранный женихъ, гдѣ вѣрный мнѣ Ахиллъ
Всю прежнюю любовь къ невѣстѣ сохранилъ,
Что мечь губительный свершитъ союзъ нашъ брачный,
Что ложемъ радостей мнѣ гробъ предстанетъ мрачный,
Что я отъ бурь мірскихъ укрылася туды,
Гдѣ настаетъ покой, гдѣ кончатся труды!

Гекуба.

Ты, дочь жестокая! мнѣ сердце раздираешь:
Такъ, вижу я теперь, что смерти ты желаешь.
Что, тлѣя внутренно отъ страстнаго огня!
Покинуть на землѣ желаешь ты меня.
Покинуть... Но, увы, что станется со мною
На старости должна скитаться сиротою;
Печальную главу къ кому я преклоню?
Къ отрадѣ временной съ кѣмъ слезы я пролью?
Кто слезы приметъ тѣ, кто ихъ уразумѣетъ,
И утѣшеніемъ кто грудь мою согрѣетъ?
Ты плачешь! Ахъ, прости, несправедлива я!
Нѣтъ, не покинешь ты прискорбную меня:
Но коль Агамемнонъ... Сомнѣніе ужасно!
Минуты быстрыя теряю здѣсь напрасно;
Свободна я, сама къ нему должна спѣшить.
Кто лучше матери то въ силахъ изъяснить.
Что сердце чувствуетъ, теряя дочерь милу!
Пойдемъ: отчаянье даетъ мнѣ нову силу.
Онъ стонъ услышитъ мой; онъ жалостливъ отецъ,
Онъ долженъ чувствовать священну связь сердецъ,
Которая меня съ тобою съединяетъ:
Какой отецъ въ сей день мнѣ здѣсь не сострадаетъ?

XXXIV.

В. А. ЖУКОВСКІЙ.—БІОГРАФИЧЕСКІЯ ПОДРОБНОСТИ.—ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЖУРНАЛЬНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.—ЭЛЕГИЧЕСКОЕ НАСТРОЕНІЕ И ПОВОДЫ КЪ НЕМУ.—ЖУКОВСКІЙ И ЕГО ДРУЗЬЯ АРЗАМАСЦЫ.—ЗАСЛУГИ ЖУКОВСКАГО, КАКЪ ПЕРЕВОДЧИКА.—БАТЮШКОВЪ И ЕГО ОТНОШЕНІЕ КЪ ЖУКОВСКОМУ.—ВЛІЯНІЕ, ОКАЗАННОЕ НА ЕГО ПОЭЗІЮ ЭПОХОЮ ПОДВИГОВЪ И РАЗОЧАРОВАНІЙ.—БІОГРАФИЧЕСКІЯ ПОДРОБНОСТИ.

Если ближайшими послѣдователями Карамзинскаго направленія мы назвали выше И. И. Дмитріева и В. А. Озерова, то крайними и наиболѣе талантливыми послѣдователями того же направленія слѣдуетъ конечно назвать Жуковскаго и Батюшкова, которые своею литературною дѣятельностью представляютъ уже совершенно ясный переходъ отъ сентиментальнаго направленія къ романтическому. Мы говоримъ именно *переходъ*, потому что, собственно говоря, не съ Жуковскаго, а съ Пушкина начинается у насъ дѣйствительное преобладаніе романтизма въ литературѣ. Самъ Жуковскій, повидимому, предполагалъ, что романтизмъ въ русской литературѣ ведетъ свое начало отъ него[1]); тоже самое мнѣніе потомъ было повторено многими; но мнѣніе это рѣшительно не выдерживаетъ критики, потому что романтизмъ, какъ самостоятельное направленіе нашей литературы, имѣетъ очень немного общаго съ переводнымъ романтизмомъ Жуковскаго; и хотя онъ дѣйствительно установился и пустилъ корни въ нашей литературѣ въ теченіи долговременной, пятидесятилѣтней литературной дѣятельности Жуковскаго, но собственно ему онъ обязанъ очень немногимъ... Все, что было самостоятельнаго, непереводнаго въ литературной дѣятельности Жуковскаго, то представляло собою подражанія или громкимъ, торжественнымъ произведеніямъ предшествовавшихъ ему поэтовъ реторической школы, или нѣжнымъ, мечтательнымъ, унылымъ произведеніямъ школы сентиментальной. Долго немогъ Жуковскій выбиться изъ этого заколдованнаго круга подражаній, и наконецъ, выступивъ изъ него, посвятилъ свою дѣятельность исключительно переводамъ произведеній романтической нѣмецкой и англійской школы. Всякій разъ, когда послѣ того Жуковскій рѣшался покидать эту почву и пытался создать нѣчто самостоятельно-русское въ романтическомъ родѣ, эти попытки ему положительно не удавались, и онъ снова возвозвращался къ переработкамъ или переводамъ произведеній англійской и нѣмецкой литературы; подъ конецъ своей литературной карьеры онъ сталъ обращать особенное вниманіе на эпическія произведенія Востока (занимавшія Нѣмцевъ во второй четверти нынѣшняго вѣка) и наконецъ блестящимъ образомъ закончилъ свою дѣятельность высоко-художественнымъ переводомъ Одиссеи. Изъ этого общаго взгляда на литературное поприще Жуковскаго мы совершенно естественно должны прійти къ тому выводу, что главная заслуга его заключается не въ томъ, что онъ далъ романтизму возможность установиться на нашей литературной почвѣ, а скорѣе въ томъ что онъ своими превосходными переводами сблизилъ русскую литературу съ цѣлою массою новыхъ литературныхъ образцовъ, расширилъ область нашей литературной критики, и тѣмъ самымъ окончательно отнялъ всякое значеніе и всякую силу вліянія у псевдо-классической теоріи и представляемыхъ ею образцовъ литературнаго творчества.

Василій Андреевичъ Жуковскій (род. 1783, ум. 1852 г.) родился въ селѣ *Мишенскомъ*, Тульской губерніи, принадлежавшемъ отцу его, богатому помѣщику, Аѳанасію Ивановичу *Бунину*, одному изъ тѣхъ старинныхъ русскихъ баръ, которыхъ типъ давно уже исчезъ изъ русской дѣйствительности и не возродится болѣе. Въ началѣ 70-хъ годовъ

[1]) Въ своемъ письмѣ къ Стурдзѣ (10 марта 1849 г.). Жуковскій говоритъ положительно: «Единственною внѣшнею наградою моего труда (перевода Одиссеи) будетъ сладостная мысль, что я (*во время оно родитель на Руси Нѣмецкаго романтизма и поэтическій дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ*) подъ старость загладилъ свой грѣхъ и т. д.» Въ письмѣ къ гр. С. С. Уварову, предисловіи къ *Одиссеѣ*) Жуковскій добавляетъ: «вы спросите: какъ мнѣ пришло въ голову приняться за Одиссею... *и изъ мечтателя-романтика сдѣлаться трезвымъ классикомъ?*»

Бунинъ былъ уже очень немолодъ и успѣлъ съ женою своей прижить одиннадцать человѣкъ дѣтей (изъ которыхъ старшая дочь родилась въ 1754 году, а младшая въ 1770), когда случился съ нимъ одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, къ которымъ мы привыкли примѣнять извѣстный стихъ Грибоѣдова: «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»... Крестьяне Бунина, отправлявшіеся изъ Мишенска въ армію Румянцева маркитантами, явились прощаться къ своему барину и спрашивали его: «чтоже тебѣ, батюшка, привезти изъ Туречины?» — Бунинъ отвѣчалъ имъ шутя: «привезите пару хорошенькихъ Турчанокъ—видите, что ужъ жена-то у меня старѣется». И барскій приказъ былъ исполненъ—крестьяне Бунину дѣйствительно привезли въ гостинецъ двухъ Турчанокъ, взятыхъ въ плѣнъ русскими войсками во время приступа къ Бендерамъ. Младшая изъ нихъ, Фатьма, вскорѣ умерла, а старшая, Сальха, которой было не болѣе 16 лѣтъ, сначала была взята въ няньки къ двумъ младшимъ дочерямъ Бунина, а потомъ — поселена въ отдѣльномъ флигелѣ громаднаго Мишенскаго дома, куда вскорѣ совсѣмъ переселился къ ней и самъ старикъ Бунинъ. Для Марьи Григорьевны Буниной наступили невеселые дни; но она отнеслась къ странной прихоти своего мужа съ такимъ же достоинствомъ и твердостью, съ какими вскорѣ послѣ того перенесла гораздо болѣе тяжкій ударъ, постигнувшій обоихъ супруговъ:—изъ одиннадцати человѣкъ дѣтей умерло у нихъ въ короткое время шестеро, а въ 1771 г. скончался общій любимецъ ихъ, единственный сынъ, уже обучавшійся въ Лейпцигскомъ университетѣ. Вскорѣ послѣ того, когда въ сердцѣ матери было еще свѣжо воспоминаніе о недавно понесенной тяжкой утратѣ—во флигелѣ обширнаго Мишенскаго дома, у Сальхи, родился сынъ. Проживавшій въ Мишенскомъ пріятель Бунина, изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, нѣкто *Андрей Григорьевичъ Жуковскій* вызвался его усыновить и сталъ просить Марью Григорьевну о томъ, чтобы она позволила дочери своей Варварѣ Афанасьевнѣ крестить новорожденнаго, которому и дано было при крещеніи имя Василія Андреевича Жуковскаго. Марья Григорьевна Бунина, въ воспоминаніе о своемъ сынѣ, приняла маленькаго крестника дочери въ свою семью и воспитала его какъ родного своего сына. Материнская нѣжность Марьи Григорьевны къ маленькому Жуковскому способствовала въ свою очередь возстановленію прежнихъ отношеній между супругами въ такой степени, что когда въ 1791 году старикъ Бунинъ скончался, то передъ смертью поручилъ 8-милѣтняго Жуковскаго и мать его Елисавету Дементьевну (такъ названа была Сальха

Жуковскій.

при крещеніи) попеченіямъ своей достойной супруги; сверхъ того, въ завѣщаніи своемъ, Бунинъ просилъ каждую изъ четырехъ дочерей своихъ отдѣлить Василію Андреевичу отъ ихъ приданаго по 2500 р., а г-жѣ Буниной наказывалъ, чтобы она дала Василію Андреевичу воспитаніе, приличное дворянину. Воля покойнаго была свято выполнена женой и дочерьми его, и маленькій Жуковскій зажилъ въ семьѣ Буниныхъ припѣваючи. Крестная мать его Варвара Аѳанасьевна, вышедшая замужъ за Юшкова, болѣе всѣхъ обращала вниманія на воспитаніе Василія Андреевича, который, проводя лѣта въ Мишенскомъ, зиму обыкновенно жилъ въ семьѣ Юшковой, и вмѣстѣ съ дочерьми ея обучался французскому и нѣмецкому языку. Уже и гораздо ранѣе этого времени, еще при жизни Бунина, выписанъ былъ изъ Москвы гувернеръ для 6-ти лѣтняго Василія Андреевича, какой-то Якимъ Ивановъ; но крутыя

мѣры, которыя вздумалъ онъ примѣнять къ своему воспитаннику, никому не понравились — и гувернеръ былъ отправленъ обратно въ Москву. Послѣ того Жуковскій отданъ былъ, въ Тулѣ, въ прославленный нѣмецкій пансіонъ Христіана Филипповича Роде, сначала полу-пансіонеромъ, потомъ на полный пансіонъ. Но изнѣженный домашнимъ воспитаніемъ и бытомъ, въ которомъ онъ постоянно находился и росъ между дѣвочками, маленькій Жуковскій не могъ привыкнуть къ школьному быту: ученье ему положительно не шло въ голову. Еще плоше пошло у него ученье, когда послѣ смерти Бунина, проводя зиму въ семьѣ своей крестной матери Юшковой, въ Тулѣ, Жуковскій былъ отданъ въ тульское народное училище, гдѣ старшимъ учителемъ былъ докторъ философіи Ѳеофилактъ Гавриловичъ Покровскій, помѣщавшій даже подъ псевдонимомъ «философа горы Алаунской» кое-какія историко-философическія статейки въ современныхъ журнальцахъ. «Философъ горы Алаунской» отнесся очень круто къ вялымъ занятіямъ и небрежному ученью молодаго Жуковскаго, и — по увѣренію новѣйшаго біографа—даже исключилъ его *«за неспособность»* [1]). Послѣ этого онъ продолжаетъ рости и учиться дома, въ семьѣ Юшковой, окруженный 12-ю сверстницами-дѣвочками; само собою разумѣется, что ученье было далеко несерьезное; но въ домашнемъ быту Юшковой было много такихъ элементовъ, которые должны были рано подѣйствовать на развитіе воображенія Василія Андреевича и возбудить въ немъ интересъ къ занятіямъ литературою. Домъ Юшковой служилъ центромъ, и въ немъ около хозяйки дома—женщины прекрасно-образованной и понимавшей толкъ въ музыкѣ — собирались лучшія представители мѣстнаго общества, составляя кружокъ, въ которомъ литературные и музыкальные интересы преобладали надъ всѣми остальными. Все, что въ русской литературѣ появлялось новенькаго, тотчасъ же становилось извѣстно въ кружкѣ Юшковой, читалось, обсуждалось... Концерты чередовались съ литературными чтеніями и даже мѣстный театръ находился въ полной зависимости отъ кружка Юшковой. Неудивительно, что 12-ти лѣтнему Жуковскому, среди такихъ благопріятныхъ для его поэтическаго таланта условій развитія, вздумалось также писать для сцены—и вотъ, плодами первыхъ его литературныхъ попытокъ явились двѣ драмы: «Камиллъ или освобожденный Римъ» и «Павелъ и Виргинія». Жуковскій случайно избѣгъ общей участи современной ему молодежи: онъ не былъ въ дѣтствѣ записанъ ни въ какой полкъ, а потому и могъ до 14-ти лѣтняго возраста свободно оставаться въ Юшковскомъ домѣ, въ Тулѣ. Сохранилось извѣстіе о томъ, что въ этомъ возрастѣ обученіемъ и воспитаніемъ Василія Андреевича занимался одинъ весьма образованный молодой человѣкъ, но и тотъ, подобно своимъ предшественникамъ-педагогамъ, принимавшимся за Жуковскаго, утверждалъ положительно: «изъ этого мальчика никакого толку не будетъ».

Наконецъ въ Январѣ 1797 г., Марья Григорьевна Бунина свезла Жуковскаго въ Москву, и опредѣлила его въ Московскій Университетскій благородный пансіонъ. Директоромъ пансіона былъ тогда уже извѣстный намъ И. П. Тургеневъ, а товарищами, замѣнившими Жуковскому кружокъ дѣвочекъ, среди которыхъ онъ до того времени росъ, явились братья Тургеневы, Блудовъ, Дашковъ, князь П. Вяземскій, Уваровъ и т. д. Въ этой новой средѣ способности юноши стали быстро развиваться и принимать опредѣленное направленіе. Подтвержденіемъ этого явился цѣлый рядъ статеекъ и стихотворныхъ опытовъ, напечатанныхъ Жуковскимъ въ современныхъ журналахъ. Въ самый годъ поступленія своего въ благородный пансіонъ Жуковскій напечаталъ уже «Мысли при гробницѣ» (на смерть своей крестной матери Юшковой—въ «Полезномъ и пріятномъ препровожденіи времени»). Подъ этой прозаической статьей обозначено было очень подробно, что она сочинена «воспитанникомъ благороднаго пансіона Василіемъ Жуковскимъ». Затѣмъ явилось тамъ же стихотвореніе: «Майское утро» и еще «къ Юности», «Миръ и война», «Жизнь и ключъ» и нѣсколько другихъ опытовъ, помѣщен-

[1]) Такъ разсказываетъ д-ръ К. Зейдлицъ въ своей біографіи Жуковскаго (W. A. Joukoffsky. Ein Russisches Dichterleben. Mitau. 1870 г.); стр. 10. X. Д-ръ Зейдлицъ былъ другомъ и домашнимъ врачемъ В. А. Жуковскаго.

ныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1800 г. и въ «Утренней зарѣ», и между ними еще разъ «Мысли при гробницѣ». Замѣчательно что въ этихъ первыхъ стихотворныхъ опытахъ Жуковскаго кладбище, могилы, смерть—занимаютъ весьма видное мѣсто.

Мало-по-малу привыкая къ литературной работѣ, Жуковскій сталъ переводить для книгопродавцевъ ради заработка, и половину платы за труды свои получалъ отъ книгопродавцевъ книгами. Нельзя не отмѣтить здѣсь того любопытнаго факта, что современные книгопродавцы охотнѣе принимали переводы, нежели оригинальныя статьи, и щедрѣе расплачивались за переводы. Жуковскій легко и быстро перевелъ нѣсколько рыцарскихъ романовъ, весь «Театръ» Коцебу, романъ Коцебу «Младшія дѣти моей прихоти», которому, неизвѣстно почему, далъ другое заглавіе (Мальчикъ у ручья) [1]. Окончивъ курсъ ученія въ благородномъ пансіонѣ, Жуковскій поступилъ было на службу въ Главную Соляную контору, но прослужилъ всего годъ, и въ апрѣлѣ 1802, захвативъ съ собою весь запасъ книгъ, пріобрѣтенныхъ въ Москвѣ переводами, переселился на житье въ Мишенское.

Здѣсь, купленная въ Москвѣ библіотека должна была оказать ему важныя услуги. Въ числѣ книгъ Жуковскаго видимъ и большую Дидеротову энциклопедію, и французскія, и англійскія, и нѣмецкія историческія сочиненія, и классиковъ въ переводѣ на иностранные языки, и полныя собранія сочиненій Шиллера, Гердера, Лессинга. Обезпеченный, полный силъ и надежды на будущее, окруженный родными и близкими ему людьми, Жуковскій имѣлъ полнѣйшую возможность посвятить здѣсь все свое время поэзіи, нимало не безпокоясь о жизни. Снова окруженный пестрой и легкой толпой своихъ молодыхъ, прекрасныхъ и прекрасно образованныхъ племянницъ [2]) и ихъ подругъ, проводя весну и лѣто въ живописной, поэтической мѣстности, покрытой холмами и роскошными лугами, поросшей дубовыми рощами и орошаемой журчащими ручьями, Жуковскій, въ эту цвѣтущую пору своей юности, выступилъ на свою настоящую дорогу. Здѣсь то, въ Мишенскомъ, перевелъ онъ элегію Грея, «*Сельское кладбище*», которую любилъ называть своимъ *первымъ печатнымъ* стихотвореніемъ, вѣроятно потому, что оно было первымъ, достойнымъ пера его. Онъ отправилъ эту элегію Карамзину, для помѣщенія въ новомъ журналѣ его «Вѣстникѣ Европы»—и къ величайшему его удовольствію она была не только напечатана Карамзинымъ, но еще и удостоилась отъ него самаго лестнаго отзыва. Новѣйшій біографъ Жуковскаго справедливо обращаетъ вниманіе на то глубоко-элегическое настроеніе, которымъ проникнуты всѣ первыя стихотворныя произведенія молодаго поэта, и на то, что затаенная грусть, высказывающаяся въ нихъ, является совершенно искреннею, лично-принадлежащею Жуковскому, у котораго однакоже, въ это время, не могло бы, кажется, быть никакихъ причинъ для подобной грусти... Не слѣдуетъ забывать, что Василію Андреевичу было тогда всего 19 лѣтъ, что онъ былъ свободенъ и вполнѣ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи. Мы можемъ видѣть въ этой грустной, элегической настроенности Василія Андреевича только одно изъ тѣхъ модныхъ общихъ настроеній, овладѣвающихъ отъ времени до времени всею молодежью, которыя и составляютъ такъ называемую печать извѣстнаго времени, извѣстнаго періода. И далѣе увидимъ мы, дѣйствительно, что впечатлительный, нѣсколько однообразный въ своемъ поэтическомъ настроеніи Жуковскій, проникнувшись тѣмъ сентиментально-меланхолическимъ направленіемъ, которое внесено было въ нашу литературу стихами и прозой Карамзина, болѣе чѣмъ кто либо другой, способенъ былъ увлечься этимъ направленіемъ и довести его до поразительныхъ крайностей.

Вліяніе Карамзина на Жуковскаго должно было усилиться еще и личными друже-

[1]) Книгопродавецъ заплатилъ ему за переводъ четырехъ томовъ 75 р. сер. [2]) Племянницы эти были двѣ дочери Варвары Аѳанасьевны *Юшковой*: Анна Петровна (въ замужествѣ *Зонтагъ*), и Авдотья Петровна (въ замужествѣ сперва за *Елагинымъ*, потомъ за *Кирѣевскимъ*) и двѣ дочери Екатерины Аѳанасьевны (*Протасовой*—Марья Андреевна и Александра Андреевна). Такъ какъ дочери Бунина были гораздо старше Василія Андреевича, то ихъ дочери, а его племянницы, и стали его сверстницами и почти ровесницами.

скими отношеніями ихъ когда въ 1803 и 1804 гг. Василій Андреевичъ сблизился съ Николаемъ Михайловымъ, уже покинувшимъ изданіе «Вѣстника Европы» и принявшимся за свой историческій трудъ. Вліяніе Карамзина и Карамзинской литературной дѣятельности дѣйствительно отразилось на Жуковскомъ до такой степени сильно, что мы видимъ его несомнѣнно въ каждомъ шагѣ поэтической, журнальной и литературной дѣятельности Жуковскаго въ теченіе всей первой половины его жизни, до самыхъ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. До 1808 года, впрочемъ, Жуковскій успѣлъ еще написать очень немного. Сначала увлекаясь общимъ патріотическимъ настроеніемъ нашей современной литературы, онъ въ 1806 г. выступилъ въ *«Вѣстникѣ Европы»* съ громкою *«пѣснью барда на Гробѣ Славянъ побѣдителей»*, сильно напоминающею намъ лучшія произведенія торжественной хвалебной лирики Державина. Рядомъ съ этою громкою *пѣснью барда* видимъ еще нѣсколько элегическихъ пьесъ, въ которыхъ Жуковскій перебираетъ все однѣ и тѣже струны своей лиры: то восклицаетъ онъ:

О дней моихъ весна, какъ быстро скрылась ты,
Съ твоимъ блаженствомъ и страданьемъ!

То повторяетъ совершенно тотъ же мотивъ, который выраженъ былъ и въ Греевой элегіи:

Ахъ! скоро, можетъ быть, съ Минваною уныдой,
Придетъ сюда Альпинъ въ часъ вечера мечтать
Надъ тихой юноши могилой!

То наконецъ выражаетъ и еще болѣе мрачный взглядъ на свое настоящее:

Какъ часто о часахъ минувшаго минувшихъ я мечтаю!
Но чаще съ сладостью конецъ воображаю,
Конецъ всему — душа покой...
Ахъ! время, Филалетъ, свершиться ожиданьямъ.
Не знаю... но мой другъ, кончины сладкій часъ
Моей любимою мечтою становится;
Унылость тихая въ душѣ моей хранится;
Во всемъ внимаю я знакомый смерти гласъ.

Однимъ словомъ, вся поэзія Жуковскаго, до 1808 года, сводится къ одному: въ ней выражается то модное меланхолическое настроеніе, та безпричинная тоска, тѣ унылыя мечтанія о безвременной кончинѣ и проч., которыя конечно немогли имѣть рѣшительно ничего общаго со всею дѣйствительностью, среди которой въ это время жилъ Жуковскій, очень спокойно проводя время то въ Мишенскомъ, то въ Бѣлевѣ. Тамъ поселилась между тѣмъ Екатерина Аѳанасьевна Протасова съ двумя дочерьми своими, образованіемъ которыхъ Жуковскій очень тщательно занимался въ это время; въ Бѣлевѣ жила и мать его, Елисавета Дементьева, и старушка-вдова Бунина, и въ концѣ 1805 г. Жуковскій писалъ даже къ друзьямъ своимъ: «я переселился въ Бѣлевъ, въ свой домъ (который онъ построилъ для своей матери); вся наша фамилія теперь живетъ у меня, слѣдовательно я не могу пожаловаться, чтобы вокругъ меня было пусто». Въ то же время не покидалъ онъ и своей переводной дѣятельности: въ 1805 г. онъ перевелъ *Донъ-Кихота* по заказу одного изъ книгопродавцевъ, а потомъ цѣлый рядъ небольшихъ повѣстей съ англійскаго и нѣмецкаго, составившихъ два тома.

Одинъ изъ біографовъ Жуковскаго замѣчаетъ что около 1808 г. къ остальнымъ элегическимъ мотивомъ поэзіи Жуковскаго, въ то время вообще очень небогатой содержаніемъ, прибавился еще одинъ — мотивъ любви, конечно наводящей унылые, платонической и самоотверженной. При этомъ біографъ указываетъ, какъ на предметъ любви Жуковскаго, на его племянницу, Марію Андреевну Протасову, образованіемъ которой онъ около этого времени такъ тщательно занимался и которую дѣйствительно любилъ впослѣдствіи; не мѣшаетъ однако же замѣтить, что Марьѣ Андреевнѣ было въ 1808 году не болѣе 15 лѣтъ, и что если тѣ намеки, которые находимъ въ стихотвореніяхъ Жуковскаго до 1808, относятся дѣйствительно къ ней, то и эту любовь въ ея началѣ нельзя не отнести къ числу также неизбѣжныхъ аттрибутовъ меланхолическаго настроенія поэзіи Жуковскаго, какими являются, напримѣръ, въ его первыхъ, юношескихъ посланіяхъ мечты о смерти, о безвременной могилѣ, о жизни, потерявшей всякое очарованіе въ 20 лѣтъ и проч. Наконецъ въ 1808 году, кажется также не безъ вліянія со стороны Карам-

зина, Жуковскій переселился въ Москву и принялъ на себя завѣдыванье «Вѣстникомъ Европы», который онъ издавалъ въ теченіе трехъ лѣтъ, при помощи Каченовскаго. По обычаю всѣхъ журналистовъ того времени, отъ котораго не отступалъ даже и самъ Карамзинъ, Жуковскій наполнялъ почти всѣ отдѣлы журнала произведеніями своего пера: онъ писалъ стихи и повѣсти, разсужденія о словесности и общихъ нравственныхъ вопросахъ, критическія статьи... Каченовскій работалъ только надъ политическимъ отдѣломъ. Внимательно всматриваясь въ литературную и журнальную дѣятельность Жуковскаго въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ (отъ 1808 по 1810) мы приходимъ къ тому убѣжденію, что и здѣсь онъ не отступилъ ни на шагъ отъ программы и до него уже начертанной для журналиста Карамзинымъ; что сверхъ того и какъ поэтъ, и какъ писатель онъ не пошелъ далѣе Карамзина по отношенію къ внутреннему содержанію своей лирики, и повѣстей, къ выбору и постановкѣ вопросовъ въ своихъ прозаическихъ статьяхъ. Только критическія статьи Жуковскаго нельзя не поставить выше Карамзинскихъ; въ двухъ критическихъ статьяхъ своихъ — «о сатирѣ и сатирахъ Кантемира» и «О баснѣ и басняхъ Крылова» Жуковскій примѣнилъ къ критикѣ сравнительно-теоретическій методъ, котораго держался и въ остальныхъ, менѣе крупныхъ разборахъ своихъ, всюду переходя отъ общихъ литературныхъ вопросовъ къ частнымъ, всюду стараясь поставить отдѣльное произведеніе на историческую почву, общую цѣлому роду подобныхъ же произведеній [1]). Въ числѣ переводныхъ стихотвореній изъ Шиллера и Гёте и нѣсколькихъ посланій къ друзьямъ, находимъ и одну передѣлку нѣмецкаго сюжета на русскіе нравы: — «Людмилу» — балладу Бюргера. «Людмилла» чрезвычайно понравилась всѣмъ замѣчательною красотою и легкостью своего стиха и новостью того фантастическаго міра, въ который впервые удавалось заглянуть русскимъ читателямъ. Рядомъ съ «Людмилой» видимъ и весьма неудачное подражаніе сентиментальной Карамзинской повѣсти, подъ заглавіемъ «*Марьина Роща, старинное преданіе*», въ которой чувствительность двухъ главныхъ героевъ — Маріи и пѣвца Услада—доведены до крайней степени приторности и неестественности... Но за то языкъ стиховъ и прозы, разнообразіе размѣровъ и легкость поэтическаго выраженія во всѣхъ произведеніяхъ Жуковскаго, помѣщенныхъ въ *Вѣстникѣ Европы*, слишкомъ ясно указываютъ намъ на то, что Карамзинъ нашелъ себѣ въ Жуковскомъ не только ревностнаго, но и талантливаго послѣдователя.

Въ 1810 г. Жуковскій снова возвратился въ деревню, и тамъ занялся пополненіемъ пробѣловъ своего образованія, при помощи чтенія и занятій науками преимущественно историческими. Кажется, что и эти занятія исторіей, въ которыхъ онъ видѣлъ только приготовительную работу для задуманной имъ поэмы «*Владиміръ*» стояли въ нѣкоторой зависимости отъ сношеній съ Карамзинымъ и его кружкомъ. Мысль объ той поэмѣ, которая никогда и не была написана Жуковскимъ, повидимому, занимала его довольно долго, потому что еще и въ 1816 г. онъ собирался одно время съѣздить въ Кіевъ и и Крымъ для ближайшаго ознакомленія съ мѣстомъ дѣйствія, избраннымъ для поэмы. Но вѣроятно поэма осталась ненаписанною потому, что Жуковскій сначала находилъ обработку сюжета, избраннаго имъ для поэмы, труднымъ и требующимъ большаго изученія, а потомъ долженъ былъ наконецъ отказаться отъ него совсѣмъ, убѣдившись, съ одной стороны, что у него нехватаетъ той исторической и національной основы, безъ которой немыслима была подобная поэма, а съ другой стороны, сознавъ свой поэтической даръ вообщее недостаточнымъ для выполненія обширныхъ и притомъ самостоятельныхъ поэтическихъ произведеній.

Если принимать въ соображеніе только показанія самого Жуковскаго, то оказывается, что кромѣ пероводовъ изъ Шиллера, Парни, Драйдена, и друг. Жуковскимъ въ

[1]) Любопытное дополненіе къ журнальной программѣ Вѣстника Европы, подъ редакціею Жуковскаго, представляетъ собою отдѣлъ, посвященный исторіи искусства. Жуковскій прилагалъ къ журналу своему изображенія знаменитѣйшихъ произведеній живописи и скульптуры; такъ напримѣръ, въ приложеніи къ Вѣстнику Европы за это время явилась цѣлая коллекція Гогартовыхъ картинъ съ истолкованіями.

теченіе 1810 и 1811 года [1]) было написано очень немного самостоятельныхъ поэтическихъ произведеній: два-три романса, посланіе къ Батюшкову и Тургеневу, да *«Двѣнадцать спящихъ дѣвъ»* (старинная повѣсть въ двухъ балладахъ: 1-я Громобой; 2-я Вадимъ). Но его новѣйшій біографъ совершенно основательно замѣчаетъ, что 1811 годъ, къ которому самъ Жуковскій относитъ только одну «Свѣтлану», былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ годовъ въ поэтической дѣятельности Василія Андреевича; что къ 1811 году относится большая часть стихотвореній, которыя, позже, Жуковскій, въ собраніи своихъ сочиненій, ставилъ подъ 1813 годъ. Съ конца 1810 и до половины 1812 года Жуковскій жилъ тою идиллическою, особенною жизнью, которая въ настоящее время была бы едва-ли возможна даже и для восемнадцатилѣтняго юноши, но въ началѣ нынѣшняго вѣка никого не поражала, потому что не выходила изъ общаго уровня той привлекательной и изящной праздности, которой посвященъ былъ нескончаемый досугъ большей части нашей дворянской молодежи... И въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время даже трудно себѣ представить, какъ молодой человѣкъ двадцати семи лѣтъ, пользовавшійся уже довольно громкою извѣстностью поэта, писателя и журналиста, вдругъ рѣшился бросить все и удалиться на житье въ живописную глушь, посвятить себя мирному бездѣлью, которое могло имѣть значеніе дѣла только въ глазахъ тѣхъ друзей и родни, которыми въ то время постоянно былъ окруженъ Жуковскій. Большую часть идиллическаго періода Жуковскій провелъ въ небольшомъ имѣньицѣ, которое на завѣщанный Бунинымъ капиталъ (10,000 р.) купилъ себѣ около *Муратова* (въ 30 верстахъ отъ Орла), принадлежавшаго Е. А. Протасовой. Здѣсь, въ Муратовѣ, завѣдывалъ онъ постройкою дома для Протасовой и все время проводилъ то въ ея миломъ семейномъ кругу, то въ семействѣ Алексѣя *Плещеева*, съ которымъ его особенно сближала общая имъ обѣимъ страсть къ изящнымъ искусствамъ. Плещеевъ, жившій въ 40 верстахъ отъ Муратова въ своемъ имѣньѣ *Чернь*, принадлежалъ къ тому типу помѣщиковъ - меломановъ и театраловъ, которымъ такъ богато было наше барство начала нынѣшняго вѣка и который тѣмъ не менѣе не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ русской исторіи искусства. Онъ былъ и музыкантъ, и композиторъ, и отличный актеръ, любившій щеголять своимъ декламаторскимъ искусствомъ. При его усадьбѣ былъ и домашній театръ, и, конечно, свой домашній оркестръ, управляемый нѣмцемъ-капельмейстеромъ. На сценѣ домашняго театра очень часто являлись комедіи и оперетки собственнаго сочиненія Плещеева, которыя слѣдовательно онъ самъ сочинялъ, самъ писалъ къ нимъ музыку и самъ исполнялъ на сценѣ, вмѣстѣ съ женой своей, также хорошей музыкантшей. Вся жизнь этой артистической семьи представляла собой, однимъ словомъ, какой-то сплошной, безконечный праздникъ, въ которомъ комедіи, концерты, оперы и торжества всякаго рода, непрерывно чередуясь, слѣдовали одни за другими.

Между Жуковскимъ и Плещеевыми установились совершенно особыя, музыкально-поэтическія дружескія связи. Изъ Черни въ Муратово и обратно то и дѣло скакали гонцы съ поэтическими посланіями въ стихахъ отъ Жуковскаго къ Плещееву, на которыя Плещеевъ отвѣчалъ французскими стихами. Каждая новая пѣснь Жуковскаго тотчасъ же пересылалась къ Плещееву въ *Чернь* и тамъ ее полагали на музыку, а потомъ, при первомъ свиданіи, либо самъ Плещеевъ декламировалъ новое произведеніе Василія Андреевича, либо жена его пѣла положенную Плещеевымъ на музыку новую пѣсню поэта, къ общему удовольствію всей родственной и неродственной публики, постоянно наполнявшей обширный, веселый и радушный чернянскій домъ. Эта художественно-поэтическая обстановка жизни Жуковскаго должна была сдѣлаться еще болѣе привлекательною вслѣдствіе того, что къ ней примѣ-

[1]) Въ теченіе этихъ же двухъ лѣтъ выдано было Жуковскимъ и то «Собраніе русскихъ стихотвореній» — нѣчто въ родѣ Хрестоматіи въ 5 частяхъ — изъ за котораго Державинъ сильно прогнѣвался на Жуковскаго, помѣстившаго въ своемъ «Собраніи» много Державинскихъ стихотвореній, которыя онъ признавалъ въ своемъ родѣ образцовыми. Державинъ, по современнымъ понятіямъ о литературной собственности, видѣлъ въ этомъ неделикатность со стороны Жуковскаго и прямой подрывъ продажѣ купленнаго у него книгопродавцемъ полнаго изданія его сочиненій.

шалась и очень романическая любовь Василія Андреевича къ старшей изъ его племянницъ и бывшихъ ученицъ — къ Маріи Андреевнѣ Протасовой. Эта любовь конечно нашла себѣ поддержку во всемъ окружавшемъ поэта родственно-дружеескомъ кружкѣ, исключая только самой матери, Екатерины Аѳанасьевны, женщины твердой и рѣшительной. Когда Жуковскій попытался открыто высказать ей свои чувства къ ея дочери, она отвѣчала ему положительнымъ отказомъ, такъ какъ она считала дочь свою, Марію, племянницей Василія Андреевича, а слѣдовательно и бракъ между ними противнымъ нашему церковному закону. Отказавъ Жуковскому въ рукѣ дочери, Е. А. Протасова просила его, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы все это осталось между ними, и ни въ какомъ случаѣ не сдѣлалось извѣстно ея дочерямъ. Это произвело на Жуковскаго очень тяжелое впечатлѣніе и дало новую пищу его элегическому, печальному настроенію, его сѣтованьямъ на судьбу, на одиночество и т. п. Все это конечно должно было служить тэмою цѣлому ряду грустныхъ романсовъ и элегій, въ которыхъ *она* и горькая доля поэта, должны были занимать первое мѣсто. Но всѣмъ этимъ поэтическимъ изліяніямъ помѣшалъ незамѣтно наступившій 1812 годъ. Мы говоримъ — *незамѣтно*, потому что даже и 3-го августа 1812 года, въ Муратовѣ и Черни, друзья-сосѣди продолжали еще жить все тою же неизмѣнной художественно-поэтической жизнью, нимало не заботясь ни о политическихъ событіяхъ, ни о бѣдствіяхъ, угрожавшихъ Россіи. 3-го августа всѣ сосѣди собрались въ Чернь, праздновать день рожденія Плещеева... На домашней сценѣ давали оперу его сочиненія... и въ тотъ же вечеръ Жуковскій пѣлъ свой новый романсъ, положенный на музыку Плещеевымъ. Романсъ этотъ былъ «*Пловецъ*», который въ изданіи сочиненій Жуковскаго является подъ 1813 г. Весь романсъ былъ однимъ сплошнымъ намекомъ на недавно-испытанную неудачу и кончался желаніемъ поэта «не пережить тѣхъ Ангеловъ», около которыхъ «все дышитъ небомъ и святой невинностью». Намеки романса не понравились Протасовой, которая видѣла въ нихъ нарушеніе обѣщанія, даннаго Жуковскимъ, и на другой же день вынудила его уѣхать изъ Муратова въ Москву и поступить въ ряды московскаго ополченія...

Во время пребыванія въ ополченіи Жуковскому не случилось участвовать ни въ одномъ сраженіи; но за то въ лагерѣ подъ Тарутинымъ, увлеченный общимъ ожиданіемъ побѣды надъ страшнымъ врагомъ, Жуковскій написалъ своего знаменитаго «*Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ*». Въ этомъ громкомъ и торжественномъ стихотвореніи (состоящемъ изъ 672 стиховъ), посвященномъ воспоминаніямъ о русской славѣ, о падшихъ братьяхъ, поэтъ въ то же время взывалъ къ отмщенію за разрушенною и выжженную Москву. Такъ вѣрно было угадано поэтомъ общее настроеніе той минуты, что «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» гораздо болѣе прославилъ Жуковскаго, нежели вся предшествовавшая его поэтическая и литературная дѣятельность. Стихотвореніе, въ тысячахъ списковъ, разошлось быстро по войску, а потомъ по всей Россіи. Сама Императрица Марія Ѳеодоровна пожелала имѣть списокъ этого произведенія и изъявила желаніе ближе познакомиться съ поэтомъ... Жуковскому впрочемъ не пришлось долго оставаться при арміи. Въ ноябрѣ, вскорѣ послѣ битвы при Красномъ, онъ заболѣлъ тифомъ и только благодаря своему крѣпкому сложенію, перенесъ счастливо тяжкую болѣзнь. Въ началѣ января 1813 г. онъ уже снова вернулся въ Муратово, въ недавно-покинутый имъ кругъ родни и друзей.

Но здѣсь пробылъ онъ недолго. Ободряемый друзьями своими, онъ рѣшился еще разъ попытать счастья, и въ то время, когда одинъ изъ его пріятелей, А. Ѳ. Воейковъ, сталъ свататься за младшую дочь Протасовой (Александру Андреевну), Жуковскій еще разъ рѣшился просить руки старшей—(Маріи Андреевны) Протасовой, которая уже изъявила ему согласіе выдти за него замужъ. Получивъ вторично отказъ отъ Екатерины Аѳанасьевны, Жуковскій, въ отчаяніи, рѣшился удалиться въ Долбино, имѣнье Кирѣевскихъ (Калужской губерніи, въ 7-ми верстахъ отъ Муратова), гдѣ и нашелъ самый радушный, самый родственный пріютъ для своей скорбной Музы.

Но Жуковскому не пришлось здѣсь долго пробыть, не пришлось слишкомъ долго оплакивать свою неудачу въ любви: судьба, благосклонная къ нему отъ рожденія, готовила ему такой путь, о которомъ онъ едва-ли могъ

мечтать... Не слѣдуетъ забывать, что въ теченіе 1813—1814 гг. Россія жила особою жизнью, и на глазахъ современниковъ совершались событія громадныя, способныя до крайней степени возвысить народную гордость; немудрено, что тѣ же событія способны были и поэта - Жуковскаго заставить разстаться съ его скорбными пѣснями и сокрушеніями, съ его балладами и фантастической романтикой... И его лира отозвалась на общій гулъ похвалъ, изумленія и восторговъ, который неумолкая сопровождалъ Александра I и его побѣдоносное шествіе къ Парижу. Въ самомъ концѣ 1814 года, Жуковскій, послѣ взятія Парижа, написалъ свое громадное и восторженное «посланіе[1]) Императору Александру I-му» (около 500 стиховъ), а въ декабрѣ того же 1814 года, къ годовщинѣ освобожденія Россіи отъ нашествія иноплеменныхъ, написалъ другое обширное стихотвореніе,— совершенно подобное «Пѣвцу во станѣ русскихъ воиновъ»—и назвалъ его «Пѣвецъ въ Кремлѣ». Первое изъ этихъ стихотвореній имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу Жуковскаго. Въ настоящую минуту, конечно, уже почти невозможно составить себѣ понятія о томъ потрясающемъ, глубокомъ впечатлѣніи, которое оно производило на современниковъ; а потому мы и предпочтемъ привести здѣсь разсказъ очевидца о томъ, какъ было принято это стихотвореніе Жуковскаго при Дворѣ. Жуковскій послалъ рукопись своего «Посланія» къ А. И. Тургеневу для представленія Императрицѣ Марьѣ Ѳеодоровнѣ, и вотъ что писалъ ему по этому поводу Тургеневъ (1-го января 1815 г.) «Пишу тебѣ, безцѣнный и милый другъ Василій Андреевичъ, въ самый новый годъ, чтобы отъ всей души, произведеніями твоего генія возвышенной, поздравить тебя съ новымъ годомъ и съ новою славою. Я долженъ описать тебѣ подробно чтеніе (твоего посланія), которое происходило въ комнатахъ Ея Величества, въ присутствіи Ея, великихъ князей, великой княжны Анны Павловны, графини Ливенъ, Нелидовой, Нелединскаго-Мелецкаго, Виламова и Уварова. Я писалъ уже тебѣ, что Государынѣ угодно было назначить мнѣ пріѣхать въ 7 часовъ вечера 30-е декабря. Въ самый часъ явился я къ Уварову, и немедленно ввели насъ въ кабинетъ ея, гдѣ уже дожидался Нелединской. Черезъ 5 минутъ вошла и Государыня съ тѣми особами, которыя я наименовалъ выше. Первая рѣчь со мною о тебѣ, о твоихъ талантахъ и о твоей жизни, о твоихъ намѣреніяхъ, и объ упорствѣ твоемъ, съ которымъ ты противишься приглашеніямъ Ея Величества пріѣхать въ С.-Петербургъ[2]). Я обнадежилъ Государыню, что ты непремѣнно будешь зимою, хотя проѣздомъ; она нѣсколько разъ подтвердила мнѣ желаніе тебя видѣть; и поручила написать къ тебѣ объ этомъ. Началось чтеніе; приготовленный совѣтами моихъ пріятелей, я читалъ внятно и съ тѣмъ чувствомъ которое внушила мнѣ и высокость предмета, и пламенный геній твой, и моя неменѣе пламенная дружба къ тебѣ... Великая княжна и князья прерывали чтеніе восклицаніями: прекрасно! превосходно! c'est sublime! Въ продолженіе чтенія великіе князья изъявили желаніе, чтобы эти стихи переведены были, если можно на нѣмецкій и англійскій языки. Но для того надобно другаго Жуковскаго, а онъ принадлежитъ одной Россіи, и только одна Россія имѣетъ Александра и Жуковскаго. Въ концѣ піэсы не разъ навертывались слезы, и Государыня, и я принуждены были останавливаться. Она обращалась къ великой княжнѣ и встрѣчала взоры ея, такъ же исполненныя любви къ предмету твоего пѣснопѣнія и удивленія къ твоему таланту. Сколько сладкихъ чувствъ въ одно время для матери, братьевъ и сестеръ твоего героя; и для твоего друга, свидѣтеля такого безпритворнаго восхищенія, смѣшаннаго съ благодарностью къ генію, умѣвшему выразить все величіе предмета единственнаго! Я увѣренъ, что и Александръ, съ своею недоступною для почестей душою, почувствуетъ силу генія и отдастъ справедливость себѣ и вѣку, который произвелъ сего генія... Чтеніе кон-

[1]) Когда летящіе отвсюду слышны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, тебя зовутъ: Великій!
Что скажетъ лирою незнаемый пѣвецъ? И т. д.

[2]) Императрица, прочитавъ «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», уже изъявила желаніе поближе познакомиться съ Жуковскимъ, и приглашала его пріѣхать въ столицу.

чилось. Восхищеніе и похвала продолжались. Государыня начала у меня о тебѣ распрашивать и требовать отъ Уварова и меня, чтобы мы сказали ей, что можно для тебя сдѣлать»...

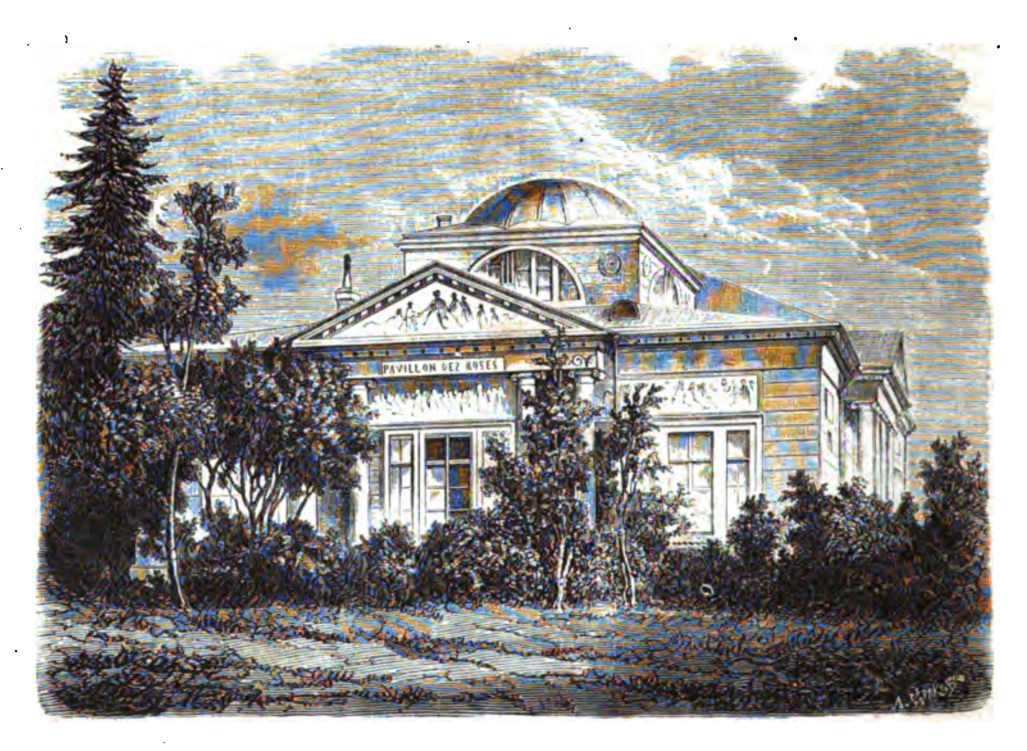
По желанію Императрицы «Посланіе» было роскошно напечатано на казенный счетъ въ количествѣ 1200 экз. и должно было продаваться въ пользу автора, которому, сверхъ того пожалованъ перстень. Современный очевидецъ разсказываетъ, что въ провинціи это стихотвореніе Жуковскаго пріобрѣло положительно значеніе оффиціальнаго гимна Александру: —«Посланіе» читали и въ общественныхъ собраніяхъ, и въ частныхъ кружкахъ, передъ увѣнчаннымъ лаврами бюстомъ Государя, и когда доходили до стиха:

Прими-жъ, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ,

всѣ падали на колѣни.

Весною, того же 1815 года, Жуковскій былъ представленъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и вотъ какъ онъ самъ описывалъ это первое свое свиданіе съ нею въ письмѣ къ роднымъ. ...«Уваровъ на другой день моего пріѣзда написалъ къ Императрицѣ, что я въ Петербургѣ, и получилъ приказъ представить меня въ слѣдующее воскресенье (была пятница). Мундира у меня не было; кое какъ накопилъ отъ добрыхъ пріятелей мундирную пару, и мы съ Уваровымъ отправились въ воскресенье во второмъ часу во дворецъ. Дожидались довольно долго, потому что были послѣ обѣдни парадныя аудіенціи, а меня велѣно было представить ей въ кабинетѣ. Изъ большой залы, въ которой мы стояли, двери прямо въ этотъ кабинетъ. Вдругъ онѣ отворились — и вслѣдъ за этимъ насъ приглашаютъ. Тутъ вы воображаете, что я струсилъ, и что сердце у меня крѣпко заколыхалось — нимало! Желудокъ мой былъ въ исправности, слѣдовательно и душа въ порядкѣ. Проходимъ маленькую горницу. Уваровъ шелъ впереди, — входимъ въ другую; передъ дверями ширмы. Вдругъ изъ за ширмъ говоритъ Уварову женскій голосъ: «Bonjour, Monsieur Ouvaroff». Это какая нибудь придворная дама, думалъ я; иду, предо мною императрица. За нею, гораздо поодаль, у дверей, великіе князья. Разумѣется, началось привѣтствіемъ. Я хотѣлъ было сказать: не умѣю изъяснить Вашему Величеству своей благодарности за ваши милости; но исполнилъ это на дѣлѣ, а не на словахъ, потому что не успѣлъ ничего сказать, а отдѣлался поклонами. Сначала было довольно трудно говорить, потому что государыня говорили по Русски, не очень внятно и скоро, и я не все понималъ. Уваровъ это замѣтилъ и сказалъ два слова по французски; это заставило ее отвѣчать по французски же, и разговоръ пошелъ очень живо — о войнѣ, о ея безпокойствахъ прошедшихъ и о прошедшихъ великихъ радостяхъ. Въ этомъ разговорѣ было для меня много трогательнаго: мать говорила о сынѣ и съ чувствомъ: нѣсколько разъ навертывались у ней на глазахъ слезы. Разговоръ продолжался около часу. Наконецъ мы откланялись. «Мы еще съ вами увидимся», сказала она мнѣ очень ласково»... Послѣ этого представленія путь ко Двору былъ конечно открытъ для Жуковскаго; но его еще привлекали прежнія связи, въ мечтахъ ему все еще представлялась возможность достигнуть своей главной цѣли — семейнаго счастія. Влеченіе это было до такой степени сильно, что еще въ 1814 году онъ, вслѣдъ за Е. А. Протасовой, переселился въ Дерптъ, гдѣ Воейковъ, женившійся на младшей Протасовой, получилъ каѳедру при университетѣ. Живя въ Дерптѣ, среди нѣмцевъ, вращаясь въ кругу нѣмцевъ-профессоровъ, углубляясь исключительно въ нѣмецкую поэзію, Жуковскій даже сталъ находить какую-то особенную прелесть въ замкнутой, узкой жизни маленькаго нѣмецкаго университетскаго городка. Горячо привязанный къ семейству своей сестры, онъ сталъ пристрастно относиться и къ тому центру, въ которомъ эта семья жила, такъ что друзья много разъ напрасно пытались переманить его изъ Дерпта въ Петербургъ, заставляя думать о будущности и карьерѣ. Кажется, что Жуковскій въ это время еще и самъ не могъ совладать съ собою и не зналъ, чего ему желать. Это, по крайней мѣрѣ, кажется намъ совершенно очевиднымъ изъ слѣдующаго письма Жуковскаго (отъ 4 авг. 1815 г.) къ А. И. Тургеневу, въ которомъ онъ пишетъ между прочимъ: .... «Чтобы сдѣлать для меня то, что мнѣ надобно, вы должны имѣть объ немъ настоящее понятіе, т. е. о томъ, что мнѣ надобно. Боюсь я этихъ grants projets (намекъ на хлопоты друзей о помѣщеніи Жуковскаго на службу при Дворѣ). Могутъ составить

за меня какой-нибудь планъ моей жизни да и убьютъ все... Тебѣ кажется ненужно имѣть отъ меня комментаріи но то, что мнѣ надобно. *Независимость, да и все тутъ*. Способъ писать, незаботясь о завтрашнемъ днѣ; что, и гдѣ, и когда писать, мнѣ на волю. Я не буду жильцемъ Петербургскимъ; но каждый годъ буду въ Петербургѣ непремѣнно. Вотъ главная мысль, остальное можешь придумать самъ... Если писать сдѣлается для меня обязанностью непремѣнною, то сказываю напередъ, что ничего написано не будетъ»... Но друзья подумали за Жуковскаго и устроили все сверхъ всякаго ожиданія. Осенью того же года Жуковскій былъ вызванъ въ Петербургъ и оставленъ при Дворѣ въ званіи лектора при вдовствующей Императрицѣ, которая, въ Павловскѣ, любила видѣть около себя кружокъ ученыхъ и литераторовъ: тутъ нерѣдко, по вечерамъ собирались во дворцѣ или Розовомъ павильонѣ Карамзинъ и Крыловъ, Дмитріевъ, Нелединскій, Гнѣдичъ, Шторхъ,

Розовый павильонъ.

Клингеръ, Аделунгъ, Виламовъ — и Жуковскому было дано почетное мѣсто между этими приближенными къ Императрицѣ лицами.

До поздней осени пробылъ Жуковскій въ Петербургѣ и въ Павловскѣ; но потомъ опять таки ускользнулъ въ Дерптъ, куда его по прежнему влекло, влекло неудержимо. И еще два года прошло въ такой странной, двойственной жизни, въ борьбѣ съ самимъ собою, въ нерѣшительности относительно выбора пути, въ ожиданіяхъ, которымъ, какъ онъ самъ зналъ, не суждено было сбыться. Въ теченіе этого времени, Жуковкій находился на верху своей славы, въ полномъ блескѣ ея... Всѣ смотрѣли на него, какъ на великаго поэта, много обѣщающаго въ будущемъ, и одинъ изъ откровенныхъ друзей его даже настолько заблуждался относительно размѣровъ творческой силы Жуковскаго, что почиталъ его пѣсни и баллады, его переводные романсы и пышныя посланія небольшое, какъ приготовительною работою, пробами пера, очевидными признаками будущаго, могучаго развитія таланта. Батюшковъ писалъ около этого времени Жуковскому:

«Тургеневъ сказывалъ мнѣ, что ты пишешь балладу. Зачѣмъ не поэму?.. Чудакъ! ты имѣешь все, чтобы сдѣлать себѣ прочную славу, основанную на важномъ дѣлѣ. У тебя воображеніе Мильтона, нѣжность Петрарки... и ты пишешь баллады! Оставь бездѣлки намъ; займись чѣмъ нибудь достойнымъ твоего дарованія. Вотъ мое мнѣніе; оно чистосердечно. Пускай другіе кадятъ тебя; я чувствую, наслаждаюсь, восхищаюсь твоимъ геніемъ и, признаюсь, сожалѣю о томъ, что ты не избралъ медленнаго, постояннаго и вѣрнаго пути къ славѣ. Къ славѣ? Она не пустое слово. Она вѣрнѣе многихъ благъ бреннаго человѣчества...» (14 Ноября 1814). Въ довершеніе всего Жуковскій, самъ того не желая, увидѣлъ себя во главѣ молодой партіи Карамзинистовъ. Вслѣдствіе этого невольнаго положенія, Жуковскій конечно сдѣлался (какъ незадолго передъ тѣмъ Карамзинъ) цѣлью тяжеловѣсныхъ выходокъ для членовъ «Шишковской Бесѣды»; но, въ эту пору жизни, онъ такъ мало занятъ былъ своею литератературной славой, что за него и за его славу приходилось ломать копья другимъ, друзьямъ его. «Здѣсь есть авторъ — князь Шаховской [1])»—такъ пишетъ Жуковскій къ роднымъ изъ Петербурга (осенью 1815 г.). «Извѣстно, что авторы неохотники до авторовъ. Вздумалъ онъ написать комедію и въ этой комедіи смѣяться надо мною [2]). Друзья за меня вступились. Дашковъ напечаталъ жестокое письмо къ новому Аристофану; Блудовъ написалъ презабавную сатиру, а Вяземскому [3]) сдѣлался поносъ эпиграммами. Теперь страшная война на Парнассѣ. Около меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше было бы, когда бы и всѣ молчали -- городъ раздѣлился на двѣ партіи, и французскія волненія забыты, при шумѣ парнасской бури. Всѣ эти глупости еще болѣе привязываютъ къ поэзіи, святой поэзіи, которая независима отъ близорукихъ судей и довольствуется сама собою».

Эта выходка кн. А. А. Шаховскаго, о которой Жуковскій упоминаетъ въ письмѣ къ роднымъ и тотъ отпоръ, который она встрѣтила со стороны Карамзинистовъ, имѣютъ свое значеніе въ исторіи нашей литературы, потому что побудили молодыхъ представителей нашей литературы образовать извѣстный «своею граціозно-шаловливою» дѣятельностью кружокъ, подъ названіемъ «*Арзамасскаго ученаго общества*» или просто «*Арзамаса*».

Та «презабавная сатира» Блудова, о которой упоминаетъ Жуковскій въ вышеприведенномъ письмѣ, была его извѣстное «*Видѣніе въ Арзамасскомъ трактирѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей*», которымъ и положено было основаніе всѣмъ *Арзамасскимъ* шалостямъ. Въ этой сатирѣ осмѣивалась вся *Бесѣда*—и съ легкой руки Блудова кружокъ молодежи, вошедшей въ составъ *Арзамаса*, посвятилъ себя почти исключительно полемикѣ съ Шишковистами и осмѣянію ихъ учено-литературной дѣятельности. *Арзамасъ* сложился въ такую эпоху (1815), когда еще періодъ нашихъ увлеченій славою и значеніемъ Россіи въ Европѣ не успѣлъ пройти, когда еще не успѣла наступить эпоха сознательнаго отношенія къ незавидной русской современности, нѣсколько позднѣе вызванная реакціей Александрова царствованія.. А потому, и неудивительно, что молодежи жилось весело, и что наиболѣе талантливая, наиболѣе образованная часть ея искала возможности затрачивать избытокъ силъ своихъ въ шуткѣ и сатирѣ, направленной противъ отсталой литературной партіи, входившей въ составъ Бесѣды и Россійской Академіи, съ тѣхъ поръ какъ президентомъ ея былъ сдѣланъ А. С. Шишковъ. Шутка, пародія, сатира и каррикатура, послужившія главнымъ побужденіемъ къ основанію *Арзамаса*, не переставали вліять на его устройство и дѣятельность въ теченіе всего существованія Арзамаса (1815—1818), т. е. до того времени, когда уже столкновеніе съ печальною дѣйствительностью сдѣлало шутку невозможною и раздѣлило самый Арзамасъ на партіи... Арзамасъ былъ устроенъ въ противоположность Бесѣдѣ, а потому въ немъ и не было ни подраздѣленія на разряды, ни чиноначалія, ни президентовъ: всѣ члены Арзамаса одинаково имѣли право на общій титулъ *ихъ превосходительствъ геніевъ Арзамаса*. Но

[1]) Кн. А. А. Шаховской былъ членомъ *Бесѣды*. [2]) Пьеса эта была комедія «*Липецкія воды*», предст. 23 сент. 1815 г. Жуковскій былъ въ ней осмѣянъ подъ именемъ *балладника Фіалкина*. [3]) Вяземскій, Дашковъ, Блудовъ — все члены *Арзамаса* и товарищи Жуковскаго по пансіону.

многіе обычаи Арзамаса были заимствованы изъ быта другихъ ученыхъ обществъ, а нѣкоторые шутливые символическіе обряды, которыми сопровождалось принятіе въ члены Арзамаса даже напоминали собою символику масонскихъ ложъ. Вотъ какъ, напримѣръ, былъ принятъ въ члены *Арзамаса* дядя А. С. Пушкина, Василій Львовичъ Пушкинъ: «Пушкина ввели въ одну изъ переднихъ комнатъ» — разсказываетъ современникъ,—«положили его на диванъ и навалили на него шубы всѣхъ прочихъ членовъ... и, лежа подъ ними, онъ долженъ былъ выслушать чтеніе цѣлой французской трагедіи... Потомъ, съ завязанными глазами, водили его съ лѣстницы на лѣстницу, и привели въ комнату, которая была передъ самымъ кабинетомъ. Кабинетъ, въ которомъ было засѣданіе, и гдѣ были собраны члены, былъ ярко освѣщенъ, а эта комната оставалась темною и отдѣлялась отъ него аркою, съ оранжевою огненною занавѣскою. Здѣсь развязали ему глаза — и ему представилось огромное, безобразное чучело, устроенное на вѣшалкѣ для платья, покрытой простынею. Пушкину объяснили, что это чудовище означаетъ *дурной вкусъ*; подали ему лукъ и стрѣлы и велѣли поразить чудовище... Потомъ ввели Пушкина за занавѣску, и дали ему въ руки эмблему Арзамаса, мерзлаго арзамасскаго гуся, котораго онъ долженъ былъ держать въ рукахъ во все время, пока ему говорили длинную привѣтственную рѣчь. Рѣчь эту говорилъ, кажется, Жуковскій». Послѣ того, Пушкину, какъ и всѣмъ арзамасцамъ, дано было *арзамасское* прозвище: *Вотъ*. Также точно и другимъ членамъ того же самаго кружка давались, при вступленіи въ него, подобныя же прозвища, заимствованныя преимущественно изъ балладъ Жуковскаго; такъ Блудовъ получилъ названіе—*Кассандры*, Дашковъ—*Чу!*, Вяземскій—*Асмодея*, А. И. Тургеневъ — *Эоловой Арфы*, Н. И. Тургеневъ—*Варвика*, Уваровъ—*Старушки*, А. С. Пушкинъ — *Сверчка*, Батюшковъ—*Ахилла*; самъ Жуковскій былъ извѣстенъ подъ названіемъ *Свѣтланы*. Эти арзамасскія прозвища служили для арзамасцевъ не только въ ихъ частныхъ, дружескихъ сношеніяхъ, но и псевдонимами въ литературѣ. Привѣтственная рѣчь, которою встрѣченъ былъ В. Л. Пушкинъ, принадлежала тоже къ числу арзамасскихъ обычаевъ, узаконенныхъ уставомъ Арзамаса. Въ томъ же уставѣ, написанномъ Жуковскимъ и Блудовымъ, указывается, что и новопоступающій арзамасецъ, «по примѣру всѣхъ другихъ обществъ», долженъ былъ говорить похвальную рѣчь своему покойному предшественнику, но «такъ какъ геніи Арзамаса считались безсмертными», то и рѣшено было, чтобы вступающій говорилъ похвальную рѣчь одному изъ членовъ Бесѣды. Это называлось «брать на прокатъ покойниковъ между халдеями Бесѣды и Академіи, дабы воздавать имъ, по дѣламъ ихъ, не дожидаясь потомства». Протоколы засѣданій Арзамаса велись въ стихахъ, гекзаметрами, Жуковскимъ и сохранились намъ, какъ любопытный памятникъ эпохи... «Такъ забавлялись въ то время люди, которые были уже не дѣти»,—замѣчаетъ современникъ—«но всѣ люди извѣстные, нѣкоторые въ большихъ чинахъ и въ важныхъ должностяхъ. Никто не почиталъ предосудительнымъ въ то время шутить и быть веселымъ...» Но почтенный защитникъ Арзамаса упускаетъ изъ виду тотъ замѣчательный фактъ, что шутливое и веселое настроеніе образованной и литературной молодежи нашей, выразившееся въ дѣятельности членовъ Арзамаса, было очень не долговременно и можетъ служить только доказательствомъ того, что молодыя силы, составлявшія веселый кружокъ арзамасцевъ, или не хотѣли, или не могли отнестись серьезно къ современной жизни нашего общества. Этотъ недостатокъ серьезности выразился совершенно ясно въ томъ, что Арзамасъ рѣшительно не могъ выдержать столкновенія съ дѣйствительностью, и уничтожился самъ собою при первой попыткѣ измѣнить его шутливый характеръ и направить свѣжія молодыя силы на дѣятельность полезную, положительную... Когда, по предположенію одного изъ членовъ Арзамаса, убѣждавшаго своихъ собратій оставить ихъ ребяческія забавы и обратиться къ предметамъ высокимъ и серьезнымъ, рѣшено было измѣнить характеръ и направленіе дѣятельности кружка — между членами его проявилась замѣтная рознь. Одни охладѣли совершенно къ шуткѣ и смѣху; другіе недовѣрчиво и не безъ опасенія смотрѣли на предполагаемое нѣкоторыми арзамасцами изданіе журнала, «коего статьи (по замѣчанію Вигеля) новостью и смѣлостью идей

должны были пробудить вниманіе читающей Россіи». Къ тому же нѣкоторые изъ важнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ членовъ Арзамаса, около этого времени (1818 г.) разъѣхались, другіе заняли важныя государственныя должности... И Арзамасъ исчезъ въ виду наступившей въ то время реакціи, которая начинала сказываться въ обществѣ нашемъ такъ грозно, что шутливое и легкое отношеніе къ дѣйствительности становилось невозможнымъ... Самъ Жуковскій, добродушнѣе и беззаботнѣе всѣхъ предававшійся веселостямъ *«Арзамасскаго ученаго общества»*, случайно былъ выдвинутъ на иное, новое для него поприще.

Незаботясь о своей славѣ и о борьбѣ съ своими литературными противниками, которую онъ предоставлялъ вести своимъ друзьямъ, Жуковскій еще меньше заботился о своемъ обезпеченьи и назначеніи въ будущемъ, которое, какъ мы замѣтили выше, представлялось ему въ самомъ неопредѣленномъ видѣ. Между тѣмъ друзья его хлопотали за него при дворѣ съ какимъ то особеннымъ, страстнымъ рвеніемъ, и побуждали непремѣнно поднести Государю «Пѣвца въ Кремлѣ», отдѣльно-изданнаго съ изящной гравюрой, прибавивъ къ нему *посвященіе*, или, по-крайней мѣрѣ, посвятить Государю полное собраніе сочиненій. Жуковскій, все еще привлекаемый Дерптомъ, въ которомъ онъ проводилъ большую часть года, отвѣчалъ на весьма положительныя побужденія своихъ друзей какими то полу-разсужденіями и полу-мечтами:

«Мнѣ весело думать»—пишетъ онъ А. И. Тургеневу (21 окт. 1816 г.)—«что *ты* обо мнѣ хлопочешь. Очень было было бы хорошо, когда бы то, что ты затѣялъ, *и о чемъ я не имѣю понятія*, совсѣмъ обошлось безъ письма моего [1]). Неужели должно непремѣнно просить вниманія? Довольно того, чтобы его стоить! Вниманіе государя есть святое дѣло. Имѣть на него право могу и я, естьли буду русскимъ поэтомъ, въ благородномъ смыслѣ сего имени. *А я буду!* Поэзія часъ отъ часу становится для меня чѣмъ-то возвышеннымъ... Не надобно думать, что она только забава воображенія. Этимъ она можетъ быть только для петербургскаго свѣта. Но она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это благотворное вліяніе, естьли поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію. И дай Богъ въ теченіи жизни сдѣлать хоть шагъ къ этой прекрасной цѣли. Имѣть ее позволено, а стремиться къ ней, значитъ заслуживать одобреніе государя. Это стремленіе всегда будетъ въ душѣ моей. Работать съ такою цѣлію есть счастіе; а друзья будутъ знать, что я имѣю эту цѣль, — вотъ награда!»

И послѣ этого письма Жуковскій по прежнему оставался жить въ Дерптѣ, гдѣ дописывалъ въ это время вторую половину своей повѣсти «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» (2-я баллада: *Вадимъ*) и приготовлялъ полное изданіе своихъ сочиненій. Такъ наступилъ конецъ 1816 года, ознаменовавшійся для Жуковскаго двумя очень важными событіями. Первое событіе, болѣе всего способствовавшее тому, чобы Жуковскій наконецъ рѣшился покинуть Дерптъ, было прекращеніе тѣхъ странныхъ, неловкихъ и натянутыхъ отношеній, которыя уже нѣсколько лѣтъ сряду существовали между нимъ и семьею сестры его Е. А. Протасовой. Въ концѣ 1816 года романическая любовь Жуковскаго закончилась самопожертвованіемъ: Марія Андреевна Протасова, съ его разрѣшенія, вышла по желанію своей матери замужъ за Мойера, профессора при дерптскомъ университетѣ. Около того же времени случилось и другое событіе: благодаря настойчивымъ стараніямъ А. И. Тургенева, черезъ князя А. Н. Голицына, поднесены были государю сочиненія Жуковскаго—и назначена ему пожизненная пенсія въ 4,000 р.! Нежданно и негаданно сбылись мечты безпечнаго мечтателя-поэта о независимости; но этою независимостью не могъ онъ пользоваться долго, невольно чувствуя самъ, что милость царская далеко превышаетъ его заслуги. «Я чувствую новую необходимость дѣятельности—пишетъ Жуковскій къ Тургеневу—и это побужденіе святое: благодарность къ государю, который далъ мнѣ лучшее благо — независимость, и имѣетъ на меня надежду! Этой надежды обмануть не надобно! Я теперь въ службѣ, и долженъ служить по совѣсти!» Хотя въ ту минуту, когда были писаны эти строки, Жуковскій несостоялъ еще ни на какой по-

[1]) Т. е. безъ письма къ Государю.

ствительной службѣ, однако же онъ чувствовалъ въ себѣ непреодолимое желаніе служить и службою доказать свою благодарность, конечно предвидя, что случай къ тому долженъ будетъ вскорѣ представиться. Недаромъ говорилъ онъ, уѣзжая изъ Дерпта въ началѣ 1817 года въ Петербургъ: «романъ моей жизни окончёнъ — теперь начинается исторія!»

И дѣйствительно, слѣдующее 25-ти лѣтіе жизни Жуковскаго — его придворная служба [2]) (1817—1841) болѣе принадлежитъ исторіи, нежели литературѣ, для которой въ теченіе этого времени было имъ сдѣлано очень немногое, и притомъ только подражательное или переводное: друзья и почитатели его должны были наконецъ убѣдиться въ томъ, что поэтическое творчество Жуковскаго никогда не приведетъ его ни къ чему самостоятельному и не дастъ ему возможности ничего создать, кромѣ очень хорошихъ переводовъ и болѣе или менѣе хорошихъ переработокъ съ готоваго поэтическаго матерьяла, представляемаго иностранными литературами. Чрезвычайно любопытенъ въ этомъ отношеніи отзывъ о Жуковскомъ И. И. Дмитріева, который уже въ самомъ началѣ его придворной карьеры, писалъ А.И. Тургеневу: ... «Ревность друзей (Жуковскаго) почти достигла своей цѣли: кажется, поэтъ мало-по-малу превращается въ придворнаго; кажется, новость въ знакомствахъ, въ образѣ жизни начинаетъ прельщать его. Увидимъ, въ чемъ найдетъ болѣе выгоды, и между тѣмъ будемъ пока писаться *Овсянымъ киселемъ* [1]); для меня и онъ по вкусу, но я лакомъ и люблю разнообразіе».

Въ этомъ намекѣ Дмитріева на то, что поэтическая дѣятельность Жуковскаго начинаетъ становиться чрезвычайно однообразною, замѣчается много правды. Около этого же времени и Батюшковъ писалъ о Жуковскомъ Тургеневу: «Утѣшьте злодѣя: скажите ему, что баллада изъ Шиллера прелестна, лучшій изъ его переводовъ, по моему мнѣнію; что переводъ изъ Іоганны мнѣ нравится, какъ переводъ мастерской, живо напоминающій подлинникъ; но размѣръ стиховъ странный, дикій, вялый; ссылаюсь на маленькаго Пушкина, которому Аполлонъ далъ чуткое ухо. Но *Горная пѣсня* и весь IV № [3]) мнѣ не нравится. Онъ напалъ на дурное, жеманное и скучное. ». (1818 г). Увлекаясь Дерптскою жизнью, привязываясь болѣе и болѣе къ тѣснымъ рамкамъ жизни маленькаго нѣмецкаго городка, Жуковскій болѣе и болѣе привязывался и къ тѣмъ узенькимъ, ограниченнымъ, ничтожнымъ идеаламъ, которыми способна была задаваться поэзія, развивающаяся въ центрахъ, подобныхъ Дерпту. Это побуждало его переводить много такого, что положительно незаслуживало перевода, а съ другой стороны способствовало и тому, чтобы мало-по-малу отдалить его отъ русской, національной почвы, безъ которой романтизмъ терялъ всякій смыслъ и значеніе. А между тѣмъ нельзя, конечно, отрицать того, что главнымъ недостаткомъ поэзіи Жуковскаго, даже и въ наиболѣе блестящій періодъ ея, является именно полнѣйшее отсутствіе всякаго національнаго колорита, всякой тѣсной связи съ народною почвой, которой мало сочувствовалъ Жуковскій и которую онъ едва-ли понималъ; по крайней мѣрѣ все то, что онъ заимствовалъ изъ русскихъ преданій и, подражая Пушкину, пытался поставить на почву народную, принадлежитъ къ числу самыхъ неудачныхъ поэтическихъ опытовъ его [4]). Въ теченіе своего 25-ти лѣтняго пребыванія при Дворѣ Жуковскій перевелъ «Орлеанскую Дѣву» — драму Шиллера, и поэму Байрона «Шильон-

[1]) Въ послѣднее время своего пребыванія въ Дерптѣ, Жуковскій особенно пристрастился къ Гебелю, и перевелъ очень много его стихотвореній. [2]) Въ 1817 году Жуковскій былъ избранъ въ преподаватели русскаго языка великой княгинѣ (впослѣдствіи Императрицѣ) Александрѣ Θеодоровнѣ. По вступленіи на престолъ Императора Николая, Жуковскій былъ назначенъ въ наставники къ Вел. Кн. Наслѣднику (нынѣ царствующему Государю Императору) Александру Николаевичу. Поэзія уступила мѣсто педагогическимъ трудамъ, такъ что въ поэтической дѣятельности его видимъ 7-ми лѣтній пробѣлъ (1823—29). [3]) Здѣсь упоминается о тѣхъ переводахъ съ нѣмецкаго, которыя Жуковскій для ученицы своей, Великой Княгини Александры Θеодоровны, издавалъ при Дворѣ тетрадками подъ заглавіемъ: für Wenige (для немногихъ). Тетради эти выходили подъ номерами. [4]) Мы разумѣемъ его сказки: о царѣ Берендеѣ и Спящей Царевнѣ, написанныя въ 1831 году, и въ особенности написанную имъ подъ конецъ жизни сказку «объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ».

скій Узникъ» (и то, и другое въ продолженіе 1821 года); затѣмъ между 1832 — 1836 — передѣлалъ прелестную повѣсть Ла-Моттъ Фуке «Ундину», а съ 1827 — 1840 перевелъ съ нѣмецкаго перевода Рюкерта индійскую поэму «Наль и Дамаянти». По окончаніи своей службы, осыпанный милостями Императора Николая I, обезпеченный на всю жизнь, и безъ того уже богатый, Жуковскій уѣхалъ изъ Россіи за границу — и не возвращался болѣе въ отечество. Во время частыхъ своихъ путешествій за границу до этого времени, онъ успѣлъ завести дружескія связи въ Германіи, къ которой все болѣе и болѣе привязывался. Въ 1841 году, переселившись за границу, онъ женился тамъ на дочери друга своего, живописца Рейтерна. Жуковскому было въ это время слишкомъ 60 лѣтъ, а его невѣстѣ — 19. Новѣйшій біографъ Жуковскаго, д-ръ Зейдлицъ, посвящаетъ цѣлый отдѣлъ своей книги описанію семейной заграничной жизни поэта, и этотъ отдѣлъ представляетъ намъ много чрезвычайно любопытныхъ подробностей, которыя мы не считаемъ возможнымъ привести здѣсь. Достаточно будетъ замѣтить, что въ теченіе послѣднихъ 11 лѣтъ своей жизни, полу-больной и нервно-разстроенный Жуковскій, долженъ былъ почти постоянно ухаживать за болѣзненною женою и при этомъ бороться съ кружкомъ піетистовъ, которые постоянно направляли ея мысли къ религіозному энтузіазму и чуть было не вынудили ее принять католичество. Нравственное и духовное настроеніе Жуковскаго въ это время также было очень близко къ мистицизму и часто проявлялось въ видѣ чрезвычайно странныхъ поэтическихъ фантазій, въ видѣ сокрушеній о своей чрезмѣрной грѣховности, о суэтѣ и ничтожествѣ всего мірскаго и т. п. Болѣзненно религіозная настроенность Жуковскаго совершенно ясно выражается въ томъ сочувствіи, которое, въ теченіе этого послѣдняго періода жизни, онъ выказывалъ къ религіознымъ мечтаніямъ Гоголя. Однакоже, въ немногія спокойныя минуты послѣднихъ 10 лѣтъ жизни Жуковскій все же успѣлъ довести до конца два большіе труда: въ 1847 году напечатанъ было его замѣчательный переводъ *Одиссеи;* въ 1849—переводъ персидской поэмы «Рустемъ и Зорабъ». Въ томъ же году отпразднованъ былъ и 50-ти лѣтній юбилей литературной дѣятельности Жуковскаго, который предполагалось и даже слѣдовало бы праздновать уже въ 1847 г.

7-го апрѣля 1852, на 70-мъ году своей жизни, Жуковскій умеръ въ Баденъ-Баденѣ. Тѣло его перевезено было въ Петербургъ, и похоронено въ Александро-Невской Лаврѣ, рядомъ съ могилою Карамзина.

Прямою противуположностью Жуковскому, какъ поэту, представляется Батюшковъ, первый постигнувшій истинное значеніе поэтическаго настроенія древне-классическихъ поэтовъ и съумѣвшій усвоить себѣ не только ихъ взглядъ на жизнь и наслажденье, но даже ихъ пластическій, образный, вполнѣ матерьяльный, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ изящный способъ выраженія. Гоголь (т. III, стр. 448) очень мѣтко указалъ на существеннѣйшія свойства поэзіи Батюшкова, сравнивая ее именно съ поэзіей Жуковскаго. «Въ то время», — говоритъ онъ—«когда Жуковскій отрѣшалъ нашу поэзію отъ земли и существенности, и уносилъ ее въ область безтѣлесныхъ видѣній, Батюшковъ, какъ бы нарочно ему въ отпоръ, сталъ прикрѣплять ее къ землѣ и тѣлу, выказывая всю очаровательную прелесть осязаемой существенности. Какъ тотъ терялся весь въ неясномъ для него самаго идеальномъ, такъ этотъ весь потонулъ въ роскошной прелести видимаго, которое такъ ясно слышалъ и такъ сильно чувствовалъ. Все прекрасное, во всѣхъ образахъ, даже и незримыхъ, онъ какъ бы силился превратить въ осязательную нѣгу наслажденія. Онъ слышалъ, выражаясь его же выраженіемъ, «стиховъ и мыслей сладострастье».

Несмотря на это различие въ направленіи поэзіи, Батюшковъ все же принадлежитъ и по языку, и по взгляду на литературу, и по литературнымъ связямъ своимъ, точно также, какъ и Жуковскій, къ кружку Карамзинскому. Проза Батюшкова, точно также какъ и раннія прозаическія произведенія Жуковскаго, представляетъ собою небольше, какъ подражаніе прозѣ Карамзина. Но стихъ Батюшкова и самое содержаніе его поэзіи, представляютъ собою нѣчто вполнѣ самостоятельное, независимое отъ всякихъ предшествовавшихъ вліяній. По красотѣ стиха и по художественному достоинству своей поэзіи, Батюшковъ не имѣетъ предшественни-

ковъ въ нашей литературѣ, и даже талантливѣйшіе представители Карамзинской школы—Дмитріевъ и Жуковскій—не могутъ состязаться съ нимъ въ этомъ отношеніи; единственнымъ соперникомъ Батюшкова является въ первыхъ своихъ произведеніяхъ юноша-поэтъ Пушкинъ, который такъ любилъ поэзію Батюшкова и такъ охотно признавалъ

Батюшковъ.

себя его ученикомъ. Мы уже видѣли выше, какъ Жуковскій своею усиленною переводною и подражательною поэтическою дѣятельностью способствовалъ мало-по-малу занесенію къ намъ романтическихъ идеаловъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тщательно обработывалъ нашъ поэтическій языкъ, примѣняя его къ выраженію тончайшихъ отвлеченностей своей туманной музы; Батюшковъ, обладая несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ, умѣя можетъ быть даже лучше Жуковскаго справляться съ русскимъ стихомъ, долженъ былъ однакоже, сообразно своему поэтическому настроенію, и при самой выработкѣ поэтическаго выраженія, стремиться къ задачамъ, которыя были совершенно противуположны задачамъ поэзіи Жуковскаго. И дѣйствительно, ему, первому изъ русскихъ поэтовъ, удалось достигнуть того соединенія красоты и силы въ поэтической формѣ, которое и должно было послужить образцемъ для совершеннѣйшаго изъ русскихъ поэтовъ — Пушкина.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ (род. 1787 г., ум. въ 1855 г.) происходилъ изъ стариннаго рода Новгородскихъ дворянъ, которые уже съ 1683 года являются владѣльцами живописнаго села *Даниловскаго* (Устюжскаго уѣзда, Новгор. губ.), пожалованнаго царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами Матвѣю Батюшкову, одному изъ предковъ поэта, за службу его *«противъ Турокъ и Татаръ крымскихъ»*. Отецъ поэта, Николай Львовичъ, принадлежалъ къ числу людей образованныхъ на тотъ французскій ладъ, который былъ въ такой модѣ въ Екатериненское время: сочиненія Руссо и энциклопедистовъ были до конца жизни его любимымъ чтеніемъ. Черезъ двоюроднаго брата своего, извѣстнаго уже намъ М. Н. Муравьева, Николай Львовичъ былъ не чуждъ даже и литературныхъ кружковъ. Но эти, повидимому благопріятныя условія домашней обстановки, въ сущности не имѣли и не могли имѣть никакого вліянія на развитіе Константина Николаевича, который по какимъ-то страннымъ, еще неразъясненнымъ отношеніямъ, былъ постоянно очень далекъ отъ отца, и уже съ ранняго дѣтства попалъ въ чужія руки. Какъ младшій членъ семейства, матери онъ почти не зналъ, потому что она, вслѣдствіе несчастнаго разстройства умственныхъ способностей, рано была удалена отъ дѣтей. Должно предполагать, что дѣтство Батюшкова было довольное печально, и конечно, особеннымъ счастьемъ для него было то, что по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ былъ отданъ на попеченіе двоюродному дядѣ своему М. Н. Муравьеву и супругѣ его, Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ, къ которымъ во всю жизнь свою относился какъ самый нѣжный и любящій сынъ. Вѣроятно, благодаря заботамъ и надзору М. Н. Муравьева, Батюшковъ попалъ въ одно изъ лучшихъ частныхъ учебныхъ заведеній того времени, въ петербургскій пансіонъ Жакино [1]) гдѣ особенное вниманіе обращалось на изученіе новѣйшихъ языковъ и самыя воспитательныя условія были весьма разумны. Первоначальное образованіе Батюшкова закончилось подъ руководствомъ другого иностранца – И. А. Триполи, служив-

[1]) Платонъ Антоновичъ Жакино, родомъ изъ Эльзаса, служилъ преподавателемъ франц. языка при Сухоп. Шлях. Кадетск. корпусѣ.

шаго при морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Результатомъ шестилѣтнихъ занятій Батюшкова, сначала въ пансіонѣ Жакино, а потомъ подъ руководствомъ Триполи, было отчетливое знаніе французскаго, итальянскаго, и даже нѣмецкаго языка, и раннее пробужденіе охоты къ занятіямъ словесностью. Изъ сохранившихся ученическихъ писемъ Батюшкова къ отцу видимъ, что уже въ 1801 году, т. е. лѣтъ 14-ти отъ роду, Батюшковъ перевелъ на французскій языкъ рѣчь, произнесенную митрополитомъ Платономъ, при коронованіи Императора Александра I [1]); сверхъ того, узнаемъ, что воспитатели Батюшкова не стѣсняли его въ чтеніи, и что сочиненія Ломоносова и Сумарокова, наравнѣ съ баснями Геллерта и съ произведеніями французскихъ мыслителей, служили развлеченіемъ его пансіонскихъ досуговъ. Но конечно, болѣе всего благотворное, образующее вліяніе на развитіе ума и таланта Батюшкова долженъ былъ оказывать самъ М. Н. Муравьевъ, какъ моралистъ и образованный писатель, а также и кружокъ литераторовъ и художниковъ, который постоянно собирался въ его домѣ; здѣсь встрѣчался Батюшковъ съ И. И. Мартыновымъ, нашимъ талантливымъ и неутомимымъ переводчикомъ классиковъ; здѣсь же познакомился онъ и съ А. Н. Оленинымъ, а черезъ него и съ большею частью современныхъ петербургскихъ литераторовъ — Озеровымъ, Капнистомъ, Крыловымъ, Шаховскимъ, и друг.

Въ 1806 году Батюшковъ, окончивъ ученье, былъ зачисленъ на службу въ канцелярію министра народнаго просвѣщенія, а вскорѣ послѣ того опредѣленъ письмоводителемъ къ своему же дядѣ, М. Н. Муравьеву, какъ товарищу-министра. Само собою разумѣется, что эта служба была только чисто-номинальною, и 19-ти-лѣтній Батюшковъ по замѣчанію его біографа, «все время свое исключительно посвящалъ занятіямъ литературнымъ». Уже въ 1805 г., въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ»,—журналѣ Мартынова—и въ «Новостяхъ Литературы», которыя издавалъ Побѣдоносцевъ, встрѣчаются мелкія стихотворенія Батюшкова. Но въ 1806 году, объявлена была война Франціи, и русская молодежь, увлекаемая особеннымъ патріотическимъ жаромъ и озлобленіемъ противъ французовъ, массой бросилась въ ряды войска... Въ ноябрѣ 1806 года изданъ былъ извѣстный манифестъ о милиціи, которой у насъ еще никогда прежде не бывало, и въ которомъ всѣ слышали энергическій призывъ къ поголовному вооруженію на общаго врага. Батюшковъ записался въ стрѣлковый батальонъ С.-Петербургскаго ополченія и въ началѣ 1807 года уже находился на театрѣ военныхъ дѣйствій. Юношу-поэта ожидало тамъ, въ его стремленіяхъ къ военной славѣ, жестокое разочарованіе: въ битвѣ подъ Гейльсбергомъ [2]), — гдѣ «главнѣйшая причина Русской неудачи заключалась въ безпорядкѣ отдѣльныхъ распоряженій по снабженію войскъ», [3]) пуля пробила ногу Батюшкову, и эта рана едва не стоила ему жизни, потому что и онъ также находился въ числѣ того множества русскихъ раненыхъ, которыми «былъ покрытъ берегъ Нѣмана», и которые «валялись безъ призора, на сыромъ пескѣ и подъ дождемъ». [4]) Даже и тогда, когда помощь уже была подана ему, положеніе поэта было ужасно; онъ лежалъ на соломѣ, въ тѣсной лачугѣ, безъ хлѣба, безъ денегъ, въ жестокихъ мученіяхъ—такъ сообщаетъ онъ самъ въ своихъ воспоминаніяхъ... Нескоро оправившись отъ раны, Батюшковъ однакоже не охладѣлъ къ военной славѣ, и еще разъ рѣшился попытать счастья: въ 1808—1809 г. мы видимъ его опять на войнѣ, въ Финляндіи, гдѣ онъ между прочимъ участвовалъ въ опасномъ походѣ на Аландскіе острова, по льдамъ Ботническаго залива. Любопытною чертою для характеристики нашего тогдашняго военнаго типа можетъ служить то, что въ глубинѣ Финляндскихъ дебрей, среди тревожной бивачной жизни, Батюшковъ *занимался изученіемъ Тасса и Петрарки*, сочиненія которыхъ, по его настоятельной просьбѣ, были ему высланы Оленинымъ.

Тотчасъ по окончаніи войны, Батюшковъ покинулъ военную службу и поселился въ Москвѣ, куда въ то время пріѣхала и овдовѣвшая Е. Ѳ. Муравьева. Здѣсь сошелся

[1]) Рѣчь эта, по желанію Жакино, была напечатана, и составляетъ тонорь библіографическую рѣдкость. [2]) Въ сѣверо-восточной Пруссіи. Битва эта происходила 29 мая 1807. [3]) См. Русск. Арх., 1867, стр. 1356. [4]) Тамъ же.

онъ съ важнѣйшими представителями Московскаго литературнаго кружка — съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ, и съ окружавшею ихъ молодежью: Жуковскимъ, Д. В. Дашковымъ, П. А. Вяземскимъ — будущими знаменитостями. Батюшковъ, всѣми ласкаемый и превозносимый за свое поэтическое дарованіе, дѣлается однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сотрудниковъ *Вѣстника Европы*, въ которомъ (въ теченіе 1809—1810) напечаталъ сначала свою пьесу: *Воспоминанія*, а потомъ цѣлый рядъ прекрасныхъ (хотя и вольныхъ) переводовъ изъ Парни, Тибулла и Петрарки, сразу доставившихъ Батюшкову, рядомъ съ Жуковскимъ, весьма видное мѣсто въ средѣ молодыхъ литераторовъ. Приверженцы Карамзина приняли его съ распростертыми объятіями и вскорѣ завлекли въ ту нескончаемую полемику, которая позднѣе такъ рѣзко раздѣлила всѣхъ нашихъ литературныхъ дѣятелей на два противуположные лагеря. Памятникомъ сочувствія Батюшкова молодой литературной партіи осталось намъ его шутливое стихотвореніе: *Видѣніе на берегахъ Леты»*, [1]) въ которомъ бойко очерчены и осмѣяны всѣ представители старой литературной школы и сторонники мнѣній Шишкова.

Съ 1810 г. Батюшковъ снова является въ Петербургѣ и даже опредѣляется на службу въ императорскую публичную библіотеку, гдѣ А. Н. Оленинъ уже успѣлъ пріютить двухъ пріятелей своихъ литераторовъ: Крылова и Гнѣдича. Часто посѣщая кружокъ Оленина, печатая стихи свои въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ (въ *Цвѣтникѣ*, который изд. Никольскій и Измайловъ), Батюшковъ вѣроятно не зналъ тягостей службы и служебныхъ отношеній... Жизнь давалась ему очень легко, и чаще обращалась къ нему лицевою стороною, нежели той изнанкой, которую онъ такъ хорошо узналъ въ послѣдствіи, и съ которою никакъ не могъ примириться. Увлекаясь своимъ талантомъ, возлагая большія надежды на будущее, Батюшковъ и не могъ въ это время выработать себѣ никакого правильнаго взгляда на жизнь и на свои способности, не могъ и уяснить себѣ своего назначенія. Кружокъ друзей его, около этого времени расширился: онъ успѣлъ сблизиться во время этого пребыванія въ Петербургѣ съ Д. Н. Блудовымъ, съ А. И. Тургеневымъ и С. С. Уваровымъ — будущими своими товарищами по *Арзамасу*. Но не одна дружба — и любовь въ это время улыбалась молодому Батюшкову: онъ полюбилъ, и горячо полюбилъ молодую дѣвушку, которой посвятилъ такъ много прекрасныхъ, чистыхъ и пламенныхъ строкъ... Крѣпко боролся онъ съ этой страстью, стараясь пересилить себя; но страсть не поддавалась его волѣ, какъ видно изъ его прелестнаго стихотворенія: *Разлука*, въ которомъ онъ говоритъ, что

Напрасно покидалъ страну моихъ отцовъ,
Друзей души, блестящія искусства;
И въ шумѣ грозныхъ битвъ, подъ сѣнію шатровъ,
Старался усыпить встревоженныя чувства!
Напрасно я спѣшилъ отъ сѣверныхъ степей,
Холоднымъ солнцемъ освѣщенныхъ,
Въ страну, гдѣ Тирасъ бьетъ излучистой струей,
Сверкая между горъ, Церерой позлащенныхъ,
И древнія поитъ народовъ племена.
Напрасно: — всюду мысль преслѣдуетъ одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мнѣ священно,
Которой взоръ одинъ лазоревыхъ очей
Все — неба на землѣ блаженства отверзаетъ,
И слово, звукъ одинъ, прелестный звукъ рѣчей
Меня мертвитъ и оживляетъ.

Но это юношеское, эгоистически счастливое состояніе человѣка, который способенъ заботиться только о себѣ, забывая совершенно объ окружающемъ мірѣ — это душевное состояніе продолжалось для Батюшкова очень недолго. Наступилъ 1812 годъ—и Батюшковъ не устоялъ противъ общей волны... Однакоже поступить на службу онъ могъ только уже въ 1813 г., нѣсколько успокоенный относительно семейства своей благодѣтельницы, Е. Ѳ. Муравьевой, которую онъ не покидалъ въ теченіе всего нашествія, заботясь о ней, какъ нѣжный сынъ. И когда вся Европа, вслѣдъ за Россіей, поднялась на Наполеона, когда начался увлекательный и романическій крестовый походъ нашъ за свободу Европы, — «поэтъ снова отдался боевой жизни», и находясь при героѣ Раевскомъ, совершилъ всю кампанію 1813 и 1814 года. Особенно памятною для Батюшкова осталась Лейпцигская битва — «битва народовъ», какъ прозвали ее нѣмцы: — подъ

[1]) *Лета*—рѣка забвенія.

Лейпцигомъ былъ убитъ лучшій другъ его, полковникъ *Петинъ*, котораго онъ такъ часто вспоминаетъ въ своихъ стихахъ [1])... И во время этой шумной, безпокойной военной жизни, которую такъ любилъ Батюшковъ, мы опять застаемъ его за книгами, за работой надъ пополненіемъ своего образованія. «Знаешь-ли новую страсть мою,—нѣмецкій языкъ»;—пишетъ Батюшковъ изъ Веймара сестрѣ своей въ вологодскую губернію — «я нынѣ живучи въ Германіи, выучился говорить по нѣмецки, и читаю все нѣмецкія книги. Не удивляйся тому: Веймаръ есть отчизна Гёте, сочинителя *Вертера*, славнаго Шиллера и Виланда». Вмѣстѣ съ русской арміей Батюшковъ вступилъ въ Парижъ, и жилъ тамъ довольно долго. Дошедшія до насъ письма его, писанныя изъ Парижа, указываютъ на то, что и Батюшковъ наравнѣ со множествомъ современниковъ своихъ, рѣшительно потерялъ голову въ чаду упоенія той славой, которая такъ изобильно увѣнчала лаврами наше оружіе, и тою рыцарскою, безкорыстною борьбою за свободу Европы, которую мы такъ твердо вынесли. Видно, что Батюшковъ и въ это время все еще продолжалъ жить однимъ только настоящимъ, не задумываясь о завтрашнемъ днѣ, да къ тому же и очень легко приходилъ въ восторгъ:

...«Я часто съ удовольствіемъ смотрю»—пишетъ онъ изъ Парижа Дашкову—«какъ наши казаки безпечно проѣзжаютъ черезъ Аустерлицкій мостъ, любуясь его удивительнымъ построеніемъ; съ удовольствіемъ неизъяснимымъ вижу русскихъ гренадеръ передъ Траяновой колоной или у рѣшетки Тюльери, передъ *Arc de Triomphe*, гдѣ изображены и Ульмъ, и Аустерлицъ, и Фридландъ, и Іена... Французы дорого заплатили за свою славу, любезный другъ»!

Такимъ же увлеченіемъ и заносчивымъ, поверхностнымъ взглядомъ на Францію, на французскую литературу и просвѣщеніе отзывается вообще все то, что Батюшковъ пишетъ изъ Парижа о пребываніи въ немъ, причемъ называетъ себя «маленькимъ Тибулломъ, или проще, капитаномъ русской императорской службы, что въ нынѣшнее время важнѣе, нежели бывшій кавалеръ или всадникъ римскій (ибо, по словамъ Соломона, «живой воробей лучше мертваго льва»)...» Особенно странно и непріятно поражаютъ насъ сужденія «маленькаго Тибулла» о современномъ состояніи французской литературы:

«Нынѣшній годъ была предложена къ увѣнчанію (въ академіи) «Смерть Баярда»; но, по слабости поэзіи, не получила обыкновенной награды. Теперь отгадайте, какой предметъ назначенъ для будущаго года? —«Польза прививанія коровьей оспы»!! Это хоть бы нашей академіи выдумать! *По этому, любезный другъ, можете судить о состояніи французской словесности.* Ее не любилъ Наполеонъ.... что немало послужило къ упадку академіи французской. *Правленіе должно лелѣять и баловать музъ; иначе онѣ будутъ безплодны.* Слѣдуя обыкновенному теченію вещей, я думаю, что вѣкъ славы для французской словесности прошелъ и врядъ-ли можетъ когда воротиться. Впрочемъ мирное отечественное правленіе будетъ во сто разъ благосклоннѣе для музъ судорожнаго тиранскаго правленія корсиканца»...:

Изъ Парижа Батюшковъ отправился въ Англію и оттуда, моремъ, въ Стокгольмъ, гдѣ тогда совѣтникомъ посольства находился близкій пріятель Батюшкова, Д. Н. Блудовъ, также собиравшійся ѣхать въ Россію. Здѣсь написана была элегія «*На развалинахъ замка въ Швеціи*» и прекрасный отрывокъ *Воспоминанія* (*Я чувствую, мой даръ въ поэзіи погасъ*...). Оба эти стихотворенія остаются настолько же памятникомъ пребыванія Батюшкова въ Швеціи, на сколько два другія его стихотворенія—«*Плѣнный*» и, *Переходъ черезъ Рейнъ*—памятникомъ участія въ кампаніи 1813—1814 гг. Наконецъ, въ первыхъ числахъ іюня 1814 г., Батюшковъ возвратился въ Петербургъ, пробывъ почти два года за границей,—и странное чувство овладѣло имъ:

Средь ужасовъ земли и ужасовъ морей
Блуждая, бѣдствуя, искалъ своей Итаки
Богобоязненный страдалецъ Одиссей;
Стопой безтрепетной сходилъ Аида въ мраки;
Харибды яростной, подводной Сциллы стонъ
Не потрясли души высокой.
Казалось, побѣдилъ терпѣньемъ рокъ жестокой
И чашу горести до капли выпилъ онъ:
Казалось, небеса карать его устали,
И тихо соннаго домчали

[1]) Воспоминанію о Петинѣ посвящена прекрасная элегія Батюшкова: «Тѣнь друга».

До милыхъ родины давно желанныхъ скалъ,
*Проснулся онъ: и чтожъ? Отчизны не познал*ъ [1]).

Тяжело было Батюшкову увидѣть себя среди незавидной русской дѣйствительности, въ заколдованномъ кругу апатіи и застоя, среди котораго мощно властвовалъ Аракчеевъ... Послѣ тѣхъ событій, въ которыхъ пришлось принимать участіе, послѣ того, какъ почти два года жизни пришлось провести въ самомъ центрѣ европейской цивилизаціи, и при томъ же — играть видную роль въ шумной и ослѣпительно-блестящей исторической драмѣ 1813 и 1814 г... Послѣ всего этого трудно было примириться съ непривлекательною обстановкой современной русской жизни. И Батюшковъ, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ, уже почувствовалъ на себѣ, что «и мы дорого заплатили за свою славу», утративъ прежнее, наивное отношеніе къ своей дѣйствительности и возвратившись на родимый Востокъ съ идеями и воззрѣніями Запада. Тягостное душевное состояніе Батюшкова превосходно выражается въ томъ письмѣ, которое онъ вскорѣ послѣ возвращенія изъ за границы, писалъ къ Жуковскому, въ Бѣлевъ, (въ ноябрѣ 1814 г.).

...«Какъ мы перемѣнились съ онаго счастливаго времени, когда, у Дѣвичьяго монастыря, ты жилъ съ Музами въ сладкой бесѣдѣ! Не знаю, былъ ли ты тогда (въ 1809 г.) счастливъ, но я думаю, что это время моей жизни было счастливѣйшее: ни заботъ, ни попеченій, ни предвидѣнія! Всегда съ удовольствіемъ живѣйшимъ вспоминаю и тебя, и Вяземскаго, и вечера наши, и споры, и шалости, и проказы. Два вѣка мы прожили съ того благополучнаго времени. Я самъ кружился въ вихрѣ военномъ, и, какъ слабое насѣкомое, какъ бабочка, утратилъ свои крылья»... Затѣмъ, описавъ свои странствованія, поэтъ прибавляетъ: ...«Вотъ моя Одиссея! По истинѣ Одиссея! Мы подобны теперь Гомеровымъ воинамъ, разсѣяннымъ по лицу земному. Каждаго гонитъ какой-нибудь мститель-богъ..., а меня—скука. Самое маленькое дарованіе мое, которымъ подарила меня судьба, конечно въ гнѣвѣ своемъ, сдѣлалось мнѣ мучителемъ. Я вижу его безполезность для общества и для себя. Что въ немъ, мой милый другъ? И чѣмъ замѣню утраченное время? Дай мнѣ совѣтъ, научи меня, наставь меня: у тебя доброе сердце, умъ просвѣщенный. Будь же моимъ вожатаемъ! Скажи мнѣ, какъ могу быть полезенъ обществу, себѣ, друзьямъ? Я оставляю службу по многимъ важнымъ для меня причинамъ, и не останусь въ Петербургѣ. Къ гражданской службѣ я не способенъ. Плутархъ не стыдился считать кирпичи въ маленькой Херонеѣ: я не Плутархъ къ несчастію, и не имѣю довольно философіи, чтобъ заняться бездѣлками»...

И дѣйствительно, Батюшковъ принимается хлопотать объ отставкѣ, которую, однакоже, ему удается наконецъ получить не ранѣе, какъ въ 1816 г. Въ теченіе этого времени, живя въ Каменецъ-Подольскѣ, среди хлопотъ и непріятностей, Батюшковъ уже на столько успѣлъ проникнуться недовольствомъ и какою-то особенною мнительностью по отношенію къ своимъ способностямъ и силамъ, что рѣшился отказаться даже отъ того счастія любви, которое такъ долго носилъ онъ въ сердцѣ...

...«Вы меня критикуете жестоко» — такъ пишетъ онъ къ Е. Ѳ. Муравьевой (изъ Каменца, въ авг. 1815 г.) и вездѣ видите противурѣчія. Виноватъ-ли я, если мой разсудокъ воюетъ съ моимъ сердцемъ? Но дѣло о разсудкѣ: я правъ совершенно. Ни отсутствіе, ни время меня не измѣнили. Если Всевышній не отниметъ отъ меня руки своей, то я все буду мыслить по старому: *не пожертвую никѣмъ для собственныхъ выгодъ*... Шестью тысячами жить невозможно въ столицѣ; если бы и возможно было, то я не могу и долженъ огорчить батюшку и навлечь на себя его гнѣвъ.... Но и это въ сторону: важнѣйшее препятствіе въ томъ, что я не долженъ жертвовать тѣмъ, что мнѣ всего дороже. Я не стòю *ея*, не могу сдѣлать *ее* щастливою съ моимъ характеромъ и съ маленькимъ состояніемъ. Это такая истина, которую ни вы, ничто на свѣтѣ не побѣдитъ, конечно... Не любить я не въ силахъ... Кто любитъ, тотъ гордъ. Что касается до службы, до выгодъ ея, то Богъ съ ними, съ ней! Для чего буду я теперь искать чиновъ, которыхъ я не уважаю, и денегъ, которыя меня не сдѣлаютъ счастливымъ? А искать чины и деньги для жены, которую любишь? Начать жить подъ одною

[1]) См. въ Смирд. изд. стихотвореній Батюшкова, II, стр. 66: «*Судьба Одиссея*».

кровлею въ нищетѣ, безъ надежды — нѣтъ, не соглашусь на это, и согласился бы, если бы я только на себѣ основалъ свои наслажденія. Жертвовать собою позволено, жертвовать другими — могутъ одни злыя сердца. Оставимъ это на произволъ судьбы. Жизнь не вѣчность, къ счастію нашему, и терпѣнію есть конецъ».

Выйдя въ отставку, Батюшковъ былъ снова зачисленъ почетнымъ библіотекаремъ въ Публичную Библіотеку и ревностно занялся литературой. Въ теченіе этого 1816 года много его стиховъ и прозаическихъ статей помѣщено было и въ «Вѣстникѣ Европы», и въ «Сынѣ Отечества». Въ концѣ того же года принялся онъ и за изданіе полнаго собранія своихъ сочиненій, которое окончено было уже только осенью 1817 г., также проведеннаго имъ въ Петербургѣ, среди родни своей и друзей - Арзамасцевъ, въ числѣ которыхъ Батюшковъ встрѣтилъ своего и тогда уже страшнаго соперника, 18-тя лѣтняго юношу— Пушкина. Вскорѣ, однакоже, смерть отца отвлекла его отъ беззаботной столичной жизни и отъ литературной дѣятельности: — ему пришлось ѣхать въ деревню, хлопотать объ устройствѣ дѣлъ своихъ, и этими хлопотами онъ окончательно успѣлъ разстроить свое и безъ того уже слабое здоровье. Болѣе и болѣе поддаваясь недовольству собою и всѣмъ, что его окружало, онъ впадаетъ въ тревожное состояніе духа, въ которомъ, по его же собственному выраженію:

Онъ осужденъ искать... чего, не знаетъ самъ [1]).

Заботы о поправленіи здоровья вынуждаютъ его къ новымъ хлопотамъ: черезъ А. И. Тургенева онъ ищетъ возможности получить мѣсто при нашемъ посольствѣ въ Неаполѣ... Почти весь 1818 годъ проходитъ въ разъѣздахъ, то въ Петербургъ и Москву, то въ Вологодское имѣнье, то на Югъ въ Одессу, и опять на Сѣверъ... Наконецъ, въ ноябрѣ 1818 года, Батюшковъ получаетъ то мѣсто, котораго такъ долго добивался, и отправляется въ Италію, въ самомъ мрачномъ настроеніи: «Я знаю Италію, не побывавъ въ ней» — пишетъ онъ А. И. Тургеневу, незадолго до отъѣзда. «Тамъ не найду я счастья: его нигдѣ нѣтъ; увѣренъ даже, что буду грустить о снѣгахъ родины и о людяхъ мнѣ драгоцѣнныхъ... Но первое условіе *жить*, а здѣсь холодно, и я умираю ежедневно. Вотъ почему желалъ Италія и желаю. Умереть на батареѣ прекрасно; но, въ 30 лѣтъ, умереть въ постелѣ—ужасно»... Поэтъ, конечно, не предвидѣлъ еще тогда, что въ близкомъ будущемъ его ожидаетъ нѣчто гораздо болѣе ужасное. 1820 годъ былъ послѣднимъ въ его авторской дѣятельности. Возвратившись въ Россію въ 1822 году, онъ уже былъ подверженъ умственному разстройству [2]) и вскорѣ окончательно помѣшался... Отвезенный родными въ Вологду, несчастный Батюшковъ прожилъ здѣсь слишкомъ тридцать лѣтъ въ совершенно безсознательномъ состояніи...

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ЖУКОВСКАГО.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

ЭЛЕГІЯ (ИЗЪ ГРЕЯ).

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой.
Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ...
Повсюду тишина, повсюду мертвый сонъ.
Лишь изрѣдка, жужжа вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.
Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Той башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.
Подъ кровомъ черныхъ сосенъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которые окрестъ, развѣсившись, стоятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.
Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье,

[1]) *«Странствователь и домосѣдъ»*—См. соч. Батюшкова (Смирд. изд.) II, 216. [2]) Помѣшательство это, помимо всѣхъ особыхъ поводовъ и причинъ было наслѣдственною родовою болѣзнью для К. Н. Батюшкова: его мать и любимая сестра также умерли въ помѣшательствѣ.

Ни крики пѣтуха, ни звучный гулъ роговъ,
Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье —
Ничто не вызоветъ почившихъ изъ гробовъ.
На дымномъ очагѣ трескучій огнь сверкая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И дѣти рѣзвыя, встрѣчать ихъ выбѣгая,
Не будутъ съ жадностью лобзаній ихъ ловить.
Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали
И потомъ ихъ лица кропилася земля!
Пускай рабы суетъ ихъ жребій унижаютъ,
Смѣяся въ слѣпотѣ полезнымъ ихъ трудамъ,
Пускай съ холодностью презрѣнія внимаютъ
Таящимся во тмѣ убогаго дѣламъ:
На всѣхъ ярится смерть; царя, любимца славы —
Всѣхъ ищетъ грозная... и нѣкогда найдетъ;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы,
И путь величія ко гробу насъ ведетъ.
А вы, наперсники фортуны ослѣпленны,
Напрасно спящихъ здѣсь спѣшите презирать
За то, что гробы ихъ непышны и забвенны,
Что лесть имъ алтарей не мыслитъ воздвигать.
Вотще надъ мертвыми, истлѣвшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія блестятъ,
Вотще гласъ почестей гремитъ передъ гробами,
Угасшій пепелъ нашъ они не воспалятъ.
Уже-ль смягчится смерть сплетаемой хвалою,
И невозвратную добычу возвратитъ?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть ихъ бременитъ.
Ахъ! можетъ быть, подъ сей могилою таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ гнѣздится
Рожденной быть въ вѣнцѣ иль мыслями парить!
Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,
Угрюмою судьбой для нихъ былъ затворенъ,
Ихъ рокъ обремениль убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою нуждою умерщвленъ.
Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами сокровенной,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой;
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой.
Быть можетъ, пылью сей покрытъ Гампденъ надменный,
Защитникъ сограждамъ, тиранства смѣлый врагъ;
Иль кровію гражданъ Кромвель необагренный,
Или Мильтонъ нѣмой, безъ славы скрытый въ прахъ.
Отечество хранить державною рукою,
Сражаться съ бурей бѣдъ, фортуну презирать,
Дары обилія на смертныхъ лить рѣкою,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои читать —
Того имъ не далъ рокъ; но вмѣстѣ преступленьямъ
Онъ съ доблестями ихъ кругъ тѣсный положилъ;
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, наслажденьямъ,
И быть жестокимъ къ страдальцамъ запретилъ —
Таить въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести
Румянецъ робкія стыдливости терять,
И раболѣпствуя, на жертвенникахъ лести
Дары небесныхъ Музъ гордынѣ посвящать.
Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смятеній
Безъ страха и надеждъ, въ долинѣ жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажденій,
Они беспечно шли тропинкою своей...
И здѣсь спокойно спятъ подъ сѣнью гробовою
И скромный памятникъ, въ пріютѣ сосенъ густыхъ
Съ непышной надписью и рѣзьбою простою,
Прохожаго зоветъ вздохнуть надъ прахомъ ихъ.
Любовь на камнѣ семъ ихъ память сохранила,
Ихъ лѣта, имена потщившись начертать;
Окрестъ библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.
И кто съ сей жизнію безъ горя разставался?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью предавалъ?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ не плѣнялся,
И взора томнаго назадъ не обращалъ?
Ахъ! нѣжная душа, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой!
И взоры тусклые, навѣки угасая,
Еще стремятся къ нимъ съ послѣднею слезой;
Ихъ сердце милый гласъ въ могилѣ нашей слышитъ;
Нашъ камень гробовой для нихъ одушевленъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холодной урнѣ дышетъ,
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ.
А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уединенный,
И твой ударитъ часъ послѣдній, роковой;
И къ гробу твоему, мечтой сопровожденный,
Чувствительный придетъ услышать жребій твой.
Быть можетъ, селянинъ съ почтенной сѣдиною
Такъ будетъ о тебѣ пришельцу говорить:
«Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить.
«Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой,
Поднявшей изъ земли косматый корень свой.
Тамъ часто, въ горести беспечной, молчаливой,
Лежалъ, задумавшись, надъ свѣтлою рѣкой;
«Нерѣдко въ вечеру, скитаясь межъ кустами —
Когда мы съ поля шли, и въ рощѣ соловей
Свисталъ вечерню пѣснь—онъ томными очами
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей.

«Прискорбный, сумрачный, съ главою наклоненной,
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенной,
Которому ничѣмъ души не усладить.
«Взошла заря—но онъ съ зарею не являлся
Ни къ ивѣ, ни на холмъ, ни въ лѣсъ не приходилъ;
Опять заря взошла—нигдѣ онъ не встрѣчался;
Мой взоръ его искалъ—искалъ—не находилъ.
«На утро пѣніе мы слышимъ гробовое...
Несчастнаго несутъ въ могилу положить
Приблизься, прочитай надгробіе простое,
Чтобъ память добраго слезой благословить».
«Здѣсь пепелъ юноши безвременно сокрыли.
Что слава, счастіе, незналъ онъ въ мірѣ семъ:
Но Музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ.
Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душею—
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ.
Дарилъ несчастныхъ онъ — чѣмъ только моіъ—слезою:
Въ награду отъ Творца онъ друга получилъ.
Прохожій, помолись надъ этою могилой;
Онъ въ ней нашелъ пріютъ отъ всѣхъ земныхъ тревогъ;
Здѣсь все оставилъ онъ, что въ немъ грѣховно было,
Съ надеждою, что живъ его Спаситель-Богъ.

ВЕЧЕРЪ.

Элегія.

Ручей віющійся по свѣтлому песку,
Какъ тихая твоя гармонія пріятна!
Съ какимъ сверканіемъ катишься ты въ рѣку!...
Приди, о Муза благодатна,
Въ вѣнкѣ изъ юныхъ розъ съ цѣвницею златой;
Склонись задумчиво на пѣнистыя воды,
И, звуки ожививъ, туманный вечеръ пой
На лонѣ дремлющей Природы.
Какъ солнца за горой плѣнителенъ закатъ —
Когда поля въ тѣни, а рощи отдаленны
И въ зеркалѣ воды колеблющійся градъ
Багрянымъ блескомъ озаренны;
Когда съ холмовъ златыхъ стада бѣгутъ къ рѣкѣ,
И рева гулъ гремитъ звучнѣе надъ водами;
И, сѣти склавъ, рыбакъ на легкомъ челнокѣ
Плыветъ у брега межъ кустами;
Когда пловцы шумятъ, скликаясь по стругамъ,
И веслами струи согласно разсѣкаютъ,
И, плуги обративъ, по глыбистымъ браздамъ
Съ полей оратаи съѣзжаютъ....
Ужъ вечеръ.... облаковъ померкнули края.
Послѣдній лучъ зари на башняхъ умираетъ,
Послѣдняя въ рѣкѣ блестящая струя
Съ потухшимъ небомъ угасаетъ.
Все тихо; рощи спятъ; въ окрестности покой.
Простершись на травѣ подъ ивой наклоненной,
Внимаю, какъ журчитъ, сливаяся съ рѣкой,
Потокъ, кустами осѣненной.
Какъ слитъ съ прохладою растеній ѳиміамъ!
Какъ сладко въ тишинѣ у брега струй плесканье!
Какъ тихо вѣянье зефира по водамъ,
И гибкой ивы трепетанье!
Чуть слышно надъ ручьемъ колышется тростникъ;
Гласъ пѣтела вдали уснувши будитъ селы.
Въ травѣ коростеля я слышу дикій крикъ,
Въ лѣсу стенанье Филомелы...
Но что?.... Какой вдали мелькнулъ волшебный лучъ?
Восточныхъ облаковъ хребты воспламенились,
Осыпанъ искрами во тмѣ журчащій ключь;
Въ рѣкѣ дубравы отразились.
Луны ущербный ликъ встаетъ изъ-за холмовъ...
О тихое небесъ задумчивыхъ свѣтило,
Какъ зыблется твой блескъ на сумракѣ лѣсовъ!
Какъ блѣдно брегъ ты озлатило!
Сижу задумавшись; въ душѣ моей мечты;
Къ протекшимъ временамъ лечу воспоминаньемъ...
О дней моихъ весна, какъ быстро скрылась ты,
Съ твоимъ блаженствомъ и страданьемъ!
Гдѣ вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Уже-ли никогда не зрѣть соединенья?
Уже-ль изсякнули всѣхъ радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!
О братья! о друзья! гдѣ нашъ священный кругъ?
Гдѣ пѣсни пламенны и Музамъ, и свободѣ?
Гдѣ Вакховы пиры при шумѣ зимнихъ вьюгъ?
Гдѣ клятвы, данныя Природѣ,
Хранить съ огнемъ души нетлѣнность братскихъ узъ?
И гдѣ же вы, друзья? Иль всякъ своей тропою.
Лишенный спутниковъ, влача сомнѣній грузъ,
Разочарованный душею,
Тащится осужденъ до бездны гробовой?
Одинъ—минутный цвѣтъ—почилъ, и непробудно,

И гробъ безвременный любовь кропитъ слезой!
Другой... о небо правосудно!
А мы... уже-ль дерзнемъ другъ другу чужды быть?
Уже-ль красавицъ взоръ, иль почестей исканье,
Иль суетная честь пріятнымъ въ свѣтѣ слыть
Загладятъ въ сердцѣ вспоминанье
О радостяхъ души, о счастьи юныхъ дней,
И дружбѣ и любви, и Музамъ посвященныхъ?
Нѣтъ, нѣтъ! пусть всякъ идетъ во слѣдъ судьбѣ своей,
Но въ сердцѣ любитъ незабвенныхъ...
Мнѣ Рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы Природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной,
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать.
О, пѣсни! чистый плодъ невинности сердечной!
Блаженъ, кому дано цѣвницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!
Кто, въ тихій утра часъ, когда туманный дымъ
Ложится по полямъ и холмы облачаетъ,
И солнце, восходя, по рощамъ голубымъ
Спокойно блескъ свой разливаетъ,
Спѣшитъ, восторженный, оставя сельскій кровъ
Въ дубравѣ упредить пернатыхъ пробужденье,
И, лиру соглася съ свирѣлью пастуховъ,
Поетъ свѣтила возрожденье!
Такъ, пѣть есть мой удѣлъ на долго-ль? Какъ узнать
Ахъ! скоро, можетъ быть, съ Минваною унылой
Придетъ сюда Альпинъ въ часъ вечера мечтать
Надъ тихой юноши могилой!

СВѢТЛАНА.

Баллада.

Разъ въ Крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачекъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны.
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.
Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана, —
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
«Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко;
Слушай пѣсни круговой;
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: «кузнецъ,
«Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
«Скуй кольцо златое.
Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
«Обручаться тѣмъ кольцомъ
«При святомъ налоѣ».
— Какъ могу, подружки пѣть?
Милый другъ далеко;
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался — вѣсти нѣтъ;
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышетъ...
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью?
Утоли печаль мою,
Ангелъ-утѣшитель —
Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою.
Два прибора на столѣ.
«Загадай, Свѣтлана;
Въ чистомъ зеркала стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ;
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою».
Вотъ красавица одна,
Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье;

Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть ліетъ сіянье....
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очи....
Съ трескомъ пыхнулъ огонекъ
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.
Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышитъ....
Вотъ.... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами,
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами....
Занялся отъ страха духъ....
Вдругъ въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шепотъ:
«Я съ тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышанъ ропотъ!»
Оглянулась.... милый къ ней
Простираетъ руки.
«Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки».
—«Ѣдемъ! Попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками;
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ;
Храмъ блеститъ свѣчами».
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.
Сѣли.... кони съ мѣста въ разъ;
Пышутъ дымъ ноздрями:
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ.... пусто все вокругъ,
Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ
Чуть блестятъ поляны;
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
«Что ты смолкнулъ, милый?»
Ни полслова ей въ отвѣтъ;
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.
Кони мчатся по буграмъ;
Топчутъ снѣгъ глубокій....
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
Видѣнъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ;
Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ еиміамѣ;
На срединѣ черный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ;
«Буди взятъ могилой!»
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ
Блѣденъ и унылый.
Вдругъ метелица кругомъ;
Снѣгъ валитъ клоками.
Черный вранъ свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Воронъ каркаетъ: *печаль*!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Подымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонекъ;
Видѣнъ мирный уголокъ,
Хижинка подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй;
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.
Вотъ примчалися.... и мигъ
Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ —
Будто не бывали.
Одинокая въ потьмахъ,
Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
Вкругъ метель и вьюга.
Возвратиться — слѣду нѣтъ....
Видѣнъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась;
Въ дверь съ молитвою стучитъ....
Дверь шатнулася.... скрыпитъ....
Тихо растворилась.
Что-жъ?.... въ избушкѣ — гробъ; накрытъ
Бѣлою запоной,
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
Свѣчка предъ иконой....
Ахъ! Свѣтлана, что съ тобой?
Въ чью зашла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась;
И съ крестомъ своимъ въ рукѣ
Подъ Святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло.... вьюги нѣтъ....
Слабо свѣчка тлится,
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится...
Все въ глубокомъ мертвомъ снѣ,
Страшное молчанье....
Чу, Свѣтлана!... въ тишинѣ
Легкое журчанье....
Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.
Смолкло все опять кругомъ...
Вотъ, Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится....
Сорвался покровъ; мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Видѣнъ весь — на лбу вѣнецъ,
Затворенны очи.
Вдругъ... въ устахъ сомкнутыхъ стонъ
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы....
Что же дѣвица?.... Дрожитъ....
Гибель близко.... но не спитъ
Голубочекъ бѣлый.
Встрепенулся, развернулъ
Легкія онъ крылы,
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ...
Всей лишенный силы,
Простонавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами....
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась....
Глядь, Свѣтлана.... О Творецъ!
Милый другъ ея — мертвецъ,
Ахъ!... и пробудилась.
Гдѣ-жъ? У зеркала одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучь денницы,
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.
«Ахъ! ужасный, грозный сонъ;
Не добро вѣщаетъ онъ —
Горькую судьбину,
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей,
Радость иль кручину?»
Сѣла (тяжко ноетъ грудь)
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Видѣнъ сквозь туманы.
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій....
Чу!.... вдали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе; вотъ ужъ у воротъ,
Статный гость къ крыльцу идетъ...
Кто?... женихъ Свѣтланы.
Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой; все тотъ же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Та-жь любовь въ его очахъ,
Тѣ-жь пріятны взоры;
Тѣ-жь на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся-жь, Божій храмъ,
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты;
Соберитесь старъ и младъ;
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ —
Пойте: многи лѣты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы;
Слава — насъ учили — дымъ:
Свѣтъ — судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
«Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье:
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье — лживый сонъ;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана....
Будь, Создатель, ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется;

Въ ней душа какъ ясный день;
Ахъ! да пронесется
Мимо бѣдствія рука;
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла,
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ БАТЮШКОВА.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Отрывокъ.

. . . .
Я чувствую, мой даръ въ Поэзіи погасъ,
И Муза пламенникъ небесный потушила;
Печальна опытность открыла
Пустыню новую для глазъ.
Туда влечетъ меня осиротѣлый Геній,
Въ поля безплодныя, въ непроходимы сѣни,
Гдѣ щастья нѣтъ слѣдовъ,
Ни тайныхъ радостей, неизъяснимыхъ сновъ,
Любимцамъ Фебовымъ отъ юности извѣстныхъ,
Ни дружбы, ни любви, ни пѣсней Музъ прелестныхъ,
Которыя всегда душевну скорбь мою,
Какъ Лотосъ, силою волшебной врачевали.
Нѣтъ, нѣтъ! себя не узнаю
Подъ новымъ бременемъ печали! —
Какъ странникъ, брошенный на брегъ изъ ярыхъ волнъ,
Встаетъ и съ ужасомъ разбитый видитъ челнъ,
Рукою трепетной онъ мраки вопрошаетъ,
Ногой скользитъ надъ пропастями онъ
И вѣтеръ буйный развѣваетъ
Молсній гласъ его, рыданія и стонъ....
На краѣ гибели такъ я зову въ спасенье
Тебя, послѣдняя надежда, утѣшенье!
Тебя, послѣдній сердца другъ!
Средь бурей жизни и недугъ
Хранитель-ангелъ мой, оставленный мнѣ Богомъ!..
Твой образъ я таилъ въ душѣ моей залогомъ
Всего прекраснаго... и благости Творца. —
Я съ именемъ твоимъ летѣлъ подъ знамя брани
Искать иль славы иль конца;
Въ минуты страшныя чистѣйши сердца дани
Тебя я приносилъ на Марсовыхъ поляхъ:
И въ мирѣ, и въ войнѣ, во всѣхъ земныхъ краяхъ,
Твой образъ слѣдовалъ съ любовію за мною;
Съ печальнымъ странникомъ онъ неразлученъ сталъ.
Какъ часто въ тишинѣ, весь занятый тобою,
Въ лѣсахъ, гдѣ Жувизи гордится надъ рѣкою,
И Сейна по цвѣтамъ льетъ сребрянный кристаллъ:
Какъ часто средь толпы и шумной и безпечной,
Въ столицѣ роскоши, среди прелестныхъ женъ,
Я пѣнье забывалъ волшебное Сиренъ
И о тебѣ одной мечталъ въ тоскѣ сердечной.
Я имя милое твердилъ
Въ прохладныхъ рощахъ Альбіона,
И Эхо называть прекрасную училъ
Въ цвѣтущихъ пажитяхъ Ричмона.
Мѣста прелестныя и въ дикости своей,
О камни Швеціи, пустыни Скандинавовъ,
Обитель древняя и доблести, и нравовъ!
Ты слышала обѣтъ и гласъ любви моей,
Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальныя скалы гранитныхъ береговъ
И села пахарей и кущи рыбаковъ,
Сквозь тонки утренни туманы
На зеркальныхъ водахъ пустынной Тролетаны.
. . . .

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца
Склоняетъ голову и вянетъ:
Такъ я въ болѣзни ждалъ безвременно конца,
И думалъ: Парки часъ настанетъ.
Ужъ очи покрывалъ Эреба мракъ густой,
Ужъ сердце медленнѣе билось:
Я вянулъ, исчезалъ, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приближилась, о жизнь души моей,
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
И поцѣлуевъ сочетанье,

И вздохи страстные, и сила милыхъ словъ,
Меня изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призвали.
Ты снова жизнь даешь; она, твой даръ благой;
Тобой дышать до гроба стану.
Мнѣ сладокъ будетъ часъ и муки роковой;
Я отъ любви теперь увяну.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Зефиръ послѣдній свѣялъ сонъ
Съ рѣсницъ, окованныхъ мечтами:
Но я — не къ щастью пробужденъ
Зефира тихими крилами.
Ни сладость розовыхъ лучей
Предтечи утренняго Феба,
Ни кроткій блескъ лазури неба,
Ни запахъ вѣющій съ полей,
Ни быстрый летъ коня ретива
По скату бархатныхъ луговъ,
И гончихъ лай, и звонъ роговъ
Вокругъ пустыннаго залива:
Ничто души не веселитъ,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый умъ не побѣдитъ
Любви, — холодными словами.

ЭЛЕГІЯ.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю — но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ;
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить, душа не знаетъ стройныхъ словъ;
И какъ молчать объ нихъ, не знаю.

ТѢНЬ ДРУГА.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона:
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ,
За кораблемъ вилася Гальціона,
И тихій гласъ ея пловцевъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ;
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ,
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила Сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ,
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли.
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели.
Мечты смѣнялися мечтами,
И вдругъ... то былъ-ли сонъ?... предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію, надъ Плейсскими струями.
Но видъ не страшенъ былъ: чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро Майское веселіемъ цвѣло,
И все небесное душѣ напоминало.
«Ты-ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней!
Ты ль это? я вскричалъ, о воинъ вѣчно милой!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ,
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ!
Или протекшее все было сонъ, мечтанье,
Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
О! молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный слухъ ласкаетъ;
Пускай рука моя, о незабвенный другъ!
Твою, съ любовію сжимаетъ...»
И я летѣлъ къ нему... Но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полуночи,
Исчезъ, — и сонъ покинулъ очи. —
Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины;
Стихіи грозныя казалися безмолвны.
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла:
Тебя, о милый братъ! о лучшій изъ друзей!

XXXV.

ЗНАЧЕНІЕ КРЫЛОВА.—БІОГРАФІЯ ЕГО.—КРЫЛОВЪ, КАКЪ САТИРИКЪ И ЖУРНАЛИСТЪ.—КРЫЛОВЪ И КАРАМЗИНЪ.—КРЫЛОВЪ, КАКЪ ПИСАТЕЛЬ НАРОДНЫЙ.—ЗНАЧЕНІЕ «МОРАЛИ» ВЪ БАСНЯХЪ КРЫЛОВА.

Въ литературѣ каждаго народа есть свои великіе люди... Каждый народъ съ гордостью указываетъ на немногихъ избранниковъ въ общемъ кругу своихъ литературныхъ дѣятелей и называетъ ихъ великими потому, что они стоятъ выше всего окружающаго ихъ, потому что ихъ дѣятельность не укладывается въ тѣ узкія рамки, которыя служатъ естественною границею для дѣятельности ихъ современниковъ и собратій. Такіе люди обыкновенно увлекаютъ за собою толпу, и окружающій ихъ рой поклонниковъ, уже при жизни, создаетъ имъ то исключительное положеніе, вслѣдствіе котораго великій писатель не пріурочивается къ современной ему эпохѣ, а—такъ сказать—эпоха пріурочивается къ великому писателю: его имя дается наступающему за нимъ періоду и тому новому поколѣнію литераторовъ, которое развилось и выросло подъ непосредственнымъ вліяніемъ его произведеній и представляетъ собою его школу.

Однакоже въ литературахъ искусственно вызванныхъ къ жизни, несвязанныхъ непосредственно, органически, съ народной почвой, бываютъ иногда возможны чрезвычайно странныя явленія, оригинальныя въ высшемъ значеніи этого слова. Въ средѣ писателей довольно обширной и разнообразной, горячо преданной своему литературному труду и разработкѣ своихъ литературныхъ интересовъ, еще болѣе преданной различнымъ теоретическимъ воззрѣніямъ, на основаніи которыхъ они строятъ свои произведенія — вдругъ является писатель, который положительно не можетъ быть отнесенъ къ тому періоду, среди котораго онъ живетъ и дѣйствуетъ, не начинаетъ собою и новаго періода, потому что не находитъ себѣ подражателей и послѣдователей, и такимъ образомъ создаетъ себѣ положеніе совершенно исключительное:—самъ по себѣ, особнякомъ со своею славою, смѣло и настойчиво становится онъ на свое высокое мѣсто и съ достоинствомъ сохраняетъ его въ памяти и уваженіи многихъ послѣдующихъ поколѣній. Такимъ, совершенно исключительнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ представляется намъ Крыловъ, котораго имя извѣстно каждому грамотному русскому, а сочиненія — пріобрѣли для насъ ту популярность и то значеніе, которымъ у древнихъ грековъ пользовалась Одиссея. Дѣйствительно, Крыловъ, выступившій на литературное поприще почти одновременно съ Карамзинымъ, остался совершенно чуждъ тому направленію, которое Карамзинъ вносилъ въ нашу литературу; не менѣе чуждымъ и почти враждебнымъ выказалъ онъ себя по отношенію къ возникшему впослѣдствіи романтизму, въ лицѣ двухъ различныхъ представителей этого новаго направленія — Жуковскаго и Пушкина. Переживши два литературныхъ періода—Карамзинскій и Пушкинскій—Крыловъ остался въ сторонѣ отъ совершавшагося передъ нимъ опредѣленнаго теченія литературной жизни нашего общества, и, не вторя никому, никого не увлекая за собою, безспорно занялъ въ литературѣ мѣсто выше всѣхъ предшествовавшихъ ему и современныхъ писателей,—сталъ рядомъ и съ Карамзинымъ, и съ Пушкинымъ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ (род. 1768 г., ум. въ 1844 г.) хотя и родился въ Москвѣ, однакоже первые годы дѣтства, почти до 8-ми лѣтняго возраста, провелъ на крайнемъ Востокѣ Россіи, въ Оренбургѣ, гдѣ отецъ его, армейскій офицеръ, находился на службѣ. Андрей Прохоровичъ Крыловъ, былъ повидимому, человѣкъ весьма способный и толковый, потому что во время Пугачевщины, когда всѣ растерялись и не знали что дѣлать, онъ выказалъ замѣчательное мужество, рѣшимость и распорядительность, и тѣмъ не мало способствовалъ спасенію Яицкаго городка отъ ужасовъ, ожидавшихъ его при сдачѣ самозванцу. Послѣ Пугачевщины, отецъ Крылова, обиженный невниманіемъ къ его заслугамъ, перешелъ въ гражданскую службу, и поселился на родинѣ своей, въ Твери. Въ *мѣсяцословѣ* 1778 г. Андрей Прохоровичъ еще показанъ вторымъ предсѣдателемъ губерн-

скаго магистрата, въ чинѣ коллежскаго ассессора. Но въ 1779 г. отецъ Крылова скончался, оставивъ жену и сына безъ всякихъ средствъ къ жизни, и объ маленькомъ Иванѣ Андреевичѣ пришлось заботиться одной матери. Марья Алексѣевна Крылова, по счастію, была одною изъ тѣхъ прекрасныхъ русскихъ женщинъ, которыя способны для дѣтей на всякое самопожертвованіе. Несмотря на крайнюю нужду и бѣдность, она не только нашла время и возможность передать сыну своему все, что сама знала, но съумѣла еще отыскать и способы для возможнаго пополненія своихъ недостаточныхъ средствъ [1].

Крыловъ.

Такъ наприм. извѣстно, что Крыловъ много обязанъ былъ своимъ образованіемъ Николаю Петровичу Львову (дядѣ уже извѣстнаго намъ Н. А. Львова), служившему въ то время въ Твери совѣтникомъ, а потомъ и предсѣдателемъ уголовной палаты. Вѣроятно, благодаря ему Иванъ Андреевичъ рано ознакомился съ французскимъ языкомъ. Но едва-ли не болѣе всего обязанъ былъ Иванъ Андреевичъ тому сундуку

[1]) Сохранилось преданіе, будто мать Крылова добывала себѣ пропитаніе *чтеніемъ каноновъ* но богатымъ купеческимъ и дворянскимъ семействамъ. Чтеніе каноновъ, въ теченіе шести недѣль по смерти одного изъ членовъ семейства, было въ то время въ обычаѣ въ Твери, не только между купечествомъ, но даже и въ высшемъ дворянскомъ обществѣ. Говорятъ даже, что этому занятію М. А. Крылова, была обязана нѣкоторыми связями и знакомствами, которые впослѣдствіи были полезны ея сыну.

съ книгами, который остался ему чуть-ли не единственнымъ наслѣдіемъ отъ покойнаго отца; быстро исчерпалъ онъ содержаніе этого сундука и пристрастившись къ чтенію, при своихъ рѣдкихъ способностяхъ, памяти и воображеніи, онъ очень скоро почувствовалъ въ себѣ охоту къ воспроизведенію того, что было вычитано имъ изъ книгъ, и уже въ 1783 году, лѣтъ 15-ти отъ роду, онъ представилъ первые, довольно изрядные опыты своего будущаго таланта. Но крайняя бѣдность, еще прежде того, когда ему только что минуло 14-ть лѣтъ, заставила его поступить на службу; и пришлось ему сначала служить простымъ писцомъ въ Колязинскомъ уѣздномъ судѣ, а оттуда вскорѣ перейдти въ тверской магистратъ, въ которомъ служилъ до самой смерти его отецъ. Немного спустя, въ 1783 г., крайняя бѣдность и надежда на полученіе пенсіи побудили Марью Алексѣевну къ переселенію изъ Твери въ Петербургъ. Здѣсь Крыловъ тоже долженъ былъ поступить на службу и, сначала, видимъ мы его въ казенной палатѣ, получающаго по 2 руб. ассигнаціей въ мѣсяцъ; потомъ онъ перемѣщается на службу въ Кабинетъ Ея Величества, гдѣ и остается довольно долго. Онъ оставляетъ службу вскорѣ послѣ кончины своей матери (1788 г.) и, полный юношеской энергіи, полный надеждъ на свои силы и успѣхи, исключительно предается дѣятельности литературной.

Мы упоминали выше, что уже отъ 1783 года сохранился намъ первый литературный опытъ Крылова—нѣчто въ родѣ бывшихъ тогда въ модѣ комическихъ оперъ — *Кофейница*. Въ этой комической оперѣ, написанной 14-ти лѣтнимъ мальчикомъ, на нашъ взглядъ гораздо болѣе самостоятельности и таланта, нежели въ ближайшихъ послѣдующихъ, чисто-подражательныхъ, драматическихъ произведеніяхъ Крылова. Сюжетъ основывается на томъ, что плутоватый прикащикъ, при помощи *Кофейницы* (т. е. гадальщицы по кофейной гущѣ), старается обмануть свою госпожу-помѣщицу и отбить невѣсту у одного изъ ея крестьянъ, котораго онъ съ этою цѣлью и обвиняетъ въ воровствѣ; но случай изобличаетъ обманщика и все кончается къ лучшему. Во всемъ произведеніи есть извѣстная цѣлость, связь между явленіями довольно естественна, а характеръ барыни-помѣщицы (Новомодовой) и плута-прикащика, задуманные и выполненные довольно изрядно, свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ талантѣ юноши-автора и о томъ, что природная наблюдательность и горькій опытъ жизни очень рано дали ему возможность понять многое, что въ его лѣта бываетъ еще недоступно юношѣ. Нельзя не отмѣтить и еще одной любопытной черты въ этомъ дѣтскомъ произведеніи Крылова: многія сцены его дышатъ той холодной и колкой ироніей, которая потомъ представляла собою существеннѣйшую сторону его произведеній и въ самую лучшую, самую зрѣлую пору развитія его таланта. Къ числу такихъ сценъ нельзя не отнести, напримѣръ, разговора (Дѣйствіе I, явл. VI), въ которомъ прикащикъ излагаетъ Анютѣ преимущества своего положенія относительно крестьянъ, которыхъ онъ воленъ бить и грабить; или еще сцену между барыней и прикащикомъ (д. I, явл. VII), въ продолженіе которой барыня на всѣ доводы прикащика отвѣчаетъ только восхваленіями того «чудеснаго дѣйствія», которое «палка, дранье и таска» отзываютъ на «окаянный хамовъ родъ проклятыхъ лакеевъ». По сохранившемуся преданію, это первое произведеніе юноши-Крылова чуть было не попало въ печать, такъ-какъ онъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ изъ Твери, продалъ свою *Кофейницу* книгопродавцу *Брейткопфу*, который предложилъ за нее Крылову 60 рублей ассигнаціями; но Крыловъ, терпѣвшій во всемъ крайнюю нужду, предпочелъ взять у книгопродавца на ту же сумму французскихъ книгъ, и получилъ въ числѣ ихъ сочиненія Расина, Мольера и Буало. За то, лѣтъ пять спустя, въ печать попалъ другой, гораздо менѣе *Кофейницы* самостоятельный и весьма неудачный, опытъ Ивана Андреевича: трагедія *Филомела*, одна изъ двухъ [1]), открывшихъ ему доступъ въ литературный кружокъ *Княжнина* [2]) и другихъ драматическихъ писателей и актеровъ. Здѣсь, молодой, начинающій авторъ, былъ принятъ привѣтливо, но къ произведеніямъ его отнеслись съ надлежащею строгостью. Въ этомъ кружкѣ Крыловъ сблизился и съ капитаномъ *Рахманиновымъ*, издававшимъ (въ 1788 году) журналъ *Утренніе часы*; должно

[1]) Другою трагедіею была «Клеопатра». [2]) *Княжнинъ* (1742—1791)—драматическій писатель, авторъ «Дидоны» и «Росслава».

предполагать, что онъ былъ человѣкомъ достаточнымъ, потому что у него была своя типографія — одна изъ немногихъ вольныхъ типографій того времени. Изъ роли сотрудника, талантливый юноша очень быстро перешелъ къ роли редактора и въ 1789 году сталъ издавать свой собственный журналъ— «*Почта духовъ*, *или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными духами*». Вскорѣ послѣ того, Рахманиновъ, окончательно покинувъ литературное поприще, уѣхалъ къ себѣ въ помѣстье и типографія его[1]) перешла къ Крылову, который и послѣ прекращенія «Почты Духовъ» не думалъ еще покинуть журналистики. Въ 1792 г. онъ сталъ издавать журналъ *Зритель*, который просуществовалъ всего 11 мѣсяцевъ, до конца того же года, и въ 1793 году сталъ издаваться подъ названіемъ *С.-Петербургскаго Меркурія*. Оба послѣдніе журнала Крыловъ издавалъ въ сообществѣ съ другимъ довольно извѣстнымъ драматическимъ писателемъ того времени, *Клушинымъ* (г. рожд. ? ум. въ 1804 г.). Сотрудниками Крылова по изданію *Зрителя* были весьма извѣстные въ то время писатели-актеры: *Дмитревскій* и *Плавильщиковъ*, и *Николай Эминъ*, (сынъ уже извѣстнаго намъ Ѳ. Эмина, издававшаго въ 1779 г. *Адскую Почту*), также писавшій для сцены, и *Ѳ. Туманскій*. Крыловъ, въ этомъ кружкѣ, являлся младшимъ членомъ, и хотя, по своей талантливости, онъ долженъ былъ со временемъ пойти далѣе всѣхъ своихъ сотрудниковъ и пріобрѣсти громкую славу, однакоже въ то время, какъ младшій, менѣе всѣхъ опытный, и едва-ли не менѣе всѣхъ образованный, Крыловъ замѣтно подчинялся вліянію кружка. Подчиненіе это видно нетолько въ томъ сочувствіи къ ложно-классическимъ формамъ поэзіи, которое, въ противуположность «Московскому журналу» Карамзина, высказывалось въ послѣднихъ двухъ періодическихъ изданіяхъ Крылова, но еще и въ томъ, что замѣчательный сатирическій талантъ Крылова сталъ проявляться въ формахъ той журнальной сатиры, которая около этого времени отживала свой вѣкъ, а предметомъ сатиры Крылова являлись тѣ же самые вопросы, которые уже давно были исчерпаны Новиковымъ и современными ему журналистами. Хотя нельзя не признать того, что сатира Крылова и представляется гораздо болѣе ѣдкою и острою, нежели сатира Новикова, но самостоятельности въ ней еще очень мало: съ одной стороны она касается тѣхъ же самыхъ вопросовъ, которые уже были намѣчены предшествовавшими Крылову сатириками; съ другой стороны — она даже и проявляется въ тѣхъ же формахъ переписки бѣсовъ, волшебной сказки, восточной повѣсти и т. п., которые, какъ мы уже видѣли выше, и до Крылова служили постоянными формами выраженія для журнальной сатиры. Болѣе всего рѣзкими и желчными оказываются въ журналахъ Крылова тѣ статьи и стихотворенія его, въ которыхъ онъ касается отношеній дворянства къ крестьянскому сословію[2]) и пристрастія русскихъ ко всему иностранному. Съ этой послѣдней точки зрѣнія и Крыловъ, и весь кружокъ, въ средѣ котораго онъ началъ свою журнальную дѣятельность, отнесся крайне враждебно къ европеизму Карамзина, къ его попыткамъ преобразованія русскаго литературнаго языка и той критической строгости, съ которою Карамзинъ въ своемъ *Московскомъ журналѣ* встрѣчалъ всѣ новыя явленія въ русской литературѣ. Крыловъ въ *С.-Петербургскомъ Меркуріѣ* напечаталъ даже «*похвальную рѣчь*

[1]) Она находилась близъ Лѣтняго Сада, въ нижнемъ этажѣ дома Бецкаго, что нынѣ дворецъ Е. И. Выс. Принца Петра Георг. Ольденбургскаго. [2]) Такъ напр. въ одномъ изъ позднѣйшихъ его стихотвореній (конца 90-хъ годовъ), подъ заглавіемъ *Уединеніе*, находимъ слѣдующее описаніе «городской роскоши» въ сравненіи съ сельскою простотою:

...«Тамъ (т. е. въ городахъ) роскошь, золотомъ блестя,
Зоветъ гостей въ свои палаты
И ставитъ имъ пиры богаты,
Изнѣженнымъ ихъ вкусамъ льстя;
Но въ хрусталяхъ своихъ безцѣнныхъ
Она не вина раздаетъ:
Въ нихъ пѣнится кровавый потъ
Народовъ, ею раззоренныхъ.

Ермолафиду, говоренную въ собраніи молодыхъ писателей», — въ которой, выставляя Ермолафида [1]) въ образцы молодымъ авторамъ, въ то же время подвергаетъ самому грубому осмѣянію всю литературную дѣятельность Карамзина, его слогъ и воззрѣнія.

На сколько несамостоятельною (хоть и остроумною, и весьма талантливою), является журнальная сатира молодаго Крылова, настолько же подражательными оказываются его лирическія стихотворенія, помѣщавшіяся въ *С.-Петербургскомъ Меркуріи*, и его комедіи («Бѣшеная семья», «Проказники» и «Сочинитель въ прихожей»), написанныя имъ въ теченіе 1793 и 1794 гг. Нѣкоторыя изъ стихотвореній, впрочемъ, важны для біографа развѣ потому, что свидѣтельствуютъ о довольно мрачномъ и тяжеломъ нравственномъ настроеніи Крылова за это время: въ нихъ встрѣчаемъ мы жалобы на судьбу, на неудачи, а также и недовольство собою. Біографы указываютъ на несчастную любовь, какъ на причину всѣхъ жалобъ поэта: и дѣйствительно, въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, напечатанныхъ около этого времени въ *Меркуріи*, а также и отысканныхъ въ рукописи по смерти Крылова, видимъ, что онъ воспѣваетъ какую-то *Анюту*. Легко можетъ, быть, что къ несчастной любви примѣшивались и какія-нибудь другія невзгоды и опасенія, потому что самъ Крыловъ, вспоминая уже въ старости объ этомъ періодѣ жизни своей, намекалъ и на журнальныя неудачи свои, и на какія-то «*проказы молодости*». Вообще говоря, біографія Крылова, довольно скудная фактами, до сихъ поръ еще представляетъ намъ въ этомъ періодѣ, начиная отъ 1794 г. и до конца 1805 г., нѣсколько такихъ темныхъ мѣстъ, которыя и до настоящей минуты остаются для насъ ничѣмъ неосвѣщенными. Такъ напр., мы рѣшительно ничего не знаемъ о томъ, что сдѣлалъ для литературы Крыловъ въ теченіе 1705 и 1706 года, хотя и достовѣрно извѣстно, что онъ это время оставался въ Петербургѣ и по прежнему завѣдывалъ типографіей, такъ какъ типографія *Крылова съ товарищи* была закрыта не ранѣе декабря 1796 года, когда, по указу Императора Павла, упразднены были всѣ типографіи, за исключеніемъ состоявшихъ въ вѣдѣніи присутственныхъ мѣстъ. По сохранившимся отрывочнымъ свѣдѣніямъ извѣстно только то, что Крыловъ въ это время велъ жизнь довольно разсѣянную, являлся въ обществѣ, охотно участвовалъ въ концертахъ, будучи самъ хорошимъ скрипачемъ; извѣстно еще, что около этого же времени выучился онъ итальянскому языку... Затѣмъ, съ 1797 г. Крыловъ почему-то вдругъ покидаетъ Петербургъ, и является въ провинціи, въ семействѣ князя С. Ѳ. Голицына, котораго Императоръ Павелъ выслалъ изъ столицы въ его помѣстья. Въ этихъ то помѣстьяхъ—*Зубриловкѣ* (въ нынѣшней Саратовской губ.) и *Казацкомъ* (Кіевской губ.) — Крыловъ прожилъ около четырехъ лѣтъ, въ довольно неопредѣленной роли домашняго учителя и друга дома, прилагавшаго заботы и къ обученію молодыхъ князей русскому языку, и къ увеселенію всей княжеской семьи... Тутъ устроивалъ онъ небольшіе домашніе концерты и спектакли; тутъ-же, въ Казацкомъ, написалъ онъ свою извѣстную *шуто-трагедію «Трумфъ»*, въ которой принималъ на себя исполненіе главной роли. Тутъ же, въ числѣ его учениковъ явился и весьма извѣстный по своимъ *Воспоминаніямъ* Ф. Ф. Вигель, который, хотя и оставилъ въ нихъ весьма неблагопріятную характеристику Крылова, однакожъ, о его педагогической дѣятельности отзывается съ большой похвалой. «Не смотря на свою лѣность» — такъ пишетъ Вигель — «онъ отъ скуки предложилъ кн. Голицыну преподавать Русскій языкъ младшимъ сыновьямъ его, а слѣдственно и соучащимся съ ними. И въ этомъ дѣлѣ показалъ онъ себя мастеромъ. Уроки наши проходили почти всѣ въ разговорахъ; онъ умѣлъ возбуждать любопытство, любилъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ также толковито, также ясно, какъ писалъ свои басни. Онъ недовольствовался однимъ русскимъ языкомъ, онъ къ наставленіямъ своимъ примѣшивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ. Изъ слушателей его никого небыло внимательнѣе меня, и я долженъ признаться, что если имѣю сколько нибудь ума, то много въ то время около него понабрался». Одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Крылова замѣчаетъ,

[1]) *Ермолафидъ*—т. е. несущій *ермолафію* или чепуху, галиматью. Подъ именемъ *Ермолафида* Крыловъ очевидно разумѣетъ Карамзина.

что «домъ кн. Голицына отличался не только высшимъ свѣтскимъ образованіемъ, но и любовью къ литературѣ. Княгиня, племянница Потемкина, сама занималась переводами и была воспѣта Державинымъ, который, бывши тамбовскимъ губернаторомъ, также находилъ дружескій пріемъ въ селѣ Зубриловкѣ. Нѣсколько лѣтъ пребыванія въ такомъ домѣ не могли остаться безъ вліянія на умнаго и даровитаго Крылова» [1]).

По восшествіи на престолъ Императора Александра, опала была снята съ князя Голицына и онъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Ригу. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Крыловъ, по желанію князя, опредѣленъ къ нему въ секретари и въ концѣ того же года награжденъ чиномъ губернскаго секретаря. Но въ этой должности онъ оставался не долго; въ сентябрѣ 1803 г. Крылову былъ выданъ кн. Голицынымъ слѣдующій, довольно неопредѣленный аттестатъ:

«Отдавая справедливость прилежанію и трудамъ служившаго при мнѣ секретаремъ губ. секр. Крылова, сопрягающаго съ расторопностію, съ каковою онъ выполнялъ всѣ на него возложенныя дѣла, какъ хорошее познаніе должности, такъ и отличное поведеніе, долгомъ почитаю засвидѣтельствовать симъ, что достоинства его заслуживаютъ вниманія».

И тотчасъ вслѣдъ за полученіемъ этого аттестата, Крыловъ вдругъ исчезаетъ безслѣдно и ни одинъ изъ его біографовъ не можетъ опредѣленно указать, гдѣ именно онъ находился въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ своей жизни - 1804 и 1805 года? Предполагаютъ, что въ это время, увлекшись карточной игрой и выигравъ въ Ригѣ довольно большую сумму денегъ (около 30,000 р.) онъ пустился странствовать по Россіи и велъ полукочевую жизнь, безпрестанно переѣзжая, подъ вліяніемъ несчастной страсти къ азартной игрѣ, изъ города въ городъ, съ ярмарки на ярмарку... Но положительныхъ извѣстій объ этомъ періодѣ жизни Ивана Андреича до сихъ поръ нѣтъ никакихъ.

Только уже въ концѣ 1805 года Иванъ Андреевичъ вновь выступаетъ [2]) на литературное поприще: онъ является къ И. И. Дмитріеву и приноситъ ему три первыя басни свои, отчасти переведенныя, отчасти передѣланныя изъ Лафонтена. Басни эти были: *Дубъ и Трость*, *Разборчивая невѣста*, *Старикъ и трое молодыхъ* [3]). Дмитріевъ, въ то время уже почти исключительно посвятившій себя этому роду поэзіи, уже прославившійся своими переводами французскихъ басень, не могъ не оцѣнить по достоинству этихъ первыхъ произведеній Крылова, въ которыхъ наконецъ явилось у поэта сознаніе истиннаго его назначенія; и Дмитріевъ оцѣнилъ эти басни съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ... При очень лестномъ письмѣ его, басни Крылова были пересланы князю *Шаликову* и напечатаны въ его журналѣ *Московскій Зритель*. Съ этой минуты слава Крылова, какъ баснописца, стала быстро возрастать, хотя матерьяльное и общественное положеніе его оставалось еще въ теченіе нѣкотораго времени довольно неопредѣленнымъ... «1806 г. онъ, кажется, провелъ въ Петербургѣ, и мы думаемъ, что именно къ этому времени должно отнести происшествіе, о которомъ впослѣдствіи Крыловъ разсказывалъ Гречу: вмѣстѣ съ какими то шулерами, онъ былъ призванъ къ генералъ-губернатору, который объявилъ имъ, что они подлежатъ высылкѣ изъ столицы. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ этомъ году приняты были новыя мѣры противъ азартныхъ игръ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ» [4]). Въ слѣдующемъ 1807 году, Крыловъ опять начинаетъ увлекаться театромъ, и, слѣдуя общему патріотическому настроенію современной литературы, проповѣдывавшей ненависть къ французамъ и вообще къ иноземцамъ, сочиняетъ двѣ комедіи: *Модная лавка* и *Урокъ дочкамъ*, а потомъ волшебную оперу *Илья-богатырь*.

Только уже въ 1808 году Крыловъ окончательно обращается къ баснѣ и уже до конца жизни не оставляетъ этого поэтическаго ро-

---

[1]) Академикъ *Гротъ* въ статьѣ: «*Литературная жизнь Крылова*, см. стр. 15. [2]) Ко времени пребыванія Крылова въ Ригѣ, біографы его относятъ сочиненіе замѣчательной по остроумію комедіи «Пирогъ». [3]) Разсказываютъ, что первая попытка переводить Лафонтеновы басни сдѣлана была Крыловымъ еще въ 1781 г., и многіе знатоки тогда уже ободряли юношу къ посвященію своей дѣятельности этому поэтическому роду... Но его увлекалъ театръ и онъ обратился къ произведеніямъ драматическимъ. [4]) См. матерьялы для біогр. Крылова въ VI т. Сборника статей, читанныхъ въ отд. русскаго языка и Слов. въ Имп. Акад. Наукъ; стр. 299.

да. Въ этомъ году является вдругъ 17 новыхъ басень Крылова въ *Драматическомъ Вѣстникѣ* — новомъ журналѣ плодовитаго драматурга нашего кн. *Шаховскаго*. Въ томъ же году поступаетъ онъ снова на службу, сначала при монетномъ департаментѣ, а потомъ (въ началѣ 1812 г.) переходитъ въ публичную библіотеку. И успѣхи, и слава Крылова съ этой минуты начинаютъ возрастать такъ быстро, что за ними ужъ трудно и услѣдить, не обращая біографію знаменитаго баснописца въ простой формулярный списокъ... Достаточно будетъ замѣтить здѣсь, что съ самаго основанія «Бесѣды любителей русскаго слова», Крыловъ, какъ завѣдомый противникъ Карамзинскихъ нововведеній въ русскомъ литературномъ языкѣ и слогѣ, былъ, конечно, занесенъ въ число первыхъ членовъ «Бесѣды», а въ декабрѣ 1811 года секретарь Россійской академіи, препровождая къ Крылову дипломъ на званіе дѣйствительнаго ея члена, уже писалъ къ нему, что «сочиненія его служатъ истиннымъ обогащеніемъ и украшеніемъ словесности россійской»... Вскорѣ послѣ того, политическія басни Крылова, вызванныя «событіями 1811 и 1812 года; придаютъ такую популярность и значеніе его литературной дѣятельности, что съ февраля 1812 года, по Высочайшему указу, Крылову начинаютъ производить изъ Кабинета пенсіонъ по 1500 р. въ годъ и онъ вступаетъ въ плеяду придворныхъ поэтовъ и литераторовъ, которую такъ любила видѣть около себя и осыпать своими милостями Императрица Марія Ѳеодоровна.

Вообще говоря, съ того времени, когда Крыловъ поступилъ на службу въ Императорскую библіотеку подъ ближайшее начальство своего покровителя и друга А. Н. Оленина, у котораго онъ былъ принятъ въ домѣ какъ родной — жизнь Крылова принимаетъ такое ровное теченіе, что представляется біографу лишенною всякаго живаго интереса, лишенною даже и съ фактической стороны какого бы то ни было разнообразія. Всѣ свидѣтельства современниковъ сводятся къ тому, что съ 1812 и по 1841 г. Иванъ Андреевичъ служилъ, занимая въ библіотекѣ очень нехлопотливую и неголоволомную должность и проводя въ должности большую часть дня, что онъ былъ вѣрнымъ и неизмѣннымъ членомъ Англійскаго клуба, въ которомъ постоянно обѣдалъ, и что большую часть своихъ вечеровъ онъ проводилъ среди семьи Алексѣя Николаевича и Елизаветы Марковны Олениныхъ, въ которой весьма естественно искалъ пріюта, какъ человѣкъ холостой и притомъ неохотно заводившій новыя знакомства. Если къ этому прибавить, что на досугѣ Крыловъ писалъ басни, въ которыхъ очень рѣдко касался важныхъ общественныхъ вопросовъ, а больше разрабатывалъ вопросы отвлеченные, нравственные, если еще припомнить, что въ теченіе сорока лѣтъ (съ 1805—1844) Крыловъ написалъ этихъ басень около двухъ-сотъ — то этимъ уже вполнѣ исчерпывается вся немногосложная фактическая сторона его біографіи по отношенію ко второй, наиболѣе важной половинѣ его жизни. Нельзя при этомъ упустить изъ виду и того, что всѣ свидѣтельства современниковъ одинаково рисуютъ намъ Крылова въ этотъ періодъ его жизни человѣкомъ лѣнивымъ и неповоротливымъ, неприхотливымъ по отношенію къ жизни, неряшливымъ и даже неопрятнымъ въ одеждѣ и домашнемъ своемъ быту, любящимъ только хорошо поѣсть и проводящимъ все свободное отъ службы время на диванѣ, преимущественно «халатнымъ образомъ», какъ выражается Гоголь. Сообразивъ все это, конечно уже не трудно составить себѣ и неблагопріятное представленіе о Крыловѣ, пожалуй даже согласиться съ тѣми изъ противниковъ и порицателей его, которые, увлекаясь этою внѣшнею стороною его и не вникая глубже въ его нравственную личность, представляютъ себѣ Крылова узкимъ эгоистомъ, которому ни до чего и ни до кого дѣла нѣтъ, кромѣ своихъ личныхъ выгодъ и удовлетворенія своихъ матерьяльныхъ потребностей. Но, рѣшаясь смотрѣть на Крылова съ этой точки зрѣнія, нельзя не задать себѣ и такого вопроса: что-же привлекало къ Крылову всѣхъ современниковъ? что способствовало его прославленію и поставило его въ то высокое положеніе, о которомъ онъ менѣе всего заботился, да еслибы и заботился, то едва-ли могъ бы достигнуть?....

Единственнымъ возможнымъ объясненіемъ его значенія, единственнымъ отвѣтомъ на вышеприведенный нами вопросъ можетъ быть только одно; въ Крыловѣ всѣ поклонники и даже враги его сознавали и чувствовали такую могучую *силу*, какой не было ни въ одномъ изъ его предшественниковъ. Этою силою звучало каждое слово его коротенькихъ, тщательно от-

дѣланныхъ басень, каждый образъ, выводимый въ нихъ поэтомъ-художникомъ, каждый звукъ его вполнѣ-русской, словно выкованной рѣчи, — и эта сила была ничто иное, какъ *народность*, въ смыслѣ тѣснѣйшей, прирожденной связи съ русской народной почвой, съ русской дѣйствительностью, съ понятіями, воззрѣніями и даже убѣжденіями массы русскаго народа. Чѣмъ больше мы вглядываемся въ басни Крылова, тѣмъ болѣе мы начинаемъ убѣждаться въ ихъ несомнѣнномъ, почти родственномъ сходствѣ съ тѣми произведеніями народной мудрости, которыя выражаются у народа въ видѣ поговорокъ, присловій, пословицъ, былей. Указывая на эту сторону Крыловской басни, мы не можемъ не привести здѣсь того замѣчательнаго отзыва о ней, который былъ помѣщенъ академикомъ Гротомъ въ его очеркѣ «Литературной жизни Крылова»; онъ указываетъ тамъ, что «между родами поэзіи, перешедшими на русскую почву съ Запада въ XVIII столѣтіи, *басня* всѣхъ болѣе полюбилась нашимъ писателямъ», и что «не было почти ни одного русскаго поэта, который бы не писалъ, между прочимъ, басень. Въ числѣ неизданныхъ сочиненій Державина отыскалось до 25 пьесъ этого рода. Жуковскій и Батюшковъ также испытывали себя въ баснѣ. Успѣхъ Крылова вызвалъ несчетное множество новыхъ баснописцевъ, которые однакожъ давно забыты. Правда, что и въ другихъ литературахъ, послѣ счастливаго примѣра, поданнаго Лафонтеномъ, басня, по своей видимой легкости, привлекала множество писателей; но нигдѣ ей такъ не посчастливилось какъ въ Россіи; нигдѣ не получила она такого глубокаго національнаго значенія. Изъ всѣхъ родовъ поэзіи въ русской литературѣ, до сихъ поръ только басня, благодаря Крылову, сдѣлалась въ полной мѣрѣ органомъ народности и по духу и по языку. Причины такого явленія должно искать въ томъ, что басня и по сущности своей, и по формѣ особенно соотвѣтствуетъ свойствамъ народнаго духа. Для нея именно нуженъ и практическій смыслъ, и простодушная замысловатость, и охота изъясняться притчами и пословицами, которыя такъ преобладаютъ въ русскомъ народѣ. Если самъ Крыловъ едва не до сорокалѣтняго возраста удерживался отъ художественной басни, то это можно объяснить только его сильнымъ сатирическимъ талантомъ, который долго искалъ себѣ болѣе прямаго и открытаго выраженія[1]). Это преобладающее свойство его духа придало и баснямъ его особенное значеніе. Какъ скоро оказалось, что только въ формѣ басни для него возможно вполнѣ успѣшное сочетаніе художественнаго дарованія съ проявленіемъ глубоко сатирическаго ума, то онъ не могъ не предпочесть ее всякой другой формѣ поэзіи. Изъ всѣхъ русскихъ писателей у одного Крылова соединились въ высшей мѣрѣ тѣ условія, которыя могутъ сообщить баснѣ истинно-глубокое содержаніе. У другихъ писателей басня почти всегда только словесная игрушка; у него она дѣло, полное жизни и значенія[2])».

Нѣсколько далѣе, стараясь охарактеризовать литературную дѣятельность Крылова сравненіемъ съ дѣятельностью другихъ замѣчательныхъ писателей нашихъ, преимущественно Ломоносова и Карамзина, академикъ Гротъ высказываетъ слѣдующее:

... «Крыловъ, смолоду, подобно Карамзину, отказался отъ всѣхъ приманокъ честолюбія, корысти и тщеславія; смолоду дорожилъ болѣе всего духовными благами и съ жаромъ устремился къ пріобрѣтенію знаній».... «Не получивъ никакого правильнаго образованія, молодой Крыловъ съ жадностію поглощаетъ книги и знакомится съ замѣчательнѣйшими явленіями европейской литературы. Объ этой ранней начитанности свидѣтельствуютъ всѣ его юношескія сочиненія: вотъ еще примѣръ того, что такъ часто поражаетъ насъ при изученіи нашихъ литературныхъ дѣятелей: Сумароковъ, Державинъ, Карамзинъ—были въ большей или меньшей степени самоучками; Крыловъ — болѣе нежели кто-либо изъ нихъ. Въ томъ возрастѣ, когда Ломоносовъ только-что начиналъ учиться въ Спасскихъ школахъ, Крыловъ былъ уже писателемъ, обнаруживавшимъ за-

[1]) Вигель въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, замѣчаетъ по этому поводу довольно остроумно, что «подобно восточнымъ стихотворцамъ, въ коихъ самовластіе не могло задушить таланта, но кои не дерзаютъ явно говорить истины, рѣшился и онъ яснымъ мыслямъ своимъ, вѣрнымъ наблюденіямъ, дать форму апологa». [2]) Я. К. Грота. Литературн. жизнь Крылова; стр. 17—18.

мѣчательную умственную зрѣлость. Онъ имѣлъ предъ Ломоносовымъ и Карамзинымъ великое преимущество,— счастіе провести годы дѣтства подъ надзоромъ заботливой матери, и это преимущество было чрезвычайно плодотворно для его будущности. Почти сверстникъ Карамзина, онъ пошелъ совершенно другой дорогой и сдѣлался, какъ мы видѣли, его противникомъ; ихъ разномысліе еще болѣе поддерживалось различнымъ поприщемъ ихъ дѣятельности: одинъ былъ писатель московскій, другой—петербургскій: особаго рода антагонизмъ, тогда въ первый разъ рѣзко обозначившійся въ нашей литературѣ. Любопытные факты представляетъ исторія нашей умственной дѣятельности. Новый періодъ ея начался въ Петербургѣ, въ трудахъ питомца европейской науки, академика Ломоносова. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ Москва становится поприщемъ молодаго Карамзина, вносящаго въ русскую литературу западно-европейскіе элементы дальнѣйшаго развитія, а противникъ его Крыловъ, предпочитающій разработку слова въ чисто-народномъ духѣ, дѣйствуетъ въ Петербургѣ. Проведя свое дѣтство на Уралѣ, а потомъ въ одной изъ приволжскихъ губерній, Крыловъ почерпнулъ первыя умственныя пріобрѣтенія свои почти изъ той же сокровищницы, какъ Ломоносовъ; народный бытъ и народный языкъ сдѣлались для обоихъ источниками драгоцѣнныхъ для будущей ихъ дѣятельности знаній и образовъ.

И дѣйствительно, въ произведеніяхъ Крылова незнаешь, чему болѣе удивляться: глубокому-ли пониманію народнаго быта во всѣхъ его оттѣнкахъ и подробностяхъ, или тому языку, который составляетъ до сихъ поръ исключительную личную принадлежность одного Крылова, потому что подражать этому языку, не обладая геніемъ Крылова, невозможно. А языкъ Крылова оказывается именно стоящимъ въ тѣснѣйшей связи съ его геніемъ, такъ какъ онъ—первый въ числѣ русскихъ писателей—рѣшился говорить къ нашему обществу, изнѣженному гармонической, размѣренной прозой Карамзина, своимъ простонароднымъ, нѣсколько грубоватымъ, но за то энергическимъ и сильнымъ языкомъ, незаключавшимъ въ себѣ никакихъ чуждыхъ примѣсей и никакихъ исключительно-книжныхъ элементовъ.

Одинъ изъ современниковъ (Ф. Ф. Вигель) очень вѣрно замѣчаетъ, что «въ простомъ языкѣ своемъ изъ простыхъ изрѣченій (народа) схватилъ онъ все, что показываетъ его глубокомысліе, и безъ лишнихъ украшеній, безъ приправы составилъ изъ нихъ оригинальныя свои творенія: такъ славный поваръ изъ простыхъ, но самыхъ свѣжихъ припасовъ, готовитъ вкусный столъ, который можетъ удовлетворить прихотямъ взыскательнѣйшаго гастронома». Любопытною чертою, особенно ярко-характеризующею Крылова, какъ писателя истинно-геніальнаго, представляется намъ то, что онъ въ своихъ басняхъ является писателемъ вполнѣ самостоятельнымъ, независимымъ ни отъ одного изъ направленій, господствовавшихъ въ то время въ нашей литературѣ. Въ то время, когда всѣ его современники раздѣлились по отношенію къ направленію и литературному выраженію мысли на два лагеря, изъ которыхъ одинъ безусловно увлекался Карамзинскими реформами въ русскомъ языкѣ и слогѣ, другой упрямо старался отстоять уваженіе къ ложно-классическимъ формамъ и тяжелому, полу-русскому, полу-славянскому языку Ломоносовскаго періода — Крыловъ, не приставая ни къ той, ни къ другой сторонѣ, въ послѣдній періодъ литературной дѣятельности, пошелъ своимъ, особымъ, новымъ путемъ и всѣмъ указалъ на одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ каждой вполнѣ развитой и богатой литературы:—на элементъ народности и въ духѣ, и въ направленіи, и даже въ языкѣ, который, оставаясь въ его произведеніяхъ вполнѣ народнымъ, пріобрѣталъ подъ вліяніемъ его личнаго творчества еще болѣе силы и выразительности.

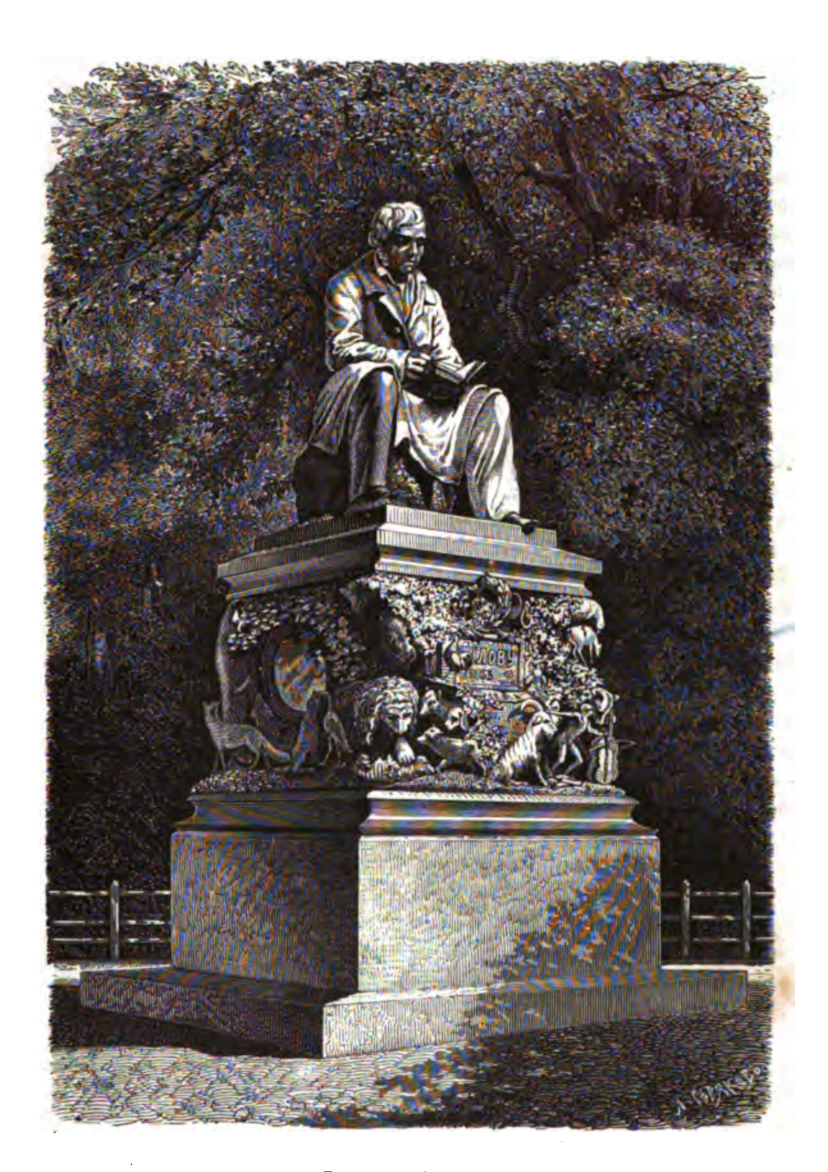
Кстати замѣтимъ о духѣ и направленіи Крыловскихъ басень, что онѣ въ послѣднее время подвергались многимъ порицаніямъ и осужденіямъ. Многіе ставили въ упрекъ Крылову его холодность, узко-консервативное направленіе его, скептическое отношеніе къ наукѣ и просвѣщенію, предпочтеніе, оказываемое смѣтливости и практицизму передъ глубокими теоретическими знаніями. Въ отвѣтъ на всѣ подобныя осужденія мы только замѣтимъ, что и мораль Крыловскихъ басень замѣчательно близка къ той ходячей, обыденной формѣ, въ которую она, въ теченіе вѣковъ, успѣла вылиться у насъ въ народѣ. Крыловъ относился къ явленіямъ жиз-

ни совершенно также, какъ относится къ нимъ и теперь еще любая мірская сходка:— спокойно, объективно, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ ироніи и того скептицизма, который въ высшей степени свойственъ всякой, преимущественно народной массѣ, основывающей свои сужденія не на точномъ знаніи и разумной увѣренности, а только на вѣковомъ опытѣ предшествующихъ поколѣній. Мораль Крылова служитъ самымъ полнымъ отголоскомъ того, что называется *здравымъ смысломъ толпы* (le gros bon sens), и эту особую, чисто-народную философію здраваго смысла Крыловъ доводитъ до изумительной наглядности, ловко придаетъ ей замѣчательно-рельефную форму. Можно не сочувствовать воззрѣніямъ Крылова, можно обзывать его мораль отсталой и узко-консервативной, пожалуй можно даже, соглашаться съ Вигелемъ, который говоритъ, что на Крыловѣ отразился «весь характеръ простого Русскаго народа, какимъ сдѣлало его татарское иго, тиранство Іоанна, крѣпостное надъ нимъ право и желѣзная рука Петра»; но ни въ какомъ случаѣ нельзя отрицать того, что вся дѣятельность Крылова, какъ баснописца, представляетъ собою одно изъ самыхъ блестящихъ проявленій той неистощимой силы духа, которая кроется въ русской народной массѣ подъ толстымъ слоемъ вѣковаго застоя и апатіи. Мы даже полагаемъ, что консервативное направленіе лучшихъ произведеній Крылова можетъ быть названо гораздо болѣе понятнымъ и основательнымъ, гораздо болѣе заслуживающимъ оправданія передъ лицемъ послѣдующихъ поколѣній, нежели такое же направленіе литературной дѣятельности Карамзина, котораго никто, однако-же, не упрекаетъ въ холодности и недостаткѣ чувства. Карамзинъ, путемъ историческаго догматизма и различныхъ теорій дошелъ до весьма узкаго консерватизма, почти до отрицанія необходимости прогресса, и успокоился на сознаніи своего высокаго нравственнаго достоинства; Крыловъ, напротивъ того, дошелъ до своего консервативнаго взгляда путемъ простаго житейскаго опыта, который сблизилъ его съ воззрѣніями массы и побудилъ относится съ небрежною холодностью къ прогрессу, касавшемуся однихъ только верхнихъ слоевъ общества, не имѣвшему никакого значенія для всей остальной массы народа. Вообще, крупная, самостоятельная и оригинальная личность Крылова заключала въ себѣ столько живыхъ, чисто-народныхъ, русскихъ сторонъ, такъ тѣсно и неразрывно связана была съ нашею народною почвой, что даже и послѣ смерти его, когда зашла рѣчь о памятникѣ Крылову, ни одному изъ русскихъ художниковъ не пришло въ голову представить его въ классической позѣ, съ лирой въ рукахъ, или окружить его тѣми ложно-классическими аттрибутами, которые видимъ, не безъ удивленія на памятникахъ Ломоносова, Державина и Карамзина. Пренебрегая всѣми классическими традиціями, художникъ изобразилъ Крылова на памятникѣ сидящимъ, въ простой, свободной и небрежной позѣ, которая была такъ свойственна ему при его тучной, неповоротливой и неуклюжей фигурѣ — и памятникъ *дѣдушки Крылова* въ Лѣтнемъ саду явился на столько же первымъ народнымъ памятникомъ русскому поэту, насколько самъ Крыловъ, въ своихъ высоко-художественныхъ басняхъ, явился первымъ вполнѣ народнымъ русскимъ поэтомъ. И нельзя не согласиться, что именно съ этой стороны слава Крылова вѣроятно переживетъ славу многихъ писателей нашихъ, не менѣе его талантливыхъ, но менѣе его проникнутыхъ духомъ народа и глубокимъ сознаніемъ своей связи съ народною почвой.

Вспоминая, въ заключеніе біографіи Крылова, о его памятникѣ, мы не можемъ конечно упустить изъ виду и того превосходнаго отрывка изъ «Воспоминаній» И. С. Тургенева, въ которомъ удивительно живо и полно передается то впечатлѣніе, которое произвелъ на Тургенева своею внѣшностью нашъ геніальный баснописецъ:

«Крылова я видѣлъ всего одинъ разъ, на вечерѣ у одного чиновнаго, но слабаго петербургскаго литератора. Онъ просидѣлъ, часа три слишкомъ, неподвижно, между двумя окнами — и хоть бы слово промолвилъ! На немъ былъ просторный поношенный фракъ, бѣлый шейный платокъ; сапоги съ кисточками облекали его тучныя ноги. Онъ опирался обѣими руками на колѣни — и даже не поворачивалъ своей колоссальной, тяжелой и величавой головы; только глаза его изрѣдка двигались подъ нависшими бровями. Нельзя было понять: что онъ—слушаетъ-ли и на усъ себѣ мотаетъ, или просто *такъ*

сидитъ и «существуетъ?» Ни сонливости, ни вниманія въ этомъ обширномъ, прямо-русскомъ лицѣ — а только ума палата, да заматерѣлая лѣнь, да по временамъ что-то лукавое словно хочетъ выступить наружу и не можетъ или не хочетъ—пробиться сквозь весь этотъ старческій жиръ... Хозяинъ наконецъ попросилъ его пожаловать къ ужину.

Памятникъ Крылову.

ну. «Поросенокъ подъ хрѣномъ для васъ приготовленъ, Иванъ Андреевичъ»,—замѣтилъ онъ хлопотливо и какъ бы исполняя неизбѣжный долгъ. Крыловъ посмотрѣлъ на него не то привѣтливо, не то насмѣшливо «Такъ-таки непремѣнно поросенокъ?»—казалось, внутренно промолвилъ онъ—грузно всталъ и грузно шаркая ногами, пошелъ занять свое мѣсто за столомъ». Мы должны признаться, что этотъ небольшой отрывокъ, кажется намъ болѣе существеннымъ и важнымъ для біографіи Крылова, нежели мно-

гія и многія страницы, посвященныя его характеристикѣ.... Крыловъ умеръ 9 Ноября 1844 года, слѣдовательно почти шесть лѣтъ спустя послѣ того, какъ отпразднованъ былъ пятидесятилѣтній юбилей его литературной дѣятельности (2 февраля 1838 г.); онъ былъ похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ, рядомъ съ другомъ своимъ, Гнѣдичемъ.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ КРЫЛОВА.

ПЕСТРЫЯ ОВЦЫ.

Левъ пестрыхъ не взлюбилъ овецъ
Ихъ просто бы ему перевести не трудно;
Но это было-бы неправосудно:
Онъ не на то носилъ въ лѣсахъ вѣнецъ,
Чтобъ подданныхъ душить, но имъ давать расправу; —
А видѣть пеструю овцу терпѣнья нѣтъ!
Какъ сбыть ихъ, и свою сберечь на свѣтѣ славу?
И вотъ къ себѣ зоветъ
Медвѣдя онъ съ Лисою на совѣтъ,
И имъ за тайну открываетъ,
Что, видя пеструю овцу, онъ всякій разъ
Глазами цѣлый день страдаетъ,
И что придетъ ему совсѣмъ лишиться глазъ,
И, какъ такой бѣдѣ помочь, совсѣмъ не знаетъ.
— «Всесильный левъ!» сказалъ насупившись медвѣдь:
«На что тутъ много разговоровъ?
Вели, безъ дальнихъ сборовъ,
Овецъ передушить. Кому о нихъ жалѣть?»
Лиса, увидѣвши, что левъ нахмурилъ брови,
Смиренно говоритъ: «О царь! Нашъ добрый царь!
Ты вѣрно запретишь гнать эту бѣдну тварь
И не прольешь невинной крови.
Осмѣлюсь я совѣтъ иной произнести:
Дай повелѣнье ты луга имъ отвести,
Гдѣ-бъ былъ обильный кормъ для матокъ,
И гдѣ-бы поскакать, побѣгать для ягнятокъ;
А такъ какъ въ пастухахъ у насъ здѣсь недостатокъ,
То прикажи овецъ волкамъ пасти.
Не знаю, какъ-то мнѣ сдается,
Что родъ ихъ самъ собой переведется.
А между тѣмъ пускай блаженствуютъ онѣ;
И чтобъ ни сдѣлалось, ты будешь въ сторонѣ.»
Лисицы мнѣніе въ совѣтѣ силу взяло,
И такъ удачно въ ходъ пошло, что наконецъ,
Не только пестрыхъ тамъ овецъ,
И гладкихъ стало мало.
Какіе-жъ у звѣрей пошли на это толки?
Что левъ бы и хорошъ, да все злодѣи волки!

ВЕЛЬМОЖА.

Какой-то, въ древности, Вельможа
Съ богато-убраннаго ложа
Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ.
Сказать простѣе — умеръ онъ;
И, такъ какъ встарь велось, въ аду на судъ явился.
Тотчасъ допросъ ему:—«чѣмъ былъ ты? гдѣ родился?»
— «Родился въ Персіи, а чиномъ былъ сатрапъ;
Но такъ-какъ, живучи, я былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ.»
— «Что жъ дѣлалъ ты?» — «Пилъ, ѣлъ и спалъ,
Да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ.»
— «Скорѣй же въ рай его!» — «Какъ! гдѣ же справедливость?»
Меркурій тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость?
— «Эхъ, братецъ!» отвѣчалъ Эакъ:
«Не знаешь дѣла ты, никакъ;
Не видишь, развѣ, ты? Покойникъ — былъ дуракъ!
Чтò если-бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ-несчастью?
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край!...
И ты бъ тамъ слезъ не обобрался!
Затѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не принимался.

Вчера я былъ въ судѣ, и видѣлъ тамъ судью:
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю!

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ БАСНѢ ВЕЛЬМОЖА, ЗАИМСТВОВАННЫЯ ИЗЪ «ПРИМѢЧАНІЙ КЪ БАСНЯМЪ КРЫЛОВА», СОСТАВЛЕННЫХЪ В. Ѳ. КЕНЕВИЧЕМЪ.

Появленіе этой басни въ печати сопровождалось слѣдующими, нелишенными интереса обстоятельствами. Крыловъ былъ иногда приглашаемъ на придворные маскарады. Въ 1836 году при дворѣ устроивался маскарадъ. Крыловъ былъ также въ числѣ приглашенныхъ. За нѣсколько дней до маскарада онъ, въ мрачномъ расположеніи духа, сидѣлъ послѣ обѣда у А. Н. Оленина. «Что съ вами, дѣдушка?» спросила Варвара Алексѣевна, къ которой Крыловъ питалъ глубокую привязанность. «Да вотъ бѣда: надо ѣхать во дворецъ въ маскарадъ; а не знаю, какъ одѣться». — «А вы бы, дѣдушка, помылись, побрились, одѣлись бы чистенько: васъ тамъ никто бы не узналъ». Шутка искренно любимой «фавориточки» (такъ называлъ Крыловъ Варвару Алексѣевну) развеселила старика; но не уменьшила заботы. Мы слышали (и это вполнѣ подтверждается Бантышъ-Каменскимъ), что, разрѣшить трудную задачу, какъ одѣться, удалось знаменитому трагику Каратыгину, который нарядилъ баснописца въ костюмъ боярина-кравчаго. Сообразно съ этою ролью и написано нижеслѣдующее стихотвореніе. Предварительно нужно замѣтить, что праздникъ былъ устроенъ по Англійскому обычаю. Кому достанется кусокъ пирога со спрятаннымъ въ немъ бобомъ, тотъ и былъ царемъ праздника.

Къ этому-то царю Крыловъ и обращаетъ рѣчь:

По части кравческой, о царь, мнѣ рѣчь позволь,
И то, чего тебѣ желаю,
И то, о чемъ я умоляю,
Не морщась выслушать изволь.
Желаю, нашъ отецъ, тебѣ я апетита,
Чтобъ на день разъ хоть пять ты кушалъ-бы до сыта,
А тамъ бы спалъ, да почивалъ,
Да снова кушать-бы вставалъ.
Вотъ жить здоровая манера!
Съ ней, къ году, — за̀ это я, кравчій твой, берусь —
Ты будешь ужъ не бобъ, а будешь царь-арбузъ!
Отецъ нашъ! не бери ты съ тѣхъ царей примѣра,
Которые не лакомо ѣдятъ,
За подданныхъ не спятъ
И только лишь того и смотрятъ, и глядятъ,
Чтобъ были всѣ у нихъ довольны и счастливы;
Но разсуди премудро самъ,
Что̀ за житье съ такой заботой пополамъ;
И бѣднымъ кравчимъ намъ
Какой тутъ ждать себѣ награды?
Тогда хоть брось все наше ремесло.
Нѣтъ, не того бы мнѣ хотѣлось!
Я всякій день молюсь тепло,
Чтобы тебѣ, отецъ, пилось бы лишь да ѣлось,
А дѣло бы на умъ не шло.

Стихотвореніе это государь выслушалъ съ видимымъ удовольствіемъ; тогда Крыловъ обратился къ гр. Бенкендорфу съ просьбою доложить Государю, что онъ желалъ бы прочесть вновь сочиненную имъ басню. Государь изъявилъ на то согласіе, и Крыловъ прочелъ «Вельможу». Вся басня, и особенно заключительные стихи, такъ понравились Государю, что онъ обнялъ автора, поцѣловалъ его и промолвилъ: «пиши, старикъ, пиши». Воспользовавшись этимъ случаемъ, Крыловъ просилъ Высочайшаго разрѣшенія напечатать басню и, разумѣется, получилъ.

Причина, понудившая Крылова поступить такимъ образомъ, была слѣдующая. Еще за годъ до этого маскарада онъ написалъ «Вельможу». Предполагалъ-ли Крыловъ, что его произведеніе не будетъ дозволено цензурою, или дѣйствительно цензура его запретила, но только онъ передалъ его тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, гр. Уварову, для представленія Государю Императору. Не знаемъ, по какой причинѣ, Уваровъ не исполнилъ просьбы баснописца; рукопись оставалась у него около года. Между тѣмъ кто-то ее списалъ, передалъ другому, тотъ третьему и такимъ образомъ въ короткое время басня разошлась въ публикѣ во множествѣ списковъ; дошло до того, что ученики пажескаго корпуса читали ее на экзаменѣ; а въ публикѣ распространилось мнѣніе, что Крыловъ написалъ басню, которую цензура запретила,—а онъ, на зло

ей, распространилъ эту басню въ рукописи. Чтобы прекратить эти толки, онъ рѣшился лично просить Государя о дозволеніи напечатать эту басню [1]).

ВОРОНА И КУРИЦА.

Когда Смоленскій Князь,
Противу дерзости искусствомъ вооружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ,
И на погибель имъ Москву оставилъ:
Тогда всѣ жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собралися,
И вотъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
— «А ты, что-жъ, кумушка, въ дорогу?»
Ей съ возу Курица кричитъ:
«Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ.»
— «Мнѣ что до этого за дѣло?»
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: «Я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ ваши сестры какъ хотятъ;
А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ:
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А, можетъ быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей —
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ и глупъ.
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься:
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься —
Попался какъ ворона въ супъ!

КРЕСТЬЯНИНЪ ВЪ БѢДѢ.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть, и, на просторѣ,
Обшаря стѣны всѣ, и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ:
И то сказать, какая совѣсть въ ворѣ!
Ну такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по-міру поди съ сумою;
Не дай Богъ никому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей.
«Нельзя-ли», говоритъ: «помочь бѣдѣ моей?»
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ,
И умный свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: — «Эхъ, свѣтъ
Не надобно-было тебѣ по міру славить,
Что столько ты богатъ».
Сватъ Климычъ говоритъ: — «Впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить.»
— «Эхъ, братцы, это все не такъ,»
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
«Не то бѣда, что клѣть далека,
Да надо на дворѣ лихихъ держать собакъ;
Возьми-ка у меня щенка любаго
Отъ жучки: я бы радъ сосѣда дорогаго
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить.»
И, словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ,
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ;
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

На свѣтѣ таково жъ: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ, и впрямъ:
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшій другъ
И нѣмъ, и глухъ.

---

[1]) Тогда же напечатана въ небольшой брошюркѣ, составленной изъ стихотвореній, написанныхъ по этому случаю и другими лицами, на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ; въ ней же находится между прочимъ и стихотвореніе Пушкина «Циклопъ», о которомъ упоминаютъ Бантышъ-Каменскій и Анненковъ (въ матеріалахъ для біогр. Пушкина, стр. 354).

ДВА МУЖИКА.

«Здорово, кумъ Ѳаддей!» — «Здорово, кумъ Егоръ!»
— «Ну, каково, пріятель поживаешь?»
— «Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь!
Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до-тла свой дворъ,
И по-міру пошелъ съ-тѣхъ-поръ.»
— «Какъ-такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»
— «Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;
Я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ:
Признаться въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ:
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну, ты какъ?» — «Охъ, Ѳаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь, — я безъ ногъ;
Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ,
Я, то-жъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И тоже черезъ-чуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугару!
А чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожару,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ:
Анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не-человѣка,
И вотъ я съ-той-поры—калѣка.»
— «Пеняйте на себя, друзья!»
Сказалъ имъ сватъ Степанъ. «Коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчею худо,
Да врядъ, не хуже-ль и въ потьмахъ.»

ПЕРІОДЪ ВОСЬМОЙ.

ОТЪ ПУШКИНА ДО НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ.

—oo—

XXXVI.

А. С. ПУШКИНЪ. — ДѢТСТВО И ВОСПИТАНІЕ НА ФРАНЦУЗСКІЙ ЛАДЪ. — ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ЛИЦЕѢ. — ПУШКИНЪ И ЖУКОВСКІЙ. — ПЕРВЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЮНОШИ-ПОЭТА И ЕГО ИЗГНАНІЕ. — ПРЕБЫВАНІЕ НА ЮГѢ И БАЙРОНИЗМЪ. — ЖИТЬЕ ВЪ ДЕРЕВНѢ: — ЭПОХА НАСТУПЛЕНІЯ СОЗНАТЕЛЬНАГО ТВОРЧЕСТВА. — ПЕРІОДЪ КОЛЕБАНІЙ И СОМНѢНІЙ. — ПУШКИНЪ И ОБЩЕСТВО ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ. — ЗНАЧЕНІЕ ПУШКИНА, КАКЪ ПОЭТА НАРОДНАГО.

Въ русской литературѣ въ періодъ царствованія Александра I совершалось явленіе, совершенно подобное тому, что совершалось въ то время въ литературѣ всѣхъ европейскихъ народовъ, именно: — борьба двухъ литературныхъ школъ: классической и романтической. При этомъ надо замѣтить, что упомянутая борьба не ограничивалась одними предѣлами эстетическихъ теорій; вмѣстѣ съ тѣмъ, она проявлялась и въ полной переработкѣ литературныхъ нравовъ, идеаловъ, понятій о значеніи писателя и его отношеніяхъ къ обществу. Въ самомъ дѣлѣ: съ теоріею ложнаго классицизма въ XVIII столѣтіи тѣсно сроднилась система литературнаго меценатства, утвержденная на феодальныхъ, средневѣковыхъ преданіяхъ. Не смотря на то, что въ XVIII вѣкѣ существовала уже въ западной Европѣ огромная масса читающей публики, способная поддержать своимъ сочувствіемъ литературный трудъ— литература все еще находилась въ вассальныхъ отношеніяхъ при дворахъ королей и вельможъ, пользуясь ихъ щедрыми дарами. Но когда феодальные порядки рушились послѣ французской революціи, литература сразу потеряла всѣхъ своихъ покровителей и содержателей, и поэты очутились одни передъ массою образованнаго общества, отъ участія котораго сталъ зависѣть весь успѣхъ ихъ творчества. Въ тоже время это общество, возбужденное новыми, освободительными идеями и политическими движеніями конца XVIII вѣка, ожидало отъ поэтовъ свободнаго, независимаго слова. При такомъ порядкѣ вещей всѣ тѣ, которые такъ или иначе были привержены къ старымъ принципамъ и сожалѣли объ утраченномъ блескѣ версальскаго двора и многочисленныхъ его подражаній, о меценатахъ, наградахъ и

пенсіяхъ,—встали на сторону классицизма, въ то время, какъ все передовое, молодое, независимое начало ратовать за романтизмъ. Романтизмъ вслѣдствіе этого оказывался понятіемъ весьма сложнымъ. Съ одной стороны, подъ этимъ освобожденіемъ европейскихъ литературъ отъ подчиненія французскому классицизму, разумѣли переходъ ихъ на почву народности. Съ другой стороны—романтизмъ представлялся эстетической теоріей независимости творчества отъ какихъ-бы то ни было предвзятыхъ правилъ піитики и подчиненія поэта исключительно прихоти его вдохновенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ романтики требовали, чтобы поэтъ и въ отношеніяхъ своихъ къ средѣ былъ человѣкомъ вполнѣ свободнымъ и независимымъ:—они смотрѣли на поэта, какъ на пророка, который долженъ возвѣщать міру откровенія своего высшаго вдохновенія, не обращая притомъ вниманія ни на какія насмѣшки, гоненія и мученія, претерпѣваемыя отъ людей за истину, высказываемую имъ. Естественно, что при такомъ взглядѣ на поэта романтики съ недовѣріемъ смотрѣли на каждаго писателя, способнаго заискивать въ чьемъ бы то ни было покровительствѣ.

Пушкинъ, какъ поэтъ, первый сталъ вполнѣ удовлетворять романтическому идеалу. Онъ первый поставилъ русскую поэзію на народную почву; вся слава, которою пользовался онъ при жизни, все обаяніе, которое онъ производилъ на своихъ современниковъ, главнымъ образомъ зависѣли отъ того, что въ своихъ произведеніяхъ онъ отозвался на всѣ мотивы жизни своей родины. Все, что думали, чувствовали, чѣмъ жили и страдали его современники, воспроизведено въ его поэмахъ и пѣсняхъ. Въ тоже время не малое обаяніе производилъ Пушкинъ на современниковъ и самою жизнію своею въ молодые годы:—гордый, независимый, полный самобытныхъ причудъ и гонимый, онъ, казалось, вполнѣ олицетворялъ собою типъ романтическаго поэта въ истинномъ смыслѣ этого слова; современники видѣли въ немъ русскаго Байрона и самъ Пушкинъ въ первые годы своей дѣятельности не прочь былъ побайронничать на русскій ладъ. Подъ вліяніемъ произведеній Пушкина, Баратынскаго, Грибоѣдова и прочихъ послѣдователей романтической поэзіи, съ другой стороны подъ вліяніемъ общаго либеральнаго движенія въ царствованіе Александра, романтизмъ не замедлилъ повліять и на внѣшнюю обстановку жизни. Въ то время, какъ въ литературѣ онъ выражался оппозиціей противъ подавляющихъ творчество правилъ ложно-классической піитики, противъ владычества литературныхъ авторитетовъ, въ жизни романтизмъ возсталъ противъ стѣсняющихъ чувство и волю условныхъ свѣтскихъ обычаевъ и приличій, практическаго фамусовскаго матеріализма и молчалинскаго угодничества. Типы Онѣгина, Чацкаго, гордые, независимые, никому не кланяющіеся, ничего не ищущіе и идущіе своей дорогой, не смотря на толки и сплетни толпы, сдѣлались любимыми идеалами молодежи въ 20-е годы.

Къ тому же, при неразвитости критики, никто не могъ объяснить значенія романтизма. Романтики ограничивались только тѣмъ, что потѣшались надъ классиками и шли своей дорогой, выдавая произведеніе за произведеніемъ. Классики, съ своей стороны, сыпали громы на романтиковъ, но еще менѣе ихъ имѣли понятія о романтизмѣ. Они объясняли романтизмъ писаніемъ стихотвореній безъ всякихъ правилъ, утвержденныхъ вѣками, основанныхъ на истинномъ вкусѣ и предписанныхъ безсмертнымъ Буало для французовъ, а Гораціемъ для всѣхъ образованныхъ народовъ. Въ такихъ стихотвореніяхъ они видѣли верхъ безбожія, нарушеніе всякихъ эстетическихъ законовъ, окончательное паденіе поэзіи. Во время либеральнаго движенія, въ царствованіе Александра I, нападки классиковъ ограничивались чисто литературнымъ споромъ. Но когда, въ концѣ царствованія Александра, началась реакція, на романтиковъ начали смотрѣть не только какъ на нарушителей піитики Буало, но какъ на опасныхъ вольнодумцевъ, разрушителей, готовыхъ ниспровергнуть всѣ общественныя и семейныя основы.—Ихъ не иначе представляли, какъ людьми дурнаго тона, растрепанными, распущенными кутилами и донъ-жуанами, пренебрегавшими всякимъ приличіемъ и готовыми на все безнравственное. В. И. Панаевъ, вѣрный преданіямъ старины и горячій послѣдователь классицизма, въ своихъ запискахъ (См. «В. Евр.» сент. 1867 г.) свидѣтельствуетъ намъ о томъ, какъ смотрѣли на молодыхъ романтиковъ въ 20-е годы. «Напрасно», говоритъ онъ, «Дельвигъ,

Баратынскій и друг. старались войти со мною въ короткія сношенія: мнѣ не нравилась ихъ самонадѣянность, рѣшительный тонъ въ сужденіяхъ, пристрастіе и не очень похвальное поведеніе: моя разборчивость не допускала сближенія съ такими молодыми людьми; я старался уклониться отъ ихъ короткости, даже не заплатилъ имъ визитовъ. Они на меня прогнѣвались и очень ко мнѣ не благоволили. Впослѣдствіи они прогнѣвались на меня еще болѣе, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, за то, что я не совѣтовалъ одной молодой, опрометчивой женщинѣ съ ними знакомиться». Но когда знакомая Панаева приняла въ свой домъ кружокъ Пушкина, объ этомъ пошли по Москвѣ невыгодные для нея толки; отецъ и мать перестали къ ней ѣздить. «Глубоко всѣмъ этимъ огорченный», говоритъ Панаевъ, «я выразилъ ей мое негодованіе, указалъ на справедливость моихъ предсказаній и прекратилъ мои посѣщенія». Не мѣшаетъ замѣтить, что, соотвѣтственно такому взгляду на романтиковъ, распространенному въ высшихъ слояхъ общества, въ училищахъ считалось предосудительнымъ читать дѣтямъ произведенія Пушкина, Баратынскаго, Дельвига и пр., какъ безнравственныя и лишенныя эстетическаго значенія.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ род. 26 мая 1799 г. (ум. 29 янв. 1837 г.) и происходилъ по прямой линіи отъ боярина Григорія Гавриловича Пушкина, служившаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, а потомъ въ Польшѣ, съ титуломъ намѣстника нижегородскаго (ум. 1656 г.). Мать Александра Сергѣевича, Надежда Осиповна, урожденная *Ганнибалъ*, также принадлежала къ замѣчательному роду: она была внучкой того Абрама Петровича Ганнибала, знаменитаго крестника и любимца Петра, который, благодаря Пушкину, сталъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ Арапа Петра Великаго. Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, познакомился съ Надеждой Осиповной въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ въ измайловскомъ полку. Женившись въ Петербургѣ, Сергѣй Львовичъ, въ 1798 году, вышелъ въ отставку и переѣхалъ на житье въ Москву. Вмѣстѣ съ семействомъ Сергѣя Львовича переѣхала въ Москву и мать Надежды Осиповны, которая продала принадлежавшее ей въ Псковской губ. имѣнье и на вырученныя отъ этой продажи деньги купила подъ Москвой сельцо Захарьино, верстахъ въ 40 отъ Москвы. Нельзя не упомянуть здѣсь, что въ Москву, вмѣстѣ съ семействомъ Пушкиныхъ, переселилась и прославленная впослѣдствіи поэтомъ няня его, Арина Родіоновна, вынянчавшая всѣхъ дѣтей Сергѣя Львовича.

Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ представлялъ собою, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Василіемъ Львовичемъ (извѣстнымъ арзамасцемъ), образецъ того крайне-непривлекательнаго типа русскихъ французовъ, который мало по малу начинаетъ у насъ выводиться въ настоящее время, а въ то время былъ моднымъ типомъ въ высшихъ слояхъ нашего общества. И Сергѣй Львовичъ, и Василій Львовичъ были люди очень не глупые, обладавшіе порядочнымъ запасомъ остроумія и довольно изряднымъ образованіемъ; но это были люди исключительно созданные для веселой, шумной, пустой и праздной свѣтской жизни, люди незнавшіе въ жизни никакихъ серьезныхъ интересовъ и цѣлей, чуждые всякихъ заботъ, трудовъ и обязанностей. Обладая порядочнымъ состояніемъ и неистощимымъ запасомъ веселости, оба брата одинаково посвящали свое время удовольствіямъ общества и наслажденіямъ городской жизни и питали врожденное отвращеніе ко всему, что могло нарушить ихъ спокойствіе... На этомъ основаніи Сергѣй Львовичъ предоставилъ все управленіе дѣлами, все хозяйство и воспитаніе дѣтей женѣ своей, а самъ вполнѣ предался утонченной и веселой свѣтской жизни среди того обширнаго кружка родни и знакомыхъ, въ которомъ являлся душею всѣхъ собраній, домашнихъ спектеклей и всякаго рода семейныхъ и родственныхъ празднествъ, которыми такъ богата была жизнь нашего барства того времени... Можно безъ преувеличенья сказать, что все время Сергѣя Львовича проходило въ обществѣ и въ заботахъ объ успокоеніи и увеселеніи своей особы, а весь умъ и способности его затрачивались на тѣ остроты, каламбуры и легкіе французскіе стишки, которыми онъ приводилъ въ восторгъ все лучшее московское общество...

Надежда Осиповна, прекрасная собою, умная и энергическая женщина, любила удовольствія и разсѣянную жизнь не менѣе всего того кружка, среди котораго ей приходилось жить, однако же гораздо болѣе Сергѣя

Львовича прилагала заботы къ воспитанію дѣтей своихъ, и вмѣстѣ съ матерью своею, Марьей Алексѣевной Ганнибалъ, способна была до нѣкоторой степени оказать на нихъ благотворное вліяніе. Но онѣ не могли избавить дѣтей Сергѣя Львовича отъ системы воспитанія, которая была тогда общепринятою во всѣхъ хорошихъ домахъ: едва вышли они изъ пеленъ, какъ ихъ уже окружали гувернеры и учителя изъ французовъ-эмигрантовъ. И вотъ, Пушкину, выучившемуся грамотѣ у своей бабушки Марьи Алексѣевны, при-

Пушкинъ.

шлось вскорѣ послѣ того заниматься русскимъ языкомъ у какого-то *г. Шиллера*, а потомъ попасть въ руки разныхъ французовъ, которые на время заставили его забыть о томъ, что онъ Русскій. По счастью, до 7-ми-лѣтняго возраста, Александръ Сергѣевичъ не принадлежалъ къ числу дѣтей воспріимчивыхъ, горячихъ и бойкихъ. Напротивъ, онъ даже приводилъ мать въ отчаянье своею флегматическою неповоротливостью. Случалось, что Надежда Осиповна насильно заставляла его играть и бѣгать съ дѣтьми, и мальчикъ убѣгалъ къ бабушкѣ, Марьѣ Алексѣевнѣ, залѣзалъ въ ея корзинку и долго смотрѣлъ на ея работу: въ этомъ убѣжищѣ ужь никто не смѣлъ его потревожить...

Однакоже французы-гувернеры взяли свое: мальчикъ по девятому году развернулся и хотя не выказывалъ ни малѣйшій охоты къ ученью, но за то набросился на чтеніе съ какою то болѣзненною страстностью. Не смотря на то, что ни отецъ, ни окружавшіе его нимало не препятствовали ему въ удовлетвореніи этой страсти къ чтенію, онъ проводилъ за книгами и дни, и ночи, тайкомъ забирался въ библіотеку или въ кабинетъ отца своего, и безъ разбора читалъ все, что попадалось ему подъ руку. Братъ поэта, Левъ Сергѣевичъ замѣчаетъ, что, на 11-мъ году, при своей необычайной памяти, Пушкинъ *зналъ наизусть всю французскую литературу* и біографъ Пушкина прибавляетъ, что это замѣчаніе можетъ быть принято съ нѣкоторымъ ограниченіемъ... Результатомъ такой начитанности и французскаго воспитанія было то, что первыми стихами Пушкина были стихи французскіе, въ писаніи которыхъ онъ упражнялся не только дома, но даже и послѣ вступленія своего въ Лицей.

Въ Лицей опредѣленъ былъ Пушкинъ по настоянію уже извѣстнаго намъ А. И. Тургенева, который отклонилъ родителей Александра Сергѣевича отъ намѣренья помѣстить сына въ прославленный Петербургскій Іезуитскій Коллегіумъ, на который тогда всѣ смотрѣли съ особеннымъ уваженіемъ. Двѣнадцатилѣтній Пушкинъ, 12 Августа 1811 г., выдержалъ вступительный экзаменъ въ Лицей, въ числѣ тѣхъ 30 воспитанниковъ, изъ которыхъ должно было первоначально состоять это заведеніе, и вступилъ на новый путь; на этомъ пути, при помощи благопріятныхъ условій, сопровождавшихъ развитіе юнаго поэта, вскорѣ открылась для него возможность выказать вполнѣ тотъ дивный даръ, которымъ онъ былъ такъ щедро надѣленъ отъ природы. Эти благопріятныя условія заключались преимущественно въ томъ, что въ основу лицейскаго воспитанія принята была разумная свобода и уваженіе къ нравственной личности воспитанника. . . .

. . . .

. . . У каждаго воспитанника была своя комната; богатая библіотека Лицея постоянно была открыта для всѣхъ лицеистовъ, и никакой докучный, подозрительный глазъ воспитателя не слѣдилъ за юношами въ свободное отъ занятій время, когда они терялись въ обширныхъ и темныхъ алеяхъ Царскосельскаго сада. Можетъ быть именно вслѣдствіе этой разумной свободы, среди которой юноши-лицеисты росли, нестѣсняемые никакими мелочными формальностями, въ товарищескомъ кружкѣ ихъ постоянно поддерживалась самая тѣсная дружеская связь и замѣчательная привязанность къ мѣсту воспитанія, которую они сохраняли потомъ всю жизнь. И этотъ товарищескій кружокъ принесъ много пользы юношѣ-поэту, съ одной стороны, ослабивъ французское вліяніе домашней среды, а съ другой—открывъ свободное и широкое поприще для развитія его поэтическаго дарованія...Въ Лицейскомъ кружкѣ Пушкинскаго времени замѣчательною, характеристическою чертою являлась наклонность къ литературѣ. Литература была въ Лицеѣ не только любимымъ занятіемъ: но и развлеченіемъ, и даже игрой. Въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ лицеистовъ издавалось нѣсколько рукописныхъ журналовъ, («Лицейскій Мудрецъ», «Для Удовольствія и Пользы», «Неопытное Перо» и т. п.), въ которыхъ всѣ товарищи Пушкина и онъ самъ принимали дѣятельное участіе; а по вечерамъ затѣвалась нерѣдко и довольно замысловатая игра: каждый изъ членовъ товарищескаго кружка обязанъ былъ по очереди разсказать повѣсть или хоть только начать ее; слѣдующій за разкащикомъ продолжалъ развивать сюжетъ, пополнялъ его новыми подробностями, и очень часто случалось, что повѣсть заканчивалась только уже въ устахъ третьяго или четвертаго расказщика...

И вотъ среди этого товарищескаго кружка, Пушкинъ, котораго сначала было прозвали въ Лицеѣ *французомъ*, оставилъ писаніе французскихъ стиховъ и принялся писать стихи по русски. Началъ онъ съ очень колкихъ эпиграммъ, потомъ перешелъ къ подражанію легкой французской лирикѣ, а наконецъ увлекся и подражаніемъ лучшимъ русскимъ поэтамъ: Державину, Жуковскому, и позднѣе всѣхъ—Батюшкову. Первымъ писаннымъ въ числѣ лицейскихъ его стихотвореній было «*Посланіе къ сестрѣ*»; за нимъ слѣдовали другія, помѣщавшіяся въ рукописныхъ журналахъ Лицея, и уже въ іюнѣ

1814 года явились первыя стихотворенія лицеиста Пушкина въ печати:—пять стихотвореній его было напечатано въ «Вѣстникѣ Европы», издававшемся тогда подъ редакціею В. В. Измайлова. Вскорѣ послѣ того стали являться его стихотворенія и въ другихъ журналахъ, и та извѣстность, которою юноша-поэтъ пользовался уже между своими товарищами, быстро перелетѣла за стѣны Лицея, особенно послѣ того, когда на публичномъ экзаменѣ 1815 г. Пушкинъ привелъ въ восторгъ Державина своимъ «Воспоминаніемъ въ Царскомъ Селѣ». Лицейскія стихотворенія Пушкина въ это время представляли собою еще очень немного самостоятельнаго; но поэтическая плодовитость шестнадцатилѣтняго юноши-поэта, чрезвычайно легко владѣвшаго стихомъ (въ то время еще довольно неправильнымъ и небрежнымъ), не могла не привлечь къ нему вниманія замѣчательнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей того времени, тѣмъ болѣе, что вѣроятно и А. И. Тургеневъ не упускалъ случая указывать имъ на диковиннаго мальчика, такъ много сулившаго въ будущемъ. Карамзинъ и Жуковскій одинаково узнали Пушкина еще на лицейской скамьѣ и поощряли развитіе его поэтическаго дарованія: Жуковскій даже отдавалъ на судъ юноши свои стихотворенія, болѣе довѣряя замѣчательно-развитому въ немъ поэтическому чутью, нежели самому себѣ, и обыкновенно считалъ дурнымъ, старался исправить тотъ стихъ, который Пушкинъ при своей необыкновенной памяти, не могъ сразу усвоить и запомнить...

Но родные поэта не такъ скоро поддались обаянію его таланта и долго не рѣшались вѣрить тому, чтобы изъ Александра Сергѣевича могъ выйти человѣкъ замѣчательный, тѣмъ болѣе, что по наукамъ его успѣхи оказывались довольно слабыми и одинъ изъ профессоровъ аттестовалъ его даже такъ: «весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ, но крайне не прилеженъ»... Только уже послѣ того, какъ стихи молодаго Пушкина не только обратили на него вниманіе Державина, Дмитріева и Карамзина, но и возбудили удивленіе Жуковскаго, родные наконецъ рѣшились признать поэтическую дѣятельность Пушкина не простою потерею времени, и даже дядя его Василій Львовичъ (самъ стихотворецъ), долго не соглашавшійся признать поэтическій талантъ въ племянникѣ, прочитавъ его посланіе *къ Лицинію*, порадовался тому, что «Александровы стихи не пахнутъ Латынью и не носятъ на себѣ ни одного пятнышка семинарскаго».. Но оцѣнивая юношескую поэзію Пушкина, почтенный дядя его болѣе способенъ былъ сочувствовать ея легкому, беззаботно-веселому, почти игривому характеру, ея призывамъ къ наслажденію земными благами, ея вакхическому разгулу, нежели замѣтить въ лицейскихъ стихотвореніяхъ своего племянника одну очень важную сторону, дѣйствительно много обѣщавшую въ будущемъ. Этою важною стороною являлось замѣчательное разнообразіе мотивовъ и та особенная легкость, съ которою Пушкинъ подражалъ различнымъ поэтическимъ формамъ и подчинялся самымъ противуположнымъ поэтическимъ настроеніямъ, начиная отъ торжественнаго настроенія Державинской оды и оканчивая элегическимъ—въ пѣснѣ, изображающей тоску, прощаніе, разлуку... Чрезвычайно любопытно то, что самъ Пушкинъ считалъ себя въ это время ученикомъ Жуковскаго, которому однакоже менѣе всего подражалъ и способенъ былъ подражать, такъ какъ ему гораздо болѣе была близка поэзія Батюшкова, далекая отъ туманной мечтательности, тѣсно связанная съ дѣйствительностью и богатая граціозными образами... Только уже гораздо позднѣе Пушкинъ призналъ тѣсное родство своихъ лицейскихъ стихотворныхъ опытовъ съ поэзіею Батюшкова и о нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ говорилъ: «люблю ихъ—они отзываются стихами Батюшкова» [1]).

Но ему не долго пришлось быть ученикомъ Жуковскаго и Батюшкова: едва успѣлъ онъ переступить порогъ Лицея, какъ уже, вмѣстѣ съ тѣмъ и выступилъ на тотъ новый путь, по которому вслѣдъ за нимъ пошли многіе, но, до него, никто не рѣшался идти... Дѣйствительно, въ Іюнѣ 1817 года, Пушкинъ окончилъ курсъ въ Лицеѣ и вышелъ изъ него 19 ученикомъ, а въ 1818 году, на собраніяхъ *Арзамаса* и на вечерахъ у Жуковскаго, онъ уже читаетъ первыя пѣсни *Руслана и Людмилы*, въ которыхъ и Жуковскій, и Батюшковъ, и всѣ сколько нибудь безпристрастные

[1]) Такъ говорилъ онъ о своемъ стихотвореніи *Муза* (*Во младенчествѣ она меня любила*).

судьи не могли не видѣть явленія новаго и небывалаго у насъ въ литературѣ...

Ново было то, что романтизмъ Пушкина, на сколько онъ успѣлъ и съумѣлъ выказать его въ *Русланѣ и Людмилѣ*, не имѣлъ ничего общаго съ подражательнымъ и переводнымъ романтизмомъ Жуковскаго; «романтическіе порывы его фантазіи обращались къ русской народной жизни, и русская поэзія впервые усвоивала здѣсь истинно-народные мотивы[1])». Нельзя не добавить здѣсь, сверхъ того, что эти народные мотивы являлись у Пушкина не въ узкой рамкѣ поэмы, написанной по всѣмъ правиламъ теоріи, а въ формѣ широкаго, свободнаго, поэтическаго расказа, который способенъ былъ привести въ ужасъ сторонниковъ старой реторической школы неправильностью и непослѣдовательностью своего теченія, частыми уклоненіями отъ главной нити расказа, и, въ особенности, сатирическими выходками противъ современности вообще и современной литературы въ особенности. Чрезвычайно любопытно однакоже, что старую нашу литературную школу болѣе всего непріятно поразило въ поэмѣ Пушкина именно то, что она являлась въ нашей литературѣ первымъ, дѣйствительно - романтическимъ произведеніемъ, т. е. неразрывно связаннымъ съ почвою народности и преданій нашихъ. Эта сторона романтизма не могла никому изъ нашихъ критиковъ броситься въ глаза, пока дѣло шло только о переводныхъ произведеніяхъ романтической школы; но, при появленіи *Руслана и Людмилы*, первое столкновеніе съ народною почвою ужасно озадачило нашихъ критиковъ: «Обратите ваше вниманіе на новый ужасный предметъ»... «возникающій посреди *океана* Россійской Словесности» — восклицалъ одинъ изъ критиковъ. «Наши поэты начинаютъ пародировать Киршу Данилова... Просвѣщеннымъ людямъ предлагаютъ поэму, писанную въ подражаніе Еруслану Лазаревичу...» Далѣе, выписывая и предоставляя на судъ читателей сцену Руслана съ богатырскою головою, критикъ просто приходитъ въ ужасъ: «увольте меня отъ подробнаго описанія»—говоритъ онъ съ негодованіемъ — «и позвольте спросить: если бы въ Московское Благородное Собраніе какъ нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ и закричалъ зычнымъ голосомъ: здорово ребята! Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться?... Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами?»

Но прежде, чѣмъ успѣли явиться первыя критики на *Руслана и Людмилу* (они явились въ 1820 г.), въ жизни автора ея успѣло совершиться много перемѣнъ. Поэма эта начата была имъ еще въ Лицеѣ, потомъ писалась и въ Петербургѣ, и въ Михайловскомъ (небольшомъ имѣньѣ Пушкиныхъ, въ Псковской губ.), гдѣ онъ проводилъ лѣто, по выходѣ изъ Лицея, и окончена была неранѣе 1819 года, (а напечатана уже въ 1820), когда Пушкина не было въ Петербургѣ...

Дѣло въ томъ, что, по выходѣ изъ Лицея, пылкій и воспріимчивый юноша-поэтъ, вполнѣ предавшійся разсѣянной и даже разгульной жизни, закружился въ вихрѣ свѣта. Многіе не шутя опасались въ это время дурнаго вліянія подобной жизни на талантъ Пушкина; Батюшковъ, незадолго до отъѣзда въ Италію, писалъ А. И. Тургеневу слѣдующее:

... «*Сверчокъ* что дѣлаетъ? Кончилъ-ли свою поэму? Не худо бы его запереть въ Геттингенъ и кормить года три молошнымъ супомъ и логикою. Изъ него ничего не будетъ путнаго, если онъ самъ не захочетъ. Потомство не отличитъ его отъ двухъ однофамильцевъ[2]), если онъ забудетъ, что для поэта и человѣка должно быть потомство. Кн. А. Н. Голицынъ московскій промоталъ 20 тысячъ душъ въ 6 мѣсяцевъ. Какъ ни великъ талантъ *Сверчка*, онъ его промотаетъ, если... Но да спасутъ его Музы и молитвы наши!»

И предчувствіе не обмануло Батюшкова: Музамъ пришлось спасать своего любимца отъ бѣды... Увлекаясь шумомъ и разсѣяньями свѣтской жизни, юноша-поэтъ, въ тоже время чаще и охотнѣе вращался въ кругу тѣхъ недовольныхъ современною русской дѣйствительностью, о которыхъ мы упоминали выше (въ біографіи Батюшкова), нежели въ кружкѣ Карамзина, Жуковскаго и другихъ немногихъ, съумѣвшихъ выработать себѣ болѣе спокойный взглядъ на современность и стать въ сторонѣ отъ движенія, совершавшагося

[1]) *Пыпинъ*. Общ. движ. при Александрѣ I, 462. [2]) Т. е. Василія Львовича и Алексѣя Михайловича *Пушкиныхъ*.

въ обществѣ. Не привыкнувъ еще ни къ какой осторожности, не умѣя во-время умѣрять порывы своей сатирической музы, 20-тилѣтній Пушкинъ велъ себя на столько безразсудно, такъ открыто и рѣзко позволялъ себѣ высказываться противъ всего, возбуждавшаго его неудовольствіе, что надъ головою его собралась грозная туча.... Только усердное ходатайство Карамзина, въ пору извѣщеннаго Чаадаевымъ (однимъ изъ друзей Пушкина), объ опасности, грозившей поэту, способно было отклонить грозу... Пушкинъ (котораго предполагалось отправить въ Соловки), былъ высланъ изъ столицы и переведенъ изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ на службу въ Канцелярію Главнаго попечителя Колонистовъ Южнаго Края; въ началѣ Мая 1820 г. Пушкинъ уже былъ на пути въ Екатеринославль.

Едва ли можно вполнѣ согласиться съ біографомъ Пушкина, который говоритъ, что «въ промежутокъ времени съ 1820 по 1826 годъ, проведенный поэтомъ сперва въ Кишиневѣ, потомъ въ Одессѣ и наконецъ въ Псковской своей деревнѣ, онъ понялъ, какъ важность своего призванія, такъ и размѣры собственнаго таланта» [2]. Сколько намъ кажется, въ его пребываніи на Югѣ была другая сторона, которая, дѣйствительно, оказала нѣкоторое полезное вліяніе на развитіе его таланта: самая исключительность его положенія, какъ поэта-изгнанника, много способствовала его прославленію и сдѣлала самое имя Пушкина священнымъ среди всей современной молодежи, а его поэзію облекла особеннымъ обаяніемъ, которое придавало вѣсъ и значеніе каждому слову Пушкина. И это особое отношеніе къ современникамъ, при замѣчательномъ умѣ и геніальной скромности Пушкина, дѣйствительно много способствовало въ немъ развитію его душевныхъ силъ и поддержкѣ той особенной энергіи, которая всегда ослабѣвала въ Пушкинѣ, когда жизнь его принимала мирное и обыкновенное теченіе, среди простой, будничной обстановки, окружающей каждаго смертнаго.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которымъ собственно уединеніе могло бы принести какую нибудь существенную пользу... Напротивъ того, его пылкая, любящая, впечатлительная, горячая натура нуждалась въ обществѣ, нуждалась въ дружескомъ кружкѣ и даже въ томъ общественномъ мнѣніи, которое бы способно было до нѣкоторой степени воздержать его и отъ необузданныхъ страстныхъ порывовъ, и можетъ быть даже направить его дивную творческую силу по тому пути, котораго она такъ долго искала себѣ и такъ долго не находила. И дѣйствительно, мы видимъ, что вмѣстѣ съ удаленіемъ Пушкина на Югъ, и самая поэзія его на время отдѣлилась отъ той почвы, на которой она развивалась до 1820 года. Въ теченіе всего пребыванія своего на Югѣ (съ 1820—1824), Пушкинъ не проявляетъ той стороны своего таланта, которая составляетъ его главное достоинство и силу—онъ не является намъ въ это время поэтомъ народнымъ, и совершенно поддается вліянію Байрона, того могучаго поэтическаго генія, который въ то время увлекалъ за собою поэтовъ всей Европы. Вліяніе Байрона, отразившееся въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ», «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» и отчасти въ «Цыганахъ» Пушкина, объясняется до нѣкоторой степени тѣмъ положеніемъ изгнанника, которое переживалъ въ это время нашъ поэтъ, и которое его сильно тяготило. Вѣроятно, мрачное, безнадежное настроеніе поэзіи Байрона, такого же изгнанника-поэта, какимъ видѣлъ себя Пушкинъ на Югѣ Россіи, находило себѣ живой и сильный отголосокъ въ мрачно-настроенной душѣ его — и это настроеніе, въ значительной степени способствовало тому, чтобы и всѣ герои первыхъ поэмъ Пушкина явились совершенно отвлеченными, чисто-байроновскими, не связанными тѣсно ни съ какой національной или исторической почвой. Даже и «Евгеній Онѣгинъ», начатый Пушкинымъ на Югѣ, въ первыхъ главахъ своихъ еще носитъ на себѣ отпечатокъ того Байроновскаго типа, который одно время такъ нравился Пушкину и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ не удавался Пушкину, какъ поэту, обладавшему преимущественно способностью къ художественному, осязательному воспроизведенію дѣйствительной жизни. Эта вре-

[1]) См. статью о Чаадаевѣ, въ Іюльской книжкѣ В. Европы за 1871. [2]) *Анненковъ.* Матер. для біогр. Пушкина, I (стр. 69).

менная зависимость отъ Байрона кончается съ 1824 г. и не оставляетъ почти никакого слѣда на послѣдующей поэтической дѣятельности Пушкина, который, переселившись на Сѣверъ, и снова увидѣвъ себя на родинѣ, между своими, наконецъ выступилъ на свою настоящую дорогу, съ которой не сходилъ уже до конца жизни...

Во время своего пребыванія на Югѣ Россіи, Пушкинъ велъ жизнь кочевую, странническую. Вскорѣ послѣ пріѣзда своего въ Екатеринославль, Пушкинъ заболѣлъ жестокой лихорадкой и долго бы пришлось ему съ нею бороться, если бы счастливая случайность встрѣчи съ семействомъ генерала Раевскаго не доставила ему возможности побывать на кавказскихъ водахъ. Генералъ Раевскій принялъ юношу-поэта на свое попеченіе, а его сыновья и дочери, вмѣстѣ съ нимъ отправлявшіеся на Кавказъ, окружили Пушкина такими дружескими, родственными заботами, что время, проведенное имъ въ этой семьѣ, осталось для него навсегда однимъ изъ самыхъ пріятныхъ и дорогихъ воспоминаній юности. Пушкинъ отправился на Кавказъ черезъ землю войска Донскаго, а вернулся съ Кавказа черезъ Тамань и Керчь, причемъ объѣхалъ и часть Крыма, въ особенности южный берегъ его. Суровыя красоты кавказской природы навѣяли на Пушкина мысль о поэмѣ, связанной съ Кавказомъ и горцами, а классическія воспоминанія, неразрывно связанныя съ южнымъ берегомъ Крыма, породили цѣлый рядъ прелестныхъ антологическихъ стихотвореній (*Нереида*, *Дорида*, *Доридѣ*), въ которыхъ Пушкинъ хотя нѣсколько и подражалъ подобнымъ же произведеніямъ А. Шенье, но во многихъ мѣстахъ превосходилъ французскаго поэта смѣлостью и граціею своихъ образовъ. Конецъ 1820 года и начало 1821 — Пушкинъ провелъ въ переѣздахъ изъ Кишинева (куда онъ переселился вслѣдъ за начальникомъ своимъ генераломъ И. Н. Инзовымъ) въ Кіевскую губернію, гдѣ находилось имѣнье Раевскихъ, *Каменка*. Въ этомъ то имѣньѣ, въ средѣ дружественной поэту семьи, дописанъ былъ, въ февралѣ 1821 года, «Кавказскій плѣнникъ», посвященный одному изъ сыновей Раевскаго. Объ своей второй поэмѣ Пушкинъ писалъ Дельвигу: ....«кончилъ я новую поэму *Кавказскій плѣнникъ*, которую надѣюсь скоро вамъ прислать,—ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ, и будешь правъ. Еще я тебѣ скажу, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы, но что теперь ничего не пишу; я перевариваю воспоминанія и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не воспоминаніями?»

Поэмы, бродившія въ головѣ Пушкина, вскорѣ и вышли на свѣтъ Божій: то были *Бахчисарайскій фонтанъ* и *Братья-разбойники*, написанныя въ Кишиневѣ, гдѣ пестрая, совершенно-восточная жизнь смѣшаннаго полуевропейскаго и полуазіатскаго населенія была несомнѣнно способна настроить воображеніе поэта на особый ладъ, подъ который особенно хорошо подходили воспоминанія и впечатлѣнія, вывезенныя Пушкинымъ изъ его недавняго путешествія по Крыму. Жизнь поэта въ это время въ Кишиневѣ носила на себѣ тоже какой-то особый, странный, фантастическій отпечатокъ. Его письма, стихотворенія, написанныя имъ за это время и мѣстныя преданія, сохранившіяся о пребываніи Пушкина на Югѣ, согласно рисуютъ намъ періодъ кишиневской его жизни, какъ рядъ увлеченій, страстныхъ порывовъ, юношескихъ проказъ и шалостей, и чисто-русскаго, подъ часъ весьма широкаго удальства, которое добрый И. Н. Инзовъ нерѣдко вынужденъ былъ обуздывать домашними арестами. Впечатлѣнія кишиневской жизни и въ особенности отношенія къ одной загадочной иностранкѣ (итальянкѣ или гречанкѣ), были на столько сильны, что Пушкинъ привязался къ Кишиневу и въ послѣдующіе годы жизни много разъ возвращался къ кишиневскимъ воспоминаніямъ въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ. Отлучки Пушкина изъ Кишинева, очень частыя, также бывали иногда связаны съ чрезвычайно-оригинальными, поэтическими эпизодами его біографіи: такъ напримѣръ, мы знаемъ, что въ 1822 году, на пути къ Измаилу, Пушкинъ присталъ къ какому то цыганскому табору и нѣсколько времени провелъ среди «сыновъ степей», перекочевывая вмѣстѣ съ ними съ мѣста на мѣсто.

И все это, конечно, до нѣкоторой степени способствовало развитію его таланта, возрастанію его поэтической силы и поддержкѣ той постоянной внутренней работы поэта, которую

такъ вѣрно описалъ въ своемъ посланіи къ Чаадаеву (1821 г.):

Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить, въ объятіяхъ свободы,
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

И дѣйствительно, слѣдя внимательно, въ хронологическомъ порядкѣ за всѣмъ, что написалъ Пушкинъ въ Бессарабіи, мы не можемъ не замѣтить быстраго возрастанія его таланта, который начиналъ проявляться все сильнѣе, ярче и разнообразнѣе. Тамъ были написаны тѣ высокохудожественныя лирическія произведенія, въ которыхъ Пушкинъ является намъ уже мастеромъ и поэтомъ, достигшимъ полной зрѣлости: къ числу подобныхъ произведеній принадлежатъ конечно его: «*Муза*» (*Въ младенчествѣ она меня любила*), «*Къ Овидію*» и «*Наполеонъ*», писанныя въ теченіе 1821 года, и «*Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ*» (1822 г.), не имѣющая по характеру своему ничего общаго съ предъидущимъ періодомъ поэтической дѣятельности Пушкина. Здѣсь же, въ Бессарабіи, были набросаны первыя строфы *Евгенія Онѣгина*, котораго особенно ревностно сталъ писать Пушкинъ послѣ переселенія своего въ Одессу; туда онъ, въ іюлѣ 1823 года, переведенъ былъ на службу къ новому начальнику, графу М. С. Воронцову, которому генералъ И. Н. Инзовъ сдалъ должность новороссійскаго генералъ-губернатора. Пушкинъ былъ зачисленъ въ канцелярію генералъ-губернатора; но и переѣхавъ уже въ Одессу, еще разъ съѣздилъ онъ въ Кишиневъ повидаться съ тамошними своими пріятелями и проститься съ кишиневскими воспоминаніями. ...«Скоро оставляю благословенную Бессарабію»—пишетъ Пушкинъ къ Дельвигу;—«есть страны благословеннѣе. Праздный миръ не самое лучшее состояніе жизни.... самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ; но разнообразіе спасительно для души»... «Я оставилъ Молдавію и явился въ Европу» - пишетъ Пушкинъ лѣтомъ 1823 г. къ брату своему. «Рестораци и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей Богу, обновили мнѣ душу». При этомъ поэтъ замѣчаетъ, что, послѣ Кишинева, все еще не можетъ привыкнуть «*къ европейскому образу жизни*». И дѣйствительно, характеръ жизни въ тогдашней Одессѣ, ничуть не похожей на нынѣшнюю, долженъ былъ сильно поражать своимъ европеизмомъ послѣ того полу-восточнаго быта, къ которому поэтъ привыкъ въ Бессарабіи... Вѣроятно, этотъ европейскій образъ жизни и обходился поэту гораздо дороже, потому что съ перваго же шага въ Одессу начинаются въ письмахъ Пушкина къ брату жалобы на недостатокъ въ деньгахъ, и притомъ чрезвычайно своеобразныя: «Жить перомъ невозможно» [1],— такъ пишетъ Пушкинъ:—«ремеслу же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти, хотя и знаю законъ и четыре первыя правила»...

Главнымъ поэтическимъ трудомъ Пушкина въ Одессѣ былъ «Евгеній Онѣгинъ». Первая глава его, начатая еще весною въ Бессарабіи, была здѣсь окончена въ октябрѣ. Біографъ Пушкина замѣчаетъ, что «осенній мѣсяцъ тутъ имѣлъ свое значеніе. Извѣстно, что осень была временемъ особеннаго развитія творческой дѣятельности Пушкина. Осень приносила ему нравственное спокойствіе, равновѣсіе всѣхъ силъ, необыкновенную бодрость мысли. На сѣверѣ онъ радовался туманной и дождливой осени, и боялся сухой и свѣтлой, какъ предательницы, которая влечетъ къ прогулкамъ и разсѣянности. Южная осень, съ ея чистымъ небомъ и освѣжительно-теплымъ воздухомъ, заставляли его прибѣгать къ хитрости. Онъ вставалъ рано и, не покидая постели, писалъ нѣсколько часовъ безъ отдыха. Пріятели заставали его часто или въ задумчивости, или помирающаго со смѣха надъ строфами Евгенія Онѣгина. Такъ написаны были три главы этого романа»... [1]). Извѣщая Дельвига о Евгеніѣ Онѣгинѣ, Пушкинъ замѣчаетъ: «*Пишу теперь новую поэму, въ которой забалтываюсь до нельзя*». Но ему, по счастью, не пришлось продолжать этой *новой поэмы* въ Одессѣ... 8 іюля 1824 года, Пушкинъ былъ *уволенъ* отъ службы, а 11 іюля мѣстомъ жительства ему было назначено, въ Псковской губерніи, сельцо *Михайловское*, имѣніе его

[1]) Первыя произведенія Пушкина оплачивались дѣйствительно очень дурно: за *Кавказскаго плѣнника* получилъ онъ всего 500 рублей и *одинъ* печатный экземпл. поэмы! [1]) Анненковъ. Матерьялы, стр. 93.

матери. Причиною увольненія было, кажется то, что Пушкинъ, искренно любившій и уважавшій своего прежняго начальника, И. Н. Инзова, никакъ не могъ привыкнуть къ своему новому начальству и не ладилъ съ нимъ. Результатомъ этихъ непріятныхъ для него отношеній, была довольно извѣстная и очень ѣдкая эпиграмма его («Полу-милордъ, полу-невѣжа)... послѣ которой ему, конечно, трудно было оставаться на службѣ въ Одессѣ. И вотъ, въ началѣ осени 1824 года, Пушкинъ, прощаясь съ Югомъ Россіи, написалъ свое превосходное лирическое стихотвореніе — «къ Морю», въ которомъ вспомнилъ и о другомъ пѣвцѣ, также воспѣвшемъ море — о Байронѣ. Біографъ Пушкина совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ *прощается* съ Байрономъ, котораго вліяніе на Пушкина, начиная съ этого времени, замѣтно ослабѣваетъ. На прощанье, Пушкинъ «посвящаетъ ему дань удивленія, послѣднюю свою пѣсню. Другое направленіе, другое развитіе ожидали его въ Михайловскомъ».

Пушкинъ пріѣхалъ въ Михайловское встревоженный и мрачно - настроенный, вѣроятно потому, что продолжительное изгнаніе начинало сильнѣе прежняго тяготить его теперь, когда онъ видѣлъ себя такъ близко отъ столицы и все же не могъ воспользоваться этою близостью. Однакоже вскорѣ свиданіе съ родными, посѣщенія друзей, пріѣзжавшихъ навѣщать изгнанника-поэта въ его уединеніи, знакомство съ милыми сосѣдями, въ особенности съ семействомъ П. А. Осиповой, которое жило въ селѣ Тригорскомъ, въ двухъ верстахъ отъ Михайловскаго, и постоянный трудъ осенней поэтической дѣятельности—все это вмѣстѣ благопріятно подѣйствовало на поэта и прекрасно отразилось на его произведеніяхъ, принадлежащихъ этой эпохѣ.

Языковъ, въ двухъ своихъ произведеніяхъ, и вспоминаетъ подробно о Тригорскомъ, въ которомъ онъ провелъ цѣлое лѣто съ Пушкинымъ, и, бойко очерчивая личность Пушкина, живо передавая намъ впечатлѣніе своихъ тогдашнихъ отношеній къ поэту, отчасти знакомитъ насъ даже съ содержаніемъ ихъ бесѣдъ...

И часто вижу я во снѣ:
И *три горы* и домъ красивый,
И свѣтлой Сороти извивы
Златаго мѣсяца въ огнѣ,
И тамъ, у берега, *тѣнь ивы*,
Пріютъ прохлады, въ лѣтній зной
Наяды пологъ продувной;
И тѣ отлогости, тѣ нивы,
Изъ за которыхъ въ далекѣ,
На ворономъ аргамакѣ,
Заморской шляпою покрытый
Спѣша въ Тригорское, одинъ
Вольтеръ и Гете, и Расинъ —
Являлся Пушкинъ знаменитый,
И ту *площадку*, гдѣ въ тѣни,
Насъ нѣжила, насъ веселила
Вина чарующая сила,
Осёлокъ сердца и души,
И все божественное лѣто,
Которое изъ рода въ родъ,
Какъ драгоцѣнность, перейдетъ:
Зане Языковымъ воспѣто!.. [1])

* * *

Огнемъ стиховъ ознаменую
Тѣ достохвальные края,
Гдѣ и когда мы — ты да я —
Два сына Руси православной,
Постановили своенравно
Нашъ поэтическій союзъ.
Пророкъ изящнаго! Забуду-ль,
Какъ волновалася во мнѣ,
На самой сердца глубинѣ,
Восторговъ пламенная удаль,
Когда могущественный ромъ
Съ плодами сладостной Мессины,
Съ немного сахаромъ, съ виномъ,
Переработанный огнемъ,
Лился въ бокалы-исполины;
Какъ мы, бывало, пьемъ да пьемъ —
Творимъ обѣты нашей Гебѣ,
Зовемъ свободу въ нашу Русь —
И я на вѣчѣ, я на небѣ!
И славой прадѣдовъ горжусь!
Мнѣ утѣшительно доселѣ,
Мнѣ весело воспоминать,
Сію поэзію во хмѣлѣ,
Ума и сердца благодать —
Теперь, когда Парнасса воды
Хвостовы черпаютъ на оды... [2])

---

[1]) Курсивомъ напечатаны названія мѣстностей Тригорскаго, особенно любимыхъ Пушкинымъ.
[2]) На это отвѣтомъ было извѣстное посланіе Пушкина къ Языкову: *Языковъ, кто тебѣ внушилъ и т. д.*

Въ Михайловскомъ были написаны Пушкинымъ IV, V, и VI главы «Евгенія Онѣгина», и окончательно отдѣлана для печати поэма *Цыганы*, написанная гораздо ранѣе; **здѣсь же** начатъ и конченъ былъ *Борисъ Годуновъ*, составляющій эпоху въ исторіи **развитія** поэтической дѣятельности Пушкина. **Сверхъ** всего этого запасъ поэтическаго **матерьяла**, который былъ постоянно и **тщательно** собираемъ Пушкинымъ, обогатился множествомъ такихъ образовъ, которые мы потомъ встрѣчаемъ въ основѣ замѣчательнѣйшихъ его произведеній. Вообще говоря, по богатству поэтической производительности, съ этимъ пребываніемъ поэта въ Михайловскомъ можетъ сравниться только періодъ его пребыванія въ Болдинѣ (въ 1831 году). Особенное вліяніе на поэта оказывала въ это время та простая народная почва, съ которой онъ впервые успѣлъ сойтись такъ близко, лицомъ къ лицу, и за изученіе которой онъ принялся съ особеннымъ, весьма понятнымъ жаромъ. Изученіе это было для него въ значительной степени облегчаемо его нянею, Ариной Родіоновной, которая жила съ нимъ въ Михайловскомъ и которой онъ, въ своихъ поэтическихъ воспоминаніяхъ объ этой порѣ своей жизни, посвятилъ столько теплыхъ задушевныхъ строкъ. Біографъ Пушкина замѣчаетъ, что няня Пушкина была «посредницей въ его сношеніяхъ съ Русскимъ сказочнымъ міромъ, руководительницей его въ узнаніи повѣрьевъ, обычаевъ и самыхъ пріемовъ, съ какими народъ подходитъ къ вымыслу и поэзіи». Всѣ сказки, напечатанныя Пушкинымъ при жизни, начиная отъ сказки «о Царѣ Салтанѣ» и до сказки «о Рыбакѣ и рыбкѣ», и всѣ простонародные разсказы, [1]) отысканные послѣ смерти Пушкина въ его бумагахъ, выходили несомнѣнно изъ одного общаго источника — изъ расказовъ Арины Родіоновны, которые Пушкинъ записалъ въ своихъ черновыхъ тетрадяхъ. Осенью 1824 года самъ Пушкинъ писалъ къ брату своему изъ деревни: «знаешь-ли мои занятія? До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, *вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія* [2]). Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма». Впрочемъ, мало по малу, собираніе памятниковъ народной словесности, наблюденіе и тонкое, глубокое изученіе народной рѣчи сдѣлались для Пушкина одною изъ живѣйшихъ потребностей, однимъ изъ любимѣйшихъ занятій. Впослѣдствіи Пушкинъ какъ извѣстно, уже недовольствовался тѣмъ, что могъ услышать отъ своей няни, а самъ вступалъ въ ближайшія сношенія съ народомъ и явился ревностнымъ собирателемъ сокровищъ народной поэзіи: многіе достовѣрные свидѣтели утверждаютъ что Пушкина не разъ видали въ Псковѣ передѣтымъ въ мѣщанскій костюмъ, въ толпѣ народа, на базарахъ... Неудивительно, что около 1830 года Пушкинъ уже имѣлъ возможность доставить извѣстному нашему собирателю народныхъ русскихъ пѣсенъ, П. В. Кирѣевскому, «замѣчательную тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи».

Но это тщательное изученіе народности, плодомъ котораго явилось впослѣдствіи столько превосходныхъ произведеній Пушкина, было далеко не исключительнымъ занятіемъ поэта во время его пребыванія въ Михайловскомъ (въ 1824 - 1826 гг.)—онъ чрезвычайно много и постоянно работалъ и въ это время, какъ въ предшествовавшіе годы, надъ своимъ образованіемъ, тщательно слѣдя за всѣми новѣйшими явленіями въ области иностранной и русской литературы. Еще на Югѣ успѣлъ онъ выучиться итальянскому и англійскому языку, и съ особенною страстью принялся собирать книги, изъ которыхъ впослѣдствіи образовалась его великолѣпная библіотека; этимъ собираніемъ книгъ онъ еще ревностнѣе занимался въ Михайловскомъ; часто, зарываясь въ книгахъ, онъ испещрялъ ихъ бѣглыми замѣтками своими, и въ тоже время пополнялъ свои тетради множествомъ выписокъ, свидѣтельствующихъ о его замѣчательной, обширной и разнообразной начитанности. Болѣе всего занимали Пушкина въ это время вопросы литературные, выражавшіеся въ современной ему журналистикѣ нескончаемымъ споромъ о значеніи романтизма и его отношенія къ классицизму; резуль-

[1]) Напр. «пѣсня о медвѣдицѣ» или: «Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ»... [2]) Поэтъ намекаетъ здѣсь на его французскій характеръ.

татомъ его сочувствія этому спору и частыхъ размышленій о сущности романтизма было конечно то подробное и близкое знакомство съ Шекспиромъ, которое окончательно освободило Пушкина отъ всякой возможности вліянія со стороны Байрона.

Другою существенною стороною занятій Пушкина, около этого же времени, являлось изученіе памятниковъ историческихъ, касавшихся собственно исторіи Смутнаго времени, которымъ онъ сильно увлекался, какъ поэтъ, видѣвшій въ этой эпохѣ много красокъ, жизни и движенія. И вотъ, убѣдившись, съ одной стороны, что «нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировской, а не свѣтскій обычай трагедій Расина», а съ другой стороны, болѣе и болѣе увлекаясь драматизмомъ такой эпохи, какъ Смутное время, Пушкинъ создалъ, въ 1825 г. любимѣйшее изъ произведеній своихъ—«*Бориса Годунова*». Объ этой драматической хроникѣ писалъ онъ самъ, вскорѣ послѣ того, какъ ее окончилъ:... «хотя я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ моихъ сочиненій, но, признаюсь, неудача *Бориса Годунова* будетъ мнѣ чувствительна... Какъ Монтань, я могу сказать о моемъ сочиненіи: «*c'est une oeuvre de bonne foi*». Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ—одобреніе малаго числа избранныхъ... мнѣніемъ которыхъ дорожу». И дѣйствительно, Пушкинъ писалъ *Бориса Годунова*, по его собственному выраженію, «оставшись въ деревнѣ одинъ съ няней своей и трагедіей»; и писалъ онъ ее, создавая такъ быстро, такъ цѣльно, какъ еще не приходилось ему ничего создавать до этого времени. Самъ Пушкинъ указываетъ на это въ одномъ изъ своихъ писемъ:... «я пишу и вмѣстѣ думаю. Большая часть сценъ требовала только обсужденія. Когда приходилъ я къ сценѣ, требовавшей уже вдохновенія, я или пережидалъ, или просто пере-

Домикъ Пушкина въ сельцѣ Михайловскомъ.

скакивалъ черезъ нее. Этотъ способъ работать *для меня совершенно новъ. Я знаю, что силы мои развились совершенно и чувствую, что могу творить...»*

Въ какой степени силы Пушкина въ это время развились, видимъ мы изъ другаго письма его, въ которомъ Пушкинъ объясняетъ, какъ былъ написанъ «графъ Нулинъ».

«Въ концѣ 1825 г., находился я въ деревнѣ»—пишетъ онъ—«и, перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: чтó, еслибъ Лукреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію?... Мысль, пародировать исторію и Шекспира, мнѣ представилась; я не могъ воспротивиться двойному искушенію и *въ два утра написалъ эту повѣсть* (т. е. «*Графа Нулина*»).

Отличительною чертою этого періода полной зрѣлости таланта Пушкина, является тотъ поворотъ на дорогу реальнаго, живаго и естественнаго изображенія характеровъ и явленій жизни, который составляетъ важнѣйшую заслугу Пушкина, хотя и приведенъ былъ окончательно въ исполненіе нѣсколько позже другимъ писателемъ-художникомъ—Гоголемъ. Еще до переселенія своего въ Михайловское, собираясь издавать въ свѣтъ своихъ «Братьевъ-Разбойниковъ», Пушкинъ писалъ къ одному изъ друзей своихъ объ этомъ произведеніи: «Если звуки *харчевня, острогъ*... не испугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ, то напечатай его. Впрочемъ, чего бояться читательницъ? Ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской землѣ, да и жалѣть не о чемъ»... Простота его романа «Евгеній Онѣгинъ», шутливый, веселый и легкій тонъ его, всѣхъ поразили свою новостью и необычайностью въ поэтическомъ произведеніи; даже и между друзьями Пушкина находились люди, осуждавшіе его за это и почитавшіе подобный тонъ неумѣстнымъ. Пушкинъ защищалъ свой романъ во многихъ письмахъ къ друзьямъ. «Мнѣ пишутъ много объ Онѣгинѣ»—сообщаетъ онъ одному изъ своихъ друзей—«скажи имъ, что они не правы. Ужели хотятъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи?.. Это немного строго. *Картина свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи..»*

Правильно и просто относясь къ дѣйствительности, Пушкинъ на томъ же основаніи замѣчалъ, что писатель заблуждается, если, «придумавъ какой нибудь характеръ, старается высказать его и въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ»,... «если заставляетъ злодѣя говорить: *дайте мнѣ пить*, какъ злодѣя»... Ему была противна всякая напыщенность, всякій «придуманный лаконизмъ и безпрерывная ярость», потому что все это было «далеко отъ природы». И, первый изъ русскихъ писателей, Пушкинъ рѣшился положить строгое изученіе историческаго матерьяла, какъ изученіе дѣйствительности, въ основу одного изъ лучшихъ своихъ произведеній. Онъ самъ говорилъ объ этомъ съ особеннымъ удовольствіемъ и сознаніемъ своего достоинства «Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей, дало мнѣ мысль оживить въ драматическихъ формахъ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Шекспиру подражалъ я въ вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтскомъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ *старался угадить образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени*»..

Особенно ясно выразилось сочувствіе Пушкина къ этому новому, реальному направленію поэтическаго творчества, въ его письмѣ къ издателямъ «Русскаго Инвалида», писанномъ тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ «Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки»:... «Сейчасъ прочелъ *Вечера близь Диканьки.* Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, не принужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами, какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился... Ради Бога возьмите сторону (автора), если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на *неприличіе* его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять *les précieuses ridicules* нашей словесности, людей толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ небывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Третьяковскаго».

Въ то время, когда Пушкинъ докончилъ своего «Бориса Годунова» и успѣлъ уже выдать въ свѣтъ начало «Евгенія Онѣгина», возбудившаго столько разнорѣчивыхъ толковъ; въ то время, когда онъ находился на верху возможной литературной славы,—не-

ожиданно для него наступилъ конецъ его долгаго изгнанія. Вотъ, что расказываетъ намъ объ этомъ событіи одна изъ обитательницъ Тригорскаго:

«1-го или 2-го Сентября, 1826 года Пушкинъ былъ у насъ (въ Тригорскомъ); погода стояла прекрасная, мы долго гуляли; Пушкинъ былъ особенно веселъ. Часу въ 11-мъ вечера, сестры и я проводили Александра Сергѣевича по дорогѣ въ Михайловское... Вдругъ, рано, на разсвѣтѣ, является къ намъ Арина Родіоновна — няня Пушкина... Это была старушка чрезвычайно почтенная, — лицомъ полная, вся сѣдая, страстно любившая своего питомца. Бывала она у насъ въ Тригорскомъ часто;.. на этотъ разъ она прибѣжала вся запыхавшись; сѣдые волосы ея безпорядочными космами спадали на лице и плечи; бѣдная няня плакала на взрыдъ... Изъ разспросовъ оказалось, что вчера вечеромъ, незадолго до прихода Александра Сергѣевича, въ Михайловское прискакалъ какой-то не то офицеръ, не то солдатъ (впослѣдствіи оказалось фельдъегерь)... Онъ объявилъ Пушкину повелѣніе немедленно ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Москву. Пушкинъ успѣлъ только взять деньги, накинуть шинель и черезъ полчаса его уже не было».

«Я полагаю, милостивая государыня»,—писалъ тотчасъ послѣ этого Пушкинъ къ П. А Осиповой съ дороги—«что мой быстрый отъѣздъ съ фельдьегеремъ удивилъ всѣхъ васъ столько же, сколько и меня. Дѣло въ томъ, что безъ фельдьегеря ничего не дѣлается; мнѣ дали его для безопасности. Впрочемъ, послѣ весьма любезнаго письма ко мнѣ отъ барона Дибича, мнѣ остается только гордиться. Ѣду прямо въ Москву, гдѣ надѣюсь быть 8-го числа сего мѣсяца, и лишь только буду свободенъ, возвращусь какъ можно скорѣе въ Тригорское, къ которому отнынѣ и всегда привязано мое сердце».

Привезенный съ фельдъегеремъ въ Москву, Пушкинъ былъ немедленно представленъ Императору Николаю I, объяснился съ нимъ искренно, и получилъ разрѣшеніе на пребываніе въ Москвѣ (а подъ конецъ зимы — другое, на въѣздъ въ Петербургъ). Императоръ замѣтилъ ему, что онъ самъ «берется быть цензоромъ его сочиненій». Сохранилось преданіе, что въ тотъ же вечеръ, увидавъ на балу графа Д. Н. Блудова, Императоръ подозвалъ его къ себѣ и сказалъ ему: «Сегодня я говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи»...

Зиму 1826—1827 года, Пушкинъ провелъ въ Москвѣ; весною потомъ побывалъ въ Петербургѣ, и уѣхалъ на лѣто въ Михайловское.

Отсюда, лѣтомъ 1827 г., онъ уже снова писалъ П. А. Осиповой: «Нелѣпость и глупость обѣихъ нашихъ столицъ равносильна, хотя и различна, и такъ какъ я стараюсь быть безпристрастнымъ, то если бы мнѣ предоставленъ былъ выборъ между обоими городами, я избралъ бы Тригорское, подобно Арлекину, который, на вопросъ: что онъ предпочитаетъ — «быть колесованнымъ или повѣшеннымъ?» отвѣчалъ: «я предпочитаю молочный супъ».

Не смотря на это, зима 1827—1828 была опять проведена въ переѣздахъ изъ столицы въ столицу, среди шума и развлеченій большаго свѣта, которые снова привлекли Пушкина и даже сильно занимали его въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ его жизни, менѣе всего важныхъ въ его литературной дѣятельности.

Въ Январѣ 1828, онъ снова пишетъ въ Тригорское: «Для меня шумъ и суета петербургской жизни дѣлаются все болѣе и болѣе несносными, и я съ трудомъ ихъ переношу. Я предпочитаю вашъ прекрасный садъ и прелестный берегъ Сороти; вы видите, милостивая государыня, что настроеніе мое еще поэтично, не смотря на гадкую прозу моей настоящей жизни...

Въ теченіе этого времени, Пушкинъ возобновилъ свои старыя связи съ большимъ свѣтомъ и завелъ много новыхъ, болѣе и болѣе отвлекавшихъ его отъ той скромной и одинокой, но зато и независимой доли, которою судьба надѣлила его въ ранней юности, и которой онъ былъ несомнѣнно обязанъ могучимъ развитіемъ своего генія. Эти новыя связи часто оказывали даже и несомнѣнно вредное вліяніе на поэтическую дѣятельность Пушкина, вынуждая его заниматься такими вопросами, къ разрѣшенію которыхъ онъ вовсе былъ не подготовленъ, не чувствовалъ въ себѣ влеченія, и, вѣроятнѣе всего, не имѣлъ даже способности. Достаточно будетъ здѣсь припомнить, напримѣръ, то обстоятельство, что, по пріѣздѣ въ Москву, въ 1826 году, Пушкинъ ни съ того, ни съ другаго, по порученію высшаго начальства, прини-

мается за составленіе какого-то разсужденія *«о воспитаніи юношества»*. Само собою разумѣется, что разсужденіе вышло очень слабое, а главное, что оно оказалось совершенно несоотвѣтствующимъ тому, чего отъ разработки этой тэмы ожидало высшее начальство. Пушкинъ въ своемъ разсужденіи рѣшился поддерживать, что *«просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству»*, а начальство поставило ему на видъ, что «это есть правило невѣрное; ибо присемъ упущены изъ виду нравственныя качества и, наконецъ, примѣрное служеніе, усердіе, которыя должно предпочесть просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному» [1]). Пушкину пришлось, конечно, извиниться неопытностью въ дѣлѣ сужденія о предметѣ, «который дотолѣ никогда не занималъ его мыслей, и просить позволенія заняться чѣмъ либо болѣе ему близкимъ и извѣстнымъ». Этотъ фактъ чрезвычайно важенъ въ біографическомъ отношеніи, и служитъ прямымъ указаніемъ на то, что уже съ 1826 года начались въ сознаніи и убѣжденіяхъ Пушкина тѣ колебанія, которыя, подъ вліяніемъ различныхъ дружескихъ увѣщаній и родственныхъ совѣтовъ, черезъ три или четыре года потомъ, привели Пушкина сначала къ совершенному разладу съ самимъ собою, а тамъ къ полному разочарованію въ своихъ силахъ и значеніи... Не менѣе важенъ для біографа и тотъ фактъ, что наступившій съ 1826 года, почти двухъ-лѣтній періодъ ослабленія творческой силы Пушкина, ознаменовался для него поворотомъ къ прозѣ: лѣтомъ и осенью 1827 года, живучи въ деревнѣ, Пушкинъ написалъ бо́льшую часть первой своей исторической повѣсти (*Арапъ Петра Великаго*). Однако же поэтическую, широкую и бурную натуру Пушкина еще не легко было тогда уложить въ тѣ узкія рамки, которыя казались обязательными для большей части окружавшихъ его современниковъ. Страсти играли въ немъ сильно, и часто, въ неудержимомъ своемъ порывѣ, разрушали всѣ преграды, полагаемыя имъ благоразуміемъ самого Пушкина, его друзей и доброжелателей. Вотъ почему, въ теченіе этого двухъ-лѣтняго безплоднаго въ поэтическомъ отношеніи періода, проведеннаго среди шумныхъ развлеченій столичной жизни, внимательный біографъ не можетъ не замѣтить въ Пушкинѣ сильной внутренней борьбы, ознаменовавшейся въ его частной жизни самыми странными противуположностями, а въ его лирикѣ — непримиримыми противурѣчіями. Какъ часто переходилъ онъ въ это время отъ шумныхъ развлеченій своихъ и посѣщенія модныхъ салоновъ, къ самымъ горкимъ упрекамъ себѣ самому и всю желчь своего презрѣнія, изливалъ въ стихотвореніяхъ, превосходно изображавшихъ ничтожество и суетность шумѣвшей около него толпы; какъ часто предавался онъ самому необузданному разгулу и непростительнымъ увлеченіямъ карточной игрою, поглощавшей большую часть весьма значительныхъ средствъ, доставляемыхъ ему литературою; какъ часто и тревожно мѣнялъ въ это время тонъ своей лирики, переходя отъ благонамѣренныхъ «стансовъ» къ воспоминаніямъ о своихъ лицейскихъ товарищахъ, томившихся въ «краю чужомъ» и «въ мрачныхъ пропастяхъ земли;» какъ часто старался увѣрить себя въ томъ, что онъ не измѣнился отъ времени и лѣтъ, твердилъ себѣ:

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я...

и потомъ вдругъ принимался клясть жизнь, какъ «даръ напрасный и случайный.» Тревожное состояніе духа, овладѣвшее Пушкинымъ въ это время и оставившее глубокіе слѣды въ его лирикѣ, особенно конца 1828 года, выражалось еще и тѣмъ, что онъ какъ будто нигдѣ мѣста себѣ найти не могъ; странныя мысли приходили ему въ голову... При началѣ турецкой войны, онъ вдругъ заявляетъ желаніе участвовать въ открывшейся кампаніи — и, разумѣется, получаетъ отказъ. Послѣ этого страннаго заявленія, Пушкинъ по обыкновенію уѣзжаетъ на лѣто въ Михайловское, и здѣсь проводитъ нѣсколько очень скорбныхъ мѣсяцевъ.... Къ этому времени относится между прочимъ его превосходная лирическая пьеса: «Воспоминаніе», которая заканчивается въ его тетрадяхъ слѣдующими ненапечатанными при жизни поэта знаменательными стихами:

---

[1]) См. Анненковъ: Матерьялы для біографа Пушкина. I, стр. 174—5.

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ странахъ.
Мои утраченные годы!
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды.
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ — и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя — два данные судьбой
Мнѣ ангела, во дни былые.
И оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,
И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба! [1])

Эта пьеса, написанная въ Маѣ 1828 г. важна для біографа какъ выраженіе первой мысли поэта о смерти, впослѣдствіи нерѣдко появляющейся въ стихотвореніяхъ Пушкина. Но въ это время смерть была еще далека, и жизненыхъ силъ въ поэтѣ было такъ много, что онъ способенъ былъ забыть скорбное бездѣйствіе и сокрушенія свои въ пылу порыва нахлынувшей на него лихорадочной поэтической дѣятельности. Противъ всѣхъ своихъ обычаевъ, въ началѣ осени 1828, онъ вдругъ покидаетъ деревню, является въ Петербургъ, принимается здѣсь писать новую поэму свою, «*Полтаву*», и въ теченіе одного октября мѣсяца, онъ оканчиваетъ ее, не выѣзжая изъ города. Сильное поэтическое вдохновеніе, овладѣвшее имъ въ это время, не покидаетъ его въ теченіе всей осени 1828 года, и до нѣкоторой степени дѣйствуетъ благотворно на его примиреніи съ самимъ собою. Тотчасъ по окончаніи Полтавы, Пушкинъ уѣзжаетъ въ деревню [2]) и здѣсь продолжаетъ *Евгенія Онѣгина*, пишетъ нѣсколько легкихъ лирическихъ пьесъ, и забрасываетъ Дельвига шутливыми письмами, въ которыхъ мило смѣется надъ своею литературною знаменитостью.

«Здѣсь мнѣ очень весело» — пишетъ Пушкинъ Дельвигу — «незнаю, долго ли останусь въ здѣшнемъ краю... Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито — скажи это графу Хвостову. П. М. здѣсь повеселѣлъ и уморительно милъ. На дняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятишки, хотѣли непремѣнно туда же ѣхать. Мать принесла имъ изюму и черносливу, и думала тихонько отъ нихъ убраться. П. М. ихъ взбудоражилъ. Онъ къ нимъ прибѣжалъ: дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ; не ѣшьте черносливу, поѣзжайте съ нею. Тамъ будетъ Пушкинъ — онъ весь сахарный... его разрѣжутъ и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку. Дѣти разревѣлись: не хотимъ чернослива, хотимъ Пушкина. Нечего дѣлать, ихъ повезли, и онѣ сбѣжались ко мнѣ, облизываясь; но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожанный, — совсѣмъ опѣшили»...

«Здѣсь думаютъ» — пишетъ Пушкинъ въ другомъ письмѣ — «что я пріѣхалъ набирать строфы въ «Онѣгина» и стращаютъ мною, какъ букою. А я ѣзжу на паромѣ и играю въ вистъ по восьми гривенъ роберъ...»

Къ новому 1829 году, Пушкинъ снова является въ Петербургѣ, но имъ опять овладѣваетъ то мрачное и тревожное состояніе духа, которое всегда выражалось у него непосѣдливостью и жаждою физической дѣятельности. Онъ начинаетъ думать объ изданіи *Бориса Годунова*, но уже въ мартѣ бросаетъ все, и быстро, неожиданно покидаетъ Петербургъ, а 15 мая является уже въ Георгіевскѣ, гдѣ и принимается за тѣ дорожныя записки свои, которыя гораздо позже стали извѣстны подъ заглавіемъ: *Путешествія въ Арзрумъ во время похода 1829 года.* Впечатлѣнія, вынесенныя изъ этого похода и его поѣздки на Кавказъ отразились и въ цѣломъ рядѣ мелкихъ его стихотвореній 1829 года, которыя опять къ концу года начинаютъ принимать мрачный, тоскливый оттѣнокъ; въ нихъ встрѣчается снова даже и мысль о возможности близкой кончины (напр. въ стихотвореніи «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ). Въ началѣ 1830 года, въ московскомъ обществѣ разнеслась вѣсть о той важ-

[1]) Строки эти очевидно потому не были напечатаны поэтомъ, что заключаютъ въ себѣ слишкомъ ясные біографическіе намеки; а Пушкинъ никогда не любилъ и недопускалъ подобныхъ намековъ въ свою поэтическую дѣятельность. [2]) Въ деревню *Маленники*, Тверской губ., принадлежавшую владѣльцамъ *Тригорскаго*, сосѣдямъ Пушкина по Михайловскому.

ной перемѣнѣ жизни, которая наступила для Пушкина. Вѣсть эта побудила одного изъ почитателей Пушкина обратиться къ нему съ анонимнымъ стихотвореніемъ, слѣдующаго содержанія:

Олимпа дѣвы встрепенулись!
Сердца ихъ въ горести сомкнулись
И гулъ ихъ вопли повторилъ:
«Поэтъ высокій, знаменитый
Взглянулъ на свѣтлыя ланиты —
И дѣвѣ сердце покорилъ.
Не будетъ больше вдохновеній!
Не будетъ умственныхъ пареній!
Прошли свободные часы и т. д.

Пушкинъ отвѣчалъ на это извѣстнымъ стихотвореніемъ, *«О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье»*—и въ этомъ стихотвореніи подтвердилъ слухи о томъ, что онъ «возраждается къ блаженству»... Дѣйствительно, въ это время онъ былъ уже помолвленъ съ *Натальей Николаевной Гончаровой* и готовился къ женитьбѣ, къ тихимъ радостямъ семейной жизни, которыхъ желалъ и ожидалъ съ нетерпѣніемъ, послѣ своей бурной и тревожной молодости...

Въ концѣ лѣта 1830 года, мы уже застаемъ Пушкина на пути въ Нижегородскую губернію; онъ отправлялся туда для устройства своихъ дѣлъ передъ женитьбою; тамъ долженъ онъ былъ вступить во владѣніе села *Болдина*, нижегородскаго родоваго имѣнья, предоставленнаго ему отцемъ. Любопытны нѣкоторыя подробности, сообщаемыя Пушкинымъ объ этой поѣздкѣ въ его «Запискахъ»:

...«На дорогѣ (въ Нижегородское имѣнье) встрѣтилъ я Макарьевскую ярмарку, прогнанную холерой. Бѣдная ярмарка! Она бѣжала, разбросавъ въ половину свои товары, не успѣвъ пересчитать свои барыши. Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ; я поѣхалъ далѣе, какъ можетъ быть, случилось вамъ ѣхать на поединокъ, съ досадой и большой неохотой...»

«Едва успѣлъ я пріѣхать (въ Болдино), какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантины. Я занялся моими дѣлами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ѣздя по сосѣдямъ. Между тѣмъ, начинаю думать о возвращеніи и безпокоиться о карантинѣ. Вдругъ (2-го Октября) получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ... Я тотчасъ собрался въ дорогу и поскакалъ. Проѣхавъ 20 верстъ, ямщикъ мой останавливается: застава! Нѣсколько мужичковъ съ дубинами охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ распрашивать ихъ, и доказывалъ имъ, что вѣроятно гдѣ нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня, такъ завтра на него наѣду, и въ доказательство предложилъ имъ серебряный рубль. Мужики со мною согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта»...

Но прорваться въ Москву Пушкину неудалось, и онъ снова долженъ былъ вернуться въ Болдино, гдѣ оставался еще почти три мѣсяца, и въ этомъ вынужденномъ уединеніи, среди тревожныхъ ожиданій заразы и еще болѣе тревожныхъ порывовъ къ достиженію близкаго счастія, Пушкинъ выказалъ еще разъ такую громадную творческую силу, что самъ удивлялся своей производительности. Вотъ что писалъ онъ около этого времени къ друзьямъ своимъ:

«Посылаю тебѣ, баронъ» — такъ писалъ онъ къ Дельвигу изъ Болдина — «вассальскую мою подать, именуемую цвѣточною, по той причинѣ, что платится она въ Ноябрѣ, въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣторидна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ Сарацинскаго падежа, холерой именуемаго и занесеннаго къ намъ крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то въ замкѣ твоемъ, «Литературной Газетѣ» [1]), пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ круглый годъ. Я, душа моя, написалъ пропасть полемическихъ статей, но не получалъ журналовъ, отсталъ отъ вѣка, и не знаю въ чемъ дѣло»... «Живу въ деревнѣ, какъ въ островѣ, окруженный карантинами. Жду погоды, чтобы жениться и добраться до Петербурга: но объ этомъ не смѣю еще подумать».

...«Скажу тебѣ за тайну», — пишетъ нѣсколько позже Пушкинъ, къ другому своему другу — «что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда (т. е. въ Москву): *двѣ послѣднія главы*

[1]) Дельвигъ началъ съ 1830 г. издавать *«Литературную Газету»*.

Онѣгина, совсѣмъ готовыя для печати; повѣсть, писанную октавами (Домикъ въ Коломнѣ); нѣсколько драматическихъ сценъ: Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ-Жуанъ. Сверхъ того я написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ я прозою (весьма секретное!)—пять повѣстей (повѣсти Бѣлкина) [1].» Не смотря однако же на эту усиленную дѣятельность, душевное настроеніе поэта оставалось все же не слишкомъ свѣтлымъ, и будущее не представлялось ему въ радужномъ свѣтѣ. Въ отвѣтъ на присланныя ему изъ Тригорскаго поздравленія и пожеланія, онъ писалъ:

«Сочувствовать счастію можетъ только очень безкорыстная и благородная душа; но счастіе... это большое *можетъ быть*, какъ говорилъ *Rabelais* о раѣ или о вѣчности. Я— атеистъ относительно счастія, я не вѣрю въ него, и только подлѣ моихъ добрыхъ и старинныхъ друзей начинаю колебаться въ моемъ безвѣріи».

Вскорѣ послѣ этого усиленнаго прилива творческой силы Пушкина, которымъ ознаменовалось пребываніе его въ Болдинѣ, поэтъ былъ въ Москвѣ обвѣнчанъ съ Н. Н. Гончаровой (18-го Февраля 1831 г.) и до весны оставался въ Москвѣ съ молодою женой. Лѣто 1831 года Пушкинъ провелъ въ Царскомъ Селѣ, въ близкихъ сношеніяхъ съ Жуковскимъ, съ которымъ вступилъ даже въ нѣкотораго рода поэтическое состязаніе, конечно весьма невыгодное для Жуковскаго. И Жуковскій, и Пушкинъ въ это время обратились къ поэтической обработкѣ русскихъ сказочныхъ сюжетовъ, а потомъ вмѣстѣ издали книжечку патріотическихъ стихотвореній, подъ названіемъ: «На взятіе Варшавы». Тутъ напечатано было стихотвореніе Жуковскаго «*Русская Слава*» и два стихотворенія Пушкина: «*Клеветникамъ Россіи* и *Бородинская годовщина*». Біографъ его замѣчаетъ по этому случаю, что «въ виду смущенной Европы и укрощенія польскаго мятежа въ предѣлахъ самой Имперіи, Пушкинъ возвысилъ патріотическій голосъ, исполненный энергіи; съ Державина Россія не слыхала столь мощныхъ звуковъ»... [2]) Мы готовы съ нимъ согласиться въ томъ, что онъ говоритъ относительно блестящей внѣшности этихъ обѣихъ произведеній Пушкина; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что въ нихъ совершенно нѣтъ ни того теплаго чувства, ни той искренности, которыя одни только и способны придать значеніе всякому патріотическому стихотворенію.

Вскорѣ послѣ того, вѣроятно не безъ участія со стороны Жуковскаго, Пушкинъ былъ снова зачисленъ на службу въ вѣдомство Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ особенною Высочайшею милостью — жалованьемъ по 5,000 р. въ годъ. «Эта милость» — замѣчаетъ біографъ Пушкина— «была предтечей многочисленныхъ щедротъ и благодѣяній, излившихся потомъ, какъ на самаго поэта, такъ и на все семейство его» [3]).

Зимою 1832—1833 года Пушкинъ, въ послѣдніе шесть-семь лѣтъ охотно посвящавшій свое время изученію отечественной исторіи, воспользовался даннымъ ему отъ правительства разрѣшеніемъ, и ревностно принялся за работу въ архивахъ, сначала, кажется, безъ всякой опредѣленной цѣли, а потомъ преимущественно сосредоточивая свое вниманіе на изученіи Петровскаго времени. Случайно заинтересованный попавшимися ему подъ руку бумагами о Пугачевскомъ бунтѣ, онъ и изъ нихъ извлекъ все, что показалось ему достойнымъ вниманія, и этимъ же занятіямъ Пугачевщиной обязанъ былъ канвою своей повѣсти *Капитанская дочь*». Среди этихъ архивныхъ занятій, среди обязательныхъ отношеній той свѣтской жизни, которую Пушкинъ вынужденъ былъ вести, среди заботъ о пополненіи матерьяльныхъ средствъ своихъ, Пушкинъ почти не успѣвалъ предаваться тому спокойному уединенію, которое было такъ необходимо для его поэтическаго вдохновенія. Хотя біографъ Пушкина и замѣчаетъ, что въ это время въ его портфеляхъ уже хранились почти совсѣмъ обдѣланные — *Русалка* и *Дубровскій*— однакоже мы знаемъ, что оба эти произведенія такъ и остались недоконченными въ портфеляхъ Пушкина и могли явиться уже только въ посмертномъ изданіи поэта... Гораздо болѣе всякихъ другихъ плановъ въ

[1]) Въ этомъ замѣчательномъ перечетѣ своихъ болдинскихъ произведеній Пушкинъ позабылъ «*Лѣтопись села Горохина*». [2]) Анненковъ. Матерьялы, стр. 318. [3]) Тамъ же, стр. 316 и 318.

это время, волей и неволей, занимали Пушкина соображенія денежныя, потому что ему уже приходилось заботиться о будущемъ своей семьи. Приготовляя къ печати свою «*Исторію Пугачевскаго бунта*» и вмѣстѣ съ тѣмъ спѣша окончаніемъ *Капитанской дочки*, Пушкинъ собрался въ августѣ 1833 года посѣтить Оренбургъ и Казань, чтобы ознакомиться съ мѣстомъ дѣйствія этихъ обоихъ произведеній своихъ. Объѣздъ свой Пушкинъ совершилъ очень быстро и очевидно спѣшилъ возвратиться въ свое *Болдино*, потому, что какъ онъ самъ писалъ съ дороги въ Петербургъ, *риѳмы и стихи не давали ему покоя въ кибиткѣ. «Что же будетъ, когда очучусь дома и въ постелѣ?»*—прибавляетъ Пушкинъ. И дѣйствительно, тотчасъ по пріѣздѣ въ Болдино, Пушкинъ горячо предался своему вдохновенію: и въ теченіе одного Октября мѣсяца написалъ онъ сказку «*о Рыбакѣ и рыбкѣ*» и поэму «*Мѣдный Всадникъ*». Вѣроятно здѣсь же были написаны имъ и нѣкоторыя изъ его лирическихъ произведеній, которыми 1833 годъ болѣе богатъ, нежели всѣ остальные годы жизни поэта.

По прибытіи въ Петербургъ, Пушкинъ представилъ свою «Исторію Пугачевскаго бунта» на разсмотрѣніе начальства и за этотъ трудъ одновременно получилъ двѣ награды: 31 Декабря 1833, онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры Двора Его Императорскаго Величества и на печатаніе книги дано ему заимообразно 20.000 руб. ассигн.

По видимому, Пушкинъ находился на верху своей славы, а притомъ и матерьяльная обстановка его быта начинала быстро улучшаться. Литература въ эту пору уже доставляла ему такія средства, какихъ ни до него, ни послѣ него не получалъ ни одинъ изъ нашихъ писателей... Но Пушкинъ едва ли могъ быть доволенъ своимъ выгоднымъ положеніемъ литературнаго работника и поставщика повѣстей, въ родѣ «*Пиковой дамы*» или расказовъ, въ родѣ «*Кирджали*», въ журналъ Смирдина. Сомнѣваемся также, чтобы Пушкинъ могъ быть доволенъ своими учеными трудами, къ которымъ въ немъ не было положительно никакой способности, хотя онъ и занимался подготовленіемъ къ этимъ трудамъ весьма добросовѣстно. Еще болѣе можно сомнѣваться, въ томъ, чтобы Пушкинъ, хотя и былъ друженъ съ Жуковскимъ, хотя даже и печаталъ съ нимъ патріотическія стихотворенія свои, способенъ былъ подобно Жуковскому также безмятежно и спокойно, съ одобреніемъ и сочуствіемъ, смотрѣть на совершавшуюся около него жизнь нашего общества... Онъ не могъ не замѣтить того, что условія его собственной жизни и положенія въ свѣтѣ оказывали неблагопріятное вліяніе на поэтическій даръ его, и долженъ былъ внутренно соглашаться съ тѣми, которые строго судили его, какъ поэта, когда видѣли, какъ онъ размѣниваетъ свой дивный талантъ на мѣдныя деньги, и съ негодованіемъ указывали на его *Домикъ въ Коломнѣ*, какъ на признакъ приближающагося паденія его таланта.... Но болѣе всего, вѣроятно, Пушкинъ тяготился тѣмъ множествомъ связей и отношеній, тѣмъ бытомъ, который онъ принужденъ былъ поддерживать и который такъ мало соотвѣтствовалъ его простымъ вкусамъ и пристрастію къ уединенной деревенской жизни, къ тѣсному кругу друзей, которые умѣли его понимать и знали ему цѣну. Недовольство собою и жизнью становится опять замѣтно въ Пушкинѣ, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, проведенныхъ имъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ, въ хлопотахъ и тревогахъ по устройству дѣлъ и въ какомъ то смутномъ, но часто и неотвязчиво возвращавшемся предчувствіи близкаго расчета съ жизнью [1]).

Одинъ изъ біографовъ Пушкина особенно подробно знакомитъ насъ съ тѣми непріятными семейными дрязгами, въ которыя Пушкину пришлось погрузиться послѣ того, какъ онъ совершенно безкорыстно вызвался «заняться устройствомъ какъ собственныхъ, такъ и отцовскихъ дѣлъ. По усиленнымъ просьбамъ Сергѣя Львовича, онъ тогда взялъ на себя завѣдыванье и нижегородскимъ имѣніемъ. По просьбѣ Пушкина, туда отпра-

[1]) Въ одинъ изъ послѣднихъ своихъ пріѣздовъ въ Михайловское, Пушкинъ написалъ свою пѣснь: *Опять на родинѣ*, въ которой такъ подробно описывая дорогое и милое ему сельцо, какъ будто прощается съ нимъ и со всѣмъ, что въ немъ было пережито. Въ тоже время сдѣлалъ онъ вкладъ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ (въ трехъ верстахъ отъ Михайловского), и откупилъ себѣ мѣсто подъ могилу, рядомъ съ могилою своей матери.

вился нѣкто Р., честный нѣмецъ, нѣкогда бывшій гувернеромъ въ семействѣ его друга Вульфа Р., однако, лишь только ознакомился съ состояніемъ хозяйства болдинскаго, пришелъ въ ужасъ и бѣжалъ оттуда..... Тутъ— неудача. Пушкинъ проситъ родителей поселиться, въ видахъ сокращенія расходовъ, года на два-на три въ Михайловскомъ — отецъ сердится: ему, привыкшему проводить дни свои въ петербургскихъ гостиныхъ, представляется переселеніе на житье въ деревню дѣломъ постыднымъ и ужаснымъ. Съ Болдина нѣтъ доходовъ, и Сергѣй Львовичъ ворчитъ, что сынъ его грабитъ... Все это — печальныя подробности; но зная ихъ, невольно вѣришь лицамъ, близко знавшимъ Пушкина и его обстоятельства денежныя, семейныя и положеніе въ обществѣ,—вѣришь тому, что еще года за три, за четыре, до Января 1837 г., надъ Пушкинымъ скоплялись всякаго рода невзгоды и все какъ бы толкало его подъ смертельную пулю...»

«Вы не можете вообразить — пишетъ Пушкинъ къ г-жѣ Осиповой, отъ 29 Іюня 1835— какъ тяготитъ меня управленіе этимъ имѣніемъ (Болдинымъ). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что спасти Болдино необходимо, хотя бы только для Ольги и Льва, которымъ въ будущемъ предстоитъ нищенство, или, по крайней мѣрѣ, бѣдность. Но я и самъ не богатъ, я имѣю собственное семейство, которое зависитъ отъ меня и которое безъ меня впадетъ въ крайность. Я взялъ имѣніе, которое, кромѣ хлопотъ и непріятностей, ничего мнѣ не приноситъ. Родители мои и не знаютъ, что они шагахъ въ двухъ отъ раззоренія; если бы они могли рѣшиться пробыть нѣсколько лѣтъ въ Михайловскомъ, дѣла могли бы поправиться; но этого никогда не будетъ».

Особенно мрачнымъ и тяжкимъ разочарованіемъ, даже утомленіемъ жизнью звучатъ тѣ строки, которыя осенью 1836 года писалъ онъ въ Тригорское... Это было послѣднее письмо его къ г-жѣ Осиповой. Послѣ извѣстій о болѣзни матери, о жалкомъ положеніи отца и о тѣхъ грязныхъ великосвѣтскихъ сплетняхъ, которыя недавали покою его женѣ, Пушкинъ прибавляетъ въ концѣ этого замѣчательнаго письма:

...«Я ошеломленъ и нахожусь въ сильнѣйшемъ раздраженіи. Повѣрьте мнѣ: жизнь, какая она ни на есть *«пріятная привычка»*, а все же заключаетъ въ себѣ горечь, которая дѣлаетъ ее подъ конецъ отвратительною. Свѣтъ—это гадкая лужа грязи. Мнѣ мило только Тригорское».

Въ послѣдній годъ своей жизни, Пушкинъ приступилъ къ изданію журнала, въ которомъ главное мѣсто должно было принадлежать критикѣ; въ Мартѣ 1836 одобренъ былъ цензурою первый номеръ пушкинскаго *Современника*. Нельзя незамѣтить, что однимъ изъ важнѣйшихъ поводовъ къ изданію *Современника*, послужила та особенная брюзгливость, съ которою Пушкинъ давно уже, еще съ конца 20-хъ годовъ, сталъ относиться къ нашей журнальной критикѣ. Взгляды его въ этомъ отношеніи оказывались чрезвычайно отсталыми: «онъ сохранялъ, долѣе многихъ своихъ товарищей, основныя убѣжденія стараго члена литературныхъ обществъ; къ новому назначенію журнала, — при которомъ уже мало придавалось значенія мнѣнію кружка, а мнѣніе личное играло очень важную роль—Пушкинъ не могъ привыкнуть во всю свою жизнь. Съ первыхъ же признаковъ появленія этого новаго значенія журнала въ нашей журналистикѣ, Пушкинъ началъ свою систему расчитаннаго противодѣйствія, забывая иногда и то, что высказывалось по временамъ дѣльнаго и существеннаго его противниками, и постоянно имѣя въ виду только одно: возвратить критику въ руки малаго, избраннаго кружка писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики» [1]). Но планы эти неудались: въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1836 года выдалъ Пушкинъ 4-ю и послѣднюю книжку *Современника* на этотъ годъ, а три мѣсяца спустя, его уже не было въ живыхъ: 27-го января 1837 года, Пушкинъ, смертельно раненный на поединкѣ барономъ Георгомъ Гекереномъ-Дантесомъ, привезенъ былъ на квартиру секундантомъ своимъ полковникомъ Данзасомъ, и черезъ два дня послѣ того (29 января), среди ужасныхъ мученій, скончался, окруженный друзьями своими и оплакиваемый всѣми... Послѣднія минуты его жизни описаны Жуковскимъ въ письмѣ къ отцу его, Сергѣю Львовичу Пушкину. Жуковскому же поручено было, тотчасъ по смерти Пушкина, опе-

[1]) **Анненковъ. Матерьялы, стр. 184.**

чатать кабинетъ его и заняться тщательнымъ разборомъ оставшихся послѣ него бумагъ.

Тѣло Пушкина, согласно его волѣ, перевезено было въ Святогорскій Успенскій монастырь и положено въ ту могилу, которую онъ приготовилъ себѣ еще за годъ до смерти. Вскорѣ послѣ того надъ могилой былъ воздвигнутъ и памятникъ изъ бѣлаго мрамора... въ настоящее время, къ стыду всѣхъ русскихъ, давно забытый и быстро приближающійся къ разрушенію.

И. С. Тургеневъ пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»... «Пушкина мнѣ удалось видѣть, за нѣсколько дней до его смерти, на утреннемъ концертѣ въ залѣ Энгельгардъ. Онъ стоялъ у двери, опираясь на косякъ и, скрестивъ руки на широкой груди, съ недовольнымъ видомъ посматривалъ кругомъ. Помню его смуглое, небольшое лице, его африканскія губы, оскалъ бѣлыхъ, крупныхъ зубовъ, висячіе бакенбарды, темные желчные глаза подъ высокимъ лбомъ почти безъ бровей — и кудрявые волосы... Онъ и

Святогорскій Успенскій монастырь.

на меня бросилъ бѣглый взоръ: безцеремонное вниманіе, съ которымъ я уставился на него, произвело, должно быть, на него впечатлѣніе непріятное: онъ словно съ досадой повелъ плечомъ — вообще онъ казался не въ духѣ, — и отошелъ въ сторону. Нѣсколько дней спустя, я видѣлъ его лежавшимъ въ гробу — и невольно повторялъ про себя:

Недвижимъ онъ лежалъ... И страненъ
Былъ томный міръ его чела...

Въ заключеніе нашего очерка, приведемъ тѣ нѣсколько прекрасныхъ строкъ, которыми біографъ Пушкина оканчиваетъ свой почтенный трудъ:

«Общій голосъ уже прежде насъ опредѣлилъ значеніе поэзіи Пушкина, назвавъ ее исключительно художественнымъ созерцаніемъ природы и человѣка. Мысль, что Пушкинъ приступалъ ко всѣмъ явленіямъ физическаго и нравственнаго міра, какъ къ предметамъ искусства, сдѣлалась у насъ общимъ мѣстомъ»... «Изъ соединенія внутренней силы съ изяществомъ плановъ и всѣхъ очертаній родились поэтическія созданія его. Самый стихъ его, который, по общему, незаготовленному

напередъ согласію, называется именемъ *пушкинскаго стиха*, выходитъ изъ того же сочетанія красоты и мощи; отсюда и право Пушкина на имя *народнаго* поэта, которое подтвердилъ онъ еще и другими качествами своими: ясностью всѣхъ своихъ представленій, прямымъ, бодрымъ взглядомъ на предметы и на жизнь... Многосторонность его поэзіи еще болѣе укрѣпляетъ за нимъ почетное названіе, присужденное ему общимъ голосомъ»...

«Крупная черта, отличающая Пушкина отъ предшественниковъ, есть его *близость къ дѣйствительной жизни*, которая такъ превосходно соотвѣтствуетъ практическому смыслу, лежащему въ основѣ русскаго характера. Никогда не забывалъ онъ художественной идеализаціи, безъ которой нѣтъ изящныхъ произведеній; но онъ не имѣлъ понятія о той низшей идеализаціи, которая одной данной краской расписываетъ всѣ предметы»... [1]).

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА.

КЪ ОВИДІЮ.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ
Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепелъ свой оставилъ!
Твой безотрадный плачь мѣста сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеньѣ
Пустыню мрачную, поэта въ заточеньѣ,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И краткой теплотой согрѣтые луга.
Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженный близь дикихъ береговъ
Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда.
Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;
Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
Тамъ хладной Скифіи свирѣпые сыны,
За Истромъ утаясь, добычи ожидаютъ,
И селамъ каждый день набѣгомъ угрожаютъ.
Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ,
И по льду звучному безтрепетно идутъ.
Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!)
Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы,
И въ нѣгѣ провождать безпечные часы,
Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелый,
И грозный мечь хранить близь лиры оробѣлой.
Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
Ни Музы, легкія подруги прежнихъ дней,
Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали.
Напрасно Граціи стихи твои вѣнчали
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ;
Дни старости твоей въ забвеніи потонутъ.
Златой Италіи роскошный гражданинъ;
Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
Ты въ тяжкой горести далекой дружбѣ пишешь:
«О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
О други, Августу мольбы мои несите;
Карающую длань слезами отклоните!
Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
И вѣкъ мнѣ невидать тебя, великій Римъ,
Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасной,
Приближьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!»
Чье сердце хладное, презрѣвшее Харитъ,
Твое уныніе и слезы укоритъ?
Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
Сіи элегіи, послѣднія творенья,
Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?
Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.

[1]) Анненковъ. Матерьялы; стр. 431—32.

Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
И ихъ печальныя картины повѣрялъ.
Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очи,
Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
Здѣсь кротко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
На Скиѳскихъ берегахъ переселенецъ новый,
Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
Ужъ пасмурный Декабрь на Русскіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга
Зима дышала тамъ, а съ вешней теплотою
Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ;
Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
Когда ты въ первый разъ ввѣрялъ съ недоумѣньемъ
Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.
Утѣшься: не увялъ Овидіевъ вѣнецъ!
Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній
И, жертва темная, умретъ мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!...
Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
Узнавъ, прійдетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной,
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранится же завѣтное — преданье!
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой — участью я равенъ былъ тебѣ,
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ.
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
И Музы мирныя мнѣ были благосклонны.

КАПРИЗЪ.

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной Музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладимъ мы съ проклятою хандрой.
Что-жъ ты нахмурился? Нельзя-ли блажь оставить,
И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
Смотри, какой здѣсь видъ! Избушекъ рядъ убогій,
За ними черноземъ; равнины скатъ отлогій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ-жъ нивы свѣтлыя? гдѣ темныя лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея,
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
Безъ шапки онъ, несетъ подъ мышкой гробъ ребенка,
И кличетъ изъ дали лѣниваго попёнка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
Скорѣй, ждать некогда, давно-бъ ужъ схоронилъ!

1-го Октября 1830. Болдино.

ПОЭТУ.

(Сонетъ.)

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты сâмъ свой вышній судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ-ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

1-го Іюля 1830 г.

ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ
Въ пустынѣ мрачной я влачился;
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими какъ сонъ,
Моихъ зеницъ коснулся онъ;
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ;
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній Ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверзтую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!»

СТАНСЫ.

Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу-ль во многолюдный храмъ,
Сижу-ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.
Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.
Гляжу-ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
Младенца-ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю —
Мнѣ время тлѣть, тебѣ — цвѣсти.
День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межь нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою-ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?
И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать.
И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

26-го Декабря 1829 г.
С.-Петербургъ.

АНЧАРЪ *)

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой
Стоитъ, одинъ во всей вселенной:
Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.

*) Дерево яда.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.
Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ, лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ —
И мчится прочь уже тлетворный.
И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.
Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.
Принесъ — и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.
А князь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ, въ чуждые предѣлы.

9-го Ноября 1828 г.
Деревня Малинники.

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбище захожу —
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
Подъ коими гніютъ всѣ мертвецы столицы,
Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,
Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ Мавзолеи,
(Дешеваго рѣзца нелѣпыя затѣи!)
Надъ ними надписи и въ прозѣ, и въ стихахъ
О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ;
По старомъ рогачѣ вдовицы плачъ амурный,
Ворами со столбовъ отвинченныя урны,
Могилы склизкія, зѣвающія тутъ,
Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждутъ —
Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
Что злое на меня унынiе находитъ,
Хоть плюнуть да бѣжать....
Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ.
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ.
Близь камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ,
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя....

14-го Марта 1836 г.
Каменный Островъ.

Изъ VI главы Евгенія Онѣгина.

(Поединокъ Ленскаго съ Онѣгинымъ и заключеніе.)

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій
Давно нетерпѣливо ждалъ;
Межъ тѣмъ, механикъ деревенскій,
Зарѣцкій жорновъ осуждалъ.
Идетъ Онѣгинъ съ извиненьемъ.
«Но гдѣ-же», молвилъ съ изумленьемъ
Зарѣцкій — «гдѣ вашъ секундантъ?»
Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
Любилъ методу онъ изъ чувства,
И человѣка растянуть
Онъ позволялъ не какъ-нибудь,
Но въ строгихъ правилахъ искуства,
По всѣмъ преданьямъ старины
(Что похвалить мы въ немъ должны).

XXVII.

«Мой секундантъ?» сказалъ Евгеній:
«Вотъ онъ: мой другъ, *monsieur Guillot.*
Я не предвижу возраженій,
На представленіе мое:
Хоть человѣкъ онъ неизвѣстный,
Но, ужь конечно, малый честный».
Зарѣцкій губу закусилъ.
Онѣгинъ Ленскаго спросилъ:
«Что-жъ, начинать?» — «Начнемъ пожалуй»,
Сказалъ Владиміръ. И пошли
За мельницу. Пока въ дали
Зарѣцкій нашъ и *честный малый*
Вступали въ важный договоръ,
Враги стоятъ потупя взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно-ли другъ отъ друга
Ихъ жажда крови отвела?
Давно-ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дѣла
Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
Какъ въ страшномъ, непонятномъ снѣ,
Они другъ другу въ тишинѣ
Готовятъ гибель хладнокровно....
Не засмѣяться-ль имъ, пока
Не обагрилась ихъ рука,
Неразойтиться-ль полюбовно?...
Но дико свѣтская вражда
Боится ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужь блеснули.
Гремитъ о шомполъ молотокъ.
Въ граненый стволъ уходятъ пули
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣроватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно-ввинченный кремень
Взведенъ еще. За ближній пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросаютъ два врага.
Зарѣцкій тридцать два шага
Отмѣрилъ съ точностью отмѣнной,
Друзей развелъ по крайній слѣдъ,
И каждый взвелъ свой пистолетъ.

XXX.

«Теперь сходитесь».
Хладнокровно,
Еще не цѣля, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолетъ тогда Евгеній,
Не преставая наступать,
Сталъ первый тихо подымать.
Вотъ пять шаговъ еще ступили,
И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
Сталъ также цѣлить — но какъ разъ
Онѣгинъ выстрѣлилъ... Пробили
Часы урочные: поэтъ
Роняетъ молча пистолетъ,

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько руку
И падаетъ. Туманный взоръ
Изображаетъ смерть, не муку:
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая,
Мгновеннымъ холодомъ облитъ;
Онѣгинъ къ юношѣ спѣшитъ,
Глядитъ, зоветъ его... напрасно:
Его ужь нѣтъ. Младый пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ!...
Потухъ огонь на алтарѣ!

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
Былъ томный миръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ на вылетъ раненъ;
Дымясь изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье,
Въ семъ сердцѣ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь.
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Все въ немъ и тихо, и темно;
Замолкло навсегда оно;
Закрыты ставни, окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ,
А гдѣ, — Богъ вѣсть; пропалъ и слѣдъ!

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпиграммой
Взбѣсить оплошнаго врага;
Пріятно зрѣть, какъ онъ упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Пріятнѣй, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: это я!
Еще пріятнѣе въ молчаньи
Ему готовить честный гробъ,
И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
На благородномъ разстояньи;
Но отослать его къ отцамъ,
Едва-ль пріятно будетъ вамъ!

XXXIV.

Что-жъ, если вашимъ пистолетомъ
Сраженъ пріятель молодой,
Нескромнымъ взглядомъ, иль отвѣтомъ,
Или бездѣлицей иной
Васъ оскорбившій за бутылкой,
Иль даже самъ, въ досадѣ пылкой,
Васъ гордо вызвавшій на бой?
Скажите: вашею душой
Какое чувство овладѣетъ,
Когда недвижимъ, на землѣ,
Предъ вами, съ смертью на челѣ,
Онъ постепенно костенѣетъ,
Когда онъ глухъ и молчаливъ
На вашъ отчаянный призывъ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызеній;
Рукою стиснувъ пистолетъ,
Глядитъ на Ленскаго Евгеній,
«Ну, что-жъ? убитъ!» рѣшилъ сосѣдъ.
Убитъ!... Симъ страннымъ восклицаньемъ
Сраженъ, Онѣгинъ съ содроганьемъ
Отходитъ и людей зоветъ.
Зарѣцкій бережно кладетъ
На сани трупъ оледенѣлый;
Домой везетъ онъ страшный кладъ.
Почуя мертваго, храпятъ
И бьются кони, пѣной бѣлой
Стальныя мочатъ удила,
И полетѣли какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ—
Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль хоть для славы былъ рожденъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень,
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ унесла съ собою
Святую тайну, а для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гимнъ временъ,
Благословенія племенъ.

XXXVIII. XXXIX.

А можетъ быть и то: поэта.
Обыкновенный ждалъ удѣлъ
Прошли бы юношества лѣта,
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ,
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бы съ музами, женился
Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ;
Носилъ бы стеганый халатъ;
Узналъ-бы жизнь на самомъ дѣлѣ;
Подагру-бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
И наконецъ въ своей постелѣ
Скончался-бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

XL.

Но чтобы ни было, читатель,
Увы, любовникъ молодой,
Поэтъ, задумчивый мечтатель,
Убитъ пріятельской рукой!
. . . .

XLI. XLII.

. . . .
И гдѣ-жъ бѣглецъ людей и свѣта,
Красавицъ модныхъ модный врагъ,
Гдѣ этотъ пасмурный чудакъ,
Убійца юнаго поэта?
Со временемъ отчетъ я вамъ
Подробно объ всемъ отдамъ,

XLIII.

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь къ нему, конечно,
Но мнѣ теперь не до него.
Лѣта къ суровой прозѣ клонятъ,
Лѣта шалунью риѳму гонятъ,
И я, со вздохомъ признаюсь,
За ней лѣнивѣй волочусь.

Перу старинной нѣтъ охоты
Марать летучіе листы;
Другія; хладныя мечты,
Другія, строгія заботы
И въ шумѣ свѣта, и въ тиши
Тревожатъ сонъ моей души.

XLIV.

Позналъ я гласъ иныхъ желаній,
Позналъ я новую печаль;
Для первыхъ нѣтъ мнѣ упованій,
А старой мнѣ печали жаль.
Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
Гдѣ, вѣчная къ нимъ рифма *младость?*
Уже-ль и вправду, наконецъ,
Увялъ, увялъ ея вѣнецъ?
Уже-ль и впрямъ, и въ самомъ дѣлѣ,
Безъ элегическихъ затѣй,
Весна моихъ промчалась дней
(Что я шутя твердилъ доселѣ)?
И ей уже-ль возврата нѣтъ?
Уже-ль мнѣ скоро тридцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары,
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревогъ и въ тишинѣ...
Я насладился... и вполнѣ.

Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Простите-жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои текли въ глуши,
Исполненны страстей и лѣни,
И сновъ задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,

XLVIII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ, и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ,
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья!

Изъ VII главы Евгенія Онѣгина.

XV.

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струилисъ тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы.
Ужъ за рѣкой, дымясь, пылалъ
Огонь рыбачій. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебристомъ,
Въ свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна;
Шла, шла... и вдругъ передъ собою
Съ холма господскій видитъ домъ,
Селенье, рощу надъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ — и сердце въ ней.
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущаютъ:
»Пойду-ль впередъ, пойду-ль назадъ?
Его здѣсь нѣтъ. Меня незнаютъ...
Взгляну на домъ, на этотъ садъ.»
И вотъ съ холма Татьяна сходитъ
Едва дыша: кругомъ обводитъ
Недоумѣнья полный взоръ...

И входитъ на пустынный дворъ.
Къ ней лая кинулись собаки.
На крикъ испуганный ея
Ребятъ дворовая семья
Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
Мальчишки разгоняли псовъ,
Взявъ барышню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барскій домъ нельзя-ли?»
Спросила Таня. Поскорѣй
Къ Анисьѣ дѣти побѣжали
У ней ключи взять отъ сѣней.
Анисья тотчасъ къ ней явилась,
И дверь предъ ними отворилась,
И Таня входитъ въ домъ пустой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій на бильярдѣ отдыхалъ;
На смятомъ канапе лежалъ
Манежный хлыстикъ. Таня далѣ;
Старушка ей: «А вотъ каминъ:
Здѣсь баринъ сиживалъ одинъ.

XVIII.

«Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
Покойный Ленскій нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вотъ это барскій кабинетъ:
Здѣсь почивалъ онъ, кофе кушалъ,
Прикащика доклады слушалъ,
И книжку поутру читалъ...
И старый баринъ здѣсь живалъ.
Со мной, бывало, въ воскресенье,
Здѣсь, подъ окномъ, надѣвъ очки,
Играть изволилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!»

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ;
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живитъ
Полумучительной отрадой:
И столъ съ померкшею лампадой,
И груда книгъ, и подъ окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видъ въ окно, сквозь сумракъ лунной,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной
Какъ очарована стоитъ.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодной.
Темно въ долинѣ. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою;
Луна сокрылась за горою,
И пилигримкѣ молодой
Пора, давно пора домой.
И Таня, скрывъ свое волненье,
Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
Пускается въ обратный путь,
Но прежде проситъ позволенья
Пустынный замокъ навѣщать,
Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
За воротами. Черезъ день
Ужь утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ;
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой:
И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгеній
Издавна чтенья разлюбилъ,
Однакожъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца *Гяура* и *Жуана* [1]),
Да съ нимъ еще двѣ-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,

[1]) Т. е. Лорда Байрона, воспѣвшаго этихъ героевъ.

И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей:
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замѣчаньемъ,
Бывалъ Онѣгинъ пораженъ,
Въ чемъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша.
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ,
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинаетъ по немногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудакъ печальный и опасной,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ, —
Что-жъ онъ? Уже-ли подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичь въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...
Ужь не пародія-ли онъ?....

ИЗЪ БОРИСА ГОДУНОВА.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ, МАРИНА.

Самозванецъ (*входитъ*).

Вотъ и фонтанъ; она сюда прійдетъ.
Я, кажется, рожденъ не боязливымъ;
Передъ собой вблизи видалъ я смерть:
Предъ смертію душа не содрагалась.
Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
За мной гнались—я духомъ не смутился
И дерзостью неволи избѣжалъ.
Но что-жъ теперь тѣснитъ мое дыханье?
Что значитъ сей неодолимый трепетъ?
Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
Нѣтъ, это страхъ. День цѣлый ожидалъ
Я тайнаго свиданія съ Мариной,
Обдумывалъ все то, что ей скажу,
Какъ обольщу ея надменный умъ,
Какъ назову Московскою Царицей;
Но часъ насталъ, и ничего не помню,
Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
Любовь мутитъ мое воображенье....
Но что-то вдругъ мелькнуло.... шорохъ...
тише....
Нѣтъ, это свѣтъ обманчивой луны,
И прошумѣлъ здѣсь вѣтерокъ...

Марина (*входитъ*).

Царевичь!

Самозванецъ.

Она!... Вся кровь во мнѣ остановилась.

Марина.

Димитрій! Вы?

Самозванецъ.

Волшебный, сладкій голосъ!
(*Идетъ къ ней*). Ты-ль наконецъ? Тебя-ли вижу я,
Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?
Какъ медленно катился скучный день!
Какъ медленно заря вечерняя гасла?
Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ!

Марина.

Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время.
Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
Не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи
Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась

Съ твоей судьбой, и бурной, и невѣрной
Соединить судьбу мою; — то вправѣ
Я требовать, Димитрій, одного:
Я требую, чтобъ ты души своей
Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
Намѣренья и даже опасенья;
Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
Пуститься въ жизнь не съ дѣтской слѣпотой,
Не какъ раба желаній легкихъ мужа
Наложница безмолвная твоя;
Но какъ тебя достойная супруга,
Помощница Московскаго Царя.

Самозванецъ.

О, дай забыть хоть на единый часъ
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь предъ собой
Царевича. Марина! зри во мнѣ
Любовника, избраннаго тобою,
Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
О, выслушай моленія любви!
Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

Марина.

Не время, князь. Ты медлишь, и межъ тѣмъ
Приверженность твоихъ клевретовъ стынетъ;
Часъ отъ часу опасность и труды
Становятся опаснѣй и труднѣе;
Ужъ носятся сомнительные слухи,
Ужъ новизна смѣняетъ новизну;
А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры....

Самозванецъ.

Что Годуновъ? во власти-ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нѣтъ, нѣтъ... Теперь гляжу я равнодушно
На тронъ его, на Царственную власть.
Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,
И славы блескъ, и Русская держава?
Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной—ты,
Ты замѣнишь мнѣ Царскую корону;
Твоя любовь....

Марина.

Стыдись! не забывай
Высокаго, святаго назначенья:
Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
Не юношѣ, кипящему безумно,
Плѣненному моею красотой, —
Знай, отдаю торжественно я руку
Наслѣднику Московскаго престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

Самозванецъ.

Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что санъ, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь.
Какъ! ежели... о страшное сомнѣнье!
Скажи; когда-бъ не Царское рожденье
Назначила слѣпая мнѣ судьба,
Когда-бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
Не сей, давно забытый міромъ отрокъ;
Тогда-бъ.... тогда-бъ любила-ль ты меня?

Марина.

Димитрій, ты и быть инымъ не можешь!
Другаго мнѣ любить нельзя.

Самозванецъ.

Нѣтъ! полно;
Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ
Любовницей, ему принадлежащей:
Нѣтъ, полно мнѣ притворствовать! Скажу
Всю истину; такъ знай же: твой Димитрій
Давно погибъ, зарытъ—и не воскреснетъ:
А хочешь ли ты знать, кто я таковъ?
Изволь, скажу: я бѣдный черноризецъ!
Монашеской неволею скучая,
Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
Обдумалъ я; готовилъ міру чудо —
И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
Къ Украинцамъ, въ ихъ буйные курени;
Владѣть конемъ и саблей научился;
Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался, —
И Поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
Что-жъ ты молчишь?

Марина.

О стыдъ! о горе мнѣ!
(*Молчаніе*).

Самозванецъ (*тихо*).

Куда завлекъ меня порывъ досады!
Съ такимъ трудомъ устроенное счастье,
Я, можетъ быть, на вѣки погубилъ.
Что сдѣлалъ я, безумецъ? (*Вслухъ*.) Вижу,
вижу:

Стыдишься ты некняжеской любви;
Такъ вымолви-жъ мнѣ роковое слово;
Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба,
Рѣши: я жду (*бросается на колѣна*).

Марина.

Встань, бѣдный самозванецъ!
Не мнишь-ли ты колѣнопреклоненьемъ,
Какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой,
Тщеславное мнѣ сердце умилить?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
Я рыцарей и графовъ благородныхъ;
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтобъ бѣглаго монаха....

Самозванецъ (*встаетъ*).

Не презирай младаго самозванца;
Въ немъ доблести таятся, можетъ быть,
Достойныя Московскаго престола,
Достойныя руки твоей бесцѣнной...

Марина.

Достойныя позорной петли, дерзкій!

Самозванецъ.

Виновенъ я; гордыней обуянный,
Обманывалъ я Бога, и Царей —
Я міру лгалъ. Но не тебѣ, Марина,
Меня казнить: я правъ передъ тобою.
Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.
Ты мнѣ была единственной святыней,
Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ;
Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать....

Марина.

Чѣмъ хвалится, безумецъ!
Кто требовалъ признанья твоего?
Ужъ если ты, бродяга безъименный,
Могъ ослѣпить чудесно два народа;
Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты
Достоинъ быть успѣха своего
И свой обманъ отважный обезпечить
Упорною, глубокой, вѣчной тайной.
Могу-ль, скажи, предаться я тебѣ,
Могу-ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,
Соединить судьбу мою съ твоею,
Когда ты самъ съ такою простотой,
Такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?
Онъ изъ любви со мною проболтался!
Дивлюся: какъ передъ моимъ отцемъ
Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
Отъ радости предъ нашимъ Королемъ,
Или еще предъ паномъ Вишневецкимъ
Изъ вѣрнаго усердія слуги.

Самозванецъ.

Клянусь тебѣ, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье.
Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
Ни въ дружескомъ завѣтномъ разговорѣ,
Ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ истязаній,
Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдастъ мой языкъ.

Марина.

Клянешся ты! и такъ должна я вѣрить.
О, вѣрю я! Но чѣмъ, нельзя-ль узнать,
Клянешься ты? Не именемъ ли Бога,
Какъ набожный пріемышъ Іезуитовъ?
Иль честію, какъ витязь благородный,
Иль, можетъ быть, единымъ царскимъ словомъ,
Какъ царскій сынъ? не такъ-ли? говори.

Самозванецъ (*гордо*).

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила,
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я. Довольно. Стыдно мнѣ
Предъ гордою Полячкой унижаться.
Прощай навѣкъ: игра войны кровавой,
Судьбы моей обширныя заботы
Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ!
Теперь иду — погибель иль вѣнецъ,
Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
Найду ли смерть, какъ воинъ въ битвѣ честной,
Иль какъ злодѣй на плахѣ площадной,
Не будешь ты подругою моей,
Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
Объ участи, отвергнутой тобою.

Марина.

А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣе предъ всѣми обнаружу?

Самозванецъ.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что болѣе повѣрятъ польской дѣвѣ,
Чѣмъ Русскому Царевичу? Но знай,
Что ни Король, ни Папа, ни вельможи.
Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
Димитрій я, иль нѣтъ — что имъ за дѣло?
Но я предлогъ раздоровъ и войны.
Имъ это лишь и нужно: и тебя,
Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ,
Прощай.

Марина.

Постой, Царевичъ, Наконецъ
Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа;
Съ тобою, Князь, она меня миритъ.
Безумный твой порывъ я забываю
И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
Пора, пора! Проснись, не медли болѣ;
Веди полки скорѣе на Москву;
Очисти Кремль, садись на тронъ Московскій —
Тогда за мной шли брачнаго посла!
Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
Не оперлась на тронныя ступени,
Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
Любви рѣчей не буду слышать я.
(*Уходитъ*).

Самозванецъ.

Нѣтъ — легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
Или хитрить съ придворнымъ Іезуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной, чортъ съ ними; мочи нѣтъ!
И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ.
Змѣя! змѣя! Недаромъ я дрожалъ.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но рѣшено: заутра двину рать.

XXXVII.

А. С. ГРИБОѢДОВЪ. — ГУСАРСТВО И ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ. — СЛУЖБА ВЪ МИССІИ И «ГОРЕ ОТЪ УМА». — НЕУДАЧИ И РАЗОЧАРОВАНІЯ. — ПРИМИРЕНІЕ СЪ ЖИЗНЬЮ И УСПѢХИ ПО СЛУЖБѢ. — ТРАГИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ.

Рядомъ съ Пушкинымъ, въ толпѣ окружающихъ его современниковъ-поэтовъ, видимъ мы и Грибоѣдова, который былъ всего четырьмя годами старше Пушкина. Но всѣ поэты Пушкинскаго періода, не исключая даже и самаго Лермонтова, повторяли и развивали на множество ладовъ тэмы Пушкинской поэзіи, подражая ему и въ самыхъ пріемахъ изложенія; одинъ только Грибоѣдовъ является совершенно самостоятельнымъ, независимымъ отъ Пушкина и вообще относится къ Пушкинскому періоду нашей литературы точно также, какъ Крыловъ къ Карамзинскому—только по времени своей литературной дѣятельности,—никакъ не по содержанію ея. Грибоѣдовъ, которому при жизни не удалось видѣть въ печати творенія, составившаго его славу, начинаетъ собою рядъ поэтовъ, не только рисующихъ намъ уже вполнѣ вѣрную дѣйствительности картину русской жизни, но еще рисующихъ намъ преимущественно ея мрачныя стороны. Этотъ мрачный оттѣнокъ, которымъ въ такой сильной степени отличается изображеніе русской дѣйствительности въ безсмертной комедіи Грибоѣдова, а послѣ него въ твореніяхъ Гоголя, стоитъ въ тѣсной зависимости не столько отъ личнаго желанія автора обращать исключительное вниманіе на однѣ мрачныя стороны создаваемой имъ картины, пренебрегая свѣтлыми, не столько отъ односторонняго поэтическаго настроенія автора, сколько отъ того, что русская общественная жизнь, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, дѣйствительно мало могла представить утѣшительныхъ и свѣтлыхъ сторонъ для внимательнаго и безпристрастнаго наблюдателя. Къ тому же, періодъ патріотическихъ увлеченій, къ началу двадцатыхъ годовъ уже миновалъ, и общество наше успѣло вступить и въ жизни, и въ литературѣ на путь того отрезвляющаго, благороднаго скептицизма, который вообще далекъ отъ всякихъ увлеченій и всегда неразлученъ съ честнымъ стремленіемъ къ истинѣ. Уже въ Батюшковѣ видѣли мы поэта, который живо отражаетъ на себѣ вліяніе современнаго ему общественнаго движенія и, не стараясь прикрашивать неказистую дѣйствительность, не чувствуя въ себѣ силъ отрѣшиться отъ нея и ограничиться только одною областью мечтаній, задавался тяж-

кими вопросами о безполезности своего поэтическаго призванія... Пушкинъ пошелъ долѣе его: со всѣмъ пыломъ неопытнаго юноши онъ возсталъ противъ окружавшей ей дѣйствительности и въ цѣломъ рядѣ непечатанныхъ стихотвореній, изливъ на нее свою желчь, поставилъ себя, какъ поэта, въ тѣснѣйшую связь съ дѣйствительностью, съ общественностью, съ живыми вопросами современности. Однако же его воспитаніе, его приверженность къ нѣкоторымъ предразсудкамъ и въ жизни, и въ области искуства,

Грибоѣдовъ.

не дали ему возможности начертать въ своихъ произведеніяхъ полную картину современнаго ему высшаго слоя русскаго общества... Это удалось Грибоѣдову, человѣку, далекому отъ всякихъ предразсудковъ, одаренному замѣчательнымъ поэтическимъ даромъ и необыкновенною наблюдательностью: въ своей комедіи «Горе отъ ума» онъ оставилъ намъ удивительно полную картину нашего Московскаго общества двадцатыхъ годовъ, и вывелъ на сцену типы, которые до него еще никогда не появлялись въ русской комедіи, потому что никому еще неудалось такъ глубоко заглянуть въ сердце русскаго человѣка и такъ безпристрастно, самоотверженно и вѣрно обрисовать пустоту и суетность преобладавшихъ въ нашемъ обществѣ характеровъ и стремленій.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ (род. 1795, ум. 1829 г.) принадлежитъ къ числу немногихъ нашихъ поэтовъ, получившихъ правильное и хорошее образованіе. Первоначальнымъ воспитаніемъ имѣлъ онъ возможность воспользоваться въ домѣ родителей; они очевидно имѣли въ виду не только то, чтобы изъ Грибоѣдова вышелъ одинъ изъ множества свѣтскихъ людей, потому что основательно обучали его не одному французскому языку, но латинскому и нѣмецкому, и даже музыкѣ учили серьезно, знакомя его не только съ практическою, но и съ теорическою стороною этого искусства. Съ 1810 г. Грибоѣдовъ поступаетъ вольнослушателемъ въ университетъ и при выпускѣ получаетъ степень кандидата правъ. Но 1812 годъ и ему, какъ большей части тогдашняго русскаго юношества, становится поперекъ дороги: 17-тилѣтній Грибоѣдовъ бросаетъ все, поступаетъ корнетомъ въ Солтыковскій гусарскій полкъ, и въ 1813 г. является уже въ Брестъ-Литовскѣ, въ одномъ изъ нашихъ гусарскихъ полковъ... Объ этомъ пребываніи своемъ въ гусарахъ, Грибоѣдовъ не могъ вспомнить безъ особеннаго негодованія, и утверждалъ, что «пробывъ всего четыре мѣсяца въ этой дружинѣ, цѣлыхъ четыре года потомъ не могъ попасть на путь истинный.» Кажется, что только дружбѣ съ Степаномъ Никитичемъ *Бѣгичевымъ* обязанъ былъ Грибоѣдовъ тѣмъ, что ему удалось избавиться отъ гусарства и перебраться въ Петербургъ (1815 г), гдѣ онъ, по выходѣ въ отставку (1816 г.), опредѣлился въ 1817 году на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Тамъ вѣроятно и познакомился онъ съ Пушкинымъ, хотя никогда не могъ съ нимъ сблизиться, потому что принадлежалъ съ самаго начала своей литературной дѣятельности къ такому кружку литераторовъ (князь Шаховской, Катенинъ, Жандръ, Корсаковъ, Хмѣльницкій), который ничего не имѣлъ общаго съ *Арзамасомъ* и его членами, а къ Карамзину и Жуковскому относился даже непріязненно. Нельзя однакоже не замѣтить, что начало авторской дѣятельности Грибоѣдова не обѣщало ничего замѣчательнаго въ будущемъ: на поприще литературы выступилъ Грибоѣдовъ, помѣстивъ въ Вѣстникѣ Европы описаніе какого то полковаго праздника и потомъ, попавъ въ

кружокъ актеровъ и вышепоименованныхъ нами драматическихъ писателей, Грибоѣдовъ и самъ сталъ писать комедійки, то одинъ, то въ компаніи съ Жандромъ и Хмѣльницкимъ. Такъ въ 1816 г. играна была на Петербурской сценѣ первая комедія Грибоѣдова — *«Молодые супруги;»* затѣмъ, въ слѣдующемъ году, комедія *«Притворная невѣрность,»* переведенная Грибоѣдовымъ и Жандромъ, и комедія Шаховскаго, *«Своя семья»*, въ которой перу Грибоѣдова также принадлежало нѣсколько сценъ. Но все это не представляло собою никакого серьезнаго интереса и болѣе служило забавой для Грибоѣдова, нежели выраженіемъ той дѣйствительной силы духа, которая въ немъ крылась и обнаружилась не скоро... Свѣтская, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ гусарства, разсѣянная, а подъ часъ и разгульная жизнь — жизнь, при которой здоровье, силы, время и деньги, не принимались вовсе въ расчетъ,— даже и при замѣчательныхъ способностяхъ Грибоѣдова, не могла, конечно, способствовать развитію его поэтическаго дара. Но къ счастью, Грибоѣдову не пришлось долго идти той избитой колеей, на которую онъ вступилъ такъ рано: случай отвлекъ его отъ свѣтской жизни, заставилъ забыть о свѣтѣ и развлеченіяхъ и въ глубокомъ уединеніи далъ поэту воможность обдумать произведеніе, составившее его славу, и въ основу котораго былъ положенъ имъ ранопріобрѣтенный въ свѣтѣ горькій опытъ наблюденій надъ окружавшею ею толпою. Въ 1818 году Грибоѣдову предложено было мѣсто секретаря посольства въ Персіи, — и онъ его принялъ. Вотъ какъ онъ самъ расказываетъ объ этомъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Бѣгичеву:

...«Представь себѣ, что меня непремѣнно хотятъ послать — куда бы ты думалъ? — въ Персію, и чтобъ жилъ тамъ. Какъ я ни отнѣкиваюсь, ничего не помогаетъ; однако я третьяго дня, по приглашеніи нашего Министра, былъ у него и объявилъ, что нерѣшусь иначе (и то ненавѣрно), какъ если мнѣ дадутъ два чина, тотчасъ при назначеніи меня въ Тегеранъ. Онъ поморщился, а я представлялъ ему со всевозможнымъ французскимъ краснорѣчіемъ, что жестоко было бы мнѣ цвѣтущія лѣта свои провесть между дикообразными азіатцами, въ добровольной ссылкѣ, на долгое время отлучиться отъ друзей, отъ родныхъ, отказаться отъ литературныхъ успѣховъ, которыхъ я здѣсь въ правѣ ожидать, отъ всякаго общенія съ просвѣщенными людьми, съ пріятными женщинами, которымъ я самъ могу быть пріятенъ: не смѣйся, я молодъ, музыкантъ, влюбчивъ и охотно говорю вздоръ — чего же имъ еще надобно? Словомъ. невозможно мнѣ собою пожертвовать, хотя безъ нѣкотораго возмездія. «Вы въ уединеніи усовершенствуете ваши дарованія.» — Нисколько, Василій Сергѣичь; музыканту и поэту нужны слушатели, читатели: ихъ нѣтъ въ Персіи... Мы еще съ нимъ кое о чемъ поговорили; всего забавнѣе, что я ему твердилъ о томъ, какъ сроду не имѣлъ ни малѣйшихъ видовъ честолюбія, а между тѣмъ за два чина предлагалъ себя въ полное его распоряженіе.... Степанъ, милый мой, ты хоть штабъ-ротмистръ кавалергардскій, а умный малый; какъ ты объ этомъ судишь?»

Въ концѣ августа 1818 года, Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву и далѣе на Кавказъ. Чрезвычайно любопытно то письмо его съ дороги къ Бѣгичеву, въ которомъ онъ описываетъ свое пребываніе въ Москвѣ и высказываетъ, между прочимъ, нѣсколько замѣтокъ, прекрасно характеризующихъ его личность. «Въ Москвѣ все не по мнѣ» — пишетъ Грибоѣдовъ — «ни въ комъ нѣтъ любви къ чему нибудь изящному, а притомъ, «нѣсть пророка безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ, въ сродствѣ и въ дому своемъ;» отечество, сродство и домъ мой въ Москвѣ. Всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ Сашу-милаго-ребенка, который теперь выросъ, много повѣсничалъ, наконецъ становится къ чему-то годенъ, опредѣленъ въ Миссію, и можетъ современемъ попасть въ статскіе совѣтники; а больше во мнѣ ничего видѣть нехотятъ. Въ Петербургѣ я, по крайней мѣрѣ, имѣю нѣсколько такихъ людей, которые, незнаю настолько-ли меня цѣнятъ, сколько я думаю, что стою; но, покрайней мѣрѣ, судятъ объ мнѣ и смотрятъ съ той стороны, съ которой хочу, чтобы на меня смотрѣли. Въ Москвѣ совсѣмъ другое: спроси Жандра, какъ однажды, за ужиномъ, матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ, и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, отъ того, что я не восхищаюсь Кокошкинымъ, и ему подобными»...

Судя по этимъ строкамъ и еще по тому, что, незадолго передъ отъѣздомъ на Кавказъ, написано было Грибоѣдовымъ стихотвореніе (*Прости Отечество!*), въ которомъ онъ рисуетъ русскую современность въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, должно предполагать, что онъ охотно уѣзжалъ въ даль, ожидая отъ пребыванія въ новой для него полудикой странѣ свѣжихъ и сильныхъ впечатлѣній, до которыхъ постоянно былъ страстнымъ охотникомъ. И дѣйствительно, несмотря на многосложность занятій по своей новой должности, несмотря на то, что онъ долженъ былъ посвятить значительную долю времени изученію восточныхъ языковъ, Грибоѣдовъ однакоже успѣлъ въ своемъ далекомъ уединеніи настолько сосредочиться и окрѣпнуть духомъ, что въ 1821 году, задумалъ написать свою извѣстную комедію, которую и написалъ, въ 1822 г., въ теченіе своего пребыванія въ Грузіи, куда онъ въ это время былъ преведенъ на службу изъ Персіи [1]). Впрочемъ, комедія его потомъ долго и много разъ передѣлывалась, переработывалась отдѣльными частями и была вполнѣ окончена уже въ 1823 году, когда, отправившись въ отпускъ въ Москву, онъ провелъ тамъ около года. Третій и четвертый актъ «Горя отъ ума» были, между прочимъ написаны Грибоѣдовымъ въ *Екатериненскомъ* (Тульской губ., Епифановскаго уѣзда), имѣніи С. Н. Бѣгичева; Грибоѣдовъ жилъ тамъ, послѣ свадьбы своего друга, лѣтомъ 1823 года, въ садовой бесѣдкѣ, гдѣ и были написаны вышепомянутыя части его знаменитой комедіи. Окончивъ свою комедію и приготовивъ ее къ постановкѣ на сцену, Грибоѣдовъ отправился въ Петербургъ, гдѣ однакоже никакія, самыя энергическія усилія, никакія знакомства и связи въ высшемъ кругу, никакія уступки и урѣзки въ комедіи не помогли Грибоѣдову — цензура не пропустила его комедіи и постановка ея на сцену оказалась дѣломъ совершенно невозможнымъ.

«Здѣсь я уже восемь дней гуляю»; — пишетъ Грибоѣдовъ Бѣгичеву изъ С.-Петербурга—«коли дома, то вѣрно одинъ другаго смѣняетъ въ моей комнатѣ; когда же со двора выхожу, то повсюду разсыпаюсь,—досугъ и воля. Всѣ просятъ манускриптъ и надоѣдаютъ»... Въ другомъ письмѣ, упоминая о томъ же, Грибоѣдовъ замѣчаетъ: «не могу оторваться отъ побрякушекъ авторскаго самолюбія. Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ (исчезаютъ), сержусь и возстановляю стертое, такъ что, кажется, работѣ конца не будетъ;.... будетъ же, добьюсь до чего нибудь; терпѣніе есть азбука всѣхъ прочихъ наукъ.... Ты, безцѣнный другъ насквозь знаешь твоего Александра: подивись гвоздю, который онъ вбилъ себѣ въ голову, мелочной задачѣ, вовсе не сообразной съ ненасытностью души, съ пламенной страстью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ, къ перемѣнѣ мѣстъ и занятій, къ людямъ и дѣламъ необыкновеннымъ»...

Невозможность увидѣть свою комедію ни въ печати, ни на сценѣ тѣмъ болѣе должна была раздражать Грибоѣдова, что его комедія, распространяясь въ безчисленномъ множествѣ списковъ, всѣхъ приводила въ неописанный восторгъ, и не смотря на то, что она являлась одновременно съ другимъ замѣчательнымъ произведеніемъ,—съ «*Евгеніемъ Онѣгинымъ*» — слава Пушкина не могла затмить славу Грибоѣдова. Кстати не мѣшаетъ замѣтить, что Пушкинъ, прочитавъ *Горе отъ ума*, отнесся къ нему очень строго, и при всѣхъ достоинствахъ, находилъ въ комедіи Грибоѣдова много крупныхъ недостатковъ; такая строгость должна казаться тѣмъ болѣе странною, что вообще Пушкинъ былъ, какъ извѣстно, очень снисходителенъ ко всякимъ талантамъ, а друзей своихъ превозносилъ похвалами даже и гораздо болѣе, нежели они того заслуживали [2]).

Неудача, испытанная Грибоѣдовымъ по отношенію къ его комедіи, еще болѣе должна была въ немъ усилить недовольство настоящимъ, съ которымъ и прежде, лѣтъ за семь до этого времени, онъ никогда не чувствовалъ ни какого расположенія примиряться. Желчный саркастическій тонъ его писемъ, который становился особенно ѣдкимъ за это время, ясно

[1]) Онъ состоялъ при А. П. Ермоловѣ для занятій по дипломатической части. [2]) Дельвигъ, Языковъ, Баратынскій — поэты-друзья Пушкина составляли для него нѣчто особенное, стоявшее выше всякой критики. Баратынскаго поэтъ ставилъ даже выше себя по достоинству его поэтическихъ произведеній.

свидѣтельствуетъ о томъ, что ему жилось очень не весело, тѣмъ болѣе, что онъ уже неспособенъ былъ къ прежнему беззаботному и вѣтренному разгулу, и смотрѣлъ на жизнь серьезно, видѣлъ цѣль передъ собою—и не видѣлъ никакой возможности достиженія ея въ будущемъ. Горько жалуется онъ на полную неопредѣленность положенія своего, на свою одинокость «среди глупцовъ», которыхъ онъ видитъ около себя уже слишкомъ много...

«Другъ и братъ!» такъ пишетъ Гробоѣдовъ изъ С.-Петербурга къ Бѣгичеву 4-го янв. 1825 г. «пишу тебѣ въ пятомъ часу утра—не спится. Нынче день моего рожденія,—чтоже я? На полпути моей жизни [1]), скоро буду старъ и глупъ, какъ всѣ мои благородные современники. Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться, отовсюду колѣнопреклоненіе и ѳиміамъ, но вмѣстѣ съ этимъ — сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетень, ихъ мишурныхъ талантовъ и мелкихъ ихъ душишекъ. Не отчаявайся, другъ почтенный, я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ трясинномъ государствѣ. Скоро отправлюсь и—на долго... Братъ! ты меня зовешь въ деревню. Коли не теперь, не нынѣшнимъ лѣтомъ, такъ вѣрно со временемъ у тебя поищу прибѣжища, не отъ бурей, не отъ угрожающихъ скорбей, но рѣшительно отъ пустоты душевной. Какой міръ! Кѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія».

Ничего не добившись, еще болѣе разочарованный въ людяхъ, нежели прежде, Грибоѣдовъ спѣшилъ оставить столицу, среди шума которой чувствовалъ себя неспособнымъ къ литературной дѣятельности [2]), собирался отправиться за границу, но путешествіе это почему-то ему не удалось; тогда онъ съ удовольствіемъ сталъ помышлять о возвращеніи въ Грузію. Онъ отправился туда черезъ южную Россію и Крымъ, который ему уже давно хотѣлось видѣть... Но и здѣсь разочарованіе, недовольство собой и людьми не оставляли его ни на минуту. «Я тотчасъ не писалъ къ тебѣ по важной причинѣ»: — такъ пишетъ Грибоѣдовъ Бѣгичеву (отъ 9-го сент. 1825 г.) изъ Симферополя—«ты хотѣлъ знать, что я съ собою намѣренъ сдѣлать, а я самъ еще не зналъ, что я съ собою намѣренъ сдѣлать; чуть было не попалъ въ Одессу, потомъ думалъ поселиться на долго въ Соблахъ, неподалеку отсюда.—Наконецъ ѣду къ Ермолову послѣ завтра непремѣнно; все уложено. Ну вотъ почти три мѣсяца я провелъ въ Тавридѣ, а результатъ—нуль. Ничего не написалъ.—Не знаю, не слишкомъ ли я отъ себя требую? умѣю-ли писать? Право, для меня все еще загадка. Что у меня съ избыткомъ найдется, что сказать—за это ручаюсь; отчего же я нѣмъ? Нѣмъ, какъ гробъ!!

Еще игра судьбы нестерпимая: весь вѣкъ желаю гдѣ-нибудь найдти уголокъ для уединенія, и нѣтъ его для меня нигдѣ. Пріѣзжаю сюда (въ Симферополь), никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжалось неболѣе сутокъ; потому-ли что фортепіанная репутація моей сестры извѣстна, или чутьемъ открыли, что я умѣю играть вальсы и кадрили, ворвались ко мнѣ, осыпали привѣтствіями, и маленькій городокъ сдѣлался мнѣ тошнѣе Петербурга. — Мало этого; наѣхали путешественники, которые меня знаютъ по журналамъ: сочинитель Фамусова и Скалозуба—слѣдовательно веселый человѣкъ. Тьфу злодѣйство! да мнѣ не весело, скучно, отвратительно, несносно!.. И то неправда; иногда слишкомъ ласкали мое самолюбіе, знаютъ наизусть мои риѳмы, ожидаютъ отъ меня, чего я можетъ быть не въ силахъ исполнить; такимъ образомъ, я нажилъ кучу новыхъ пріятелей, а время потерялъ, и вообще утратилъ силу характера, которую начиналъ пріобрѣтать на перекладныхъ. Вѣрь мнѣ, чудесно всю жизнь свою прокатиться на четырехъ колесахъ; кровь волнуется, высокія мысли бродятъ и мчатъ за обыкновенные предѣлы пошлыхъ опытовъ, воображеніе свѣжо, какой то бурный огонь въ душѣ пылаетъ и не гаснетъ... Но остановки, отдыхи двухъ-недѣльные, двухъ-мѣсячные для меня пагубны; задремлю, либо завьюсь чужимъ вихремъ, живу не въ себѣ, а въ тѣхъ людяхъ, которые поминутно со мною, часто же они дураки набитые. — Подожду, авось придутъ въ равновѣсіе мои замыслы безпредѣльные и ограниченныя способности».

Еще болѣе тяжелою грустью, близкою къ

[1]) Ему тогда минуло тридцать лѣтъ. [2]) «Всѣ мы здѣсь ужаснѣйшая дрянь» — писалъ онъ изъ Петербурга къ Катенину. «Боже мой! когда я вырвусь изъ этого мертваго города»!

отчаянью отзывается письмо Грибоѣдова къ Бѣгичеву же, изъ Ѳеодосіи, отъ 9-го сентября того же года. «Такъ скучно! такъ грустно!»—говоритъ онъ въ этомъ письмѣ—«думалъ помочь себѣ, взялся за перо, но пишется нехотя; вотъ и кончилъ, а все не легче... Пора умереть! Незнаю, отчего это такъ долго тянется? Тоска неизвѣстная! воля твоя, если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружаться терпѣніемъ; пускай оно останется добродѣтелью тяглаго скота. Представь себѣ, что со мною повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи, но теперь въ такой усиленной степени, какъ еще никогда не бывало... Сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета: а я чувствую, что то или другое у меня впереди». На утѣшающія письма Бѣгичева, Грибоѣдовъ, въ декабрѣ того же года, отвѣчалъ уже изъ Грузіи:

«Ты совершенно правъ, но этого для меня недовольно, ибо кромѣ голоса здраваго разсудка, есть во мнѣ какой-то внутренній распорядитель; наклоняетъ меня къ мрачности, скукѣ, и теперь я тотъ же, что въ Ѳеодосіи: незнаю, чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего, согласись, что это положеніе незавидно... Ты говоришь мнѣ о талантѣ; надобно бы вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть всегда охоту имъ пользоваться, но тѣ промежутки, когда чувствуешь себя пустѣйшимъ головою и сердцемъ, чѣмъ прикажешь ихъ наполнить? Люди не часы; кто всегда похожъ на себя, и гдѣ найдется книга безъ противорѣчій? Чтобы дальше не іовничать, пускаюсь въ Чечню: А. П. [1]) не хотѣлъ, но я самъ ему навязался.—Теперь это меня нѣсколько занимаетъ,—борьба горной и лѣсной свободы съ . . . . . . просвѣщеніемъ, дѣйствіе конгревовъ; будемъ вѣшать и прощать, и плюемъ на исторію».

И дѣйствительно, Грибоѣдовъ участвовалъ въ экспедиціи противъ горцевъ, даже писалъ стихи («Хищники на Чегемѣ [2]) въ виду непріятельскаго стана и кавказскихъ горъ... Въ началѣ 1826 года Грибоѣдовъ былъ присланъ въ Петербургъ Ермоловымъ по дѣламъ службы и сталъ лично извѣстенъ Государю. Онъ получилъ здѣсь за отличіе чинъ надворнаго совѣтника, и возвратился снова въ Грузію, гдѣ продолжалъ службу при Ермоловѣ, а потомъ при своемъ родственникѣ, графѣ Паскевичѣ - Эриванскомъ. Отъ конца 1826 года, осталось намъ очень замѣчательное письмо Грибоѣдова къ Бѣгичеву, ясно обрисовывающее, что въ немъ совершался какой то тяжелый нравственный переворотъ, въ смыслѣ вынужденнаго примиренія съ дѣйствительностью, которая была ему несносна, но которую онъ не чувствовалъ себя въ силахъ измѣнить, отъ которой невидѣлъ возможности уклониться.

... «Я принялъ твой совѣтъ:—пишетъ Грибоѣдовъ —«пересталъ умничать; со всѣми видаюсь, слушаю всякій вздоръ, и нахожу, что это очень хорошо. Какъ нибудь дотяну до смерти, а тамъ увидимъ, больше ли толку, Тифлисскаго или Петербургскаго». Нѣсколько далѣе, въ томъ же письмѣ, онъ прибавляетъ:

...«Буду-ли я когда нибудь независимымъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли къ жизни, которую себѣ назначилъ, и, можетъ статься, наперекоръ судьбы. Поэзія!! Люблю ее безъ памяти, страстно; но любовь одна достаточна-ли, чтобы себя прославить? И наконецъ что слава? по словамъ Пушкина...

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно-вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ? Все-таки Шереметевъ [3]) у насъ затмилъ бы Омира.... Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ... Когда нибудь и можетъ быть скоро, свидимся... ты удивишься, когда узнаешь, какъ мелки люди.... Читай Плутарха и будь доволенъ тѣмъ, что было въ древности. Нынѣ эти характеры болѣе не повторятся».

Между тѣмъ открылась кампанія противъ Персіи, и Грибоѣдовъ, сопровождая Паскевича, былъ чрезвычайно полезенъ ему своимъ знаніемъ восточныхъ языковъ и мѣстныхъ условій жизни; въ походѣ онъ велъ и краткія записки. По окончаніи кампаніи, въ награду за труды при веденіи перегово-

[1]) Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. [2]) Чегемъ—названіе горной кавказской рѣчьки. [3]) Извѣстный богачъ, у котораго было слишкомъ 120,000 душъ крестьянъ.

ровъ о мирѣ, Грибоѣдовъ былъ отправленъ въ Петербургъ для поднесенія Государю мирнаго (туркманчайскаго) трактата. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ мартѣ 1828 г. Онъ поговаривалъ въ кругу друзей своихъ о намѣреньи выйти въ отставку и посвятить себя исключительно занятіямъ литературою. Видно даже, что у него уже были готовы планы нѣсколькихъ будущихъ произведеній. Отрывки одного изъ нихъ—романтической драмы: *Грузинская ночь*, навѣянной изученіемъ Шекспира—онъ даже читалъ друзьямъ своимъ.

Эчміадзинскій монастырь.

Но «на перекоръ судьбы» своей Грибоѣдову не пришлось идти. Осыпанный наградами, онъ сверхъ всякаго ожиданія, былъ назначенъ въ Апрѣлѣ того же года полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ. Проѣзжая черезъ Тифлисъ, на пути въ Персію, Грибоѣдовъ женился на княжнѣ Чевчавадзе—а въ началѣ слѣдующаго (1829) года, его уже не было въ живыхъ. Другому великому русскому поэту, ѣхавшему на Кавказъ, чтобы развѣять снѣдавшую его грусть-тоску и забыться среди новыхъ для него военныхъ впечатлѣній, пришлось встрѣтить на пути своемъ смертные останки Грибоѣдова, и онъ посвятилъ ему въ своихъ запискахъ нѣсколько искреннихъ, теплыхъ, задушевныхъ строкъ; выписываемъ эти строки изъ записокъ Пушкина.

«...На высокомъ берегу рѣки увидѣлъ (я) противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько Грузинъ сопровождали арбу. «Откуда вы?» спросилъ я ихъ.—«Изъ Тегерана».—«Что вы везете?»—*Грибоѣда*.—Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ страшныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить; онъ мнѣ сказалъ: Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux [1]). Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть Шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый Шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись: онъ погибъ подъ кинжалами Персіянъ, жертвою невѣжества и вѣроломства [2]). Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда прострѣленной (на дуэли) пистолетною пулею.

«Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ непризнанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, — эту глупую, несносную улыбку — когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ *Московскомъ Телеграфѣ*. Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ».

«Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: — слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость расчесться единожды навсегда съ своею молодостію и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и праздной разсѣянностью - и уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву, въ 1824 г., было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ безпрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія «Горе отъ ума» производила неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его на ряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени совершенное знаніе края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще; онъ назначенъ былъ посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ... Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неравнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна».

«Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по-себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и не любопытны»...

Тѣло Грибоѣдова, по его желанію выраженному имъ при жизни, погребено было въ монастырѣ св. Давида (Эчміадзинскомъ) построенномъ на живописной и крутой скалѣ, на западъ отъ Тифлиса. Мѣстоположеніе этого монастыря всегда нравилось покойному поэту. Супруга воздвигла на могилѣ его великолѣпный памятникъ.

---

[1]) Вы не знаете этихъ людей; вы увидите, что прійдется пустить въ дѣло ножи. [2]) Онъ былъ убитъ въ Тегеранѣ (30-го Января 1829 г.) чернію, раздраженною тѣмъ, что въ домѣ посланника укрывались Армяне и Армянки — русскіе подданные, которыхъ собирались возвратить на родину.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ГРИБОѢДОВА.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Фамусовъ и слуга.

Фам. Петрушка! Вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтемъ! Достань-ка календарь.
Читай, не такъ какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой,
Постой же. На листѣ черкни, на записномъ,
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковьѣ Өедоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй — умъ вскружится!
То бережешься, то обѣдъ;
Ѣшь три часа, а въ три дня не сварится!
Отмѣть-ка: въ тотъ же день... нѣтъ, нѣтъ...
Въ четвергъ я званъ на погребенье.
Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякій долженъ самъ туда же лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ — вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный камергеръ,
Съ ключемъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ — и на богатой былъ женатъ;
Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался — всѣ о немъ съ прискорбьемъ вспоминаютъ:
Кузьма Петровичъ! миръ ему!
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши въ четвергъ, одно ужъ къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу,
Я долженъ у вдовы, у докторши крестить...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Фамусовъ, слуга и Чацкій.

Фам. А! Александръ Андреевичъ, просимъ.
Садитесь-ка.
Чац. Вы заняты?
Фам. *слугѣ*. Поди. (*Слуга уходитъ*).
Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ:
Забудется, того гляди.
Чац. Вы что-то невеселы стали....
Скажите, отчего? пріѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.
Фам. Ахъ, батюшка! нашелъ загадку:
Не веселъ я!... Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку.
Чац. Никто не приглашаетъ васъ;
Я только что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ: быть можетъ, нездорова?
Фам. Тьфу, Господи прости! пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и тоже!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна!
Скажи: тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ, не хочешь-ли жениться?
Чац. А вамъ на что?
Фам. Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько съ-родни;
По крайней мѣрѣ, искони
Отцомъ не даромъ называли.
Чац. Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?
Фам. Сказалъ бы я: во-первыхъ, не блажи!
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно;
А главное—поди-ка, послужи.
Чац. Служить бы радъ, прислуживаться тошно.
Фам. Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы?
Учились бы, на старшихъ глядя.
Мы, напримѣръ... или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ;
Вѣкъ при Дворѣ, да при какомъ Дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ; —
При Государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры всѣ важны... въ сорокъ пудъ...
Раскланяйся—тупеемъ не кивнутъ;
Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой: и пилъ, и ѣлъ иначе!
А дядя—что твой князь! что графъ!

Серьезный видъ, надменный нравъ;
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось оступиться:
Упалъ—да такъ, что чуть затылка не пришибъ,
Старикъ заохалъ... голосъ хрипкой...
Былъ Высочайшею пожалованъ улыбкой:
Изволили смѣяться.... Какъ же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ,
Упалъ вдругорядъ — ужъ нарочно;
А хохотъ пуще—онъ и въ третій такъ же точно!
А? какъ по вашему? По нашему—смышленъ:
Упалъ онъ больно—всталъ здорово.
За то, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при Дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка?!
Въ чины выводитъ кто, и пенсію даетъ?
Максимъ Петровичъ!.. Да!.. Вы, нынѣшніе, — нутка!
Чац. И точно; началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ,
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ:
Стучали объ полъ, не жалѣя!
Кому нужда—тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли;
А тѣмъ, кто выше—лесть, какъ кружево, плели;
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха—
Все подъ личиною усердія къ царю!
Я не о дядюшкѣ о вашемъ говорю,
Его не возмутимъ мы праха;
Но между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ!
А сверстничекъ, а старичекъ
Иной, глядя на тотъ скачекъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: ахъ, если бы мнѣ тоже!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въуздѣ —
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи!
Фам. Ахъ Боже мой, онъ карбонарій!
Чац. Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ!
Фам. Опасный человѣкъ!
Чац. Вольнѣе всякій дышетъ
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.
Фам. Что говоритъ!—и говоритъ, какъ пишетъ.
Чац. У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...
Фам. Онъ вольность хочетъ проповѣдать!
Чац. Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ..
Фам. Да онъ властей не признаетъ!
Чац. Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...
Фам. Строжайше бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!
Чац. Я наконецъ вамъ отдыхъ дамъ...
Фам. Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!
Чац. Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно.
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу:
Ужъ такъ и быть, я не заплачу.
Фам. И знать васъ не хочу: разврата не терплю!
Чац. Я досказалъ.
Фам. Добро, заткнулъ я уши!
Чац. На чтожъ? я ихъ не оскорблю.
Фам. *скороговоркою.* Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши;
Воротятся — отъ нихъ порядка жди!...
Чац. Я пересталъ...
Фам. Пожалуй, пощади!
Чац. Длить споры не мое желанье.
Фам. Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣже и Слуга.

Слуга. Полковникъ Скалозубъ.
Фам. *ничего не видитъ и не слышитъ*: Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ, какъ пить дадутъ.
Чац. Пожаловалъ къ вамъ кто-то на-домъ.
Фам. Не слушаю: подъ судъ!
Чац. Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ...
Фам. Не слушаю: подъ судъ, подъ судъ!
Чац. Да обернитесь, васъ зовутъ.
Фам. *оборачивается*! А! Бунтъ! Я такъ и жду содома!
Слуга. Полковникъ Скалозубъ. — Прикажете принять?
Фам. *встаетъ*. Ослы! сто разъ вамъ повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать; что дома,
Что очень радъ. Пошелъ же, торопись! (*слуга уходитъ*.)

Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличья нахваталъ:
Не по лѣтамъ и чинъ завидный:
Не нынче, завтра — генералъ!
Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько.
Эхъ, Александръ Андреичъ, дурно, братъ!...
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько:
Я всякому, ты знаешь радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ будто женится на Софьюшкѣ. Пустое!
Онъ, можетъ быть и радъ бы былъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать, ни завтра, ни сегодня:
Вѣдь Софья молода. А впрочемъ власть господня!
Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральныя идеи эти брось.
Однако, нѣтъ его! какую бы причину!...
А, знать пошелъ ко мнѣ въ другую половину!
(*Поспѣшно уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Чацкій одинъ.

Какъ суетится! что за прыть!
А Софья!... Нѣть-ли вправь тутъ жениха какого?
Съ которыхъ поръ меня дичится какъ чужаго?
Какъ здѣсь бы ей не быть?...
Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ;
А можетъ быть, не только что отецъ...
Ахъ! тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года вдаль уѣдетъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Чацкій, Фамусовъ и Скалозубъ.

Фам. Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ, сюда-съ,
Прошу покорно, — здѣсь теплѣе;
Прозябли вы — согрѣемъ васъ,
Отдушничекъ отвроемъ поскорѣе...
Скал., *густымъ басомъ.* Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ... мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ!
Фам. Неужто для друзей не дѣлать мнѣ ни шагу?
Сергѣй Сергѣичъ дорогой!
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу,
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой...
Скал. Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.
(*Всѣ трое садятся; Чацкій поодаль.*)
Фам. Ахъ, батюшка, сказать, чтобъ не забыть
Позвольте намъ своими счесться.
Хоть дальними — наслѣдства не дѣлить...
Не знали вы, а я подавно, —
Спасибо научилъ двоюродный вашъ братъ:
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?
Скал. Не знаю-съ, виноватъ,
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.
Фам. Сергѣй Сергѣичъ, это вы-ли?
Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку иль къ мѣстечку,
Ну какъ не порадѣть родному человѣчку!
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.
Скал. Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.
Фам. Да! счастье, у кого есть эдакой сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?
Скал. За третье августа; засѣли мы въ траншею...
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ — на шею.
Фам. Любезный человѣкъ! и посмотрѣть такъ хватъ.
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ!
Скал. Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему — онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.
Фам. Вотъ молодость!... читать.... а послѣ хвать!...
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.
Скал. Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ;
Вакансіи какъ-разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,

Другіе, смотришь, перебиты.
Фам. Да, чѣмъ Господь кого поищетъ, вознесетъ!
Скал. Бываетъ моего счастливѣе везетъ:
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.
Фам. Помилуйте, а вамъ чего не достаетъ?
Скал. Не жалуюсь, не обходили;
Однако за полкомъ два года поводили.
Фам. Въ погонь ли за полкомъ?
Зато, конечно, въ чемъ другомъ
За вами далеко тянуться!
Скал. Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся!
Я съ восемьсотъ-девятаго служу.
Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы;
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу:
Мнѣ только бы досталось въ генералы.
Фам. И славно судите; дай Богъ здоровье вамъ
И генеральскій чинъ, — а тамъ,
Зачѣмъ откладывать бы дальше.
Рѣчь завести о генеральшѣ...
Скал. Жениться? я ни чуть не прочь.
Фам. Что жъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода:
Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ съищется еще столица какъ Москва?
Скал. Дистанція огромнаго размѣра.
Фам. Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На все свои законы есть.
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,
Что по отцѣ и сыну честь;
Будь плохенькой, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ — разумникомъ слыви!
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви!
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ.
Да это ли одно!... возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать — изволь:
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ ровнехонько: про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы, отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ:
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
На юношей, сынковъ и внучатъ:
Журимъ мы ихъ, а если разберешь —
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ... что слово — приговоръ,
Вѣдь столбовые всѣ; въ усъ никому не дуютъ
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ — бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили — никогда!
Спаси насъ Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ и... разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ, по уму.
Я вамъ скажу: знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло.
А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему, вездѣ; надъ ними нѣтъ судей;
За картами, когда возстанутъ общимъ бунтомъ, —
Дай Богъ терпѣніе! Вѣдь самъ я былъ женатъ!
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочекъ кто видалъ, — всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь:
Дивился не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ, —
Ихъ благонравію, не лицамъ.
И точно! — Можно ли воспитаннѣе быть?
Умѣютъ же себя онѣ принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой.
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки!
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ;
А потому, что патріотки...
Рѣшительно скажу: едва
Другая съищется столица, какъ Москва!
Скал. По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.
Фам. Не поминайте намъ! ужъ мало ли крехтятъ
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все — на новый ладъ.
Чац. Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.
Фам. *Чацкому.* Эй, завяжи на память узелокъ!
Просилъ я помолчать — не велика услуга. *(Скалозубу.*
Позвольте, батюшка, вотъ-съ Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ;
Не служитъ, то есть, въ томъ онъ пользы не находитъ;
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой;
Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ...
Нельзя не пожалѣть, что съ эдакимъ умомъ...
Чац. Нельзя ли пожалѣть о комъ-нибудь другомъ:

И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ!
Фам. Не я одинъ—всѣ такъ же осуждаютъ.
Чац. А судьи кто?... За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримиримa;
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ очаковскихъ и покоренья Крыма.
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не тѣ ли, что грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ.
Великолѣпныя соорудя палаты.
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не встребятъ кліенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты?
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ-ли, вы кому меня еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ,
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И жизнь, и честь его неразъ спасали; вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или — вонъ тотъ еще, который, для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ, погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ;
Но кредиторовъ онъ не согласилъ къ отсрочкѣ.
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы поодиночкѣ!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь, пускай, изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій;
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ, —
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ!
Мундиръ! одинъ мундиръ! Онъ, въ прежнемъ ихъ быту,
Когда-то укрывалъ — расшитый и красивый —
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету,
Ушолъ за ними—въ путь счастливый?
И въ женахъ, въ дочеряхъ къ мундиру та же страсть.
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть,
Но ктобъ тогда за всѣми не увлекся?
Когда изъ гвардіи, иные, отъ Двора,
Сюда на время пріѣзжали:
Кричали женщины — ура!
И въ воздухъ чепчики бросали!
Фам. *про себя.* Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду. (*Громко*).
Сергѣй Сергѣичъ! я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Скалозубъ и Чацкій.

Скал. Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ,
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, къ гвардіонцамъ:
Ихъ золотцу, шитью — дивятся будто солнцамъ!
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено, и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ иные по-французски!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Чацкій, потомъ Софья.

Чац. Дождусь ея и вынужу признанье:
Кто наконецъ ей милъ? Молчалинъ? Скалозубъ?...
Молчалинъ прежде былъ такъ глупъ!...
Жалчайшее созданіе!
Ужъ развѣ поумнѣлъ? А тотъ —
Хрипунъ, удавленникъ, фаготъ,
Созвѣздіе маневровъ и мазурки!
Судьба любви — играть ей въ жмурки!
А мнѣ... (*Софія входитъ*).
Вы здѣсь? Я очень радъ!
Я этого желалъ!...
Соѳ. *про себя*. И очень невпопадъ!
Чац. Конечно, не меня искали?
Соѳ. Я не искала васъ.
Чац. Дознаться мнѣ нельзя ли,
Хоть и не кстати, нужды нѣтъ, —
Кого вы любите?
Соѳ. Ахъ, Боже мой! Весь свѣтъ!
Чац. Кто *болѣе* вамъ милъ?
Соѳ. Есть многіе родные...
Чац. Всѣ болѣе меня?
Соѳ. Иные!...
Чац. И я чего хочу, когда все рѣшено?
Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшно!
Соѳ. Хотите ль знать вы истины два слова?
Малѣйшая въ комъ странность чуть видна...
Веселость ваша не скромна —
У васъ тотчасъ ужъ острота готова;
А сами вы...
Чац. А самъ? не правда ли, смѣшонъ?
Соѳ. Да, грозный взглядъ и рѣзкій тонъ...
И этихъ въ васъ особенностей бездна;
А надъ собой гроза куда не безполезна!
Чац. Я страненъ? А не страненъ кто жъ?
Тотъ, кто на всѣхъ глупцовъ похожъ —
Молчалинъ, напримѣръ?
Соѳ. Примѣры мнѣ не новы;
Замѣтно, что вы желчь на всѣхъ излить готовы;
А я, чтобъ не мѣшать, отсюда уклонюсь.
Чац. *удерживаетъ ее*. Постойте-же! (*Въ сторону*.) Разъ въ жизни притворюсь. (*Громко*).
Оставимте мы эти пренья.
Передъ Молчалинымъ не правъ я, виноватъ:
Быть можетъ, онъ не то, что три года назадъ;
Есть на землѣ такія превращенья
Правленій, климатовъ, и нравовъ, и умовъ;
Есть люди важные — слыли за дураковъ:
Иной по арміи, иной плохимъ поэтомъ.
Иной... боюсь назвать, но признано всѣмъ свѣтомъ —
Особенно въ послѣдніе года,
Что стали умны хоть куда.
Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый.
Но есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый.
Казался прахъ и суета?
Чтобъ сердца каждое біенье
Любовью ускорялось къ вамъ?
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ
Душою — *вы*, вамъ угожденье?
Самъ это чувствую, сказать я не могу;
Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣситъ,
Не пожелалъ бы я и личному врагу.
А онъ?... смолчитъ и голову повѣситъ!
Конечно, смиренъ, — всѣ такіе не рѣзвы:
Богъ знаетъ, за него что выдумали вы,
Чѣмъ голова его ввѣкъ не была набита!
Быть можетъ, качествъ вашихъ тьму,
Любуясь имъ, вы придали ему.
Не грѣшенъ онъ ни въ чемъ: вы во сто разъ грѣшнѣе...
Нѣтъ, нѣтъ! пускай уменъ, часъ отъ часу умнѣе:
Но васъ онъ стоитъ ли? Вотъ вамъ одинъ вопросъ!
Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,
Какъ человѣку вы, который съ вами взросъ,
Какъ другу вашему, какъ брату,
Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ!
Потомъ
Отъ сумасшествія могу я остеречься:
Пущусь подалѣе — простыть, охолодѣть,
Не думать о любви! — Тамъ буду я умѣть
Теряться по свѣту, забыться и развлечься!
Соѳ. *про себя*. Вотъ нехотя съ ума свела!
(*Вслухъ*)
Что притворяться?
Молчалинъ давича могъ безъ руки остаться;
Я живо въ немъ участье приняла,
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились разчесть,

Что можно доброй быть ко всѣмъ и безъ разбору.
Но, можетъ, истина въ догадкахъ вашихъ есть,
И горячо его беру я подъ защиту;
Зачѣмъ же быть, скажу вамъ напрямикъ,
Такъ невоздержну на языкъ?
Въ презрѣньи къ людямъ такъ нескрыту,
Что и смирнѣйшему пощады нѣтъ?... Чего!
Случись кому назвать его, —
Градъ колкостей и шутокъ вашихъ грянетъ.
Шутить, и вѣкъ шутить! какъ васъ на это станетъ?
Чац. Ахъ, Боже мой! неужли я изъ тѣхъ,
Которыхъ цѣль всей жизни — смѣхъ?
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю;
А чаще съ ними я скучаю.
Соф. Напрасно это вы относите къ другимъ.
Молчалинъ вамъ наскучилъ бы едвали,
Когда бъ сошлись короче съ нимъ.
Чац. *съ жаромъ*. Зачѣмъ же вы его такъ коротко
узнали?
Соф. Я не старалась; Богъ насъ свелъ.
Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ.
При батюшкѣ три года служитъ:
Тотъ часто безъ-толку сердитъ, —
А онъ безмолвіемъ его обезоружитъ,
Отъ доброты души проститъ;
И между прочимъ
Веселостей искать бы могъ, —
Ничуть: отъ старичковъ не ступитъ за порогъ!
Мы рѣзвимся, хохочемъ;
Онъ съ ними цѣлый день: засядетъ —радъ не радъ,
Играетъ...
Чац. Цѣлый день играетъ,
Молчитъ, когда его бранятъ..,
(*Въ сторону*).
Она его не уважаетъ.
Соф. Конечно, нѣтъ въ немъ этого ума,
Что геній для иныхъ, а для иныхъ чума,—
Который скоръ, блестящъ и скоро опротивитъ,
Который свѣтъ ругаетъ наповалъ,
Чтобъ свѣтъ объ немъ хоть что-нибудь сказалъ,..
Да эдакій ли умъ семейство осчастливитъ?
Чац. Сатира и мораль—смыслъ этого всего?
(*Въ сторону*).
Она не ставитъ въ грошъ его!
Соф. Чудеснѣйшаго свойства
Онъ наконецъ: уступчивъ, скроменъ, тихъ,
Въ лицѣ ни тѣни безпокойства
И на душѣ проступковъ никакихъ;
Чужихъ и вкривь, и вкось не рубитъ...
Вотъ я за что его люблю!
Чац. *въ сторону*. Шалитъ! она его не любитъ.
(*Вслухъ*).
Докончить я вамъ пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозубъ? вотъ заглядѣнье!
За армію стоитъ горой...
И прямизною стана,
Лицомъ и голосомъ—герой...
Соф. Не моего романа.
Чац. Не вашего? Кто разгадаетъ васъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Чацкій, Софья и Лиза.

Лиза, *шепотомъ*. Сударыня! за мной сейчасъ
Къ вамъ Алексѣй Степанычъ будетъ.
Соф. Простите,—надобно идти мнѣ поскорѣй...
Чац. Куда?
Соф. Къ парикмахеру.
Чац. Богъ съ нимъ!
Соф. Щипцы простудитъ.
Чац. Пускай себѣ.
Соф. Нельзя, ждемъ на вечеръ гостей.
Чац. Богъ съ вами! остаюсь опять съ моей загадкой..,
Однако дайте мнѣ зайти, хотя украдкой,
Къ вамъ въ комнату на нѣсколько минутъ.
Тамъ стѣны, воздухъ—все пріятно;
Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ.
Воспоминаніемъ объ томъ, что невозвратно!
Не засижусь: войду,—всего минуты двѣ...
Потомъ, подумайте: членъ Англійскаго клуба,
Я тамъ дни цѣлые пожертвую молвѣ
Про умъ Молчалина, про душу Скалозуба.
(*Софья пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается; за нею и Лиза*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Чацкій, потомъ Молчалинъ.

Чац. Ахъ, Софья! Неужель Молчалинъ избранъ ей!
А чѣмъ не мужъ? ума въ немъ только мало;...
А впрочемъ, чтобъ имѣть дѣтей
Вѣдь у кого-жъ ума не доставало
Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ есть.
(*Молчалинъ входитъ*).
Вотъ онъ—на цыпочкахъ, и не богатъ словами,
Какою ворожбой умѣлъ къ ней въ сердце влѣзть?
(*Обращается къ нему*).
Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Неудалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче? безъ печали?
Молч. По прежнему-съ.
Чац. А прежде какъ живали?
Молч. День за день—нынче какъ вчера.
Чац. Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ?
Молч. По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.
Чац. Взманили почести и знатность?
Молч. Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...
Чац. У васъ?
Молч. Два-съ:
Умѣренность и аккуратность.
Чац. Чудеснѣйшіе два! и стоютъ нашихъ всѣхъ!
Молч. Вамъ не дались чины? по службѣ неуспѣхъ?
Чац. Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.
Молч. Какъ удивлялись мы!
Чац. Какое-жъ диво тутъ?
Молч. Жалѣли васъ...
Чац. Напрасный трудъ!
Молч. Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...
Чац. Ей почему забота?
Молч. Татьянѣ Юрьевнѣ?
Чац. Я съ нею незнакомъ.
Молч. Съ Татьяной Юрьевной?
Чац. Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались.
Слыхалъ, что вздорная...
Молч. Да это, полно, та ли-съ?
Татьяна Юрьевна!.. извѣстная... притомъ
Чиновные и должностные
Всѣ ей друзья и всѣ родные!
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ.
Чац. На что же?
Молч. Такъ... Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.
Чац. Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.
Молч. Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ, нельзя богаче,
Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ...
Ну, право, что-бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить!
И награжденья брать, и весело пожить!
Чац. Когда въ дѣлахъ—я отъ веселій прячусь.
Когда дурачиться—дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ,—я не изъ ихъ числа.
Молч. Простите. Впрочемъ тутъ не вижу преступленья;
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ... знакомъ онъ вамъ?
Чац. Ну, что жъ?
Молч. При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья,
Переведенъ сюда...
Чац. Хорошъ.
Пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ бестолковыхъ!
Молч. Какъ можно? Слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ!
Читали вы?
Чац. Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.
Молч. Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть.
Не сочинитель я...
Чац. И повсему замѣтно.
Молч. Не смѣю моего сужденья произнесть...
Чац. Зачѣмъ же такъ секретно?
Молч. Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.
Чац. Помилуйте: мы съ вами не ребята!
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?
Молч. Вѣдь надобно жъ зависѣть отъ другихъ.
Чац. Зачѣмъ же надобно?
Молч. Въ чинахъ мы небольшихъ.
Чац. *почти громко.* Съ такими чувствами! съ такой душою.
Любимъ!.. Обманщица смѣялась надо мною!

XXXVIII.

Н. А. ПОЛЕВОЙ. — ОТЗЫВЪ ВИГЕЛЯ. — ДѢТСТВО И РОДИТЕЛИ. — КОММЕРЦІЯ И УЧЕНЬЕ. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПОПЫТКИ И УЧАСТІЕ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ. — МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ. — РОМАНТИЗМЪ И ФИЛОСОФІЯ. — ЗАНЯТІЯ ИСТОРІЕЮ. — БОРЬБА И НЕУДАЧИ. — БѢЛИНСКІЙ — ПРЕЕМНИКЪ ПОЛЕВАГО.

Въ началѣ этого послѣдняго періода мы уже говорили о томъ литературномъ движеніи, которое, подъ общимъ названіемъ *романтизма*, проявилось въ первой четверти нынѣшняго столѣтія въ нашей литературѣ и, проникнувъ въ общество, вступило въ ожесточенную борьбу съ отжившими литературными теоріями и отживающими преданіями стараго застоя. Борьба романтиковъ съ классиками въ первое время не могла быть равною, потому что литература у насъ уже успѣла дожить до того времени, когда всѣ занимавшіе ее насущные и притомъ спорные вопросы должны были обсуждаться для всѣхъ доступнымъ путемъ журнальной, открытой полемики. Классики въ этомъ отношеніи успѣли себя въ значительной степени обезпечить: на ихъ сторонѣ была и *Бесѣда*, и *Общество любителей россійской словесности*, и наконецъ *Вѣстникъ Европы*, съ тѣхъ поръ какъ онъ поступилъ подъ редакцію Каченовскаго (профессора Московскаго университета). Между тѣмъ у романтиковъ еще не было постояннаго и вліятельнаго органа для проведенія ихъ идей въ общество. Въ послѣдніе годы царствованія Александра I вся ихъ издательская дѣятельность ограничивалась изданіемъ мелкихъ сборниковъ и альманаховъ, которые вошли въ особенную моду въ это время. Изъ постоянныхъ періодическихъ изданій единственнымъ прибѣжищемъ въ полемикѣ съ классиками былъ для романтиковъ «Сынъ Отечества», издававшійся Гречемъ съ 1821 года. Но это не былъ журналъ строго романтическаго направленія. Пропитанный ненавистью ко всему французскому и узкимъ, казеннымъ патріотизмомъ, журналъ этотъ вмѣстѣ съ *Сѣв. Пчелой* Булгарина, во второй половинѣ 20-хъ годовъ сдѣлался органомъ безцвѣтной посредственности, мелкой зависти и гоненія противъ всякаго свободнаго движенія, противъ всякаго свѣтлаго проблеска мысли. Въ это-то время, на поприще нашей литературы и журналистики выступилъ новый защитникъ и проповѣдникъ романтизма—Н. А. Полевой, главная заслуга котораго заключается въ томъ, что онъ создалъ журналъ, бывшій въ продолженіе цѣлыхъ 10 лѣтъ, въ самое смутное и тяжелое время для русской литературы, единственнымъ органомъ независимой и смѣлой мысли, и открылъ своею дѣятельностью новый періодъ въ нашей журналистикѣ—періодъ философскаго броженія, выработки нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ и эстетическихъ теорій.

Николай Алексѣевичъ Полевой (род. 1796 г., ум. въ 1846 г.), принадлежитъ къ роду курскихъ купцовъ, Полевыхъ. Онъ родился въ Иркутскѣ, гдѣ отецъ его занимался различными торговыми дѣлами, между прочимъ по Сѣверно-Американской торговой компаніи. Вотъ какъ описываетъ въ своихъ запискахъ Ф. Ф. Вигель семейство Полевыхъ, съ которымъ онъ познакомился во время своей поѣздки въ Китай, и въ домѣ котораго останавливался въ бытность свою въ Иркутскѣ.

«Между иркутскими купцами, ведущими обширную торговлю съ Китаемъ, были и милліонщики, Мѣльниковы, Собняковы и другіе: но всѣ они оставались вѣрны стариннымъ русскимъ, отцовскимъ и дѣдовскимъ обычаямъ, въ каменныхъ домахъ большія комнаты содержали въ совершенной чистотѣ, и для того никогда въ нихъ не ходили, ежились въ двухъ, трехъ чуланахъ, спали на сундукахъ, въ коихъ прятали свое золото, и при неимовѣрной, даже смѣшной дешевизнѣ, ѣли съ семьей одну селянку, запивая ее квасомъ или пивомъ... Совсѣмъ не таковъ былъ купчикъ, къ которому судьба привела меня на квартиру. Алексѣй Евсѣевичъ Полевой, родомъ изъ Курска, лѣтъ сорока съ небольшимъ, былъ весьма небогатъ, но весьма таровагъ, словоохотенъ и любознателенъ. Жена у него

была красавица, хотя уже дочь выдавала замужъ; онъ держалъ ее не въ заперти, и мы кажется другъ другу очень понравились. Онъ гордился не столько ею самою, сколько ея рожденіемъ: [1]) у нихъ былъ девяти-лѣтній сынишка, Николай, нѣжненькій, бѣленькій, худенькій мальчикъ, который влюбленъ былъ въ грамоту и бредилъ стихами: онъ теперь

Полевой.

извѣстенъ всей Россіи. Я всякій день ходилъ обѣдать къ послу и только вечеромъ зналъ хлѣбосольство моихъ хозяевъ: можно было подумать, что они хотятъ меня окормить. Насытясь отъ французскаго обѣда я, за ужиномъ безъ пощады опоражнивалъ русскія блюда; не знаю кого изъ супруговъ мнѣ благодарить или бранить за сіе пресыщеніе. Я думаю однако же скорѣе жену... Полевой занимался европейской политикой гораздо болѣе, чѣмъ азіатскою своею торговлей. Въ немъ, была замѣтна наклонность къ тому, чему тогда не было еще имени, и что нынѣ называютъ либерализмомъ, и онъ выписывалъ всѣ газеты, на русскомъ языкѣ тогда выходившія. Во время послѣдняго моего пребыванія въ Иркутскѣ, узналъ я у него о томъ, что мѣсяца два передъ тѣмъ происходило въ Германіи; какъ Маакъ положилъ оружіе при Ульмѣ, какъ австрійская армія ретировалась, какъ ученикъ Суворова, Багратіонъ, дрался уже съ французами и при Галлабрюкѣ и Вишау далъ имъ сильный отпоръ. Маленькій сынъ Полеваго... написалъ четверостишіе, въ которое вклеилъ, играя словами: *Богъ рати онъ* и *На поль онъ*. Послѣ тоже самое слышалъ я въ Москвѣ, и теперь не знаю, гдѣ было эхо: тамъ-ли, или въ Иркутскѣ? Гдѣ повторяли, и кто у кого перенялъ?»

Изъ этого свидѣтельства видно, что А. Е. Полевой принадлежалъ къ числу купцовъ, выдѣлявшихся по своему образованію изъ обычнаго купеческаго круга. Это былъ начетчикъ, умный, любознательный, любившій чтеніе и читавшій все, что попадалось подъ руку — Исторію Карамзина и исторію Боссюэта, Дѣянія Петра Великаго Голикова (дальняго родственника его) и путешествія капитана Кука. Какъ многіе подобнаго рода начетчики, онъ соединялъ въ себѣ бездну противорѣчій; отъ обычной купеческой рутины нерѣдко переходилъ къ рискованной дѣятельности прожектера, а при скудости техническаго образованія и при необычайно сильномъ воображеніи способенъ былъ бросаться на такія безумныя предпріятія, какъ напр. выдѣлка сахара и рома изъ астраханскихъ арбузовъ. Проживаясь на такого рода предпріятіяхъ, онъ снова входилъ въ обычную купеческую норму и снова начиналъ сколачивать по немногу копѣйку посредствомъ Сибирской торговли при С. Американской компаніи или устройства виннаго завода въ Москвѣ. Таковъ же онъ былъ и въ своемъ семействѣ: то нѣжный мужъ и отецъ по европейскимъ понятіямъ, то вдругъ неукротимый и необузданный въ гнѣвѣ. — Эта двойственность отразилась и въ воспитаніи сына. Онъ самъ вызвалъ въ сынѣ страсть къ книгамъ, поощрялъ эту страсть, гордился успѣхами сына въ наукахъ и впослѣдствіи на литературномъ поприщѣ; когда же находила на него мрачная минута, онъ, увлекаясь идеаломъ дѣловаго, практическаго купца, вдругъ принимался рвать и бросать въ огонь книги и тетрадки сына и требовать, чтобъ онъ ни о чемъ не думалъ, кромѣ купеческихъ дѣлъ. Вотъ какъ свидѣтельствуетъ о своемъ воспитаніи въ домѣ отца самъ Н. Ал.

[1]) Она была изъ роду Голиковыхъ.

Полевой въ своей автобіографіи: [1]) «Нельзя однакожь ничего вообразить страннѣе понятій отца моего объ образованіи, а въ слѣдствіе того и методѣ воспитанія, какое слѣдовалъ дать дѣтямъ. Собственно методы у него не было никакой. Онъ чувствовалъ пользу ученія и образованія, желалъ ихъ, но долго надобно-бы говорить, объясняя, что значили въ его понятіяхъ слова: *дѣловый человѣкъ* и что такое называлъ онъ *вздоромъ*. Писатель въ глазахъ его былъ что-то странное, хоть онъ глубоко уважалъ Голикова, и сто разъ слыхалъ я отъ него всѣ подробности объ этомъ любопытномъ историкѣ Петра Великаго, съ которымъ хорошо друженъ былъ онъ, какъ родственникъ. Нѣсколько разъ хотѣлъ отецъ мой послать меня въ Петербургъ, въ коммерческое училищѣ, гдѣ очень знакомъ ему былъ директоръ, извѣстный Подшиваловъ. Я почти не помню себя неграмотнымъ, потому что лѣтъ шести былъ я, когда старшая сестра выучила меня читать, и лѣтъ восьми я уже читалъ въ слухъ матери моей романы, отцу же Библію и Московскія Вѣдомости, а десяти перечиталъ уже все, что было въ шкапѣ у отца моего; Всемірный Путешественникъ, Разговоръ о Всеобщей Исторіи Боссюэта, о множествѣ міровъ Фонтенеля, путешествіе Ансона и Кука, Дѣянія и дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго, нѣсколько разрозненныхъ томовъ сочиненій Сумарокова, Ломоносова, Карамзина, Хераскова, театръ Коцебу и проч.—Добрый товарищъ моего дѣтства, А. А. Титовъ выучилъ меня писать, и мнѣ было лѣтъ десять, когда я велъ уже домашнюю контору у отца моего, и писалъ—да, *писалъ стихи и прозу*, самъ не зная, что такое стихи и проза, выдавалъ газету: *Азіатскія Вѣдомости*, въ родѣ Московскихъ Вѣдомостей, журналъ *Другъ Россіи*, въ родѣ Московскаго Меркурія (Макарова), отъ котораго я былъ въ восторгѣ, написалъ драму: *«Бракъ царя Алексѣя Михайловича»*, трагедію *Бланка Бурбонская*, интермедію: *Петръ Великій въ храмѣ безсмертія*, сочинялъ «Путешествія по всему свѣту», и рѣшился свести воедино Дѣянія и Дополненія Голикова. Если успѣвали мы доставать новыхъ книгъ у кого нибудь, я просто зачитывался, забывалъ *дѣла*; тутъ-то начиналась буря: отецъ бранилъ меня, жегъ мои драмы и журналы, отнималъ у меня книги. Но черезъ нѣсколько времени я опять принимался за прежнее, и отецъ мой, страстный политикъ, читая Московскія Вѣдомости, Вѣстникъ Европы, Политическій журналъ, забывалъ свое запрещеніе, говорилъ, разсуждалъ со мной, какъ со взрослымъ; мы вмѣстѣ бранили Наполеона, дѣлили Европу, ждали съ нетерпѣніемъ почты, которая привозила новости о нашихъ побѣдахъ, о Тильзитѣ, объ Эрфуртѣ, о Вѣнѣ; я наизусть выучивалъ статьи изъ Русскаго Вѣстника, вмѣстѣ съ Россіадой Хераскова, стихами изъ «Моихъ Бездѣлокъ», Карамзина, притчами Сумарокова, «Мыслями въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ». Сдѣлался наконецъ ходячею справочною книгою отца моего по Географіи и Исторіи, потому что память у меня была такая, какой я ни у кого другаго не встрѣчалъ. Выучить наизусть цѣлую трагедію мнѣ ничего не стоило. Словомъ, если надобно выразить умственное образованіе мое до 1811 года, то оно было таково: я прочиталъ тысячу томовъ всякой всячины, помнилъ все, что прочиталъ, отъ стиховъ Карамзина и статей Вѣстника Европы до хронологическихъ чиселъ и Библіи, изъ которой могъ пересказывать наизусть цѣлыя главы, но это былъ какой-то хаосъ мыслей и словъ, когда самъ я едва начиналъ мыслить. Между тѣмъ я былъ *дѣловымъ человѣкомъ*, управлялъ заводами отцовскими (къ своему фаянсовому заводу, онъ присоединилъ еще водочный, войдя въ связи съ тогдашними откупщиками), велъ контору, разсчеты, ходилъ и ѣздилъ въ городъ по дѣламъ, и слылъ въ городѣ диковиннымъ мальчикомъ, съ которымъ, какъ съ ученымъ человѣкомъ, разсуждалъ самъ Губернаторъ и спорилъ Директоръ Гимназіи».

Такое безсистемное и безпорядочное чтеніе, въ перемежку съ торговыми занятіями составляло все образованіе Н. А. Полеваго до 18-ти лѣтняго возраста (1814 г.).— Съ этихъ лѣтъ занятія юноши стали дѣлаться болѣе систематическими. «Съ 1814 года», — говоритъ Н. Ал. Полевой въ своей автобіографіи»—началъ я потихоньку учиться, и прежде всего русской грамматикѣ, по грамматикѣ Соколова, которая какъ-то попалась мнѣ въ руки. Тогда-же увидѣлъ я необхо-

[1]) См. Очерки Русской Литературы, сочиненіе Николая Полеваго, т. I. ст. 1889.

димость знать иностранные языки... Пьяный цырюльникъ Наполеоновской арміи, Итальянецъ, который остался допивать жизнь свою въ одной изъ курскихъ цырюленъ, показалъ мнѣ произношеніе французскихъ буквъ; старикъ музыкальный учитель, Богемецъ, который училъ на фортепіано дочерей моего хозяина [1]), и любилъ послѣ уроковъ посидѣть у меня въ конторской комнаткѣ и покурить табаку, научилъ меня нѣмецкой азбукѣ»...

«Въ Иркутскѣ въ 1815 году судьба свела меня еще съ добрымъ товарищемъ, молодымъ любезнымъ человѣкомъ, который занимался тогда по дѣламъ откупа, В. М. Пурлевскимъ. Вмѣстѣ съ нимъ и съ Ксенофонтомъ [2]) отыскали какого-то ссыльнаго Поляка, который училъ насъ по французски, а оригиналъ, какихъ можно встрѣтить не много на свѣтѣ, старый пасторъ Лютеранской церкви въ Иркутскѣ, Беккеръ, давалъ намъ уроки въ нѣмецкомъ языкѣ. Возвращеніе мое въ Курскъ, въ 1816 году, было рѣшительно для моихъ занятій. Умъ мой совершенно увлекся новою, дотолѣ неизвѣстною мнѣ прелестью—прелестью ученья. Уже не средствомъ для другаго, но цѣлью жизни моей сдѣлалось оно. Мнѣ стало казаться все равно: останусь-ли я купцомъ и бѣднякомъ, буду-ли чиновникомъ и губернаторомъ курскимъ—высшая цѣль моего честолюбія!—все равно, только-бы учиться! Между тѣмъ средства мои были чрезвычайно стѣснены. Я не могъ и подумать нанять себѣ учителей. Жалованья моего едва доставало мнѣ на одежду, на небольшое удѣленіе отцу, и едва могъ я тратить бездѣлку на книги. Дѣла хозяйскія не давали мнѣ досуга днемъ, а вечера и ночи сдѣлались лучшими часами моей жизни. Мои они были, и ихъ никому не отдавалъ я! Иногда свѣчка моя погасала съ утреннею зарею, и я, едва уснувши три-четыре часа, шелъ въ контору къ моему хозяину, или проработавши въ конторѣ его до ночи, дома засаживался съ радостью за свои уроки. Вскорѣ увидѣлъ я всю недостаточность, всю нелѣпость образованія своего до того времени. Мнѣ надобно было пересоздавать всѣ мои идеи, весь запасъ читаннаго мною съ самаго дѣтства. Изученіе языковъ повело меня въ новый міръ чтенія. Настойчивое размышленіе показало мнѣ недостатокъ системы и образа обыкновеннаго ученія. Я рѣшился самъ для себя написать русскую грамматику и русскую исторію. Грамматика Академіи и *Исторія Государства Россійскаго* не удовлетворяли меня, когда я сравнивалъ первую съ ясною, точною грамматикою латинскою, а вторую съ Тацитомъ по слогу, съ лѣтописями по изложенію фактовъ. Изученіе латинскаго и греческаго языка, переводы съ нѣмецкаго, французскаго, переработка русской грамматики, критическій разборъ русской исторіи—вотъ что составляло теперь мои занятія. Я отказался отъ легкаго чтенія, и не писалъ уже ни стиховъ, ни прозы. Нарочно налагалъ я на себя самыя тяжелыя работы: выучивалъ по триста вокабулъ въ вечеръ; выписалъ всѣ глаголы изъ Геимова словаря, переспрягалъ каждый отдѣльно, и составилъ новыя таблицы русскихъ спряженій (въ 1822 году, почтенный П. П. Свиньинъ представилъ ихъ въ Россійскую Академію, и мнѣ выдана была за нихъ въ награду большая серебряная медаль). Силы мои казались мнѣ неистощимы; все было такъ легко, такъ подручно, а впереди все такъ свѣтилось и блестѣло!.. Въ 1817 году осмѣлился я, при самомъ учтивомъ письмѣ, послать къ издателю *Русскаго Вѣстника* мое описаніе проѣзда и пребыванія въ Курскѣ Императора Александра, и—не умѣю вамъ пересказать, съ какимъ упоеніемъ увидѣлъ я на сѣрыхъ листочкахъ Вѣстника, четкимъ курсивомъ напечатанныя подъ статьею слова: *Н. Полевой*! Весь Курскъ былъ изумленъ краснорѣчивымъ описаніемъ того, что еще живо трепетало въ сердцѣ каждаго, что составляло предметъ всѣхъ разговоровъ. Съ изумленіемъ узналъ мой хозяинъ, что въ его конторѣ скрывается *геніальный* молодой человѣкъ, какъ говорили ему и губернаторъ, и все, что было почетнаго въ Курскѣ. Съ радостью услышалъ о томъ и отецъ мой. Бывшій тогда губернаторъ курскій А. С. Кожуховъ сдѣлался моимъ заступникомъ и меценатомъ; я былъ приглашенъ на его вечера, балы, получилъ свободный входъ въ кабинетъ его, передъ

[1]) Николай Алексѣевичъ служилъ тогда уже въ конторѣ у одного изъ богатыхъ курскихъ купцовъ, такъ какъ дѣла его отца въ это время были сильно разстроены. [2]) Младшій братъ Николая Алексѣевича, впослѣдствіи помощникъ его по изданію журнала и самъ литераторъ.

которымъ на вытяжкѣ стояли всѣ другіе, и старые, и чиновные люди. Но между тѣмъ, торжество мое внутренно тревожило меня— увы! я видѣлъ, что вся статья была переправлена, перечерчена издателемъ Русскаго Вѣстника, и я долженъ былъ сознаться самому себѣ, что переправки его были справедливы. Слѣдовательно, я еще *плохой писатель*, думалъ я. Что-же дѣлать? «Учиться!» Было мнѣ безпристрастнымъ отвѣтомъ въ душѣ моей, и когда въ 1818 году, я отправилъ уже въ «Вѣстникъ Европы», одну за другою, двѣ статьи: замѣчанія на статью о «Волосѣ и переводъ Шатобріанова описанія Маккензіева путешествія по Сѣверной Америкѣ», съ радостью увидѣлъ я, что редакторъ «Вѣстника Европы» не переправлялъ ихъ нисколько. Весь 1819 годъ занимался я дѣлами отцовскими, оставя моего хозяина, и уже не скрывалъ своихъ ученыхъ занятій. Къ покровительству губернатора присоединилось знакомство съ просвѣщеннымъ архипастыремъ, епископомъ Евгеніемъ, послѣ того, когда я прочиталъ свое стихотвореніе въ собраніи библейскаго общества, 6-го Января 1819 года, и оно было осыпано похвалами всего собранія. Въ Февралѣ 1820 года, я навсегда оставилъ Курскъ. Отецъ мой рѣшился сдѣлать послѣднее усиліе для поправленія своихъ обстоятельствъ, и, собравши всѣ, какія были у насъ средства, завести водочный заводъ въ Москвѣ. Меня отправилъ онъ для пріуготовленій, и пока въ Декабрѣ пріѣхалъ самъ, мнѣ была полная свобода дѣлить время между дѣломъ и *бездѣльемъ*. Впрочемъ и отецъ мой уже не считалъ *бездѣльемъ* моихъ занятій, когда увидѣлъ, что они вездѣ доставляютъ мнѣ знакомство и уваженіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ не отвлекаютъ отъ дѣла».

Съ этого времени, т. е. съ 1820 года началась для Н. А. Полевого вполнѣ литературная жизнь.—Онъ занимался теперь купеческими дѣлами очень мало, и только между прочимъ; а со смертію отца въ 1822 году весь предался литературѣ. Въ короткое время онъ сошелся со всевозможными литературными кружками.

Въ Москвѣ онъ прежде всего естественно познакомился съ пр. Каченовскимъ, въ журналѣ котораго ему еще прежде удалось какъ мы видѣли, пристроить двѣ статейки, и съ кружкомъ, вращавшимся вокругъ «Вѣстника Европы». Но застарѣлые взгляды членовъ этого кружка, рьяныхъ приверженцевъ псевдо-классицизма, вскорѣ отвратили молодаго писателя отъ болѣе тѣснаго сближенія съ этимъ лагеремъ. Гораздо ближе сошелся онъ съ кружкомъ петербургскихъ писателей романтической школы, вращавшимся вокругъ «Сына Отечества» и «Полярной Звѣзды», альманаха 1823—1825 гг., въ которомъ было средоточіе всей передовой литературы того времени.— Но еще благотворнѣе для Н. А. Полевого было знакомство съ княземъ Вл. Ѳед. Одоевскимъ, Веневитиновымъ, Кирѣевскими, Андросовымъ и другими членами кружка московскихъ шеллингистовъ. Идеи нѣмецкой философіи сильно заинтересовали Н. А. Полевого; цѣлые вечера проводилъ онъ въ сужденіяхъ и спорахъ о ней, усвоилъ нѣкоторыя идеи трансцендентальной философіи, сталъ читать книги, написанныя въ духѣ ея. Но самою любимою философіею его сдѣлалась впослѣдствіи эклектическая философія Кузена, и очень понятно, почему: для того, чтобы углубиться въ нѣмецкую трансцендентальную философію требовалось болѣе систематическое образованіе, чѣмъ то, которое получилъ Н. А. Полевой. Для непосредственнаго-же ума, въ которомъ дѣтскіе взгляды и понятія смѣшивались съ идеями и взглядами, вынесенными изъ хаотическаго чтенія безъ всякой системы, гораздо сроднѣе была философія, которая оставляла въ покоѣ всѣ эти дѣтскія понятія и только освѣщала ихъ нѣкоторыми наиболѣе простыми идеями философіи германской. Для массы-же общества, совершенно незнакомаго съ какими бы то ни было философскими взглядами, философія Кузена, проводимая Н. А. Полевымъ въ его литературной дѣятельности, подходила совершенно подъ уровень развитія большинства, служа естественнымъ переходомъ къ знакомству съ болѣе глубокими и смѣлыми системами германской философіи.

Между тѣмъ литературная извѣстность Н. Ал. Полевого быстро возрастала. Участіе его въ «Сѣверномъ Архивѣ» (журналѣ, который издавалъ съ 1822 г. Ѳ. В. Булгаринъ), обратило на него вниманіе всѣхъ петербургскихъ литераторовъ и въ немъ начали заискивать, какъ въ полезномъ сотрудникѣ. Но Н. А. Полевого не удовлетворяла одна

сотрудническая дѣятельность. Онъ наслѣдовалъ отъ отца страсть къ широкой и смѣлой предпріимчивости и вознамѣрился *начать* прямо съ того, на что рѣшаются обыкновенно писатели, утвердившіеся уже на литературномъ поприщѣ—съ самостоятельнаго изданія журнала... Давно уже Н. Ал. Полевой лелѣялъ эту мысль; еще съ самаго начала двадцатыхъ годовъ, когда онъ вращался въ кружкѣ сотрудниковъ и приверженцевъ «Вѣстника Европы»; и тогда онъ составлялъ уже планъ журнала, вмѣстѣ съ своими близкими знакомыми того времени, Вл. С. Филимоновымъ и Василіемъ Евграфовичемъ Вердеревскимъ... Но они не могли согласиться ни въ планѣ, ни въ направленіи журнала и вскорѣ Н. Ал. Полевой совсѣмъ разошелся съ этими людьми. Было еще нѣсколько попытокъ издавать журналъ въ сообществѣ съ другими; но онѣ оканчивались ничѣмъ. Послѣ многихъ плановъ, думъ и раздумываній, въ половинѣ 1824 года, Н. А. Полевой рѣшился испросить позволеніе издавать журналъ отъ своего имени. Онъ составилъ програму, по которой въ будущій журналъ его могло входить все—кромѣ политики. Програму свою отправилъ онъ при письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія, адмиралу Шишкову, который зналъ его лично и оказывалъ благосклонность къ его литературнымъ занятіямъ. Никакого покровительства, никакихъ заступничествъ въ Петербургѣ у Н. А. Полевого не было. Не надѣясь на разрѣшеніе, онъ не особенно хлопоталъ о подборѣ сотрудниковъ и заготовкѣ матеріала для предстоящаго изданія. Онъ былъ увлеченъ въ это время болѣе мыслями о женитьбѣ, чѣмъ объ изданіи журнала (онъ женился въ Октябрѣ 1824 г. на дѣвицѣ Н. Ф. Терренбергъ),—какъ вдругъ, почти одновременно съ этимъ важнымъ шагомъ въ жизни, Николаю Алексѣевичу пришлось сдѣлать и другой, не менѣе важный: въ Московскомъ цензурномъ комитетѣ было получено на его имя разрѣшеніе издавать журналъ по представленной имъ программѣ.

Извѣстіе о появленіи новаго журналъ быстро распространилось по Москвѣ перелетѣло въ Петербургѣ и встрѣчено разнообразными толками. Большинство литературныхъ кружковъ отнеслось къ новому предпріятію неблагосклонно. Петербургскимъ журналистамъ было непріятно потерять въ Полевомъ полезнаго сотрудника; классики предвидѣли въ журналѣ Полевого новаго непріятеля, при чемъ они не могли опомниться отъ негодованія и презрѣнія при мысли, что какой-то молодой купчикъ, самоучка, ничѣмъ не заявившій себя въ литературѣ, дерзнетъ вдругъ выступить съ изданіемъ журнала и критиковать въ немъ заслуженные литературные авторитеты. Между тѣмъ этотъ молодой купчикъ и самоучка, можетъ быть, только одинъ въ числѣ всѣхъ русскихъ литераторовъ того время понималъ вполнѣ потребности массы общества. — Большинство писателей того времени принадлежало или къ кружку людей свѣтскихъ, вращавшихся въ высшемъ слоѣ общества и жившихъ исключительно интересами этого слоя, или къ числу цѣховыхъ литераторовъ, чуждыхъ всего, что дѣлалось внѣ ихъ тѣсныхъ литературныхъ кружковъ, мелкихъ литературныхъ сплетень и перебранокъ. Между тѣмъ, въ это время живой интересъ къ литературѣ и вообще къ умственной жизни былъ возбужденъ уже въ значительной массѣ общества. Для этой массы нисколько не интересна была мелочная полемика, и литературныя сплетни; она жаждала новыхъ знаній, идей, понятій, изъясненія всевозможныхъ вопросовъ нравственныхъ и эстетическихъ. И великимъ преимуществомъ Н. А. Полевого было именно то, что онъ явился человѣкомъ совершенно новымъ и свѣжимъ въ литературѣ, незараженнымъ никакими литературными пристрастіями и предразсудками. Онъ самъ принадлежалъ къ той массѣ общества, которая выступала на поприще умственнаго движенія въ Россіи; онъ былъ передовой человѣкъ этой массы, ея представитель; онъ живо и непосредственно интересовался всѣмъ, что ее интересовало; онъ близко принималъ къ сердцу ея умственныя потребности; на самомъ себѣ испыталъ онъ, какъ трудно даются знанія и развитіе въ странѣ, въ которой книгъ на отечественномъ языкѣ почти не существуетъ, а иностранныя и рѣдки, и по большей части недоступны. На этомъ основаніи, въ виду именно возвышенія умственнаго уровня массы, онъ на первомъ планѣ поставилъ въ своемъ журналѣ: энциклопедичность и безпристрастную, строгую эстетическую, критику. «Для изображенія совершеннаго журнала», говоритъ онъ въ первой книжкѣ «Московск. Телеграфа»—

вообразите зеркало, въ которомъ отражается весь міръ нравственный, политическій и физическій. Такой журналъ едва-ли не более многихъ книгъ принесетъ пользы. Не всѣ могутъ удѣлять время на чтеніе огромныхъ томовъ: многіе-ли привыкли къ обдуманному, систематичному чтенію? Здѣсь преимущество на сторонѣ журналовъ: истинно-полезное, истинно-изящное предлагаетъ вамъ журналистъ, не пугая обширными опредѣленіями, пестротой выписокъ, толщиной книги. Журналистика должна пользоваться важнымъ преимуществомъ своимъ представлять отчетливыя извлеченія изъ всѣхъ книгъ любопытныхъ и важныхъ, и увѣдомлять читателей обо всемъ, что слышно новаго. Журналистъ — разнощикъ вѣстей: встрѣчаясь съ нимъ, не спрашиваютъ, что вы знаете, но — нѣтъ-ли чего новаго? Вотъ почему я полагаю критику однимъ изъ важныхъ отдѣленій журнала—пусть только она будетъ умна, правдива, дѣльна. Присовокупимъ къ этому избранныя новости литературныя, важнѣйшія новости въ наукахъ, искусствахъ и художествахъ, обзоръ всеобщаго просвѣщенія—и умѣйте предлагать это неодносторонне, разнообразно».

Выставя такую программу, Н. А. Полевой вполнѣ исполнилъ ее; даже болѣе, чѣмъ можно было ожидать. Въ короткое время онъ съумѣлъ обставить журналъ талантливыми и знающими сотрудниками. Самое близкое участіе въ журналѣ принялъ братъ его Кс. Полевой. Статьи по естественнымъ наукамъ составлялъ молодой тогда еще ученый М. А. Максимовичъ, А. И. Красовскій занимался переводами для Телеграфа ученыхъ статей. Не мало участія принималъ въ «Телеграфѣ» князь Вяземскій, а впослѣдствіи—Пушкинъ. Кн. В. Ѳ. Одоевскій въ началѣ 1825 г. писалъ для Телеграфа довольно дѣятельно музыкальныя статьи и юмористическіе очерки. Но главная работа лежала на самомъ издателѣ. Онъ избиралъ статьи, отыскивалъ матеріалы для каждой изъ нихъ, съ удивительнымъ тактомъ открывалъ современность предметовъ для содержанія каждой книжки, и самъ больше всѣхъ работалъ, то есть, слѣдилъ за всѣми явленіями иностранной и русской литературы, находилъ время прочитывать все, извлекалъ, переводилъ, писалъ неутомимо. Вслѣдствіе такой усиленной дѣятельности каждая книжка Телеграфа была полна самыхъ животрепещущихъ новостей по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ въ Европѣ и Россіи. Ни одно замѣчательное явленіе современной жизни не пропускалось безъ вниманія и возводилось къ общему, освѣщалось высшими философскими взглядами. Такъ между прочимъ «Телеграфъ» принесъ несомнѣнную услугу тѣмъ, что онъ впервые познакомилъ русскую публику съ новою еще въ то время наукою—политическою экономіею, излагая мысли Адама Смита, Шторха, Сэ и другихъ экономистовъ французской школы.—Въ тоже время Полевой первый началъ писать о взглядѣ Риттера на землевѣдѣніе. — Но главное мѣсто занимала въ журналѣ эстетическая критика и, слѣдуетъ сказать, что это была первая русская критика въ истинномъ смыслѣ этого слова. До изданія «Телеграфа, если и встрѣчались въ журналахъ критическія статьи, то это были или бѣглые очерки и замѣтки о вновь вышедшихъ произведеніяхъ, или мелочная, журнальная полемика, унизившая самое понятіе о критикѣ до того, что въ массахъ общества слово критика стѣлалась синонимомъ слову *брань*.—Замѣчательныя произведенія русской музы встрѣчала критика многословными панегириками и выраженіями восторга, а рецензенты ограничивались при этомъ только нѣсколькими замѣчаніями объ отдѣльныхъ мѣстахъ произведенія. Критика «Телеграфа» была первою попыткою отнестись къ русской литературѣ съ общею руководящею идеею и подвести всѣ явленія ея подъ эту идею.

Общею, руководящею идеею, съ которой выступилъ Полевой въ своей критикѣ, былъ тотъ самый романтизмъ, который въ то время считался передовымъ словомъ литературы и жизни. Мы видѣли уже, что основныя идеи романтизма заключались въ трехъ положеніяхъ: 1) истинный поэтъ весь предается своему вдохновенію и слушается только его голоса; 2) и въ самой своей внѣшней жизни истинный поэтъ долженъ быть самобытенъ и независимъ отъ всѣхъ условій общественнаго быта; 3) истинная поэзія должна быть національна.

Съ точки зрѣнія этихъ идей Н. Ал. Полевой осмѣлился проводить въ своемъ журналѣ такую мысль, въ которой литературные аристархи того времени увидѣли верхъ дерзости, полное отрицаніе всей русской ли-

тературы. По ихъ мнѣнію русскій парнасъ былъ уже переполненъ первостепенными знаменитостями: на одинаковой высотѣ съ Ломоносовымъ, Державинымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ, ставили они и Кантемира, Сумарокова, Хемницера, Озерова и пр. Полевой же началъ доказывать, что у насъ только всего и было что два истинныхъ поэта—Державинъ и Пушкинъ. Вотъ основанія его критики, выраженныя въ сжатомъ видѣ въ статьѣ его о Державинѣ и потомъ развитыя во многихъ критическихъ статьяхъ «Московскаго Телеграфа».

«Державинъ былъ поэтъ; характеръ его былъ поэтическій, въ самомъ обширномъ смыслѣ, поэтическій преимущественно. Кромѣ Пушкина, не было у насъ другого, столь *исключительно поэтическаго* характера, со времени преобразованія Россіи, ни прежде, ни послѣ Державина. Въ душахъ всѣхъ другихъ поэтовъ русскихъ поэзія только отсвѣчивалась, не свѣтила самобытно, не наполняла собою, не сжигала, такъ сказать, всего бытія ихъ. Отъ того направленія ихъ были, либо слишкомъ частны, односторонни, либо слишкомъ развлеченны и разнообразны. Сила души, устремленная на многое вдругъ, несоединенная въ одну точку, разливалась на все окружающее ихъ, и черезъ то развлекала, разрушала *собственно поэтическое* стремленіе. Такъ Ломоносовъ былъ поэтъ въ жизни, невѣроятной и романической, но собственно поэзія была только слабою стихіею обширнаго міра души его. Онъ былъ столь-же *ученый человѣкъ*, сколько *стихотворецъ*. У Крылова, Дмитріева, фонъ-Визина, поэзія была вдохновеніемъ ума, а не непобѣдимымъ стремленіемъ выразить себя въ поэтическихъ созданіяхъ. У Жуковскаго она навѣяна уныніемъ души и удивительною переимчивостью чужихъ впечатлѣній. Грусть души Жуковскаго и происшедшее отъ того стремленіе за предѣлы міра, къ чему-то неразгаданному, тайному, отзываются въ самыхъ торжественныхъ его пѣснопѣніяхъ. Батюшковъ вдохновлялся противуположностью своего бытія съ пламенными думами сердца и души: его сочиненія были какъ будто желаніе забыть на время въ наслажденіяхъ поэзіи неисполненные мечты жизни. Негодованіе сдѣлалось музою Грибоѣдова, иногда только вспыхивавшею божественнымъ огнемъ поэтическаго восторга. Кантемиръ и Хемницеръ, одинъ, какъ вельможа, смѣло шутя, другой—робко и осторожно подсмѣиваясь надъ людьми, не были истинными поэтами. Такъ являются намъ всѣ другіе русскіе стихотворцы, съ тѣхъ поръ какъ поэзія разроднилась въ Россіи съ бытомъ общественнымъ, перестала быть необходимымъ народнымъ пѣніемъ, свободно и невольно выливавшимся изъ души, при звукахъ простой музыки. Не говоримъ о Сумароковыхъ, Херасковыхъ, Петровыхъ, Княжниныхъ, которые не писали-бы, если-бы не читали написаннаго прежде ихъ другими. Но разсмотрите всѣхъ остальныхъ, старыхъ и новыхъ поэтовъ нашихъ:—Козлова, Баратынскаго, Языкова, Богдановича, Озерова, кн. Долгорукова, и вы убѣдитесь въ частномъ, одностороннемъ, случайномъ такъ сказать, ихъ стремленіи. Не таковы *Державинъ* и *Пушкинъ*, у которыхъ поэзія—необходимость жизни, вся душа, все бытіе ихъ...

«Поэзія требуетъ всего человѣка, сказалъ (помнится) Батюшковъ: это голосъ души. Внѣ поэзіи, Державинъ и Пушкинъ, уничтожаются; съ нею они исполины нравственнаго и вещественнаго міра. Да, только тотъ истинный поэтъ, кто *весь поэтъ*. Существуя вполнѣ развитою жизнію въ душахъ только преимущественныхъ поэтовъ, поэзія въ то же время есть удѣлъ всѣхъ: въ душѣ каждаго у насъ хранится искра ея, и нѣтъ сердца, которое никогда не отозвалось-бы на божественные ея звуки. Отъ того простолюдинъ поетъ пѣсню, грамотный человѣкъ пишетъ стихи, и кто не поетъ, не пишетъ, тотъ чувствуетъ сильнѣе біеніе сердца при гармоніи поэтической. Проницая собою самыя высшія истины ума, самые великіе подвиги разума, поэзія согрѣваетъ душу философа и украшаетъ подвиги законодателя и героя; но, собственно, она не есть *ни умъ, ни разумъ*. Потому ничѣмъ не могутъ выразить сущности поэзіи, кромѣ названія оной *безотчетнымъ восторгомъ*, вдохновеніемъ. Читайте изъясненія самихъ поэтовъ, писавшихъ о теоріи своего искусства. Сказавши намъ о вещественныхъ формахъ поэтическихъ созданій, они начинаютъ говорить темно, неопредѣленно о тайнѣ души, непонятной для нихъ самихъ. Въ это святилище воспрещенъ входъ холодному уму и испытующему разуму человѣческому. Сами поэты вступаютъ въ него въ рѣдкія минуты вдохновенія, и вышедъ

оттуда ничего не помнятъ, ничего не знаютъ, что тамъ съ ними было... Поэтъ родится: сдѣлаться имъ, выучиться быть поэтомъ — нельзя. Отличенный небеснымъ знаменіемъ поэзіи, онъ является въ міръ съ гармоническими звуками, съ поэтическимъ взглядомъ, съ особеннымъ устройствомъ души. Горе ему, если міръ обхватитъ его желѣзными своими когтями, и не дастъ ему разцвѣсти поэтическою жизнію; еще болѣе горе, если онъ не пойметъ самого себя! Среди людей, онъ будетъ странное, уродливое созданіе, жертва страстей своихъ и чужихъ; жизнь его будетъ борьба между небомъ и землею. Безсмертный миѳъ слѣпца Омира, испрашивающаго милостыни, ведомаго отрокомъ — вотъ истое изображеніе поэта въ борьбѣ съ міромъ! Напрасно, подобно Данте и Мильтону, онъ вмѣшивается въ политическія событія; напрасно любовь, какъ Камоенсу, улыбается ему на зарѣ жизни; напрасно, какъ Тассъ, онъ призванъ ко двору властителей: какъ Шиллеръ или Байронъ, хочетъ подчинить себя тихому счастію семейной жизни: тревожный, безпокойный, снѣдаемый внутреннимъ огнемъ, поэтъ никогда не уживется съ людьми, не помирится съ условіями жизни ихъ! Но если онъ покорился имъ, увлекся ими, тогда — Прометей, прикованный къ скалѣ Кавказа—зачѣмъ при рожденіи своемъ похищалъ онъ небесный огонь и оживлялъ имъ бренное свое существо!»

Вотъ идеи, на которыхъ была основана критика Н. А. Полевого. Изъ всѣхъ статей его, кромѣ статьи о Державинѣ, изъ которой мы представили вышеприведенное извлеченіе, замѣчательны слѣдующія: «Жуковскій и его сочиненія», «Борисъ Годуновъ, сочиненіе Александра Пушкина», «Ломоносовъ», «Кантемиръ», «Хемницеръ», «Торквато - Тассо» Кукольника и пр. Каждаго изъ этихъ поэтовъ Полевой разбиралъ постоянно съ трехъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія искренности и непосредственности поэтическаго вдохновенія, независимости отношенія къ жизни и народности. Многіе изъ его критическихъ мнѣній и характеристикъ такъ глубоко врѣзались въ умахъ просвѣщенныхъ современниковъ его, что долгое время господствовали въ литературѣ. Можно положительно сказать, что послѣдующая критика 40-хъ годовъ, какъ ни далеко ушла отъ критики Полевого, все же развитіемъ своимъ всецѣло обязана ей. Критика Полевого, это фундаментъ, на которомъ впослѣдствіи зиждется критика Бѣлинскаго. При характеристикѣ дѣятельности Бѣлинскаго, мы увидимъ, что весь первый періодъ этой дѣятельности совершился подъ непосредственнымъ вліяніемъ идей Полевого; и впослѣдствіи, когда Бѣлинскій значительно отклонился уже отъ этихъ идей, встрѣчаются еще кой - какія совпаденія съ различными взглядами Полевого. Такъ, напримѣръ, характеристика Бѣлинскаго «Бориса Годунова» Пушкина представляетъ повтореніе того - же самаго, что сказалъ объ этомъ произведеніи Полевой, т. е., что это не драма въ истинномъ смыслѣ этого слова, а рядъ прекрасныхъ историческихъ сценъ, потому что въ ней нѣтъ ни единства, ни драматической коллизіи, что Пушкину сильно повредило рабское слѣдованіе за Карамзинымъ, что характеръ «Бориса» непонятъ и оттого натянутъ и неестественъ и пр. Нѣтъ ничего удивительнаго, что «Телеграфъ» вскорѣ послѣ своего появленія сдѣлался страшенъ для всѣхъ литературныхъ посредственностей, державшихся, при полномъ отсутствіи критики, на одномъ ряду съ первостепенными писателями и пользовавшихся незаслуженною репутаціею. Это навлекло Полевому бездну враговъ; со всѣхъ сторонъ посыпалась на «Телеграфъ» ожесточенная журнальная брань, насмѣшки, эпиграммы. Малѣйшая ошибка, ничтожный промахъ,—которые при другихъ обстоятельствахъ не были бы замѣчены, ставились Полевому въ страшную вину и раздувались въ гору. Его обвиняли то въ недоученности, въ верхоглядствѣ, то въ отсутствіи хорошаго тона и вкуса; выискивали мало-мальски простонародныя выраженія въ рѣчи Полевого, чтобы укорить его мужичествомъ; не былъ забытъ и винный заводъ издателя «Телеграфа» и враги его нерѣдко потѣшались надъ сивушнымъ запахомъ, которымъ будто-бы отзывались критическія статьи перваго русскаго критика. Но не такъ встрѣтила публика появленіе новаго журнала. Полныя свѣжихъ новостей, живаго обсужденія всевозможныхъ современныхъ вопросовъ и снабженныя серьезною эстетическою критикою, книги журнала читались на расхватъ. Полевой началъ печатать свой журналъ въ числѣ 700 экземпляровъ. Но уже со второй книжки все из-

даніе разошлось и третья книжка вышла въ числѣ 1.200 экземпляровъ: а впослѣдствіи подписка дошла и до 2.000—успѣхъ небывалый до того времени въ журналистикѣ. «Телеграфъ» сдѣлался вскорѣ любимымъ журналомъ всего образованнаго общества; каждая книжка его ожидалась съ нетерпѣніемъ и впродолженіи 10 лѣтъ своего существованія это былъ передовой органъ, воспитавшій цѣлое поколѣніе. До какой степени была сильна популярность Полевого, это мы можемъ видѣть изъ слѣдующаго эпизода московской жизни 1825 года. Одинъ изъ литературныхъ противниковъ Полевого, А. Писаревъ, не ограничиваясь журнальной перебранкой и каламбурами, вздумалъ поставить на сцену водевиль, въ который вклеилъ нѣсколько куплетовъ, направленныхъ противъ Полевого. Но публика встрѣтила эти куплеты совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ авторъ ихъ. Вотъ что разсказываетъ о демонстраціи публики въ пользу Полевого, К. Полевой въ своихъ Запискахъ о жизни брата: «шиканье, крикъ, шумъ, свистъ до такой степени оглушили актрису, что она, зажавъ уши, бросилась (буквально) бѣжать со сцены. Всѣ расхохотались, и защитники Полевого уже думали торжествовать побѣду, когда раздались крики: «автора!» Не смотря на шиканье и крики противниковъ, Писаревъ явился въ директорской ложѣ, и едва успѣлъ поклониться публикѣ раза два, три, потому что шиканье, шумъ, усилились въ эти мгновенія еще больше, заглушили немногія «браво» пріятелей Писарева, и сопровождались такими знаками, которые принудили автора поскорѣе скрыться... Нѣкоторые грозили ему кулаками!.. И все это происходило съ такою запальчивостью, неожиданностью, что я не помню ничего подобнаго въ театрѣ, и не думаю, чтобы въ русскомъ театрѣ бывало что нибудь подобное!.. Многіе свидѣтели описываемаго мною представленія, еще здравствующіе, подтвердятъ, что я не преувеличилъ ничего, а разсказалъ то, что самъ видѣлъ и слышалъ»...

Но однимъ изданіемъ «Телеграфа» не ограничивалась дѣятельность Н. А. Полевого. Въ тоже время сталъ онъ издавать романы и повѣсти. Таковы были: «Клятва при гробѣ Господнѣ», «Аббадона», «Мечты и Жизни». Во всѣхъ этихъ повѣстяхъ и романахъ онъ подражалъ Шиллеру, Гофману или Вальтеръ-Скоту. Это не были произведенія сильнаго поэтическаго таланта и въ настоящее время они почти забыты, но во всякомъ случаѣ, это были разсказы умнаго и образованнаго человѣка, проводившаго въ нихъ тѣже передовыя романтическія тенденціи, которыя развивалъ онъ и въ своихъ критическихъ статьяхъ. Въ свое время этими произведеніями зачитывались, и Бѣлинскій въ молодые годы приходилъ отъ нихъ въ восторгъ [1]). Между прочимъ, заплатилъ Н. А. Полевой дань и Шекспиру, переведя на русскій языкъ и передѣлавши для театра «Гамлета». Но большую часть досуга, остававшагося у Н. А. Полеваго отъ издательской дѣятельности, онъ посвящалъ занятіямъ русской исторіей. Плодомъ этихъ занятій были 5 томовъ «Исторіи Русскаго Народа», изданныхъ Полевымъ въ 1826 году. Ученые историки нерѣдко упоминаютъ объ этомъ объемистомъ сочиненіи, хотя въ литературѣ до сихъ поръ не сдѣлано полной оцѣнки значенія этого труда въ свое время. Упоминается только довольно глухо, что Полевой первый призналъ задачею исторіи бытописеніе народа, а не государства, по чему и назвалъ свой трудъ *исторіей народа* въ противуположность «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина; но что находится подъ этимъ заглавіемъ въ 5 томахъ исторіи, объ этомъ критика, какъ ученая такъ и литературная, до сихъ поръ умалчиваетъ. Все это невниманіе къ историческому труду Полевого произошло отъ того, что на него смотрѣли, какъ на ученый трудъ, и не видя въ немъ никакихъ особенно важныхъ открытій по части разработки русской исторіи, не придавали ему никакого значенія. Между тѣмъ, Н. А. Полевой въ своемъ историческомъ трудѣ является тѣмъ-же публицистомъ, какъ и въ «Телеграфѣ».—Какъ, въ своихъ критическихъ статьяхъ, онъ вооружается противъ ложно-классической школы поэзіи, такъ и въ исторіи онъ поставляетъ себѣ цѣлію разрушеніе устарѣлыхъ взглядовъ на исторію, установившихся съ Карамзина. Такимъ образомъ, исторія Полевого—это полемика, какъ онъ самъ выражается, противъ историческаго классицизма. Съ этой точки зрѣнія трудъ

[1]) См. (Соч. Бѣл. т. I стр. 335).

Полевого получаетъ совершенно иное значеніе: тѣ новыя свѣтлыя идеи, которыя онъ высказываетъ въ своей исторіи въ оппозицію взглядамъ Карамзина, безспорно имѣли не малое вліяніе на развитіе общества нашего въ эпоху 30-хъ годовъ. Вотъ что говоритъ, между прочимъ, Н. А. Полевой объ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина въ своей критической статьѣ о этомъ произведеніи: «Въ цѣломъ объемѣ оной нѣтъ одного общаго начала, изъ котораго истекали бы всѣ событія русской исторіи: вы не видите, какъ исторія Россіи примыкается къ исторіи человѣчества; всѣ части оной отдѣляются одна отъ другой, всѣ несоразмѣрны, и жизнь Россіи остается для читателей неизвѣстною, хотя его утомляютъ подробностями невозможными, ничтожными, занимаютъ, тревожатъ картинами великими, ужасными, выводятъ передъ нимъ толпу людей, до излишества огромную. Карамзинъ ничѣмъ не представляетъ вамъ духа народнаго, не изображаетъ многочисленныхъ переходовъ его, отъ Варяжскаго феодализма до деспотическаго правленія Іоанна, и до самобытнаго возрожденія при Мининѣ. Вы видите стройную, продолжительную галлерею портретовъ, поставленныхъ въ одинакія рамки, нарисованныхъ не съ натуры, но по волѣ художника, и одѣтыхъ также по его волѣ. Это лѣтопись, написанная мастерски, художникомъ таланта превосходнаго, изобрѣтательнаго, а не «*Исторія*». — Въ предисловіи къ своей исторіи Н. А. Полевой говоритъ, что историкъ не долженъ быть ни судьею, ни учителемъ нравственности: «Положивъ въ основаніе истину, принявъ въ руководители умозрѣніе и опытъ, историкъ обязанъ только показать намъ прошедшее такъ, какъ оно было; оживить представителей его, заставить ихъ дѣйствовать, думать, говорить, какъ они дѣйствовали, думали, говорили, и, безстрастнымъ вѣщаніемъ истины, слить жизнь каждаго изъ отдѣльныхъ представителей съ его вѣкомъ, его временемъ, обставивъ изображеніе ихъ тѣми отношеніями, царства и народы — тѣми царствами и народами, коими сливались они съ человѣчествомъ въ дѣйствительной своей жизни»...

Въ тоже время Н. А. Полевой въ своей исторіи повсюду старается провести идею исторической необходимости, опровергая теорію случайности и личнаго произвола. Такъ напримѣръ, вотъ что говоритъ онъ по поводу удѣльнаго періода, противъ тѣхъ историковъ, которые въ удѣльномъ періодѣ видѣли рядъ бѣдствій для народа и государства, приписывая возникновеніе удѣловъ личному произволу Ярослава: «Намъ представляютъ слѣдующій періодъ удѣловъ, замыкающій собою все время отъ 1055 до 1224 года, неожиданнымъ измѣненіемъ, тучею налетѣвшею на Русь, дотолѣ счастливую и благоденственную: это совершенно несправедливо. Пусть думали Руссы XII вѣка, что, послѣ смерти Ярослава, самыя небесныя знаменія возвѣщали бѣдствія и ужасы. Немного надобно вниманія, если пожелаешь видѣть, что первоначальная исторія Руси приготовила то состояніе, котораго картину мы изобразили, а разсматривая сію картину, мы понимаемъ, что отъ сего состоянія долженствовало явиться». Подобная идея исторической необходимости, органической связи историческихъ событій — была совершенно новою для русской публики и нечего распространяться о томъ, какое вліяніе имѣла она на развитіе общества. Эта идея проходитъ черезъ всю исторію Полевого. Вообще нужно замѣтить, что все сочиненіе написано подъ сильнымъ и непосредственнымъ вліяніемъ чтенія Нибура, Гизо, Гердера, Шлецера и пр. Идеи всѣхъ этихъ историковъ всецѣло отразились на трудѣ Н. А. Полевого. Такъ, напримѣръ, изслѣдованья Нибура относительно перваго періода римской исторіи побудили и Полевого смотрѣть на всѣ факты русской исторіи до Ярослава, какъ на легендарные. (Замѣчательно, что самый трудъ свой Полевой посвятилъ Нибуру). Далѣе—удѣльный періодъ онъ пріурочиваетъ къ феодализму на западѣ; Монгольское иго—къ крестовымъ походамъ, на томъ основаніи, что въ обоихъ случаяхъ совершалась борьба христіанскаго міра съ мусульманскимъ и подобно тому, какъ на западѣ крестовые походы повели къ паденію феодализма, такъ и у насъ монгольское иго имѣло прямымъ слѣдствіемъ уничтоженіе удѣловъ.

Различные литературные враги Н. А. Полевого, какъ мы уже сказали выше, не имѣли вліянія на успѣхъ «Телеграфа»; но мало-по-малу образовались у Полевого враги инаго сорта, болѣе могущественные и опасные. Принявъ на себя защиту романти-

ческаго направленія, считавшагося въ свое время разрушительнымъ и анархическимъ, этимъ самымъ уже «Телеграфъ» навлекъ на себя репутацію «либеральнаго журнала», а репутація эта не могла не быть опасною въ періодъ реакціи, особенно усилившійся послѣ европейскаго движенія 30-го года. Свободный, независимый взглядъ «Телеграфа» на всѣ явленія умственной жизни въ Европѣ и въ Россіи, отсутствіе всякаго подобострастія и лести,— эти одни качества могли въ то время навлечь на журналъ подозрѣніе въ неблагонадежности. Но этого было мало: въ то время, реакція силилась въ своихъ видахъ раздуть узкій патріотизмъ приторными самовосхваленіями; многія газеты и журналы начали подвизаться на поприщѣ этого патріотизма; на сценѣ ставили раздирательныя драмы, въ которыхъ указывали на образцы любви къ отечеству и народной гордости... И въ такое-то время Н. А. Полевой сталъ печатать въ своемъ «Телеграфѣ» и «Новомъ Живописцѣ» (сатирическомъ приложеніи къ «Телеграфу»),— рядъ постоянныхъ сарказмовъ надъ патріотизмомъ этого рода: ему принадлежитъ даже честь изобрѣтенія и утвержденія за нимъ клички «кваснаго». Нѣтъ ничего удивительнаго, что за «Телеграфъ» Полевой подвергся самому строгому цензурному наблюденію. Наконецъ, критическая статья на патріотическую драму Кукольника «Рука Всевышняго Отечество спасла», помѣщенная въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ 1834 года, подала поводъ къ запрещенію «Телеграфа», которое сопровождалось административнымъ слѣдствіемъ касательно политической благонадежности самаго издателя.

Съ прекращеніемъ «Телеграфа» кончается и цвѣтущій періодъ дѣятельности Н. А. Полевого. Онъ прожилъ еще 12 лѣтъ послѣ этого и умеръ въ 1846 году 22-го Февраля, на 49 году отъ рожденія, въ Петербургѣ, отъ нервной горячки; но весь этотъ послѣдній періодъ его дѣятельности не представляетъ ничего замѣчательнаго. Мѣсто его, какъ передоваго дѣятеля литературы, успѣли занять другіе, люди молодаго поколѣнія, воспитанныя подъ вліяніемъ его пропаганды; они повели далѣе дѣло развитія русскаго общества, и едва ли можно обвинять сошедшаго съ поприща ветерана, за то, что онъ былъ человѣкомъ своего времени, во многомъ расходился съ юнымъ поколѣніемъ и подъ конецъ своей жизни не былъ въ силахъ понять новыхъ потребностей, идей и явленій русской жизни и литературы. Большую честь дѣлаетъ ему и то, что, расходясь съ юнымъ поколѣніемъ, расходясь часто даже и съ самимъ собою, какъ съ бывшимъ издателемъ «Телеграфа», онъ никогда не становился поперекъ дороги новому движенію русской мысли и не позволялъ своей полемикѣ выходить за литературныя предѣлы въ то время, когда подобный пріемъ былъ дѣломъ ежедневнымъ и обыкновеннымъ. Однимъ словомъ онъ имѣлъ полное право сказать о себѣ въ своей автобіографіи:

«Кладу руку на сердце и дерзаю сказать въ слухъ, что никогда не увлекался я, ни злобою — чувствомъ для меня презрительнымъ, ни завистью—чувствомъ, которое я не понимаю — никогда то, что говорилъ и писалъ я, не разногласило съ моимъ убѣжденіемъ, и никогда сочувствіе добра не оставляло сердца моего; оно всегда сильно билось для всего великаго, полезнаго и прекраснаго».

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ПОЛЕВОГО.

ЖУКОВСКІЙ И ДЕРЖАВИНЪ.

(Изъ «Очерковъ Русской Литературы»).

...Бываютъ въ природѣ и человѣчествѣ сходства противуположностей: видимъ предметы, сходные между собою тѣмъ, что они нисколько одинъ на другой не походятъ. Такова въ русской поэзіи сходственность противуположности *Державина* и *Жуковскаго*. Хотите ли видѣть противуположность рѣшительную, къ какой способенъ человѣкъ, противуположность мыслей, характера, слова, языка, вѣка, направленія? Прочитайте Державина, и послѣ него читайте Жуковскаго.

Совершенное недовольство собою, міромъ, людьми, недовольство тихое, унылое, и отъ

того стремленіе за предѣлы міра; умилительная надежда на счастіе *тамъ*, обманувшее *здѣсь*; молитва сердца, любящаго, утомленнаго борьбою, но не кроваваго, не растерзаннаго; стремленіе къ грусти о прошедшемъ, къ безнадежной унылости въ будущемъ: нѣжная сострадательная дружба къ скорби ближняго; любимое мѣсто прогулки на кладбищѣ, какъ на полѣ, засѣянномъ успокоенными въ упованіи, утѣшенными смертью сердцами; мысль возвести въ идеалы ужасы кладбища и смерти, облечь ихъ въ изящные образы, показать въ кончинѣ человѣка не страшное привидѣніе, но тихаго ангела мира и спокойствія. Отъ всего этого, съ одной стороны, *привычка* къ суевѣрной легендѣ, какъ будто привычка къ страшнымъ разсказамъ, которые слыхали мы въ дѣтствѣ; съ другой - *отвычка*, такъ сказать, отъ всего земнаго, насъ окружающаго, отчужденіе отъ всего, что занимаетъ и увлекаетъ другихъ; перенесеніе единственной мысли, единственной идеи своей ко всѣмъ предметамъ— мысли тихой, успокоивающей, мечтательной, отрадной самою грустію, радующей душу какимъ-то прощеніемъ несправедливой судьбѣ—вотъ основаніе поэзіи *Жуковскаго*.

Взгляните, напротивъ, на гордаго, самодовольнаго *Державина*. Онъ счастливъ всѣмъ окружающимъ его, ибо онъ доволенъ собою. Міръ блеститъ для него яркими цвѣтами его собственной фантазіи, исполняетъ его восторгомъ, вдохновляетъ только негодованіемъ, если онъ видитъ случайное нестройство частей, оживляетъ радостью во всемъ, на что ни глядитъ поэтъ очарованными своими глазами. Поэзія населяетъ ему всю природу своими образами. Звуки лиры поэта самозвучны, разнообразны, торжественны. Самая смерть есть для него торжественный урокъ, порука за блаженство загробное, великолѣпный прощальный праздникъ Царя Природы — Человѣка, договоръ съ судьбою, которая заплатила уже здѣсь человѣку задатокъ будущаго безсмертія въ безсмертіи земномъ.

Отъ того происходитъ, если не ошибаемся, разнообразіе въ сущности созданій Державина и однообразіе стиха его. Однообразіе мысли, Жуковскій, какъ будто хочетъ, напротивъ, замѣнить разнообразіемъ формы стиховъ. Ни одинъ русскій поэтъ не писалъ у насъ метрами столь многоразличными: многіе изъ нихъ до Жуковскаго были вовсе безъ употребленія, а Жуковскій ввелъ ихъ въ моду. Онъ отдѣлываетъ каждую ноту своей пѣсни тщательно, вѣрно, столько-же дорожитъ *звукомъ*, сколько и *словомъ*. Державину какъ будто некогда думать о метрѣ: онъ спѣшитъ импровизировать, сыплетъ картины, сравненія, яркія цвѣты, слова, и только придаетъ ладъ своей пѣснѣ лирическими аккордами. Жуковскій играетъ на арфѣ: продолжительные переходы звуковъ предшествуютъ словамъ его, и сопровождаютъ его слова, тихо припѣваемыя поэтомъ, только для поясненія того, что хочетъ онъ выразить звуками. Безсоюзіе, остановка, недомолвка— любимые обороты поэзіи Жуковскаго.

Читая созданія Жуковскаго, вы не знаете: гдѣ родился? гдѣ поетъ онъ? Читая Державина, видите, что это русскій и всегда видите его самого. Хочетъ ли онъ передать вамъ чужое, оно превращается въ его собственное. Собственныя созданія Жуковскаго, напротивъ, до такой степени *космополитны*, такъ сказать, въ мірѣ литературномъ, что едва отличите ихъ отъ переводовъ сего поэта. Пѣснь Державина кипитъ шумною рѣкою и блещетъ яркимъ отраженіемъ солнца; вокругъ нея цвѣтущая природа; вдали слышны радостные клики побѣдъ и пѣсни веселаго русскаго хоровода. Пѣснь Жуковскаго журчитъ непримѣтнымъ ручейкомъ, и освѣщается блѣднымъ сіяніемъ мѣсяца. Въ тоже время вы усматриваете длинную тѣнь колокольни кладбища. Часы ударяютъ полночь—это часъ привидѣній — и они вьются вокругъ васъ легкою вереницею тѣней; но не страшитесь ихъ: это добрые духи-утѣшители, вѣстники, что родная душа не разсталась съ вами, что она говоритъ вамъ и въ шорохѣ листочка, и въ шумѣ вѣтра, и въ уныломъ, воздушномъ звукѣ незримой арфы...

Въ Поэзіи Державина, среди самыхъ веселыхъ звуковъ радости, вы также слышите унылость: это русское свойство, свойство сѣвера, отзывается въ немъ; но его унылость — заздравная чаша, выпитая въ молчаніи среди веселаго пира, за которою слѣдуетъ другая, съ шумною радостью. Не таковъ Жуковскій, задумчивый гость на пиру жизни, пропѣвшій въ свою очередь круговую пѣсню: веселье его — улыбка грусти, ошибка радости, и всѣ гости забыли свою радость—облако унынія облегло ихъ...

Разсмотрите три собственныя пьесы Жуковскаго, писанныя имъ въ самой юности: *Вечеръ* (1806 г.), *къ Нинѣ* (1808) *къ Филалету* (1808). Основная мысль этихъ стихотвореній: *Любовь переживаетъ жизнь—Вѣчность есть любовь вѣчная*! И въ какихъ плѣнительныхъ, чудныхъ картинахъ эта мысль! Кажется, что поэтъ, размножая образы, длитъ эту мысль, плѣняющую его — одно, что осталось ему на землѣ, одно, чѣмъ очаровываетъ его небо:—ему не хочется разстаться съ нею, онъ лелѣетъ себя подробностями описаній...

И что сказалъ Жуковскій *Филалету* и *Нинѣ*, то отразилось на всей его жизни. Счастливецъ! онъ неразставался съ этою мыслью! Здѣсь заключена всю его поэзія, вся его душа, вся жизнь — все остальное въ поэзіи Жуковскаго есть только дополненіе...

Но скажутъ намъ, Жуковскій былъ *торжественнымъ пѣвцомъ* 1812 года и славныхъ побѣдъ русскихъ. Такъ; да какимъ пѣвцомъ? торжественнымъ? Но развѣ вы не читали Державина? Что же такое Жуковскій, пѣвецъ въ станѣ русскомъ и вѣстникъ славы Россіи и Александра? Это грустный, унылый бардъ, не съ гремящею лирою, но съ мелодическою арфою. Онъ участвуетъ въ общемъ весельѣ, готовъ пасть за отчизну въ битвѣ, но привычная дума всегда на челѣ его; она прорывается, въ его пѣсняхъ, и, умирая, онъ скажетъ: *любовь одно со славой!* Это лучшіе куплеты его *Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ*:

Кѣмъ мы дышали въ мірѣ семъ,
Съ той нѣтъ и *тамъ* разлуки!
Туда душа перенесетъ
Любовь и образъ милой!
О други! смерть не все возметъ —
Есть жизнь и за могилой!

И когда же это было писано? Въ виду пылающей Москвы, среди войны за отчизну и свободу! Въ *Пѣвцѣ на Кремлѣ* нѣтъ сего чувства, но за то этотъ пѣвецъ холоденъ до такой степени, что даже при появленіи своемъ онъ не произвелъ никакого впечатлѣнія.

При такомъ направленіи, поэзія Жуковскаго, какъ мы уже говорили, не могла быть народною: и *народности* не ищите у Жуковскаго. Онъ живетъ духомъ не на землѣ, и что ему въ положительныхъ земныхъ формахъ! Его образы мимолѣтныя тѣни, его думы—идеи неземныя. Назовите это *недостаткомъ*, но этотъ недостатокъ былъ общій наставникамъ Жуковскаго, пѣвцамъ Германіи, или, лучше сказать, Шиллеру, ибо въ Шиллерѣ образецъ Жуковскаго.

Изъ предисловія къ автобіографіи [1]).

...«Теперь, когда по вычету вѣроятностей, мнѣ остается жить менѣе, нежели я жилъ, когда посулы будущаго уже не обольщаютъ души моей, и золотые сны не облекаютъ наготы существеннаго, когда лѣта и жизнь чаще приковываютъ взоры мои къ общей нашей матери, землѣ,... болѣе другихъ строго сужу я обо всемъ, что успѣлъ сдѣлать, и думаю: *«какъ мало сдѣлано!»* — Нерѣдко въ душѣ моей вскипаетъ еще желаніе дѣятельности, иногда воображеніе еще далеко ставитъ грани того, что можно сдѣлать... Но угрюмый опытъ останавливаетъ мечту и щиплетъ крылья моего воображенія...

Съ какою радостью желалъ бы я передать юному, свѣжему силами поколѣнію все, что многолѣтній опытъ, размышленіе и трудъ дали мнѣ, все, что таится въ душѣ моей, для присовокупленія къ сокровищницѣ знаній, и что, вѣроятно, погибнетъ невысказанное, умретъ со мною!... Сколько еще предметовъ для работы, сколько труда, почетнаго, прекраснаго въ настоящемъ состояніи нашего просвѣщенія и образованія! Желалъ бы я указать на сіи труды и работы, ожидающія дѣлателей, желалъ бы сказать: «Дорожите каждымъ часомъ, каждою минутою нашего невѣрнаго, мимолетнаго бытія; помните, что только пользою и добромъ оцѣняется наша жизнь—*здѣсь* и *тамъ*, и если не всякому изъ насъ дано, если только немногимъ избраннымъ дано призваніе творца, поэта, художника, то ни у кого изъ насъ не отнята воля на трудъ, а при сильной волѣ человѣкъ

[1]) Помѣщенной въ *Очеркахъ Русской Литературы*.

может сдѣлать многое, очень многое, больше, нежели онъ себѣ сначала воображаетъ. Но помните, что только трудомъ и размышленіемъ покупается честь и успѣхъ, упорствомъ, постоянствомъ въ стремленіи къ положенной цѣли, и что нерѣдко — часто даже—насъ встрѣчаютъ неблагодарность, злоба, своекорыстіе и насмѣшка. Не робѣйте друзья! Паче всего гоните отъ себя *духъ унынія*; ищите награды въ самомъ трудѣ, не ожидая другой награды—придетъ пора, можетъ быть».

Все это, и многое еще желалъ бы я сказать тѣмъ, кто долженъ смѣнить насъ на поприщѣ міра—сказать, что всѣ пожертвованья, всѣ труды наши, всю горесть бытія, на поприщѣ науки и искусства искупаютъ минуты, какихъ не знаетъ человѣкъ, не испытавшій работы умственной. Какое наслажденіе даже въ самомъ пріобрѣтеньи знаній, въ нравственномъ, духовномъ совершенствованіи самого себя! Какая утѣха, когда потомъ наши понятія свѣтлѣютъ, когда темное ощущеніе наше переходитъ въ ясное чувство самопознанія; когда для бесѣды съ нами отверзаются безмолвныя гробницы и тѣни великихъ всѣхъ вѣковъ приходятъ бесѣдовать съ нами въ наше уединеніе, даже на языкахъ давно умолкнувшихъ; когда, въ избыткѣ чувства, переполненная душа наша стремится передать другимъ то, чего не можетъ удержать въ самой себѣ, облекаетъ идеи свои въ образы и формы, даетъ имъ жизнь и бытіе, и, какъ драгоцѣнный залогъ безсмертія нашего даже и на землѣ, передаетъ своему времени, своимъ ближнимъ, мысль, непогибшую въ тѣни вѣковъ, или тайны мудрости Индійца, Эллина, Германца, озарявшія ихъ для блага и счастія человѣчества.

Перечитывая нынѣ иное (написанное мною) черезъ много лѣтъ, самъ чувствую неполноту, несовершенство многаго; многое обновляетъ для меня въ настоящемъ чувство утѣшительное, но еще больше внушаетъ чувство грустное, сознаніе недостигнутой мечты, невыраженныхъ идеаловъ. Такое чувство, думаю, естественно каждому, кто *жилъ* сколько нибудь и *мыслилъ*. Только невѣжество, только глупость получили на сей землѣ, — впрочемъ, не знаю, счастливую-ли — участь самодовольства. Есть другая награда, болѣе драгоцѣнная, которою благословляетъ насъ Провидѣніе: мысль, что если Богъ далъ намъ что нибудь, сильно-горѣвшее въ душѣ нашей, сильно тревожившее насъ въ дни нашей юности еще безсознательнымъ, темнымъ ощущеніемъ, мы не погубили его потомъ въ суетѣ и бѣдствіяхъ жизни, *не зарыли таланта въ землю, какъ рабъ лѣнивый*, въ притчѣ Евангельской, старались разработывать тайные рудники души нашей, не тушили свѣта во мракѣ тяжелаго бытія. Да, такая увѣренность — награда сладостная и драгоцѣнная. Пусть мы не достигли искомыхъ нами идеаловъ, пусть не оправдали надежды на самихъ себя, по крайней мѣрѣ, порадуемся, что не безплодно утраченная протекла жизнь наша...

XXXIX.

ЗНАЧЕНІЕ ЛЕРМОНТОВА ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ ЕГО ЭПОХѢ. — БІОГРАФИЧЕСКІЯ ПОДРОБНОСТИ. — ПИСЬМА ЛЕРМОНТОВА И ВОСПОМИНАНІЯ О НЕМЪ. — РУССКІЙ БАЙРОНИЗМЪ И РУССКАЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. — ОТЗЫВЫ СОВРЕМЕННИКОВЪ О ЛЕРМОНТОВѢ.

Ни одинъ изъ ближайшихъ послѣдователей Пушкина, несмотря на то, что между ними были люди талантливые и очень бойко владѣвшіе перомъ, не могъ, однакоже, возвыситься до того значенія и мѣста, которыя указаны были поэту въ обществѣ Пушкинымъ. Никто изъ послѣдователей Пушкина не сказалъ своему поколѣнію того, что было высказано Пушкинымъ и въ дивныхъ созданіяхъ его, и еще болѣе между строками этихъ дивныхъ созданій.... Мы видѣли, что Пушкинъ, съ конца 20-хъ годовъ, повернулъ на новую дорогу, отрѣшился отъ байроновскихъ идеаловъ своей молодости, и, слѣдуя этому новому пути, пришелъ къ созданію лучшихъ своихъ произведеній, въ которыхъ явился вполнѣ русскимъ народнымъ поэтомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы указывали выше и на тотъ замѣчательный фактъ, что лучшія произведенія Пушкина, созданныя имъ послѣ того, какъ онъ совершенно отрѣшился отъ вліянія байронизма, пользовались въ обществѣ гораздо меньшимъ успѣхомъ, нежели его первыя поэтическія произведенія, въ которыхъ характеры были такъ слабы, такъ несамостоятельны, и однѣ мрачныя краски особенно рѣзко бросались въ глаза. Это явленіе объясняется намъ современнымъ состояніемъ нашего общества, которое съ самаго конца Александрова царствованія уже должно было увидѣть себя въ условіяхъ, крайне-неблагопріятныхъ для его развитія. И жизнь общественная, и литература, и наука, и образованіе — все подвергалось такимъ стѣсненіямъ, до такой степени приносилось въ жертву сухой формалистикѣ и строгой, внѣшней, военной дисциплинѣ, что жизнь становилась невыносимо-тяжелою. Дюжинные, ничтожные люди, болѣе другихъ способные подчиняться стѣснительнымъ, узкимъ размѣрамъ современности, выходили на первый планъ, быстро составляли карьеру и пріобрѣтали видное положеніе въ обществѣ; люди умные и талантливые видѣли себя въ положеніи невыносимомъ, и тотъ гнетъ тяжкихъ, стѣснительныхъ и оскорбительныхъ условій общественной жизни, которыя они около себя видѣли, невольно долженъ былъ озлоблять ихъ и мрачно настроивать ихъ воображеніе, внушая холодное презрѣніе къ жизни и къ окружавшимъ ихъ людямъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ жизни, мрачные, безотрадные, всеотрицающіе герои Байрона должны были пользоваться большимъ успѣхомъ въ нашемъ обществѣ и значительная доля молодого поколѣнія, увлекалась ими до самозабвенія, затрачивала лучшія жизненныя силы свои на подражаніе этимъ непривлекательнымъ идеаламъ... въ то время, какъ другіе увлекались философіей. И вотъ, въ лицѣ Лермонтова, является среди молодого нашего поколѣнія 30-хъ годовъ такой поэтъ, который и въ стихахъ, и на дѣлѣ старался исчерпать, олицетворить тотъ мрачный и непривѣтный байронизмъ, въ которомъ современная молодежь искала себѣ идеаловъ и удовлетворенія; является поэтъ, который отъ подражаній Пушкину переходитъ къ подражаніямъ Байрону и передастъ самые глубокіе мотивы его поэзіи гораздо живѣе и полнѣе Пушкина, понимаетъ его тоньше и, примѣняя къ русской дѣйствительности все содержаніе его поэзіи, переноситъ мрачные образы англійскаго поэта въ роскошную и полную яркихъ красокъ обстановку дикой кавказской жизни и природы. И какъ живой, естественный отголосокъ . . . . эпохи въ русской жизни, этотъ поэтъ сталъ дорогъ русскому сердцу, и русскіе люди сороковыхъ годовъ съ полною искренностью поставили его имя рядомъ съ самыми живыми и дорогими для русскаго сердца именами...

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ (род. 1814 г., ум. 1841 г.) по происхожденію принадлежалъ къ небогатому дворянскому роду Туль-

ской губерніи. Родился Лермонтовъ въ Москвѣ, и полугодовой былъ увезенъ бабушкой своей Е. А. Арсеньевой (урожденной Столыпиной) въ ея пензенскую деревню (село Тарханы). О родителяхъ Лермонтова мы знаемъ только то, что мать Лермонтова умерла очень рано (на 21-мъ году жизни, когда Михаилу Юрьевичу было всего два съ половиною года);

Лермонтовъ.

объ отцѣ — незнаемъ рѣшительно ничего. Несомнѣннымъ фактомъ должно считать только то, что мать, умершая рано, не могла оказать никакого вліянія на воспитаніе поэта, а отецъ и недумалъ прилагать заботы къ къ этому мудреному дѣлу, вполнѣ предоставивъ сына попеченіямъ бабушки. Бабушка Лермонтова ничего нежалѣла для своего обожаемаго внука, и доставила ему, насколько сама понимала и умѣла, всѣ средства для того, чтобы онъ могъ получить самое лучшее по тому времени воспитаніе и блестящее образованіе свѣтскаго человѣка. Лермонтовъ съ дѣтства былъ окруженъ преданіями, причудами, обычаями и предразсудками того самаго кружка, который окружалъ въ дѣтствѣ и Пушкина, съ тою, впрочемъ, разницею, что въ кружкѣ этомъ начинала тогда проявляться нѣкоторая наклонность къ англоманіи, нѣкоторое предпочтеніе англійскихъ обычаевъ и англійскаго языка прежде преобладавшему въ воспитаніи нашей аристократіи языку и обычаямъ французскимъ. Несмотря на этотъ поворотъ, и Лермонтовъ, подобно многимъ другимъ русскимъ поэтамъ, первые стихи свои писалъ по французски, и съ нѣкоторою досадою имѣлъ полное право замѣтить однажды: «какъ жалко, что у меня была мамушкой нѣмка, а не русская! Я не слыхалъ сказокъ народныхъ: въ нихъ вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности».

Учили Лермонтова въ дѣтствѣ многому, и между прочимъ, всѣмъ новѣйшимъ языкамъ; кажется принимались даже учить и древнимъ... Изъ впечатлѣній ранняго дѣтства нельзя не указать на то, что десятилѣтній Лермонтовъ успѣлъ побывать на Кавказѣ съ бабушкой, ѣздившей на воды, и даже не на шутку влюбился въ какую-то бѣлокурую и голубоглазую дѣвочку лѣтъ девяти. Нельзя не согласиться съ тѣми, которые указываютъ на эти первыя впечатлѣнія чуткаго, воспріимчиваго ребенка, какъ на важныя, оказавшія существенное вліяніе на развитіе его поэтическаго дарованія.

Отъ двѣнадцати-лѣтняго возраста Лермонтова сохранился намъ альбомъ съ французскими стихами, довольно отчетливо рисующій намъ тогдашнее развитіе его и общій кругъ понятій въ этомъ возрастѣ. Видно, что онъ уже многое успѣлъ прочесть и сильно поддавался впечатлѣніямъ прочтеннаго, потому что рядомъ съ французскими стихами въ этомъ альбомѣ встрѣчаемъ стихи и на русскомъ языкѣ: подражанія *Бахчисарайскому Фонтану* и *Шильонскому узнику*.

Около 1826 года Лермонтовъ привезенъ былъ въ Москву и помѣщенъ въ московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Сверхъ того, онъ бралъ частные уроки у Мерзлякова, перваго между современными знатоками словесности. Въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ пробылъ Лермонтовъ лѣтъ пять и потомъ готовился поступить въ Университетъ. Можно было ожидать, что и онъ, какъ Пушкинъ, ... минуетъ военной карьеры, потому что бабушка, любившая его до безумія, на вопросъ о томъ, какую карьеру изберетъ она для своего внука, всегда говаривала: —

«А какую онъ хочетъ, лишь бы не былъ военнымъ».

Въ прелестныхъ запискахъ Е. А. Хвостовой (урожденной Сушковой) сохранились намъ драгоцѣнныя подробности о Лермонтовѣ, только что вступавшемъ въ юношескій возрастъ; изъ воспоминаній, представляемыхъ намъ этими записками, мы видимъ, что Лермонтовъ и тогда уже обладалъ сильнымъ поэтическимъ дарованіемъ, а въ его впечатлительной и страстной натурѣ уже и тогда начинали высказываться тѣ черты, которыя потомъ составляли наиболѣе видную сторону его характера.

Село Тарханы.

«У Сашеньки (Верещагиной)»—пишетъ Е. А. Хвостова — «встрѣчала я въ это время (въ 1830 г.).. ея двоюроднаго брата, неуклюжаго, косолапаго мальчика лѣтъ 16 или 17, съ красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутымъ носомъ и язвительно-насмѣшливой улыбкой. Онъ учился въ университетскомъ пансіонѣ, но ученыя его занятія не мѣшали ему быть почти каждый вечеръ нашимъ кавалеромъ на гуляньѣ и на вечерахъ; всѣ его называли просто Мишель и я также, какъ и всѣ, не заботясь нимало о его фамиліи»... «Мы обращались съ Лермонтовымъ, какъ съ мальчикомъ, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращеніе бѣсило его до крайности; онъ домогался попасть въ юноши въ нашихъ глазахъ, декламировалъ намъ Пушкина, Ламартина и былъ неразлученъ съ огромнымъ Байрономъ. Бродитъ бывало, по тѣнистымъ аллеямъ и притворяется углубленнымъ въ размышленія, хотя ни малѣйшее наше движеніе не ускользало отъ его зоркаго взгляда. Какъ любилъ онъ подъ вечерокъ пускаться съ нами въ самыя сантиментальныя сужденія... А мы, чтобы подразнить его, въ отвѣтъ подадимъ ему воланъ или веревочку, увѣряя, что по его лѣтамъ ему свойственнѣе прыгать и скакать, чѣмъ прикидываться непонятымъ и неоцѣненнымъ снимкомъ съ первѣйшихъ поэтовъ». До какой степени, однакоже, въ это время юный Лермон-

товъ обладалъ уже способностью перелагать свои впечатлѣнія въ стихи,—на это встрѣчаемъ мы множество доказательствъ въ запискахъ Е А. Хвостовой, и, между прочимъ, укажемъ только на слѣдующій отрывокъ, въ которомъ она описываетъ свое странствованье на богомолье въ Троице-Сергіевскую Лавру. Въ этомъ странствованьи сопровождалъ ее Лермонтовъ со своей бабушкой и ея подруга Верещагина.

... «Мы пришли въ Лавру изнуренные и голодные»—разсказываетъ Е. А. Хвостова. «На паперти встрѣтили мы слѣпого нищаго, Онъ, дряхлою, дрожащею рукою поднесъ намъ свою деревянную чашечку; всѣ мы надавали ему мелкихъ денегъ; услыша звукъ монетъ, бѣднякъ крестился, сталъ насъ благодарить, приговаривая: «пошли вамъ Богъ счастія, добрые господа; а вотъ намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмѣялись надомною: положили полную чашечку камушковъ. Богъ съ ними!»

«Помолясь святымъ угодникамъ, мы поспѣшно возвратились домой, чтобы пообѣдать и отдохнуть. Всѣ мы суетились около стола, въ нетерпѣливомъ ожиданіи обѣда; одинъ Лермонтовъ не принималъ участія въ нашихъ хлопотахъ; онъ стоялъ на колѣняхъ передъ стуломъ, карандашъ его быстро бѣгалъ по клочку сѣрой бумаги, и онъ какъ будто не замѣчалъ насъ, не слышалъ, какъ мы шумѣли, усаживаясь за обѣдъ и принимаясь за ботвинью... Окончивъ писать, онъ вскочилъ, тряхнулъ головой, сѣлъ на оставшійся стулъ, противъ меня, и передалъ мнѣ ново-вышедшіе изъ подъ его карандаша стихи:

У вратъ обители святой
Стоялъ просящій подаянья,
Безсильный, блѣдный и худой,
Отъ глада, жажды и страданья.
Куска лишь хлѣба онъ просилъ
И взоръ являлъ живую муку,
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!
Такъ я молилъ твоей любви
Съ слезами горькими, съ тоскою,—
Такъ чувства лучшія мои
На вѣкъ обмануты тобою.

Въ слѣдующемъ году Лермонтовъ окончилъ курсъ въ университетскомъ пансіонѣ и на публичномъ экзаменѣ получилъ первую награду за сочиненіе и успѣхи въ исторіи. «Весело было смотрѣть»—замѣчаетъ по этому поводу Е. А. Хвостова—«какъ онъ былъ счастливъ, какъ торжествовалъ. Зная его чрезмѣрное самолюбіе, я ликовала за него. Съ молоду его грызла мысль, что онъ дуренъ, не складенъ, незнатнаго происхожденія, и въ минуты увлеченія онъ признавался мнѣ не разъ, какъ бы хотѣлось ему попасть въ люди, а главное никому въ этомъ не быть обязану, кромѣ самого себя».

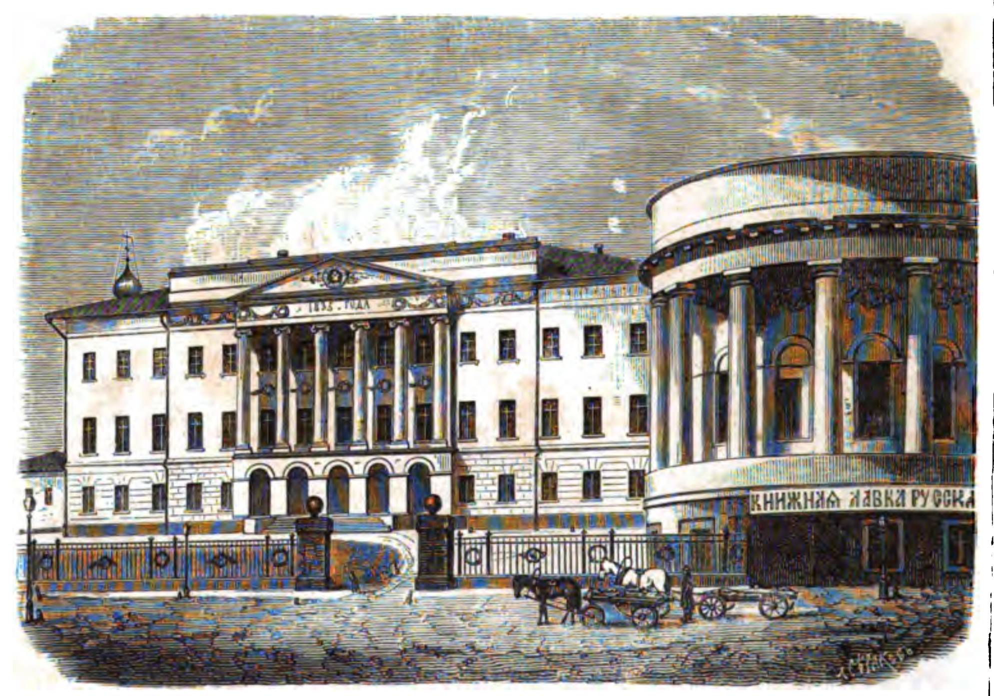
Однако же въ Университетѣ Лермонтову не пришлось пробыть долго:—онъ долженъ былъ изъ Университета выйти по поводу участія своего въ одной изъ студенческихъ шалостей, въ сущности совершенно невинной, но которая, въ то строгое время, не могла пройти даромъ молодежи. Шалость эта заключалась въ слѣдующемъ:

«У профессора Ц. былъ адъюнктъ М., читавшій теорію уголовнаго права. Любимою тэмою лекцій М. было разсужденіе о человѣкѣ. Всѣ такія лекціи М. начиналъ словами: *человѣкъ, который...»* Студенты не взлюбили профессора. Однажды, едва М. взошелъ на каѳедру и началъ обычное: *человѣкъ, который...* Студенты зааплодировали и крикнули: «браво! прекрасно!»... Это повторялось каждый разъ, какъ только М. раскрывалъ ротъ. М., обращаясь къ студентамъ, говоритъ «Гг., я долженъ буду уйти»,—а ему кричатъ: прекрасно!» М. идетъ изъ аудиторіи, изъ университета, студенты идутъ за нимъ, крича: *человѣкъ, который... bis! прекрасно!* и проводили его такимъ образомъ довольно далеко. По жалобѣ М. въ числѣ исключенныхъ былъ и Лермонтовъ [1])».

Куда же было дѣваться молодому человѣку въ началѣ 30-хъ годовъ, когда не многіе пути, открываемые въ то время университетомъ такъ рано уже для него закрылись? За что приняться въ то время, когда все кругомъ было занято только одной общей мечтой о службѣ и карьерѣ, и когда никакая серьезная дѣятельность не была доступна для молодого человѣка въ возрастѣ Лермонтова? Конечно, оставалось только одно:—поступить въ военную службу и *про-*

[1]) «Матер. для біограф. Лермонтова» С. Дудышкина. При собраніи соч. Лермонтова 1863 II, VII.

гусарить жизнь, раздѣляя ее почти равномѣрно между буйнымъ разгуломъ и свѣтскими, пустыми, уничтожающими человѣка развлеченіями. И вотъ, въ Мартѣ 1832 года, Лермонтовъ поступаетъ въ Петербургскую юнкерскую школу, въ которой и остается ровно два года (1832 — 1837). Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ онъ, конечно, не оставляетъ своихъ стиховъ, и отъ мелкихъ лирическихъ произведеній переходитъ къ первымъ самостоятельнымъ эпическимъ опытамъ. Начавъ въ 1828 г. съ подражаній Пушкину, Лермонтовъ, не совсѣмъ еще освободившись отъ его вліянія, поддается въ сво-

Московскій Университетъ.

емъ поэтическомъ настроеніи тому циническому направленію, которымъ отличалась молодежь того времени въ юнкерской школѣ; грязныя, ничтожныя впечатлѣнія и какая-то особенно-замѣтная потребность щеголять развратомъ и похожденіями, приводятъ Лермонтова къ цѣлому ряду произведеній весьма нескромнаго содержанія; здѣсь были написаны: *«Уланша»*, *«Монго»*, *Петергофскій праздникъ»*. Здѣсь же явились и первые опыты восточныхъ повѣстей, и первые опыты подражаній Байрону, въ созданіи мрачныхъ, неразгаданныхъ характеровъ. Къ пребыванію въ школѣ относятся поэмы: *Измаилъ-бей* (1832) и *Хаджи-абрекъ* (1833), которая безъ вѣдома Лермонтова передана была однимъ изъ его товарищей извѣстному книгопродавцу-издателю Смирдину, и напечатана въ 1835 г. въ «Библіотекѣ для Чтенія». Что касается до самого Лермонтова, то онъ, повидимому, въ это время, нимало не гонялся за славою авторскою и не спѣшилъ печатать своихъ произведеній, къ которымъ относился чрезвычайно строго: многія изъ его поэмъ и стихотвореній, написанныхъ на школьной скамейкѣ (между 1831—1834 г.), явились въ свѣтъ не ранѣе, какъ черезъ пять или шесть лѣтъ послѣ того, когда авторомъ дана была имъ окончательная отдѣлка. Довольно любопытна для насъ та характеристика личности Лермонтова въ этотъ періодъ его жизни, которую онъ самъ оставилъ намъ въ одномъ изъ своихъ шутливыхъ стихотворныхъ расказовъ (*Монго*) Вотъ какъ онъ описываетъ тамъ себя, подъ именемъ *Маёшки*:

Онъ лѣнь въ законъ себѣ поставилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома былъ безъ дѣла;
Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ неразсуждалъ.
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
Его покоя не смущало,
Что некасалось до него;
Насмѣшекъ гибельное жало
Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его.
Слова онъ вѣсилъ осторожно
И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ;
Порою, трезвый вралъ безбожно,
И молчаливъ былъ — на пирахъ.
Характеръ вовсе безполезный
И для друзей, и для враговъ.

Для характеристики Лермонтова въ этомъ періодѣ его жизни еще болѣе важны тѣ письма его изъ школы къ какой то Московской пріятельницѣ, которыя мы и приводимъ здѣсь:

...«Съ тѣхъ поръ какъ я вамъ писалъ, со мною произошло такъ много перемѣнъ, такъ много страннаго, что я право и самъ еще не знаю, какой путь изберу—путь порока или глупости. Правда что и то, и другое часто приводитъ къ одной цѣли. Знаю, что вы станете увѣщевать меня, что вы даже попытались бы меня утѣшить — напрасно! Я чувствую себя болѣе, чѣмъ когда-либо счастливымъ; чувствую себя веселѣе любаго перваго встрѣчнаго пьяницы, распѣвающаго на улицѣ! Этотъ способъ выраженія вамъ не нравится, но увы! — *скажи мнѣ съ кѣмъ ты водишься, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ*! (19 Іюня 1833 г.).

Меня ободряетъ одна мысль, что черезъ годъ—я офицеръ! А тогда, тогда, Боже мой! Кабы вы знали, какую жизнь я предполагаю вести!.. О, чудеснѣйшую! Прежде всего примусь за чудачества и дурачества всякаго рода, а поэзію потоплю въ шампанскомъ. Знаю, что вы противъ этого вооружитесь; но увы! время моихъ мечтаній уже миновало; пролетѣло время упованій; я чувствую потребность въ наслажденіяхъ матерьяльныхъ, въ счастіи осязательномъ, въ такомъ счастіи, которое бы только обманывало мои чувства, оставляя душу мою въ покоѣ и бездѣйствіи! Вотъ что мнѣ теперь нужно, и вы видите, милый другъ, что я нѣсколько измѣнился съ той поры, какъ мы съ вами разстались. Когда я увидалъ, какъ разсѣялись мои прекрасныя мечты; я сказалъ себѣ, что не стоитъ труда создавать себѣ новыя; не лучше-ли, подумалъ я, пріучить себя къ тому, чтобы безъ нихъ обходиться; и я попытался; я походилъ на пьяницу, который старается мало-по малу отучить себя отъ вина,—мои усилія не были напрасны, и вскорѣ мое прошлое стало мнѣ представляться не болѣе какъ программою приключеній весьма обыкновенныхъ и не имѣющихъ никакого значенія. Но поговоримъ о другомъ... (авг. 1833. Школа).

...«Странная вещь эти сны! эта изнанка жизни, которая иногда пріятнѣе самой дѣйствительности: я положительно не согласенъ съ тѣми, которые говорятъ, что жизнь есть ничто иное, какъ сонъ; я слишкомъ осязательно ощущаю всю ея суть, всю ея увлекательную пустоту! И никогда я не буду въ состояніи оторваться отъ нея на столько, чтобы презирать ее искренно; вѣдь жизнь моя—это я самъ, я, бесѣдующій съ вами,—и могущій въ одно мгновеніе обратиться въ ничто, въ одно имя, т. е опять таки въ ничто... Странно подумать, что можетъ наступить день, когда уже мнѣ нельзя будетъ сказать о себѣ: *я*! – При этой мысли міръ представляется просто комомъ грязи. (2 сент. 1833).

Вскорѣ послѣ того какъ Лермонтовъ оставилъ юнкерскую школу, онъ написалъ драму «*Маскарадъ*» (1834) и поэму «*бояринъ Орша*» (1835); но собственно литературная извѣстность его началась не ранѣе, какъ съ 1837 года, когда, вскорѣ послѣ смерти Пушкина, написана была имъ превосходная пьеса «*На смерть поэта*» (*Погибъ поэтъ, невольникъ чести*»), въ которой онъ выразилъ свое полное сочувствіе поэту, такъ преждевременно похищенному смертью, и въ тоже время излилъ всю желчь свою противъ того кружка, который такъ мало способенъ былъ оцѣнить Пушкина... Стихотвореніе надѣлало шуму и черезъ товарищей Лермонтова быстро разошлось по Петербургу во множествѣ списковъ. Вскорѣ послѣ того, наслышавшись различныхъ, противорѣчивыхъ толковъ о ду-

эли и смерти Пушкина, Лермонтовъ прибавилъ къ своему стихотворенію еще 16 самыхъ рѣзкихъ, окончательныхъ стиховъ (*а вы, надменные потомки*)». Говорятъ, что въ одномъ изъ петербургскихъ салоновъ на весьма многолюдномъ вечерѣ, извѣстная въ то время старуха и большая сплетница А. М. Х. при всѣхъ обратилась съ вопросомъ къ Бенкендорфу: «слышали вы, Александръ Христофоровичъ, что написалъ *про насъ* Лермонтовъ?» Бенкендорфъ, вѣроятно, прежде нея зналъ о стихотвореніи, и не находилъ въ немъ ничего важнаго; но тутъ, говорятъ, онъ сказалъ: «ужъ если А. М. знаетъ про эти стихи, то я долженъ о нихъ доложить»...

. . . . [1]). Вскорѣ послѣ того (27 февр. 1837 г.) Лермонтовъ переведенъ былъ прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій въ Грузіи, и отправился на Кавказъ. . . . .

. . . .

На этотъ разъ Лермонтовъ не долго оставался на Кавказѣ. Просьбы и хлопоты его бабушки, Арсеньевой, привели къ тому, что ужс въ Октябрѣ того же года онъ былъ возвращенъ съ Кавказа и переведенъ въ гвардію (въ л. гв. гродненскій гусарскій полкъ). Въ это время и литературная критика наша уже успѣла оцѣнить его: онъ написалъ свою превосходную «*Пѣсню про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова*», въ которой всѣ привѣтствовали совершенно новое въ нашей литературѣ явленіе, поражавшее смѣлымъ сочетаніемъ высоко-художественныхъ картинъ, полныхъ силы и достоинства съ вѣшностью безъискусственныхъ произведеній народной поэзіи.

Эта небольшая пьеса должна была тѣмъ болѣе удивить всѣхъ, что въ то время еще мало было извѣстно другое, гораздо ранѣе этого времени написанное, произведеніе Лермонтова — *Демонъ* (между 1829 и 1834), бѣдное содержаніемъ, но изумляющее богатствомъ и роскошью красокъ, и безконечнымъ разнообразіемъ картинъ кавказкой жизни и кавказской природы.

Очень важны для поясненія литературной дѣятельности Лермонтова тѣ три письма его (все къ той же московской пріятельницѣ), которыя сохранились намъ отъ періода времени между 1835—1838 год., и которыя мы цѣликомъ приводимъ здѣсь. Письма эти не столько важны своими біографическими подробностями и намеками, сколько прямыми указаніями на тѣ вліянія внѣшнія и на то внутреннее настроеніе, которыя побудили Лермонтова создать типъ «Героя нашего времени».

... «Признаюсь вамъ, каждый день болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что никогда ни на что не буду годенъ, несмотря на всѣ мои прекрасныя мечты и плохіе опыты на жизненномъ пути... потому что, либо случая не встрѣчаешь, либо смѣлости не хватаетъ!.. Мнѣ говорятъ: случай со временемъ встрѣтится, а время придастъ вамъ смѣлости!... А кто знаетъ, когда все это сбудется—останется ли у меня хоть тѣнь той пламенной и юной души, которою Богъ надѣлилъ меня такъ некстати? И не будетъ-ли сила моей воли истощена постоянною сдержанностью?.. Кто знаетъ, наконецъ — не буду ли я тогда и вовсе разочарованъ во всемъ, что побуждаетъ насъ къ поступательному движенію въ жизни... Вѣрите-ли, я до такой степени неспособенъ увлекаться собой, что когда случайно понравится мнѣ какая нибудь моя же мысль, я стараюсь припоминать, откуда я ее вычиталъ!—и вслѣдствіе этого я теперь ничего не читаю, чтобы не думать!.. Я и въ свѣтъ выѣзжаю теперь... чтобы дать себя знать, чтобы доказать, что я могу находить удовольствія и въ *порядочномъ обществѣ*... Да! какъ же! Я даже и ухаживаю, и на вызванное мною признаніе отвѣчаю дерзостями: это еще немного потѣшаетъ меня: и хотя это не совсѣмъ ново, покрайней мѣрѣ, это не слишкомъ часто приходится видѣть!.. Вы можетъ

[1]) См. примѣч. къ сочинен. Лермонтова, стр. 474, во II т. изд. 1863.

быть предполагаете, что меня послѣ этого просто на-просто прогоняютъ?—Ничуть не бывало: напротивъ; такъ ужь сотворены женщины. Я начинаю пріобрѣтать нѣкоторую увѣренность въ отношеніи къ нимъ; ничто не смущаетъ меня, ни гнѣвъ ихъ, ни нѣжность; я постоянно выказываю себя искательнымъ и горячимъ, хотя сердце мое остается довольно холоднымъ и бьется сильно только въ очень важныхъ случаяхъ. (СПб. 23 дек., 1835)».

«Пишу вамъ, милый другъ, наканунѣ отъѣзда въ Новгородъ. До настоящей минуты все ожидалъ, не случится-ли со мною хоть что нибудь пріятное, о чемъ бы я могъ и васъ извѣстить; однако же ничего подобнаго не случилось, и я рѣшаюсь писать вамъ, что умираю здѣсь съ тоски. Первые дни по пріѣздѣ сюда (съ Кавказа) все приходилось рыскать: представлялся разнымъ лицамъ, дѣлалъ церемонные визиты всякіе, потомъ каждый день сталъ ѣздить въ театръ: хорошъ театръ, да только ужь понадоѣлъ таки мнѣ. Да къ тому же еще и добрые-то родственники мнѣ покою не даютъ! Не хотятъ, чтобы я выходилъ въ отставку... Однимъ словомъ я порядочно упалъ духомъ и даже очень бы хотѣлъ поскорѣе покинуть Петербургъ и уѣхать куда-бы то нибыло, въ полкъ или къ чорту; тогда по крайней мѣрѣ будетъ хоть какой нибудь поводъ къ жалобамъ, а вѣдь это всетаки утѣшеніе не хуже другого... (15 февр. 1838 г.).

... Я все объ васъ думалъ; и вотъ доказательство: просился въ отпускъ на годъ — отказали, на 28 дней—отказали, на 14 дней—Великій Князь самъ отказалъ... Надо вамъ сказать, что я теперь несчастнѣйшій изъ смертныхъ и вы повѣрите этому, когда узнаете, что я каждый день на балахъ: вѣдь я пустился въ *большой свѣтъ*. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца я былъ въ модѣ, изъ-за меня чуть не дрались. Это по крайней мѣрѣ искренно. И всѣ эти люди, которыхъ я такъ поносилъ въ стихахъ моихъ, теперь наперерывъ льстятъ мнѣ, и самыя красивыя женщины требуютъ отъ меня стиховъ и хвалятся ими, словно торжествомъ какимъ нибудь. И несмотря, на это, я скучаю. — Просился на Кавказъ,—отказано; не даютъ мнѣ воли даже и подъ пулю лобъ подставить... Вы, можетъ быть, не вѣрите моимъ жалобамъ; вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ это исканіе удовольствій для того, чтобы они наскучили, это посѣщеніе салоновъ, когда въ нихъ не находишь ничего интереснаго! Ну, такъ я вамъ скажу настоящую причину всего этого. Вы знаете, что самые большіе мои недостатки—суетность и самолюбіе. Было время, когда я старался, еще будучи новичкомъ, проникнуть въ это общество, и мнѣ это неудалось—двери аристократическихъ домовъ оставались для меня заперты. И вотъ теперь, въ это же самое общество, я вступаю уже не добиваясь того, какъ человѣкъ, завоевавшій себѣ права свои; я возбуждаю любопытство, во мнѣ заискиваютъ, меня всюду приглашаютъ... Согласитесь, что что все это можетъ вскружить голову; по счастью, природная моя лѣность беретъ надо всѣмъ этимъ верхъ: да и я самъ мало-помалу начинаю все это находить невыносимымъ. Однако же этотъ новый опытъ былъ для меня полезенъ тѣмъ, что далъ мнѣ въ руки оружіе противъ этого же самаго общества, и если когда нибудь оно станетъ преслѣдовать меня своими клеветами (а оно станетъ)—у меня будетъ въ рукахъ средство къ отмщенію; вѣдь нигдѣ же нѣтъ столько смѣшнаго и низкаго, сколько здѣсь...»

Въ теченіе 1838 и 1839 гг. Лермонтовъ оставался въ Петербургѣ и писалъ сначала очень немного. За то въ 1839 написалъ поэму *Мцыри*» и началъ цѣлый рядъ превосходныхъ расказовъ въ прозѣ, которые потомъ вышли подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «*Герой нашего времени*». Произведеніе это, въ значительной степени уже утратившее для настоящаго времени свой живой интересъ, остатся однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ того времени, которому всецѣло принадлежалъ самъ Лермонтовъ. Въ лицѣ *Печорина* онъ старался представить «портретъ, составленный изъ пороковъ всего современнаго ему поколѣнія», изображая его, онъ «рисовалъ современнаго человѣка, какимъ онъ его понималъ и къ его, и къ нашему общему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ». Лермонтовъ сознается, что, создавши характеръ *Печорина*, онъ старался указать на «болѣзнь», постигшую все современное русское общество... Но все это высказывалъ Лермонтовъ уже въ предисловіи ко второму изданію «*Героя*», послѣ того, какъ въ обществѣ стали сильно поговаривать, будто авторъ въ этой повѣсти изобразилъ себя самаго и описалъ свои собствен-

ныя похожденія. Біографъ Лермонтова совершенно основательно замѣчаетъ, что и дѣйствительно, «Лермонтовъ писалъ *Героя* съ любовью», и что въ «чертахъ его характера, съ любовью описанныхъ авторомъ, слѣдуетъ видѣть именно тѣ признаки извращенія, которыя дала таланту . . . . . . эпоха». Но нельзя однакоже не замѣтить, что эти «признаки извращенія», отчасти, принадлежали и просто той формѣ, какую байронизмъ долженъ былъ принимать на русской почвѣ. Герои Байрона представляли собою отрицаніе цѣлаго многовѣковаго прошлаго, пережитаго старой Европой, со всѣми его преданіями, предразсудками и правами; но въ примѣненіи къ русскимъ героямъ, къ «Москвичамъ въ Гарольдовскомъ плащѣ», байронизмъ конечно долженъ былъ сильно мельчать и нерѣдко ограничивался одною простою внѣшнею рисовкою, однимъ желаніемъ драпироваться въ тѣ свойства и воззрѣнія байроновскихъ героевъ, которыя въ нихъ были естественнымъ слѣдствіемъ перелома, произведеннаго въ Европейской исторической жизни событіями конца прошлаго вѣка, а у насъ только примѣнялись къ совершенно инымъ, хотя и очень тягостнымъ условіямъ нашей общественной жизни 30-хъ годовъ. Тамъ байронизмъ являлся громкимъ протестомъ личности противъ стѣснявшихъ ее условій европейской исторической жизни, наслѣдованныхъ обществомъ,— у насъ онъ представлялъ собою не болѣе, какъ энергическій протестъ противъ небольшаго избраннаго меньшинства, противъ тягости временныхъ условій нашей общественной жизни, противъ апатіи или же неразвитости всей массы общества. Само собою разумѣется, что, видоизмѣняясь такимъ образомъ на русской почвѣ, байронизмъ въ произведеніяхъ нашихъ поэтовъ долженъ былъ или проявляться въ видѣ совершенно безцвѣтныхъ, чуждыхъ характеровъ (таковъ напр. *Демонъ* Лермонтова), либо въ видѣ нѣсколько-карикатурныхъ личностей, представляющихъ въ характерѣ своемъ смѣсь нашихъ національныхъ особенностей, смѣсь чертъ, исключительно принадлежащихъ нашей почвѣ, съ другими чертами, заимствованными отъ байроновскихъ героевъ. Такимъ-то именно героемъ является Печоринъ, котораго біографъ Лермонтова опредѣляетъ довольно вѣрно простымъ указаніемъ на слѣдующія замѣчаемыя въ немъ противорѣчія:

«Русскій офицеръ сороковыхъ годовъ, разрушитель женскихъ сердецъ, готовый гордиться этимъ передъ цѣлымъ свѣтомъ; офицеръ-дэнди—чуть-чуть не англійскій лордъ, который обращаетъ особенное вниманіе на породистость: страстный, но еще болѣе чувственый, убійца Бэлы, Вѣры, княжны Мэри; поклонникъ дикихъ страстей «народа дикаго», черкесовъ; герой, ненавидящій фальшивый лоскъ и необратившій вниманія на все то, что просто и естественно, и потому невидѣвшій народа за блескомъ мундировъ»...

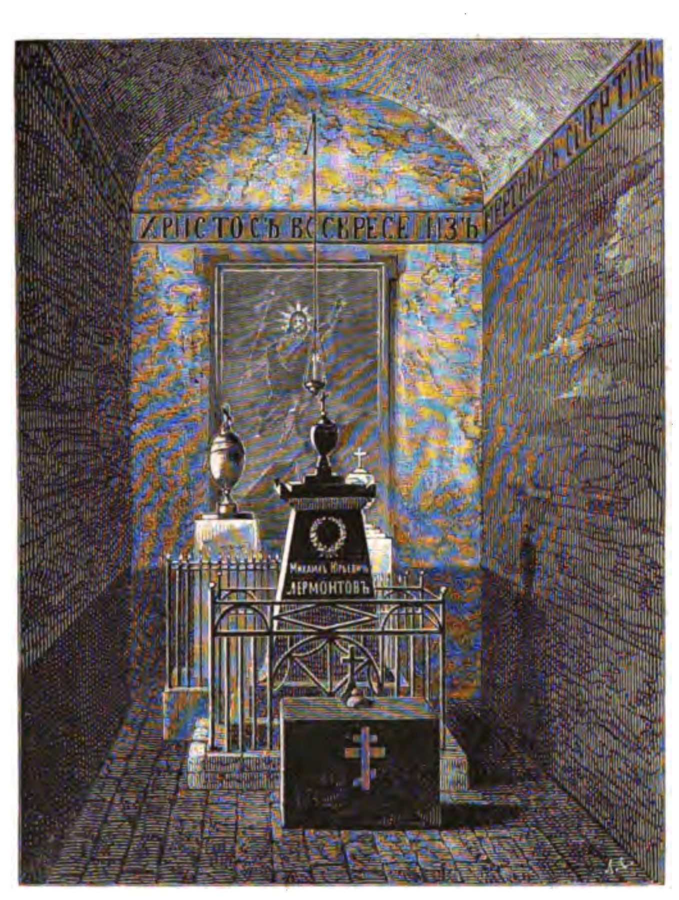
Все это признаемъ мы теперь каррикатурнымъ, и *печоринство* представляется намъ давно отжившимъ свой вѣкъ; но все это было дѣйствительною, не вымышленною принадлежностью русской общественной жизни и русскаго общественнаго типа лѣтъ сорокъ тому назадъ, особенно въ средѣ лучшихъ людей нашего высшаго круга, которые способны были болѣе другихъ чувствовать всю ложь окружавшей ихъ жизни, и въ тоже самое время не чувствовали въ себѣ силъ просто и естественно отстраниться отъ этой лжи, перейти на другую дорогу. Къ числу такихъ то людей принадлежалъ и Лермонтовъ, такой же «невольникъ чести», какъ и Пушкинъ; такимъ является намъ Лермонтовъ и въ той прекрасной характеристикѣ, которую оставилъ намъ нѣмецкій поэтъ Боденштедтъ [2]), познакомившійся съ Лермонтовымъ въ Москвѣ, подъ конецъ его жизни (1840—41 г.):

«Недостатки Лермонтова были недостатками всего свѣтскаго молодаго поколѣнія въ Россіи», — замѣчаетъ Боденштедтъ; «но достоинствъ его не было ни у кого. Вѣрнѣйшее изображеніе его личности все таки останется намъ въ его произведеніяхъ, гдѣ онъ высказывается вполнѣ такимъ, *какимъ былъ*, тогда какъ въ жизни онъ былъ лишь тѣмъ, *чѣмъ хотѣлъ казаться*». Не надо понимать это въ дурномъ смыслѣ: если Лермонтовъ и надѣвалъ маску, то надѣвалъ не съ злымъ намѣреніемъ... Характеръ его былъ са-

[1]) *С. Дудышкинъ*, въ Матер. для біогр. Лерм. стр. XLVII. [2]) Боденштедтъ подарилъ нѣмецкую литературу превосходнымъ переводомъ Лермонтова.

маго крѣпкаго закала, и чѣмъ грознѣе падали на него удары судьбы, тѣмъ болѣе становился онъ твердымъ. Онъ немогъ противустоять преслѣдовавшей его судьбѣ; но въ тоже время не хотѣлъ ей покориться. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы одолѣть ее, но и слишкомъ гордъ, чтобы позволить одолѣть себя... Вотъ почему и пряталъ онъ свои страданія подъ личиною веселости, а самыя ѣдкія остроты его отзываются горечью слезъ».

Такимъ же точно рисуютъ намъ Лермонтова и другіе его современники, заслуживающіе полнаго довѣрія и отвергающіе съ не-

Могила Лермонтова.

годованіемъ всѣ тѣ враждебные, неблагопріятные отзывы о личности и характерѣ Лермонтова, которые основывались на одномъ наблюденіи той свѣтской маски, которую Лермонтовъ считалъ долгомъ надѣвать передъ людьми, мало его знавшими. Въ числѣ этихъ современниковъ подаетъ свой голосъ въ пользу Лермонтова и Бѣлинскій, такъ прекрасно опредѣлившій значеніе Лермонтова, какъ поэта, и на себѣ испытавшій все обаяніе его личности, когда она поставлена была въ условія простыхъ, искреннихъ отношеній къ искусству [1]).

Страшнымъ, роковымъ образомъ сбылся надъ Лермонтовымъ тотъ жребій, который онъ какъ бы предназначилъ себѣ въ извѣстномъ своемъ юношескомъ стихотвореніи (*Нѣтъ, я не Байронъ, я другой, еще невѣдомый избранникъ*), въ которомъ онъ говорилъ между прочимъ, сравнивая себя съ Байрономъ:

[1]) См. извѣстный разсказъ Бѣлинскаго о бесѣдѣ съ Лермонтовымъ, котораго онъ посѣтилъ подъ арестомъ (Въ *Воспоминаніяхъ* Панаева. Современникъ 1861 г. II, 656—63).

«Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ немного совершитъ»...

И дѣйствительно *«Герой нашего времени»* еще не совсѣмъ былъ оконченъ, а ужь надъ головою автора его успѣли собраться новыя грозныя тучи... Въ Февралѣ 1840 года Лермонтовъ дрался на дуэли съ сыномъ барона де-Баранта (извѣстнаго французскаго историка и посланника при нашемъ дворѣ) и за эту дуэль былъ тѣмъ же чиномъ переведенъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ. Въ третій разъ въ жизни пришлось ему ѣхать на Кавказъ. На пути туда было написано извѣстное стихотвореніе его: *Тучки небесныя, вѣчныя странники!* Вскорѣ послѣ того, вышелъ въ свѣтъ *Герой нашего времени*, и первое полное собраніе его стихотвореній, которыя до тѣхъ поръ помѣщались почти исключительно въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

Ровно черезъ годъ, весною 1841 года, Лермонтову разрѣшено было на короткое время пріѣхать въ Петербургъ—и тутъ въ послѣдній разъ пришлось ему увидѣть «милый сѣверъ». Въ Апрѣлѣ 1841 года выѣхалъ онъ изъ Петербурга, а 15-го Іюля того же года онъ былъ убитъ на дуэли съ сослуживцемъ своимъ Мартыновымъ [1].

Одинъ изъ очевидцевъ этого печальнаго событія сохранилъ намъ въ своемъ разсказѣ нѣсколько подробностей о погребеніи Лермонтова:

... «Человѣкъ 10 или 12 его пріятелей,—военные—въ мундирахъ, не военные [2]) во фракахъ—понесли гробъ на могилу. Надъ гробомъ священникъ прочиталъ молитву. Когда стали опускать гробъ въ землю, оказалось что онъ не можетъ войти въ боковую пещеру, сдѣланную на днѣ могилы; тогда какой-то стоявшій вблизи черкесъ спрыгнулъ туда и кинжаломъ пооббилъ землю. Могила, вырытая у подножія величаваго Машука, на небольшомъ склонѣ, освѣщенномъ кавказскимъ солнцемъ, казалась лучшимъ для поэта монументомъ...»

Вскорѣ послѣ того, прахъ поэта-изгнанника былъ отправленъ изъ Пятигорска въ Чембарскій уѣздъ Пензенской губ., въ то самое село *Тарханы*, въ которомъ провелъ онъ у бабушки годы ранняго дѣтства. Тамъ, скромная гробница поэта возвышается, подъ кровомъ простой часовни, рядомъ съ могилою его бабушки, которая такъ нѣжно любила его и, къ величайшему горю своему, должна была его пережить.

Послѣдній годъ поэтической дѣятельности Лермонтова былъ особенно богатъ лирическими произведеніями, полными силъ и совершенства, явно свидѣтельствующаго о наступающей зрѣлости еще молодого и не вполнѣ развившагося, но громаднаго таланта. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ Бѣлинскимъ, который замѣчаетъ, что Лермонтовъ умеръ въ то время, когда въ его душевномъ настроеніи очевидно совершался важный переворотъ. «Лермонтовъ немного написалъ»—говоритъ Бѣлинскій—«безконечно меньше того, сколько позволялъ его громадный талантъ. Беззаботный характеръ, пылкая молодость, жадная впечатлѣній бытія, самый родъ жизни — отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій, отъ уединенной думы, столь любезной музамъ; но уже кипучая натура его начала устаиваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ сталъ спокойно вглядываться въ глубь жизни»...

Справедливость этого вывода становится особенно очевидна всякому, прослѣдившему въ хронологической послѣдовательности все написанное Лермонтовымъ, особенно, если при этомъ не забывается тотъ въ высшей степени знаменательный фактъ, что поэтъ, создавшій такъ много прекраснаго, умеръ на двадцать седьмомъ году жизни!

---

[1]) Нельзя не замѣтить, что Мартыновъ не былъ виноватъ въ этой дуэли: самимъ Лермонтовымъ былъ онъ вынужденъ къ вызову. [2]) Въ томъ числѣ и братъ А. С. Пушкина, Левъ Сергѣевичъ.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ЛЕРМОНТОВА

ДУМА.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно;
Межь тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужь насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы,
Передъ опасностью позорно малодушны,
И передъ властію презрѣнные рабы...
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты — его паденья часъ!
Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей;
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья
Мы лучшій сокъ на вѣки извлекли.
Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ.
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства,
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ легкомысленный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ съ строгостью судьи и гражданина
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ:
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

НЕ ВѢРЬ СЕБѢ.

Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой,
Какъ язвы бойся вдохновенья...
Оно—тяжелый бредъ души твоей больной,
Иль плѣнной мысли раздраженье.
Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣе жизнь свою въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!

Случится ли тебѣ въ завѣтный, чудный мигъ
Открыть въ душѣ давно безмолвной
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный, —
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья;
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья.

Закрадется-ль печаль въ тайникъ души твоей
Зайдетъ-ли страсть съ грозой и вьюгой —
Не выходи тогда на шумный пиръ людей,
Съ своею бѣшеной подругой.
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,
И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной.
Какое дѣло намъ, страдалъ ты, или нѣтъ,
На что намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть видѣнъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной.
А между тѣмъ изъ нихъ едва-ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой неизмятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты!...
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ,
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ.

ПОЭТЪ.

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ;
Клинокъ надежный, безъ порока;
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ —
Наслѣдье браннаго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу,
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба,
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была-бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина!
Теперь родныхъ ноженъ, избитыхъ на войнѣ
Лишенъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ —
Увы! безславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ.
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный, не такъ-ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнялъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?
Бывало мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы,
Твой стихъ, какъ божій духъ, носился надъ толпой
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшутъ блестки и обманы,
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ.

Какъ часто, пестрою толпою окруженъ,
Когда передо мной, какъ будто-бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шепотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей —
Приличьемъ стянутыя маски;
Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ
Съ небрежной смѣлостью, красавицъ городскихъ
Давно безтрепетныя руки, —
Наружно погружаясь въ ихъ блескъ и суету,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.
И если какъ нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться, — памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей...
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей:
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится, — и встаютъ,
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучь, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.
И странная тоска тѣснитъ ужь грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
Съ глазами, полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье.
Такъ царства дивнаго всесильный господинъ —
Я долгіе часы просиживалъ одинъ,
И память ихъ жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.
Когда-жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою —
На праздникъ незванную гостью, —
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!

И СКУЧНО, И ГРУСТНО.

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!.... что пользы напрасно и вѣчно желать...
А годы проходятъ — все лучшіе годы!
Любить... но кого-же?... на время—не стоитъ труда;
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя-ли заглянешь? тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда;
И радость, и скука, и все тамъ ничтожно...
Что страсти? — вѣдь рано иль поздно, ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь — какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ
Такая пустая и глупая шутка...

На свѣтскія цѣпи,
На блескъ упоительный бала
Цвѣтущія степи
Украйны она промѣняла...
Но юга роднаго
На ней сохранились примѣты,
Среди ледянаго,
Среди безпощаднаго свѣта.
Какъ ночи Украйны
Въ мерцаніи звѣздъ незакатныхъ,
Исполнены тайны
Слова ея устъ ароматныхъ.
Прозрачны и сини,
Какъ небо тѣхъ странъ, ея глазки;
Какъ вѣтеръ пустыни,
И нѣжатъ, и жгутъ ея ласки.
И зрѣющей сливы
Румянецъ на щечкахъ пушистыхъ,
И солнца отливы
Играютъ въ кудряхъ золотистыхъ.
И, слѣдуя строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надежду на Бога
Хранитъ она дѣтскую вѣру.
Какъ племя родное,
У чуждыхъ опоры не проситъ,
И въ гордомъ покоѣ
Насмѣшку и зло переноситъ
Отъ дерзкаго взора
Въ ней страсти не вспыхнутъ пожаромъ;
Полюбитъ не скоро,
За то не разлюбитъ ужъ даромъ.

ПРОРОКЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣденье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья;
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.
Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій —
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы, даромъ божьей пищи.
Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня
Лучами радостно играя.
Когда-же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами,
Глупецъ, хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
Смотрите-жь, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ,
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его!»

Кулачный бой.

(Изъ «Пѣсни про удалаго купца Калашникова».)

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается.
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми,
Какъ красавица, глядя въ зеркальцо,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ-же ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?
Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться,
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
«Ой ужъ гдѣ вы, добры молодцы?
Вы потѣшьте царя, нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ:
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, того Богъ проститъ!»
И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную,
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника....
Трижды громкій кличъ прокликали
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишъ стоятъ, да другъ друга подталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
«Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живаго съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку».
Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны,
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю Грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотритъ пристально;
Супротивъ его онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи расправливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.
И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого рода, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было и чѣмъ похвастаться».
Отвѣчалъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону господнему;
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, бусурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»
И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ,
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...
Вотъ молча оба расходятся
Богатырскій бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ въ первой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ.
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
Какъ роса, изъ подъ него кровь закапала,

И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до послѣднева!»
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.
И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И увидѣлъ то царь Иванъ Васильевичъ,
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалаго купца
И привесть его передъ лицо свое.
Какъ возговорилъ православный царь:
«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею, или нехотя,
Ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца Кирибѣевича?»
— Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной-волею,
А за что, про что—не скажу тебѣ,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить—и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову,
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью...»
«Хорошо тебѣ дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью».
Какъ на площади народъ собирается,
Заунывно гудитъ—воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ навостреннымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачь весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается,
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Съ родными братьями прощается.
«Ужъ вы братья мои, други кровные,
Поцалуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитеся дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви божіей,
Вы за душу мою, душу грѣшную!»
И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ;
Промежъ тульской, рязанской, влади-
мірской;
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безъименной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

XL.

Н. В. ГОГОЛЬ.—БІОГРАФИЧЕСКІЯ ПОДРОБНОСТИ.—РОМАНТИЧЕСКОЕ ФАНТАЗЕРСТВО И ВЫСОКОЕ МНѢНІЕ ГОГОЛЯ О СЕБѢ САМОМЪ.—ПЕРЕХОДЪ КЪ ПРОСТОМУ НАБЛЮДЕНІЮ И СПОКОЙНОМУ ИЗОБРАЖЕНІЮ ЖИЗНИ.—НЕУДАЧНЫЯ ПОПЫТКИ ВЪ ОБЛАСТИ НАУКИ.—СОЗНАТЕЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ ТВОРЧЕСТВА.—ВЛІЯНІЕ ДУШЕВНОЙ БОЛѢЗНИ НА ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНУЮ.—ЖАЛКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ГОГОЛЯ ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ.

Мы уже неоднократно имѣли случай замѣчать, что романтизмъ главными своими принципами постановилъ свободу творчества и народность поэзіи. Эти два принципа только и остались отъ романтизма, переживя его и до нашего времени сохранивши свое значеніе. Что же касается до романтизма, какъ особенной школы поэзіи, то онъ далеко не исчерпывается этими принципами. Онъ является продуктомъ своего времени и процвѣтаніе его необходимо должно было закончиться съ его вѣкомъ. Вѣкъ романтизма былъ вѣкомъ отвлеченной философіи, восторженнаго идеализма и въ тоже время—горькаго разочарованія при видѣ полнѣйшаго разногласія между дѣйствительностью и высокими идеалами, завѣщанными XVIII вѣкомъ, при сознаніи безсилія своего въ борьбѣ съ этою дѣйствительностью. Поэтому, чувство разочарованія, унынія, тоски и недовольства окружающимъ отражается во всѣхъ произведеніяхъ романтической школы. Въ тоже время романтизмъ, проповѣдуя свободу творчества, ограничивалъ эту свободу, избирая предметами поэтическихъ произведеній преимущественно экстраординарныя стороны жизни, величественные моменты ея; героями его постоянно были избранныя сильныя натуры, глубоко скорбѣвшія о судьбахъ всего человѣчества, способныя къ титанической борьбѣ противъ цѣлаго міра. Эта наклонность романтическихъ поэтовъ созерцать жизнь преимущественно въ ея исключительные моменты произошла отъ двухъ причинъ: съ одной стороны подъ обаяніемъ впечатлѣнія грандіозныхъ событій современной исторической эпохи; съ другой — какъ завѣщанная ложнымъ классицизмомъ привычка считать достойными поэтическаго пѣснопѣнія только одниxъ героевъ, выдающихся изъ толпы, представлять изъ жизни этихъ героевъ одни торжественные моменты. Всѣ эти элементы романтизма не замедлили отразиться и на самыхъ формахъ поэтическихъ произведеній этой школы. Постоянно переходя отъ восторженнаго идеализма къ ѣдкому разочарованію, отъ грандіозныхъ событій жизни къ грандіознымъ красотамъ природы, романтизмъ былъ проникнутъ лирическими порывами и, весьма естественно болѣе симпатизировалъ стихотворнымъ формамъ, какъ преимущественно свойственнымъ лиризму. Вѣкъ романтизма былъ вѣкомъ стихоманіи повсюду, гдѣ только процвѣталъ романтизмъ. Ни одна эпоха не создала столько геніальныхъ поэтовъ стихотворцевъ, какъ эпоха романтизма. Достаточно для подтвержденія этого припомнить только имена Шиллера, Гете, Байрона, Гейне, Мицкевича, Пушкина и проч. У насъ въ 20-е годы, въ вѣкъ полнаго торжества романтизма, литература была загромождена лирическими поэмами, драмами, романсами, балладами, элегіями и проч. Молодежь заучивала наизусть произведенія любимыхъ писателей, особенно Пушкина, и въ подражаніи имъ изливала свои чувствованія въ безконечныхъ поэмахъ, являвшихся нерѣдко въ печати подъ различными ужасающими заглавіями, въ родѣ «Сынъ тайны», «Кровавая месть» и т. п.

Но мало по малу событія, ознаменовавшія наступленіе XIX столѣтія начали уходить въ глубь прошедшаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обаяніе, производимое ими, стало исчезать. Наступили времена болѣе мирныя и тихія. Подъ вліяніемъ всеобщей реакціи люди сосредоточились въ себя. Мрачное разочарованіе Байрона смѣнилось томною скукою при видѣ безконечно тянущейся день за днемъ будничной канители. Идеалы, которыми нѣкогда восторгались, какъ новыми, перестали уже служить предметами восторга; одни изъ нихъ сдѣлались продуктами спокойнаго сознанія, а другіе успѣли уже показаться и смѣшными. Люди устали презирать и ненавидѣть дѣйствительность за то, что она не покоряется любимымъ мечтамъ, и принялись холодно изучать ее. И вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ философскомъ развитіи совершился переходъ—отъ метафизи-

ки къ господству положительныхъ знаній,— подобный же переходъ отъ романтизма къ реализму произошелъ и въ области поэзіи. Отъ поэзіи начали требовать представленія обыденной жизни, окружающей поэта, живой, осязательной дѣйствительности, знакомой и близкой сердцу каждаго. Титаническіе герои, пріѣвшіеся и опошленные до послѣдней крайности, уступили мѣсто обыкновеннымъ смертнымъ въ ихъ будничной обстановкѣ; лирическая восторженность смѣнилась спокойною созерцательностью или разлагающимъ анализомъ различныхъ элементовъ жизни; патетическая скорбь обратилась въ холодную иронію или насмѣшливо-грустный юморъ; наконецъ стихи смѣнились прозою и господствующими поэтическими формами новаго времени сдѣлались романъ и повѣсть.

Подобный переворотъ произошелъ почти одновременно во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Первая выступила на поприще нравоописательнаго романа Англія, въ литературѣ которой романъ получилъ значительное развитіе еще въ XVII и XVIII вѣкахъ и даже эпоха романтизма не обошлась въ ней безъ такого крупнаго представителя этой формы поэзіи, какъ Вальтеръ-Скоттъ. Между тѣмъ, какъ въ Англіи на поприще нравописательнаго романа выступилъ цѣлый рядъ даровитыхъ писателей съ Диккенсомъ и Теккереемъ во главѣ, во Франціи первый на это поприще выступилъ Бальзакъ, за которымъ слѣдовали Жоржъ-Зандъ и Евгеній Сю (мы не упоминаемъ здѣсь о Викторѣ Гюго, романы котораго, равно какъ и Вальтера-Скота, относятся къ предыдущей романтической эпохѣ). Въ Германіи, въ свою очередь, это новое литературное движеніе выразилось въ романахъ и повѣстяхъ Гуцкова и Ауербаха. Не замедлилъ совершится такой же переворотъ и въ русской литературѣ, и замѣчательно, что переворотъ этотъ, въ противуположность всѣмъ предыдущимъ переходнымъ ступенямъ нашей литературы, совершился вполнѣ органически и самобытно.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ естественно и неодолимо было влеченіе отъ фантастическихъ образовъ къ дѣйствительности, отъ лирической восторженности къ спокойному созерцанію и отъ стиховъ къ прозѣ,—это мы видимъ на геніальномъ представителѣ романтизма въ Россіи, Пушкинѣ. Послѣ первыхъ своихъ романтическихъ поэмъ въ байроновскомъ духѣ, Пушкинъ принимается за стихотворный романъ «Евгеній Онѣгинъ», который пишетъ нѣсколько лѣтъ, и на одномъ этомъ романѣ мы можемъ прослѣдить, какъ мало-по-малу измѣнялся поэтъ съ лѣтами, незамѣтно для самого себя. Въ первыхъ главахъ романъ этотъ сильно смахиваетъ еще на поэму въ байроновскомъ духѣ, съ русскимъ Чайльдъ-Гарольдомъ во главѣ, — въ лицѣ «Евгенія Онѣгина». Пушкинъ относится къ своему герою вполнѣ симпатично, какъ къ любимому своему идеалу; описывая его житье-бытье въ столицѣ и деревнѣ, его вкусы, привычки, симпатіи и антипатіи, Пушкинъ, съ лирическимъ одушевленіемъ, выражаетъ свои собственныя чувства, воспоминанія, симпатіи и антипатіи. Но читайте романъ далѣе, и вы увидите, что тонъ его дѣлается все спокойнѣе, личность поэта все болѣе и болѣе скрывается за картинами русской природы и русской жизни, самый герой романа измѣняется и снявши чайльдъ-гарольдовскій плащъ, обращается въ весьма обыкновеннаго смертнаго, въ русскаго полуобразованнаго помѣщика, скучающаго своимъ бездѣльемъ. Подъ конецъ своего литературнаго поприща Пушкинъ окончательно выступаетъ на почву спокойной и объективной созерцательности; а вмѣстѣ съ тѣмъ, чаще и чаще, начинаетъ прибѣгать къ прозѣ. Въ своихъ прозаическихъ произведеніяхъ — «Капитанской дочкѣ», «Дубровскомъ» и пр., онъ представилъ первые образцы русскаго нравоописательнаго романа. Вообще говоря, въ 30-е годы романъ и повѣсть все болѣе и болѣе выступаютъ на первый планъ въ нашей литературѣ. Является цѣлый рядъ беллетристовъ — Загоскинъ, Лажечниковъ, Даль, Вельтманъ, Н. Полевой, кн. В. Одоевскій, Павловъ, Марлинскій и пр. Въ иныхъ романахъ этихъ писателей преобладаютъ еще романтическіе идеалы, въ другихъ ясно замѣтно подражаніе Вальтеръ-Скотту; но уже и въ нихъ являются мѣстами болѣе или менѣе удачныя попытки изображать сцены изъ русской жизни исторической и современной, съ претензіею на комизмъ, сатиру и юморъ. И вотъ при этихъ то обстоятельствахъ на литературное поприще выступаетъ Гоголь, ставшій во главѣ новаго литературнаго движенія и создавшій

школу, господствующую и понынѣ въ нашей литературѣ.

Н. В. Гоголь-Яновскій родился въ 1809 г. 19-го Марта, въ Полтавской губерніи, въ мѣстѣчкѣ Сорочинцахъ. Отецъ его, Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, былъ сынъ полковаго писаря (одна изъ почетныхъ должностей при Запорожскомъ казацкомъ войскѣ). Только два поколѣнія отдѣляли Гоголя отъ эпохи казацкихъ войнъ и дѣдъ его, полковой писарь, сообщалъ своей семьѣ много разсказовъ изъ этого времени. Вообще Гоголя окружала въ дѣтствѣ жизнь, едва вышедшая изъ своего средневѣковаго, воинственнаго, полудикаго броженія въ русло общихъ порядковъ русской гражданственности, исполненная свѣжихъ преданій старины, легендъ и воинственныхъ пѣсенъ, жизнь, въ которой непосредственная, младенчески-религіозная набожность сплеталась неразрывными узами съ роемъ народныхъ суевѣрій. Дѣдъ Гоголя былъ въ этомъ отношеніи живымъ представителемъ только-что минувшаго прошлаго, и не даромъ Гоголь не разъ поминаетъ о немъ въ *Вечерахъ на Хуторѣ*. Можно навѣрное сказать, что этому дѣду,

Гоголь.

Гоголь былъ обязанъ половиною своихъ малороссійскихъ разсказовъ. «Дѣдъ мой, говоритъ онъ въ повѣсти «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала» (царство ему небесное! чтобъ ему на томъ свѣтѣ ѣлись одни только буханцы пшеничные, да маковники въ меду!) умѣлъ чудно разсказывать. Бывало, поведетъ рѣчь—цѣлый день не подвинулся-бы съ мѣста и все бы слушалъ... Но ни дивныя рѣчи про давнюю старину, про наѣзды Запорожцевъ, про Ляховъ, про молодецкія дѣла Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачнаго, не занимали насъ такъ, какъ разсказы про какое нибудь старинное дѣло, отъ которыхъ всегда дрожь проходила по тѣлу и волосы ерошились на головѣ. Иной разъ страхъ бывало такой заберетъ отъ нихъ, что съ вечера все показывается Богъ знаетъ какимъ чудищемъ»...

Въ то время какъ дѣдъ былъ для маленькаго Гоголя представителемъ отжившей старины, отецъ его Василій Аѳанасьевичъ являлся представителемъ современности. Онъ былъ человѣкъ начитанный и бывалый, любилъ литературу, выписывалъ журналы, обладалъ въ тоже время даромъ разсказывать и приправлять свои разсказы малороссійскимъ комизмомъ. Усадьба его Васильевка была центромъ общественности околотка. Среди всевозможныхъ празднествъ въ этой усадьбѣ отецъ Гоголя нерѣдко устраивалъ и домашніе спектакли. На этихъ спектакляхъ разыгрывались только что появившіеся малороссійскія комедіи Котляревскаго—*Наталка Полтавка*, *Москаль Чаровникъ*. Отецъ Гоголя написалъ въ подражаніе Котляревскому и самъ нѣсколько комедій, которыя тоже разыгрывались въ Васильевкѣ.

Грамотѣ выучился Гоголь дома отъ наемнаго семинариста. Потомъ его отдали съ младшимъ братомъ Иваномъ для приготовленія къ поступленію въ полтавскую гимназію къ одному изъ учителей этой гимназіи. Но когда дѣтей взяли домой на каникулы и братъ Гоголя умеръ, Гоголя не отсылали уже болѣе въ Полтаву и онъ оставался нѣкоторое время дома. Между тѣмъ, тогдашній черниговскій губернаторъ, прокуроръ Бажановъ, увѣдомилъ отца Гоголя объ открытіи въ Нѣжинѣ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, и совѣтовалъ ему помѣстить сына въ находящійся при этой гимназіи пансіонъ, что и было исполнено въ

Маѣ мѣсяцѣ 1821 года. Гоголь вступилъ своекоштнымъ воспитанникомъ, а черезъ годъ зачисленъ казеннокоштнымъ. Нельзя сказать, чтобы Гоголь былъ многимъ обязанъ этой гимназіи высшихъ наукъ и вынесъ оттуда какія-либо основательныя познанія не только въ высшихъ, но и въ самыхъ элементарныхъ наукахъ. Онъ мало занимался уроками; обладая отличною памятью, онъ схватывалъ на лекціяхъ верхушки и, занявшись передъ экзаменомъ нѣсколько дней, переходилъ въ высшій классъ. Особенно не любилъ онъ математики; но и къ изученію языковъ не питалъ особенной склонности; по окончаніи курса онъ не могъ еще читать французской книги безъ словаря. Къ нѣмецкому же и англійскому языкамъ онъ и впослѣдствіи питалъ комическое отвращеніе. Онъ шутя, говаривалъ, будто «не вѣритъ, чтобы Шиллеръ и Гёте писали на нѣмецкомъ языкѣ: вѣрно на какомъ нибудь особенномъ, но не можетъ быть, чтобы на нѣмецкомъ».

Если въ новыхъ языкахъ Гоголь оказалъ столь незначительные успѣхи, то классическіе и подавно не дались ему. «Онъ учился у меня три года», говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Гоголѣ учитель латинскаго языка въ нѣжинскомъ лицеѣ, Кулжинскій: и ничему не научился, какъ только переводить первый параграфъ изъ христоматіи при грамматикѣ Кошанскаго: universus mundus plerumque distribuitur in duas partes, coelum et terram (за что и былъ прозванъ вмѣстѣ съ другими латинистами universus mundus). Во время лекцій, Гоголь всегда, бывало, подъ скамьею держитъ какую нибудь книгу, не обращая вниманія ни на coelum, ни на terram. Надобно признаться, что не только у меня, но и у другихъ товарищей моихъ онъ, право, ничему не научился. Школа пріучила его только къ нѣкорой логической формальности и послѣдовательности понятій и мыслей, а болѣе ничѣмъ онъ намъ не обязанъ».

Не говоря уже о языкахъ, даже и русской грамотѣ не научила Гоголя гимназія высшихъ наукъ по свидѣтельству его біографа: «Ученическія письма Гоголя», говоритъ онъ, «отличаются отсутствіемъ всякихъ правилъ орѳографіи. Чтобы сдѣлать ихъ болѣе ясными, я разставилъ, какъ слѣдуетъ, знаки препинанія, обратилъ прописныя буквы, на которыя онъ былъ тогда очень щедръ, въ строчныя и поправилъ неправильныя окончанія въ прилагательныхъ именахъ».

Единственно, чему выучился Гоголь въ лицеѣ, это искусству рисованія, и судя по его письмамъ къ домашнимъ, онъ очень прилежно и съ любовію занимался въ лицеѣ этимъ искусствомъ.

Будучи такимъ образомъ непослѣднимъ лѣнтяемъ въ классѣ, Гоголь въ тоже время былъ первымъ шалуномъ и любимцемъ своихъ товарищей. Особенно привлекала ихъ къ нему неистощимая его шутливость. Уже въ дѣтствѣ обнаружился въ немъ самобытный юморъ и вмѣстѣ съ тѣмъ никто такъ не умѣлъ скопировать и представить какую либо всѣмъ извѣстную личность, какъ маленькій Гоголь.

Мало занимаясь уроками, Гоголь много читалъ, все что только попадалось ему въ руки. Такимъ образомъ уже на школьной скамьѣ онъ успѣлъ познакомиться съ русскими поэтами, особенно восхищался конечно Пушкинымъ и Жуковскимъ, перечитывалъ выходившіе въ то время альманахи и нумера «Вѣстника Европы», на который подписывались его родители. Чтеніе альманаховъ и журналовъ возбудило въ мальчикѣ подражательность. Сначала эта подражательность проявилась въ видѣ пародій. Былъ въ гимназіи одинъ ученикъ со страстью къ стихотворству, но совершенно бездарный. Гоголь собралъ его стихотворенія и придалъ имъ наружность альманаха подъ заглавіемъ «Парнасскій навозъ». Но отъ этой пародіи онъ перешелъ къ изданію серьезнаго рукописнаго журнала и большихъ трудовъ стоило ему это предпріятіе. Нужно было написать самому статьи почти по всѣмъ отдѣламъ, потомъ переписать ихъ и, что всего важнѣе, сдѣлать обертку на подобіе печатной. Гоголь хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобы придать своему изданію наружность печатной книжки, и просиживалъ ночи, разрисовывая заглавный листокъ, на которомъ красовалось названіе журнала «Звѣзда». Все это дѣлалось, разумѣется, украдкою отъ товарищей, которые не прежде должны были узнать содержаніе книжки, какъ по ея выходѣ изъ редакціи. Наконецъ перваго числа мѣсяца книжка журнала выходила въ свѣтъ. Издатель бралъ иногда на себя трудъ читать вслухъ свои и

чужія статьи. Все внимало и восхищалось. Въ «Звѣздѣ», между прочимъ, помѣщена была повѣсть Гоголя: «Братья Твердиславичи» (подражаніе повѣстямъ, появлявшимся въ современныхъ альманахахъ), и разныя его стихотворенія. Все это было написано такъ называемымъ высокимъ слогомъ, изъ-за котораго бились всѣ сотрудники редактора. Гоголь былъ комикомъ, во время ученичества, только на дѣлѣ: въ литературѣ онъ считалъ комическій элементъ слишкомъ низкимъ. Этимъ-же высокимъ слогомъ написалъ Гоголь трагедію *Разбойники* (пятистопными ямбами) и балладу «Двѣ Рыбки», въ которой Гоголь трогательно изобразилъ судьбу свою и своего брата. Къ гимназическому-же періоду относится и «Гансъ Кюхельгартенъ», стихотворная идиллія, представляющая идеальнаго юношу, который покидаетъ милую изъ жажды славы, но послѣ напрасныхъ скитаній возвращается снова на родину дѣлить со своею возлюбленною счастье подъ соломенною кровлею. Впрочемъ, не смотря на то, что Гоголь считалъ высокій слогъ необходимымъ элементомъ поэзіи, комическій талантъ успѣлъ пробиться и сквозь этотъ предразсудокъ; такъ, между прочимъ, онъ написалъ сатиру на жителей города Нѣжина подъ заглавіемъ: «Нѣчто о Нѣжинѣ или дуракамъ законъ не писанъ», въ которой изобразилъ типическія лица разныхъ сословій. Для этого онъ взялъ нѣсколько торжественныхъ случаевъ, при которыхъ то или другое сословіе наиболѣе высказало характеристическія черты свои и по этимъ случаямъ раздѣлилъ свое сочиненіе на слѣдующіе отдѣлы: «1) Освященіе церкви на Греческомъ кладбищѣ, 2) Выборъ въ Греческій магистратъ, 3) Всеядная ярмарка, 4) Обѣдъ у предводителя дворянства. 5) Роспускъ и съѣздъ студентовъ».

Воротясь однажды послѣ каникулъ въ гимназію, Гоголь привезъ на малороссійскомъ языкѣ комедію, которую играли на домашнемъ театрѣ его отца и сосѣда Трощинскаго, и изъ журналиста сдѣлался директоромъ театра и актеромъ. Кулисами служили ему классныя доски, а недостатокъ костюмовъ дополняло воображеніе артистовъ и публики. Потомъ ученики сложились и устроили себѣ кулисы и костюмы, копируя единственный театръ, видѣнный Гоголемъ,—театръ его отца. Начальство гимназіи, желая пріохотить воспитанниковъ къ французскому языку, ввело французскія пьесы. Вообще репертуаръ гимназическаго театра состоялъ изъ пьесъ Мольера, Флоріана, Коцебу, Фонъ-Визина, Княжнина и малороссійскихъ комедій. Театръ этотъ вскорѣ пріобрѣлъ популярность въ городѣ и городскіе жители стали съѣзжаться на представленія гимназистовъ. Гоголь особенно отличался въ роляхъ старухъ; многіе нѣжинцы еще помнятъ Гоголя въ роли Простаковой и говорятъ, что онъ исполнялъ ее превосходно.

Подъ конецъ курса Гоголь вмѣстѣ съ товарищами завелъ складчину для пріобрѣтенія книгъ и устройства ученической библіотеки. Они выписывали журналы, Сѣверные цвѣты Дельвига, сочиненія Пушкина, Жуковскаго и другихъ замѣчательныхъ современныхъ писателей. Гоголь былъ избранъ библіотекаремъ. Онъ выдавалъ книги по очереди; получившій книгу долженъ былъ читать ее въ присутствіи библіотекаря, не вставая съ мѣста, пока не возвратитъ книги и при этомъ Гоголь, страстно наблюдавшій за чистотою книгъ, завертывалъ читателямъ въ бумажки большой и указательный пальцы.

Гоголь окончилъ курсъ наукъ въ 1828 году по 2-му разряду, съ правомъ 14-го класса. Читая переписку Гоголя съ родными и друзьями за это время, можно получить довольно ясную и опредѣленную картину нравственнаго и умственнаго развитія Гоголя по окончаніи курса. Съ одной стороны это былъ юноша, исполненный непосредственнаго, дѣтскаго религіознаго благочестія, которое такъ и сквозитъ во многихъ письмахъ его. Такъ, напримѣръ, послѣ извѣстія о смерти отца (въ 1825 г.) Гоголь пишетъ своей матери: «не безпокойтесь, дражайшая маменька! Я сей ударъ перенесъ съ твердостью христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ; однакожъ не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ. Оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянья. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего; и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая наконецъ превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему. Благословляю тебя, священ-

ная вѣра! Въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести...

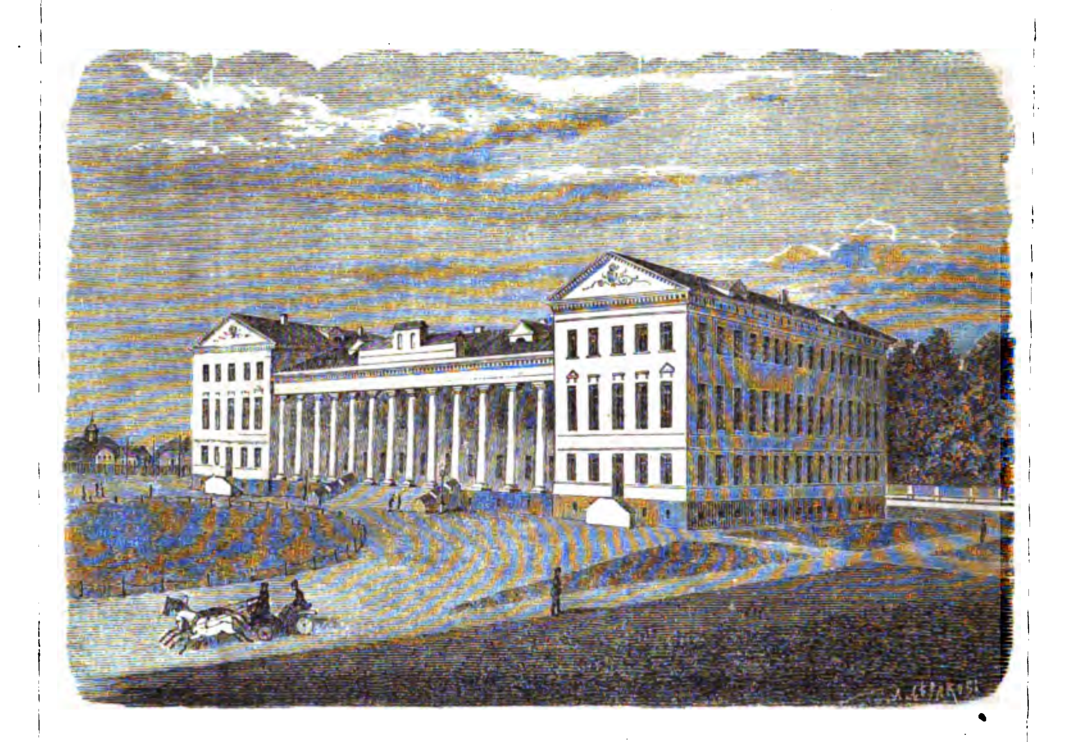
Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ пламенный энтузіастъ, которому будущее представлялось въ радужныхъ и величественныхъ чертахъ. Онъ воображалъ себя великимъ дѣятелемъ на пользу отечества, ему грезился постоянно какой-то важный трудъ, которымъ онъ долженъ осчастливить всю Россію. «Испытую», говоритъ онъ, «силы для поднятія труда важнаго, благороднаго, на пользу отечества, для счастія гражданъ, для блага себѣ подобныхъ и, дотолѣ нерѣшительный, неувѣренный (и справедливо) въ себѣ, я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія, и душа моя будто видитъ этого незваннаго ангела твердо и непреклонно все указующаго въ мѣту жаднаго исканія»... Въ чемъ долженъ заключаться этотъ будущій важный трудъ на пользу и благоденствіе гражданъ, объ этомъ Гоголь имѣлъ еще смутныя понятія и мечты его болѣе всего стремились на государственную службу.

Въ тоже время не мало было въ немъ и задатковъ романтизма. Такъ онъ воображалъ себѣ непонятымъ геніемъ. «Право», говоритъ онъ въ письмѣ къ матери отъ 1828 года, почитаюсь загадкою для всѣхъ: никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вѣрите-ли, что я внутренно самъ смѣюся надъ собою вмѣстѣ съ вами? Здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый; въ другомъ — угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч.; въ третьемъ — болтливъ и докучливъ до чрезвычайности; у иныхъ уменъ, у другихъ глупъ. Какъ угодно почитайте меня, но только съ настоящаго поприща вы узнаете мой характеръ»... Какъ всѣ непонятые геніи романтизма, онъ уже въ 18 лѣтъ воображалъ себя претерпѣвшимъ отъ людей бездну всякихъ непріятностей. «Но врядъ-ли кто вынесъ», пишетъ онъ въ томъ же письмѣ, столько неблагодарностей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч. Все выносилъ я безъ упрековъ, безъ роптанія, никто не слыхалъ моихъ жалобъ, я даже всегда хвалилъ виновниковъ моего горя». Претерпѣвши все это отъ пошлой толпы, Гоголь конечно и презиралъ эту толпу, какъ всѣ романтики: «Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей», пишетъ онъ къ товарищу, «всѣхъ населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться. Изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши.»...

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, мы видимъ въ юномъ мечтателѣ и романтикѣ двѣ черты, которымъ впослѣдствіи пришлось играть важную роль въ жизни Гоголя. Съ одной стороны уже въ эту эпоху обнаружилась въ немъ наклонность къ суровому аскетизму, заключающемуся въ строгой умѣренности, въ сосредоточеніи всѣхъ интересовъ и радостей жизни исключительно въ духовной и умственной сферѣ. «Мой планъ жизни теперь удивительно строгъ и точенъ во всѣхъ отношеніяхъ», пишетъ онъ матери въ 1829 г. изъ Нѣжина: «каждая копѣйка теперь имѣетъ у меня мѣсто. Я отказываю себѣ даже въ самыхъ крайнихъ нуждахъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть хотя малѣйшую возможность поддержать себя въ такомъ состояніи, въ какомъ нахожусь, чтобы имѣть возможность удовлетворить моей жаждѣ видѣть и чувствовать *прекрасное*. Для него-то я съ трудомъ величайшимъ собираю все годовое свое жалованье, откладывая малую часть на нужнѣйшія издержки.» Хотя конечно, какъ юноша страстный и увлекающійся, Гоголь не могъ строго выдерживать въ 18 лѣтъ нодобнаго рода суровой жизни, производилъ иныя траты совершенно ненужныя и далеко выходилъ за нормы своей програмы; но тѣмъ не менѣе, въ самомъ стремленіи къ ограниченію своихъ прихотей, выказывается явная наклонность къ аскетизму. Другою преобладающею чертою его характера является передъ нами властолюбіе, наклонность во все вмѣшиваться, поучать и подчинять своей волѣ окружающихъ. Такъ, не ограничиваясь тѣмъ, что онъ былъ коноводомъ въ классѣ, Гоголь уже на школьной скамьѣ вмѣшивается въ хозяйство матери и даетъ ей совѣты относительно различныхъ построекъ, при чемъ проситъ увѣдомлять его и о хозяйственныхъ ея распораженіяхъ.

По окончаніи курса, Гоголь исполнился мечтами о поѣздкѣ въ Петербургъ. Какъ всѣ

провинціялы, онъ составилъ себѣ конечно самыя преувеличенныя представленія о столицѣ. Онъ воображалъ, что въ Петербургѣ не замедлятъ осуществиться всѣ его пламенныя мечты, что онъ сейчасъ-же опредѣлится на службу и пойдетъ шагать по лѣстницѣ почестей и славы. Въ своихъ мечтахъ онъ даже опредѣлилъ, что квартира его въ столицѣ будетъ непремѣнно выходить окнами на Неву, воображая конечно, что устроить это также легко, какъ въ Нѣжинѣ имѣть квартиру на рѣчку, протекающею черезъ городъ. Но мечты его не замедлили смѣниться разочарованіемъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ.

Нѣжинскій лицей.

«Скажу еще», пишетъ онъ матери въ началѣ 1829 г., «что Петербургъ мнѣ показался вовсе не такимъ, какъ я думалъ. Я его воображалъ гораздо красивѣе, великолѣпнѣе, и слухи, которые распускали другіе о немъ, также лживы. Жить здѣсь не совсѣмъ посвински, т. е. имѣть разъ въ день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думаете» и т. п. Вмѣсто квартиры окнами на Неву, онъ занялъ, пополамъ съ товарищемъ, бѣдную квартирку въ двѣ комнаты въ четвертомъ этажѣ одного изъ грязныхъ и биткомъ набитыхъ домовъ Мѣщанской. Оказалось вскорѣ, что и на службу поступить въ Петербургѣ не такъ легко, какъ воображалъ молодой мечтатель. Тщетно ходилъ онъ съ разными рекомендательными письмами по канцеляріямъ и переднимъ начальствующихъ лицъ. «Вездѣ совершенно», пишетъ онъ матери «я встрѣчалъ однѣ неудачи и, что всего страннѣе, тамъ гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, безъ всякой протекціи, легко получали то, чего я, съ помощію своихъ покровителей,

не могъ достигнуть.» Къ этому всему приключилась еще юному энтузіасту фантастическая влюбчивость къ какую то столь высокопоставленную особу, что Гоголь въ письмѣ къ матери не рѣшается даже назвать ее по имени. «Но ради Бога, не спрашивайте ея имени», пишетъ онъ къ матери. «Она слишкомъ высока, высока... Нѣтъ это не любовь была... я покрайней мѣрѣ не слыхалъ подобной любви», пишетъ онъ въ томъ-же письмѣ. «Въ порывѣ бѣшенства и ужаснѣйшихъ душевныхъ терзаній, я жаждалъ упиться однимъ только взглядомъ, только одного взгляда искалъ я... Взглянуть на нее еще разъ — вотъ бывало одно единственное желаніе, возрастявшее сильнѣе, съ невыразимою ѣдкостью тоски. Съ ужасомъ осмотрѣлся и разглядѣлъ я свое ужасное состояніе. Все совершенно въ мірѣ было для меня тогда чуждо, жизнь и смерть равно несносны, и душа не могла дать отчета въ своихъ явленіяхъ»...

Къ подобной фантастической влюбчивости, присоединилась еще тоска по роднпѣ, разочарованія въ нѣжинскихъ мечтахъ и неудача въ попыткахъ пристроится какъ нибудь въ Петербургѣ, и все это произвело такое сильное нравственное потрясеніе въ Гоголѣ, что, не помня себя, онъ почувствовалъ необузданное стремленіе ѣхать куда глаза глядятъ и рѣшился на отчаянный поступокъ, который онъ и самъ называетъ безразсуднымъ: онъ удержалъ у себя деньги, присланныя матерью для уплаты въ опекунскій совѣтъ долга по заложенному имѣнью, предоставивши матери, въ вознагражденіе за эти деньги, пользоваться, какъ ей угодно, его частью отцовскаго наслѣдства—и поѣхалъ заграницу... При этомъ курьезнѣе всего можетъ быть названо то, что путешествіе это ограничилось городомъ Любекомъ. Онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ моремъ, осмотрѣлъ его достопримѣчательности, прожилъ тамъ не болѣе мѣсяца, взялъ нѣсколько ваннъ въ Травемюндѣ и возвратился снова въ Петербургъ въ сентябрѣ 1829 г. Эта оригинальная поѣздка, прямое слѣдствіе юношескаго лирическаго порыва, во всякомъ случаѣ, принесла Гоголю ту пользу, что установила равновѣсіе его нравственныхъ силъ, отрезвила его и освѣжила.

Въ апрѣлѣ 1830 года Гоголь нашелъ наконецъ мѣсто въ Министерствѣ Удѣловъ; это была самая низшая должность канцелярскаго служителя, на которой всѣ занятія заключались въ перепискѣ бумагъ. Онъ не пробылъ и года на этомъ мѣстѣ и вышелъ въ отставку, вынеся изъ своей службы только умѣнье сшивать бумагу, да нѣсколько чиновничьихъ типовъ, которые онъ воспроизвелъ впослѣдствіи въ своихъ произведеніяхъ.

Между прочимъ Гоголь обращался и въ театральную дирекцію съ намѣреніемъ поступить въ актеры. Онъ долженъ былъ подвергнуться домашнему испытанію и его забраковали безъ малѣйшаго одобренія. Стуча такимъ образомъ, что называется, во всѣ двери, Гоголь не пренебрегъ и литературой. Такъ онъ написалъ стихотвореніе «Италія» и отправилъ его incognito къ издателю Сына Отечества, гдѣ оно было напечатано въ № 12 1829 года. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ издалъ свою идиллію *Гансъ Кюхель-Гартенъ*, которую, какъ мы видѣли, написалъ еще въ гимназіи. Гоголь и въ этомъ изданіи не выставилъ своего имени, а избралъ псевдонимъ *Алова*. Н. Ал. Полевой прихлопнулъ эту идиллію рецензіею, исполненною безпощадныхъ насмѣшекъ. Эта рецензія такъ сильно подѣйствовала на Гоголя, что онъ не медля бросился со своимъ слугою Якимомъ по книжнымъ лавкамъ, отобралъ экземпляры изданія, нанялъ номеръ въ гостинницѣ и сжегъ всѣ ихъ до единаго.

Предавши сожженію Ганса Кюхель-Гартена, Гоголь окончательно раздѣлался съ своимъ романтизмомъ лицейскаго періода. Знакомясь болѣе и ближе съ современною литературою, онъ вскорѣ замѣтилъ, что въ ней вѣетъ совершенно инымъ духомъ; въ это самое время начали входить въ моду романы и повѣсти, особенно-же историческіе. Вотъ почему вскорѣ уже по пріѣздѣ въ Петербургъ, Гоголь, въ письмахъ своихъ въ Малороссію, умоляетъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, присылать ему всевозможныя историческія свѣдѣнія о Малороссіи, описанія нравовъ, обычаевъ, костюмовъ, игръ, пѣсенъ, легендъ и пр. «Это мнѣ очень, очень нужно», пишетъ онъ при томъ. «Приношу чувствительнѣйшую благодарность», пишетъ онъ къ матери (24 Іюля 1829 г.) — «за ваши драгоцѣнныя извѣстія о малороссіянахъ, прошу васъ убѣдительно не оставлять и впредь таковыми письмами. Въ тиши уединенія готовлю запасъ, котораго, порядочно не обработавши

не пущу въ свѣтъ; я не люблю спѣшить, а тѣмъ болѣе заниматься поверхностно.»

Такимъ образомъ, уже вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, началъ Гоголь обработывать свои *«Вечера на хуторѣ близъ Диканки»*.

Въ февралѣ 1830 г. въ № 118 Отечественныхъ Записокъ появилась уже безъ подписи одна изъ повѣстей Гоголя, составляющихъ Вечера — именно *«Бассаврюкъ или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»*. Въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ за 1831 г. была напечатана глава изъ историческаго романа «Гетманъ», подъ которою Гоголь выставилъ *0.000*, такъ какъ буква *0* четыре раза повторяется въ его фамиліи съ именемъ и отчествомъ. Въ № 1 Литературной газеты на 1831 г., онъ напечаталъ *«Учителя»* изъ малороссійской повѣсти *«Страшный Кабанъ»*, а въ № 17, той же газеты другой отрывокъ изъ той-же повѣсти — *«Успѣхъ посольства»* подъ псевдонимомъ *Гнечикъ*.

Вмѣстѣ съ этимъ Гоголь помѣщалъ въ журналахъ и серьезныя статьи. Такъ онъ перевелъ съ французскаго «О торговлѣ Русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка» для Сѣвернаго Архива, а въ Литературной Газетѣ въ № 17, 1831 г. была напечатана статья Гоголя: «Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ Географіи».

Надо полагать, что эти первыя повѣсти, разбросанные по журналамъ, не замедлили обратить на Гоголя вниманіе литературнаго міра. Мы видимъ, что въ 1831 году Гоголь является уже съ рекомендательнымъ письмомъ къ Жуковскому, а тотъ рекомендуетъ его Плетневу. Къ этому же времени относится и знакомство Гоголя съ Пушкинымъ, причемъ въ Гоголѣ обнаружились еще значительные остатки романтизма. Благоговѣя передъ талантомъ Пушкина, Гоголь съ трепетомъ позвонилъ рано утромъ у его двери и, когда слуга Пушкина объявилъ, что баринъ еще почиваетъ, Гоголю пригрезилось тотчасъ-же, что поэтъ всю ночь бесѣдовалъ съ музами; но къ полному разочарованію юнаго романтика, слуга, на вопросъ его, что дѣлалъ баринъ ночью, отвѣчалъ, что онъ всю ночь проигралъ въ карты.

П. А. Плетневъ былъ въ то время инспекторомъ патріотическаго института. Онъ принялъ въ Гоголѣ живое участіе и исходатайствовалъ для него мѣсто старшаго учителя словесности (10 марта 1831 г.). Кромѣ того Плетневъ ввелъ его наставникомъ дѣтей въ дома П. И. Балабина, Лонгинова и Васильчикова.

Однакоже Гоголь оказался столько-же неспособнымъ къ педагогическому поприщу, сколько и къ государственной службѣ. По свидѣтельству Лонгинова и отзывамъ другихъ лицъ, Гоголь не имѣлъ прямыхъ способностей преподавателя элементарныхъ наукъ. Ходъ его преподаванія былъ невѣренъ; онъ умѣлъ только манить ученика впередъ и впередъ, оставляя въ умѣ его пробѣлы, которые предоставлялъ ему пополнять, когда вздумается. Но главная бѣда заключалась при этомъ въ томъ, что Гоголь самъ получилъ элементарное образованіе крайне плохое и къ тому-же, при своей увлекающейся художественной натурѣ, былъ чуждъ всякой систематичности въ своей преподавательной дѣятельности. По крайней мѣрѣ вотъ какими чертами обрисовываютъ его уроки ученики его, Лонгиновы:

«...Они думали, что онъ будетъ преподавать имъ русскій языкъ, но къ удивленію ихъ Гоголь началъ толковать имъ о предметахъ, касающихся естественной исторіи; во второе посѣщеніе онъ заговорилъ о системахъ горъ, рѣкъ и пр., а въ третье повелъ рѣчь о всеобщей исторіи.

— Когда-же начнемъ мы, Николай Васильевичъ, уроки русскаго языка? спросили его. Гоголь насмѣшливо улыбнулся и сказалъ:

— На что вамъ это, господа? Въ русскомъ языкѣ главное дѣло ставить *е* и *ѣ*, а это вы и такъ знаете, какъ видно изъ вашихъ тетрадей. Просматривая ихъ, я найду иногда случай замѣтить вамъ кое-что. Выучить писать гладко и увлекательно не можетъ никто. Эта способность дается природой, а не ученьемъ».

Послѣ этого классы шли обычайной чередой, то-есть, одинъ посвящался естественной исторіи, другой — географіи, третій — всеобщей исторіи и т. д. Гоголь вводилъ въ свои чтенія множество смѣшныхъ анекдотовъ и, сочувствуя веселости дѣтей, хохоталъ съ ними самъ отъ чистаго сердца. Даже такія историческія явленія, какъ, напримѣръ, войны Амазиса и происхожденіе гражданскихъ обществъ, онъ умѣлъ поворачивать смѣшною стороною, къ обоюдному удовольствію слушателей и преподавателя».

Между тѣмъ какъ Гоголь велъ такимъ образомъ свою педагогическую дѣятельность,

къ концу 1831 года у него готово было уже нѣсколько повѣстей, составившихъ первый томъ «Вечеровъ». Онъ вознамѣрился напечатать ихъ отдѣльнымъ изданіемъ. Плетневъ, для избѣжанія всякихъ литературныхъ дрязгъ и пристрастій, посовѣтовалъ ему строжайшее incognito и придумалъ для его изданія заглавіе. «Повѣсти, изданныя пасичникомъ Рудымъ Панькомъ близь Диканки» (принадлежащей князю Кочубею).

Изданіе имѣло громадный успѣхъ, такъ что къ концу того-же года была издана 2-я часть *Вечеровъ* и обѣ разошлись не болѣе, какъ въ одинъ годъ.

Вечера на хуторѣ — представляютъ какъ-бы переходъ въ Гоголѣ отъ романтизма къ реализму. Въ нихъ вы не видите еще изображенія пошлой дѣйствительности и того «смѣха сквозь слезы», который является впервые въ послѣдующемъ созданіи Гоголя «Миргородѣ». Юморъ, которымъ проникнуты «Вечера» — представляется вамъ веселымъ молодымъ смѣхомъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, безъ малѣйшаго оттѣнка грусти; это чисто малороссійскій, неподдѣльно-народный юморъ. Въ то-же время разсказы проникнуты горячей до энтузіазма любовью ко всей той дѣйствительности, которая изображается въ нихъ. Видно, что эти разсказы писалъ человѣкъ, только-что уѣхавшій изъ родной земли, исполненный глубокой тоски по ней и съ нѣжностью вспоминающій о каждой мелочи, на которую онъ прежде не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Это придаетъ разсказамъ особенную, невыразимую прелесть. Когда вы читаете ихъ, вы чувствуете, что ни прежде, когда Гоголь былъ еще въ Малороссіи, ни послѣ, когда воспоминанія о родинѣ начали охладѣвать въ Гоголѣ, онъ не могъ написать свои разсказы съ такою неподдѣльною теплотою: они непосредственно вылились изъ тоски по родинѣ, столь свойственной малороссу, только что пріѣхавшему въ Петербургъ. Въ тоже время содержаніе «Вечеровъ», состоящее изъ народныхъ легендъ, ставитъ разсказы на почву вполнѣ романтическую, придавая имъ видъ словно какихъ-то средневѣковыхъ новеллъ.

Изданіе «Вечеровъ» сразу выдвинуло Гоголя впередъ въ литературномъ кругу. Это была самая свѣтлая эпоха въ его жизни. Гоголь былъ цѣнимъ и ласкаемъ Жуковскимъ и Пушкинымъ, который былъ безъ ума отъ «Вечеровъ», и первый оцѣнилъ вполнѣ вѣрно талантъ Гоголя и достоинство его расказовъ. Въ тоже время успѣхъ «Вечеровъ» обезпечилъ матеріальное положеніе Гоголя; онъ не только пересталъ нуждаться самъ, но могъ помочь даже семейству, т. е. матери и сестрамъ. Лѣто 1832 года онъ провелъ на родинѣ, отдыхая отъ всѣхъ трудовъ и невзгодъ петербургской жизни. Можно было думать, что Гоголь, окончательно сталъ на свою почву и направленіе его жизни должно было опредѣлиться успѣхомъ «Вечеровъ». Но, при крайне честолюбивомъ и увлекающемся характерѣ, Гоголь послѣ малѣйшаго успѣха переходилъ тотчасъ же къ грандіознымъ замысламъ, передъ которыми ему казалось ничтожнымъ все то, что онъ сдѣлалъ прежде; а между тѣмъ эти замыслы сбивали его постоянно съ прямой дороги и приводили къ заблужденіямъ, сначала только смѣшнымъ, а впослѣдствіи и печальнымъ. Такъ случилось и въ эту пору его жизни, послѣ успѣха «Вечеровъ». Уже въ 1833 году онъ отзывается въ письмѣ къ Погодину съ презрѣніемъ о своихъ расказахъ. «Да обрекутся они неизвѣстности», говоритъ онъ, «покамѣстъ что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня! Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается...»

Чтобы не терять времени въ ожиданіи великихъ художественныхъ созданій, Гоголь принялся за великіе историческіе труды. Онъ задумалъ писать исторію Малороссіи и къ этому еще исторію среднихъ вѣковъ. Оба сочиненія онъ предполагалъ исполнить въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ. Такъ напримѣръ въ письмѣ къ М. А. Максимовичу въ 1833 г. онъ говоритъ: «Я пишу исторію среднихъ вѣковъ, которая, думаю, будетъ состоять томовъ изъ 8, если не изъ 9».

Хотя занятія исторіею Малороссіи и не увѣнчались многотомнымъ сочиненіемъ, но они все таки привели Гоголя къ хорошему результату: изъ нихъ вышла знаменитая малороссійская эпопея Гоголя «Тарасъ Бульба.» Чтоже касается до занятій исторіею среднихъ вѣковъ, то эти занятія окончались комическимъ фіаско...

Занятія эти тѣсно соединяются съ неудачнымъ профессорствомъ Гоголя. Профессорство это весьма рельефно выставляетъ, какъ вѣкъ Гоголя, такъ и самого автора Мертвыхъ Душъ.

Еще до опредѣленія адъюнктомъ въ Петербургскій университетъ, Гоголь хлопоталъ объ опредѣленіи своемъ въ университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ; но туда онъ мѣтилъ не иначе, какъ въ ординарные профессоры. Зимою 1834 года, въ министерствѣ приготовляли уставъ и штаты для университета Св. Владиміра и заботились о пріисканіи наставниковъ. Воспитанники профессорскаго института тогда еще не возвратились изъ ученаго путешествія по Европѣ, нужно было обойтись домашними средствами. Для всѣхъ каѳедръ были уже въ виду достойные кандидаты; только для русской исторіи не было человѣка. Начальство вспомнило о Гоголѣ и предложило лицу уполномоченному, познакомиться съ нимъ и пригласить его на кафедру адъюнктомъ. Гоголю было тогда не болѣе 25 лѣтъ. Пришедши къ лицу, пригласившему его, онъ, съ первыхъ словъ очаровалъ его своимъ умнымъ и краснорѣчивымъ разговоромъ. Къ концу бесѣды Гоголю было объявлено, чтобъ онъ принесъ свои документы и прошеніе. Черезъ нѣсколько дней Гоголь опять явился, опять очаровалъ своимъ разговоромъ, но ни документовъ, ни прошенія не принесъ. Когда ему за третьимъ разомъ напомнили объ этомъ, онъ, не безъ нѣкотораго замѣшательства, вынулъ изъ боковаго кармана и подалъ свой аттестатъ объ окончаніи курса въ гимназіи высшихъ наукъ, съ правомъ на чинъ 14 класса и прошеніе объ опредѣленіи его ординарнымъ профессоромъ «Знаете-ли что?» отвѣчали ему: «васъ нельзя вдругъ опредѣлить ординарнымъ при этомъ аттестатѣ. Согласитесь сперва въ адъюнкты». Гоголь долго упрямился, не соглашался... Дошло до министра, который съ своей стороны приказалъ объявить молодому писателю, что онъ охотно опредѣлитъ его адъюнктомъ. Но Гоголь не согласился.

Послѣ того вскорѣ ему представился случай занять каѳедру средней исторіи въ петербургскомъ университетѣ. На этотъ разъ Гоголь ограничился болѣе скромными притязаніями и, не требуя непремѣнно ординаторства, согласился поступить въ университетъ въ званіи адъюнкта. Но недолго пришлось профессорствовать Гоголю. Не смотря на приготовленія къ многотомной исторіи среднихъ вѣковъ, знаній Гоголя хватило только на одну лекцію. Онъ прочелъ эту лекцію съ блистательнымъ краснорѣчіемъ (лекція эта была потомъ напечатана въ Арабескахъ подъ заглавіемъ: *о среднихъ вѣкахъ*). Студенты были очарованы чтеніемъ Гоголя. «Мы съ нетерпѣніемъ ждали слѣдующей лекціи»—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Гоголѣ Иваницкій, бывшій студентомъ въ то время: «Гоголь пріѣхалъ довольно поздно и началъ ее фразой: «Азія была какимъ-то народовержущимъ вулканомъ». Потомъ поговорилъ немного о великомъ переселеніи народовъ, но такъ вяло, безжизненно и сбивчиво, что скучно было слушать, и мы не вѣрили сами себѣ, тотъ-ли это Гоголь, который на прошлой недѣлѣ прочелъ такую блистательную лекцію? Наконецъ, указавъ намъ на кое-какіе курсы, гдѣ мы можемъ прочесть объ этомъ предметѣ, онъ раскланялся и уѣхалъ. Вся лекція продолжалась 20 минутъ. Слѣдующія лекціи были въ томъ же родѣ, такъ что мы совершенно наконецъ охладѣли къ Гоголю и аудиторія его все больше и больше пустѣла. Но вотъ однажды—это было въ Октябрѣ — ходимъ мы по сборной залѣ и ждемъ Гоголя. Вдругъ входятъ Пушкинъ и Жуковскій. Отъ швейцара, конечно, они ужъ знали, что Гоголь еще не пріѣхалъ, и потому, обратясь къ намъ, спросили только, въ которой аудиторіи будетъ читать Гоголь? Мы указали на аудиторію. Пушкинъ и Жуковскій заглянули въ нее, но не вошли, а остались въ сборной залѣ. Черезъ четверть часа пріѣхалъ Гоголь, и мы, вслѣдъ за тремя поэтами, вошли въ аудиторію и сѣли по мѣстамъ. Гоголь вошелъ на каѳедру, и вдругъ, какъ говорится, ни съ того, ни съ другаго, началъ читать взглядъ на исторію Аравитянъ. Лекція была блестящая, въ такомъ-же родѣ, какъ и первая. Она вся изъ слова въ слово напечатана въ «Арабескахъ». Видно, что Гоголь зналъ заранѣе о намѣреніи поэтовъ пріѣхать къ нему на лекцію, и потому приготовлялся угостить ихъ поэтически. Послѣ лекціи Пушкинъ заговорилъ о чемъ-то съ Гоголемъ, но я слышалъ одно только: «увлекательно»! Всѣ слѣдующія лекціи Гоголя были очень сухи и скучны; ни одно событіе, ни одно лицо историческое не вызвало его на бесѣду живую и одушевленную... Какими-то сонными глазами смотрѣлъ онъ на прошедшіе вѣка и отжившія племена. Безъ сомнѣнія, ему самому было скучно, и онъ видѣлъ, что скучно и его

слушателямъ. Бывало, пріѣдетъ, поговоритъ съ полчаса съ каѳедры, уѣдетъ, да ужъ и не показывается цѣлую недѣлю, а иногда и двѣ. Потомъ опять пріѣдетъ, и опять таже исторія. Такъ прошло время до Мая»...

Но курьезнѣе всего конечно то, что Гоголь съ своей стороны всю вину складывалъ на студентовъ: «я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ», писалъ онъ къ М. Погодину. «Никто меня не слушаетъ, ни на одномъ, ни разу, не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. А оттого я рѣшительно бросаю теперь всякую художническую отдѣлку, а тѣмъ болѣе — желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками, и только смотрю въ даль и вижу ее въ той системѣ, въ какой она явится у меня вылитою черезъ годъ. Хоть-бы одно студенческое существо понимало меня! Это народъ безцвѣтный, какъ Петербургъ»...

Но черезъ годъ Гоголь уже и думать позабылъ о исторіи среднихъ вѣковъ. Изъ всего этого увлеченія у него только и осталось, что нѣсколько статеекъ въ Арабескахъ, да отрывки изъ задуманной имъ трагедіи «Альфредъ», изъ эпохи вторженія Норманновъ въ Англію, отрывокъ, показывающій въ Гоголѣ полное отсутствіе трагическаго таланта.

Въ 1835 году онъ вышелъ въ отставку, оставивъ и профессорское и педагогическое поприще и весь предался литературѣ.

Между тѣмъ, литературный талантъ Гоголя быстро развивался, не смотря на всѣ уклоненія поэта отъ своего пути. Въ 1834 г. онъ издалъ *Арабески* и *Миргородскія повѣсти*. Въ произведеніяхъ этой эпохи Гоголь отчасти все еще стоитъ на прежней почвѣ малороссійскаго эпоса (Тарасъ Бульба). Въ немъ все еще проявляется порою романтическая страсть къ сверхъестественному (Вій), а въ повѣсти *Портретъ* онъ платитъ дань 30-мъ годамъ, подчиняясь замѣтному вліянію Гофмана, который былъ въ то время въ модѣ и имѣлъ множество поклонниковъ въ русской литературѣ, начиная съ кн. Одоевскаго и кончая Бѣлинскимъ. Но рядомъ съ этимъ у Гоголя, въ произведеніяхъ этой эпохи является уже сильная наклонность къ изображенію обыденной жизни, во всей ея пошлости. Въ эти годы публика впервые знакомится съ неподражаемымъ юморомъ Гоголя, съ его «смѣхомъ сквозь слезы». Произведенія—*Старосвѣтскіе помѣщики*, *Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ*, *Невскій проспектъ*, *Носъ*, *Коляска*, *Шинель*—стоятъ уже вполнѣ на реальной почвѣ. Съ этихъ повѣстей слѣдуетъ считать рѣшительный поворотъ Гоголя, а вмѣстѣ съ нимъ и всей русской литературы на чисто реальную дорогу изображенія русской дѣйствительности во всей ея обыденности. Къ этой же эпохѣ (отъ 1834 по 1835 г.) относятся и всѣ комедіи Гоголя.

При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что главнымъ руководителемъ Гоголя на этомъ новомъ пути, былъ Пушкинъ, который, принадлежа самъ къ предыдущей эпохѣ, тѣмъ не менѣе имѣлъ геніальную способность чуять вѣяніе новой эпохи, замѣчая это вѣяніе на своемъ собственномъ творчествѣ. Гоголь самъ свидѣтельствуетъ о вліяніи на него Пушкина. Такъ въ своемъ письмѣ къ П. А. Плетневу по случаю извѣстія о смерти Пушкина онъ говоритъ: «все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу»...

Въ «Авторской исповѣди» Гоголь подробнѣе говоритъ о вліяніи на него Пушкина: «Причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала. Вотъ происхожденіе тѣхъ первыхъ моихъ произведеній, которыя однихъ заставили смѣяться такъ же беззаботно и безотчетно, какъ и меня самого, а

другихъ приводили въ недоумѣніе рѣшить, какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія низкости. Можетъ быть, съ лѣтами и потребностью развлекать себя, веселость эта исчезнула-бы, а съ нею вмѣстѣ и мое писательство. Но Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и наконецъ, одинъ разъ, послѣ того какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое, однакожь, поразило его больше всего мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: «Какъ, съ этою способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живаго, съ этой способностью, не приняться за большое сочиненіе! это, просто, грѣхъ!» Вслѣдъ за этимъ началъ онъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано, привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса, который, хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но если-бы не принялся за Донкихота, никогда-бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями, и, въ заключеніи всего, отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы и котораго, по словамъ его, онъ-бы не отдалъ другому никому. Это былъ сюжетъ «Мертвыхъ душъ». (Мысль «Ревизора» принадлежитъ также ему). На этотъ разъ я и самъ уже задумался серьезно, — тѣмъ болѣе, что стали приближаться такіе года, когда самъ собой приходитъ запросъ всякому поступку: зачѣмъ и для чего это дѣлаешь? Я увидѣлъ, что въ сочиненіяхъ моихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная, зачѣмъ. Если смѣяться, такъ ужь лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянія всеобщаго. Въ «Ревизорѣ» я рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣмъ. Но это, какъ извѣстно, произвело потрясающее дѣйствіе. Сквозь смѣхъ, который никогда еще во мнѣ не проявлялся въ такой силѣ, читатель услышалъ грусть. Я самъ почувствовалъ, что уже смѣхъ мой не тотъ, какой былъ прежде, что уже не могу быть въ сочиненьяхъ моихъ тѣмъ, чѣмъ былъ дотолѣ, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами, окончилась вмѣстѣ съ молодыми моими лѣтами. Послѣ «Ревизора», я почувствовалъ болѣе, нежели когда-либо прежде, потребность сочиненья полнаго, гдѣ было-бы уже не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться. Пушкинъ находилъ, что сюжетъ «Мертвыхъ душъ» хорошъ для меня тѣмъ, что даетъ полную свободу изъѣздить вмѣстѣ съ героемъ всю Россію и вывести множество самыхъ разнообразныхъ характеровъ».

Изъ этихъ словъ самого Гоголя, мы видимъ, какое живое участіе въ развитіи таланта Гоголя принималъ Пушкинъ. Самыя лучшія произведенія Гоголя «Ревизоръ и Мертвыя души» были предприняты по внушенію поэта; ему, какъ своему преемнику, передавалъ Пушкинъ сюжеты, которыми онъ думалъ воспользоваться самъ.

Изъ «Авторской-же исповѣди» мы видимъ, что у Гоголя съ оставленіемъ службы (въ 1835 г.) совпадаетъ начало перехода Гоголя отъ безсознательнаго творчества, инстинктивно внушаемаго природой — къ творчеству сознательному, на которое Гоголь начинаетъ смотрѣть ужъ не какъ на забаву въ часы досуга, а какъ на свой нравственный долгъ, какъ на государственную службу, какъ онъ выражается. Такой сознательный взглядъ на свое творчество и заставилъ Гоголя выйти въ отставку, бросить всѣ постороннія занятія и посвятить всѣ силы искусству.

«Я разстался съ университетомъ», пишетъ онъ Погодину въ концѣ 1835 г., «черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года — годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся — въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ, мои небесныя гости, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до

новаго пробужденія, когда вы проявитесь съ большею силою и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... и проч. и проч... Я тебѣ одному говорю это; другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ и больше ничего. Мимо, мимо все это! Теперь вышелъ на свѣжій воздухъ. Это освѣженіе нужно въ жизни, какъ цвѣтамъ дождь, какъ засидѣвшемуся въ кабинетѣ прогулка. Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да здравствуетъ комедія!»

Въ то время, какъ Гоголь писалъ это письмо, онъ уже ставилъ на петербургскій театръ своего «Ревизора». Живое, энергическое участіе принималъ онъ въ постановкѣ піэсы, ходилъ на каждую репетицію и ни одлаго жеста и слова актеровъ не пропускалъ безъ своихъ совѣтовъ и указаній... Наконецъ въ апрѣлѣ 1836 года, «Ревизоръ» явился на сценѣ и Гоголь впервые испыталъ грустное положеніе комическаго писателя, серьезно относящагося къ своему дѣлу среди массы невѣжественнаго и пошлаго общества. Прежде онъ только смѣшилъ и всѣ были довольны, теперь-же онъ вздумалъ осмѣять — встрѣтилъ противъ себя всеобщее ожесточеніе... «Всѣ противъ меня», пишетъ онъ въ письмѣ къ М. С. Щепкину (1836 г. апр. 29.) «чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святаго, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на піэсу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Еслибъ не высокое заступничество Государя, піэса моя не была-бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины — и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, чтоже было бы, еслибы я взялъ что нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная. Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ между тѣмъ братскою любовью». Подъ гнетомъ этого всеобщаго ожесточенія, которое Гоголь весьма живо изобразилъ въ своей комедіи «Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи», недовольный въ тоже время игрою актеровъ, особенно исполняемой Дюромъ главной ролью (Хлестакова), Гоголь рѣшительно упалъ духомъ. «Я усталъ душою и тѣломъ», пишетъ Гоголь неизвѣстно къ кому въ письмѣ, прилагаемомъ обыкновенно при Ревизорѣ въ собраніяхъ его сочиненій: «клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними со всѣми! мнѣ опротивѣла моя піэса!»

Подъ такими впечатлѣніями у Гоголя явилось желаніе убѣжать, какъ онъ выражается, Богъ знаетъ куда и онъ предпринялъ путешествіе за границу. «Ѣду за границу», пишетъ онъ М. П. Погодину 10 мая 1816 г., «тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ; но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ-же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ, ими все принимается. Частное принимаютъ за общее, случай за правило! Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ-трехъ плутовъ — тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: «Мы не плуты.» Но Богъ съ ними! Я не оттого ѣду за границу, чтобъ неумѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе. Пора уже мнѣ творить съ большимъ размышленіемъ»...

Такимъ образомъ лѣтомъ, въ половинѣ іюля 1836 года, Гоголь уѣхалъ за границу. Съ этой поры начинаются постоянныя его скитанія по Европѣ, причемъ большую часть своей остальной жизни онъ провелъ въ Римѣ. Изрѣдка онъ пріѣзжалъ въ Россію, гдѣ онъ оставался недолго и по большей части въ Москвѣ, въ которой сосредоточивались болѣе близкіе друзья его этого періода—Погодинъ, Шевыревъ, Аксаковъ, Щепкинъ и пр. Свои скитанія по чужимъ краямъ онъ объясняетъ въ своей «Авторской Исповѣди» тѣмъ, что

Россія вставала передъ нимъ въ живыхъ образахъ только тогда, когда онъ былъ далеко отъ нея:» во все пребываніе мое въ Россіи, говоритъ онъ, Россія у меня въ головѣ разсѣявалась и разлеталась. Я не могъ никакъ собрать ее въ цѣлое; духъ мой упадалъ, и самое желанье знать ее ослабѣвало. Но какъ только я выѣзжалъ изъ нея, она совокуплялась въ мысли моей вновь въ одно цѣлое, желанье знать ее пробуждалось во мнѣ вновь, и охота знакомиться со всякимъ свѣжимъ человѣкомъ, недавно выѣхавшимъ изъ Россіи, становилась вновь сильна. Во мнѣ раждалось даже умѣнье выспрашивать, и часто въ одинъ часъ разговора я узнавалъ то, чего не могъ, живя въ Россіи, узнать въ продолженіи недѣли. Всякій знаетъ что за границей знакомства дѣлаются гораздо легче, что на водахъ съ Германій и на зимовьяхъ въ Италіи сходятся люди, которые, можетъ быть, не столкнулись-бы никогда внутри земли своей и оставались-бы вѣкъ незнакомыми. Вотъ что заставило меня предпочесть пребываніе внѣ Россіи, даже и въ отношеніи къ тому, чтобы побольше слышать о Россіи».

Между тѣмъ въ 1837 году Гоголь принялся за «Мертвыя души.» Исторія этого послѣдняго и великаго творенія Гоголя совпадаетъ съ исторіей того нравственнаго перелома, который обратилъ Гоголя изъ комическаго писателя въ мистика и религіознаго фанатика. Онъ началъ писать «Мертвыя души», все еще подъ наитіемъ непосредственнаго творчества; хотя онъ серьезно уже смотрѣлъ на свой смѣхъ и сознавалъ въ немъ свой нравственный долгъ, государственную службу, но онъ все еще не шелъ далѣе этого смѣха. «Я началъ было писать, говоритъ Гоголь о Мертвыхъ душахъ въ Авторской исповѣди, не опредѣливши себѣ обстоятельно плана, не давши себѣ отчета, что такое именно долженъ быть самъ герой. Я думалъ, просто, что смѣлый проэктъ, исполненьемъ котораго занятъ Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразныя лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самомъ охота смѣяться создастъ сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными. Но на всякомъ шагу я былъ останавливаемъ вопросами: зачѣмъ, къ чему это? что долженъ сказать собою такой-то характеръ? что должно выразить собою такое-то явленіе? Спрашивается: что нужно дѣлать, когда приходятъ такіе вопросы? Прогонять ихъ? Я пробовалъ, но неотразимые вопросы стояли передо мною; не чувствуя существенной надобности въ томъ и другомъ героѣ, я не могъ почувствовать и любви къ дѣлу, изобразить его. Напротивъ, я чувствовалъ что-то въ родѣ отвращенія: все у меня выходило натянуто, насильственно и даже то, надъ чѣмъ я смѣялся, становилось печально». Эти сомнѣнія и были началомъ последняго перелома въ жизни Гоголя. Самъ по себѣ переломъ этотъ былъ явленіемъ вполнѣ естественнымъ и притомъ совершенно въ духѣ вѣка Гоголя. Каждый человѣкъ и каждое общество, переходя отъ безсознательнаго существованія къ разумно-сознательному, переживаетъ періодъ сомнѣній, во время которыхъ пробудившееся сознаніе старается уяснить себѣ цѣль и значеніе жизни и строитъ для этого всевозможныя теоріи, доктрины, подъ которыя искусственно подводитъ все и вся. Наше общество въ 30-е и 40-е г. переживало именно подобный періодъ. Въ это время всѣ передовые русскіе люди жили различными отвлеченными теоріями: одни при этомъ увлекались германскою философіею, дѣлались шелингистами, гегеліанцами, другіе ударялись въ славянофильство, въ фурьеризмъ и сенъ-симонизмъ; третьи дѣлались мистиками. Мы видимъ множество современниковъ и друзей Гоголя или — съ задатками мистицизма, или-же окончательно впавшихъ въ него. Таковы были Кирѣевскіе, Хомяковъ, Шевыревъ, Чаадаевъ и пр. Къ мистицизму замѣтно склонялись подъ конецъ жизни Пушкинъ и Лермонтовъ; наконецъ Жуковскій окончательно впалъ въ мистицизмъ въ послѣдній періодъ своей жизни, во время самаго близкаго своего знакомства съ Гоголемъ.

Чтоже касается до того, что теоретическій періодъ развитія Гоголя выразился не въ какой-либо другой формѣ, а именно въ формѣ мистицизма, то это вполнѣ зависитъ отъ обстоятельствъ его жизни. Мы видѣли что онъ вышелъ изъ малороссійской среды, исполненной средневѣковыхъ преданій и суевѣрій. Страсть къ фантастическому проявляется во многихъ произведеніяхъ его юности. Уже на школьной скамьѣ, во многихъ письмахъ Гоголя мы видѣли задатки религіозной экзальтаціи и аскетизма. Выступивши на литературное поприще, онъ сошелся, изъ литераторовъ, не съ молодыми

писателями, увлекавшимися германской философіей, а съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, которые, какъ мы сейчасъ сказали, сами клонились въ это время къ мистицизму. Затѣмъ, поѣхавши за границу, Гоголь избралъ мѣстомъ постояннаго жительства Римъ, это средоточіе средневѣковаго религіознаго фанатизма. Католицизмъ, въ своей тысячелѣтней столицѣ сильно поразилъ своимъ внѣшнимъ декорумомъ пламенное воображеніе Гоголя, наклоннаго ко всему величественно-картинному, эффектному и фантастическому. Въ немъ явилось даже пристрастіе къ католицизму, которое заставило нѣкоторыхъ изъ его земляковъ заподозрить его въ намѣреніи обратиться изъ православной вѣры въ католическую. На подобныя подозрѣнія Гоголь отвѣчалъ своей матери (1837 года 22 декабря) изъ Рима слѣдующими словами, указывающими въ немъ на явное увлеченіе католицизмомъ; «насчетъ моихъ чувствъ и мыслей объ этомъ, вы правы, что спорили съ другими, что я не перемѣню обрядовъ своей религіи. Это совершенно справедливо; потому что, какъ религія наша, такъ и католическая, совершенно одно и тоже, и потому совершенно нѣтъ надобности перемѣнять одну на другую. Та и другая истинна; та и другая признаетъ одного и того же Спасителя нашего, одну и ту же Божественную Премудрость, посѣтившую нѣкогда нашу землю, претерпѣвшую послѣднее униженіе на ней, для того, чтобы возвысить выше нашу душу и устремить ее къ небу. И такъ, насчетъ моихъ религіозныхъ чувствъ вы никогда не должны сомнѣваться».

Ко всѣмъ этимъ вліяніямъ присоединились странныя и весьма неопредѣленныя болѣзни Гоголя, которыя особенно усилились съ начала 40-хъ годовъ, проявляясь въ различныхъ мучительныхъ припадкахъ. Читая описаніе этихъ припадковъ въ письмахъ Гоголя, можно полагать, что главнымъ образомъ у Гоголя было сильное разстройство нервовъ. Оно произошло по всей вѣроятности вслѣдствіе причинъ моральныхъ: аскетизмъ и мистическая экзальтація ведутъ постепенно за собою разстройство нервной системы. Но, вызванная моральнымъ настроеніемъ, болѣзнь въ свою очередь вліяла на психическій міръ Гоголя, еще болѣе усиливая въ немъ мистическую экзальтацію страхомъ смерти и мученіями, въ которыхъ Гоголь видѣлъ испытанія ниспосылаемыя ему свыше для очищенія его отъ различныхъ грѣховъ и недостатковъ.

Печальны были послѣдніе десять лѣтъ жизни Гоголя. Это была какая-то медленная агонія, обратившая здороваго и сильнаго человѣка въ блѣдную, изможженную тѣнь, геніальнаго комика въ какого-то полоумнаго святошу. Люди знавшіе Гоголя прежде, не узнавали его. Прежняя необузданная шутливость Гоголя, наклонность къ комическимъ разсказамъ, подчасъ и рѣзвымъ, эксцентрическимъ проказамъ—все это исчезло впослѣдствіи, и Гоголь обратился въ вѣчно мрачнаго, угрюмаго, сосредоточеннаго, подъ часъ и капризнаго изувѣра, тяжелаго и себѣ, и другимъ. Непомѣрное самолюбіе Гоголя сказалось и въ этомъ послѣднемъ, мистическомъ періодѣ его жизни. Громадный успѣхъ «Ревизора» и первой части «Мертвыхъ душъ», изданной въ 1842 г. до того возбудилъ Гоголя, что онъ вообразилъ себя уже не геніемъ, а какимъ-то новымъ пророкомъ, которому предназначено свыше быть провозвѣстникомъ небесной воли. Эта мысль привела Гоголя въ экстазъ и заставила съ презрѣніемъ смотрѣть на всѣ свои прежнія комическія произведенія... «Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей,» говоритъ онъ въ письмѣ къ С. Т. Аксакову въ 1841 г., «и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета». Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ: что его теперь нужно особенно лелѣять; что онъ теперь представляетъ изъ себя глиняную вазу, которая вся въ трещинахъ, стара и еле держится, но въ этой вазѣ заключено сокровище.

При такомъ самомнѣніи всѣ письма Гоголя къ друзьямъ и знакомымъ исполнились высокомѣрными поученіями, упреками, увѣщаніями бороться противъ козней діавола и совѣтами, какъ успѣшнѣе вести эту борьбу. Плодомъ этихъ поученій была книга, подъ заглавіемъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», которую Гоголь издалъ въ началѣ 1847 года. Надо полагать, что Гоголь считалъ появленіе этой книги дѣломъ необыкновенной важности. «Наконецъ моя просьба», пишетъ онъ Плетневу

30 іюня 1846 г.: «ее ты долженъ выполнить, какъ наивѣрнѣйшій другъ выполняетъ просьбу своего друга. *Всѣ свои дѣла въ сторону*, и займись печатаньемъ этой книги, подъ названіемъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.» Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ: вотъ что, покамѣсть, могу сказать; все прочее объяснитъ тебѣ сама книга».

«Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» печально поразили всю русскую публику. Все въ этой книгѣ, начиная съ чудовищнаго завѣщанія Гоголя, доказывало, – что публика утратила безвозвратно великаго поэта; каждая страница свидѣтельствовала не только о печальномъ заблужденіи, но о близости окончательнаго помраченія разсудка Гоголя.

Гоголь былъ глубоко потрясенъ неудачею книги; особенно же поразила его рецензія Бѣлинскаго, въ которомъ Гоголь до того времени находилъ поклонника и разъяснителя его таланта. По этому поводу завязалась у него переписка съ Бѣлинскимъ, которая особенно замѣчательна въ томъ отношеніи, что представляетъ намъ двѣ крайности русскаго міросозерцанія конца 40-хъ годовъ: изувѣръ и мистикъ вступаетъ въ этой перепискѣ въ состязаніе съ поклонникомъ Фейербаха.

Какъ ни мраченъ и печаленъ типъ, какой представлялъ намъ Гоголь въ періодъ мистицизма, надо замѣтить, что и въ этотъ періодъ въ немъ были свои симпатическія стороны. Какъ ни было само по себѣ нелѣпо увлеченіе Гоголя, но во всякомъ случаѣ это было искреннее и нелицемѣрное увлеченіе идеею, которое всегда заслуживаетъ глубокаго уваженія. Было нѣчто поистинѣ почтенное и выходящее изъ ряда обыденнаго въ зрѣлищѣ этого человѣка, который, возлюбя свою бѣдность, отказался отъ всякаго имущества, предоставивъ матери и сестрамъ свою часть, а самъ скитался по свѣту, не имѣя угла и все свое движимое нося съ собою въ небольшомъ походномъ чемоданчикѣ, который при томъ же былъ биткомъ набитъ различными критиками, рецензіями на его сочиненія, вырѣзанныхъ имъ изъ различныхъ журналовъ и газетъ. Онъ могъ жить весьма безбѣдно; кромѣ порядочной суммы, выручаемой имъ за свои изданія, онъ получалъ различныя вспомоществованія и пенсіи свыше. Такъ въ 1845 году была назначена ему трехгодовая пенсія по 1,000 рублей въ годъ. Но при всемъ этомъ онъ постоянно нуждался въ деньгахъ, много раздавая въ помощь бѣднымъ, при чемъ особенно любилъ онъ помогать нуждающимся русскимъ художникамъ въ Римѣ, со многими изъ которыхъ былъ близко знакомъ. Съ этою цѣлью нерѣдко онъ нарочно заказывалъ имъ картины, которыя потомъ разсылалъ по церквамъ. А въ 1844 году онъ вдругъ вздумалъ всѣ деньги, вырученныя за полное собраніе его сочиненій, пожертвовать въ помощь бѣднымъ, но достойнымъ студентамъ, преимущественно же нуждающимся талантамъ. «Талантамъ», пишетъ онъ при этомъ, «дается слишкомъ нѣжная, слишкомъ чуткая, тонкая природа; много, много ихъ можно оскорбить грубымъ прикосновеніемъ, какъ нѣжное растеніе, перенесенное съ юга въ суровый климатъ, можетъ погибнуть отъ неумѣлаго съ нимъ обхожденія непривыкшаго къ нему садовника». Изрѣдка и въ этотъ періодъ находили на него минуты просвѣтлѣнія, въ которыя онъ дѣлался какъ будто снова прежнимъ Гоголемъ: къ нему возвращалась прежняя веселость, шутливость и снова посѣщало его вдохновеніе. Онъ возвращался къ своимъ «Мертвымъ душамъ»; но то, что ему удавалось написать въ эти минуты, онъ потомъ сожигалъ подъ гнетомъ новаго помраченія. Такимъ образомъ отъ второй части его «Мертвыхъ душъ» только и могли уцѣлѣть нѣсколько главъ, напечатанныхъ уже послѣ его смерти.

Въ 1848 году Гоголь совершилъ странствованіе въ Іерусалимъ, и возвратясь оттуда въ Россію черезъ Одессу, болѣе уже не ѣздилъ за границу. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Москвѣ, борясь со своими недугами и все болѣе и болѣе погружаясь въ мракъ мистицизма. Наконецъ въ февралѣ 1852 года онъ окончательно слегъ, изнуренный говѣньемъ, которое онъ предпринялъ на масляницѣ, безсонными ночами, проведенными въ молитвѣ, и питаніемъ одною просфорою. Въ своемъ мистическомъ иступленіи онъ дошелъ до галлюцинацій, такъ что ему начали слышаться голоса, предрекавшіе ему смерть. Наконецъ все это разрѣшилось нервною горячкою, отъ которой онъ и умеръ въ четвергъ 21-го февраля 1852 года, 43 лѣтъ отъ роду.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ГОГОЛЯ.

МАЙСКАЯ НОЧЬ ИЛИ УТОПЛЕННИЦА.

Глава II.

Знаете-ли вы украинскую ночь? О вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее: съ средины неба глядитъ мѣсяцъ; необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; горитъ и дышетъ онъ; земля вся въ серебрянномъ свѣтѣ, и чудный воздухъ и прохладно-душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь! очаровательная ночь! Неподвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темнозеленыя стѣны садовъ. Дѣвственныя чащи черемухъ и черешень пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечутъ листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный вѣтренникъ, ночной вѣтеръ, подкравшись, мгновенно цѣлуетъ ихъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышетъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! очаровательная ночь! И вдругъ все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья, и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посреди неба... Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще бѣлѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака ихъ низкія стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди ужъ спятъ. Гдѣ-гдѣ только свѣтятся узенькія окна. Передъ порогомъ иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

«Да гопакъ не такъ танцуется! То-то я гляжу, не клеится все. Что же это разсказываетъ кумъ?... А ну—гопъ трала! гопъ трала, гопъ! гопъ! гопъ!» Такъ разговаривалъ самъ съ собою подгулявшій мужикъ среднихъ лѣтъ! танцуя по улицѣ. «Ей Богу, не такъ танцуется гопакъ! Что мнѣ лгать? Ей Богу, не такъ! А ну: гопъ трала! гопъ трала! гопъ, гопъ, гопъ!»

«Вотъ, одурѣлъ человѣкъ! добро бы еще хлопецъ какой, а то старый кабанъ, дѣтямъ на смѣхъ, танцуетъ ночью по улицѣ!» вскричала проходящая пожилая женщина, неся въ рукѣ солому. «Ступай въ хату свою! Пора спать давно!»

«Я пойду!» сказалъ остановившись мужикъ. «Я пойду. Я не посмотрю на какого-нибудь голову!» Что онъ, думаетъ, — *дидько-бъ утисся его батькови!* Что онъ голова, что онъ обливаетъ людей на морозѣ холодною водою, такъ и носъ поднялъ! Ну, голова, голова — я самъ себѣ голова. Вотъ, убей меня Богъ! Богъ меня убей! я самъ себѣ голова! Вотъ что, а не то что...» продолжалъ онъ, подходя къ первой попавшейся хатѣ, и остановился передъ окошкомъ, скользя пальцами по стеклу и стараясь найти деревянную ручку. «Баба, отворяй! Баба живѣй, говорятъ тебѣ, отворяй! Козаку спать пора!»

«Куда ты, Каленикъ? Ты въ чужую хату попалъ!» закричали смѣясь позади его дѣвушки, ворочавшіяся съ веселыхъ пѣсней. «Показать тебѣ твою хату?»

— Покажите, любезныя молодушки!»

— Молодушки? слышите-ли? подхватила одна: «какой учтивый Каленикъ! За это ему нужно показать хату... но нѣтъ, напередъ потанцуй!»

— Потанцовать?... эхъ, вы, замысловатыя дѣвушки!» протяжно произнесъ Каленикъ, смѣясь и грозя пальцемъ и оступаясь, потому что ноги его не могли держаться на одномъ мѣстѣ. «А дадите перецѣловать себя? Всѣхъ перецѣлую, всѣхъ!...»

И косвенными шагами пустился бѣжать за ними. Дѣвушки подняли крикъ, перемѣшались; но послѣ, ободрившись, перебѣжали на другую сторону, увидя, что Каленикъ не слишкомъ былъ скоръ на ноги.

«Вотъ твоя хата!» закричали онѣ ему, уходя и показывая на избу, гораздо поболѣе прочихъ, принадлежавшую сельскому головѣ.

Каленикъ послушно побрелъ въ ту сторону, принимаясь снова бранить голову...

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

Изъ главы VII.

Чичиковъ проснулся, потянулъ руки и ноги и почувствовалъ, что выспался хорошо. Полежавъ минуты двѣ на спинѣ, онъ щелкнулъ рукою и вспомнилъ съ просіявшимъ лицомъ, что у него теперь безъ малаго четыреста душъ. Тутъ же вскочилъ онъ съ постели, не посмотрѣлъ даже на свое лицо, которое любилъ искренно и въ которомъ какъ кажется, привлекательнѣе всего находилъ подбородокъ, ибо весьма часто хвалился имъ предъ кѣмъ-нибудь изъ пріятелей, особливо, если это происходило во время бритья. «Вотъ, посмотри», говорилъ онъ обыкновенно, поглаживая его рукою, «какой у меня подбородокъ: совсѣмъ круглый!» Но теперь онъ не взглянулъ ни на подбородокъ, ни на лицо, а прямо, такъ какъ былъ, надѣлъ сафьянные сапоги съ рѣзными выкладками всякихъ цвѣтовъ, какими бойко торгуетъ городъ Торжокъ, благодаря халатнымъ побужденьямъ русской натуры, и, по-шотландски, въ одной короткой рубашкѣ, позабывъ свою степенность и приличныя среднія лѣты, произвелъ по комнатѣ два прыжка, пришлепнувъ себя весьма ловко пяткой ноги. Потомъ, въ ту же минуту приступилъ къ дѣлу, передъ шкатулкой потеръ руки съ такимъ же удовольствіемъ, какъ потираетъ ихъ выѣхавшій на слѣдствіе неподкупный земскій судъ, подходящій къ закускѣ и тотъ же часъ вынулъ изъ нея бумаги. Ему хотѣлось поскорѣе кончить все, не откладывая въ долгій ящикъ. Самъ рѣшился онъ сочинить крѣпости, написать и переписать, чтобы не платить ничего подъячимъ. Форменный порядокъ былъ ему совершенно извѣстенъ: бойко выставилъ онъ большими буквами: Тысяча восемьсотъ такого-то года; потомъ вслѣдъ затѣмъ мелкими: помѣщикъ такой-то и все, что слѣдуетъ. Въ два часа готово было все. Когда взглянулъ онъ потомъ на эти листки, — на мужиковъ, которые были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали баръ, а можетъ быть, и просто были хорошими мужиками, то какое-то странное, непонятное ему самому чувство овладѣло имъ. Каждая изъ записочекъ какъ-будто имѣла какой-то особенный характеръ, и чрезъ то, какъ будто-бы, самые мужики получали свой собственный характеръ. Мужики, принадлежавшіе Коробочки всѣ почти были съ придатками и прозвищами. Записка Плюшкина отличалась краткостію въ слогѣ; часто были выставлены только начальныя слова именъ и отчествъ, и потомъ двѣ точки. Реестръ Собакевича поражалъ необыкновенною полнотою и обстоятельностію: ни одно изъ качествъ мужика не было пропущено; объ одномъ было сказано: «Хорошій столяръ»; къ другому приписано было; «Смыслитъ и хмѣльнаго не беретъ». Означено было также обстоятельно, кто отецъ и кто мать, и какого оба были поведенія; у одного только какого-то Ѳедотова было написано: «Отецъ, неизвѣстно кто, а родился отъ дворовой дѣвки Капитолины, но хорошаго нрава и не воръ». Всѣ сіи подробности придавали какой-то особенный видъ свѣжести: казалось, какъ-будто мужики еще вчера были живы. Смотря долго на имена ихъ, онъ умилился духомъ и, вздохнувши, произнесъ: «Батюшки мои, сколько васъ здѣсь напичкано! что вы, сердечные мои, подѣлывали на вѣку своемъ? какъ перебивались?» И глаза его невольно остановились на одной фамиліи. Это былъ извѣстный Петръ Савельевъ, Неуважай-Корыто, принадлежавшій когда-то помѣщицѣ Коробочкѣ. Онъ опять не утерпѣлъ, чтобъ не сказать: «Эхъ, какой длинный! во всю строку разъѣхался! Мастеръ-ли ты былъ, или просто мужикъ, и какою смертью тебя прибрало, и въ кабакѣ-ли, или середи дороги переѣхалъ тебя соннаго неуклюжій обозъ?— Пробка Степанъ, плотникъ, трезвости примѣрной. - А, вотъ онъ, Степана Пробка, вотъ тотъ богатырь, что въ гвардію годился бы! чай, всѣ губерніи исходилъ съ топоромъ за поясомъ и сапогами на плечахъ, съѣдалъ на грошъ хлѣба, да на два сушеной рыбы, а въ мошнѣ, чай, притаскивалъ всякій разъ домой цѣлковиковъ по сту, а можетъ, и ассигнацію зашивалъ въ холстяные штаны, или затыкалъ въ сапогъ! Гдѣ тебя прибрало? Взмостился ли ты для большаго прибытку

на колокольню и, поскользнувшись оттуда съ перекладины, шлепнулся о земь, и только какой-нибудь стоявшій возлѣ тебя дядя Михей, почесавъ рукою въ затылкѣ, примолвилъ: «Эхъ, Ваня, угораздило тебя... «А самъ, подвязавшись веревкой, полѣзъ на твое мѣсто.—Максимъ Телятниковъ, сапожникъ. Хе, сапожникъ! Пьянъ, какъ сапожникъ, говоритъ пословица. Знаю, знаю тебя голубчикъ; если хочешь, всю исторію твою разскажу. Учился ты у Нѣмца, который кормилъ васъ всѣхъ вмѣстѣ, билъ ремнемъ по спинѣ за неаккуратность и выпускалъ на улицу повѣсничать, и былъ ты чудо, а не сапожникъ, и не нахвалился тобою Нѣмецъ, говоря съ женой, или съ камрадомъ; а какъ кончилось твое ученье: «А вотъ теперь я заведусь своимъ домкомъ», сказалъ ты: «да не такъ какъ Нѣмецъ, что изъ копѣйки тянется, а вдругъ разбогатѣю». И вотъ, давши барину порядочный оброкъ, завелъ ты лавчонку, набралъ заказовъ кучу, и пошелъ работать! Досталъ гдѣ-то въ три-дешева гнилушки кожи и выигралъ, точно, вдвое на всякомъ сапогѣ, да черезъ недѣли двѣ перелопались твои сапоги, и выбранили тебя подлѣйшимъ образомъ. И вотъ лавчонка твоя запустѣла, и ты пошелъ попивать да валяться по улицамъ, приговаривая. «Нѣтъ, плохо на свѣтѣ! нѣтъ житья Русскому человѣку: все Нѣмцы мѣшаютъ».—Это что за мужикъ: Елизавета Воробей? Фу, ты пропасть: баба!» Чичиковъ былъ правъ: это была точно баба. Какъ она забралась туда, неизвѣстно; такъ искусно была приписана, что издали можно было принять ее за мужика и даже имя оканчивалось на букву ъ, то есть, не Елизавета, а Елизаветъ. Однакожь онъ это не принялъ въ уваженье и тутъ же ее вычеркнулъ. «Григорій Доѣзжай — недоѣдешь! Ты что былъ за человѣкъ? Извозомъ-ли промышлялъ и, заведши тройку и рогожную кибитку, отрекся навѣки отъ дому, отъ родной берлоги, и пошелъ тащиться съ купцами на ярмарку? На дорогѣ-ли ты отдалъ душу Богу, или уходили тебя твои же пріятели за какую-нибудь толстую и краснощекую солдатку, или приглядѣлись лѣсному бродягѣ ременныя твои рукавицы и тройка приземистыхъ, но крѣпкихъ коньковъ, или, можетъ и самъ, лежа на полатяхъ, думалъ, думалъ, да ни съ того, ни съ другого заворотилъ въ кабакъ, а потомъ прямо въ прорубь, и поминай какъ звали? Эхъ, Русскій народецъ! не любитъ умирать своею смертью! А вы что, мои голубушки?» продолжалъ онъ, переводя глаза на бумажку, гдѣ были помѣчены бѣглыя души Плюшкина—«вы хоть и въ живыхъ еще, а что въ васъ толку! то же, что и мертвые! И гдѣ-то носятъ васъ теперь ваши быстрыя ноги? Плохо-ли вамъ было у Плюшкина, или просто, по своей охотѣ гуляете по лѣсамъ, да дерете проѣзжихъ? По тюрьмамъ-ли сидите, или пристали къ другимъ господамъ и пашете землю!—Еремей Карякинъ, Никита Волокита, сынъ его Антонъ Волокита... Эти и по прозвищу видно, что хорошіе бѣгуны. — Поповъ дворовый человѣкъ... Долженъ быть грамотѣй, ножа я чай, не взялъ въ руки, и проворовался благороднымъ образомъ. Но вотъ ужъ тебя безпашпортнаго поймалъ капитанъ-исправникъ. Ты стоишь бодро на очной ставкѣ. «Чей ты?» говоритъ капитанъ-исправникъ, ввернувши тебѣ при сей вѣрной оказіи кое-какое крѣпкое словцо. «Такого-то и такого-то помѣщика», отвѣчаешь ты бойко: «Зачѣмъ ты здѣсь? говоритъ капитанъ-исправникъ. «Отпущенъ на оброкъ», отвѣчаешь ты безъ запинки. «Гдѣ твой пашпортъ?» — «У хозяина, мѣщанина Пименова».—«Позвать Пименова! Ты Пименовъ?»—«Я Пименовъ». – «Давалъ онъ тебѣ пашпортъ свой?» – «Нѣтъ, не давалъ онъ мнѣ никакого пашпорта». – «Что жь ты врешь?» говоритъ капитанъ-исправникъ, съ прибавкою кое-какого крѣпкаго словца. «Такъ точно», отвѣчаешь ты бойко, «я не давалъ ему, потому, что пришелъ домой поздно, а отдалъ на подержаніе Антипу Прохорову звонарю.»—«Позвать звонаря»!—«Давалъ онъ тебѣ пашпортъ?»—«Нѣтъ, не получалъ я отъ него пашпорта». – «Онъ у меня былъ», говоришь ты проворно, «да статься можетъ, видно, какъ-нибудь дорогой пообронилъ его.»—«А солдатскую шинель, говоритъ капитанъ-исправникъ, загвоздивши тебѣ опять въ придачу кое-какое крѣпкое словцо, «зачѣмъ стащилъ? и у священника тоже сундукъ съ мѣдными деньгами?»—«Никакъ нѣтъ, «говоришь ты, не сдвинувшись, «въ воровскомъ дѣлѣ никогда еще не оказывался».—«А почему же шинель нашли у тебя?» — «Не могу знать! вѣрно, кто-нибудь другой принесъ ее.» — «Ахъ, ты бестія, бестія!» — говоритъ капитанъ-исправникъ, покачивая

головою и взявшись подъ бока.» А набейте ему на ноги колодки да сведите въ тюрьму.»— «Извольте! Я съ удовольствіемъ,» отвѣчаешь ты. И вотъ, вынувши изъ кармана табакерку, ты подчиваешь дружелюбно какихъ-то двухъ инвалидовъ, набивающихъ на тебя колодки, и распрашиваешь ихъ, давно ли они въ отставкѣ и въ какой войнѣ бывали. И вотъ ты себѣ живешь въ тюрьмѣ, покамѣсть въ судѣ производится твое дѣло. И пишетъ судъ: проводить тебя изъ Царево-Кокшайска въ тюрьму такого-то города; а тотъ судъ пишетъ опять: препроводить тебя въ какой-нибудь Весьегонскъ, и ты переѣзжаешь себѣ изъ тюрьмы въ тюрьму, и говоришь, осматривая новое обиталище:—«Нѣтъ, вотъ Весьегонская тюрьма будетъ почище; тамъ хоть и въ бабки, такъ есть мѣсто, да и общество больше. —«Абакумъ Ѳыровъ! ты, братъ что? гдѣ, въ какихъ мѣстахъ шатаешься? Занесло ли тебя на Волгу и взлюбилъ ты вольную жизнь, приставши къ бурлакамъ»... Тутъ Чичиковъ остановился и слегка задумался. Надъ чѣмъ задумался? Задумался ли онъ надъ участью Абакума Ѳырова, или задумался такъ, самъ собою, какъ задумывается всякій русскій, какихъ бы ни былъ лѣтъ, чина и состоянія, когда замыслитъ объ разгулѣ широкой жизни. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ теперь Ѳыровъ? Гуляетъ шумно и весело на хлѣбной пристани, — порядившись съ купцами. Цвѣты и ленты на шляпѣ, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь съ любовницами и женами, высокими, стойными, въ монистахъ и лентахъ; хороводы, пѣсни; кипитъ вся площадь... а носильщики между тѣмъ, при крикахъ, бранняхъ и понуканьяхъ, нацѣпляя крючкомъ по девяти пудовъ себѣ на спину, съ шумомъ сыплютъ горохъ и пшеницу въ глубокія суда, валятъ кули съ овсомъ и крупой, и далече виднѣются по всей площади кучи наваленныхъ въ пирамиду, какъ ядра, мѣшковъ, и громадно выглядываетъ весь хлѣбный арсеналъ, пока не перегрузится весь въ глубокія суда-суряки и не понесется гусемъ, вмѣстѣ съ весенними льдами, безконечный флотъ. Тамъ-то вы наработаетесь бурлаки! и дружно, какъ прежде гуляли и бѣсились, приметесь за трудъ и потъ, таща лямку подъ одну безконечную, какъ Русь, пѣсню.

(Окончаніе XI главы).

Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателямъ. Дамамъ онъ не понравится, это можно сказать утвердительно, ибо дамы требуютъ, чтобъ герой былъ рѣшительное совершенство, и если какое-нибудь душевное или тѣлесное пятнышко— тогда бѣда! Какъ глубоко ни загляни авторъ ему въ душу, хоть отрази чище зеркала его образъ, ему не дадутъ никакой цѣны: самая полнота и среднія лѣта Чичикова много повредятъ ему; полноты ни въ какомъ случаѣ непростятъ герою, и весьма многія дамы, отворотившись, скажутъ: «Фи! какой гадкой! Увы! все это извѣстно автору и при всемъ томъ онъ не можетъ взять въ герои добродѣтельнаго человѣка. Но... можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ... Но къ чему и зачѣмъ говорить о томъ, что впереди? Неприлично автору, будучи давно уже мужемъ, воспитанному суровой внутренной жизнью и свѣжительной трезвостью уединенія, забываться подобно юношѣ. Всему свой чередъ и мѣсто, и время. А добродѣтельный человѣкъ все-таки не взятъ въ герои. И можно даже сказать, почему не взятъ. Потому что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели и остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла, потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка, потому что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ, пора наконецъ припречь и плутоватаго. И такъ припряжемъ его, плутоватаго человѣка! Какъ произвелись первыя покупки, читатель уже видѣлъ; какъ пойдетъ дѣло далѣе, какія будутъ удачи и неудачи герою, какъ придется разрѣшить и преодолѣть ему болѣе трудныя препятствія, какъ предстанутъ колоссальные образы, какъ двигнутся сокровенные рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ея горизонтъ и вся

она приметъ величавое лирическое теченіе,— то увидимъ потомъ. Еще много пути предстоитъ совершить всему походному экипажу, состоящему изъ господина среднихъ лѣтъ, брички въ которой ѣздятъ холостяки, лакея Петрушки, кучера Селифана и тройки коней, уже извѣстныхъ поименно, отъ засѣдателя до подлеца чубараго. И такъ вотъ, весь на лицо герой нашъ, каковъ онъ есть! Но потребуютъ, можетъ быть, заключительнаго опредѣленія, одной чертою: кто же онъ относительно качествъ нравственныхъ? Что онъ не герой, исполненный совершенствъ и добродѣтелей, это видно. Кто же онъ? Стало быть подлецъ? Почему же подлецъ? Зачѣмъ же быть такъ строгу къ другимъ? Теперь у насъ подлецовъ не бываетъ: есть люди благонамѣренные, пріятные, а такихъ, которые бы на всеобщій позоръ выставили свою физіономію подъ публичную оплеуху, отыщется развѣ какихъ-нибудь два-три человѣка, да и тѣ уже говорятъ теперь о добродѣтели; справедливѣе всего назвать его *хозяинъ, пріобрѣтатель*. Пріобрѣтеніе — вина всего, изъ-за него произвелись дѣла, которымъ свѣтъ даетъ названіе не очень чистыхъ. Правда, въ такомъ характерѣ есть уже что-то отталкивающее, и тотъ же читатель, который на жизненной своей дорогѣ будетъ друженъ съ такимъ человѣкомъ, будетъ водить съ нимъ хлѣбъ-соль и проводить пріятно время, станетъ глядѣть на него косо, если онъ очутится героемъ драмы или поэмы.... Но не то тяжело, что будутъ недовольны героемъ; тяжело то, что живетъ въ душѣ неотразимая увѣренность, что тѣмъ же самымъ героемъ, тѣмъ же Чичиковымъ были бы довольны читатели. Не заглянй авторъ поближе ему въ душу, не шевельни на днѣ ея того, что ускользаетъ и прячется отъ свѣта, не обнаружь сокровеннѣйшихъ мыслей, которыхъ никому другому не ввѣряетъ человѣкъ, а покажи его такимъ, какимъ онъ показался всему городу, Манилову и другимъ людямъ, и всѣ были бы радешеньки, и приняли бы его за интереснаго человѣка. Нѣтъ нужды, что ни лицо, ни весь образъ его не метался бы какъ живой предъ глазами: за то, по окончаніи чтенія, душа не встревожена ничѣмъ, и можно обратиться вновь къ карточному столу, тѣшащему всю Россію. Да, мои добрые читатели, вамъ бы не хотѣлось видѣть обнаруженную человѣческую бѣдность. Зачѣмъ, говорите вы, къ чему это? Развѣ мы не знаемъ сами, что есть много презрѣннаго и глупаго въ жизни? И безъ того случается намъ часто видѣть то, что вовсе не утѣшительно. Лучше же представляйте намъ прекрасное, увлекательное, пусть лучше позабудемся мы. «Зачѣмъ, ты, братъ, говоришь мнѣ, что дѣла въ хозяйствѣ идутъ скверно? «говоритъ помѣщикъ прикащику: «я, братъ, это знаю безъ тебя», да у тебя рѣчей развѣ нѣтъ другихъ, что ли? Ты дай мнѣ позабыть это, не знать этого,—я тогда счастливъ». И вотъ тѣ деньги, которыя бы поправили сколько нибудь дѣло, идутъ на разныя средства для приведенія себя въ забвенье. Спитъ умъ, можетъ быть, обрѣтшій бы внезапный родникъ великихъ средствъ; а тамъ имѣніе бухъ съ аукціона! — и пошелъ помѣщикъ забываться по міру, съ душою, отъ крайности готовою на низости, которыхъ бы самъ ужаснулся.

Еще падетъ обвиненіе на автора со стороны такъ называемыхъ патріотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капитальцы, устроивая судьбу свою на счетъ другихъ; но какъ только случится что нибудь, по мнѣнью ихъ, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, въ которой скажется иногда горькая правда, они выбѣгутъ со всѣхъ угловъ, какъ пауки, увидѣвшіе, что запуталась въ паутину муха, и подымутъ вдругъ крики: «Да хорошо ли выводить это на свѣтъ, провозглашать объ этомъ? вѣдь оно все, что ни описано здѣсь, это все наше, — хорошо ли это? а что скажутъ иностранцы? Развѣ весело слышать дурное мнѣніе о себѣ? Думаютъ: развѣ это не больно? думаютъ: развѣ мы не патріоты?» На такія мудрыя замѣчанія, особенно на счетъ мнѣнія иностранцевъ, признаюсь, ничего нельзя прибрать въ отвѣтъ. А развѣ вотъ что. Жили въ одномъ отдаленномъ уголкѣ Россіи два обитателя. Одинъ былъ отецъ семейства, по имени Кифа Мокіевичъ, человѣкъ нрава кроткаго, проводившій жизнь халатнымъ образомъ. Семействомъ онъ не занимался; существованье его было обращено болѣе въ умозрительную сторону и занято слѣдующимъ, какъ онъ называлъ, философическимъ вопросомъ: «Вотъ, напримѣръ,» говорилъ онъ, ходя по комнатѣ—«звѣрь родится наги-

шомъ. Почему же именно нагишомъ? почему не такъ, какъ птицы? почему не вылупливается изъ яйца? какъ, право, того... совсѣмъ не поймешь натуры, какъ побольше въ нее углубишься!» Такъ мыслилъ Кифа Мокіевичъ. Но не въ этомъ еще главное дѣло. Другой обитатель былъ Мокій Кифовичъ, родной сынъ его. Былъ онъ то, что называютъ на Руси богатырь, и въ то время когда отецъ занимался рожденьемъ звѣря, двадцатилѣтняя натура его такъ и порывалась развернуться. Ни за что не умѣлъ онъ взяться слегка: все, или рука у кого нибудь затрещитъ, или волдырь вскочитъ на чьемъ нибудь носу.

Въ домѣ и въ сосѣдствѣ все — отъ дворовой дѣвки до дворовой собаки — бѣжало прочь; даже собственную кровать въ спальнѣ изломалъ онъ въ куски. Таковъ былъ Мокій Кифовичъ; а впрочемъ былъ онъ доброй души. Но не въ этомъ еще главное дѣло. А главное дѣло вотъ въ чемъ. «Помилуй, батюшка-баринъ Кифа Мокіевичъ» говорила отцу и своя, и чужая дворня: «что у тебя за Мокій Кифовичъ? Никому нѣтъ отъ него покоя, такой припертень!» — «Да, шаловливъ!» говорилъ обыкновенно на это отецъ; «да вѣдь какъ быть? Драться съ нимъ поздо, да и меня же всѣ обвинятъ въ жестокости; укори его при другомъ, третьемъ — онъ уймется, да вѣдь гласность-то, вотъ бѣда! городъ узнаетъ, назоветъ его совсѣмъ собакой. Что, право, думаютъ, мнѣ развѣ не больно? развѣ я не отецъ? Что занимаюсь философіей, да иной разъ нѣтъ времени, такъ ужъ я и не отецъ? Анъ вотъ нѣтъ же отецъ! отецъ, чортъ ихъ побери, отецъ! У меня Мокій Кифовичъ вотъ тутъ сидитъ, въ сердцѣ!» Тутъ Кифа Мокіевичъ билъ себя весьма сильно въ грудь кулакомъ и приходилъ въ совершенный азартъ. «Ужъ если онъ и останется собакой, такъ пусть не отъ меня объ этомъ узнаютъ, пусть не я выдамъ его!» И, показавъ такое отеческое чувство, онъ оставлялъ Мокія Кифовича продолжать богатырскіе свои подвиги, а самъ обращался вновь къ любимому предмету, задавъ себѣ вдругъ какой-нибудь подобный вопросъ: «Ну, а если бы слонъ родился въ яйцѣ, вѣдь скорлупа, чай, сильно бы толста была,—пушкой не прошибешь; нужно какое-нибудь новое огнестрѣльное орудіе выдумать». Такъ проводили жизнь два обитателя мирнаго уголка, которые нежданно, какъ изъ окошка, выглянули въ концѣ нашей поэмы, выглянули для того, чтобы отвѣчать скромно на обвиненье со стороны нѣкоторыхъ горячихъ патріотовъ, до времени покойно занимающихся какой-нибудь философіей, или приращеніями на-счетъ суммъ нѣжно любимаго ими отечества, думающихъ не о томъ, чтобы не дѣлать дурнаго, а о томъ, чтобы только не говорили, что они дѣлаютъ дурное. Но нѣтъ, не патріотизмъ и не первое чувство суть причины обвиненій; другое скрывается подъ ними. Къ чему таить слово? Кто же, какъ не авторъ, долженъ сказать святую правду? Вы боитесь глубоко устремленнаго взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокій взоръ, вы любите скользнуть по всему недумающими глазами. Вы посмѣетесь даже отъ души надъ Чичиковымъ; можетъ быть, даже похвалите автора—скажете: «Однакожь коечто онъ ловко подмѣтилъ, долженъ быть веселаго нрава человѣкъ!» И послѣ такихъ словъ, съ удвоившеюся гордостію, обратитесь къ себѣ, самодовольная улыбка покажется на лицѣ вашемъ, и вы прибавите: «А вѣдь должно согласиться, престранные и пресмѣшные бываютъ люди въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, да и подлецы притомъ немалые!» А кто изъ васъ, полный христіанскаго смиренья, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собой, углубитъ во внутрь собственной души сей тяжелый запросъ: «А нѣтъ-ли и во мнѣ какой-нибудь части Чичикова?» Да, какъ бы не такъ! А вотъ пройди въ это время, мимо него какой-нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ ни слишкомъ большой, ни слишкомъ малый,—онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: «Смотри, смотри: вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!» и потомъ какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ въ догонку, поддразнивая сзади и приговаривая: «Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!»

XLI.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ.—ДѢТСТВО И ОТРОЧЕСТВО ЕГО; УЧИТЕЛЯ И УЧЕНЬЕ.—ХАРАКТЕРЪ И НАПРАВЛЕНІЕ УМСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ БѢЛИНСКАГО.—УВЛЕЧЕНІЕ ФИЛОСОФСКИМИ ТЕОРІЯМИ И ТЕАТРОМЪ.—ТРИ ПЕРІОДА ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.—БѢЛИНСКІЙ, КАКЪ ИСТОЛКОВАТЕЛЬ ПУШКИНА, ЛЕРМОНТОВА И ГОГОЛЯ.

Въ біографіи Н. А. Полевого, мы уже имѣли случай замѣтить, что въ половинѣ 20-хъ годовъ, въ Москвѣ образовались философскіе кружки шеллингистовъ. Вліяніе этихъ кружковъ въ концѣ 20-хъ годовъ сдѣлалось ощутительно во всемъ направленіи умственнаго движенія современнаго общества. Съ одной стороны, философія Шеллинга учила, что такъ какъ каждое явленіе въ мірѣ есть тождественное выраженіе безусловной идеи, то каждый историческій народъ долженъ выражать въ своей цивилизаціи ту или другую идею, что только тотъ народъ и можетъ быть названъ историческимъ, который самобытенъ въ этомъ отношеніи и что значеніе народа въ ходѣ общечеловѣческой цивилизаціи опредѣляется этою самобытностью. Подобныя положенія Шеллингова ученія навели всѣхъ мыслящихъ людей на вопросы о значеніи русскаго народа въ средѣ другихъ европейскихъ народовъ, о его самобытности и объ отношеніяхъ развитія самобытности къ усвоенію западной цивилизаціи, подъ сильнымъ вліяніемъ которой находилось наше общество со временъ Петра. Всѣ эти вопросы, съ особенною силою поднявшіеся въ нашей литературѣ, въ концѣ 20-хъ и въ 30-е годы, повели къ окончательному распаденію мыслящаго общества на двѣ большія партіи—славянофиловъ и западниковъ. Партіи эти существовали и прежде; но прежде онѣ не шли далѣе вопросовъ о чистотѣ русскаго языка или сентиментальнаго умиленія передъ всѣмъ русскимъ или иностраннымъ; теперь же обѣ партіи получили теоретическую философскую основу въ своихъ ученіяхъ и въ тоже время занялись разрѣшеніемъ вопросовъ о судьбахъ русскаго народа.

Съ другой стороны философія Шеллинга выработала новые взгляды, относительно теоріи искусства и значенія литературы въ жизни народа. Послѣдовательнымъ выводомъ изъ ученія о народной самобытности, очевидно представлялось то положеніе, что если цивилизація каждаго народа должна быть самобытна, то тѣмъ болѣе самобытна должна быть и литература его; она должна выражать всецѣло духъ народа, ту идею, которую онъ носитъ въ себѣ и вырабатываетъ. Это положеніе вполнѣ согласуется и съ эстетическими воззрѣніями философіи Шеллинга. По ученію Шеллинга, каждое истинное поэтическое произведеніе есть образное выраженіе идеи; идея, силясь проявиться въ внѣшнемъ мірѣ, между прочими видами своего проявленія, проявляется и въ искусствѣ, сливаясь въ душѣ поэта съ тождественными ей формами. Какого же рода эта идея и въ какихъ формахъ можетъ она выразиться устами поэта? Очевидно, что поэтъ, дитя своего народа и вѣка, можетъ постигать безусловную идею только съ той ея стороны, съ какой она проявляется въ данномъ народѣ, въ данный моментъ и осуществлять ее въ тѣхъ формахъ, которыя окружаютъ поэта. Эти положенія натолкнули въ свою очередь шеллингистовъ на вопросы о значеніи и характерѣ русской литературы, о необходимости поставить ее на вполнѣ народную, самостоятельную почву. Шеллингисты усматривали, что русская литература, начиная съ возникновенія ея, съ Ломоносова и до Пушкина, была литературою подражательною, рабскимъ отголоскомъ западной литературы и нисколько не выражала собою духа русскаго народа; вслѣдствіе этого естественно, что въ кружкахъ шеллингистовъ развилась наклонность къ отрицанію самого существованія русской литературы.

Философія Шеллинга имѣла два различныхъ проводника въ общество: съ одной стороны—журналистику, съ другой—университеты (преимущественно московскій). Послѣ литературнаго сборника «Мнемозина», о изданіи котораго мы упоминали въ біографіи Полевого, первымъ періодическимъ жур-

наломъ, основаннымъ шеллингиетами для проведенія своихъ идей—былъ «Московскій Вѣстникъ» (1827—1830 гг.) Журналъ этотъ былъ основанъ по инициативѣ Веневитинова и въ первые годы издавался цѣлымъ кружкомъ, групировавшимся вокругъ Веневитинова, а послѣ смерти послѣдняго, поступилъ подъ исключительную редакцію М. П. Погодина.

Бѣлинскій.

дина. Въ 1831 году, явился подъ редакціею И. Кирѣевскаго журналъ «Европеецъ»; но на второй же книжкѣ былъ запрещенъ за статью И. Кирѣевскаго «XIX вѣкъ». Въ томъ же 1831 году, молодой профессоръ московскаго университета Н. И. Надеждинъ, началъ издавать «Телескопъ» съ приложеніемъ къ нему литературнаго листка «Молвы». Оба эти журнала просуществовали до 1836 года, въ которомъ были запрещены за извѣстное «Письмо Чаадаева». Наконецъ, послѣднимъ журналомъ, проводившимъ Шеллингову философію, былъ «Московскій Наблюдатель», издававшійся съ 1835 года Степановымъ, подъ редакціею Андросова и Шевырева. Но «Московскій Наблюдатель» только до 1838 года былъ органомъ шеллингистовъ; съ этого же года, онъ поступилъ подъ редакцію Бѣлинскаго и сдѣлался проводникомъ гегелевской философіи до своего прекращенія въ 1839 году. Въ московскомъ университетѣ первыми проповѣдниками шеллингова ученія были профессора М. Г. Павловъ и Н. И Надеждинъ, С. П. Шевыревъ и М. П. Погодинъ. Кромѣ Павлова, читавшаго курсъ физики и сельскаго хозяйства, всѣ остальные, упомянутые нами профессора принадлежали къ филологическому факультету. Естественно, что студенты этого факультета всего болѣе подчинялись вліянію шеллинговой философіи.

Подъ этимъ вліяніемъ воспитался и знаменитый русскій критикъ, стоявшій во главѣ умственнаго движенія въ 40-е годы, Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

В. Г. Бѣлинскій, былъ сынъ Чембарскаго уѣзднаго лекаря. Родился онъ въ 1811 году и дѣтство провелъ въ глуши уѣзднаго городишка, въ обществѣ провинціальныхъ чиновниковъ, въ средѣ мелкихъ сплетенъ, взяточничества и грязныхъ кутежей. Не много фактовъ имѣемъ мы о дѣтскихъ годахъ Бѣлинскаго, но и эти факты самаго невеселаго свойства. Бѣлинскій самъ говорилъ впослѣдствіи, что изъ своей семьи онъ не вынесъ ни одного отраднаго воспоминанія. Необразованный и грубый отецъ его, часто привязывался къ нему безъ всякаго повода, а подъ пьяную руку, случалось и билъ его, по чему попало.

Въ началѣ 20-хъ годовъ Бѣлинскій поступилъ въ Чембарское уѣздное училище. Объ этомъ періодѣ жизни Бѣлинскаго мы имѣемъ слѣдующее свидѣтельство покойнаго писателя Лажечникова, отрывокъ изъ записокъ котораго былъ напечатанъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1859 года:

«Въ 1823 году, ревизовалъ я чембарское училище. Новый домъ былъ тогда только что для него и построенъ. Во время дѣлаемаго мною экзамена, выступилъ передъ меня, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12, котораго наружность, съ перваго взгляда, привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ: худенькій и маленькій, онъ, между тѣмъ, на лицо, казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серьезно. Такимъ вообразилъ бы я себѣ ученаго доктора, между позднѣйшими нашими потомками, когда, по предсказанію науки, измельчаетъ родъ человѣческій. На всѣ дѣлаемые ему вопросы

онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностью, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу, (отчего я тутъ же назвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ большею частію своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, неположенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его.... Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ. Это меня пріятно изумило, а также и то, что штатный смотритель (Авр. Грековъ), не конфузился, что его ученикъ говоритъ не слово въ слово по учебной книжкѣ. Напротивъ, лице добраго и умнаго смотрителя сіяло радостью, какъ будто онъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ собственное свое. Я спросилъ его, кто этотъ мальчикъ. «Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ здѣшняго уѣзднаго штабъ-лекаря», сказалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ Бѣлинскаго въ лобъ, съ душевною теплотой привѣтствовалъ его, тутъ же потребовалъ изъ продажной библіотеки какую-то книжечку, на заглавномъ листкѣ которой подписалъ: Виссаріону Бѣлинскому, за прекрасные успѣхи въ ученіи (или что-то подобное), отъ такого-то, такому-то. Мальчикъ принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства. Какъ говорилъ смотритель, Бѣлинскій гулялъ часто одинъ, не былъ сообщителенъ съ товарищами по училищу, не вмѣшиваясь въ ихъ игры и находилъ особенное удовольствіе за книжками, которыя доставалъ, гдѣ только могъ».

Въ 1825 году, въ августѣ, 14 лѣтъ отъ роду, Бѣлинскій былъ переведенъ въ пензенскую гимназію, въ 4-й низшій классъ (гимназіи въ это время были 4-хъ-классныя и курсъ оканчивался 1-мъ классомъ). О гимназическихъ годахъ Бѣлинскаго, мы имѣемъ воспоминанія учителя естественной исторіи пензенской гимназіи М. М. П—ва, который былъ весьма близокъ съ Бѣлинскимъ.

«Въ гимназіи, по возрасту и возмужалости, онъ во всѣхъ классахъ, былъ старше многихъ сотоварищей», говоритъ П—въ; «наружность его мало измѣнилась впослѣдствіи: онъ и тогда былъ неуклюжъ, угловатъ въ движеніяхъ. Неправильныя черты лица его, между хорошенькими личиками другихъ дѣтей, казались суровыми и старыми. На ваканціи онъ ѣздилъ въ Чембаръ, но не помню, чтобы отецъ его пріѣзжалъ къ нему въ Пензу; не помню, чтобы кто-нибудь принималъ въ немъ участіе. Онъ, видимо, былъ безъ женскаго призора; носилъ платье кое-какое, иногда съ непочиненными прорѣхами; другой, на его мѣстѣ, смотрѣлъ бы жалкимъ, заброшеннымъ мальчикомъ, а у него взглядъ и поступки были смѣлые, какъ бы говорившіе, что онъ не нуждается ни въ чьей помощи, ни въ чьемъ покровительствѣ. Таковъ онъ былъ и послѣ, такимъ и пошелъ въ могилу».

Учился въ гимназіи Бѣлинскій плохо, но за то весь былъ преданъ чтенію, къ которому онъ, какъ мы видѣли, пристрастился еще въ уѣздномъ училищѣ. «Онъ бралъ у меня и журналы», говоритъ П—въ, «пересказывалъ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросъ за вопросомъ. Скоро я полюбилъ его. По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ, онъ былъ неравный мнѣ; но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ. Домашнія бесѣды наши продолжались и послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ высшіе классы гимназіи. Дома мы толковали о словесности; въ гимназіи, онъ, съ другими учениками, слушалъ у меня естественную исторію. Но въ казанскомъ университетѣ, я шелъ по филологическому факультету и русская словесность всегда была моей исключительною страстью. Можете представить себѣ, что иногда происходило въ классѣ естественной исторіи, гдѣ передъ страстнымъ, еще молодымъ въ то время, учителемъ, сидѣлъ такой же страстный къ словесности ученикъ. Разумѣется, начиналъ я съ зоологіи, ботаники или орикгогнозіи и старался держаться этого берега; не съ середины, а случалось и съ начала лекціи, отъ меня-ли, отъ Бѣлинскаго-ли, Богъ знаетъ, только естественныя науки превращались у насъ въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюфона—натуралиста я переходилъ къ Бюфону-писателю, отъ Гумбольдтовой географіи растеній, къ его «картинамъ природы», отъ нихъ—къ поэзіи

разныхъ странъ, потомъ... къ цѣлому міру— въ сочиненіяхъ Тацита и Шекспира, къ поэзіи— въ сочиненіяхъ Шиллера и Жуковскаго... Бывало, когда отправляюсь за городъ, во всю дорогу, пока не дойдемъ до засѣки, что позади городскаго гулянья, или до рощи, что за рѣкой Пензой, Бѣлинскій приставалъ ко мнѣ съ вопросами о Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодыя сердца. Тогда Бѣлинскій, по лѣтамъ своимъ, еще не могъ отрѣшиться отъ обаянія первыхъ пушкинскихъ поэмъ и мелкихъ стиховъ. Непривѣтно встрѣтилъ онъ сцену: «Келья въ Чудовомъ монастырѣ». Онъ и въ то время не скоро поддавался на чужое мнѣніе. Когда я объяснилъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возрастаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался или говорилъ: «дайте подумаю, дайте еще прочту». Если же въ чемъ онъ соглашался, то бывало, отвѣчалъ съ странною увѣренностью: «совершенно справедливо».

Между прочимъ, по словамъ П—ва, «Бѣлинскій читалъ съ жадностью тогдашніе журналы («Вѣстникъ Европы», «Телеграфъ», «Московскій Вѣстникъ» и проч.) и всасывалъ въ себя духъ Полевого и Надеждина».

Какъ всѣ впечатлительные и даровитые юноши, Бѣлинскій не замедлилъ, подъ обаяніемъ чтенія литературныхъ произведеній, перейти къ попыткамъ писать самому стихами и прозой. Будучи 15-ти лѣтъ, во 2-мъ классѣ гимназіи, онъ началъ писать стихи и повѣсти. Но уже въ 1830 году онъ смотрѣлъ на эти попытки критически, убѣдясь, что не рожденъ быть поэтомъ:

«Бывши во второмъ классѣ гимназіи», говоритъ онъ въ письмѣ къ своему бывшему наставнику, «я писалъ стихи и почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго; но времена измѣнились. Вы знаете, что въ жизни юноши всякій часъ важенъ: чему онъ вѣритъ вчера, надъ тѣмъ смѣется завтра. Я увидѣлъ, что не рожденъ быть стихотворцемъ и, не хотя идти на перекоръ природѣ, давно уже оставилъ писать стихи. Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ движенія необыкновенныя, душа часто бываетъ полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ умѣ рождаются мысли высокія, благородныя, хочу ихъ выразить стихами и не могу! Тщетно трудясь, съ досадою бросаю перо. Имѣю страстную любовь ко всему изящному, высокому, имѣю душу пылкую и, при всемъ томъ, не имѣю таланта выразить свои чувства и мысли легкими, гармоническими стихами. Риѳма мнѣ не дается и, не покоряясь, смѣется надъ моими усиліями; выраженія не укладываются въ стопы, и я нашелся принужденнымъ приняться за смиренную прозу... Есть довольно много начатаго и ничего оконченнаго и обработаннаго, даже такого, что-бы могло помѣститься не только въ «Альманахѣ», гдѣ собирается все отличное, но даже въ «Дѣтскомъ Журналѣ». Въ первый еще разъ, я съ горестью проклинаю свою неспособность писать стихами и лѣность писать прозою».

Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, кончилъ-ли курсъ Бѣлинскій съ атестатомъ или вышелъ изъ гимназіи до окончанія курса. Послѣднее однакоже можно предположить съ большею достовѣрностью, потому что въ архивахъ Пензенской гимназіи въ одной изъ вѣдомостей гимназіи показано въ генварѣ 1829 г., что за «нехожденіе въ классъ Бѣлинскій не рекомендуется», а въ февралѣ онъ вычеркнутъ изъ списковъ, гдѣ рукой директора помѣчено: «за нехожденіе въ классъ». Надо замѣтить, что Бѣлинскій, съ гимназическихъ лѣтъ и до смерти, вѣчно углубленный въ міръ идей и поэтическихъ образовъ, былъ крайне невнимателенъ къ устройству положенія въ свѣтѣ и внѣшней матеріальной сторонѣ жизни. Въ 1829 году онъ пріѣхалъ въ Москву, поступилъ при посредствѣ какихъ-то вліятельныхъ знакомыхъ въ московскій университетъ; но и въ университетѣ, какъ и въ гимназіи, онъ не особенно заботился о своихъ формальныхъ отношеніяхъ къ факультету, объ окончаніи курса и полученіи аттестата. По крайней мѣрѣ въ 1832 году онъ оставилъ университетъ, выйдя изъ 2-го курса съ аттестаціею «способностей слабыхъ и нерадивъ».

Но между тѣмъ университетъ не остался безъ вліянія и весьма сильнаго на развитіе даровитаго юноши. Мы уже говорили выше, что московскій университетъ и въ особенности филологическій факультетъ этого университета, были средоточіемъ пропаганды Шеллингова ученія. Подъ этимъ вліяніемъ въ началѣ 30-хъ годовъ образовался изъ

студентовъ филологическаго факультета особенный кружокъ, какія часто образуются въ университетахъ изъ товарищей — однокурсниковъ или же земляковъ. Это были молодые люди весьма талантливые, занимающіеся; большая часть изъ нихъ пріѣхала изъ провинцій, съ единственною цѣлію образованія. Изъ наиболѣе выдающихся членовъ кружка были К. Аксаковъ, С. Катковъ, Ключниковъ, Красовъ и др.: всѣ они впослѣдствіи пріобрѣли почетную извѣстность въ литературѣ. Къ этому кружку примкнулъ и Бѣлинскій. Во главѣ же этого кружка явился Н. В. Станкевичъ. Это былъ сынъ богатаго воронежскаго помѣщика. Болѣзненный, тихій по характеру, поэтъ и мечтатель, онъ могъ казаться своимъ друзьямъ поистинѣ существомъ не отъ міра сего, воздушнымъ, безтѣлеснымъ геніемъ, полнымъ тонкаго изящества и нѣжнаго чувства. Онъ оказывалъ неотразимое вліяніе на всю московскую передовую молодежь не столько силою воли или діалектики, сколько именно своимъ природнымъ чутьемъ всего изящнаго и гуманнаго, чутьемъ еще болѣе развитымъ философіею. Подъ его вліяніемъ, члены кружка развивались, читая «Телеграфъ» Полевого, «Телескопъ» Надеждина, слушали лекціи Надеждина, Павлова и прочихъ профессоровъ факультета, и уже въ университетѣ успѣли проникнуться духомъ философіи Шеллинга. По вечерамъ друзья собирались у Станкевича и тамъ молодые романтики вели задушевныя бесѣды о поэтическихъ произведеніяхъ, только что прочитанныхъ, о дружбѣ и любви, о встрѣчахъ съ неземными существами. Изъ русскихъ писателей они зачитывались Пушкинымъ, Жуковскимъ, впослѣдствіи Гоголемъ и Лермонтовымъ; изъ иностранныхъ, самыми любимыми — были Шекспиръ, Гёте, но въ особенности Шиллеръ и Гофманъ; при этомъ Станкевичъ, будучи образованнѣе всѣхъ своихъ сотоварищей и зная нѣмецкій языкъ, читалъ и переводилъ своимъ друзьямъ—въ томъ числѣ и Бѣлинскому — нѣмецкихъ поэтовъ, или же знакомилъ ихъ съ произведеніями этихъ поэтовъ, передавая имъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ чтенія. Подъ вліяніемъ чтенія Гофмана, въ особенности его повѣсти «Seltsame Leiden eines Theater-Directors» друзья до страсти полюбили театръ и онъ былъ единственнымъ развлеченіемъ въ ихъ скромной, исполненной умственнаго труда жизни. Они смотрѣли на театръ, какъ на святилище, сосредоточивающее въ себѣ всѣ искусства, питали къ нему религіозное обожаніе и входили въ него съ благоговѣніемъ. «Театръ! любите-ли вы театръ такъ какъ я люблю его»,—говоритъ Бѣлинскій въ первой статьѣ своей «Литературныя мечтанія»,—«то-есть всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго? Или, лучше сказать, можете-ли не любить театра больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины? И въ самомъ дѣлѣ, не сосредоточиваются-ли въ немъ всѣ чары, всѣ обаянія, всѣ обольщенія изящныхъ искусствъ? Не есть-ли онъ исключительно самовластный властелинъ нашихъ чувствъ, готовый во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ возбуждать и волновать ихъ, какъ воздымаетъ ураганъ песчаныя мятели въ безбрежныхъ степяхъ Аравіи?.. Какое изъ всѣхъ искусствъ владѣетъ такими могущественными средствами поражать душу впечатлѣніями и играть ею самовластно...» Этою страстью къ театру, возбужденною въ Бѣлинскомъ въ университетскія годы, мы обязаны тѣми характеристиками Бѣлинскаго ролей Мочалова, Каратыгина и проч., и театральными обозрѣніями, которыя онъ помѣщалъ впослѣдствіи время отъ времени въ журналахъ, въ которыхъ сотрудничалъ.

Въ 1832 году Бѣлинскій, какъ мы сказали, вышелъ изъ университета. Къ этому же году относится послѣдній опытъ его въ поэтическомъ творчествѣ: онъ написалъ драму, которая вышла блѣдна и безцвѣтна, и это окончательно убѣдило Бѣлинскаго, что онъ не рожденъ для поэтическаго творчества. По выходѣ изъ университета Бѣлинскій продолжалъ вращаться въ кружкѣ своихъ прежнихъ товарищей. Въ тоже время онъ терпѣлъ самую страшную нужду, перебиваясь кое-какъ уроками и случайными работами. Жилъ онъ между Петровкою и Трубою, въ какомъ-то переулкѣ надъ кузницею и возлѣ прачешной, въ ужасной обстановкѣ, сырости, смрадѣ и вони, ѣлъ, что придется, чѣмъ питаются самые бѣдные рабочіе. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ жизни онъ отнесъ въ «Телескопъ» Надеждина свою первую статью «Литературныя мечтанія», напеча-

которое проходитъ три ступени: Въ первой фазѣ развитія идея существуетъ — сама въ себѣ, въ безсознательномъ состояніи; потомъ она выходитъ изъ него, опредѣляется, разлагаясь на свои противорѣчія; наконецъ, въ третьей фазѣ заключается примиреніе этихъ противорѣчій въ разумѣ человѣка. Изъ этой системы вытекаютъ два положенія: 1) все, что дѣйствительно—то и разумно, такъ какъ оно есть проявленіе разумной идеи, и 2) высшая цѣль мыслящаго человѣка—объективно, безстрастно созерцать всѣ явленія жизни и всѣ ихъ противорѣчія сводить къ примиренію въ своемъ разумѣ. Такая теорія, какъ мы увидимъ сейчасъ, не замедлила отразиться въ эстетическихъ понятіяхъ Бѣлинскаго и его критикѣ.

Одновременно съ увлеченіемъ теоріею Гегеля произошла и внѣшняя перемѣна въ литературной дѣятельности Бѣлинскаго. Мы уже говорили, что въ Московскомъ Наблюдателѣ, издававшемся съ 1835 года Степановымъ, редакціею завѣдывалъ Шевыревъ. Но съ 1838 года Шевыревъ отказался отъ редакціи, и журналъ поступилъ въ завѣдываніе Бѣлинскаго и его друзей; и Бѣлинскій выступилъ въ немъ послѣ двухлѣтняго молчанія съ новымъ направленіемъ своей критики.

Этотъ періодъ дѣятельности Бѣлинскаго, съ 1838 по 1841 годъ, представляетъ самые печальные и менѣе всего плодотворные годы его литературнаго поприща. Правда онъ оказалъ и въ этотъ періодъ услугу русской литературѣ, познакомивши публику съ философіей Гегеля, но въ тоже время, усвоивши себѣ эту философію крайне одностороннимъ, книжнымъ, отвлеченнымъ образомъ, онъ внесъ и въ эстетическія понятія односторонность и исключительность. Такъ,—опираясь на то положеніе, что истинно-разумный человѣкъ долженъ безпристрастно и спокойно относиться ко всѣмъ невзгодамъ жизни, помня, что все дѣйствительное разумно, долженъ мирить въ своемъ разумѣ всѣ противорѣчія—Бѣлинскій началъ считать истинными художественными произведеніями только такія, въ которыхъ онъ видѣлъ объективное, олимпійское, спокойное созерцаніе жизни. Такимъ образомъ ему пришлось выкинуть изъ области поэзіи всю субъективную лирику, что онъ и сдѣлалъ. Послѣдовательный въ своихъ выводахъ до послѣдней крайности, онъ призналъ истинными поэтами только Шекспира, Гёте и Пушкина, въ послѣднемъ періодѣ его дѣятельности. Шиллера, Гейне онъ отвергъ безъ всякихъ церемоній: сатиру онъ выкинулъ совсѣмъ изъ области поэзіи. При всемъ томъ, онъ однакоже остался вѣрнымъ почитателемъ Гоголя; но для того, чтобы признавать произведенія Гоголя истинно поэтическими, не впадая въ противорѣчіе съ своими новыми эстетическими теоріями, ему пришлось съ немалыми натяжками доказывать, что произведенія Гоголя—исключительно объективныя и чуждыя всякой субъективности. Требуя, чтобы поэзія, безстрастно созерцая жизнь, существовала сама для себя, ни о чемъ болѣе не заботилась, какъ о художественности своихъ формъ, объявивши, что истинная поэзія есть поэзія формы, поэзія-же содержанія, какія-бы высокія идеи въ себѣ ни заключала, есть ублюдокъ поэзіи и краснорѣчія, Бѣлинскій выключилъ изъ области поэзіи и всѣ тѣ произведенія, въ которыхъ онъ видѣлъ увлеченіе со стороны поэтовъ живыми вопросами общественной жизни. Съ этой точки зрѣнія съ особенною злобою и ожесточеніемъ напалъ Бѣлинскій на современную французскую литературу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и на самую народность французскую. Теорія чистой поэзіи и опроверженіе теоріи сторонниковъ поэзіи, тѣсно связанной съ жизнью—систематически развиты Бѣлинскимъ въ статьѣ «Менцель, критикъ Гете». Эту статью ставятъ обыкновенно рядомъ съ другою статьею: «Очерки бородинскаго сраженія, соч. Ѳ. Глинки» Въ послѣдней статьѣ Бѣлинскій выходитъ изъ предѣловъ критики въ область публицистики, и подобно тому, какъ въ первой статьѣ онъ отрицаетъ вмѣшательство поэзіи въ общественные вопросы, такъ, въ послѣдней—онъ отвергаетъ всякое иное вмѣшательство въ общественные вопросы, всякій личный протестъ противъ стѣснительныхъ условій жизни и стремленія переработывать эти условія по какому-либо идеалу. Онъ проповѣдуетъ полную покорность передъ какими бы то ни было ужасными фактами жизни, такъ какъ все дѣйствительное — разумно и личная воля безсильна остановить ходъ развитія безусловной идеи, допускающей зло, ради своего самоопредѣленія. Эти обѣ статьи составляютъ послѣднюю степень увлеченія Бѣлинскаго философіею Гегеля; за ними слѣ-

дуетъ быстрый поворотъ и выходъ на свѣжій воздухъ изъ затхлаго міра книжной, отвлеченной схоластики. На обѣ эти статьи Бѣлинскій смотрѣлъ самъ впослѣдствіи съ негодованіемъ, сердясь и принимая напоминаніе о нихъ за желаніе оскорбить его.

«Московскій Наблюдатель», обстоятельства котораго были уже плохи при прежней редакціи, недолго просуществовалъ и при новой. Чуждый всякой энциклопедичности и разнообразія, философско-критическій, наполняемый постоянно сухими и скучными, философскими и эстетическими разсужденіями, извлеченіями изъ Гегеля и Ретшера, журналъ этотъ не могъ заинтересовать публику и привлечь много подписчиковъ. Въ 1839 году, онъ долженъ былъ прекратить свое существованіе на пятой книжкѣ. Положеніе Бѣлинскаго снова сдѣлалось бѣдственнымъ послѣ прекращенія «Наблюдателя»: снова остался онъ безъ куска хлѣба и работы. Къ этому присоединялось и тяжкое нравственное потрясеніе. Съ одной стороны — тяжело подѣйствовалъ на Бѣлинскаго неуспѣхъ «М. Наблюдателя», съ другой — вслѣдствіе своихъ теоретическихъ увлеченій онъ чувствовалъ разладъ и съ собою, и съ людьми. Его живая, страстная натура не могла вынести долгаго пребыванія въ отвлеченныхъ сферахъ объективнаго созерцанія и примиренія; ему съ каждымъ днемъ дѣлалось тоскливѣе и невыносимѣе въ туманныхъ облакахъ трансцендентальнаго мышленія. Въ то же время его ежедневно раздражали различныя порицанія и опроверженія его теорій со стороны людей, мнѣніями которыхъ онъ не могъ не дорожить. При такихъ обстоятельствахъ, какъ нельзя болѣе кстати, послѣдовало со стороны А. А. Краевскаго приглашеніе Бѣлинскому взять на себя отдѣлъ критики и библіографіи въ «Отечественныхъ Запискахъ», которыя были куплены А. А. Краевскимъ у Свиньина и обновились подъ новой редакціей въ 1839 году.

Съ радостью ухватился Бѣлинскій за это приглашеніе. Оно избавляло его отъ нужды, отъ долговъ и возрождало нравственно. Одно переселеніе въ Петербургъ уже исполнило Бѣлинскаго живой радости: «нѣтъ», сказалъ онъ однажды И. Панаеву, «мнѣ, во чтобы то ни стало, надобно вонъ изъ Москвы... Мнѣ эта жизнь надоѣла и Москва опротивѣла мнѣ...»

Петербургъ дѣйствительно повліялъ на Бѣлинскаго благотворно. Въ Петербургѣ не такъ удобно предаваться мечтамъ и отвлеченнымъ фантазіямъ, какъ въ Москвѣ. «Петербургъ оказываетъ на нѣкоторыя натуры отрезвляющее дѣйствіе», говоритъ Бѣлинскій въ своей статьѣ «Москва и Петербургъ»: сначала кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнію и рѣшительнымъ незнаніемъ дѣйствительности, и вы остаетесь, можетъ быть, съ тяжелою грустью, но въ этой грусти такъ много святаго, человѣческаго!»

Въ тоже время не мало подѣйствовали на Бѣлинскаго новыя встрѣчи и знакомства. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Съ 1839 года, со времени начала сотрудничества Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», начинается самый цвѣтущій и благотворный періодъ его дѣятельности. Правда, что умственный переворотъ, который совершился въ это время съ Бѣлинскимъ, произошелъ не вдругъ; въ 1839 и 1840 годахъ, Бѣлинскій печатаетъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» тѣ статьи, которыя были написаны имъ еще въ Москвѣ (Менцель, Бородинская годовщина), въ новыхъ статьяхъ повторяетъ все тѣже воззрѣнія; но, при всемъ томъ, въ этихъ новыхъ статьяхъ вы чувствуете уже приливъ новыхъ силъ, впечатлѣній и взглядовъ. Такъ къ этому времени относятся прекрасныя характеристики «Горя отъ ума», «Ревизора», и сочиненій Лермонтова. Въ этихъ статьяхъ Бѣлинскій уже не ограничивается однимъ проведеніемъ эстетическихъ теорій, но высказываетъ множество взглядовъ психическихъ и моральныхъ; дѣлается не только критикомъ, но и публицистомъ, анализирующимъ окружающую его дѣйствительность...

Въ статьяхъ 1841 года, все болѣе и болѣе выступаютъ на сцену новыя воззрѣнія, совершенно противуположныя московскимъ. Такъ напримѣръ, въ статьѣ «Русская литература 1840 г.» онъ отдаетъ уже справедли-

вость современнымъ французскимъ писателямъ и признаетъ за ними большое достоинство, именно за то участіе ихъ въ общественныхъ интересахъ, за которое онъ прежде ихъ порицалъ. Въ 1842 году, Бѣлинскій еще смѣлѣе становится на почву теоріи «искусства для жизни». «Свобода творчества» (говоритъ онъ въ разборѣ «Рѣчи о критикѣ» Никитенко) легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія отъ жизни». Рядомъ съ этимъ переворотомъ въ эстетическихъ взглядахъ, измѣнились и всѣ прочія убѣжденія Бѣлинскаго, нравственныя и общественныя: онъ сдѣлался приверженцемъ женскаго вопроса и сильно интересовался движеніемъ рабочихъ сословій на западѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніе его критическихъ статей значительно расширилось. Рядомъ съ критикомъ вы повсюду видите публициста, карающаго въ русскомъ обществѣ отсутствіе умственныхъ интересовъ, рутину, узкость мѣщанскаго эгоизма, самодовольное филистерство, патріархальную распущенность провинціальныхъ нравовъ, отсутствіе гуманности и азіатское звѣрство въ отношеніи къ низшимъ, рабство женщинъ и дѣтей подъ гнетомъ семейнаго деспотизма...

Въ тоже время не опускалъ Бѣлинскій изъ вида и развитія русской литературы. Онъ успѣлъ обратить вниманіе въ этотъ періодъ на всѣ ея явленія прошедшей и современной жизни и представить рядъ полныхъ и всестороннихъ характеристикъ. Такъ, въ 1841 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» былъ помѣщенъ имъ рядъ статей, обозрѣвающихъ русскую народную поэзію; эти статьи составляютъ цѣлый трактатъ въ 253 страницы, помѣщенный въ 5-мъ томѣ собранія его сочиненій. Весь 1844 годъ былъ Бѣлинскимъ посвященъ статьямъ по поводу сочиненій А. Пушкина; эти статьи составляютъ цѣлый томъ (8-й) въ собраніи его сочиненій и представляютъ полную критическую исторію русской литературы, начиная съ Ломоносова и кончая Пушкинымъ.

Въ этотъ періодъ окончательно утвердилось значеніе Бѣлинскаго въ литературѣ и обществѣ. Всѣ передовыя, юныя литературныя силы сгрупировались вокругъ него. Можно положительно сказать, что всѣ писатели послѣдующей эпохи, 50-хъ годовъ, гг. Тургеневъ, Гончаровъ, Н. Некрасовъ, Майковъ и проч., были воспитаны критикою Бѣлинскаго, ею возбуждены къ творческой дѣятельности и ей во многомъ обязаны своею извѣстностью. Въ тоже время идеи Бѣлинскаго воспитали цѣлое поколѣніе и подготовили то общественное движеніе 60-хъ годовъ, которое ознаменовалось столькими реформами.

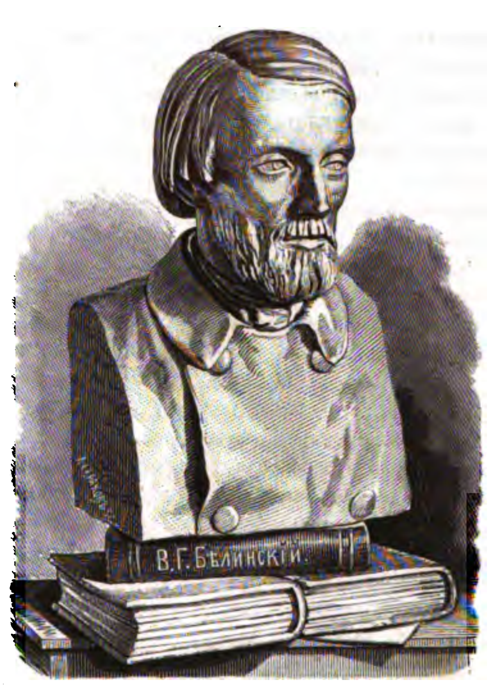
Въ 1846 году кончилось сотрудничество Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ». Разстроенное прежними невзгодами и усидчивою, срочною журнальною работою, здоровье его требовало отдыха и тщательнаго лѣченія. Онъ провелъ лѣто и осень на югѣ Россіи. По возвращеніи же въ Петербургъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, онъ былъ приглашенъ постояннымъ сотрудникомъ въ новый журналъ, «Современникъ», изданіе котораго предприняли Н. А. Некрасовъ и И. Панаевъ, собравъ вокругъ себя всѣ лучшія литературныя силы того времени.

Здѣсь Бѣлинскій выступилъ еще съ болѣе смѣлыми и реальными идеями, проповѣдникомъ поэзіи для жизни, поэзіи глубоко проникнутой общественными интересами и защитникомъ «натуральной школы», родоначальникомъ которой онъ считалъ Гоголя и въ которой привѣтствовалъ разумное и полезное низведеніе поэзіи изъ заоблачныхъ высей на землю, въ міръ обыденной дѣйствительности. Лучшею статьею его въ этомъ періодѣ, можно считать «Взглядъ на русскую литературу 1847 года», представляющую характеристики романовъ: Искандера «Кто виноватъ» и Гончарова «Обыкновенной исторіи».

Рядомъ съ проведеніемъ эстетическихъ теорій и критическими характеристиками не маловажное мѣсто занимаетъ впродолженіе всей литературной дѣятельности Бѣлинскаго—полемика. Страсть къ полемикѣ обнаружилась въ Бѣлинскомъ съ самаго перваго появленія его на литературномъ поприщѣ въ Москвѣ. При этомъ всю его полемиче-

скую дѣятельность можно раздѣлить на два періода—московскій и петербургскій. Сотрудничая въ московскихъ журналахъ, Бѣлинскій направлялъ свою полемику главнымъ образомъ противъ петербургскихъ журналистовъ 30-хъ годовъ. Вообще въ 30-е годы, все умственное движеніе сосредоточивалось въ Москвѣ, петербургская же литература представляла полное запустѣніе. Въ ней было отсутствіе всякихъ двигающихъ общество и руководящихъ идей; журналистика была или ничтожная, исполненная мелочной придирчивости, зависти, нелитературныхъ намековъ; (таковы были: «Сѣверная Пчела» и «Сынъ Отечества», издаваемыя Гречемъ и Булгаринымъ) или же это была журналистика, чисто - спекулятивная, гаерничавшая передъ публикою, возводившая на пьедесталъ литературныя посредственности всякаго рода, а къ такимъ писателямъ, какъ Лермонтовъ и Гоголь, относившаяся съ плоскими насмѣшками и шуточками. Такова была «Библіотека для Чтенія» съ Сенковскимъ во главѣ. Вотъ противъ этихъ-то журналовъ, желая уронить ихъ въ глазахъ публики и показать все ихъ ничтожество, направилъ Бѣлинскій цѣлый рядъ саркастическихъ полемикъ, въ которыхъ онъ отъ насмѣшливаго тона переходитъ иногда въ презрительный или исполненный патетическаго негодованія.

Во время петербургскаго періода, у Бѣлинскаго появились новые литературные враги, которыхъ не было прежде: это были теперь уже московскіе журналисты,—именно славянофилы, которые съ 1841 года сгруппировались вокругъ «Москвитянина». Къ славянофиламъ Бѣлинскій относился иногда съ большимъ ожесточеніемъ, но не питалъ къ нимъ такого негодованія и презрѣнія, какъ къ Гречу, Булгарину или Сенковскому. Онъ видѣлъ въ славянофилахъ людей заблуждавшихся, но во всякомъ случаѣ литературно и гражданственно - честныхъ и признавалъ даже относительную пользу этой партіи. «Но прежде всего», говоритъ онъ въ одной изъ своихъ статей:—«славянофильство какъ убѣжденіе, заслуживаетъ полнаго уваженія, даже и въ такомъ случаѣ, если съ нимъ вовсе не согласны. Много можно сказать въ пользу славянофильства, говоря о причинахъ, вызвавшихъ его явленіе; но разсмотрѣвъ его ближе, нельзя не увидѣть, что существованіе и важность этой литературной котеріи чисто-отрицательная, что она вызвана и живетъ не для себя, а для оправданія и утвержденія именно той идеи, на борьбу съ которою обрекла себя... Отрицательная сторона ученія славянофиловъ гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія, не въ томъ, что она говоритъ противъ гніющаго

Новѣйшій бюстъ Бѣлинскаго.

будто бы запада (запада славянофилы рѣшительно не понимаютъ, потому что мѣряютъ его на восточный аршинъ); но въ томъ, что они говорятъ противъ русскаго европеизма, и объ этомъ они говорятъ много дѣльнаго, съ чѣмъ нельзя не согласиться хотя на половину».

Сотрудничество Бѣлинскаго въ «Современникѣ» продолжалось не долго. Силы его были окончательно истощены чахоткою. Весною 1847 г., онъ отправился, по совѣту доктора и съ помощію друзей, за границу; заграничное лѣченіе на короткое время поправило его здоровье; но петербургскій климатъ, по возвращеніи Бѣлинскаго изъ-за границы, въ концѣ августа, не замедлилъ оказать свое дѣйствіе. Бѣлинскій умеръ 28-го мая. 1848 года, 38-ми лѣтъ. Тѣло его было погребено на Волковомъ кладбищѣ.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ БѢЛИНСКАГО.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПУШКИНА, КАКЪ ПОЭТА-ХУДОЖНИКА.

До Пушкина были у насъ поэты, но не было ни одного поэта-художника; Пушкинъ былъ первымъ русскимъ поэтомъ-художникомъ. Поэтому, даже самыя первыя, незрѣлыя, юношескія его произведенія, — каковы: «Русланъ и Людмила», «Братья разбойники,» «Кавказскій плѣнникъ;» и «Бахчисарайскій фонтанъ» — отмѣтили своимъ появленіемъ новую эпоху въ исторіи русской поэзіи. Всѣ, нетолько образованные, даже многіе просто грамотные люди, увидѣли въ нихъ не просто новыя поэтическія произведенія, но совершенно новую поэзію, которой они не знали на русскомъ языкѣ не только образца, но на которую они не видали никогда даже намека. И эти поэмы читались всею грамотною Россіею: онѣ ходили въ тетрадкахъ, переписывались дѣвушками, охотницами до стишковъ, учениками на школьныхъ скамейкахъ, украдкою отъ учителя, сидѣльцами за прилавками магазиновъ и лавокъ. И это дѣлалось не только въ столицахъ, но даже и въ уѣздныхъ захолустьяхъ. Тогда-то поняли, что различіе стиховъ отъ прозы заключается не въ риѳмахъ и размѣрѣ только, но что и стихи въ свою очередь, могутъ быть и поэтическіе, и прозаическіе. Это значило уразумѣть поэзію уже не какъ что-то внѣшнее, но въ ея внутренней сущности... Тайна пушкинскаго стиха была заключена не въ искусствѣ «сливать послушныя слова въ стройные размѣры и заключать ихъ звонкою риѳмой» — но въ тайнѣ поэзіи. Душѣ Пушкина присущна была прежде всего та поэзія, которая не въ книгахъ, а въ природѣ, въ жизни—присущно художество, печать котораго лежитъ на «полномъ твореніи славы.»

Какъ истинный художникъ, Пушкинъ не нуждался въ выборѣ поэтическихъ предметовъ для своихъ произведеній; но для него всѣ предметы были равно исполнены поэзіи. Его *Онѣгинъ*, напримѣръ, есть поэма современной дѣйствительной жизни не только со всею ея поэзіею, но и со всею ея прозою, несмотря на то, что она писана стихами. Тутъ и благодатная весна, и жаркое лѣто, и гнилая дождливая осень, и морозная зима; тутъ и столица, и деревня, и жизнь столичнаго денди и жизнь мирныхъ помѣщиковъ, ведущихъ между собою незанимательный разговоръ

О сѣнокосѣ, о винѣ
О псарнѣ, о своей роднѣ.

Пушкину не нужно было ѣздить въ Италію за картинами прекрасной природы: прекрасная природа была у него подъ рукою здѣсь на Руси, на ея плоскихъ и однообразныхъ степяхъ, подъ ея вѣчно-сѣрымъ небомъ, въ печальныхъ деревняхъ и ея богатыхъ и бѣдныхъ городахъ. Что для прежнихъ поэтовъ было низко, то для Пушкина было благородно; что для нихъ была проза, то для него была поэзія... Поэзія Пушкина удивительно вѣрна русской дѣйствительности, изображаетъ ли она русскую природу или русскіе характеры: онъ въ высшей степени обладалъ этимъ тактомъ дѣйствительности, который составляетъ одну изъ главныхъ сторонъ художника. Тотъ еще не художникъ, котораго поэзія трепещетъ и отвращается прозы жизни, кого могутъ вдохновлять только высокіе предметы. Для истиннаго художника — гдѣ жизнь, тамъ и поэзія. Талантъ Пушкина не былъ ограниченъ тѣсною сферою одного какого нибудь рода поэзіи: превосходный лирикъ, онъ уже готовъ былъ сдѣлаться превосходнымъ драматургомъ, какъ внезапная смерть остановила его развитіе. Эпическая поэзія тоже была свойственнымъ его таланту родомъ поэзіи. Въ послѣднее время своей жизни онъ все болѣе и болѣе наклонялся къ драмѣ и роману, и, по мѣрѣ того, отдалялся отъ лирической поэзіи. Равнымъ образомъ, онъ тогда часто забывалъ стихи для прозы. Это самый естественный ходъ развитія великаго поэтическаго таланта въ наше время. Лирическая поэзія, обнимающая собою міръ ощущеній и чувствъ, съ особенною силою кипящихъ въ молодой груди, становится тѣс-

ною для мысли возмужалаго человѣка. Тогда она дѣлается его отдыхомъ, его забавою между дѣломъ. Дѣйствительность современнаго намъ міра полнѣе, глубже и шире въ романахъ и драмѣ.

Пушкина нѣкогда сравнивали съ Байрономъ. Мы уже не разъ замѣчали, что это сравненіе болѣе чѣмъ ложно, ибо трудно найти двухъ поэтовъ, столь противуположныхъ по своей натурѣ, а слѣдовательно и по паѳосу своей поэзіи, какъ Байронъ и Пушкинъ. Мнимое сходство вышло изъ ошибочнаго понятія о личности Пушкина. Зная кипучую, разгульную, исполненную тревогъ и бѣдъ его юность, думали видѣть въ немъ духъ гордый, неукротимый, титаническій. Основываясь на какомъ-нибудь десяткѣ ходившихъ по рукамъ его стихотвореній, исполненныхъ громкихъ и смѣлыхъ, но тѣмъ не менѣе неосновательныхъ и поверхностныхъ фразъ, думали видѣть въ немъ поэтическаго Трибуна. Нельзя было болѣе ошибаться во мнѣніи о человѣкѣ! Въ 30 лѣтъ, Пушкинъ распрощался съ тревогами своей кипучей юности нетолько въ стихахъ, но и на дѣлѣ. Надъ *рукописными* своими стишками онъ потомъ самъ смѣялся. Но все это въ сторону: главное дѣло въ томъ, что натура Пушкина (и въ этомъ случаѣ самое вѣрное свидѣтельство есть его поэзія) была внутренняя, созерцательная, художническая. Пушкинъ незналъ муки и блаженства, какія бываютъ слѣдствіемъ страстно-дѣятельнаго (а нетолько созерцательнаго) увлеченія живою, могучею мыслію, въ жертву которой приносится и жизнь, и талантъ. Онъ не принадлежалъ исключительно ни къ какому ученію, ни къ какой доктринѣ; въ сферѣ своего поэтическаго міросозерцанія, онъ, какъ художникъ по преимуществу, былъ гражданинъ вселенной, и въ самой исторіи, такъ же, какъ и въ природѣ, видѣлъ только мотивы для своихъ поэтическихъ вдохновеній, матеріялы для своихъ творческихъ концепцій. Почему это было такъ, а не иначе, и къ достоинству или недостатку Пушкина должно это отнести? Если бы его натура была другая, и онъ шелъ по этому несвойственному ей пути, то, безъ сомнѣнія, это было-бы въ немъ больше, чѣмъ недостаткамъ; но какъ онъ въ этомъ отношеніи былъ только вѣренъ своей натурѣ, то за это его такъ же нельзя хвалить или порицать, какъ одного нельзя хвалить или порицать за то, что у него черные, а не русые волосы, и другаго за то, что у него русые, а не черные.

Лирическія произведенія Пушкина въ особенности подтверждаютъ нашу мысль о его личности. Чувство, лежащее въ ихъ основаніи, всегда такъ тихо и кротко, не смотря на его глубокость, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ человѣчно, *гуманно*! И оно всегда проявляется у него въ формѣ, столь-художнически-спокойной, столь граціозной! Что составляетъ содержаніе мелкихъ пьесъ Пушкина? Почти всегда любовь и дружба, какъ чувства, наиболѣе обладавшія поэтомъ и бывшія непосредственнымъ источникомъ счастія и горя всей его жизни. Онъ ничего неотрицаетъ, ничего не проклинаетъ, на все смотритъ съ любовью и благословеніемъ. Самая грусть его, несмотря на ея глубину, какъ-то необыкновенно-свѣтла и прозрачна; она умиряетъ муки души и цѣлитъ раны сердца. Общій колоритъ поэзіи Пушкина и въ особенности лирической — внутренняя красота человѣка и лелѣющая душу гуманность. Къ этому прибавимъ мы, что если всякое человѣческое чувство уже прекрасно по тому самому, что оно человѣческое (а не животное), то у Пушкина всякое чувство еще прекрасно, какъ *чувство изящное*. Мы здѣсь разумѣемъ не поэтическую форму, которая у Пушкина всегда въ высшей степени прекрасна; нѣтъ, каждое чувство, лежащее въ основаніи каждаго его стихотворенія, изящно, граціозно и виртуозно само по себѣ: это не просто чувство человѣка, но чувство человѣка-художника, человѣка-артиста. Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное во всякомъ чувствѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка, и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоего пола. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юнаго чувства. Поэзія его чужда всего фантастическаго, мечтательнаго, ложнаго, призрачно-идеальнаго; она вся проникнута насквозь дѣйствительностью, оно не кладетъ на лицо жизни бѣлилъ и румянъ, но показываетъ ее въ ея естественной, истинной красотѣ; въ поэзіи Пушкина есть небо, но имъ всегда

проникнута земля. Поэтому, поэзія Пушкина неопасна юношеству, какъ поэтическая ложь, разгорячающая воображеніе,—ложь, которая ставитъ человѣка во враждебныя отношенія съ дѣйствительностью, и заставляетъ безвременно и безплодно истощать свои силы на гибельную съ нею борьбу. И при всемъ этомъ кромѣ высокаго художественнаго достоинства формы — какое артистическое изящество человѣческаго чувства!

Взглядъ на поэзію Лермонтова.

Бросая общій взглядъ на стихотворенія Лермонтова, мы видимъ въ нихъ всѣ силы, всѣ элементы, изъ которыхъ слагается жизнь и поэзія. Въ этой глубокой натурѣ, въ этомъ мощномъ духѣ все живетъ; ему все доступно, все понятно, онъ на все откликается. Онъ всевластный обладатель царства явленій жизни, онъ воспроизводитъ ихъ, какъ истинный художникъ; онъ поэтъ русскій въ душѣ — въ немъ живетъ прошедшее и настоящее русской жизни; онъ глубоко знакомъ и съ внутреннимъ міромъ души. Несокрушимая сила и мощь духа, смиреніе жалобъ, елейное благоуханіе молитвы, пламенное, бурное одушевленіе, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордаго страданія, стоны отчаянія, таинственная нѣжность чувства, неукротимые порывы дерзкихъ желаній, цѣломудренная чистота, недуги современнаго общества, картины міровой жизни, хмѣльныя обаянія жизни, укоры совѣсти, умилительное раскаяніе, рыданія страсти и тихія слезы, «какъ звукъ за звукомъ» льющіяся въ полнотѣ умиреннаго бурею жизни сердца, упоеніе любви, трепетъ разлуки, радость свиданія, чувство матери, презрѣніе къ прозѣ жизни, безумная жажда восторговъ, полнота упивающагося роскошью бытія духа, пламенная вѣра, мука душевной пустоты, стонъ отвращающагося самого себя чувства, замершей жизни, ядъ-отрицанія, холодъ сомнѣнія, борьба полноты чувства съ разрушающею силою рефлексіи, падшій духъ неба, гордый демонъ и невинный младенецъ, буйная вакханка и чистая дѣва — все, все въ поэзіи Лермонтова: и небо, и земля, и рай и адъ... По глубинѣ мысли, роскоши поэтическихъ образовъ, увлекательной, неотразимой силѣ поэтическаго обаянія, полнотѣ жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненнымъ фонтаномъ, его созданія напоминаютъ собою созданія великихъ поэтовъ. Его поприще еще только начато и уже какъ много имъ сдѣлано, какое неистощимое богатство элементовъ обнаружено имъ: чего же должно ожидать отъ него въ будущемъ?... Пока еще не назовемъ мы его ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ, и не скажемъ, чтобъ изъ него современемъ вышелъ Байронъ, Гете или Пушкинъ, ибо мы убѣждены, что изъ него выйдетъ ни тотъ, ни другой, ни третій, а выйдетъ — Лермонтовъ... Знаемъ, что наши похвалы покажутся большинству публики преувеличенными; но мы уже обрекли себя тяжелой роли говорить рѣзко и опредѣленно то, чему сначала никто не вѣритъ, но въ чемъ скоро всѣ убѣждаются, забывая того, кто первый выговорилъ сознаніе общества и на кого оно за это смотрѣло съ насмѣшкою и неудовольствіемъ... Для толпы нѣмо и безмолвно свидѣтельство духа, которымъ запечатлѣны созданія вновь явившагося таланта: она составляетъ свое сужденіе не по самымъ этимъ созданіямъ, а по тому, что о нихъ говорятъ сперва люди почтенные, литераторы заслуженные, а потомъ, что говорятъ о нихъ всѣ. Даже восхищаясь произведеніями молодаго поэта, толпа косо смотритъ, когда его сравниваютъ съ именами, которыхъ значенія она не понимаетъ, но къ которымъ она прислушалась, которыхъ привыкла уважать на слово... Для толпы не существуютъ убѣжденія истины; она вѣритъ только авторитетамъ, а не собственному чувству и разуму—и хорошо дѣлаетъ... Чтобъ преклониться передъ поэтомъ, ей надо сперва прислушаться къ его имени, привыкнуть къ нему, и забыть множество ничтожныхъ именъ, которыя на минуту похищали ея безсмысленное удивленіе. Procul profani...

Какъ бы то ни было, но и въ толпѣ есть люди, которые высятся надъ нею: они поймутъ насъ. Они отличатъ Лермонтова отъ какого-нибудь фразера, который занимается стукотнею звучныхъ словъ и богатыхъ рифмъ, который вздумаетъ почитать себя представителемъ національнаго духа потому только,

что кричитъ о славѣ Россіи (нисколько ненуждающейся въ этомъ) и вандальски смѣется надъ издыхающею будто-бы Европою, дѣлая изъ героевъ ея исторіи что-то похожее на нѣмецкихъ студентовъ...

Мы увѣрены, что и наше сужденіе о Лермонтовѣ отличатъ отъ тѣхъ производствъ въ «лучшіе писатели нашего времени, надъ сочиненіями которыхъ (будто-бы) примирились всѣ вкусы и даже всѣ литературныя партіи», такихъ писателей, которые дѣйствительно обнаруживаютъ замѣчательное дарованіе, но лучшими могутъ казаться только для малаго кружка читателей того журнала, въ каждой книжкѣ котораго печатаютъ они по одной и даже по двѣ повѣсти... Мы увѣрены, что они поймутъ, какъ должно, и ропотъ стараго поколѣнія, которое, оставшись при вкусахъ и убѣжденіяхъ цвѣтущаго времени своей жизни, упорно принимаетъ неспособность свою сочувствовать новому и понимать его — за ничтожность всего новаго...

И мы видимъ уже начало истиннаго (не шуточнаго) примиренія всѣхъ вкусовъ, и всѣхъ литературныхъ партій надъ сочиненіями Лермонтова, — и уже не далеко то время, когда имя его въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ, и гармоническіе звуки его поэзіи будутъ слышны въ повседневномъ разговорѣ толпы, между толками ея о житейскихъ заботахъ...

XLIII.

А. В. КОЛЬЦОВЪ И СРЕДА, ИЗЪ КОТОРОЙ ОНЪ ВЫШЕЛЪ.—ВПЕЧАТЛѢНІЯ ЮНОСТИ.—СЕРЕБРЯНСКІЙ И СТАНКЕВИЧЪ.—ВЛІЯНІЕ КРУЖКА МОСКОВСКИХЪ ДРУЗЕЙ.—НЕДОВОЛЬСТВО ОКРУЖАЮЩИМИ И НЕУДАЧА ПРОПАГАНДЫ.—ЗНАЧЕНІЕ ПОЭЗІИ КОЛЬЦОВА.

Въ послѣднихъ главахъ нашей книги, говоря о дѣятельности Пушкина и его ближайшихъ современниковъ, мы не разъ указывали на то, что русская литература только со времени Пушкина вступила въ сознательный періодъ своего развитія и твердою ногою стала на почвѣ нашей исторіи и народности. Пушкинскій періодъ важенъ для насъ, впрочемъ, не только съ одной этой стороны: онъ едва-ли не еще болѣе важенъ тѣмъ, что способствовалъ окончательному сближенію литературы съ жизнью и ея интересами... Можетъ быть именно этимъ сближеніемъ и слѣдуетъ объяснить то, что со временъ Пушкина любовь къ чтенію и литературѣ проникла въ самые отдаленные уголки Россіи, въ которыхъ прежде никто не заботился о поэзіи, никто со страстью не предавался чтенію. Важнымъ признакомъ времени слѣдуетъ въ этомъ періодѣ считать и то, что литература, начиная съ 20-хъ г., положительно перестаетъ быть исключительно-дворянскимъ занятіемъ, тѣсно связаннымъ съ преданіями и предразсудками сословія или замкнутаго кружка, стоящимъ въ прямой зависимости отъ покровительства двора или частнаго меценатства... Литература начинаетъ болѣе и болѣе пріобрѣтать значеніе серьезнаго дѣла, насущной потребности, живой, движущей общественной силы, постепенно удаляясь отъ той формы *служенія музамъ и отечеству*, въ которой она такъ часто проявлялась до Пушкина. Нельзя не замѣтить того, что вліяніе литературы начинаетъ проникать очень глубоко въ массу: изъ нижнихъ слоевъ народа начинаютъ выступать на литературное поприще талантливые литераторы, блестящіе журналисты, серьезные критики и замѣчательные поэты. И благодаря такому расширенію литературной среды, благодаря тому, что она постоянно пополняется свѣжимъ притокомъ силъ изъ всѣхъ слоевъ общества, литература 30-хъ годовъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія общественной жизни нашей, стѣснявшія ея развитіе, все же достигаетъ важнаго значенія въ обществѣ и становится однимъ изъ наиболѣе сильныхъ цивилизующихъ началъ, способствующимъ у насъ распространенію гуманныхъ воззрѣній и воспитывающимъ поколѣнія. Такое распространеніе значенія литературы въ глубь и въ ширь, такое сближеніе литературы съ жизнью, много способствуетъ и пополненію

того глубокаго разрыва, который изстари существовалъ между нашимъ высшимъ, образованнымъ слоемъ общества, чуждавшимся русской жизни, русскаго языка и русскихъ интересовъ, и между низшими слоями общества, глубоко погрязнувшими въ невѣжествѣ и апатіи. Живымъ доказательствомъ того, что этотъ разрывъ начиналъ, въ теченіи 30-хъ годовъ, становиться менѣе чувствительнымъ, служитъ конечно появленіе въ нашей литературѣ такого поэта, какъ Кольцовъ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился въ Воронежѣ (въ 1809 г., ум. въ 1842 г.). Онъ былъ сынъ воронежскаго мѣщанина, обладавшаго весьма значительнымъ достаткомъ. Нельзя незамѣтить здѣсь, что въ воронежскомъ быту слова *купецъ* и *мѣщанинъ* имѣютъ свое, особое значеніе: *купцами* называютъ тѣ лица торговаго сословія, которыя извѣстны въ городѣ обширностію своихъ оборотовъ, кредита и капитала; *мѣщанами* — всѣхъ мелкихъ и небогатыхъ торговцевъ, причемъ не обращается никакого вниманія на гильдейскія повинности, такъ какъ ихъ, для пріобрѣтенья полноправности, платятъ иногда люди и ничѣмъ не торгующія. Но, по свидѣтельству новѣйшаго біографа, [1]) фамилія *Кольцовыхъ* именно принадлежала не къ *мѣщанскимъ*, а къ богатымъ купеческимъ, и домъ Кольцовыхъ на главной, Дворянской улицѣ города Воронежа до сихъ поръ принадлежитъ къ числу лучшихъ городскихъ зданій. Съ самого дѣтства, противуположно господствовавшему до сихъ поръ мнѣнію, Кольцовъ положительно не зналъ нужды ни въ чемъ, а если его и окружала грязь, то ужъ ни какъ не «грязь голоднаго бѣдняка, а та, которая толстымъ слоемъ залегаетъ по пути всякого дикаго и невѣжественнаго быта.» А таковъ именно и былъ тотъ бытъ, который окружалъ Кольцова съ самаго дѣтства. Объ этомъ бытѣ лучше всего можно судить потому, что Кольцовъ, выученный грамотѣ подъ руководствомъ одного изъ воронежскихъ семинаристовъ, опредѣленъ былъ въ уѣздное училище всего только на четыре мѣсяца, послѣ чего образованіе его считалось уже законченнымъ, потому что свѣдѣнья его совершенно равнялись свѣдѣньямъ окружавшихъ его людей, а большаго знанія для веденія торговыхъ дѣлъ не требовалось.

Полуграмотный Кольцовъ пристрастился къ чтенію, и весьма естественно полюбилъ въ этомъ чтеніи именно то, что болѣе всего было доступно его пониманію — лубочныя сказки о Бовѣ, о Еруланѣ Лазаревичѣ, а потомъ и «Тысяча и одна ночь», которыя отыскались въ книжномъ запасѣ одного изъ

Кольцовъ.

его сверстниковъ. Изъ того же запаса онъ успѣлъ ознакомиться, нѣсколько позже, и съ романическими произведеніями Дюкре-дю-Мениля и Августа Лафонтена и даже съ тяжеловѣсными произведеніями Хераскова. Кольцову было лѣтъ 16, когда ему попались въ руки сочиненія Дмитріева, которыя и подѣйствовали на него настолько сильно, что онъ почувствовалъ въ себѣ неопреодолимое желаніе подражать имъ, и самъ захотѣлъ *складывать пѣсни*: — онъ еще не понималъ тогда различія между стихами и народной пѣсней, и даже не читалъ стихи, а *пѣлъ* ихъ. Первымъ руководителемъ Кольцова въ дѣлѣ стихотворства былъ воронежскій книгопродавецъ *Дмитрій Антоновичъ*

[1]) М. Де-Пуле. См. въ *Воронежской Бесѣдѣ* на 1861 г., статью: «А. В. Кольцовъ», стр. 404.

Кашкинъ, который раньше всѣхъ замѣтилъ въ юношѣ Кольцовѣ поэтическія наклонности и, стараясь даже до нѣкоторой степени направить его въ этомъ дѣлѣ, указать ему настоящій путь, онъ подарилъ ему «Русскую Просодію», изданную для воспитанниковъ университетскаго Благороднаго пансіона; онъ же давалъ ему и книги изъ своей лавки, указывая на основаніи личнаго знакомства съ литературой то, что могло заинтересовать молодаго человѣка, и что было доступно его пониманію. Такъ черезъ Кашкина, Кольцовъ ознакомился съ сочиненіями Жуковскаго, Пушкина, Дельвига и другихъ современныхъ поэтовъ. Но гораздо сильнѣе было вліяніе, оказанное на юношу Кольцова другомъ его, *Серебрянскимъ*, воспитанникомъ воронежской семинаріи. Еще недавно отыскано было нѣсколько тетрадей, исписанныхъ первыми опытами Кольцова, въ перемежку съ цѣлымъ рядомъ стихотвореній Серебрянскаго, положительно указывающихъ на то, что другъ Кольцова, воспользовавшійся благами правильнаго, хотя и не обширнаго образованія, далеко превосходилъ Алексѣя Васильевича въ стихотворствѣ: стихъ его, по времени, оказывается довольно хорошимъ, а метръ даже и весьма разнообразнымъ. Бѣлинскій имѣлъ полное право сказать, что «дружескія бесѣды съ Серебрянскимъ были для Кольцова истинною школою развитія во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ эстетическомъ». Но не одно только чтеніе и дружба съ Серебрянскимъ способствовали развитію въ Кольцовѣ страсти къ стихотворству:—этому много способствовало, по замѣчанію новѣйшаго біографа, и самое время, самые тѣ двадцатые годы, въ теченіе которыхъ страсть къ стихотворству, овладѣвшая съ конца прошлаго вѣка всѣмъ нашимъ грамотнымъ людомъ, перешла и въ провинцію. Какъ бы смѣшна ни казалась намъ эта общая страсть къ стихамъ, при которой каждый, кто былъ въ состояніи написать хоть нѣсколько стиховъ, считалъ уже себя поэтомъ, однакоже нельзя отрицать того, что эта страсть являлась однимъ изъ необходимыхъ, историческихъ фазисовъ развитія для большей части нашего общества; мы теперь, конечно, можемъ смѣяться надъ этой *стихоманіей*, но не можемъ и не станемъ смѣяться надъ тѣмъ уваженіемъ къ поэзіи, къ образованію, которыя тѣсно были связаны съ стихоманіей, не станемъ отрицать и того, что связанное съ нею же уваженіе къ чувству, къ женщинѣ, къ мягкимъ, *человѣческимъ* отношеніямъ—все это должно было приносить извѣстную долю пользы. Для многихъ эта страсть къ стихамъ, какъ и для Кольцова, напримѣръ, являлась единственнымъ доступнымъ путемъ къ нравственному развитію, единственнымъ способомъ къ тому, чтобы возвыситься надъ окружавшею ихъ грязною дѣйствительностью и надъ той грубой, невѣжественной средой, къ которой онѣ сами принадлежали [1]).

И долго не удавалось Кольцову поладить со стихомъ; долго не могъ онъ, не смотря даже и на помощь друзей своихъ, добиться возможности облекать свою мысль хотя бы и въ сносную стихотворную форму. Онъ чувствовалъ въ себѣ и дѣйствительный поэтическій жаръ, и глубоко сочувствовалъ окружавшей его роскошной, степной природѣ, съ которою онъ былъ знакомъ съ дѣтства—а стихъ не давался ему, и, даже еще въ 1829 году, однимъ изъ лучшихъ въ числѣ его произведеній явилось, напримѣръ, слѣдующее, въ которомъ онъ такъ выражаетъ свои сѣтованья на судьбу:

Скучно и не радостно
Я провелъ вѣкъ юности:
Жилъ въ степи съ коровами,
Грусть въ лугахъ разгуливалъ,
По полямъ съ лошадкою
Одинъ горе мыкивалъ,
Дикаремъ-степнякою;
Домой въ городъ ѣзживалъ,
За дѣлами крайними,
Чаще жъ за отцовскими
Мудрыми совѣтами;
И въ такихъ занятіяхъ
Двадцать лѣтъ ударило.
Но клянусь вамъ совѣстью,
Я еще не зналъ любви.
Въ городахъ всѣ дѣвушки
Какъ-то мнѣ не нравились;
Въ слободахъ-селеніяхъ
Всѣми брезгалъ-гребовалъ и т. д.

[1]) См. въ той же статьѣ *де-Пуле*, стр. 409—412.

Этотъ небольшой отрывочекъ одного изъ юношескихъ стихотвореній Кольцова важенъ для насъ по тѣмъ біографическимъ подробностямъ, которыя въ немъ заключаются. Изъ него узнаемъ мы, что большая часть юности Кольцовымъ проведена была въ степи, гдѣ онъ помогалъ отцу своему въ его торговыхъ занятіяхъ (отецъ Кольцова занимался гуртами для доставки сала на салотопенные заводы). «Онъ былъ сынъ степи» — говоритъ Бѣлинскій — «степь воспитала его и взлелѣяла». Съ другой стороны тоже самое стихотвореніе указываетъ еще и на рано-установившіяся непріязненныя отношенія между юношей Кольцовымъ и его отцомъ; нельзя не видѣть нѣкотораго сарказма въ намекѣ его на то, что онъ ѣздилъ изъ степи въ городъ «за отцовскими мудрыми совѣтами». Видно, что уже и въ 1829 году Кольцовъ чувствовалъ себя въ нѣкоторомъ разладѣ съ окружавшею его средою, и какъ будто сознавалъ себя выше ея и выше тѣхъ интересовъ, которымъ она была исключительно предана. Наконецъ важенъ еще и третій намекъ юношескаго стихотворенія: важно для біографа то, что Кольцовъ, по его собственному, совершенно-чистосердечному сознанію, «не зналъ любви до 20-ти лѣтъ». Этимъ фактомъ совершенно объясняется намъ то важное обстоятельство въ жизни Кольцова, которое послужило какъ бы послѣднимъ толчкомъ, пробудившимъ его къ поэзіи, побудившимъ его отыскать наконецъ и такіе звуки, и такую форму, въ которыхъ онъ уже могъ совершенно свободно выражать свои чувства, свою поэтическую душу.

Въ семейство Кольцова вошла молодая дѣвушка, въ качествѣ служанки, и Кольцовъ полюбилъ ее со всею силою первой любви, со всѣмъ жаромъ молодаго, еще не растраченнаго чувства. Бѣлинскій замѣчаетъ, что отношенія Кольцова къ этой молодой дѣвушкѣ вовсе «не были шалостью, не были и выраженіемъ безотчетнаго чувства, впервые пробудившеюся потребностью молодой кипящей крови. Нѣтъ, это была страсть глубокая и сильная, вліяніе которой Кольцовъ чувствовалъ всю жизнь свою. Онъ не только любилъ, онъ уважалъ, свято чтилъ предметъ своей любви,.... но эта связь, составлявшая жизнь и блаженство молодаго поэта, не нравилась другимъ. Надо было разорвать ее во что бы то ни стало. Для этого воспользовались отсутствіемъ Кольцова въ степь, — и когда онъ воротился домой, то уже не засталъ *ея* тамъ... Это несчастіе такъ жестоко поразило его, что онъ схватилъ сильную горячку. Оправившись отъ болѣзни, онъ бросился какъ безумный въ степь, развѣдывать о несчастной. Сколько могъ далеко ѣздилъ самъ, еще дальше посылалъ преданныхъ ему за деньги людей. Не знаемъ, долго-ли продолжались эти розыски; только результатомъ ихъ было извѣстіе, что несчастная жертва расчета, попавшись въ донскія степи, въ казачью станицу, скоро зачахла и умерла въ тоскѣ разлуки и въ мукахъ жестокаго обращенія»...

«Эта любовь» — замѣчаетъ Бѣлинскій (близко знавшій Кольцова и отъ него слышавшій объ этомъ эпизодѣ) — «и въ счастливую пору, и въ годину несчастія, сильно подѣйствовала на развитіе поэтическаго таланта Кольцова». Его стихотворные опыты обратились вдругъ въ горячія пѣсни любви и ненависти, въ унылыя, задушевныя выраженія тоски и горя, въ полные и звучные отзывы на впечатлѣнія окружавшаго его міра. И въ этотъ-то важный періодъ его поэтическаго развитія судьба свела его съ человѣкомъ, который послужилъ для него живымъ звѣномъ, связавшимъ его съ современною нашею литературною жизнью. Это былъ Н. В. Станкевичъ, о которомъ мы уже упоминали въ біографіи Бѣлинскаго. Станкевичъ, сынъ воронежскаго помѣщика, бывшій въ то время въ московскомъ университетѣ, пріѣзжалъ на время каникулъ въ деревню отца, а оттуда заглядывалъ иногда и въ Воронежъ. Слухъ о талантѣ Кольцова дошелъ до Станкевича, который познакомился съ Кольцовымъ, прочелъ его стихотворные опыты и одобрилъ многое. Года два спустя, Станкевичъ встрѣтился съ Кольцовымъ въ Москвѣ, куда тотъ отправился (въ 1831-мъ году) по дѣламъ и порученію отца своего. Тутъ завелъ онъ черезъ Станкевича и нѣкоторыя знакомства, «въ послѣдствіи довольно важныя для него», по замѣчанію Бѣлинскаго, который и самъ съ нимъ въ это время познакомился, хотя собственно говоря, коротко сблизились они позже, а именно въ 1836 году, послѣ того, какъ въ 1835 уже вышла маленькая книжка стихотвореній Кольцова, изданная по предложенію Станкевича и на

его счетъ. Хотя въ этой книжкѣ и заключалось всего 18 пьесъ, избранныхъ Станкевичемъ изъ всего, написаннаго Кольцовымъ до 1835 года, однако же и по этому немногому уже можно было судить о томъ, что Кольцовъ обладаетъ вполнѣ самороднымъ и дѣйствительно-замѣчательнымъ поэтическимъ даромъ.

1836 годъ Бѣлинскій называетъ эпохою въ жизни Кольцова, потому что онъ въ этомъ году успѣлъ побывать въ обѣихъ нашихъ столицахъ, прожить тамъ довольно долго, посмотрѣть полную, лучшую жизнь и перезнакомиться съ различными литературными кружками, съ множествомъ новыхъ лицъ, начиная отъ Пушкина, Жуковскаго и князя Вяземскаго, и оканчивая журналистами и литераторами средней руки. Новѣйшій біографъ Кольцова прибавляетъ къ этому совершенно справедливо, что періодъ времени между 1836—1838 г., былъ вдвойнѣ замѣчателенъ въ жизни Алексѣя Васильевича: «съ одной стороны литературная извѣстность, доставившая ему и славу, и почитателей въ родномъ городѣ; съ другой, къ концу періода, начало крутаго перелома въ его жизни, слѣдствіемъ котораго было отчужденіе отъ окружавшаго его общества».

Въ началѣ, онъ только чувствовалъ въ себѣ какую-то перемѣну, въ которой не могъ дать себѣ полнаго и яснаго отчета; ему казалось, что у него силъ какъ будто прибыло; онъ чувствовалъ себя выше всѣхъ окружавшихъ его, и, взглянувъ на иную жизнь, задавшись иными цѣлями, воображалъ себѣ, что и этихъ цѣлей ему будетъ очень легко достигнуть, и даже окружающихъ не трудно будетъ передѣлать на новый ладъ. Мы видимъ изъ писемъ его, что, напримѣръ, въ 1836 г., вскорѣ послѣ возвращенія изъ Петербурга и Москвы, Кольцовъ, заправляющій въ отсутствіи отца всѣми дѣлами, проводитъ время среди самыхъ разнообразныхъ занятій—и не тяготится ими: «Батинька два мѣсяца въ Москвѣ, продаетъ быковъ, дóма я одинъ, дѣлъ много. Покупаю свиней, становлю на зимній заводъ на барду; въ рощѣ рублю дрова; осенью пахалъ землю; на скорую руку ѣзжу въ села; дóма по дѣламъ хлопочу съ зари до полночи».

«На душѣ тепло, покойно»,—пишетъ онъ, около того же времени, къ другому пріятелю. «Хорошее лѣто, славная погода, синее небо, свѣтлый день, вечерняя тишь—все прекрасно, чудесно, очаровательно,—и я жизнію живу и тону всею душею въ удовольствіяхъ нашего лѣта»... «Степь опять очаровала меня; я чортъ знаетъ до какого забвенія любовался ею. Какъ она хороша показалась, и я съ восторгомъ пѣлъ: *Пора Любви* — она къ ней идетъ. Только это чувство было другаго совсѣмъ рода; послѣ мнѣ стало на ней скучно. Она хороша на минуту, и то не одному, а самъ-другъ, и то не на долго. Къ ней пріѣхалъ погостить—и въ городъ, въ столицу, въ кипятокъ жизни, въ борьбу страстей! А то она сама по себѣ слишкомъ однообразна и молчалива!»... «Благодарю васъ, благодарю вмѣстѣ и всѣхъ вашихъ друзей. Вы и они много для меня сдѣлали, о, слишкомъ много, много! Эти послѣдніе два мѣсяца стоили для меня пяти лѣтъ воронежской жизни. Я теперь гляжу на себя, и не узнаю. Словесностью занимаюсь мало, читаю немного — некогда; въ головѣ дрянь такая набита, что хочется плюнуть; матеріализмъ дрянной, гадкій, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый. Плавай голубчикъ во всякой водѣ, гдѣ велятъ дѣла житейскія; ныряй и въ тинѣ, когда надобно нырять; гнись въ дугу и стой прямо въ одно время. И я все это дѣлаю теперь даже съ охотою»... «Всѣ встрѣчаются со мной, и такъ любопытно глядятъ, какъ на заморскую чучелу. Я сгоряча немного посердился на нихъ за это; но подумалъ, и вышло, что я былъ глупъ. На людей сердиться нельзя, и требовать строго отъ нихъ нельзя; кривое дерево не разогнешь прямо, а въ лѣсу больше криваго и суковатаго, чѣмъ ровнаго. Люди правы: они судятъ по своему. Спасибо и за это, и мнѣ они нравятся въ этихъ странностяхъ».

Къ сожалѣнію, однакоже, это примиряющее расположеніе, эта терпимость къ людямъ не долго удержались въ убѣжденіяхъ Кольцова. Увлеченный идеями кружка своихъ московскихъ друзей, съ которыми мы отчасти уже знакомы изъ біографіи Бѣлинскаго, Кольцовъ попытался и на свою жизнь, и на свою дѣятельность взглянуть съ точки зрѣнія тѣхъ теорій, которыя должны были принести свою пользу въ литературѣ, которыя имѣли значеніе въ исторіи нашего развитія, но, въ тоже самое время, въ примѣненіи къ жизни (особенно къ жизни провинціальнаго уголка) являлись, если не ересью,

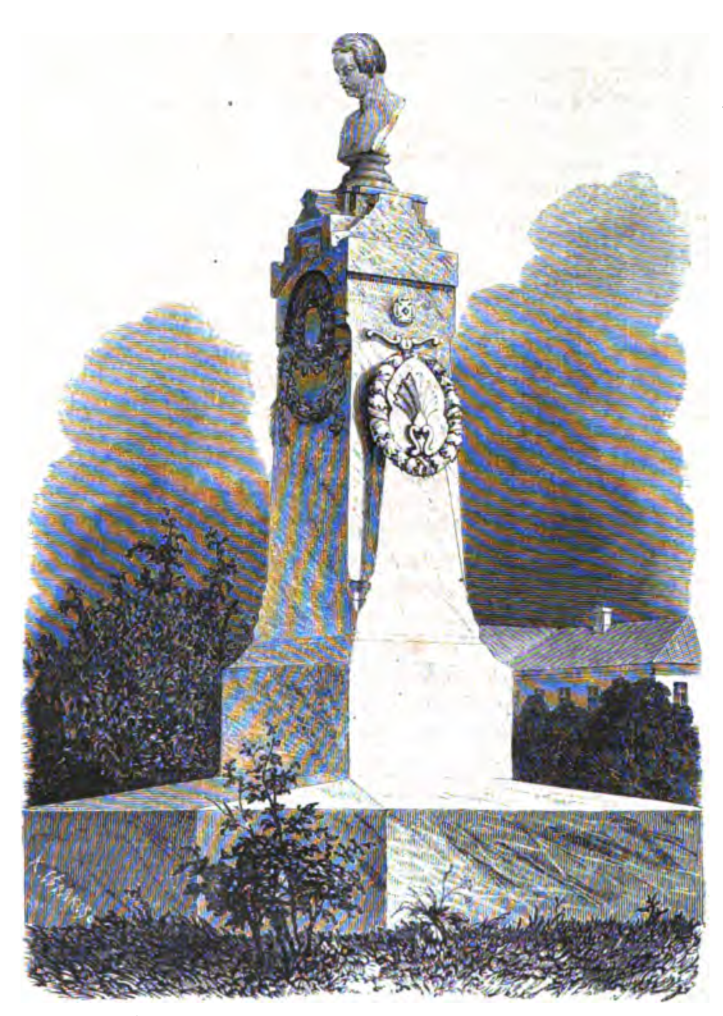
то, по меньшей мѣрѣ, вреднымъ увлеченіемъ и опасною крайностью въ глазахъ всякаго рода положительныхъ, благомыслящихъ, благонамѣренныхъ и практическихъ людей. Когда Кольцовъ принялся за пропаганду идей московскаго кружка въ Воронежѣ, то этимъ самымъ внесъ величайшій разладъ въ свои отношенія къ окружающимъ и въ свою семью... Съ другой стороны, онъ самъ, видя крайній неуспѣхъ своей пропаганды и въ тоже время не переставая увлекаться идеями, положенными въ основаніе ея, сталъ мало по малу ожесточаться противъ всей окружавшей его среды и противъ самой своей дѣятельности. Центръ его нравственнаго тяготѣнія сталъ болѣе и болѣе удаляться отъ Воронежа, отъ торговыхъ дѣлъ и хлопотъ — все опостылѣло ему, кромѣ того избраннаго московскаго кружка друзей, занимавшихся эстетическими теоріями, литературою и разрѣшеніемъ высшихъ нравственныхъ вопросовъ, къ которымъ его постоянно и непреодолимо влекло. «Писать къ вамъ хочется»— такъ писалъ Кольцовъ къ пріятелю въ Москву въ 1838 г. — «а ничего нейдетъ изъ головы. Плоха что-то моя голова сдѣлалась въ Воронежѣ, одурѣла вовсе, и самъ не знаю отчего—не то отъ этихъ дѣлъ торговыхъ, не то отъ перемѣны жизни. Я было такъ привыкъ быть у васъ и съ вами, такъ забылся для всего другаго; а тутъ вдругъ все надобно позабыть, дѣлать другое, думать о другомъ— вѣдь и дѣла торговыя тоже сами не дѣлаются, тоже кой-о-чемъ надобно подумать. Такъ одряхлѣлъ, такъ отяжелѣлъ: право, боюсь, чтобъ мнѣ не сдѣлаться вовсе человѣкомъ матеріальнымъ. Боже избави! ужъ это будетъ весьма рано; не хотѣлось бы это слышать отъ самого себя». Нельзя упустить изъ виду того, что, при подобномъ настроеніи, Кольцовъ не могъ судить справедливо и безпристрастно о тѣхъ людяхъ, которыхъ видѣлъ около себя; есть даже основаніе предположить, что онъ самъ значительно ухудшалъ свое положеніе, удаляясь отъ сношеній со многими даже и весьма хорошими, весьма почтенными людьми, только потому, что расходился съ ними во взглядахъ и убѣжденіяхъ. Не дорожа никакими связями, кромѣ своихъ связей съ московскимъ кружкомъ, Кольцовъ мало по малу оттолкнулъ отъ себя всѣхъ и увидѣлъ себя совершенно одинокимъ, и притомъ еще многихъ противъ себя вооружилъ. Тогда-то, весьма естественно сталъ онъ искать возможности покинуть Воронежъ, сталъ писать друзьямъ своимъ, «что ему тамъ не сдобровать». «Тѣсенъ мой кругъ» — пишетъ онъ въ 1840 г. — «грязенъ мой міръ, горько жить мнѣ въ немъ, и я не знаю, какъ я еще не потерялся въ немъ давно. Какая нибудь добрая сила невидимо поддерживаетъ меня отъ паденія. И если я не перемѣню себя, то скоро упаду; это неминуемо, какъ дважды-два-четыре»... «Здѣсь кругомъ меня—татаринъ на татаринѣ, жидъ на жидѣ, а дѣлъ — берéмя: строю два дома, судебныя дѣла, услуги, прислуги, угожденія, посѣщенія, счеты, разсчеты, брани, ссоры. И какъ еще я пишу? И для чего пишу?—для васъ, для васъ однихъ (т. е. для друзей); а здѣсь я за писанія терплю одни оскорбленія»...

Въ этихъ словахъ, конечно, есть своя небольшая доля преувеличенія: обстановка, окружавшая поэта въ 1836 г., не измѣнилась съ того времени, оставалась тою же самою и въ 1840 году—но взгляды поэта на дѣйствительность измѣнились съ тѣхъ поръ совершенно, и эта перемѣна много принесла ему горя, много и безполезной борьбы, особенно въ семейномъ быту, гдѣ, по замѣчаніи Бѣлинскаго, «Кольцовъ терпѣлъ такъ много отъ близкихъ и кровныхъ (за исключеніемъ матери, принимавшей въ немъ искренное участіе), что страшно и подумать.»

Въ 1840 году, осенью, Кольцовъ побывалъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ прожилъ три мѣсяца съ Бѣлинскимъ. Послѣ этого, онъ уже невыѣзжалъ изъ Воронежа, тѣмъ болѣе, что постоянное недовольство, борьба, хлопоты и непріятности успѣли около этого времени поколебать его сильную натуру, и здоровье его вдругъ ослабѣло. Ко всему остальному прибавилось и еще одно сильное потрясеніе нравственное: по словамъ Бѣлинскаго—«пышнымъ, багрянымъ, но зловѣщимъ блескомъ страстной любви озарился закатъ жизни Кольцова». Женщина, которую полюбилъ въ этотъ разъ Кольцовъ, «была совершенно по немъ: — красавица, умна, образованна, и ея характеръ вполнѣ соотвѣтствовалъ его кипучей, огненной натурѣ. Нужда заставила ее разстаться съ нимъ. До самой послѣдней минуты, изнемогая отъ тяжкой болѣзни и неравной борьбы съ жизнью, бѣдный поэтъ

все еще мечталъ о возможности покинуть Воронежъ, вырваться изъ того заколдованнаго круга, въ который заключала его зависимость отъ отца и отъ дѣлъ. Горькими сомнѣніями и недовѣріемъ къ самому себѣ дышатъ строки одного изъ послѣднихъ его писемъ, писаннаго незадолго до смерти:

«Какъ вы скажете»—спрашиваетъ онъ у друзей своихъ—«удерживаться-ли въ Воронежѣ, дома, бросить-ли все, ѣхать въ Петербургъ? Удержаться дома, — житье-бытье мнѣ будетъ плохое. Но все, какъ ни говори, а со двора меня не сгонятъ»...«Есть еще способъ уладить все—жениться. Но за то надо

Памятникъ Кольцову въ Воронежѣ.

взять тамъ, гдѣ другимъ угодно. Это значитъ пожертвовать собой, сгубить женщину и себя. Ѣхать въ Питеръ — мнѣ не дадутъ для этого ни гроша. Ну, положимъ, найдусь туда пріѣхать... Но, пріѣхавши туда, что я буду дѣлать? Наняться въ прикащики?—не могу; отъ себя заниматься?—не на что. Положить надежду на мои стишонки: что за нихъ дадутъ. И что буду за нихъ получать въ годъ — пустяки; на сапоги, на чай, и только. Талантъ мой — надо говорить правду—особенно теперь, въ рѣшительное время, талантъ мой пустой. Нѣсколько пѣсенокъ въ годъ — дрянь. За нихъ много не дадутъ. Писать въ прозѣ не умѣю, а мнѣ тридцать три года. Вотъ мое положеніе»... Полгода

спустя, въ Октябрѣ 1842, Кольцовъ скончался на тридцать-четвертомъ году!

Кольцовъ не много успѣлъ написать при жизни; изъ этого немногаго, почти все, что было имъ написано до 1830 года, очень несовершенно. слабо и несамостоятельно. Лучшимъ періодомъ его литературной дѣятельности было время отъ 1834—по 1842 г.; въ этомъ періодѣ онъ самъ указывалъ на 1838 годъ, какъ на одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ и притомъ на такой, въ теченіе котораго были имъ написаны лучшія произведенія его. Все, что есть лучшаго у Кольцова, принадлежитъ къ совершенно особому роду, который только при немъ и явился у насъ въ литературѣ, только при немъ получилъ и значеніе:—это *пѣсня*, народная пѣсня, со всею своею сжатостью, со всею силою и выразительностью богатаго языка, и притомъ облеченная въ высоко-художественную форму. Обаяніе народности, производимое пѣсней Кольцова, такъ велико, что ее. почти невозможно читать—ее хочется пѣть. Обаяніе это на столько сильно, что даже странный размѣръ пѣсенъ Кольцова, вовсе несвойственный произведеніямъ народной поэзіи, ненарушаетъ общей гармоніи производимаго ими впечатлѣнія. И что всего важнѣе—такія пьесы, какъ *«Лѣсъ»*, *Пѣсни Лихача Кудрявича*, *Измѣна Суженой*, *Косарь*, *Раздумье Селянина*, *пѣснь Пахаря*, *Хуторокъ* и т. п. — не только принадлежатъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ произведеній русской лирики вообще:—онѣ сверхъ того, являются еще произведеніями, важными въ отношеніи историческомъ, какъ первыя попытки связать въ одно органическое цѣлое нашу искусственную литературу и неистощимо богатую безъискуственную поэзію народа. Съ этой стороны, прекрасныя пѣсни Кольцова особенно много говорятъ сердцу каждаго русскаго человѣка.

Въ заключеніе этой послѣдней главы, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привесть здѣсь тотъ справедливый и оригинальный отзывъ о пѣсняхъ Кольцова, который еще недавно былъ высказанъ однимъ изъ наиболѣе безпристрастныхъ почитателей памяти воронежскаго поэта:

... «Чтобы ни говорили о нестарѣющейся живучести русской простонародной пѣсни, но она видимо дряхлѣетъ и доживаетъ свой послѣдній вѣкъ. Съ новою жизнію, которая ждетъ народъ впереди, явится потребность въ новой поэзіи, потому что старая уже никакимъ образомъ не будетъ удовлетворять его: никакія симпатіи современной науки, никакія реставраціи будущихъ археологовъ не спасутъ отъ смерти теперешнюю народную пѣсню. По вѣчному закону, присущему человѣческой природѣ, не смотря ни на какіе успѣхи цивилизаціи—во имя которыхъ въ настоящее время все изящное и поэтическое считается побрякушками, и самая цивилизація ограничивается единственно матерьяльнымъ довольствомъ, — поэзія и другія изящныя искусства будутъ тѣмъ нужнѣе, тѣмъ необходимѣе, чѣмъ болѣе распространятъ въ массахъ это довольство... На массы же, на весь народъ, всего могущественнѣе дѣйствуетъ пѣсня... Свѣтлый образъ поэта простонароднаго, поэта-пѣсенника — явился намъ впервые въ Кольцовѣ. Чтобы ни случилось, какая бы ломка идей и взглядовъ на простонародность ни произошла, какія бы требованія эта послѣдняя ни заявила,—настанетъ время, когда русскій поэтъ многому долженъ будетъ поучиться у воронежскаго прасола.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ КОЛЬЦОВА.

ДОЛЯ БѢДНЯКА.

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмѣльная —
Не разымчива.
Рѣчи вольныя —
Все какъ связаны;
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва...
Изъ души-ль порой,
Радость вырвется —
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится.
И бѣлъ-ясенъ день
Затуманится;
Грустью черною
Міръ одѣнется.
И сидишь-глядишь,
Улыбаючись;
А въ душѣ клянешь
Долю горькую.

ПЕРВАЯ ПѢСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

Съ радости-веселья
Хмѣлемъ кудри вьются;
Ни съ какой заботы
Они не сѣкутся.
Ихъ не гребень чешетъ —
Золотая доля,
Завиваетъ въ кольцы
Молодецка удаль.
Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ,
По щучью велѣнью,
Все тебѣ готово.
Чего душа хочетъ —
Изъ земли родится.
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползетъ и валится.
Что шутя задумалъ —
Пошла шутка въ дѣло;
А тряхнулъ кудрями —
Въ одинъ мигъ поспѣло.
Не возьмутъ гдѣ лоскомъ,
Возьмутъ кудри силой;
А что худо — смотришь,
По водѣ поплыло!
Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело на бѣломъ
Съ черными бровями!
Во время, да въ пору,
Медомъ рѣчи льются;
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются.
Про тѣ рѣчи, пѣсни
Дѣвушки всѣ знаютъ —
И о кудряхъ зиму,
Ночь не спатъ, гадаютъ.
Честь и слава кудрямъ!
Пусть ихъ волосъ вьется —
Съ ними все на свѣтѣ
Ловко удается!
Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой —
Разливайтесь, пѣсни!
Ходи, парень, браво!

ВТОРАЯ ПѢСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

Въ золотое время
Хмѣлемъ кудри вьются;
Съ горести-печали
Русыя сѣкутся.
Ахъ, сѣкутся кудри!
Любитъ ихъ забота.
Полюбитъ забота
Не чешетъ и гребень!
Не родись въ сорочкѣ,
Не родись таланливъ;
Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ.
Вѣкъ прожить — не поле
Пройти за сохою;
Кручину, что тучу
Не уноситъ вѣтромъ.
Зла бѣда, не буря —
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору!
Отъ ея напасти
Не уйдти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ;
Чуешь только сердцемъ:
Придетъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ.
И щемитъ и ноетъ,
Болитъ ретивое;
Все — изъ рукъ вонъ — плохо
Нѣтъ ни въ чемъ удачи.
То — скосило градомъ,
То — сняло пожаромъ.
Чистъ кругомъ и легокъ,
Никому не нуженъ...
Къ старикамъ на сходку
Выйдти приневолятъ —
Старыя лаптишки
Безъ онучь обуешь,
Кафтанишка рваный
На плечи натянешь,
Бороду всклокатишь,
Шапку нахлобучишь,
Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи...
Пусть не видятъ люди
Прожитова счастья.

ПОРА ЛЮБВИ.

Весною степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана.
Вся птичками летучими,
Пѣвучими полнымъ-полна;
Поютъ онѣ и день, и ночь.
То пѣсенки чудесныя!
Ихъ слушаетъ красавица,
И смысла въ нихъ не вѣдаетъ,
Въ душѣ своей не чувствуетъ,
Что пѣсни тѣ волшебныя!
Въ нихъ сила есть любовная...
Любовь — огонь; съ огня — пожаръ...
Не слушай ихъ, красавица,
Пока твой сонъ, сонъ дѣвичій,
Спокоенъ, тихъ до утра-дня!
Какъ-разъ бѣду наслушаешь:
Въ цвѣту краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорѣй платка износится.
Стоитъ она, задумалась,
Дыханьемъ чаръ овѣяна —
Запала въ грудь любовь-тоска,
Нейдетъ съ души тяжелый вздохъ;
Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая —
Песку со дна не выкинетъ;
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ туманъ...
Смеркаетъ степь, горитъ заря....
Весной, въ рѣкѣ, при мѣсяцѣ,
Поитъ коня дѣтинушка,
Самъ думаетъ онъ думушку
Про дѣвицу завѣтную:
«Четвертый годъ, какъ я люблю
Меньшую дочь сосѣдскую.
Пойдешь за ней на улицу,
Затѣешь рѣчь сторонкою —
Такъ, нѣтъ, куда! сидитъ, молчитъ...
Пошлешь къ отцу посвататься —
Сѣдой старикъ спѣсивится:
Нельзя никакъ — жди череду.
«Болитъ моя головушка,
Щемитъ въ груди ретивое,
Печаль моя всесвѣтная;
Пришла бѣда незваная,
Какъ съ плечь свалить — не знаю самъ.
И сила есть — да воли нѣтъ;
Наружѣ кладъ — да взять нельзя:
Заклялъ его обычай нашъ;
Ходи, гляди, да мучайся,
Толкуй съ башкой порожнею...
Возьму-жь я ржи двѣ четверти,
Поѣду-жь я на мельницу;
Про мельника слухъ носится,
Что мастеръ онъ присушивать.
Скажу ему: «Иванъ Кузмичь!
Къ тебѣ нужда есть кровная.
Возьми съ меня, что хочешь ты,
Лишь сдѣлай мнѣ — по-своему.»
Въ селѣ весной при мѣсяцѣ,
Спокойно спитъ крещоный міръ;
Вдоль улицы нашъ молодецъ
Идетъ самъ-другъ съ сосѣдкою;
Промежь себя ведутъ они
О чемъ-то рѣчь хорошую.
Даетъ онъ ей съ руки кольцо -
У ней беретъ себѣ въ обмѣнъ;
А не былъ онъ на мельницѣ,
Иванъ Кузьмичь не грѣшенъ тутъ.
Ахъ, степь, ты степь зеленая,
Вы, пташечки пѣвучія,
Разнѣжили вы дѣвицу.
Отбили хлѣбъ у мельника!
У васъ весной присуха есть,
Сильнѣй присухъ нашептанныхъ. .

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

863. Братья первоучители отправляются въ Моравію.

855. По преданію, годъ изобрѣтенія св. Кириломъ азбуки Славянской.

869. Умираетъ св. Кирилъ-первоучитель.

892—927. Вѣкъ царя Симеона Болгарскаго.

1036. Л. Жидята поставленъ епископомъ Новгородскимъ.

1046. Подъ этимъ годомъ упоминается въ Новгородской лѣтописи о Садкѣ.

1051. Иларіонъ поставленъ митрополитомъ Кіевскимъ.

1056—1057. Годъ написанія Остромирова евангелія.

1062. Ѳеодосій Печерскій избранъ въ игумны.

1073. Несторъ приходитъ въ обитель Кіево-Печерскую.

1091. Нестору поручено отыскать мощи св. Ѳ. Печерскаго.

1104—1121. Никифоръ митрополитъ Кіевскій.

1113. Послѣдній годъ, упоминаемый въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ».

1122. Битва при Калкѣ. Упоминаются убитыя въ ней богатыри: Алеша Поповичъ со слугою Торопомъ, Добрыня и другихъ богатырей семьдесятъ.

1182. Около этого года ум. К. Туровскій.

1188. Около этого года есть упоминанія въ лѣтописи объ Ильѣ Муромцѣ.

1215. Симонъ, монахъ кіево-печерскій, поставленъ епископомъ Владимірскимъ. Ум. въ 1226 г.

1274. Серапіонъ поставленъ въ епископы Владимірскіе изъ архимандритовъ Кіево-печерскихъ. Ум. въ 1275 г.

1380. Битва на Куликовомъ полѣ.

1400. Посланіе св. Кирилла къ вел. кн. Василію Дмитріевичу.

1410—1515. Жизнь и дѣятельность Іосифа Санина, игумена Волоколамскаго монастыря.

1448—1461. Посланіе митрополита Іоны къ Дмитрію Шемякѣ, потомъ къ Новгородцамъ, Псковичамъ и Вятчанамъ.

1464—1474. Посланія митрополита Филиппа I къ Новгородцамъ о покорности Іоанну III, и къ Іоанну III — о прощеніи Новгородцамъ ихъ винъ.

1480. Соборное посланіе духовенства на Угру къ Іоанну III; посланіе къ нему же Вассіана, архіепископа Ростовскаго.

1480—1556. Жизнь и дѣятельность Максима Грека. Онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1518. Осужденъ, какъ еретикъ, на соборѣ 1525 года.

1485—1504. Дѣятельность Геннадія, архіеп. Новгородскаго. Посланіе его къ митрополиту моск. Симону о школахъ.

1492. Ожиданія кончины міра и пришествія Христова.

1499. Составленіе перваго полнаго списка Библіи (Геннадіемъ, въ Новѣгородѣ).

1503. Соборъ, на которомъ поднятъ вопросъ о владѣніяхъ монастырскихъ (земляхъ и селахъ); Іосифъ Волоколамскій отстаиваетъ владѣніе, Нилъ Сорскій вооружается противъ него.

1504. Соборъ, осудившій ересь жидовствующихъ.

1542. Макарій, архіепископъ новгородскій, возведенъ въ санъ митрополита московскаго. Макарьевскія Четьи-Минеи.

1548. Царь Іоаннъ Васильевичъ выписываетъ изъ Германіи типографщиковъ.

1551. Стоглавый Соборъ или Стоглавникъ.

1564. (1 Марта) — окончено печатанье первой русской книги (Дѣянія Апостольскія и соборныя посланія апостола Павла).

1565. Вторая печатная русская книга (Часовникъ).

1563—1579. Переписка Іоанна Грознаго съ Курбскимъ.

1568. Въ Москвѣ напечатана псалтирь какимъ-то Андроникомъ Невѣжею.

1580. Кн. Константинъ Острожскій заводитъ въ г. Острогѣ первое высшее православное училище.

1581. Первая полная славянская библія, напечатанная въ г. Острогѣ Иваномъ Ѳеодоровымъ.

1589. Кіевское братство учреждаетъ подобное же училище при церкви Богоявленія.

1591. Издана въ Львовѣ грамматика «Эллино-славянская» студентами тамошняго братскаго училища.

1596. Торжественное провозглашеніе Уніи.

1596. Лавр. Зизаній изд. первую славянск. грамматику. За нимъ Мелетій Смотрицкій, архіепископъ полоцкій, изд. вторую грамматику славянскую, которая перепечатана въ Москвѣ въ

1648 и употреблялась въ русскихъ школахъ какъ руководство до Ломоносова.

1597—1646. Жизнь и дѣятельность Петра Могилы.

1631. Братское училище въ Кіевѣ, преобразуемое при помощи Петра Могилы въ «Кіево-Могилянскую Коллегію». 1707 г. переименована въ Кіево-Могилянскую Академію.

1633. Патріархъ Филаретъ заводитъ первое высшее училище при Чудовомъ монастырѣ подъ названіемъ чудовской или греколатинской школы.

1637. Иванъ Дорнъ и Богданъ Лыковъ, по указу государеву переводятъ полную космографію съ латинскаго языка.

1639. Ученому Голштинцу Адаму Олеарію дана опасная грамота на пріѣздъ въ Россію.

1642—1652. Время патріаршества Іосифа, въ теченіе котораго печатныя книги подвергаются значительной порчѣ и важнымъ искаженіямъ.

1645. Крижаничъ пріѣзжаетъ въ Москву. 1660 г. по неизвѣстной причинѣ сосланъ въ Тобольскъ.

1649. Бояринъ Ртищевъ основываетъ еще одно училище при Андреевскомъ монастырѣ и рѣшается вызвать для обученія юношества нѣкоторыхъ ученыхъ кіевскихъ.

1652. Никонъ (изъ Новгородскихъ митрополитовъ) возведенъ въ патріаршескій санъ. 1654, 1655 и 1656 - онъ собираетъ соборы по поводу исправленія книгъ; новыя книги печатаютъ, а старыя отбираютъ.

1656—1676. Мятежъ въ Соловецкомъ монастырѣ и осада монастыря.

1665. Симеонъ Полоцкій пріѣзжаетъ въ Москву. 1672 онъ назначенъ въ воспитатели къ Царевичу Ѳеодору Алексѣевичу.

1666—1667. Окончена Котошихинымъ книга «о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича».

1670—1726. Жизнь и дѣятельность И. Т. Посошкова.

1673. Прибытіе въ Москву нѣмецкой труппы Готфрида Ягана. Бояринъ Матвѣевъ собираетъ первую русскую труппу изъ мѣщанскихъ дѣтей.

1678. Сочиненія С. Полоцкаго: Риѳмологіонъ и Вертоградъ многоцвѣтный. 1680—Переводъ Псалтыри силлабическими виршами.

1679. Основаніе Типографскаго училища.

1681—1736. Жизнь и дѣятельность Ѳеофана Прокоповича. 1706 — первое знакомство съ Петромъ. 1716 — Ѳеофанъ вызванъ въ Петербургъ. 1719 — составляетъ Дух. Регламентъ.

1685. Основаніе духовной славяно-греко-латинской академіи при московскомъ Заиконоспасскомъ монастырѣ.

1685—1750. Жизнь и дѣятельность Татищева. 1733—«Духовное завѣщаніе».

1690. Патріархъ Іоакимъ убѣждаетъ царей Іоанна и Петра I, изгнать изъ Россіи всѣхъ иностранцевъ, какъ враговъ Божіихъ.

1703. Первыя въ Россіи «Русскія Вѣдомости».

1704—1769. Жизнь и дѣятельность Тредіаковскаго. 1726—1729 путешествуетъ за границей; 1731 — поступаетъ переводчикомъ въ Академію Наукъ. 1735 — изд. «Новый и краткій способъ къ сложенію стиховъ россійскихъ». 1745—1759 служитъ профессоромъ при Академіи.

1708—1744. Жизнь и дѣятельность Кантемира. 1727 печатаетъ первый свой литературный трудъ «Симфонію на Псалтирь». 1731 назначенъ резидентомъ въ Лондонъ (до отъѣзда въ Лондонъ написаны пять сатиръ). Съ 1738 и до конца жизни—посломъ при французскомъ дворѣ.

1711—1765. Жизнь и дѣятельность Ломоносова. 1729 (?) бѣгство въ Москву. 1731 – 1736 обучается въ Спасскихъ школахъ. 1736 — 1741 обучается за границей. 1742—назначенъ адъюнктомъ въ Академію. 1745 — Ломоносовъ профессоръ. 1749 — сближеніе съ И. И. Шуваловымъ. Съ 1755—Ломоносовъ совѣтникъ академической канцеляріи; въ тоже время принимаетъ въ свое вѣдѣнье академическую гимназію и университетъ, а позже и географическій департаментъ.

Произведенія его: 1739—1740 — первыя оды и «письмо о правилахъ россійскаго стихотворства». 1746 — «Риторика»; 1748 — «разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ». 1751 — Темира и Селимъ (трагедія); 1752 — Демофонтъ (трагедія); 1749 — Похвальное слово Елисаветѣ; 1755 — Петру Великому; 1755—Россійская грамматика; 1757 — поэма Петръ Великій (двѣ пѣсни).

1717. Переводъ книги астронома Гюйгенса, изъ кот. Русскіе получаютъ первое понятіе о системѣ Коперника.

1724. Указъ объ учрежденіи Акад. Наукъ.

1717—1777. Жизнь и дѣятельность Сумарокова. 1740 — первая ода (еще на школьной скамьѣ). —1747 – Хоревъ. 1848 — Гамлетъ. 1755—1761 Сумароковъ директоръ театра. — 1759— издаетъ «Трудолюбивою Пчелу».

1728. Миллеръ начинаетъ издавать литературныя Примѣчанія къ Спб. Вѣд.

1729—1796. Жизнь и дѣятельность Императр. Екатерины II. 1744—пріѣздъ въ Россію. 1768 — Наказъ. 1782 — Сказки. 1784 — Инструкція Салтыкову. 1772 — 1790. Драматическія произведенія (комедіи, оперы, пословицы). 1783. Были и Небылицы.

1733—1807. Жизнь и дѣятельность Хераскова. 1778—1802. Херасковъ курат. Московскаго университета. 1755—печатаетъ первые литературные опыты въ «Ежемѣс. сочиненіяхъ». 1768—«Нума Помпилій или процвѣтающій Римъ». 1771—начата, а въ 1779 окончена «Россіяда». 1786—«Владиміръ».

1743—1816. Жизнь и дѣятельность Державина. 1772—1776. Участіе въ усмиреніи Пугачевскаго бунта. 1779—печатаетъ первыя стихотворенія свои въ С.-Петерб. Вѣстникѣ. 1782 - Фелица; 1785 — «Богъ», «Видѣніе Мурзы». 1790 — отношенія къ Потемкину и Зубову. 1791 — Державинъ статъ-секретарь. 1803—Д. въ отставкѣ. 1811—основыв. съ Шишковымъ «Бесѣду любителей р. слова» 1815 — встрѣча съ Пушкинымъ на экзаменѣ въ Царск. лицеѣ.

1743—1803. Жизнь и дѣятельность Богдановича. 1765—первая оригинальная поэма (Сугубое Блаженство). 1775—Душенька. 1785 — Собраніе Русскихъ пословицъ.

1744—1784. Жизнь и дѣятельность Хемницера. 1778 издаетъ въ свѣтъ свои басни, безъ имени.

1744—1818. Жизнь и дѣятельность Новикова. 1772—«Опытъ Истор. Словаря о россійск. писателяхъ.» 1778—1788 Н. содержитъ на откупу университетскую типографію. 1782 основываетъ Дружеское ученое общество, а 1784—Типографическую компанію».

1744—1792. Жизнь и дѣятельность Ф. Визина. 1759—переводитъ басни Гольберга. 1766—Бригадиръ. 1782—Недоросль. 1783 — Всеобщая придворная грамматика и «Вопросы».

1746. Основаніе Θ. Г. Волковымъ (р. 1729, ум. 1763) театра въ Ярославлѣ.

1755. Учрежденіе Московскаго университета и при немъ благороднаго пансіона.

1755. Миллеръ начин. печатать при академіи «Ежемѣсячн. сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія».

1756. Основаніе русскаго театра въ Петербургѣ.

1760. При шляхетн. кадетск. корп. издается «еженедѣльникъ»—Праздное время въ пользу употребленное». Около тогоже времени при Московскомъ универс. журналы: «Полезное увеселеніе» и «Свободные часы»(1762—1768); Невинное упражненіе и Доброе намѣреніе (1763—1764). Тамъ же и журналъ Рейхеля: Собраніе лучш. сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія».

1769—1774. Сатирическіе журналы: 1) Всякая Всячина; 2) И то, и сё (И. Д. Чулкова): 3) Ни то, ни сё (Рубана); 4) Поденьшина (В. Тузова); 5) Смѣсь. 6) Трутень (Н. Новикова); 7) Адская Почта (Θ. Эмина); 1770—Парнасской Щепетильникъ (Чулкова); Пустомеля; Трудолюбивый Муравей (В. Рубана); 1772—1773. Вечера; «Мѣшенина и Живописецъ (Н. Новикова). 1774. «Кошелекъ».

1760—1837. Жизнь и дѣятельность Дмитріева, 1777—первый стихотворный опытъ—1791—«Голубка», «Модная жена» и друг. удачныя стихотворенія, помѣщ. въ Моск. Журналѣ. 1794 — Чужой Толкъ, Ермакъ, Воздушныя башни и т. д. 1795 — И мои безделки. — 1802. Участіе въ Вѣстникѣ Европы.

1766—1826. Жизнь и дѣятельность Н М. Карамзина. 1783, первый литерат. опытъ (Геснерова идиллія — Деревянная нога). 1785—1789 участіе въ Дѣтскомъ чтеніи и переводная дѣятельность для Новиковскаго кружка. 1789 поѣздка за границу. 1791—1792 Московскій журналъ. 1794—1796 Мои безделки. Аглая (въ двухъ частяхъ). 1796—99. Аониды (три части). 1798.—Пантеонъ иностранной словесности. 1801—1803 — Вѣстникъ Европы. 1803—Карамзинъ исторіографъ. 1816—Карамзинъ уѣзжаетъ въ Петербургъ и привозитъ восемь томовъ своей исторіи. 1818—Исторія Государства Россійскаго напечатана.

1768—1844. Жизнь и дѣятельность Ивана Андреевича Крылова. 1783—88, первые литературные опыты (Кофейница; трагедіи: Филомела и Клеопатра). 1789—издаетъ «Почту Духовъ»; 1792—журналъ Зритель; 1793 — Петербургскій Меркурій; 1803—4: Комедіи — Бѣшеная семья, Проказники, Сочинитель въ прихожей. 1797—1803—шуто-трагедія Трумфъ и комедія Пирогъ. 1805—переводъ первыхъ трехъ басенъ изъ Лафонтена. 1807 — двѣ комедіи: Модная Лавка и Урокъ Дочкамъ, и волшебная опера Илья Богатырь. 1808—семнадцать басенъ Крылова въ «Драматическомъ Вѣстникѣ» кн. А. А. Шаховского. Въ теченіи сорока лѣтъ (отъ 1805—1844) Крыловымъ написано до 200 басень. 1838—отпразднованъ юбилей литературной дѣятельности Крылова.

1770—1816. Жизнь и дѣятельность В. А. Озерова. 1794—первый литературный опытъ (переводъ ироиды Колардо). 1798—первая трагедія Озерова (Ярополкъ и Олегъ) на сценѣ. 1804—Эдипъ въ Аѳинахъ. 1805—Фингалъ. 1807—Дм. Донской; 1809 — Поликсена.

1783—1852. Жизнь и дѣятельность Жуковскаго. 1797 — первые литературные опыты. 1800—1802 — первые прозаическіе переводы. 1806—пѣснь Барда на гробѣ Славянъ побѣдителей. 1808—

1810 — изданіе Вѣстника Европы. 1810 — 1811 — Двѣнадцать спящихъ дѣвъ; Свѣтлана. 1812 — Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ. 1814 — «Посланіе Императору Александру I» и «Пѣвецъ въ Кремлѣ. 1815—1818. Арзамасскія шалости. 1821 — переводъ «Шильонскаго узника»; баллады; «Орлеанская Дѣва». 1831 — сказки. 1832 — 1836. Ундина. 1837 – 1840. Наль и Дамаянти. 1846 — Напечатанъ переводъ Одиссеи. 1849 — Рустемъ и Зорабъ». 1849 — отпразднованъ юбилей литературной дѣятельности Жуковскаго.

1787—1855. Жизнь Батюшкова (1820 годъ былъ послѣднимъ годомъ его литературной дѣятельности; съ 1822 — 1855 онъ находился въ умопомѣшательствѣ). 1805—первые литературные опыты (мелкія стихотворенія въ журналахъ). 1806—1808. Батюшковъ въ ополченіи (въ Пруссіи); 1808 - 1809—Батюшковъ въ Финляндіи. 1809—1810 — Участіе Батюшкова въ Вѣстникѣ Европы. 1813 — 1814. Батюшковъ въ Германіи и Парижѣ, а потомъ въ Англіи и Швеціи. 1817 — Батюшковъ выдаетъ въ свѣтъ полное собраніе своихъ сочиненій. 1818 — уѣзжаетъ изъ Россіи въ Италію.

1795—1829 Жизнь и дѣятельность Грибоѣдова. 1810 Грибоѣдовъ поступаетъ въ Университетъ. 1812 1816—Грибоѣдовъ въ военной службѣ. 1817—опредѣляется на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. 1816 — первые драматическіе опыты. 1818 — отправляется секретаремъ посольства въ Персію. 1821 — 1823 — Горе отъ ума. 1826 — 1828 — служба при Ермоловѣ и Паскевичѣ. 1828 (апрѣль) — назначеніе Грибоѣдова полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ. Въ томъ же году написана романтическая драма: «Грузинская ночь». 1829 (въ началѣ) Грибоѣдовъ убитъ.

1796—1846. Жизнь и дѣятельность Н. А. Полевого. 1817 — первая печатная статья. 1822 году предается вполнѣ литературной дѣятельности. 1824 — 1834 издаетъ Московскій Телеграфъ. 1826 — Исторія Русскаго Народа. 1836 — переселяется въ Петербургъ изъ Москвы.

1799—1837. Жизнь и дѣятельность Александра Сергѣевича Пушкина. 1811 опредѣленъ въ Царскосельскій Лицей. 1814 — первые стихотворные опыты лицеиста Пушкина въ печати. 1815—встрѣча съ Державинымъ на экзаменѣ. 1817 — выпущенъ изъ Лицея. 1819 — окончена первая поэма (Русланъ и Людмила). 1820 — 1824 — пребываніе на югѣ (въ Кишиневѣ и Одессѣ). 1820 - Пушкинъ посѣщаетъ Кавказъ и Крымъ. 1821 (въ февралѣ) оконченъ Кавказскій плѣнникъ. Между 1821—1823 гг. написаны поэмы: Бахчисарайскій Фонтанъ, Братья-Разбойники и Цыганы. 1823 (въ іюлѣ) Пушкинъ переведенъ на службу въ Одессу (изъ Кишинева). Здѣсь начатъ «Евгеній Онѣгинъ». 1824 (въ іюлѣ же) Пушкинъ уволенъ отъ службы и мѣстомъ жительства ему назначено с. Михайловское. 1824 — 1826 годъ — пребываніе въ Михайловскомъ. 1825 — Борисъ Годуновъ и Графъ Нулинъ. 1826 (осенью) Пушкинъ получаетъ разрѣшеніе на житье въ Москвѣ; 1827 (весною) - на въѣздъ въ Петербургъ. 1827 — (лѣтомъ и осенью) написана повѣсть «Арапъ Петра Великаго». 1828 (октябрѣ)—Полтава. 1829 (весна и лѣто)—«Путешествіе въ Арзерумъ». 1830 (во время пребыванія въ Болдинѣ) — оконченъ Евгеній Онѣгинъ; написаны, кромѣ того: Домикъ въ Коломнѣ, Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Каменный Гость» и «Пиръ во время Чумы»; «повѣсти Бѣлкина» и «Лѣтопись села Горохина». 1831 (февраля)—женитьба Пушкина. 1831 (осенью) Пушкинъ снова зачисленъ на службу. 1832—1833 (зимою) занятія въ архивѣ, и результатъ ихъ: Исторія Пугачевскаго бунта и Капитанская дочка. 1833 (осенью, въ Болдинѣ)—«сказка о Рыбакѣ и Рыбкѣ», «Мѣдный Всадникъ». 1833 (декабря 21) Пушкинъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. 1836 (марта) — выходитъ въ свѣтъ первая книжка Пушкинскаго Современника. 1837, января 27-го, дуэль съ Дантесомъ, на которой Пушкинъ смертельно раненъ.

1801 1848. Жизнь и дѣятельность Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. 1825 поступаетъ въ Пензенскую гимназію. Печатаетъ первыя статьи въ Молвѣ. 1834—36 участіе въ Телескопѣ (первый періодъ дѣятельности — подъ вліяніемъ Шеллинга). 1838—1841 участіе въ Московскомъ Наблюдателѣ и начало сотрудничества въ Отечественныхъ Запискахъ (второй періодъ дѣятельности, подъ вліяніемъ Гегеля). 1841—1847 участіе въ Отечеств. Запискахъ и Современникѣ (послѣдній и лучшій періодъ дѣятельности).

1809—1842. Жизнь и дѣятельность А. В. Кольцова. 1831 первая поѣздка въ Москву и сближеніе съ Станкевичемъ. 1835 — первыя стихотворенія Кольцова, напечатанныя отдѣльной книжкой, на счетъ Станкевича. 1836—сближеніе съ Бѣлинскимъ. 1834—1842 лучшій періодъ дѣятельности литературной.

1809—1852. Жизнь и дѣятельность Николая Васильевича Гоголя. 1821 г. въ маѣ, вступаетъ въ гимназію высшихъ наукъ Безбородки, въ Нѣжинѣ. 1828 года кончаетъ курсъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ. 1829 — переселеніе въ Петербургъ и первая поѣздка за границу (въ Любекъ). Въ томъ же году — первые (стихотворные опыты Гоголя напечатаны. 1830—1831 — «Вечера на Хуторѣ близь Диканки» 1834 — 1835. Научныя занятія и профессорство Гоголя. 1834 — «Арабески» и «Миргородскія повѣсти». Къ тому же періоду (1832 - 1835 г.) относятся всѣ комедіи Гоголя. 1836 — «Ревизоръ» на сценѣ. Въ томъ же году — отъѣздъ за границу и начало скитаній по Европѣ. 1837—Гоголь принимается за «Мертвыя души»; первая часть ихъ выходитъ въ свѣтъ въ 1842 г.—Въ 1847 г.—«Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». 1848 — Странствованье Гоголя въ Іерусалимъ и возвращеніе въ Россію.

1814—1841. Жизнь и дѣятельность Михаила Юрьевича Лермонтова. 1826—опредѣленъ въ университетскій благородный пансіонъ, въ Москвѣ. 1831 — исключенъ изъ университета. 1832 — 1834 — пребываніе Лермонтова въ юнкерской школѣ въ Петербургѣ. Первыя лирическія произведенія относятся къ 1828 году; первое печатное произведеніе (Хаджи Абрекъ), противъ воли автора явилось въ свѣтъ въ 1835. Между 1829 — 1834 написана поэма Демонъ. 1837 (въ февралѣ) — первая ссылка Лермонтова на Кавказъ. Въ томъ же году пѣснь о купцѣ Калашниковѣ. 1839 — поэма Мцыри, и Герой нашего времени. 1840 (февраль) дуэль съ Барантомъ и вторичная ссылка на Кавказъ. Тогда же напечатано первое полное собраніе стихотвореній.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ЗАГЛАВІИ.

— КОНЕЦЪ. —